

БЫЛЫЕ ГОДЫ. 2023. 18(2)
ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Учредитель и издатель –
Cherkas Global University, США

Журнал включен в базу
Scopus,
Web of Science,
Directory of Open Access Journals,
Open Academic Journals Index

Адрес для писем:
1717 N Street NW, Suite 1, Washington,
District of Columbia, USA 20036

Тел.: +1 202 8437792 (США)

E-mail: bg.editor@cherkasgu.press
Сайт журнала: <https://bg.cherkasgu.press>

Выходит с 2006 г.
Периодичность – 1 раз в 3 месяца

Редакционный совет:

- С. И. ДЕГТЯРЕВ (г. Сумы, Украина)
гл. редактор – д-р ист. наук
- Д. ДАРОВЕЦ (г. Венеция, Италия)
- П. ДЖОЗЕФСОН (г. Вотервилль, США)
- Е. Ф. КРИНКО (г. Ростов-на-Дону, Россия)
- Р. МАРВИК (г. Ньюкасл, Австралия)
- Р. В. МЕТРЕВЕЛИ (г. Тбилиси, Грузия)
- Б. Н. МИРОНОВ (г. Санкт-Петербург, Россия)
- Дж. САНБОРН (Пенсильвания, США)
- В. САНДЕРЛЭНД (г. Цинциннати, США)
- С. Г. СУЛЯК (г. Тирасполь, Молдавия)
- Г. ЧЖАН (г. Чанчунь, Китай)
- Ф. Б. ШЕНК (г. Базель, Швейцария)
- М. ШМИГЕЛЬ (г. Банска Быстрица, Словакия)

Подписано в печать 01.06.2023 г.

Заказ № 74.

Редактор, корректор,
редактор-переводчик В.С. Молчанова
Технический редактор, электронная
поддержка Н. А. Шевченко

На обложке слева направо:
Князь Владимир Мономах, в центре Император Николай II, княгиня Ольга
В нижней части обложки: герб Черноморской губернии
и фотография «Виды Российской империи. Хабаровск»

BYLYE GODY. 2023. 18(2)
HISTORICAL JOURNAL

Publisher –
Cherkas Global University, USA

This journal is listed in
Scopus,
Web of Science,
Directory of Open Access Journals,
Open Academic Journals Index

Postal Address:
1717 N Street NW, Suite 1, Washington,
District of Columbia, USA 20036

Тел.: +1 202 8437792 (USA)

E-mail: bg.editor@cherkasgu.press
Website: <https://bg.cherkasgu.press>

Issued from 2006
Publication frequency – once in 3 months

Editorial Board:

S. I. DEGTYAREV (SUMY, UKRAINE)
Editor in Chief – Dr. (History)

D. DAROVEC (VENICE, ITALY)

P. JOSEPHSON (WATERVILLE, USA)

E. F. KRINKO (ROSTOV-ON-DON, RUSSIA)

R. MARKWICK (NEWCASTLE, AUSTRALIA)

R. V. METREVELI (TBILISI, GEORGIA)

B. MIRONOV (ST. PETERSBURG, RUSSIA)

J. SANBORN (PENNSYLVANIA, USA)

W. SUNDERLAND (CINCINNATI, USA)

S.G. SULYAK (TIRASPOL, MOLDOVA)

G. ZHANG (CHANGCHUN, CHINA)

F. B. SCHENK (BASEL, SWITZERLAND)

M. SMIGEL (BANSKA BYSTRICA, SLOVAKIA)

Approved for printing 6/01/2023

Order № 74.

Editor, Proofreader
editor-translator
V. S. MOLCHANOVA

Technical Editor, Electronic support by
N. A. SHEVCHENKO

On the cover page from left to right:
Prince Vladimir Monomakh, the Emperor Nicholas II is in the centre, the Princess Olga
At the bottom of the cover page: Chernomorskaya Gubernia (Black Sea Province) emblem
and photo “Views of the Russian Empire. Khabarovsk”

C O N T E N T S

ARTICLES

Monastic Land Tenure in the Middle Sejm in the 17th century S.I. Degtyarev, E.M. Osadchij, A.V. Honcharenko	515
The Rural Population of the Historical Region of the Belgorod Line in the Context of the Economic Development of the Territories of the “Wild Field” in the XVII-XVIII centuries D.A. Lyapin, N.A. Zhiron	525
Mongolian Military-Political Factor in the History of Buddhism in Tibet M.S. Ulanov, V.N. Badmaev, A.A. Andreeva	536
Economic Crimes in the Positive and Customary Law of the Ural Peoples in the XVII – first half of the XVIII centuries O.A. Plotskaya, K.K. Atabekov, N.S. Grudinin, R.M. Zhiron	544
Power, Society, and the State in the Board Games of the French Revolution T.M. Demicheva	553
Mastering of Traditional Waterways of Kazakhs Zh.M. Terekbayeva, A.K. Beisegulova, K.B. Baudiyarova, A.S. Yessenamanova	565
The Specifics of the Population of the Villages of the Kuban Sub-Regions: Chernomorriya, Staraya Liniya and Zakubanye S.L. Dudarev, N.S. Kovalenko, S.N. Ktitorov, A.L. Pelikh	577
Institutional Features and Structural Organization of the Kyiv Theological Academy (1819–1924) A.E. Lebid	589
Prerequisites for the Creation and General Characteristics of N.N. Novosiltsev's Constitutional Project of 1820 I.S. Denisov, A.T. Altybaeva, R.M. Allalyev, I.N. Kuksin	601
“Archaeology in a Broad Sense Contains a Source of Knowledge of National Identity” (I.E. Zabelin on the Tasks of Archaeology (based on Archival Materials)) Yu.G. Kokorina, U.I. Abdullayev, M.M. Vagabov, V. Kozukhov	609
Captives, Slaves, Freeman: Some Aspects of the 19th century Central Asia Former Russian Slaves’ Testimonies as a Historical Source A.Yu. Peretyatko	619
The Development of the Oil Refining Industry in Transcaucasia at the turn of the XIX-XX centuries. Historical Experience and Modern Assessments G.F. Yakubova, I.M. Vanchugov, R.A. Shestakov	633
The Concept of Teaching Archaeology by I.E. Zabelin Yu.G. Kokorina, S.N. Khanbalaeva, U.I. Abdullayev, M.M. Vagabov	650
Medical and Cultural Narratives and Practices of the Russian Empire in the Kazakh Steppe (19th century) I.V. Krupko, S.A. Ashimova, R.D. Kubeyev	662
To the History of the Russian Fortification of Gagra (1830–1854) K.V. Taran, S.D. Ludwig, A.A. Korolev, N.M. Pestereva	671
The Contribution of Merchants to the Formation of the System of Female Education in the Russian Province (based on the Materials of Vologda Province in the Second Third of the 19th century) I.I. Leyman	685

“This is a Nice Name. It is Known from the Days of Funding”: about V.A. Kokorev's Drinking Projects (1840–1860s) N.Ye. Goryushkina	694
The Chingizid States in the Works of General G.E. Katanaev N.S. Lapin, K.G. Akanov	703
Krasnoyarsk Volunteer Fire Society in the second half of the 19 th – early 20 th centuries O.M. Dolidovich, E.N. Starovoitova, L.E. Marinenko	712
A.L. Zakharenko – Researcher of Siberia and Kazakhstan in the second half of the 19th century R.Zh. Kilash, G.E. Otepova, G.A. Khamitova	722
Religious Sectarianism at the turn of the XIX–XX centuries: the Historical Form of Religious Extremism (on the Example of the Yenisei Province) T.V. Izluchenko, D.N. Gergilev, E.A. Akhtamov, A.A. Gruzdev	734
The Sober Movement and the Activity of the Orthodox Clergy in the Struggle for the Piety of the Flock in the second half of the XIX – early XX centuries (on the Example of the Penza Province) S.V. Belousov, O.V. Kolpakova, A.R. Mere	745
Russian Merchant Shipping in Manchuria in the late 19 th – early 20 th centuries I.R. Hamzin, R.T. Ganiev, A.V. Kochnev	755
The Problem of Autonomization of Territorial Units in the Russian Empire. Content of Public Discussions of the XIX – beginning of the XX centuries E.E. Kochetkov, A.A. Niklaus	767
To the Issue of the Periodical Press of the Kharkiv Educational District in 1860–1917 A.M. Mamadaliev, V.S. Nikitina, N.V. Svechnikova, I.Yu. Cherkasova	781
At the Dawn of Emancipation: Penza Province before and after M.E. Saltykov (Shchedrin) O.A. Sukhova, A.A. Timakova	789
The Development of the System of Public Education in Tambov Province in the second half of the XIX – early XX centuries. Part 1 G. Rajović, S.N. Bratanovskii, A.E. Epifanov, S.A. Buryanov	798
From the History of Counteraction to Riots in Russian Penitentiary Institutions at the turn of the XIX – XX centuries (based on the Materials of the Saratov Province) A.Y. Epifanov	812
Sociocultural Integration of the Highlanders of the North Caucasus into the Russian Empire in the second half of the 19th century A.M. Erokhin, E.A. Avdeev, S.M. Vorobev	821
Destruction of the Family Model of Assistance and Support for Disabled Population in the second half of the XIX – early XX centuries (on the Materials of the city of Krasnoyarsk) A.S. Kovalev, N.R. Novosel'tsev, D.V. Rakhinsky, N.N. Ravochkin	830
Emigration from the Russian Empire to Brazil in the late XIX and early XX centuries S.V. Ryazantsev, A.V. Smirnov, O.M. Serra Truzzi, S. Ruseishvili	842
The Journal “Zodchij” of 1872 as a Historical Source on the Theory of Urban Planning in the Russian Empire A.V. Kistova, N.A. Sergeeva, T.K. Ermakov, A.A. Omelik	858
Scientific Research Directions by Russian Scientists at the end of the XIX century: Analysis of Publications of the Journal “Nauka i Zhizn” (1892) N.N. Seredkina, D.S. Pchelkina, N.N. Pimenova, J.S. Zamaraeva	869

From the History of Social Transformation among Muslims of Northern Kazakhstan. Turn of the XIX–XX centuries G.K. Mukanova, A. Kaipbayeva, Z.Sh. Bimakanova, A.N. Bekmurzina	882
The Image of a Scientist in the Periodicals of the Russian Empire (“Uchenye Zapiski Imperatorskogo Yur'evskogo Universiteta”) A.A. Sitnikova, N.M. Leshchinskaia, E.A. Sertakova, M.A. Kolesnik	893
The Prostitution in the Tobolsk Province's Towns as Reflected in the Mirror of the 1897 Census E.A. Brukhanova, O.I. Chekryzhova, N.V. Nezhentseva	903
Interaction of Religious Communities of the Turkic Peoples of European Russia in the late 19th – early 20th centuries A.N. Starostin, E.K. Mineeva, A.I. Mineev	915
The Ideological and Spiritual Paradigm of Z. N. Gippius' Social Activity in the Context of the Silver Age T.V. Gryaznukhina, A.G. Gryaznukhin, I.A. Pfanenshtil, T.V. Schastlivaya	927
Journals of Vyatka Seminarians of 1905–1907: Verbal and Visual Content of Socio-Political Protest E.V. Bykova, V.A. Pozdeev	936
Problematic Aspects of the Interaction between the civil and Military Authorities of Moscow during the Suppression of the December uprising of 1905 S.E. Prokofiev, P.S. Seleznev, K.V. Simonov, D.V. Petrosyants	947
Heroization of the Image of a Cadet in Russian Society at the beginning of the 20th century: Problems and Prospects of Positioning S.I. Belov	955
Organization of Military Training and Patriotic Education of Youth in the Russian Empire on the Example of the “Funny” Movement O.E. Chuikov, I.V. Tyurin, T.M. Rozhnova, K.S. Rozhnova	964
The Modernization of Russian Statehood: National Outskirts in the Modernization Model of Russia at the beginning of the 20th century (on the Example of Kalmykia). Part 2 K.N. Maximov	974
The Crisis of the June 3rd System as a Factor in the Transformation of State Policy on the Agrarian Question S.V. Rastorguev	982
Circumstances of the Formation of the Fourth State Duma as a Factor in the Development of the Political Process P.S. Seleznev, K.V. Simonov, V.V. Titov, K.N. Babichev	990
The First World War on the Pages of the Journal “Studencheskii Byulleten' Kievskogo Kommercheskogo Instituta” T.A. Magsumov, T.E. Zulfugarzade, M.B. Kolotkov, S.B. Zinkovskii	998
The Combat Path of the Corporal of the 333rd Infantry Glazovsky Regiment Andrei Timofeevich Kemov during the First World War (1914–1915) A.A. Cherkasov	1007
The History of Science and Technology of the Russian Empire at the beginning of the XX century in the Journal “Vestnik Obshchestva Sibirskikh Inzhenerov” (1916) N.P. Koptseva, A.A. Shpak, K.A. Degtyarenko, Yu.N. Menzhurenko	1034

From the Editorial Board

In Memory of Nailya Shamil'evna Saifutdinova	1046
--	------

Copyright © 2023 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2023. 18(2): 515-524
 DOI: 10.13187/bg.2023.2.515

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

ARTICLES

Monastic Land Tenure in the Middle Seym in the 17th century Sergey I. Degtyarev ^{a, b, *}, Evgenij M. Osadchij ^c, Anatolii V. Honcharenko ^a^a Sumy State University, Sumy, Ukraine^b Cherkas Global University, Washington, DC, USA^c Institute of Applied Physics of the National Academy of Sciences of Ukraine, Sumy, Ukraine**Abstract**

The article is devoted to the history of the formation of monastic land ownership in the Putivl district in the 17th century. The authors analyzed written sources containing landmarks on the ground and a map of the Putivl district of the end of the 18th century with toponyms and hydronyms, which are now lost. In addition, some names are associated with archeological monuments, which made it possible to clarify and supplement the passage of the boundaries of land holdings. As a result, three significant areas were identified, which were located near the city of Putivl, around the Molchensky swamp and at the confluence of the Beryukh River into Kleven River. These sites were practically uninhabited – only three villages on an area of more than 80 square km. Some settlements were empty, and their fields were not cultivated. The main income of the monks here was quitrent and crafts. The greatest attention is paid to fishing because of private fasts, the monks could not eat meat food and fish dishes came to the fore. The extraction of honey was mainly carried out by the inhabitants of Putivl, who gave part of the honey to the monastery brethren. In addition, the huge Linevsky forest was a source of building and firewood material, as well as a place for hunting. There is no mention of a mill in the document. At a later time, it was an obligatory attribute of the monastic economy. The brethren received the place and the right to build it earlier, but it is not known whether it was built. There is only a mention of dues for the use of a pond on the Beryuh River. From another document of the same time, it is known about the location of a powder mill here, owned by the Selitrennikov family of industrialists. In general, the Molchensky Monastery at the beginning of the 17th century was a large landowner oriented towards subsistence farming, mainly crafts.

Keywords: Molchensky Nativity of the Blessed Virgin Monastery, Putivl district, XVII century, agricultural productivity, agricultural practices, land rights, fishery.

1. Введение

Формирование земельных владений в Путивльском уезде началось еще во времена, когда город и принадлежавшие ему земли были в составе Великого княжества Литовского. Тогда значительные территории волостей уезда не имели постоянного населения, однако их экономический потенциал привлекал промысловиков и охотников из Киева, Житомира, Канева. В XV веке существовала традиция отдачи отдельных волостей в годовое кормление. Их получали представители боярского

* Corresponding author

E-mail addresses: starsergo2014@gmail.com (S.I. Degtyarev)

сословия, проживавшие преимущественно на территории Киевской земли, получавшие значительные доходы от их погодного владения.

В 1500 г. Путивль был захвачен московским войском в ходе боевых действий Северной войны и через несколько лет окончательно оказался в составе Московии в результате подписанного в 1503 г. Белоцерковского мирного договора с Литвой. В XV–XVI веках в Путивльском уезде начали формироваться значительные по площади земельные владения – поместья, принадлежавшие представителям боярских и посадских семей города Путивля, которые владели территориями вдоль реки Сейм от Молченского болота до нижнего течения р. Клевень. Здесь располагались как деревни, так и небольшие поселения – починки и усадища, в которых проживали крестьянские семьи, (одна или две), занимавшиеся земледелием и промыслами. Чем дальше от Путивля располагалось поместье, тем менее заселенной и освоенной была его территория. Сказывались малочисленность пашенных крестьян и постоянная угроза нападения со стороны татар. Отсутствие укрепленных острогов во владениях помещиков вынуждало население искать убежища в Путивле, тем самым сокращалось пространство, используемое для ведения сельского хозяйства.

Расположение Путивля на юго-западной границе государства вынуждало московское правительство постоянно усиливать местный гарнизон. Это происходило за счет переселения ратных людей и детей боярских из внутренних районов Московского царства на захваченные территории. Так в уезде появилось дворянское землевладение. Дворянам и детям боярским земля выделялась за счет старых поместий путивлян, не меняя, однако, их границ и владельцев. В это же время появился еще один земельный собственник – Молченский Печерский монастырь Пресвятой Богородицы. Он достаточно быстро стал владельцем не только земельных участков, но и отдельных населенных пунктов.

Монастырское землевладение несколько отличается от помещичьего и дворянского: появление и увеличение площади его владений были спонтанными и зависели от пожертвований отдельных участков, часто расположенных в разных местах. Таким образом, монастырские земли напоминали «лоскутное одеяло», что несколько затрудняет работы по их локализации.

2. Материалы и методы

Основой данной работы являются два источника, взаимно дополняющие друг друга. Первый – жалованная грамота московского царя Михаила Федоровича Романова 1624 г., написанная на основе более раннего документа (1615 г.). Она была опубликована в первом выпуске «Трудов Курского губернского статистического комитета» среди других документов, связанных с земельным спором двух монастырей ([Жалованные грамоты, 1863: 852-869](#)). Второй источник – «Генеральный план Путивльского уезда», где отмечены названия рек и урочищ, не сохранившиеся до наших дней ([РГАДА. Ф. 1356. Оп. 1. Ч. 1. Д. 1964: 58об.-59](#)). Также использованы тексты аналогичных грамот Путивльского Молченского и Новгород-Северского Спасского монастырей. В этих текстах есть данные о бортовых знаках, использовавшихся братией монастырей. Они позволили восстановить пробел в тексте описания бортового знака Молченского монастыря, использовавшегося в конце XVI – начале XVII веков для бортовых деревьев в Линевском лесу ([Русина, 1999: 453-456](#)).

Кроме письменных источников, дополнительно использованы данные разведок автора в Путивльском Посеймье совместно с А. Коротей (ИКЗ «Бельск»), Е. Качурой (ГИКЗ в г. Путивле), Д. Каравайко (ИА НАН Украины), во время которых исследованы отдельные археологические объекты, упоминаемые в тексте грамоты 1624 г. Это городища древнерусского времени в с. Руднево и раннего железного века около с. Ширяево ([Каравайко, 2018: 264-266](#); [Моргунов и др., 2022: 130-131](#)). В слабо заселенных волостях Путивльского уезда большую трудность представляло описание границ земельных наделов и больших поместий. Для этого часто использовались видимые значительные объекты, бывшие доминантами окружающей местности. Таковыми были курганы и городища. Правда, в народном представлении эти понятия часто путались и, к примеру, городище около с. Берюх называлось Курганом.

В этой работе широко применялся метод сравнительного анализа. Известные системы данных, содержащихся в письменных и изобразительных источниках, были преобразованы в самостоятельные слои карты – описательный, топонимический и топографический. Путем их сопоставления были обработаны массивы данных и получены не только территориальные составляющие, но и дополнительно удалось связать конкретный археологический памятник с упоминаниями в письменных источниках. Использование авторами подобного метода дало положительные результаты в изучении вопросов, связанных с военной, социально-экономической и политической жизнью Путивльского уезда XVII века. Исследование одного региона позволяет использовать полученные данные в следующих работах, выстраивая, таким образом, единую историческую канву, а сами работы получают логическое продолжение ([Degtyarev et al., 2022: 25-36](#); [Degtyarev et al., 2022: 557-570](#); [Degtyarev, Osadchij, 2022: 1513-1522](#); [Degtyarev, Osadchij, 2023: 14-25](#)).

В результате применения комплексного метода исследования была составлена карта, содержащая утраченные топонимы и гидронимы, с нанесенными границами трех больших земельных владений Молченского монастыря на основе грамоты 1624 (1616) г. ([Рисунок 1](#)).

3. Обсуждение

Изучение вопросов, связанных с монастырским землевладением XVII века на территории Путивльского уезда, а впоследствии и слобожанских казацких полков, появившихся в его южной части, было объектом исследования целой плеяды историков – архиепископа Филарета, Д. Багалея, А. Слюсарского (Филарет, 1852; Филарет, 1857; Багалій, 1918: 225-244). Ими рассмотрено появление на землях Слобожанщины казацких монастырей и, среди прочего, формирование их земельных владений. Опубликованные источники во многом отражают те же процессы, что происходили ранее в Путивле. В работах А. Кравченко, Е. Осадчего, С. Дегтярева, посвященных монастырям северо-западной Слобожанщины, непосредственно Путивльщины и других регионов, также рассматриваются преимущественно вопросы, связанные с казацкими монастырями (Кравченко, Осадчий, 2013: 54-67; Дегтярьов, 2010; Дегтярьов, Мельник, 2020). Различные аспекты истории монастырей изучались И. Кравченко, И. Кривошеей, О. Мониц и другими исследователями (Кравченко, 2021; Кривошея, 2020; Кривошея, 2022; Мониц, 2021).

В 1994 г. вышла книга по истории Глинской пустыни, написанная схииеромонахом Иоанном (Масловым), в которой приводится ряд документов, связанных с историей землевладения Молченского Печерского монастыря. Но это документы охватывают преимущественно конец XVII – XVIII вв., и в них монастырь упоминается уже как крупный землевладелец (Маслов, 1994: 63-88). Историей Молченского монастыря много лет занимается научный сотрудник Государственного историко-культурного заповедника в г. Путивле о. Александр (Чурочкин). Им выявлен ряд документов, планов и изображений обители, а собранный материал был опубликован в коллективной монографии (Чурочкин и др., 2012; Чурочкин, 2022: 48, рис. 1). Истории монастырского землевладения вокруг Киева в XV–XVI веках посвящена статья В. Козюбы. Это исследование методологически во многом схоже с работой авторов и основано на трансформации данных письменных источников в картографическую базу данных (Козюба, 2019: 35-187).

Ранее Е. Осадчим было локализовано два значительных дворянских поместья – Дмитриевское и Андреевское на Среднем Сейме, которые граничили с исследуемыми земельными объектами, и отмечено значительное совпадение их границ (Осадчий, 2021a: 1-11; Осадчий, 2021b: 58-72).

4. Результаты

В середине XVI века на горе над Молченским болотом появляется небольшая пустынь, названная в честь иконы Пресвятой Богородицы.

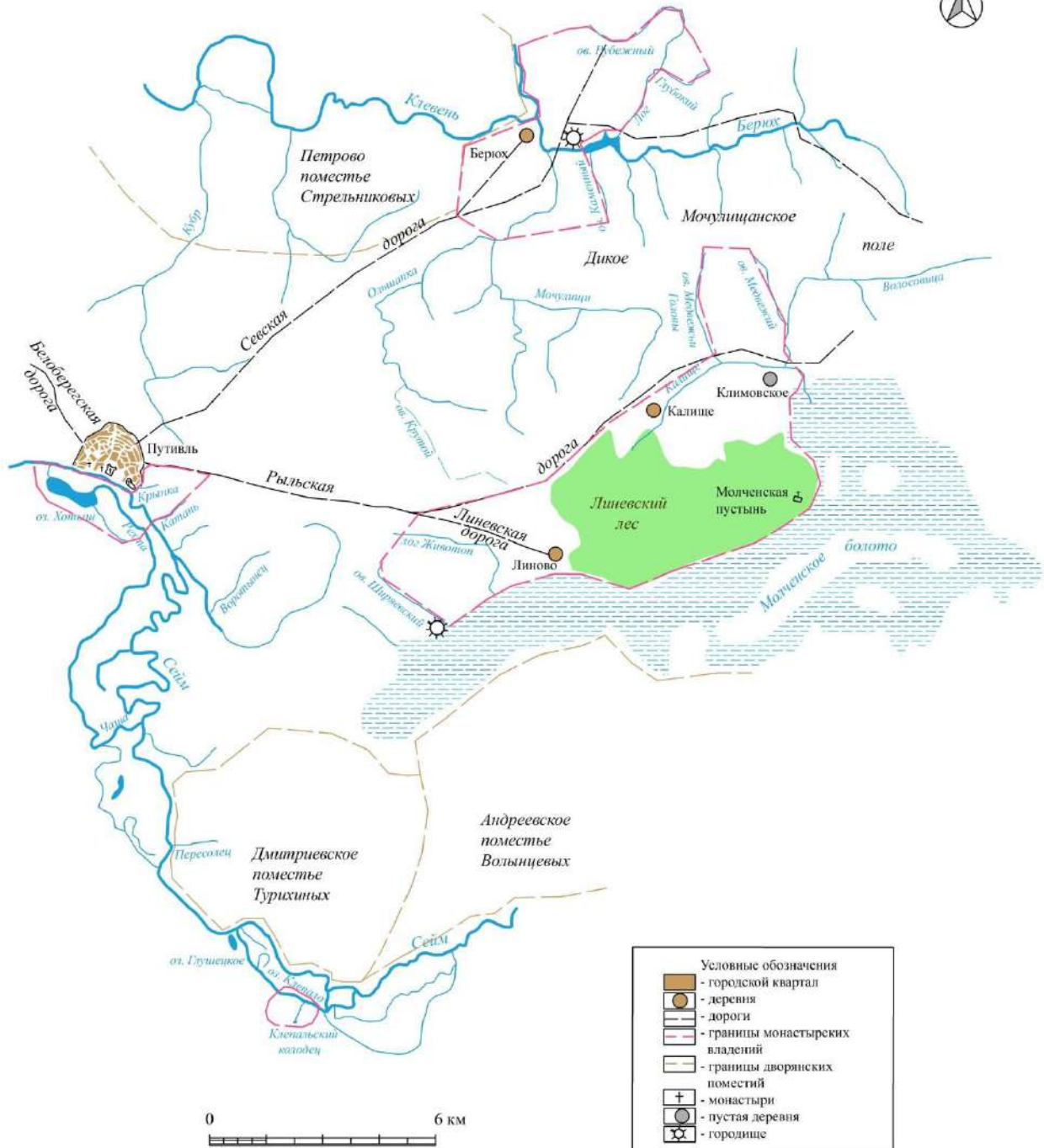
Обитель располагалась в густом лесу практически необитаемой местности на расстоянии около 20 км к востоку от города Путивля. О первых годах существования монастыря данных мало. Известно, что на основании записей путивльских писцовых книг 1556/1557 г. в 1606 г. царем Василием Шуйским ему были пожалованы земли и бортные уходы (Русіна, 1999: 451).

В 1594 г. обитель была разорена татарами, а братия переведена в Путивль. Там в самом начале XVII века на месте старого городского острожного двора строится монастырский ансамбль с мощными укреплениями, которые не только окружали обитель, но и защищали въезд в Путивль с юго-востока. С этого времени монастырь стал называться Путивльским по месту его расположения. На месте старой обители продолжала функционировать небольшая часовня, в которой проводили службу. Во время Смуты она была на время заброшена, но после 1616 г. монахи вернулись. В 1653 г. монастырь был восстановлен стараниями отца Софрония, в связи с чем и получил свое новое название. К середине XVII века около Путивля существовали два монастыря (Путивльский Молченский и Софрониевский Молченский), которые считали себя наследниками Молченской Пресвятой Богородицы пустыни. Это стало причиной земельных споров, в которых были задействованы грамоты, данные братии на владение землями, бортными уходами, рыбными ловлями и деревнями.

Одна из таких грамот была выдана московским царем Михаилом Федоровичем в 1616 г. и подтверждена в 1624 г. Документ составлен во время польско-московской войны, когда в Путивле уже располагался гарнизон ратных людей, но сам уезд еще ими не контролировался. Грамота написана дьяком Патрикеем Насоновым в типичной манере московского делопроизводства в Москве по материалам межевых книг путивльского старосты Трифона Беззубцева. В документе очень подробно описаны границы владений, которые отводились монастырю. Исходя из текста грамоты, практически все из перечисленных территорий уже давно принадлежали монахам, но без четкого указания границ (Жалованные грамоты, 1863: 562).

В тексте грамоты можно выделить три больших земельных владения, имеющих достаточно четко очерченные границы. Они расположены в разных местах Городской волости Путивльского уезда. Два из них связаны с расположением обоих монастырей и являются наиболее ранними их владениями. Отдельно упоминается село Еманово (вероятно, современная Эсмань) в Новгород-Северском уезде, отошедшее Речи Посполитой, а также утраченные владения в Городской и Лежечкой волостях Путивльского уезда (Жалованные грамоты, 1863: 563).

Рис. 1. Вариант реконструкции земельных владений Молченского монастыря по данным грамоты 1624 (1616) года

Первый участок, с которого начинается описание владений монастыря, расположен около города Путивля. Основным географическим маркером для его локализации является озеро Хотыш. К сожалению, из-за активной мелиорации и работ по обустройству русла реки Рехта озеро пересохло, однако его очертания сейчас хорошо видны на аэрофотоснимках. На «Генеральном плане Путивльского уезда» конца XVIII века озеро Хотыш изображено к юго-западу от Путивля как значительный водоем, имеющий проточную связь с основным руслом Сейма (РГАДА. Ф. 1356. Оп. 1. Ч. 1. Д. 1964: 580б.). Вместе с ним упоминается озеро Линчье, которое соединяется с Хотышом протоками во время половодья. Дополнительно братья владела теми водоемами, которые наполнялись весенней водой, а также имела право рыбной ловли в реке Сейм. Эти объекты составляли основу монастырского владения около Путивля.

В грамоте дополнительно указаны ориентиры, по которым устанавливалась межа их земель. В ней подробно перечисляются дворы посадских людей, с которыми граничит монастырская земля, что свидетельствует о расположении монастырских владений непосредственно у границ города. Сейчас нет возможности четко их локализовать, однако названия рек, ручьев и отдельных ориентиров позволяют

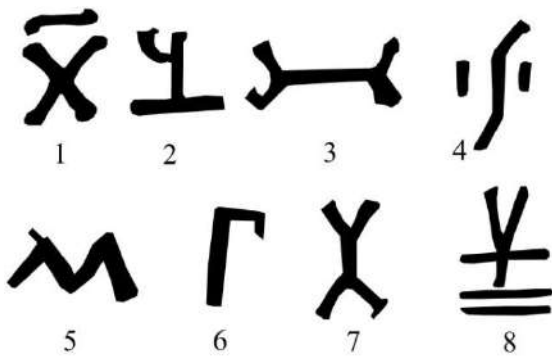
относительно точно установить границу владений. В тексте упоминается монастырская слобода. На «Генеральном плане Путивльского уезда» она расположена в восточной части Путивля, около Молченского монастыря. Далее упоминается старинная земля от ручья, что впадает в реку Сейм. Тут речь идет, вероятнее всего, о ручье Путивлька, протекающем между крепостью города Путивля и Молченским монастырем. Эта территория составляет древнее ядро города, сформировавшееся еще в древнерусское время. Вместе с этими ориентирами так же точно можно определить место нахождения и других – реки Крынки, ручья Катанского, а также ур. Коптева Гора. Они формируют восточную границу монастырских владений. Северная граница определяется по конфигурации городских укреплений. В тексте упомянут конец острожного рва. Он заканчивался севернее Молченского монастыря у обрыва долины р. Крынки. По царской грамоте 1602 г. на речке Крынка Молченскому монастырю было пожаловано право построить пруд и мельницу (Левицкий, 1905: 45). Этот пруд и дамба существуют и сегодня, и не исключено, что их расположение не менялось более 400 лет.

Далее граница шла вверх по укреплениям до городской дороги. Городская дорога – это Большая Рыльская, выходящая из Путивля в восточном направлении. Еще две дороги, упоминаемые в тексте, также можно использовать в определении границы (Никольская и Катанская). Это дороги, которые вели от храма Николы Горнего (Можайского) и ручья Катань на территорию Подмонастырной слободы. Сейчас это улица, проходящая вдоль берега Сейма от ур. Городок к заброшенной туристической базе. Дополнительным ориентиром, уточняющим прохождение границы, является упоминание церкви Флора и Лавра, находившейся в XVII веке на территории монастырского осадного двора. Его местоположение указывает И. Левицкий – в 400 саженях от Молченского монастыря, между долиной речки Крынки и посадскими укреплениями (Левицкий, 1905: 46-47). Это подтверждает и текст грамоты, в котором упоминаются острожный ров и круглая башня, находящиеся рядом с дорогой. Ориентировочная площадь этого земельного владения составляет 4 кв. км. Здесь монахам было предоставлено право рыбной ловли и сенокоса, а позднее на Сейме были построены мельницы (РГАДА. Ф. 210. Стлб. 1103: 256).

Следующий участок – наименьший по площади. Он упоминается как Клепальский колодец у озера Клепальского. Сейчас это северо-восточная окраина села Клепалы. Клепальский колодец существует и сейчас и расположен в долине небольшого ручья. Его изображение есть на «Чертеже земель по реке Семь с Клепанским городищем» конца XVII века. На нем ручей, впадающий в Сейм, обозначен как лог Клепальский, там же обозначено озеро Клепало (РГАДА. Ф. 210. Стлб. 1066: 49-50). Это озеро принадлежало монашеской братии, вероятнее всего, в XVI веке. В грамоте подчеркнуто, что теперь этими землями владеет Василий Черепов. В дальнейшем эта территория так и осталась за Череповыми, о чем свидетельствуют другие документы XVII века (Жалованные грамоты, 1863: 563; АМГ, 1984: 672).

Наибольшее по площади владение монастыря располагалось на северном берегу Молченского болота. В его состав входили как бортные угодья и сенокос, так и пашенные земли с населенными пунктами. Описание этого массива начинается с упоминания владений Семена Ширяева, расположенных около оврага Животоп. Здесь речь идет, скорее всего, о местности на окраине современного села Ширяево, около которого есть несколько оврагов с утраченными названиями. На «Генеральном плане Путивльского уезда» обозначены «овраг Ширяев» и «овраг Ширяевской» (РГАДА. Ф. 1356. Оп. 1. Ч. 1. Д. 1964: 580б.). Помещики рода Ширяевых известны по тексту «Отдельной книги» 1594 г. «Старое поместье Ширяева» располагалось к юго-востоку от Путивля в Ордынской волости на р. Вир. Они также владели лесом между Большой Рыльской и Линевской дорогами и Курганьем, а также пашенной землей в урочище Гончары (Анпилогов, 1967: 196, 230). Здесь важно упоминание топонима «Курганье» в описании границ землевладения вместе с урочищем Гончары. В окрестностях Путивля очень мало значительных по размерам курганных насыпей, однако напольные укрепления отдельных городищ имеют башнеобразную форму. Они высокие и узкие, что визуально сближает их с погребальными сооружениями (Осадчий, 2020: 239-240). Именно так выглядит напольный вал Ширяевского городища, расположенного между селами Старые Гончары и Ширяево (Каравайко, 2018: 264-265).

Таким образом, владения Ширяевых локализируются в районе известного Ширяевского городища (в тексте Курганье), расположенного на берегу небольшого ручья, впадающего в Молченское болото. Название Животоп на сегодня утрачено. Вероятно, его истоки находятся в северо-восточной части села Ширяево. Упоминания значительного количества сохранившихся топонимов позволяют продолжить западную границу владений Молченского монастыря. Граница проходила руслом ручья Животоп к Линевской дороге, которой ездили к монастырю. Из текста грамоты следует, что монастырская земля находилась между дорогой и Молченским болотом. Следующий ориентир – Крутой лог и Рыльская дорога. Эти два ориентира так же сохранились на «Генеральном плане Путивльского уезда». От Крутого лога межа следует Рыльской дорогой к истокам р. Мочулица. Здесь она поворачивает на север и идет от истоков до устья ручья Медвежьей Головы. От него к реке Волосовице и ее течением к северо-восточному берегу Молченского болота. В тексте четко указано, что монастырская земля находится именно между этими ориентирами и Молченским болотом.

Рис. 2. Бортные знамена в Линевском лесу. 1 – граница с тном, 2 – мотовило, 3 – тренога, 4 – кобылка, 5 – косица, 6 – глагол, 7 – белка, 8 – вилы с пересеком и двумя рубежи. 1–3 (по материалам «Белгородской отдельной книги» 1599 года), 4–7 (по Г. Анпилогову), 8 – реконструкция авторов.

На этой территории располагались два населенных пункта – деревня Линово и починок Калище. Рядом с ними находились пахотные земли. Такая земля была редкостью в Путивльском уезде и почти вся располагалась в Городской волости. Ранее мы рассматривали соотношение площади пахотных земель и всего помещичьего владения по документам первой половины XVII века. Исходя из описания Андреевского поместья, между р. Горн и Молченским болотом площадь пашенной земли с перелогом составляла 65 га, а общая площадь – около 70 кв. км (Осадчий, 2021а: 8). В «Списке с выписи Молченского монастыря» 1636 г., составленном по более ранним документам (1557 и 1606 годы), есть запись о том, что два селища, принадлежавших монастырю, Линевское и Климовское, стоят пустые, а землю уже более 40 лет никто не пашет (Русина, 1999: 455).

Значительную часть этого участка занимал Линевский лес. Он сохранился и сегодня. Его площадь составляет более 11 кв. км, там и сейчас отсутствуют населенные пункты. Вокруг леса располагались упоминаемые ранее населенные пункты Линево и Калище, а также пустое селище Климовское. В этом же лесу находилась и пустынь Молченского монастыря. По царской грамоте монахам принадлежали бортные угодья, ловля зверей и бобровые гоны, а также право использовать лес для строительства и отопления. Жалованная грамота царя Василия Шуйского 1606 г. описывает бортные уходы в Линевском лесу. Ими пользовались бортники-путивляне, которые отдавали часть меда на оброк монастырской братии.

Всего Молченскому монастырю принадлежали 16 бортных уходов в Путивльском уезде, из них 7 – в Линевском лесу. Грамота 1624 г. упоминает старый бортный знак Молченского монастыря – «вилы с пересеком и двумя...», взамен которого был дан другой, название которого утрачено (Жалованные грамоты, 1863: 565). Подобный знак упоминается в царской грамоте 1606 г. – «взвилье на обе стороны и попереk рубеж» (Русина, 1999: 454). Вероятно, утраченный текст заканчивался словами «... и двумя рубежи». Знак «рубеж» часто встречается не только в множественном числе, но также как часть. Всего по документу 1606 г. в Линевском лесу известны 7 бортных знаков и еще один по грамоте 1624 г. (Рисунок 2).

Ориентировочная площадь этого участка составляет 61 кв. км. Согласно тексту документа, этот массив граничил с владениями путивльских помещиков Вольтцевых, Карповых и Трифионовых, располагавшимися в Дороголевской волости Путивльского уезда. Это также согласуется с предыдущими авторскими исследованиями (Осадчий, 2021а: 7, рис. 2).

Последнее значительное земельное владение Молченского монастыря в Городской волости Путивльского уезда, упоминаемое в данной грамоте, располагалось в районе современного с. Руднево (быв. Берюх). Эта территория была хорошо освоена, здесь проходила одна из важных дорог, соединявшая Путивль с Севском. Описание границ тут более подробно и точно в отличие от предыдущих участков.

Межа начинается от села Берюх как общеизвестного ориентира. Затем идут уточнения и указания на пограничные ориентиры. Южная граница – это небольшой клин между дорогой от Путивля к Берюху и верхним течением р. Ольшанки. Здесь стоял каменный крест, от которого граница шла вверх по течению Ольшанки. От нее межа проходила к оврагу Каменный и вниз к реке Берюх, до моста через нее и к большому кургану. Если следовать тексту грамоты, то большой курган должен находиться как раз на месте древнерусского городища. Он сильно пострадал от земляных работ в XX веке, когда на его территории располагалась крестьянская усадьба. Но отдельные сохранившиеся участки укреплений свидетельствуют о значительной высоте земляных укреплений (Моргунов и др., 2022: 130-131). На правом берегу Берюха помещичьи и монастырские земли разделял овраг Глубокий. Монастырская земля находилась западнее этой границы, восточнее – земли помещиков Воцининых, на которых впоследствии была основана деревня Воцинино. С севера находилась старая граница Городской волости Путивльского уезда. В тексте есть упоминания о

Болгановом рубеже, отмеченном на местности старыми гранями на столбах. Здесь речь идет о границе, которая была установлена еще до Смутного времени. Почти во всех земельных документах эти границы отмечены как «старые». Им соответствует овраг Рубежный, впадающий в Глубокий. Западная межа монастырских земель проходила течением Клевени при впадении в нее реки Берюх. Здесь разделялись земли Молченского монастыря и старого Петрова поместья, которым владели помещики Стрельниковы. Описание границ этого поместья – по реке Клевени и обе стороны устья Берюха – есть в «Отдельной книге» 1594 г. и совпадает с текстом грамоты 1624 г. (Анпилов, 1967: 132).

На территории этого земельного участка находились не только пашенные земли. Здесь уже были мельничные плотины на р. Берюх. Одна из них была в аренде у семьи промышленников Селитренниковых (Ключаров, 2010: 185). Они платили оброк монастырю за право пользования прудом. Ориентировочная площадь этого монастырского владения составляет чуть более 21 кв. км.

Кроме этих участков, монастырю принадлежали бортные уходы и сенные покосы в Лежецкой волости на р. Вир. Но они, в отличие от расположенных в Городской волости, только упоминаются и не имеют четко описанных границ.

Документ 1624 г. заканчивается четким перечислением всего, чем владеет братия Молченского монастыря (озера и их берега, села, деревни, починки и пустоши, бортные уходы и рыбная ловля). В нем также указано, что она освобождается от государственных налогов. Отдельно подчеркивается, что монастырские крестьяне подлежат суду игумена с братией, кроме убийства и разбоя. Кроме этого, монастырь из царской казны получал денежное пособие, освобождение от уплаты торговой пошлины, дорожного и мостового сборов (Жалованные грамоты, 1863: 568-569).

5. Заключение

В заключение отметим следующее. Царская грамота, выданная в 1624 г. и подтверждающая решения 1616 г., является ценным источником в изучении вопросов земельных отношений в Путивльском уезде. В ней содержатся четкие описания трех значительных земельных участков общей площадью около 86 кв. км без учета владений вне Городской волости Путивльского уезда. Эти территории расположены отдельно и не имели общих границ. Они были выделены из тех земель, что ранее были царскими. Следует отметить их слабую заселенность: всего два села и одно небольшое поселение – это очень мало для такой значительной площади. Количество пашенной земли было мизерным. Упоминание о ней есть только около сел Линово и Берюх, где проживали монастырские крестьяне. Около Путивля, где пашенное земледелие было наиболее развитым, братия владела только правом рыбной ловли на пойменных озерах и территорией, на которой располагалась монастырская слобода. Рядом с ней была водяная мельница, устроенная на р. Крынке. Значительное место в экономике обитатели занимали промыслы – рыбный, бортный, охота. Монахи имели исключительное право на их ведение в отведенных им землях и лесах, но этими промыслами занимались преимущественно путивляне, платившие оброк. Такое ведение хозяйства было направлено в первую очередь на получение продуктов питания и поддержание своего хозяйства. Кроме этого, уже начали появляться зачатки рыночной экономики. Сдача в аренду пруда и получение с него оброка давали монахам чистую прибыль без вложения капитала или трудозатрат. Все это делало Молченский монастырь влиятельным землевладельцем Путивльского уезда.

Впоследствии земельные владения Молченского монастыря увеличивались за счет царских пожалований и завещаний путивлян, а его владения стали появляться далеко за пределами Путивльского уезда. В XVIII веке начался земельный спор между двумя обителями, которые претендовали на наследие Молченского Рождества Пресвятой Богородицы монастыря, что стало причиной собрания значительного количества письменных источников, в частности царской грамоты 1624 года.

Литература

Анпилов, 1967 – Анпилов Г.Н. Новые документы о России конца XVI – XVII вв. М.: Изд. МГУ, 1967. 542 с.

АМГ, 1984 – Акты Московского государства, изданные Императорскою Академией наук. Т. 2. Разрядный приказ. Московский стол. 1635–1659. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1894. 773 с.

Багалій, 1918 – Багалій Д.І. Історія Слобідської України. Харків: видавництво «союз» кредитового союзу кооперативів, 1918. 308 с.

Дегтярьов, 2010 – Дегтярьов С.І. Маловідомий опис м.Батурич 1760 р. // Сумський історико-архівний журнал. №VIII-IX. 2010. С.32-66.

Дегтярьов, Мельник, 2020 – Дегтярьов С.І., Мельник М.В. Молченський Софроніївський монастир у матеріалах Білопільського повітового суду (1793 р.) // Сумський історико-архівний журнал. №XXXIV. 2020. С. 29-39.

Жалованные грамоты, 1863 – Жалованные грамоты Путивльскому Молченскому монастырю // Труды Курского губернского статистического комитета. Курск: Типография губернского правления, 1863. Вып. 1. С. 562-579.

- Каравайко, 2018** – Каравайко Д.В. О трех городищах скифского времени Путивльского Посеймья // *Археологія і давня історія України*. К.: Інститут археології НАН України, 2018. Вип. 2. С. 264-286.
- Ключаров, 2010** – Ключаров А. Материалы для истории Курской епархии. Глинская Рождество-Богородицкая пустынь (приложение к Курским епархиальным ведомостям). Время происхождения и первоначальная история Глинской Рождество-Богородицкой пустыни // *Путивльський краєзнавчий збірник*. Суми: вид. Університетська книга, 2010. Вип. 6. С. 172-245.
- Козюба, 2019** – Козюба В. Церковне і монастирське землеволодіння навколо Києва наприкінці XV – у XVI ст. // *Болховітіновський щорічник 2017/2018*. Познань-Київ, 2019. С. 35-187.
- Кравченко, 2021** – Кравченко І. Київський Свято-Єкатерининський монастир: склад чернецтва і насельників у XVIII – на початку XX ст. // *Емінак*. 2021. 4(32). С. 29-42. DOI: [https://doi.org/10.33782/eminak2020.4\(32\).461](https://doi.org/10.33782/eminak2020.4(32).461)
- Кравченко, Осадчий, 2013** – Кравченко О.М., Осадчий Є.М. Монастирі Північно-Західної Слобожанщини середини XVII – XVIII ст. Суми: Джерело, 2013. 272 с., 56 іл.
- Кривошея, 2020** – Кривошея І. Церква і монастир у фунеральній культурі козацької старшини // *Емінак*. 2020. 3(31). С. 32-42. DOI: [https://doi.org/10.33782/eminak2020.3\(31\).434](https://doi.org/10.33782/eminak2020.3(31).434)
- Кривошея, 2022** – Кривошея І. Жіночі тестаменти родин козацької старшини XVII-XVIII ст. // *Емінак*. 2022. 1(37). С. 7-24. DOI: [https://doi.org/10.33782/eminak2022.1\(37\).568](https://doi.org/10.33782/eminak2022.1(37).568)
- Левицкий, 1905** – Левицкий И. Город Путивль // *Труды XII Археологического съезда в Харькове в 1902 г.* М.: Тип. О-ва распротр. пол. книг, аренд. В.И. Вороновым. Том III. 1905. С. 1-54.
- Маслов, 1994** – Маслов И. Глинская пустынь. История обители и ее духовно-просветительская деятельность в XVI–XX веках. М., 1994. 607 с.
- Монич, 2021** – Монич О. Петро-Павлівський Монастир у селі Ігнóс (Вільхівці) у XVIII ст. // *Емінак*. 2021. 2(34). С. 67-75. DOI: [https://doi.org/10.33782/eminak2021.2\(34\).515](https://doi.org/10.33782/eminak2021.2(34).515)
- Моргунов и др., 2022** – Моргунов Ю.Ю., Приймак В.В., Осадчий Є.М., Коротя О.В. Городища роменсько-давньоруського часу Сумської області. Харків: Експрес-книга, 2022. 265 с.
- Осадчий, 2020** – Осадчий Є.М. Картографування городищ раннього залізного віку Путивльського Посейм'я // *Старожитності Лівобережного Подніпров'я 2020. Збірник наукових праць*. До 130-річчя з дня народження О.К. Тахтая (1890 – 1963). Полтава-Харків: Майдан, 2020. С. 239-244.
- Осадчий, 2021a** – Осадчий Е.Н. Дворянское поместье XVII века на Среднем Сейме // *Filo Ariadne*. 2021. № 1. С. 1-11.
- Осадчий, 2021b** – Осадчий Е.Н. Крестьянская усадьба XVII века на Среднем Сейме // *Filo Ariadne*. 2021. № 3. С. 58-72.
- РГАДА** – Российский государственный архив древних актов.
- Русіна, 1999** – Русіна О. До історії монастирського господарства на Сіверщині (Випис 1606 р. путивльського Молчинського монастиря) // *Український археографічний щорічник*. К., 1999. Вип. 3-4. С. 450-457.
- Слюсарский, 1964** – Слюсарский А.Г. Социально-экономическое развитие Слобожанщины XVII–XVIII вв. Харьков, 1964. 460 с.
- Филарет, 1852** – Филарет. Историко-статистическое описание Харьковской епархии. Краткий обзор епархии и монастыри. М.: Типография В. Готье, 1852. Отд. I. 236 с.
- Филарет, 1857** – Филарет. Историко-статистическое описание Харьковской епархии. М.: Типография В. Готье, 1857. Отд. III. 604 с.
- Чурочкин и др., 2012** – Чурочкин А., Луговой А., Гильбо И. Путивльский Молченский монастырь. К.: Оптима, 2012. 124 с.
- Чурочкин, 2022** – Чурочкин А. Пещеры Софрониевой пустыни // *Сіверщина в історії України*. Наукове видання. Ніжин: НЗ «Глухів», Інститут історії НАН України, 2022. Вип.14. С. 48-54.
- Degtyarev et al., 2022** – Degtyarev S.I., Osadchij E.M., Gut J. Border Battle: Fighting on the Ukrainian-Moscow Border in 1660–1661 // *Bylye Gody*. 2022. 17(1). Pp. 25-36.
- Degtyarev et al., 2022** – Degtyarev S.I., Osadchij E.M., Zabikh Sh.A. Regional Land Road System of Putivl Uyezd in the 17th century // *Bylye Gody*. 2022. № 17(2). Pp. 557-570.
- Degtyarev, Osadchij, 2022** – Degtyarev S.I., Osadchij E.M. Delimitation of the Border between the Polish-Lithuanian Commonwealth and the Muscovy in the Interfluvium of the Sula and the Sejma in the first half of the 17th century // *Bylye Gody*. 2022. №17(4). Pp. 1513-1522.
- Degtyarev, Osadchij, 2023** – Degtyarev S.I., Osadchij E.M. Defense of Putivl in the Spring of 1613 // *Bylye Gody*. 2023. 18(1). Pp. 14-25.

References

- AMG, 1984** – Akty Moskovskogo gosudarstva, izdannyye Imperatorskoyu Akademiyey nauk. T. 2. Razryadnyy prikaz. Moskovskiy stol. 1635–1659 [Acts of the Moscow State, issued by the Imperial Academy of Sciences. Volume 2. Discharge order. Moscow table. 1635–1659]. SPb.: Tipografiya Imperatorskoy Akademii nauk, 1894. 773 p. [in Russian]

- Anpilogov, 1967** – *Anpilogov, G.N.* (1967). Novyye dokumenty o Rossii kontsa XVI – XVII vv. [New documents about Russia at the end of the 16th – 17th centuries]. M.: izd. MGU. 542 p. [in Russian]
- Bahaliy, 1918** – *Bahaliy, D.I.* (1918). Istoriya Slobids'koyi Ukrayiny [History of Sloboda Ukraine]. Kharkiv: vydavnytstvo «soyuz» kredyitovoho soyuzu kooperatyviv. 308 p. [in Ukrainian]
- Churochkin i dr., 2012** – *Churochkin, A., Lugovskoy, A., Gil'bo, I.* (2012). Putivl'skiy Molchenskiy monastyr' [Putivl Molchensky Monastery]. K.: Optima. 124 p. [in Russian]
- Churochkin, 2022** – *Churochkin, A.* (2022). Peshchery Sofroniyevoy pustyni [Caves of the Sofroniy Desert]. *Siversshchina v istorii Ukrainy*. Naukove vidannya. Nizhin: NZ «Glukhiv», Institut istorii NAN Ukrainy. Vip.14. Pp. 48-54. [in Russian]
- Degtyarev, 2010** – *Degtyarev, S.I.* (2010). Malovidomyy opys m.Baturyn 1760 r. [Little known description of the town of Baturin (1760)]. *Sumskiy istoriko-arkhivnyy zhurnal*. №VIII-IX. Pp. 32-66. [in Ukrainian]
- Degtyarev, Melnyk, 2020** – *Degtyarev, S.I., Melnyk, M.V.* (2020). Molchens'kyy Sofroniyivs'kyy monastyr u materialakh Bilopil's'koho povitovoho sudu (1793 r.) [Molchensky Sofroniyivsky monastery in the materials of the Bilopil'sky District Court (1793)]. *Sumskiy istoriko-arkhivnyy zhurnal*. №XXXIV. Pp.29-39. DOI: doi.org/10.21272/shaj.2020.i34.p.29 [in Ukrainian]
- Degtyarev et al., 2022** – *Degtyarev, S.I., Osadchij, E.M., Gut, J.* (2022). Border Battle: Fighting on the Ukrainian-Moscow Border in 1660–1661. *Bylye Gody*. 17(1): 25-36. [in Russian]
- Degtyarev et al., 2022** – *Degtyarev, S.I., Osadchij, E.M., Zabikh, Sh.A.* (2022). Regional Land Road System of Putivl Uyezd in the 17th century. *Bylye Gody*. 17(2). Pp. 557-570. [in Russian]
- Degtyarev, Osadchij, 2022** – *Degtyarev, S.I., Osadchij, E.M.* (2022). Delimitation of the Border between the Polish-Lithuanian Commonwealth and the Muscovy in the Interfluve of the Sula and the Sejm in the first half of the 17th century. *Bylye Gody*. 17(4): 1513-1522. [in Russian]
- Degtyarev, Osadchij, 2023** – *Degtyarev, S.I., Osadchij, E.M.* (2023). Defense of Putivl in the Spring of 1613. *Bylye Gody*. 18(1): 14-25. [in Russian]
- Filaret, 1852** – *Filaret* (1852). Istoriko-statisticheskoye opisaniye Khar'kovskoy yeparkhii. Kratkiy obzor yeparkhii i monastyri [Historical and statistical description of the Kharkiv diocese. Brief overview of the diocese and monasteries]. M.: tipografiya V. Got'ye. Otd. I. 236 p. [in Russian]
- Filaret, 1857** – *Filaret* (1857). Istoriko-statisticheskoye opisaniye Khar'kovskoy yeparkhii [Historical and statistical description of the Kharkiv diocese]. M.: tipografiya V. Got'ye. Otd. III. 604 p. [in Russian]
- Karavayko, 2018** – *Karavayko, D.V.* (2018). O trekh gorodishchakh skifskogo vremeni Putivl'skogo Poseym'ya [On the three settlements of the Scythian time of the Putivl Poseimye]. *Arkheologiya i davnya istoriya Ukrainy*. K.: Institut arkheologii NAN Ukrainy. Vip. 2. Pp. 264-286. [in Russian]
- Klyucharov, 2010** – *Klyucharov, A.* (2010). Materialy dlya istorii Kurskoy yeparkhii. Glinskaya Rozhdestvo-Bogoroditskaya pustyn' (prilozheniye k Kurskim yeparkhial'nym vedomostyam). Vremya proiskhozhdeniya i pervonachal'naya istoriya Glinskoy Rozhdestvo-Bogoroditskoy pustyni [Materials for the history of the Kursk diocese. Glinskaya Christmas-Bogoroditskaya Hermitage (Supplement to the Kursk Diocesan Gazette). The time of origin and the initial history of the Glinskaya Christmas-Bogoroditskaya hermitage]. *Putivl'skiy krayeznavchiy zbirnik*. Sumy: vid. Universtets'ka kniga. Vip. 6. Pp. 172-245. [in Russian]
- Kravchenko, 2021** – *Kravchenko, I.* (2021). Kyivskyy Svyato-Yekaterynynskyy monastyr: sklad chernetstva i nasel'nykiv u XVIII – na pochatku XX st. [Kyiv Greek St. Catherine's Monastery: Contingent of Monkhdom and Inhabitants in the 18th – Early 20th Century]. *Eminak*. 4(32): 29-42. DOI: [https://doi.org/10.33782/eminak2020.4\(32\).461](https://doi.org/10.33782/eminak2020.4(32).461) [in Ukrainian]
- Kozyuba, 2019** – *Kozyuba, V.* (2019). Tserkovne i monastyrs'ke zemlevolodinnya navkolo Kyyeva naprykintsi XV – u XVI st. [Church and monastery land ownership around Kyiv at the end of the 15th – In the 16th century]. *Bolkhovitinov's'kyy shchorichnyk 2017/2018*. Poznan'-Kyiv. Pp. 35-187. [in Ukrainian]
- Kravchenko, Osadchyy, 2013** – *Kravchenko, O.M., Osadchyy, Ye.M.* (2013). Monastyri Pivnichno-Zakhidnoyi Slobozhanshchyny seredyny XVII – XVIII st. [Monasteries of the North-Western Slobozhanshchyna of the mid-17th – 18th centuries]. Sumy: Dzherelo. 272 p., 56 il. [in Ukrainian]
- Kryvosheia, 2020** – *Kryvosheia, I.* (2020). Tserkva i monastyr u funeral'niy kul'turi kozats'koyi starshyny [Church and Monasteries in Funeral Culture of Cossack Officers]. *Eminak*. 3(31). Pp. 32-42. DOI: [https://doi.org/10.33782/eminak2020.3\(31\).434](https://doi.org/10.33782/eminak2020.3(31).434) [in Ukrainian]
- Kryvosheia, 2022** – *Kryvosheia I.* (2022). Zhinochi testamenty rodyn kozats'koyi starshyny XVII-XVIII st. [Women's Testaments of Cossack Officers' Families of 17th – 18th Centuries]. *Eminak*. 1(37). Pp. 7-24. DOI: [https://doi.org/10.33782/eminak2022.1\(37\).568](https://doi.org/10.33782/eminak2022.1(37).568) [in Ukrainian]
- Levitskiy, 1905** – *Levitskiy, I.* (1905). Gorod Putivl' [City of Putivl]. *Trudy XII Arkheologicheskogo s'yezda v Khar'kove v 1902 g.* M.: tip. O-va rasprostr. pol. knig, arend. V.I. Voronovym. Tom III. Pp. 1-54. [in Russian]
- Maslov, 1994** – *Maslov, I.* (1994). Glinskaya pustyn'. Istoriya obiteli i yeyo dukhovno-prosvetitel'skaya deyatel'nost' v XVI – XX vekakh [Glinskaya Pustyn. The history of the monastery and its spiritual and educational activities in the XVI – XX centuries]. M. 607 p. [in Russian]

Monych, 2021 – *Monych, O.* (2021). Petro-Pavlivs'kyy Monastyr u seli Irhóc (Vil'khivtsi) u XVIII st. [Petro-Pavlivsky Monastery in the Village of Irhóc (Vilkhivtsi) in the 18th Century]. *Eminak*. 2(34): 67-75. DOI: [https://doi.org/10.33782/eminak2021.2\(34\).515](https://doi.org/10.33782/eminak2021.2(34).515) [in Ukrainian]

Morhunov y dr., 2022 – *Morhunov, Yu.Yu., Pryymak, V.V., Osadchyy, Ye.M., Korotyа, O.V.* (2022). Horodyschcha romens'ko-davn'orus'koho chasu Sums'koyi oblasti [Settlements of the Romanian-Ancient Russian times of the Sumy region]. Kharkiv: Ekspres-knyha. 265 p. [in Ukrainian]

Osadchyy, 2020 – *Osadchyy, Ye.M.* (2020). Kartohrafuvannya horodyschch rann'oho zaliznoho viku Putyvl's'koho Poseym"ya [Mapping of settlements of the Early Iron Age of the Putivlskyi Poseim region]. *Starozhytnosti Livoberezhnoho Podniprovv"ya 2020. Zbirnyk naukovykh prats'*. Do 130-richchya z dnya narodzhennya O.K. Takhtaya (1890 – 1963). Poltava-Kharkiv: Maydan. Pp. 239-244. [in Ukrainian]

Osadchiy, 2021a – *Osadchiy, Ye.N.* (2021). Dvoryanskoye pomest'ye XVII veka na Srednem Seyme [Noble estate of the XVII century on the Middle Seim]. *Filo Ariadne*. 1: 1-11. [in Russian]

Osadchiy, 2021b – *Osadchiy, Ye.N.* (2021). Krest'yanskaya usad'ba XVII veka na Srednem Seyme [Peasant estate of the XVII century on the Middle Seim]. *Filo Ariadne*. 3: 58-72. [in Russian]

RGADA – Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv drevnikh aktov [Russian State Archive of Ancient Acts].

Rusina, 1999 – *Rusina, O.* (1999). Do istoriyi monastyr's'koho hospodarstva na Siversshchyni (Vypys 1606 r. putyvl's'koho Molchyn's'koho monastyrya) [To the history of the monastic economy in the Siversshchyna (Inventory of 1606 of the Putivl Molchyn monastery)]. *Ukrayins'kyu arkhеohrafichnyy shchorichnyk*. K. Vyp. 3-4. Pp. 450-457. [in Ukrainian]

Slyusarskiy, 1964 – *Slyusarskiy, A.G.* (1964). Sotsial'no-ekonomicheskoye razvitiye Slobozhanshchiny XVII – XVIII vv. [Socio-economic development of Slobozhanshchina in the 17th – 18th centuries]. Khar'kov. 460 p. [in Russian]

Zhalovannye gramoty, 1863 – Zhalovannye gramoty Putivl'skomu Molchenskomu monastyryu [Letters of commendation to the Putivl Molchensky Monastery]. *Trudy Kurskogo gubernskogo statisticheskogo komiteta*. Kursk: tipografiya gubernskogo pravleniya, 1863. Vyp. 1. Pp. 562-579. [in Russian]

Монастырское землевладение на Среднем Сейме в XVII веке

Сергей Иванович Дегтярев ^{a, b, *}, Евгений Николаевич Осадчий ^c,
Анатолий Владимирович Гончаренко ^a

^a Сумский государственный университет, Сумы, Украина

^b Черкас глобальный университет, Вашингтон, США

^c Институт прикладной физики Национальной академии наук Украины, Сумы, Украина

Аннотация. Статья посвящена истории формирования монастырского землевладения в Путивльском уезде в XVII веке. Авторами были проанализированы письменные источники, содержащие ориентиры на местности, и карта Путивльского уезда конца XVIII века с нанесенными топонимами и гидронимами, ныне утраченными. Кроме этого, некоторые названия связаны с памятниками археологии, что позволило уточнить и дополнить прохождение границ земельных владений. В результате было выделено три значительных участка, располагавшихся около города Путивля, вокруг Молченского болота и при впадении реки Берюх в Клевень. Эти участки были практически не заселенными – всего три деревни на площади более 80 кв. км. Некоторые населенные пункты стояли пустыми, а их поля не возделывались. Основным доходом монахов здесь были оброк и промыслы. Наибольшее внимание уделено рыбному: из-за частных постов монахам нельзя было есть мясную пищу и на первый план выходили рыбные блюда. Бортным промыслом занимались в основном жители Путивля, отдававшие часть меда монастырской братии. Кроме этого, огромный Линевский лес был источником строительного и дровяного леса, а также местом для охоты. В документе отсутствуют упоминания о мельнице – в более позднее время обязательного атрибута монастырского хозяйства. Место и право на ее постройку братия получила ранее, однако была ли она построена – неизвестно. Есть только упоминание об оброке на пользование прудом на р. Берюх, но из другого документа того же времени известно о расположении на нем пороховой мельницы, принадлежащей семье промышленников Селитренниковых. В целом Молченский монастырь в начале XVII века был крупным землевладельцем, ориентированным на ведение натурального хозяйства, преимущественно промыслов.

Ключевые слова: Молченский Рождества Пресвятой Богородицы монастырь, Путивльский уезд, XVII век, производительность сельского хозяйства, методы ведения сельского хозяйства, права на землю, рыболовство.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: starsergo2014@gmail.com (С.И. Дегтярев)

Copyright © 2023 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2023. 18(2): 525-534
 DOI: 10.13187/bg.2023.2.525

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Rural Population of the Historical Region of the Belgorod Line in the Context of the Economic Development of the Territories of the “Wild Field” in the XVII-XVIII centuries

Denis A. Lyapin ^a, Nikolay A. Zhironov ^{a, *}

^a Bunin Yelets State University, Russian Federation

Abstract

The article presents the experience of the temples in the study of the local territory of the Central Chernozem region during the XVII-XVIII centuries. It was the territory of the Belgorod line – a complex of military installations on the southern frontier of Russia. The authors focus on the rural population of three large districts: Voronezh, Belgorod and Yelets. Census books, economic notes to the maps of the general land surveying of 1795 became the basis for scientific work. The article draws important conclusions about the features of the internal colonization of Russia, shows the specifics of this phenomenon on the example of the southern frontier territory. It is established that the construction of a complex of military defense structures in the 1650s played an important role in the economic development of a vast and fertile region. This event significantly changed the social structure of society and disrupted the traditional development of landownership, but this made it possible to begin intensive land development and ensure a military offensive to the south. As a result, by the end of the 17th century, the form of small land ownership without peasant households (single-yard) began to prevail in the region. Smallandowners became the main social element in the structure of local society. Despite reforms of Peter the Great and the advance of the border to the south, the situation has not changed. In 1795, the number of smallandowners exceeded the number of peasants. The formation of this specific social element created favorable conditions for internal colonization.

Keywords: Belgorod line, Central Chernozem region, small landlords, census books, internal colonization.

1. Введение

Данная статья представляет собой попытку осмысления специфики внутренней колонизации земель России на примере региона современного Центрального Черноземья. Исторически решающую роль в его хозяйственном освоении сыграл процесс строительства Белгородской черты – огромного комплекса военно-оборонительных сооружений, построенного в 1650-е годы для защиты южных рубежей Московского государства. Военная защита не только создала условия для устойчивого развития, но и вызвала также демографический рост и изменения социальных градаций, сохранившихся здесь впоследствии на несколько столетий.

Территорию современного Центрального Черноземья в XVI – первой половине XVII вв. обычно называли «Подем», однако в современных работах часто можно встретить термин «Дикое поле». На самом деле под этим термином понимали не обрабатываемый землевладельцем участок земли в принятой тогда трехпольной системе севооборота, куда входили также «пашня» и «перелог». Однако на иностранных картах «Московии» термином «Дикое поле» ошибочно обозначали обширные степные и лесостепные пространства, тянувшиеся от Оки на юг. Именно под таким значением термин прочно вошел в российскую историографию. В данной статье он употребляется по большей части и в

* Corresponding author

E-mail addresses: zhironov-nikolai@mail.ru (N.A. Zhironov), lyapin-denis@yandex.ru (D.A. Lyapin)

силу своего лексико-семантического наполнения, как символ упадка и заброшенности, т.е. природной дикости как антитезы цивилизации и культуре.

Колонизация земель за р. Окой, начавшаяся во второй половине XVI в. стала важным шагом к расширению территории быстро развивающейся державы московских наследников Ивана Калиты. Это был первый опыт освоения степных территорий страной, сформировавшейся в лесной зоне междуречья Оки и Волги. Как известно, этот опыт был положительным: «Дикое поле» в условиях военного противостояния с Крымским ханством, а позже и с Османской империей вошло в состав Российского государства, хотя его хозяйственное освоение проходило еще долго. С конца XVI до конца XVII вв. граница страны отодвигалась на Юг, образуя огромный фонд пустых внутренних земель, нуждавшихся одновременно в военной защите и экономическом развитии.

Предлагаемая читателю статья является итогом исследования особенностей внутреннего освоения пространств территории Центрального Черноземья, «Дикого поля», ставшего к XIX в. богатым хлебным краем. Два столетия понадобилось России, чтобы освоить обширные пустые территории. Для достижения поставленной цели, учитывая ограниченность объема статьи, мы будем использовать материалы нескольких уездов, которые наиболее показательны, а именно Белгородского, Воронежского и Елецкого.

2. Материалы и методы

Источниками исследования послужили массовые статистические описания XVII–XVIII вв. из фондов 1209, 350 и 1355 Российского архива древних актов (г. Москва, Российская Федерация).

Методологическая база работы основана, прежде всего, на диахронном методе. Его применение позволило выстроить историю развития региона Центрального Черноземья за двести лет в четкой последовательности. Данные, полученные в ходе обработки массовых архивных источников, позволили проследить появление социальных элементов в общественной структуре и установить специфику их дальнейшего развития. Для систематизации полученных сведений использовался историко-генетический метод, основанный на принципе историзма. В исследовании социально-экономических процессов, особенно связанных со второй половиной XVII – началом XVIII вв. авторами применялся статистический метод, позволивший систематизировать количественные данные.

Работая с массовыми источниками информации, имевшими, главным образом, фискальные цели (платежными, писцовыми и переписными книгами), мы исходили из относительности их данных для получения статистической информации. Тем не менее использование в исследовании вероятно-статистического метода помогло определить общее направление исторического развития территории. В таком контексте типологический метод позволил сделать важнейшие выводы, характеризующие социальную структуру общества рассматриваемого региона.

3. Обсуждение

Вопрос о внутренней колонизации земель стремительно расширяющегося Российского государства является особенно значимым, учитывая соотношение размеров страны и относительно небольшую численность ее жителей. Обобщающей работой в этом направлении является труд профессора Кембриджского университета А. Эткинда, вышедший на русском языке в 2013 г. ([Эткин, 2013](#)). Автор попытался осмыслить исторические процессы расширения границ России на протяжении нескольких столетий. Книга вызвала неизбежную дискуссию и несколько новых работ ([Эткин и др., 2013](#); [Уффельманн, 2013](#)). К сожалению, исследование А. Эткинда содержит мало фактического материала и много отвлеченных рассуждений. Не менее спорной является работа американского историка М. Ходарковского, связанная с изучением расширения границ России в сторону степного юга ([Ходарковский, 2019](#)). В этой книге основное место занимает среднеазиатская тематика и специфика устройства кочевого общества местного населения. В отличие от Эткинда Ходарковский оправдывает стремление России к расширению, считая, что прочный мир с кочевниками был невозможен. Так или иначе оба автора обратили справедливое внимание на важность проблемы внутреннего освоения территории подвластных российской короне и поставили ряд важных вопросов.

Проблема внутренней колонизации европейской части России была показана Л.В. Миловым, считавшим, что именно в этой плоскости лежит краеугольный камень развития российской государственности. Историк указывал также на климат и техническую специфику орудий труда русского земледельца как дополнительные факторы, определяющие особенности развития общества, тесно связанные с освоением внутренних пространств государства ([Милов, 2001](#)).

На существенную роль новоприобретенных Москвой плодородных сельскохозяйственных земель, нуждавшихся в распашке, обратила внимание американская исследовательница К. Белкин-Стивенс в монографии о военных преобразованиях и экономическом развитии южной окраины допетровской России ([Stevens Belkin, 1995](#)). Значение хлебных ресурсов для развития Российского государства подчеркивали Р. Смит и Д. Христиан в специальном исследовании, посвященном русской еде и напиткам ([Smith, Christian, 1984: 23-24](#)).

Современные российские ученые часто рассматривают проблему освоения новых земель в контексте концепции фронта. Отчасти эта проблематика близка нашей работе, несмотря на то, что граница, определявшая фронтальную зону, отодвинулась далеко на юг, однако изучаемая нами территория по сути являлась наследником фронта и процессов, связанных с этим явлением (Мизис, Кащенко, 2011; Жуков, Лямин, Канищев, 2013).

4. Результаты

Первый шаг в освоении земель «Дикого поля» был сделан в 1560-е годы, когда началось укрепление уездов по р. Оке. В 1563 г. здесь был построен Новосиль, в 1566 г. – Орел, а затем в верховьях Дона – Епифань. В 1568 г. появился Данков – небольшая сторожевая крепость еще ниже по течению Дона. Со временем от Тулы к Рязани протянулась единая оборонительная линия – засечная черта. В конце XVI в. правительство принимает решение оттолкнуться от укреплений на Оке и отодвинуть границу на юг, по рекам Дон и Оскол, вторгнувшись в пределы пустых черноземных земель, которые традиционно считались зоной влияния Крымского ханства. Таким образом, в последние годы XVI в. русскими были возведены 8 «степных» крепостей: Ливны (1586), Воронеж (1586), Елец (1592), Курск (1596), Оскол (1596), Белгород (1596), Царев-Борисов (1599) и Валуйки (1599). Несмотря на влияние Смутного времени, хозяйственное освоение и заселение региона Верхнего Дона шло поступательно, о чем свидетельствуют данные за 1615 г. по Воронежскому и Елецкому уездам (Жиров, 2019).

Следующий существенный шаг, связанный с продвижением степной границы, относится к 1630-м гг. Воспользовавшись Смоленской войной, крымские татары обрушились на южные уезды России и нанесли большой урон немногочисленному местному населению. Это вынудило правительство царя Михаила Романова начать укрепление земель, но средства на это важное дело выделялись слабо, и население было вынуждено заботиться о себе самостоятельно. Ситуация кардинальным образом меняется после воцарения Алексея Михайловича (1645), окружение которого поставило своей задачей начать решительное наступление на юг и продвинуть границы страны дальше, чем когда-либо. В 1646 г. начинается масштабное строительство оборонительных линий, соединившихся к 1654 г. в единую оборонительную систему – Белгородскую черту. Строительные работы вызвали также массовое переселение людей на южную окраину и обострило военные действия с крымскими татарами, а также с Османской империей. Несмотря на проблемы на южном фронте, Москва принимает решение начать войну на западе с Речью Посполитой. В результате Белгородская черта не была полностью закончена и строительные работы продолжались вплоть до 1682 г. В это время крупные набеги татар на земли Черноземья прекратились, и теперь «Дикое поле» было полностью подконтрольно Москве.

Все это время в регионе происходили важные социально-экономические перемены, нашедшие отражение в переписных книгах 1646 и 1678 гг. Достоверность переписных книг XVII в. обычно определяют 70 % (Водарский, 1968; Дементьев, 2015). Переписи петровского времени редко были в центре внимания исследователей, однако, по нашим данным, их достоверность также можно установить в пределах 70 % (Ляпин, 2021).

Далее мы остановимся на подробном рассмотрении социальных процессов в регионе на примере Белгородского, Воронежского и Елецкого уездов.

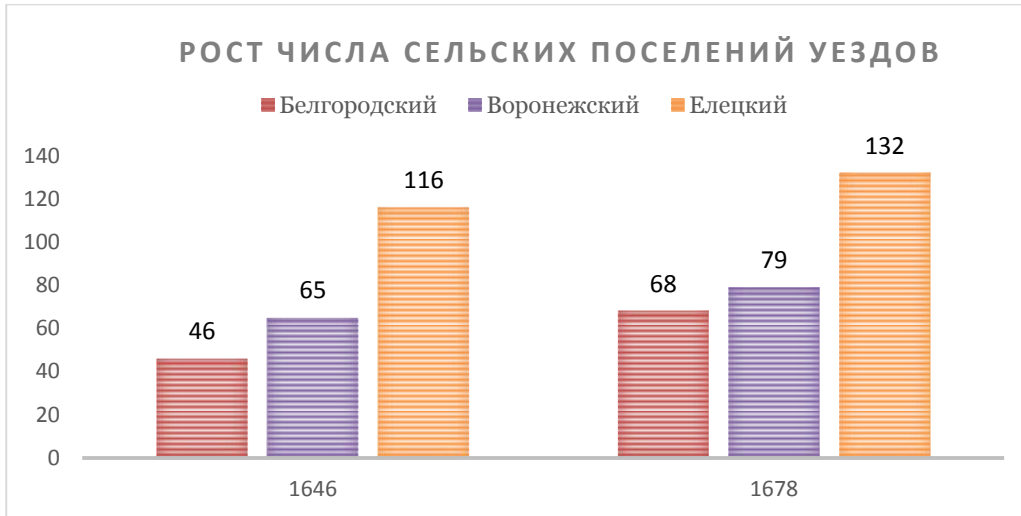
Белгородский уезд оформился к 1615 г., хотя его территория была заселена крайне неравномерно. Наибольшее количество поселений находилось на широкой равнине, изрезанной ручьями и небольшими речками, впадающими в р. Северский Донец. Развитие этих земель первоначально было обеспечено защитой белгородской крепости. Воронежский и Елецкий уезды также получили свое завершение к 1615 г. Более северный Елецкий уезд был лучше защищен лесными массивами, и потому население здесь традиционно было многочисленнее, а основная часть сельских поселений концентрировалась на притоках правобережья Дона. Южные земли Воронежского уезда долгое время не осваивались полноценно, а использовались в качестве отхожих промыслов. Самой заселенной частью была та, что находилась к северу от крепости или непосредственно рядом с ней, по рекам Дон и Воронеж. Динамика развития сельских поселений этих уездов в XVII в. показана на [Рисунке 1](#).

Следует также сказать, что, несмотря на административные изменения в регионе, связанные с появлением новых уездов, переписчики в 1678 г. отталкивались в своей работе от границ 1646 г. Это правило характерно и для переписей первой трети XVIII в. Соответственно в наших подсчетах мы исходили из уезда как конкретной стабильной территориальной единицы.

С точки зрения экономического аспекта сельское население уездов этого времени можно разделить на несколько категорий: крупных землевладельцев, имевших крестьян на своих землях; помещиков «средней руки», число крестьян которых не превышало 10; однодворцев, не имевших крестьян на своих землях; собственно самих крестьян. С 1652 г. правительство начинает формирование в регионе полков нового строя: рейтар, драгун, копейщиков. В этой связи новый статус получила значительная часть местного населения различного происхождения. Как правило, драгунами записывали дворянских крестьян, рейтарами однодворцев, а в копейщики – мелких служилых людей,

проживавших в крепостях (Петрухинцев, 2018). Однако новая военная градация мало затронула реальное экономическое положение социальных групп уезда, а в 1670-е годы правительство постепенно вернулось к традиционным боевым составляющим южного контингента войск.

Рис. 1. Динамика развития сельских поселений Белгородского, Воронежского и Елецкого уездов в 1628–1678 гг. Источники: РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Ч. 2. Д. 15829, 15818 (Белгород); Переписная книга..., 1998. Подготовка текста, вступительная статья и примечания В.Н. Глазьева. Воронеж, 1998. 208 с.; РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 12286 (Воронеж); РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 8830 (Елец)

В процессе экономического освоения земель «Дикого поля» решающее значение имело строительство Белгородской черты. Оно значительно ускорило процесс хозяйственного освоения региона, поскольку выросло число служилых землевладельцев, соответственно сел и деревень стало заметно больше. Однако при этом был нарушен традиционный принцип хозяйственного уклада сельской жизни, который подразумевал наличие крестьян на землях служилых землевладельцев. Этот уклад начал складываться здесь после Смутного времени, но оказался разрушен интенсивными переселениями мелких помещиков в места военно-оборонительного строительства. Помещики-переселенцы получали земельные пожалования, которые становились основанием для их военной службы, а также способствовали развитию рынка и обеспечивали зерном свой военный участок. В условиях постоянных боевых действий крестьянское население не могло увеличиваться быстрыми темпами, и именно поэтому пашню обрабатывали сами помещики, образуя земельные общины. Однодворческое поместье (лишенное крестьян) было той формой землепользования, которая адекватно отвечала потребностям времени.

В 1650–1670-е годы – время интенсивного строительства военно-оборонительных сооружений и войн, которые вела Россия с Польшей, Швецией, Крымом и Османской империей – стало периодом окончательного оформления однодворческой общины, появившейся здесь еще на заре русской колонизации, в конце XVI в. Через сто лет, к концу XVII в., численность помещиков без крестьян в южных уездах составляла большинство от общей массы населения – 82,9 % (Важинский, 1974: 106).

Мелкие помещики, в большинстве своем не имевшие крестьян однодворцы, именовали себя в документах «сябрами», подразумевая под этим термином социальный слой, объединенный общей хозяйственной деятельностью, включая совместные промысловые угодья. Впервые на это обратил внимание В.М. Важинский, детально изучивший однодворческие «сказки» и земельные тяжбы (Важинский, 1974: 168-172). В свою очередь Б. Девис полагал, что сябры жили особыми «деревенскими коммунами», в рамках которых вели общую хозяйственную деятельность и защищали свои владения от нападений небольших татарских отрядов (Davies, 2004: 118-119). Конечно, община, основанная на добровольном объединении семейно-родовых групп, являлась условной единицей, не имевшей никакого юридического статуса. Государство, сталкиваясь с этой «трудовой коммуной» как фактом сельской жизни, официально не признавало ее как коллективное владение. Официально за каждым, даже самым бедным однодворцем, был закреплен конкретный земельный участок на правах частного пользования, данный ему на условиях несения военной службы.

Все старания государства, направленные на то, чтобы добиться разграничения коллективных владений в южных уездах, ни к чему не приводили (Чичерин, 1858: 50). Самая настойчивая попытка властей добиться четкого закрепления земель за каждым служилым человеком относится к 1678–1679 гг. Она была связана с началом очередных военных реформ правительства Федора Алексеевича. Тогда государство заявило о принудительном размежевании однодворческих владений и даже законодательно запретило коллективное владение земельными угодьями (Stevens Belkin, 1995: 154).

Но эта политика вызвала волну недовольства, и на деле осуществить данную законодательную инициативу было почти невозможно, так как мелкие помещики уже не мыслили себя вне общинного владения землей (Благовещенский, 1899: 22).

Устойчивость сельской общины была обусловлена ее практическим значением: коллективная хозяйственная деятельность была гораздо более эффективным способом освоения окружающего природного пространства в условиях «Дикого поля», чем самый упорный труд отдельной семьи. Местный социум распределял ресурсы в соотношении, позволяющем выжить всем своим членам, включая сирот и вдов. Рост численности однодворцев на примере Белгородского уезда показан на Рисунке 2.

Рис. 2. Рост числа однодворцев Белгородского уезда. Источники: РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 15817; РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Ч. 2. Д. 15829, 15818 (Белгород); Переписная книга..., 1998. Подготовка текста, вступительная статья и примечания В.Н. Глазьева. Воронеж, 1998. 208 с.; РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 12286 (Воронеж); РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 8830 (Елец)

Петровские преобразования изменили социальный kaleidoscope изучаемого региона, хотя уездное общество это затронуло в меньшей степени. Фактическое расслоение единого слоя помещиков («детей боярских») постепенно получило в это время более или менее четкое юридическое оформление. Местная служилая элита образовала группу шляхетства, часть которой несла военную службу, а часть – гражданскую. Однодворцы в большинстве своем были записаны в полки ланд-милиции, сохранив при этом военное значение. Некоторые из них поступили в новые военные формирования.

Массовые источники петровского времени можно разделить на две группы: переписные книги 1710 и 1716/18 гг. (последние часто называются ландратскими) и смотры шляхетства в 1718 и 1720/21 гг. (Захаров, Ляпин, 2021: 84). Наибольшую ценность для нашего исследования представляют переписи 1710 и 1716/18 гг., так как они содержат информацию о сельском населении региона и отражают проходившие здесь социальные процессы.

Возьмем для примера данные по территории бывшего Воронежского уезда за 1710 и 1716 гг. Несмотря на то, что официально уезды уже были отменены, переписи традиционно проходили в их пределах. По данным переписи, население делится на однодворцев, казаков, крестьян и священнослужителей.

Крестьянское население представляет особый интерес для исследования, поскольку его роль в экономическом развитии региона была довольно высока. Крестьяне, которые не несли военной службы, были полностью заняты хозяйственной деятельностью, и их наличие всегда указывало на относительно высокую степень освоения определенной территории. Показательно, что, сравнивая 1710 и 1716 гг., мы не видим ни одного поселения, где бы количество крестьян выросло. Можно однозначно говорить о повсеместном падении численности этой группы населения (РГАДА. Ф. 350. Оп. 1. Д. 113). Местами убыль крестьянских семей была особенно значительной и в среднем составила 40% за 6 лет. Всего в 1710 г. в Воронежском уезде по нашим подсчетам проживали 1858 крестьян мужского пола, а в 1716 г. их было 870. Представленные данные отражают общую тенденцию, согласно которой крестьянский двор не представлял собой стабильную хозяйственную единицу. В итоге община мелких помещиков в начале XVIII в. все еще сохраняла за собой хозяйственную

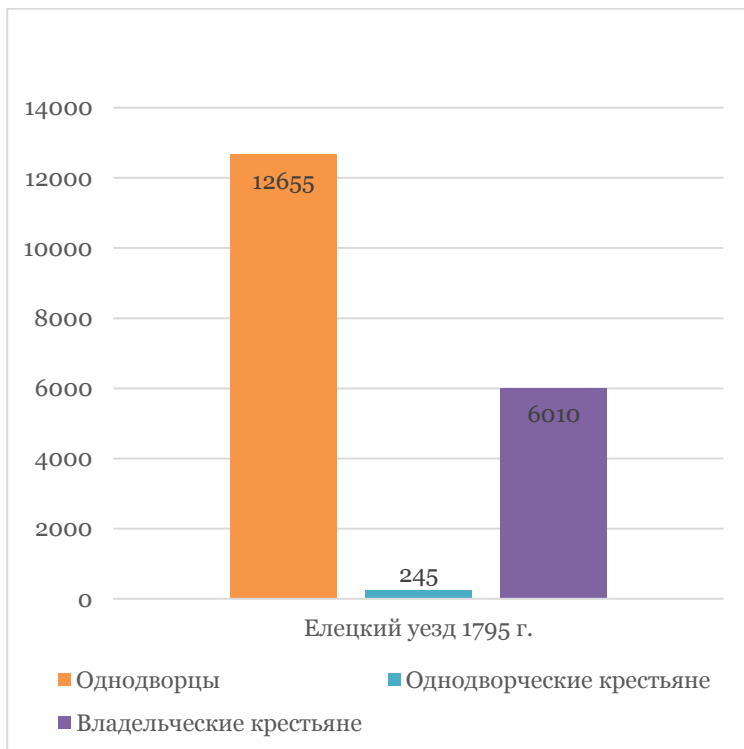
инициативу, несмотря на то, что ее члены продолжали нести военную службу и привлекались к участию в военных действиях.

На фоне уменьшения численности крестьян количество однодворческих дворов стабильно росло. Так, по данным переписей 1710 и 1716 гг. Белгородского уезда, число однодворцев абсолютно преобладало. В Елецком уезде ситуация была примерно такой же. Однако здесь представлен военный статус однодворца: солдат, рейтар, копейщик, городской (т.е. приписанный к службе только в своем регионе). Данные по трем переписным (ландратским) книгам представлены на [Рисунке 3](#) в виде диаграммы.

Рис. 3. Соотношение численности однодворцев и крестьян, по данным переписей 1716/18 гг. в границах бывших Белгородского, Воронежского и Елецкого уездов.

Источник: РГАДА. Ф. 350. Оп. 1. Д. 21 (Белгород), Д. 94 (Воронеж), Д. 113 (Елец)

Рис. 4. Соотношение однодворцев, однодворческих и владельческих крестьян в границах бывшего Елецкого уезда по данным на 1795 г.

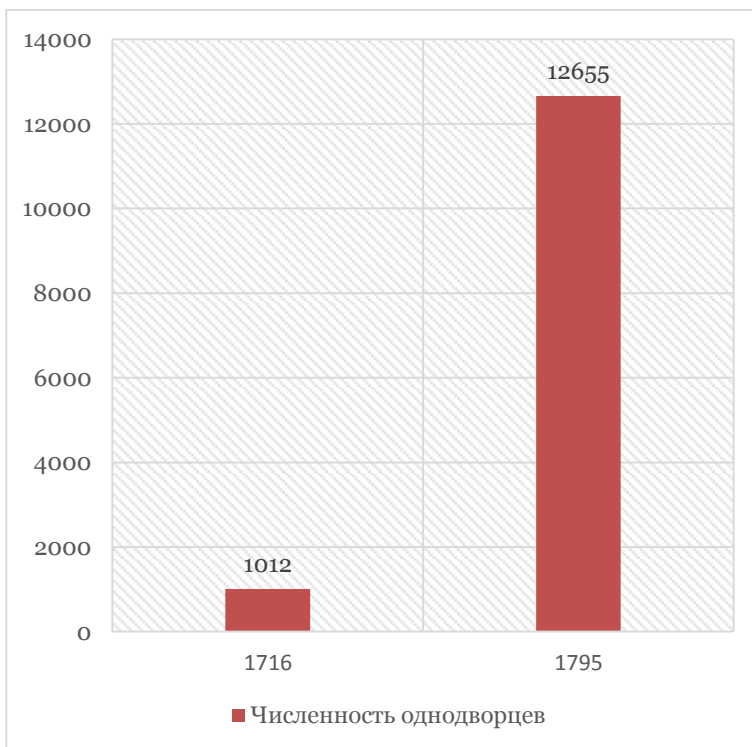
Источник: РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 972

Конечно, следует учитывать, что в Воронежском уезде большая группа крестьян (212) проживала на землях местного митрополита Пахомия и архиепископа Арсения. Кроме того, данные по количеству крестьянского населения в Белгородском и Елецком уездах относительны в силу специфики источника и отражают скорее общую картину.

Что касается сельской элиты этого времени, то она отличалась значительной мобильностью. К службе в своей губернии привлекались в основном отставные, больные и увечные помещики, а остальные не проживали в своих владениях постоянно. Если брать границы бывших уездов, то примерная численность этого слоя лиц составляла около 120 человек (Захаров, Ляпин, 2021: 85).

На протяжении всего XVIII в. численность сельского населения исторического региона Белгородская черта увеличивалась. Хотя социальный состав населения оставался в общих чертах таким же, как и в конце XVII в., в количественном соотношении ситуация изменилась в пользу «владельческих крестьян», но происходило это за счет появления новых сельских поселений. В старых селах и деревнях соотношение оставалось в основном в пользу однодворцев. Они были окончательно отставлены от военной службы, но их статус так и не получил четкого юридического определения. Рассмотрим для примера данные по Елецкому уезду за 1795 г. из Экономических примечаний к планам дач генерального межевания. Наглядно это соотношение представлено на Рисунке 4.

Интересно также отметить, что численность однодворцев в сельских поселениях бывшего Елецкого уезда в сравнении с 1716 г. выросла в 12 раз (см. Рисунок 7). При этом источник фиксирует поселения, где проживали исключительно однодворцы, а также те, где население состояло только из «владельческих крестьян» (Жиров, 2022).

Рис.5. Соотношение однодворцев, однодворческих и «владельческих крестьян» в границах бывшего Елецкого уезда

Источник: РГАДА. Ф. 310. Оп. 1. Д. 113; Ф. 1355. Оп. 1. Д. 972

Как видим, однодворцы в конце XVIII в. также оставались основной социальной категорией, хотя отношение к ним государства теперь было двойственным. Вопрос о правовом статусе однодворческого населения достаточно сложен (Нечаев, 2022). Очевидно, что потомки строителей Белгородской черты в конце XVIII в. представляли устойчивое сообщество, являлись по своей сути особой полноценной сословной группой, хотя верховная власть отказывалась признавать их привилегированным слоем в социальной структуре империи. Современный исследователь В.В. Нечаев верно предполагает, что причиной этого было нежелание высшего дворянства, видевшего в лице однодворцев конкурентов в борьбе за земли, государственную службу и прочие привилегии, поступаться своими правами. В итоге во второй половине XVIII в. высшая аристократия периодически оттесняла однодворцев в сторону крестьянства, используя бюрократические методы и законодательство, что прямо противоречило историческому наследию Российского государства.

В результате однодворцы оказались в рядах крестьянского сословия, хотя несли службу, имели земли и в отдельных случаях – крестьян (Ляпин, 2010).

5. Заключение

Однодворческое землевладение стало результатом процесса внутренней колонизации обширных черноземных земель «Дикого поля», вошедших в состав России в XVII в. Борьба, которая непрерывно сопровождала этот процесс, вынуждала Москву идти на крайние меры, а именно – построить огромный комплекс военно-оборонительных сооружений, известных как Белгородская черта. Этот важный шаг повлек за собой демографический рост и привел к увеличению числа мелких помещиков, не имевших крестьянских дворов. Они существовали в рамках общины и в итоге, обороняя земли от набегов, занимались их распашкой. В XVIII в., когда граница была отодвинута к югу, однодворцы стали заниматься главным образом сельским хозяйством, хотя правительство первое время привлекало их к военной службе. Вместе с тем стремительно росло и количество крепостных, «владельческих крестьян», но хозяйственная роль однодворцев оставалась велика. В социальном плане потомки первых колонизаторов «Дикого поля» продолжали быть активными, участвовали в судебных спорах и тяжбах с крупными землевладельцами, напоминая в спорах о своих прежних заслугах в войнах московского государя.

6. Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 21-18-00024) на базе ФГБОУ ВО "Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина".

Литература

- Благовещенский, 1899 – Благовещенский Н.А. Четвертное право. М.: Типолитография Товарищества Н.Н. Кушнерев и К°, 1899. 538 с.
- Важинский, 1974 – Важинский В.М. Землевладение и складывание общины однодворцев в XVII веке. Воронеж: Изд-во ВГПИ, 1974. 237 с.
- Водарский, 1968 – Водарский Я.Е. К вопросу о достоверности переписных книг XVII в. // *История СССР*. 1968. № 2. С. 133-143.
- Дементьев, 2015 – Дементьев В.С. История учета населения России до начала XX в. // *Географический вестник*. 2015. № 4(35). С. 11-17.
- Жиров, 2019 – Жиров Н.А. Сельский «мир» и хозяйственное освоение территории Верхнего Подонья в начале XVII в. (Воронежский, Елецкий и Ливенский уезды) // *Вопросы истории*. 2019. № 8. С. 147-156.
- Жиров, 2022 – Жиров Н.А. Социально-экономическое развитие территории бывшей Белгородской черты по материалам «Экономических примечаний» к планам Генерального межевания Елецкого уезда Орловской губернии // *Вопросы истории*. 2022. № 9-1 С. 76-84. DOI: 10.31166/VoprosyIstorii202209Statyi10
- Жуков и др., 2013 – Жуков Д.С., Ляпин С.К., Канищев В.В. Фронтир и фрактал: результаты компьютерного моделирования динамики южно-российского фронта в середине XVII – XVIII вв. // *Вестник Тамбовского университета. Серия «Гуманитарные науки»*. 2013. № 10(126). С. 6-12.
- Захаров, Ляпин 2021 – Захаров А.В., Ляпин Д.А. Служилые люди и помещики Азовской губернии при Петре I: к вопросу о социальной идентичности по массовым источникам 1710–1723 гг. // *История: факты и символы*. 2021. № 4(29). С. 83-98.
- Ляпин, 2010 – Ляпин Д.А. Из помещиков в крестьяне: о происхождении сословия государственных крестьян-однодворцев // *История в подробностях*. № 6. 2010. С. 11-16.
- Ляпин, 2021 – Ляпин Д.А. Ландратские книги: характеристика источника и его информационный потенциал // *Quaestio Rossica*. 2021. Вып. 9(1). С. 254-264.
- Мизис, Кащенко, 2011 – Мизис Ю.А., Кащенко С.Г. Проблема формирования русского фронта на юге России в XVI – первой половине XVIII в. в отечественной историографии // *Вестник Санкт-Петербургского университета*. Серия 2. История. 2011. № 1. С. 9-16.
- Милов, 2001 – Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. Москва: РОССПЭН, 2001. 572 с.
- Нечаев, 2022 – Нечаев В.В. Непризнанное сословие (однодворцы Центрального Черноземья в XVIII – начале XIX вв.) // *История: факты и символы*. 2022. № 2(31). С. 92-107.
- Переписная книга..., 1998 – Переписная книга Воронежского уезда 1646 года / Подготовка текста, вступительная статья и примечания В.Н. Глазьева. Воронеж: ВГУ, 1998. 324 с.
- Петрухинцев, 2018 – Петрухинцев Н.Н. «Разрядная» военная реформа Алексея Михайловича и ее влияние в 1658–1660 гг. на южные служилые «города» России (по материалам городов Липецкого края) // *История: факты и символы*. 2018. № 3(16). С. 106-129.
- РГАДА – Российский государственный архив древних актов.
- Уффельманн, 2013 – Уффельманн Д. Подводные камни внутренней (де)колонизации России // *Политическая концептология*. 2013. № 2. С. 57-84.

Ходарковский, 2019 – *Ходарковский М.* Степные рубежи России: как создавалась колониальная империя. 1500–1800. Перевод с английского А. Терещенко. Москва: Новое литературное обозрение, 2019. 352 с.

Чичерин, 1858 – *Чичерин Б.Н.* Опыты по истории русского права. Москва: Тип. Эрнста Барфкиехта и комп., 1858. 402 с.

Эткинд и др., 2013 – *Эткинд А.М., Уффельманн Д., Кукулин И.В.* Внутренняя колонизация России: между практикой и воображением // *Политическая концептология*. 2013. № 2. С. 31-56.

Эткинд, 2013 – *Эткинд А.* Внутренняя колонизация. Имперский опыт России. Перевод с английского В. Макарова. Москва: Новое литературное обозрение, 2013. 448 с.

Devies, 2004 – *Devies L.B.* State power and community in Early Modern Russia. The Case of Kozlov, 1635-1649. New York: Palgrave Macmillan, 2004. 308 p.

Smith, Christian, 1984 – *Smith R.E.F., Christian D.* Bread and salt: a social and economic history of food and drink in Russia. Cambridge: Cambridge University Press, 1984. 391 p.

Stevens Belkin, 1995 – *Stevens Belkin C.* Soldiers on the Steppe. Army reform and Social change in Early modern Russia. Northern Illinois: Northern Illinois University Press, 1995. 241 p.

References

Blagoveshchenskiy, 1899 – *Blagoveshchenskiy, N.A.* (1899). Chetvertnoe pravo [Fourth right]. Moscow, Tipo-litografiya Tovarishchestva N.N. Kushnerev i K^o, 538 p. [in Russian]

Chicherin, 1858 – *Chicherin, B.N.* (1858). Opyty po istorii russkogo prava [Experiments on the history of Russian law]. Moscow, Tip. Ernsta Barfkiekhta i komp., 402 p. [in Russian]

Dement'ev, 2015 – *Dement'ev, V.S.* (2015). Istoriya ucheta naseleniya Rossii do nachala XX v. [The history of accounting for the population of Russia until the beginning of the 20th century]. *Geograficheskii vestnik*. 4(35): 11-17. [in Russian]

Devies, 2004 – *Devies, L.B.* (2004). State power and community in Early Modern Russia. The Case of Kozlov, 1635–1649 (2004). New York, Palgrave Macmillan, 308 p.

Etkind i dr., 2013 – *Etkind, A.M., Uffel'mann, D., Kukulin, I.V.* (2013). Vnutrennyaya kolonizatsiya Rossii: mezhdru praktikoy i voobrazheniem [Internal colonization of Russia: between practice and imagination]. *Politicheskaya kontseptologiya*. 2: 31-56. [in Russian]

Etkind, 2013 – *Etkind, A.* (2013). Vnutrennyaya kolonizatsiya. Imperskiy opyt Rossii [Internal colonization. Imperial experience of Russia]. Pervod s angliyskogo V. Makarova. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 448 p. [in Russian]

Khodarkovskiy, 2019 – *Khodarkovskiy, M.* (2019). Stepnye rubezhi Rossii: kak sozdavalas' kolonial'naya imperiya. 1500–1800 [Steppe borders of Russia: how the colonial empire was created. 1500–1800]. Pervod s angliyskogo A. Tereshchenko. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 352 p. [in Russian]

Lyapin, 2010 – *Lyapin, D.A.* (2010). Iz pomeshchikov v krest'yane: o proiskhozhdenii sosloviya gosudarstvennykh krest'yan-odnodvortsev [From landlords to peasants: on the origin of the class of state peasants-odnodvortsev]. *Istoriya v podrobnostyakh*. 6: 11-16. [in Russian]

Lyapin, 2021 – *Lyapin, D.A.* (2021). Landratskie knigi: kharakteristika istochnika i ego informatsionnyy potentsial [Landratsky books: characteristics of the source and its information potential]. *Quaestio Rossica*. 9(1): 254-264. [in Russian]

Milov, 2001 – *Milov, L.V.* (2001). Velikorusskiy pakhar' i osobennosti rossiyskogo istoricheskogo protsessa [Great Russian plowman and features of the Russian historical process]. M.: ROSSPEN, 572 p. [in Russian]

Mizis, Kashchenko, 2011 – *Mizis, Yu.A., Kashchenko, S.G.* (2011). Problema formirovaniya russkogo frontira na yuge Rossii v XVI – pervoy polovine XVIII v. v otechestvennoy istoriografii [The problem of the formation of the Russian frontier in the south of Russia in the 16th – first half of the 18th centuries in Russian historiography]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 2. Istoriya*. 1: 9-16. [in Russian]

Nechaev, 2022 – *Nechaev, V.V.* (2022). Nepriznannoe soslovie (odnodvortsy Tsentral'nogo Chernozem'ya v XVIII – nachale XIX vv.) [Unrecognized class (odnodvortsy Central Chernozem region in the XVIII – early XIX centuries)]. *Istoriya: fakty i simvoly*. 2 (31): 92-107. [in Russian]

Perepisnaya kniga..., 1998 – *Perepisnaya kniga Voronezhskogo uezda 1646 goda. Podgotovka teksta, vstupitel'naya stat'ya i primechaniya V. N. Glaz'eva.* [Census book of the Voronezh district of 1646]. Voronezh, VGU, 1998. 324 p. [in Russian]

Petrukhintsev, 2018 – *Petrukhintsev, N.N.* (2018). «Razryadnaya» voennaya reforma Alekseya Mikhaylovicha i ee vliyanie v 1658-1660 gg. na yuzhnye sluzhilye «goroda» Rossii (po materialam gorodov Lipetskogo kraja) [“Discharge” military reform of Alexei Mikhailovich and its influence in 1658–1660. on the southern service “cities” of Russia (based on the materials of the cities of the Lipetsk Territory)]. *Istoriya: fakty i simvoly*. 3(16): 106-129. [in Russian]

RGADA – Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv drevnikh aktov [Russian State Archive of Ancient Acts].

Smith, Christian, 1984 – *Smith, R.E.F., Christian, D.* (1984). Bread and salt: a social and economic history of food and drink in Russia (1984). Cambridge, Cambridge University Press, 391 p.

- Stevens Belkin, 1995 – Stevens Belkin, C. (1995). Soldiers on the Steppe. Army reform and Social change in Early modern Russia. Northern Illinois, Northern Illinois University Press, 241 p.
- Uffel'mann, 2013 – Uffel'mann, D. (2013). Podvodnye kamni vnutrenney (de)kolonizatsii Rossii [Pitfalls of internal (de)colonization of Russia]. *Politicheskaya kontseptologiya*. 2: 57-84. [in Russian]
- Vazhinskiy, 1974 – Vazhinskiy, V.M. (1974). Zemlevladienie i skladyvanie obshchiny odnodvortsev v XVII veke [Land tenure and the formation of a community of one-courtiers in the 17th century]. Voronezh, Izd-vo VGPI, 237 p. [in Russian]
- Vodarskiy, 1968 – Vodarskiy, Ya.E. (1968). K voprosu o dostovernosti perepisnykh knig XVII v. [To the question of the reliability of census books of the 17th century]. *Istoriya SSSR*. 2: 133-143. [in Russian]
- Zakharov, Lyapin, 2021 – Zakharov, A.V., Lyapin, D.A. (2021). Sluzhilye lyudi i pomeshchiki azovskoy gubernii pri Petre I: k voprosu o sotsial'noy identichnosti po massovym istochnikam 1710–1723 gg. [Service people and landowners of the Azov province under Peter I: on the issue of social identity according to mass sources 1710–1723]. *Istoriya: fakty i simvoly*. 4 (29): 83-98. [in Russian]
- Zhirov, 2019 – Zhirov, N.A. (2019). Sel'skiy «mir» i hozyajstvennoe osvoenie territorii Verhnego Podon'ya v nachale XVII v. (Voronezhskiy, Eleckiy i Livenskiy uезdy) [Rural “World” and economic Development of the Territory of the Upper Don at the beginning of the XVII Century. (Voronezh, Yelets and Livensky Counties)]. *Voprosy istorii*. 8: 147-156. [in Russian]
- Zhirov, 2022 – Zhirov, N.A. (2022). Social'no-ekonomicheskoe razvitie territorii byvshej Belgorodskoy cherty po materialam «Ekonomicheskikh primechanij» k planam General'nogo mezhevaniya Eleckogo uезда Orlovskoy gubernii (2022). [Socio-economic development of the territory of the former Belgorod line based on the materials of the “Economic Notes” to the plans of the General survey of the Yelets district of the Oryol province]. *Voprosy istorii*. 9-1: 76-84. DOI: 10.31166/VoprosyIstorii202209Statyi10 [in Russian]
- Zhukov i dr., 2013 – Zhukov, D.S., Lyamin, S.K., Kanishchev, V.V. (2013). Frontir i fraktal: rezul'taty komp'yuternogo modelirovaniya dinamiki yuzhno-rossiyskogo frontira v seredine XVII – XVIII vv. [Frontier and Fractal: Results of Computer Simulation of the Dynamics of the South Russian Frontier in the Middle of the 17th – 18th centuries]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya «Gumanitarnye nauki»*. 10(126): 6-12. [in Russian]

Сельское население исторического региона Белгородской черты в контексте хозяйственного освоения пространств «Дикого поля» в XVII–XVIII вв.

Денис Александрович Ляпин ^а, Николай Анатольевич Жиров ^{а, *}

^а Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, Елец, Российская Федерация

Аннотация. Статья представляет собой важный опыт изучения локальной территории Центрального Черноземья на протяжении двухсот лет его истории в XVII–XVIII вв. Авторы сосредоточивают внимание на истории сельского населения региона на примере трех уездов: Белгородского, Воронежского и Елецкого. В ходе исследования были изучены массовые источники XVII–XVIII веков: переписные книги 1646 и 1678 годов, переписные книги 1710 и 1716/18 годов, экономические примечания к картам генерального межевания 1795 г. В итоге были сделаны выводы относительно специфики внутренней колонизации России. Было установлено, что решающую роль в экономическом развитии региона сыграло возведение комплекса военно-оборонительных укреплений в 1650-е годы. Это событие существенно изменило социальную структуру общества, нарушило естественный ход развития поместного землевладения, но позволило начать интенсивное освоение и обеспечить военное наступление на юг. В результате к концу XVII в. в регионе стала преобладать форма мелкого землевладения без крестьянских дворов (одnodворческого). Мелкие землевладельцы стали основным социальным элементом в структуре местного общества. Несмотря на реформы Петра и продвижение границы на юг, ситуация не изменилась. В 1795 году количество одnodворцев все еще превышало численность крестьян. Формирование специфического социального элемента – мелких землевладельцев – создало благоприятные условия для внутренней колонизации.

Ключевые слова: Белгородская черта, Центральное Черноземье, мелкие помещики, переписные книги, внутренняя колонизация.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: zhirov-nikolai@mail.ru (Н.А. Жиров), lyapin-denis@yandex.ru (Д.А. Ляпин)

Copyright © 2023 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2023. 18(2): 535-543
 DOI: 10.13187/bg.2023.2.535

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Mongolian Military-Political Factor in the History of Buddhism in Tibet

Mergen S. Ulanov ^{a, *}, Valeriy N. Badmaev ^a, Arya A. Andreeva ^a

^a Kalmyk State University, Elista, Republic of Kalmykia, Russian Federation

Abstract

The article is devoted to the role of the Mongolian military-political factor in the history of Buddhism in Tibet. Mongolian folk roles played an exceptional role in the history of Tibetan Buddhism, providing military patronage to one or another school, and influencing the role of military forces in intra-religious conflicts in Tibet. During the period of the Mongol Empire, the Mongols turned out to be a military-political cover of the Sakya school, which was carried out to establish its domination meetings in Tibet. From the end of the 16th century an alliance of the Mongols and Oirats with the Gelug school begins to form. Thanks to the military and political support of the Oirats in the middle of the 17th century, political power in Tibet was taken over by the Gelug, which set about establishing a theocracy here. At the same time, the data on infection among those affected by Tibetan schools pursued not so much religious as religious goals and in this sense cause conflicts between Catholic orders for political influence. In the following period, the Oirats continued to actively participate in the political life of Tibet. During the emergence of Galdan Boshoktu Khan, a plan arose for many states of the Oirats and Mongols under the spiritual patronage of the Dalai Lama, which, however, was not implemented in the power of influence. In general, it can be noted that the military-political factor had a significant impact on the religious history of Tibet.

Keywords: Buddhism, military history, Mongolian peoples, Mongols, Oirats, Mongolia, Tibet, Tibetan Buddhism, Gelug.

1. Введение

В современном мире, несмотря на то, что глобализация бросает вызов традиционным обществам и культурам, меняя этнокультурный ландшафт, религия продолжает играть значительную роль. Религиозная идентичность не только сохраняется, но в ряде случаев даже выходит на первый план, что получило название «Реванш Бога» (Кепел, 1994). Известный американский ученый С. Хантингтон в своей работе «Столкновение цивилизаций» (Хантингтон, 2003) даже попытался рассмотреть все основные международные конфликты через цивилизационно-религиозную призму. Таким образом, происходит усиление роли религии как одного из ключевых факторов геополитики и международных отношений. В связи с этим вполне обоснованным является интерес к роли военно-политического фактора в истории религии.

Так, изучение истории буддизма у монгольских народов и их взаимоотношений с Тибетом способствует лучшему пониманию религии, культуры и менталитета тюрко-монгольских этносов России, традиционно исповедующих тибетскую традицию буддизма. Особенно важно это для современных калмыков, предки которых – ойраты – сыграли значительную роль в установлении гегемонии буддийской школы Гелуг в Монголии и Тибете и формировании тибетской теократии.

Цель настоящей статьи – рассмотреть роль монгольского военно-политического фактора в истории тибетского буддизма.

* Corresponding author

E-mail addresses: ulanov1974@mail.ru (M.S. Ulanov), badmav07@yandex.ru (V.N. Badmaev), lovely-arya@mail.ru (A.A. Andreeva)

2. Материалы и методы

В работе были использованы источники по истории Тибета, Кукунора и Монголии, в частности работа ойратского историка Сумба-Хамбо «Пагсам-джонсан» ([Пагсам-джонсан, 1991](#)), летопись «Дэбтэр-чжамцо» тибетского ученого Брагтон-Шабдун-Гончок-Дамба-Рабчжая («Дэбтэр-чжамцо», [1983](#)), «Синяя летопись» тибетского историка Шоннупэл Гой-лоцавы ([Шоннупэл, 2001](#)), а также анонимное ойратское историческое сочинение «История Хо-Öрлөка» («История Хо-Öрлөка», [2016](#)).

В процессе работы применялись как известные общенаучные методы (синтез, логический анализ, сравнительный, нарративный и т.д.), так и специфические для исторической науки методы исследования (историко-генетический, историко-системный и конкретно-исторический).

Нарративный метод позволил подробно описать роль монгольского военно-политического фактора в истории тибетского буддизма. В силу сложности и многогранности данной проблемы были также использованы междисциплинарный и системный подходы. Историко-генетический и конкретно-исторический методы позволили выявить историческую обусловленность, рассмотреть генезис и основные исторические этапы тибето-монгольских религиозных отношений в рассматриваемый хронологический период.

Использование вышеперечисленных методов и подходов в ходе данного исследования способствовало более подробному раскрытию роли монгольского военно-политического фактора в истории взаимоотношений школ тибетского буддизма и установлении гегемонии буддийской традиции Гелуг в Монголии и Тибете.

3. Обсуждение

Из работ, касающихся вопроса участия монголов и ойратов в религиозной истории Тибета, можно назвать исследования Э.П. Бакаевой ([Бакаева, 2016](#)), Е.Л. Беспрозванных ([Беспрозванных, 2001](#)), И.Я. Златкина ([Златкин, 1983](#)), Б.У. Китинова ([Китинов, 2004](#); [Китинов, 2013](#)), В.П. Санчирова ([Санчиров, 1977](#)) и др. Можно также отметить фундаментальный труд Е.И. Кычанова и Б.Н. Мельниченко «История Тибета с древнейших времен до наших дней» ([Кычанова, Мельниченко, 2005](#)), в котором центральное место занимает история взаимоотношения тибетских иерархов с ойратами.

Интерес к данной проблематике можно обнаружить и в работах некоторых зарубежных исследователей. Значительный интерес представляет сборник статей «Азиатское влияние на военную историю Тибета XVII–XX веков», в котором рассмотрены такие темы, как военные учреждения Тибета в указанный период, участие монгольских и тибетских армий в военных действиях в XVII в., джунгарское завоевание Центрального Тибета и его влияние на тибетские военные институты в XVIII в. и т.д. ([Asian Influences, 2020](#)). Большой массив материалов по данной проблеме содержится в работе тибетского автора Цэпона Шакабпа «Тибет. Политическая история» ([Шакабпа, 2003](#)).

Одним из дискуссионных вопросов данной темы является проблема влияния буддизма на монголов, рассматривавшаяся еще дореволюционными авторами, часть которых видела в широком распространении буддизма в Монголии одну из основных причин упадка военной мощи некогда воинственных кочевников, в результате чего страна была завоевана и подчинена маньчжурскому Китаю. Такое мнение, в частности, мы находим в труде П.А. Бобрик «Монголия. Очерк торгово-промышленного и административного быта». Автор, рассматривая влияние буддизма на монгольское общество, отмечает, что «в ...быстром упадке могущества монголов сыграл большую роль буддизм, проникший в Монголию во второй половине XVII столетия» ([Бобрик, 1914: 26](#)).

В советской историографии также было распространено мнение о том, что буддизм, попав в Монголию, «в сильнейшей степени способствовал укрощению некогда могущественных и строптивых кочевников» ([Пурбуева, 1984: 22](#)). Схожей точки зрения придерживается и современный исследователь монгольского буддизма Л.Н. Крайнова, которая отмечает, что «буддизм явился сильнейшим орудием в укрощении и завоевании монголов и подчинении цинским властям» ([Крайнова, 2013: 97](#)).

В то же время другой современный автор Б.У. Китинов в статье «Война в буддийской традиции (на примере истории буддизма у ойратов)» ([Китинов, 2013](#)) рассматривает военную историю ойратов в сопряжении с идеологией и религией буддизма. Воинственность ойратов и калмыков, по его мнению, «не противоречила буддийским установлениям; религия влияла на подготовку и ведение войн, даровала уверенность в непобедимости и т. д.» ([Китинов, 2013: 45](#)).

4. Результаты

Союз Монгольской империи и школы Сакья

Значительную роль в истории тибетского буддизма играли монгольские народы, которые покровительствовали той или иной школе и нередко выступали в качестве военной силы в религиозно-политических конфликтах. В 1240 г. внук Чингисхана царевич Годан (1206–1251) начал вторжение в Тибет, в результате чего пострадали множество монахов и ряд буддийских монастырей ([Пагсам-джонсан, 1991: 35](#)). Однако дальнейшее продвижение монголов в глубь Тибета было остановлено. Согласно «Синей Летописи», настоятель монастыря Дрикунг путем демонстрации

магических сил остановил попытки монгольских войск разрушить монастырь. Здесь, в частности, отмечается, что монгольский командующий Мэлик (Миличи) был так поражен святостью и магическими способностями данного ламы, что, «не нанеся вреда ни людям, ни животным, монгольские войска ушли» (Шоннупел, 2001: 312). Новый командующий монгольскими войсками Дорта также был потрясен мистическими способностями тибетских лам, в результате чего «этот злой человек приумолк, и войска его тоже утихомирились и стали даже спокойней, чем караван торговцев» (Шоннупел, 2001: 312).

Вероятно, в результате этого инцидента у монгольского правителя Годана зародился интерес к буддийской религии. Согласно официальной версии он стал искать авторитетного буддийского мастера, который мог бы донести до него всю глубину буддийского учения. Выбор царевича пал на ламу Кунга Гьялцен (1182–1251), которого также звали Сакья Пандита из-за его знания санскрита и буддийской философии. Годан отправил ламе письмо и подарки, прося его присутствия при дворе.

Кунга Гьялцен принял приглашение Годана и, покинув свой монастырь, направился в Восточный Китай, где располагался военный лагерь монголов. В 1247 г. он прибыл в лагерь Годана. Согласно тибетским источникам, Сакья Пандита встретился с принцем в Ланьчжоу, столице провинции Ганьсу, завоеванной к тому времени монголами. Известно, что Сакья Пандита обучал Годана буддийскому учению и даже убедил его прекратить истребление китайского населения. Данная жестокая практика проводилась монголами для того, чтобы сократить численность китайцев и предотвратить возможные восстания. Сакья Пандита убедил Годана, что это противоречит буддийской доктрине и, согласно закону кармы, приведет к негативным последствиям для самих же монголов. Сакья Пандита оставался при дворе Годана в течение нескольких лет, во время которых он дал множество религиозных наставлений принцу и его окружению. Кроме того, Кунга Гьялцен написал для тибетцев труд «Тубпэ Гонсэл» («Замысел Будды»), в котором он рекомендовал жителям Тибета находиться в мирных и дружеских отношениях с монголами (Бобров, Худяков, 2006: 191).

Традиция сотрудничества между буддийским Тибетом и воинственными монголами была продолжена и получила дальнейшее развитие при хане Хубилае (1215–1294), который вслед за Годаном всячески покровительствовал школе Сакья. В 1253 г. Хубилай пригласил молодого сакьяпинского ламу Пагбу (1235/1239–1289) к своему двору и был очень впечатлен ученостью монаха, проявленной в его умных ответах на ряд трудных вопросов. Затем Хубилай попросил у ламы религиозных наставлений. Согласно традиции, Пхагпа-лама трижды давал посвящения и учения Хубилаю и двадцати пяти его министрам. Первое посвящение принесло ему духовную и светскую власть над тринадцатью княжествами Центрального Тибета. После второго посвящения ему вручили реликвию Будды и наделили верховной властью над тремя регионами Тибета. После третьего посвящения и учений в 1260 г. Пагба-лама получил титул «императорского наставника» (Шакабпа, 2003: 78).

В 1265 г. Пагба-лама вернулся в Тибет и ввел там централизованную систему управления. Благодаря покровительству и военной поддержке монголов Пагба-лама объединил Тибет под одним правительством и упорядочил управление (Шакабпа, 2003: 80). В 1268 г. по приглашению Хубилай-хана Пагба-лама вернулся к императорскому двору и представил хану новую письменность, которую он разработал для монгольского языка. Хубилай был доволен, и новая система письма была введена в официальное употребление. Пагба-лама снова был удостоен чести хана, даровавшего ему различные почетные титулы (Шакабпа, 2003: 82).

Гегемония Сакья над Тибетом продолжалась до середины XIV века. В конце XIII столетия ей бросила вызов школа Дрикунг Кагью. Восстание началось в 1285 г. и было подавлено в 1290 г., когда Сакья и восточные монголы сожгли монастырь Дрикунг. В летописи Пагсам-джонсан отмечается, что «в год дерева курицы (1285 г.) войска Бригонбы (Дрикунг – прим. авт.) сожгли монастырь Джа-юл, убили Цзантона, после чего снова Бригонба привела войска верхних монголов против Сакьяпы, но войска Тимур-Бхокхайя, сына Сэчэн /-хана/, и цзанская армия сакьяского Анлэна победили их» (Пагсам-джонсан, 1991: 40). По мнению М. Квантена, в восстании принимали участие ойраты Восточного Туркестана и Джунгарии, ориентированные на школу Дрикунг Кагью (Kwanten, 1972: 131). Б.У. Китинов отмечает, что участие ойратов в восстании Дрикунг было обусловлено стремлением ослабить династию Юань, ориентированную на Сакья (Китинов, 2004: 79). Доминирование в Тибете школы Сакья закончилось в 1358 г., когда Центральный Тибет стала контролировать школа Карма Кагью. Таким образом, можно отметить роль военно-политического союза тибетских буддийских школ с монголами и ойратами.

Роль монгольских и ойратских войск в возвышении школы Гелуг

В конце XVI века в Тибете начинается возвышение школы Гелуг, которую стали активно поддерживать монголы и ойраты. В 1577–1578 гг. буддизм традиции Гелуг официально принял монгольский Алтан-хан (1507–1581). Это произошло после его встречи с Сонамом Гьяцо (1543–1588), настоятелем крупнейшего гелугинского монастыря Дрепунга. Согласно «Дэбтэр-чжамцо», в воинственном монгольском правителе неожиданно «возгорелась неугасимая вера и (он) специально направил «золотое письмо» с приглашением и Далай-ламе (с просьбой) пожаловать (к ним) в северную сторону» («Дэбтэр-чжамцо» 1983: 55). В результате Сономом Гьяцо также получил от

Алтан-хана титул Далай-ламы. В это же время в Монголии появился Закон Хутуктай-Сэчена (1577 или 1578 г.), в котором отражено влияние буддизма на монголов. Данный закон, носящий официальное название «Арбан буяны цааз» («Закон, обладающий десятью добродетелями»), был объявлен на встрече Далай-ламы III с князьями Южной Монголии (Ulanov et al., 2016: 1070). Так, п. 9 закона содержит запрет грабежей населения Китая, Тибета и Монголии (Закон Хутуктай-Сэчена, 2003: 40). В хронике «Дэбтэр-чжамцо» указывается, что Хутуктай-Сэчена решил «запретить грабить и покорять китайцев, тибетцев и другие (народы)» («Дэбтэр-чжамцо», 1983: 56).

Заключение союза с монголами стало важным успехом для школы Гелуг. Однако светское правительство Тибета рассматривало это событие как политико-религиозный союз между школой Гелуг и иностранной державой. В 1589 г. иерархи Гелуг признали ребенка, родившегося в том же году в монгольской семье, реинкарнацией Далай-ламы. После того как ребенок официально стал настоятелем Дрепунга, религиозные и политические связи между монголами и школой Гелуг еще более усилились (Шакабпа, 2003: 109).

В начале XVII века в Тибете между школами Гелуг и Карма-кагью началась борьба за политическую власть в стране. Провинцию У контролировали сторонники Гелуг, провинцию Цзанг – последователи Карма-кагью (Шакабпа, 2003: 111).

В 1618 г. монголы и иерархи Гелуг объединились. В результате объединенные монгольские и ойратские войска при поддержке монашеских дружин Гелуг вошли в Лхасу. В «Дэбтэр-чжамцо» отмечается, что монголо-ойратские «войска под руководством Дайчина вклинились в войска Цзана и уничтожили их». Однако позже тибетские войска «Цзана захватили (монастыри) Сэра и Брайбун» («Дэбтэр-чжамцо», 1983: 58). Боевые действия продолжались с перерывами до 1621 г. и привели к тому, что в Центральном Тибете появилось большое количество ойратов и монголов, выступавших на стороне Гелуг. В 1621 г. недалеко от Лхасы началась битва, в ходе которой войска цзой хор-сог (монголов и ойратов) численностью более чем две тысячи воинов начали сражение с основными войсками в Жантан-гане Лхасы... Тибетские войска, потерпев поражение, укрылись в крепости Железная гора» («Дэбтэр-чжамцо», 1983: 58-59). Штурм крепости мог привести к большим потерям с обеих сторон, но был предотвращен благодаря вмешательству гелугпинского ламы Панчена Лобзанга Чогьена (1567–1662), настоятеля монастыря Ташилунпо.

Ойраты и установление теократии в Тибете

В 1630-е годы вновь началась борьба за политическое господство в Тибете между представителями школы Гелуг во главе с Далай-ламой V (1617–1682) и сторонниками традиции Карма Кагью. Чаша весов в борьбе за власть в Тибете между желтошапочниками и красношапочниками склонялась на сторону последних. Их же поддержал и пришедший из Халхи монгольский князь Цогто-гайджи (1580–1637). В этой обстановке тибетцы, поддерживавшие Далай-ламу, обратились за помощью к ойратам. Просьба была удовлетворена, и в район Кукунора двинулись ойраты-хошуты князя Турубайху, известного в истории как Гуши-хан (ок. 1580 – ок. 1660) (Кычанов, Мельниченко, 2005: 113-114).

Армия Гуши-хана двинулась в Тибет под флагом защиты «желтой» веры и была усилена отрядами других ойратских улусов. Кроме собственно хошут, в походе Гуши-хана на Тибет участвовали торгоуты, олэты (джунгары), хойты и дербеты. В числе участников похода, согласно «Истории Хо-Урлюка», был и ойрат-калмыцкий правитель, предводитель дербетов Далай-гайша (История Хо-Öрлөка, 2016: 33).

Весной 1637 г. возле горы Кровавая произошло сражение, завершившееся уничтожением войск Цогто-гайджи. В историческом памятнике «Истории Хо-Урлюка» отмечается, что в центре ойратского войска находились отряды хошеутов, на левом фланге – джунгар, или олэтов, на правом фланге – торгоуты. В резерве ойратского войска находились войска дербетов и хойтов (История Хо-Öрлөка, 2016: 33).

В результате победоносного похода Гуши-хан стал единоличным правителем Кукунора, где возникло Хошутское ханство.

В 1638 г. Гуши-хан и несколько его людей отправились в Центральный Тибет под видом паломников. Они получили аудиенцию у Далай-ламы V. Между монголами и тибетцами произошел обмен титулами (Санчилов, 1977: 22). Встреча имела далеко идущие исторические последствия. Как только Гуши-хан вернулся в область Кукунор, он начал готовить свой поход в юго-восточный Тибет против царя провинции Кхам Донье Дордже, который был практиком Бон, что делало его противником ойратов и монголов. В 1639 г. Гуши-хан с большим войском, пополненным за счет других ойратских улусов, вторгся в Кам и после года сражений завоевал эту часть Тибета («Дэбтэр-чжамцо», 1983: 63). В 1642 г. армия ойратов начала наступление на Цанг. Войска Цзана сравнительно быстро были разгромлены ойратами. К концу 1642 г. сопротивление было полностью подавлено (Шакабпа, 2003: 123).

Одержав победу, ойраты подчинили себе район Кукунора, Амдо и вступили в Центральный Тибет. Гуши-хан объявил Далай-ламу V главой Тибета, который был возведен на престол как король Тибета, и Гуши-хан предложил ему в подарок свои завоевания центрального и восточного Тибета. 1642 г. был решающим и стал поворотным моментом в тибетской истории, потому что впервые

Далай-лама, ранее просто духовный лидер одной из религиозных школ тибетского буддизма, стал главой целой страны.

Гуши-хан, не претендовавший на политическое лидерство в Центральном Тибете, сохранил за собой роль защитника нового правительства, всегда готового вмешаться со своей армией, если возникнет необходимость. По мнению Шакабпы, основой деятельности Гуши-хана было «религиозное рвение, дополнявшееся уважением к Далай-ламе и верой в него» (Шакабпа, 2003: 136).

При этом все основные школы тибетского буддизма продолжали существовать, а сам Далай-лама V получал учение у мастеров красношапочной школы Ньингма и был известным практиком учения Дзогчен, которое во многом связано с данной школой. Кроме того, Далай-лама V полностью взял на себя строительство крупнейшего монастыря школы Ньингма, получившего название Минлинг Ринпоче, а XVII в. стал периодом расцвета данной традиции в Тибете.

Все это позволяет говорить о политическом характере противостояний тибетских традиций. В этом смысле данные события ни в коем случае нельзя рассматривать как своеобразные «крестовые походы» или буддийский «джихад». Они скорее напоминали известные конфликты между католическими орденами за политическое влияние. В последующие столетия взаимоотношения между различными традициями тибетского буддизма были достаточно гармоничными, а духовные иерархи Гелуг – Далай-ламы и Панчен-ламы почитались представителями всех других традиций.

Что касается ойратов, выступавших на стороне школы Гелуг, то история ойратских государств показывает их терпимое отношение к другим религиям, в частности к исламу. Как отмечает Б.У. Китинов, в состав ойратских ханств входило значительное количество мусульман, а ислам здесь никогда не подвергался гонениям, так же как и другие небуддийские конфессии. При этом ойратские правители очень высоко ценили предприимчивость и образованность местного мусульманского населения и нередко поручали им ответственные задания в торговой и дипломатической сферах (Китинов, 2004: 128).

Религиозный аспект военной политики джунгар

Активную военную политику ойраты-джунгары вели при Галдан Бошокту-хане. Он знаменит тем, что долгие годы был монахом. С 1650 года учился в Тибете, с благословения Далай-ламы был объявлен хутухтой («святой», высший сан буддийского духовенства). В 1662 г. Далай-лама V отпустил Галдана быть духовным главой в Джунгарии при брате Сэнгэ. В 1671 г. он получил от Далай-ламы титул хана, против чего выступили другие претенденты на престол. После победы над оппозицией в 1677 г. он стал признанным лидером ойратской конфедерации; на следующий год получил от Далай-ламы титул Бошокту-хана («благословенный правитель») (Бичеев, 2016: 106). Вероятно, в это время у Галдана сформировался амбициозный план по созданию единого государства ойратов и монголов под духовным покровительством Далай-ламы.

В 1688 г. Галдан с тридцатитысячным войском вторгся в Халху. Так началась ойрато-халхаская война. В качестве оправдания вторжения в Халху Галдан использовал религиозный фактор. В его письме китайскому императору Канси было сказано, что халхаские правители «попрали учение Далай-ламы и не оказали уважения» буддийскому иерарху (Мартьянов, 1978: 148).

Отдельные исследователи, опираясь на фольклорные источники, даже считают, что некоторые походы Галдана в Среднюю Азию имели характер «религиозных войн» (Ерофеева, 2010: 517). Однако в реальности его завоевания носили скорее политический характер и не имели целью обратить местных жителей в буддизм.

Длительные войны джунгаров с цинами и их союзниками-монголами закончились разгромом Джунгарского ханства в середине XVIII в. Интересно, что войну против Джунгарии, которая привела к ликвидации ханства и почти полному уничтожению его населения, маньчжурские власти Китая обосновывали якобы нарушениями джунгарами буддийских религиозно-нравственных принципов (Хафизова, 1995: 233). В целом цинские правители во взаимоотношениях с ойратами достаточно часто прибегали к религии, пытаясь выступать защитниками и хранителями «желтой веры» (подр.: Китинов, Цянь, 2019).

Еще раньше завершилась история Хошутского ханства в Кукуноре, которое находилось в тесном военно-политическом союзе с Тибетом. После изгнания в 1720 г. джунгаров из Тибета и Кукунора цинские власти предпочли вообще ликвидировать старую систему управления, расставив везде своих администраторов. Тогда князь Лхавсан Дацзинь, внук Гуши-хана, в 1723 г. поднял кукунорских хошуттов на восстание. Однако в 1724 г. оно было подавлено, а в 1725 г. маньчжуры окончательно включили территорию бывшего Хошутского ханства в состав империи (Шакабпа, 2003: 154).

5. Заключение

Монгольские народы играли значительную роль в истории тибетского буддизма, оказывая военное покровительство той или иной школе, и нередко выступали в качестве военной силы во внутриконфессиональных конфликтах в Тибете. В то же время данные военные столкновения между разными тибетскими школами преследовали главным образом политические цели и в этом смысле напоминали конфликты между католическими орденами за политическое влияние. Поэтому ни о каких буддийских «крестовых походах» или же религиозных войнах здесь говорить нельзя.

В период существования Монгольской империи монголы оказывали военно-политическое покровительство школе Сакья, что привело к установлению ее политического господства в Тибете. С конца XVI в. начинает формироваться союз монголов и ойратов со школой Гелуг. Благодаря военно-политической поддержке ойратов в середине XVII в. политическая власть в Тибете переходит в руки Гелуг, что приводит к установлению здесь теократии. В последующий период ойраты продолжали активно влиять на политическую жизнь Тибета. В период правления Галдан Бошпуктухана даже возник план по созданию единого государства ойратов и монголов под духовным покровительством Далай-ламы, который, однако, не был реализован в силу ряда обстоятельств. В целом можно отметить, что военно-политический фактор играл значительную роль в тибето-монгольских религиозных отношениях, а военное вмешательство монголов и ойратов оказало значительное влияние на религиозную историю Тибета.

6. Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00118 «Россия и буддийский мир в дискурсе философского востоковедения», <https://rscf.ru/project/19-18-00118/>).

Литература

Бакаева, 2016 – Бакаева Э.П. Ойраты и Тибет в XVII–XVIII вв.: об освещении некоторых событий, связанных с хомутами и джунгарами, в тибетской и российской историографии // *Oriental Studies*. 2016. № 9(5). С. 3-14.

Беспрозванных, 2001 – Беспрозванных Е.Л. Лидеры Тибета и их роль в тибетско-китайских отношениях XVII–XVIII вв. Волгоград: Изд-во Волгоградск. ун-та, 2001. 356 с.

Бичеев, 2016 – Бичеев Б.А. Молитва покаяния Галдан-Бошпуктухана // *Полевые исследования*. 2016. № 3. С. 104-112.

Бобрик, 1914 – Бобрик П.А. Монголия: очерк торгово-промышленного и административного быта: (Поездка в Монголию в 1913 г.). Владивосток: Типоцинография газ. «Далекая окраина», 1914. 70 с.

Бобров, Худяков, 2006 – Бобров Л.А., Худяков Ю.С. Монгольские влияния на военное дело тибетцев в позднем Средневековье и начале Нового времени (XIII–XVIII века) // *Вестник Новосибирского государственного университета. Серия «История, филология»*. 2006. № 3–2. С. 188-234.

Ерофеева, 2010 – Ерофеева И.В. История формирования культового комплекса Тамгалытас (1677–1771 гг.) // Роль номадов в формировании культурного наследия Казахстана. Научные чтения памяти Н.Э Масанова. Алматы: «Print-s», 2010. С. 490-530.

Закон Хутуктай-Сэчена, 2003 – Закон Хутуктай-Сэчена // Дугаров Р.Н. Очерки средневековой истории Кукунора (Ойрат-монгольская цивилизация IV–XIX вв.). Улан-Удэ: Бурятское книжное изд-во, 2003. С. 40.

Златкин, 1983 – Златкин И.Я. История Джунгарского ханства. 1635–1758. 2-е изд. М.: Наука – Гл. ред. вост. лит-ры, 1983. 332 с.

История Хо-Өрлөка, 2016 – История Хо-Өрлөка // Письменные памятники по истории ойратов XVII–XVIII веков: Сборник / Сост., перев. со старописъм. монг., транслит. и коммент. В.П. Санчинова. Элиста: КИГИ РАН, 2016. С. 29-35.

Китинов, 2004 – Китинов Б.У. Священный Тибет и воинственная Степь: буддизм у ойратов (XIII–XVII вв.). М.: Т-во научных изданий КМК, 2004. 190 с.

Китинов, 2013 – Китинов Б.У. Война в буддийской традиции (на примере истории буддизма у ойратов) // Буддизм Ваджраяны в России: Исторический дискурс и сопредельные культуры: Коллективная монография. М.: Алмазный путь, 2013. С. 45-54.

Китинов, Цянь, 2019 – Китинов Б.У., Цянь Л. Религия в ойратской политике династии Цин // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Всеобщая история»*. 2019. Т. 11. № 1. С. 44-55.

Крайнова, 2013 – Крайнова Л.Н. Влияние северного буддизма на политическую и социально-общественную жизнь Монголии в конце XIX – начале XX в. // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. 2013. № 10(36). Ч. 1. С. 96-100.

Кычанов, Мельниченко, 2005 – Кычанов Е.И., Мельниченко Б.Н. История Тибета с древнейших времен до наших дней. М.: Вост. лит., 2005. 351 с.

Мартынов, 1978 – Мартынов А.С. Статус Тибета в XVII–XVIII веках в традиционной китайской системе политических представлений. М.: Наука, 1978. 282 с.

Пагсам-джонсан..., 1991 – Пагсам-джонсан: История и хронология Тибета / Пер. с тибетского. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1991. 264 с.

Пурбуева, 1984 – Пурбуева Ц.П. «Биография Нейджи-Тойона» – источник по истории буддизма в Монголии. Новосибирск: Наука, 1984. 112 с.

- Рерих, 1999** – Рерих Ю.Н. Тибет и Центральная Азия: Статьи, лекции, переводы. Самара: Издательский дом «Агни», 1999. 368 с.
- Санчи́ров, 1977** – Санчи́ров В.П. Теократия в Тибете и роль Гуши-хана в ее окончательном утверждении // Ламаизм в Калмыкии. Элиста: КНИИЯЛИ, 1977. С. 14-25.
- Сумба-Хамбо, 1972** – Сумба-Хамбо. История Кукунора, называемая «Прекрасные ноты из песни Брахмы» / Пер. с тиб., введ. и прим. Б.Д. Дандарона. М.: Наука, 1972. 166 с.
- Хантингтон, 2003** – Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. 603 с.
- Хафизова, 1995** – Хафизова К.Ш. Китайская дипломатия в Центральной Азии (XV–XIX вв.). Алматы: Гылым, 1995. 288 с.
- Шакабпа, 2003** – Шакабпа, Цэпон В.Д. Тибет. Политическая история. СПб.: Нартанг, 2003. 428 с.
- Шоннупэл, 2001** – Шоннупэл, Гой-лоцава. Синяя летопись. Deb-ther sNgon-po. История буддизма в Тибете, VI–XV вв. / Пер. с тибетского Ю.Н. Рериха. Пер. с англ. О.В. Альбедилы и О.Ю. Харьковской. СПб.: Евразия, 2001. 768 с.
- Asian Influences..., 2020** – Asian Influences on Tibetan Military History between the 17th and 20th Centuries. Special Issue of the Revue d'Etudes Tibetaines, Vol.53. 2020. 367 p.
- Kepel, 1994** – Kepel G. Revenge of God: the Resurgence of Islam, Christianity, and Judaism in the Modern World. University Park: Pennsylvania State University Press, 1994. 215 p.
- Kwanten, 1972** – Kwanten L.H.M. Tibetan-Mongol Relations during the Yuan Dynasty. 1207–1368. PhD diss. University of South Carolina Press, 1972. 131 p.
- Ulanov et al., 2016** – Ulanov M.S., Badmaev V.N., Matsakova N.P. Buddhism and Legal Tradition in Mongolia // *Bylye Gody*. 2016. Vol. 42. Is. 4. Pp. 1068-1076.
- «Дэбтэр-чжамцо», 1983** – «Дэбтэр-чжамцо» // Дугаров Р.Н. «Дэбтэр-чжамцо» – источник по истории монголов Куку-нора. Новосибирск: Наука, 1983. С. 51-84.

References

- Asian Influences, 2020** – Asian Influences on Tibetan Military History between the 17th and 20th Centuries. Special Issue of the Revue d'Etudes Tibetaines, Vol.53. 2020. 367 p.
- Bakaeva, 2016** – Bakaeva, E.P. (2016). Ojraty i Tibeta v XVII-XVIII vv.: ob osveshhenii nekotoryh sobytij, svjazannyh s homutami i dzhungarami, v tibetskoj i rossijskoj istoriografii [Oirats and Tibet in the 17th-18th centuries: on the coverage of some events associated with the collars and Dzungars in Tibetan and Russian historiography]. *Oriental Studies*. 9(5): 3-14. [in Russian]
- Besprozvannyh, 2001** – Besprozvannyh, E.L. (2001). Lidery Tibeta i ih rol' v tibetsko-kitajskih otnoshenijah XVII-XVIII vv. [Leaders of Tibet and their role in Tibetan-Chinese relations in the 17th-18th centuries]. Volgograd: Izd-vo Volgogradsk. un-ta, 356 p. [in Russian]
- Bicheev, 2016** – Bicheev, B.A. (2016). Molitva pokajanija Galdan-Boshoktu-hana [Prayer of Repentance of Galdan Boshoktu Khan]. *Polevye issledovanija*. 3: 104-112. [in Russian]
- Bobrik, 1914** – Bobrik, P.A. (1914). Mongolia: an essay on commercial, industrial and administrative life: (A trip to Mongolia in 1913) [Mongolija: ocherk torgovo-promyshlennogo i administrativnogo byta: (Poezdka v Mongoliju v 1913 g.)]. Vladivostok: Tipo-cinkografija gaz. «Dalekaja okraina», 70 p. [in Russian]
- Bobrov, Hudjakov, 2006** – Bobrov, L.A., Hudjakov, Ju.S. (2006). Mongol'skie vlijanija na voennoe delo tibetcev v pozdnem Srednevekov'e i nachale Novogo vremeni (XIII-XVIII veka) [Mongolian influences on the military affairs of the Tibetans in the late Middle Ages and the beginning of the New Age (XIII-XVIII centuries)]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Istorija, filologija*. 3-2: 188-234. [in Russian]
- «Djebtjer-chzhamco», 1983** – «Djebtjer-chzhamco». Dugarov R.N. «Djebtjer-chzhamco» – istochnik po istorii mongolov Kuku-nora [«Debter-chjamtso» – a source on the history of the Mongols Kuku-nor]. Novosibirsk: Nauka, 1983. Pp. 51-84. [in Russian]
- Erofeeva, 2010** – Erofeeva, I.V. (2010). Istorija formirovanija kul'tovogo kompleksa Tamgalytas (1677–1771 gg.) [The history of the formation of the cult complex Tamgalytas (1677–1771)]. Rol' nomadov v formirovanii kul'turnogo nasledija Kazahstana. Nauchnye chtenija pamjati N.E. Masanova. Almaty: «Print-s», pp. 490-530. [in Russian]
- Hafizova, 1995** – Hafizova, K.Sh. (1995). Kitajskaja diplomatija v Central'noj Azii (XV–XIX vv.) [Chinese diplomacy in Central Asia (XV-XIX centuries)]. Almaty: Gylym, 288 p. [in Russian]
- Hantington, 2003** – Hantington, S. (2003). Stolknovenie civilizacij [The Clash of Civilizations]. М.: ООО «Izdatel'stvo AST», 603 p. [in Russian]
- Istorija Ho-Örlöka, 2016** – Istorija Ho-Örlöka [History of Ho-Örlök]. Pis'mennye pamjatniki po istorii ojratov XVII–XVIII vekov: sbornik. Elista: KIGI RAN, 2016. Pp. 29-35.
- Kepel, 1994** – Kepel, G. (1994). Revenge of God: the Resurgence of Islam, Christianity, and Judaism in the Modern World. University Park: Pennsylvania State University Press, 215 p.
- Kitinov, 2004** – Kitinov, B.U. (2004). Svjashhennyj Tibet i voinstvennaja Step': buddizm u ojratov (XIII - XVII vv.) [Sacred Tibet and the Warlike Steppe: Buddhism among the Oirats (XIII-XVII centuries)]. М.: Т-vo nauchnyh izdanij KMK, 190 p. [in Russian]

Kitinov, 2013 – *Kitinov, B.U.* (2013). Vojna v buddijskoj tradicii (na primere istorii buddizma u ojratorov) [War in the Buddhist tradition (on the example of the history of Buddhism among the Oirats)]. *Buddizm Vadzhrany v Rossii: Istoricheskij diskurs i sopredel'nye kul'tury*. M.: Almaznyj put'. Pp. 45-54. [in Russian]

Kitinov, Cjan' 2019 – *Kitinov, B.U., Cjan', L.* (2019). Religija v ojratskoj politike dinastii Cin [Religion in the Oirat politics of the Qing Dynasty]. *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Serija: Vseobshhaja istorija*. 11(1): 44-55. [in Russian]

Krainova, 2013 – *Krainova, L.N.* (2013). The Influence of Northern Buddhism on the Political and Social Life of Mongolia in the late 19th – early 20th centuries [Vlijanie severnogo buddizma na politicheskiju i social'no-obshhestvennuju zhizn' Mongolii v konce XIX – nachale XX v.]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i juridicheskie nauki, kul'turologija i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*. 10(36). Part 1: 96-100. [in Russian]

Kwanten, 1972 – *Kwanten, L.H.M.* (1972). Tibetan-Mongol Relations during the Yuan Dynasty. 1207–1368. PhD diss. University of South Carolina Press, 131 p.

Kychanov, Mel'nichenko, 2005 – *Kychanov, E.I., Mel'nichenko, B.N.* (2005). Istorija Tibeta s drevnejshih vremen do nashih dnei [History of Tibet from ancient times to the present day]. M.: Vost. lit., 351 p. [in Russian]

Martynov, 1978 – *Martynov, A.S.* (1978). Status Tibeta v XVII – XVIII vekah v tradicionnoj kitajskoj sisteme politicheskikh predstavlenij [The status of Tibet in the 17th – 18th centuries in the traditional Chinese system of political ideas]. M.: Nauka, 282 p. [in Russian]

Pagsam-dzhonsan..., 1991 – Pagsam-dzhonsan: Istorija i hronologija Tibeta [Pagsam-jonsan: History and chronology of Tibet]. Novosibirsk: Nauka. Sib. otd-nie, 1991. 264 p. [in Russian]

Purbueva, 1984 – *Purbueva, Ts.P.* (1984). «Biography of Neiji-Toyon» - a source on the history of Buddhism in Mongolia [«Biografija Nejdzhi-Tojona» – istochnik po istorii buddizma v Mongolii]. Novosibirsk: Nauka, 112 p. [in Russian]

Rerih, 1999 – *Rerih, Ju.N.* (1999). Tibet i Central'naja Azija: Stat'i, lekcii, perevody [Tibet and Central Asia: Articles, lectures, translations]. Samara, Izdatel'skij dom «Agni», 368 p. [in Russian]

Sanchirov, 1977 – *Sanchirov, V.P.* (1977). Teokratija v Tibete i rol' Gushi-hana v ee okonchatel'nom utverzhenii [Theocracy in Tibet and the role of Gushi Khan in its final approval]. Lamaizm v Kalmykii. Elista: KNIIYaLI. Pp. 14-25. [in Russian]

Shakabpa, 2003 – *Shakabpa, Cjepon V.D.* (2003). Tibet. Politicheskaja istorija [Tibet. Political history.]. SPb: Nartang, 428 p. [in Russian]

Shonnupjel, 2001 – *Shonnupjel, Goj-locava* (2001). Sinjaja letopis'. Deb-ther sNgon-po. Istorija buddizma v Tibete, VI-XV vv. [Blue chronicle. Deb-ther sNgon-po. History of Buddhism in Tibet, VI-XV centuries]. SPb.: Evrazija, 768 p. [in Russian]

Sumba-Hambo, 1972 – *Sumba-Hambo* (1972). Istorija Kukurora, nazyvaemaja «Prekrasnye noty iz pesni Brahmy» [The story of Kukurora, called «beautiful notes from the song of Brahma»]. M.: Nauka, 166 p. [in Russian]

Ulanov et al., 2016 – *Ulanov, M.S., Badmaev, V.N., Matsakova, N.P.* (2016). Buddhism and Legal Tradition in Mongolia. *Bylye Gody*. 42(4): 1068-1076.

Zakon Hutuktaj-Sjechena..., 2003 – *Zakon Hutuktaj-Sjechena* [Khutuktai-Sechen law]. Dugarov R.N. Oчерki srednevekovoj istorii Kukurora (Ojrat-mongol'skaja civilizacija IV–XIX vv.). Ulan-Udje: Burjatskoe knizhnoe izd-vo. P.40. [in Russian]

Zlatkin, 1983 – *Zlatkin, I.Ja.* (1983). Istorija Dzhungarskogo hanstva. 1635-1758 [History of the Dzungar Khanate. 1635–1758]. 2-e izd. M.: Nauka. Gl. red. vost. lit-ry, 332 p. [in Russian]

Монгольский военно-политический фактор в истории буддизма в Тибете

Мерген Санджиевич Уланов ^{a, *}, Валерий Николаевич Бадмаев ^a, Арья Александровна Андреева ^a

^a Калмыцкий государственный университет имени Б.Б. Городовикова, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена роли монгольского военно-политического фактора в истории буддизма в Тибете. Монгольские народы играли значительную роль в истории тибетского буддизма, оказывая военное покровительство той или иной школе, и нередко выступали в качестве военной силы во внутррелигиозных конфликтах в Тибете. В период существования Монгольской империи монголы оказывали военно-политическое покровительство школе Сакья, что привело к установлению ее политического господства в Тибете. С конца XVI в. начинает формироваться союз

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: ulanov1974@mail.ru (М.С. Уланов), badmav07@yandex.ru (В.Н. Бадмаев), lovely-arya@mail.ru (А.А. Андреева)

монголов и ойратов со школой Гелуг. Благодаря военно-политической поддержке ойратов в середине XVII в. политическая власть в Тибете переходит в руки Гелуг, что привело к установлению здесь теократии. В то же время данные военные столкновения между разными тибетскими школами преследовали не столько религиозные, сколько политические цели и в этом смысле напоминали конфликты между католическими орденами за политическое влияние. В последующий период ойраты продолжали активно влиять на политическую жизнь Тибета. В период правления Галдан Бошокту-хана даже возник план по созданию единого государства ойратов и монголов под духовным покровительством Далай-ламы, который, однако, не был реализован в силу ряда обстоятельств. В целом можно отметить, что военно-политический фактор играл значительную роль в тибето-монгольских религиозных отношениях, а военное вмешательство монголов и ойратов оказало значительное влияние на религиозную историю Тибета.

Ключевые слова: буддизм, военная история, монгольские народы, монголы, ойраты, Монголия, Тибет, тибетский буддизм, Гелуг.

Copyright © 2023 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2023. 18(2): 544-552
 DOI: 10.13187/bg.2023.2.544

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Economic Crimes in the Positive and Customary Law of the Ural Peoples in the XVII – first half of the XVIII centuries

Olga A. Plotskaya ^{a, b, *}, Kairat K. Atabekov ^c, Nikita S. Grudinin ^{a, d}, Ruslan M. Zhirov ^e

^a MIREA – Russian Technological University, Moscow, Russian Federation

^b Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russian Federation

^c Chui University, Bishkek, Kyrgyz Republic

^d Moscow State Linguistic University, Moscow, Russian Federation

^e Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov, Nalchik, Russian Federation

Abstract

This article deals with economic crimes regulated by the norms of positive and customary law of the Ural peoples in the XVII – first half of the XVIII centuries. The authors came to the conclusion that the Russian legislator sought to include all national territories as much as possible in the economic development of the entire state. The official recognition by the state of the norms of customary law and its regulatory potential was based on a far-sighted state policy, since the legislator realized that the norms of customary law reflected centuries of experience in regulating traditional social relations.

Economic crimes were regulated not only by the norms of positive, but also by customary law among the Ural peoples in the XVII – first half of the XVIII centuries. An analysis of historical sources testifies to the frequent commission of crimes of an economic nature, among which the theft of hunting and fishing objects, deer, other livestock, as well as theft of state, merchant property and property of pioneers, foreigners-traders were especially prominent. In addition, non-payment of debt and misappropriation of other people's property were common. Thefts and robberies were often accompanied by violence, often ending in murder.

Positive and customary law contained various forms of punishment for the commission of such acts. As a punishment in positive law, the death penalty, mutilation punishments, etc. were used. The norms of customary law prescribed that such violators be punished by “expulsion from their own fishing grounds”, the use of disgraceful forms of punishment, public censure, etc. But, it is important to understand that customary law singled out circumstances that preclude guilt. Also, a number of acts were not qualified by customary law as unlawful at all, among which it is necessary to name the sale, donation of a woman, children, causing property damage to a foreigner.

Keywords: Komi, Mansi, Khanty, Nenets, positive law, customary law, economic crimes, theft, robbery, embezzlement.

1. Введение

Значительное внимание в историко-этнографической, историко-правовой доктрине сегодня уделяется обычно-правовому мироустройству, существовавшему у различных народов в прошлом.

В современном научном пространстве Российского государства определилась тенденция, расширяющая пределы исследования обычно-правового мира российских народов как особой нормативно-стабилизирующей составляющей общественной жизни, функционировавшей в

* Corresponding author

E-mail addresses: olga.plockaya@mail.ru (O.A. Plotskaya), kairat44@mail.ru (K.K. Atabekov), nekit-07@mail.ru (N.S. Grudinin), dzhir-ruslan@mail.ru (R.M. Zhirov)

жизнедеятельности общества и гарантировавшей полноценное развитие этнолокальных общностей, ведущих традиционный образ жизни.

История Российского государства связана с постепенным расширением территориальных пространств, включением в состав государства обширных территорий, населенных различными этносами и народами. Постепенное увеличение территориальных размеров привело к тому, «что новые земли превышали размеры территории, на которой проживало русское население» (Наумкина, 2021: 223), поэтому в национальных окраинах сохранялся разнообразный уклад жизни, этнические обычно-правовые нормы и правовые обычаи, традиционные верования, особенности социально-экономического и культурного развития. Законодатель стремился избежать межнациональных конфликтов между автохтонным коренным населением и славянским, пытаясь максимально включить все национальные территории в экономическое развитие всего государства. Для этого сохранялись не только элементы традиционной системы местного управления, но и обычное право различных народов, проживавших на обширных территориальных пространствах государства. Официальное признание государством норм обычного права и его регулятивного потенциала было основано на дальновидной государственной политике, так как российский законодатель осознавал, что в нормах обычного права отражался многовековой опыт регулирования традиционных общественных отношений, особенности ведения хозяйственно-экономической деятельности автохтонных народов, характерные черты традиционных ритуалов и религиозных верований.

Исследование архаичных социальных регуляторов позволяет раскрыть закономерности развития обычного права, влияние множества факторов на его становление и функционирование, особенности взаимодействия обычного права коренных народов с позитивным правом, а также интеграцию норм обычного права в правовую систему всего государства, поэтому в многонациональном государстве при различиях у населения в сфере культурно-бытовых, религиозных, юридических традиций исследование обычно-правовых регуляторов и их историко-правовых истоков свидетельствует об актуальности заявленной темы.

Народы севера России, ведущие традиционный образ жизни в суровых климатических условиях, имели специфическую национальную обычно-правовую культуру, опирающуюся на нормы обычного права. В настоящем исследовании речь пойдет об уголовно-правовых институтах (в частности об экономических преступлениях), регулируемых как позитивным, так и обычным правом, бытовавшим у уральских народов, к которым относятся финно-угорская группа (вогулы – современное название манси, остяки – ханты, зыряне – коми, коми-ижемцы) и представители самодийского этноса (самоеды – современное название ненцы).

2. Материалы и методы

Важнейшей источниковой основой настоящего исследования, содержащей информацию о совершившихся экономических преступлениях на территории проживания уральских народов в рассматриваемый период, являются архивные материалы, хранящиеся в Российском государственном архиве древних актов (Москва, Российская Федерация).

К сожалению, писанные источники обычного права, включавшие нормы уголовно-правовых отношений у исследуемых народов практически не сохранились. Также нет и кодифицированных и систематизированных источников обычного права, что значительно осложняет изучение обозначенной темы. Часто понимание о противоправности деяния, существовавшее в этническом обычном праве народов, ведущих традиционный образ жизни, передавалось, как правило, устно в виде бытовавших правовых обычаев, в мифологической прозе, а также частично с помощью родовых знаков собственности (пас, тамги, клейма). Однако ни мифология, ни этнический фольклор, ни знаки собственности, принадлежавшие родам, не могут предоставить достоверную и научно проверенную информацию об экономических преступлениях, регулируемых не только позитивным, но и обычным правом изучаемых народов в XVII – первой половине XVIII вв. Безусловно, без привлечения иных форм историко-эмпирической информации не обойтись ввиду того, что «бесписьменная... история автохтонных народов обрела, благодаря русским документам, свои... имена» (Вершинин, Визгалов, 2004: 4). Поэтому в настоящем исследовании привлекаются архивные данные, исторические источники, содержащие задокументированные исторические события и факты, систематизированные в хрестоматийных изданиях, сборниках документов и др.

В работе особое место занимают научно-исследовательские материалы, введенные в научный оборот авторитетнейшими учеными, а также издания периодической печати, публикации в этнографических, историко-правовых журналах. Не менее актуальным в данной работе является использование нормативных правовых актов, систематизированных в таком издании, как «Полное собрание законов Российской империи» (далее по тексту – ПСЗ РИ), регулирующих уголовно-правовые отношения в России в XVII – первой половине XVIII вв. на государственном уровне.

Методологической основой статьи является комплекс научных подходов, а также методов исследования, среди которых значительное место отведено системному подходу, который экономические преступления, регламентируемые нормами позитивного и обычного права, рассматривает «как сложную систему» (Кудж, Цветков, 2019: 153) с взаимосвязанными элементами.

Применение концепции контент-анализа позволяет выявить особенности таких важнейших понятий, как ключевые базовые категории, использовавшиеся в обычно-правовом мироустройстве уральских народов. Системный «категориальный анализ» (Кудж, Голованова, 2020: 117) дает возможность проанализировать (Kumar, Parameswaran, 2023: 20; Перова и др., 2023: 33) историко-этнографические источники, определяя особенности в регулировании экономических преступлений нормами писанного и обычного права уральских народов. Благодаря применению историко-правового метода учитываются происходившие исторические события и факты в рассматриваемый хронологический период. Систематизировать полученные результаты помогает системный метод. Использование герменевтического метода дает возможность разъяснять, толковать содержание изучаемых исторических источников.

3. Обсуждение

Современные ученые проявляют особый интерес к изучению феномена обычного права у различных народов. В этой связи нужно выделить труды таких исследователей, как М.Б. Аверин, Н.А. Алимбай, С. В. Березницкий, И.И. Галечко, А.В. Дарчиев, С.В. Дарчиева, П.В. Никитин, С.А. Правкин, П.В. Примак, Б.К. Смагулов, В.В. Титов, А.Б. Храмцов и др. (Аверин и др., 2020; Алимбай, Смагулов, 2021; Березницкий, 2020; Дарчиев, Дарчиева, 2021; Правкин и др., 2021; Титов, 2021; Храмцов, 2021 и др.).

Важно отметить значительный вклад ученых советской эпохи и современности в исследование историко-этнографических аспектов нормативной культуры и элементов обычно-правовой практики и мироустройства у уральских народов. Среди таких исследователей можно выделить С.В. Бахрушина, В.Н. Белицер, Е.В. Вершинина, Г.П. Визгалова, А.В. Головнева, Л.М. Дамешека, И.Л. Дамешека, Л.Н. Жеребцова, В.А. Зибарева, К.В. Истомина, Н.Д. Конакова (Бахрушина, 1935; Белицер, 1958; Вершинин, Визгалов, 2004; Головнев, 1995; Дамешек, Дамешек, 2014; Жеребцов, 1972; Зибарев, 1986; 1990; Истомин, 2007; Конаков, 2004) и др.

Однако, несмотря на предпринятые учеными-этнографами попытки исследования ряда этнотрадиционных нормативов, сведения об экономических преступлениях, регулируемых нормами обычного права исследуемых народов, скудны и отрывочны. Кроме того, они не систематизированы в специализированном труде. Также сегодня еще остается множество вопросов, которые не получили должного освещения в фундаментальных трудах, среди которых можно назвать виды противоправных деяний, этнические особенности их совершения, характерные и отличительные черты применявшихся в обычном праве уральских народов наказаний, а также специфично-самобытный характер этноправовых противоправных деяний, понимание понятий «преступление» и «наказание» в правовой культуре северных российских финно-угорских и самодийских народов.

В связи с этим целью настоящей работы является исследование регламентации экономических преступлений в позитивном праве, а также их этноправовой составляющей, отражавшейся в обычном праве уральских народов в XVII – первой половине XVIII вв.

Данный труд в определенном смысле является продолжением уже изданных работ, которые посвящены некоторым исследованиям обычно-правовых аспектов у финно-угорских, самодийских народов (Plotskaya et al., 2021; Plotskaya et al., 2022; Plotskaya et al., 2023).

4. Результаты

Анализ историко-этнографических, мифо-фольклорных источников не дает четкое определение понятиям «преступление», «наказание»; не выявляет исчерпывающий перечень видов преступлений и наказаний; не раскрывает состав преступлений, включая субъекта, субъективную сторону, объекта, объективную сторону, которые применяются в современной фундаментальной доктрине.

Незначительное количество архивных материалов XVII – первой половины XVIII веков, сохранившихся в различных архивных учреждениях Российской Федерации, чаще всего содержит задокументированные факты совершенных противоправных деяний. Реже они фиксируют вид наказания, который применялся к нарушителю, поэтому при системном и детальном анализе историко-этнографических, литературных, публицистических, фольклорных этноправовых источников можно раскрыть обычно-правовые особенности ряда экономических преступлений, совершавшихся у коми, манси, хантов, ненцев в исследуемый период.

Начиная с конца XIV века, после начала миссионерской деятельности Стефана Пермского, распространявшего в Коми крае православие, в зырянской мифологической прозе начинают упоминаться кражи различных промысловых объектов, включая дичь, пушных зверей, рыбных ресурсов. Именно в этот период промысловые объекты получают характер товара, так как происходит включение «зырянских земель» в общероссийское экономико-правовое пространство (Электронная...). Мифология тоже содержит редкие упоминания о совершении краж, причем за такое противоправное деяние наказывали, используя магические средства, колдовство (Конаков...), а за воровство скота у зырян преступника казнили (Электронная...) и т.д.

В исторических источниках XVII века встречаются факты хищения, сопровождавшегося разбойными действиями. Грабеж с разбоем совершался по отношению к казакам, купцам и

промысловому люду, заезжавшим на территорию, заселенную ненцами: «...казаков... ограбили да покинули их на тундре, а сами побежали... кунная самоедь...» (Грамота из..., 2004: 12). Государевы служащие также подвергались ограблениям со стороны ненцев: «...самоеды ...казну и наряд погромили... служилых людей побили...» (Грамота из..., 2004: 16). Ненцы грабили продуктовые запасы у судов, потерпевших кораблекрушение: «...тот коч розбило... карачейская самоедь всех побила... государевы хлебные и всякие запасы по себе розвозила» (Отписка березовского..., 2004: 45).

Ханты, собравшись на свои съезды, применяя нормы обычного права, рассматривали в том числе вопросы, касающиеся принятия решений о нападении на основанные русскими первопроходцами северные города: «А... на Горине тундре... был съезд, сведались де остяки, ...советовали меж себя... Березов город взять и служилых людей... побить...» (Розыскное дело..., 2004: 59). Основной целью таких нападений являлось незаконное завладение «...государева хлебного запаса...» (Отписка тобольских..., 2004: 30) и другим имуществом. Нередко во время совершения грабежа («разгрома...») (Из грамоты..., 2004: 23) пострадавших избивали и убивали: «... до Березова не довезчи, убили... самоедь по дорогам наших служилых и торговых людей грабят и побивают» (Грамота из..., 2004: 22); «...самоедь по дорогам... торговых людей грабят и побивают, ...самоедь у них запасы и товары...» (Челобитная торгового..., 2004: 21).

Ненцев даже в архивных источниках, дошедших до наших дней, называли «воровской самоедью» (Отписка мангазейского..., 2004: 34). Из приведенных исторических материалов видно, что ненцы часто грабили казенное имущество. В целях его защиты и пресечения подобных противоправных действий был организован розыск самих преступников, к которым нередко применялись пытки («...и велел бы еси их пытать...») (Из грамоты..., 2004: 24). Такие действия считались законными и санкционированными с позиции норм позитивного права (Розыскное дело..., 2004: 55). Государевы служащие также проводили очные ставки: «...ты б... воров потому ж сыскивая и ставя с очей на очи с теми воры... начнут говорить...» (Из грамоты..., 2004: 24).

Такие преступления российский правоприменитель пресекал и наказывал чаще всего «смертью» (Грамота из..., 2004: 14): «...велел повесить, чтоб на то смотря иным... неповадно было так воровать» (Из грамоты..., 2004: 24). Казнили вожаков и князьков как организаторов преступлений, других участников наказывали телесными видами наказания: «...проведав в осятках шатость... пущих воров... котских осятков... велели повесить... иных изменников били кнутъем» (Грамота из..., 2004: 16). Могли также «...достальных воров... вкинуть в тюрьму...» (Из грамоты..., 2004: 24).

В XVII веке в позитивном праве предусматривалось комбинированное наказание за совершение разбоя, о чем свидетельствует ст. 16 гл. XXI Соборного уложения 1649 г. Так, речь шла о членовредительском наказании, после которого преступника ждало тюремное заключение в случае, если «...розбойник... повинится, что он розбивал впервые, а убийства не учинил» (Соборное...).

В первой половине XVIII века законодатель также жестоко наказывал участников разбоя и хищения: «...а которые изъ нихъ надлежать казни, и техъ вешать...» (ПСЗ РИ. Т. IV. № 2373: 695); «...ссылать на каторги въ вечную работу, вырвавъ ноздри...» (ПСЗ РИ. Т. V. № 2823: 114-115).

Борьба за территории промысла («леших промыслех...») (Челобитная аманата..., 2004: 38), за скот, включая оленей, игравших огромную роль в жизнедеятельности кочевых народов (Розыскное дело..., 2004: 52), за обладание женщинами, которое в обычно-правовом понимании ненцев и угров считалось проявлением власти, верховенства (Головнев, 1995: 103), являлись причинами столкновения этих народов между собой.

В XVII веке разбойные нападения с целью завладения чужим имуществом совершались не только у самоедов, остяков, вогулов, но и у зырян, о чем свидетельствуют упоминания современников (Бранд, 2007: 142). Эта тенденция сохранилась и в первой половине XVIII века. Кроме того, исторические источники XVII – первой половины XVIII веков, хранящиеся в архивных учреждениях, а также систематизированные в различных научных и методических исследованиях, содержат факты разбоя (Цембер, 2007: 94), воровства (РГАДА. Ф. 647. Оп. 1. Д. 3. Л. 1), неуплаты долга (РГАДА. Ф. 623. Оп. 1. Д. 15. Л. 1), вымогательства (Коми край, 2012: 52; РГАДА. Ф. 966. Оп. 1. Д. 4. Л. 1), ограбления, сопровождавшегося убийством (РГАДА. Ф. 647. Оп. 1. Д. 4. Л. 1; Д. 5. Л. 1; Д. 13. Л. 1). В обычно-правовом понимании, к примеру, у самоедов убийство человека другой национальности вообще не считалось преступным деянием, поэтому они часто посягали на имущество и жизнь «...тех де русских людей...» (Отписка березовского..., 2004: 45) и «...служилых людей...» (Розыскное дело..., 2004: 56).

В первой половине XVIII века кражи являлись широко распространенным явлением (РГАДА. Ф. 647. Оп. 1. Д. 6. Л. 1; Д. 14. Л. 1; Ф. 1178. Оп. 1. Д. 4. Л. 1). Известный исследователь промысловых отношений у зырян Н.Д. Конаков отмечает, что существовала обычно-правая форма наказания преступника за совершенную кражу: ему одевали хомут на шею и водили по селу в таком виде (Конаков). Подобная форма наказания носила более воспитывающий характер. В обычном праве зырян, в отличие от позитивного права, стремились предупредить совершение преступления, а если оно произошло, то воздействовали на преступника более гуманными способами, позорящими его личность, реже применяя телесные наказания и практически не используя тюремные заключения. За кражу объектов промысла, к примеру добычи из чужого капкана, у зырян наказание могло

включать следующие действия: прежде всего преступника изгоняли из охотничьих угодий, а также могли применить такую обычно-правовую форму наказания, как «распятие», в результате которого руки преступника привязывались к палке, сохраняя форму креста, и в таком виде он вынужден был идти сквозь тайгу (*Соционормативная...*). Преступника могли подвергнуть позорному порицанию. Только за систематически совершаемые хищения промысловых объектов вора-рецидивиста, согласно обычно-правовым нормам, могли убить (*Конаков*).

Однако важно отметить, что некоторые действия, наносящие экономический ущерб, вообще не расценивались нормами обычного права как преступные действия. Так, к примеру, если пастух-самоед потерял часть выпасаемого им стада оленей по причине их «падежа» (*Иванова, 2009: 31*), то ему позволительно было употребить оленье мясо в пищу, отдав шкуры оленей хозяину-ижемцу (*Иванова, 2009: 31*).

В обычно-правовом понимании самоедов, остяков не считались преступными продажа молодого человека: «остяк... купили де мы у Ивашка... чордынские остяки десять человек, парня остяцкого...» (*Розыскное дело..., 2004: 52*); купля-продажа женщины: «...купили.. служилые люди у той воровской самоеды самоедскую девку на муку» (*Отписка тобольских..., 2004: 32*); продажа детей: «...и жены свои и дети на ясак продают...» (*Грамота из..., 2004: 16*); «...остяки, жены и дети свои для голоду продавали в работу» (*Челобитные остяков ..., 2004: 26*). Женщину даже могли отдать «бесплатно» (*Головнев, 1995: 103*). Ненцы же, подчеркивая свое «нормативное превосходство» (*Головнев, 1995: 103*), часто женились на хантыйских девушках (*Головнев, 1995: 103*).

Важно отметить, что у угорских и самодийских народов не все, с точки зрения современной правовой доктрины, противоправные деяния считались вредными и общественно опасными. В обычно-правовом понимании была зависимость от того, какому лицу наносился ущерб. С позиции обычно-правовых норм рассматриваемых народов действия, повлекшие нанесение вреда представителям собственного «мира», считались противоправным. К примеру, совершение кражи у своих «расценивается как душевная болезнь» (*Головнев, 1995: 96-98*). И наоборот, «ограбление врага – подвиг» (*Головнев, 1995: 96-98*). Данный принцип нашел свое отражение и в мифологии ненцев. Так, украсть оленей у коми-ижемцев расценивалось как проявлением мужской силы, хитрости главного героя Тылико (*Головнев, 1995: 289*).

5. Заключение

Таким образом, экономические преступления регламентировались не только нормами позитивного, но и обычного права у уральских народов в XVII – первой половине XVIII вв. Анализ исторических источников свидетельствует о частом совершении преступлений экономического характера, среди которых особенно выделялись кражи объектов охотничьего и рыболовного промысла, оленей, иного скота, а также хищения государственного, купеческого имущества и имущества первопроходцев, иноплеменников-промысловиков. Кроме того, распространены были неуплата долга и незаконное присвоение чужой собственности. Совершение краж, разбойных нападений часто сопровождалось насилием, нередко завершавшимся убийством.

Позитивное и обычное право содержало различные формы наказания за совершение подобных деяний. В качестве наказания в позитивном праве применялись смертная казнь, членовредительство и др. Нормы обычного права предписывали наказывать таких нарушителей «изгнанием из собственных промысловых угодий», применением позорящих форм наказания, общественным порицанием и др. Но, важно понимать, что в обычном праве выделялись обстоятельства, исключавшие вину, а также ряд деяний обычное право вообще не квалифицировало как противоправные, среди которых необходимо назвать куплю-продажу, дарение женщины, детей, нанесение имущественного ущерба иноплеменнику.

Литература

- Бахрушин, 1935* – *Бахрушин С.В.* Остяцкие и вогульские княжества в XVI–XVII веках. Л.: Институт народов севера ЦИК СССР им. П.Г. Смиловича, 1935. 91 с.
- Белицер, 1958* – *Белицер В.Н.* Очерки по этнографии народов коми: XIX – начало XX в. М.: Труды Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. 1958. 393 с.
- Бранд, 2007* – *Бранд А.* Записки о русском посольстве в Китае // Савельева Э.А., Королев К.С. Письменные известия о народе коми. Сыктывкар: Эском. 2007. С. 142.
- Вершинин, Визгалов, 2004* – *Вершинин Е.В., Визгалов Г.П.* Обдорский край и Мангазея в XVII веке. Сборник документов. Екатеринбург: Тезис, 2004. 200 с.
- Головнев, 1995* – *Головнев А.В.* Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров. Екатеринбург: Институт истории и археологии УрО РАН, 1995. 600 с.
- Дамешек, Дамешек, 2014* – *Дамешек Л.М., Дамешек И.Л.* Ясак в Сибири в XVIII – начале XX века. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2014. 303 с.
- Жеребцов, 1972* – *Жеребцов Л.Н.* Хозяйство, культура и быт удорских коми в XVIII – начале XX в. М.: Наука, 1972. 128 с.

- Зибарев, 1986** – Зибарев В.А. Из истории обычного права народов Севера // *Советская этнография*. 1986. № 2. С. 73-79.
- Зибарев, 1990** – Зибарев В.А. Юстиция у малых народов Севера (XVII–XIX вв.). Томск: Изд-во Томского ун-та, 1990. 208 с.
- Иванова, 2009** – Иванова Ж.Б. Религиозные и обычно-правовые традиции народов Северной России в охране среды обитания // *Актуальные вопросы образования и науки*. 2009. № 1–2. С. 30-31.
- Истомин, 2007** – Истомин К.В. Коми-ижемское оленеводство. История двух веков изучения // *Очерки по истории изучения этнографии коми*. Сыктывкар, 2007. С. 257-274.
- Коми край..., 2012** – Коми край в XVIII веке // *Сб. документов / Под общ. ред. А.К. Гагиевой*. Сыктывкар: КРАГСиУ, 2012. 115 с.
- Конаков** – Конаков Н.Д. Мифология коми // *Электронная библиотека «Энциклопедия уральских мифологий. Мифология коми»*. [Электронный ресурс]. URL: <http://sati.archaeology.nsc.ru/mifolog/myth/160.htm> (дата обращения: 05.04.2023).
- Конаков, 2004** – Конаков Н.Д. Традиционная система природопользования и хозяйственные занятия коми / Зырянский мир. Очерки о традиционной культуре коми народа. Сыктывкар: Коми книжное издательство, 2004. С. 65-181.
- Кудж, Голованова, 2020** – Кудж С.А., Голованова Н.Б. О совершенствовании механизмов подготовки научно-педагогических кадров и перспективы целевого обучения в интересах вузов // *Российский технологический журнал*. 2020. № 4(36). С. 112-128.
- Кудж, Цветков, 2019** – Кудж С.А., Цветков В.Я. Тринитарные системы // *Российский технологический журнал*. 2019. № 7(6). С. 51-167.
- Наумкина, 2021** – Наумкина В.В. Обычное право кочевых народов Восточной Сибири. Монография. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2021. 223 с.
- Перова и др., 2023** – Перова Ю.П., Григорьев В.Р., Жуков Д.О. Модели методы анализа сложных сетей и социальных сетевых структур // *Russian Technological Journal*. 2023. № 11(2). С. 33-49.
- ПСЗ РИ** – Полное собрание законов Российской империи.
- РГАДА** – Российский государственный архив древних актов.
- Соборное...** – Соборное Уложение 1649 года. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/1649/whole.htm> (дата обращения: 13.04.2023).
- Соционормативная...** – Соционормативная мифология коми. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.studsell.com/view/167322/10000> (дата обращения: 14.04.2023).
- Цембер, 1927** – Цембер А.А. Разбойничье дело 1777 года // *Коми му*. 1927. № 6–7. С. 94.
- Электронная...** – Электронная библиотека «Энциклопедия уральских мифологий. Мифология коми» / ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.komi.com/folk/myth/31.htm> (дата обращения: 08.04.2023).
- Alimbay, Smagulov, 2021** – Alimbay N.A., Smagulov B.K. Contribution of Russian Researchers in the Collection and Study of Materials on the Customary Law of the Kazakhs (late 18th – early 20th centuries) // *Bylye Gody*. 2021. 16(1): 85-96.
- Averin et al., 2020** – Averin M.B., Nikitin P.V., Popova A.V. The role of the Ministry of Justice in improving the judicial system of the national outskirts of the Russian Empire (late 19th century – 1914) // *Bylye Gody*. 2020. 55(1): 162-172.
- Bereznitsky et al., 2020** – Bereznitsky S.V., Galechko I.I., Primak P.V. Laws of the Russian Empire and hunting of the indigenous peoples of Siberia // *Bylye Gody*. 2020. 55(1): 31-39.
- Darchiey, Darchieva, 2021** – Darchiey A.V., Darchieva S.V. To the Issue of the Marriage of the Kartlian Prince Bagrat and the Ossetian Princess (late XVIIth century) // *Bylye Gody*. 2021. 16(2): 461-470.
- Khramtsov, 2021** – Khramtsov A.B. Results and Prospects of Studying the Process of Settlement and Development of Crafts in the Southern Settlements of the Trans-Urals (late XVIII – early XX centuries). *Bylye Gody*. 2021. 16(1): 74-84.
- Kumar, Parameswaran, 2023** – Kumar K., Parameswaran R. Bibliometric analysis of holographic data storage literature // *Russian Technological Journal*. 2023. 11(2): 20-32.
- Plotskaya et al., 2023** – Plotskaya O.A., Elinsky V.I., Dzhindzholiya R.S., Fedorov R.V. The Legal Regime of Natural Bioresources in the XVII-XVIII Centuries in the Positive and Customary Law of the Finno-Ugric and Samoyed Peoples of the North of Russia // *Bylye Gody*. 2023. 18(1): 37-45.
- Plotskaya et al., 2022** – Plotskaya O.A., Ruchkina G.F., Alekseeva D.G., Naumkina V.V. The Hereditary Legal Status of Women among the Permian Peoples in Customary and Positive Law in the XVIII–XIX centuries // *Bylye Gody*. 2022. 17(1): 49-56.
- Plotskaya et al., 2021** – Plotskaya O.A., Sokolskaya L.V., Kaliakperova E.N., Alekseeva D.G. Regulatory Potential of the Positive and Customary Law of the Zyryans and Samoyeds in the Field of Environmental Management in the XVII – XVIII centuries // *Bylye Gody*. 2021. 16(4): 1594-1601.
- Pravkin et al., 2020** – Pravkin S.A., Smirnova V.V., Shagieva R.V., Khatova M.A. Model of Conciliatory Law and Social Cooperation S.M. Solovyov as a Contribution to the Development of the Concept of the State (Law) School in Russian Historiography // *Bylye Gody*. 2020. 16(2): 620-628.

Titov, 2021 – Titov V.V. Formation of the All-Russian Imperial Identity in the Grand Duchy of Finland in the Reign of Alexander III: Historical Contexts and Political Constraints // *Bylye Gody*. 2021. 16(1): 138-145.

References

- Alimbay, Smagulov, 2021 – Alimbay, N.A., Smagulov, B.K. (2021). Contribution of Russian Researchers in the Collection and Study of Materials on the Customary Law of the Kazakhs (late 18th – early 20th centuries). *Bylye Gody*. 16(1): 85-96.
- Averin et al., 2020 – Averin, M.B., Nikitin, P.V., Popova, A.V. (2020). The role of the Ministry of Justice in improving the judicial system of the national outskirts of the Russian Empire (late 19th century – 1914). *Bylye Gody*. 55(1): 162-172.
- Bahrushin, 1935 – Bahrushin, S.V. (1935). Ostyackie i vogul'skie knyazhestva v XVI-XVII vekah [Ostyak and Vogul principalities in the XVI-XVII centuries]. L. [in Russian]
- Belicer, 1958 – Belicer, V.N. (1958). Ocherki po etnografii narodov komi: XIX – nachalo XX v. [Essays on the ethnography of the Komi peoples: XIX – early XX centuries]. M. [in Russian]
- Bereznitsky et al., 2020 – Bereznitsky, S.V., Galechko, I.I., Primak, P.V. (2020). Laws of the Russian Empire and hunting of the indigenous peoples of Siberia. *Bylye Gody*. 55(1): 31-39.
- Brand, 2007 – Brand, A. (2007). Zapiski o russkom posol'stve v Kitae [Notes about the Russian Embassy in China]. Savel'eva E.A., Korolev K.S. Pis'mennye izvestiya o narode komi. Syktyvkar. [in Russian]
- Dameshek, Dameshek, 2014 – Dameshek, L.M., Dameshek, I.L. (2014). Yasak v Sibiri v XVIII – nachale XX veka. [Yasak in Siberia in the XVIII – early XX centuries]. Irkutsk. [in Russian]
- Darchiey, Darchieva, 2021 – Darchiey, A.V., Darchieva, S.V. (2021). To the Issue of the Marriage of the Kartlian Prince Bagrat and the Ossetian Princess (late XVIIth century). *Bylye Gody*. 16(2): 461-470.
- Elektronnaya... – Elektronnaya biblioteka «Enciklopediya ural'skih mifologij. Mifologiya komi» [Electronic library "Encyclopedia of Ural mythologies. Komi Mythology". IYALI Komi NC UrO RAS]. [Electronic resource]. URL: <http://www.komi.com/folk/myth/31.htm> (date of access: 08.04.2023).
- Golovnev, 1995 – Golovnev, A.V. (1995). Govoryashchie kul'tury: tradicii samodijcev i ugrov [Speaking cultures: traditions of Samoyeds and Ugrians]. Yekaterinburg. [in Russian]
- Istomin, 2007 – Istomin, K.V. (2007). Komi-izhemscoe olenevodstvo. Istoriya dvuh vekov izucheniya [Komi-Izhma reindeer husbandry. The history of two centuries of study]. Ocherki po istorii izucheniya etnografii komi. Pp. 257-274. [in Russian]
- Ivanova, 2009 – Ivanova, Zh.B. (2009). Religioznye i obychno-pravovye tradicii narodov Severnoj Rossii v ohrane sredy obitaniya [Religious and customary legal traditions of the peoples of Northern Russia in the protection of the habitat]. *Aktual'nye voprosy obrazovaniya i nauki*. 1-2: 30-31. [in Russian]
- Khramtsov, 2021 – Khramtsov, A.B. (2021). Results and Prospects of Studying the Process of Settlement and Development of Crafts in the Southern Settlements of the Trans-Urals (late XVIII – early XX centuries). *Bylye Gody*. 16(1): 74-84.
- Komi Krai..., 2012 – Komi Krai in the XVIII century: collection of documents [Komi Krai in the XVIII century: collection of documents]. Syktyvkar, 2012. [in Russian]
- Konakov – Konakov, N.D. Mifologiya komi [Komi mythology]. Elektronnaya biblioteka «Enciklopediya ural'skih mifologij. Mifologiya komi». [Electronic resource]. URL: <http://sati.archaeology.nsc.ru/mifolog/myth/160.htm> (date of access: 05.04.2023). [in Russian]
- Konakov, 2004 – Konakov, N.D. (2004). Traditsionnaya sistema prirodopol'zovaniya i hozyajstvennye zanyatiya komi [The traditional system of nature management and economic occupations of Komi] Zyryanskij mir. Ocherki o tradicionnoj kul'ture komi naroda. Pp. 65-181. [in Russian]
- Kudzh, Golovanova, 2020 – Kudzh, S.A., Golovanova, N.B. (2020) O sovershenstvovanii mekhanizmov podgotovki nauchno-pedagogicheskikh kadrov i perspektivy celevogo obucheniya v interesah vuzov [On improving the mechanisms of training scientific and pedagogical personnel and prospects for targeted training in the interests of universities]. *Rossijskij tekhnologicheskij zhurnal*. 4(36): 112-128. [in Russian]
- Kudzh, Tsvetkov, 2019 – Kudzh, S.A., Tsvetkov, V.Y. (2019). Trinitarnye sistemy [Trinitarian Systems]. *Rossijskij tekhnologicheskij zhurnal*. 7(6): 51-167. [in Russian]
- Kumar, Parameswaran, 2023 – Kumar, K., Parameswaran, R. (2023) .Bibliometric analysis of holographic data storage literature. *Russian Technological Journal*. 2023. 11(2): 20-32.
- Naumkina, 2021 – Naumkina, V.V. (2021). Obychnoe pravo kochevyh narodov Vostochnoj Sibiri. [Customary law of the nomadic peoples of Eastern Siberia]. M. [in Russian]
- Perova i dr., 2023 – Perova, Yu.P., Grigor'ev, V.R., Zhukov, D.O. (2023). Modeli i metody analiza slozhnyh setej i social'nyh setevykh struktur [Models and methods of analysis of complex networks and social network structures]. *Rossijskij tekhnologicheskij zhurnal*. 11(2): 33-49. [in Russian]
- Plotskaya et al., 2021 – Plotskaya, O.A., Sokolskaya, L.V., Kaliakperova, E.N., Alekseeva, D.G. Regulatory Potential of the Positive and Customary Law of the Zyryans and Samoyeds in the Field of Environmental Management in the XVII – XVIII centuries. *Bylye Gody*. 16(4): 1594-1601.

Plotskaya et al., 2022 – Plotskaya, O.A., Ruchkina, G.F., Alekseeva, D.G., Naumkina, V.V. (2022). The Hereditary Legal Status of Women among the Permian Peoples in Customary and Positive Law in the XVIII–XIX centuries. *Bylye Gody*. 17(1): 49–56.

Plotskaya et al., 2023 – Plotskaya, O.A., Elinsky, V.I., Dzhindzholiya, R.S., Fedorov, R.V. (2023). The Legal Regime of Natural Bioresources in the XVII–XVIII Centuries in the Positive and Customary Law of the Finno-Ugric and Samoyed Peoples of the North of Russia. *Bylye Gody*. 18(1): 37–45.

Pravkin et al., 2021 – Pravkin, S.A., Smirnova, V.V., Shagieva, R.V., Khvatova, M.A. Model of Conciliatory Law and Social Cooperation S.M. Solovyov as a Contribution to the Development of the Concept of the State (Law) School in Russian Historiography. *Bylye Gody*. 16(2): 620–628.

PSZ RI – Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii [Complete collection of laws of the Russian Empire]. [in Russian]

RGADA – Rossijskij gosudarstvennyj arhiv drevnih aktov [Russian State Archive of Ancient Acts].

Sobornoe... – Sobornoe Ulozhenie 1649 goda [Cathedral Code of 1649]. [Electronic resource]. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Text/1649/whole.htm> (date of access: 13.04.2023).

Socionormativnaya... – Socionormativnaya mifologiya komi [Socio-normative mythology of the Komi]. [Electronic resource]. URL: <https://www.studsell.com/view/167322/10000> (дата обращения: 14.04.2023).

Titov, 2021 – Titov, V.V. (2021). Formation of the All-Russian Imperial Identity in the Grand Duchy of Finland in the Reign of Alexander III: Historical Contexts and Political Constraints. *Bylye Gody*. 16(1): 138–145.

Tsember, 1927 – Tsember, A.A. (1927). Razbojnich'e delo 1777 goda [The Robbery Case of 1777]. *Komi mu.* 6-7: 94. [in Russian]

Vershinin, Vizgalov, 2004 – Vershinin, E.V., Vizgalov, G.P. (2004). Obdorskij kraj i Mangazeya v XVII veke [Obdorsky Krai and Mangazeya in the XVII century. Collection of documents]. Yekaterinburg. [in Russian]

Zherebtsov, 1972 – Zherebtsov, L.N. (1972). Khozyaistvo, kul'tura i byt udorskikh komi v XVIII – nachale XX v. [Economy, culture and life of the Udora Komi in the XVIII – early XX centuries]. M. [in Russian]

Zibarev, 1986 – Zibarev, V.A. (1986). Iz istorii obychnogo prava narodov Severa [From the history of customary law of the peoples of the North]. *Sovetskaya etnografiya*. 2: 73–79. [in Russian]

Zibarev, 1990 – Zibarev, V.A. (1990). Yusticiya u malyh narodov Severa (XVII–XIX vv.). [Justice among the small peoples of the North (XVII–XIX centuries)]. Tomsk. [in Russian]

Экономические преступления в позитивном и обычном праве уральских народов в XVII – первой половине XVIII вв.

Ольга Андреевна Плоцкая ^{a, b, *}, Кайрат Кулбакович Атабеков ^c,
Никита Сергеевич Грудинин ^{a, d}, Руслан Михайлович Жиров ^e

^a МИРЭА – Российский технологический университет, Москва, Российская Федерация

^b Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, Москва, Российская Федерация

^c Чуйский Университет, Бишкек, Кыргызская Республика

^d Московский государственный лингвистический университет, Москва, Российская Федерация

^e Кабардино-Балкарский государственный университет имени Х.М. Бербекова, Нальчик, Российская Федерация

Аннотация. В данной статье рассмотрены экономические преступления, регламентируемые нормами позитивного и обычного права уральских народов в XVII – первой половины XVIII вв. Авторы пришли к выводу, что российский законодатель стремился максимально включить все национальные территории в экономическое развитие всего государства. Официальное признание государством норм обычного права и его регулятивного потенциала было основано на дальновидной государственной политике, так как законодатель осознал, что в нормах обычного права отражался многовековой опыт регулирования традиционных общественных отношений.

Экономические преступления регламентировались не только нормами позитивного, но и обычного права у уральских народов в XVII – первой половины XVIII вв. Анализ исторических источников свидетельствует о частом совершении преступлений экономического характера, среди которых особенно выделялись кражи объектов охотничьего и рыболовного промысла, оленей, иного скота, а также хищения государственного, купеческого имущества, имущества первопроходцев, иноплеменников-промысловиков. Кроме того, распространены были неуплата долга и незаконное

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: olga.plockaya@mail.ru (О.А. Плоцкая), kairat44@mail.ru (К.К. Атабеков), nekit-07@mail.ru (Н.С. Грудинин), dzhir-ruslan@mail.ru (Р.М. Жиров)

присвоение чужой собственности. Совершение краж, разбойных нападений часто сопровождалось насилием, нередко завершавшимся убийством.

Позитивное и обычное право содержало различные формы наказания за совершение подобных деяний. В качестве наказания в позитивном праве применялись смертная казнь, членовредительство и др. Нормы обычного права предписывали наказывать таких нарушителей «изгнанием из собственных промысловых угодий», применением позорящих форм наказания, общественным порицанием и др. Но, важно понимать, что в обычном праве выделялись обстоятельства, исключавшие вину. Также ряд деяний обычное право вообще не квалифицировало как противоправные, среди которых необходимо назвать куплю-продажу, дарение женщины, детей, нанесение имущественного ущерба иноплеменнику.

Ключевые слова: коми, манси, ханты, ненцы, позитивное право, обычное право, экономические преступления, кража, разбой, хищение.

Copyright © 2023 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2023. 18(2): 553-564
 DOI: 10.13187/bg.2023.2.553

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Power, Society, and the State in the Board Games of the French Revolution

Taisiia M. Demicheva ^{a,*}

^a St. Petersburg State University, Russian Federation

Abstract

In this article we will focus on the discourses and narratives represented in board games of the French Revolution. These sources are important for understanding everyday cultural practices, because board games could depict the transformation of society and the state in France during the Revolutionary years. Based on the games that illustrated the transformation of society and the state in France during the Revolution, the discourse they created will be analyzed to determine the characteristics in the perception of power, state, and society during the French Revolution.

The methodology of the study is based on the approaches of new cultural history, history of mentalities, and new political history. The study will show that the games “in the goose” of the French Revolution served as an instrument of propaganda among society of revolutionary ideals, on the one hand, with the subversion of the former order, on the other, and also served as an instrument of propaganda of the idea of political progress, to which the French Revolution was leading.

Keywords: French Revolution, Enlightenment, board games, new cultural history, goose games, National Assembly, Constitution of the 1791, French history, anthropology of power.

Как существует множество мудрых вещей, которые управляются сумасшедшим способом, так существуют и безумства, которые управляются мудро.
 Монтескье («Словарь игр», 1792)

1. Введение

Настольные игры, столь популярные в наши дни, являются важным источником по изучению культурного дискурса страны в определенный период. Они выступают одним из проявлений культуры повседневности, вследствие чего представляют ценность для историков как источники, раскрывающие унастроения общества, а также как воплощение социальной активности эпохи (Mardon et al., 2020: 34).

В данной статье мы планируем рассмотреть и изучить один из наиболее популярных типов настольных игр Нового времени – так называемую «игру в гуся», версии которой выходили в годы Французской революции, и проанализировать сконструированный нарратив. Значения и концепты, представленные на полях исследуемых нами игр, позволят выявить определенные черты в восприятии власти, государства и общества в годы Французской революции.

2. Материалы и методы

Источники, на которых будет построено данное исследование, хранятся в Национальной библиотеке Франции, Библиотеке конгресса, Государственном Эрмитаже. Методология нашего исследования основывается на принципах и подходах новой культурной истории, истории ментальностей, новой политической истории, новой имперской истории, уже использованных

* Corresponding author

E-mail addresses: t.demicheva@spbu.ru (T.M. Demicheva)

нами ранее (Демичева, 2022) с целью создать цельный образ в формировании и транслировании образа власти.

Тип игры, к которому мы обращаемся в данном исследовании, сформирован на базе ренессансной игры «в гуся». Это одна из самых распространенных западноевропейских настольных игр, появившаяся в XV веке. Ее иконография часто включала изображение сада как конечной цели пути, ведомому броском двух костей по спиральной дорожке – саду гуся. Предполагалось, что игра представляет собой духовное путешествие в этот «райский» сад (Seville, 2021: 33). Сам гусь воспринимался как символ благополучия. Эти образы мы также находим в ряде французских игр XVIII века, например в «Королевской игре в гуся, обновленной греками» (Letourmy, 1750). Позднее гуся могли вообще не использовать в игре, как, например, в «Фортификационной игре» 1751 г. (Daumont, 1751), либо его могли заменять на другие образы в зависимости от дискурса и целей настольной игры – таким образом, в «Новой морской игре» вместо гуся был использован концепт «Попутный ветер» (Créru, 1768).

3. Обсуждение

Настольные игры прошлого являются предметом исследования ряда зарубежных историков (Mardon et al., 2020; Seville, 2019; Seville, 2021; Girard, Quézel, 1982), которые обращаются к данным источникам, чтобы проанализировать их на предмет интеллектуальных и властных дискурсов эпохи, рассмотреть историю развития настольных игр в исторической перспективе. Как отмечает один из ведущих специалистов по истории настольных игр Эйдриан Сэвил, поскольку основой этих игр было гравированное поле, они могли нести мощные сообщения – иногда скрытые, иногда явные – принимая преимущество средства печати для отображения бесконечно адаптируемой иконографии (Seville, 2021: 49). Среди отечественных исследователей пока отсутствуют исследования, которые изучали бы дискурс эпохи сквозь призму таких источников истории повседневности, как настольные игры. Эту лауну мы и попытаемся ликвидировать данной статьей.

4. Результаты

Игра «в гуся» появилась в Италии в Средние века, впоследствии она приобрела популярность и в других странах Европы, в том числе во Франции. Наиболее ранние французские игры в «гуся» относятся к XVII–XVIII вв. Во Франции интерес к данной игре отмечался вплоть до XX в.: например, в межвоенные годы эти игры использовались для рекламы мыла и шоколада.

Игра представляла собой поле – гравюру, в нашем случае выполненную в технике офорта. Кроме поля, игрокам были необходимы две игральные кости и фишки, соответствующие числу игравших. В эту игру обычно играли со ставками, большими или маленькими, часто это было связано с азартными играми в тавернах (Seville, 2021: 33). Само поле содержало определенное количество ячеек с учетом так называемых «опасных мест», которые было необходимо преодолеть, чтобы достичь финала и забрать выигрыш. Часто сокращенные правила игры были записаны прямо на игровом поле.

Количество игроков редко было зафиксировано в известных нам правилах, напечатанных на поле, как и размер делавшихся ставок. Иногда прямо на поле было указано, что игроки на входе должны были договориться о размере ставок и штрафов при столкновениях на поле (Jeu de la révolution, 1791a).

В Новое время также издавались сборники популярных настольных игр, которые позволяют дополнить наше представление о механике игры, количестве игроков и ряде других моментов. В первую очередь это сборник XVII века Ля Мариньера «Академический дом», который «содержит общую коллекцию всех развлекательных игр, чтобы было приятно повеселиться в хорошей компании» (La Marinière, 1654) и изданный в годы Французской революции «Словарь игр» (Lacombe, 1792). Кроме игры «в гуся», там можно найти правила игры в домино, шахматы и иные карточные и настольные игры.

Непосредственно в годы Французской революции на основе игры «в гуся» было издано несколько настольных игр, несших определенный политический нарратив:

- Jeu de la Révolution française : tracé sur le plan du jeu d'oye renouvelé des Grècs (Игра Французской революции, основанная на игре «в гуся», обновленной греками), 1790–1791 гг. (Jeu de la révolution, 1790-1791a; Jeu de la révolution, 1790-1791b; Jeu de la révolution, 1790-1791c), далее – игра Французской революции № 1.

- Jeu de la Révolution française (Игра Французской революции), 1791 г. (Jeu de la révolution, 1791a; Jeu de la révolution, 1791b), более поздняя версия игры, указанной выше, далее – игра Французской революции № 2.

- Les délassements du père Gérard ou la poule de Henri IV mise au pot en 1792. Jeu national (Отдых отца Жерара, или курица в горшке Генриха IV. Национальная игра), 1792 г. (Les Delassements, 1792a; Les Delassements, 1792b; Les Delassements, 1792c), далее – Отдых отца Жерара, или курица в горшке Генриха IV.

- Jeu National et Instructif ou leçons exemplaires et amusantes. Données aux Bons Citoyens par Henri IV et le Père Gerard (Национальная и обучающая игра, или забавные и поучительные уроки, данные добрым гражданам Генрихом IV и отцом Жераром), 1791 или 1792 г. ([Jeu national, 1791-1792](#)), вторая версия игры выше, далее – Национальная и обучающая игра, или забавные и поучительные уроки.

- Jeu Géographique des LXXXIII Departemens. Présenté à la Convention Nationale (Географическая игра 83 департаментов. Представлена Национальному конвенту), 1792 г. ([Mauborgne, 1792](#)), далее – Географическая игра 83 департаментов.

- Jeu Géographique de la République Française. Présenté à la Convention National (Географическая игра Французской республики. Представлена Национальному конвенту), 1795 г. ([Mauborgne, 1795](#)), более поздняя версия игры выше, отличается от предыдущей только названием, далее – Географическая игра Французской республики.

Пожоже по названию игры выходили и ранее на протяжении XVIII в., например «Le Jeu Royal de l'Oye. Renouvelé des Grecs» («Королевская игра в гуся, обновленная греками») ([Letourmy, 1750](#)), однако они не несли в себе какой-либо пропагандистский или обучающий дискурс, а оставались просто средством развлечения.

В этом плане игры, изданные в годы Французской революции, обладают существенными отличиями. Анализируя созданный ими нарратив, следует обратить внимание на два момента: символизм и значения, которые содержались в отдельных ячейках игрового поля, а также символизм механики игры. Обе версии игры Французской революции содержат 63 ячейки на поле, что является наследием традиционной игры «в гуся». Существенным являются конкретные значения ячеек. Так, в игре Французской революции № 1 представлены следующие понятия:

«Взятие Бастилии» (1), «Воссоединение трех сословий» (2), «Охота, разрешенная всем собственникам» (3), «Создание Национальной гвардии» (4), «Гуси (парламент Парижа)» (5), «Мост, или принц де Ламбеск в Тюильри» (6), «Первый патриотический дар, сделанный художницами» (7), «Отмена феодальных прав» (8), «Гуси (Парламент Тулузы)» (9), «Отмена десятины» (10), «Отмена летр де каше» (11), «Присягнувшие закону евреи становятся французами» (12), «Иностранцы, принявшие блага Нации и присягнувшие закону, становятся французами» (13), «Гуси (парламент Гренобля)» (14), «Франция дарует маршалский жезл солдату, который хорошо послужил Родине» (15), «Церковное добро принадлежит Нации» (16), «Отмена налога (корве)» (17), «Гуси (парламент Бордо)» (18), «Отель, или Кафе де Каво у Пале-Рояль, основное место деятельности» (19), «Поход женщин на Версаль 5 октября 1789» (20), «Король вернулся в Париж 6 октября 1789» (21), «Отмена права первородства» (22), «Гуси (Парламент Дижона)» (23), «Отмена габели» (24), «Пытки больше не являются позором для семей» (25), «Банковская система» (26), «Гуси (парламент Руана)» (27), «Франция разделена на 83 департамента» (28), «Ликвидация религиозных порядков» (29), «Равенство мер и весов во всем королевстве» (30), «Беженцы за границей» (31), «Гуси (Парламент Экса)» (32), «Отмена французского дворянства и привилегий» (33), «Благовония следует возносить только Господу» (34), «Правосудие становится доступным» (35), «Гуси (парламент Ренна)» (36), «Работы на Марсовом поле» (37), «Федерация 14 июля 1790» (38), «Знамя, переданное Парижем 83 департаментам» (39), «Нации принадлежит право объявлять войну» (40), «Гуси (парламент По)» (41), «Лабиринт, или Шателе де Пари» (42), «Истинный пастырь первоначальной церкви» (43), «Некатолики под защитой закона» (44), «Гуси (парламент Меца)» (45), «Упразднение сборов и должностей» (46), «Судьи, избранные народом» (47), «Свободная торговля зерном во всем королевстве» (48), «Ответственность министров» (49), «Гуси (парламент Безансона)» (50), «Павильон Нации» (51), «Тюрьма аббатства, где размещают преступников нации» (52), «Ассигнации» (53), «Гуси (парламент Дуэ)» (54), «Солдат, прослуживший 16 лет, является активным гражданином» (55), «Каждый солдат, прослуживший 30 лет, имеет право на пенсию» (56), «Церковное добро на продажу» (57), «Смерть де Лоне, Фулона, Бертье» (58), «Гуси (парламент Нанси)» (59), «Костюм муниципальных чиновников» (60), «Костюм судей» (61), «Налоговое бюро» (62), «Национальное собрание» (63) ([Jeu de la révolution, 1790-1791a](#); [Jeu de la révolution, 1790-1791b](#); [Jeu de la révolution, 1790-1791c](#)).

Отдельно отметим, что гравюры не лишены ошибок. Так, в ряде экземпляров ([Jeu de la révolution, 1790-1791a](#); [Jeu de la révolution, 1790-1791b](#)) имеется ошибка в правильности указания даты праздника Федерации (ячейка 38) – 14 июля 1789 г. вместо 14 июля 1790 г. Ошибка была исправлена в других экземплярах ([Jeu de la révolution, 1791a](#); [Jeu de la révolution, 1791b](#); [Jeu de la révolution, 1790-1791c](#)).

В целом мы видим, что игра Французской революции № 1 превозносит успехи Революции, в ней сделан акцент на тех нововведениях, что произошли в стране после 1789 г. В числе прочего она иллюстрирует значительное количество требований, которые содержались в Наказах Генеральным штатам (отмена налогов (17), охота, разрешенная всем (3), равенство мер и весов (30) и т.п.), а также обращается к ключевым событиям Французской революции (возвращение короля в Париж (21), поход женщин на Версаль 5 октября 1789 (20), смерть де Лоне, Фулона, Бертье (58), праздник Федерации 14 июля (38) и т.п.).

В игре Французской революции № 2 имеются незначительные отличия, что выражено в замене некоторых концептов. В ряде случаев можно наблюдать изменение названий ячеек: например, «Мост, или принц де Ламбеск в Тюильри» (6), где содержится отсылка к событиям 12 июля, когда принц Ламбеск преследовал безоружную толпу в районе Тюильри, заменен на «Мост Свободы». Эта замена приобретает более республиканскую по духу окраску.

«Первый патриотический дар, сделанный художницами» (7), заменен на «Дары парижских дам». Здесь видна отсылка к событиям 7 сентября 1789 года, когда группа из одиннадцати женщин предстала перед членами Учредительного собрания, чтобы подарить нации шкатулку со своими драгоценностями. Все они были художницами или родственницами художников.

Название ячейки 15 «Франция дарует маршальский жезл солдату, который хорошо послужил Родине», раскрывающее роль и значение социальных лифтов, возможности достичь почестей и признания для третьего сословия, появившиеся благодаря Революции, заменено на «Всякий отличившийся солдат заслуживает почетной награды». В данном случае были убраны конкретные возможности, цели, которые мог бы достичь обыкновенный французский солдат, отсутствует упоминание маршальского жезла – символа высшего воинского звания Франции в сухопутных войсках.

Номер 19 иллюстрирует одно из 25 кафе у Пале-Рояль – «Отель, или Кафе де Каво у Пале-Рояль, основной источник движения». В революционные годы кафе в районе Пале-Рояль были одним из самых оживленных мест, где посетители обменивались циркулировавшими идеями (Gilpin, 2020: 8). В игре Французской революции № 2 смысл данной ячейки был дополнен, какая социальная страна – аристократы – заседают в кафе де Каво.

Далее меняется отношение к эмигрантам: оно становится более резким и негативным. Так, если изначально номер 31 вполне нейтрально назывался «Беженцы за границей», то впоследствии название меняется и в нем появляется негативная коннотация – «К дьяволу подвальных крыс».

Несколько иным показано отношение к религиозному концепту. Если в первой версии игры виден образ, каким должен выглядеть истинный пастырь первоначальной церкви (43), то во второй – прямо противоположное. Там представлен епископ в золоте с деревянным посохом. В другом случае (44) «Некатолики под защитой закона» заменены на «неверных», то есть использовано более широкое понятие, показывающее, что нормы французского законодательства распространяются на представителей всех конфессий.

Номер 58 иллюстрирует убийство последнего коменданта Бастилии маркиза де Лоне 14 июля 1789, а также французского администратора Жозефа Фулона и интенданта Парижа Луи Берте де Совиньи 22 июля 1789 г. Во второй версии игры место маркиза де Лоне занял также убитый 14 июля 1789 г. французский администратор и последний купеческий прево Парижа Жак де Флессель.

Пожалуй, наиболее важное изменение, произведенное в игре Французская революция № 2, связано с бегством короля и его семьи в Варенн 20–21 июня 1791 г. Номер 60, где прежде был изображен костюм городских офицеров, отныне посвящен аресту короля и его семьи в Варенне.

В последующей ячейке (61), где ранее был представлен костюм судей, мы наблюдаем изменение, связанное с введением должности мировых судей, что означало переход от королевского правосудия к народному и фактическую потерю королем всех судебных полномочий. Другое важное изменение связано с заменой понятия «Налоговое бюро» (62) на возвращение короля в Тюильри.

Были и иные правки, но они касались лишь незначительного изменения формулировок, что не влияло на смысл (например, работы на Марсовом поле (37) заменены на строчку из популярной песни «Ah ça ira ça ira»), но по-прежнему изображают работы на Марсовом поле).

Еще одно дополнение связано с надписью на щите, расположенном выше финала – Национального собрания. «Счастье французов подписано 14 июля 1791 Людовиком XVI, первым конституционным королем французом» (*Jeu de la révolution, 1791a*). Фраза отсутствует в первом варианте игры. Здесь Людовик XVI представлен как гарант всех прав и свобод, обозначенных в Конституции. Все это позволяет нам датировать данную игру в промежутке от лета 1791 г. до взятия Тюильри 10 августа 1792 г., поскольку Франция показана в ней игре как конституционная монархия.

Таким образом, мы видим, что авторы сохранили смысловое наполнение ячеек, но могли изменить окраску части формулировок или изображения. В целом вторая игра, с одной стороны, более негативно окрашена по сравнению с первой, с другой – также прославляет Францию, ставшую конституционной монархией, о чем свидетельствует упомянутая надпись на щите.

Обращаясь к символизму, первое, что бросается в глаза, когда мы анализируем игры Французской революции – это финиш. Если ранее в первоначальных версиях игры «в гуся» игроки приходили в райский сад, то в революционные годы игра завершалась в Национальном собрании, или Палладиуме Свободы. Это отсылка к «Соображениям об образе правления в Польше» Жан-Жака Руссо (*Rousseau J.-J., 1782: 49–78*), к главе 7, о том, как следует поддерживать конституцию. Иными словами, здесь сделан акцент на концепте свободы. Только тот, кто прибывал в Национальное собрание, выигрывал партию.

Получается, что игрок для достижения своей цели должен был пройти, преодолев различные препятствия, путь от разрушения Бастилии до Национального собрания, которое считалось одним из важнейших достижений Французской революции.

Гуси здесь тоже не лишены определенного значения. В игре Французской революции № 1 согласно правилам, опубликованным в центре поля, «нужно понимать, что никогда не получится закрепиться на уздечке гусей (прим. Т.Д. – гуси изображены в лошадиной уздечке), если вы попадете на число, где есть гусь, вы должны удвоить очки и пойти дальше, подсчитав столько очков, сколько несут указанные кости, и, если снова повстречается другой гусь, необходимо будет удваивать очки, пока гусь перестанет попадаться» ([Jeu de la révolution, 1790-1791a](#); [Jeu de la révolution, 1790-1791b](#); [Jeu de la révolution, 1790-1791c](#)). Схожий механизм прописан и в игре Французской революции № 2 ([Jeu de la révolution, 1791a](#)). Гуси, которые аллегорически изображены как 13 французских парламентов, позволяют игрокам удвоить количество выброшенных очков на костях и двигаться вперед.

Эти гуси, выступая регулирующим игрой механизмом, символически представлены французскими парламентами, которые при Старом порядке выполняли ограничительную и контролирующую функции при монархе. Эти аллегорические гуси-парламенты могли ускорить или задержать продвижение фигуры игрока так же надежно, как парламенты при Старом порядке – замедлить прогресс французской нации.

Кроме гусей, отдельный символизм прослеживался в препятствиях, с которыми должны были справиться игроки.

Так, в играх Французской революции особое внимание следовало уделять Лабиринту (42), попав на который, надо было уплатить сумму в кассу и вернуться назад на ячейку «Равенство мер и весов во всем королевстве» (30); к Колодцу (31), когда участник оставался в нем до прихода следующего игрока, после чего первый перемещался на место пришедшего; Тюрьме (52), где человек оставался, пока на его место не приходил другой игрок; Погребу Пале Рояль (19), где участнику предстояло отдохнуть два тура; Смерти (58), когда необходимо было заплатить штраф, после чего можно было продолжить игру.

В целом, несмотря на концепты, которые скрывались за рядом понятий, заставлявших игрока перемещаться с ячейки на ячейку или оставаться на ней какое-то время, в играх Французской революции отсутствовал явный смысл при перемещении из Лабиринта (42) на Равенство мер и весов во всем королевстве (30) или от Моста (6) к Присягнувшим закону евреям, ставшим французами (12).

На некоторых экземплярах Игры французской революции № 1 ([Jeu de la révolution, 1790-1791a](#); [Jeu de la révolution, 1790-1791b](#)) по углам поля располагается текст водевиля из одной популярной пьесы «Патриотическая семья, или Федерация» ([Collot d'Herbois, 1790](#)), на мелодию знаменитой песни «Ça ira», открывавшей праздник Федерации:

«Oh ça ira, ça ira, ça ira.

Toujours le beau temps succède à l'orage.

Oh ça ira, ça ira, ça ira.

Au champ de Mars le Ciel nous le prouva.

Le mauvais temps d'abord nous attrista.

Mais le refrain bientôt nous anima

En le chantant chacun se consola,

Et le soleil à la fin se montra.

Même ardeur, même courage, et l'horizon s'éclaircira.

Et l'horizon s'éclaircira. Oh ça ira

Au champ de Mars le Ciel nous le prouva» ([Jeu de la révolution, 1790-1791a](#); [Jeu de la révolution, 1790-1791b](#)).

Сама пьеса, песня из которой приведена на поле игры, заслужила свой успех благодаря патриотическим идеям и чувствам, которые она выражала. Ее сюжет основан на том, что отец семейства, очень рьяный сторонник революции, специально выбрал день праздника Федерации, чтобы выдать свою дочь замуж за хорошего патриота. Учитывая, что игра Французской революции № 1 содержала такие популярные песни, можно предположить, что игра была нацелена на широкую клиентеллу.

Таким образом, в играх Французской революции мы можем наблюдать воплощение такой популярной в эпоху Просвещения идеи прогресса, которая проявляется в политическом аспекте: как от взятия Бастилии Франция приходит к Национальному собранию, символизировавшему свободу.

Следующий тип игры «в гуся», созданный в годы Французской революции, – это игры, использовавшие образ Генриха IV и отца Жерара – «Отдых отца Жерара, или курица в горшке Генриха IV» и «Национальная и обучающая игра, или забавные и поучительные уроки».

В отличие от стандартных игр «в гуся», содержавших 63 ячейки, эти игры представляют собой спираль в виде цепочки из 83 пронумерованных звеньев. Количество ячеек, как и многое в настольных играх «в гуся», также обладает символизмом. В данном случае 83 – это число департаментов, образованных в марте 1790 г. Изменения имеются и в другом важном аспекте: с учетом названия игры фигура гуся была заменена на курицу, которая по-прежнему отвечала за удвоение счета на костях, выброшенных игроками.

Отмечая момент, связанный с символическим обозначением 83 департаментов на поле, следует отметить важность данной административной реформы, поскольку отдельно была создана

настольная игра, целиком и полностью посвященная новому территориальному устройству Франции. Географическая игра 83 департаментов была представлена Национальному конвенту в 1792 г. (Mauborgne, 1792), известна ее более поздняя версия – Географическая игра Французской республики 1795 г. (Mauborgne, 1795), которая не отличается от первой.

Данная игра, за исключением того, что она является репрезентацией административного устройства Франции, практически не несет какой-то политической дискурс, поэтому в данном исследовании мы не уделим ей пристального внимания. Она представляет из себя путешествие по республиканской Франции, разделенной на 83 департамента, новую единицу территориального управления, которая была введена в годы революции, чтобы заменить прежние исторические провинции. Каждая ячейка на поле показывает отдельный департамент с его столицей. Игроки перемещались по полю, заканчивая на средиземноморском острове Корсика, который задрапирован словами «свобода» и «равенство» и увенчан фригийским колпаком, свисающим на пике. На игровом поле в верхнем левом углу помещены карта-врезка французской колонии Сан-Доминго и многочисленные галльские петухи, которые во время Революции превратились в популярный национальный образ.

Возвращаясь к игре «Отдых отца Жерара, или курица в горшке Генриха IV», отметим, как само ее название обращает на себя внимание. Оно содержит отсылку к знаменитому изречению Генриха IV, что все крестьяне будут есть по воскресеньям курицу, очень распространенному весной 1789 г. перед созывом Генеральных штатов. Надо отметить, что личность короля Генриха Наваррского была широко популярна в революционные годы. Кроме настольных игр, его образ активно использовался в гравюрах (Quand ce, 1789), брошюрах (Morainville, 1789), содержащих отсылки к этому известному изречению.

С одной стороны, создатели игры апеллировали к тому, что к 1792 г. курица будет у всех на столах, то есть революция принесет достаток в каждый дом. С другой – здесь Генрих IV ассоциируется с отцом Жераром – единственным крестьянином, который был избран в Генеральные штаты.

В отличие от предыдущих вариантов игры «в гуся» в Словаре игр опубликованы правила игры, которая так и названа – «Курица Генриха IV». Согласно этим правилам изобретатели игры создавали ее с целью разобраться в разнообразных условиях, которые сопровождали Французскую революцию (Lacombe, 1792: 236). Собственно, поэтому звенья цепи наделены соответствующим символизмом. В данном случае более подробно расписаны правила на поле: количество игроков, размер ставок, очередность хода, завершение игры. Как было указано в публиковавшемся в середине XIX века в Париже сборнике ответов на самые разнообразные вопросы, основной целевой аудиторией являлись деревенские жители, которые, играя в тавернах в такую игру, могли бы узнавать о преимуществах и достижениях Революции (L'intermédiaire, 1866: 59).

Изучая символику поля игры «Отдых отца Жерара, или курица в горшке Генриха IV», можно выделить следующие смысловые элементы, которые игрок должен был преодолеть на пути к финишу:

«Равенство» (1), «Узурпация» (2), «Рабство» (3), «Невежество» (4), «Суеверие» (5), «Гражданские войны» (6), «Анархия» (7), «Жестокость» (8), «Король Генрих IV» (9), «Доброта» (10), «Курица» (11), «Другая курица» (12), «Общество» (13), «Закон» (14), «Общее благо» (15), «Курица» (16), «Предательство» (17), «Деспотизм» (18), «Малые дома» (19), «Дух завоеваний» (20), «Национальный долг» (21), «Нищета» (22), «Третье сословие» (23), «Налоги» (24), «Духовенство» (25), «Дворянство» (26), «16 округов» (27), «Интрига» (28), «Министры» (29), «Курица» (30), «Легр де каше» (31), «Бастилия» (32), «Генеральные откупщики» (33), «Банкротство» (34), «Автор духа законов» (35), «Мужество» (36), «Курица» (37), «Философия» (38), «Великий Вольтер» (39), «Терпимость» (40), «Жан-Жак Руссо» (41), «Права человека» (42), «Национальная кокарда» (43), «Курица» (44), «Революция» (45), «Гений Мирабо» (46), «Национальное собрание» (47), «Патриотизм» (48), «Патриотический подарок» (49), «Религия» (50), «Исполнительная власть» (51), «Франция» (52), «Слава» (53), «Федерация» (54), «Алтарь Родины» (55), «Память о 14 июля» (56), «Брачный алтарь» (57), «Законодательная власть» (58), «Принцы» (59), «Сокрытие» (60), «Бдительность» (61), «Ответственность» (62), «Король Людовик XVI» (63), «Дофин» (64), «Бегство в Варенн» (65), «Любовь к Родине» (66), «Принятие Конституции» (67), «Контрреволюционеры» (68), «Аристократы» (69), «Монахи» (70), «Раздор» (71), «Непостоянство» (72), «Курица» (73), «Французские граждане» (74), «Единение» (75), «Свобода» (76), «Гражданская корона» (77), «Любовь ближнего» (78), «Судебная власть» (79), «Королевский принц» (80), «Возобновление» (81), «Рай» (82), «Новая конституция» (83) (Les Delassements, 1792a; Les Delassements, 1792b; Les Delassements, 1792c).

В итоге используемые в игре понятия и концепты можно подразделить на такие категории:

- важные качества человека революционной эпохи (патриотизм, бдительность, ответственность и т.д.);
- значимые исторические деятели (Генрих IV, Вольтер, Руссо, Мирабо);
- проблемы Франции Старого порядка (узурпация, невежество, рабство, деспотизм и т.д.);
- характеристика Франции нового типа (исполнительная, законодательная, судебная власти, Конституция и т.д.);

- структура французского общества (третье сословие, духовенство, принцы и т.д.).

Таким образом, в данном контексте путь игрока начинался с концепта равенства, финал пройденного пути завершался принятой в 1791 г. конституцией, символически иллюстрированной рогом изобилия, из которого по центру поля были рассыпаны плоды и монеты.

Данный путь объяснен и опубликован в моральных принципах, помещенных на поле. Согласно им равенство было первым состоянием среди людей. Самые хитрые и самые сильные вскоре подчинили слабых, узурпация привела к рабству; из рабства родилось невежество; привычка к трусливому подчинению породила суеверие, а отсюда появились междоусобные войны, анархия, жестокость ([Les Delassemens, 1792a](#); [Les Delassemens, 1792b](#); [Les Delassemens, 1792c](#)). Как видим, здесь можно проследить определенные параллели с доктриной Ж.-Ж. Руссо о естественном состоянии человека. Далее благодаря новому образованию формируется поколение новых людей. Между гражданами будет царить согласие, свобода непоколебима. Любовь к ближнему, как предписываемая религией, так и конституцией, превращает возрожденных французов в общество братьев. Согласно моральным принципам такое общество, состоящее из добродетельных людей, станет раем на земле; и именно из новой Конституции будут проистекать все блага ([Les Delassemens, 1792a](#); [Les Delassemens, 1792b](#); [Les Delassemens, 1792c](#)).

Более того, нарратив данной игры устроен таким образом, что проблемы Старого порядка были обозначены в начале пути: они в основном занимали ячейки от № 2 до № 8. После короля Генриха IV (9) происходит кардинальная смена концептов на доброту, закон, общество, общее благо и пр. Отдельно отметим, что последними ячейками на пути к конституции являются возобновление и рай. Интересно, что образ Генриха IV в данной игре использовался как символ удачливости: если игрок попадал на данную ячейку (9), то получал из кассы 16 жетонов (прим. Т.Д. – равно 16 су). В моральных принципах игры обозначено, что Генрих IV был тем самым монархом, которого послало небо, что это был принц, полный доброты, который любил всех людей, он осчастливил общество своим уважением к закону и желал всем общего блага ([Les Delassemens, 1792a](#); [Les Delassemens, 1792b](#); [Les Delassemens, 1792c](#)). Как видим, данный нарратив более сложный, если сравнить его с дискурсом игр Французской революции.

Игра «Отдых отца Жерара, или курица в горшке Генриха IV» построена на принципах, общих для игры «в гуся», – это касалось случаев, когда игроки встречались на одной ячейке или кто-то при приближении к финалу (83) выкидывал на костях значение большее, чем 83. Вместе с тем не только 83 ячейки поля обладали символизмом и несли определенный пропагандистский дискурс. Часть правил еще в большей степени была наполнена революционной символикой. Так, поскольку игра позиционировала себя как национальная, выигрывавшие обязаны были передать 15 % выигрыша беднякам, поскольку цель игры состояла в том, чтобы обучать и получать удовольствие, а не обирать других ([Les Delassemens, 1792a](#); [Les Delassemens, 1792b](#); [Les Delassemens, 1792c](#)).

В данной игре большое внимание уделялось механике перемещения между ячейками-концептами и смыслом, подразумевавшимся под этими перемещениями. С концептами «Деспотизм» (18), «Летр де каше» (31) и «Бастилия» (32), бывшими символами произвола Старого порядка, был связан механизм выбытия игрока из игры до той поры, пока он снова не оплачивал первоначальный взнос в кассу. Тот, кто приходил на ячейку «16 округов» (27), также должен был покинуть игру. Если участник попадал на номер «Генеральные откупщики» (33), следовало положить в кассу 12 жетонов. Таким образом, мы видим, как за характерными атрибутами прежней Франции закреплялись и пропагандировались их отрицательные коннотации.

В моральных принципах игры данные концепты объяснены так, что после правления Генриха IV в стране установился деспотизм. Вследствие завоеваний, которые вел этот наследник, появился государственный долг, который третье сословие, доведенное до нищеты тяжелым бременем налогов, несло с мужеством, мягкостью и терпением. Духовенство, как и дворянство, ничего не платило. Министры изобрели летр де каше, Бастилию и генеральных откупщиков, которые привели страну к банкротству ([Les Delassemens, 1792a](#); [Les Delassemens, 1792b](#); [Les Delassemens, 1792c](#)).

Наиболее характерные представители Старого порядка не должны были вызывать у игравших положительные эмоции, поскольку при попадании на номер «Принцы» (59), необходимо было заплатить 10 жетонов в кассу, на «Аристократов» (69) – вернуться назад на «Права человека» (42), «Монахи» (70) возвращали игрока в «Общество» (13), «Дворянство» (26) – на старт. С номера 25 «Духовенство» следовало с антицелибатным намерением переместиться на «Брачный алтарь» (57).

Помимо негативных коннотаций, связанных с характерными признаками Франции Старого порядка, в игре можно проследить, как был показан принцип разделения властей и его связь с фигурой Монтескье. В правилах прописаны переходы и случаи, в которых игрок должен был перейти от ячейки «Монтескье» (35) вперед на исполнительную (51), законодательную (58) и судебную (79) власти. Не только философские доктрины Монтескье пропагандировались как основополагающие тезисы революционного строительства. Вольтер (39), а также Мирабо (46) похожим образом были связаны с «Гражданской короной» (77), Руссо (41) – со «Свободой» (76). Мы видим, как факт попадания на философов вел к прогрессу в продвижении на пути к финишу.

В игре обосновывалось значение трудов этих просветителей. Так, у Монтескье хватило смелости приподнять угол завесы, скрывавшей права, благодаря чему распространился дух философии. Вольтер проповедовал толерантность, Жан-Жак Руссо учил правам человека ([Les Delassemens, 1792a](#); [Les Delassemens, 1792b](#); [Les Delassemens, 1792c](#)). Таким образом, в игре были показаны предпосылки, благодаря которым стала возможна Революция.

В ней также особое внимание уделялось патриотическим концептам. Акцент делался на том, что «Мужество» (36) вело к «Славе» (53), «Революция» (45) ассоциировалась с «Возобновлением» (81), «Национальное собрание» (47) – с «Единением» (75), «Религия» (50) вела к «Любви к ближнему» (78). Попадание на ячейку «Патриотизм» (48) позволяло игроку взять 6 жетонов из общей кассы. Если кто-то оказывался на номере «Патриотический дар» (49), ему следовало заплатить 10 жетонов, однако после этого игрок перемещался далее по полю на «Алтарь Родины» (55). Находясь на ячейке «Французские граждане» (74), игрок мог взять деньги из кассы. Если кто-то оказывался на номере «Национальный долг» (21), он мог по желанию уплатить 6 жетонов в кассу.

Особое внимание было уделено тем изменениям, что произошли в государстве благодаря Революции. В игре декларировался принцип ответственности министров перед Национальным собранием: прибыв на ячейку «Министры» (29), игрок перемещался на ячейку «Ответственность» (62). Сам концепт «Франция» (52) был связан с «Бдительностью» (61). При попадании на ячейку «14 июля» (56) игрок получал 12 жетонов из кассы и перемещался вперед на «Свободу» (76). Таким образом подчеркивалось, что события 14 июля 1789 г. привели страну к свободе.

В данной игре так же, как и в играх Французской революции, Франция была представлена и прославлялась как конституционная монархия, образ Людовика XVI складывался в благоприятном ключе. Сам Людовик XVI (63) был связан с ячейкой «Принятие Конституции» (67), «Дофин» (64) – с «Королевским принцем» (80). Исследователь Нил МакГрегор рассматривал данную игру как пропаганду конституционной монархии, продолжавшую миф о добром короле Генрихе, по стопам которого собирался следовать Людовик XVI, уже избавившийся от прежних заблуждений ([Seville, 2019: 86-87](#)). Важными точками на пути становления новой конституционной Франции выступали 14 июля 1789 г. и праздник Федерации, который объединил всех граждан; это все не могло произойти без того факта, что законодательная власть отныне находилась в руках представителей нации, а исполнительная – осуществлялась в рамках, обозначенных Конституцией ([Les Delassemens, 1792a](#); [Les Delassemens, 1792b](#); [Les Delassemens, 1792c](#)).

Вместе с тем внимание уделялось тем опасностям, с которыми столкнулась Франция в революционные годы. Так, при попадании на ячейку «Бегство в Варенн (65)» игрок был обязан вернуться назад, на «Закон» (14), «Контрреволюционеры» – на «Малые дома» (19). «Раздор» (71) логичным образом возвращал игрока к «Анархии» (7), а «Непостоянство» (72) вело к «Рабству» (3). При попадании на «Суеверие» (5) игрок был обязан заплатить 8 жетонов.

Таким образом, игра «Отдых отца Жерара, или курица в горшке Генриха IV» позволяет понять, какие концепты были важны с точки зрения пропаганды среди населения. Исходя из этого, мы видим, что обществу было важно объяснить в доступной и понятной форме основные принципы новой революционной Франции – роль и ошибки прежних акторов, недостатки прежних порядков, принципы, на которых строилось новое государство, нововведения революции и многое другое.

Известна другая версия данной игры – «Национальная и обучающая игра, или забавные и поучительные уроки», 1792 г. Она также содержит 83 ячейки, которые символически представляют французские департаменты. Игра обладает отличной от предыдущей игры иконографией. В центре наряду с рогом изобилия изображен Гений свободы, который занимается просвещением французов. Отмечено, что он «пришел после тысячи лет, чтобы изменить наши вульгарные законы, и что счастье всех – это плоды Просвещения» ([Jeu national, 1791-1792](#)). По бокам показаны сцены жизни Генриха IV.

Здесь также проложен путь от Равенства к Конституции, но имеются и отличия: часть ячеек заменена на другие понятия, а часть – перемещена по цепочке вперед; отсутствуют моральные принципы, разъясняющие использованные в игре концепты, как это было сделано в игре «Отдых отца Жерара, или курица в горшке Генриха IV».

Пожалуй, самое важное изменение состоит в наличии таких концептов, как «Вооруженные силы» (77), «Апофеоз великих людей» (81) и «Новое образование» (82), которых нет в игре «Отдых отца Жерара, или курица в горшке Генриха IV». В «Национальной и обучающей игре» отсутствуют такие понятия, как «Суеверие» (5), которое заменено на «Соблазнение» (5), «16 округов» (27), «Патриотизм» (48), «Судебная власть» (79).

Таким образом, в играх, использовавших образ Генриха IV и отца Жерара, мы также видим воплощение идеи прогресса: как от негативных моментов государство проходило путь возобновления, в конце которого Франция достигала своего могущества, и именно конституция являлась венцом всех благ общества и главным достижением Французской революции.

В целом можно сказать, что революционеры не теряли времени даром, изменяя культурные практики в соответствии со стоящими перед ними целями. И данные настольные игры были не единичными случаями создания политического нарратива в повседневной практике. Так, например, двое французов – издатель Жом и гравёр Дюгурк – дошли до того, что в 1793 г. изменили дизайн

колоды игральных карт, убрав изображения тузов, королей, королев и валетов и заменив их изображениями Закона, Духа Мира и Свободы Прессы ([Dugourc, 1793](#)).

5. Заключение

В конечном итоге на примере настольных игр «в гуся», изданных в годы Французской революции, мы можем проследить, как происходила пропаганда революционных ценностей. Игры, являясь источниками повседневных культур и практик, несли мощную идеологическую составляющую, направленную на пропаганду новых для Франции и французского общества ценностей. Это были правовые, общественные, политические нормы, трансформировавшие французское общество в конце XVIII века. Эти игры были вписаны в текущие реалии и отражали наиболее значимые идеи, которые следовало донести населению. Фактически в них содержались положения, разъясняющие слабые стороны Старого порядка, а также идеи политического прогресса, который прошла Франция, венцом которого общество полагало достижения Революции.

6. Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-78-00106, <https://rscf.ru/project/22-78-00106/>.

Литература

[Демичева, 2022](#) – Демичева Т.М. Деспотизм или просвещенный абсолютизм? К образу России в труде аббата Рейналя «История обеих Индий» // *Электронный научно-образовательный журнал «История»*. 2022. Т. 13. № 2(112).

[Collot d'Herbois, 1790](#) – *Collot d'Herbois J.-M.* La Famille patriote ou La Fédération, pièce nationale en deux actes et en prose, suivie d'un divertissement, représentée à Paris, sur le Théâtre de Monsieur, le 17 juillet 1790. Paris, Veuve Duchesne, 1790. 57 p.

[Crépy, 1768](#) – *Crépy J.-B.* Le Nouveau jeu de la Marine. 1768. Бумага, печать типографская, гравюра. Государственный Эрмитаж (ГЭ); сектор гравюр Отдела западноевропейского искусства: инв. № ОГ-199214.

[Daumont, 1751](#) – *Daumont J.-F.* Le Jeu des fortifications. 1751. Бумага, печать типографская, гравюра. Государственный Эрмитаж (ГЭ); сектор гравюр Отдела западноевропейского искусства: инв. № ОГ-199212.

[Dugourc, 1793](#) – *Dugourc J.-D.* Nouvelles cartes de la Republique française / plus de rois de dames de valets : le génie, la liberté, l'égalité les remplacent, la loi seule est au dessus d'eux... par brevet d'invention [estampe]. [1793-1794]. [Electronic resource]. URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b8412202g> (date of access: 24.02.2023).

[Gilpin, 2020](#) – *Gilpin E.D.* Café Liberté: The Role of the Coffeehouse in the French Revolution. // *The Alexandrian*. 2020. IX (1). pp. 1-11.

[Girard, Quérel, 1982](#) – *Girard A.R., Quérel C.* L'histoire de la France racontée par le Jeu de l'Oie. Paris, Balland, Massin, 1982. 191 p.

[Jeu de la révolution, 1790-1791a](#) – Jeu de la Revolution française : tracé sur le plan du d'oye renouvelé des Grecs. [1790-1791]. Бумага, гравюра офортном. Государственный Эрмитаж (ГЭ); сектор гравюр Отдела западноевропейского искусства: инв. № ОГ-116095.

[Jeu de la révolution, 1790-1791b](#) – Jeu de la Revolution française : tracé sur le plan du d'oye renouvelé des Grecs : [estampe]. [Paris ?] : [s.n.], [1790-1791]. [Electronic resource]. URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b6943965b> (the date of access: 24.02.2023).

[Jeu de la révolution, 1790-1791c](#) – Jeu de la Revolution française : tracé sur le plan du d'oye renouvelé des Grecs : [estampe]. Paris: Lépine [1790-1791]. [Electronic resource]. URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b6943964x> (date of access: 24.02.2023).

[Jeu de la révolution, 1791a](#) – Jeu de la révolution française, [1791]. Бумага, гравюра офортном, раскрашенная. Государственный Эрмитаж (ГЭ); сектор гравюр Отдела западноевропейского искусства: инв. № ОГ-116094.

[Jeu de la révolution, 1791b](#) – Jeu de la révolution française: [estampe]. [S.l.] : [s.n.], [s.d.]. [Electronic resource]. URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b8411436n> (date of access: 24.02.2023).

[Jeu national, 1791-1792](#) – Jeu national et instructif ou leçons exemplaires et amusantes: données aux bons citoyens, par Henri IV et le Pere Gerard : [estampe] / [non identifié]. A Paris : chez Basset. [1791–1792]. [Electronic resource]. URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b6948118g> (date of access: 24.02.2023).

[L'intermédiaire, 1866](#) – L'intermédiaire des chercheurs et curieux: Notes and queries français : questions et réponses, communications diverses à l'usage de tous, littérateurs et gens du monde, artistes, bibliophiles, archéologues, généalogistes, etc. Paris, de Ch Meyreueis, 1866. Vol. III. 750 p.

[La Marinière, 1654](#) – *La Marinière, de.* La maison académique: contenant un recueil général de tous les jeux divertissans pour se rejoyr agréablement dans les bonnes compagnies/par le sieur D.L.M. [de La Marinière]. Paris: chez Robert de Nain et Marin Leché, 1654. 260 p.

- Lacombe, 1792** – *Lacombe, J.* Encyclopédie méthodique. Dictionnaire des jeux, faisant suite au tome III des mathématiques. A Paris, chez Panckoucke, 1792. 362 p.
- Les Delassemens, 1792a** – Les Delassemens du Pere Gerard ou la poule de Henri IV : Mise au Pot en 1792: Jeu National: [estampe]. London: at M. Smith, 3 Jannary [1792]. [Electronic resource]. URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b69481157> (date of access: 24.02.2023).
- Les Delassemens, 1792b** – Les Délassemens du Pere Gerard ou la poule de Henri IV : mise au pot en 1792: jeu national: [estampe]. A Strasbourg: chez Treuttel, [1792]. [Electronic resource]. URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b6948116n> (the date of access: 24.02.2023).
- Les Delassemens, 1792c** – Les Delassemens du Pere Gerard ou la poule de Henri IV [Image fixe]: mise au pot en 1792: jeu national: [estampe]. [Paris?]: [s.n.], [1792]. [Electronic resource]. URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b69481172> (date of access: 24.02.2023).
- Letourmy, 1750** – *Letourmy J.-B.* Le Jeu Royal de l’Oie. Renouvelé des Grecs. A Orléans Chez Letourmy. 1750. [Electronic resource]. URL: <http://www.giochidelloca.it/scheda.php?id=851> (date of access: 24.02.2023).
- Mauborgne, 1792** – *Mauborgne J.N., Basset.* Jeu Géographique des LXXXIII Departemens Présenté à la Convention Nationale. Dressé par J. N. Mauborgne ancien Professeur. Paris: Chez Basset, 1792. [Electronic resource]. URL: <http://www.giochidelloca.it/scheda.php?id=2778> (date of access: 24.02.2023).
- Mauborgne, 1795** – *Mauborgne, J.N., Basset.* Jeu géographique de la République Française: présenté à la Convention Nationale. Paris: Chez Basset, 1795. [Electronic resource]. URL: <https://www.loc.gov/item/79695291/> (date of access: 24.02.2023).
- Mardon et al., 2020** – *Mardon A., Wiebe J., Dansereau P., Tombrowski L.* The History of Board Games. Edmonton, Golden Meteorite Press, 2020. 102 p.
- Morainville, 1789** – *Morainville, de.* L’Union des trois Ordres et la Poule au pot, ou Moyens de remplir le déficit & d’assurer l’extinction totale des dettes de l’État, sans nouveaux impôts et de supprimer, dès-à-présent, dans tout le royaume, les tailles, fouages, affouages et afflorinemens, la capitation, les douanes et traites intérieures, toutes les loteries, les grandes et petites gabelles, la vente exclusive du tabac et les devoirs de Bretagne. [S.l.] : [s.n.], 1789. 90 p.
- Quand ce, 1789** – Quand ce ra la poule au pot: [estampe]. Paris, 1789. [Electronic resource]. URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b6944117t/> (date of access: 24.02.2023).
- Rousseau J.-J., 1782** – *Rousseau J.-J.* Considérations sur le gouvernement de Pologne. Londres, 1782. 274 p.
- Seville, 2019** – *Seville A.* The Cultural Legacy of the Royal Game of the Goose: 400 years of Printed Board Games. Amsterdam, Amsterdam University Press, 2019. 392 p.
- Seville, 2021** – *Seville A.* The Garden of the Goose // *Garden History*. 2021. 49(1). Pp. 33-52.

References

- Collot d’Herbois, 1790** – *Collot d’Herbois, J.-M.* (1790). La Famille patriote ou La Fédération, pièce nationale en deux actes et en prose, suivie d’un divertissement, représentée à Paris, sur le Théâtre de Monsieur, le 17 juillet 1790. Paris, Veuve Duchesne, 57 p.
- Crépy, 1768** – *Crépy, J.-B.* (1768). Le Nouveau jeu de la Marine. The State Hermitage Museum N° OG-199214.
- Daumont, 1751** – *Daumont, J.-F.* (1751). Le Jeu des fortifications. The State Hermitage Museum N° OG-199212.
- Demicheva, 2022** – *Demicheva, T.M.* (2022) Despotizm ili prosveshennyj absoljutizm? K obrazu Rossii v trude abbata Rejnalja «Istorija obeih Indij» [Despotism or Enlightened Absolutism? Towards the Image of Russia in the Work of Abbé Raynal “Histoire des Deux Indes”]. *Elektronnyj nauchno-obrazovatel’nyj zhurnal “Istorija”*. 13. 2(112). [in Russian]
- Dugourc, 1793** – *Dugourc, J.-D.* (1793–1794). Nouvelles cartes de la Republique française / plus de rois de dames de valets: le génie, la liberté, l’égalité les remplacent, la loi seule est au dessus d’eux... par brevet d’invention [estampe]. [Electronic resource]. URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b8412202g> (date of access: 24.02.2023).
- Gilpin, 2020** – *Gilpin, E.D.* (2020). Café Liberté: The Role of the Coffeeshouse in the French Revolution. *The Alexandrian*. IX (1): 1-11.
- Girard, Quételet, 1982** – *Girard, A.R., Quételet, C.* (1982). L’histoire de la France racontée par le Jeu de l’Oie. Paris, Balland, Massin. 191 p.
- Jeu de la révolution, 1790–1791a** – Jeu de la Revolution française : tracé sur le plan du d’oye renouvelé des Grecs. (1790-1791). The State Hermitage Museum N° OG-116095.
- Jeu de la révolution, 1790-1791b** – Jeu de la Revolution française : tracé sur le plan du d’oye renouvelé des Grecs (1790-1791). Paris. [Electronic resource]. URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b6943965b> (the date of access: 24.02.2023).

[Jeu de la révolution, 1790-1791c](#) – Jeu de la Revolution française : tracé sur le plan du d'oye renouvelé des Grecs. (1790-1791). Paris: Lépine. [Electronic resource]. URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b6943964x> (date of access: 24.02.2023).

[Jeu de la révolution, 1791a](#) – Jeu de la révolution française (1791). The State Hermitage Museum № OG-116094.

[Jeu de la révolution, 1791b](#) – Jeu de la révolution française. [S.l.] : [s.n.], [s.d.]. [Electronic resource]. URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b8411436n> (date of access: 24.02.2023).

[Jeu national, 1791-1792](#) – Jeu national et instructif ou leçons exemplaires et amusantes : données aux bons citoyens, par Henri IV et le Pere Gerard. (1791-1792). A Paris: chez Basse. [Electronic resource]. URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b6948118g> (date of access: 24.02.2023).

[L'intermédiaire, 1866](#) – L'intermédiaire des chercheurs et curieux : Notes and queries français : questions et réponses, communications diverses à l'usage de tous, littérateurs et gens du monde, artistes, bibliophiles, archéologues, généalogistes, etc. (1866). Paris, de Ch Meyreueis. Vol. III. 750 p.

[La Marinière, 1654](#) – *La Marinière, de.* (1654). La maison académique: contenant un recueil général de tous les jeux divertissans pour se rejoyr agréablement dans les bonnes compagnies/par le sieur D.L.M. [de La Marinière]. Paris: chez Robert de Nain et Marin Leché. 260 p.

[Lacombe, 1792](#) – *Lacombe, J.* (1792). Encyclopédie méthodique. Dictionnaire des jeux, faisant suite au tome III des mathématiques. A Paris, chez Panckoucke. 362 p.

[Les Delassemens, 1792a](#) – Les Delassemens du Pere Gerard ou la poule de Henri IV: Mise au Pot en 1792: Jeu National. (1792). London: at M. Smith. [Electronic resource]. URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b69481157> (date of access: 24.02.2023).

[Les Delassemens, 1792b](#) – Les Délassemens du Pere Gerard ou la poule de Henri IV: mise au pot en 1792: jeu national. (1792). A Strasbourg: chez Treuttel. [Electronic resource]. URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b6948116n> (date of access: 24.02.2023).

[Les Delassemens, 1792c](#) – Les Delassemens du Pere Gerard ou la poule de Henri IV [Image fixe] : mise au pot en 1792: jeu national. Paris, 1792. [Electronic resource]. URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b69481172> (date of access: 24.02.2023).

[Letourmy, 1750](#) – *Letourmy, J.-B.* (1750). Le Jeu Royal de l'Oie. Renouvelé des Grecs. A Orléans Chez Letourmy. [Electronic resource]. URL: <http://www.giochidelloca.it/scheda.php?id=851> (date of access: 24.02.2023).

[Mauborgne, 1792](#) – *Mauborgne, J.N, Basset* (1792). Jeu Géographique des LXXXIII Departemens Présenté à la Convention Nationale. Dressé par J. N. Mauborgne ancien Professeur. Paris: Chez Basset. [Electronic resource]. URL: <http://www.giochidelloca.it/scheda.php?id=2778> (date of access: 24.02.2023).

[Mauborgne, 1795](#) – *Mauborgne, J.N, Basset* (1795). Jeu géographique de la République Française: présenté à la Convention Nationale. (1795). Paris: Chez Basset. [Electronic resource]. URL: <https://www.loc.gov/item/79695291/> (date of access: 24.02.2023).

[Mardon et al., 2020](#) – *Mardon, A., Wiebe, J., Dansereau, P., Tombrowski, L.* (2020). The History of Board Games. Edmonton, Golden Meteorite Press. 102 p.

[Morainville, 1789](#) – *Morainville, de.* (1789). L'Union des trois Ordres et la Poule au pot, ou Moyens de remplir le déficit & d'assurer l'extinction totale des dettes de l'État, sans nouveaux impôts et de supprimer, dès-à-présent, dans tout le royaume, les tailles, fouages, affouages et afflorinemens, la capitation, les douanes et traites intérieures, toutes les loteries, les grandes et petites gabelles, la vente exclusive du tabac et les devoirs de Bretagne. [S.l.]. 90 p.

[Quand ce, 1789](#) – Quand ce ra la poule au pot. Paris, 1789. [Electronic resource]. URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b6944117t/> (date of access: 24.02.2023).

[Rousseau J.-J., 1782](#) – *Rousseau, J.-J.* (1782). Considérations sur le gouvernement de Pologne. Londres. 274 p.

[Seville, 2019](#) – *Seville, A.* (2019). The Cultural Legacy of the Royal Game of the Goose: 400 years of Printed Board Games. Amsterdam, Amsterdam University Press. 392 p.

[Seville, 2021](#) – *Seville, A.* (2021). The Garden of the Goose. *Garden History*. 49(1): 33-52.

Власть, общество и государство в настольных играх Французской революции

Таисия Максимовна Демичева ^{a, *}

^a Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. Данное исследование посвящено анализу дискурсов и нарративов, представленных в настольных играх времен Французской революции. Данные источники важны для

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: t.demicheva@spbu.ru (Т.М. Демичева)

понимания повседневных культурных практик, поскольку настольные игры могли отображать трансформацию общества и государства во Франции в революционные годы. Основываясь на играх, которые иллюстрировали изменения общества и государства во Франции в годы революции, нами проанализирован созданный ими дискурс, чтобы определить характерные черты в восприятии власти, государства и общества в годы Французской революции.

Методология исследования основана на подходах новой культурной истории, истории ментальностей, новой политической истории. В исследовании показано, что игры «в гуся» времен Французской революции служили инструментом пропаганды среди общества революционных идеалов, с одной стороны, с ниспровержением прежних порядков – с другой, а также служили инструментом пропаганды идеи политического прогресса, к которому вела Французская революция.

Ключевые слова: Французская революция, Просвещение, настольные игры, новая культурная история, игры «в гуся», Национальное собрание, Конституция 1791 г., история Франции, антропология власти.

Copyright © 2023 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2023. 18(2): 565-576
 DOI: 10.13187/bg.2023.2.565

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Mastering of Traditional Waterways of Kazakhs

Zhazira M. Terekbayeva ^{a, *}, Ainura K. Beisegulova ^a, Kuralai B. Baudiyarova ^a, Aigerim S. Yessenamanova ^a

^aAl-Farabi Kazakh national University, Almaty, Republic of Kazakhstan

Abstract

Watercraft such as rafts and boats were required to convey goods and people across the major rivers and lakes of Central Asia and vast Kazakh steppes. There was made “mes sal” using the skins of wholly slaughtered bulls, horses and camels. The skin of the cattle was blown and fastened tightly, several blown *meses* were tied together and a wooden platform was placed on its top. Four, six or eight blown skins of livestock were used to make one “mes sal”. The mes made of camel-skin was described in the memoirs of the X century traveler – Ibn Fadlan. There were reports that mes sal was used in Kazakhstan until the beginning of the XX century. In the beginning of the XVIII century, a simple swimming tool “raft” was used, which was made of logs, a bundle of reeds and willow branches. That is because in the second half of the XIX century, the Kazakhs living near the Syrdarya River compacted the reeds to each other growing along the river, tied and combined with long, then a series of reed bundles was assembled horizontally and made temporary raft to cross the river. It was mainly used in rivers with frequent channel changes, as the rafts could not withstand the current. The boat was one of the most widely used watercraft utilized in various sectors of the household for transporting people and goods, fishing. There were more than twenty types of boats in Kazakhstan, depending on the structure, size and design.

Keywords: mes sal, raft, boat, camel boat, transportation.

1. Introduction

The Kazakh people is a nation that has inhabited the Land of the Great Steppe for centuries, preserving the traditions of ancestors for future generations. At present time we are witnessing the revival of our national culture which has been formed for centuries, especially the development of Kazakh ethnography, the evolution of a new aspect of the ethnography science that became the object of special research on individual issues, and studied in detail from a scientific point of view.

The main sources of the article are the materials of expeditions, scientific-research work, and field ethnographic data of the XVIII-XIX centuries that carried out in Kazakhstan by travelers.

The methodological basis of the study is the historical, objective, and systematic principle. In the course of writing the article the evolution of development in mastering traditional waterways on a comparative-historical basis, the definition of their specificity in comparison with other regions was considered. The systematic principle was based on the chronological basis of the formation of waterways.

With the development of society in human civilization, the importance of water transport has increased. Water transport is one of the most significant components of the material culture and economic activity of any population.

Historically, the Kazakh people have been able to overcome the obstacles of rivers and lakes from the ancient times and could use their knowledge and experience in this area in accordance with their interests. In the beginning of the XVIII century, the water transport system in the Caspian, Balkhash, Aral Sea, Syrdarya,

* Corresponding author

E-mail addresses: terekbaevzhaz@gmail.com (Zh.M. Terekbayeva), aika_n75@mail.ru (A.K. Beisegulova), bkb79@mail.ru (K.B. Baudiyarova), yessenamanovaaigerim@gmail.com (A.S. Yessenamanova)

Irtys, Ural, Esil, Ili and other large rivers of the Kazakh steppe played a very important role for Kazakhs, Uzbeks, Karakalpaks and neighboring Russian people. In the organization of traditional types of farming and everyday life, water supply has played an important role in human life and the system of livelihood. In addition to fishing, man has mastered the transportation of goods. The image of a boat with three paddles preserved on the walls of the architectural mausoleum in Zholaskan burial ground in Mangystau, as well as a sailboat are the evidence of abundant natural water sources, which is an example for the mastering water in the regions with seas, rivers and lakes and communication ways over the water (Figure 1).

2. Materials and methods

The works of Russian researchers of the XIX and early XX centuries were used as sources for writing this work. During this period, many Russian researchers, travelers and officials who visited the Kazakh steppe for different purposes and for different reasons left valuable information about the life of the local population. When studying this problem, the works of N.O. Ostroumov, N.A. Borodin, S.I. Rudenko, N.P. Rychkov, A. Zamyatin, which contain the meanings and features of the use of types of water transport among the Kazakhs were used as a data. Despite the fact that most of them are descriptive in nature, their works serve as representative sources about Kazakh society in general, and the ethnography of Kazakhs in particular. For a full-fledged study of the traditional transport of Kazakhs, works of fine art that are able to convey visual information were considered in addition to scientific works and research. Paintings by artists such as N.N. Karazin, A.L. Melkov, T.G. Shevchenko, A.A. Popov more clearly reflect the features of the types of boats of the Kazakhs of the Aral Sea region, which written sources are not able to provide in full. The research methodology was based on the application of both general scientific principles and special methods of historical cognition. In particular, we used the principles of historicism, objectivity, social analysis and the retrospective method to effectively solve the tasks that were set. The socio-economic features of the considered period and their impact on the change of traditional types of Kazakh water transport made it possible to identify the principle of historicism. Socio-economic processes were studied using the principle of social analysis, taking the interests of the local Kazakh people into consideration. The retrospective method allowed revealing the problem in the process of historical development. Moreover, when studying the works of Russian researchers and archived data, we used source-based methods, which made it possible to describe and analyze in more detail the available materials in order to introduce them into scientific circulation.

3. Discussion

The analysis of the literature study showed that the works of pre-revolutionary Russian researchers of the XIX and early XX centuries were repeatedly used when writing various works on the history of Kazakhstan by prominent Soviet historians, such as Ch.Ch. Valikhanov, M.V. Sazonova, N.A. Borodin, N.P. Ivlev, U.H. Shalekenov, etc. In their works there are references to the types of water transport on the territory of Kazakhstan and Central Asia. However, to date, no special scientific papers on our topic have been published. The selected works of Ch.Ch. Valikhanov mention the ways of using ferry boats (*sal*) in the South Kazakhstan region (Valikhanov, 1985: 263). P.P. Semenov in his illustrative collection called "Picturesque Russia: Our Fatherland in its land, historical, tribal, economic and everyday significance" described the mobile ferry boats on the Syr Darya River, which were made of reeds for everyday use (Zhvopisnaia Rossiya..., 1885).

In the collection of documents and materials called "Kazakh-Russian relations in the XVIII-XIX centuries (1771–1867)" Captain Schultz describes the application methods, as well as the manufactured ferries in Khiva that were delivered through the Aral Sea to the Syr Darya (Kazakhsko-russkie otnosheniya..., 1864). The collection of articles by S.I. Rudenko published as "An essay on the life of the north-eastern Cossacks" mentions the ferries of East Kazakhstan on the Black Irtys (Rudenko, 1930).

In the other periodical called "Ethnographic Review" N.P. Ivlev and M.N. Ivlev wrote an article called "Crossings and bridges of nomads". It tells about the unusual use of "mes sal" made from the skins of cattle that crossed the Chagan River, which flows into the North-West coast: The local population packed bags of camel skin, and over these inflated bags up to four, five, six people were placed, in whose hands they crossed the river using oars from the logwood of the white poplar (Ivlev, Ivlev, 1995). He was one of the first authors who described not only about ferries, but also about fishermen and the fishing industry of the Syr Darya. He described in detail about the local water transport, which was an important attribute for the local population.

Thus, the above review shows that in the works devoted to water transport of Kazakhs, the works of pre-revolutionary Russian researchers were used only partially and were not the object of research.

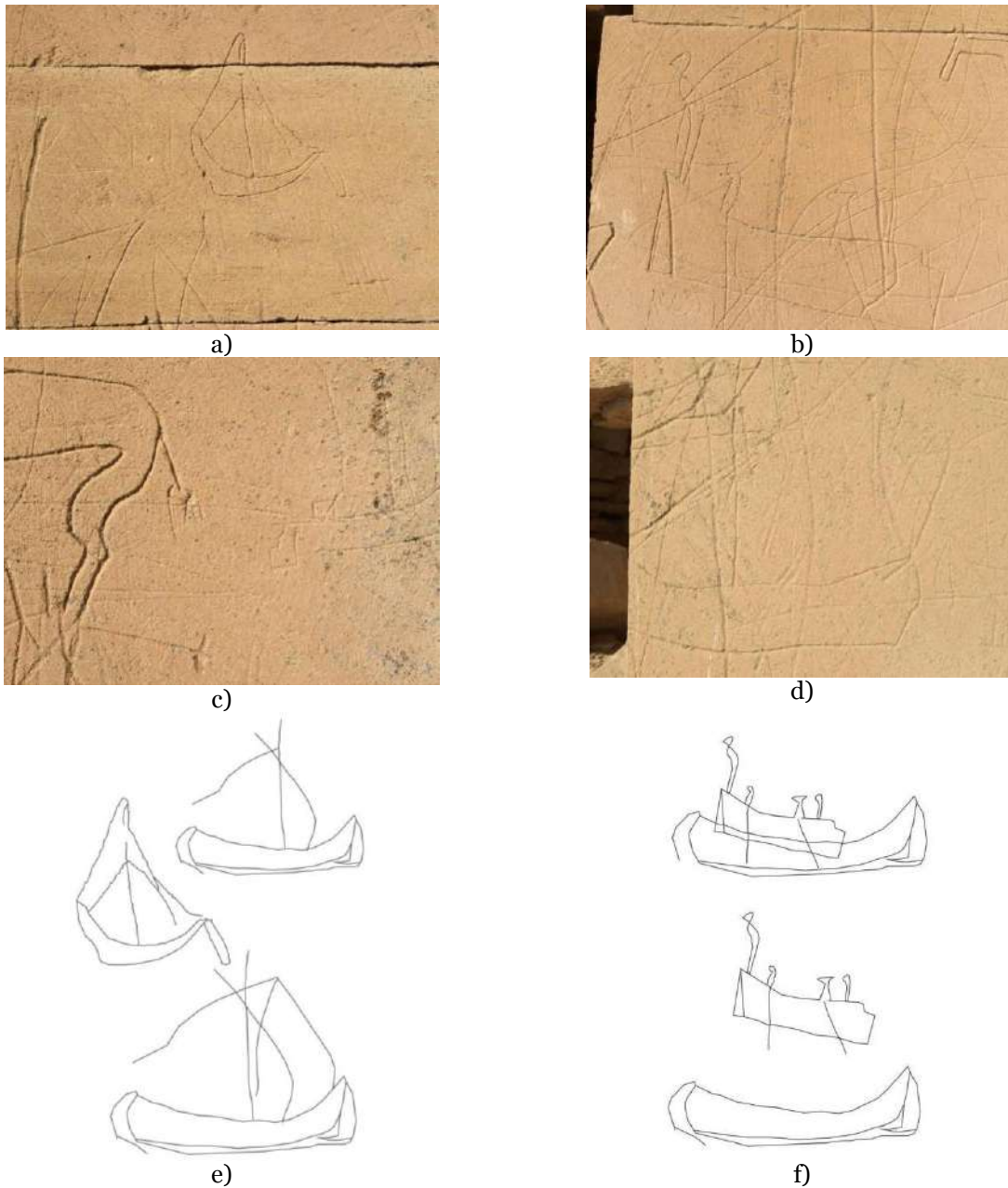
Based on the above, the authors plan to organize an ethnographic expedition on the territory of Kazakhstan, where water transport is used as a daily use in the modern period.

4. Results

The usage of *sal*, "mes sal".

In ancient times an inflatable "*mes sal*" was made from the skins of wholly slaughtered livestock to cross a large river in a treeless steppe on the territory of Central Asia and Kazakhstan (Turkestanski sbornik, 1887: 301) (Figure 2). Mostly "mes sal" was made of bull skin, in some cases there was used untanned skin,

that is rawhide leather of other livestock. For example, in ancient times, when slaughtering a fat bull or a cow, our ancestors carefully removed the skin from the carcass and took all necessary precautions. Certainly, they tried not to slaughter cattle and keep its skin wholly. About ten kilograms of salt were sprinkled on the removed skin.

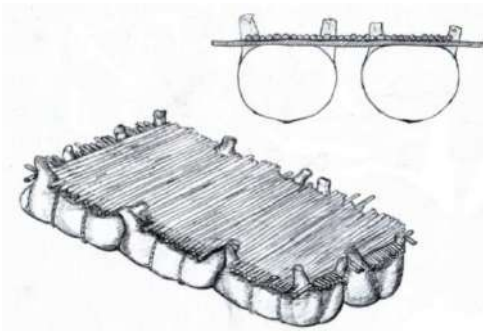
Fig. 1. Boat and its computer drawing. Zholaskan burial ground. XYIII XIX centuries. Mangystau region, Tupkaragan district

In the memoirs of Ibn Fadlan, a traveler who lived in the X century, he reports the sals were made of camel's skin. It was informed that on the sals of inflated camel skin they put clothes, weapons, food, and several people and small livestock to transport across the Sagyz, Embi, Oiyl and Ural rivers. It is described that while crossing the Shagan River which flows into the northwestern shore of the Aral the local people sat on the inflatable sacks made of camel skin; It could carry up to four, five, six people and cross the river using a piece of white poplar tree as an paddle (Ivlev, Ivlev, 1995: 30). According to some sources, the fast-flowing rivers in the mountains were crossed by using inflated skin of a goat by one person. In some cases, the river was crossed by holding it with one hand, and swimming with the second hand (Rossiya, 1903: 568).

There are also sals made of horse skin. Towards the end of the winter, when the ice of the Caspian Sea began to melt, fishermen blew skins of horses and made *sal* "raft" out of reeds (Borodin, 1901: 26-27). Such sals could carry up to four people.

In his memoirs, Plano Carpini says about leather boats as follows: "... They took blown skins while crossing rivers and filled them with various available items. Then they put seeds and other hard objects in the middle and sat down towards the middle. These boats were tied to the horse's tail and tried to cross the river. A person used to swim next to the horse to control it. Sometimes a boat is rowed with the help of two paddles" (*Puteshestviya...*, 1993: 46). It is clear that the word "leather boat" meant sals.

In comparison, this type of transport was used in other neighboring nations. For example, in the 287th volume of the Turkestan Collection "Collection of essays about the Turkestan region in general and associated with the country of central Asia" we can see an illustration of the use of mes sal by British troops in Afghanistan (*Figure 3*). In the picture, more than thirty inflated mes of large livestock were placed side by side, on the top a surface cover made of rods was placed. This mes is carrying about 19 people (*Turkestanski sbornik, 1887: 301*).

Fig. 2. Mes sal. Reproduction. Painted by A.N. Rakhmetov.

Fig. 3. Mes sal

In military campaigns air-filled sal was often used to cross the large rivers as the construction of a floating bridge. In order to make sal Kazakh people fill the skin of the wholly slaughtered livestock with air through the hole in the neck and firmly tie it in the traditional way. In the shallows of the river, several meses were tied together and connected to each other, then a wooden platform was built on top of it. It took four, six or eight meses to make one sal. The sal for loads up to 1500 kg is made of 20-30 meses. The greater the number of meses, the greater its load-bearing capacity. Depending on the thickness of the skin, the strength of the sal lasted up to two years.

In other words, Kazakhs made "mes sal" using skins of camels, oxen, and in some regions they used horses' skins. There is data that shows this type of water transport existed on the territory of Kazakhstan until the beginning of the XX century (*Ivlev, Ivlev, 1995: 34*).

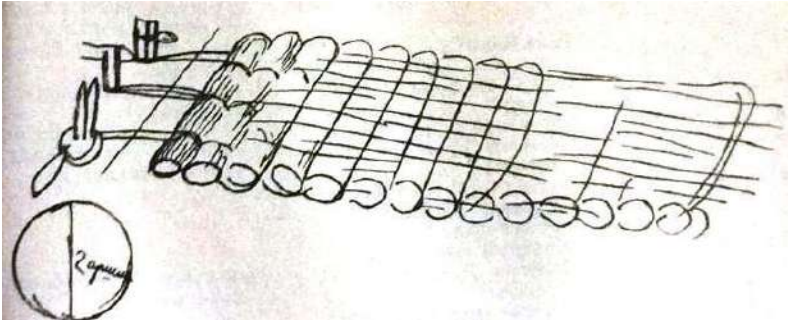
Sal. At the beginning of the XVIII century, a simple swimming raft was used which was made of logs, reeds, and willow branches (*Figure 4*) (*Zhivopisnaia Rossiya...*, 1885: 448). Water Transport for conveying people and cargo by water has become the most convenient means of temporary communication for the Kazakh people living near rivers and lakes. In the second half of the XIX century, Kazakhs inhabited along the Syr Darya River made a temporary raft, compacting reeds growing on the banks of the river, tied and combined with long, then a series of reed bundles was assembled horizontally and made a temporary raft. According to the data, these rafts were used to cross all rivers, and for a long time they moved along the current.

The species made of reeds, cattail, and willow branches had a diameter of about 50 cm and a length of 4-5 meters. These 6-8 bundles were laid in a row, 3-4 strong poles were placed horizontally (under-above), tied by pulling together with a rope, and a mattress made of boards was placed on the top, which were also fixed with a rope. Such sal vehicles were able to carry 2-3 people or cargo across large rivers. It is discarded if water absorbs, and the lifting capacity decreases. For this reason, sal is a temporary water transport that can withstand only one summer. It is considered to be a vehicle with temporary seasonal significance due to the fact that it does not withstand the strong current of the river, and when sal hits the rocks and stones in the river, it breaks down quickly. Such sals were often used to cross rivers and lakes during military campaigns and resettlements.

We can see in Mamediyarov's record dated back to 1811 that trade caravans crossed the Shu River through the Kok Murgyn gorge with a sal (raft) made of reeds, and passed the Arys River through a willow sal (*Ivlev, Ivlev, 1995: 31; Valikhanov, 1985: 263*).

In order to cross large rivers and lakes, some people packed a reed in their arms as an aid and swam to the next shore with the other hand. In particular, in the fast-flowing Syrdarya River, reeds were not submerged in water, so they used a bunch of reeds (*Zhivopisnaia Rossiya...*, 1885: 448). In the early times, there are oral reports of the construction of a sal that was used to carry cargo from the rivers, and several of them were tied up in parallel, then wholly skin was blown up to cross large rivers and lakes.

Fig. 4. Reed sal on the river Shu [251, p. 263]

Captain Schultz of the General Staff of the Russian military in 1846 wrote in his note about the sal (raft) ferry at river crossings as following: “Currently, there is no water transport in the Syrdarya, instead of it pieces of wood with a length of 4-7 fathom (8.5-14.9 m) and a width of 2 yard (142 cm) firmed to each other by iron are used as sals (rafts). They can carry loads weighing up to 6-12 horses or 125-250 pounds (2000-4000 kg). In August 1846, there were not many of them. There was described that the trunk of mulberry, black willow and oak trees used for sals, which were made on the Land of Khiva, unloaded across the Amu Darya River to the Left Bank of the Aral, and then transported to the Syrdarya ([Kazakhsko-russkie otnosheniya..., 1964: 330](#)). According to some sources, the ferry service was used to drive cattle on the Black Irtysh ([Rudenko, 1930: 11](#)).

Mostly, they were used for cargo transportation along the current on these rivers. In the steppe rivers of the southern region of Kazakhstan, sal was made of light trees such as poplar or poplar glaucous and in large rivers of the east and south-east of the country they used pine to make sal. Tasaral is a scraper tool that was also called a sal (raft) by 1- Balkhash fishermen, the shape of which is four-pointed, tied with a mixture of reeds, cattail, the length and width, height are about 2 meters. The scraper tool was used earlier instead of a boat. The scraper is called as a grass truck or tug by Kazakhs of Atyrau and Mangistau regions, Irgiz district of Aktobe region, Orenburg City of Russia, Aral District of Kyzylorda region.

When floating the sal, it was pushed out of the shallows and along the shore by a long ditch in front and directed towards the current of the river. For the transportation of heavy cargo, a large sal was built collectively and together, calling for help from village to village.

The Kazakhs sometimes equated the boat with a bridge. In other words, a floating bridge was brought for the passage of personnel and military equipment across the water dams. It can be made from local floating devices or assembled using available materials. In the eastern and south-east regions of the country, the method of transporting felled trees by water is called “floating sal”. That is, by using the float of trees to deliver the goods. They were mostly used to deliver sawn pine logs to settlements.

It was difficult to control it because the sals could not withstand the current. It is mainly used in rivers with frequent channel changes. For this reason, as we have mentioned above, they were made of lightweight materials, such as reeds or cattails and after reaching the designated point, they were drained into the water. The Kazakhs expressed their bad mood, strong tiredness or unfinished work as “*sal was drained*”, “*sal is draining now*”. This is due to the expiration date of the sal and the fact that the sal flows into the water, i.e. it is used in water. We can find following sentences in Zh.Aimautov's novel named “Akbiyek”: “*Mukash `s sal drained into water, he didn't know what to say*” ([Aimautov, 2003](#)).

In the summer of 1859 in the materials of the expedition two methods of making sals was shown to cross Zhanadarya river which is one of the mouths of the Syrdarya River, the first is by swimming along the stream, and the second is by tying and placing reeds side by side ([Kazakhtyn etnografialyk kategorialary..., 2017: 91](#)).

In general, the sal is a type of transport of seasonal significance. After all, it is difficult to drive the sal and it is not suitable for long-term use. In the course of a strong current, the sal was temporarily used because it touched rocks and quickly decomposed. That's why people insisted on developing other types of transport. The most effective for the population is the use of long-lasting types of boats, which are convenient for transporting cargo, people, and livestock.

Boats and ships

The most widely used type of water transport for sailing is *the boat*, which was utilized in fishing and crossing rivers with deep water or wide valleys without bridges, for moving to the other bank, for transporting goods on waterways, and in various sectors of the farming.

Water transport boats and sometimes a barge (a large tug vessel with an open surface for cargo), a ferry or a ship were used for crossing the Amu Darya, Syr Darya and Ili rivers.

There were also private boats brought to the Aral from Khiva. The boatmen were engaged in cargo transportation. One of the deepest and most widely used rivers in Kazakhstan is the Syrdarya River. The trade caravan passed through four crossings of the Syr Darya: from the 1st port to Ushir crossing – 16,

Mortyk – 30, Shirik – 80, Kimakalğan – 100 km. Beginning in late autumn, a reed road was built over the Syrdarya ice to pass a trade caravan in winter ([Kazakhsko-russkie otnosheniya..., 1964: 471](#)).

Bunched reeds were placed to cross the river. The Kazakhs called the construction of a bridge made by hand as *kuzer salu*. Such bridges could withstand water, livestock and vehicles passing through them. Because, the thickness of the reeds is like a barrel, that is, it is packed as two people's arm span, it is tied tightly to each other with a rope and fixed horizontally on the river. Mostly, after the ice broke and water began to flow, they laid packed reeds to make a kuzer (bridge). The packed reeds froze in the cold, and horses, carts, and other vehicles easily passed over them. Kazakhs along the Torgai, Syr, Ili and Balkhash built a kuzer on the ice. N.P. Rychkov wrote in his diary about nomadic villages crossed Karatorgai river by making kuzer ([Rychkov, 1772: 57](#)). The word Kuzer is also found in the poems of Musabek Baizakov. In his poem "The mouse and the camel":

I can't pass kuzer like this,
If I fall down, I'll swim.

It's true, the camel wrestler, proudly,

There is the value of knees with knees ... – it tells the grief of a mouse that was afraid to cross a crossing ([Bes gasyr., 1989: 199](#)).

In the neighboring part of the Amu Darya, these boaters formed one Artel of 14 people, set out a boat to lift 2,000 pounds (32,000 kg) of things, called the manager "darga" and the rest were rowers and loaders ([Sazonova, 1978: 87](#)). The military document of 1860 shows the installation of boat transport at the crossings through the Syr Darya. Boat transportation developed along the Syr Darya at the Perovsk Fort, the Kubas crossing and the Kulek crossing of Kuandaria. The boatmen charged passersby a fee for the passage. At the same time, the total number of boats transporting the trade caravan reached till 80. Written works indicated that at that time the number of Kazakh boats increased significantly. In 1856, there were 19 boats at Mortik crossing, and in 1862 it consisted of 120 boats ([MKZ, 1912: 394](#)). From these data, it can be seen that water transport in the Kazakh steppe has been developing and increasing from year to year.

The construction and naming of the boats varied depending on the size. Although the names were different, the functions were the same. The names of boat types are reflected in the linguistic regional features.

A *fishing boat* is a sailing boat used for fishing for at least two people. The sail was covered with calico cloth, which was put down only to protect it from the waves on a windy day. This name and type of boat is used in the Aral Sea region, in some areas of Atyrau region, Kostanay, Mangistau regions, and in the Volga region of Russia. In the Aral Sea region, it is also called *zhekkemdi* boat (a sailing boat). Photographic data and drawings determine that sailing boats were also widely utilized in the Aral Sea.

A *kabandan boat* is a boat used to throw a kabandan sein on deep water, on the shore, at the mouth of rivers and lakes. This type was widely used in the Aral district of Kyzylorda region.

Kolas boat, astau boat, zhekkem boat is the local name of a sailboat that has become widely used in the Atyrau region.

A *ship, reuishke* is a type of large boat carrying heavy cargo or several people, divided into several parts with oars in two places.

Poshalka is a small boat without a sail which flows into rivers of narrow, shallow channels, goes fishing or conveys cargo, people on the other side of the river.

A *container boat* is a local name used among Caspian fishermen as a short, wide boat that can be paddled by a single person to carry fish from a large boat to the shore.

A *floating boat* is a small boat that is used to cast a net, to pull the ropes of a net and other additional work, moves under the sway of large boats when entering the Bay.

Kodyran boat (swaying) is a small boat without sails, a kind of boat that is often used in the household, in the transport of people and cargo. The reason for the calling of kodyran is due to the fact that it moves along one edge of the river until it passes from one edge to the other.

Kysaubay is a primitive double sailboat that was used in the Aral Sea region in old times, at the moment the name and the boat is out of use. It was abandoned due to drying up of the Aral Sea.

Single-rowed boat belongs to a group of boats with one person rowing, carrying cargo, and fishing.

Cultural boat is the name that was formed in the modern era. A type of boat designed for swimming along the river, along the seacoast.

A *single boat* is the name of a single-seater small boat in the language of the Kazakhs of Turkmenistan ([ADM 2: Tynyshtykov, 1962](#)).

Kirzhim boat is the name of a boat in the language of the Kazakhs of Turkmenistan, the boat with flat bottom, a wide capacity that is for rivers with a wide channel ([ADM 1: Bekzhigitov, 1958](#)).

Ushan boat is a large type of sailing boat in the language of the Kazakhs of Turkmenistan ([ADM 3: Aizharykov, 1962](#)).

Kurmau boat (net) is a type of small light boat that can be used for casting nets. Widely utilized in the Kurchum district of East Kazakhstan region ([ADM 4: Tumenbayev, 1957](#)).

Suzgi boat (filter) is a type of large boat that filters water.

Karbyz boat (watermelon) is a large type of cargo boat. It was used in the Kurchum district of East Kazakhstan region.

Double boats/camel boats are two heavyweight boats that are connected and doubled for carrying cargo. It is known that nomadic Kazakhs, located along the lower flow of the Syr Darya river moved far to the periodic settlement; they used double boats as a transport for crossing the Syr Darya river in the spring to the spring settlement, and in the autumn to the winter settlement. As well as double boats served as caravan routes across the Syrdarya River. The reason for calling a camel boat is also associated with heavy lifting. The camel boat was called by the Kazakhs of the Syrdarya region, the double boat was called by the Kazakhs of Karakalpakstan (ADM 5: Nurbayeva, 1956) (Figures 5-6).

Fig. 5. Camel boat. The end of the XIX century. RK CSCDF.

Fig. 6. Camel boat. Reproduction. Painted by A.N. Rakhmetov.

Heavy boats were also used by neighboring Karakalpak and Uzbek peoples. For example, the sart boat and Khiva boats were large and very heavy. These boats were often utilized for cargo transportation because of the difficulty of fishing (Shalekenov et al., 2003: 230).

Data on boats carrying up to five or six horses can be found in the materials of the expedition on the Zhanadarya river. The Kazakhs say they used the only large boat made of small trees to carry such goods across the Syr Darya River. The trade caravan on the Amu Darya River was widely used for cargo transportation. Small boats utilized on the Amu Darya River carried 300-600 pounds (4800-9600 kg), medium boats and large boats carried 600-800 pounds (9600-12800 kg) and 1000-1200 pounds (6000-19200 kg) respectively.

A large type of boat that carries cargo, serves as a means of transportation, and goes fishing in the middle of the sea, that is, to the Ocean is called *ship*.

M.V.Sazonova, who specifically studied the traditional environment in Khorezm also said that the local population called small type of boat with a load of up to 3 tons as *kaiyk* (boat), and large boats with a load of up to 60-70 tons called *keme* (ship) (Sazonova, 1978: 83). We have already mentioned that the name of a large type of *keme* (boat) is widely used in the language of the Caspian coast Kazakhs of the Kazakh territory. In the XIX century, trade relations with Central Asia with the caravan routes connecting Russia were carried out in the northern and southern directions. There were two branches of the northern direction (Sazonova, 1978: 83).

In the first direction, trade caravans moved from Urgenish to Kazaly, Irgiz and to Orenburg through Or, the length of the route was 1,400 km. The second is the road through Konyrat to Urgenish, from the Embiriver to Orenburg. In particular, the distance of 300 km to Konyrat was crossed by ship, it totally consisted of 1,300 km. The cargo was delivered by small boats from Urgenish and Shabat and then by caravan to the Red Arbat (400 km). It was transported along the railway to Uzynada (225 km). Further from Uzynada was transported by ship from the Volga to Small Novgorod by sea. Another cargo transportation was from Urgenish to Uaz by ship and to Krasnovodsk (545 km) by caravan loading to camel and then it was conveyed by sea to the center of Russia. We realize that from the beginning of Russian colonization until the construction of the railway to the city of Tashkent, the ship was of great importance as a road connection.

In winter, during the period when communication on the sea, lake, dam and river ceased, once a week they came to the shore of the river, lake, and called for plowmen from other winter settlements, alternately distributed food (Sazonova, 1978: 83). In general, the peoples of the Amu Darya sacrificed a bull or cow when a new boat or ship was launched into the water, read the Koran and cooked "palay" (rice) in large cauldrons. When going out on the open sea and getting into a difficult situation, boatmen often remembered the Prophet Nuk and gave alms.

The legend of the Prophet Nuk's ship which stopped at the top of mountain Kazygurt has been preserved among the people. When the Prophet Nuk, who is one of the most revered prophets in the Islamic religion, asked Allah what measures would be taken for the atheists, Allah created a ship to the Prophet Nuk

to take believers and living beings of the world, one pair (females, males) from 18,000 universe and save them from the flood that covered the Earth. It is called the ship of the Prophet Nuk by people.

According to one legend, Hubby, the Son of Ambar-mother disappeared in the Amu Darya river. He was the ruler of the underwater world. There was formed the concept that Hubby Sultan protected and survived boats and ships from water disasters on the rivers and lakes. At the same time, the peoples of Central Asia understood that there is the villain that can cause floods and shipwrecks. According to the interpretation, Hubby Sultan, who protects against the villain, fights for the survival of people. For this reason, fishermen, in memory of the Prophet Nuk or Sultan Hubbi, a follower of the Prophet Nuk read the Koran and distributed alms to the saints when they came home safely (Sazonova, 1978: 83) (ADM 6: Tazhimuratova, born in 1958). There is some information about the ship in the oral literature. The ship is of great importance as a road connection. For example, from Astrakhan to the modern city of Aktau, the most convenient way was to sail by ship across the Caspian Sea. In 1912, there were two ships "Emba" and "Tamara" in the Ural region. By the end of June, the ship "Gurevtsev" was launched. The ships "Emba" and "Tamara" are very inconvenient to transport people. By the end of this year, two more ships "Samarkand" and "Arag" were put into operation. The cost of a ticket for transportation by ship from Astrakhan to modern Aktau was 10 rubles of the I level (class), 3 rubles of the III class (Zamyatin, 1914, 34).

The origin of the phrase "the boatman gives way to the ship's crew" was born in connection with the fact that the ship is a more productive, industrial means of communication than a boat. The phrase "the soul of the people in the ship is one" has taken its place in the memory of the people.

Along with written and oral data, photo documents are the evidence of the widespread use of water transport. Among them photos are taken in A.L. Melkov's expedition "Crossing on the Syr Darya", A.A. Popov's painting "Kazakhs in the Volga", "The schooner in the Kosaral Fortress", "Constantine", "Mikhail schooner" and "Fortress of Raiym" were painted by Taras Grigoryevich Shevchenko during the Aral expedition led by Russian explorer and sailor A.I. Butakov from 1848–1849. We can notice from the picture "View from Syrdarya river" and photos of "Moonlight night in Kosaral", "Kazakh Settlements in Kosaral" (Shedrost serdtsa, 1992: 152) the features of the boat types of Kazakhs near the Aral Sea.

Construction methods of a boat and a ship

The basic structure of boats was the same in all regions of Kazakhstan. All of the above-mentioned traditional boats were made of poplar and black willow. Uzbek and Karakalpak people made of trees as black willow, white willow and poplar glaucous (Shalekenov et al., 2003: 230). Because the boat is a perennial vehicle. During the construction of the boat, the trees were completely dried for at least 10-15 years and stored in the shade. The paddles of boats are made of light wood for easy and quick rowing. A boat builder in the Aral Sea region earned 70 rubles at the same time. It took about 40 days to build a boat with a length of 5 fathom (10 m) and a width of 2 fathom (4 m) with a salary of 9 to 11 rubles. Carpenters were paid between 90 and 108 rubles a month to construct boats (Ostroumov, 1888: 178).

All types of boats and all the ancient types of historical epochs were made of wood. Archaeological excavations have shown that ancient boats were made of whole trees. One of the archeological boats is exhibited in the Hermitage Museum.

The wooden coffin was considered to be like a boat by scientists dating back to the IV-II Centuries BC found in the Kokzhar burial ground in Kurchum district of East Kazakhstan region. The coffin, made in the form of a boat (rook), has a length of 2.45 m, a width of 0.5 to 0.3 meters, and a height of 0.25 meters from the bottom to the preserved part above (Omarov, 2011: 128-135). The Kokzhar burial ground is located 2 km from the village of fishermen named Kokzhar. Since the fishing village is located on the left bank of lake Zaisan, we are not mistaken if the coffin in the form of a boat was used as a water transport.

In the traditional environment, boats have different names depending on the size and structure. The basic structure and name of the boats are the same in all regions of Kazakh land. The bottom of the boat is called *ultan* or *taban* (sole), and the shape of the hull is convex. Wooden boards that are installed on the bottom or ultan (sole) are called *butys*. Wooden parts are installed that stretch the butys boards from the end to the head inside, separating the boat according to its size, and this is called *boke*. Boke trees are trunks that are laid horizontally from the bottom of the boat to the edge. As a rule, boats with 8-12 boke are strong and safe (Kazakhtyn etnografialyk kategorialary..., 2017: 705; Doskaraev, 1958: 83-162). There are several wooden *bogen* (barriers) that strain boards inside, the width and length are various depending on the size of the boat. Separation of the boat through bogen is applied to strong rivers.

There is a mash for fastening sails, an anchor for throwing into the water, a place for casting the net, storing caught fish and sitting space for three or four people in large boats which are sent to the seas. The width of the boats was wide that was built for rivers with a strong current and changing channels as the Syr Darya river. Two walls of one of the largest Kazakh boats constructed on the Syr Darya River are made of 64 round wooden balk. On the sole or ultan, 15 round pieces of wood are installed along the entire length and connected into each other. The ultan is divided into three places by boke, and the wall is divided into two places by bogen. The paddle is also made of round wood, two additional shields are installed on the head which are suitable for swimming and the handle is fixed to the head of the boat by a ring.

To make the boat without nails from several wooden parts, the wooden walls were drilled to make a hole and connected the two wooden parts to each other with wooden nails 5-6 cm long. The wooden nails are

made of round wood with a diameter of 1-1.5 cm. The boat which was constructed of wooden parts embedded in wooden nails, was first immersed in water and then taken out again. Then the tree swelled a little in the water and wooden nails were fixed firmly. This ensured that the boat was watertight. Hole of wooden nail in the wooden parts of the boat were drilled with a drill called *barbi*. The *barbi* was made by blacksmiths. The blacksmiths made two types of *barbi*: the first type is a tool for drilling wood with a four-edged steel spike at the end, which moves in a reciprocal motion with a special tensioner, and the second type is as the first one with a sharpened steel spike at the end. When the horizontal tree with a rope moves up and down, spike of the *barbi* moves in opposite directions, drills the tree. This tool is also called *parbi*, *parmi* among the people.

One model of a Kazakh boat is kept in the open exhibition of the Aral Fishermen's Museum. This type of boat is 4.75 meters long and 45 cm high. There are five boke on the *ultan* (bottom) of the boat. The first boke is 60 cm, the second boke is 93 cm, the third boke is 104 cm, the fourth boke is 95 cm, the fifth boke is 66 cm. The uneven length of the piece of boke tree was due to making the boat by hand and the quality of the wood's bending. The wood on both sides of the boat are fixed to each wall with a total of ten wooden poles, five by five.

In the Syr-Aral region, the boat was turned over and the boat's wood was lubricated from the bottom to the top of the wall by grasped horse oil on the surface of the soup. The reason for turning the boat over and lubricating it is that the *ultan* (sole) is small, the walls on both sides are shielded, the oil flows from the top to the bottom and is absorbed into the wood (ADM 7: Esbergenov 1950). The oil is applied to the wood to prevent water penetration. Natural black oil was also used to lubricate the boat.

The inner side of a fisherman's boat, a horizontal tree for straining the inner side and for a person to sit on and the hollow in front part is called *azyna* (Kazakhtyn etnografialyk kategorialary..., 2017: 848).

It is called *sylauysh* (washbasin) which is made of a net that hangs on the sides of the boat, the edge of which is soaked in water. These data prove the abundance of professional vocabulary in relation to water transport.

Most fishermen have learned to construct their own boats without the help of carpenters. This is confirmed by written data. "Most of the nets, fishing nets and boats are made by fishermen themselves. Fish was sometimes traded to Russian merchants for food such as flour and salt. It cost 13 rubles and 80 *tiyn* (coin) during the paper time resolution in 1896–1897. The government received 297 rubles from Aral fishermen for 9 months, that is, 144 percent income in a year. The cost of raw materials for the construction of nets and boats was as follows: 20 pounds of yarn for making nets - 11 rubles, 15 pounds of scraps of wood bark floating on the surface of the net - 60 *tiyn* (coin), 10 pounds of twisted yarn - 2 rubles, 2 pounds of pottery that immerses the net in water - 90 *tiyn* (coin). In general, it took 18 rubles and 20 *tiyn* (coin) to make a net. At the same time, I.Geyer said the construction of a boat cost was as follows: wood and woodworking - 12 rubles, glue oil and clamps to fasten the trees together - 1 ruble, paddle handle - 30 *tiyn* (coin), three paddles - 40 *tiyn* (coin), generally to make a boat in the Aral Sea region was - 13 rubles" (Geyer, 1896).

One of the types of transport for cargo and people, the ship is made mainly of maple and black willow. The ship is larger and wider than the boat, so it is constructed from 360 parts. It is believed that wood cannot be skimped when constructing a ship, and if it is skimped, it will fail in the water. The strongest and most influential masters were involved in the construction and assembly of one ship. A total of 20 people took part in the shipbuilding. First of all, a flat bottom is created, on which both sides of the vessel are pointed. It is collected from logs, which are fixed on top of each other through grooves, forming the bow and back of the ship. The bottom of the ship is called *ultan*. The log is fixed along the *ultan*. This log is also the basis of the sail. The main part of the board, which is a support connection, is made of the same horizontally fixed logs.

The number of such logs reach up to 14 till 18. The breaks between the logs are filled with cloth or dry reeds, fluff of cattail. There is a large pillar shaped as a paddle with a diameter of 25-40 cm and a length of about 4 meters at the back of the vessel, on which an iron spring is installed. This spring is the main basis for guiding the ship. Above the horizontally placed support logs to the back of the ship, another row of logs is covered with boards. The log boards are fixed with iron nails to the trough of a ship made of horizontally placed logs.

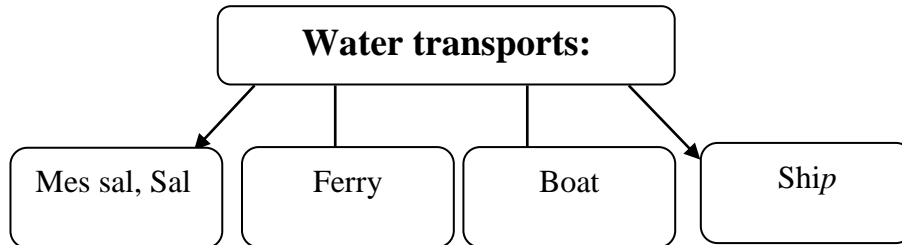
A wooden platform will be installed on the bow and back of the ship. The bow is made of thick logs. The logs at the bottom of the ship are placed lengthwise and fastened only horizontally through the notches. There is a node mounted on a central basic log near the bow of the ship, connected both edges of rope which is 3 meters long and 0.5 meters in diameter. At the top of the pillar is a round hole through which one end of the rope is passed. The other end of the rope is tied to the front column from the bottom. The length of this rope reaches 85-100 meters.

The results of this article were used for museumification of objects and for a traveling exhibition of traditional vehicles. The authors used water transport as a mobile function for people and as household needs. Illustrative examples are given in the form of a diagram and a photo (Figures 5-6) from rare archival materials, as well as the shape of the boat and the method of use are reconstructed. The typology of the use of water transports was systematized.

The traditional water transport system is one of the most interesting and complex topics in interdisciplinary relations. Along with lectures on ethnology, special courses, seminars, it can be used to create interdisciplinary connections in the ethnoarchaeological direction. The scientific materials collected during the writing of the article are used in higher educational institutions of the country, including for the

development of special courses of lectures and the writing of textbooks and manuals, including modules for bachelors, masters, PhD doctors in the specialty "Ethnology and Anthropology", "Archeology and Ethnology", "History", that is, as disciplines for elective modules. Photo documents are presented for discussion among ethnographers, which make up additional materials of the article that are planned to be published by the "Ethnographic Atlas of the traditional transport system of the Kazakhs" and used in the main sections of its branch "Ethnographic Atlas of the Kazakh people". The authors plan to take part in local history, museum discourses, electronic excursions on the topics "Traditional water transport among Kazakhs", "Water transport system: yesterday and today".

The authors used field ethnographic materials and systematized all types of water vehicles from the Stone Age to the present day. As an example, they were found on stone sculptures of tombstones of the XVIII century (Figure 1) in the west of Kazakhstan in the Mangystau region (Caspian region).

5. Conclusion

Summarizing the given data above, water transport was in great demand in Kazakhstan. In the beginning of the XVIII century, the widely used mes sal and sal led to the development of other types of transport. One of them was a boat and a ship. However, similar wooden troughs the size of boats were found during archaeological excavations in the burial ground dating back to the IV-II centuries BC. That is, this type of water transport has been in use on the Kazakh land since ancient times.

Water transport was used in all regions of Kazakhstan, especially on large rivers such as the Syr Darya, Zhaiyk, Edil, Irtysh, Ishim, Ili, Talas, Shu. It is also widely utilized for crossing the Aral, Balkhash, Alakol and other large lakes and it was used for fishing. For example, there were crossings in Urgysh, Mortyk, Zhulek, Shyrak, and Kumsalghan where cargo was transported from the Syrdarya river. The caravan passed through a special crossing, not anywhere on the river. The crossings took place where military fortifications were located, where trade markets were formed.

Shipbuilding began in the second half of the XIX century. For example, the Turkestan album shows the shipbuilding of the masters of the Aral flotilla in Kazaly which was taken between 1871 and 1872. In addition, ship parts were purchased from neighboring Russian factories, and it determined that local shipping on major seas greatly facilitated the transportation of agricultural products and other items.

A photo reconstruction was made of the mes sal constructed by blowing skin, a double boat made by tying and connecting to carry heavy cargo, goods.

It is obvious that the activity of water transport of the Kazakh people, its types, methods of its creation, regional features and significance are still unexplored issues by scientists.

6. Acknowledgements

This research has been funded by the Science Committee of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan (Grant No. BR18574057).

References

[ADM 1, 2018](#) – Avtordyn dalalyk materialdary. Kazakhstan Respublikasy Almaty oblysy Karasai audanynda zhyrgizilgen ekspedicia [Author's field materials. Expedition carried out in Karassay district Almaty region Republic of Kazakhstan]. June, 2018. [in Kazakh]

[ADM 2, 2018](#) – Avtordyn dalalyk materialdary. Kazakhstan Respublikasy Almaty oblysy Ile audanynda zhyrgizilgen ekspedicia [Author's field materials. Expedition carried out in Ili district Almaty region Republic of Kazakhstan]. July, 2018. [in Kazakh]

[ADM 3, 2018](#) – Avtordyn dalalyk materialdary. Kazakhstan Respublikasy Almaty oblysy Ile audanynda zhyrgizilgen ekspedicia [Author's field materials. Expedition carried out in Ili district Almaty region Republic of Kazakhstan]. July, 2018. [in Kazakh]

[ADM 4, 2021](#) – Avtordyn dalalyk materialdary. Kazakhstan Respublikasy Shygys Kazakhstan oblysy Kurshim audanynda zhyrgizilgen ekspedicia [Author's field materials. Expedition carried out in Kurchum district East Kazakhstan region Republic of Kazakhstan]. July, 2021. [in Kazakh]

[ADM 5, 2021](#) – Avtordyn dalalyk materialdary. Kazakhstan Respublikasy Almaty oblysy Karasai audanynda zhyrgizilgen ekspedicia [Author's field materials. Expedition carried out in Karassay district Almaty region Republic of Kazakhstan]. June, 2021. [in Kazakh]

ADM 6, 2019 – Avtordyn dalalyk materialdary. Kazakhstan Respublikasy Turkestan kalasynda zhyrgizilgen ekspedicia [Author's field materials. Expedition carried out in Turkestan city Republic of Kazakhstan]. August, 2019. [in Kazakh]

ADM 7, 2018 – Avtordyn dalalyk materialdary. Kazakhstan Respublikasy Kyzylorda oblysy Aral zhyrgizilgen ekspedicia [Author's field materials. Expedition carried out in Aral district Kyzylorda region Republic of Kazakhstan]. August, 2018. [in Kazakh]

Aimautov, 2003 – *Aimaytov, Zh.* (2003). Akbilek. [Akbilek]. Almaty: Raritet, 240 p. [in Russian]

Bes gasyr, 1989 – Bes gasyr zhurlaidy. [Five centuries singing]. T. 1. Works of Kazakh poets and poetesses from the XV to the beginning of the XX century. Collec. M. Magauin. Almaty: Zhazushy, 1989. 384 p. [in Kazakh]

Borodin, 1901 – *Borodin, N.A.* (1901). Uralskie kazaki i ih ribolovstva (s illystratsiyami v tekste) [Ural kazaks and their fishing (with illustrations in the text)]. St. Petersburg: Publishing house "Bulletin of the Cossack troops", 1901. 31 p.: with ill. [in Russian]

Doskaraev, 1985 – *Doskaraev, Zh.* (1985). Aral, Kaspi balykshylaryny tilindegi professionaldyk leksikany materialdary [Materials of professional vocabulary in the language of Aral and Caspian fishermen]. Questions of history and dialectology of the Kazakh language. Issue. 1. Alma-Ata: Publishing House of the Academy of Sciences of the Kazakh SSR, 1958. pp. 83-162. [in Kazakh]

Geyer, 1896, 1897, 1898 – *Geyer, I.I.* (1896, 1897, 1898). Turkestanskieskitanie [Turkestan wandering]. *TV.* 1896. № 65, 69, 75, 86, 91; 1897. № 1, 12, 13, 20, 22, 24, 73; 1898. № 19, 20, 32, 33, 70, 93. [in Russian]

Ivlev, Ivlev, 1995 – *Ivlev N.P., Ivlev M.N.* (1995). Perepravy i mosty kochevnikov [Crossings and bridges of nomads]. *Ethnographic review.* 1: 30-35. [in Russian]

Kazakhtyn etnografialyk kategorialary..., 2017 – Kazakhtyn etnografialyk kategorialary, ugumday men ataularyny dasturli zhuesi. [The traditional system of ethnographical categories, conceptions and designations of Kazakhs. Encyclopedia]. T. 2. Almaty: TOO «Alem Damu Integration», 2017. 848 p. [in Kazakh]

Kazakhtyn etnografialyk kategorialary..., 2017 – Kazakhtyn etnografialyk kategorialary, ugumday men ataularyny dasturli zhuesi [The traditional system of ethnographical categories, conceptions and designations of Kazakhs. Encyclopedia]. T. 3. Almaty: TOO «Alem Damu Integration», 2017. 856 p. [in Kazakh]

Kazakhtyn etnografialyk kategorialary..., 2017 – Kazakhtyn etnografialyk kategorialary, ugumday men ataularyny dasturli zhuesi. [The traditional system of ethnographical categories, conceptions and designations of Kazakhs. Encyclopedia]. T. 4. Almaty: TOO «Alem Damu Integration», 2017. 832 p. [in Kazakh]

Kazakhtyn etnografialyk kategorialary..., 2017 – Kazakhtyn etnografialyk kategorialary, ugumday men ataularyny dasturli zhuesi. [The traditional system of ethnographical categories, conceptions and designations of Kazakhs. Encyclopedia]. T. 5. Almaty: TOO «Alem Damu Integration», 2017. 816 p. [in Kazakh]

Kazakhsko-russkie otnosheniya..., 1964 – Kazakhsko-russkie otnosheniya v XVIII-XIX vekah (1771–1867 gody). [Kazakh-Russian relations in the XVIII-XIX centuries (1771–1867 years)]. Collection of documents and materials. Alma-Ata: Nauka, 1964. 572 p. [in Russian]

MKZ, 1912 – Materialy po kirgizskomy zemlepol'zovaniyu. Syr-Dariinskaya oblast. Perovski uезд. Glavnoe upravlenie zemleustroystva i zemledelia Pereselencheskogo upravleniya [Materials on Kyrgyz land, 1912 – Materials on Kyrgyz land use. Syrdarya region. Petrovsky district. The Main directorate of land management and agriculture of the resettlement administration]. Tashkent: V.M. Ilyin's Typo-Lithography, 1912. 19 p. + appendix 32 p. + table 127 p. + 45 p. + map 3 sheets (394 p.). [in Russian]

Omarov, 2011 – *Omarov, G.K.* (2011). Zaisan kolinin soltustigindegi A.M. Orazbaevtyн zertteu jumystary. [Scientific works of A.M. Orazbaev in the north of Zaisan]. "The III Orazbaev's reading" materials of international scientific-practical conference. Almaty: Kazakh University, pp. 128-135. [in Kazakh]

Ostroumov, 1888 – *Ostroumov, N.* (1888). O rybolovstve v nizoviyah Syrdari i na Aralskom more [On fishing in the lower reaches of the Syr Darya and the Aral Sea]. *TV.* 455: 178. [in Russian]

Puteshestviya..., 1993 – Puteshestviya v vostochnyie strany Plano Karpini i Gil'oma de Rubruka. Seriya: Puteshestviya. Otkrytiya. Priklyucheniya [Travels to the Eastern countries of Plano Carpini and Guillaume de Rubruk. Series: Travelling. Discoveries. Adventures.]. Almaty: Gylym, 1993. 248 p. [in Russian]

Rossiya, 1903 – Rossiya. Polnoe geograficheskoe opisanie nashego otechestva. Nastolnaya i dorojnaya kniga dliya russkih ludei [Russia. A complete geographical description of our fatherland. A desktop and travel book for Russian people]. Edited by P.P. Semenov and academician V.I. Lamansky. Vol. 19. Turkestan Region. Compiled by: Prince V.I. Masalsky. St. Petersburg: Edition of A.F. Devrien, 1903. 478 p. + 2 l maps. [in Russian]

Rychkov, 1771 – *Rychkov, N.P.* (1771). Dnevnyye zapiski puteshesviya kapitana Nikolaya Rychkova v Kirgiz-Kaisaskoi stepi v 1771 godu [Daily notes of the journey of captain Nikolay Rychkov in the Kirghiz-Kaisak steppe in 1771]. St. Petersburg, 104 p. [in Russian]

[Rudenko, 1930](#) – *Rudenko, S.I.* (1930). Dnevnye zapiski puteshestviya kapitana Nikolaia Rychkova v kirgiz-kaisaskoi stepi v 1771 g. [An essay on the life of the north-eastern Cossacks]. Cossacks. Collection of articles of the anthropological detachment Kazakh Expedition of the USSR Academy of Sciences. Issue 15. Research 1927, L.: USSR Academy of Sciences, pp. 1-73. [in Russian]

[Sazonova, 1978](#) – *Sazonova, M.V.* (1978). Tradisionnoe hoziyaistvo uzbekov Iuzhnogo Horezma. [Traditional farming of the Uzbeks of Southern Khorezm]. L.: Nauka, 97 p. [in Russian]

[Turkestanski sbornik, 1887](#) – *Turkestanski sbornik. Sobranie sochineni o Turkestanskom krae voobshe i sopredelnyh s nim stran Srednei Azii* [Turkestan collection. A collection of works about the Turkestan region in general and the neighboring countries of Central Asia]. Collected by V.I. Mezhov. V. 287. St. Petersburg: Printing house of V.S. Balashev, 1887. 301 p. [in Russian]

[Shalekenov, Shalekenov, 2003](#) – *Shalekenov, U.Kh., Shalekenov, M.U.* (2003). Istoria i etnologia narodov Amudari i Syrdari v XVIII-XX vv. [History and ethnology of the peoples of the Amu Darya and Syr Darya in the XVIII-XX centuries]. Almaty: Kazakh University, 315 p. [in Russian]

[Shedrost serdtsa, 1992](#) – *Shedrost serdtsa. Kazakhstan v tvorchestve T.G. Shevchenko* [Generosity of heart. Kazakhstan in creativity of T.G. Shevchenko]. Almaty: Oner, 1992. 152 p. [in Russian]

[Valikhanov, 1985](#) – *Valikhanov, Ch.Ch.* (1985). Sobranie sochineni v piyati tomah. [Collection of essays in five volumes]. T. 4. Alma-Ata: Main edition of the Kazakh Soviet encyclopedia, 461 p. [in Russian]

[Zhivopisnaia Rossiya..., 1885](#) – *Zhivopisnaia Rossiya: Otechestvo nashe v ego zemel'nom, istoricheskom, plemennom, ekonomicheskom i bytovom znachenii. Ruskaiya Srednaiya Aziya. Zakaspiski krai, Turkestan i Kirgizskaiya step.* [Picturesque Russia: Our Fatherland in its land, historical, tribal, economic and everyday meaning. Russian Central Asia. Transcaspian region, Turkestan and the Kirghiz steppe]. V. X. St. Petersburg. M.: Publication of the association M.O. Volf, 1885. 448, IV p. with ill.; 43 ill. [in Russian]

[Zamyatin, 1914](#) – *Zamyatin, A.* (1914). Po Urälskoi oblasti. [On the Ural region]. With 32 drawings in the text and a card. St. Petersburg: Edition of G.A. Voronov, 89 p. [in Russian]

Copyright © 2023 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2023. 18(2): 577-588
 DOI: 10.13187/bg.2023.2.577

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Specifics of the Population of the Villages of the Kuban Sub-Regions: Chernomoriya, Staraya Liniya and Zakubanye

Sergey L. Dudarev ^a, Nikolay S. Kovalenko ^b, Sergey N. Ktitorov ^b, Aleksei L. Pelikh ^{b, *}

^a Russian Geographical Society, Russian Federation

^b Armavir State Pedagogical University, Russian Federation

Abstract

The purpose of this article is a comparative analysis of the population of the villages of the main subregions of the Kuban: Chernomoriya, Staraya Liniya and Zakubanye. The main materials in the preparation of this work were a variety of sources, including documents from the funds of the State Archive of the Krasnodar Territory, the Archival Department of the administration of Armavir and the Archival Department of the administration of the municipality of Mostovskiy district, most of which are being introduced into scientific circulation for the first time. Of the published sources, the most significant for us are the materials of the censuses of 1897 and 1917, descriptions of villages, as well as notes and correspondence in regional periodicals. The social composition of the inhabitants, the attitude of the Cossacks to the alien element is analyzed. The characteristic of the ethnic and religious affiliation of the inhabitants is given. It is concluded that in the second half of the XIX – early XX centuries, the development of such parts of the Kuban region as the Staraya Liniya, Chernomoriya and Zakubanye, despite subordination to general trends, had its own characteristic features. They were determined by the circumstances of the initial development of these territories, their natural, economic and geographical conditions, as well as the activities of regional and local authorities. Under the influence of these factors, in the villages founded in various parts of the Kuban, by 1917, a specific ethno-religious and social composition of the inhabitants was formed, which represents an interesting and important phenomenon of the "Russian-speaking population", which contributed to the strengthening of the central government on the outskirts. The appearance of the Old Believer population and other unorthodox movements in the Kuban villages indicated that the government wanted to remove these denominations from the center of Russia both to maintain ideological uniformity and to eliminate "passionaries" to the periphery.

Keywords: Chernomoriya, Staraya Liniya, Zakubanye, Cossacks, nonresidents, Old Believers, Orthodox.

1. Введение

История российского освоения Кубани в конце XVIII – начале XX вв. в настоящее время является объектом пристального изучения, что подтверждается регулярным выходом научных исследований по различным аспектам данной темы. Подобные исследования важны не только для развития собственно исторической науки. Не менее значимая задача – адаптация и последующее использование данных, полученных при изучении исторических объектов, в частности в области регионального туризма.

В настоящий момент нами разрабатывается историко-культурная характеристика экскурсионного маршрута, одной из ключевых точек которого является станица Прочноокопская. Основанная в 1794 г. при одноименной крепости, располагавшейся на правом берегу среднего

* Corresponding author

E-mail addresses: pelich1976@mail.ru (A.L. Pelikh)

течения р. Кубань, она принадлежала к числу первых форпостов России в регионе. Вместе с рядом других станиц Прочноокопская в конце XVIII – первой половине XIX вв. составляла так называемую Старую Линию, которая, как отмечал Ф.А. Щербина, «служила первоначально чисто военной демаркационной линией между русскими владениями и землями кавказских горцев» (Азаренкова и др., 1985: 15; Щербина, 1908: 152-153).

Целью данной статьи является сравнительный анализ населения станиц основных субрегионов Кубани: Черномории, Старой Линии и Закубанья.

2. Материалы и методы

Линейные казачьи поселения неоднократно попадали в поле зрения профессиональных историков, но, как показывает анализ историографии, до настоящего времени практически не было издано работ, рассматривающих прошлое данных станиц в сравнении с населенными пунктами, водворенными на других этапах колонизации Кубани. Между тем окончательное решение проблемы определения общих и специфических черт развития Старой Линии в условиях ее военно-казачьего освоения, как нам представляется, лежит именно в плоскости компаративистского подхода.

Материалами при подготовке настоящей работы послужили документы из фондов Государственного архива Краснодарского края, Архивного отдела администрации г. Армавира и Архивного отдела администрации муниципального образования Мостовский район, большинство из которых в научный оборот вводится впервые.

Из опубликованных источников наиболее значимыми для нас являются материалы переписей 1897 и 1917 гг., описания станиц, а также заметки и корреспонденции в таких региональных периодических изданиях, как «Кубанские областные ведомости» (Екатеринодар), «Отклики Кавказа» (Армавир), «Ставропольские епархиальные ведомости» и «Северный Кавказ» (Ставрополь), в которых нашли отражение многие сюжеты из истории основных субрегионов Кубани. Информация о специфике взаимоотношений казаков и иногородних, приверженцев канонического православия и староверов содержится в источниках мемуарного жанра.

Методологической основой нашей работы послужили принципы историзма, объективности, системности. Принцип историзма позволил рассмотреть контакты казаков и иногородних жителей кубанских станиц в условиях конкретной исторической действительности. Использование принципа научной объективности нашло выражение в привлечении и комплексном анализе различных видов источников. Принцип системности воплотился в рассмотрении вопросов взаимоотношений представителей различных групп населения Черномории, Старой Линии и Закубанья в контексте исторического развития всего региона и с учетом специфики природно-географических и социально-экономических условий. Компаративистский подход как составляющая общенаучного сравнительно-исторического метода применялся при сопоставлении структуры населения и демографических процессов в станицах изучаемых субрегионов Кубани.

3. Обсуждение

Историография прошлого кубанских станиц начинает формироваться еще в досоветский период, причем инициатором этих исследований выступила местная администрация. В 1880-х гг. Кубанским областным статистическим комитетом в станичные и сельские правления были разосланы анкетные листы с вопросами об истории и современном состоянии населенных пунктов. Результатом этого стала подготовка нескольких десятков очерков о станицах и селах области, вышедших в 1888–1889 гг. в 6 и 8 выпусках издававшегося в Тифлисе «Сборника материалов для описания местностей и племен Кавказа». Несколько подобных работ были напечатаны в Екатеринодаре в различных томах «Кубанского сборника» и на страницах «Кубанских областных ведомостей». В основном эти статьи готовились местными учителями. Большинство досоветских публикаций о станицах следует рассматривать в качестве источников, а не историографии, так как в них преимущественно были представлены статистические материалы и описания современного для авторов состояния населенных пунктов. Вместе с тем в отдельных случаях появлялись и довольно серьезные исторические исследования, среди которых особенно выделяется работа А.Д. Ламонова о станице Кавказской (Ламонов, 1914).

В советское время история конкретных населенных пунктов региона практически не становилась объектом исследования профессиональных историков. В изданной же в 1967 г. коллективной научной монографии «Кубанские станицы» почти исключительное внимание уделялось анализу влияния социалистических преобразований на культуру и уклад жизни сельского населения Краснодарского края (Кубанские станицы..., 1967).

В региональной историографии новейшего периода работы, посвященные отдельным станицам, занимают все более заметное место. К настоящему времени имеются разноуровневые публикации практически обо всех относительно значительных населенных пунктах региона. Однако авторами подавляющего большинства из этих работ являются местные краеведы-любители, слабо знакомые с азами методики исторического исследования, что не позволяет их рассматривать в качестве научных сочинений.

Вместе с тем прошлое станиц различных субрегионов Кубани все чаще становится объектом изучения и профессиональных историков. В возрожденном в 2006 г. «Кубанском сборнике» был опубликован целый ряд серьезных работ об отдельных черноморских и линейных казачьих поселениях. В научный оборот введено большое количество прежде неизвестных источников по данной проблематике.

С 2000-х гг. начинают выходить пока еще немногочисленные монографические исследования, содержащие глубокий комплексный анализ исторического развития конкретных населенных пунктов. Среди них следует отметить труды В.А. Колесникова о станицах Расшеватской, Невинномысской и Григорополиской (Колесников, 2002, 2022, 2014), Н.Ф. Бугая о Старотитаровской (Бугай, 2009), Н.А. Тернавского о Елизаветинской (Тернавский, 2005), И.А. Соловьева о Воровсколеской (Соловьев, 2010). Особо следует отметить практически единственный в своем роде новейший обобщающий труд А.П. Скорика и И.М. Фединой, в котором на огромном фактическом материале предпринята попытка провести сопоставительный анализ развития станиц, селений и хуторов Кубани конца XVIII – первой трети XX вв. (Скорик, Федина, 2022).

Настоящее исследование подготовлено в рамках актуализации внимания региональной исторической науки к прошлому казачьих поселений Кубани. На примере Прочноокопской, Новоминской и Ярославской станиц мы попытаемся установить специфические черты, присущие населению таких основных субрегионов Кубани, как Старая Линия, Черноморья (территория существовавшего до 1860 г. Черноморского казачьего войска) и Закубанье. При этом основное внимание будет уделено рассмотрению динамики этнорелигиозного и социального состава жителей указанных населенных пунктов во второй половине XIX – начале XX вв. Выделение нижней хронологической границы продиктовано, во-первых, завершением в мае 1864 г. военных действий по покорению Северо-Западного Кавказа и, во-вторых, изданием 29 апреля 1868 г. царским правительством закона, разрешившего лицам невоинского сословия селиться в казачьих землях и приобретать там недвижимое имущество.

Эти факторы вместе с отменой 19 февраля 1861 г. крепостного права обусловили приток в Кубанскую область значительного количества так называемых иногородних, которые, начиная с 1870-х гг., стали играть ведущую роль в сельском хозяйстве, торговле и промышленности региона. Особое внимание к периоду второй половины XIX – началу XX вв. также обусловлено тем, что именно в это время станицы Прочноокопская, Новоминская и Ярославская, основанные в 1794, 1821 и 1861 гг. соответственно, существовали одновременно. Верхний хронологический рубеж определяется революционными событиями 1917 г., положившими начало коренным изменениям в жизни всего российского общества.

4. Результаты

1. Социальный состав жителей. Отношение казаков к пришлому элементу.

Анализ разновременных статистических данных демонстрирует, что, начиная с пореформенного периода, численность населения Прочноокопской постоянно возрастает. В 1866 г. здесь проживало 3706 чел. (в том числе 425 чел. в хуторах); в 1873 г. – 3160; в 1882 г. – более 4,5 тыс., в 1897 г. – почти 5,7 тыс., в 1913 г. – 8620, а в 1917 г. (без соседних хуторов) – 8644 (Алфавитный список..., 1917: 64; ГАКК. Ф. 252. Оп. 2. Д. 1760. Л. 282об.-283; Кубанский календарь..., 1913: 400; Население Кубанской..., 1906: 172; Списки населенных..., 1873: 230; Фелицын, 1885: № 5947). Из приведенного ряда несколько выбиваются данные за 1873 г., демонстрирующие сокращение количества жителей, что, на наш взгляд, связано со статистической неточностью, или же тут не было учтено население располагавшихся на юрте станицы хуторов.

Таким образом, после окончательного замирения края и вплоть до начала Первой мировой войны число жителей станицы увеличилось без малого в три раза. Среди факторов этого роста следует выделить, в первую очередь, высокую рождаемость, наплыв иногородних, постепенное улучшение бытовых и санитарно-гигиенических условий, налаживание медицинской помощи и общие явления хозяйственно-экономического и социокультурного прогресса, на что определенное влияние оказывал располагавшийся всего в нескольких верстах от станицы Армавир. Жители Прочноокопской станицы могли «скоро и выгодно» сбывать в богатое торгово-промышленное село продукты своего сельскохозяйственного труда и приобретать взамен по вполне доступным ценам промышленные изделия (Областной отдел..., 1913).

Еще одним следствием близкого расположения ст. Прочноокопской по отношению к Армавиру стало заметное увеличение числа проживавших в нем лиц невоинского сословия. Если в 1882 г. иногородних в Прочноокопской было 846 человек (18,5 % всех жителей), то к концу XIX в. их число заметно увеличилось (Фелицын, 1885: № 5947). Согласно материалам первой всеобщей переписи Российской империи, в 1897 г. на долю пришлого элемента приходилась без малого четверть (24,5 %) станичников, которых всего насчитывалось 5677 человек (Население Кубанской..., 1906: 172). Начало нового столетия также было отмечено миграцией в Прочноокопскую выходцев из внутренних губерний.

Известий о притеснениях иногородних в станице Прочноокопской в доступных нам материалах не содержится, но это не означает, что в отношениях между ними и казаками царяла идиллия. Как

раз на обратное вполне может указывать сообщение анонимного корреспондента ставропольской газеты «Северный Кавказ», согласно которому пришлый «элемент, принадлежащий к крестьянскому сословию», проживал «особым поселком» на улице, сильно удаленной от центра населенного пункта ([Собор раскольников..., 1893](#)). Трудно сказать, следствием чего являлась подобная система расселения: из-за отказа коренных жителей допускать иногородних в район церковной площади или естественного желания последних жить рядом со своими земляками. Между тем автор упомянутой корреспонденции уточнял, что те иммигранты, о которых он говорил, были беспоповцами. Отсюда возникает предположение, что в Прочноокопской мог иметь место конфликт не между казаками и иногородними, а между представителями двух разных течений старообрядчества. По имеющимся у нас сведениям, до начала 1890-х гг. в рассматриваемой станице «огромное общество» составляли прихожане Белокриницкой иерархии, пользовавшиеся «широкими правами и свободой» ([Корреспонденции..., 1892](#); [Попов, 1891](#)). В отличие от беспоповцев, они имели священников и совершали религиозные обряды не в избах, а в храме, о котором епархиальный миссионер К. Попов в 1890 г. писал: «Раскольническая молебня господствует в станице, а православная церковь, точно угасающий светильник, одиноко и сиротливо ютится на высокой горе, не окруженная жителями, обездоленная средствами, убогая и ветхая, внутри и снаружи» ([Попов, 1891](#)).

После бесед с протоиереем К. Поповым прочноокопские старообрядцы, по словам священника Н.Т. Михайлова, стали активно переходить в единоверие ([Михайлов, 1910: 470](#)).

Водворение беспоповцев на окраине Прочноокопской очень напоминает ситуацию, которая, как явствует из источников, имела место и в закубанской станице Ярославской. Представители секты хлыстов здесь также селились довольно далеко от церковной площади; причем за районом их компактного проживания со временем закрепилось наименование Хлыстовка ([Областной отдел..., 1912](#)).

В пореформенный период приток иногородних не миновал и Новоминскую станицу, где, по состоянию на 1 сентября 1899 г., на них приходилась почти треть жителей, которых всего насчитывалось 9908 человек ([Корольков, 1900: 238](#)). Как и в большинстве бывших черноморских станиц, отношение казаков к пришлому элементу носило здесь ярко выраженный враждебный характер. Один из корреспондентов газеты «Северный Кавказ» в 1887 г. с сожалением отмечал, что крестьянские переселенцы живут в Новоминской так, «как будто бы они не члены одной и той же семьи, одного и того же государства» ([Корреспонденции..., 1887](#)). В подтверждение своих слов автор приводил такие характерные эпизоды из станичной действительности: «Высылают, например, иногородца-одиночку с лошадей «на саранчу»; тот предлагает взять его лошадь и просит не лишать его куска насущного хлеба. Когда просьбы его не помогли, он наотрез отказался «идти на саранчу»; и его связали по рукам, избили и, привязанного к дрогам, повели силою. Или вот еще пример: подходит несколько охмелевший помощник атамана нанимать косарей, а когда косарь вместо 90 коп., которые предлагал ему помощник атамана, запросил с него 1 р. 10 коп., он приказал его посадить в холодную, и это только за то, что косарь осмелился предложить свою цену» ([Корреспонденции..., 1887](#)). Эти свидетельства вновь подтверждают ранее неоднократно зафиксированные проявления дискриминации иногородних казаками.

На рубеже XIX и XX вв. известный кубанский публицист и историк Л.М. Мельников подготовил статью об иногородних, в которой, в частности, выделил психологические и экономические причины их антагонизма с коренными жителями. К числу первых он отнес сословную рознь, многолетнюю замкнутость казачества, а также его зависть к успехам пришельцев в различных видах их деятельности. Что же касается экономических факторов вражды, то таковыми исследователем признавались уменьшение размеров земельных паев и ужесточение условий казачьей службы ([Мельников, 1900: 98-100](#)). В случае с Новоминской, как нам представляется, определяющее значение имела вторая группа причин. Так, в статистическом очерке о данной станице, написанном в начале 1880-х гг. П.О. Кирилловым, говорилось, что местные торговцы в период уборки полей предоставляли жителям и разным арендаторам ссуды под высокие проценты с обязательным «условием продать хлеб ему, купцу». В результате станичники оказывались в долговой кабале, из которой потом почти никогда не выходили ([Кириллов, 1883: 637](#)). В свете того, что торговые обороты, позволявшие заниматься ростовщичеством, в основном имели только иногородние, владевшие гильдейскими свидетельствами (таких, по состоянию на 1882 г., было лишь четверо ([Кириллов, 1883: 637](#)), новоминские казаки связывали свои финансовые затруднения именно с ними. Вместе с тем отсутствие возможности разобраться с прямыми обидчиками приводило к вымещению злобы на гораздо менее защищенных и состоятельных крестьянах.

Не столь напряженно, хотя и не вполне однозначно, складывались взаимоотношения коренных и иногородних жителей станицы Ярославской. Выгодное экономико-географическое положение этого населенного пункта в сочетании с грамотной политикой местных атаманов во второй половине XIX – начале XX вв. обусловили его превращение в одно из наиболее крупных и развитых поселений Майкопского отдела.

По сведениям на 1897 г., в Ярославской проживало 8357 человек, из которых 5263 (или 63%) не принадлежали к войсковому сословию (для сравнения: в 1874 г. здесь насчитывалось 2355 жителей, из которых казаками не были 605 человек, или 25,7%) ([Население Кубанской..., 1906: 232](#); [Описание](#)

станци..., 1875: 205). Анализ местных метрических книг показывает, что основными поставщиками мигрантов для станицы служили Воронежская, Харьковская, Курская, Саратовская и Черниговская губернии (Коваленко, 2022: 131-132). Гораздо меньше переселенцев давала Центральная Россия, но именно с ней был связан самый богатый из жителей Ярославской, майкопский купец 2-й гильдии А.А. Кучин. Другие станичные предприниматели в большинстве своем также родились за пределами Кубанской области.

Подтверждением тому, что казаки и пришлый элемент сосуществовали в Ярославской в целом достаточно мирно, может служить высокий процент межсословных браков. Так, например, в 1913 г. в местной Сергиевской церкви обвенчалось 123 пары, из которых в 21 случае (т.е. 17,1%) был заключен союз между коренными и иногородними станичниками (АОАМР. Ф. Р-123. Оп. 1. Д. 138. Л. 1150б.-145). В основном представители казачества на подобных свадьбах были женихами (таких случаев было зафиксировано: в 1881 г. – 9, в 1882 г. – 16, в 1903 г. – 13, в 1912 г. – 19, в 1913 г. – 15) (АОАМР. Ф. Р-123. Оп. 1. Д. 97. Л. 570б.-68, 1630б.-177; АОАМР. Ф. Р-123. Оп. 1. Д. 106. Л. 820б.-1140б.; АОАМР. Ф. Р-123. Оп. 1. Д. 137. Л. 1220б.-149; АОАМР. Ф. Р-123. Оп. 1. Д. 138. Л. 1150б.-145). Важно понимать, что в реалиях Ярославской, где к началу XX в. в результате миграционного притока сформировалась заметная социально-демографическая диспропорция, женитьбы казаков на крестьянках и мещанках являлись одним из способов увеличения коренного населения. Именно поэтому некоторые наиболее дальновидные станичные руководители вполне могли не только поощрять такие брачные союзы, но и показывать в этом личный пример. В этой связи уместно вспомнить вахмистра М.А. Тисковского (возглавлял Ярославское станичное правление в 1907–1909, 1912–1915 и 1915–1918 гг.), который был женат на уроженке Тамбовской губернии и неоднократно приглашал в качестве воспитателей для своих детей иногородних (в т.ч. греков) (Дударев и др., 2022: 734).

2. Этническая и конфессиональная принадлежность жителей.

Этнический и религиозный состав населения ст. Прочноокопской определяется нами в первую очередь исходя из анализа материалов первой всеобщей переписи 1897 г. Согласно сведениям, собранным в 1882 г. Е.Д. Фелицыным, преобладающей народностью в изучаемой станице были великороссы (Фелицын, 1885: № 5947). Известно, что изначальный костяк населения Прочноокопской составили 200 казачьих семейств из донских Есауловской и Пятиизбянской станиц, отправленные на Кавказ в 1794 г. (Историческая заметка..., 1901; Телепень, 1997: 364). В конце XIX столетия почти для всех жителей этих селений родным языком являлся русский (Список населенных..., 1905: 144-145, 162-163), и, надо полагать, веком ранее, когда часть из них вынужденно сменила территорию проживания, ситуация в целом ничем не отличалась. Вместе с тем в первой половине XIX в. в Прочноокопскую активно прибывали черкесы, ногайцы, однодворцы, отставные солдаты и малороссы, которые массово зачислялись в войсковое сословие (Телепень, 1997: 364). Факты этнического смешения наблюдались по всей Старой Линии, что способствовало не только взаимному обогащению культур, но и формированию особого культурно-исторического типа казака-линейца. Эти процессы отчетливо характеризуют на конкретном материале феномен российскости (Великая, 2007: 88-101; Дударев, 2011: 510-512).

Среди кубанских станиц Прочноокопская считалась «самой старообрядческой». В 1844 г. на 2249 староверов здесь приходилось всего 256 православных жителей (Телепень, Виноградов, 1994: 27). Согласно переписи 1897 г., в Прочноокопской проживало 867 казачьих семейств, из которых 729 (т.е. 84,1 %) являлись адептами различных течений старообрядчества. Семей, исповедовавших православие в его никонианской форме, было значительно меньше (138 чел., или 24,3 %) (Население Кубанской..., 1906: 174-175). Что же касается иногородних жителей, то в случае с ними положение дел выглядело противоположным образом: абсолютное большинство принадлежало к никонианам. Старообрядческих семей в Прочноокопской, по состоянию на 1897 г., насчитывалось 753, в то время как православных – всего 399. По всей видимости, такое почти двукратное превосходство существовало во второй половине XIX – начале XX вв. постоянно и являлось одним из тех факторов, которые определяли внутреннюю жизнь населенного пункта. Не случайно священник Н.Т. Михайлов отмечал, что старообрядцам в Прочноокопской принадлежало преимущественное влияние на общественные дела, и приводил следующий факт: за 100 лет существования станицы во главе ее никогда не оказывались люди православного исповедания (Михайлов, 1910: 470).

На протяжении всего дореволюционного периода в Прочноокопской сохранялось строгое размежевание населения по религиозному признаку. Яркое свидетельство об этом оставил известный военный деятель Г.И. Филипсон, вспоминая, что во время визита сюда кавказского наместника князя М.С. Воронцова его встречали две отдельно стоявшие группы стариков, каждая из которых поднесла высокому гостю свой каравай и солонку. На вопрос князя о причинах такого обособления представитель более многочисленной партии станичников ответил: «Нам, ваше Сиятельство, нельзя быть вместе; то люди, а мы – псы. Родимся мы, нас никто не крестит, церкви у нас нет, вера наша запрещена; женимся мы без брака, околаваем без покаяния и святого причащения». Воронцову доложили, что большинство жителей Прочноокопской и всего Кубанского полка составляют раскольники. Распоряжением властей их молитвенный дом был закрыт, а богослужения по старому обряду запрещены. Князь заявил, что теперь в России веротерпимость, и немедленно приказал

открыть молельню и дозволить в ней службы. Это событие приобрело большой резонанс. По словам Г.И. Филипсона, «из Московской, Калужской, Саратовской и других губерний, с Дона и с Урала раскольники бросились в Прочный Окоп венчаться у беглого попа, который беспрепятственно отправлял богослужение, запрещенное во всей России» (*Осада Кавказа...*, 2000: 176-177).

Закрытость и предубеждения прочноокопских старообрядцев стали одним из факторов, мешавших развитию станичной инфраструктуры. Армавирский краевед Б.Л. Выродов, характеризуя взаимоотношения казаков с жителями расположенной на станичном юрте солдатской слободки Форштадт (при бывшей крепости Прочный Окоп), рассказал о следующем показательном случае. Население этого находящегося на Ставропольской возвышенности поселка очень страдало от отсутствия воды. В конце 1880-х гг. один из инженеров предложил устроить в слободке водокачку, чтобы поднять воду из Кубани, а затем пустить ее самотеком в Прочноокопскую, чему способствовал уклон рельефа. Однако у немногочисленных жителей Форштадта не было средств для реализации этого проекта. Казаки же участвовать в строительстве водопровода категорически отказались, говоря: «Не нужна нам форштадтская вода. Наша горка будет пониже форштадтской. Наши бабы ходили и будут ходить на Кубань. А вот пусть походят форштадтцы». Даже уговоры станичного атамана не могли сломить упрямства прочноокопских стариков.

Б.Л. Выродов, неоднократно бывавший в начале XX в. в станице и слободке и непосредственно общавшийся с местными жителями, вспоминал: «В Прочноокопе была очень большая старообрядческая община, характерная своей косностью и предрассудками. Старообрядцы, например, не давали напиток из своей посуды инаковерующим. Считали это грехом. И сами никогда не просили воды от тех, кто не разделял с ними одной веры. После грустной истории с водопроводом форштадтцы говорили иногда в шутку: – Побоялись, видно, прочноокопские старообрядцы, что нашу воду будут пить» (*АОАА. Ф. Р-1271. Оп.1. Д. 148. Л. 149-151*).

Если в Прочноокопской к началу XX в. доминировал русский язык, то в станице Новоминской, по данным переписи 1897 г., его считали родным только две из 1053 коренных семей, тогда как для остальных местных казаков таковым являлся малорусский (*Население Кубанской...*, 1906: 90-91). Вероятно, в данном случае счетчики имели в виду не собственно украинский язык, а широко распространенную на Кубани балачку. Среди лиц невоинского сословия, населявших Новоминскую, малороссийская речь также преобладала; ее предпочитали использовать 267 из 496 иногородних семей (т.е. 53,8 %) (*Население Кубанской...*, 1906: 90-91). Подобная ситуация обуславливалась несколькими причинами. Во-первых, запорожское казачество, из представителей которого было сформировано Черноморское войско, на всем протяжении своей истории пополнялось, главным образом, за счет уроженцев юго-западных русских земель, являвшихся в основном этническими украинцами.

Во-вторых, в первой половине XIX в. царское правительство трижды инициировало переселение на территорию восточного Приазовья крестьян из малороссийских губерний. Результатом этих мер стали не только придание нового импульса хозяйственно-экономическому освоению субрегиона и увеличение численности войскового сословия, но и усвоение черноморскими казаками украинских обычаев, песен, одежды, способов ведения хозяйства и т.д. (*Мякотин, 1895: 589*). В Новоминскую все это принесли выходцы из Канеловской, Староминской и Старощербиновской станиц, которые вместе с эмигрантами из Черниговской и Полтавской губерний, по словам П.О. Кириллова, и составили первоначальное население вновь возникшей станицы (*Кириллов, 1883: 618-619*).

В религиозном отношении Новоминская также сильно отличалась от Прочноокопской. По данным на 1897 г., здесь абсолютно преобладали приверженцы официального православия (1541 из 1549 всех семей, или примерно 99,5 %), а среди казаков имелись лишь три старообрядческих фамилии (*Население Кубанской...*, 1906: 90-91). Вероятно, они обосновались в станице незадолго до проведения первой всеобщей переписи. Наше предположение основано на сообщении П.О. Кириллова о том, что в начале 1880-х гг., за исключением 11 армяно-григориан, представители неправославных конфессий в Новоминской отсутствовали. Вместе с тем указанный автор, опирающийся, главным образом, на статистические сведения, полученные от станичного правления, был, очевидно, не вполне удовлетворен их качеством как источника, поскольку говорил о возможности скрытого проживания в рассматриваемом населенном пункте небольшого количества шалопутов. Аргументируя эту точку зрения, П.О. Кириллов ссылаясь на территориальную близость Новоминской к Уманской станице, где, по его словам, представители данной секты составляли около половины всех жителей (*Кириллов, 1883: 624*).

Между тем не вызывает сомнений, что распространению неортодоксальных направлений христианства в Кубанской области в целом и в бывшей Черномории в частности содействовали иногородние. Об этом свидетельствуют, в том числе, данные переписи 1897 г., согласно которым из 496 семейств невоинского сословия, проживавших в Новоминской, 491 семья исповедовала православие, по одной фамилии – старообрядчество и ислам, а еще три семьи заявили о принадлежности к иным христианским течениям (*Население Кубанской...*, 1906: 90-91). Под последними могли подразумеваться как армяно-григориане, так и различные сектанты.

Наконец, в ст. Ярославской, по сведениям за 1897 г., проживало 1528 семей, из которых 1487 пар (97,32%) называли родными языки восточнославянской подгруппы: 1125 – великорусский, 358 – малорусский и 4 – белорусский. При этом два последних наречия встречались преимущественно у некоренных станичников (*Население Кубанской..., 1906: 234-235*). С учетом того, что главным этническим маркером в науке принято считать самоидентификацию индивида, а не используемый им язык, нужно обратить внимание на следующее. Исходя из места проживания, сословной принадлежности и обусловленных ею прав, обязанностей и рода деятельности, войсковое население Ярославской осознавало себя, в первую очередь, в качестве кубанских казаков. Но при этом, помня о своем российском подданстве и оставаясь носителями русского языка, они не отрицали своей общности с русским народом в его дореволюционном понимании как единства великороссов, малороссов и белорусов (подобный дуализм сознания выступает характерной чертой практически всех субэтнотосов). Что же касается иногородних станичников, для которых военная служба являлась жизненным этапом, а не смыслом всей жизни, то среди казаков за ними закрепилось обозначение «мужики». Тем самым подчеркивалось, что пришлый элемент, в отличие от войскового населения, в основной своей массе принадлежал к непривилегированным сословиям и в противоположность ему, как правило, сосредотачивал свои усилия на хлебопашестве.

Языковая ситуация в Ярославской являлась прямым следствием заселения станицы в основном бывшими линейными казаками. Помимо восточнославянских наречий, перепись 1897 г. показала наличие в Ярославской станице по шесть коренных и иногородних фамилий, говоривших на «других европейских языках» (*Население Кубанской..., 1906: 234-235*). Какое именно содержание переписчики вкладывали в данное понятие, нам неизвестно. Вместе с тем доступные материалы свидетельствуют о том, что в рассматриваемом пункте проживали два семейства майкопских мещан Юстов, главы которых, Александр и Рихард Карловичи, вероятно, являлись этническими немцами. Старший из братьев в 1895 г. открыл в станице паровой маслобойный завод и по мере возможностей занимался благотворительностью (*Адресный список..., 1907: 230; Корреспонденции..., 1896*). Не исключено, что под «другими европейскими языками» понимался также идиш, который при переписи, возможно, указал в качестве родного крещеный еврей В.К. Стояновский, владевший аптеками в Ярославской и Лабинской станицах (*АОАА. Ф. 48. Оп. 1. Д. 2. Л. 89об.-90*).

Неоднозначно обстоят дела и с теми лицами невойскового сословия, которые считали своими родными неевропейские языки. Отметим, что всего таких семейств в Ярославской, согласно переписи 1897 г., насчитывалось 28 (*Население Кубанской..., 1906: 234-235*). Эта цифра примерно совпадает с количеством греческих фамилий, которые были обнаружены нами в метрических книгах Сергиевской церкви рассматриваемой станицы за 1903 и 1912 гг.: Атамилис, Григориадис, Конкалидис, Иронимос, Йортанопуло, Левитис, Панайотов, Пиперопуло, Полигранициди, Таксидов, Телопулос, Тилькириду, Христофоридис, Ченакилис и др. Логично предположить, что носителями неевропейских языков, упоминаемыми в материалах переписи, могли быть именно они. В пользу этого также косвенно свидетельствует то, что большинство греков, проживавших в Ярославской, являлись выходцами из Малой Азии (*Дударев и др., 2022: 735*). Возможно, что за несколько столетий османского владычества они утратили родную речь и стали использовать в быту турецкий язык.

Что касается конфессионального состава жителей Ярославской, то, исходя из материалов первой всеобщей переписи, в конце XIX в. он отличался от прочноокопского и новоминского предельной однородностью. Из населявших Ярославскую 1528 семей 1523 пары (т.е. примерно 99,7 %) являлись прихожанами Русской православной церкви, тогда как оставшиеся пять (все они были иногородними) исповедовали другие направления христианства (*Население Кубанской..., 1906: 234-235*). В данном случае речь могла идти не только о хлыстах, которых, по состоянию на 1907 г., в рассматриваемом пункте насчитывалось 46 человек (*Ведомость о состоянии..., 1908*), но и о лютеранах. Известно, что адептом этой конфессии был местный предприниматель Р.К. Юст (*Коваленко, 2021: 52*).

5. Заключение

Завершая настоящий обзор, мы можем сделать следующие выводы. Во второй половине XIX – начале XX вв. развитие таких частей Кубанской области, как Старая Линия, Черноморья и Закубанье, несмотря на подчиненность общим тенденциям, имело свои характерные особенности. Они определялись обстоятельствами первоначального освоения указанных территорий, их природно- и экономико-географическими условиями, а также деятельностью региональных и местных властей. Под влиянием перечисленных факторов в станицах, основанных в различных частях Кубани, к 1917 г. сформировался специфический этнорелигиозный и социальный состав жителей, который представляет интересный и важный феномен «русскоязычного населения», способствовавшего укреплению центральной власти на местах, в данном случае на Кубани, где оно исторически изначально не было представлено совсем, что долгое время создавало проблемы в вовлечении Северо-Западного Кавказа в состав России. Как верно указывают специалисты-историки, «восточнославянская оседлость являлась интегрирующим фактором» (*Матвеев, 2019: 310-311*). В то же время само появление здесь (и на Кавказе в целом) старообрядческого населения и других

неортодоксальных течений указывало на то, что правительство желало удалить эти деноминации из центра России как для соблюдения идеологического единообразия, так и устранения на периферию «пассионариев»-старообрядцев. К моменту начала революционных потрясений в данном регионе получили развитие конкретные отрасли хозяйства, чему способствовал, в частности, старообрядческий элемент с его специфической экономической этикой, сложилось антагонистическое или, напротив, в целом терпимое отношение казаков к иногородним. Все это, в свою очередь, способствовало формированию у разных групп станичных жителей отличных друг от друга морально-нравственных и политических идеалов, обусловивших те или иные траектории их коллективного поведения в период революции и Гражданской войны.

6. Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке Кубанского научного фонда в рамках научно-инновационного проекта № НИП-20.1/22.7.

Литература

Адресный список..., 1907 – Адресный список фабрично-ремесленных, горнозаводских и других промышленных предприятий, по сведениям на 1903 год, дополненный по материалам за 1904–1905 гг. (по губерниям и производствам) / Адресная книга фабрично-заводской и ремесленной промышленности всей России. СПб.: Типография К.А. Четверикова, 1907. Паг. 6. С. 1-699.

Азаренкова и др., 1985 – Азаренкова А.С., Бондарь И.Ю., Вертышева Н.С. Основные административно-территориальные преобразования на Кубани (1793–1985 гг.). Краснодар: Книжное издательство, 1985. 394 с.

Алфавитный список..., 1917 – Алфавитный список дач и населенных пунктов Кубанской области по данным переписи 1917 года. Екатеринодар: Б.и., 1917. 111 с.

АОАА – Архивный отдел администрации г. Армавира.

АОАМР – Архивный отдел администрации муниципального образования Мостовский район.

Бугай, 2009 – Бугай Н.Ф. Старо-Титаровская: курень, куренное поселение, станица (1792 – начало XXI в.). Тула: Гриф и К, 2009. 1021 с.

Ведомость о состоянии..., 1908 – Ведомость о состоянии сектантства и раскола в Ставропольской епархии за 1907 год // Ставропольские епархиальные ведомости. 1908. 28 июня.

Великая, 2007 – Великая Н.Н. Российскость как парадигма изучения российско-кавказского единства // *Актуальные и дискуссионные проблемы истории Северного Кавказа. Южнороссийское обозрение.* № 45, 2007. Посвящается 100-летию со дня рождения академика АН СССР А.Л. Нарочницкого / Отв. ред. В.В. Черноус. Ростов-на-Дону: Изд-во СКНЦ ВШ ЮФУ, 2007. С. 88-101.

ГАКК – Государственный архив Краснодарского края.

Дударев, 2011 – Дударев С.Л. «Российскость» и «совместничество» как доминанты отечественной истории / Сборник научных работ Сергея Леонидовича Дударева: статьи, материалы, рецензии. К 60-летию со дня рождения. М.: Илекса, 2011. С. 510-512.

Историческая заметка..., 1901 – Историческая заметка о расколе в ст. Прочноокопской, Кубанской области // Ставропольские епархиальные ведомости. 1901. 16 ноября.

Как и где поселились..., 1892 – Как и где поселились черноморцы сто лет тому назад (окончание) // Северный Кавказ. 1892. 22 октября.

Кириллов, 1883 – Кириллов П.О. Новоминская станица. Статистическое описание // Кубанский сборник. Т. 1. Екатеринодар: Типография Кубанского областного правления, 1883. С. 618-642.

Коваленко, 2021 – Коваленко Н.С. Судьбы владельцев торгово-промышленных заведений предгорной полосы Кубанской области в контексте экскурсионной деятельности / *Экскурсия в учебно-методической, научной и культурно-просветительской деятельности: материалы региональной научно-практической конференции.* Армавир: РИО АГПУ, 2021. С. 45-54.

Коваленко, 2022 – Коваленко Н.С. Здание Ярославского иногороднего училища как источник по истории Закубанья / *Лунинские чтения. Выпуск 1: Материалы Всероссийской научно-практической конференции по археологии, локальной истории и музееведению Юга России.* Армавир: АртПринт, 2022. С. 129-138.

Колесников, 2011 – Колесников В.А. Былое Невинного мыса: к 185-летию переселения Хоперского казачьего полка на Кубань и Куму и основания станицы Невинномысской. Ставрополь: ЮРКИТ, 2011. 673 с.

Колесников, 2011 – Колесников В.А. Город Григория. Очерки истории станицы Григориопольской (1784–1917). Ставрополь: Надыршин А.Г., 2014. 373 с. [72] л. ил.

Колесников, Федосов, 2001 – Колесников В.А., Федосов П.С. Два века станицы Расшеватской (1801–2001): К 200-летию со дня основания. Ставрополь: ЮРКИТ, 2001. 367 с.

Корольков, 1900 – Корольков Г.К. Военно-статистическое обозрение Кубанской области. Тифлис: Типография Штаба Кавказского военного округа. 1900. 353 с.

Корреспонденции..., 1887 – Корреспонденции. Ст. Новоминская, Кубанской области // *Северный Кавказ.* Ставрополь, 1887. 19 июля.

- Корреспонденции..., 1892** – Корреспонденции. Ст. Прочноокопская, Кубанской области // *Северный Кавказ*. Ставрополь, 1892. 14 мая.
- Корреспонденции..., 1896** – Корреспонденции. Ст. Ярославская // *Кубанские областные ведомости*. Екатеринодар, 1896. 11 мая.
- Кубанские станицы..., 1967** – Кубанские станицы: Этнические и культурно-бытовые процессы на Кубани. М.: Наука, 1967. 356 с.
- Кубанский календарь..., 1913** – Кубанский календарь на 1913 год. Екатеринодар: Типография Кубанского областного правления, 1913. 752 с.
- Ламонов, 1914** – *Ламонов А.* Исторический очерк о заселении станицы Кавказской Кубанского казачьего войска // *Кубанский сборник*. Т. 19. Екатеринодар: Типография Кубанского областного правления, 1914. С. 447-622.
- Матвеев, 2019** – *Матвеев В.А.* Русская оседлость на Кавказе: особенности формирования во второй половине XVIII – начала XX вв. Ростов-наДону: Изд-во ЮФУ, 2019. 340 с.
- Мельников, 1900** – *Мельников Л.М.* Иногородние в Кубанской области // *Кубанский сборник*. Т. 6. Екатеринодар: Типография И.Ф. Бойко, 1900. С. 71-140.
- Михайлов, 1910** – *Михайлов Н.Т.* Ставропольская губерния и Кубанская область. Справочник по Ставропольской епархии. Екатеринодар: Типография Кубанского областного правления, 1910. 500 с.
- Мякотин, 1895** – *Мякотин В.А.* Казачество / Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. XVА. СПб.: Типолитография И.А. Ефрона, 1895. С. 581-592.
- Население Кубанской..., 1906** – Население Кубанской области по данным вторых экземпляров листов переписи 1897 г. Екатеринодар: Типография Кубанского областного правления, 1906. 589 с.
- Областной отдел..., 1913** – Областной отдел. Ст. Прочноокопская // *Отклики Кавказа*. 1913. 9 июня.
- Областной отдел..., 1912** – Областной отдел. Ст. Ярославская // *Отклики Кавказа*. 1912. 12 апреля.
- Описание станиц..., 1875** – Описание станиц Майкопского уезда // *Памятная книжка Кубанской области на 1875 год*. Екатеринодар: Типография Кубанского областного правления, 1875. Паг. 2. С. 99-207.
- Осада Кавказа..., 2000** – *Осада Кавказа: Воспоминания участников Кавказской войны XIX в.* СПб.: Изд-во журн. «Звезда», 2000. 683 с.
- Попов, 1891** – *Попов К.* Дневник ставропольского противораскольнического епархиального миссионера (описание) // *Ставропольские епархиальные ведомости*. 1891. 16 февраля.
- Скорик, Федина, 2022** – *Скорик А.П., Федина И.М.* Кубанские курени и станицы. Повседневный исторический уклад кубанских казаков и исторические формы поселений на Кубани в конце XVIII – первой трети XX веков: монография. Новочеркасск: Лик, 2022. 1336 с.
- Собор раскольников..., 1893** – *Собор раскольников-беспоповцев в станице Прочноокопской, Кубанской области // Северный Кавказ*. 1893. 8 апреля.
- Соловьев, 2010** – *Соловьев И.А.* Станица Воровсколеская: от форпоста до сельской глубинки. Ставрополь: Графа, 2010. 608 с.
- Списки населенных..., 1873** – Списки населенных мест Кубанской области // *Памятная книжка Кубанской области на 1874 год*. Екатеринодар: Типография Кубанского областного правления, 1873. Паг. 2. С. 214-232.
- Список населенных..., 1905** – Список населенных мест Области войска Донского по первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 года: В 2 ч. Ч. 1. Новочеркасск: Областная типография, 1905. 607 с.
- Телепень, Виноградов, 1994** – *Телепень С.В., Виноградов В.Б.* Заметки о казаках-линейцах (в помощь любителям истории). Армавир: АИПП комитета по делам издательств и полиграфии администрации Краснодарского края, 1994. 32 с.
- Телепень, 1997** – *Телепень С.В.* Прочноокопская / Энциклопедический словарь по истории Кубани с древнейших времен до октября 1917 года. Краснодар: Эдви, 1997. С. 364-365.
- Тернавский, 2005** – *Тернавский Н.А.* Елизаветинская: история кубанской станицы. Краснодар: Краснодар. ун-т культуры и искусств, 2005. 174 с.
- Фелицын, 1885** – *Фелицын Е.Д.* Списки населенных мест Кубанской области по сведениям 1882 года / *Сборник сведений о Кавказе*. Т. 8. Тифлис: Типография Канцелярии Главноначальствующего гражданской частью на Кавказе, 1885.
- Щербина, 1908** – *Щербина Ф.А.* Исторический очерк Кубанского казачьего войска // *Фелицын Е.Д., Щербина Ф.А.* Кубанское казачье войско (1696–1888). Воронеж: Типография В.И. Исаева, 1908. С. 1-240.
- Dudarev et al., 2022** – *Dudarev S.L., Kovalenko N.S., Ktitorov S.N., Pelikh A.L.* Contacts of the Russian-Speaking Population of the Foothills of the Kuban with the Greek colonists in the second half of the 19th – early 20th centuries (according to Registers of Births) // *Bylye Gody*. 2022. 17(2): 729-738.

References

- Adresnyi spisok..., 1907** – Adresnyi spisok fabrichno-remeslennykh, gornozavodskikh i drugikh promyshlennykh predpriyatii, po svedeniyam na 1903 god, dopolnennyyi po materialam za 1904–1905 gg. (po guberniyam i proizvodstvam) [Address list of factory-craft, mining and other industrial enterprises, according to information for 1903, supplemented by materials for 1904–1905 (by provinces and industries)]. Adresnaya kniga fabrichno-zavodskoi i remeslennoi promyshlennosti vsei Rossii. SPb.: Tipografiya K.A. Chetverikova, 1907. Pag. 6: -699. [in Russian]
- Azarenkova i dr., 1985** – Azarenkova, A.S., Bondar', I.Yu., Vertysheva, N.S. (1985). Osnovnye administrativno-territorial'nye preobrazovaniya na Kubani (1793–1985 gg.). [The main administrative-territorial transformations in the Kuban (1793–1985)]. Krasnodar: Knizhnoe izdatel'stvo, 394 p. [in Russian]
- Alfavitnyi spisok..., 1917** – Alfavitnyi spisok dach i naseleennykh punktov Kubanskoi oblasti po dannym perepisi 1917 goda [Alphabetical list of dachas and settlements of the Kuban region according to the 1917 census]. Ekaterinodar: B.i., 1917. 111 p. [in Russian]
- AOAA** – Arkhivnyi otdel administratsii g. Armavira [Archive Department of the administration of Armavir].
- AOAMR** – Arkhivnyi otdel administratsii munitsipal'nogo obrazovaniya Mostovskii raion [Archive Department of the administration of the Mostovsky district municipality].
- Bugai, 2009** – Bugai, N.F. (2009). Staro-Titarovskaya: kuren', kurennoe poselenie, stanitsa (1792 – nachalo XXI v.) [Staro-Titarovskaya: kuren, kurenny settlement, stanitsa (1792 – the beginning of the XXI century)]. Tula: Grif i K, 1021 p. [In Russian]
- GAKK** – Gosudarstvennyi arkhiv Krasnodarskogo kraja [The State Archive of the Krasnodar Territory].
- Dudarev et al., 2022** – Dudarev, S.L., Kovalenko, N.S., Ktitorov, S.N., Pelikh, A.L. (2022). Contacts of the Russian-Speaking Population of the Foothills of the Kuban with the Greek colonists in the second half of the 19th – early 20th centuries (according to Registers of Births). *Bylye Gody*. 17(2): 729-738.
- Dudarev, 2011** – Dudarev, S.L. (2011). «Rossiiskost'» i «sovmestnichestvo» kak dominanty otechestvennoi istorii [“Russianness” and “co-operation” as dominants of National History]. Sbornik nauchnykh rabot Sergeya Leonidovicha Dudareva: stat'i, materialy, retsenzii. K 60-letiyu so dnya rozhdeniya. M.: Ileksa, 2011: 510-512. [in Russian]
- Felitsyn, 1885** – Felitsyn, E.D. (1885). Spiski naseleennykh mest Kubanskoi oblasti po svedeniyam 1882 goda [Lists of settlements of the Kuban region according to the data of 1882]. *Sbornik svedenii o Kavkaze*. T. 8. Tiflis: Tipografiya Kantselyarii Glavnachal'stvuyushchego grazhdanskoi chast'yu na Kavkaze, 1885. [in Russian]
- Istoricheskaya zametka..., 1901** – Istoricheskaya zametka o raskole v st. Prochnookopskoi, Kubanskoi oblasti [Historical note on the split in Prochnookopskaya, Kuban region]. Stavropol'skie eparkhial'nye vedomosti. 1901. 16 noyabrya. [In Russian]
- Kak i gde poselilis'..., 1892** – Kak i gde poselilis' chernomortsy sto let tomu nazad (okonchanie) [How and where the Chernomorians settled a hundred years ago (ending)]. *Severnyi Kavkaz*. 1892. 22 oktyabrya. [in Russian]
- Kirillov, 1883** – Kirillov, P.O. (1883). Novominskaya stanitsa. Statisticheskoe opisanie [Novominskaya stanitsa. Statistical description]. *Kubanskii sbornik*. T. 1. Ekaterinodar: Tipografiya Kubanskogo oblastnogo pravleniya, 1883: 618-642. [in Russian]
- Kovalenko, 2021** – Kovalenko, N.S. (2021). Sud'by vladel'tsev trgovno-promyshlennykh zavedenii predgornoi polosy Kubanskoi oblasti v kontekste ekskursionnoi deyatel'nosti [The fate of the owners of commercial and industrial establishments of the foothill strip of the Kuban region in the context of excursion activities]. Ekskursiya v uchebno-metodicheskoi, nauchnoi i kul'turno-prosvetitel'skoi deyatel'nosti: materialy regional'noi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Armavir: RIO AGPU. Pp. 45-54. [in Russian]
- Kovalenko, 2022** – Kovalenko, N.S. (2022). Zdanie Yaroslavskogo inogorodnego uchilishcha kak istochnik po istorii Zakuban'ya [The building of the Yaroslavl nonresident School as a source on the history of Zakuban]. Luninskie chteniya. Vyp. 1: Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii po arkheologii, lokal'noi istorii i muzevedeniyu Yuga Rossii. Armavir: ArtPrint, 2022. Pp. 129-138. [in Russian]
- Koe-chto o Labinskoi..., 1911** – Koe-chto o Labinskoi (srochnaya pochta) [Something about Labinskaya (urgent mail)]. *Otkliki Kavkaza*. 1911. 17 iyulya. [in Russian]
- Kolesnikov, 2011** – Kolesnikov, V.A. (2011). Byloe Nevinnogo mysa: k 185-letiyu pereseleniya Khoperskogo kazach'ego polka na Kuban' i Kumu i osnovaniya stanitsy Nevinnomysskoi [The past of the Innocent Cape: to the 185th anniversary of the resettlement of the Khopersky Cossack Regiment to the Kuban and Kuma and the founding of the village of Nevinnomysskaya]. Stavropol': YuRKIT, 673 p. [in Russian]
- Kolesnikov, 2011** – Kolesnikov, V.A. (2011). Gorod Grigoriya. Ocherki istorii stanitsy Grigoripolisskoi (1784–1917) [The City of Gregory. Essays on the history of the village of Grigoropolis (1784–1917)]. Stavropol': Nadyrshin A. G. 373 p. [in Russian]

- Kolesnikov, Fedosov, 2001** – *Kolesnikov, V.A., Fedosov, P.S.* (2001). Dva veka stanitsy Rasshevatskoi (1801–2001): K 200-letiyu so dnya osnovaniya [Two centuries of the village of Raszhevatskaya (1801–2001): To the 200th anniversary of its foundation]. Stavropol': YuRKIT, 367 p. [in Russian]
- Korol'kov, 1900** – *Korol'kov, G.K.* (1900). Voennno-statisticheskoe obozrenie Kubanskoj oblasti [Military Statistical review of the Kuban region]. Tiflis: Tipografiya Shtaba Kavkazskogo voennogo okruga, 353 p. [in Russian]
- Korrespondentsii..., 1887** – Korrespondentsii. St. Novominskaya, Kubanskoj oblasti [Correspondence. Novominskaya St., Kuban region]. *Severnyi Kavkaz*. Stavropol', 1887. 19 iyulya. [in Russian]
- Korrespondentsii..., 1892** – Korrespondentsii. St. Prochnookopskaya, Kubanskoj oblasti [Correspondence. St. Prochnookopskaya, Kuban region]. *Severnyi Kavkaz*. Stavropol', 1892. 14 maya. [in Russian]
- Korrespondentsii..., 1896** – Korrespondentsii. St. Yaroslavskaya [Correspondence. Yaroslavskaya St.]. *Kubanskije oblastnyje vedomosti*. Ekaterinodar, 1896. 11 maya. [in Russian]
- Kubanskije stanitsy..., 1967** – Kubanskije stanitsy: Etnicheskie i kul'turno-bytovye protsessy na Kubani [Kuban villages: Ethnic and cultural processes in the Kuban]. M.: Nauka, 1967. 356 p. [in Russian]
- Kubanskii kalendar'..., 1913** – Kubanskii kalendar' na 1913 god [Kuban calendar for 1913]. Ekaterinodar: Tipografiya Kubanskogo oblastnogo pravleniya, 1913. 752 p. [in Russian]
- Lamonov, 1914** – *Lamonov, A.* (1914). Istoricheskii ocherk o zaselenii stanitsy Kavkazskoi Kubanskogo kazach'ego voiska [Historical essay on the settlement of the Caucasian village of the Kuban Cossack army]. *Kubanskii sbornik*. T. 19. Ekaterinodar: Tipografiya Kubanskogo oblastnogo pravleniya. Pp. 447-622. [in Russian]
- Matveev, 2019** – *Matveev, V.A.* (2019). Russkaya osedlost' na Kavkaze: osobennosti formirovaniya vo vtoroi polovine XVIII – nachala XX vv. [Russian settlement in the Caucasus: features of formation in the second half of the XVIII – early XX centuries.]. Rostov-na-Donu: Izd-vo YuFU, 340 p. [in Russian]
- Mel'nikov, 1900** – *Mel'nikov, L.M.* (1900). Inogorodnie v Kubanskoj oblasti [Nonresidents in the Kuban region]. *Kubanskii sbornik*. T. 6. Ekaterinodar: Tipografiya I.F. Boiko. Pp. 71-140. [in Russian]
- Mikhailov, 1910** – *Mikhailov, N.T.* (1910). Stavropol'skaya guberniya i Kubanskaya oblast'. Spravochnik po Stavropol'skoi eparkhii [Stavropol province and Kuban region. Handbook of the Stavropol Diocese]. Ekaterinodar: Tipografiya Kubanskogo oblastnogo pravleniya, 500 p. [in Russian]
- Myakotin, 1895** – *Myakotin, V.A.* (1895). Kazachestvo [Cossacks]. Entsiklopedicheskii slovar' Brokgauza i Efrona. T. XVI. Spb.: Tipolitografiya I.A. Efrona. Pp. 581-592. [in Russian]
- Naselenie Kubanskoj..., 1906** – Naselenie Kubanskoj oblasti po dannym vtorykh ekzempliarov listov perepisi 1897 g. [The population of the Kuban region according to the second copies of the 1897 census sheets]. Ekaterinodar: Tipografiya Kubanskogo oblastnogo pravleniya, 1906. 589 p. [in Russian]
- Oblastnoi otdel..., 1913** – Oblastnoi otdel. St. Prochnookopskaya [Regional department. St. Prochnookopskaya]. *Otkliki Kavkaza*. 1913. 9 iyunya. [in Russian]
- Oblastnoi otdel..., 1912** – Oblastnoi otdel. St. Yaroslavskaya [Regional department. Yaroslavl St.]. *Otkliki Kavkaza*. 1912. 12 aprelya. [in Russian]
- Opisanie stanits..., 1875** – Opisanie stanits Maikopskogo uezda [Description of the villages of the Maikop district]. Pamyatnaya knizhka Kubanskoj oblasti na 1875 god. Ekaterinodar: Tipografiya Kubanskogo oblastnogo pravleniya, 1875. Pag. 2: 99-207. [in Russian]
- Osada Kavkaza..., 2000** – *Osada Kavkaza: Vospominaniya uchastnikov Kavkazskoi voiny XIX v.* [The Siege of the Caucasus: Memoirs of the participants of the Caucasian War of the XIX century.]. Spb.: Izd-vo zhurn. «Zvezda», 2000. 683 p. [in Russian]
- Popov, 1891** – *Popov, K.* (1891). Dnevnik stavropol'skogo protivoraskol'nicheskogo eparkhial'nogo missionera (okonchanie) [Diary of the Stavropol Anti-schismatic Diocesan missionary (ending)]. *Stavropol'skie eparkhial'nye vedomosti*. 16 fevralya. [in Russian]
- Shcherbina, 1908** – *Shcherbina, F.A.* (1908). Istoricheskii ocherk Kubanskogo kazach'ego voiska [Historical sketch of the Kuban Cossack army]. Felitsyn E.D., Shcherbina F.A. Kubanskoe kazach'e voisko (1696–1888). Voronezh: Tipografiya V.I. Isaeva. Pp. 1-240. [in Russian]
- Skorik, Fedina, 2022** – *Skorik, A.P., Fedina, I.M.* (2022). Kubanskije kureni i stanitsy. Povsednevnyi istoricheskii uklad kubanskikh kazakov i istoricheskie formy poselenii na Kubani v kontse XVIII – pervoi treti XX vekov [Kuban kurens and villages. The everyday historical way of the Kuban Cossacks and the historical forms of settlements in the Kuban at the end of the XVIII – first third of the XX centuries]. Novocheerkassk: Lik, 1336 p. [in Russian]
- Sobor raskol'nikov..., 1893** – Sobor raskol'nikov-bespopovtsev v stanitse Prochnookopskoj, Kubanskoj oblasti [Cathedral of Raskolnikov-bespopovtsev in the village of Prochnookopskaya, Kuban region]. *Severnyi Kavkaz*. 1893. 8 aprelya. [in Russian]
- Solov'ev, 2010** – *Solov'ev, I.A.* Stanitsa Vorovskoleskaya: ot forposta do sel'skoi glubinki [The village of Vorovskoleskaya: from the outpost to the rural hinterland]. Stavropol': Grafa, 2010. 608 p. [in Russian]
- Spiski naselennykh..., 1873** – Spiski naselennykh mest Kubanskoj oblasti [Lists of populated places in the Kuban region]. Pamyatnaya knizhka Kubanskoj oblasti na 1874 god. Ekaterinodar: Tipografiya Kubanskogo oblastnogo pravleniya, 1873. Pag. 2. Pp. 214-232. [in Russian]

[Spisok naselennykh..., 1905](#) – Spisok naselennykh mest Oblasti voiska Donskogo po pervoi vseobshchei perepisi naseleniya Rossiiskoi imperii 1897 goda [List of settlements of the Donskoy Army Region according to the first general population census of the Russian Empire in 1897]: V 2 ch. Ch. 1. Novocherkassk: Oblastnaya voiska Donskogo tipografiya, 1905. 607 p. [in Russian]

[Telepen', Vinogradov, 1994](#) – *Telepen', S.V., Vinogradov, V.B.* (1994). Zаметки o kazakakh-lineitsakh (v pomoshch' lyubitelyam istorii) [Notes about the Cossacks-linemen (to help history lovers)]. Armavir: AIPP komiteta po delam izdatel'stv i poligrafii administratsii Krasnodarskogo kraja, 32 p. [in Russian]

[Telepen', 1997](#) – *Telepen', S.V.* (1997). Prochnookopskaya [Prochnookopskaya]. Entsiklopedicheskii slovar' po istorii Kubani s drevneishikh vremen do oktyabrya 1917 goda. Krasnodar: Edvi. Pp. 364-365. [in Russian]

[Ternavskii, 2005](#) – *Ternavskii, N.A.* (2005). Elizavetinskaya: istoriya kubanskoj stanitsy [Elizavetinskaya: the history of the Kuban stanitsa]. Krasnodar: Krasnodar. un-t kul'tury i iskusstv, 174 p. [in Russian]

[Vedomost' o sostoyanii..., 1908](#) – Vedomost' o sostoyanii sektantstva i raskola v Stavropol'skoi eparkhii za 1907 god [Statement on the state of sectarianism and schism in the Stavropol Diocese for 1907]. *Stavropol'skie eparkhial'nye vedomosti*. 1908. 28 iyunya. [in Russian]

[Velikaya, 2007](#) – *Velikaya, N.N.* (2007). Rossiiskost' kak paradigma izucheniya rossiisko-kavkazskogo edinstva [Russianness as a Paradigm for Studying Russian-Caucasian Unity]. Aktual'nye i diskussionnye problemy istorii Severnogo Kavkaza. *Yuzhnorossiiskoe obozrenie*. № 45, 2007. Posvyashchaetsya 100-letiyu so dnya rozhdeniya akademika AN SSSR A.L. Narochnitskogo. Otv. red. V.V.Chernous. Rostov-na-Donu: Izd-vo SKNTs VSh YuFU. Pp. 88-101. [in Russian]

Специфика населения станиц субрегионов Кубани: Черномория, Старая Линия и Закубанье

Сергей Леонидович Дударев ^a, Николай Сергеевич Коваленко ^b, Сергей Николаевич Ктиторов ^b, Алексей Леонидович Пелих ^{b, *}

^a Русское географическое общество, Российская Федерация

^b Армавирский государственный педагогический университет, Российская Федерация

Аннотация. Целью данной статьи является сравнительный анализ населения станиц основных субрегионов Кубани: Черномории, Старой Линии и Закубанья. Важнейшими материалами при подготовке работы послужили разнообразные источники, в том числе документы из фондов Государственного архива Краснодарского края, Архивного отдела администрации г. Армавира и Архивного отдела администрации муниципального образования Мостовский район, большинство из которых в научный оборот вводится впервые. Из опубликованных источников наиболее значимыми для нас являются материалы переписей 1897 и 1917 гг., описания станиц, а также заметки и корреспонденции в региональных периодических изданиях. Анализируется социальный состав жителей, отношение казаков к пришлому элементу. Дается характеристика этнической и конфессиональной принадлежности жителей. Делается вывод, что во второй половине XIX – начале XX вв. развитие таких частей Кубанской области, как Старая Линия, Черномория и Закубанье, несмотря на подчиненность общим тенденциям, имело свои характерные особенности. Они определялись обстоятельствами первоначального освоения указанных территорий, их природно- и экономико-географическими условиями, а также деятельностью региональных и местных властей. Под влиянием перечисленных факторов в станицах, основанных в различных частях Кубани, к 1917 г. сформировался специфический этнорелигиозный и социальный состав жителей, который представляет интересный и важный феномен «русскоязычного населения», способствовавшего укреплению центральной власти на местах. Появление в кубанских станицах старообрядческого населения и других неортодоксальных течений указывало на то, что правительство желало удалить эти деноминации из центра России как для соблюдения идеологического единообразия, так и устранения на периферию «пассионариев».

Ключевые слова: Черномория, Старая Линия, Закубанье, казаки, иногородние, старообрядцы, православные.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: pelich1976@mail.ru (А.Л. Пелих)

Copyright © 2023 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2023. 18(2): 589-600
 DOI: 10.13187/bg.2023.2.589

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Institutional Features and Structural Organization of the Kyiv Theological Academy (1819–1924)

Andrii E. Lebid ^{a, b, *}

^a Sumy State University, Sumy, Ukraine

^b Cherkas Global University, Washington, DC, USA

Abstract

The article analyses some institutional aspects of the Kyiv Theological Academy as one of the most important institutions of spiritual education, research activities, as well as cultural and educational centre of Ukraine and the Russian Empire as a whole. It has been shown that the Kyiv theological academy had been a kind of “personnel smithy” for the needs of both spiritual and secular educational institutions, bodies of state power and local authorities.

It is noted that in the process of reforming the system of education in the Russian Empire was formed a vertical of spiritual educational institutions in which theological academies have the status of specialized higher theological institutions, headed by the corresponding spiritual-educational districts. There were four such districts in the Russian Empire: Kiev, Kazan, Moscow and St. Petersburg.

There was a determining influence on institutional activity and features of organizational structure of Kyiv Theological Academy of charters of orthodox theological academies. Charters of 1814, 1869, 1884, 1910 determined staffing of the academy, number of students, order of holding vacant posts, order of conferring of degrees and ranks etc.

Authorities of Kyiv Theological Academy collegiate bodies were determined – Conference of the Academy, internal and external (district) Board of the Academy which exercised direct administration of Kyiv Theological Academy. The higher management system of Kyiv Theological Academy (rector, inspector) in their interrelation with other subjects of management in the system of higher education of the Russian empire was described.

Keywords: education, higher education, higher spiritual education, educational policy, education reform, educational governance.

1. Введение

Киевская духовная академия – это высшее духовное учебное заведение на территории Украины, основанное в 1819 году на базе Киево-Могилянской академии, закрытой по решению святейшего Синода в 1817 году. Основанием для такого решения стало реформирование системы духовного образования в Российской империи, начатое в 1807 году. В конце 1817 года на базе классов Киево-Могилянской академии были образованы уездное духовное училище, приходское духовное училище, а также духовная семинария, профессорско-преподавательский состав которых в основном составляли выпускники Санкт-Петербургской духовной академии.

В сентябре 1819 года на территории Киевского Братского Богоявленского монастыря была открыта Киевская духовная академия, которая функционировала в соответствии с едиными общеимперскими уставами, принятыми для всех духовных академий. Подчинялась Академия непосредственно митрополиту Киевскому и Галицкому. Возглавлял же данное учебное учреждение

* Corresponding author

E-mail addresses: a.lebid@socio.sumdu.edu.ua (A.E. Lebid)

ректор, который назначался Комиссией духовных училищ при Святейшем синоде и одновременно исполнявший функции настоятеля монастыря.

В период с 1819 по 1869 гг. студентами Киевской духовной академии были исключительно успешные выпускники семинарий, выходцы из православного духовного сословия. С 1869 г. сословные ограничения при поступлении в Академию были отменены. Изначально студентами Киевской духовной академии в основном были этнические украинцы. А впоследствии студенческая когорта Академии пополняется уроженцами Болгарии, Сербии, Молдавии, Грузии, Румынии и других государств.

Обучение в Киевской духовной академии длилось сначала 2 класса, впоследствии – 4 на двух отделениях: философском, где изучали, собственно, философские дисциплины, историю, математику, словесность – это так называемое «низшее отделение». На «высшем отделении» – богословском – изучали богословские дисциплины, географию, церковную археологию, каноническое право и др. Помимо всего прочего, повсеместно изучались и языки: древнееврейский, латинский, греческий, французский, немецкий.

В апреле 1919 года по распоряжению большевистского Народного комиссариата просвещения Киевская духовная академия была ликвидирована. Однако по ходатайству академической элиты власти позволили продолжить работу академии, но уже как православной богословской академии. В таком статусе заведение просуществовало до 1924 года, после чего было окончательно закрыто. Часть профессоров, преподавателей и выпускников бывшей Киевской духовной академии была репрессирована, часть эмигрировала, а часть канонизирована как исповедники и новомученики.

2. Материалы и методы

При подготовке статьи были проанализированы различные источники и документы, которые условно можно разделить на несколько типов. К первому – относятся источники и документы, раскрывающие особенности институциональной деятельности и организационной структуры Киевской духовной академии. Среди прочих, к этому типу можно отнести документы внутреннего документооборота: акты и документы, относящиеся к истории Киевской духовной академии ([Акты и документы..., 1910–1915](#); [КМА у документах, 2003](#)); извлечения из протоколов и журналов Совета Киевской духовной академии ([Извлечение..., 1885–1916](#)); протоколы заседаний Совета Киевской духовной академии ([Протоколы, 1870–1884](#)); различного рода отчеты и правила по Академии ([Отчеты..., 1870–1916](#); [Правила..., 1886](#)).

Другой тип источников и документов составляет правительственная документация, регламентирующая функционирование и деятельность духовных учебных заведений, в том числе решения и постановления Комиссии духовных училищ, Святейшего синода и проч. Особое место в этом перечне документов принадлежит уставам православных духовных академий ([Проект устава..., 1823](#); [Устав православных..., 1873](#); [Устав православных..., 1887](#); [КМА у документах, 2003](#)). Анализ этих и других документов позволил обозначить роль и значение Киевской духовной академии в системе корпоративной культуры высших учебных заведений, а также в бюрократической системе Российской империи.

Важным источником для анализа и решения поставленной научной проблемы являются библиографические и другие издания справочного и энциклопедического характера ([Биографический словарь..., 2014–2019](#); [Біографічний..., 2016](#); [КДА в іменах, 2015](#); [Юбилей КДА, 1869](#)), содержащие сведения о профессорах и преподавателях, а также выпускниках Киевской духовной академии, некоторые из которых впоследствии оставили воспоминания о своей деятельности в этом учебном заведении, ставшие неопределимым источником по истории высшего духовного образования в Украине в частности и Российской империи в целом ([Воспоминания..., 1895](#); [Певницкий, 1911–1912](#); [Петров, 2003](#); [Руткевич, 1915](#); [Сборник..., 1869](#)). Эти, а также другие источники и документы позволили исследовать институциональные особенности и организационную структуру Киевской духовной академии с точки зрения ее правовых, социальных, сословных, организационных и других особенностей.

Методологическую основу исследования составляют принципы объективности, историзма, анализа для верификации исторических источников. Они реализованы через применение как общенаучных, так и специальных исторических методов исследования. При подготовке рукописи были использованы методы: историко-аналитический – для нахождения и осмысления необходимой в рамках поставленных задач информации, метод классификации и типологизации – для обработки и характеристики источниковой базы.

Также для достижения поставленных в исследовании задач были применены общенаучные методы исторического и логического анализа – для формирования алгоритма решения поставленных задач на принципах непротиворечия, детерминации и достаточности эвристических оснований. Использование проблемно-хронологического метода позволило сопоставить существующие в научном обиходе модели развития высшего образования в Украине в составе Российской империи с характерологическими особенностями реализации духовными академиями своих социальных функций. Структурно-системный метод был использован для систематизации и дифференциации анализируемой информации исходя из логики исторических процессов и событий.

3. Обсуждение

Историю Киевской духовной академии трудно отнести к проблемам и тематическим направлениям, лишенным внимания исследователей – историков, культурологов, философов, языковедов и др. Многие научные работы в этом направлении занимают особое место, представляя собой полиструктурные исследования, содержащие фундаментальные наработки, описания и воспоминания о жизненном и творческом пути ученых и подвижников Киевской духовной академии (Воспоминания..., 1895; Певницкий, 1911–1912; Рябинский, 1997; Руткевич, 1915); рассмотрение проблемы юбилеев Академии, комментарии трудов ее профессоров и многое другое (Мальшевский, 1869; Петров, 2003; Сборник..., 1869; Юбилей КДА, 1869).

Обзор системы образования в Украине периода Российской империи произведен в ряде научных публикаций, в которых исследуются отдельные ключевые региональные характеристики. Отмечается, что в этот период в регионе действовала сеть начальных, средних и высших учебных заведений, в которых учились представители всех социальных категорий. Их деятельность регулировалась правительством, с постепенным усилением государственного регулирования деятельности учебных заведений. Имперское правительство окончательно устанавливало единую систему образования для всех регионов Российской империи. А сами учебные заведения в Украине были преобразованы таким образом, что стали частью общеимперской системы образования (Degtyarev et al., 2019; Lebid, 2022; Lebid, Degtyarev, 2023; Lebid, Shevchenko, 2021 и др.).

Характеризуя научные издания по данному вопросу, отметим ряд научных работ, в частности исследования Ф.И. Титова (Титов, 1915) и Н.И. Петрова (Петров, 1895; Петров, 1919), которые можно классифицировать как «источники личностного происхождения». Так, в работах известного украинского археографа, этнографа, историка литературы, профессора богословия Н.И. Петрова, который в 1865 г. окончил Киевскую духовную академию, содержатся уникальные материалы о жизни и быте духовного сословия, представителях академической корпорации Киевской духовной академии. Вместе с тем работы Н.И. Петрова представляют неоспоримую научную ценность с точки зрения изучения истории развития науки в стенах Киевской духовной академии (Петров, 1895; Петров, 1919; Петров, 2003).

Несомненный интерес с точки зрения систематизации массива информации по истории Киевской духовной академии представляют собой издания библиографического характера. Так, например, энциклопедия «Киевская духовная академия в именах» содержит эксклюзивный очерк истории данного учебного заведения, 648 биографических статей и 8 приложений с аннотированными перечнями канонизированных деятелей, митрополитов Киевских – патронов Киевской духовной академии, ректоров и преподавателей, списками выпускников и т.д. Представленное издание обобщает опыт научной реконструкции и анализа деятельности Киевской духовной академии сквозь призму изучения жизни и творчества ее выдающихся деятелей (КДА в іменах, 2015).

Еще одним интересным с позиции системной истории Академии является биографический словарь воспитанников Киевской духовной академии, идея создания которого восходит к 300-летию юбилею Киевской духовной академии. Подготовкой издания занимался воспитанник Киевской духовной академии, настоятель Андреевской церкви в г. Киеве, историк, профессор, известный церковный деятель Ф.И. Титов. Основу издания сложили материалы личных дел, автобиографии, послужные списки, воспоминания, библиографии, анкеты, некрологи и другие материалы фондов Центрального государственного исторического архива Украины, Института рукописи Национальной библиотеки Украины имени В.И. Вернадского и др. (Биографический словарь..., 2014–2019; КМА у документах, 2003).

Биографический подход к изучению истории и наследия Киевской духовной академии позволяет представить результаты новейших исследований жизни и творчества деятелей Киевской духовной академии (Біографічний..., 2016). В поле внимания исследователей находятся проблемы, связанные с необходимостью концептуализации и реализации биографического подхода к изучению институциональной истории Киевской духовной академии, ее роли в развитии образования, науки и культуры Украины. Важное место в данной исследовательской нише принадлежит изучению малоизвестных страниц биографий выдающихся выпускников и преподавателей Киевской духовной академии. Эти и другие исторические материалы представляют собой ценнейший источник для создания просопографического портрета обывателя Киева и Киевской духовной академии (Біографічний..., 2016).

Отдельно следует упомянуть о научных изысканиях по истории Киевской духовной академии дореволюционных ученых. В частности, научные труды иеромонаха Макария Булгакова посвящены исследованию истории академии от основания до начала XIX в. (Булгаков, 1843). Историк церкви, славист, профессор Киевской духовной академии И.И. Мальшевский является автором ряда научных работ по церковной истории, церковной жизни в Российской империи, проблемам образования, перу которого принадлежит и исследование по истории Киевской духовной академии за период с 1819 по 1869 г. (Мальшевский, 1869).

Попытка воссоздания особенностей организации учебного процесса в Киевской духовной академии в конце XIX – начале XX вв. была предпринята М. Кругляк (Кругляк, 2008). Автор приходит к выводу о том, что, несмотря на догматизм и доминирование богословских дисциплин в учебных программах, Киевская духовная академия готовила высококвалифицированных специалистов с широким мировоззрением и системными знаниями в области светских дисциплин (Кругляк, 2008).

Киевская духовная академия была не только и не столько духовным заведением по подготовке соответствующих специалистов, но и ведущим научным и образовательным центром Украины и Российской империи. Академия располагала богатейшими фондами для научных изысканий, о чем свидетельствуют результаты исследований ряда ученых. В этом контексте была изучена история библиотеки Киевской духовной академии за весь период ее существования, формирование книжного фонда и его классификации, установлен персональный состав библиотекарей, их жизнеописание и вклад в развитие библиотеки. Представлены также биобиблиографические материалы к биографиям выдающихся библиотекарей Киевской духовной академии (Дениско, 2006).

О развитии научного потенциала Киевской духовной академии свидетельствует обширная научная периодика и публицистика. Так, на страницах научно-богословских журналов, издававшихся в Киевской духовной академии, публиковались не только результаты и апробации научных исследований профессоров академии, но и переводы церковных писателей, библейские и экзегетические тексты, исследования в области церковной истории, богословия, библеистики, метафизики и др. (Бурега, 2013).

Непрерывность образовательных традиций в Украине (Киево-Братская школа, Киево-Могилянская академия, Киевская духовная академия) освещается в научных работах Н. Шип (Шип, 1996; Шип, 1999; Шип, 2004; Шип, 2010). Ученой на основе анализа первоисточников и научной литературы были охарактеризованы реформаторская политика имперской России в области высшего духовного образования, уставы духовных академий, которые принимались в соответствии с общественно-политической конъюнктурой того времени. Рассмотрены вопросы кадрового обеспечения Киевской духовной академии, состав студентов и основные учебно-воспитательные принципы. На большом фактическом материале раскрыты учебная, научная, издательская и просветительская деятельность Киевской духовной академии, участие преподавателей в общественной и культурной жизни Киева, развитие научно-образовательных связей с православными странами и другие актуальные вопросы по истории Киевской духовной академии, в частности и высшего духовного образования в целом (Шип, 1996; Шип, 1999; Шип, 2004; Шип, 2010).

Отдельно следует отметить важный для данного исследования комплекс нормативов и документов, устанавливавший и определивший особенности институционального развития и функционирования Киевской духовной академии: протоколы и журналы Совета Киевской духовной академии, отчеты, рапорты, правила для студентов и слушателей, проекты уставов и собственно сами уставы духовных академий, штаты духовных академий и др. документы (Акты и документы..., 1910–1915; Извлечение..., 1885–1916; Отчеты..., 1870–1916; Правила..., 1886; Проект устава..., 1823; Протоколы..., 1870–1884; Устав..., 1869; Устав..., 1884).

4. Результаты

В развитии отечественного образования, науки и культуры особое место принадлежит Киевской Академии, 400-летний юбилей которой был отмечен не так давно. История этого первого и долгое время единственного не только в Украине, но и на восточноевропейских просторах православного высшего учебного заведения восходит к 1615 г. – времени основания братской школы, позже объединенной митрополитом Петром Могилой с основанным им в 1631 г. Лаврским латиноязычным училищем в знаменитый Киево-Могилянский коллегиум.

Сочетая в себе функции учебного заведения, научной институции и культурно-художественного центра и воспитав немало выдающихся интеллектуалов, церковных и светских деятелей, уже со второй половины XVIII в. «старая Киево-Могилянская Академия», подчиненная в своей деятельности высшей церковной синодальной власти, постепенно инкорпорировалась в образовательную систему Российской империи. Давая жизнь новым учебным заведениям и выступая их «кадровым донором», теряя в условиях внедрения и унификации общеимперской системы образования свою уникальность, прежние права и привилегии.

Начало XIX в. отмечено в Российской империи реформами в области образования, в том числе и духовного. В основу реформы духовного образования, начатой в 1807 г., был положен принцип иерархичности духовных школ: низшие (приходские типовые училища), средние (семинарии) и высшие (академии). Православные епархии в Российской империи были поделены на четыре духовно-учебных округа: Санкт-Петербургский, Московский, Киевский и Казанский.

Каждый из округов должна была возглавлять духовная академия, которой подчинялись семинарии и училища, расположенные на территории округа. Духовным академиям предоставлялся статус специализированных высших богословских заведений. Соответствующим образом формировались их цели, учебные программы, кадровый состав, материальное обеспечение и т.д.

Основание Киевской духовной академии явилось частью реформационной политики императора Александра I, нацеленной на изменения в системе духовного образования, в том числе посредством утверждения Устава духовных академий. Так, в 1809 г. таковой был утвержден в Санкт-Петербургской духовной академии, в 1814 г. – в Московской. В Киевской духовной академии планировалось аналогичный документ утвердить в 1816 г., но реализовать задуманное удалось лишь три года спустя – в 1819 г. (Аскоченский, 1863; Титов, 1915).

Реформа предполагала изменения в структуре Киево-Могилянской академии и выделение в ее системе 3 автономных заведений: духовного училища, семинарии и академии. Комиссия духовных училищ, проводившая аудит возможности создания в Киеве духовной академии, обратилась к местному митрополиту с запросом предоставить информацию о наличии в городе зданий, в которых предполагалось разместить учебные заведения.

Более того, Комиссия запросила и преподавательские конспекты, после рассмотрения которых резюмировала о неготовности преподавателей Киево-Могилянской академии работать в рамках новой программы. Это привело к решению направить в Киев выпускников Санкт-Петербургской духовной академии. Аналогичная ситуация сложилась и со студентами Киевского округа, численность которых также была недостаточной для обучения по новой программе. Эти и другие факторы вынудили Комиссию принять решение отсрочить открытие Киевской духовной академии (Акты и документы..., 1913: 666). Имущество закрытой Киево-Могилянской академии было передано духовной семинарии; руководство Киевским духовно-учебным округом перешло к Санкт-Петербургской духовной академии.

Подготовка к открытию Киевской духовной академии заняла около двух лет. Летом 1819 г. состоялся первый набор в Киевскую духовную академию (было зачислено 53 студента). Само же ее открытие «по новому уставу» состоялось в конце сентября 1819 г. и происходило в торжественной обстановке: была совершена литургия, улицами Киева прошествовал крестный ход, в котором приняли участие не только духовные лица, но и местная власть при участии генерал-губернатора.

В 1820 г. для Киевской духовной академии был утвержден штат, состоявший из ректора, инспектора, 18 профессоров и бакалавров, а также вспомогательного персонала (эконома, врача, библиотекаря и его помощников, канцелярских служащих). Численность студентов была установлена на уровне 120 слушателей (по 60 соискателей по классу философии и богословия). В первый год после открытия Академии студенты были зачислены только на философское отделение. Отметим тот факт, что в течение полстолетия (до 1869 г.) набор учащихся в Киевскую духовную академию происходил один раз в два года.

Изначально большинство профессоров и бакалавров Киевской духовной академии одновременно вели несколько учебных курсов, совмещая преподавание с административными функциями и пастырским служением. Относительно остро в этот период стоял и кадровый вопрос: часто по решению Комиссии духовных училищ либо по собственному желанию профессорско-преподавательский состав Академии менял место службы, что в целом определяло институциональную деятельность академии в этот период ее существования (Мальшевский, 1869: 83).

В 1869 г. императором Александром II был утвержден новый устав духовных академий. Он устанавливал и новый штат академий: ректор, инспектор, 18 ординарных и экстраординарных профессоров, 11 доцентов и лекторов, плюс вспомогательный персонал. Помимо прочего, новый устав устанавливал время обучения в академии в течение 4 лет (до этого было 2 года), в связи с чем с этого периода прием студентов в Киевскую духовную академию осуществлялся ежегодно.

Новым уставом инициировались и внутренние структурные трансформации академий: были введены новые специализации и предметы, что актуализировало необходимость закрытия и новых вакансий преподавателей, особенно по славянским языкам и метафизике. Также в Академии было открыто три отделения: богословское, церковно-историческое и церковно-практическое. А уже с 70-х годов XIX в. в Киевской духовной академии на регулярной основе происходили публичные защиты докторских и магистерских диссертаций.

В 1884 г. императором Александром III для духовных академий был утвержден новый устав, который ограничил либеральные тенденции в системе образования прежних лет. В частности, в Киевской духовной академии были ужесточены дисциплинарные требования в отношении студентов. Святейшим синодом была принята серия указов, носивших запретительный и ограничительный характер касательно некоторых аспектов академической жизни, например было введено обязательное участие студентов Академии в богослужебном пении (Петров, 2003: 188) и др.

В начале 1906 г. был выработан проект нового устава, в рамках которого предполагалось проведение радикальной реформы духовных академий, переименовав их в «православные богословские академии», ликвидировав принцип сословности в академиях и др.

Проект устава провозглашал принцип выборности ректора сроком на 5 лет. Предполагалось возможным также временное исполнение ректорских полномочий лицами, не имевшими сана священника. Помимо прочего, были расширены права Совета духовных академий, внедрены и другие новшества. Несмотря на активное сопротивление «заинтересованной» консервативной части корпорации, проект устава с незначительными поправками был принят и отправлен в Синод.

Таким образом, специализированное высшее православное учебное заведение – Киевская духовная академия – имело целью подготовку кадров «для просвещенного служения Церкви на пастырском, духовно-учебном и других поприщах деятельности» (*Устав православных..., 1887: 232*). В своей деятельности Киевская духовная академия руководствовалась едиными для всех духовных академий Российской империи (Московской, Санкт-Петербургской и Казанской) уставами 1814, 1869, 1884, 1910 гг., которые нормировали и регламентировали все составляющие академической жизни заведения.

Подчиненная Святейшему синоду и его руководящим в сфере духовного образования структурам – Комиссии духовных училищ, Духовно-учебному управлению и Учебному комитету – Киевская духовная академия находилась под непосредственным патронатом епархиального архиерея, митрополита Киевского и Галицкого.

Мера архиерейской власти в Киевской духовной академии определялась уставными требованиями и колебалась (в соответствии с характером уставов) между «попечительным наблюдением» и «начальственным попечением», однако в целом без одобрения, утверждения, покровительства митрополита не решалось ни одно из важных дел академической повседневности.

Непосредственное администрирование Киевской духовной академии осуществлялось коллегиальными органами во главе с ректором: в 1819–1869 гг. такими органами были Конференция Киевской духовной академии, внутреннее Правление и внешнее (окружное) Правление, а с 1869 г. – академический Совет и академическое Правление (*Устав православных..., 1873*).

Так, членами Конференции Киевской духовной академии, призванной, согласно уставу 1814 г., «распространять и поощрять ученость в духовенстве вверенного ей округа» и, соответственно, заниматься научной и учебно-научной деятельностью Киевской духовной академии были митрополит Киевский и Галицкий, ректор и профессора (преимущественно ординарные) академии, ректор Киевской духовной семинарии, авторитетные представители городского духовенства.

С середины 1830-х гг. Конференция Киевской духовной академии реализовывала свое право на избрание почетных членов и членов-корреспондентов. Члены Конференции участвовали в экзаменационных испытаниях студентов академии, возглавляли предметные экзаменационные комиссии, присутствовали на публичных годовых экзаменах, ознакомились с семестровыми и выпускными произведениями, осуществляли предварительное распределение воспитанников на вакантные преподавательские должности в учебных заведениях Киевского духовно-учебного округа, рецензировали поданные на соискание научных степеней труды профессоров и выпускников и т.д.

Важными аспектами деятельности Конференции Киевской духовной академии были учебно-методическое обеспечение преподавания отдельных дисциплин в семинариях, составление соответствующих учебников, пособий, хрестоматий, осуществление переводов богословской литературы и др. Инициатором и непосредственным заказчиком научной продукции, подготовкой которой занималась Конференция, были Святейший синод и его учебные структуры.

При Конференции Киевской духовной академии действовал, соответственно уставу 1814 г., Цензурный комитет, который занимался непосредственным рассмотрением рукописей работ, подготовленных в учебных заведениях Киевского духовно-учебного округа (*Акты и документы..., 1913, 4: 79*).

В состав внутреннего Правления Киевской духовной академии, подчиненного митрополиту Киевскому и Галицкому, входили ректор, инспектор (избирался академической Конференцией из состава авторитетных профессоров или сторонних духовных особ и утверждался в должности Комиссией духовных училищ) и эконом (его кандидатура из числа профессоров или представителей местного духовенства выдвигалась ректором и утверждалась митрополитом). Делопроизводством внутреннего Правления занималась канцелярия в составе секретаря и двух писарей.

Наряду с ректором, членами внешнего (окружного) Правления были инспектор, два человека из состава членов Конференции, избранные и утвержденные Комиссией духовных училищ, эконом (если имел степень магистра или доктора, или принадлежал к профессорской корпорации; в противном случае Конференция делегировала во внешнее Правление еще одного своего представителя). Обязанностью внешнего Правления был надзор за соблюдением уставных требований в семинариях и училищах, подведомственных Киевскому духовно-учебному округу, их кадровым обеспечением, состоянием материально-технической базы и библиотек, проведением экзаменов и т.д. Внешнее Правление (в т.ч. в Киевской духовной академии) было закрыто в 1867 г. в связи с принятием нового Устава духовных семинарий, который отменял их административную зависимость от духовных академий.

Главной из административных должностей в духовных академиях была должность ректора. По уставу 1814 г. ректора назначала Комиссия духовных училищ, избирая его из трех кандидатур (одну из них подавал епархиальный архиерей, две – академическая Конференция) (*Акты и документы..., 1913*). В 1814–1884 гг. обязательными требованиями к кандидату на ректорскую должность было наличие у него степени доктора богословия (хотя на практике, в том числе и в Киевской духовной академии, эта норма выдерживалась далеко не всегда) и духовного сана – монашеского (архимандрит, игумен) или священнического (протоиерей).

Устав 1884 г. не связывал с должностью ректора никаких научных степеней, однако сохранял требование относительно духовного сана (*Устав православных..., 1887*). По уставу 1910 г. от претендента на ректорство требовалась степень не ниже магистра богословия; в то же время в Киевской и Московской духовных академиях вводилось категорическое требование: «ректоры назначаются только из лиц монашествующих» (хотя другой практики в истории Киевской духовной академии, собственно, и не было, ведь ректор Киевской духовной академии одновременно выполнял функции настоятеля Киево-Братского Богоявленского монастыря. Во внесенных в августе 1911 г. поправках к Уставу уточнялось, что ректоры духовных академий должны иметь сан епископа.

Вторым после ректора руководящим должностным лицом в Киевской духовной академии был инспектор, на которого устав 1814 г. возлагал обязанность морально-воспитательной работы со студентами и надзор за соблюдением ими дисциплинарных правил. До 1869 г. кандидатура инспектора избиралась академической Конференцией из состава авторитетных профессоров или посторонних духовных лиц (как правило, со степенью не ниже магистерского) и утверждалась в должности Комиссией духовных училищ при Святейшем синоде. С 1869 г. инспектор избирался Советом Киевской духовной академии сроком на 4 года и утверждался Святейшим синодом по представлению митрополита Киевского и Галицкого (*Устав православных..., 1873*).

С 1884 г. кандидатура инспектора назначалась митрополитом обычно из числа ординарных профессоров Киевской духовной академии (причем предпочтение отдавалось лицам духовного сана) и утверждалась Святейшим синодом. С 1911 г. кандидат на инспекторскую должность в Киевской духовной академии должен был обязательно иметь сан архимандрита.

В том же 1884 г. количество помощников инспектора увеличилось до двух, причем согласно требованиям от 1911 г. один из них должен был находиться в священническом сане. Устав 1814 г. предусматривал наличие в штатах духовных академий, не исключение и Киевская духовная академия, трех категорий преподавательских должностей и ученых званий: бакалавров, экстраординарных профессоров и ординарных профессоров. В 1869 г. вместо должности бакалавра была установлена должность доцента; кроме того, в штатное расписание были введены должности лекторов языков, введен институт приват-доцентства.

Должности, звания бакалавров (впоследствии – доцентов), предусматривали наличие у преподавателя степени магистра. Наличие магистерской степени требовало и дальнейшее продвижение по ступеням академической карьеры и получение должности, звания экстраординарного профессора. С 1869 г. на должность, звание ординарного профессора могли претендовать только лица с докторской степенью (*Устав православных..., 1873*). В этом вопросе иногда исключение делали для преподавателей небогословских предметов, которых разрешалось зачислять ординарными профессорами в статусе исполняющих обязанности. Такая ситуация имела место до 1910 г., после чего эта «снисходительность» была отменена.

Экстраординарные и ординарные профессора, прослужившие 25 лет, получали звание заслуженных. В 1869–1884 гг. такие профессора имели право баллотироваться на свои должности еще на два 5-летних срока, а следовательно, работать, в случае избрания, дополнительных 10 лет. В 1884–1910 гг. ограничений по общему сроку преподавательской службы в духовных академиях вообще не было. Зато устав 1910 г. устанавливал предельный срок преподавательской деятельности в 30 лет (*КДА в іменах, 2015: 14*).

На протяжении всей истории духовных академий Российской империи общим требованием относительно их преподавателей была принадлежность к православной конфессии. Исключение делали только для лекторов новых языков. Формально замещение преподавательских должностей осуществлялось через выборы, которым предшествовало объявление конкурса или выдвижение кандидатов «избирателями» путем предоставления соответствующих рекомендаций, до 1869 г. преподавателей выбирали члены внутреннего Правления, впоследствии – академического Совета.

Однако определенное уставами требование об утверждении на должностях высшей (епархиальной или синодальной) церковной властью иногда сводило результаты таких конкурсов на нет. Бывали случаи, когда вместо коллегиально избранного претендента на должность назначался тот, кто проиграл выборы. По Уставу 1910 г. Святейший синод имел возможность назначать преподавателей по своему усмотрению, если не считал предложенную Советом кандидатуру достойной или Совет не осуществлял выборов в течение полугода.

Численность профессорско-преподавательского состава Киевской духовной академии, как и других дореволюционных духовных академий, ограничивалась уставными требованиями и никогда не была значительной. Более того, дефицит квалифицированных кадров в первое десятилетие существования этого заведения приводил к тому, что не все имеющиеся в штатном расписании преподавательские должности были замещены.

Эта ситуация постепенно исправлялась за счет собственных выпускников, наиболее подготовленных из которых оставляли на бакалаврских должностях, хотя обеспечить все вакансии должным образом впервые удалось лишь в 1830 г. (практика замещения преподавательских должностей воспитанниками Академии сохранялась и в последующие годы). В 1869–1884 гг. в Киевской духовной академии, согласно штатному расписанию, одновременно служили уже

18 профессоров (9 ординарных и 9 экстраординарных), 8 доцентов и 3 лектора (кроме того, запрашивались и приват-доценты).

По уставу и штатам 1884 г. общее количество преподавательских должностей не менялось, хотя численность ординарных профессоров уменьшалась до 8, а доцентов увеличивалась до 9. Устав 1910 г. предусматривал для Киевской духовной академии замещение 3 должностей, количество которых в 1911 было скорректировано до 30. Фактически же в предреволюционные годы в профессорско-преподавательскую корпорацию Академии входили, кроме указанных 30 штатных преподавателей (из которых 4 ординарных и 10 экстраординарных профессоров, 8 доцентов, 6 и.о. доцентов, 2 лектора языков), 1 штатный экстраординарный профессор и 8 сверхштатных заслуженных профессоров (*Устав православных..., 1887*). В 1913 г. все четыре духовных академии Российской империи по случаю празднования 300-летия Дома Романовых получили звание «Императорские».

5. Заключение

Таким образом, Киевская духовная академия, возникшая на базе закрытой в 1817 г. Киево-Могилянской академии, действовала на основании общеимперских уставов духовных академий (1814, 1869, 1884, 1910 гг.), а с 1918 – Временного устава, утвержденного главой тогочасного украинского государства – гетманом П. Скоропадским.

До 1839 г. надзор за деятельностью академий осуществлялся Комиссией духовных училищ, а впоследствии – Святейшим синодом. В своей институциональной деятельности Киевская духовная академия была ориентирована на подготовку церковных иерархов, контроль и аудит духовных семинарий и обеспечение их кадрами за счет, собственно, выпускников академии.

Активно преподавателями Киевской духовной академии проводилась религиозно-просветительская работа и миссионерство среди населения: с этой целью издавалась как учебная, так и научная литература с целью популяризации науки и культуры, а также для потребностей академии в организации учебного процесса.

В Киевской духовной академии было достаточно широкое представительство иностранных студентов из различных православных государств: в академии обучались как украинцы, так и русские, сербы, греки и др. В четырех классах (курсах) академии обучалось около двух сотен человек, преимущественно детей духовенства – выпускников духовной семинарии. По указу Святейшего синода лица, имевшие университетское образование, зачислялись в Академию без экзаменов.

Правилами 1886 г. устанавливалось, что в Киевской духовной академии могли получить образование православные любого сословия, имевшие диплом духовной семинарии или классической гимназии. По факту завершения обучения и в зависимости от успехов в обучении и успеваемости выпускникам присуждалась научная степень и звание: действительного студента, кандидата, магистра. Впоследствии и магистры, и кандидаты за «основательную научную работу» могли получить степень доктора богословия. Выпускники Киевской духовной академии занимали высокие должности в церковной иерархии и на гражданской службе, работали преподавателями как в духовных, так и светских учебных заведениях.

Славилась академия также научной и исследовательской деятельностью. Профессора и преподаватели Киевской духовной академии занимались активной научно-исследовательской деятельностью в различных направлениях и сферах: богословия, церковной и общей истории, церковной археологии, философии и метафизики. Издавались научные альманахи и журналы: «Труды Киевской духовной академии», «Чтения в Церковно-историческом и археологическом обществе» и др. Плодотворно функционировали и различного рода научные сообщества: Церковно-археологическое товарищество, Церковно-археологический музей, Религиозно-просветительское товарищество, Религиозно-философское товарищество. Помимо прочего, Киевская духовная академия имела богатейшие библиотечные фонды.

6. Благодарности

Статья подготовлена в рамках научного проекта (направления) «Гуманитарные науки и искусство» на 2021–2025 гг.: История Северо-Восточной Украины, выполняемого в Сумском государственном университете (№БФ/23-2021).

Литература

Акты и документы..., 1910–1915 – Акты и документы, относящиеся к истории Киевской Академии. В 5 т. Киев. 1910–1915.

Аскоченский, 1863 – Аскоченский В. История Киевской духовной академии. СПб., 1863.

Биографический словарь..., 2014–2019 – Биографический словарь выпускников Киевской духовной академии. 1819–1920-е гг. В 3 тт. Киев, 2014–2019.

Біографічний..., 2016 – Біографічний підхід у вивченні історії та спадщини Київської духовної академії: збірник наукових праць. Київ: Видавничий дім «Кієво-Могилянська академія», 2016. 232 с.

Булгаков, 1843 – Булгаков М. История Киевской академии. СПб., 1843. 226 с.

- Бурега, 2013** – Бурега В. Часопис «Труди Київської духовної академії»: історія і сучасність // *Філософська думка*. 2013. 352-361.
- Воспоминания..., 1895** – Воспоминания о преосвященном Иннокентии (Борисове), как ректоре Киевской Духовной Академии // *Труды Киевской Духовной Академии*. 1895. 4: 627-648.
- Дениско, 2006** – Дениско Л.М. Бібліотека Київської духовної академії (1819-1919). Київ: НБУВ. 2006. 224 с.
- Извлечение..., 1885–1916** – Извлечение из протоколов (журналов) Совета Киевской Духовной Академии. Киев. 1885–1916.
- КДА в іменах, 2015** – Київська духовна академія (1819-1924) в іменах: енциклопедія: в 2 т. Київ: Видавничий дім «Києво-Могилянська академія», 2015.
- КМА у документах, 2003** – Києво-Могилянська академія в документах і рідкісних виданнях з фондів Національної бібліотеки України імені В.І. Вернадського. Частина II (Документи з історії Києво-Могилянської академії за матеріалами фондів Інституту рукопису (1615-1917)). Київ: НБУВ. 2003. 480 с.
- Кругляк, 2008** – Кругляк М. Особливості організації навчального процесу у вищій духовній школі Російської імперії наприкінці ХІХ – на початку ХХ ст. (на прикладі Київської Духовної Академії). *Волинські історичні записки*. 2008. 1: 231-238
- Мальшевский, 1869** – Мальшевский И.И. Историческая записка о состоянии академии в минувшее 50-летие // *Труды Киевской Духовной Академии*. 1869. 11/12: 64-138.
- Отчеты..., 1870–1916** – Отчеты о состоянии Киевской Духовной Академии. Киев. 1870–1916.
- Певницкий, 1911-1912** – Певницкий В.Ф. Мои воспоминания // *Труды Киевской Духовной Академии*. 1911. 5: 95-120; 6: 273-302; 10: 338-348; 1912. 6: 305-326.
- Петров, 1895** – Петров Н. Киевская Академия во второй половине XVII века. Киев, 1895.
- Петров, 1919** – Петров М. Київська Академія // *Записки історико-філологічного відділу УАН*. 1919. Кн. 1
- Петров, 2003** – Петров М. Скрижалі пам'яті. Київ: Прайм, 2003. 270 с.
- Правила..., 1886** – Правила Киевской духовной академии. Киев: Типография Г.Т. Корчак-Новицкого, 1886.
- Проект устава..., 1823** – Проект устава духовных Академий. СПб., 1823.
- Протоколы..., 1870–1884** – Протоколы заседаний Совета Киевской Духовной Академии. Киев, 1870–1884.
- Рибинський, 1997** – Рибинський В. До історії Київської духовної академії. Курс 1887–1891 рр. Спогади // *Хроніка-2000*. 1997. 17/18: 154-180.
- Руткевич, 1915** – Руткевич П. (1915). Мои воспоминания о Киевской Духовной Академии за время с 1879 до 1883 гг. // *Киевские епархиальные ведомости*. 1915. 12/13: 285-296.
- Сборник..., 1869** – Сборник из лекций бывших профессоров Киевской духовной академии. Киев, 1869.
- Серебренников, 1897** – Серебренников В. Киевская академия с половины XVIII века до преобразования в 1819 году. Киев, 1897.
- Титов, 1915** – Титов Ф. Императорская Киевская духовная Академия в ее трехвековой жизни и деятельности (1615–1915). Киев: Типография Киево-Печерской Успенской Лавры, 1915. 432 с.
- Устав православных..., 1873** – Устав православных духовных академий (1869). Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. 44. Отделение 1. СПб., 1873. № 47154.
- Устав православных..., 1887** – Устав православных духовных академий (1884). Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. 4. СПб., 1887. №2160.
- Шип, 1996** – Шип Н.А. З історії Київської духовної академії // *Український історичний журнал*. 1996. 3
- Шип, 1999** – Шип Н.А. Київська духовна академія – центр вищої духовної освіти Наддніпрянської України (ХІХ – початок ХХ ст.) // *Український історичний журнал*. 1999. 2.
- Шип, 2004** – Шип Н.А. Кадрове забезпечення Київської духовної академії (1869–1919) // *Київська старовина*. 2004. 5
- Шип, 2010** – Шип Н.А. Київська духовна академія в культурно-освітньому просторі України (1819-1919). Київ: Фенікс, 2010. 436 с.
- Юбилей КДА, 1869** – Пятидесятилетний юбилей Киевской духовной академии. 28 сентября 1869 года. Киев, 1869.
- Degtyarev et al., 2019** – Degtyarev S.I., Plotnikova M.V., Polyakova L.G., Gut J. The Development of the Public Education System in Northeastern Ukraine in the Period Spanning the 18th and the first half of the 19th centuries // *European Journal of Contemporary Education*. 2019. 8(4): 931-942
- Lebid, 2022** – Lebid A. The Institution of the Rectorship in the Higher Education System of the Russian Empire in the 19th and Early 20th centuries: The Case of Imperial Kharkov University // *European Journal of Contemporary Education*. 2022. 11(4): 1309-1319.

[Lebid, Degtyarev, 2023](#) – *Lebid A., Degtyarev S.* The Institution of the Rectorship within the Higher Education System of the 19th and Early 20th Century Russian Empire: The Case of Imperial Novorossiia University // *European Journal of Contemporary Education*. 2023. 12(1): 267-278

[Lebid, Shevchenko, 2021](#) – *Lebid A., Shevchenko N.* The Organization of the Educational Process in Kharkov Imperial University (1835-1863) // *European Journal of Contemporary Education*. 2021. 10(2): 546-554.

References

[Akty i dokumenty..., 1910–1915](#) – Akty i dokumenty, otnosyaschiesya k istorii Kievskoy Akademii [Acts and documents relating to the history of the Kiev Academy]. V 5 t. Kiev. 1910–1915. [in Russian]

[Askochenskiy, 1863](#) – *Askochenskiy, V.* (1863). Istoriya Kievskoy duhovnoy akademii [History of Kyiv Theological Academy]. SPb. [in Russian]

[Biograficheskiy slovar..., 2014–2019](#) – Biograficheskiy slovar vyipusnikov Kievskoy duhovnoy akademii [Biographical Dictionary of Alumni of the Kiev Theological Academy]. 1819-1920-e gg. v 3 tt. Kiev. 2014–2019. [in Russian]

[Biohrafichni..., 2016](#) – Biohrafichni pidkhid u vyvchenni istorii ta spadshchyny Kyivskoi dukhovnoi akademii: zbirnyk naukovykh prats [A Biographical Approach to the Study of the History and Heritage of the Kyiv Theological Academy]. Kyiv: Vydavnychi dim “Kyievo-Mohylianska akademiia”, 2016. 232 p. [in Ukrainian]

[Bulgakov, 1843](#) – *Bulgakov, M.* (1843). Istoriya Kievskoy akademii [History of the Kyiv Academy]. SPb. 226 p. [in Russian]

[Bureha, 2013](#) – *Bureha, V.* (2013). Chasopys «Trudy Kyivskoi dukhovnoi akademii»: istoriia i suchasnist [The journal “Trudy Kyivskoi dukhovnoi akademii”: History and Modernity]. *Filosofska dumka*. 352-361. [in Ukrainian]

[Degtyarev et al., 2019](#) – *Degtyarev, S.I., Plotnikova, M.V., Polyakova, L.G., Gut, J.* (2019). The Development of the Public Education System in Northeastern Ukraine in the Period Spanning the 18th and the first half of the 19th centuries. *European Journal of Contemporary Education*. 8(4): 931-942.

[Denysko, 2006](#) – *Denysko, L.M.* (2006). Biblioteka Kyivskoi dukhovnoi akademii (1819–1919) [Library of the Kyiv Theological Academy (1819–1919)]. Kyiv: NBUV. 224 p. [in Ukrainian]

[Iz vlechenie..., 1885–1916](#) – Iz vlechenie iz protokolov (zhurnalov) Soveta Kievskoy Duhovnoy Akademii [Extract from the minutes (journals) of the Council of the Kiev Theological Academy]. Kiev. 1885–1916. [in Russian]

[KDA v imenakh, 2015](#) – Kyivska dukhovna akademiia (1819–1924) v imenakh: entsyklopediia: v 2 t. [Kyiv Theological Academy (1819-1924) in names]. Kyiv: Vydavnychi dim «Kyievo-Mohylianska akademiia», 2015. [in Ukrainian]

[KMA u dokumentakh, 2003](#) – Kyievo-Mohylianska akademiia v dokumentakh i ridkisnykh vydanniakh z fondiv Natsionalnoi biblioteky Ukrainy imeni V.I. Vernadskoho. Chastyna II (Dokumenty z istorii Kyievo-Mohylianskoi akademii za materialamy fondiv Instytutu rukopysu (1615-1917) [Kyiv-Mohyla Academy in documents and rare editions from the collections of the Vernadsky National Library of Ukraine]. Kyiv: NBUV. 2003. 480 p. [in Ukrainian]

[Kruhliak, 2008](#) – *Kruhliak, M.* (2008). Osoblyvosti orhanizatsii navchalnoho protsesu u vysshchii dukhovnii shkoli Rosiiskoi imperii naprykintsii XIX – na pochatku XX st. (na prykladi Kyivskoi Dukhovnoi Akademii) [Peculiarities of Organising the Educational Process in the Higher Theological School of the Russian Empire in the Late Nineteenth and Early Twentieth Centuries (on the Example of the Kyiv Theological Academy)]. *Volynski istorychni zapysky*. 1: 231-238. [in Ukrainian]

[Lebid, 2022](#) – *Lebid, A.* (2022). The Institution of the Rectorship in the Higher Education System of the Russian Empire in the 19th and Early 20th centuries: The Case of Imperial Kharkov University. *European Journal of Contemporary Education*. 11(4): 1309-1319.

[Lebid, Degtyarev, 2023](#) – *Lebid, A., Degtyarev, S.* (2023). The Institution of the Rectorship within the Higher Education System of the 19th and Early 20th Century Russian Empire: The Case of Imperial Novorossiia University. *European Journal of Contemporary Education*. 12(1): 267-278.

[Lebid, Shevchenko, 2021](#) – *Lebid, A., Shevchenko, N.* (2021). The Organization of the Educational Process in Kharkov Imperial University (1835-1863). *European Journal of Contemporary Education*. 10(2): 546-554.

[Malyishevskiy, 1869](#) – *Malyishevskiy, I.I.* (1869). Istoricheskaya zapiska o sostoyanii akademii v minuvshee 50 letie [Historical note on the state of the academy in the past 50 years]. *Trudy Kievskoy Duhovnoy Akademii*. 11/12: 64-138. [in Russian]

[Otchety..., 1870–1916](#) – Otchety o sostoyanii Kievskoy Duhovnoy Akademii [Reports on the state of the Kiev Theological Academy]. Kiev. 1870–1916. [in Russian]

[Petrov, 1895](#) – *Petrov, N.* (1895). Kievskaya Akademiya vo vtoroy polovine XVII veka [The Kyiv Academy in the second half of the 18th century]. Kiev. [in Russian]

[Petrov, 1919](#) – *Petrov, M.* (1919). Kyivska Akademiia [Kyiv Academy]. *Zapysky istoryko-filolohichnoho viddilu UAN*. 1919. Kn. 1. [in Ukrainian]

- Petrov, 2003** – Petrov, M. (2003). Skryzhali pamiaty [Tablets of memory]. Kyiv: Praim, 270 p. [in Ukrainian]
- Pevnitskiy, 1911–1912** – Pevnitskiy, V.F. (1911–1912). Moi vospominaniya [My memories]. *Trudy Kievskoy Duhovnoy Akademii*. 5: 95-120; 6: 273-302; 10: 338-348; 1912. 6: 305-326. [in Russian]
- Pravila..., 1886** – Pravila Kievskoy duhovnoy akademii [Rules of Kyiv Theological Academy]. Kiev: Tipografiya G.T. Korchak-Novitskogo, 1886. [in Russian]
- Proekt ustava..., 1823** – Proekt ustava duhovnyih Akademiy [Draft statutes for the Theological Academies]. SPb. 1823. [in Russian]
- Protokoly..., 1870-1884** – Protokoly zasedaniy Soveta Kievskoy Duhovnoy Akademii [Minutes of meetings of the Council of the Kiev Theological Academy]. Kiev. 1870–1884. [in Russian]
- Rutkevich, 1915** – Rutkevich, P. (1915). Moi vospominaniya o Kievskoy Duhovnoy Akademii za vremya s 1879 do 1883 gg. [My memories of the Kiev Theological Academy from 1879 to 1883]. *Kievskie eparhialnyie vedomosti*. 12/13: 285-296. [in Russian]
- Rybinskiy, 1997** – Rybinskiy, V. (1997). Do istorii Kyivskoi dukhovnoi akademii. Kurs 1887–1891 [On the history of the Kyiv Theological Academy. The course of 1887–1891]. Spohady. *Khronika-2000*. 17/18: 154-180. [in Russian]
- Sbornik..., 1869** – Sbornik iz lektsiy byivshih professorov KDA [A collection of lectures by former professors of the Kiev Theological Academy]. Kiev. 1869. [in Russian]
- Serebrennikov, 1897** – Serebrennikov, V. (1897). Kievskaya akademiya s poloviny XVIII veka do preobrazovaniya v 1819 godu [The Kyiv Academy from the mid-XVIII century to its transformation in 1819]. Kiev. [in Russian]
- Shyp, 1996** – Shyp, N.A. (1996). Z istorii Kyivskoi dukhovnoi akademii [From the history of the Kyiv Theological Academy]. *Ukrainskiy istorichnyi zhurnal*. 3. [in Ukrainian]
- Shyp, 1999** – Shyp, N.A. (1999). Kyivska dukhovna akademiia – tsentr vyshchoi dukhovnoi osvity Naddnyprianskoi Ukrainy (XIX – pochatok XX st.) [The Kyiv Theological Academy is the centre of higher spiritual education in Naddnyprianshchyna]. *Ukrainskiy istorichnyi zhurnal*. 2. [in Ukrainian]
- Shyp, 2004** – Shyp, N.A. (2004). Kadrove zabezpechennia Kyivskoi dukhovnoi akademii (1869–1919) [Staffing of the Kyiv Theological Academy]. *Kyivska starovyna*. 5. [in Ukrainian]
- Shyp, 2010** – Shyp, N.A. (2010). Kyivska dukhovna akademiia v kulturno-osvitianskomu prostori Ukrainy (1819–1919) [Kyiv Theological Academy in the cultural and educational space of Ukraine]. Kyiv: Feniks, 436 p. [in Ukrainian]
- Titov, 1915** – Titov, F. (1915). Imperatorskaya Kievskaya duhovnaya Akademiya v eyo trekhvekovoy zhizni i deyatelnosti (1615–1915) [The Imperial Kiev Theological Academy in its three centuries of life and activity]. Kiev. Tipografiya Kiev-Pecherskoy Uspenskoj Lavry. 432 p. [in Russian]
- Ustav pravoslavnyih..., 1873** – Ustav pravoslavnyih duhovnyih akademiy (1869). [Statutes of the Orthodox Theological Academies]. Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii. Sobranie vtoroe. T. 44. Otdelenie 1. SPb., 1873. №47154. [in Russian]
- Ustav pravoslavnyih, 1887** – Ustav pravoslavnyih duhovnyih akademiy (1884) [Statutes of the Orthodox Theological Academies]. Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii. Sobranie trete. T. 4. SPb., 1887. №2160. [in Russian]
- Vospominaniya..., 1895** – Vospominaniya o preosvyaschennom Innokentii (Borisove), kak rektore Kievskoy Duhovnoy Akademii [Memories of the Reverend Innocent (Borisov) as Rector of the Kiev Theological Academy]. *Trudy Kievskoy Duhovnoy Akademii*. 1895. 4: 627-648. [in Russian]
- Yubiley KDA, 1869** – Pyatidesyatiletniy yubiley Kievskoy duhovnoy akademii. 28 sentyabrya 1869 goda [The fiftieth anniversary of the Kiev Theological Academy]. Kiev, 1869. [in Russian]

Институциональные особенности и организационная структура Киевской духовной академии (1819–1924)

Андрей Евгеньевич Лебедь ^{a, b, *}

^a Сумской государственный университет, Украина

^b Черкас глобальный университет, Вашингтон, США

Аннотация. В статье проанализированы некоторые институциональные аспекты Киевской духовной академии как одного из главнейших институций духовного образования, научно-исследовательской деятельности, а также культурно-просветительного центра Украины и Российской империи в целом. Показано, что Киевская духовная академия выступала своеобразной «кузницей

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: a.lebid@socio.sumdu.edu.ua (А. Лебедь)

кадров» для потребностей как духовных, так и светских учебных заведений, органов государственной власти и местного самоуправления.

Обозначено, что в процессе реформирования системы образования в Российской империи была сформирована вертикаль духовных учебных заведений, в которой духовные академии получили статус специализированных высших богословских заведений, возглавлявших соответствующий духовно-учебный округ. Таких округов в Российской империи было четыре: Киевский, Казанский, Московский и Санкт-Петербургский.

Отмечено определяющее влияние на институциональную деятельность и особенности организационной структуры Киевской духовной академии уставов православных духовных академий. Уставы 1814, 1869, 1884, 1910 годов устанавливали штат академии, численность студентов, порядок занятия вакантных должностей, порядок присуждения степеней и званий и др.

Определены полномочия коллегиальных органов Киевской духовной академии – Конференции академии, внутреннего и внешнего (окружного) Правления академии, производивших непосредственное администрирование Киевской духовной академии. Обозначена система высшего менеджмента Киевской духовной академии (ректор, инспектор) в их взаимодействии с другими субъектами управления в системе высшего образования Российской империи.

Ключевые слова: образование, высшее образование, высшее духовное образование, образовательная политика, реформа образования, управление образованием.

Copyright © 2023 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2023. 18(2): 601-608
 DOI: 10.13187/bg.2023.2.601

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Prerequisites for the Creation and General Characteristics of N.N. Novosiltsev's Constitutional Project of 1820

Ivan S. Denisov ^{a,*}, Ainuru T. Altybaeva ^b, Ruslan M. Allalyev ^{c,d}, Ivan N. Kuksin ^e

^a Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russian Federation

^b Academy of Science of Kyrgyz Republic, Bishkek, Kyrgyz Republic

^c Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russian Federation

^d Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Moscow, Russian Federation

^e Moscow City University, Moscow, Russian Federation

Abstract

This article is devoted to the study and general characteristics of the first completed Constitutional Project of the Russian Empire, created on the instructions of Emperor Alexander I in 1820. The authors examined the key events of the late XVIII – early XIX centuries, which became the primary prerequisites for the decision of Emperor Alexander I on the need to work on the creation of the draft constitution of the Russian Empire, namely: the influence of the Enlightenment era on the development of foreign states, the adoption of the constitutions of a number of states, the increased role of the Russian Empire in the political arena of Europe after the victory over Napoleon in the War of 1812, as well as the personal views of Emperor Alexander I on the path of successful development of the Russian Empire. The authors studied the main works on the draft constitutions of such statesmen as: Baron G.A. Rosenkampf, M.M. Speransky, and N.N. Novosiltsev. The project of N.N. Novosiltsev, as the most complete work, was studied and described by the authors of this study in the most detail. In this article, the authors present a detailed analysis of the structure of this draft Constitution, emphasizing its main provisions and highlighting key constitutional principles such as the unity of the state, separation of powers, inviolability of private property, freedom of information dissemination, etc. In addition, the authors conducted a comparative analysis, in which the draft of N.N. Novosiltsev was compared with the draft of M.M. Speransky, as well as with the Constitutions of other states. In addition, the main reasons why the draft constitution of N.N. Novosiltsev was never implemented were formulated: insufficient elaboration of constitutional reforms, the growth of the liberation movement in Western European countries, as well as the early death of the emperor and the subsequent ascension to the throne of his younger brother, the conservative emperor Nicholas I.

Keywords: the Russian Empire, the Constitutional Draft of 1820, the State Charter of the Russian Empire, Alexander I, Nikolai Nikolaevich Novosiltsev, Mikhail Mikhailovich Speransky.

1. Введение

Период с конца XVIII – начала XIX веков можно по праву назвать эпохой конституций. Расшифровывая данное понятие, необходимо сказать о том, что данный исторический период развития культуры характеризуется бурным расцветом как научной, так и философской мысли. Эпоха Просвещения безусловно оказала свое значительное влияние на все сферы жизни европейского общества, в том числе и на политику государств. К числу самых ярких основоположников теории о том, что сувереном является народ, можно отнести в первую очередь философа и мыслителя Жан-Жака Руссо

* Corresponding author

E-mail addresses: is.denisov@mail.ru (I.S. Denisov)

(Руссо, 1998). Именно сумма идей философов и просветителей того времени относительно народного разума и возможности самоуправления послужила основанием для развития эпохи конституций.

В данном контексте можно привести ряд примеров принятий Конституций различных государств, таких как Конституция Соединенных Штатов Северной Америки от 07.12.1787 (Конституция США..., 1957), которая является действующей и по сей день; Конституция Речи Посполитой (современной Польши) от 03.05.1791 (Ustawa rządowa... 1791), которая в дальнейшем во многом стала шаблоном для конституционного проекта Российской империи 1820 года, а также Конституция Франции от 03.09.1791 (Конституция Франции, 1791).

В целом можно сказать, что идея конституций европейских государств, в которых действовал монархический режим управления, подразумевала порядок, при котором конституция была сформулирована не народом, а дарована монархом. Тем не менее народ получал право осуществления контроля над деятельностью государя в таких областях, как законотворчество и распределение бюджета государства. В целях решения вопроса относительно организации контроля над законотворческой деятельностью учреждались народные собрания, в полномочия которых входило принятие решений относительно одобрения новых законодательных идей.

2. Материалы и методы

В качестве материалов для данного исследования были использованы архивные материалы Российского государственного архива древних актов (РГАДА), источники периодической печати – журнал «Русская старина» (Русская старина, 1904), а также источники личного происхождения, в числе которых письма историка и литератора Н.М. Карамзина, адресованные князю П.А. Вяземскому (Карамзин, 1897), воспоминания государственного деятеля и мемуариста О.А. Пржецлавского (Пржецлавский, 1872), воспоминания М.М. Сперанского (Сперанский, 1872), исторические мемуары фрейлины жены императора Александра I – Елизаветы Алексеевны: Софии Шуазель-Гуфье (Шуазель-Гуфье, 1999), а также Речь императора Александра I, подготовленная и произнесенная в Варшаве при закрытии Сейма Царства Польского в 1818 году (Александр I (имп.), 1818). Кроме этого были исследованы исторические нормативно-правовые документы: Конституционная хартия Царства Польского 1815 года (Конституционная хартия..., 1907), Конституция Соединенных Штатов Северной Америки 1787 года (Конституция США..., 1957), Конституция Франции 1791 года (Конституция Франции, 1791), а также Конституция Речи Посполитой 1791 года (Ustawa rządowa..., 1791).

При проведении данного исследования были применены такие научные методы, как синхронический и метод сравнительного анализа. С помощью синхронического метода авторы данного исследования построили хронологическую цепочку событий и установили логические взаимосвязи между этими событиями и проведением работы над составлением конституционного проекта Российской империи 1820 года. Метод сравнительного анализа был применен при сопоставлении проекта конституции Н.Н. Новосильцева как с проектом М.М. Сперанского, так и с конституциями иных государств, в первую очередь таких как Конституция Речи Посполитой и Конституция Соединенных Штатов Северной Америки.

3. Обсуждение

Дореволюционные ученые, в частности педагог-историк, профессор Д.В. Цветаев, при изучении темы конституционного проекта Н.Н. Новосильцева особое внимание уделяли вопросу значения отношения Новосильцева к конституции Царства Польского 1815 года (Конституционная хартия..., 1907): «Важны те воззрения, которые высказываются автором, и его сообщения об исправлении им текста конституции королевства. Вопрос о политических взглядах Новосильцева, о его службе и деятельности в Польше и о составленной им «Государственной уставной грамоте Российской империи» должны быть теперь рассматриваемы при лучах света, бросаемых данным документом» (Цветаев: 605).

Советские ученые, к числу которых следует отнести С.В. Мироненко, выражали мнения относительно неоспоримости того факта, что отрезок времени с конца XVIII – начала XIX века характеризуется осознанием, как страной в целом, так и ее главой в лице императора Александра I, несоответствия порядков самодержавного государства духу того времени (Мироненко, 1989: 3).

Современные исследователи Э. С.-М. Ахъядов и Ж.А. Салгириева объясняют необходимость деятельности по разработке конституции Российской империи следующим образом: «Появление новых конституционных концепций и идей связано, прежде всего, с возникновением более тесных связей России с Западной Европой, где к тому времени парламентаризм и конституционализм крепко закрепились как главные элементы государственного устройства» (Ахъядов, Салгириева, 2020). Другие ученые, в частности К.С. Чернов делают акцент на том, что проекты Сперанского и Новосильцева представляли собой не конституции, а скорее правовые кодексы: «Целенаправленные попытки правительства в первой четверти XIX в. облечь всеобъемлющий законодательный кодификационный акт в передовую западноевропейскую форму конституции можно называть политикой «конституционализма» только в качестве дани традиции» (Чернов, 2012: 173).

4. Результаты

В описанный период, когда в западных государствах росла бурная тенденция на принятие конституций, Российскую империю возглавлял император Александр I. Период его царствования выпал на чрезвычайно сложное время в первую очередь по причине Отечественной войны с Наполеоном Бонапартом. Однако победа в данной войне вывела императора и государство в целом на первостепенную роль в мире европейской политики.

Тем не менее, еще до военных событий 1812 года, равняясь на общемировую тенденцию, Александр I решает, что Российская империя также нуждается в принятии своей конституции, которая станет основным законом страны. В первое десятилетие XIX века императором были поручены разработки двух конституционных проектов. Первоначально работа над проектом была поручена барону Густаву Андреевичу Розенкампфу в 1804 году ([Русская старина, 1904](#)). Проект Розенкампфа не был в достаточной степени проработан и реализован. В качестве причин недоведения до логического завершения конституционного проекта можно указать ряд обстоятельств, первостепенными из которых, по мнению авторов, является неполное понимание бароном Густавом Розенкампфом Российской империи как государства в целом, выраженное в том числе в таких бытовых ситуациях как недостаточное знание русского языка и менталитета.

Спустя три года – в 1807 году разработку проекта конституции берет в свои руки Михаил Михайлович Сперанский. Сам Сперанский отнесся к поручению императора с большой долей энтузиазма, что подтверждает его докладная записка в адрес императора следующего содержания: «если бог благословит все начинания, то к 1811-му году... Россия воспримет новое бытие и совершенно во всех частях преобразится» ([Сперанский, 1872: 472](#)). В ходе данной работы М.М. Сперанским был создан государственный устроительный проект, получивший название «План государственных преобразований» ([Сперанский, 1905](#)). По мнению некоторых исследователей, данный проект предполагал собой Конституцию «истинной» монархии: «В «Плане» впервые нашли свое начальное отражение буржуазные принципы правового государства, такие как идея представительства, разделения властей, защиты собственности и прав граждан» ([Карева, 2013: 32](#)). Но, как известно, проекту Михаила Сперанского не было суждено претвориться в жизнь по причине войны с Наполеоном и последовавшей за ней опалы Сперанского ([Коротких, 1989: 13](#)).

В целом исследователи характеризуют императора Александра I как прогрессивного политика для своего времени: «Александр I пытается утвердить верховенство закона, дает права на владение землей всем сословиям, разрабатывает конституцию (так называемая Уставная грамота Новосильцева) и создает условия для освобождения крепостных крестьян» ([Зубов, 2010: 216](#)). У императора было абсолютно четкое понимание того, что закрепощенный бесправный народ не сможет построить крепкую, стабильно и успешно развивающуюся экономику страны. Искреннее желание императора Александра I, выраженное в даровании народу конституции своей страны, тем самым ограничивая собственную императорскую власть, подтверждают в том числе воспоминания Софии Шуазель-Гуфье – фрейлины императрицы Елизаветы Алексеевны, супруги Александра I: «"Как счастлива страна, – говорил государь, – где уважаются права каждой личности и где они неприкосновенны!"» ([Шуазель-Гуфье, 1999: 185](#)).

После войны 1812 года желание императора относительно разработки и принятия Конституции Российской империи только усилилось, несмотря на отсутствие внешних факторов, которые могли бы выступать в качестве инструментов давления в данном вопросе. За основу было решено взять модель Конституции Речи Посполитой ([Ustawa rządowa... 1791](#)), так как именно конституция этой страны считалась самой совершенной на тот период времени. Однако действовала данная Конституция недолго по причине распада и ликвидации целостного государства – Речи Посполитой в 1795 году.

Одним из знаковых событий, которое подтверждает гипотезу о личном и свободном стремлении императора к разработке и принятию конституции Российской империи, является выступление Александра I на сейме царства Польского 15 марта 1818 года, где император призывал поляков выступить в качестве примера конституционного либерального развития как для Российской империи, так и для Европы: «Вы призваны дать великий пример Европе, устремляющей на вас свои взоры» ([Александр I \(имп.\), 1818](#)). Стоит отметить, что идея введения конституции ([Конституционная хартия..., 1907](#)) на отдельной, недавно присоединенной к Российской империи территории Царства Польского вызвала критику со стороны известного государственного деятеля, сподвижника и доверенного лица императора Александра I – Николая Николаевича Новосильцева, который в последствии станет разработчиком масштабного проекта конституции Российской империи: «Ничего не могло быть неполитичнее со стороны монарха нераздельного государства, как вводить такое неравенство политических прав между соплеменными подданными своими, и за меньшинством устанавливать торжественно такое преимущество над огромным большинством» ([Пржецлавский, 1872](#)).

Стоит отметить, что в тот период широко распространялись в том числе и противоположные мнения относительно принятия конституции. В частности, среди оппонентов императора в данном вопросе выступал историк и литератор Н.М. Карамзин: «Россия не Англия, даже и не Царство Польское: имеет свою государственную судьбу, великую, удивительную и скорее может упасть,

нежели еще более возвеличиться. Самодержавие есть душа, жизнь ее, как республиканское правление было жизнью Рима. Эксперименты не годятся в таком случае» (Карамзин, 1897: 60).

Тем не менее, в 1818 году император Александр I дает поручение в адрес сенатора и своего сподвижника Н.Н. Новосильцева – разработать проект конституции Российской империи.

Проект Новосильцева, получивший название «Государственная уставная грамота Российской империи» (РГАДА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 25. Л. 1), в течение длительного периода времени был засекречен и впервые опубликован лишь в начале XX столетия (Шильдер, 1905: 499). Проект Конституции включал в себя в общей сложности 191 статью, которые были поделены на 6 глав: «Предварительные распоряжения», «О правлении Российской империи», «Ручательства державной власти», «О народном представительстве», «О судебной власти», а также «Общие постановления».

Первая глава «Предварительные распоряжения» посвящена порядку территориального деления Российской империи на регионы: наместничества, губернии, уезды, а также города первой и второй ступени и их округа.

Вторая глава состоит из шести отделений: «О государе или державной власти», «О государственном совете», «О министерствах или главных управлениях», «О наместниках и советах наместничеств», «О губернаторском начальстве», «Об уездных, окружных и городских начальствах».

Ключевыми положениями третьей главы «Ручательства державной власти» можно назвать верховенство права и закона над религиозными объединениями. Данная глава определяет православную греко-российскую религию как основную религию империи. Кроме этого, данная глава устанавливает ряд положений, направленных на соблюдение гражданских прав населения, таких как свобода распространения информации (ст. 89), свобода выезда за границу и возвращения в Россию (ст. 90), неприкосновенность собственности (ст. 97). Также данная глава выступает в качестве гаранта одного из основополагающих принципов уголовного судопроизводства – презумпции невиновности. Статья 91 провозглашает: «Да будет российский народ отныне навсегда иметь народное представительство. Оно должно состоять в Государственном Сейме (Государственной Думе), составленном из Государя и двух палат». Стоит отметить, что статья 92 проекта Конституции предполагала, что государственные гражданские и военные должности могут занимать только подданные Российской империи.

Четвертая глава «О народном представительстве» определяла порядок распределения законодательной и исполнительной властей государства. Данная глава включала в себя пять отделений: «О государственной думе или сейме», «О сенате», «О палатах земских послов», «О дворянских собраниях или сеймиках» и «О собраниях окружных городских обществ». Первое отделение «О государственной думе или сейме» в свою очередь подразделялось на три разряда: «О частных думах или сеймах наместнических областей», «Об общем государственном сейме», а также «Общие постановления, касающиеся как государственных общин, так и частных сеймов». Третье отделение «О палатах земских послов», в свою очередь, состояло из трех разрядов: «О посольских палатах наместнических сеймов», «О посольской палате общего государственного сейма» и «Общие распоряжения всем посольским палатам». Среди ключевых положений данной главы стоит отметить ст. 129, согласно которой функции распределения бюджета возлагались не на императора, а на Палату земских послов. Не менее важным положением стоит назвать нормы, указанные в ст. 131, в соответствии с которой заседания парламента должны носить публичный, открытый формат. Кроме этого, четвертая глава Государственной уставной грамоты Российской империи содержит положения, регулирующие местное самоуправление.

Пятая глава состояла из двух отделений «О судах вообще», «О верховных судах» (данное отделение включало в себя два разряда: «О верховном государственном суде» и «О верховном суде наместнической области») и третье отделение «Об апелляционных и низших судах». Данная глава организовывала судебную систему Российской империи, определяя систему и иерархию судов государства, их подведомственность и компетенцию.

Шестая глава определяла Государственную уставную грамоту Российской империи в качестве основного закона государства и содержала положение об отмене всех иных, противоречащих ей нормативно-правовых актах.

Производя сравнительный анализ проектов Сперанского и Новосильцева, можно выявить их ключевое отличие: «План государственных преобразований» М.М. Сперанского представлял собой конституцию самодержавного государства – империи с централизацией власти, в то время как Государственная уставная грамота выглядела скорее как конституция правового государства. Исследователи данного вопроса, отмечают также, что проект Новосильцева имел много общего с Конституцией Соединенных Штатов Северной Америки (Вернадский, 2001: 208).

Итак, к 1820 году проект конституции Российской империи, разработанный Н.Н. Новосильцевым, был полностью готов, однако не получил дальнейшего развития. По мнению авторов, император Александр I не отказался от своих планов принятия конституции, а скорее отложил реализацию данной идеи по сложившемуся комплексу причин. Во-первых, требовалось время для подготовки условий в целях того, чтобы те положения, которые были сформулированы в конституции, были не просто словами на бумаге. Целью разработки конституции было не просто следование моде западных государств, а реальное

изменение государственного устройства Российской империи. Как справедливо отмечают ученые: «Никакая конституция сама по себе не в состоянии ограничить самовластие, его ограждение зависит от экономических, социальных и политических институтов и во многом определяется ментальностью населения страны» (Гоголевский, 2021: 43). Во-вторых, немаловажную роль сыграл рост освободительного движения в европейских странах.

Таким образом, решение вопроса по принятию конституции Российской империи было отложено на неопределенный срок. Александр I не успел реализовать свои прогрессивные идеи по причине своей кончины в 1825 году. Трон наследовал его брат – Николай Павлович Романов, ставший императором Николаем I. Младший брат Александра I не разделял его взглядов относительно необходимости изменения государственного устройства Российской империи. Николай I, напротив, старался укрепить самодержавную политику государства. Консервативные взгляды Николая Павловича на долгие годы затормозили развитие Российской империи как в политическом, так и в экономическом, социальном и культурном направлениях.

5. Заключение

Конституционный проект 1820 года считается первым завершенным конституционным проектом Российской империи. Проект Н.Н. Новосильцева был создан по указанию императора Александра I. Задача по созданию проекта конституции Российской империи имела ряд предпосылок. В первую очередь, принятие Конституции было свободным личным желанием императора Александра I. Стремление к некоторому ограничению его императорской власти было продиктовано мировоззрением императора, его личностными взглядами на успешный путь развития государства.

Кроме личных убеждений, весомыми аргументами в пользу разработки проекта конституции Российской империи стали примеры западных государств, таких как Речь Посполитая, Франция и Соединенные Штаты Северной Америки, которые в сравнительно небольшой отрезок времени (конец XVIII века) приняли конституции своих государств, ставшие в той или иной мере прообразами проекта Конституции Н.Н. Новосильцева. Также немаловажной предпосылкой к созданию крупного законодательного проекта, направленного на значительное изменение внутриполитического устройства Российской империи, являлось лидирующее положение на политической арене по причине победы в Отечественной войне 1812 года. Таким образом, можно говорить о том, что проект конституции стал логичным звеном внутренней политики государства после войны с Наполеоном.

Император Александр I неоднократно еще до начала работы над проектом Н.Н. Новосильцева и даже до Отечественной войны с Наполеоном 1812 года давал указания о создании проекта конституции Российской империи. Первоначально разработчиком должен был стать барон Г.А. Розенкампф, а позднее М.М. Сперанский. Работа Розенкампфа не увенчалась успехом, в то время как проект конституционного преобразования Сперанского, получивший название «План государственных преобразований» (Сперанский, 1905), был завершен, однако не смог быть реализованным по причине обвинения в измене государственного секретаря Российской империи М.М. Сперанского.

В свою очередь проект Н.Н. Новосильцева «Государственная уставная грамота Российской империи» (РГАДА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 25. Л. 1) был успешно завершен и имел все шансы на то, чтобы стать Конституцией Российской империи и тем самым внести огромные изменения в будущее развитие государства в политическом, социальном, культурном и экономическом направлениях.

Данный конституционный проект представлял собой проект Конституции не самодержавной империи с жесткой централизацией власти, а федеративного правового государства, с разделением властей, ограничением императорской власти, целью которого является защита прав и свобод своих граждан. Среди ключевых принципов «Государственной уставной грамоты Российской империи» можно выделить: единство государства, разделение властей, религиозные учреждения – часть государственной системы, ограничения императорской власти в ряде вопросов (в т. ч. в вопросе распределения государственного бюджета), неприкосновенность собственности, презумпция невиновности, свобода выезда за границу и возвращения в Россию, а также свобода распространения информации.

Тем не менее, данным планам императора Александра I не суждено было претвориться в жизнь в связи с необходимостью более масштабной проработки сопутствующих изменений, революционными настроениями и европейским освободительным движением, а также восхождением на престол Николая I – императора, придерживающего консервативных взглядов и, опасаясь восстания декабристов, на долгие годы засекретившего проект конституции Н.Н. Новосильцева.

Литература

Александр I (имп.), 1818 – Александр I (имп.). Речь, произнесенная его императорским величеством при закрытии Сейма Царства Польского в 15/27 день апреля 1818 года в Варшаве. СПб., 1818. 6 с. Без тит. л. и обл., описано по 1-й с. текста. Из «Дух журналов», кн. 19. С. 103-108.

Ахъядов, Салгириева, 2020 – Ахъядов Э.С.-М., Салгириева Ж.А. Развитие конституционных идей после войны 1812 года. Государственная уставная грамота Российской империи (проект Н.Н. Новосильцева) // Государственная служба и кадры. 2020. № 2. С. 38-39.

- Вернадский, 2001** – *Вернадский Г.В.* Русская история: учебное пособие / Г. Вернадский; [пер с англ. В. С. Антонова, М. М. Гурвица]. М.: Аграф, 2001. 541 с.
- Гоголевский, 2021** – *Гоголевский А.В.* Конституция Н.Н. Новосильцова (1818 г.) и проблема ограничения самодержавия // *Ленинградский юридический журнал.* 2021. № 4(66). С. 35-44.
- Зубов, 2010** – *Зубов А.Б.* Россия: продолжение истории? // *Труды по россиеведению.* 2010. С. 211-222.
- Карамзин, 1897** – *Карамзин Н.М.* Письма Н.М. Карамзина к князю П.А. Вяземскому. 1810–1826: (из Остафьевского архива) / изданы с предисловием и примечаниями Николая Барсукова. Санкт-Петербург: тип. М. Стасюлевича, 1897. [2], 204 с.
- Карева, 2013** – *Карева А.В.* Традиции и новации в истории отечественной государственности: план государственных преобразований М.М. Сперанского // *Вестник Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина.* 2013. №1(38). С. 29-38.
- Конституционная хартия..., 1907** – Конституционная хартия 1815 года и некоторые другие акты бывшего Царства Польского (1814–1881). Санкт-Петербург: изд. Н.Д. Сергеевского, 1907. 148 с.
- Конституция США..., 1957** – Конституция США 1787 г. / Конституции и законодательные акты буржуазных государств XVII–XIX вв. М., 1957. 512 с.
- Конституция Франции, 1791** – Конституция Франции. 1791. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnst1791.htm>
- Коротких, 1989** – *Коротких М.Г.* Самодержавие и судебная реформа 1864 года в России. Воронеж: Издательство Воронежского университета. 1989. 183 с.
- Мироненко, 1989** – *Мироненко С.В.* Самодержавие и реформы. Политическая борьба в России в начале XIX в. М., 1989. 240 с.
- Пржецлавский, 1872** – *Пржецлавский О.А.* Калейдоскоп воспоминаний // *РА.* 1872. № 9. Стб. 1721.
- РГАДА** – Российский Государственный Архив Древних Актов.
- Русская старина, 1904** – *Русская старина.* 1904. Т. 120. С. 373.
- Руссо, 1998** – Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре. Трактаты / под общ. ред. С.П. Бакъковской, Н.Д. Саркитова и А.Ф. Филиппова. М.: КАНОН-Пресс. 1998. 416 с.
- Сперанский, 1872** – *Сперанский М.М.* Воспоминания // *Русская старина.* 1872. № 4. С. 471-492.
- Сперанский, 1905** – *Сперанский М.М.* План государственного преобразования графа М.М. Сперанского: (введение к Уложению государственных законов 1809 г.): с приложением «Записки об устройстве судебных и правительственных учреждений в России», (1803 г.), статей «О государственных установлениях», «О крепостных людях» и «Пермского письма к Императору Александру». М.: Издание «Русской мысли», 1905. VI. 359 с.
- Цветаев** – *Цветаев Д.В.* Новосильцев о конституции Царства Польского: (по новым архивным данным) // Государственная публичная историческая библиотека России [Б. м. : б. и., 1880–1920]. С. 599-605.
- Чернов, 2012** – *Чернов К.С.* «Правительственный конституционализм» первой четверти XIX в. (на примере «Государственной Уставной Грамоты Российской империи») // *Труды исторического факультета Санкт-Петербургского университета.* 2012. № 11. С. 172-180.
- Шильдер, 1905** – *Шильдер Н.К.* Император Александр Первый. Его жизнь и царствование / [соч.] Н.К. Шильдера. 2-е изд. СПб.: А.С. Суворин, 1904–1905. Т. 4: [1816–1826]. 1905. [4], 651 с.
- Шуазель-Гуфье, 1999** – *Шуазель-Гуфье С.* Исторические мемуары об императоре Александре и его дворе // *Державный сфинкс.* М.: Фонд Сергея Дубова, 1999. С. 335.
- Ustawa rządowa..., 1791** – *Ustawa rządowa czyli Konstytucya 3 maja 1791* // *Archiwum Państwowego w Warszawie.*

References

- Ah'yadov, Salgirieva, 2020** – *Ah'yadov, E. S.-M., Salgirieva, ZH.A.* (2020). Razvitie konstitucionnyh idej posle vojny 1812 goda. Gosudarstvennaya ustavnaya gramota Rossijskoj imperii (proekt N.N. Novosil'ceva) [The development of constitutional ideas after the War of 1812. State Charter of the Russian Empire (N.N. Novosiltsev's project)]. *Gosudarstvennaya sluzhba i kadry.* 2: 38-39. [in Russian]
- Aleksandr I (imp.), 1818** – *Aleksandr I (imp.).* (1818). Rech', proiznesennaya ego imperatorskim velichestvom pri zakrytii Sejma Carstva Pol'skogo v 15/27 den' aprelya 1818 goda v Varshave [The speech delivered by His Imperial Majesty at the closing of the Sejm of the Kingdom of Poland on April 15/27, 1818 in Warsaw]. SPb., [6] p. Bez tit. l. i obl., opisano po 1-j s. teksta. Iz "Duh zhurnalov", kn. 19, Pp. 103-108. [in Russian]
- Chernov, 2012** – *Chernov, K.S.* (2012). «Pravitel'stvennyj konstitucionalizm» pervoj chetverti XIX v. (na primere «Gosudarstvennoj Ustavnoj Gramoty Rossijskoj imperii») [“Governmental constitutionalism” of the first quarter of the XIX century (on the example of the “State Charter of the Russian Empire”)]. *Trudy istoricheskogo fakul'teta Sankt-Peterburgskogo universiteta.* 11: 172-180. [in Russian]

- Gogolevskij, 2021** – *Gogolevskij, A.V.* (2021). Konstituciya N.N. Novosil'cova (1818 g.) i problema ogranicheniya samodержaviya [The Constitution of N.N. Novosiltsev (1818) and the problem of limiting autocracy]. *Leningradskij yuridicheskij zhurnal*. 4(66): 35-44. [in Russian]
- Karamzin, 1897** – *Karamzin, N.M.* (1897). Pis'ma N. M. Karamzina k knyazyu P.A. Vyazemskomu. 1810–1826: (iz Ostaf'evskogo arhiva) [Letters of N.M. Karamzin to Prince P.A. Vyazemsky. 1810–1826: (from the Ostafiev archive)]. Izdany s predisloviem i primechaniyami Nikolaya Barsukova. Sankt-Peterburg: tip. M. Stasyulevicha. [2], 204 p. [in Russian]
- Kareva, 2013** – *Kareva, A.V.* (2013). Tradicii i novacii v istorii otechestvennoj gosudarstvennosti: plan gosudarstvennyh preobrazovanij M.M. Speranskogo [Traditions and Innovations in the History of National Statehood: M.M. Speransky's Plan of State Transformations]. *Vestnik Ryazanskogo gosudarstvennogo universiteta imeni S.A. Esenina*. 1(38): 29-38. [in Russian]
- Konstitucionnaya hartiya..., 1907** – Konstitucionnaya hartiya 1815 goda i nekotorye drugie akty byvshego Carstva Pol'skogo (1814–1881) [Constitutional Charter of 1815 and some other acts of the former Kingdom of Poland (1814–1881)]. Sankt-Peterburg: izd. N.D. Sergeevskogo, 1907. 148 p. [in Russian]
- Konstituciya SSHA..., 1957** – Konstituciya SSHA 1787 g. (1957). [The Constitution of the USA of 1787]. Konstitucii i zakonodatel'nye akty burzhuznyh gosudarstv XVII–XIX vv. M., 1957. 512 p. [in Russian]
- Konstitutsiia Frantsii, 1791** – Konstitutsiia Frantsii [The Constitution of France]. 1791. [Electronic resource]. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Text/cnst1791.htm> [in Russian]
- Korotkih, 1989** – *Korotkih, M.G.* (1989). Samoderzhavie i sudebnaya reforma 1864 goda v Rossii [Autocracy and judicial reform of 1864 in Russia]. Voronezh: izdatel'stvo Voronezhskogo universiteta. 183 p. [in Russian]
- Mironenko, 1989** – *Mironenko, S.V.* (1989). Samoderzhavie i reformy. Politicheskaya bor'ba v Rossii v nachale XIX v. [Autocracy and reforms. Political struggle in Russia at the beginning of the XIX century]. M., 240 p. [in Russian]
- Przheclavskij, 1872** – *Przheclavskij, O.A.* (1872). Kalejdoskop vospominanij [Kaleidoscope of memories]. RA. № 9. Stb. 1721. [in Russian]
- RGADA** – Rossijskij Gosudarstvennyj Arhiv Drevnih Aktov.
- Russkaya starina, 1904** – *Russkaya starina*. 1904. T. 120. P. 373. [in Russian]
- Russo, 1998** – *Russo, Zh.-Zh.* (1998). Ob obshchestvennom dogovore. Traktaty [About the social contract. Treatises]. Pod obshch. red. S.P. Bak'kovskoj, N.D. Sarkitova i A.F. Filippova. M.: KANON-Press. 416 p. [in Russian]
- Shil'der, 1905** – *Shil'der, N.K.* (1905). Imperator Aleksandr Pervyj. Ego zhizn' i carstvovanie [Emperor Alexander the First. His life and reign]. [soch.] N.K. SHil'dera. 2-e izd. SPb.: A. S. Suvorin, 1904-1905. T. 4: [1816–1826]. [4], 651 p. [in Russian]
- Shuazel'-Gufe, 1999** – *Shuazel'-Gufe S.* (1999). Istoricheskie memuary ob imperatore Aleksandre i ego dvore [Historical memoirs about the Emperor Alexander and his court]. *Derzhavnyj sfinks*. M.: Fond Sergeya Dubova. 335 p. [in Russian]
- Speranskij, 1872** – *Speranskij, M.M.* (1872). Vospominaniya [Memories]. *Russkaya starina*. 4: 471-492. [in Russian]
- Speranskij, 1905** – *Speranskij, M.M.* (1905). Plan gosudarstvennogo preobrazovaniya grafa M.M. Speranskogo: (vvedenie k Ulozheniyu gosudarstvennyh zakonov 1809 g.): s prilozheniem «Zapiski ob ustrojstve sudebnyh i pravitel'stvennyh uchrezhdenij v Rossii», (1803 g.), statej «O gosudarstvennyh ustanovleniyah», «O krepostnyh lyudyah» i «Permskogo pis'ma k Imperatoru Aleksandru» [The plan of state transformation of Count M.M. Speransky: (introduction to the Code of State Laws of 1809): with the appendix «Notes on the structure of judicial and government institutions in Russia», (1803), articles «On state institutions», «On serfs» and «Perm letter to Emperor Alexander»]. Moskva: izdanie «Russkoj mysli», 1905. VI. 359 p. [in Russian]
- Tsvetaev** – *Tsvetaev, D.V.* Novosil'cev o konstitucii Carstva Pol'skogo: (po novym arhivnym dannym) [Novosiltsev about the constitution of the Kingdom of Poland: (according to new archival data)]. Gosudarstvennaya publichnaya istoricheskaya biblioteka Rossii [B. m.: b. i., 1880–1920]. Pp. 599-605. [in Russian]
- Ustawa rządowa..., 1791** – Ustawa rządowa czyli Konstytucya 3 maja 1791 [Government Act or Constitution of 3 May 1791]. Archiwum Państwowego w Warszawie. [in Polish]
- Vernadskij, 2001** – *Vernadskij, G.V.* (2001). Russkaya istoriya: uchebnoe posobie [Russian History: a textbook]. [per s angl. V.S. Antonova, M.M. Gurvica]. Moskva: Agraf, 541 p. [in Russian]
- Zubov, 2010** – *Zubov, A.B.* (2010). Rossiya: prodolzhenie istorii? [Russia: continuation of history?]. *Trudy po rossievedeniyu*. Pp. 211-222. [in Russian]

**Предпосылки создания и общая характеристика Конституционного проекта
Н.Н. Новосильцева 1820 года**

Иван Сергеевич Денисов^{a, *}, Алтыбаева Айнуру Тойчиевна^b, Руслан Мурадович Аллалыев^{c, d},
Иван Николаевич Куксин^e

^a Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Москва, Российская Федерация

^b Академия Наук Кыргызской Республики, Бишкек, Кыргызская Республика

^c Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

^d Российская академия народного хозяйства и государственной службы (РАНХиГС), Москва,
Российская Федерация

^e Московский городской педагогический университет (МГПУ), Москва, Российская Федерация

Аннотация. Данная статья посвящена исследованию и общей характеристике первого законченного Конституционного проекта Российской империи, созданного по указанию императора Александра I в 1820 году. Авторы рассмотрели ключевые события периода конца XVIII – начала XIX века, которые стали первостепенными предпосылками для принятия решения императором Александром I о необходимости проведения работы над созданием проекта конституции Российской империи, а именно: влияние эпохи просвещения на развитие зарубежных государств, принятие конституций ряда государств, возросшая роль Российской империи на политической арене Европы после победы над Наполеоном в войне 1812 года, а также личные взгляды императора Александра I на путь успешного развития Российской империи. Авторы исследовали основные работы над проектами конституций таких государственных деятелей, как барон Г.А. Розенкамф, М.М. Сперанский, а также Н.Н. Новосильцев. Проект Н.Н. Новосильцева как наиболее законченная работа был изучен и описан авторами данного исследования наиболее подробно. В данной статье авторы представляют подробный анализ структуры данного проекта конституции, подчеркивая его основные положения и выделяя ключевые конституционные принципы: единство государства, разделение властей, неприкосновенность частной собственности, свобода распространения информации и др. Авторами проведен сравнительный анализ, при котором проект Н.Н. Новосильцева был сопоставлен с проектом М.М. Сперанского, а также с конституциями других государств. Кроме этого, были сформулированы основные причины, по которым проект конституции Н.Н. Новосильцева так и не был реализован: недостаточная проработанность конституционных преобразований, рост освободительного движения в западноевропейских странах, а также ранняя кончина императора и последовавшее за этим восхождение на престол его младшего брата – императора-консерватора Николая I.

Ключевые слова: Российская империя, конституционный проект 1820 года, Государственная уставная грамота Российской империи, Александр I, Николай Николаевич Новосильцев, Михаил Михайлович Сперанский.

---

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: is.denisov@mail.ru (И.С. Денисов)

Copyright © 2023 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2023. 18(2): 609-618
 DOI: 10.13187/bg.2023.2.609

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

“Archaeology in a Broad Sense Contains a Source of Knowledge of National Identity” (I.E. Zabelin on the Tasks of Archaeology (based on Archival Materials))

Yulia G. Kokorina ^{a, *}, Utkir I. Abdullayev ^b, Machach M. Vagabov ^a, Vladimir Kozukhov ^c

^a Moscow Polytechnic University, Russian Federation

^b Urgench State University, Uzbekistan

^c Plekhanov Russian University of Economics, Russian Federation

Abstract

In modern humanitarian knowledge, which also includes archaeological knowledge, the most important role is played by the civil position of the researcher, the understanding of the humanistic orientation of science. This article is devoted to the consideration of the views of the outstanding Russian historian I.E. Zabelin on the role of the concept of “nationality” and “folk life” in relation to archaeology. The task of reconstructing the scientist's ideas related to determining the place of archeology in the life of society and the nature of science is solved on the basis of unpublished archival materials. In the course of the study, new accents were placed in his assessment as an archaeologist, teacher, citizen, what is the novelty of this work. The materials of this study were handwritten lecture notes compiled by E.I. Zabelin in the 1860s, for reading in front of an audience consisting of artists, as well as diaries and autobiography of the scientist. In historiography, the work of I.E. Zabelin was not considered in the perspective chosen in this article. In his lectures, I.E. Zabelin argues that modern ideas can be realized only by referring to the heroic past of the people. By “nationality” in archaeology, a scientist understands the study of both the material and spiritual culture of the past. Based on the history of archeology, the researcher points out the need to study not only classical antiquities, but also monuments of other peoples. Innovative are his reflections on the «living» and “dead” ways of developing archaeology as a science. The development of archaeological knowledge in Russia, for reasons not always of an academic nature, followed a “dead” path, which led to small-scale, regional-chronological isolation, and emphasized the empirical nature of research. The thesis of the unity of historical and archaeological knowledge has entered into the tradition of Russian science. I.E. Zabelin in his lectures was repeatedly ahead of his time, justifying the use of the term “type” of archeology, advocating a combination of archaeological practice and theory, defending the need to study all aspects of folk life. In Russian science, this was talked about more than a century after the lectures of I.E. Zabelin.

Keywords: history of archeology, theory of archeology, personality of a scientist, I.E. Zabelin, the concept of “nationality” in Russian science, material science.

1. Введение

В гуманитарных науках позиция исследователя особенно значима. Это в полной мере относится и к археологии, которая является комплексной, синтетической наукой, сочетающей в себе достижения естественнонаучного и точного знания с ведущей гуманитарной составляющей. Обращение к истории археологии и раскрытие научной и, можно сказать, гражданской позиции исследователя-археолога представляет, думается, не только академический интерес. Археологи XXI века всматриваются в прошлое своей науки, на примерах ученых минувших столетий учатся вырабатывать осознанное отношение к

* Corresponding author

E-mail addresses: kokorina@inbox.ru (Yu.G. Kokorina), abdullayev.u.i@mail.ru (U.I. Abdullayev), 9162803@mail.ru (M.M. Vagabov), Kozhukhov.VL@rea.ru (V.L. Kozukhov)

пониманию места своей дисциплины в картине мира современного человека. Археология, которая раскрывает особенности мышления наших далеких предков, дает понимание истоков многих современных представлений и идей, несет в себе значительный гуманистический посыл. Выявление гражданской наполненности науки, которая отнюдь не сводится к кладоискательству или романтике полевых исследований, является актуальной в наши дни.

Один из выдающихся российских историков и археологов И.Е. Забелин (1820–1908), 155-летие со дня смерти которого исполняется в 2023 году, четко осознавал необходимость осмыслить не только теорию и методику археологических исследований, но и высказать свою мировоззренческую позицию применительно к археологическому знанию. Обращение к архивным материалам, рукописям ученого, раскрывает не только взгляды И.Е. Забелина, но и позволяет расставить новые акценты в его оценке как археолога, историка, преподавателя, гражданина. В этом видится новизна данной работы.

Новизна видится также в введении в научный оборот новых фактов биографии И.Е. Забелина и материалов его рукописного архива, хранящегося в Отделе письменных источников Государственного исторического музея (ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 260). Новизна состоит и в раскрытии соотношения понятий «народность» и «задачи археологии» в мировоззрении ученого. Новизна заключается и в установлении не публиковавшегося ранее факта биографии исследователя, а именно: проведение лекций-бесед по археологии перед членами Общества любителей художеств в 1871 году.

2. Материалы и методы

Материалами данного исследования стали рукописные конспекты лекций, составленные И.Е. Забелиным для чтения перед аудиторией, состоящей из художников и любителей искусства. Данные конспекты представляют собой самодельные тетради с широкими полями, заполненные написанными чернилами текстами с минимум правок и вставок на полях. Интересно происхождение этих конспектов. Рукописи не датированы самим Иваном Егоровичем, и, как следует из текста, он их называл «беседами», обращаясь к художникам. В «Автобиографии» (ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1 Д. 11) И.Е. Забелин фиксирует факт своей работы в Константиновском межевом институте и Школе топографов в 1853–1869 годах (ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1 Д. 11. Л. 16), но ничего не говорит о «беседах» перед художниками. В архиве ученого обнаружено письмо на бланке Общества любителей художеств под августейшим покровительством государыни цесаревны и великой княгини Марии Федоровны, датированное маем 1871 года, в котором «комитет общества долгом своим считает выразить Вам искреннюю свою признательность за прочитанные Вами четыре лекции о русской археологии на художественных вечерах общества по пятницам, вместе с тем препровождает Вам бесплатный билет на звание действительного члена Общества. Извещая Вас о сем, не могу не высказать Вам нашей общей надежды, что прекрасный труд Ваш, обнимающий собой столь важный предмет, как вопрос о русской архитектуре, будет в возможно скором времени напечатан и сделается таким образом достоянием не одних членов нашего Общества, а всех интересующихся отечественным искусством» (ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1 Д. 157. Л. 83). На обратной стороне письма имеется карандашная запись И.Е. Забелина с благодарностью и надеждой издать тексты «бесед» (ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 157. Л. 84). Отметим, что тексты «бесед» в полном объеме так и не были изданы. Некоторые мысли по поводу позиции историка в отношении исторического знания, о «народности» истории, высказаны Иваном Егоровичем в статье, опубликованной в 1872 году в сборнике «Опыты изучения русских древностей и истории» (Забелин, 1872). Однако вклад И.Е. Забелина в художественную культуру и художественное образование не остался незамеченным.

Из архивных материалов следует, что в 1894 году И.Е. Забелин был избран действительным членом Императорской академии художеств, о чем свидетельствует письмо за подписью графа И. Толстого от 7 октября 1874 года: «Собрание Императорской Академии художеств, по произведенному 19 сентября сего года баллотированию избрало Вас, милостивый государь, в число своих действительных членов. Означенное постановление, удостоенное одобрения Августейшего Президента Академии, будет на основании параграфа 117 действующего устава Академии будет представлено через Министерство Императорского двора на высочайшее Государя Императора благоволение» (ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 133. Л. 3). В 1895 году ученый получает письмо, в котором сообщается, что «Кабинет Его Императорского Величества отношением от 31-го минувшего января за № 2185 уведомил, что на назначение Вас действительным членом Императорской Академии Художеств последовало Высочайшее Государя Императора разрешение» (ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 133. Л. 11). В списке членов Академии художеств И.Е. Забелин числится среди трех лиц, «не принадлежащих никакой художественной специальности» (ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 133. Л. 133). И.Е. Забелин являлся действительным членом Императорской академии художеств с 1894 года.

В качестве материала нами использованы и дневники ученого (Забелин, 2001).

Мы применили в своем исследовании такие методы исторической науки, как сравнительно-исторический (сопоставление событий и явлений), благодаря которому проследили исторический контекст «бесед» И.Е. Забелина и сравнили его позицию с идеями, высказывавшимися как современниками ученого, так и возникшими в исторической науке XX–XXI веков. Дескриптивный метод применен для описания основных позиций ученого и развития идей, высказанных исследователем в последующее время. Принцип историзма важен для определения места работ

И.Е. Забелина в контексте развития археологического знания XIX–XXI веков. Принцип объективности является ключевым в данном исследовании, как в любой работе по историографии археологии (Формозов, 2004: 65). Мы вводим в научный оборот не публиковавшийся и не предназначенный для публикации документ, представляющий собой образец публичной речи ученого, и хотели бы, чтобы читатель не только осознал, но и прочувствовал эмоции историка, стремившегося донести до слушателей гуманистический посыл археологической науки, ее место в изучении человеческого прошлого. Поэтому в нашей работе много цитат из «бесед» И.Е. Забелина со слушателями-художниками, его дневников и трудов других исследователей.

3. Обсуждение

Взгляды и деятельность И.Е. Забелина привлекали внимание как современников ученого (например, Анучин, 1909; Ключевский, 1983; Ключевский, 1983а; Кузьминский, 1912), так и историков последующих поколений (например, Формозов, 1984; Забелин, 1992; Иван Егорович Забелин, 1988; Сахаров, 1990; Сахаров, 1996; Севостьянов, Мильская, 2000; Формозов, 2004). В Рукописном архиве Института истории материальной культуры в Санкт-Петербурге хранится машинописный вариант неопубликованной статьи известного советского археолога М.И. Артамонова (РА ИИМК. Ф. 74. Д. 241. Л. 1-68), в которой ученый анализирует не только археологическую практику, но и теоретические и философские взгляды И.Е. Забелина (Алексеев, 2004). Однако статья основана на опубликованных материалах, и в данном ракурсе в ней позиция исследователя не рассматривается.

В единственной в настоящее время монографии А.А. Формозова об И.Е. Забелине уделено значительное внимание полевой работе ученого, но о его подходе к археологии как науке, о выражении гражданской позиции ученого применительно к археологическому знанию речи не идет (Формозов, 1984).

А.Н. Сахаров в своих работах анализировал взгляды И.Е. Забелина на проблему народа и народности. На основе опубликованных Иваном Егоровичем работ сделал вывод о том, «что же имел в виду Забелин под народной жизнью, «лицом народа»? Здесь все просится на страницы истории, говорит он – «народная песня, поверья и предания, обряд и обычай, домашняя обстановка со всеми мелочами быта и система понятий и убеждений эпохи», необходимо изучать и законы, по которым живет сложный народный организм. Это требует сосредоточения внимания исследователей на материалах, которые дают наиболее «типические черты» «народной личности». Это не только летописи, но и иные пласты источников – юридические акты, челобитные, сыские дела, рассказывающие о повседневной жизни народа, внимательное и всестороннее изучение бытовых вещей» (Сахаров, 1990). Свою статью, посвященную ученому, А.Н. Сахаров назвал «Народ – основа всего» (Сахаров, 1996), и в ней, частично опираясь на свои более ранние разработки, подробно анализирует понимание народа И.Е. Забелиным, указывая, что «И.Е. Забелин писал историю народа, одновременно он писал историю личностей; через личности он показывал народ, а характеризуя народ, шел к обрисовке характера личности» (Сахаров, 1996: 331). При всей яркости восприятия народного характера творчества И.Е. Забелина А.Н. Сахаров характеризует его восприятие народности по отношению к истории, тогда как наш материал раскрывает понимание ученым народности применительно к археологии.

Эволюцию взглядов ученого в отношении «народности» и «народного духа» кратко охарактеризовал Л.С. Клейн, посвятивший главу И.Е. Забелину в своей монографии по истории российской археологии (Клейн, 2014). Так, Л.С. Клейн отмечает: «Забелин был несомненным и принципиальным сторонником единства самодержавия и народности в России. <...> Народ против бояр и дворян, но тянется к царю, как своему идеальному воплощению. Исконный образ мышления русского народа и монархический строй неразрывно связаны. <...> Посягательство на основы самодержавия опасно для самого существования русского народа» (Клейн, 2014: 453).

Советские и российские авторы рассматривали деятельность И.Е. Забелина под разным углом, опираясь преимущественно на публикации ученого, тогда как позиция историка в отношении археологии и ее «народности» специально не рассматривалась.

4. Результаты

И.Е. Забелин выступил в печати со своими трудами в годы ожесточенной полемики между «западниками», «славянофилами» и революционными демократами и прекрасно осознавал, что «наука история в большинстве случаев служит для современности как средство для всевозможных доказательств, оправданий и порицаний» (Забелин, 1872: 301). Он оставался над бушевавшей вокруг полемикой. Но, отстаивая необходимость изучать историю народа, а не только отдельных личностей, он обращался к своей аудитории художников: «Предметом наших бесед будет русская археология. А наша цель состоит в том, чтобы по возможности ясно определить значение Археологии, как особого самостоятельного отдела знаний, именно в отношении к искусству» (ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 260. Л. 63).

Рассматривая переход от классицизма к романтизму, а затем и к реализму, И.Е. Забелин отмечал: «Оставив художественный классицизм и обратившись непосредственно к веществу природы, искусство тотчас должно было встретиться с народностью, потому, что народность есть самое первое и главное вещество для художественного творчества» (ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 260. Л. 65). Само понятие

«народность» вошло в научный язык благодаря П.А. Вяземскому, который в письме к А.И. Тургеневу писал в 1819 г.: «Зачем не перевести *nationalité* – народность? Поляки сказали же: *narodowosć!* <...> Прекрасно! Слово, если нужно оно, укоренится» (Цит. по: Мордовченко, 1959: 296). П.А. Вяземский называл народностью национальное своеобразие (Удалов, 2015: 147). И.Е. Забелин через более чем сорок лет после появления неологизма в русском языке понимал под народностью больше, чем особенность той или иной нации. В определенной степени И.Е. Забелин вкладывает в понятие смысл, близкий тому, который придавал ему М.П. Погодин, к позициям которого И.Е. Забелин в начале своего научного пути был близок и даже, как отмечал Л.С. Клейн, «учился» у М.П. Погодина, хотя и впоследствии критиковал позитивизм последнего (Клейн, 2014: 455). «Русская история представляет всегда Россию одним семейством, в котором государь отец, а подданные дети. Отец сохраняет над детьми полную власть, предоставляя им полную свободу. Между отцом и детьми не может быть недоверчивости, измены; судьба, счастье и спокойствие их – общие» (Погодин, 2006: 636-637).

Иван Егорович терпеливо разъясняет свое понимание народности: «Это не только географическое положение, ландшафт, но и здания той народности, и здания именно того века, который изберет художник для своей картины; и одежды, и позы людей, их обычаи, нравы, их облики или типы, вся мелочная их обстановка – все это народность, все это вещество природы того народа, который должен живым появиться в картине художника» (ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 260. Л. 65-66). Все сказанное представляется тривиальным в наши дни. Однако во времена формирования реалистического направления в живописи сказанное представляется важным. При этом И.Е. Забелин указывает на соотношение исторического и археологического знания, подчеркивая, что в воплощении идеи народности в живописи ведущее место принадлежит археологии. Историк точно осознает необходимость гражданской позиции художника и указывает на то, что современные идеи возможно воплотить, только обратившись к прошлому. «А взявшись за историческое создание, искусство становится в среду не истории только, но именно в среду археологии (подчеркнуто И.Е. Забелиным – Авт.). История дает художнику, конечно, самое главное – продуманную и проверенную идею создания. Но воплощение этой идеи в художественный образ тотчас требует исторического вещества, исторической реальности, исторической природы, которая и есть наша археология» (ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 260. Л. 70). Далее ученый выступает как блестящий лектор, приводя ясные и подробные примеры того, какие задачи необходимо решить художнику, если он хочет, например, изобразить подвиг Кузьмы Минина. «Какой кафтан должно надеть на Минина, в какую обувь его обути, как причесать или как остричь его волосы; дать ли ему в руку посох, ибо он был выборным всей земли, <...> какая была форма этого посоха, имел ли он рога или был просто палкой <...>. Если я помещу событие на площади, я должен обставить эту площадь, и передний, и задний план, постройками. А какие были эти постройки? Какие у них были крыши, трубы, окна, ворота и т.д. Если я помещу свою картину в комнате – какова была эта комната; были в ней стулья и какие; какие были столы, что было на сторонах, каковы были различные комнатные мелочи, разная утварь, посуда и т.п.» (ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 260. Л. 71). Во всем этом И.Е. Забелин усматривал «натуру истории», «а натура истории, как мы показали, есть археология. Ведь древним историческим веществом обладает только она. Можно больше сказать, именно археология со своей вещественной, реальной стороны, со стороны всякого рода памятников, есть само искусство во всех его видах и формах и во всех степенях его развития» (ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 260. Л. 72).

Далее Иван Егорович проявляет себя знатоком истории археологии, по которой в то время на русском языке не было обобщающих трудов. Тем не менее ученый знает об археологической деятельности в эпоху Возрождения, знает о так называемых «куриозитетах», как называли древние артефакты в XVIII веке (ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 260. Л. 73). Возможно, о последнем исследователь узнал из документов Петровской эпохи, в частности из разъяснения 1721 года, предписывавшего «куриозные вещи, которые находятся в Сибири, покупать <...> и, не переплавляя, присылать в Берг- и Мануфактур-коллегию» (Формозов, 1986: 20).

Экскурс в историю археологии завершается размышлениями о «живом» и «мертвом» путях развития археологии как науки. Если «живой» путь представляет собой творческое развитие знания с появлением новых специальностей, которые сейчас принято относить к вспомогательным историческим дисциплинам, таким как археография, палеография, нумизматика, то на важность указания И.Е. Забелиным «мертвого» пути необходимо обратить особое внимание. Вот как описывает этот путь сам Иван Егорович: «Мертвый путь – так можно назвать ученость, которая не поднимается выше своего предмета, а как бы лежит у его ног, отчасти не смея, отчасти не умея двинуться с места. Такая ученость изучает предмет для него самого, вовсе не помышляя о живом единстве всех отделов знания, которые всегда друг друга проверяют и дополняют. Такая ученость поэтому всегда отличается отсутствием критики, проверки, которой неоткуда и добыть, когда дальше своего предмета ничего не видно и не охота видеть» (ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 260. Л. 77).

Археологическое знание в России до 1920-х гг. развивалось самобытным путем, в то же время в тесной связи с общемировым археологическим процессом. Российские археологи иногда опережали западноевропейских авторов, например опубликовав по инициативе Московского археологического

общества «Словарь российских древностей» за 50 лет до того, когда Ж. Дешелетт опубликовал первый труд обобщающего характера по западноевропейской археологии (Dechelette, 1908-1934).

В первые годы после Октябрьской революции в России ученые возлагали большие надежды на теорию Карла Маркса, на основе которой строилась теоретическая база советской археологии. Однако в науке наступила полоса засилья работ вульгаризаторского характера, позже пышным цветом расцвело «новое учение о языке» Н.Я. Марра, способствовавшее формированию так называемой «стадиальной теории» в археологии СССР. Далее последовала активная борьба с «марризмом» и с «городцовщиной», как с пренебрежением называли оппоненты типологический метод В.А. Городцова. Сторонники метода подверглись репрессиям, на них навесили ярлык «вульгаризаторов-типизаторов». Все это не могло не сказаться на разработке теоретических проблем в советской археологии. Уже после сталинских репрессий, в 1960-е годы, в ведущем в СССР археологическом издании «Советская археология» за 10 лет доля теоретических статей в общей массе публикаций журнала была менее 5 % (Колчин и др., 1970). Подсчеты по другим изданиям показывают, что в 1973–1978 годах в Советском Союзе работы по археологической теории составляли менее 1 % (Холошук, 2004: 10).

Непростая ситуация с развитием теоретического знания сложилась и в мировой науке. В своей монографии российский археолог-теоретик Л.С. Клейн поддерживает мнение американца Питера Аккоу о том, что «теоретически настроенные археологи находятся в меньшинстве во всех странах и вынуждены формировать нечто вроде гетто внутри своей дисциплины» (Клейн, 2004: 213). Проблемы теории осмысливались в СССР параллельно с развитием археологической эмпирии. 1930-ми годами датируется появление термина «вещеведение» (Бонч-Осмоловский, 1934), который был неблагоприятно принят в советской науке как выражение «буржуазного» направления. Понятие «вещеведение» важно для нашего исследования. И.Е. Забелин, обращая внимание слушателей на особенности народного быта, того, что в наши дни получило название «материальной культуры», имел в виду и археологическое источниковедение, которое и получило в современном научном языке наименование «вещеведение» (Щапова, 2000).

Но и вещеведение бывает разное. И.Е. Забелин с горечью пишет о том, что «казалось, никто не подозревал, что существуют памятники нашего национального искусства. Если иногда и упоминали о них, то с презрением. Но зато с удивительной жадностью, с восторгом, доходившим иногда до смешного, занимались разысканиями о каком-нибудь римском кирпиче или обломке глиняной посуды, о следах древнеримской дороги и т.п. и вовсе не замечали прекрасных замков феодального времени, прекрасных храмов, построенных в христианскую эпоху <...>. Ни одного любителя, ни одного историка-описателя, который мог бы сохранить о них память, спасти их от истребления» (ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 260. Л. 80). Поэтому Иван Егорович видел задачу археологов в изучении материальной, а через нее – и духовной культуры своего народа, а художников – в создании произведений, освещающих героическую историю своего народа. При этом ученый не замыкался рамками только русского народа. Он считал, что «каждая народность каждым своим памятником свидетельствовала, что, если здесь и нет искусства в его эстетическом значении, зато здесь есть сила народного замысла, народного творчества, которая точно так же стремилась воплотить себя и притом по-своему, в различных памятниках» (ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 260. Л. 82).

И.Е. Забелин, разграничивая задачи и, говоря современным языком, предмет исследования истории и археологии, видел высокий гуманистический посыл археологического знания, которое свидетельствует «о жизни народа, или, определим тщательнее, о жизни человека вообще, ибо археологические свидетельства и памятники потому и считаются мелочью, и не слишком охотно допускаются на страницы истории, что они есть свидетельства о жизни не народа собственно, а мелких единиц, составляющих народное тело, всех вообще людей» (ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 260. Л. 87). Иван Егорович указывал на то, что задача археологии и понимание народности применительно к археологии заключаются не только в рассмотрении, как говорят в наши дни, материальной культуры, но и в реконструкции духовной культуры людей древности. «В область археологии теперь относится все, что остается от прожитой жизни человека, начиная с обломков его домашней утвари и восходя до обломков его миросозерцания» (ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 260. Л. 88). Выше мы рассматривали «мертвый путь» в российской археологии, одним из выражений которого был отказ от изучения мировоззрения наших далеких предков, отрицание самой возможности реконструкции мифологической картины мира древнего человека. К подобной проблематике российская наука обратилась только в 1980-е годы (Иванов, Топоров, 1965; Кузьмина, 2002; Мириманов, 1973; Мириманов, 1997; Раевский, 1977; Раевский, 1985; Раевский, 2006). То есть И.Е. Забелин, как в ряде других случаев, опережал свое время в рассмотрении данного вопроса более чем на сто лет.

При этом исследователь видит единство археологического и исторического знания. «Как скоро в своих исследованиях частностей единичного, археология восходит до выяснения цельных и полных типов, до определения единых общих условий человеческой жизни, до раскрытия, в чем бы ни было, единой общей силы человеческой природы; то результаты ее тотчас же целиком поступают в собственность истории и здесь ее исследование течет уже одним общим руслом с историей» (ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 260. Л. 88). Признание археологии исторической дисциплиной утвердилось в российской научной традиции. Разделяют его и авторы данной статьи, хотя концепция об археологии

как самостоятельной источниковедческой дисциплине тоже имеет место в отечественной науке (Клейн, 2014: 449).

Обращает на себя внимание применение термина «тип» в лекциях Ивана Егоровича. В своих дневниках он записывает: «Конечная цель археологии – это тип, типический лик предка. А для выяснения типа необходимы все мелочи, среди которых он живет и которыми он живет <...>. Нам нужны типы, а не описания географические или статистические старинных людей» (Забелин, 2001: 233). Речь идет, таким образом, о типах людей. Примечательна сама идея типизации, составления типологии, указания на типическое в изучении материальной (и духовной) культуры древности. В Европе работа основоположника типологического метода О. Монтелиуса вышла в 1885 году (Клейн, 2011: 441), а в России первую работу по теоретическому обоснованию археологической типологии В.А. Городцов опубликовал в 1927 году, и она была впервые переиздана в 1997 году (Городцов, 1997), то есть десятилетия спустя после высказываний И.Е. Забелина.

Дар научного предвидения не изменяет И.Е. Забелину и в оценке специфики археологического знания: «наука археология по свойству своего разнообразного и разнородного материала раздробляется на множество ветвей, из которых каждая почитает себя и свою задачу чуть ли не самостоятельным деревом. Для науки это очень важно. Сосредоточение внимания исследователя на одном предмете – это дает много средств для мелочной разработки вопроса, что значительно необходимо при изучении всякого дела и всякого предмета. Но, с другой стороны, у такой замкнутости в предметах своего восторга взгляд исследователя суживается, костенеет, тупеет исследователь, теряет живое понимание всех отдельных мелких частей науки, словом – теряет живую душу науки и рассматривает свой вопрос как анатомический препарат» (ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 260. Л. 93-94). Несмотря на непростой путь развития теоретического знания в российской археологической науке, о преодолении исследовательской узости, отказе от регионально-хронологической замкнутости, необходимости «выхода» в другие науки и осмыслении эмпирического материала в отечественном археологическом научном сообществе заговорили в 1980–2000-е годы, то есть более чем столетие спустя после «бесед» И.Е. Забелина (Генинг, 1989; Шапова, 2000; Шапова, Гринченко, 2017; Шапова, Гринченко, Кокорина, 2019).

Лейтмотивом всех лекций историка звучит призыв увидеть человека за древними артефактами, «весь интерес сосредотачивается все-таки на самом человеке, или в его единичности, или в его общем, в живом существе целого народа. Это – главное лицо, непосредственный герой той драмы, которая именуется жизнью и для которой вещественные памятники, предлагаемые для изучения, служат только внешними материальными формами и условиями его же творчества» (ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 260. Л. 97-98).

Написавший книгу о И.Е. Забелине А.А. Формозов стремился всесторонне охарактеризовать творчество историка, отмечая, что в печатных трудах ученого «то наталкиваешься на что-то безнадежно устаревшее, до крайности наивное – ведь некоторые книги вышли свыше ста лет назад, а наука с тех пор не стояла на месте, – то вдруг находишь страницы, звучащие удивительно свежо, тонко, даже актуально. Самобытный ум, глубокое проникновение в жизнь старой Руси стоят за этими строками» (Формозов, 1984: 13). Изучение архивных материалов показывает, что нового, свежего и актуального в творчестве И.Е. Забелина гораздо больше, чем устаревшего. Положение о необходимости гражданской наполненности отношения к науке, в частности археологии, звучит удивительно современно в наши дни.

5. Заключение

Обращение к архивным материалам позволяет констатировать, что для И.Е. Забелина как историка и археолога было важным не только проведение полевых исследований, не только теоретическое осмысление археологии как науки, но и понимание этой области знания как выражения народности. Под «народностью» в дополнение к опубликованным исследователем работам подразумевается изучение народного быта, материальной и духовной культуры народа. И.Е. Забелин отстаивает за археологией право реконструировать не только частности, не только отдельные черты народного быта, но и воссоздавать мирозерцание, то есть картину мира людей прошлого. При этом историк не замыкается на специфике прошлого одного народа, он считает, что археология призвана изучать любые, а не только греческие или римские, древности. Иван Егорович демонстрирует знание истории археологической науки и истории искусства, и если научному искусствоведению ко времени выступления И.Е. Забелина со своими «беседами» насчитывалось более ста лет, то историей своей науки археологи, по крайней мере в России, стали заниматься с 1960–1970-х годов. И в этом – не только исторический профессионализм исследователя, но и проявление дара научного предвидения, который ученый демонстрирует на материале лекций перед художниками. Так, он предупреждает от увлечения чрезмерной специализацией, мелкотемьем и эмпиризмом, что окажется свойством советской археологической науки XX века и с трудом будет преодолевать в XXI веке. Он увидит необходимость обращения к типичному и реконструкции типов – пусть не в понимании О. Монтелиуса или В.А. Городцова, но задолго до них. Он указывал на необходимость тщательной вещеведческой, а по сути, источниковедческой работы в археологии,

и тем не менее понимал необходимость теоретических исследований и имел смелость говорить об этом. Главное, на чем мы хотели бы остановиться, характеризуя взгляды исследователя – это на понимании им необходимости как в археологии, так и в искусстве понимать и изучать народ, служить ему. Служить так, как делал всю свою жизнь сам И.Е. Забелин. Облик мудреца, летописца, понимающего и глубоко чувствующего народные чаяния и интересы, привлекал выдающихся художников, писавших портреты И.Е. Забелина – И.Е. Репина, запечатлевшего историка в своем кабинете в 1877 году, и В.А. Серова, создавшего портрет ученого в 1892 году. В работах художников реалистического направления, сторонником которого был И.Е. Забелин и формированию которого способствовал в своих «беседах», историк предстает человеком, пропустившим через свою душу историю народа. Как наука, нацеленная именно на изучение всех сторон народного прошлого, расценивалась им и археология. Эта задача стоит и перед археологами XXI века.

Литература

- Алексеев, 2004** – Алексеев А.Ю. К портрету И.Е. Забелина на фоне скифологии / *Невский археолого-историографический сборник*. К 75-летию А.А. Формозова. Ответственный редактор А.Д. Столяр. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского государственного университета, 2004. С. 37-48.
- Анучин, 1909** – Анучин Д.Н. И.Е. Забелин как археолог в первую половину его научной деятельности (1842–1876). Речь, прочитанная на заседании Московского археологического общества 10 апреля 1909 года. М.: Типография Общества распространения полезных книг, 1909. 42 с.
- Бонч-Осмоловский, 1934** – Бонч-Осмоловский Г.А. Итоги изучения крымского палеолита / *Труды Международной конференции Ассоциации по изучению четвертичного периода Европы*. Вып. 5. Л.: ЛГУ, 1934. С. 5-23.
- Генинг, 1989** – Генинг В.Ф. Структура археологического познания (проблемы социально-исторического исследования). Киев: Наукова думка, 1989. 296 с.
- Городцов, 1997** – Городцов В.А. Типологический метод в археологии // *Антология советской археологии*: В 3 т. Т. 1. 1917–1933. М.: Институт археологии РАН, 1995. С. 26-31.
- Забелин, 1872** – Забелин И.Е. Современные взгляды и направления в русской истории // Забелин И.Е. Опыты изучения русских древностей и истории. М.: К. Солдатенков, 1872. Ч. 1. С. 301-354.
- Забелин, 2001** – Забелин И.Е. Дневники. Записные книжки: (1837–1908) / Предисловие Н.А. Каргаполова. М.: Издательство им. Сабашниковых, 2001. 383 с.
- И.Е. Забелин, 1992** – И.Е. Забелин. 170 лет со дня рождения. В 2 ч. / Отв. ред. А.Д. Яновский // *Труды Государственного исторического музея*. 1992. Выпуск 81. Ч. 1–2.
- Кузьминский, 1912** – Кузьминский К.С. Иван Егорович Забелин и его печатные труды. М.: Синодальная типография, 1912. 14 с.
- Иван Егорович Забелин, 1988** – Иван Егорович Забелин: Библиографический указатель. М: Б. и., 1988. 73 с.
- Иванов, Топоров, 1965** – Иванов Вяч.Вс., Топоров В.Н. Славянские языковые моделирующие семиотические системы. М.: Наука, 1965. 245 с.
- Клейн, 2004** – Клейн Л.С. Введение в теоретическую археологию. Книга 1. Метаархеология. СПб.: Бельведер, 2004. 470 с.
- Клейн, 2011** – Клейн Л.С. История археологической мысли. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, 2011. Т.1. 628 с.
- Клейн, 2014** – Клейн Л.С. История Российской археологии: учения, школы и личности. Т. 1. Общий обзор и дореволюционное время. СПб.: ЕВРАЗИЯ, 2014. 704 с.
- Ключевский, 1983** – Ключевский В.О. Рецензия на книгу И.Е. Забелина «История русской жизни с древнейших времен» (М., 1876, ч. 1). *Неопубликованные произведения*. М.: «Наука», 1983. [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/k/kljuchewskij_w_o/text_1876_zabelin.shtml
- Ключевский, 1983а** – Ключевский В.О. Д.И. Иловайский и И.Е. Забелин // В.О. Ключевский. *Неопубликованные произведения*. М.: «Наука», 1983. [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/k/kljuchewskij_w_o/text_1876_ilovaysky.shtml
- Колчин и др., 1970** – Колчин Б.А. Маршак Б.И., Шер Я.А. Археология и математика // *Статистико-комбинаторные методы в археологии*. М.: Наука, 1970. С. 3-7.
- Кузьмина, 2002** – Кузьмина Е.Е. Мифология и искусство скифов и бактрийцев. М.: Б.и. 2002. 288 с.
- Мириманов, 1997** – Мириманов В.Б. Искусство и миф: Центральный образ картины мира. М.: АО «Согласие», 1997. 327 с.
- Мириманов, 1973** – Мириманов В.Б. Первобытное и традиционное искусство. М.: Искусство; Dresden : Verl. der Kunst, 1973. 319 с.
- Мордовченко, 1959** – Мордовченко Н.И. Русская критика первой четверти XIX века. М.-Л.: Издательство АН СССР (Ленинградское отделение), 1959. 431 с.
- ОПИ ГИМ** – Отдел письменных источников Государственного исторического музея.
- Погодин, 2006** – Погодин М.П. Историческое похвальное слово Карамзину // *Карамзин: pro et contra*. СПб., 2006. С. 605-641.

Раевский, 1977 – Раевский Д.С. Очерки идеологии скифо-сакских племен. М.: Наука, 1977. 216 с.
 Раевский, 1985 – Раевский Д.С. Модель мира скифской культуры. М.: Наука, 1985. 256 с.
 Раевский, 2006 – Раевский Д.С. Мир скифской культуры. М.: Языки славянских культур, 2006.

598 с.

РА ИИМК – Рукописный архив Института истории материальной культуры.

Сахаров, 1990 – Сахаров А.Н. И.Е. Забелин: новая оценка творчества // *Вопросы истории*. 1990. № 7. Выпуск 3–1. [Электронный ресурс]. URL: https://portalus.ru/modules/culture/rus_readme.php?subaction=showfull&id=1447496607&archive=&start_from=&ucat=&

Сахаров, 1996 – Сахаров А.Н. Народ – разгадка всего. Иван Егорович Забелин // *Историки России XVII – начало XIX века*. М.: Скрипторий, 1996. С. 315–333.

Севостьянов, Мильская, 2000 – Севостьянов Г.Н., Мильская Л.Т. Портреты историков: Время и судьбы. В 2 т. Том 1. Отечественная история. М.- Иерусалим: Университетская книга, Gesharim. 2000. [Электронный ресурс]. URL: <https://arheologija.ru/ivan-egorovich-zabelin-1820-1908/> (дата обращения: 25.01.2023)

Топоров, 1995 – Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: исследования в области мифопоэтического. М.: Прогресс: Культура, Б. г. (1995). 621 с.

Удалов, 2015 – Удалов С.В. «Православие, самодержавие, народность»: идеологема николаевского царствования // *Вопросы истории консерватизма*. 2015. № 11. С. 144–159.

Формозов, 1986 – Формозов А.А. Страницы истории русской археологии. М.: Наука, 1986. 240 с.

Формозов, 1984 – Формозов А.И. Историк Москвы И.Е. Забелин. М.: Московский рабочий, 1984.

239 с.

Формозов, 2004 – Формозов А.И. Историография русской археологии на рубеже XX–XXI веков: (обзор кн., вышедших в 1997–2003 гг.). Курск: Издательство Курского государственного университета, 2004. 67 с.

Холушкин, 2004 – Холушкин Ю.П. Введение в археологическое науковедение. Новосибирск: Новосибирский государственный университет, 2004. 98 с.

Щапова, Гринченко, 2017 – Щапова Ю.Л., Гринченко С.Н. Введение в теорию археологической эпохи. М.: Исторический факультет МГУ, Федеральный исследовательский центр «Информатика и управление» РАН, 2017. 236 с.

Щапова, 2000 – Щапова Ю.Л. Введение в вещеведение. М.: МГУ, 2000. 204 с.

Щапова и др., 2019 – Щапова Ю.Л., Гринченко С.Н., Кокорина Ю.Г. Информатико-кибернетическое и математическое моделирование археологической эпохи: логико-понятийный аппарат. М.: Федеральный исследовательский центр «Информатика и управление» РАН, 2019. 136 с.

Dechelette, 1908–1934 – Dechelette J. Manuel d'Archéologie Préhistorique, Celtique et Gallo-romaine. Paris: Picard, 1908–1934. Т. 1–6.

References

Alekseev, 2004 – Alekseev, A.Yu. (2004). K portretu I.E. Zabelina na fone skifologii [To the portrait of I.E. Zabelin against the background of Scythology]. *Novskii arkheologo-istoriograficheskii sbornik*. K 75-letiyu A.A. Formozova. Otvetstvennyi redaktor A.D. Stolyar. SPb.: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta. Pp. 37–48. [in Russian]

Anuchin, 1909 – Anuchin, D.N. (1909). I.E. Zabelin kak arkheolog v pervuyu polovinu ego nauchnoi deyatel'nosti (1842–1876). Rech', prochitannaya na zasedanii Moskovskogo arkheologicheskogo obshchestva 10 aprelya 1909 goda [I.E. Zabelin as an archaeologist in the first half of his scientific activity (1842–1876). Speech delivered at a meeting of the Moscow Archaeological Society on April 10, 1909]. М.: Tipografiya Obshchestva rasprostraneniya poleznykh knig, 42 p. [in Russian]

Bonch-Osmolovskii, 1934 – Bonch-Osmolovskii, G.A. (1934). Itogi izucheniya krymskogo paleolita [Results of the study of the Crimean Paleolithic]. *Trudy Mezhdunarodnoi konferentsii Assotsiatsii po izucheniyu chetvertichnogo perioda Evropy*. Vyp. 5. L.: LGU. Pp. 5–23. [in Russian]

Dechelette, 1908–1934 – Dechelette, J. (1908–1934). Manuel d'Archéologie Préhistorique, Celtique et Gallo-romaine [Handbook of Prehistoric, Celtic and Gallo-Roman Archeology]. Paris: Picard. Т. 1–6. [in French]

Formozov, 1984 – Formozov, A.I. (1984). Istorik Moskvy I.E. Zabelin [Moscow historian I.E. Zabelin]. М.: Moskovskii rabochii, 239 p. [in Russian]

Formozov, 1986 – Formozov, A.A. (1986). Stranitsy istorii russkoi arkheologii [Pages of the history of Russian archeology]. М.: Nauka, 240p. [in Russian]

Formozov, 2004 – Formozov, A.I. (2004). Istoriofografiya russkoi arkheologii na rubezhe XX–XXI vekov: (obzor kn., vyshedshikh v 1997–2003 gg.) [Historiography of Russian archeology at the turn of the XX–XXI centuries: (review of books published in 1997–2003)]. Курск: Izdatel'stvo Kurskogo gosudarstvennogo universiteta, 67 p. [in Russian]

Gening, 1989 – Gening, V.F. (1989). Struktura arkheologicheskogo poznaniya (problemy sotsial'no-istoricheskogo issledovaniya) [The structure of archaeological cognition (problems of socio-historical research)]. Kiev: Naukova dumka, 296 p. [in Russian]

- Gorodtsov, 1997** – *Gorodtsov, V.A.* (1997). Tipologicheskii metod v arkheologii [Typological method in archeology]. *Antologiya sovetskoi arkheologii: V 3 t. T. 1. 1917–1933*. M.: Institut arkheologii RAN. Pp 26-31. [in Russian]
- I.E. Zabelin, 1992** – *I.E. Zabelin*. 170 let so dnya rozhdeniya: V 2 ch. [I.E. Zabelin. 170 years since the birth. In 2 parts]. *Otv. red. A.D. Yanovskii. Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya. 1992*. Vyp. 81. Ch. 1–2. [in Russian]
- Ivan Egorovich Zabelin, 1988** – Ivan Egorovich Zabelin: Bibliograficheskii ukazatel' [Ivan Egorovich Zabelin: Bibliographic index]. M: B. i., 1988. 73 p. [in Russian]
- Ivanov, Toporov, 1965** – *Ivanov, Vyach.Vs., Toporov, V.N.* (1965). Slavyanskije yazykovye modeliruyushchie semioticheskie sistemy [Slavic language modeling semiotic systems]. M.: Nauka, 245 p. [in Russian]
- Kholyushkin, 2004** – *Kholyushkin, Yu.P.* (2004). Vvedenie v arkheologicheskoe naukovedenie [Introduction to archaeological science]. Novosibirsk: Novosibirskii gosudarstvennyi universitet, 98 p. [in Russian]
- Klein, 2004** – *Klein, L.S.* (2004). Vvedenie v teoreticheskuyu arkheologiyu [Introduction to Theoretical Archaeology]. *Kniga 1. Metaarkheologiya*. SPb.: Bel'veder, 470 p. [in Russian]
- Klein, 2011** – *Klein, L.S.* (2011). Istoriya arkheologicheskoi mysli [History of Archaeological thought]. SPb.: Sankt-Peterburgskii gosudarstvennyi universitet, T. 1. 628 p. [in Russian]
- Klein, 2014** – *Klein, L.S.* (2014). Istoriya Rossiiskoi arkheologii: ucheniya, shkoly i lichnosti [The history of Russian archaeology: teachings, schools and personalities]. T.1. *Obshchii obzor i dorevoljutsionnoe vremya*. SPb.: EVRAZIYA, 704 p. [in Russian]
- Klyuchevskii, 1983** – *Klyuchevskii, V.O.* (1983). Retsenzija na knigu I.E. Zabelina «Istoriya russkoi zhizni s drevneishikh vremen» (M., 1876, ch. 1) [Review of the book by I. E. Zabelin "The History of Russian Life since Ancient Times" (Moscow, 1876, part 1)]. *Neopublikovannye proizvedeniya*. M.: «Nauka». [Electronic resource]. URL: http://az.lib.ru/k/kljuchevskij_w_o/text_1876_zabelin.shtml [in Russian]
- Klyuchevskii, 1983a** – *Klyuchevskii, V.O.* (1983). D.I. Ilovaiskii i I.E. Zabelin // V.O. Klyuchevskii. *Neopublikovannye proizvedeniya* [Unpublished works]. M.: «Nauka». [Electronic resource]. URL: http://az.lib.ru/k/kljuchevskij_w_o/text_1876_ilovaysky.shtml [in Russian]
- Kolchin i dr., 1970** – *Kolchin, B.A. Marshak, B.I., Sher, Ya.A.* (1970). Arkheologiya i matematika [Archeology and mathematics]. *Statistiko-kombinatornye metody v arkheologii*. M.: Nauka. Pp. 3-7. [in Russian]
- Kuz'mina, 2002** – *Kuz'mina, E.E.* (2002). Mifologiya i iskusstvo skifov i baktriiitsev [Mythology and art of the Scythians and Bactrians]. M.: B.i. 288 p. [in Russian]
- Kuz'minskii, 1912** – *Kuz'minskii, K.S.* (1912). Ivan Egorovich Zabelin i ego pechatnye Trudy [Ivan Egorovich Zabelin and his printed works]. M.: Sinodal'naya tipografiya, 14 p. [in Russian]
- Mirimanov, 1973** – *Mirimanov, V.B.* (1973). Pervobytnoe i traditsionnoe iskusstvo [Primitive and traditional art]. M.: Iskusstvo; Dresden: Verl. der Kunst, 319 p. [in Russian]
- Mirimanov, 1997** – *Mirimanov, V.B.* (1997). Iskusstvo i mif: Tsentral'nyi obraz kartiny mira [Art and myth: The central image of the picture of the world]. M.: AO «Soglasie», 327 p. [in Russian]
- Mordovchenko, 1959** – *Mordovchenko, N.I.* (1959). Russkaya kritika pervoi chetverti XIX veka [Russian criticism of the first quarter of the nineteenth century]. M.-L.: Izdatel'stvo AN SSSR (Leningradskoe otdelenie), 431 p. [in Russian]
- OPI GIM** – Otdel pis'mennykh istochnikov Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya [Department of Written Sources of the State Historical Museum].
- Pogodin, 2006** – *Pogodin, M.P.* (2006). Istorieskoe pokhval'noe slovo Karamzinu [Historical commendatory word to Karamzin]. *Karamzin: pro et contra*. SPb. Pp. 605-641. [in Russian]
- RA IIMK** – Rukopisnyi arkhiv Instituta istorii material'noi kul'tury [Handwritten archive of the Institute of the History of Material Culture].
- Raevskii, 1977** – *Raevskii, D.S.* (1977). Ocherki ideologii skifo-sakskikh plemen [Essays on the ideology of the Scythian-Saka tribes]. M.: Nauka, 216 p. [in Russian]
- Raevskii, 1985** – *Raevskii, D.S.* (1985). Model' mira skifskoi kul'tury [The model of the world of Scythian culture]. M.: Nauka, 256 p. [in Russian]
- Raevskii, 2006** – *Raevskii, D.S.* (2006). Mir skifskoi kul'tury [The world of Scythian culture]. M.: Yazyki slavyanskikh kul'tur, 598 p. [in Russian]
- Sakharov, 1990** – *Sakharov, A.N.* (1990). I.E. Zabelin: novaya otsenka tvorcestva tvorcestva [I.E. Zabelin: a new assessment of creativity]. *Voprosy istorii*. 7(3–1). [Electronic resource]. URL: https://portalus.ru/modules/culture/rus_readme.php?subaction=showfull&id=1447496607&archive=&start_from=&ucat=& [in Russian]
- Sakharov, 1996** – *Sakharov, A.N.* (1996). Narod – razgadka vsego. Ivan Egorovich Zabelin [The people – the answer to everything. Ivan Egorovich Zabelin]. *Istoriki Rossii XVII – nachalo XIX veka*. M.: Skriptorii. Pp. 315-333. [in Russian]
- Sevost'yanov, Mil'skaya, 2000** – *Sevost'yanov, G.N., Mil'skaya, L.T.* (2000). Portrety istorikov: Vremya i sud'by [Portraits of Historians: Time and Fate]. V 2 t. Tom 1. *Otechestvennaya istoriya*. M.

Ierusalim: Universitetskaya kniga, Gesharim. [Electronic resource]. URL: <https://arheologija.ru/ivan-egorovich-zabelin-1820-1908/> (date of access: 25.01.2023). [in Russian]

Shchapova i dr., 2019 – *Shchapova, Yu.L., Grinchenko, S.N., Kokorina, Yu.G.* (2019). Informatiko-kiberneticheskoe i matematicheskoe modelirovanie arkheologicheskoi epokhi: logiko-ponyatiinyi apparat [Computer-cybernetic and mathematical modeling of the archaeological epoch: logical and conceptual apparatus]. M.: Federal'nyi issledovatel'skii tsentr «Informatika i upravlenie» RAN, 136 p. [in Russian]

Shchapova, 2000 – *Shchapova, Yu.L.* (2000). Vvedenie v veshchevedenie [Introduction to material science]. M.: MGU, 204 p. [in Russian]

Shchapova, Grinchenko, 2017 – *Shchapova, Yu.L., Grinchenko, S.N.* (2017). Vvedenie v teoriyu arkheologicheskoi epokhi [Introduction to the theory of the Archaeological Epoch]. M.: Istoricheskii fakul'tet MGU, Federal'nyi issledovatel'skii tsentr «Informatika i upravlenie» RAN, 236 p. [in Russian]

Toporov, 1995 – *Toporov, V.N.* (1995). Mif. Ritual. Simvol. Obraz: issledovaniya v oblasti mifopoeticheskogo [Myth. The ritual. Symbol. Image: research in the field of mythopoetic]. M.: Progress: Kul'tura, B. g., 621 p. [in Russian]

Udalov, 2015 – *Udalov, S.V.* (2015). «Pravoslavie, samoderzhavie, narodnost'»: ideologema nikolaevskogo tsarstvovaniya [“Orthodoxy, autocracy, nationality”: the ideology of the Nicholas reign]. *Voprosy istorii konservatizma*. 11: 144-159. [in Russian]

Zabelin, 1872 – *Zabelin, I.E.* (1872). Sovremennye vzglyady i napravleniya v russkoi istorii [Modern views and trends in Russian History]. *Opyty izucheniya russkikh drevnostei i istorii*. M.: K. Soldatenkov. Ch. 1. Pp. 301-354. [in Russian]

Zabelin, 2001 – *Zabelin, I.E.* (2001). Dnevnik. Zapisnye knizhki: (1837–1908) [Diaries. Notebooks: (1837–1908)]. Predislovie N.A. Kargapolova. M.: Izdatel'stvo im. Sabashnikov, 383 p. [in Russian]

«Археология в обширном смысле включает в себе источник познания народной самобытности» (И.Е. Забелин о задачах археологии (по архивным материалам))

Юлия Георгиевна Кокорина ^{a, *}, Уткир Исмаилович Абдуллаев ^b, Махач Мустафаевич Вагабов ^a, Владимир Леонидович Кожухов ^c

^a Московский политехнический университет, Российская Федерация

^b Ургенчский государственный университет, Республика Узбекистан

^c Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, Российская Федерация

Аннотация. В современном гуманитарном знании, к которому относится и знание археологическое, важнейшую роль играет гражданская позиция исследователя, понимание гуманистической направленности науки. Данная статья посвящена рассмотрению взглядов выдающегося российского историка И.Е. Забелина на роль понятий «народность» и «народный быт» применительно к археологии. Задача реконструкции идей ученого, связанных с определением места археологии в жизни общества и характера науки решается на основе неопубликованных архивных материалов. В ходе исследования расставлены новые акценты в его оценке как археолога, преподавателя, гражданина, в чем состоит новизна данной работы. Материалами данной статьи стали рукописные конспекты лекций, составленные Е.И. Забелиным в 1860-х годах для чтения перед аудиторией, состоящей из художников, а также дневники и автобиография ученого. В историографии творчество И.Е. Забелина в избранном в данной статье ракурсе не рассматривалось. В своих лекциях ученый утверждает, что современные идеи возможно воплотить, только обратившись к героическому прошлому народа. Под «народностью» в археологии он понимает изучение как материальной, так и духовной культуры прошлого. Основываясь на истории археологии, исследователь указывает на необходимость изучения не только классических древностей, но и памятников других народов. Новаторскими являются его размышления о «живом» и «мертвом» путях развития археологии как науки. Развитие археологического знания в России по причинам не всегда академического характера шло по «мертвому» пути, что привело к мелкотемью, регионально-хронологической замкнутости, подчеркнуто эмпирическому характеру исследований. В традицию российской науки вошел тезис о единстве исторического и археологического знания. И.Е. Забелин в своих лекциях неоднократно опережал свое время, обосновывая применение термина «тип» археологии, ратуя за сочетание археологической практики и теории, отстаивая необходимость изучения всех сторон народного быта. В российской науке об этом заговорили более чем столетие спустя после лекций И.Е. Забелина

Ключевые слова: история археологии, теория археологии, личность ученого, И.Е. Забелин, понятие «народности» в российской науке, вещеведение.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: kokorina@inbox.ru (Ю.Г. Кокорина), abdullayev.u.i@mail.ru (У.И. Абдуллаев), 9162803@mail.ru (М.М. Вагабов), Kozhukhov.VL@rea.ru (В.Л. Кожухов)

Copyright © 2023 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2023. 18(2): 619-632
 DOI: 10.13187/bg.2023.2.619

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Captives, Slaves, Freeman: Some Aspects of the 19th century Central Asia Former Russian Slaves' Testimonies as a Historical Source

Artyom Yu. Peretyatko ^{a, b, *}

^aCherkas Global University, Washington, DC, USA

^bVolgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract

The article is dedicated to a source study analysis of the testimonies of former Russian slaves in Central Asia of the 19th century, taken by the officials of Orenburg Governorate. The author shows that such testimonies are quiet numerous and carry important value for the study of Central Asia slavery in general. At the same time the officials who were gathering them proceeded from a rather specific position: subjects of the Russian Empire who had been in slavery in Central Asia were viewed as “Russian captives”/“captured Russians”. Firstly, this led to a situation when, while taking the testimonies, the most attention would usually be dedicated not to the period a person had spent in slavery, but to their capture itself. Therefore, often in the testimonies the detailed descriptions of capturing are followed by descriptions of long years in slavery, but they come down to one or two sentences and do not at all reveal the features of a person’s time in slavery. Secondly, such inattention to the realities of a person’s time in slavery, in turn, led the fact that under the designation of “Russian captives”/“captured Russians” most diverse categories of people were united: both slaves and persons long granted their freedom, and even children of these people who were never enslaved. The author comes to a conclusion that, for this reason, the stories of “Russian captives” should be studied on microlevel, treating contemporaries’ generalizations about “Russian captives” with a certain amount of caution, since in practice the social status of these people could differ significantly.

Keywords: source study, slavery, captivity, Central Asia, Khanate of Khiva, Orenburg Governorate, G.F. Gens.

1. Введение

История рабства в Средней Азии в Новое время представляет собой значимую и важную, но далеко не достаточно изученную тему. Ее изучение затрудняют в том числе и вопросы специфически историографического и источникового характера. Логично и предсказуемо, что российские историки, обращаясь к данной проблематике, используют прежде всего русскоязычные и (реже) англоязычные тексты, а не тексты на тюркских, иранских или арабских языках. Так, например, в недавно изданной и претендующей на обобщающее рассмотрение проблемы статье «Рабство в Центральной Азии (первая половина XIX века): природа и проявления» И.А. Ермачкова, Л.А. Королевой, Е.К. Минеевой и Л.Л. Баланиюка вся использованная литература (источники в ней не используются) написана либо русскими, либо британскими авторами (Ermachkov et al., 2021b: 115). При этом российские авторы с XIX в. апеллировали к факту многочисленных захватов подданных Российской империи среднеазиатскими кочевниками под покровительством Хивы, интерпретируя российскую экспансию в регионе как ответную самозащиту. Подобная интерпретация, с опорой на тексты российских дореволюционных чиновников, встречается и в современных научных работах. Например, в статье «Хивинский поход В.А. Перовского 1839–1840 гг. в контексте англо-русского соперничества в

* Corresponding author

E-mail addresses: ArtPeretatko@yandex.ru (A.Yu. Peretyatko)

Средней Азии» Д.В. Родина так описывается одна из причин рассматриваемого похода: «О необходимости противодействия набегам хивинцев и уводу русских подданных в рабство неоднократно писали русские дипломаты и агенты, посещавшие среднеазиатские ханства в первой трети XIX в.» (Родин, 2022: 43).

Действительно, значение источников, созданных российскими имперскими чиновниками о рабстве в Средней Азии, крайне велико. Само проникновение Российской империи в Среднюю Азию ставило перед российской властью задачи изучать и описывать новый край как для облегчения управления им, так и для вовлечения его в имперское пространство. В этом отношении показательно, что одним из первых русских авторов, систематически изучавших Среднюю Азию, был Г.Ф. Генс, в 1825–1844 гг. председатель Оренбургской пограничной комиссии (специального органа по управлению подчиненными империи среднеазиатскими кочевниками). «Григорий Федорович знал киргизскую степь и прилегавшие среднеазиатские ханства как свои пять пальцев. <...>. У него была организована целая система секретного изучения степи и внутренней жизни Хивы, Бухары, Кокана и т. п. ханств. Он не брезговал никем – приходи хоть самый последний “байгуш”, он все равно любезно его примет и выпросит все, что только нужно ему знать», – вспоминал о Г.Ф. Генсе его младший современник Н.М. Бекчурин (Севастьянов, 1907: 158, 160). Хотя Г.Ф. Генс лично не публиковал свои работы, и к настоящему времени большая их часть, вероятно, утеряна, еще в начале XX в. их использовали местные исследователи и чиновники. До наших дней дошли крайне комплементарные отзывы о рукописях Г.Ф. Генса известных востоковедов В.В. Григорьева и Я.В. Ханькова (Попов, 1907: 174-175). Характерно, что в трудах Оренбургской ученой архивной комиссии рукописи Г.Ф. Генса безапелляционно называются «единственным источником» по истории среднеазиатских ханств конца XVIII – начала XIX вв., словно за пределами России работ на эту тему не существовало (Попов, 1907: 175).

Соответственно, для оренбургских авторов конца XIX – начала XX вв., которые регулярно и систематически исследовали тему среднеазиатского рабства, было характерно некритически относиться к творчеству Г.Ф. Генса. Например, С.Н. Севастьяновым был написан очерк «Иван Васильевич Подуров», в котором отдельно указывалось, что захват и пребывание казачьего офицера в плену описывались в том числе по рукописи Г.Ф. Генса (Севастьянов, 1999: 190-205). Однако при обращении к архивным документам выяснилось, что в них многие сюжеты, связанные с похищением И.В. Подурова, С.Н. Севастьяновым описаны иначе или вообще упущены (так, в центре его внимания – похищение русских офицеров, и он вовсе не упоминает о том, что после них был похищен башкирец А. Абдулов, сумевший сбежать и сообщивший в ближайшую станицу о том, что его захватили «киргизцы», один из которых был одет в форму русского офицера, однако его сообщение было фактически проигнорировано) (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3769. Л. 2-46). Однако данный очерк уже в современной историографии удостоивался даже подробного разбора филологами, причем вопрос его достоверности в этом разборе не поднимался, а сам очерк трактовался как относящийся «к биографии о государственных деятелях» (Жаглова, Сайбулова, 2020: 35-42).

Таким образом, в результате деятельности Г.Ф. Генса и других российских чиновников-востоковедов в Оренбурге был создан богатейший архивный материал о рабстве в Средней Азии Нового времени, прежде всего показания нескольких сотен выбравшихся из рабства людей различных национальностей, бывших подданными различных государств. Самими этими чиновниками создан ряд исследований, затрагивающих тему рабства в Средней Азии. Как созданный пласт архивных документов, так и предложенные еще в XIX в. оценки российских чиновников влияли и влияют на позднейшую российскую историографию вопроса. Однако едва ли приходится сомневаться, что взгляд на рабство в Средней Азии с позиции чиновника империи, в итоге захватившей данный регион, был специфичен и субъективен. Даже если рассматривать только источники, созданные с участием российских чиновников, не касаясь научного творчества последних, нельзя не отметить, что в этих источниках четко прослеживаются некоторые особенности, связанные с позицией их авторов: большинство рабов, вышедших в Россию из Средней Азии, были малограмотны, и от того, какие вопросы задавались подобному бывшему рабу и как обрабатывалось сказанное им при переносе на бумагу, сильно зависел итоговый результат. Между тем на данный момент исследований по источниковедению русскоязычных документов о рабстве в Средней Азии не существует, и мы решили восполнить этот пробел.

Учитывая большое число архивных материалов, а также различную степень их подробности, мы сочли необходимым начать с поиска ответа на основополагающий вопрос: в качестве кого вообще чиновники фиксировали бывших рабов? Первоначально мы хотели рассмотреть все категории рабов, однако очень быстро столкнулись с тем, что фиксация рабов из числа подданных Российской империи и из числа подданных других государств имела различную специфику. Поэтому в рамках данной статьи мы решили сконцентрировать внимание на первой категории рабов, поскольку при снятии показаний с них проблема языкового барьера обычно отсутствовала, поэтому их показания были подробны, и мы имеем больше возможностей для анализа их реального статуса на момент ухода из Средней Азии в Россию.

2. Материалы и методы

В своем исследовании мы решили опереться на ряд дел Объединенного государственного архива Оренбургской области, посвященных выходу из Степи и из среднеазиатских ханств подданных Российской империи. Как правило, подобные дела включают в себя как показания вышедших людей, так и сопроводительные документы об обстоятельствах их выхода и дальнейшей судьбе. В результате мы можем сопоставлять то, как именовались вышедшие из Степи и среднеазиатских ханств люди в этих документах с тем, как они описывали свой статус в показаниях. Чаще всего мы будем обращаться к делу о том, как в 1837 г. хивинский хан Аллакули выдал Российской империи 25 ее подданных (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4646/1). В этом деле содержатся как многие документы различных авторов о встрече каравана с этими людьми (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4646/1. Л. 1-36), так и их достаточно подробные показания (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4646/1. Л. 37-66). При этом социальный статус рассматриваемых в деле бывших рабов, скорее всего, не вполне репрезентативен для положения российских подданных в Хивинском ханстве XIX в.: как утверждалось в показаниях, посланник хана, получив задачу выкупить 25 пленников и отвезти их в Оренбург, нарочно скупал «старых и дряхлых» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4646/1. Л. 65). Мы увидим, что де-факто среди этих 25 человек высока доля людей, освобожденных из рабства до отправки в Россию. Вероятно, в среднем доля таких людей была значительно ниже, но в данном случае посланник хана предпочитал брать с собой уже свободных, чтобы оставить себе деньги, данные ханом на выкуп рабов. Однако в результате в рамках одного дела рассмотрены люди с крайне разнообразной спецификой как попадания в рабство, так и пребывания в нем, что особенно ценно в рамках интересующей нас темы: мы можем наглядно видеть, насколько все эти нюансы учитывались русскими чиновниками при описании бывших рабов.

Чтобы понять, насколько типичны особенности источников, выделяемые нами на основе этого дела, мы будем обращаться и к другим делам о выходе из Хивы, Бухары и Степи подданных Российской империи. Оговоримся, что нами были рассмотрены и дела, которые не использованы в данной статье: поскольку используемая в них терминология достаточно близка, мы обращались преимущественно к материалам, которые выделялись из числа прочих либо терминологически, либо в плане уникальности социального статуса описанных в них людей. Наконец, чтобы понять, как позиционировали себя сами пленники, мы обратились к текстам, написанным ими собственноручно, а не обработанным оренбургскими чиновниками, к письмам хивинских рабов оренбургскому губернатору П.П. Сухтелену (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3755. Л. 16-170б., 41-410б., 45-450б.).

На основании данных архивных документов мы выясним, как в них чаще всего позиционировались подданные Российской империи, попавшие в рабство в Средней Азии. После этого мы попытаемся понять, насколько корректно было это позиционирование, насколько оно отражало те или иные тонкости социального статуса людей, и, наконец, как оно влияло на взятие показаний у бывших рабов.

3. Обсуждение

Первые публикации, специально посвященные проблематике русских в рабстве в Средней Азии, начали выходить в 1830-х гг. и были связаны, хотя и косвенно, как раз с Г.Ф. Генсом. В это время в оренбургской администрации работал известный русский литератор В.И. Даль, составитель «Толкового словаря живого великорусского языка». Он близко сошелся с Г.Ф. Генсом, которому дал такую характеристику: «Меня здесь Бог натолкнул на клад: не только могу я вам сказать, коли угодно, как зовут хана Бохарского с чадами и домочадцами и весь двор его по имени и отчеству, но почти мог бы взяться отвечать на любой вопрос относительно нынешнего состояния Средней Азии, благодаря от всей души ученого и благомыслящего человека, который, не будучи сам в состоянии, по многосложности служебных занятий, воспользоваться собранными им в течение десятков лет записями, поручил мне вынести из-под многолетнего спуда сведения, за которые весь ученый и неученный мир должен сказать ему, неутомимому собирателю и исследователю, большое спасибо» (Матвиевская, 2002: 163). В.И. Даль опубликовал в российской периодике того времени ряд текстов о Средней Азии, в том числе и истории бывших рабов, например: «Рассказ хивинского пленника Федора Федорова Грушина» (Даль, 1838b: 81-86), «Рассказ невольника, хивинского уроженца Андрея Никитина» (Даль, 1838a: 188-211) или «Рассказ вышедшего из хивинского плена астраханского мещанина Тихона Иванова Рязанова» (Даль, 1839: 74-92). Любопытно, что современная исследовательница Е.К. Созина трактует подобные произведения В.И. Даля как художественную литературу о «степном пленнике» (Созина, 2016: 6-15). Не отрицая художественной обработки В.И. Далем данных текстов, а также их отбора (по сравнению с рассмотренными нами материалами публикации В.И. Даля содержат намного больше сведений о положении дел в Средней Азии), отметим, что стилистически они близки к обычным показаниям русских, вышедших из Средней Азии. В.И. Даль планировал собрать воедино материалы Г.Ф. Генса и издать их по следующему плану: «1. Рассказы русских пленников о Средней Азии, независимой Татарии и Туране и соседственных с ней странах; 2. Рассказы путников и купцов о том же; 3. Объяснения и замечания ко всему к этому, расположенные не отрывками, к которым не знаешь, как приноровиться, отколь подойти,

а соединенные в одно целое, в связный рассказ» (Матвиевская, 2002: 163). Однако осуществить свой замысел В.И. Даль не сумел (Матвиевская, 2002: 163).

Уже в конце XIX в. архивные материалы Оренбургского генерал-губернаторства были спасены от гибели местными историками-любителями при поддержке губернатора Н.А. Маслаковца, результатом чего стало создание Оренбургской ученой архивной комиссии (Григорович, 1911: 266). Богатейшие сведения о русских в Средней Азии немедленно начали изучаться членами этой комиссии. На обороте одного из документов даже сохранилась следующая запись: «Дело это списано, между прочим, как материал, Членом Оренбургской Губернской Ученой Архивной Комиссии, учрежденной при сем Архиве в 1887 г.; Гр. Еф. Королевым-Антошечкиным, составляющим исследование “Русские пленники в Средне-Азиатских ханствах”; 10 марта 1889 года. Архивариус» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3755. Л. 540б.). Однако и это исследование так и не было написано. Только в 1906 г. Оренбургской ученой архивной комиссией была издана работа С.Н. Севастьянова «События в Оренбургском крае, подготовившие экспедицию в Хиву 1839–1840 гг.» (Севастьянов, 1906: 95-148). Несмотря на название, фактически работа была посвящена захватам подданных Российской империи и борьбе оренбургских властей с этими захватами, а Хивинская экспедиция 1839–1840 гг. рассматривалась как часть этой борьбы (Севастьянов, 1906: 142). При этом С.Н. Севастьянова мало интересовала собственно Средняя Азия и ее реалии: он делал основной акцент на преступлениях ее жителей, оправдывая таким образом экспансию Российской империи. Даже характеризуя дружескую переписку П.П. Сухтелена с бухарцами, согласившимися помочь выволочь русских рабов, С.Н. Севастьянов не удержался от такой цитаты венгерского востоковеда А. Вамбери о жителях Востока в целом, не имевшей прямого отношения к теме: «Житель Востока рождается и умирает в маске; чистосердечие и откровенность не существуют на Востоке» (Севастьянов, 1906: 134).

В советский период позиции, с которых русскоязычными авторами изучалось рабство в Средней Азии, резко меняются: достаточно эмоциональный нарратив о русских пленных сменяется аналитическим изучением с опорой на поиск в регионе не частных проявлений рабства, но рабовладельческой формации по К. Марксу. Находили эту формацию не всегда, например, известный археолог А.М. Беленицкий доказывал: «При современном состоянии письменных и археологических источников по истории Средней Азии нет никаких данных, говорящих в пользу существования “рабовладельческой формации” в марксистском понимании этого термина. На всем протяжении исторических периодов рабство играло в основном роль паразитарного нароста, задерживавшего поступательное развитие социально-экономического строя общества» (Беленицкий, 1970: 71-76). В этих условиях интерес к оренбургским документам о рабстве в Средней Азии резко упал. Зато нельзя не отметить предпринятую в это время С.К. Исмаиловой публикацию бухарских документов о местных рабах (Исмаилова, 1973: 20-30).

Наконец, в последние десятилетия появилось достаточно много работ российских историков, продолжающих именно дореволюционную, а не советскую историографию, и анализирующих рабство в Средней Азии с российской позиции и с опорой на русскоязычные источники. В то же время эти работы выполнены на принципиально более высоком научном уровне и поднимают важные вопросы. Так, А.В. Кочнев в статье «Российские подданные в Хивинском плену в конце XVIII – начале XIX в.: пути решения проблемы и последствия» мало пишет о положении русских рабов в Средней Азии, но приходит к важному и интересному, хотя и дискуссионному, выводу о том, что спасение этих рабов было в большей степени вопросом престижа, а не гуманизма, «а также поводом для введения своих войск на территорию Хивинского ханства в период обостряющейся конфронтации с Англией» (Кочнев, 2017: 100-104). Поэтому логично и предсказуемо усиление интереса к хранящимся в Оренбурге русским материалам о рабстве в Средней Азии. В статьях «Особенности захвата в плен русских людей азиатскими кочевыми племенами (первая половина XIX века)» и «К вопросу о стоимости рабов на территории Хивинского ханства (первая половина XIX века)» И.А. Ермачков, Е.В. Видищева, А.А. Байбарин, Е.К. Минеева и Л.Л. Баланюк анализируют показания 80 русских пленников, возвращенных в Россию из Хивы в 1839 г. (показательно, что авторы считают подобные показания «достаточно редким источником по истории рабовладения в XIX веке», хотя, как видно из нашей работы, именно в материалах оренбургских властей этот источник представлен существенно) (Ermachkov et al., 2021c: 1171–1180; Ermachkov et al., 2021a: 1779–1788).

Таким образом, в качестве исторических источников показания, снятые у вышедших из Средней Азии рабов оренбургскими чиновниками, использовались с 1830-х гг. по сей день. Однако источниковедческих работ о них нет, особенности данных источников не проанализированы до сих пор, и мы данной статьей попытаемся заполнить существенную лауну в историографии.

4. Результаты

Прежде всего, отметим, что в разобранных нами документах почти не встречаются слова «невольник» или «раб». Вообще социальная проблематика рабства, его система, категории среднеазиатских рабов и их права в них почти не фиксируются. Подданные Российской империи, оказавшиеся в среднеазиатских ханствах, позиционируются как «русские пленные»/«русские пленники», причем эти слова порой используется в неочевидном значении.

Обратимся к упомянутому нами выше делу о том, как хивинский хан Аллакули в 1837 г. выдал Российской империи 25 ее подданных. Уже в первом документе дела есаул Оренбургского казачьего войска доносит начальству ходившие в степи слухи (впоследствии не подтвердившиеся) о том, будто бы «караван из Хивы не вышел, хотя и был приготовлен, а с ним и до двух сот *Русских пленных* (курсив наш – Авт.)» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4646/1. Л. 10б.-2). Другой офицер среднего звена, подполковник Подуров, вскоре сообщил более точную информацию: «Из Киргизской степи выехал Хивинец Авазиаз Усиопов, который предъявил, что он следует из Хивы с *пленными России принадлежащими людьми*, Мужеска пола 15 Человеками (курсив наш – Авт.)» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4646/1. Л. 4). Далее большинство авторов (члены Оренбургской пограничной комиссии, исполняющий должность начальника Оренбургского таможенного округа Венгер, лично оренбургский губернатор В.А.Перовский, а также уже упомянутый подполковник Подуров) использовали формулировку «Хивинский караван с *Русскими пленниками* (курсив наш – Авт.)» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4646/1. Л. 5, 8-9, 15). Значительно реже встречались формулировки, в которых указание на «русскость» пленных/пленников опускалось. Так, полковник Поплавский сообщил В.А. Перовскому, что якобы при караване «находится *пленников* 120-ть человек (курсив наш – Авт.)» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4646/1. Л. 10). А вот «рабами»/«невольниками» в данном деле местные чиновники людей, вышедших с хивинским караваном, не именовали. Во всем деле, занимающем более 70 листов, слово «раб» не упомянуто ни разу, а слово «невольник» – только однажды. О «*Русских невольниках*, скорбящих в Хиве по утраченной отчизне (курсив наш – Авт.)», написал внешний по отношению к Оренбургскому губернаторству человек, московский генерал-губернатор Д.В. Голицын, обратившийся к В.А. Перовскому с любезным письмом, скорее личного, чем служебного характера, в котором выражалась радость по поводу освобождения русских из Хивы (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4646/1. Л. 73). При этом в другом месте этого письма Д.В. Голицын спрашивал: «Как велико число *Русских пленников*, из Хивы возвращенных? (курсив наш – Авт.)» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4646/1. Л. 73об.). Таким образом, оренбургские чиновники предпочитали писать о «русских пленниках», а не «русских невольниках», а для Д.В. Голицына в контексте среднеазиатского рабства понятия «русский невольник» и «русский пленник» были синонимичны.

Словосочетания «русский пленный»/«русский пленник» используются для обозначения вышедших из Хивы людей и в показаниях как самих этих людей, так и сопровождавших их караванщиков. Однако следует помнить, что мы имеем дело с записью прямой речи лицами, для которых такая терминология была привычна (показания с «русских пленников» и караванщиков были сняты членами Оренбургской пограничной комиссии) (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4646/1. Л. 16-66). Соответственно, мы не знаем, действительно ли сами говорившие использовали эти словосочетания, или снимавшие показания с малограмотных караванщиков и бывших рабов чиновники унифицировали в них терминологию. Наиболее очевидно это в случаях с переводами. Так, в рассматриваемом нами деле есть перевод письма караванщика Алмата Тобобергенева из Бухары, в котором не только сообщается, что «*Русских пленных Его Высочество* (бухарский эмир – Авт.) положили прислать и с ними вместе приведут слона (курсив наш – Авт.)», но и прибавляется, что, «услыхав об этом, Хивинский Хан отпустил всех Русских и приставил *Чиновника* для сбора всех их (курсив наш – Авт.)» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4646/1. Л. 81). Как мы видим, бухарский эмир на европейский манер именуется «Его Высочеством», а придворный хивинского хана – «Чиновником». Для сравнения, вышедшие из Хивы бывшие рабы порой использовали местную номенклатуру для обозначения придворных хивинского хана: в их показаниях пять раз упоминается «Диван-Бегий»/«Диван-Беги»/«Диван-Беш» (речь идет об одном лице, придворный сан которого транскрибировался в показаниях разных людей по-разному) (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4646/1. Л. 43, 45об, 47, 56, 63об.). Соответственно, в условиях отсутствия оригинала письма Алмата Тобобергенева мы не можем быть точно уверены, что дошедший до нас его перевод выполнен корректно и «Русские пленные», «Его Высочество» и «Чиновник» в этом переводе не являются искажениями, унификацией местной терминологии с терминологией имперской, выполненными переводчиками. В рассматриваемом нами деле есть также показания караванщика Саминбая Курманбаева, якобы заявившего, что «во время следования из составляющих Караван Бухарцов, Хивинцов и *русских пленных* больных и умерших не было (курсив наш – Авт.)», однако не ясно, на каком языке они брались, и имеем ли мы дело с переводом или показаниями, изначально взятыми на русском языке (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4646/1. Л. 16).

Наконец, словосочетание «русские пленники» и слова «пленники»/«пленные» представлены и в показаниях самих вышедших из Хивы лиц в качестве самопрезентации. «В ауле этом находились *Русские пленники*, взятые прежде нас, а некоторых привезли после нас (курсив наш – Авт.)» (показания Василия Ильина) (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4646/1. Л. 37об.). «Под караулом нас содержали для того, чтобы прочие *Русские пленники* не узнали об отправлении нас в Россию (курсив наш – Авт.)» (показания Ивана Рязанова) (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4646/1. Л. 41об.). «Когда я и другие *пленники* готовы были отправиться, сын моего хозяина Маширыш приехал в тот город, начал требовать от Кабылбая, приехавшего ныне сюда в Оренбург, за меня деньги (курсив наш – Авт.)» (показания Петра Старцева) (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4646/1. Л. 44об.). «В Хиве остался вместе с нами *пленный*

Степан Дементьев, из Малороссиян (курсив наш – Авт.)» (показания Ивана Иванова) (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4646/1. Л. 490б.). Подобных примеров можно привести еще несколько, а вот местных, нерусскоязычных обозначений для хивинских рабов, отражающих их рабский статус и специфические среднеазиатские реалии, в показаниях всех 25 «русских пленных» нам обнаружить не удалось.

Однако мы располагаем и материалами других дел, в том числе тремя письмами, которые были написаны оренбургскому губернатору П.П. Сухтелену русскими рабами из Хивы собственноручно в 1831–1833 гг. (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3755. Л. 16-170б., 41-410б, 45-450б.). Лексика этих писем крайне отличается от лексики показаний, отбравшихся чиновниками у спасенных из Хивы «русских пленников»: она безграмотна, архаична и изобилует отсылками к Библии, хотя и не лишена местами яркой образности. Например, только в этих письмах описываются чувства русских рабов в Хиве: «сожалейте о нас *запленных*, страждущих в басурманских землях, мы же свою жизнь не можем ни к чему применить, кроме только, что нет той травы полыни горчее в Российской степи, и нет той нуждающей, и жестокой, и беспокойной, и безвредной жизни в басурманской земле, но и траву полынь можно несколько медом усладить, а наши присохшие и кровь запекающие уста ничем не сможем прохладить (курсив наш – Авт.)» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3755. Л. 17). Таким образом, в этих письмах мы можем увидеть, как русские рабы в Хиве называли себя сами, до обработки их показаний чиновниками. И как раз «русскими пленниками» дословно они себя не назвали ни разу, однако одной из основ для их авторепрезентации, как видно даже из приведенной выше цитаты, было пребывание в *плени* (а не в рабстве). Так, в письме 11 июня 1831 г. авторы позиционировали себя как «*хивинско пленных* (курсив наш – Авт.)» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3755. Л. 16). Про своих товарищей по несчастью они писали: «Что же касается количества *плена*, в здешнем Хивинском ярту по исчислению находится 1800 человек (курсив наш – Авт.)» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3755. Л. 17). Второй же основой авторепрезентации было христианство: в том же письме пленники утверждали, что они «безвинно страдающие *единственно только за веру христианскую* (курсив наш – Авт.)» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3755. Л. 16). В остальных двух письмах, от осени 1832 г. и 21 марта 1833 г., темы плена и рабства вообще не поднималась, и авторы писем позиционировали себя исключительно как христиане, страдающие в чужой земле, и даже называли себя «мы, напрасно страждущие ваши *верноподданные христиане* (курсив наш – Авт.)» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3755. Л. 41). Никакой специфической местной, среднеазиатской лексики для авторепрезентации в письмах, как и в показаниях «русских пленных», не использовалось. Таким образом, судя по немногочисленным свидетельствам хивинских рабов, записанных ими самостоятельно, для их авторепрезентации проблематика неволи/рабства была маловажной, а ключевой являлась проблематика плена и особенно христианства. Вероятно, это оказывало определенное влияние и на официальную документацию, однако степень этого влияния не стоит переоценивать: исходя из собственноручных писем русских рабов в Хиве, логично было бы именовать их «*христианскими*», но никак не «*русскими пленными*».

Нам остается зафиксировать, что русские чиновники в Оренбуржье обычно позиционировали рабов в среднеазиатских ханствах из подданных Российской империи как «русских пленных»/«русских пленников», с акцентом на факт их захвата в плен, а не их рабский статус, причем, судя по всему, сами пленники использовали схожую, но несколько иную терминологию (с акцентом на свой плен, а не свое рабство, но при этом на свое христианство, а не свою русскость). Остановимся теперь на том, что и показания «пленников» брались чиновниками, исходя из подобной логики: в них обычно подробно фиксировались обстоятельства пленения русского подданного, а вот его пребывание в рабстве описывалось предельно кратко. По такой логике построены показания всех 25 человек в рассматриваемом нами деле. Например, Василий Ильин подробно описывал, вместе с кем он был захвачен в рабство, сколько было захватчиков, по какому маршруту он попал в Хиву, как его продали местному жителю, а вот три года рабства поданы так: «У купившего меня Хивинца жил я до самого освобождения» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4646/1. Л. 37-370б.). Иван Малышев столь же подробно описывал свой захват, а вот о четырнадцати годах жизни в Хиве говорил мало, хотя с ним там произошел любопытный случай, приводимый в показаниях без всяких пояснений: «У Сеитмет Арапа (хозяина Ивана Малышева – Авт.) (который назад тому два года помер) я жил до 1832 г. в местечке Рапанике от Хивы верстах в двух, а в этом году он отпустил меня на волю без всякого выкупа, но я после того по воле своей находился у него же в доме до самого отправления сюда» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4646/1. Л. 380б.-390б.). Савелий Чунаев, также подробно описав свой захват, становился крайне лаконичен при описании тринадцати годов в Хиве, при том, что он хорошо зарабатывал в рабстве: «У Дос-Бая я жил все прошедшее время, занимаясь домашними его работами; когда же начал собираться в Хиве в Россию караван, я, узнав о сем, откупился от него, заплатив ему 80 червонцев» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4646/1. Л. 40-400б.).

Показания «русских пленников», отложившиеся в других делах, также строились чаще всего по подобной логике. Так, в 1839 г. Оренбургская пограничная комиссия сообщила о том, что некий Барангул Каркин «доставил в <Ново-Александровское> укрепление четырех Русских пленников» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4941. Л. 3). У всех четырех были взяты показания, в которых они подробно описывали обстоятельства своего пленения, один из них подробно описал осуществленный с

помощью Барангула Каркина побег (остальные подтвердили это описание), а вот истории жизни в плену отличались поразительным лаконизмом: «<перекупщик> продал <меня> Хивинцу Бек Павлубаю за 51 Хивинский червонец, у сего Хивинца находился я в неволе до 1838 г.» (показания Дмитрия Васильцова); «меня купил в местечке Хузенли Хивинец Бек-Павлубай за 70 червонцев, у коего я находился до самого побега» (показания Егора Шубина); «этот <перекупщик> отвез меня в Хиву и в местечке Хузенли продал Хивинцу Бек Павлубаю за 70 червонцев, у которого я находился до самого побега в рабстве» (показания Трофима Плеханова); «Хивинец привез меня в местечко Хузенли, продал брату своему Хош-Назару за 50 червонцев, сей же последний продал <меня> помощнику градоначальника Дос-Мурзе Аталыку за 65 червонцев. У оного Дос-Мурзы находился я в рабстве до самого побега» (показания Ивана Самкина) (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4941. Л. 11-14об.). Для сравнения приведем самую краткую историю пленения из этих показаний, рассказанную Егором Шубиным: «В 1830 году после Петрова дня (29 июня) с родным братом Петром Шубиным и 10 работниками отправился я на Каспийское море для рыбопромышленности, находился при урочищах, называемых Чеченскими водами, потом дней через 15 поехал я с судна с пятью работниками для расставления сетей, и по наступлении ночи нападшими на нас во время сна Трухменцами до 15 человек взят в плен.

Работники, с коими я пленен, назывались 1) Егор, 2) Алексей Вавиловы, 3) Яков, 4) Андрей, 5) Матвей по прозваниям неизвестные, но какого они сословия были и из какой Губернии не знаю. Из пленителей же знаю только одного Трухменца Курбана. По пленении нас привезены мы были на Мангишлацкую пристань и тут разделены; я и товарищи мои Алексей и Матвей достались помянутому Трухменцу Курбану, который, продержав нас у себя в кибитке месяц, отвез в Хиву и продал всех порознь» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4941. Л. 12-12об.). Как мы видим, в данных показаниях, в отличие от показаний 25 «русских пленных», выданных хивинским ханом Аллакули в 1837 г., пребывание русских в Хиве даже позиционируется как «рабство», однако оно совершенно не интересует людей, берущих показания у бывших рабов. Как и в рассмотренных нами выше случаях, они концентрируют свое внимание на обстоятельствах попадания этих рабов в плен.

В некоторых случаях, когда «пленник» мог сообщить интересные для чиновников факты, связанные с периодом его пребывания в рабстве, они выносились в отдельное показание. Так, в том же 1837 г. из степи с помощью лояльного к русским старшины Худайбергана Сандубаева бежал казак Алексей Макаров (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4388. Л. 114-122об.). С него было снято два показания. В первом он по уже знакомой нам схеме подробно рассказывал о своем пленении и о судьбе других известных ему пленников, а описание его собственного рабства сводилось к следующей сентенции: «Я достался двоим, Ситниязу и Атаназару, по прозваниям неизвестным, у коих жил около 2-х месяцев, а потом был продан Киргизу Адаевского рода Досжану Кадырчанову, у коего и жил все прошедшее время» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4388. Л. 115-118об.). А полученные Макаровым в рабстве новости из Степи, в основном о деятельности султана Каип-Галия Ишимова, боровшегося с русским влиянием (Izbassarova, 2020: 2385-2395) были выделены в отдельное показание (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4388. Л. 119-121об.). Таким образом, позиционирование российскими чиновниками в Оренбуржье выходивших к ним из среднеазиатских ханств подданных Российской империи именно как пленников, а не рабов, влияло на систему дальнейшей работы с этими людьми: показания у них брались именно как у пленников, с акцентом на их пленение и выход из плена, а не на жизнь в рабстве.

Рассмотрим теперь вопрос о том, насколько подобное позиционирование отражало реалии среднеазиатского рабства. Изучение биографий конкретных выходцев из Хивы и Бухары, обозначенных в документах в качестве «русских пленников»/«русских пленных», показывает, что широкое использование этих словосочетаний вело к игнорированию сложных судеб отдельных людей, к массовой записи в «русские пленники» как бывших рабов, так и людей, рабами уже не являющихся, а иногда даже лиц, никогда не бывших ни рабами, ни пленниками, ни подданными Российской империи.

Начнем с того, что само прилагательное «русский» в словосочетании «русский пленник» могло скрывать неоднозначные отношения человека к Российской империи. Оно, безусловно, *не означало* этнической принадлежности. Вернемся к 25 подданным Российской империи, выданным в 1837 г. хивинским ханом Аллакули. 23 из них никак свою этническую принадлежность не уточняли, и, судя по их именам и социальному статусу, это действительно могли быть русские (по крайней мере, в широком значении этого слова, соответствовавшем имперскому дискурсу того времени и включавшем в себя великороссов, малороссов и белорусов). Однако двое пленников этнически никак не могли считаться русскими. Яков (Якуп) Соколовский в кратком списке пленников был обозначен как «поляк» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4646/1. Л. 19), а в своем подробном показании сообщил, что он «из поляков, бежал из Польши, в котором году не знаю, но будет теперь этому лет 35, в Россию, в город Ковно», а «Вероисповедания Римско-Католического» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4646/1. Л. 58об.). Байбагугн Ямбаириев в показаниях был означен как человек «из некрещеных Черемис-идолопоклонников» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4646/1. Л. 63). Как мы видим, «русскими пленниками» могли записываться люди самой различной этнической принадлежности, являвшиеся подданными Российской империи.

При этом подданство Российской империи для этих людей могло быть уже *неактуальным* на момент попадания в плен, и похищаться они могли с территории другого государства. В числе 25 «русских пленников», вышедших из Хивы в 1837 г., был солдат Василий Венедиктов/Дмитриев (очевидно, разные чиновники по-разному определяли его фамилию и отчество: полностью его звали «Василий Венедиктов Дмитриев»), уже в первоначальном списке пленников обозначенный как «бежавший в Персию» и «плененной из персидских Войск» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4646/1. Л. 190б.). Как явствовало из показаний самого Венедиктова, он был якобы обманом увлечен персами в Тебриз в 1828 г.: отстал от своих товарищей, с которыми был отправлен для перевозки казенного сена, и встретил персов, которые обещали отвести его к русским, но вместо этого отвели к наследнику персидского престола Аббас-Мирзе (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4646/1. Л. 64). Получив деньги от Аббас-Мирзы, Венедиктов был направлен им в особую персидскую часть, состоящую из беглых русских, обмундированных по русскому образцу (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4646/1. Л. 64-640б.). Он прослужил у Аббаса-Мирзы несколько лет, пока во время военных действий против Герата не оказался захвачен в плен местными жителями (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4646/1. Л. 640б.). После этого Венедиктов был продан в Хивинское ханство, где в итоге оказался рабом «Трукменца Алланазара Пир-Назарова», у которого «находился 5 лет: в летнее время возил землю на поля и производил хлебопашество; а зимой выбивал масло из семян» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4646/1. Л. 65). Показания Венедиктова разошлись с показаниями других пленников, по словам которых он не обманом был увлечен в Персию, а бежал с русской военной службы (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4646/1. Л. 70-700б.). В любом случае, казус Василия Венедиктова показывает, что в сложном клубке отношений различных держав в Средней Азии «русскими пленниками» могли называться и русские беглые, оставившие Россию, инкорпорировавшиеся в другие государства, а затем попавшие в рабство.

Однако при этом наиболее экзотические подданные Российской империи, освобожденные из Средней Азии, могли и *не позиционироваться* как «русские пленники». Правда, наиболее яркий пример подобного из известных нам имел место значительно позже, в 1859 г. Летом этого года зауряд-хорунжий Канбилиев, отправленный в Степь контролировать сбор кибиточной подати, обнаружил в семье некоего Бутагары Казбекова «какую-то женщину постороннего сословия» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 7533. Л. 20). Как оказалось, молодую женщину (ей было 20 лет) звали Анжиретой Хисамутдиновой, она была российской подданной, родившейся и проведшей детство в Петропавловске, затем, после пожара в доме ее семьи, увезенной отцом в аул к мужу ее сестры и в итоге попавшей в плен к степнякам во время нападения на этот аул (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 7533. Л. 20-200б.). Дошедшая до нас переписка об Анжирете Хисамутдиновой составляет несколько документов, и слово «плен» в ее отношении упоминается в них дважды. Во-первых, в пересказе показаний самой девушки говорится, что «Анжирету взяли в плен» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 7533. Л. 200б.). Во-вторых, оренбургский и самарский генерал-губернатор А.А. Катенин один раз пишет об Анжирете, «бывшей в плену у Киргизов» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 7533. Л. 22). А вот о ее «русскости» в каком-либо контексте в этих документах не говорится ни разу. При этом и слово «пленница» в качестве основной характеристики девушки не встречается: в документах она не «татарская пленница» или хотя бы «пленная татарка», но «Татарка Хисамутдинова» или «татарка Анжирета Хисамутдинова» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 7533. Л. 22).

Возможно, какую-то роль в словесном непозиционировании Хисамутдиновой как пленницы сыграл гендерный фактор. Случаев, когда оренбургские чиновники имели дело не с мужчинами, а женщинами, захваченными в плен выходцами из Средней Азии, нам известно крайне мало. Соответственно, слово «пленник» в данном контексте могло в принципе не иметь очевидного феминитива «пленница». Так, в другом известном нам случае женщина (казачка Елена Ангина) попала наряду с мужчинами-русскими и мужчинами-афганцами в общий список «вырученных из Киргизской Орды в 1831-м году пленников (курсив наш – Авт.)» (к сожалению, документы о ней лично до нас не дошли, и мы не знаем, именовалась ли она в них персонально «пленницей») (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3850/б. Л. 1). Однако поскольку дело Анжиреты Хисамутдиновой рассматривалось персонально, а не в ряду мужчин, распространить на нее общее понятие «пленник» было нельзя. При этом одновременно со случаем Анжиреты Хисамутдиновой оренбургское начальство рассматривало казус перса Алия, ребенком попавшего в плен и теперь желавшего принять русское подданство с разрешения своего хозяина (а фактически старшего товарища) (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 7533. Л. 22-24). И обращают на себя внимание уже названия документов Оренбургской пограничной комиссии об Анжирете Хисамутдиновой и Алии: «Донесение о вывозе из степи *татарки* Хисамутдиновой (курсив наш – Авт.)» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 7533. Л. 20), но «Представление о причислении *пленного персиянина* Алия к киргизам Зауральской орды (курсив наш – Авт.)» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 7533. Л. 23). В итоге А.А. Катенин в ответных документах писал о «татарке Анжирете Хисамутдиновой, бывшей в плену у Киргизов» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 7533. Л. 22), но о «*пленнике* Персианине Алии (курсив наш – Авт.)» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 7533. Л. 24). При этом вышедшие в том же 1859 г. из Бухары 11 подданных Российской империи славянского происхождения в документах традиционно именовались чаще всего «русскими пленными»: «выслать ему (Оренбургскому ордонансгаузу – Авт.) 9 руб. 35 коп. сер<ебром> на кормовое содержание вырученным из Бухары 11 Русским пленным,

доставленным в Оренбург» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 7533. Л. 1); «разрешаю оставленных в Оренбурге Русских пленных, выреченных из Бухары, отправить, за исключением Степана, не помнящего родства, для зачисления в те ведомства, к коим они принадлежат» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 7533. Л. 13); «13-го минувшего Июля за № 7052-м Пограничная Комиссия имела честь донести Вашему Высокопревосходительству об отправлении ей в подлежащие места 10-ти Русских пленных» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 7533. Л. 19). Таким образом, Анжирета Хисамутдинова могла не именоваться «русской пленницей» просто потому, что такое словосочетание, в отличие от словосочетания «русский пленник», не было сколько-либо привычным для русских чиновников в Оренбургском губернаторстве.

Нам осталось констатировать, что в документообороте оренбургских властей XIX в. «русскими пленниками»/«русскими пленными» обычно именуются люди, взятые в плен выходцами из Средней Азии и являющиеся или бывшие в прошлом подданными Российской империи, независимо от их этнической принадлежности. Подчеркнем, что на момент взятия в плен для подобного лица российское подданство могло уже не быть актуальным. В то же время нам известен один случай, когда русская подданная неславянского происхождения, попавшая в плен в Средней Азии, именовалась не «русской пленницей»/«русской пленной», но «татаркой» (с опциональным дальнейшим уточнением о том, что она была в плену).

Обратимся теперь к вопросу о корректности использования слова «пленник» по отношению к этим людям. С одной стороны, все рассмотренные нами выше персоналии действительно некогда попали в плен, с другой – факт пленения на момент взятия у «русского пленника» показаний мог уже быть событием давнего прошлого. Рассмотрим истории всех 25 «русских пленников», возвращенных на родину в 1837 г. хивинским ханом Аллакулли. Имена мы приводим по показаниям «пленников», в других документах могут встречаться несколько иные их формы. При этом напомним, что сами эти «пленники», как мы уже упоминали выше, слова «рабство» в своих показаниях не использовали.

1) Василий Ильин: захвачен в 1834 г., через неделю отправлен в Хиву, где продан местному жителю, у которого был в рабстве до отправки на родину (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4646/1. Л. 37-37об.).

2) Иван: захвачен ребенком, сам захвата не помнил, до отправки на родину всю жизнь (на 1837 г. ему было около 60 лет) провел в рабстве (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4646/1. Л. 38).

3) Иван Малышев: захвачен в 1823 г., примерно через десять дней доставлен в Хиву, около которой продан местному жителю, у которого был в рабстве до 1832 г., после чего отпущен хозяином на волю (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4646/1. Л. 38об-39об.).

4) Савелий Чунаев: захвачен в 1824 г., через какое-то время перевезен в Хиву и продан местному жителю, у которого был в рабстве, пока в 1837 г., узнав об отправке каравана с русскими в Россию, не выкупил себя и не явился к этому каравану (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4646/1. Л. 40-40об.).

5) Иван Рязанов: захвачен в 1833 г., прожил у пленителей два месяца, после чего бежал, был пойман, отправлен в Хиву и подарен хану, у которого был в рабстве до отправки на родину (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4646/1. Л. 40об.-41об.).

6) Дмитрий Филипов: года пленения не помнил, но считал, что оно произошло около 28 лет назад, после чего он сразу был отвезен в Хиву и продан местному жителю, от которого 9 лет назад выкупился на свободу (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4646/1. Л. 41об.-43).

7) Петр Старцев: года пленения не помнил, но считал, что оно произошло около 20 лет назад, через месяц его повезли в Хиву, но еще по пути он был продан местному жителю, у которого был в рабстве до 1837 г., когда, после смерти хозяина, он выкупился на свободу за символическую сумму (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4646/1. Л. 43об.-44об.).

8) Козьма Лосев: захвачен в 1836 г., вскоре отвезен в Хиву и подарен хану, у которого был в рабстве до отправки на родину (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4646/1. Л. 45-45об.).

9) Василий Коптягин: года пленения не помнил, но считал, что оно произошло около 55 лет назад, после чего он сразу был отвезен в Хиву и продан местному жителю, а затем находился в рабстве до 1837 г., когда был выкуплен местным жителем для отправки в Россию (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4646/1. Л. 46-47).

10) Илья Федоров: года пленения не помнил, но считал, что оно произошло около 40 лет назад, после чего его отвезли в Хиву и продали местному жителю, в рабстве у которого он был до отправки в Россию (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4646/1. Л. 47об.).

11) Михаил Артамонов: года пленения не помнил, но считал, что оно произошло около 43 лет назад, после чего он сразу был отправлен в Хиву, но еще по пути продан местному жителю, от которого через 23 года выкупился на свободу (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4646/1. Л. 48-48об.).

12) Иван Иванов: захвачен в 1811 г., примерно через полгода отвезен в Хиву, где куплен ханом, отпустившим своего раба на волю через 14 лет (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4646/1. Л. 48об.-50).

13) Василий Червяков: захвачен в 1811 г., примерно через полгода отвезен в Хиву, где куплен местным жителем, от которого 5 лет назад выкупился на свободу (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4646/1. Л. 50-50об.).

14) Константин Бубнов: захвачен в 1830 г., отвезен в Гурлян и продан местному жителю, в рабстве у которого он был до отправки в Россию (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4646/1. Л. 51-52об.).

15) Василий Иванов: года пленения не помнил, но считал, что оно произошло около 15 лет назад, через несколько месяцев куплен торговцем из Гурляна, у которого был в рабстве, пока примерно 7 лет назад не ослеп и не был выкуплен на свободу по символической цене Козьмой Шмелевым (о нем см. ниже) (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4646/1. Л. 520б.-530б.).

16) Никифор Рулев: захвачен в 1835 г., через 15 дней отправлен в Хиву и подарен хану, у которого был в рабстве до отправки на родину (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4646/1. Л. 54-55).

17) Григорий Рулев: захвачен в 1835 г., через 15 дней отправлен в Хиву и подарен хану, у которого был в рабстве до отправки на родину (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4646/1. Л. 55).

18) Иван Тимофеев: захвачен в 1835 г., вскоре отвезен в Хиву и подарен хану, у которого был в рабстве до отправки на родину (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4646/1. Л. 550б.-560б.).

19) Василий Хорошников: захвачен в 1801 г., через четыре месяца отвезен в Хиву и продан местному жителю, от которого через 15 лет выкупился на свободу (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4646/1. Л. 57-58).

20) Яков Соколовский: дату пленения внятно не назвал, но, вероятно, она относилась еще к началу XIX в., сразу отвезен в Гурлян и продан местному жителю, впоследствии умершему, от детей которого 12 лет назад выкупился на свободу (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4646/1. Л. 580б.-59).

21) Козьма Шмелев: года пленения не помнил, но считал, что оно произошло около 36 лет назад, отвезен в Ургенч и продан местному жителю, от которого через 19 лет выкупился на свободу (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4646/1. Л. 590б.-600б.).

22) Антроп Плотников: захвачен в 1800 г., отвезен в Гурлян и продан местному жителю, от которого в 1833 г. выкупился на свободу (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4646/1. Л. 61-620б.).

23) Байбагугн Ямбаириев: захвачен в 1823 г., через 20 дней отправлен в Хиву и продан местному жителю, от которого через 14 лет (т. е., очевидно, как раз в 1837 г.) выкупился на свободу (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4646/1. Л. 63-630б.).

24) Василий (Венедиктов) Дмитриев: дату пленения внятно не назвал, но, вероятно, она относилась к 1832–1833 гг., пленен, как мы писали выше, будучи солдатом персидской армии, отправлен в Хиву и продан местному жителю, в рабстве у которого он был до отправки в Россию (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4646/1. Л. 630б.-650б.).

25) Василий Игнатьев: года пленения не помнил, но считал, что оно произошло около 4 лет назад, через некоторое время отправлен в Хиву и подарен хану, у которого был в рабстве до отправки на родину (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4646/1. Л. 650б.-660б.).

Как мы видим, плен значительной части этих людей был событием очень давним: некоторые из «русских пленников» были захвачены еще в XVIII в., за 40 и более лет до того, как с них снимались показания. При этом захват в плен всегда осуществлялся совсем не теми людьми, у которых «русские пленники» в итоге оказывались в рабстве на долгий срок: сначала подданный Российской империи похищался работником, у которого был в плену обычно недолго, не более полугода, а затем продавался им хивинскому рабовладельцу, у которого использовался как обычный хозяйственный раб не менее чем десятилетие. Более того, заметная часть «русских пленников» сумела выкупить себя или была освобождена хозяевами. Таким образом, позиционирование этих людей как «пленников» достаточно спорно: их плен давно закончился, сменившись хозяйственным рабством или свободой. По этой же причине и «рабами»/«невольниками» на 1837 г. корректно называть только часть этих людей: остальные уже имели свободный статус до выхода в Россию. И это сильно осложняет оценку общего числа русских рабов в Хивинском ханстве. Выше мы приводили цитату на этот счет из письма «русских пленников» П.П. Сухтелену: «Что же касается количества плена, в здешнем Хивинском ярту по исчислению находится 1800 человек». Однако все ли эти 1 800 человек были рабами, или какая-то их часть уже получила свободу, но, подобно рассмотренным нами выше де-юре свободным лицам, продолжала позиционироваться русской стороной «пленниками»?

Статусу подданных Российской империи в Хивинском ханстве как «пленников», независимо от их свободы/рабства, могло способствовать то, что они, по-видимому, навсегда оставались пораженными в правах. Так, в показаниях тех из 25 «русских пленников», возвращенных на родину в 1837 г., кто уже был формально свободен, часто встречаются истории, демонстрирующие их дискриминацию. «Братья Сеитмет-Арапа, Атамет и Вене-нияз, отобрали у меня собственные мои деньги, приобретенные разными способами, мелкой Хивинской серебряной монетой всего на семь тамошних червонцев, сказав, что я нажил их у них в доме» (показания Ивана Мальшева) (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4646/1. Л. 390б.). «Сын моего хозяина Маширып приехал в тот город, начал требовать от Кабылбая, приехавшего ныне сюда в Оренбург, за меня деньги, говоря, что Хан дал ему оных на выкуп пленных, но Кабылбай отвечал, что я уже был свободен и потому не следует ему ничего давать, потом Маширып сказал Кабылбаю, что у меня есть деньги свои, после чего Кабылбай велел у меня отобрать деньги, которые тут же у меня и <были> сорваны с шеи, всего 15 золотых монет, из коих только 1 мне возвратили» (показания Петра Старцева) (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4646/1. Л. 440б.). «Находящиеся же в лавочке товар рублей на 300 и 1200 дынь взять нам не позволили, таким образом мы с Кабылбаем приехали ныне сюда» (показания Ивана Иванова) (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4646/1. Л. 50). Как видно из этих примеров, семья бывшего хозяина могла претендовать на деньги «русского пленника», и, даже если он имел имущество, на которое никто не претендовал, его могли не дать забрать на родину.

И здесь уместно перейти вообще к тем людям, которые тоже именовались в документах оренбургских чиновников «русскими пленниками»/«русскими пленными», но при этом в плен они никогда не попадали, да и подданными Российской империи они никогда не были. Дело в том, что освобожденные рабы в среднеазиатских ханствах могли жениться и заводить детей. Из 25 «русских пленников», возвращенных на родину в 1837 г., рассмотрим случаи двоих, которые подробнее всего рассказали о своих семьях. Василий Хорошников после освобождения женился на Анне, дочери другого пленника, от которой имел детей, Андрея и Анну (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4646/1. Л. 57об.-58). После смерти жены он женился уже на хивинке-мусульманке (что, кстати, доказывает существование смешанных браков в среде хивинцев и бывших русских рабов, а также ставит вопрос о том, как подобные браки осуществлялись с религиозной точки зрения) (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4646/1. Л. 58). Судя по не очень внятным показаниям Хорошникова, он был готов расстаться с женой, но не с детьми, но хивинские власти отправили в Россию его одного, не оставив ему выбора: «я хотел было их везти с собой в Россию; но Хивинское Правительство мне не дозволило, а одного меня насильно отлучили от них и прогнали» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4646/1. Л. 58). Козьма Шмелев после освобождения женился на Давлете, дочери вышедшего в Россию вместе с ним Антропа Плотникова (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4646/1. Л. 60). Любопытно, что Плотников был единственным из известных нам «русских пленников», который женился еще в рабстве, причем на дочери другого пленника, однако некрещеной и носившей нерусское имя Турсунде (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4646/1. Л. 62). Давлета, таким образом, родилась в Хиве и, подобно матери, не была крещена (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4646/1. Л. 60об.). У Шмелева от нее были сын и дочь, и он хотел взять в Россию всю свою семью, но и ему не дали этого сделать (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4646/1. Л. 60об.).

Упоминаний о семье Хорошникова в других архивных материалах мы пока не нашли, а вот семья Шмелева фиксируется в некоторых документах в числе «русских пленников» в Хиве. Так, в 1854 г. для оренбургского и самарского генерал-губернатора В.А. Перовского было подготовлено письмо для отправки хивинскому правительству с целью переговоров об освобождении русских подданных. «Из дел Оренбургского Пограничного Управления видно, что в Ханстве Хивинском есть и теперь несколько Русских пленников, именно: <...> Семейство Астраханского мещанина Козьмы Глебова Шмелева, который сам был сюда доставлен из Хивинского плена в 1836 году, в числе 25 человек, на обмен задержанных у нас тогда Хивинских торговцев. Шмелев, живший в плену более 36 лет, женился в Хиве на дочери Русского пленника Антропа Андреева Плотникова и прижил с ней детей, при возвращении его, Шмелева, оставленных, однако, в г. Гурляне; жену Шмелева зовут Давлетой, по-Русски Ульяной, а детей: сына Алакуюм и дочь Алапре, а по-Русски Алексеем и Анной» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 7533. Л. 6-6об.). Как мы видим, в данном случае в число «русских пленных» отнесены люди, которые родились в Хиве в семьях «русских пленных», причем они родились уже у свободных родителей и никогда не были не только пленниками, но и рабами.

Итак, в документообороте оренбургских властей XIX в. словосочетание «русский пленник»/«русский пленный» используется крайне широко, и под этим понятием объединяются совершенно разные категории людей. Так могли называться люди, взятые в плен как угодно давно, уже прошедшие и плен у работорговца, и роль хозяйственного раба у владельца в среднеазиатском ханстве, и на момент отправки на родину много лет свободные. Более того, в некоторых случаях «русскими пленниками» могли именоваться дети, родившиеся в Средней Азии в семьях других «русских пленников», в том числе и свободных (кстати, материалов для того, чтобы понять, как позиционировались дети, рожденные в смешанных браках, у нас нет, и нельзя исключать, что какая-то их часть тоже могла считаться «русскими пленниками»). Соответственно, разного рода оценки числа «русских пленников» не могут рассматриваться как оценки числа русских рабов в Средней Азии, а в списках «русских пленников» фиксировались люди, на момент составления этих списков ни рабами, ни пленниками не являвшиеся. Соответственно, для понимания феномена рабства в Средней Азии истории «русских пленников» необходимо изучать на микроуровне, выясняя по возможности сложную личную судьбу каждого из них и то, по какой причине он позиционировался в таком статусе. Обобщающие же и аналитические работы русских авторов XIX в. нужно использовать, учитывая то, что понятие «русский пленник», активно использовавшееся в то время, для Средней Азии близко, но не синонимично понятию «русский раб в одном из среднеазиатских ханств».

5. Заключение

Итак, подданные Российской империи, находившиеся в рабстве в среднеазиатских ханствах, чаще всего маркировались в документах оренбургских властей как «русские пленники»/«русские пленные», причем этот термин мог сокращаться до «пленников»/«пленных». «Невольникам»/«рабами» они именовались значительно реже. Причины подобного позиционирования заслуживают отдельного исследования, но из проанализированных нами материалов очевидно: это позиционирование напрямую влияло на показания бывших рабов, снимаемые при их возвращении на родину. В этих показаниях основной акцент обычно делался на описание пленения, обстоятельства захвата в плен, число захватчиков и т. п. Напротив, пребывание в рабстве описывалось крайне лапидарно, порой десятилетия укладывались в одно предложение.

Соответственно, в большинстве случаев из показаний бывших русских рабов в Средней Азии вообще не ясно, чем они занимались в плену и каков был их социальный статус. Из рассмотренных нами более чем 30 показаний бывших рабов можно сделать только один значимый вывод об их жизни в рабстве: вывод о том, что у них был шанс как на самостоятельный выкуп, так и на освобождение хозяином без всякого выкупа, после чего бывшие рабы обычно оставались жить в среднеазиатских ханствах. При этом социальный статус освобожденных рабов был низким (в показаниях есть случаи насильственного отбора у них денег родственниками бывшего хозяина), тем не менее они заводили семьи и детей, женись как на дочерях других бывших «пленников», так и на местных жительницах.

И как раз появление подобных новых социальных феноменов, связанных со среднеазиатским рабством, сильно способствовало размытию термина «русские пленники»/«русские пленные» в разобранных нами документах. Поскольку сам этот термин был предназначен исключительно для внутреннего российского пользования, причем юридически он нигде не фиксировался, чиновники использовали его крайне вольно, относя к «русским пленникам» целый ряд неочевидных категорий. Так, к «русским пленникам» причисляли детей, родившихся в Хиве от уже освобожденных родителей, захваченных десятилетия назад. «Русским пленником» мог числиться и беглец из России, захваченный уже на территории другой страны, подданным которой он стал. Как нам представляется, в итоге термин «русский пленник» в чиновном делопроизводстве отражал не столько актуальные реалии жизни человека, к которому он применялся, сколько притязания на него российских властей: «русским пленным» де-факто назывался любой человек, которого Российская империя по какой-либо причине считала своим подданным и которого она желала вернуть из среднеазиатских ханств. Причиной такого отношения в подавляющем числе случаев действительно было то, что «пленник» некогда был захвачен в плен, будучи подданным Российской империи, однако в частных случаях обоснованием могли служить и какие-то другие причины, например рождение в Средней Азии в семье русского происхождения.

Разумеется, при подобном подходе этническое происхождение и актуальный социальный статус «русских пленников»/«русских пленных» на момент написания документа о них могли быть самыми разными. В числе рассмотренных нами «русских пленников» были и поляк, и черемис (мариец). Большинство «русских пленников» до возвращения в Россию оставались рабами, однако в их числе встречались люди, обретшие свободу в среднеазиатских ханствах, и дети этих людей, никогда рабами не бывшие. Таким образом, хотя термин «русский пленник»/«русский пленный» в рассмотренных нами источниках и связан со среднеазиатским рабством, степень и характер этой связи в каждом конкретном случае нужно разбирать отдельно.

Нам остается сделать вывод, что тексты о «русских пленниках» оренбургских чиновников XIX в. написаны с крайне специфической позиции, влиявшей на отражение в них реальности. Само понятие «русский пленник»/«русский пленный» было конструктом, сформировавшимся в России и отражавшим не реальный социальный статус части рабов в Средней Азии, но притязания российской власти на покровительство этим рабам (для определения самоидентификации русских рабов в Средней Азии, судя по немногим источникам, написанным ими собственноручно, лучше подошел бы конструкт «христианский пленник»). Исходя из подобной логики, чиновниками даже при расспросах «русских пленников» фиксировались в первую очередь не факты их жизни в Средней Азии, но факты, связанные с захватом в плен подданных Российской империи и их освобождением из этого «плена» (причем освобождением из «плена» считался выход на родину, даже если юридически бывший раб был освобожден еще в среднеазиатских ханствах). А для изучения собственно жизни подданных Российской империи в рабстве и после него необходимо изыскивать иные документы, прежде всего создававшиеся непосредственно в Средней Азии. Документы же российских властей о «русских пленниках» по самой логике этого термина содержат важный, но достаточно односторонний и специфический пласт информации.

Литература

- Беленицкий, 1970 – Беленицкий А.М. О «рабовладельческой формации» в истории Средней Азии // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 122. М., 1970. С. 71-76.
- ОГАОО – Объединенный государственный архив Оренбургской области.
- Григорович, 1911 – Григорович Н.С. Памяти Н.А. Маслаковца // Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Вып. 23. Оренбург, 1911. С. 262-266.
- Даль, 1838a – Даль В.И. Рассказ невольника, хивинского уроженца Андрея Никитина. 1830 // Альманах «Утренняя заря». СПб., 1838. С. 188-211.
- Даль, 1838b – Даль В.И. Рассказ хивинского пленника Федора Федорова Грушина // Литературное прибавление к Русскому инвалиду. 1838. № 5. С. 81-86.
- Даль, 1839 – Даль В.И. Рассказ вышедшего из хивинского плена астраханского мещанина Тихона Иванова Рязанова // Альманах «Утренняя заря». СПб., 1839. С. 74-92.
- Жаплова, Сайбулова, 2020 – Жаплова Т.М., Сайбулова А.Ж. Особенности поэтики биографического очерка С.Н. Севастьянова «Падуров» // *Austrian Journal of Humanities and Social Sciences*. 2020. № 7-8. С. 35-42.

[Исмаилова, 1973](#) – Исмаилова С.К. Документы о рабстве в Бухарском ханстве в XIX – начале XX в. // *Известия Академии наук Таджикской ССР. Отделение общественных наук.* № 2(72). 1973. С. 20-30.

[Кочнев, 2017](#) – Кочнев А.В. Российские подданные в Хивинском плену в конце XVIII – начале XIX в.: пути решения проблемы и последствия // *Вестник Томского государственного университета.* 2017. № 423. С. 100-104.

[Матвиевская, 2002](#) – Матвиевская Г.П. Владимир Иванович Даль, 1801–1872. М., 2002. 221 с.

[Попов, 1907](#) – Попов А. Рукописи Г.Ф. Генса // *Труды Оренбургской ученой архивной комиссии.* Вып. 19. Оренбург, 1907. С. 168-182.

[Родин, 2022](#) – Родин Д.В. Хивинский поход В.А. Перовского 1839–1840 гг. в контексте англо-русского соперничества в Средней Азии // *Журнал Фронтальных Исследований.* 2022. № 1. С. 34-57.

[Севастьянов, 1906](#) – Севастьянов С.Н. События в Оренбургском крае, подготовившие экспедицию в Хиву 1839–1840 гг. // *Труды Оренбургской Ученой Архивной Комиссии.* Вып. 16. Оренбург, 1906. С. 95-148.

[Севастьянов, 1907](#) – Севастьянов С.Н. Григорий Федорович Генс // *Труды Оренбургской ученой архивной комиссии.* Вып. 19. Оренбург, 1907. С. 158-167.

[Севастьянов, 1999](#) – Севастьянов С.Н. Иван Васильевич Подуров. Историко-биографический очерк // *Гостинный двор: Литературно-художественный и общественно-политический альманах.* Оренбург, 1999. С. 190-205.

[Созина, 2016](#) – Созина Е.К. Дискурс «степных пленников» в русской литературе XIX века // *Уральский исторический вестник.* 2016. № 1(50). С. 6-15.

[Ermachkov et al., 2021a](#) – Ermachkov I.A., Baibarın A.A., Mineeva E.K., Balanyuk L.L. To the Issue of the Cost of Slaves on the Territory of the Khiva Khanate (the first half of the XIX century) // *Bylye Gody.* 2021. 16(4). Pp. 1779-1788.

[Ermachkov et al., 2021b](#) – Ermachkov I.A., Koroleva L.A., Mineeva E.K., Balanyuk L.L. The Slavery in Central Asia (the first half of the XIX century): the Nature and Manifestations // *Bylye Gody.* 2021. 16(1). Pp. 110-117.

[Ermachkov et al., 2021c](#) – Ermachkov I.A., Vidishcheva E.V., Mineeva E.K., Balanyuk L.L. The Features of the Capture of Russian People by Asian Nomadic Tribes (the first half of the XIX century) // *Bylye Gody.* 2021. 16(3). Pp. 1171-1180

[Izbassarova, 2020](#) – Izbassarova G.B. Legitimization of Power in the Kazakh Steppe in the XIX century. Search for the Cartridge: Khiva Khanate or Russian Empire? (by the Example of the Fate of Sultan Kaipgali Ishimov) // *Bylye Gody.* 2020. Vol. 58. Is. 4. Pp. 2385-2395.

References

[Belenitskii, 1970](#) – Belenitskii, A.M. (1970). О «rabovladel'cheskoi formatsii» v istorii Srednei Azii [About «slavery formation» in the history of Central Asia]. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii.* Vyp. 122. M., Pp. 71-76. [in Russian]

[Dal', 1838a](#) – Dal', V.I. (1838). Rasskaz nevol'nika, khivinskogo urozhentsa Andreyka Nikitina. 1830 [The story of a slave, a khivan denizen Andrei Nikitin. 1830]. *Al'manakh «Utrennyaya zarya».* SPb., Pp. 188-211. [in Russian]

[Dal', 1838b](#) – Dal', V.I. (1838). Rasskaz khivinskogo plennika Fedora Fedorova Grushina [The story of khivan captive Fedor Fedorov Grushin]. *Literaturnoe pribavlenie k Russkomu invalidu.* 5: 81-86. [in Russian]

[Dal', 1839](#) – Dal', V.I. (1839). Rasskaz vyshedshego iz khivinskogo plena astrakhanskogo meshchanina Tikhona Ivanova Ryazanova [The story of an Astrakhan burgher Tikhon Ivanov Ryazanov who left khivan captivity]. *Al'manakh «Utrennyaya zarya».* SPb. Pp. 74-92. [in Russian]

[Ermachkov et al., 2021a](#) – Ermachkov, I.A., Baibarın, A.A., Mineeva, E.K., Balanyuk, L.L. (2021). To the Issue of the Cost of Slaves on the Territory of the Khiva Khanate (the first half of the XIX century). *Bylye Gody.* 16(4): 1779-1788.

[Ermachkov et al., 2021b](#) – Ermachkov, I.A., Koroleva, L.A., Mineeva, E.K., Balanyuk, L.L. (2021). The Slavery in Central Asia (the first half of the XIX century): the Nature and Manifestations. *Bylye Gody.* 16(1): 110-117.

[Ermachkov et al., 2021c](#) – Ermachkov, I.A., Vidishcheva, E.V., Mineeva, E.K., Balanyuk, L.L. (2021). The Features of the Capture of Russian People by Asian Nomadic Tribes (the first half of the XIX century). *Bylye Gody.* 16(3): 1171-1180.

[Grigorovich, 1911](#) – Grigorovich, N.S. (1911). Pamyati N.A. Maslakovtsa [In memory of N.A. Maslakovets]. *Trudy Orenburgskoi uchenoi arkhivnoi komissii.* Vyp. 23. Orenburg. Pp. 262-266. [in Russian]

[Ismailova, 1973](#) – Ismailova, S.K. (1973). Dokumenty o rabstve v Bukharskom khanstve v XIX – nachale XX v. [Documents about slavery in the Khanate of Bukhara in the 19th – early 20th centuries]. *Izvestiya Akademii nauk Tadzhikskoi SSR. Otdelenie obshchestvennykh nauk.* 2(72): 20-30. [in Russian]

Izbassarova, 2020 – Izbassarova, G.B. (2020). Legitimization of Power in the Kazakh Steppe in the XIX century. Search for the Cartridge: Khiva Khanate or Russian Empire? (by the Example of the Fate of Sultan Kaipgali Ishimov). *Bylye Gody*. 58(4): 2385-2395.

Kochnev, 2017 – Kochnev, A.V. (2017). Rossiiskie poddannye v Khivinskom plenu v kontse XVIII – nachale XIX v.: puti resheniya problemy i posledstviya [Russian subjects in Khivan captivity in the late 18th – early 19th centuries: ways of resolving the problem and the consequences]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universitetata*. 423: 100-104. [in Russian]

Matvievskaya, 2002 – Matvievskaya, G.P. (2002). Vladimir Ivanovich Dal', 1801–1872 [Vladimir Ivanovich Dal, 1801–1872]. M., P. 221. [in Russian]

OGA00 – Ob"edinennyi gosudarstvennyi arkhiv Orenburgskoi oblasti [Joint state archive of Orenburg Oblast].

Popov, 1907 – Popov, A. (1907). Rukopisi G.F. Gensa [Manuscripts of G.F. Gens]. *Trudy Orenburgskoi uchenoi arkhivnoi komissii*. Vyp. 19. Orenburg, Pp. 168-182. [in Russian]

Rodin, 2022 – Rodin, D.V. (2022). Khivinskii pokhod V. A. Perovskogo 1839-1840 gg. v kontekste anglo-russkogo sopernichestva v Srednei Azii [Khivan campaign of V.A. Perovsky of 1839-1840 in the context of English-Russian contest in Central Asia]. *Zhurnal Frontirnykh Issledovaniy*. 1: 34-57. [in Russian]

Sevast'yanov, 1906 – Sevast'yanov, S.N. (1906). Sobytiya v Orenburgskom krae, podgotovivshie ekspeditsiyu v Khivu 1839–1840 gg. [Events in Orenburg Oblast that prepared the expedition to Khiva of 1839–1840]. *Trudy Orenburgskoi Uchenoi Arkhivnoi Komissii*. Vyp. 16. Orenburg. Pp. 95-148. [in Russian]

Sevast'yanov, 1907 – Sevast'yanov, S.N. (1907). Grigorii Fedorovich Gens [Grigori Fedorovich Gens] *Trudy Orenburgskoi uchenoi arkhivnoi komissii*. 19. Orenburg. Pp. 158-167. [in Russian]

Sevast'yanov, 1999 – Sevast'yanov, S.N. (1999). Ivan Vasil'evich Podurov. Istoriko-biograficheskii ocherk [Ivan Vasil'evich Podurov. A historical-biographical essay]. *Gostinyi dvor: Literaturno-khudozhestvennyi i obshchestvenno-politicheskii al'manakh*. Orenburg. Pp. 190-205. [in Russian]

Sozina, 2016 – Sozina, E.K. (2016). Diskurs «stepnykh plennikov» v russkoi literature XIX veka [«Steppe captives» discourse in Russian literature of 19th century]. *Ural'skii istoricheskii vestnik*. 1 (50): 6-15. [in Russian]

Zhaplova, Saibulova, 2020 – Zhaplova, T.M., Saibulova, A.Zh. (2020). Osobennosti poetiki biograficheskogo ocherka S.N. Sevast'yanova «Padurov» [Features of the poetics of S.N. Sevast'yanov's biographical essay «Padurov»]. *Austrian Journal of Humanities and Social Sciences*. 7-8: 35-42. [in Russian]

Пленники, рабы, свободные: некоторые особенности показаний бывших русских рабов в Средней Азии XIX в. как исторического источника

Артем Юрьевич Перетяtko ^{a, b, *}

^a Черкас глобальный университет, Вашингтон, США

^b Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена источниковедческому анализу показаний бывших русских рабов в Средней Азии XIX в., снятых чиновниками Оренбургского губернаторства. Автор показывает, что подобные показания достаточно многочисленны и имеют важное значение для изучения среднеазиатского рабства в целом. В то же время снимавшие их чиновники исходили из достаточно специфической позиции: подданные Российской империи, побывавшие в рабстве в Средней Азии, позиционировались как «русские пленные»/«русские пленники». Во-первых, это вело к тому, что при снятии показаний основное внимание обычно уделялось не периоду пребывания человека в рабстве, но его взятию в плен. Поэтому зачастую в показаниях после детального описания пленения следует описание долгих лет рабства, но сводящееся к одному-двум предложениям и совершенно не раскрывающее особенности пребывания человека в рабстве. Во-вторых, подобное невнимание к реалиям пребывания человека в рабстве, в свою очередь, вело к тому, что под названием «русские пленные»/«русские пленники» объединялись самые разные категории людей: как рабы, так и люди, давно получившие свободу, и даже никогда не бывшие в рабстве дети этих людей. Автор приходит к выводу, что поэтому истории «русских пленных» необходимо изучать на микроуровне, с определенной осторожностью относясь к обобщениям современников о «русских пленниках» в Средней Азии, поскольку на практике социальный статус этих людей мог значительно различаться.

Ключевые слова: источниковедение, рабство, плен, Средняя Азия, Хивинское ханство, Оренбургское губернаторство, Г.Ф. Генс.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: ArtPeretatko@yandex.ru (А.Ю. Перетяtko)

Copyright © 2023 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2023. 18(2): 633-649
 DOI: 10.13187/bg.2023.2.633

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Development of the Oil Refining Industry in Transcaucasia at the turn of the XIX-XX centuries. Historical Experience and Modern Assessments

Gulnur F. Yakubova ^a, Ivan M. Vanchugov ^a, Roman A. Shestakov ^{a, *}

^a Gubkin University, Russian Federation

Abstract

The study opens a series of publications about the formation and development of the oil industry in the Caspian-Black Sea region of Russia. The article analyzes the formation and development of the oil production and refining industry in the Transcaucasian region of Russia at the turn of the XIX-XX centuries. The authors consider the historical and economic prerequisites and factors of the formation of the Caspian-Black Sea oil region before the start of industrial development of oil fields.

The actions of the Russian state on the annexation of the Baku field to the Russian possessions and the beginning of oil production are emphasized. The role of domestic entrepreneurs, engineers and scientists in the development of the oil wealth of the south of Russia is emphasized. The inventions of engineers that were developed and used for the first time during the development of the oil industry in Azerbaijan, Armenia and Georgia are considered.

The article reveals the chronological order of the development of the oil industry – from the first mentions of Absheron in history to the formation of the world's strongest oil industry in terms of oil production rates in the Baku area. For the first time in the study of the industry at the turn of the XIX-XX centuries, the authors studied the historical, legal, scientific and technical, economic, logistical, economic and political aspects of the creation and development of the Russian oil industry.

Keywords: oil, fuel, coal, kerosene, inventions, oil pipeline, oil industry, oil refining, investments, XIX century, Russian Empire.

1. Введение

Прежде чем человечество начало активно использовать нефть, вместо нее применяли другие ресурсы, то есть для удовлетворения потребностей топливно-энергетического комплекса использовались древесное топливо, бурый уголь, торфяной навоз, солома и т.д. Еще в XIX веке никто не мог себе представить, что нефть станет незаменимым ресурсом.

Несмотря на многовековое знакомство людей с нефтью, этот продукт до последнего времени употреблялся только в своем естественном виде. Перегонка нефти с целью получения осветительных материалов впервые начинается только в XVIII столетии.

Наиболее значительным регионом нефтяного бума на рубеже XIX–XX веков считается Каспийско-Причерноморский регион России, то есть Закавказье. В этот период в регионе начинают свою деятельность первые нефтеперерабатывающие заводы, создаются отечественные нефтяные товарищества, к ним присоединяется иностранный капитал – на рынке появляются инвесторы из западных стран: семейство банкиров Ротшильдов, британская компания Самуэля, «Эйшиэтик Петролеум К^о» и другие.

Также немаловажно упомянуть научно-технические разработки отечественных инженеров и строителей, которые были впервые использованы в нефтепромышленности в Закавказском регионе.

* Corresponding author

E-mail addresses: shestakov.r@gubkin.ru (R.A. Shestakov)

Добыча нефти с помощью эрлифта, хранение продукта в резервуарах и цистернах, транспортировка на танкерах, баржах и нефтепроводах, переработка методом крекинга – все это является заслугой известных русских изобретателей и ученых, таких как Д.И. Менделеев, В.Г. Шухов, Джавад Меликов, Н.И. Воскобойников, О.К. Ленц.

Многие ученые в своих трудах недостаточно уделяют внимания периоду самостоятельного становления и развития нефтяной отрасли в Закавказье. Исторические факты, экономико-политические аспекты, анализ всех за и против дается обрывисто и не совсем четко из-за «пробелов» в архивах. В данном исследовании мы постарались уделить внимание как историко-экономическим, так и научно-техническим аспектам проблемы, показав, что нефтепромышленность в Закавказье развивалась постепенно и многопланово.

2. Материалы и методы

В работе используются архивные материалы и научные издания второй половины XIX века, которые описывают события, затрагивающие тему исследования: Очерки Императорского Русского технического общества, Записки государственного исторического архива Республики Азербайджан (Баку, Азербайджан), Отчеты бакинского нефтяного общества, данные из Российского государственного исторического архива (Санкт-Петербург, Российская Федерация). Также в исследовании приводится подробный анализ следующих документов: Свода законов Российской империи (Свод основных государственных законов; Устав монетный), Второго собрания законов Российской империи (1825–1881), где дополнением идут чертежи и рисунки с определенным реестром.

При написании исследовательской работы применялись классические методы анализа и синтеза, конкретизации и обобщения. Также в работе был использован историко-ситуационный метод, который изучает исторические факты по отношению к рассматриваемому периоду в истории с сопутствующими событиями и фактами. Этот метод позволяет проанализировать развитие и становление нефтепромышленности в Закавказском регионе России в совокупности с совершенствованием технологий, инженерной техники, экономики, логистики, а также точек роста промышленности в России в целом.

3. Обсуждение

Топливо-энергетический сектор уже на протяжении более ста лет является одним из важнейших двигателей роста и развития экономики многих государств. Такие ресурсы, как нефть и газ, являются наиболее важными для России, начиная с XIX столетия. Так, уже на рубеже XIX–XX веков Закавказский регион России являлся передовой областью в сфере добычи углеводородов, необходимых как для внутреннего потребления, так и для экспортирования с целью дополнительной выручки.

Историю, предпосылки и последствия тех или иных процессов, происходящих в Закавказском регионе и связанных со становлением нефтедобычи, активно рассматривали как современники, заставшие то время и являвшиеся, по сути, свидетелями тех событий, так и ученые советской и уже современной российской эпох, проводящие анализ через призму времени.

Стоит отметить, что до начала XX столетия специализированных исследований в области нефтепромышленности в Баку не производилось, однако происходила активная фиксация и архивирование данных. Так как общеизвестные первые данные и знания об использовании и добыче нефти датировались античным временем, а первые сведения о наличии нефти и ее использовании на Апшеронском полуострове можно найти в письменных источниках с VIII по XIII века у арабских ученых Баладзори, Масуди, Истахри-Абу (Мир-Бабаев, 2004: 25), то те небольшие данные, которые дошли до нас, были посвящены отдельным узкоспециализированным технологическим аспектам, таким как крекинг, транспортировка и хранение нефти.

Основными источниками научно-технических данных, содержащих технические элементы развития нефтепромышленности дореволюционного времени, являются научные публикации Д.И. Менделеева (Менделеев, 1950: 45), В.Г. Шухова (Шухов, 1977: 57), Гулишамбарова (Гулишамбаров, 1887: 15).

Первыми узкоспециализированными публикациями научно-технического характера в Российской империи, в которых описывался процесс крекинга, транспортировки и хранения нефтепродуктов, являлись работы знаменитых русских ученых – инженера Владимира Шухова, химиков Дмитрия Менделеева и Александра Летнего (Летний, 1875: 116), а также известного купца и мецената Кокорева Василия Александровича (Кокорев, 2005: 101).

Кроме того, развитие нефтяной промышленности Российской империи неоднократно описывалось в работах профессора Горного института и председателя 1-го отдела Императорского Русского технического общества К.И. Лисенко в книге «Нефтяное производство, составленное по новейшим данным» 1878 года (Лисенко, 1878: 37). Немаловажными были и экономические исследования, связанные с экономической составляющей нефтепромышленности, но без анализа перспектив. Первым источником наиболее полного экономико-технического изучения нефтяной промышленности в Баку можно считать исследования Першке Сергея Людвиговича «Русская

нефтяная промышленность, ее развитие и современное положение в статистических данных» 1913 года (Першке, Першке, 1913: 45).

Вопросами становления и развития нефтепромысла Каспийско-Причерноморского региона занимались следующие ученые-историки и публицисты: Г.Е. Старцев – «Бакинская нефтяная промышленность. Историко-статистический очерк» (Старцев, 1901: 12), С.Б. Ашурбейли – «Очерки истории средневекового Баку» (Ашурбейли, 1964: 65), С.М. Лисичкин – «Очерки по истории развития отечественной нефтяной промышленности. Дореволюционный период» (Лисичкин, 1954: 89) и др.

О нефтяной промышленности Баку было написано немало книг как в советский, так и в постсоветский периоды. Так, советский период известен новыми именами в исследовании нефтяного дела изучаемого региона. Например, это бакинский нефтехимик, ответственный редактор журнала «Труды БО ИРТО» Виктор Герр (1875–1940 гг.), который впервые исследовал состав сураханской и биби-эйбатской нефтей и определил содержание в них бензола и его гомологов. В советский период профессор В.Ф. Герр будет работать с нефтехимиком Ю.Г. Мамадалиевым. Также стоит упомянуть работу Фатуллабека Рустамбекова «Предложения «Азнефти» о технической рационализации нефтедобычи по пятилетней программе (1923–1924 и 1927–1928 годы)», где впервые были продемонстрированы пути использования новых скважин и способы их крепления. Также информацию о становлении отрасли, в том числе и в Закавказском регионе, можно встретить в ряде работ известного российского геолога, основателя отечественной нефтяной геологии и научной школы И.М. Губкина (Губкин, 1937: 99). В 1983 году в Баку была издана монография Г.Г. Ашумова «Азербайджанские нефти» на азербайджанском языке, в которой обобщены и систематизированы состав и свойства нефтей и нефтяных фракций, исследованных до 1980 года (Ашумов, 1961: 364).

На современном научном этапе изучением развития нефтепромышленности в Баку занимается доктор химических наук, профессор Азербайджанского технического университета Мир-Юсиф Фазил оглы Мир-Бабаев. В 2009 году он выпустил книгу «Краткая история азербайджанской нефти» (Мир-Бабаев, 2009: 75). Стоит отметить, что среди исследователей данной области больше преобладают азербайджанские авторы, в качестве примера можно привести работу Тельмана Сабир оглу Айдаминаова, издавшего в 2014 г. свою работу «Вывоз бакинской нефти из Азербайджана в конце XIX – начале XX вв.» (Айдаминов, 2014: 237).

На сегодняшний день изучение истории нефтяного дела Каспийско-Причерноморского региона актуально, так как оно содержит много неординарных событий и имеет глубокие корни. Мы считаем, что для правильного развития нефтепромышленности в настоящее время нужно знать положение нефтяного дела в прошлом, ведь именно тогда оно стало важнейшей отраслью страны и положило начало динамичному развитию значимых научно-технических и экономико-политических событий.

Несмотря на многопрофильность исследований становления и развития бакинских, батумских и других нефтяных промыслов, одним общим недостатком всех вышеперечисленных работ является отсутствие комплексного подхода к изучению и оценке событий того времени. Этот пробел необходимо восполнить для более детального изучения развития закавказских нефтяных месторождений XIX века.

4. Результаты

Несомненно, процесс переработки нефти был известен и ранее, но в то время были лишь попытки придать промышленное значение жидким осветительным материалам, активное же распространение он получил намного позднее. Развитие данного производства начинается только в 1830-х годах в Германии, когда австрийскому химику Карлу Рейхенбаху удалось приготовить жидкое осветительное масло из продуктов сухой перегонки дерева, что в дальнейшем получило название – фотоген. Также в это время свою деятельность по разработке аналогичных продуктов и разных смолистых веществ начинает в Шотландии Д. Юнг (Гулишамбаров, 1887: 25).

Производство фотогена из богхеда и разных бурых углей быстро стало развиваться в Европе, и это побудило барона Торнау в 1857 году попытаться открыть производство в России, где на Апшеронском полуострове имелось ископаемое смолистого характера – кир, весьма богатое содержанием жидких углеводородов. После чего немецкий ученый Юстус фон Либих составил проект завода, который был построен в 12 километрах от Баку, рядом с Атешяхом, храмом огнепоклонников, с целью использовать горючий газ как даровое топливо. Завод начал свою деятельность в 1859 году, но он не был первым заводом такого рода на Кавказе (Мир-Бабаев, 2002: 38-44).

В архивах Кавказа сохранились данные (ГИАРА. Ф. 798. Оп. 1. Д. 183. Л. 2; Отчет бакинского..., 1910), которые доказывают существование фотогенного производства задолго до основания завода в Сураханах и проведения опытов Рейхенбахом. Первооткрывателями этого производства являлись крестьяне графини Паниной Владимирской губернии, Гороховецкого уезда, села Нижнего Лахида – братья Василий, Герасим и Макар Дубинины, которые построили первый фотогенный завод в горах Северного Кавказа, рядом с Грозным, в 1823 году (Лозгачев, 1953: 56-58).

Их ремесло получило известность, только когда они начали привозить жидкие осветительные материалы из-за границы. Чтобы расширить свое производство, они в 1846 году обратились к

кавказскому наместнику – князю Михаилу Семеновичу Воронцову с просьбой о помощи. Поданная ими докладная князю Воронцову, которая сохранилась в архивах реорганизованного в 1929 году Императорского Русского технического общества, хорошо характеризует положение фотогенного производства того времени.

В начале XIX века было крайне тяжело вести заводское дело на Кавказе: горцы (если быть точнее, «абреки») постоянно нападали на мирных жителей с целью грабежа и разбоя. Из-за нестабильности в регионе, в том числе происходящей из-за постоянно идущих войн как между регулярными частями российской армии и турками, так и из-за стычек местных племен друг с другом) в регионе наблюдался высокий уровень преступности.

Преступления, совершаемые горцами в 1830-х годах, свидетельствуют, главным образом, о развитии абречества. При этом в первую очередь это были преступления, которые влекли за собой кровную месть, то есть данные преступления разбирались на основе обычаев (Калинин, 1917: 357).

Во второй половине XIX века получило развитие так называемое наездничество, которое начиналось со случаев конокрадства и грабежа, и что немаловажно, скрывалось от начальства. При этом, как известно, уже в конце XVIII века на Северо-Западном Кавказе российские власти начали реформирование общества горцев с целью стабилизации обстановки в регионе (Умаханов, 1993: 49-51).

Во время строительства Кавказской линии в XVIII веке был также основан ряд крепостей, казачьих станиц и кордонных линий, предназначенных для ограничения передвижения горцев Северо-Западного региона. Таким образом, усмиренное население горцев больше не имело правового основания для формирования ополчения и княжеских дружин. В связи с принятием ряда реформ 1820–1850 годов часть адыгских князей лишилась полномочий и привилегий, а именно – прав формировать военизированные подразделения и начинать боевые действия. Далее дворянам-узденям было запрещено взимать дань с народов, ранее находившихся в их ведении, следствием чего стал факт того, что ослабевшие князья-пши были вынуждены поступать на русскую службу или тайно заниматься наездничеством (Шиллинг, 1993: 104). После реформ 1860-х годов сельские ополчения на Северо-Восточном Кавказе были упразднены в связи с окончанием Кавказской войны (Булатова, 1988: 115).

Подтвердить затруднения ведения заводского дела из-за нападения горцев также можно, ссылаясь на письма и докладные братьев Дубининых князю Воронцову. В одном из своих писем братья пишут: «...Мы, Дубинины, более 20 лет при добывании в горах нефти, среди беспрестанных опасностей от неприятельских нападений горских народов, непрерывно усердствуем желанию правительства, которое заботится о вызове сюда из внутренних губерний всякого рода промышленных и ремесленных людей, дабы более распространять торговлю и ремесленную отрасль с означенными горцами, и тем, приучая их к занятию честному, отвлекать от праздности и хищничества» (Рагозин, 1884: 320).

Несмотря на все трудности, Дубинины продолжали свое дело и, безусловно, являлись пионерами нефтеперерабатывающего дела на Кавказе. Уже в 1928 году они придумали способ очищения черной нефти в белую. Это можно подтвердить докладной начальника Кавказской области, генерала Ильи Ивановича Сафонова, написанной Воронцову в 1847 году: «Полковник, представляю в копиях два свидетельства о действительном изобретении братьями Дубиниными, с 1828 года, способа очищения черной нефти в белую, до того времени никому здесь неизвестного, описание этого способа, чертеж устроенного ими заведения и образец перегонной белой нефти, уточняю, что белая нефть, изобретение Дубининых, распространилась в продажу по разным городам Российской империи в большом количестве и по качеству доброты употребляется в аптеках» (Симонович, 1909: 23).

В том же году образец дубининского фотогена был отправлен наместнику Воронцову, который потом передал его для исследования Эрасту Степановичу Андреевскому – генерал-штаб-доктору Кавказского наместничества. Андреевский дал следующее заключение: «Труды и усилия Дубининых к развитию столь важной промышленности заслуживают внимания и поощрения правительства, лишь бы только эти милости не относились к преимуществам и привилегиям, которые мешали бы общему производству очистки нефти такими же способами. По моему мнению, нефтяная промышленность имеет хорошее будущее. Потребность белой нефти для аптек, вероятно, со временем увеличится, а техническое употребление будет еще важнее» (Гулишамбаров, 1880: 335). Таким образом, мы можем сказать, что братьям Дубининым принадлежит первый фотогенный завод не только на всем Кавказе, но и во всей России.

Независимо от братьев Дубининых во время казенного управления бакинскими нефтяными источниками в 1830-х годах нефтепереработкой пробовал заняться горный инженер Воскобойников, но его попытки не имели никакого влияния на ход этой промышленности в Закавказском крае, завод в скором времени закрылся, и про него все забыли. Но в 1858 г. барон Торнау совместно с Закаспийским торговым товариществом взялся за это предприятие, во главе которого был В.А. Кокорев, и успешно возобновил работу завода (Гулишамбаров, 1887: 24).

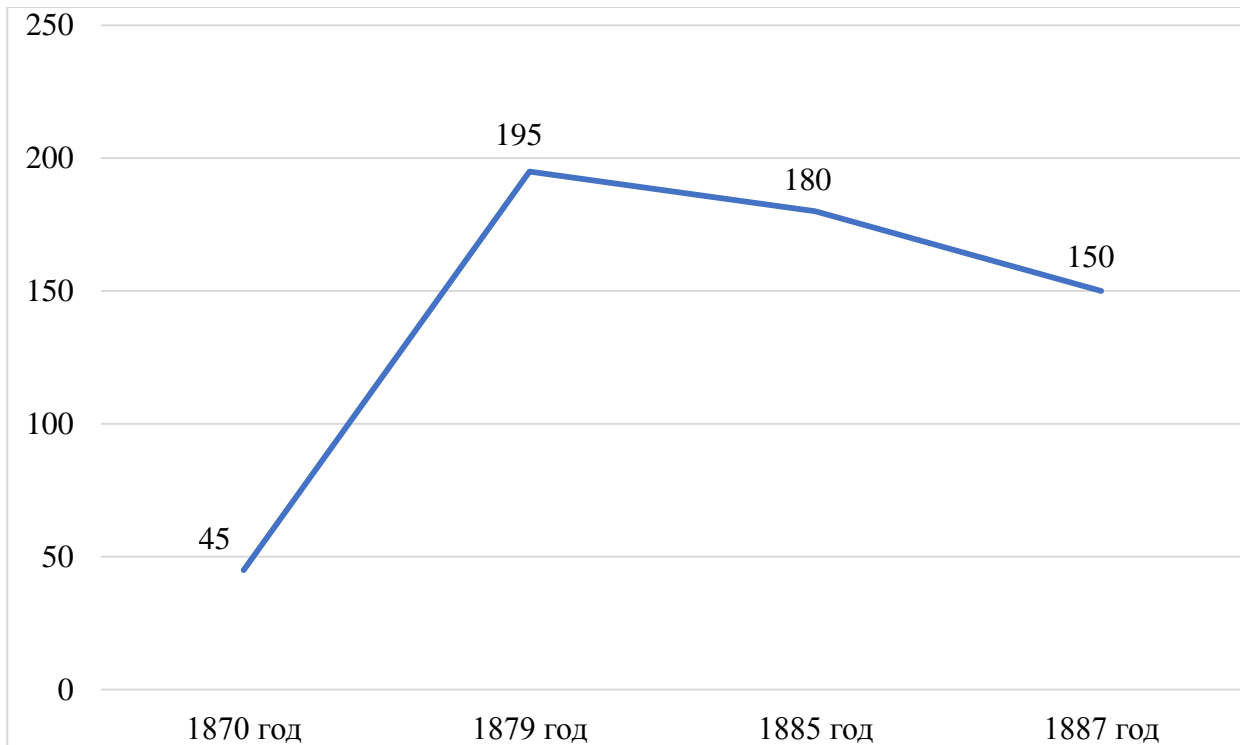
Химиком на заводе в первое время был ассистент Либиха – Пауль Мольденгауэр, который приступил к перегонке кира, его опыты не имели большого значения, так как все производилось в лабораторных условиях и кировый фотоген никогда не поступал в продажу. Только в 1860 г.

Мольденгауэру удалось переработать густую нефть в совершенно прозрачный, готовый к употреблению и уже в большем количестве, чем из кира. Эти новые опыты показали ему, что нефтяной фотоген значительно отличается от других, не содержит в себе примесей вроде фенола и креозота. Опыты Мольденгауэра над переработкой нефти проводились хоть и в незначительных количествах, но так как нефтяной фотоген имел много преимуществ, его работы положили начало развитию предприятия Товарищества после неудачных попыток в течение нескольких лет (Корин, 2004: 84).

Также совместно с Паулем Мольденгауэром в 1860 году на этом заводе свою работу начинает химик Василий Евстафьевич Эйхлер, который после опытов своего коллеги предложил барону Торнау оставить производство фотогена из кира и начать перерабатывать саму нефть. Барон согласился с данной идеей, после чего Эйхлеру пришлось 3 года работать над новым осветительным материалом, производимым из нефти (Менделеев, 1995: 211). В 1863 году в Россию завезли американский фотоген, названный керосином, который был более легко воспламеняемым и использовался при применении ламп. Это заставило химиков сураханского завода внимательнее относиться к своим опытам и производству. В скором времени завод выпустил свой осветительный материал, такой же, как и получаемый из-за границы. Продукт был новый, и химикам пришлось придумывать название, которое отличалось бы от зарубежного. Фотонафтиль – так назывался их нефтяной фотоген. Греческое слово «фотонафтиль» было образовано из трех слов: «фос» – свет, «нафта» – нефть, «иль» – вещество. Под таким названием Товарищество вело свою продажу по всей России, рассылая свой продукт, но продажи не шли, так как покупатели знали только о фотогене и керосине, а о фотонафтиле никто не слышал (Фигуровский, 1983: 102).

Значительно большего внимания заслуживают производства мелких предпринимателей, которым приходилось знакомиться с нефтеперерабатывающей промышленностью совершенно случайно, так как их конкуренты скрывали свои работы от других. Несмотря на это, уже к концу 1863 года в Баку начинают свою работу первые фотогенные заводы, и с того момента производство начинает становиться общественным достоянием и число заводов быстро увеличивается.

Употребление нефтяных продуктов увеличивалось с каждым днем, а потому и число фотогенных заводов росло неимоверно быстро (что можно проследить по графику на Рисунке 1): так, с 1870 по 1887 гг. общее количество предприятий возросло более чем в 3 раза (Мовсумзаде, 1996: 149). Частичное сокращение нефтеперерабатывающих заводов связано в первую очередь с объединением части компаний в более крупные.

Рис. 1. Число нефтеперерабатывающих заводов Закавказья во второй половине XIX века

Росту нефтеперерабатывающей промышленности в Закавказье поспособствовала отмена системы откупов в 1872 г. Изначально, до 1808 г., на полуострове Апшерон добыча нефти была свободной, но после была введена откупная система, основным смыслом которой заключался в

финансовом обременении промышленников. После пополнения казны благодаря «откупным» государство больше не мешало промышленникам и ослабило контроль над ними.

Откупные, во-первых, давали возможность на так называемую монополию на добычу нефти и дальнейшую продажу сырья, а во-вторых, на недропользование без контроля государства. По выкупному договору никто третий, кроме промышленника, который внес откупные, не имел право продавать нефть в области Баку (Брод, 1952: 25).

Из-за откупной системы государство задерживало развитие добычи нефти в других районах с большим количеством нефти. Д.И. Менделеев в обзоре Всемирной парижской выставки писал, что для развития добычи и переработки нефти в России «нужно прежде всего только, чтобы откуп был уничтожен или нефть была продана частным лицам путем публичной продажи...» (Менделеев, 1995: 153).

В 1872 году царское правительство под натиском российских капиталистических кругов отменило «откуп», что послужило последующей продаже предпринимателям так называемых нефтяных «казенных дач». Стоит отметить, что данное решение впоследствии стало важным шагом в развитии нефтяной отечественной промышленности.

Добыча нефти росла быстро, и число заводов, изготавливающих керосин, значительно увеличилось. Но после отмены откупной системы государство ввело косвенный налог на керосин, то есть акциз. Главной целью правительства было максимально выкачать пошлины из нефтяной промышленности. Производители скоро поняли пути обхода акцизной политики и стали работать более ускоренно, что в дальнейшем повлияло на качество продукта. Заводы работали без остановки, фотоген скапливался на складах, и спрос упал. Цена начала падать, и так как большинство предпринимателей работали не на большие прибыли и не на большой оборот средств, то есть без запасного капитала, то никто из них не ждал повышения цен и ушел в убыток с целью быстро продать и заново начать производство (Гефтер, 1961: 57).

Рыночная цена за пуд фотогена в разные года была следующая: в 1868 г. – 4 руб., в 1869 году – 3,75 руб., в 1871 г. – 4 руб., в 1872 г. – 3,50 руб., в 1873 г. – 2,50 руб. (ГИАРА. Ф. 798. Оп. 1. Д. 183. Л. 2).

Новая акцизная политика не привела к росту нефтепромышленности, только при полной свободе производства дело могло принять самые широкие обороты. В 1877 году керосинное производство было освобождено от акциза, но и при такой государственной политике размеры производства были ограничены: нефтепродукт можно было вывозить из Баку только в течение 6 месяцев, так как на следующие полгода навигация по Каспийскому морю прекращалась и вместе с этим приостанавливалась деятельность заводов. Существенные неудобства устранились только после открытия участков Закавказской железной дороги: Баку – Сурахан и Тифлис – Баку. Бакинская нефть стала быстро поступать во все государства Европы, Африки и Азии, вытесняя оттуда американских производителей (Шепелев, 1981: 346).

Американские нефтедобывающие компании, пережившие промышленную революцию и перестроившие производство, в отличие от России тогда были лидерами по добыче нефти. Продукция США пользовалась большим спросом на европейских рынках. Но, чтобы защитить российские нефтяные компании от демпинга иностранных конкурентов, был введен высокий тариф на импортную нефть из-за рубежа, что также позволило инвесторам гарантировать значительную дополнительную прибыль.

Необходимо обратить внимание на то, что главной составляющей частью нефтегазового производства являются геологоразведочные и геофизические работы (сокращенно ГРП), в рамках которых также рассматриваются вопросы транспорта и переработки нефти. Конечной целью ГРП являются поиск и расчеты оптимальных способов добычи полезных ископаемых.

В связи с изобретением и применением в России первого в мире ударного метода бурения Закавказье стало одним из первых мест рождения промышленной добычи нефти. Так, в 1866 году был получен первый в мире управляемый фонтан нефти, дебит которого составлял около 200 тонн (Чердабаев, 2010: 39).

Результатом последующих работ инженеров и ученых, направленных на усовершенствование механизированных методов ударного бурения, стало повсеместное увеличение объемов бурения скважин, что уже в свою очередь увеличило общую добычу в Закавказском регионе и, как следствие, количество эксплуатационных и глубинных скважин.

Период, охватывающий вторую половину XIX – начало XX вв., характеризуется наличием процессов, направленных на совершенствование нефтедобычи. Первоначальная примитивность и отсталость в технологическом отношении была связана в первую очередь с отсутствием научного опыта и общей систематизации знаний, посвященных поиску и исследованию месторождений в данном регионе.

Закавказье становится передовой территорией в нефтяной области благодаря русскому инженеру, архитектору, изобретателю, ученому Владимиру Григорьевичу Шухову. Впрочем, не только Азербайджан, Грузия и Армения, но и весь российский нефтепромысел, который в XIX веке встал на капиталистический путь развития, также обязан его изобретениям и инженерным разработкам. В.Г. Шухов считается крупным специалистом в области строительной механики и энергетики. Будучи студентом, он изобрел свое первое практически ценное изобретение – паровую

форсунку для факельного сжигания мазута, считавшегося ранее отходом нефтепереработки, которое в дальнейшем успешно использовал в Баку (Кокорев, 2005: 205).

Основная инженерная деятельность Владимира Григорьевича Шухова в Закавказье начинается в 1878 году, где перед В.Г. Шуховым встал ряд вопросов, начиная от конструирования техники для нефтяной промышленности и добычи нефти до транспортировки ее с Апшеронского полуострова. Один из знакомых В.Г. Шухова – Александр Вениаминович Бари, проживающий в Америке, приезжает в Санкт-Петербург и в 1878 году основывает техническую контору, где предлагает 24-летнему Шухову место главного инженера. Далее Шуховым было принято решение о положительном ответе на предложение его друга, однако у судьбы были свои планы, и Шухов по состоянию здоровья был вынужден переехать в Баку, где уже как непосредственный представитель компании начинает заниматься руководством первых проектов нефтепроводов в России (Ефрон, Брокгауз, 1897: 937).

Работу над первым нефтепроводом для эксплуатации компанией «Товарищество нефтяного производства братьев Нобель» протяженностью в девять километров, от балаханских промыслов до завода Л. Нобеля в Баку (Рисунок 2), Шухов начинает по заказу братьев Нобель – Роберта и Людвиг.

Рис. 2. Первый в России нефтепровод Балаханы – Баку

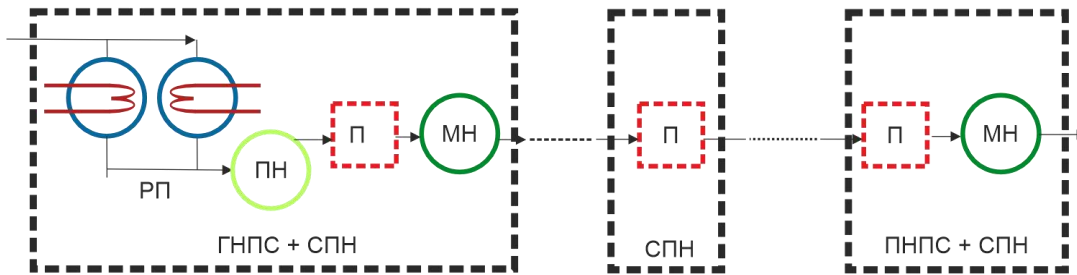
Уже на первом этапе Владимир Григорьевич сталкивается со сложной проблемой: нефтепровод, который должен был прокладываться в районе города, вызвал негодование у местного населения. С введением его в действие несколько тысяч арбников лишились своего заработка. Начались поджоги, и за строительством пришлось организовать специальную охрану. Были и другие проблемы: лопались импортированные из Америки трубы и выходили из строя другие инструменты. Зимой 1879–1880 гг. проект был выполнен (Шухов, 1982: 75).

Первая нитка российского нефтепровода, сделанного из железных труб, скрепленных с помощью муфт, соединявшая промышленный район в Балаханах с заводским районом Баку, имела длину около 9 км и диаметр 7,62 см. Комментарий фирмы братьев Нобелей имел исключительно положительный окрас, а именно – важность данного трубопровода демонстрировал тот факт, что себестоимость перекачки была менее 1 копейки за пуд продукта, тогда как стоимость других видов перевозок (в том числе перевозка на арбах) доходила до 9 копеек. Таким образом, при средней эффективности перегонки в то время, а именно три пуда нефти, позволяло получить один пуд керосина, что говорит о том, что экономия составляла до 25 копеек на 1 пуд продукта.

Для «Товарищества нефтяного производства братьев Нобель» появились новые заказы от других фирм на перекачку нефти с их нефтяных месторождений, цена за это составляла 5 копеек с пуда. А некоторые уже задумывались о строительстве собственных нефтепроводов. В 1879 году Бари и Шухов получили предложение Г.М. Лианозова построить ему нефтепровод. На основе накопленного опыта предыдущей работы Владимир Григорьевич составил проект, который был успешно реализован (ГИАРА. Ф. 798. Оп. 1. Д. 175. Л. 2).

Первые нефтепроводы были очень значимы для развития экономики страны. Именно в это время и именно в этих проектах В.Г. Шухов сумел заложить тот научный и образовательный

фундамент целой школы трубопроводного транспорта, благодаря которому данная отрасль продолжает развиваться и по сей день. Так, стоит отметить два инженерных решения, или же изобретения, а именно трубы с тонкими и постоянными стенками, а также подогрев высоковязких продуктов для более простой перекачки (Рисунок 3). Общий принцип действия подогрева выглядел следующим образом: изначально проектировались подогреватели трубчатой формы, которые и устанавливались на всасывающей линии насоса, что позволяло использовать ранее отработавший горячий пар, который как раз и подогревал подходящие к насосу нефтепродукты, что позволяло значительно упростить перекачку. Достаточно важным являлся вопрос общей герметизации труб, так как именно при хорошей герметизации удавалось наладить работу остаткопровода.

Рис. 3. Схема перекачки нефтяных остатков с подогревом для уменьшения их вязкости
 РП – резервуарный парк с подогреваемыми резервуарами; ПН – подпорные насосы; П – подогреватель; МН – магистральные насосы; ГНПС – головная нефтеперекачивающая станция; СПН – станция подогрева нефти; ПНПС – промежуточная нефтеперекачивающая станция.

Процесс переработки нефти в то время имел существенные недостатки. Менделеев в своих трудах разработал теорию расщепления нефти на погоны, но выход нефтепродуктов в действовавших тогда разработках был крайне мал, много нефти после переработки не использовалось. Таким образом, благодаря изобретению В.Г. Шухова при передаче тепла пара нефтяным остаткам мазуту удавалось снизить его общую вязкость, что в свою очередь делало их более пригодными для перекачки. В частности, благодаря данному мазутопроводу Шухову удавалось проводить большое количество исследований, результатом которых стала в том числе всем известная формула, позволяющая в будущем проектировать и строить новые нефте- и нефтепродуктопроводы (Шухов, 1982: 35).

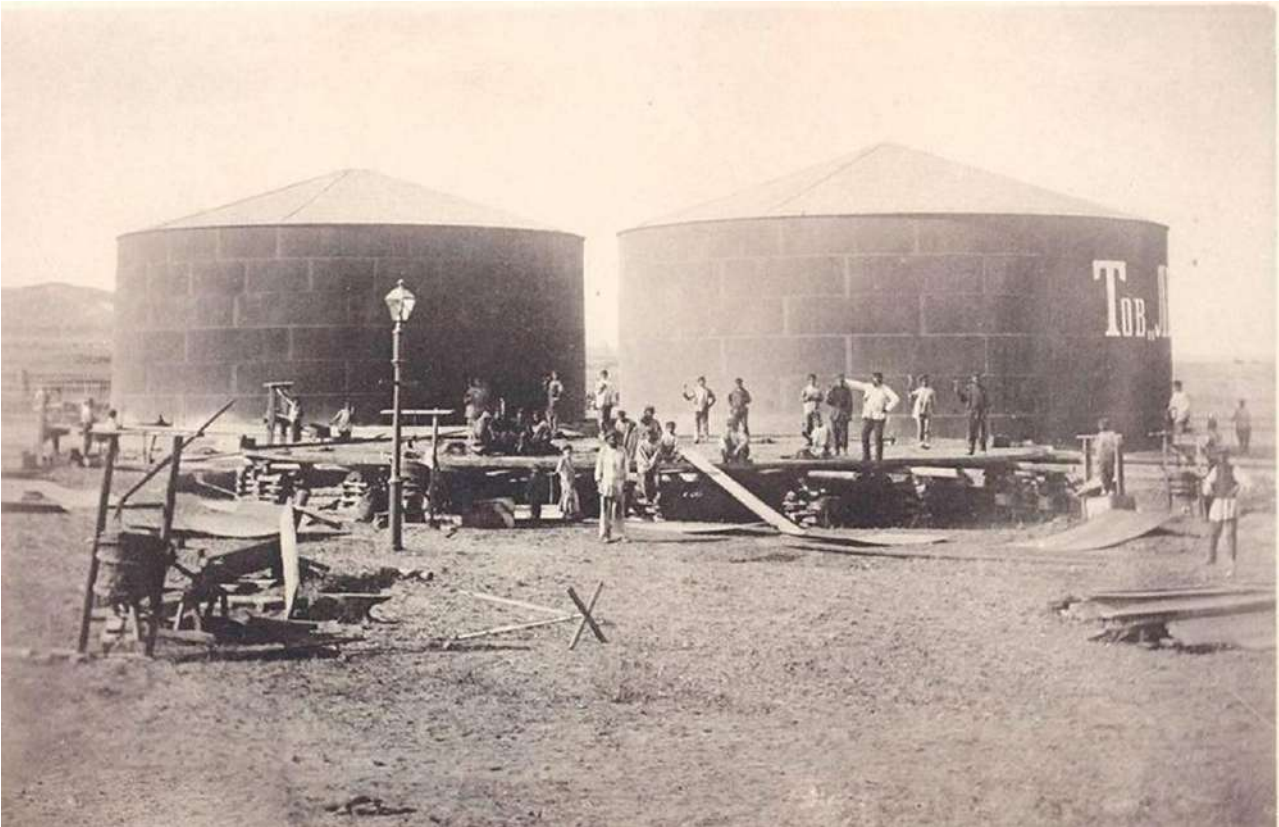
В.Г. Шухов детально изучал процесс нефтепереработки, а также одновременно развивал теорию расчета резервуаров большой емкости. В 1878 году, попав в Баку, инженер столкнулся с упрощенными типами хранилищ. Герметичность их очень часто нарушалась, и огромное количество нефти уходило в землю обратно. Нефтепрмышленники не хотели снижать потери из-за низкой цены на «черное золото». Привлечь их к строительству надежных металлических резервуаров могли лишь простые и экономичные конструкции, обеспечивающие возможность быстрого и дешевого их изготовления.

Эту задачу В.Г. Шухову удалось решить за короткий срок, и уже в 1878 году инженером были построены первые резервуары для хранения нефти для фирмы Нобелей.

На Рисушке 4 представлен один из самых первых резервуаров железного типа, который изобрел и спроектировал Шухов. Данный тип резервуара в уже усовершенствованном виде используется и по сей день. Стенки изготавливаются из железных колец, а крыша может быть двух типов: коническая или плоская. Переходя к особенностям сооружения резервуаров в то время, стоит заметить, что верхнее кольцо, по сути, является опорой для стропил крыши, которые, уже в свою очередь, сооружаются из деревянных досок в форме конуса. Данные доски одним концом упираются в кронштейны, прикрепленные к верхнему угольнику, а другим – в общее чугунное кольцо, которое находится наверху конуса, что позволяет держать такую форму.

Принцип работы резервуара заключается в действии жидкости на стенки резервуара, а именно в напряжении, которое создает жидкость. Важно отметить, что соотношение напряжений пропорционально диаметру дна резервуара и высоте стенки налитой жидкости. Именно поэтому наибольшее напряжение в рабочем резервуаре будет ближе ко дну, а наименьшее ближе к крыше. Исходя из этого, необходимая толщина стенки у дна всегда будет больше той, что необходима в районе крепления крыши (Шухов, 1977: 125).

Рис. 4. Фотография первых железных резервуаров для хранения нефти В.Г. Шухова

Как уже упоминалось выше, первый цилиндрический резервуар для «Товарищества братьев Нобель» был построен Шуховым в 1878 году одновременно с прокладкой нефтепровода. Все эти сооружения вызывали у Нобелей гордость. «Товарищество, – отмечалось в рекламном издании 1882 года, – в недавнее время ввело большое новшество своим вполне удавшимся опытом сооружения обширных нефтехранилищ совершенно своеобразной конструкции, среди озера Беюк-Шора, вне промысловой площади и, следовательно, при наилучших гарантиях от огнеопасности» (ГИАРА. Ф. 798. Оп. 1. Д. 141. Л. 1).

За короткий срок инженер решает ряд задач по коренной перестройке нефтяной промышленности. С 1878 по 1880 годы В.Г. Шухову удалось разработать и воплотить ряд технологий и инженерных решений, направленных на решение проблем в области транспорта и хранения нефти. К данным изобретениям необходимо отнести железные цилиндрические резервуары, технологию перекачки нефтепродуктов с подогревом, а также непосредственную перекачку нефти по трубопроводам. В 1880 г. Шухов переезжает в Москву. Именно там, продолжая работать в качестве главного инженера конторы фирмы Нобелей, ему удается создать отдельное проектно-конструкторское бюро, а также собрать монтажную группу для сборки металлических конструкций. Таким образом, данное КБ под руководством Шухова начинает работу над проектами сооружений для нефтяной промышленности.

Кроме технических открытий и создания сооружений для развития нефтяной промышленности в конце XIX века, в Закавказье также развивается логистика и представляются новые экономически значимые аспекты для нефтяной индустрии (Отчет бакинского..., 1910: 106).

В 1883 г. начинает налаживаться экспорт русского керосина благодаря открытию прямого сообщения Баку – Батум по Закавказской железной дороге. До этого экспорт нефти и нефтепродуктов с Апшеронского полуострова осуществлялся водным путем – по Каспию и дальше по Волге. Удобство это приносило только внутреннему рынку, экспорту было сложно существовать в таких условиях. Бакинской нефти нужен был выход к Черному морю. Путь до Батума был самым коротким, и он пролегал через Османскую империю. Практический план по экспорту бакинской нефти в Турцию был бы невозможен, так как отношения с Турцией были плохими и вряд ли подобный проект был реализован.

Это политическое положение и экономический расклад резко изменила Русско-турецкая война 1877–1878 гг., в которой Россия одержал победу. После подписания мирного договора, заключенного в феврале 1878 г., от Турции к России перешли значительные территории восточного и западного Причерноморья. После того как Батум стал российским, изначально он являлся военным округом, а затем вошел в состав Кутаисской губернии. До 1886 г. город был свободным портом (порто-франко), где был введен беспошлинный ввоз и вывоз товаров. Первая партия керосина за границу была

вывезена Кубано-Черноморским обществом в Лондон и Австрию. Выход бакинских нефтепродуктов к Черному морю существенно повлиял на структуру российского нефтеэкспорта, с чем и закончился экспорт сырой нефти, который длился десятилетиями (*Сборник материалов...*, 1910: 178).

Немаловажным событием в становлении Батума как одного из главных нефтяных портов мира является появление в 1886 году на российском рынке Парижского банкирского дома Ротшильдов, которые становятся главными конкурентами фирмы Нобелей в России после покупки контрольного пакета акций «Батумского нефтепромышленного и торгового общества» (БНИТО), получившего название «Каспийско-Черноморского нефтепромышленного и торгового общества».

Уже в 1886 г. общество построило в Батуме одно из самых крупных нефтехранилищ по меркам того времени, что сделало город одним из главных нефтяных портов мира. Через некоторое время Батум был вписан во всеобщий нефтяной трафик. Летом 1892 года к порту «Каспийско-Черноморского общества» причалил новый и первый в мире паровой танкер Murex, который мог разместить 5 тыс. тонн жидкости. Погрузив 4 тыс. тонн керосина из Баку, танкер Marcus Samuel проследовал в Средиземное море и через Суэцкий канал доставил груз в Бангкок. На Западе это стало событием, которое назвали «переворотом Маркуса Сэмюэла», так как до этого нефтеналивные суда через Суэцкий канал не проходили.

Если рассмотреть нефтеэкспорт с точки зрения логистики, то железнодорожные пути справлялись с экспортом отлично, но больше половины выручки оставляли себе, с чем, естественно, нефтяники не могли смириться. Специалистам в отрасли было ясно: нужен нефтепровод от Баку до Батума. Самый первый проект данного трубопровода был разработан В.Г. Шуховым в 1884 году (*Шаммазов и др.*, 2000: 53). Протяженность трубы была рассчитана на 820 верст, диаметром в 6 дюймов с промежуточными станциями, в общей стоимости на 15,7 млн рублей. Иван Павлович Архипов – российский химик-технолог, профессор, доктор технологии, организатор высшего технического образования – утверждал, что с устройством такого нефтепровода в Батуме появится другой Черный город, как в Баку. Также он считал, что перенесение процесса переработки нефти от места ее добычи к месту сбыта позволило бы в год сэкономить до 10 млн рублей.

Осенью 1888 года с ходатайством о разрешении строительства транскавказского нефтепровода к министру государственных имуществ обратились 50 заводчиков и нефтепромышленников из Баку, среди которых также были «Каспийско-Черноморское общество», Мусса Нагиев, Цатуров, Адамов, Будахов, Елизаров, торговый дом «Бенкендорф и К». В 1891 году Кабинет министров дал ответ нефтепромышленникам и принял окончательное решение отложить данный проект, посчитав его преждевременным (*РБЭ*, 2018). Экспорт нефти также осуществлялся по Закавказской железной дороге, но к 1890-м годам пропускная способность путей уже была недостаточной, поскольку 62 % всех грузов составляли нефтяные продукты.

В 1896 году Государственный Совет Российской империи принял решение по данному поводу. Н.Л. Шукин – специалист в области паровозо- и вагоностроения – занялся окончательным проектом магистрального трубопровода (керосинопровода) Баку – Батум. Прокладка трубопровода началась в 1897 году и длилась десять лет (*РГИА. Ф. 37. Оп. 31. Д. 409. Л. 2*). Особую роль в продвижении проекта сыграла фирма Нобелей и министр финансов Сергей Витте, который ранее был министром путей сообщения, являющийся сторонником ускоренного развития российской нефтяной промышленности. Проект трубопровода полностью окупился за 4 года, после чего начал приносить чистый доход десятками миллионов рублей, что по тем временам было огромной суммой.

Конец XIX века для Закавказья стал плодотворным в отношении новых технических открытий и экономически значимых обстоятельств. Немаловажным событием считается первое испытание компрессорного способа добычи нефти (эрлифт) в Баку в 1897 г. (*Шухов*, 1977: 115).

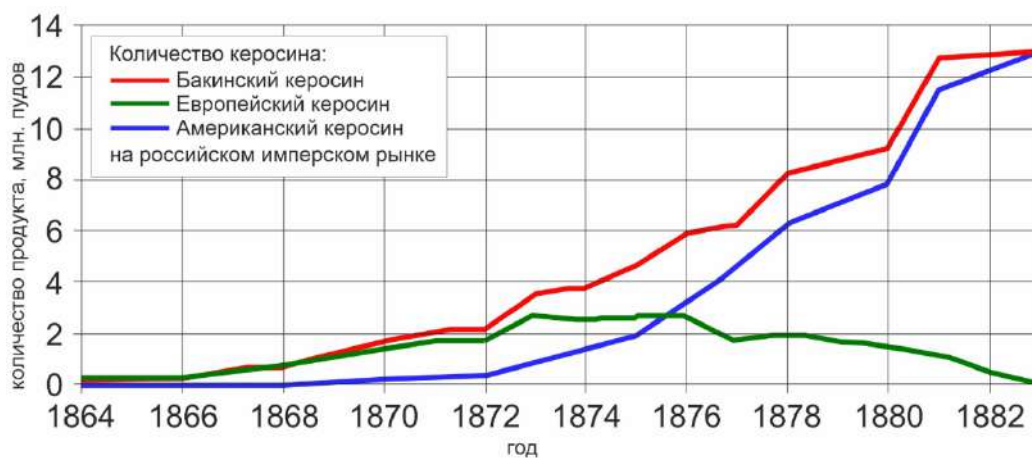
Первым спроектированным и установленным в Подольской губернии насосом стал шнуровой насос, подающий воду на высоту около 40 метров. После освоения этого изобретения Шухов предложил использовать такой вид насосов для выкачки нефти из скважин. Не все нефтяники в Баку сразу дали свое согласие на использование данного насоса Шухова, потому что промышленники не ставили задачу увеличения дебита скважин из-за того, что не было нефтепровода и, как следствие этого, возникли бы проблемы с транспортировкой.

Данное эффективное изобретение Шухова позволило нарастить скорость работы насосов на поршнях и глубину откачки в 3 раза. Насосы шнурового типа через некоторое время установили на нескольких бакинских нефтепромыслах, а также дали старт применению их для артезианских скважин (*Шухов*, 1977: 25).

Подытоживая ретроспективный анализ развития нефтеперерабатывающей промышленности в Закавказье на рубеже XIX–XX веков, стоит дать современную оценку и начать это с рассмотрения освоения закавказской нефти. Промышленный этап развития нефтепромышленности в регионе можно датировать с 1821 года. Тогда нефтью в Баку заинтересовалось правительство, и было разрешено отдавать нефтяные участки на Апшеронском полуострове в аренду на определенный срок, то есть начала работать откупная система. Данная система не была постоянной, так как нефтяные участки сдавались казной на 4 года, и откупщики становились полновластными хозяевами. Но, например, в 1825 году бакинские нефтепромысловые участки перешли в прямое управление

государственной казны. С 1821 по 1872 гг. на нефтедобычу распространялся откуп, то есть добыча осуществлялась под казенным управлением (Лисичкин, 1954: 404).

В конце 1860-х годов встает необходимость в отмене откупной системы. В этом были заинтересованы как отрасль, так и казна, в доход которой от откупной системы поступали минимальные суммы. Откупная система значительно ограничивала производство и распространение керосина. Об откупной системе Д.И. Менделеев писал следующее: «Препятствия нефтяному делу в сущности лежат в эксплуатации нефтяных источников. Нефтяные источники Кавказа отдаются откупщикам нефти. Им нет никакого расчета, имея краткосрочный откуп, заводить большое и хлопотливое дело, затрачивать капиталы на разведку и пробное бурение, рыть 9 колодцев для того, чтобы десятком окупить все свои расходы. Может, этот десятый придется уже на то время, когда настанет срок откупу или когда откупщик не в состоянии уже будет долго пользоваться плодами своей предприимчивости при некоторой степени риска, неизбежного в нефтяном деле. Откуп парализует ход нефтяной разработки, а следовательно, и все нефтяное дело» (Менделеев, 1949: 45). Откупная система оказалась неэффективной. Краткосрочность и отсутствие конкуренции для нефтепромышленников создавали условия, когда никто не хотел вкладывать в производство большие средства для расширения своего дела. На протяжении существования системы не виден существенный рост добычи нефти (Рисунок 5) (Мамед-Заде 1997: 76).

Рис. 5. Рост нефтедобычи после отмены откупной системы

После упразднения откупной системы, а именно 1 февраля 1872 г., Александр II принял «Правила о нефтяном промысле и акцизе с фотогенного производства», а 17 февраля уже были утверждены «Правила об отдаче в частные руки казенных нефтяных источников, находящихся в Кавказском и Закавказском крае в откупном содержании». После введения этих правил земли государства стали отдаваться в аренду частным лицам, кроме разового платежа, держателю земли также нужно было платить в казну ежегодные взносы (Пажитнов, 1940: 72).

Нововведения отменяли монополию на нефтедобычу и предоставляли нефтяные участки в долгосрочную аренду. Именно такая система помогла преодолеть главные недочеты откупной системы, если быть точнее – отсутствие конкуренции и короткий срок аренды. Новые правила создали подходящие условия для долгосрочных вложений. В итоге изменения привели к резкому росту объемов нефтедобычи, уже в 1873 году она выросла в 3 раза.

У нововведенных правил также имелся ряд недостатков. Органы, которые надзирали над соблюдением правил в отрасли, обвиняли арендаторов в нерациональном использовании природных богатств. Арендаторы хотели получить фонтан нефти, который не могли затем собрать, и большая часть нефти из этого фонтана уходила в землю. Еще одним недостатком было то, что участки арендовались с целью нефтедобычи, но в большинстве случаев работа не начиналась и происходила последующая спекулятивная перепродажа участка. По законодательству участок можно было брать в аренду, не эксплуатируя в течение двух лет, за это время лживые нефтепромышленники дожидались роста цен и выгодно продавали участки.

Темпы добычи нефти росли, и это привело к тому, что за короткий срок рынок наполнился большим количеством сырой нефти и нефтепродуктов, последнее привело к резкому снижению рыночной цены и прибыльности производства. Чтобы наладить систему аренды нефтяных земель, были приняты новые законы, а именно Горный устав 1893 года. Устав не ограничивал способы ведения разведки, но, в отличие от предыдущих законов, в нем были четко прописаны процедуры, необходимые для выполнения перед началом разведки (Устав горный Российской Империи, 1893).

Также в 1884 году был создан съезд бакинских нефтепромышленников, что помогло государству поддерживать тесный контакт с отраслью. Участники съезда направляли в министерства

записки и ходатайства для защиты интересов нефтепромышленников. На развитие закавказской нефтепромышленности также повлияла победа отечественных предпринимателей в борьбе за преобладание на рынке нефти. Вытеснение из рынка, прежде всего американских нефтепродуктов, сделало выгодным дальнейшее наращивание нефтедобычи. Отмена откупной системы и переход нефтепромышленности и добычи на капиталистические рельсы оказали благотворное влияние на развитие отрасли закавказского «черного золота» ([История Азербайджана, 2001: 15](#)).

Однако, несмотря на то, что отмена откупной системы и принятие новых законодательных актов привели к значительному подъему нефтепромышленности, невзирая на технический прогресс в добыче нефти, эксплуатация нефтяных участков все же была весьма примитивной. Значительное увеличение нефтедобычи в конце XIX века в Закавказье связан с резким всплеском научно-технического прогресса в регионе.

Немаловажной составляющей успеха являются проекты выдающегося русского инженера В.Г. Шухова. Следует отметить, что в период его инженерной деятельности перед нефтепромышленностью стояло много важных и интересных проблем как научного, так и инженерно-технического характера, к которым, например, относятся вопросы эффективного транспорта и хранения углеводородов. Вклад в решение данных проблем Шуховым позволил оказать влияние и изменить всю технологическую цепочку нефтегазовой индустрии как России, так и мира. Изобретения Шухова повлияли на процессы, связанные с добычей нефти (эрлифт), ее хранением (проектирование и сооружение резервуаров и цистерн), транспортировкой (танкеры, баржи, нефтепроводы) и переработкой (крекинг), что в свою очередь позволило Российской империи ежегодно увеличивать темпы добычи и, как следствие, укреплять экономику государства. В 1898 г. только на территории современного Азербайджана добывалось нефти больше, чем на территории всех штатов США, таким образом, Россия заняла первое место в мире по суммарной добыче нефти. В 1901 г. Баку давал больше половины мировой и 95 % российской добычи нефти ([История Азербайджана, 2001: 24](#)).

Итогом развития нефтяной отрасли в России на рубеже XIX–XX веков стал тот факт, что Закавказский регион стал абсолютным лидером по нефтедобыче как в Российской империи, так и во всем мире благодаря инвестициям, в том числе и зарубежным (братья Нобель, Ротшильды), затем Shell, Royal Dutch Shell, «Всероссийская нефтяная компания» (несмотря на название, компания – британская) и т.д.

Таблица 1. Движение капиталов в русской нефтяной промышленности за 1898–1903 годы (млн рублей).

Инвесторы	Годы					Всего
	1898	1899	1900	1901	1902	
Русские	7	48,8	10	5,4	5	76,2
Иностранные	38,3	4,5	14,7	11,6	0,1	69,2
Всего	45,3	53,3	24,7	17,0	5,1	145,4

Иностранный капитал в российскую нефтяную отрасль начинает активно просачиваться с появлением первых акционерных обществ. Можно ли считать фирму Нобелей иностранной – остается вопросом ([Косторниченко, 2005: 48](#)). В 1880-х годах на Апшерон начинает проникать французский капитал в лице банка Ротшильдов. Ротшильды кредитуют мелкие нефтедобывающие и нефтеперерабатывающие компании. В отличие от Нобелевской фирмы Ротшильды были сосредоточены на внешнем рынке. Это разными способами вознаграждалось государством, которое стремилось увеличить долю российской нефти на мировом рынке. Синдикат экспортеров русского керосина – проект С.Ю. Витте, Союза русских керосинопромышленников. Итогом реализации данного проекта должна была быть олигополия на мировом рынке, содержащая русский и американский синдикат, именуемый «Стандарт ойл». Но создание организации не принесло ожидаемых результатов, и она быстро реорганизовалась. Однако инвестирование в российскую нефть продолжало расти. Движение инвестиций в русскую нефтепромышленность можно посмотреть в [Таблице 1](#) ([Султанов, 2000: 153](#)). Как видно из [Таблицы 1](#), общее количество ежегодных инвестиций за приведенный период падает, что связано в первую очередь с мировым экономическим кризисом 1900–1903 гг. и, как следствие, снижением потребления и покупки нефти.

В начале XX века банковская деятельность сосредоточилась в Азербайджане. В Баку открывались и работали много крупных банков, например «Общественный банк», «Русско-Азиатский

банк». Как раз в Азербайджане образовалась влиятельная финансовая группа, которая в будущем займет ведущее место в финансовой олигархии России.

На рынке нефти России до революции преобладали монополии и иностранный капитал. Перед первой мировой войной три компании («Рейтер Дженерал Ойл Компани», «Шелл» и «Товарищество бр. Нобель») объединяли 86 % всех акционерных капиталов, а также контролировали 60 % всей нефтедобычи в мире. По этой причине нефтяной бум был невозможен без больших вложений в нефтяную промышленность и банковского капитала (Мурадалиева, 1997: 217).

Для решения двух проблем отрасли нефтяного производства акционерные общества собрали большой объем ресурсов. Во-первых, они помогли сократить издержки в связи с появлением чистой монополии, во-вторых, налаживание системы транспортировки нефтепродуктов на различных этапах производства или продажи.

5. Заключение

Обобщая вышеперечисленное, можно сделать вывод об особенном пути становления и развития нефтеперерабатывающей промышленности в Закавказье на рубеже XIX–XX веков. Особенность пути обуславливается многими показателями.

Немаловажным фактором на данном пути является государственно-политический компонент. В период акцизного и налогового содействия политике нефтепромышленности в Закавказье рост производства нефтепродуктов был на рекордном уровне, также имелась перспектива мирового лидерства Российской империи в отношении нефтепоставок. Но непостоянная политика государства и отсутствие экономического плана развития привели к совершенствованию закавказских месторождений к началу XX века.

Следующим важным показателем является уникальный научно-технический рынок на месторождениях Апшеронского полуострова. Изобретения и практические технологии, разработанные российскими учеными и инженерами, такими как Д.И. Менделеев, В.Г. Шухов, А.А. Летний и другие, были в первый раз применены в Закавказье, дали Российской империи статус передовой научно-технической державы. Разработки того времени в сфере добычи, переработки, транспортировки и хранения нефти и нефтепродуктов являются основой для совершенствования науки и техники также и в современных реалиях.

Также значимым компонентом в развитии нефтяной промышленности на закавказских месторождениях является роль иностранного капитала, который принимал самое активное участие в развитии нефтяной индустрии, главным образом через акционерные общества. При этом стоит отметить, что в соответствии с законодательством Российской империи иностранный капитал принимал участие как в компаниях с исключительно иностранным капиталом, так и в партнерстве с отечественным, то есть в компаниях со смешанным капиталом.

Литература

- Айдаминов, 2014 – Айдаминов Т.С. Вывоз Бакинской нефти из Азербайджана в конце XIX – начале XX вв. Баку: Издательство науки и образование, 2014. 368 с.
- Ашумов, 1961 – Ашумов Г.Г. Азербайджанские нефти. Баку: Издательство АН Азерб. ССР, 1961. 553 с.
- Ашурбейли, 1964 – Ашурбейли С.Б. Очерки истории средневекового Баку. Баку: Изд. АН Азерб. ССР, 1964. 333 с.
- Брод, Еременко, 1952 – Брод И., Еременко Н. Тайны нефти. М.: Государственное издательство культурно-просветительской литературы, 1952. 149 с.
- Булатова, 1988 – Булатова А.Г. Традиционные праздники и обряды народов горного Дагестана в XIX–XX вв. Л.: Наука, 1988. 115 с.
- Гефтер, 1961 – Гефтер М.Я. Монополистический капитал в нефтяной промышленности России. Документы и материалы. Т. 1. / Под ред. М.Я. Гефтера и др. М.: Издательство Академии наук СССР, 1961. С. 53–58.
- ГИАРА – Государственный исторический архив Азербайджанской Республики.
- Губкин, 1937 – Губкин И.М. Учение о нефти. М.-Л.: Изд-во ОНТИ НКТП, 1937. 460 с.
- Гулишамбаров, 1880 – Гулишамбаров С.И. Материалы для истории фотогенового производства // Горный журнал. № 11–12. 1880. С. 327–344.
- Гулишамбаров, 1887 – Гулишамбаров С.И. Краткий очерк развития керосинового производства на Кавказе; Краткий очерк нефтяной промышленности на Кавказе / Рус. техн. о-во выст. предметов освещения и нефт. пр-ва. 1887–1888. СПб.: Тип. бр. Пантелеевых, 1887. 32 с.
- Ефрон, Брокгауз, 1897 – Ефрон И.А., Брокгауз Ф.А. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. XX-A. СПб.: Семеновская типолитография (И.А. Ефрона), 1897. 937 с.
- История Азербайджана, 2001 – История Азербайджана (1900–1920 гг.). Баку: Элм, 2001. 24 с.
- Калинин, 1917 – Калинин А. В дебрях Кавказа: (По Дагестану). М.: И. Горбунов-Посадов, 1917. 721 с.

- Кокорев, 2005** – Кокорев В.А. Экономические провалы (по воспоминаниям с 1837 года). М.: Общество купцов и промышленников России, 2005. 336 с.
- Корин, 2004** – Корин А. Дело – керосин. Сказ о первом русском нефтепромышленнике // *Русский предприниматель*. 2004. № 11. С. 40-49.
- Косторниченко, 2005** – Косторниченко В.Н. Иностраный капитал в нефтяной промышленности дореволюционной России: к разработке периодизации процесса // *Экономическая история. Обзорение* / Под ред. Л.И. Бородкина. № 10. М.: Изд-во МГУ, 2005. 48 с.
- Летний, 1875** – Летний А.А. Сухая перегонка битуминозных ископаемых: Нефть, минеральные масла, парафин и асфальт / [Соч.] А.А. Летнего, ассист. при Хим. лаб. Технол. ин-та; [Предисл.: А. Крупский]. СПб.: Тип. В.С. Балашева, 1875. [2], VIII, 116 с., 4 л. цв. ил.; 24. (Технологические очерки фабричной промышленности; 3).
- Лисенко, 1878** – Лисенко К.И. Нефтяное производство, составленное по новейшим данным. СПб.: Типография бр. Пантелеевых, 1878. 320 с.
- Лисичкин, 1954** – Лисичкин С.М. Очерки по истории развития отечественной нефтяной промышленности (дореволюционный период). М.-Л.: Гостоптехиздат, 1954. 404 с.
- Лозгачев, 1953** – Лозгачев П.М. 130 лет нефтезаводу бр. Дубининых // *Нефтяное хозяйство*. № 12. С. 56-58.
- Мамед-Заде, 1997** – Мамед-Заде О.А.-А. Бакинская нефтяная промышленность до и после отмены откупной системы. Баку: Изд-во АГУНП, 1997.
- Менделеев, 1949** – Менделеев Д.И. Сочинения. Нефть. Л.-М.: Изд-во Академии наук СССР. 1949. 860 с.
- Менделеев, 1950** – Менделеев Д.И. Сочинения. Горная промышленность России. М., 1950.
- Менделеев, 1995** – Менделеев Д.И. Заветные мысли. М.: Мысль, 1995. 388 с.
- Мир-Бабаев, 2002** – Мир-Бабаев М.Ф. Императорское русское техническое общество и бакинское нефтяное дело // *Территория Нефтегаз*. № 9. 2002. С. 38-44.
- Мир-Бабаев, 2004** – Мир-Бабаев М.Ф. Краткая хронология истории азербайджанского нефтяного дела. Баку: Изд-во Сабах, 2004.
- Мир-Бабаев, 2009** – Мир-Бабаев М.Ф. Краткая история азербайджанской нефти. Баку: Азернешр, 2009. 376 с.
- Мовсумзаде, Самедов, 1996** – Мовсумзаде Э.М., Самедов В.А. Бакинская нефть и военноморской флот царской России. Уфа: Олимп, 1996. 149 с.
- Мурадалиева, 1997** – Мурадалиева Э.Б. Иностраные инвестиции в бакинскую нефтяную промышленность в конце XIX – начале XX в. // *Второй бакинский международный симпозиум* (12–13 февраля 1997). Баку, 1997. С. 217-224.
- Отчет бакинского..., 1910** – Отчет бакинского губернатора за 1900 г. Баку: Изд-во НАИ АН Азербайджана, 1901. 136 с.
- Пажитнов, 1940** – Пажитнов К.А. Очерки по истории Бакинской нефтедобывающей промышленности. М.: Гостоптехиздат, 1940. 72 с.
- Першке, Першке, 1913** – Першке С., Першке Л. Русская нефтяная промышленность, ее развитие и современное положение в статистических данных. Тифлис: Тип. К.П. Козловского, 1913. 193 с.
- Рагозин, 1884** – Рагозин В. Нефть и нефтяная промышленность. СПб.: Типография товарищества «Общественная польза», 1884. 320 с.
- РБЭ, 2018** – Российская биографическая энциклопедия: В 31 т. / Ред. А.И. Мелуа / Илимов Иван Петрович. СПб.: Гуманистика, 2009–2018. [Электронный ресурс]. URL: <https://rus-big-biography-enc.slovaronline.com/52112-Илимов,%20Иван%20Петрович>
- РГИА** – Российский государственный исторический архив.
- Сборник материалов..., 1910** – Сборник материалов по русско-турецкой войне 1877–78 гг. на Балканском полуострове. Выпуск 96. СПб.: Военная типография, 1910. 578 с.
- Симонович, 1909** – Симонович В. Нефть и нефтяная промышленность России // *Историко-статистический очерк*. СПб.: Тип. Ю.Н. Эрлих, 1909. 240 с.
- Старцев, 1901** – Старцев Г.Е. Бакинская нефтяная промышленность. Историко-статистический очерк. Баку: Типография «Ароръ», 1901. 88 с.
- Султанов, 2000** – Султанов Ч.А. Нефть. Баку: Нафта-Пресс, 2000. 274 с.
- УГРИ, 1893** – Устав горный Российской Империи 1893 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://bibl.gorobr.ru/cache/medialib2/a67b121dd7041d74/book.html>
- Умаханов, 1993** – Умаханов Х.У. Помнят андийские горы... Махачкала: Даг. кн. изд-во, 1993. С. 49-51.
- Фигуровский, 1983** – Фигуровский Н.А. Дмитрий Иванович Менделеев, 1834–1907. М.: Наука, 1983. 288 с.
- Чердабаев, 2010** – Чердабаев Р.Т. Нефть: вчера, сегодня, завтра. М.: Юнайтед Пресс, 2010. 352 с.
- Шаммазов и др., 2000** – Шаммазов А.М., Мастобаев Б.Н., Соценко А.Е. Трубопроводный транспорт России (1860–1917 гг.) // *Трубопроводный транспорт нефти*. 2000. № 6. С. 32-37.

- Шепелев, 1981 – Шепелев Л.Е. Царизм и буржуазия во второй половине XIX в. Проблемы торгово-промышленной политики. Л.: Просвещение, 1981. 346 с.
- Шиллинг, 1993 – Шиллинг М.Е. Народы Кавказа: Малые народы Дагестана. М.: Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, 1993. 277 с.
- Шухов, 1977 – Шухов В.Г. Избранные труды. Строительная механика. М.: Наука, 1977. 193 с.
- Шухов, 1982 – Шухов В.Г. Избранные труды. Нефтепереработка. Теплотехника. М.: Наука, 1982. 104 с.

References

- Aidaminov, 2014 – Aidaminov, T.S. (2014). Vyvoz Bakinskoi nefti iz Azerbaidzhana v kontse XIX – nachale XX vv. [The export of Baku oil from Azerbaijan in the late XIX - early XX centuries]. Baku: Izdatel'stvo nauki i obrazovanie, 368 p. [in Russian]
- Ashumov, 1961 – Ashumov, G.G. (1961). Azerbaidzhanskii nefti [Azerbaijani oil]. Baku: Izdatel'stvo AN Azerb. SSR, 553 p. [in Russian]
- Ashurbeili, 1964 – Ashurbeili, S.B. (1964). Ocherki istorii srednevekovogo Baku [Essays on the history of medieval Baku]. Baku: Izd. AN Azerb. SSR, 333 p. [in Russian]
- Brod, Eremenko, 1952 – Brod, I., Eremenko, N. (1952). Tainy nefti [Secrets of oil]. M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo kul'turno-prosvetitel'skoi literatury, 149 p. [in Russian]
- Bulatova, 1988 – Bulatova, A.G. (1988). Traditsionnye prazdniki i obryady narodov gornogo Dagestana v XIX–XX vv. [Traditional holidays and rituals of the peoples of mountainous Dagestan in the XIX-XX centuries]. L.: Nauka, 115 p. [in Russian]
- Cherdabaev, 2010 – Cherdabaev, R.T. (2010). Neft': vchera, segodnya, zavtra [Oil: yesterday, today, tomorrow]. M.: Yunaited Press, 352 p. [in Russian]
- Efron, Brokgauz, 1897 – Efron, I.A., Brokgauz, F.A. (1897). Entsiklopedicheskii slovar' Brokgauza i Efrona Brockhaus and Efron Encyclopedic Dictionary]. T. XX-A. SPb.: Semenovskaya tipolitografiya (I.A. Efrona), 937 p. [in Russian]
- Figurovskii, 1983 – Figurovskii, N.A. (1983). Dmitrii Ivanovich Mendeleev, 1834–1907 [Dmitry Ivanovich Mendeleev, 1834–1907]. M.: Nauka, 288 p. [in Russian]
- Gefter, 1961 – Gefter, M.Ya. (1961). Monopolisticheski kapital v neftyanoi promyshlennosti Rossii. Dokumenty i materialy [Monopolistic capital in the Russian oil industry. Documents and materials]. T. 1. Pod red. M.Ya. Geftera i dr. M.: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. Pp. 53-58. [in Russian]
- GIARA – Gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Azerbaidzhanskoi Respubliki [State Historical Archive of the Republic of Azerbaijan].
- Gubkin, 1937 – Gubkin, I.M. (1937). Uchenie o nefti [The doctrine of oil]. M.-L.: Izd-vo ONTI NKTP, 460 p. [in Russian]
- Gulishambarov, 1880 – Gulishambarov, S.I. (1880). Materialy dlya istorii fotogenovogo proizvodstva [Materials for the history of photogenic production]. *Gornyi zhurnal*. 11–12: 327-344. [in Russian]
- Gulishambarov, 1887 – Gulishambarov, S.I. (1887). Kratkii ocherk razvitiya kerosinovogo proizvodstva na Kavkaze; Kratkii ocherk neftyanoi promyshlennosti na Kavkaze [A brief outline of the development of kerosene production]. Rus. tekhn. o-vo vyst. predmetov osveshcheniya i neft. pr-va. 1887–1888. SPb.: Tip. br. Panteleevykh, 32 p. [in Russian]
- Istoriya Azerbaidzhana, 2001 – Istoriya Azerbaidzhana (1900–1920 gg.) [History of Azerbaijan (1900–1920)]. Baku: Elm, 2001. 24 p. [in Russian]
- Kalinin, 1917 – Kalinin, A. (1917). V debryakh Kavkaza: (Po Dagestanu) [In the wilds of the Caucasus: (In Dagestan)]. M.: I. Gorbunov-Posadov, 721 p. [in Russian]
- Kokorev, 2005 – Kokorev, V.A. (2005). Ekonomicheskie provaly (po vospominaniyam s 1837 goda) [Economic failures (according to memoirs from 1837)]. M.: Obshchestvo kuptsov i promyshlennikov Rossii, 336 p. [in Russian]
- Korin, 2004 – Korin, A. (2004). Delo – kerosin. Skaz o pervom russkom neftepromyshlennike [Case - kerosene. Russian Entrepreneur: A tale about the first Russian oil industrialist]. *Russkii predprinimatel'*. 11: 40-49. [in Russian]
- Kostornichenko, 2005 – Kostornichenko, V.N. (2005). Inostranni kapital v neftyanoi promyshlennosti dorevolutsionnoi Rossii: k razrabotke periodizatsii protsessa [Foreign capital in the oil industry of pre-revolutionary Russia: to develop the periodization of the process]. *Ekonomicheskaya istoriya*. Obozrenie. Pod red. L.I. Borodkina. № 10. M.: Izd-vo MGU, 48 p. [in Russian]
- Letnii, 1875 – Letnii, A.A. (1875). Sukhaya peregonka bituminoznykh iskopaemykh: Neft', mineral'nye masla, parafin i asfal't [Dry distillation of bituminous minerals: Petroleum, mineral oils, paraffin and asphalt]. [Soch.] A.A. Letnego, assist. pri Khim. lab. Tekhnol. in-ta; [Predisl.: A. Krupskii]. SPb.: Tip. V.S. Balasheva, 1875. [2], VIII, 116 s., 4 l. tsv. il.; 24. (Tekhnologicheskie ocherki fabrichnoi promyshlennosti; 3). [in Russian]
- Lisenko, 1878 – Lisenko, K.I. (1878). Neftyanoie proizvodstvo, sostavlennoe po noveishim dannym [Oil production, compiled according to the latest data]. SPb.: Tipografiya br. Panteleevykh, 320 p. [in Russian]

- Lisichkin, 1954** – *Lisichkin, S.M.* (1954). Ocherki po istorii razvitiya otechestvennoi neftyanoi promyshlennosti (dorevolutsionnoi period) [Essays on the history of the development of the national oil industry. The pre-revolutionary period]. M.-L.: Gostoptekhizdat, 404 p. [in Russian]
- Lozgachev, 1953** – *Lozgachev, P.M.* (1953). 130 let neftezavodu br. Dubininykh [130 years of the Dubinin brothers oil refinery]. *Neftyanoe khozyaistvo*. 12: 56-58. [in Russian]
- Mamed-Zade, 1997** – *Mamed-Zade, O.A.-A.* (1997). Bakinskaya neftyanaya promyshlennost' do i posle otmeny otkupnoi sistemy [Baku oil industry before and after the abolition of the pay-off system]. Baku: Izd-vo AGUNP. [in Russian]
- Mendelev, 1949** – *Mendelev, D.I.* (1949). Sochineniya. Neft' [Essays. Oil]. L.-M.: Izd-vo Akademii nauk SSSR. 860 p. [in Russian]
- Mendelev, 1950** – *Mendelev, D.I.* (1950). Sochineniya. Gornaya promyshlennost' Rossii [Essays. Mining industry of Russia]. M. [in Russian]
- Mendelev, 1995** – *Mendelev, D.I.* (1995). Zavetnye mysli [Cherished thoughts]. M.: Mysl', 388 p. [in Russian]
- Mir-Babaev, 2002** – *Mir-Babaev, M.F.* (2002). Imperatorskoe russkoe tekhnicheskoe obshchestvo i bakinskoe neftyanoe delo [Imperial Russian technical society and Baku oil business]. *Territoriya Neftegaz*. 9: 38-44. [in Russian]
- Mir-Babaev, 2004** – *Mir-Babaev, M.F.* (2004). Kratkaya khronologiya istorii azerbaidzhanskogo neftyanogo dela [A brief chronology of the history of the Azerbaijani oil business]. Baku: Izd-vo Sabakh. [in Russian]
- Mir-Babaev, 2009** – *Mir-Babaev, M.F.* (2009). Kratkaya istoriya azerbaidzhanskoi nefti [A brief history of Azerbaijani oil]. Baku: Azerneshr, 376 p. [in Russian]
- Movsumzade, Samedov, 1996** – *Movsumzade, E.M., Samedov, V.A.* (1996). Bakinskaya neft' i voennomorskoi flot tsarskoi Rossii [Baku oil and the navy of Tsarist Russia]. Ufa: Olimp, 149 p. [in Russian]
- Muradalieva, 1997** – *Muradalieva, E.B.* (1997). Inostrannye investitsii v bakinskuyu neftyanuyu promyshlennost' v kontse XIX – nachale XX v. [Foreign investments in the Baku oil industry at the end of the XIX – early XX century]. Vtoroi bakinskii mezhdunarodnyi simpozium (12–13 fevralya 1997). Baku. Pp. 217-224. [in Russian]
- Otchet bakinskogo, 1910** – Otchet bakinskogo gubernatora za 1900 g. [Report of the Baku Governor for 1900]. Baku: Izd-vo NAI AN Azerbaidzhana, 1901. 136 p. [in Russian]
- Pazhitnov, 1940** – *Pazhitnov, K.A.* (1940). Ocherki po istorii Bakinskoi neftedobyvayushchei promyshlennosti [Essays on the history of the Baku oil industry]. M.: Gostoptekhizdat, 72 p. [in Russian]
- Pershke, Pershke, 1913** – *Pershke, S., Pershke, L.* (1913). Russkaya neftyanaya promyshlennost', ee razvitie i sovremennoe polozhenie v statisticheskikh dannyykh [The Russian oil industry its development and current position in statistical data]. Tiflis: Tip. K.P. Kozlovskogo, 193 p. [in Russian]
- Ragozin, 1884** – *Ragozin, V.* (1884). Neft' i neftyanaya promyshlennost' [Oil and the oil industry]. SPb.: Tipografiya tovarishchestva «Obshchestvennaya pol'za», 320 p. [in Russian]
- RBE, 2018** – Rossiiskaya biograficheskaya entsiklopediya [Russian Biographical Encyclopedia: in 31 volumes]: V 31 t. Red. A.I. Melua. Ilimov Ivan Petrovich. SPb.: Gumanistika, 2009–2018. [Electronic resource]. URL: <https://rus-big-biography-enc.slovaronline.com/52112-Ilimov,%20Ivan%20Petrovich> [in Russian]
- RGIA** – Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [The Russian State Historical Archive].
- Sbornik materialov..., 1910** – Sbornik materialov po russko-turetskoi voine 1877–78 gg. Na Balkanskom poluostruve [Collection of materials on the Russian-Turkish war of 1877-78 on the Balkan Peninsula]. Vypusk 96. SPb.: Voennaya tipografiya, 1910. 578 s. [in Russian]
- Shammazov i dr., 2000** – *Shammazov, A.M., Mastobaev, B.N., Soshchenko, A.E.* (2000). Truboprovodnyi transport Rossii (1860–1917 gg.) [Pipeline transport of Russia 1860–1917]. *Truboprovodnyi transport nefti*. 6: 32-37. [in Russian]
- Shepelev, 1981** – *Shepelev, L.E.* (1981). Tsarizm i burzhuaziya vo vtoroi polovine XIX v. Problemy torgovo-promyshlennoi politiki [Tsarism and the bourgeoisie in the second half of the XIX century. Problems of trade and industrial policy]. L.: Prosveshchenie, 346 p. [in Russian]
- Shilling, 1993** – *Shilling, M.E.* (1993). Narody Kavkaza: Malye narody Dagestana [Peoples of the Caucasus: Small peoples of Dagestan]. M.: Institut etnologii i antropologii im. N.N. Miklukho-Maklaya RAN, 277 p. [in Russian]
- Shukhov, 1982** – *Shukhov, V.G.* (1982). Izbrannye trudy. Neftepererabotka. Teplotekhnika [Selected works. Oil refining. Heat engineering]. M.: Nauka, 104 p. [in Russian]
- Shuxov, 1977** – *Shukhov, V.G.* (1977). Izbrannye trudy. Stroitel'naya mekhanika [Selected Works. Structural mechanics]. M.: Nauka, 193 p. [in Russian]
- Simonovich, 1909** – *Simonovich, V.* (1909). Neft' i neftyanaya promyshlennost' Rossii [Oil and the oil industry of Russia]. Istoriko-statisticheskii ocherk. SPb.: Tip. Yu.N. Erlikh, 240 p. [in Russian]
- Startsev, 1901** – *Startsev, G.E.* (1901). Bakinskaya neftyanaya promyshlennost'. Istoriko-statisticheskii ocherk [Baku oil industry. Historical and statistical essay]. Baku: Tipografiya «Aror'», 88 p. [in Russian]
- Sultanov, 2000** – *Sultanov, Ch.A.* (2000). Neft' [Oil]. Baku: Nafta-Press, 274 p. [in Russian]

UGRI, 1893 – Ustav gornyi Rossiiskoi Imperii 1893 g. [The Charter of the Mining of the Russian Empire in 1893]. [Electronic resource]. URL: https://bibl.gorobr.ru/cache/medialib2/a67b121dd7_041d74/book.html [in Russian]

Umakhanov, 1993 – *Umakhanov, Kh.U.* (1993). Pomnyat andiiskie gory... [They remember the Andean mountains...]. Makhachkala: Dag. kn. izd-vo. Pp. 49-51. [in Russian]

Развитие нефтеперерабатывающей промышленности в Закавказье на рубеже XIX–XX веков. Исторический опыт и современные оценки

Гульнур Фяритовна Якубова ^а, Иван Михайлович Ванчугов ^а, Роман Алексеевич Шестаков ^{а, *}

^а РГУ нефти и газа (НИУ) имени И.М. Губкина, Российская Федерация

Аннотация. Исследование открывает цикл публикаций о становлении и развитии нефтепромышленности в Каспийско-Причерноморском регионе России. В статье анализируются становление и развитии нефтедобывающей и нефтеперерабатывающей промышленности в Закавказском регионе России на рубеже XIX–XX веков. Авторы рассматривают историко-экономические предпосылки и факторы формирования Каспийско-Причерноморского нефтяного района до начала промышленного освоения месторождений нефти.

Подчеркиваются действия российского государства по присоединению бакинского месторождения к российским владениям и началу нефтедобычи. Акцентируется роль отечественных предпринимателей, инженеров и ученых в освоении нефтяных богатств юга России. Рассматриваются изобретения инженеров, которые были разработаны и использованы в первый раз при развитии нефтепромышленности в Азербайджане, Армении и Грузии.

Статья раскрывает хронологический порядок развития нефтяной промышленности – от первых в истории упоминаний об Апшероне до становления сильнейшей в мире нефтепромышленности по темпам добычи нефти в районе Баку. Впервые в исследовании отрасли на рубеже XIX–XX веков авторы изучили исторические, правовые, научно-технические, экономические, логистические, экономико-политические аспекты создания и развития российской нефтяной промышленности.

Ключевые слова: нефть, топливо, уголь, керосин, изобретения, нефтепровод, нефтепромышленность, переработка нефти, инвестиции, XIX век, Российская империя.

---

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: Shestakov.r@gubkin.ru (Р.А. Шестаков)

Copyright © 2023 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2023. 18(2): 650-661
 DOI: 10.13187/bg.2023.2.650

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Concept of Teaching Archaeology by I.E. Zabelin

Yulia G. Kokorina ^{a, *}, Sabina N. Khanbalaeva ^b, Utkir I. Abdullayev ^c, Machach M. Vagabov ^a

^a Moscow Polytechnic University, Russian Federation

^b Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University), Russia Federation

^c Urgench State University, Uzbekistan

Abstract

I.E. Zabelin (1820–1908) is known as an outstanding historian and archaeologist, but as a teacher of the Russian higher school he is much less known. In this work, the program of the course "Russian history in connection with archaeology", stored in the archive of the scientist, is introduced into scientific circulation. Ivan Egorovich gave lectures on historical disciplines to students of the Konstantinovsky Boundary Institute from 1853 to 1865. Turning to the experience of teaching archaeology accumulated by Russian pedagogy opens up a way for modern archaeological education to get out of the state of crisis in which it is located. The identification of I.E. Zabelin's civic position through the prism of his reflections on teaching history and archeology to young people, the clarification of the scientist's contribution to the methodology and didactics of historical disciplines is fundamentally new. The concept of teaching archaeology, which was developed and applied by I.E. Zabelin, has not been considered in detail in the literature. I.E. Zabelin introduces into his course a new study of folk folklore as a source for that time, introduces students to an innovative approach to the study of Slavic settlements, developed by Z. Khodakovsky. The example of the course program shows that I.E. Zabelin was ahead of his time more than once. He grouped ancient artifacts by material and purpose, introduced listeners to the technology of antiquities production. An undoubted contribution to the theory of archaeology is the presentation of archaeology as a historical discipline, which has firmly entered the Russian scientific tradition. I.E. Zabelin was a talented teacher, turned to historical and material sources to create his course, used the principle of clarity in teaching. He saw the task of archeology in studying the life of the people, instilled in students a love of reading scientific literature, working with ancient artifacts, attention to the destinies and ideals of his people. The pupils appreciated and loved their teacher. Awareness of the humanistic orientation of archaeology, reliance on the whole range of sources, a high civic position are important for the archaeological education of the XXI century.

Keywords: history of higher education in Russia, teaching of archeology, I.E. Zabelin, archaeological theory, history of archeology, Konstantinovsky Boundary Institute.

1. Введение

Иван Егорович Забелин (1820–1908) известен как историк царского быта допетровской Руси (Забелин, 1862; Забелин, 1869) и древней Москвы (Забелин, 1852; Забелин, 1865; Забелин, 1873), исследователь скифских и античных памятников Северного Причерноморья (Древности..., 1866–1872; Забелин, 1865–1867; Забелин, 2015; Алексеев, 2004; Анучин, 1909). Как преподавателя истории и археологии его знают значительно меньше, тогда как архив ученого содержит программу и тексты лекций по российской истории и археологии, которые Иван Егорович читал студентам

* Corresponding author

E-mail addresses: kokorina@inbox.ru (Yu.G. Kokorina),
sabinamgimo@mail.ru (S.N. Khanbalaeva), abdullayev.u.i@mail.ru (U.I. Abdullayev),
9162803@mail.ru (M.M. Vagabov)

Константиновского межевого института с 1853 по 1865 годы (Государственный университет..., 2019: 83). Эти материалы, как будет показано далее, содержат оригинальную концепцию преподавания археологии и самого понимания предмета и объекта исследования, сути этой науки.

Современное археологическое образование ищет пути выхода из состояния кризиса (Винокуров, 2020; Канторович и др., 2010; Клейн, 2017; Кокорина и др., 2022; Умиткалиев и др., 2020; Шер, 2011). В поиске этих путей неоценимую помощь может оказать опыт преподавания археологии, имеющийся в отечественной педагогике высшей школы. Опыт, который часто оказывается неучтенным и незаслуженно забытым. В анализе такого опыта видится актуальность данной статьи.

Работы, посвященные биографии И.Е. Забелина, содержат только упоминание о его работе в Константиновском межевом институте (Формозов, 1984; Клейн, 2014). Сам Иван Егорович в «Автобиографии» пишет: «По приглашению М.Н. Муравьева (попечителя института – Авт.) с 1853 г. Забелин преподавал в Константиновском межевом институте Русскую историю и археологию межевого дела, а впоследствии преподавал русскую историю в Школе межевых топографов» (ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 11. Л. 16). О том, что преподавание было успешным и было для ученого настоящим творческим трудом, а не скучной обязанностью, говорит запись рукой Ивана Егоровича: «причем за труд преподавания в Межевом институте получил Высочайшую денежную награду» (ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 11. Л. 36). Лекции, которые читал историк, недавно изданы (Забелин, 2009), но программа курса с сопроводительной запиской, отражающей концепцию не только археолога, но и педагога, впервые вводится в научный оборот. В этом заключается новизна данной работы. Новизна ее заключается также и в ракурсе рассмотрения позиции И.Е. Забелина как гражданина через призму его размышлений о преподавании истории и археологии для юношества, попытке представить вклад ученого в методику и дидактику исторических дисциплин.

2. Материалы и методы

Данная статья написана на материале неопубликованной программы преподавания русской истории и археологии в Константиновском межевом институте, которая хранится в архиве ученого (ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 271). Кроме того, нами использована рукопись «Автобиографии» И.Е. Забелина (ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 11), в которой историк упоминает свою работу в институте и полученную за нее денежную награду. Однако никаких подробных сведений о своей преподавательской деятельности в «Автобиографии» ученый не приводит. Программа, составленная И.Е. Забелиным, содержит указания на осмысление ученым сути науки «археология», понимание которой невозможно без обращения к другим архивным материалам, в которых историк высказывается по этому вопросу (ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 260; Д. 266; Д. 267). Вникнуть в теоретические размышления ученого, которые нашли отражение в составленной им учебной программе, позволяют основные работы исследователя теоретического плана: «Размышления о современных задачах русской истории и древностей», написанная в 1860 году и переизданная в 1873 г. (Забелин, 1860; Забелин, 1873), доклад на Третьем Археологическом съезде в Киеве в 1874 году, опубликованный в материалах съезда в 1878 году (Забелин, 1878). Эти работы можно назвать программными в теоретическом плане, в них обосновано понимание археологии как исторической дисциплины, которое прочно вошло в российскую научную традицию. Как будет показано далее, теоретические взгляды И.Е. Забелина рассматривались в отечественной науке, мы привлекаем названные труды ученого для раскрытия теоретических положений, содержащихся в программе учебного курса. В качестве материала использованы и дневники ученого, опубликованные в 2001 году (Забелин, 2001).

Нами применены такие методы исторической науки, как сравнительно-исторический (сопоставление событий и явлений). Этот метод позволил нам сравнить идеи, высказанные ученым в учебной программе, с взглядами исследователя, известными по другим источникам и литературе. Сравнительно-исторический метод использовался нами для выявления сходства его позиций с положениями, возникшими в исторической науке XX–XXI веков, и помог сделать вывод о мастерстве научного предвидения историка. Дескриптивный метод применен для описания концепции преподавания археологии, сформированной ученым, и для создания картины условий преподавания истории и археологии в Константиновском межевом институте. Принцип историзма важен для определения места программы И.Е. Забелина в контексте развития археологического знания XIX–XXI веков.

Основным в историографическом исследовании, особенно по историографии археологического знания, является принцип объективности (Формозов, 2004: 65). В данной работе предпринята попытка использования статистического метода для выявления условий преподавания истории и археологии в институте и оценки выделяемых руководством вуза для этого часов. Вводимый в данной работе не публиковавшийся ранее документ представляет не исследованный донныне ракурс личности И.Е. Забелина не только как ученого, но и как педагога высшей школы. При всей краткости и жесткости рамок учебной программы она содержит образцы размышлений историка, обращенных к молодому поколению, а также о молодом поколении. Поэтому мы хотим, чтобы читатель представил

яркость личности И.Е. Забелина-педагога, поэтому активно цитируем архивные материалы, его дневники и труды других авторов.

3. Обсуждение

В работах, посвященных истории Константиновского межевого института, упоминается факт работы И.Е. Забелина в должности преподавателя института (Апухтин, 1879: 236; Государственный университет, 2019: 83). Для анализа условий преподавания в институте дает определенную информацию очерк истории учебного заведения, составленный А.Л. Апухтиным, директором Константиновского межевого института в 1864–1876 гг. (Апухтин, 1879). Характеристике деятельности директора института Н.П. Смецкого, пригласившего Ивана Егоровича в качестве преподавателя, посвящена специальная работа И.И. Широкоград и Е.В. Рыжковой (Широкоград, Рыжкова, 2016).

Характеристику преподавательского корпуса института с оценки деятельности И.Е. Забелина на посту преподавателя, прежде всего русской истории, начинают И.И. Широкоград и Е.В. Рыжкова (Широкоград, Рыжкова, 2014). Исследовательницы использовали тексты лекций, хранящиеся в архиве ученого в Отделе письменных источников Государственного исторического музея (ОПИ ГИМ. Ф. 440), но ограниченный объем работы и задача рассмотреть усилия и других преподавателей института не позволили названным авторам подробно остановиться на деятельности И.Е. Забелина как преподавателя истории и археологии.

Практическая деятельность И.Е. Забелина как археолога рассматривалась в работах отечественных авторов (в частности, Анучин, 1909; Арциховский, 1948; Формозов, 1984; Алексеев, 2004; Клейн, 2014), предпринимались попытки анализа его теоретического наследия (Ардашев, 1909; Клейн, 2014). Однако концепция преподавания истории, и в особенности археологии, разработанная и применяемая И.Е. Забелиным, подробно в литературе не рассматривалась.

4. Результаты

И.Е. Забелин не имел высшего образования, и свои познания в истории и археологии приобретал самостоятельно, благодаря чтению источников и своей пунктуальности и наблюдательности. Публикации в журналах статей исторической тематики, в частности посвященных быту русских царей и цариц допетровского времени, составили в научных и публицистических кругах Москвы мнение об И.Е. Забелине как серьезном историке (Клейн, 2014: 454). В результате Ивану Егоровичу предложили должность преподавателя истории в Константиновском межевом институте.

Константиновский межевой институт: историческая справка и условия преподавания истории

Вот как описывает основание института его директор А.Л. Апухтин: «14-го мая 1779 года, в царствование императрицы Екатерины II, основана при Межевой канцелярии Землемерная школа, названная в честь родившегося в тот год, 27-го апреля, великого князя Константина Павловича, Константиновскою, так как открытие этой школы последовало в тот самый день, когда в Москве происходило торжество по случаю рождения его императорского высочества. Школа эта в 1819 году была переименована в Константиновское Землемерное училище, в 1835 году училище преобразовано в Межевой институт» (Апухтин, 1879: 5). В 1835 году институт превратился в закрытое учебное заведение, преподавателей в которое приглашали, «отдавая предпочтение выпускникам российских университетов» (Апухтин, 1879: 35). И.Е. Забелин не имел университетского образования, и факт приглашения на должность преподавателя уже показателен. При этом Иван Егорович проработал в институте 17 лет и, как отмечено выше, был награжден денежной премией за успешную работу, то есть его компетентность как историка приравнивалась к выпускникам университета и была достаточно высока для требований института.

В 1848 году институт становится военным учебным заведением, его попечитель получает звание генерал-лейтенанта. Попечитель института М.Н. Муравьев первым своим приказом потребовал «составить подробные программы по каждому предмету. Независимо от того, что подробные программы, определяя объем преподавания, имели сами по себе величайшую важность, он заставил этим каждого из преподавателей глубже вникнуть в свой предмет и основательнее обдумать свое преподавание» (Апухтин, 1879: 88).

Среди предметов, программы которых были составлены преподавателями института, были и программы курсов «Русские древности, или археология», «Русская словесность», «Палеография» и другие, которые вел И.Е. Забелин.

При этом «главную целью введения преподавания русских древностей и, в особенности, палеографии, было ознакомление с древними рукописями, писцовыми книгами и иными документами, столь необходимое в то время для межевого чиновника, когда производилось во всей России специальное межевание» (Апухтин, 1879: 132).

И.Е. Забелин читал курсы русской истории, археологии и палеографии в четвертом, пятом и шестом классах института. А.Л. Апухтин в своем труде приводит данные о почасовом фонде каждой

дисциплины. Мы выбрали информацию о предметах, читаемых И.Е. Забелиным, и построили [Таблицу 1](#).

Таблица 1. Наименования исторических дисциплин и выделяемое время на их преподавание (сведения собраны по: [Алухтин, 1879](#)).

Учебный год	Учебная дисциплина	Часы, выделяемые для дисциплины
1854–1854	История общая и русская	9
	Русская история в связи с археологией	2
1854–1855	История общая и русская	2
1855–1856	История	9
	Русская история в связи с археологией	2
1856–1857	История России	11
	Археология	1
1857–1858	История общая и русская	11
	Археология	1
1858–1859	История общая и России	8
	Археология	1
1860–1861	История России	3
1861–1862	История России	2
1862–1863	История России	2
1863–1864	История России	2
1864–1865	История России	2

Подход к преподаванию истории и археологии во время работы И.Е. Забелина в Константиновском межевом институте менялся. Если в начале его службы в институте количество часов было соизмеримо с другими предметами, то впоследствии ставится задача усилить преподавание специальных дисциплин, часы на преподавание истории уменьшаются, а археология исчезает из списка преподаваемых предметов.

Программа археологического образования И.Е. Забелина

В архиве И.Е. Забелина хранится литографированный экземпляр программы по истории, автором которой является статский советник И. Коциба, и литографированная программа курса, названного «Археология», не имеющего подписи. В курсе «Археология» под ней подразумевалась история русского царского и княжеского быта, которая занимает три страницы и завершается примечанием. Это примечание значимо для дальнейшего изложения, поэтому приводим его полностью: «В обзоре русских древностей или внутреннего состояния России преподаватель излагает общее историческое значение Великого князя и государя в древней Руси, как лица, которое возвело русскую землю на степень могущественного государства на севере, объясняет формы княжеского и царского быта, государственного и домашнего, как выражение упомянутого значения. Указывает надряды и классы народа и их отношение к земле. Излагает в подробности, насколько позволяет разработка предмета, общее государственное значение земли, деление ее по владению населению административное, финансовое. Здесь он останавливается с большими подробностями как на главном предмете преподавания – на истории межевого дела – и объясняет чтение древних почерков по спискам палеографическим. В заключение делается очерк законодательства разного дела, просвещения в древней России. Обозревает кратко историю художеств с объяснением важнейших из них и историю торговли и вообще промышленности. Таким образом, центром преподавания становится история поземельного владения и поземельных отношений с подробным изложением истории писцового дела, из которой воспитанники знакомятся с общим ходом и характером старинной деятельности писцов-межевиков» ([ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 271. Л. 91](#)). Это «примечание» завершает курс. Как будет показано далее, Иван Егорович учел основные требования существующей программы, в то же время переделал ее, внося свое понимание места археологии в образовании и свой археологический опыт.

Так, в программу русской истории в связи с археологией исследователь включает период от появления древних славян на исторической арене до Петровского времени ([ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 271. Л. 103](#)). Понимание задач археологии выдающимся русским историком близко к современному. Приведем начало его «Программы»: «Введение. Географический очерк Древней России. Пути сообщения. Славянские и другие племена, заселявшие страну. Их быт: нравы, обычаи, языческие верования. Значение устных народных памятников – песен, преданий, сказок, заговоров, загадок и пр. Городища и курганы. Понятие о системе городищ Ходаковского. Вещи, находимые в курганах» ([ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 271. Л. 103](#)). Из приведенного отрывка следует, что И.Е. Забелин понимал значение природной среды для формирования материальной и духовной

культуры древних славян, уделял внимание археологии других народов. Новаторским является обращение в качестве источника к фольклору. В это время образованная часть европейского общества только знакомится с первыми исследованиями в области фольклора, достаточно вспомнить работы братьев Гримм в Германии.

Ивану Егоровичу знакома система Ходаковского. Зориан Ходаковский (1784–1825) одним из первых в российской науке обратился к археологическому обследованию славянских памятников. Обнаруженные городища он считал святилищами, о чем написал полемическую статью, которую издал через 13 лет после смерти ученого М.П. Погодин, назвав «Историческая система Ходаковского» (Ходаковский, 1838). Как показывают современные раскопки, городища в своем большинстве – это укрепления и укрепленные поселения, но часть городищ, например небольшие по площади и круглые в плане, оказались святилищами (Клейн, 2014: 228). Ивану Егоровичу была близка новаторская для того времени идея З. Ходаковского о необходимости сбора этнографических данных, общения с местным населением и интерпретации топонимов как указателей дальнейшего археологического поиска, обращения к дохристианскому быту славян. З. Ходаковский собирал не только самые эффектные, но и рядовые вещи (например, железные ножи), и даже кости, что было новым для того времени (Клейн, 2014: 229). Как впоследствии И.Е. Забелин, З. Ходаковский тщательно фиксировал в своих описаниях строение кургана послойно, описывая смену грунтов и расположение погребения (Клейн, 2014: 229). Не случайно Иван Егорович вводит в свою программу рассказ о вещах, находимых в курганах.

Кроме собственно вещей, И.Е. Забелин рассказывает своим студентам о древних технологиях. Он включает в свою программу «Металлическое дело. Очерк истории. Рудники. Серебряное и золотое дело. Финифтяное дело. Кумганное или медное дело. Литейное. Кузнечное и бранное. <...> Резьба мелких предметов из дерева, кости и камней. Вышивание икон, пелен и других церковных и домашних предметов» (ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 271. Л. 104). Причем технологические экскурсии не входят в повествование о древних вещах, а выделены особо. Указаны различия в материалах древностей. Рассмотрение артефактов прошлого в соответствии с подсистемами «морфология (в общенаучном смысле как учение о форме) – технология – материал» станут достижением науки только в конце XX – начале XXI веков (Щапова, 2000; Кокорина, Лихтер, 2007; Щапова и др., 2019). То есть Иван Егорович опережал свое время, структурируя учебный курс.

В своем преподавании он использовал авторские разработки. Его перу принадлежат «Историческое обозрение финифтяного и ценнинного дела в России» (Забелин, 1853а), вышедшее в год начала педагогической деятельности ученого в институте, и опубликованный тогда же труд «О металлическом производстве в России до XVII столетия» (Забелин, 1853б), не утратившие своего значения и в наши дни. В них исследователь на основе изучения письменных источников и вещей, прежде всего царского и церковного обихода, рассматривает историю производства эмалей, фаянса и металлургию Древней Руси.

Обращает на себя внимание пометка ученого в его «Программе»: «NB: изучение и указание замечательнейших памятников по каждому из производств. Памятники сии заключаются в предметах церковной и домашней утвари, в оружии оборонительном и наступательном, в принадлежностях одежды и пр.» (ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 271. Л. 104). В этом отрывке примечательны две особенности: первая – это стремление изучать древние производства на конкретных памятниках, что соответствует передовой для того времени методике преподавания с использованием метода наглядности, выражаясь современным языком. В Константиновском межевом институте появляются лаборатории и специальные комнаты для наглядных пособий, геодезических инструментов (Апухтин, 1879). Вторая особенность заключается в структурировании археологических памятников, в зависимости от назначения, в группы – утвари (с разделением на церковную и домашнюю), оружия (наступательного и оборонительного), одежды (и ее принадлежностей). Совокупность вещей одинакового назначения назовет «археологической категорией» выдающийся российский археолог В.А. Городцов (1860–1945) в своей работе, вышедшей в 1927 году и переизданной в 1997 году (Городцов, 1997: 29), то есть почти через сто лет после учебной программы И.Е. Забелина. Иван Егорович и здесь опережал свое время.

В его программе отразились как требования руководства института, так и прежде всего понимание сути археологии самим ученым. В состав своего курса он вводит «Правление. Титул царский. Венчание на царство: дворец. Двор царский. Его состав. Придворные обряды и обычаи. Царские выходы выезды, посольские приемы, столы и т.п. подробности царского домашнего быта. Местничество» (ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 271. Л. 103), а также «Общественный и домашний быт. Домашнее устройство и образ жизни. Жилища. Одежда. Пища. Обычаи. Обряды и праздники семейные. (Родины. Крестины. Именины. Свадьба. Похороны). Увеселения и препровождения времени. Общественная жизнь. Нравы» (ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 271. Л. 104). О важности понимания особенностей древнерусского быта подрастающим поколением говорит публикация в том же 1853 году И.Е. Забелиным статьи «Домашний быт русских царей прежнего времени» не только в «Отечественных записках», но и в «Журнале для чтения воспитанниками военных учебных заведений» (Забелин, 1853с), а именно военным учебным заведением являлся с 1849 г.

Константиновский межевой институт под названием Межевого корпуса, когда в нем преподавал И.Е. Забелин. В 1862 году «Домашний быт русских царей» (Забелин, 1862) выходит отдельной книгой, то есть работу над этим трудом историк продолжал совмещать с преподавательской деятельностью и работой полевого археолога.

Иван Егорович видел задачу археологии в изучении быта народа, а народ понимал в единстве с царем и противопоставлял боярству. «Все ортодоксальные критики Забелина послереволюционной поры с негодованием писали или подразумевали, что свое творчество он посвятил в той или иной мере образу жизни царского двора XVI–XVII веков. И никто из них не обратил внимания на то, что его основной труд называется "Домашний быт русского народа". И лишь сквозь призму этого понимания он посвящен государеву двору. Вот в этой прямой связи, в этом сопоставлении жизни народа и царского двора и заключается смысл этой и других работ Забелина. Более того, народ, а не царь, не образ жизни государя и его семьи неизменно оказывается в центре внимания всех сочинений ученого. Ни один из русских историков не проявлял к проблеме народа столько интереса, сколько Забелин. Он был поистине народным историком не только по своему происхождению, образу жизни, но и по убеждениям, историческим взглядам» (Сахаров, 1990). Внимание и понимание быта народа – от царских выездов до семейных народных праздников – стремился привить своим воспитанникам И.Е. Забелин. Он считал, что «корни самобытной мысли могут питаться и всегда питаются только народной почвою, т.е. всеми условиями, посредством которых народ получает особый своеобразный облик. Самобытная мысль начинает свое дело в то время, когда в народе возникает потребность познавать себя, допытываться, кто он и что он» (ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 260. Л. 102). Его ученики принадлежали к средним слоям тогдашнего российского общества, а то и к выходцам из городских «нижних чинов»: при превращении института в закрытое учебное заведение набирали 150 «казеннокоштных» студентов и только 50 – «на полный пансион» (Апухтин, 1879: 35). К своей работе Иван Егорович относился с исключительной ответственностью и добросовестностью, подчеркивая, что «имея в виду специальную цель преподавания, отсутствие учебного руководства и вообще невзрачное поле русских древностей, преподаватель по необходимости должен при каждом чтении составлять свои особенные записи и извлечения, и некоторые отделы разрабатывать даже по источникам» (ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 266. Л. 288).

Преподавание археологии и археологическая теория

Несмотря на то, что И.Е. Забелин преподавал российскую историю и археологию, готовя не профессиональных историков или археологов, а межвыхов инженеров, его подход к преподаванию содержал авторское видение задач каждой из наук. Археологию историк считал выражением частного, тогда как истории принадлежит общее, поэтому «изложение истории надо начинать с описания быта личности, ее верований, жилища, пищи, одежды, занятий. <...> Надо познакомиться с личностью. Перейти к обществу и затем к устройству государства» (ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 266. Л. 267).

Свои взгляды на объект и предмет каждой из наук Иван Егорович изложил в статье, написанной в годы преподавания в Константиновском межевом институте: его статья «Размышления о современных задачах русской истории и древностей» увидела свет в 1860 году (Забелин, 1860) и вошла в сборник его избранных работ в 1873 году (Забелин, 1873: 1-71). В этом труде ученый отмечал, что «изучение и изображение человеческой жизни в форме общества, народа, государства – вот задача истории» (Забелин, 1873: 7). Знакомство с этой статьей показывает, почему И.Е. Забелин включил в свою программу необходимость проанализировать «значение устных народных памятников – песен, преданий, сказок, заговоров, загадок и прочее» (ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 271. Л. 103). Он отмечал, что «в эпическом материале – весь древний человек, весь полный, и в своем зародыше едва заметный на простые глаза, и в своих постепенных, последовательных возрастаниях и жизненных переходах, весь в полном законченном типе с его мирозерцанием, с его радостями и скорбями, с его воззрениями и стремлениями, с его добром и злом, с его героизмом, идеальностью и пошлостью жизни» (Забелин, 1873: 26-27). Реконструкции мышления древних людей, их идеологических представлений, станут предметом специальных исследований в российской археологии конца 1970–1980-х годов, когда появятся обобщающие работы на эту тему (например, Раевский, 1977; Раевский, 1985; Рыбаков, 1981; Рыбаков, 1988). И.Е. Забелин и в этом случае опережал свое время.

Исследователь указывал, что «археологические памятники потому и считаются мелочью и не слишком охотно допускаются на страницы истории, что они есть свидетельства о жизни не народа собственно, а мелких единиц, составляющих народное тело, то есть вообще людей. <...> И чтобы узнать, как жил народ, необходимо прежде узнать, как жили люди, как жил отдельный человек» (Забелин, 1873: 58). Эта гуманистическая направленность археологии осознавалась Иваном Егоровичем и служила основой для преподавания предмета. «Археология точно так же изыскивает, описывает и изображает творчество личное и, стало быть, по преимуществу вещественное, потому что личность, единица человека, сама есть вещество общества и без вещества не может проявить своего творчества. Словом сказать, история изображает господство и развитие народных идей, археология изображает самое вещество, в недрах которого эти идеи зарождаются и сохраняются» (ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 260. Л. 98-99).

Подробно свое понимание археологии И.Е. Забелин изложил на III Археологическом съезде в Киеве в 1874 году, уже после окончания преподавания в институте и завершения работы в Императорской археологической комиссии. Эта работа ученого проанализирована российскими археологами (Ардашев, 1909; Клейн, 2014). Остановимся на сделанном И.Е. Забелиным выводе о предмете археологии, составляющем «единичное творчество человека, в бесчисленных и разнообразных памятниках, вещественных и духовных» (Забелин, 1878: 17). Можно соглашаться или спорить с подобным определением, но в нем видно понимание ученым высокой миссии археологии и необходимости изучения конкретных вещей. Работе с древней вещью учил своих студентов выдающийся русский историк, делая запись в программе: «в заключении записка для обозрения древних памятников с подробным объяснением оных и указанием способов узнавать время их сооружения и вообще относительную их древность» (ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 271. Л. 104). При этом необходимо еще раз подчеркнуть, что Иван Егорович готовил не профессиональных историков или археологов, а межевых инженеров. Он внимательно руководил образованием своих студентов, стремился привить им любовь к чтению, в том числе и специальной литературы. «Без чтения всякое познание, а тем более историческое, непрочно. Как выученное, взятое только памятью, оно исчезнет без следа. Всякое познание должно быть приобретено мыслью, а не памятью. Чтение же единственное средство, которое и пробуждает, и постоянно вызывает мысль, следовательно, действует путем органическим, путем созидания мысли, чего никакой теперешний учебник не может дать и ввиду, он, наоборот, действует лишь механически, загромождая память множеством ничем не связанных фактов. Вообще чтение есть правая рука всякого преподавания» (ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 267. Л. 299). Необходимо учесть, что эти слова сказаны человеком, не получившим высшего образования и ставшим выдающимся историком и педагогом как раз благодаря чтению. Любовь к книге, к работе с древними вещами, к пониманию духовного мира своего народа прививал студентам Иван Егорович. И воспитанники платили признательностью своему преподавателю. Он делает запись в своем дневнике: «Павлов рассказал, как любят меня воспитанники Межевого института. Уж так любят, так любят. Я ужасно рад. Мальчишечка говорит: так вы, говорит, знакомы с Иваном Егоровичем? Да сказал это с таким благоговением в глазах, что он уж очень Вас любит и уважает» (Забелин, 2001: 46).

5. Заключение

В итоге необходимо отметить, что И.Е. Забелин создал программу преподавания российской истории и археологии, в которой нашла отражение его позиция как ученого, педагога, гражданина. Он представлял археологию как историческую дисциплину, предмет которой, как он говорил, «частности», по сравнению с тем «общим», что изучает история. Исследователь понимал гуманистическую направленность археологии, видел в ней науку о быте народа в самом широком смысле. Во многом он опережал свое время: в группировке древних вещей по их назначению, вниманию к мировоззрению людей прошлого, в выделении технологий производств минувших эпох.

Не имея высшего образования, Иван Егорович стал не только выдающимся историком, но и талантливым педагогом. Он учил своих студентов понимать через древние вещи духовный мир народа, разрабатывал свой курс непосредственно по источникам, письменным и материальным, указывал молодым людям на необходимость самостоятельного чтения литературы по истории. И.Е. Забелин использовал передовые для того времени педагогические технологии, в частности принцип наглядности, добросовестно и внимательно относясь к своим обязанностям, посвящая аудиторию и в тонкости работы с древностями, и обращаясь к археологической теории. Студенты высоко ценили своего педагога.

В свою очередь для И.Е. Забелина заслуженная им любовь студентов была важна и значима. Он не жалел сил для просвещения юношества, руководил выбором литературы для учебной проработки, осмысливал суть археологии как науки и разрабатывал авторскую концепцию ее преподавания. Оценка личности И.Е. Забелина как педагога требует специального осмысления, но опыт преподавания российской истории и археологии, наработанный ученым, применим и в современных условиях, и его изучение окажется полезным в процессе преодоления кризисного состояния археологического образования в России.

Литература

Алексеев, 2004 – Алексеев А.Ю. К портрету И.Е. Забелина на фоне скифологии // Невский археолого-историографический сборник. К 75-летию А.А. Формозова / Ответственный редактор А.Д. Столяр. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского государственного университета, 2004. С. 37-48.

Анучин, 1909 – Анучин Д.Н. И.Е. Забелин как археолог в первую половину его научной деятельности (1842–1876). Речь, прочитанная на заседании Московского археологического общества 10 апреля 1909 года. М.: Типография Общества распространения полезных книг, 1909. 42 с.

Апухтин, 1879 – Апухтин А. Очерки истории Константиновского межевого института с 1779 по 1879 год. СПб.: Типография В.С. Балашева, 1879. 346 с.

- Ардашев, 1909** – Ардашев Н.Н. И.Е. Забелин как теоретик археологии // *Древности. Труды Московского археологического общества*. 1909. Т. 22. Выпуск 2. С. 71-218.
- Городцов, 1997** – Городцов В.А. Типологический метод в археологии // *Антология советской археологии: В 3 т. Т. 1. 1917–1933*. М.: Институт археологии РАН, 1995. С. 26-31.
- Государственный университет..., 2019** – Государственный университет по землеустройству. История и современность. 1779–2019. М.: ГУЗ, 2019. 526 с.
- Древности..., 1866–1872** – *Древности Геродотовой Скифии*: сборник описаний археологических раскопок и находок в черноморских степях с атласом / Издание Императорской Археологической комиссии. СПб.: В типографии Императорской академии наук, 1866–1872.
- Забелин, 1853a** – Забелин И.Е. Домашний быт русских царей прежнего времени // *Журнал для чтения воспитанниками военных учебных заведений*. 1853. Т. 102. № 407. С. 301-344; Т. 102. № 408. С. 440-474.
- Забелин, 1853b** – Забелин И.Е. Историческое обозрение финифтяного и ценнинного дела в России. СПб.: Типография Экспедиции заготовления государственных бумаг, 1853. 101 с.
- Забелин, 1853c** – Забелин И.Е. О металлическом производстве в России до XVII столетия. СПб.: Б.и., 1853. 150 с.
- Забелин, 1873** – Забелин И.Е. Размышления о современных задачах русской истории и древностей // Забелин И.Е. Опыты изучения русских древностей и истории. М.: Типография В. Грачева. 1873. Ч. 2. С. 1-71.
- Забелин, 1852** – Забелин И.Е. Хроника общественной жизни в Москве с половины XVIII столетия. СПб., 1852. 41 с.
- Забелин, 1860** – Забелин И.Е. Размышления о современных задачах русской истории и древностей // *Отечественные записки*. 1860. Т. 135. Кн. 11. Отд. 1. С. 94-146.
- Забелин, 1862** – Забелин И.Е. Домашний быт русского народа в XVI и XVII столетии. В 2 т. Т. 1. Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетии. М.: Типография В. Грачева и Компании, 1862. 530 с.
- Забелин, 1865** – Забелин И.Е. Историческое описание московского ставропигиального Донского монастыря. М.: Типография В. Грачева и Компании, 1865. 160 с.
- Забелин, 1865–1867** – Забелин И.Е. Скифские могилы. Чертомлыкский курган // *Древности. Труды Московского Археологического общества*. 1865–1867. Т. 1. С. 56-93.
- Забелин, 1869** – Забелин И.Е. Домашний быт русского народа в XVI и XVII столетии. В 2 т. Т. 2. Домашний быт русских цариц в XVI и XVII столетии. М.: Типография В. Грачева и Компании, 1869. 670 с.
- Забелин, 1873** – Забелин И.Е. Кунцево и древний Сетунский стан: исторические воспоминания. М.: К.Т. Солдатенков, 1873. 258 с.
- Забелин, 1878** – Забелин И.Е. В чем заключаются основные задачи археологии как самостоятельной науки // *Труды III Археологического съезда в Киеве*. Киев: В типографии Императорского университета имени Святого Владимира. 1878. С. 1-17.
- Забелин, 2001** – Забелин И.Е. Дневники. Записные книжки: (1837–1908) / Предисловие Н.А. Каргаполова. М.: Издательство им. Сабашниковых, 2001. 383 с.
- Забелин, 2009** – Забелин И.Е. Русская история: Курс лекций; Русские древности, или археология: Курс лекций / Под редакцией С.Н. Волкова. М.: Государственный университет по землеустройству, 2009. 387 с.
- Забелин, 2015** – Забелин И.Е. Скифия и сарматия. М.: Вече, 2015. 352 с.
- Канторович и др., 2010** – Канторович А.Р., Лбова Л.В., Енисосова Н.В. О состоянии и перспективах археологического образования в вузах России в условиях перехода на двухуровневую систему // *Вестник Новосибирского государственного университета*. 2010. Серия «История, филология». Т. 10. Выпуск 3. Археология, этнография. С. 6-113.
- Клейн, 2014** – Клейн Л.С. История Российской археологии: учения, школы и личности. Т. 1. Общий обзор и дореволюционное время. СПб.: ЕВРАЗИЯ, 2014. 704 с.
- Клейн, 2017** – Клейн Л.С. Об идеальной среде для преподавания археологии / *Университетская археология: прошлое и настоящее*. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2017. С. 13-18.
- Кокорина и др., 2022** – Кокорина Ю.Г., Вагабов М.М., Акимова А.А. Современное археологическое образование в России: решение проблем гуманитариев с привлечением опыта подготовки высших технических кадров // *Перспективы науки и образования*. 2022. № 3(57) С. 23-37.
- Кокорина, Лихтер, 2010** – Кокорина Ю.Г., Лихтер Ю.А. Морфология декора. М.: ЛИБРОКОМ, 2010. 200 с.
- ОПИ ГИМ** – Отдел письменных источников Государственного исторического музея.
- Раевский, 1977** – Раевский Д.С. Очерки идеологии скифо-сакских племен. М.: Наука, 1977. 216 с.
- Раевский, 1985** – Раевский Д.С. Модель мира скифской культуры. М.: Наука, 1985. 256 с.
- Рыбаков, 1981** – Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. М.: Наука, 1981. 607 с.
- Рыбаков, 1987** – Рыбаков Б.А. Язычество древней Руси. М.: Наука, 1987. 782 с.

Сахаров, 1990 – Сахаров А.Н. И.Е. Забелин: новая оценка творчества // *Вопросы истории*. 1990. № 7. Выпуск 3–1. [Электронный ресурс]. URL: https://portal.us.ru/modules/culture/rus_readme.php?subaction=showfull&id=1447496607&archive=&start_from=&ucat=& (дата обращения: 09.03.2023)

Умиткалиев и др., 2020 – Умиткалиев У.У., Лбова Л.В., Хабдулина М.К. Новые методы и технологии в профессиональной подготовке специалистов в сфере археологии и этнологии // *Вестник Евразийского национального университета имени Л.Н. Гумилева*. 2020. № 2. Серия «Исторические науки. Философия. Религиоведение». С. 85–94.

Формозов, 1984 – Формозов А.И. Историк Москвы И.Е. Забелин. М.: Московский рабочий, 1984. 239 с.

Формозов, 2004 – Формозов А.И. Историография русской археологии на рубеже XX–XXI веков: (обзор кн., вышедших в 1997–2003 гг.). Курск: Издательство Курского государственного университета, 2004. 67 с.

Ходаковский, 1838 – Ходаковский З.Д. Историческая система Ходаковского // *Русский исторический сборник*. 1838. Т. 1. Кн. 3. С. 3–109.

Шер, 2011 – Шер Я.А. Возродится ли в России археологическое образование? // *Российский археологический ежегодник*. 2011. № 1. С. 574–588.

Широкопад, Рыжкова, 2004 – Широкопад И.И., Рыжкова Е.В. Константиновский Межевой институт: историческое и культурное наследие XIX в. Очерки истории Государственного университета по землеустройству. М.: ГУЗ, 2004. Т. 4. 187 с.

Широкопад, Рыжкова, 2016 – Широкопад И.И., Рыжкова Е.В. К вопросу о деятельности Н.П. Смедского на посту директора Константиновского Межевого института // *Московский экономический журнал*. 2016. № 4. С. 119–124.

Щапова, 2000 – Щапова Ю.Л. Введение в вещеведение. М.: МГУ, 2000. 204 с.

Щапова, 2000 – Щапова Ю.Л. Введение в вещеведение. М.: МГУ, 2000. 204 с.

Щапова, Гринченко, 2017 – Щапова Ю.Л., Гринченко С.Н. Введение в теорию археологической эпохи. М.: Исторический факультет МГУ, Федеральный исследовательский центр «Информатика и управление» РАН, 2017. 236 с.

Щапова и др., 2019 – Щапова Ю.Л., Гринченко С.Н., Кокорина Ю.Г. Информатико-кибернетическое и математическое моделирование археологической эпохи: логико-понятийный аппарат. М.: Федеральный исследовательский центр «Информатика и управление» РАН, 2019. 136 с.

References

Alekseev, 2004 – Alekseev, A.Yu. (2004). K portretu I.E. Zabelina na fone skifologii [To the portrait of I.E. Zabelin against the background of Scythology]. Nevskii arkheologo-istoriograficheskii sbornik. K 75-letiyu A.A. Formozova. Otvetstvennyi redaktor A.D. Stolyar. SPb.: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta. Pp. 37–48. [in Russian]

Anuchin, 1909 – Anuchin, D.N. (1909). I.E. Zabelin kak arkheolog v pervuyu polovinu ego nauchnoi deyatelnosti (1842–1876). Rech', pročitannaya na zasedanii Moskovskogo arkheologicheskogo obshchestva 10 aprelya 1909 goda [I.E. Zabelin as an archaeologist in the first half of his scientific activity (1842–1876). Speech delivered at a meeting of the Moscow Archaeological Society on April 10, 1909]. M.: Tipografiya Obshchestva rasprostraneniya poleznykh knig, 42 p. [in Russian]

Apukhtin, 1879 – Apukhtin, A. (1879). Ocherki istorii Konstantinovskogo mezhevogo instituta s 1779 po 1879 god [Essays on the history of the Konstantinovsky Boundary Institute from 1779 to 1879]. SPb.: Tipografiya V.S. Balasheva. 346 p. [in Russian]

Ardashev, 1909 – Ardashev, N.N. (1909). I.E. Zabelin kak teoretik arkheologii [Zabelin as a theorist of archeology]. *Drevnosti. Trudy Moskovskogo arkheologicheskogo obshchestva*. 22(2): 71–218. [in Russian]

Drevnosti..., 1866–1872 – Drevnosti Gerodotovoï Skifii: sbornik opisaniï arkheologicheskikh raskopok i nakhodok v chernomorskikh stepyakh s atlasom [Antiquities of Herodotus Scythia: collection of descriptions of archaeological excavations and finds in the Black Sea steppes with atlas]. SPb.: V tipografii Imperatorskoi akademii nauk, 1866–1872. [in Russian]

Formozov, 1984 – Formozov, A.I. (1984). Istorik Moskvy I.E. Zabelin [Moscow historian I.E. Zabelin]. M.: Moskovskii rabochii, 239 p. [in Russian]

Formozov, 2004 – Formozov, A.I. (2004). Istoriofografiya russkoi arkheologii na rubezhe XX–XXI vekov: (obzor kn., vyshedshikh v 1997–2003 gg.) [Historiography of Russian archaeology at the turn of the XX–XXI centuries: (review of books published in 1997–2003)]. Kursk: Izdatel'stvo Kurskogo gosudarstvennogo universiteta, 67 p. [in Russian]

Gorodtsov, 1997 – Gorodtsov, V.A. (1997). Tipologicheskii metod v arkheologii [Typological method in archeology]. *Antologiya sovetskoi arkheologii: V 3 t. T. 1. 1917–1933*. M.: Institut arkheologii RAN. Pp. 26–31. [in Russian]

Gosudarstvennyi universitet..., 2019 – Gosudarstvennyi universitet po zemleustroistvu. Istoriya i sovremennost'. 1779–2019. [State University of Land Management. History and modernity. 1779–2019] M.: GUZ, 2019. 526 p. [in Russian]

- Kantorovich i dr., 2010** – *Kantorovich, A.R., Lbova, L. V., Eniosova, N. V.* (2010). O sostoyanii i perspektivakh arkhologicheskogo obrazovaniya v vuzakh Rossii v usloviyakh perekhoda na dvukhurovnevuyu sistemu [On the state and prospects of archaeological education in Russian universities in the conditions of transition to a two-level system]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2010. *Seriya «Istoriya, filologiya»*. 10(3): 6-113. [in Russian]
- Khodakovskii, 1838** – *Khodakovskii, Z.D.* (1838). Istoricheskaya sistema Khodakovskogo [The historical system of Khodakovsky]. *Russkii istoricheskii sbornik*. Vol. 1. Book 3. Pp. 3-109. [in Russian]
- Klein, 2014** – *Klein, L.S.* (2014). Istoriya Rossiiskoi arkhologii: ucheniya, shkoly i lichnosti [The History of Russian Archaeology: Teachings, Schools and personalities. Vol.1. General overview and prerevolutionary time]. T. 1. Obshchii obzor i dorevolutsionnoe vremya. SPb.: EVRAZIYA, 704 p. [in Russian]
- Klein, 2017** – *Klein, L.S.* (2017). Ob ideal'noi srede dlya prepodavaniya arkhologii [About the ideal environment for teaching archaeology]. *Universitetskaya arkhologiya: proshloe i nastoyashchee* [University Archaeology: Past and Present]. SPb.: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta, Pp. 13-18. [in Russian]
- Kokorina i dr., 2022** – *Kokorina, Yu.G., Vagabov, M.M., Akimova, A.A.* (2022) Sovremennoe arkhologicheskoe obrazovanie v Rossii: reshenie problem gumanitarnykh s privlecheniem opyta podgotovki vysshikh tekhnicheskikh kadrov [Modern archaeological education in Russia: solving the problems of humanities with the involvement of experience in training higher technical personnel]. *Perspektivy nauki i obrazovaniya*. 3(57): 23-37. [in Russian]
- Kokorina, Likhter, 2010** – *Kokorina, Yu.G., Likhter, Yu.A.* (2010). Morfologiya dekora [Morphology of decor]. M.: LIBROKOM, 200 p. [in Russian]
- OPI GIM** – Otdel pismennykh istochnikov Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya [Department of Written Sources of the State Historical Museum].
- Raevskii, 1977** – *Raevskii, D.S.* (1977). Ocherki ideologii skifo-sakskikh plemen plemen [Essays on the ideology of the Scythian-Saka tribes]. M.: Nauka, 216 p. [in Russian]
- Raevskii, 1985** – *Raevskii, D. S.* (1985). Model' mira skifskoi kul'tury [A model of the world of Scythian culture]. M.: Nauka, 256 p. [in Russian]
- Rybakov, 1981** – *Rybakov, B.A.* (1981). Yazychestvo drevnikh slavyan [Paganism of the ancient Slavs]. M.: Nauka, 607 p. [in Russian]
- Rybakov, 1987** – *Rybakov, B.A.* (1987). Yazychestvo drevnei Rusi [Paganism of ancient Russia]. M.: Nauka, 782 p. [in Russian]
- Sakharov, 1990** – *Sakharov, A.N.* (1990). I.E. Zabelin: novaya otsenka tvorchestva [I.E. Zabelin: a new assessment of creativity]. *Voprosy istorii*. 7: 3-1. [Electronic resource]. URL: https://portalus.ru/modules/culture/rus_readme.php?subaction=showfull&id=1447496607&archive=&start_from=&ucat=& (date of access: 09.03.2023). [in Russian]
- Shchapova, 2000** – *Shchapova, Yu.L.* (2000). Vvedenie v veshchevedenie [Introduction to material science]. M.: MGU, 204 p. [in Russian]
- Shchapova, Grinchenko, 2017** – *Shchapova, Yu.L., Grinchenko, S.N.* (2017). Vvedenie v teoriyu arkhologicheskoi epokhi [Introduction to the Theory of the Archaeological Epoch.]. M.: Istoricheskii fakul'tet MGU, Federal'nyi issledovatel'skii tsentr «Informatika i upravlenie» RAN, 236 p. [in Russian]
- Shchapova i dr., 2019** – *Shchapova, Yu.L., Grinchenko, S.N., Kokorina, Yu.G.* (2019). Informatiko-kiberneticheskoe i matematicheskoe modelirovanie arkhologicheskoi epokhi: logiko-ponyatiinyi apparat [Informatics-cybernetic and mathematical modeling of the archaeological epoch: logical and conceptual apparatus.]. M.: Federal'nyi issledovatel'skii tsentr «Informatika i upravlenie» RAN, 136 p. [in Russian]
- Sher, 2011** – *Sher, Ya.A.* (2011). Vozrodit'sya li v Rossii arkhologicheskoe obrazovanie? [Will archaeological education be revived in Russia?]. *Rossiiskii arkhologicheskii ezhegodnik*. 1: 574-588. [in Russian]
- Shirokorad, Ryzhkova, 2004** – *Shirokorad, I.I., Ryzhkova, E.V.* (2004). Konstantinovskii Mezhevoi institut: istoricheskoe i kul'turnoe nasledie XIX v. Ocherki istorii Gosudarstvennogo universiteta po zemleustroystvu [Konstantinovsky Boundary Institute: historical and cultural heritage of the XIX century. Essays on the history of the State University of Land Management]. M.: GUZ, Vol. 4. 187 p. [in Russian]
- Shirokorad, Ryzhkova, 2016** – *Shirokorad, I.I., Ryzhkova, E.V.* (2016). K voprosu o deyatelnosti N.P. Smetskogo na postu direktora Konstantinovskogo Mezhevogo instituta [On the question of the activities of N.P. Smetsky as Director of the Konstantinovsky Boundary Institute]. *Moskovskii ekonomicheskii zhurnal*. 4: 119-124. [in Russian]
- Umitkaliev i dr., 2020** – *Umitkaliev, U.U., Lbova, L.V., Khabdulina, M.K.* (2020). Novye metody i tekhnologii v professional'noi podgotovke spetsialistov v sfere arkhologii i etnologii [New methods and technologies in the professional training of specialists in the field of archeology and ethnology]. *Vestnik Evraziiskogo natsional'nogo universiteta imeni L.N. Gumileva*. *Seriya «Istoricheskie nauki. Filosofiya. Religiovedenie»*. 2: 85-94. [in Russian]

Zabelin 1853b – Zabelin, I.E. (1853). Istoricheskoe obozrenie finiftyanogo i tseninnogo dela v Rossii [Historical review of the finifty and valuable business in Russia]. SPb.: Tipografiya Ekspeditsii zagotovleniya gosudarstvennykh bumag, 101 p. [in Russian]

Zabelin 1853c – Zabelin, I.E. (1853). O metallicheskom proizvodstve v Rossii do XVII stoletiya [About metal production in Russia before the XVII century]. SPb.: B.i., 150 p. [in Russian]

Zabelin 1873 – Zabelin, I.E. (1873). Razmyshleniya o sovremennykh zadachakh russkoi istorii i drevnostei [Reflections on modern problems of Russian history and antiquities] Zabelin I.E. Opyty izucheniya russkikh drevnostei i istorii [Experiments in the study of Russian antiquities and history]. M.: Tipografiya V. Gracheva. Part 2. Pp. 1-71. [in Russian]

Zabelin, 1852 – Zabelin, I.E. (1852). Khronika obshchestvennoi zhizni v Moskve s poloviny XVIII stoletiya [Chronicle of public life in Moscow since the half of the XVIII century]. SPb, 41 p. [in Russian]

Zabelin, 1853a – Zabelin, I.E. (1853). Domashnii byt russkikh tsarei prezhnego vremeni [The home life of the Russian tsars of former times]. *Zhurnal dlya chteniya vospitannikami voennykh uchebnykh zavedenii*. Vol. 102. No. 407. Pp. 301-344; Vol. 102, No. 408. Pp. 440-474. [in Russian]

Zabelin, 1860 – Zabelin, I.E. (1860). Razmyshleniya o sovremennykh zadachakh russkoi istorii i drevnostei [Reflections on modern problems of Russian history and antiquities]. *Otechestvennye zapiski*. Vol. 135. Book 11. Part 1. Pp. 94-146. [in Russian]

Zabelin, 1862 – Zabelin, I.E. (1862). Domashnii byt russkogo naroda v XVI i XVII stoletii. V 2 t. T. 1. Domashnii byt russkikh tsarei v XVI i XVII stoletii [The home life of the Russian people in the XVI and XVII centuries. In 2 vols. Vol. 1. The home life of the Russian tsars in the XVI and XVII centuries.]. M.: Tipografiya V. Gracheva i Kompanii, 530 p. [in Russian]

Zabelin, 1865 – Zabelin, I.E. (1865). Istoricheskoe opisanie moskovskogo stavropigial'nogo Donskogo monastyrya [Historical description of the Moscow Stavropol Donskoy monastery]. M.: Tipografiya V. Gracheva i Kompanii, 160 p. [in Russian]

Zabelin, 1865–1867 – Zabelin, I.E. (1865–1867). Skifskie mogily. Chertomlyk kurgan [Scythian graves. Chertomlyk kurgan]. *Drevnosti. Trudy Moskovskogo Arkheologicheskogo obshchestva*. 1865–1867. T. 1. Pp. 56–93. [in Russian]

Zabelin, 1869 – Zabelin, I.E. (1869). Domashnii byt russkogo naroda v XVI i XVII stoletii. V 2 t. T. 2. Domashnii byt russkikh tsarits v XVI i XVII stoletii [The home life of the Russian people in the XVI and XVII centuries. In 2 vols. 2. The home life of Russian tsars in the XVI and XVII centuries]. M.: Tipografiya V. Gracheva i Kompanii, 670 p. [in Russian]

Zabelin, 1873 – Zabelin, I.E. (1873). Kuntsevo i drevnii Setunskii stan: istoricheskie vospominaniya [Kuntsevo and the ancient Setun camp: historical memoirs]. M.: K.T. Soldatenkov, 258 p. [in Russian]

Zabelin, 1878 – Zabelin, I.E. (1878). V chem zaklyuchayutsya osnovnye zadachi arkheologii kak samostoyatel'noi nauki [What are the main tasks of archeology as an independent science]. *Trudy III Arkheologicheskogo s"ezda v Kieve*. Kiev: V tipografii Imperatorskogo universiteta imeni Svyatogo Vladimira. Pp. 1-17. [in Russian]

Zabelin, 2001 – Zabelin, I.E. (2001). Dnevnik. Zapisnye knizhki: (1837–1908) [Diaries. Notebooks: (1837–1908)]. Predislovie N.A. Kargapolova. M.: Izdatel'stvo im. Sabashnikovykh, 383 p. [in Russian]

Zabelin, 2009 – Zabelin, I.E. (2009). Russkaya istoriya: kurs lektsii; Russkie drevnosti, ili arkheologiya: kurs lektsii [Russian History: a course of lectures; Russian antiquities, or archeology: a course of lectures]. M.: Gosudarstvennyi universitet po zemleustroistvu, 387 p. [in Russian]

Zabelin, 2015 – Zabelin, I.E. (2015). Skifiya i sarmatiya [Scythia and Sarmatia]. M.: Veche, 352 p. [in Russian]

Концепция преподавания археологии И.Е. Забелина

Юлия Георгиевна Кокорина ^{a, *}, Сабина Низамиевна Ханбалаева ^b, Уткир Исмаилович Абдуллаев ^c, Махач Мустафаевич Вагабов ^a

^a Московский политехнический университет, Российская Федерация

^b Московский государственный институт международных отношений (МГИМО) МИД России, Российская Федерация

^c Ургенчский государственный университет, Республика Узбекистан

Аннотация. И.Е. Забелин (1820–1908) известен как выдающийся историк и археолог, но как преподавателя российской высшей школы его знают значительно меньше. В данной работе вводится

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: kokorina@inbox.ru (Ю.Г. Кокорина), sabinamgimo@mail.ru (С.Н. Ханбалаева), abdullayev.u.i@mail.ru (У.И. Абдуллаев), 9162803@mail.ru (М.М. Вагабов)

в научный оборот программа курса «Российская история в связи с археологией», хранящаяся в архиве ученого. Лекции по историческим дисциплинам Иван Егорович читал студентам Константиновского межевого института с 1853 по 1865 годы. Обращение к опыту преподавания археологии, накопленному российской педагогикой, открывает современному археологическому образованию путь выхода из состояния кризиса, в котором оно находится. Выявление гражданской позиции И.Е. Забелина через призму его размышлений о преподавании истории и археологии для юношества, уяснение вклада ученого в методику и дидактику исторических дисциплин являются принципиально новыми. Концепция преподавания археологии, которую разработал и применил И.Е. Забелин, подробно в литературе не рассматривалась. И.Е. Забелин вводит в свой курс новое для того времени изучение фольклора в качестве источника, знакомит студентов с новаторским подходом к изучению славянских городищ, разработанным З. Ходаковским. На примере программы курса видно, что И.Е. Забелин не раз опережал свое время. Он группировал древние артефакты по материалу и назначению, знакомил слушателей с технологией производства древностей. Несомненным вкладом в теорию археологии является представление археологии как исторической дисциплины, что прочно вошло в российскую научную традицию. И.Е. Забелин был талантливым педагогом, для создания своего курса обращался к историческим и материальным источникам, использовал принцип наглядности в преподавании. Он видел задачу археологии в изучении быта народа, прививал студентам любовь к чтению научной литературы, работе с древними артефактами, внимание к судьбам и идеалам своего народа. Воспитанники ценили и любили своего преподавателя. Осознание гуманистической направленности археологии, опора в преподавании на весь комплекс источников, высокая гражданская позиция важны для археологического образования XXI века.

Ключевые слова: история высшей школы в России, преподавание археологии, И.Е. Забелин, археологическая теория, история археологии, Константиновский межевой институт.

Copyright © 2023 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2023. 18(2): 662-670
 DOI: 10.13187/bg.2023.2.662

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Medical and Cultural Narratives and Practices of the Russian Empire in the Kazakh Steppe (19th century)

Igor V. Krupko ^{a,*}, Saltanat A. Ashimova ^b, Rustem D. Kubeyev ^a

^a Ch.Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology, Almaty, Republic of Kazakhstan

^b The International Centre for the Rapprochement of Cultures, Republic of Kazakhstan

Abstract

The article deals with Russian medicine in the Kazakh steppe in the context of the interaction of traditions and cultures. It attempts to more fully reveal the role of Russian medicine in the development of new territories in the 19th century. In particular, in addition to the actual medical practices introduced among the nomadic Kazakh population and the administrative measures of medical control, attention is also paid to the “accompanying” functions of Russian doctors, as ethnographers, collecting the most detailed information about the new territories of the empire and their inhabitants. Accordingly, their medical practice is considered in the context of a dialogue of cultures and the development of newly annexed lands. In addition to highlighting the main stages of Russian medicine’s penetration into the Kazakh steppe, the work attempts to trace changes in cultural narratives, highlighting their main features: the romanticization of the nomadic population due to their proximity to nature, the formation of Russian orientalism and, over time – from the middle of the 19th century – increasing attention to the intellectual and moral abilities of the nomadic population, which distinguished them from all neighboring peoples and which were considered by the Russian administration and doctors in the formation of cultural policy in the newly annexed lands. The mention of such abilities from the middle of the 19th century occurs in the narratives of Russian doctors already in a more functional context, with the inclusion of local culture in the general socio-cultural space and its corresponding transformation and cultural transfer.

Keywords: Russian Empire, medicine, cultural narratives, Kazakh steppe, nomadic population, dialogue of cultures.

1. Introduction

The history of the appearance of Russian medicine in the Kazakh steppe and the transformation of its practices and narratives seems an important and interesting process that contains almost two centuries of history of the dialogue of cultures and traditions (natural-scientific, rationalized and modernized Russian tradition and a whole range of ethno-medical practices of the Kazakh traditional culture): from the episodic, targeted treatment of individual representatives of the Kazakh elite to large-scale measures to prevent mass epidemics.

The institutionalization of medicine in the territories of the empire is the process of the emergence, development and consolidation of a new area of regulatory knowledge. The formation of Russian medicine in the Kazakh steppe and its consolidation in the everyday life of society can also be considered as a tool for administrative construction. The Russian doctor and the Kazakh patient represented two cultural worlds, on the boundaries of which their meeting and dialogue took place. The appearance of Russian medical practices and relevant cultural narratives in the Kazakh steppe corresponded to the specifics of the imperial development of space: moving from the borders, from Russian fortresses, to the inner regions of the steppe.

* Corresponding author

E-mail addresses: tengri95hismatulin@mail.ru (I.V. Krupko)

In addition to their medical and administrative functions, Russian doctors performed another, no less important. Also acting as ethnographers, describing the surrounding landscape and local traditions, doctors constructed knowledge, creating cultural narratives and images of the local population. These narratives evolved from the image of an unknown region to biopolitics and identity politics based on cultural narratives produced by Russian scientists, military officers and doctors. The study of this process is necessary not only from the point of view of the accumulation of historiographic facts, but also for understanding the complex situation and intercultural dialogue within the imperial space. The appearance, dissemination and interaction of Russian medicine in the life of Kazakh society and the production of cultural narratives resulted in significant changes both in the field of medical practices and in the imperial identity politics in the Kazakh steppe.

The paper attempts to expand the range of aspects considered regarding Russian medicine's introduction in the Kazakh steppe in the 19th century. This issue is considered by the authors from different angles, relying both on the works of contemporaries (and sometimes participants) of the process, and on the works of later and modern researchers. Such an approach allows us to highlight the issues under study and their significance both in a specific historical period, and inevitably taking into account today's realities of the epidemiological safety of society. The novelty of this work is in understanding that the medical practices introduced by the Russian Empire into the space of the Kazakh steppe were inseparable from the process of cultural construction in this territory. The evolution and institutionalization of administrative and medical innovations in this area, entering into a dialogue with local practitioners, produced important cultural narratives and had a significant influence on the life of the Kazakh population.

In general, the consideration of Russian medical practices in the Kazakh steppe from the point of view of cultural (in the broad sense) dialogue is not very common among researchers; accordingly, this work can make a certain contribution to the development of this research field.

2. Materials and methods

The source base of the study is archival documents of the Central State Archive of the Republic of Kazakhstan (Almaty, Kazakhstan) and published documents (for example, "Provision on the management of the Orenburg Kirghiz" (Polozhenie, 1844)).

The study is based on a comprehensive analysis of narrative and written sources. Narrative and written sources are in the form of descriptions made by doctors of the Russian Empire who performed work in the Kazakh Steppe in the 19th century. The main methodological basis of the work is a systematic approach, which consists in a holistic consideration of the system of narratives, in which their systemic similarity, for a number of historical reasons, as well as their subsequent transformation becomes obvious. The article examines the process of the integration of the space of the Kazakh steppe into the legal and socio-cultural space of the Russian Empire through the evolution of medical practices and narratives, which led to changes in the traditional Kazakh society in the field of medicine. The method of processing sources was determined by the objectives of the study. At the stages of analysis and interpretation of materials, typological, comparative and descriptive methods were used. For example, M. Vaughan, following the Foucauldian tradition, states that mass vaccinations and general examination, during which people are unified and become objects not only of the medical system, but of the administrative system, are an example of the most striking example of modern medicine (Vaughan, 1991: 52).

The purpose of this paper is to study the medical practices and cultural narratives of the doctors of the Russian Empire on the territory of the Kazakh steppe in the 19th century.

To achieve the goal, the following tasks are implemented: a) identify and describe the main medical practices that spread through the mechanisms of government of the Russian Empire on the territory of the Kazakh steppe in the 19th century; b) study the administrative mechanisms of medical control that were formed in the process of spreading Russian medicine in the region; c) highlight the features of cultural narratives produced in parallel with the strengthening of Russian medicine in the region.

3. Discussion

In the context of the research topic, of particular interest is the opinion of S. Asfendiyarov, one of the brightest representatives of the Kazakh elite in the early 20th century, and at the same time a graduate of the Imperial Military Medical Academy. In particular, Asfendiyarov, outlining his view on cultural narratives about nomadic culture Kazakhov, emphasized the specifics of the nomadic, pastoral economy, drawing attention to the inadmissibility of associating it with the "primitive patriarchal-clan system", speaking of this type of economy as a "more complex complex" and clearly distinguishing between "nomadism" and "unsystematic vagrancy" (Asfendiyarov, 2014: 25-50, 30-31).

This view is valuable as the position of a representative of the Kazakh elite who received a systematic medical and humanities education in the educational institutions of the Russian Empire, summing up the cultural narratives of the intellectual elite on the problems of modernizing the nomadic culture of the Kazakhs at the turn of the 19th–20th centuries.

In the works of the official administration representative A.K. Gaines, there are also some descriptions of the situation with the spread of diseases of the steppe. In particular, the official speaks of cases of scurvy

among nomads in winter, which, “however, rarely spreads strongly”. In addition, the work speaks of the absence of “special epidemic and widespread diseases”, although “sometimes the so-called anthrax appears among the steppes” (Gaines, 1897: 61, 151).

R.N. Rakhimov, speaking about the fight against epidemics on the Orenburg Territory in the first third of the 19th century, notes the wide experience in the use of irregular troops of the administrative unit, as well as the positive experience of the military leadership of the region, which resorted in the cholera epidemic of 1829–1832 to medical consultations and quarantine measures using irregular troops. In addition, Rakhimov notes “a high degree of understanding of the situation related to quarantine measures” on the part of the local population, which “organized quarantine posts on its own, showed confidence in doctors, and maintained pickets and lines of irregular troops at its own expense, which ultimately made it possible to win in the province victory over cholera”. Further, the author draws attention to the experience of the population in the fight against epizootics, during which local quarantines were established. In general, R.N. Rakhimov emphasizes the high degree of involvement of the irregular troops of the Orenburg Territory in anti-epidemic measures during the military operations of the Russian Empire, and it was this experience, coupled with the experience of the border service and “integration into the administrative institutions of the empire”, that determined the success of quarantine measures in the Orenburg province (Rakhimov, 2021).

E. Vishlenkova researches the educational functions of doctors in the Russian Empire and mentions that in Russia their activities in the preparation of historical, ethnographic descriptions and statistical tables in the 1830s–1840s became a mass phenomenon. Moreover, in the eyes of contemporaries, this activity was associated with patriotism, serving the Fatherland. Many doctors published observations about the specifics of the regions, their history, everyday life of the population, household traditions, folk medicine and dietary habits, as well as the “religious diets” of the peoples who inhabited the Russian Empire (Vishlenkova, 2011).

In general, speaking about the development of medical practices of royal medicine in the Steppe region, A.I. Vlasova emphasizes such specifics as the predominantly Kazakh nomadic population and the absence of zemstvo. Accordingly, the issues of medicine were under the jurisdiction of the authorities of the province and regions. The author is able to single out the time period from the end of the 1880s to 1917 (when the flow of peasant migrants to the Kazakh steppe from the central part of the empire increased sharply) as a period of the expansion of the network of medical institutions (both regional and county), their being staffed with sufficient personnel quantity, accompanied by furtherment of the actual specialization of physicians and the improvement of the material and technical base (Vlasova, 2021: 13–18).

At the same time, there are scientific works that explore aspects of traditional medicine in the Kazakh steppe in the 19th century, which was more familiar and common among the Kazakh population during this period. So, for example, K.V. Dzhumagalieva, S. Nagima and G.K. Kayrgalieva in their work note that, despite the fact that the autochthonous knowledge systems in the field of medicine that existed in the traditional Kazakh culture were not always effective in comparison with the introduced ones based on scientific methods, they still contained a constructive element of natural-rational practices (such as isolation during epidemics, attempts to inoculate smallpox, the use of plants for pharmacological purposes, etc.) (Dzhumagalieva et al., 2020).

In this regard, the perception of Kazakh culture by Russian researchers, doctors and officials and the production of cultural narratives that were in dialogue with medical and administrative ones, as well as their transformation during the 19th century, is important.

4. Results

The first Russian physicians penetrated the Steppe in the 1730s: the doctors of the regimental infirmaries. In 1744, a hospital began to function in Orenburg, which soon became one of the main medical centers in the northwestern part of the steppe. For the first time here and in military infirmaries, Kazakh patients began to come episodically. Permission to treat in the hospital “Asians who come to Orenburg for trade and other needs” was given in 1809 (Palkin, 1967: 92), but as Afanasyeva writes, apparently, it only legitimized the well-known practice (Afanas'eva, 2008: 135).

At the beginning of the 19th century, the desire to use the means and practices of Russian biomedicine was expressed by the Kazakh aristocracy – the sultans and foremen of various parts of the Junior zhuz, as well as the khans of the Bukey Horde. They came to the Border Commission for medical help and asked for a supply of medicines. Frequent contacts stimulated the growth of trust on both sides. The sultans requested “drops of blood purifiers, Spanish flies, sniffing alcohol” (Afanas'eva, 2008: 136). For the supply of drugs in the budget of the Border Commission there was a special item of expenditure. Just as common was the practice of calling doctors to willing sultans; sometimes the sultans indicated which doctor to call. Ergo, it wasn't the first time they would have met. At the beginning of the 19th century, doctors went to the steppe accompanied by armed Cossack escorts (Afanas'eva, 2008: 136).

In 1832, on the initiative of Khan Zhangir, a “permanent doctor” was appointed to the Bukey Horde – the head physician Sergachev (Afanas'eva, 2008: 136).

But two doctors working in the Border Commission and the Bukey Horde were not enough. For several decades, the Orenburg administration initiated the training of people from among the indigenous population of the territories in medical skills. For example, in 1831, a project was launched to teach doctors from among

the Bashkirs who speak Russian. This medical education took place at the Medical Faculty of Kazan University. Assistance was provided by the Orenburg Muftiate, who issued a fatwa proclaiming the education of young people at the medical faculty as a charitable deed. The first students from among the Bashkirs began to study in 1832. Few students completed their education. Another example is the establishment of a medical assistant's school at the Orenburg military hospital in 1841, focused mainly on providing medical care to those in military service.

Changes came along with the "Regulations on the management of the Orenburg Kirghiz" in 1844, which legally recorded the medical work of paramedics in Kazakh villages: "For inoculation of preventive smallpox and for providing the Kirghiz with the simplest medical benefits, there is one paramedic from the Kirghiz under the sultans-rulers" (Polozhenie..., 1844).

The training of paramedics for medical care and control of the Kazakhs took place in the paramedic school at the hospital. The Border Commission funded the training of ten such trainees. Initially, cultural and cult inertia, distrust of the new and misunderstanding of this whole mechanism dominated the attitude of the Kazakhs to such events. It was not possible to fill ten places on the paramedical course immediately due to the lack of reliable mechanisms for administrative influence on the sphere of medical education in the steppe, and also because of the distrust of the local population. Officials of the Border Commission and the Regional Administration carried out explanatory work among the Kazakhs, explaining to them all the advantages of medical assistant education. The processes of adaptation of pupils entering the school were quite traumatic: contacting with infectious patients in hospitals, future paramedics became infected and died, which, of course, created an atmosphere of distrust around paramedic schools. Another difficulty was the extension of the five-year course of study (surgery, pharmacy and anatomy) at the expense of teaching the Russian language (prior to admission). From 1844 to 1869, 10 Kazakh boys studied at the school, of which only 6 completed the full course of study; one was expelled and three died. Often, paramedical personnel were replenished from among the Bashkirs.

Another event in Russian medicine was the training of smallpox vaccinators. Despite the fact that variolation was practiced in Kazakh ethnomedicine, it often caused complications. Russian biomedicine offered the Kazakhs a modernized type of smallpox prevention – vaccination according to the Jenner method (cowpox virus inoculation). The first vaccinations were made in 1804 by the doctor of the Ural Cossack army Khandozhinsky. The Orenburg administration actively stimulated the spread of a new type of smallpox prophylaxis, instructing officials to "persuade the Kirghiz by measures of persuasion and kindness to vaccinate from smallpox whoever would agree" (Afanas'eva, 2008: 139). Another important focus of attention and efforts of the Russian administration was interaction with the Kazakh aristocracy, who had authority to modernize medicine "from above" and popularize smallpox vaccination among the Kazakhs. So, for example, in the Bukey Horde, it was Khan Zhangir who began to practice vaccination technology, instilling smallpox in his children. Later, some sultans followed his example. Biys who agreed to be vaccinated were awarded certificates of merit and their wives received gifts. Medical propaganda became more active in the steppe, with the publication of brochures and leaflets explaining the meaning and usefulness of smallpox vaccination.

In 1825, the first Kazakh smallpox vaccinator, S. Dzhenabekov, was trained at the Orenburg military hospital (Afanas'eva, 2008: 140). Gradually, the skill of smallpox vaccination was being introduced into the education system, regardless of the professional orientation of the educational institution (paramedics, among whom Kazakhs were already successfully functioning, apart from smallpox vaccination itself, taught this to students of Russian-Kazakh schools): "What they learned in the city, i.e., the theory and methods of smallpox inoculation, they propagated in the steppe, and with their affectionate treatment, little by little, they managed to inspire confidence in the steppe" (Shustov, 1895: 284).

According to archival documents, in 1828, two Kazakh smallpox vaccinators, Khairulla Babayev and Akhmedi Badayev, were trained in the Orenburg military hospital to vaccinate the population in the Bukey Horde. Khairulla Babayev subsequently proved to be a diligent worker. His superiors pointed out his "impeccable service" and petitioned for his award. The documents also contain evidence of his financial incentive (TsGA. F. 4. Inv. 1. Case 2495. Sheets 1, 6 and reverse).

Nevertheless, vaccination did not immediately gain great popularity among the Kazakhs: "For two years he did not instill smallpox even once, and the natives did not give him children. We did not dare to force, and, it seems, we did well; In 1871, in the Khojent district, coercion caused an open uprising, which had another reason – an increase in taxes. Rumors were spread about the imposition of the Russian stigma, about instilling in Muslim children the blood of infidels, and so on. In the Syr-Darya region, only 1,163 children were vaccinated with smallpox in 1869; In the Semirechensk region, this business went much more successfully: in 1868, 2,158 persons were vaccinated, and in 1869 – 23,754. The figure increased 11 times. Of this number, Vernoye takes 64.4 %, and then Tokmak uyezd with 25.4 %" (Terent'ev, 2010: 62).

Chokan Valikhanov wrote in 1863: "The Kirghiz look at the doctor as an official and do not expect any benefit from him. People run away from smallpox vaccination or pay off" (Valikhanov, 1985). The technology of smallpox vaccination in the Kazakh steppe collided here with the usual fear of the new, which, however, did not have time to take the form of mass hysteria, and not with the cultural and cult inertia of ethnomedicine, which British doctors met in colonized India, where they were opposed by Ayurveda and sacred cults that arose

around smallpox. A completely natural fear of an unknown method of vaccination was dissolved during the procedure itself, which doctors tried to make more enjoyable by distributing gingerbread and sweets to children, thus reinforcing positive ideas about new medical procedures in people's minds.

After some time, observers began to notice that the Kazakhs overcame their distrust of smallpox vaccination much more easily in contrast to the Russian Old Believers, who stigmatized vaccinations as "the seal of the Antichrist" (Shustov, 1895: 384). In the second half of the 19th century, several epidemic waves of smallpox swept through the steppe, bypassing those who had been vaccinated. Turgai district doctor P. Dobrovolsky wrote that when, in 1894, he decided to increase the number of smallpox vaccinators, he faced a huge number of Kazakhs who wanted to enter this position (Afanas'eva, 2008: 113-149, 141). As the doctors testified, the Kazakhs came to them for tens of miles with requests for vaccination and themselves turned to the authorities with petitions to send smallpox vaccinators to the villages. The number of those vaccinated against smallpox increased every year; all this allowed physicians by the end of the century to make optimistic conclusions that "smallpox vaccination stands on solid ground in the steppe" (Shustov, 1895: 337).

Epidemic surveillance became another measure of Russian biomedicine: epidemics threatened not only the population of the Kazakh region, but also the hinterland of the empire.

An outbreak of cholera in 1830 inspired the establishment of quarantines, exposing the contradictions between physicians and the imperial administration. The Medical Council (an advisory body under the Ministry of Internal Affairs, engaged in scientific, theoretical and methodological work) stated the need to establish quarantine for trade caravans coming from the southern regions in order to limit the possible spread of cholera. At the same time, the Ministry of Finance demanded that the Orenburg Governor "cancel restrictive measures to the detriment of trade". Capital dictated its terms, and quarantines were lifted. As a necessary compromise, external medical examination continued to operate. Soon the inefficiency and formality of the "external examination" became too obvious, and it was canceled. From 1834, a system of epidemic control had been established among the inhabitants of the Bukey Horde (monthly reports of the Border Commission to the Orenburg governor, etc.) (Popov, 1910: 198). Administrative reforms of 1868 included the establishment of a unified system of medical care in the Kazakh steppe: in each county, the positions of a county doctor, paramedic and midwife were established. The functions of the county doctor included the provision of free medical care to the local population and the free supply of patients with medicines, for which special amounts were allocated from the budget. Thus, the imperial administration expanded the area of medical coverage and control of the population. The number of medical workers had tripled. In the 1880s, one doctor served about 70–100 thousand people, at a distance of tens of thousands of square kilometers.

Describing the hard work of doctors in the Kazakh steppe, A. Afanasyeva correctly notes that the high salary of local doctors is approximately 1200 rubles a year compared to the average for doctors in Russia of 1000 rubles; military doctors received even more – 1500–1600 rubles – but this could not fully compensate for the harsh living and working conditions, cultural isolation and a huge number of duties (in addition, doctors paid most of the traveling expenses from their own salaries). In their free time from traveling and providing medical care, doctors had to keep extensive documentation about the work of the medical unit in the county, and also contribute to the creation of medical and topographic descriptions of the area. (Afanas'eva, 2008: 113–149, 144–145)

Doctors, apparently, did not want to stay in the Kazakh steppe for a long time and therefore did not see the point in learning the Kazakh language. In such a situation, according to the testimony of one of the county doctors, the only thing left to do was to engage in conversation with the patient in the language of facial expressions and "give medicine either at random or indifferently to calm the patient" (Afanas'eva, 2008: 113–149, 144; Terent'ev, 2010: 64).

If, for comparison, we cite data for Turkestan, then the first special medical institutions appeared there in the 1870s. For the organization of outpatient treatment, the city administration rented residential houses of individuals (TsGA RK. F. 145. Inv. 1. Case 565. Sheets 1–3).

Archival documents also speak of financing the maintenance of medical institutions from the city budget. In 1880, 35–40 rubles were allocated for the repair of the pharmacy and hospital buildings (TsGA RK. F. 119. Inv. 2. Case 26. Sheets 57, 59).

Expenses for lighting and heating in one of the outpatient centers (in Karnak) for the year amounted to 76 rubles. Candles and kerosene were used for lighting, while firewood (360 pounds per year) was used for heating (TsGA RK. F. 145. Inv. 1. Case 391. Sheet 22).

In the medical narratives of those years, the description of the reactions of the Kazakh population to medical innovations always contains an ethnographic description and interpretation, producing cultural narratives: "Subcutaneous injection is new for many doctors and still requires some skill, and therefore is very rarely used. The natives have not yet been subjected to experiments, and therefore it is not known how they will react to this remedy. I was convinced in practice that such a person as a Kirghiz, Kuraminian or even a Sart would most of all have confidence inspired in them by "sensitive" means: bitter quinine, tear-squeezing ammonia, scalding solution, instant-acting emetics, laxatives, and so on. He will be satisfied with even one impression of taste, smell, touch: bitter, stinks, stings – this is the medicine!" (Terent'ev, 2010: 51).

Narratives obviously reflect the need for the state system to classify and construct knowledge for the purpose of better management. Military doctors and officers of the General Staff had not only to study in detail geography, topography, local flora and fauna, but also to make meteorological, geological and hydrographic measurements.

Ethnography occupied the most important place in the program of descriptions; the inhabitants of the studied lands had to be classified, built into the determinability of the world, their ethnic and cultural identification had to be determined, and their attitude to religion, etc. had to be clarified.

However, there is no single narrative and system of images of Kazakhs in the texts of ethnographers and physicians of the 19th century. Over the course of a century, the romanticization of nomads as close to nature appears and develops in the narratives of researchers, and Russian Orientalism was being formed (Levshin, 2005; Ivanovskii, 1903).

The topics of description remained stable: an important place in the narratives of Russian authors (including physicians) about the Kazakhs was occupied by the description of their anthropological appearance, physical characteristics, lifestyle and behavioral patterns.

Most often, the language of description is replete with evaluative categories of the appearance of the Kazakhs. Here, both scientific and aesthetic criteria were used: Turkish-Mongolian type of face, its beauty or its absence. Of course, beauty in this case was evaluated according to the degree of conformity with European types – those whose appearance was more reminiscent of European received higher marks.

Later, the Kazakhs were built into the anthropological classifications of the peoples of the empire, and here the evaluative characteristics of physical properties were gradually removed; however, in the general discourse, the neutral language of anthropological science does not supplant traditions.

Often, depicting the Kazakhs, ethnographers report on the extraordinary physical strength and endurance of the inhabitants of the Kazakh steppe and their athletic constitution. The good health of nomads surviving in harsh environments was attributed by researchers to life in the “outdoors”, constant movement, simplicity of food, and a “lifestyle close to nature”. Doctors supplemented this picture of health with a list of physical characteristics of features:

“The muscles are well formed, the physique is strong, bile is produced abundantly, digestion is excellent ... the ability to science is small. All this leads of itself to the conclusion that they enjoy perfect health” (Yagmin, 1845: 45).

The way of life of the Kazakhs of the 19th century is often presented in Russian texts as “rude” or “primitive”; however, from text to text, these definitions take on a new meaning and sound. The middle of the 19th century saw a change in cultural narratives. In the texts, the special intellectual and moral abilities of the Kazakhs are increasingly noted, distinguishing them from all other peoples, such as the Bashkirs or Kalmyks. These qualities of the Kazakhs, described in the cultural and medical narratives of Russian doctors and officials, were built into the emerging socio-cultural hierarchies that the administration needed for further dialogue and building a cultural policy in the region: “these qualities suggest that the Kirghiz people have the opportunity to become completely civilized” (Afanas'eva, 2008: 128). The narratives increasingly emphasize the receptivity of the Kazakhs to Russian culture and their success in learning the Russian language.

The concept of “wildness” begins to sound in a new way. And the sound is quite functional. If at the beginning of the 19th century “savagery” was called the institutionalized violence of barymta and frequent raids on Russian expeditions and caravans, a tendency to “predation and violence”, then in the second half of the century this word means “ignorance”, “incivility”, requiring the introduction of “enlightenment”. The change in connotations was, firstly, the result of a deeper and wider penetration of the empire’s administrative power network into the steppe: by the end of the century, it had become safer here: according to Dr. Shustov, “the Kirghiz steppes ... have become almost a fashionable resort for the treatment of consumption and other diseases with koumiss” (Shustov, 1895). Secondly, this is a functional change in narratives, in which the first stage of the steppe territory integration was carried out, addressing the need to include Kazakh culture in the socio-cultural space of the empire and the corresponding transformation of this culture under the influence of civilizing unification. The dynamics of such an evolution of perceived and broadcast images were subject to medical narratives, which were playing an increasingly prominent role in the formation of cultural ideas about the Kazakhs.

In some areas of life, cultural narratives and the imperial identity politics based on them led to significant changes. For example, the imperial policy of religious classification led to the Islamization of a significant number of Kazakhs.

Despite the fact that Islam initially penetrated the territory of Kazakhstan in the 8th century along with the waves of Arab expansion, the expanded institutionalization of Islam in the territory of Kazakhstan occurred largely due to the religious policy of the Russian Empire from 1786, which embodied the scenario of the “ethnographic mirror”, when, in order to establish relations with the steppe elite, the empire, mosques, mektebs and madrasahs were built, and mullahs and other religious ministers were appointed (from the Tatars – their most loyal guides, as it seemed to the imperial administration then). As a result of these actions, which were based on the ethnographic classifications developed by Russian officials and the military, the population of the Steppe was presented with a convincing image of religious identity, which over time began to be perceived as authenticity (Radlov, 1989: 329; Sultangalieva [resp. ed.]: 2014: 307; Shvarts, 2006:

175–238; Remnev, 2006; Remnev, 2010). Already in the 19th century, in the construction of a hospital in the city of Semipalatinsk, “the wealthy Muslim population did not provide funds, stating that ‘the construction of a hospital in the city of Semipalatinsk cannot bring any benefit to them, since treatment in it is prohibited according to Mohammedan law’” (Kasymbaev, 1998: 91).

Medical narratives, as well as ethnographic characteristics in general, also varied depending on many factors. For example, in 1830, the Orenburg head physician Sokolov wrote about the difficulty of obtaining information about epidemic diseases: “with what caution should we rely on the information delivered to us by the Kirghiz” (Afanas'eva, 2008: 29).

Dr. A. Yagmin reproduces in his texts a different, romanticized image of the Kazakhs: “You will see the magical worlds of zhi, wild Kyrgyz, with their physiognomy of the sons of nature, in their attire completely different from ours. It will seem to you that you are transferred to some magical world!” (Yagmin, 1845: 4). Yagmin also notes the similarity of some local ethnomedical practices with Russian ones, which brings his narrative closer to Taylor’s cultural evolutionism.

The high institutional status of medicine as a science, acquired by it by the last third of the 19th century, imparted special value to the conclusions of doctors. It is very important that at that time in the Russian Empire there was a strengthening of the institutionalization of medicine and the transformation of medical knowledge into an administrative resource.

Analyzing steppe diseases, doctors recorded the main causes of diseases: uncleanliness, lack of biomedical standards of hygiene and sanitation, and the collective use of dishes, as well as the impact on the sanitary situation of some magical and religious ideas. Notes on the “mud decor” of some elements of everyday life in traditional Kazakh society can be found in Chokan Valikhanov and T.W. Atkinson, who explained such a sanitary situation as the impossibility of frequent water procedures in the harsh conditions of the struggle for existence in the steppe.

Observing Kazakh ethnomedicine, Russian doctors noted the functioning of the “rational” methods of treatment described in this work (ethnopharmacology). They also noticed the therapeutic properties of koumiss and of the mud and salt springs of Lake Arasan in the treatment of dermatological ailments (Yagmin, 1845: 36). Of course, Russian doctors were much more skeptical about the magical dimension of ethnomedicine: “There are many people in the Horde who suffer from rheumatism, consumption and syphilitic disease” (Mazhitov [comp.], 2010: 158).

Doctors from other parts of the empire, sent to the Kazakh steppe to fight epidemics, often expressed surprise, watching how the Kazakhs followed all the instructions of the doctors, and the gratitude of the nomads for the help they received – at the very time when the peasants of some Russian provinces were beating doctors, suspecting them of spreading cholera, and refusing any medical intervention (Afanas'eva, 2008: 146): “This conclusion should be put to the Kirghiz as a big plus, because the Russian common people, having behind them an even more bitter and incomparably longer epidemic experience, cannot in any way come to the same conclusion” (Afanas'eva, 2008: 146).

The result of the penetration, spread and interaction of Russian biomedicine into the life of Kazakh society was a large-scale campaign to combat plague epidemics in the steppes of the northwestern part of the Kazakh region in the late 19th to early 20th centuries. It is in these events that the power strategies of distributing people in space are visible.

Prior to this, during the campaigns for smallpox vaccination, doctors had already developed plans for the totalization of medical control over the local population: the volosts were to be divided into small sections, the population of each of which was subject to a general examination, after which the vaccine was administered to all residents. Smallpox vaccination, therefore, was to cover all the inhabitants of each volost. In 1900–1901, a plague epidemic broke out in certain areas of the Bukey Horde. Anti-plague teams were sent to the steppe to localize and isolate the focus of infection, which were supposed to track and isolate the sick, establish quarantine cordons, destroy infected property and disinfect and evacuate people. The territory of the spread of the infection was divided into districts, each of which had its own sanitary detachment.

Doctors performed a general examination of the population, administered lymph or serum to the inhabitants of the cordoned off territories and monitored bodily reactions:

first they were washed with water and soap in one room, then they were washed a second time and doused with warm sublimate in another room; from here, throwing on a clean sheet, they moved into a cot, placed side by side within the no man’s land between the hearth and the quarantine area. The sheet was thrown off at the entrance, and they themselves entered the kosharka, where the quarantine paramedic or nurse again washed them with warm sublimate and dressed them in a clean dress. After examining them by a quarantine doctor and measuring their temperature, they were finally settled in clean quarantine tents. (Afanas'eva, 2008: 147-148)

Due to the specifics of the traditional Kazakh nomadic society, the issues of combating epizootics occupied an important place. In particular, according to archival documents, in the Turgay region in some counties (Nikolaev and Iletsk), cases of plague in animals were noted. Officials associated this fact with factors such as a relatively large number of cattle, as well as good natural conditions for cattle breeding, which made the territory of these counties attractive for seasonal migrations of Kazakhs from other counties.

In addition, the routes of movement of herd cattle from neighboring regions passed through the Nikolaevsky and Ilets'k counties (TsGA RK. F. 25. Inv. 1. Book 2. Case 4164. Sheet 3 and reverse side).

Accordingly, the problem of rinderpest was the main focus of veterinarians' attention in these counties (TsGA RK. F. 25. Inv. 1. Book 2. Case 4163. Sheet 19).

The importance of the fight against epizootics and their prevention led to the fact that as a measure to combat the loss of livestock in the steppe regions in 1891, veterinary supervision was established (TsGA RK. F. 25. Inv. 1. Book 2. Case 4184. Sheet 1 and reverse side). Thus, the emergence of Russian medical practices influenced the improvement of the conditions of cattle breeding – the basic and systemic type of economy on the territory of the Kazakh steppe.

5. Conclusion

Thus, the emergence and spread of Russian medicine in the Kazakh steppe had a significant impact not only on the development and improvement of medical practices, but also on the development of cultural narratives about the region. The scale and meaning of the measures implemented during the anti-plague campaigns are very indicative: they demonstrate the considerable confidence of the imperial administration in their medical authority on the territory of the Kazakh steppe by the beginning of the 20th century. The cultural narratives of physicians had evolved from the classical forms of Orientalism to a deeper understanding of the specifics of the steppe space and the population living in it. The Kazakh population also experienced the influence of these narratives, which became systemic in the following decades.

6. Acknowledgments

The article was prepared as part of the research project of the Global Fund "Trends and transformations of the historical memory of Kazakhstan society (1992–2020)" (IRN: AP09259759).

References

- Afanas'eva, 2008 – Afanas'eva, A. (2008). Osvobodit'... ot shaitanov i sharlatanov»: diskursy i praktiki rossiiskoi meditsiny v Kazakhskoi stepi v XIX veke [Free... from shaitans and charlatans]: discourses and practices of Russian medicine in the Kazakh steppe in the 19th century. *Ab Imperio*. 4: 113-149. [in Russian]
- Asfendiarov, 2014 – Asfendiyarov, S.D. (2014). Islam i kochevoe khozyaistvo [Islam and nomadic economy]. *Sobranie sochinenii v 4 tomakh*. T. 2. Almaty. [in Russian]
- Dzhumagalieva et al., 2020 – Dzhumagalieva, K.V., Sarmurzina, N., Kairgalieva, G.K. (2020). Istoriya meditsiny kazakhskogo naroda [History of medicine of the Kazakh people]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk. Istoricheskie nauki*. 2(1): 117-126. [in Russian]
- Geins, 1897 – Geins, A.K. (1897). *Sobranie literaturnykh trudov A.K. Geinsa* [Collection of literary works of A.K. Geins]. T. 1. Saint-Petersburg. [in Russian]
- Ivanovskii, 1903 – Ivanovskii, A. (1903). Kirgizy Srednei ordy [Kirghiz of Middle Horde]. *Russkii antropologicheskii zhurnal*. 2: 54-57. [in Russian]
- Kasymbaev, 1998 – Kasymbaev, Zh.K. (1998). Istoriya goroda Semipalatinska (1718–1917 gg.) [History of the city of Semipalatinsk (1718–1917)]. Almaty. [in Russian]
- Levshin, 2005 – Levshin, A.I. (2005). Opisanie kirgiz-kaisatskikh ili kirgiz-kazach'ikh ord i stepei [Description of the Kirghiz-Kaisak or Kirghiz-Cossack hordes and steppes]. Pavlodar. [in Russian]
- Mazhitov (comp.), 2010 – Mazhitov, S.F. (2010). Istoriya i kul'tura kazakhskogo naroda XVIII – nachala XX vv. v russkoi periodicheskoi pechati – v 10-ti tomakh [History and culture of the Kazakh people of the XVIII - early XX centuries. in Russian periodicals - in 10 volumes]. T.3 Astana. [in Russian]
- Palkin, 1967 – Palkin, B.N. (1967). Ocherki istorii meditsiny i zdravookhraneniya Zapadnoi Sibiri i Kazakhstana v period prisoedineniya k Rossii. (1716–1868) [Essays on the history of medicine and healthcare in Western Siberia and Kazakhstan during the period of accession to Russia. (1716–1868)]. Novosibirsk. [in Russian]
- Polozhenie..., 1844 – Polozhenie ob upravlenii orenburgskimi kirgizami [Provision on the management of the Orenburg Kirghiz]. Saint-Petersburg, 1844. [in Russian]
- Popov, 1910 – Popov, A.V. (1910). Kholera 1829–1830 gg. v Orenburgskom krae [Cholera 1829–1830 in the Orenburg region]. *Trudy Orenburgskoi arkhivnoi uchenoi komissii*. Orenburg. Vyp. 21: 198. [in Russian]
- Radlov, 1989 – Radlov, V.V. (1989). Iz Sibiri. Stranitsy dnevnika [From Siberia. Diary pages]. Transl. From German, comments and afterword by S. I. Vainshtein. Moscow. [in Russian]
- Rakhimov, 2021 – Rakhimov, R.N. (2021). Mezhdru chumoi i kholeroi: irregulyarnye voiska Orenburgskogo kraia v bor'be s epidemiyami pervoi treti XIX v. [Between plague and cholera: irregular troops of the Orenburg region in the fight against epidemics in the first third of the 19th century]. *Ural'skii istoricheskii vestnik*. 1: 14-20. [in Russian]
- Remnev, 2006 – Remnev, A.V. (2006). Tatory v kazakhskoi Step: soratniki i soperniki Rossiiskoi imperii [Tatars in the Kazakh Steppe: Companions and Rivals of the Russian Empire]. *Vestnik Evrazii*. 4: 5-32. [in Russian]

- Remnev, 2010** – *Remnev, A.V.* (2010). Chokan Valikhanov i musul'mansko-tatarskii vopros v Kazakhskoi stepi [Chokan Valikhanov and the Muslim-Tatar issue in the Kazakh steppe]. *Altaistika i tyurkologiya*. 3-4: 180. [in Russian]
- Shustov, 1895** – *Shustov, A.* (1895). V Kirgizskikh stepyakh [In the Kirghiz steppes]. *Ezhenedel'nik zhurnala «Prakticheskaya meditsina»*. 18, 400 p. [in Russian]
- Shvarts, 2006** – *Shvarts, F.* (2006). Turkestan – vetka indogermanskikh narodov [Turkestan – a branch of the Indo-Germanic peoples]. *Istoriya Kazakhstana v zapadnykh istochnikakh v 12 tomakh*. T. 5. Almaty. [in Russian]
- Sultangalieva (otv. red.), 2014** – *Sultangalieva, G.S.* (2014). Kazakhskie chinovniki na sluzhbe Rossiiskoi imperii: sbornik dokumentov i materialov [Kazakh officials in the service of the Russian Empire: a collection of documents and materials]. Almaty. [in Russian]
- Terent'ev, 2010** – *Terent'ev, M.A.* (2010). Turkestan i turkestantsy [Turkestan and Turkestans]. *Istoriya i kul'tura kazakhskogo naroda XVIII – nachala XX vv. v russkoi periodicheskoi pechati v 10 tomakh*. T. 3. Astana. [in Russian]
- TsGA RK** – Central'nyj gosudarstvennyj arhiv Respubliki Kazahstan [Central State Archive of the Republic of Kazakhstan]
- Valikhanov, 1985** – *Valikhanov, Ch.Ch.*(1985). O musul'manstve v stepi [About Islam in the steppe]. T. 4. Valikhanov Ch.Ch. *Sobranie sochinenii v pyati tomakh*. Alma-Ata. [in Russian]
- Vaughan, 1991** – *Vaughan, M.* (1991). *Curing their Ills: Colonial Power and African Illness*. Cambridge.
- Vishlenkova, 2011** – *Vishlenkova, E.* (2011). Vypolnyaya vrachebnye obyazannosti, ya postig dukh narodnyi: samosoznanie vracha kak prosvetitelya gosudarstva (Rossiya, pervaya polovina XIX veka) [Performing medical duties, I comprehended the spirit of the people: the self-consciousness of a doctor as an educator of the state (Russia, first half of the 19th century)]. *Ab Imperio*. 2: 47-79. [in Russian]
- Vlasova, 2021** – *Vlasova, A.I.* (2021). Sistema zdavookhraneniya Semipalatinskoi oblasti Stepnogo kraya: etapy stanovleniya (60-e gg. XIX v.-nachalo XX v.) [The health care system of the Semipalatinsk region of the Steppe region: stages of formation (1860s – early 20th century)]. *Izvestiya Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2(118): 13-18. [in Russian]
- Yagmin, 1845** – *Yagmin, A.* (1845). Kirgiz-kaisatskie stepi [Kirghiz-Kaisak steppes]. Saint-Petersburg. [in Russian]

Copyright © 2023 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2023. 18(2): 671-684
 DOI: 10.13187/bg.2023.2.671

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

To the History of the Russian Fortification of Gagra (1830–1854)

Konstantin V. Taran ^{a, b, *}, Sergey D. Ludwig ^c, Aleksey A. Korolev ^d, Nina M. Pestereva ^e

^a Cherkas Global University, Washington, USA

^b Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

^c Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russian Federation

^d Penza State University of Architecture and Construction, Penza, Russian Federation

^e Russian Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russian Federation

Abstract

This article discusses the causes and creation of the Gagra fortification on the Black Sea coast in 1830, the daily combat activities of the Gagra garrison, as well as the final stage associated with the abandonment of the fortification and its destruction.

As materials of the study there were used a variety of sources, such as acts of the Caucasian Archeographic Commission, memoirs of participants in the events under study and, first of all, S.T. Zvanba, N.N. Rayevsky, A.A. Bestuzhev, A.D. Nordman, F.F. Tornau, G.I. Philipson, etc.

The methodological basis was based on content analysis, historical-systemic and historical-genetic methods. Semiotic and mathematical/quantitative methods were applied from non-traditional historical methods.

In conclusion, the authors state that the Gagra fortification, created in the Gagra Gorge in 1830, secured the coastal road from Jigetiya to Abkhazia, the flow of robber raids into Abkhazia significantly decreased, and after the adoption of Russian citizenship by the jigets, the raids practically stopped. Due to the outbreak of the Crimean War in March 1854, all the fortifications of the Black Sea coastline were liquidated, except Gagrin, which served as a cover for Abkhazia from the north from the penetration of Caucasian tribes. Thanks to the Greek skipper Saranto Photios and his crew of the ship “Sv. Ioann” the Gagrin garrison of 606 people was safely evacuated to Kerch.

Keywords: strengthening of Gagra, Gagrin gorge, Abkhazia, Prince M. Shervashidze, jigets, ubykh, ship “Sv. Ioann”.

1. Введение

В первой половине XIX в. Российская империя распространяла свое влияние на северо-западном Кавказе, устанавливала протекторат в Абхазии и стремилась взять под контроль территории левобережной р. Кубани и восточного берега Черного моря. Укреплению позиций российского государства в данном регионе препятствовала Османская империя, с которой дважды во второй половине XIX в. (1806–1812 гг. и 1828–1829 гг.) происходили войны, которые заканчивались победой русского оружия.

Владетель Абхазии князь М. Шервашидзе постоянно обращался к российским властям с просьбой создать укрепление на берегу Черного моря в районе Гагринской теснины, чтобы предотвратить систематические разбойные набеги кавказских племен на территорию Абхазии, в ходе которых разворовывалось имущество абхазов, а сами они брались в плен для дальнейшей продажи

* Corresponding author

E-mail addresses: taran.constantin@yandex.ru (K.V. Taran)

турецким работорговцам. Созданное в 1830 г. русское укрепление в Гагринской теснине способствовало уменьшению разбойных набегов кавказских племен в Абхазию.

2. Материалы и методы

В качестве материалов нашего исследования применялся комплекс разнообразных источников, среди которых акты Кавказской археографической комиссии (АКАК, 1866–1904; АКАК, 1885; АКАК, 1888; АКАК, 1904) и мемуары современников исследуемых нами событий – Д.Г. Анучина (Анучин, 1860), Д. Белла (Белл, 2007а; Белл, 2007b), Н.Н. Раевского (Архив Раевских, 1910), А.П. Берже (Берже, 1992; Берже, 2011), А.А. Бестужева (Бестужев, 1861), М.И. Богдановича (Богданович, 1876), Е.А. Головина (Головин, 1847), С.Т. Званбы (Званба, 1852; Званба, 1982), А.Д. Нордмана (Нордман, 1838), Ф.Ф. Торнау (Торнау, 1864; Торнау, 2008), С.В. Сафонова (Сафонов, 1837), Н.В. Ханькова (Ханьков, 1850), Э. Спенсера (Спенсер, 1993; Спенсер, 2008), Г.И. Филипсона (Филипсон, 1883; Филипсон, 1884) и др.

Методологической основой выступил ряд исторических и общенаучных методов.

Основным методом стал так называемый контент-анализ (источниковый анализ/библиографический анализ), который применялся для исследования мемуаров, актов Кавказской географической комиссии и других источников.

Также использовались историко-системный метод (строительство гагринских укреплений анализировалось в неотрывной связи с политическими, экономическими и социальными событиями исследуемой эпохи) и историко-генетический метод (предусматривает анализ причинно-следственных связей между появлением военного укрепления в Гаграх и социально-политической и военной обстановкой в регионе в XIX веке).

Из нетрадиционных исторических методов применены семиотический (предусматривает использование военных, исторических и военно-морских терминов и понятий) и математический/количественный метод (применялся для количественной оценки войскового состава гагринского укрепления).

3. Обсуждение

Вопрос военного укрепления Черноморской береговой линии в целом и населенного пункта Гагры в частности обсуждался в отечественной истории достаточно активно.

Среди дореволюционных исследователей отметим работы Д.М. Афанасьева (Афанасьев, 1902), И. Дроздова (Дроздов, 1887), Е. Васильева (Васильев, 1874), Н.И. Карлгофа (Карлгоф, 1855; Карлгоф, 1860), Н.Ф. Дубровина (Дубровин, 1871), П.И. Ковалевского (Ковалевский, 1911), В.А. Потто (Потто, 1889), К.Ф. Сталь (Сталь, 1900) и др.

Огромный вклад в изучение гагринского укрепления внес Н.А. Дьячков-Тарасов в серии публикаций в дореволюционных периодических изданиях (Дьячков-Тарасов, 1902; Дьячков-Тарасов, 1903; Дьячков-Тарасов, 1904; Дьячков-Тарасов, 1909–1910).

Из советских ученых большой вклад в разработку проблемы внесли Г.А. Дзидзария (Дзидзария, 1940; Дзидзария, 1958; Дзидзария, 1976; Дзидзария, 2017), А.В. Фадеев (Фадеев, 1935; Фадеев, 1960) и др.

Значительный интерес представляет очерк «Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв.» (составитель В.К. Гарданов) (Адыги..., 1974).

Из современных авторов вопросу истории (в том числе и военной) города Гагры посвятили свои исследования А.А. Альхаов (Альхаов, 2016), Т.А. Ачугба (Ачугба, 2011), Ш.Д. Инал-Ипа (Инал-Ипа, 1995; Инал-Ипа, 2014), А.А. Черкасов, В.Г. Иванцов, В.В. Каратаев, В.С. Молчанова и др. (Черкасов, 2005; Каратаев, Черкасов, 2007; Каратаев, Черкасов, 2009; Cherkasov et al., 2015; Cherkasov et al., 2016; Cherkasov et al., 2016a; Cherkasov, 2020), Т.А. Магсумов (Магсумов, 2016), К.В. Таран (Таран, 2020; Taran, 2020; Taran et al., 2022a; Taran et al., 2022 b), Л.И. Лавров (Лавров, 2009), Р.А. Фадеев (Фадеев, 2007; Фадеев, 2010) и др.

Ценные сведения о гагринском укреплении содержатся и в историческом очерке «Абхазия и абхазы в российской периодике XIX – нач. XX вв.» (составители Р.Х. Агуажба, Т.А. Ачугба) (Абхазия..., 2005), и в сборнике статей «Джигетский сборник. Вопросы этнокультурной истории Западной Абхазии или Джигетии» (под общей редакцией Д.К. Чачхалии) (Джигетский сборник, 2012).

Многие неизвестные страницы истории создания укреплений Черноморской береговой линии стало возможным исследовать благодаря опубликованному сборнику источников «Документы и материалы по истории Джигетии (1750–1868 гг.)», выполненному под редакцией А.А. Черкасова (Документы..., 2016).

Вместе с тем некоторые вопросы истории гагринского военного укрепления остались неразрешенными, поэтому данная работа призвана восполнить этот пробел.

4. Результаты

Созданию укрепления Гагры предшествовали события в Абхазии, где во второй половине XIX в. имела место беспокойная политическая ситуация, при этом происходили систематические разбойные набеги кавказских племен, во главе которых были авторитетные убыхские фамилии (Званба, 1852).

Активизация набегов была связана с появлением в Причерноморье в первой половине XIX в. сильного племени убыхов, которые отняли у джигетов аул Матыхуасуа. Этот аул был расположен на правом берегу р. Сочи-псты на расстоянии двух часов езды от ее устья (Абхазия, 2005: 90).

Главноуправляющий гражданской частью и пограничными делами в Грузии, Астраханской и Казанской губерниях, командующий отдельным Кавказским корпусом генерал А.П. Ермолов в 1822 г. ходатайствовал перед императором об утверждении Михаила Шервашидзе правителем Абхазии в чине майора. Примечательно, что М. Шервашидзе, в соответствии с горскими обычаями, получил классическое горское воспитание в семье убыха Хаджи Берзека Догомуко. В 1823 г. разбойная партия, состоящая из убыхов и джигетов, намеревалась вторгнуться в Абхазию для грабежа, но была полностью истреблена, и после этого владетель Абхазии М. Шервашидзе просил русские власти занять Гагринскую теснину (Дьячков-Тарасов, 1903: 55).

Для совершения грабежей в Абхазии убыхи использовали горные проходы и Гагринскую теснину, в связи с чем в 1827 г. владетель Абхазии князь М. Шервашидзе вновь обращался с просьбой о возведении гагринского укрепления, но русские военные не были к этому готовы (Дьячков-Тарасов, 1903: 55-56).

Гагринская теснина, которую постоянно предлагал занять М. Шервашидзе, считалась лучшим сообщением между Джигетией и Абхазией. На север от Гагринской теснины на расстоянии 20 км до джигетского общества Цандрипш по берегу моря встречаются скалы, высота которых от поверхности моря – 50–600 и более метров. Во многих местах прибрежная полоса преграждается обломками скал, и эти места объезжали вброд морем, но в шторм проезд был невозможен (Званба, 1982: 5; Нордман, 1838: 413).

В южном направлении от Гагринской теснины, на расстоянии также 20 км, протекает р. Бзыбь, которая являлась естественной границей с Абхазией. Абхазские деревни на правом берегу р. Бзыбь отсутствовали, т.к. этот район был подвержен опасности беспрестанных нападений со стороны джигетов, с которыми вражда у абхазов постоянно усиливалась (Званба, 1982: 5). Поэтому населенные пункты от Цандрипша до правого берега р. Бзыбь отсутствовали. Буферное пространство от Цандрипша до р. Бзыбь составляло около 40 км.

После окончания русско-турецкой войны 1828–1829 гг. в соответствии с Адрианопольским трактатом территория левобережной р. Кубань, а также восточный берег Черного моря между Анапой и укреплением Св. Николая поступили во владение Российской империи. Командующий отдельным Кавказским корпусом и главноуправляющий в Грузии генерал-фельдмаршал граф И.Ф. Паскевич-Эриванский представил свои соображения для быстрого покорения кавказских племен и предложил проложить сухопутное сообщение по приобретенному берегу Черного моря. В свою очередь турки, несмотря на статьи Адрианопольского мирного договора, продолжали распространять среди кавказских племен слухи о возвращении Османской империей крепостей Анапы, Сухум-Кале и Поты и призывали кавказские народы противостоять российским властям, для этого турки продолжали снабжать кавказские племена боеприпасами (Михайловский крепостной..., 1906: 134).

Следует отметить, что в 1820-х годах абхазы весьма недоброжелательно относились к российским властям и ненавидели русских. В этих условиях Османская империя посылала абхамам порох, свинец, оружие и своих агентов, которые распространяли в Абхазии антирусские настроения. Сношения турок и абхазов особенно усилились в 1830 г., поэтому император Николай I приказал Черноморскому флоту, крейсирующему у черноморских берегов, осматривать все суда, пристающие к восточным берегам Черного моря и пресекать поставки боеприпасов кавказским племенам (Утверждение наше в Абхазии, 1889: 128-129).

Кроме этого, чтобы поддержать права владетеля М. Шервашидзе над абхазами, было предположено занять русскими военными укреплениями Гагринскую теснину, Пицунду и в Бомборах расположить на квартирах 44-й егерский полк. Командование абхазским отрядом было поручено генерал-майору К.Ф. Гессе. В состав отряда вошли 2-я гренадерская и 4-я мушкетерская роты Мингрельского пехотного полка, два батальона 44-го егерского полка, шесть орудий, две мортирки, полурота саперов и сотня донских казаков. Общее количество отряда составило 2 343 человека при 376 лошадях. В начале июля 1830 г. отряд был собран в Сухум-кале, где было получено известие, что со стороны Джигетии планируется очередной набег в Абхазию с целью разграбить резиденцию владетеля в Соуксу. Принимая во внимание антирусские настроения среди абхазов, которые ожидали прихода убыхов и джигетов, Гессе принял решение немедленно отправить отряд для занятия Гагринской теснины и перекрыть береговое сообщение между Абхазией и Джигетией (Михайловский крепостной..., 1906: 136-137).

Полковнику А.Г. Пацовскому было поручено командование отрядом, назначенным для занятия гагринского прохода и для постройки укрепления Гагры. Отряд в количестве 800 человек состоял из батальона егерей, саперов и приданных для усиления двух орудий. Гагринский отряд был размещен на транспортных судах «Буг» и «Успех», которые сопровождалась под охраной бригаов «Пегас», «Орфей», а также шлюпа «Диана» и парохода «Молния». Начальник отряда со штабом находился на «Диане», и при нем состояли 30 абхазов из свиты Шервашидзе, пожелавшие принять участие в экспедиции, среди которых выделялись дворяне Кацо Маргани и князь Ростом Иналипов. Утром

8 июля 1830 г., не встречая сопротивления, отряд высадился на берег и занял развалины монастыря Гагры. Через некоторое время джигеты, обнаружив присутствие русских в Гагринской теснине, обстреляли отряд с соседних гор, но удачные выстрелы со шлюпа и бригов заставили джигетов прекратить стрельбу, и они покинули высоты. В перестрелке с джигетами были ранены четыре русских нижних чина и один абхаз. Заняв Гагринскую теснину, ширина которой составляла 400 м и которую не без основания называли «Кавказские Фермопилы», русские войска взяли под контроль береговое сообщение между Абхазией и Джигетией (М.П. Лазарев, 1955: 376-377; Утверждение наше в Абхазии, 1889: 137-138; Михайловский крепостной..., 1906: 137).

По занятию Гагринской теснины русские приступили к строительству укрепления. На левом берегу р. Жаодзех (на карте Манганари обозначена как р. Репроа), вытекающей из ущелья, находилась разрушенная древняя христианская церковь, которая имела каменную стену длиной 65 метров, во многих местах разрушенной и проведенной от берега моря до скалы. Перед стеной были две развалившиеся башни, которые пригодились для устройства батареи на два орудия впереди лагеря (Военный энциклопедический..., 1853: 10; Михайловский крепостной..., 1906: 138).

Укрепление Гагры с двух сторон было окружено высотами, которые образовывали ущелье и врезались в море, а на самом берегу располагалось укрепление. Эти высоты джигеты использовали для обстрела гагринского гарнизона (Нордман, 1838: 412).

Гагринское укрепление служило прикрытием Абхазии с севера и затрудняло проход убыхам, джигетам и другим кавказским племенам в Абхазию для совершения грабежей (Афанасьев, 1902: 427; Дьячков-Тарасов, 1903: 61).

Присутствие русского укрепления в Гагринской теснине раздражало соседние кавказские племена, но это не означало, что проход в Абхазию был прочно закрыт. Убыхи, джигеты и медовеевцы (общества Ахчипсу, Чужгуча и Аибга) для прохода в Абхазию использовали горные тропы, которые были неудобными, но вполне проходимыми (Званба, 1982: 14).

Рис. 1. Карта восточного берега Черного моря // описи капитан-лейтенанта Е. Манганари, 1834 г. (гравировано в Санкт-Петербурге в 1840 г.)

Джигеты систематически тревожили гарнизон гагринского укрепления. С 11 по 15 июля 1830 г. имели место безуспешные нападения джигетов на укрепление. В течение пяти дней русский гарнизон потерял 9 человек убитыми и ранеными, а также был ранен 44-го егерского полка штабс-капитан Чеховский, и два егеря пропали без вести. Страшное изнурение солдат от работ и болезней, а также постоянная напряженность, создаваемая джигетами, заставили майора Полякова просить генерал-майора Гессе о подкреплении, т.к. большая половина людей несла сторожевую службу. Генерал-

майор Гессе 17 июля отправил в Гагры на пароходе роту Мингрельского полка и сделал распоряжение, чтобы в случае крайней надобности привлекать матросов с судов, стоявших в гагринской бухте ([Утверждение наше в Абхазии, 1889: 141-142](#)).

Во второй половине июля 1830 г. русскими войсками были заняты Пицунда и другие опорные пункты в Абхазии. На исходе июля задача, поставленная абхазскому отряду генерал-майора Гессе – закрепиться в Абхазии и оказать содействие владельцу М. Шервашидзе, была исполнена. В Гаграх были оставлены 1-й батальон 44-го егерского полка под командой майора Полякова, а для производства дальнейших работ по строительству укрепления – саперная команда и рота Мингрельского полка ([Утверждение наше в Абхазии, 1889: 143-144](#)).

В период строительства гагринского укрепления русский гарнизон систематически вступал в боевые столкновения с кавказскими племенами, которыми руководил убых Хаджи Берзек. В начале сентября, после завершения работ по обустройству гагринского укрепления, 4-я рота Мингрельского полка, согласно приказу, отбыла в Пицунду, оставив в Гаграх команду в 45 человек с прапорщиком Тепловым ([Михайловский крепостной..., 1906: 143](#)).

В течение второй половины 1830 г. и начала 1831 г. гагринское укрепление систематически выдерживало беспрестанные нападения джигетов и их соседей. Любые действия гарнизона за пределами укрепления были подвержены нападениям со стороны джигетов, вследствие которых гарнизон нес потери убитыми и ранеными ([Утверждение наше в Абхазии, 1889: 150](#)).

Предложение генерала-фельдмаршала И.Ф. Паскевича-Эриванского – проложить сухопутное сообщение по приобретенному берегу Черного моря для быстрого покорения кавказских племен – исполнено не было, т.к. для этого требовались значительные силы ([Дзидзария, 2017: 75](#)).

После нападения джигетов и убыхов на гагринское укрепление в 1835 г. управляющий Имеретией, Мингрелией, Гурией и Абхазией генерал-майор Д.Д. Ахлестышев, желая соединить Гагры, Пицунду и штаб-квартиру абхазского отряда в Бомборах, проложил между этими укреплениями дорогу ([Дьячков-Тарасов, 1903: 65](#)).

Дорога от Гагр до Пицунды должна была способствовать быстрому реагированию русских войск в случае нападения кавказских племен на гагринское укрепление, но так как дорога бездействовала, через два года после постройки по ней невозможно было пройти ([Нордман, 1838: 415](#)).

В 1836 г. А.А. Бестужев, пребывая в укреплении Гагры, негативно отзывался об условиях несения службы. Он отмечал жаркую погоду летом, отсутствие воды из-за пересыхающего ручья, систематические обстрелы укрепления соседними кавказскими племенами, болезненность и большую смертность личного состава гарнизона, отсутствие достойного питания. Все это Бестужев подытожил следующим образом: «Одним словом, имя Гагры, в самой гибельной для Русских Грузии, однозначнее со смертным приговором!» «О Гаграх я писал к вам подробно, видно, вы не получили моего письма с этим описанием: это просто гроб. Здоровье все плохо» ([Бестужев, 1861: 480-481](#)).

По предложению генерала Вельяминова в сентябре 1837 г. император Николай I назначил генерал-майора Н.Н. Раевского начальником 1-го отделения Черноморской береговой линии, деятельность которой была направлена на предотвращение торговли невольниками, подвоза кавказским племенам контрабандных грузов и боеприпасов. В январе 1839 г. 1-е отделение было преобразовано в Черноморскую береговую линию, состоявшую из двух отделений, во главе с начальником генерал-лейтенантом Н.Н. Раевским. После очередной реорганизации Черноморской береговой линии в сентябре 1840 г. 1 отделение было разделено на два самостоятельных отделения, т.е. на 1 и 2, а 2 отделение, в котором находилось укрепление Гагры, было переименовано в третье. Начальником Черноморской береговой линии был назначен генерал-майор И.Р. Анреп, а третьим отделением командовал Н.Н. Муравьев ([Taran, 2020: 79-80](#)).

После строительства в 1837 г. укрепления Святого Духа в Джигетии и форта Александрия на территории общества Саше в 1838 г. джигетские князья стали контактировать с командованием русских гарнизонов, хотя такие контакты происходили и ранее. Например, князья Анчибадзе из джигетского общества Хышха (севернее укрепления Гагры) уже в 1830 г. приняли присягу русскому императору, но аманатов не выдали ([Taran et al., 2022a: 159](#)).

В период своего командования Черноморской береговой линией генерал-лейтенант Н.Н. Раевский был категорически против учреждения карантинного поста в Гаграх, т.к. рейд был небезопасным для стоянки судов. Кроме этого, Раевский в 1840 г. предлагал построить укрепление в Джигетии на р. Хошупсе, при этом следовало ликвидировать гагринское укрепление, гарнизон которого необходимо было перевести в укрепление на р. Хошупсе ([Архив Раевских, 1910: 57, 384-392, 784](#)).

В первой половине 1841 г. начальник 3 отделения Черноморской береговой линии полковник Н.Н. Муравьев просил разрешения у нового начальника береговой линии генерал-майора И.Р. Анрепа о постройке башни в ущелье р. Жоадзех, где пролегал троп, по которой кавказские племена ходили в обход гагринского укрепления. Император Николай I санкционировал строительство башни, и в распоряжение полковника Муравьева назначены были два Черноморских казачьих полка и 3-й батальон Тенгинского полка, которые в мае 1841 г. на пароходах были перевезены в Гагры для постройки башни. Ущелье р. Жоадзех от гагринского укрепления на две версты было очищено от леса, и построена башня ([Филипсон, 1884: 205; Дьячков-Тарасов, 1903: 74](#)).

В течение 1840–1841 гг. при содействии владетеля Абхазии князя М. Шервашидзе практически все джигетские князья, а также князь общества Сапе Аубла Ахмет приняли присягу русскому императору, несмотря на противодействие со стороны убыхов во главе с Хаджи Берзеком (Taran et al., 2022b: 681-684).

В 1840 г. при осмотре укрепления Гагры начальник крейсерского отряда контр-адмирал П.Н. Юрьев признал необходимым подправить туровые стены, которые были настолько повреждены, что предвиделось полное их разрушение (Афанасьев, 1902: 432-433).

В начале 1840-х годов было перестроено гагринское укрепление, т.к. рядом имелись хороший лес и известковый камень, там же был устроен известковый завод для надобностей укреплений Черноморской береговой линии. С 1844 г. началось постепенное перестроение других укреплений. В соседней Абхазии русские войска заготавливали лес и камень для всех построек в окрестностях Пицунды, Дранд и в других местах. В Новороссийске и почти при всех укреплениях 3 отделения береговой линии были кирпичные заводы, из которых самым большим и производительным был Пицундский, откуда доставляли кирпич для ремонтных работ во все отделения Черноморской береговой линии (Карлгоф, 1955: 42-44).

При посещении гагринского укрепления в 1842 г. начальник штаба Черноморской береговой линии полковник Г.И. Филипсон обратил внимание на улучшение условий несения службы гагринского гарнизона, что было связано с возведением башни в ущелье р. Жоадзех, перестроением укрепления, принятием джигетами присяги русскому царю, а также улучшением довольствия войск, что положительно отразилось не только на политическом состоянии в Джигетии и Абхазии, но и на здоровье военнослужащих гагринского гарнизона (Филипсон, 1884: 354).

Практически 10 лет гарнизон гагринского укрепления не имел серьезных боевых столкновений с кавказскими племенами, но с 1850 г. среди убыхов появился наиб Шамиля Магомет-Амин, который поддерживал среди кавказских племен антирусские настроения, а в октябре 1853 г. Османская империя объявила России войну (Taran et al., 2022b: 687).

Манифестом 9 февраля 1854 г. была объявлена возможность войны с Англией и Францией, поэтому было дано распоряжение о снятии гарнизонов из укреплений Черноморской береговой линии (Афанасьев, 1902: 655).

Наместник на Кавказе М.С. Воронцов предлагал военному министру В.А. Долгорукову вывести из его ведения северную часть Черноморской береговой линии и защиту Черномории, передать эту территорию в ведение генерал-адъютанта князя Меншикова. Кроме этого, Воронцов обращал внимание военного министра на серьезные последствия после снятия гарнизона из первого укрепления, что послужит неременным сигналом кавказским племенам для начала общих военных действий, а русские войска к этому не были готовы (АКАК, 1885: 698).

В первых числах марта 1854 г. наместник на Кавказе М.С. Воронцов убыл в отпуск, а его обязанности исполнял управляющий гражданской частью Н.А. Реад. Вице-адмирал Л.М. Серебряков 6 марта сообщил Реаду, что он на основании высочайшего повеления приступил к снятию укреплений севернее Гагр. Амбаркация этих гарнизонов была произведена благополучно (АКАК, 1885: 273).

В двадцатых числах марта 1854 г. по распоряжению Н.А. Реада владетель Абхазии М. Шервашидзе вывел сухопутным путем в Мингрелию гарнизоны укреплений 3 отделения Черноморской береговой линии, расположенных в Абхазии. Гагринским гарнизоном, который оборонял основной проход в Абхазию, Реад решил пожертвовать, т.к. была опасность вторжения кавказских племен в Абхазию во главе с наибом Магомет-Амином (АКАК, 1885: 699).

Император соглашался с мнением Реада о закрытии Гагринской теснины, но в то же время постоянно указывал, что необходимо было употребить все имеющиеся средства и спасти личный состав гарнизона, больных, женщин и детей. Император обещал признательность и благоволение князю М. Шервашидзе, если тот примет участие в спасении гагринского гарнизона (АКАК, 1885: 269, 271-272).

Управляющий гражданской частью Н.А. Реад 22 апреля 1854 г. уведомил военного министра, что князь М. Шервашидзе предложил греческим шкиперам двух судов перевезти гагринский гарнизон в Редут-кале. За снятие гагринского гарнизона Шервашидзе обещал грекам 10 тыс. руб. серебром. В случае, если по прибытии к Гаграм окажется, что гарнизон уже снят, то за этот рейс греческие шкиперы должны были получить 5 тыс. руб. серебром. Греческие суда вышли в море из Редут-кале 25 апреля, а 2 мая Реад получил известие, что гагринский гарнизон благополучно был доставлен в Керчь (АКАК, 1885: 272).

Неизвестно, по каким причинам управляющий гражданской частью Н.А. Реад и владетель Абхазии князь генерал-адъютант М. Шервашидзе долгий период откладывали снятие гагринского гарнизона, тем более что на этом настаивал император Николай I, но спасение гагринцам пришло с севера. Греческий подданный, уроженец острова Идры Саранто Фотий 12 апреля 1854 г. предложил керченскому градоначальнику князю Гагарину на своем судне «Св. Иоанн» эвакуировать в Керчь гагринский гарнизон, на что получил согласие и после подготовки судна 14 апреля экипаж Саранто Фотия вышел в море. Прибыв на рейд Гагр 19 апреля, Саранто Фотий узнал, что кавказские племена

значительными силами обложили укрепление с 9 апреля. Встреченные мужественной обороной гарнизона джигеты и убыхи ожидали появления англо-французских кораблей для решительного нападения на гагринское укрепление. Погрузка гарнизона продолжалась до полуночи 20 апреля, и все это время джигеты и убыхи вели боевые действия против малочисленного гарнизона. Для повреждения орудий и взрыва оборонительных верков остались добровольцы: поручики Черноморского линейного 9-го батальона Богаевский и Сезиневский, Тифлисского артиллерийского гарнизона поручик Безручкин, 33 нижних чина и русско-подданный грек из команды «Св. Иоанна» Павел Попандополо. Добровольцы заклепывали орудия сразу после выстрелов, были подожжены строения, в которых разложили огнестрельные запасы, когда же огонь разгорелся, подожгли проводники к минам, проведенным под стены укрепления. После этого добровольцы благополучно отправились на судно. С судна «Св. Иоанн» 21 апреля были видны последствия взрывов и пожаров. Кавказские племена не смели приближаться к развалинам укрепления, среди которых продолжались разрывы бомб и гранат. Вечером 23 апреля гагринский гарнизон в количестве 606 человек без потерь был доставлен в Керчь с церковной утварью и иконостасом, двумя кегерновыми мортирами и полным комплектом оружия и боевых патронов. Во время следования в обоих направлениях судну «Св. Иоанн» неприятельские суда не встречались. Император Николай I за доблестный подвиг шкипера Саранто Фотия наградил его Орденом Св. Владимира 4-й степени и назначил ему и всему экипажу судна «Св. Иоанн» денежные награды (Кавказ, 1854).

5. Заключение

Таким образом, созданное в Гагринской теснине в 1830 г. русское укрепление обеспечивало охрану прибрежной дороги из Джигетии в Абхазию, т.к. этой дорогой пользовались для разбойных набегов кавказские племена с целью грабежа и захвата невольников и дальнейшей их продажи турецким работоторговцам. В то же время малочисленный гагринский гарнизон являлся пленником в сложившихся условиях. Кавказские племена систематически обстреливали с гор защитников укрепления, за пределами которого русские несли потери убитыми и ранеными при боевых столкновениях с джигетами и убыхами.

Помимо этого, особенности климата влияли на здоровье личного состава гарнизона, имела место большая смертность из-за болезней. Негативное влияние на здоровье гагринского гарнизона оказывало некачественное продовольствие, а из-за пересыхающего ручья летом был недостаток воды.

Только с начала 1840-х гг. произошли события, положительно повлиявшие на состояние гагринского гарнизона. Здесь следует выделить постройку башни в ущелье р. Жоадзех, строительство из камня стен укрепления и принятие присяги джигетами, после чего укрепление Гагры стало менее подвержено нападениям со стороны кавказских племен. Все эти причины, а также улучшение довольствия войск в гагринском укреплении положительно сказалось на здоровье личного состава гарнизона.

В связи с началом боевых действий с Турцией в 1853 г. и участием в войне на ее стороне Франции и Англии в марте 1854 г. были ликвидированы все укрепления Черноморской береговой линии, кроме гагринского. Управляющий гражданской частью Н.А. Ред принял решение оставить гагринский гарнизон для прикрытия Абхазии с севера от проникновения кавказских племен через Гагринскую теснину. Фактически личный состав укрепления Гагры был принесен в жертву сложившимся обстоятельствам, несмотря на указания императора Николая I об эвакуации гагринского гарнизона.

Благодаря греческим мореходам судна «Св. Иоанн» под командой шкипера Саранто Фотия гагринский гарнизон в количестве 606 человек был благополучно снят с укрепления и доставлен 23 апреля 1854 г. в Керчь.

Литература

Абхазия..., 2005 – Абхазия и абхазы в российской периодике XIX – нач. XX вв. // Сост. Р.Х. Агуажба, Т.А. Ачугба. Кн. I. Сухум, 2005.

Адыги..., 1974 – Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. / Сост. В.К. Гарданов. Нальчик, 1974.

АКАК, 1866-1904 – Акты Кавказской археографической комиссии. Т. 9. Тифлис, 1866–1904.

АКАК, 1885 – Акты Кавказской археографической комиссии. Т. 10. Тифлис, 1885.

АКАК, 1888 – Акты Кавказской археографической комиссии. Т. 11. Тифлис, 1888.

АКАК, 1904 – Акты Кавказской археографической комиссии. Т. 12. Тифлис, 1904.

Альхаов, 2016 – Альхаов А.А. Экспедиция против убыхов генерала И.Р. Анрепа в октябре–ноябре 1841 г.: цели, подготовка, ход и результаты // Вестник науки Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований им. Т.М. Керашева. № 9. Майкоп, 2016.

Анучин, 1860 – Анучин Д.Г. Очерк горских народов правого крыла Кавказской линии // Военный сборник. 1860. № 1.

Архив Раевских, 1910 – Архив Раевских. Т. III. СПб., 1910.

- Афанасьев, 1902** – *Афанасьев Д.М.* К истории Черноморского флота (1768–1857) // *Русский архив*. 1902. № 1–4.
- Ачугба, 2011** – *Ачугба Т.А.* История Абхазии в датах. Справочник. Сухум, 2011.
- Белл, 2007a** – *Белл Д.* Дневник пребывания в Черкесии в течение 1837–1839 годов. Т. 1. Нальчик, 2007.
- Белл, 2007b** – *Белл Д.* Дневник пребывания в Черкесии в течение 1837–1839 годов. Т. 2. Нальчик, 2007.
- Берже, 1992** – *Берже А.П.* Краткий обзор горских племен Кавказа. Нальчик, 1992.
- Берже, 2011** – *Берже А.П.* Кавказская старина // Сост. Н.В. Маркелов. Пятигорск, 2011.
- Бестужев 1861** – *Бестужев А.А.* Письма Александра Александровича Бестужева к Н.А. и К.А. Полевым, писанные в 1831–1837 годах // *Русский вестник*. 1861. № 4. Т. 32.
- Бларамберг, 1999** – *Бларамберг И.* Историческое, топографическое, статистическое и этнографическое описание Кавказа. Нальчик, 1999.
- Богданович, 1876** – *Богданович М.И.* Восточная война 1853–1856 годов. Т. 2. СПб., 1876.
- Васильев, 1874** – *Васильев Е.* Черноморская береговая линия 1834–1855 гг. // *Военный сборник*. Т. 98. № 9. 1874.
- Военный энциклопедический..., 1853** – Военный энциклопедический лексикон. Издание второе. Т. IV. СПб., 1853.
- Воспоминание..., 1847** – Воспоминание о Кавказе 1837 года // *Журнал для чтения воспитанникам военно-учебных заведений*. Т. 67. № 265. 1847.
- Головин, 1847** – *Головин Е.А.* Очерк положения военных дел на Кавказе, с начала 1838 по конец 1842 года. Рига, 1847.
- Джигетский сборник, 2012** – Джигетский сборник. Вопросы этнокультурной истории Западной Абхазии или Джигетии // Под общ. ред. Чачхалиа Д.К. Вып. 1. М., 2012.
- Дзидзария, 1940** – *Дзидзария Г.А.* Борьба за Абхазию в первом десятилетии XIX в. Сухуми, 1940.
- Дзидзария, 1958** – *Дзидзария Г.А.* Народное хозяйство и социальные отношения в Абхазии в XIX веке. Сухуми, 1958.
- Дзидзария, 1976** – *Дзидзария Г.А. Ф.Ф.* Торнау и его кавказские материалы XIX века. М., 1976.
- Дзидзария, 2017** – *Дзидзария Г.А.* Труды. IV том. Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. Сухум, 2017.
- Документы..., 2016** – Документы и материалы по истории Джигетии (1750–1868 гг.) // Сборник документальных материалов под редакцией А.А. Черкасова. Сочи, 2016.
- Дроздов, 1887** – *Дроздов И.* Обзор военных действий на Западном Кавказе с 1848-го по 1856-й год // *Кавказский сборник*. Т. 11. Тифлис, 1887.
- Дубровин, 1871** – *Дубровин Н.Ф.* История войны и владычества русских на Кавказе. Т. I. Книга I. СПб., 1871.
- Дьячков-Тарасов, 1902** – *Дьячков-Тарасов Н.А.* Абадзехи. Историко-этнографический очерк // *Записки Кавказского отдела Русского географического общества*. Кн. 22. Вып. 4. 1902.
- Дьячков-Тарасов, 1903** – *Дьячков-Тарасов А.Н.* Гагры и их окрестности // *Записки Кавказского отдела императорского русского географического общества*. Кн. XXIV. Вып. I. Тифлис, 1903.
- Дьячков-Тарасов, 1904** – *Дьячков-Тарасов Н.А.* Черноморская кордонная, Черноморская береговая линии и правый фланг Кавказа перед Восточною войною в 1853 г. // *Кубанский сборник*. Т. 10. 1904.
- Дьячков-Тарасов, 1909-1910** – *Дьячков-Тарасов А.Н.* Абхазия и Сухум в XIX столетии // *Известия Кавказского отдела Императорского Русского Географического Общества*. Кн. XX, выпуск II. Тифлис, 1909–1910.
- Званба, 1852** – *Званба С.Т.* Зимние походы убыхов на Абхазию // *Кавказ*. № 33. Тифлис, 1852.
- Званба, 1982** – *Званба С.Т.* Абхазские этнографические этюды. Сухум, 1982.
- Инал-Ипа, 1995** – *Инал-Ипа Ш.Д.* Садзы. Историко-этнографические очерки. М., 1995.
- Инал-Ипа, 2014** – *Инал-Ипа Ш.Д.* Садзы. Историко-этнографические очерки. Сухум, 2014.
- К. Обзор событий..., 1899** – К. Обзор событий на Кавказе в 1851 году // *Кавказский сборник*. Т. 20. Тифлис, 1899.
- Кавказ, 1854** – Известие с восточного берега Черного моря // *Кавказ*. № 40. Тифлис, 26 мая 1854.
- Каратаев, Черкасов, 2007** – *Каратаев В.В., Черкасов А.А.* К 170-летию Адлера: создание укрепления Св. Духа // *Былые годы*. 2007. № 3(5).
- Каратаев, Черкасов, 2009** – *Каратаев В.В., Черкасов А.А.* Становление русского военного присутствия на Черноморье в 1837–1840 гг. (на примере территории Большого Сочи): Материалы исследования. Соч. гос. ун-т туризма и курорт. дела. Сочи: РИО СГУТиКД, 2009.
- Карлгоф, 1855** – *Карлгоф Н.И.* Военно-статистическое обозрение восточного берега Черного моря // Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т. XVI. Ч. 10. СПб., 1855.

- Карлгоф, 1860** – *Карлгоф Н.И.* О политическом устройстве черкесских племен, населяющих северо-восточный берег Черного моря // *Русский вестник*. № 8. 1860.
- Ковалевский, 1911** – *Ковалевский П.И.* Завоевание Кавказа Россией. СПб., 1911.
- Лавров, 2009** – *Лавров Л.И.* Убыхи. Историко-этнографическая монография. СПб., 2009.
- Люлье, 1857** – *Люлье Л.Я.* Черкессия: Историко-этнографические статьи. Краснодар, 1927.
- Магсумов, 2016** – *Магсумов Т.А.* Джигеты: большая история маленького народа // *Русин*. 2016. № 3(45). С. 247-253.
- Материалы..., 2011** – Материалы по истории Абхазии XVIII–XIX века (1762–1859). Сборник документальных материалов. Т. 2. Сухум, 2011.
- Михайловский крепостной..., 1906** – Михайловский крепостной пехотный батальон на Кавказе 1819–1906 гг. // Сост. Стефанов Т.Т. Батум, 1906.
- М.П. Лазарев, 1955** – «М.П. Лазарев». Документы. Русские флотоводцы. Материалы по истории Русского флота // Под ред. полковника А.А. Самарова. Т. II. М., 1955.
- Н.В., 1889** – *Н.В.* 1840, 1841 и 1842 годы на Кавказе // *Кавказский сборник*. Т. 13. 1889.
- Нордман, 1838** – *Нордман А.Д.* Путешествие профессора Нордмана по Закавказскому краю // *Журнал министерства народного просвещения*. Т. 20. 1838.
- Осада Кавказа, 2000** – Осада Кавказа. Воспоминания участников Кавказской войны XIX века // Сост. и подгот. Я.А. Гордин. СПб., 2000.
- Очерк положения, 1877** – Очерк положения военных дел на Кавказе, с начала 1838 по конец 1842 года // *Кавказский сборник*. Т. 2. Тифлис, 1877.
- Панеш, 2006** – *Панеш А.Д.* Мюридизм и борьба адыгов Северо-Западного Кавказа за независимость (1829–1864 гг.). Майкоп, 2006.
- Покровский, 1989** – *Покровский М.В.* Из истории адыгов в конце XVIII – первой половине XIX века. Социально-экономические очерки. Краснодар, 1989.
- Потто, 1889** – *Потто В.А.* Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях. В 5 т. Т. 5. Тифлис, 1889.
- Ржевуский, 1883** – *Ржевуский А.* 1845 год на Кавказе // *Кавказский сборник*. Т. 7. Тифлис, 1883.
- Рукевич, 1914** – *Рукевич А.Ф.* Из воспоминаний старого эриванца (1832–1839 гг.) // *Исторический вестник*. № 11. 1914.
- Сафонов, 1837** – *Сафонов С.В.* Поездка к восточным берегам Черного моря на корвете «Ифигения». Одесса, 1837.
- Спенсер, 1993** – *Спенсер Э.* Путешествие в Черкесию. Майкоп, 1993.
- Спенсер, 2008** – *Спенсер Э.* Описание поездок по западному Кавказу, включая путешествие через Имеретию, Мингрелию, Турцию, Молдавию, Галицию, Селезию и Моравию, в 1836 году Эдмундом Спенсером, эсквайром, автором «Описания поездок в Черкесию». Нальчик, 2008.
- Сталь, 1900** – *Сталь К.Ф.* Этнографический очерк черкесского народа // *Кавказский сборник*. 1900. Т. 21.
- Таран, 2020** – *Таран К.В.* Адрианопольский мирный договор и строительство Черноморской береговой линии // *Сочинский краевед*. 2020. Вып. 18.
- Тенгинский полк..., 1900** – Тенгинский полк на Кавказе (1819–1846 гг.) / Сост. Ракович Д.В. Тифлис, 1900.
- Торнау, 1864** – *Торнау Ф.Ф.* Воспоминания кавказского офицера. М., 1864.
- Торнау, 2008** – *Торнау Ф.Ф.* Воспоминания кавказского офицера. Майкоп, 2008.
- Утверждение наше в Абхазии, 1889** – Утверждение наше в Абхазии // *Кавказский сборник*. 1889. Т. 13.
- Фадеев, 1935** – *Фадеев А.* Убыхи в освободительном движении на Западном Кавказе // *Исторический сборник*. 1935. № 4.
- Фадеев, 1960** – *Фадеев А.В.* Россия и Кавказ в первой трети XIX в. М., 1960.
- Фадеев, 2007** – *Фадеев Р.А.* 60 лет Кавказской войны. Письма с Кавказа. Записки о кавказских делах. М., 2007.
- Фадеев, 2010** – *Фадеев Р.А.* Государственный порядок. Россия и Кавказ. М., 2010.
- Федоров, 1879** – *Федоров М.Ф.* Походные записки на Кавказе с 1835 по 1842 год // *Кавказский сборник*. Т. 3. Тифлис, 1879.
- Филипсон, 1883** – *Филипсон Г.И.* Воспоминания Григория Ивановича Филипсона // *Русский архив*. 1883. № 5–6.
- Филипсон, 1884** – *Филипсон Г.И.* Воспоминания Григория Ивановича Филипсона // *Русский архив*. 1884. № 1–2.
- Ханыков, 1850** – *Ханыков Н.В.* Очерк служебной деятельности генерала Альбранда. Тифлис, 1850.
- Черкасов, 2005** – *Черкасов А.А.* Очерки истории первого русского укрепления на реке Соча-Пста (1838–1854 гг.). Краснодар-Сочи, 2005.
- Эсадзе, 1914** – *Эсадзе С.С.* Покорение Западного Кавказа и окончание Кавказской войны. Тифлис, 1914.

- [Cherkasov et al., 2015](#) – Cherkasov A.A., Shmigel M., Bratanovskii S.N., Molchanova V.S. Jikis and Jiketi in conditions of war and peace (1840-1860 years) // *Bylye Gody*. 2015. 38(4): 888-893.
- [Cherkasov et al., 2016](#) – Cherkasov A.A., Ivantsov V.G., Smigel M., Molchanova V.S. The demographic characteristics of the tribes of the Black sea region in the first half of the XIX century // *Bylye Gody*. 2016. 40(2): 382-391.
- [Cherkasov et al., 2016a](#) – Cherkasov A.A., Ivantsov V.G., Shmigel M., Molchanova V.S. Demographic characteristics of the aristocratic Abkhazia in 1800-1860 years // *Bylye Gody*. 2016. 39(1): 53-66.
- [Cherkasov, 2020](#) – Cherkasov A.A. The Circassian Slave Narratives (A Documentary Collection). // *Bylye Gody*. 2020. 57-1(3-1): 1415-2266.
- [Taran, 2020](#) – Taran K.V. The Fight against the Slave Trade in the North-Western Caucasus in the first half of the XIX century // *Slavery: Theory and Practice*. 2020. 5(1): 74-86.
- [Taran et al., 2022a](#) – Taran K.V., Korolev A.A., Ludwig S.D., Pestereva N.M. Russia and Jigetiya: on the Issue of Relations in 1829–1837 // *Bylye Gody*. 2022. 17(1): 157-167.
- [Taran et al., 2022b](#) – Taran K.V., Korolev A.A., Baibarín A.A., Pestereva N.M. Russia and Jigetiya: on the Issue of Relations in 1837–1854 // *Bylye Gody*. 2022. 17(2): 677-694.

References

- [Abkhaziya..., 2005](#) – Abkhaziya i abkhazy v rossiiskoi periodike XIX – nach. XX vv. [Abkhazia and Abkhazians in Russian periodicals XIX – early XX centuries]. Sost. R.Kh. Aguazhba, T.A. Achugba. Kn. I. Sukhum, 2005. [in Russian]
- [Achugba, 2011](#) – Achugba, T.A. (2011). Istoriya Abkhazii v datakh. Spravochnik [History of Abkhazia in dates. Manual]. Sukhum. [in Russian]
- [Adygi..., 1974](#) – Adygi, balkartsy i karachaevtsy v izvestiyakh evropeiskikh avtorov XIII–XIX vv. [Adygs, Balkars and Karachais in the news of European authors of the 13th–19th centuries]. Sost. V.K. Gardanov. Nal'chik, 1974. [in Russian]
- [Afanas'ev, 1902](#) – Afanas'ev, D.M. (1902). K istorii Chernomorskogo flota (1768–1857) [On the history of the Black Sea Fleet (1768–1857)]. *Russkii arkhiv*. 1–4. [in Russian]
- [AKAK, 1866–1904](#) – Akty Kavkazskoi arkhograficheskoi komissii [Acts of the Caucasian Archaeographic Commission]. T. 9. Tiflis, 1866–1904. [in Russian]
- [AKAK, 1885](#) – Akty Kavkazskoi arkhograficheskoi komissii [Acts of the Caucasian Archaeographic Commission]. T. 10. Tiflis, 1885. [in Russian]
- [AKAK, 1888](#) – Akty Kavkazskoi arkhograficheskoi komissii [Acts of the Caucasian Archaeographic Commission]. T. 11. Tiflis, 1888. [in Russian]
- [AKAK, 1904](#) – Akty Kavkazskoi arkhograficheskoi komissii [Acts of the Caucasian Archaeographic Commission]. T. 12. Tiflis, 1904. [in Russian]
- [Al'khaov, 2016](#) – Al'khaov, A.A. (2016). Ekspeditsiya protiv ubykhov generala I.R. Anrepa v oktyabre–noyabre 1841 g.: tseli, podgotovka, khod i rezul'taty [Expedition against the Ubykhs of General I.R. Anrep in October–November 1841: goals, preparation, course and results]. *Vestnik nauki Adygeiskogo respublikanskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy im. T.M. Kerasheva*. 9. Maikop. [in Russian]
- [Anuchin, 1860](#) – Anuchin, D.G. (1860). Ocherk gorskikh narodov pravogo kryla Kavkazskoi linii [Essay on the mountain peoples of the right wing of the Caucasian line]. *Voennyi sbornik*. 1. [in Russian]
- [Arkhiv Raevskikh, 1910](#) – Arkhiv Raevskikh [Raevskikh's archive]. T. III. SPb., 1910. [in Russian]
- [Bell, 2007a](#) – Bell, D. (2007). Dnevnik prebyvaniya v Cherkesii v techenie 1837–1839 godov [Diary of stay in Circassia during 1837–1839]. T. 1. Nal'chik. [in Russian]
- [Bell, 2007b](#) – Bell, D. (2007). Dnevnik prebyvaniya v Cherkesii v techenie 1837–1839 godov [Diary of stay in Circassia during 1837–1839]. T. 2. Nal'chik. [in Russian]
- [Berzhe, 1992](#) – Berzhe, A.P. (1992). Kratkii obzor gorskikh plemen Kavkaza [A brief overview of the mountain tribes of the Caucasus]. Nal'chik. [in Russian]
- [Berzhe, 2011](#) – Berzhe, A.P. (2011). Kavkazskaya starina [Caucasian antiquity]. Sost. N.V. Markelov. Pyatigorsk. [in Russian]
- [Bestuzhev 1861](#) – Bestuzhev, A.A. (1861). Pis'ma Aleksandra Aleksandrovicha Bestuzheva k N.A. i K.A. Polevym, pisannye v 1831–1837 godakh [Letters from Alexander Alexandrovich Bestuzhev to N.A. and K.A. Polev, written in 1831–1837]. *Russkii vestnik*. № 4. T. 32. [in Russian]
- [Blaramberg, 1999](#) – Blaramberg, I. (1999). Istoricheskoe, topograficheskoe, statisticheskoe i etnograficheskoe opisanie Kavkaza [Historical, topographical, statistical and ethnographic description of the Caucasus]. Nal'chik. [in Russian]
- [Bogdanovich, 1876](#) – Bogdanovich, M.I. (1876). Vostochnaya voina 1853–1856 godov [Eastern War 1853–1856]. T. 2. SPb. [in Russian]
- [Cherkasov et al., 2015](#) – Cherkasov, A.A., Shmigel, M., Bratanovskii, S.N., Molchanova, V.S. (2015). Jikis and Jiketi in conditions of war and peace (1840-1860 years). *Bylye Gody*. 38(4): 888-893.
- [Cherkasov et al., 2016](#) – Cherkasov, A.A., Ivantsov, V.G., Smigel, M., Molchanova, V.S. (2016). The demographic characteristics of the tribes of the Black sea region in the first half of the XIX century. *Bylye Gody*. 40(2): 382-391.

- Cherkasov et al., 2016a** – Cherkasov, A.A., Ivantsov, V.G., Shmigel, M., Molchanova, V.S. (2016). Demographic characteristics of the aristocratic Abkhazia in 1800–1860 years. *Bylye Gody*. 39(1): 53–66.
- Cherkasov, 2005** – Cherkasov, A.A. (2005). Ocherki istorii pervogo russkogo ukrepleniya na reke Socha-Psta (1838–1854 gg.) [Essays on the history of the first Russian fortification on the Socha-Psta River (1838–1854)]. Krasnodar-Sochi. [in Russian]
- Cherkasov, 2020** – Cherkasov, A.A. (2020). The Circassian Slave Narratives (A Documentary Collection). *Bylye Gody*. 2020. 57-1(3-1): 1415–2266.
- Dokumenty..., 2016** – Dokumenty i materialy po istorii Jigetii (1750–1868 gg.) [Documents and materials on the history of Jigetia (1750–1868)]. Sbornik dokumental'nykh materialov pod redaktsiei A.A. Cherkasova. Sochi, 2016. [in Russian]
- Drozdov, 1887** – Drozdov, I. (1887). Obzor voennykh deistvii na Zapadnom Kavkaze s 1848-go po 1856-i god [Overview of military operations in the Western Caucasus from 1848 to 1856]. *Kavkazskii sbornik*. T. 11. Tiflis. [in Russian]
- Dubrovin, 1871** – Dubrovin, N.F. (1871). Istoriya voiny i vladychestva russkikh na Kavkaze [History of war and domination of Russians in the Caucasus]. T. I. Kniga I. SPb. [in Russian]
- D'yachkov-Tarasov, 1902** – D'yachkov-Tarasov, N.A. (1902). Abadzekhi. Istoriko-etnograficheskie ocherki [Abadzekhi. Historical and ethnographic essay]. Zapiski Kavkazskogo otdela Russkogo geograficheskogo obshchestva Kn. 22. Vyp. 4. [in Russian]
- D'yachkov-Tarasov, 1903** – D'yachkov-Tarasov, A.N. (1903). Gagry i ikh okrestnosti [Gagra and their environs]. Zapiski Kavkazskogo otdela imperatorskogo russkogo geograficheskogo obshchestva. Kn. XXIV. Vyp. I. Tiflis. [in Russian]
- D'yachkov-Tarasov, 1904** – D'yachkov-Tarasov, N.A. (1904). Chernomorskaya kordonnaya, Chernomorskaya beregovaya linii i pravyy flang Kavkaza pered Vostochnoyu voinoyu v 1853 g. [Black Sea cordon, Black Sea coastline and the right flank of the Caucasus before the Eastern War in 1853]. *Kubanskii sbornik*. 10. [in Russian]
- D'yachkov-Tarasov, 1909–1910** – D'yachkov-Tarasov, A.N. (1909–1910). Abkhaziya i Sukhum v XIX stoletii [Abkhazia and Sukhum in the 19th century]. *Izvestiya Kavkazskogo otdela Imperatorskogo Russkogo Geograficheskogo Obshchestva*. Kn. XX, vypusk II. Tiflis. [in Russian]
- Dzidzariya, 1940** – Dzidzariya, G.A. (1940). Bor'ba za Abkhaziyu v pervom desyatiletii XIX v. [Struggle for Abkhazia in the first decade of the 19th century]. Sukhumi. [in Russian]
- Dzidzariya, 1958** – Dzidzariya, G.A. (1958). Narodnoe khozyaistvo i sotsial'nye otnosheniya v Abkhazii v XIX veke [National economy and social relations in Abkhazia in the 19th century]. Sukhumi. [in Russian]
- Dzidzariya, 1976** – Dzidzariya, G.A. (1976). F.F. Tornau i ego kavkazskie materialy XIX veka [Tornau and his Caucasian materials of the 19th century]. M. [in Russian]
- Dzidzariya, 2017** – Dzidzariya, G.A. (2017). Trudy. IV tom. Makhadzhirstvo i problemy istorii Abkhazii XIX stoletiya [Proceedings. IV vol. Makhadzhirstvo and problems of the history of Abkhazia in the 19th century]. Sukhum. [in Russian]
- Esadze, 1914** – Esadze, S.S. (1914). Pokorenie Zapadnogo Kavkaza i okonchanie Kavkazskoi voiny [Conquest of the Western Caucasus and the end of the Caucasian War]. Tiflis. [in Russian]
- Fadeev, 1935** – Fadeev, A. (1935). Ubykhi v osvoboditel'nom dvizhenii na Zapadnom Kavkaze [Ubykhs in the liberation movement in the Western Caucasus]. *Istoricheskii sbornik*. № 4. [in Russian]
- Fadeev, 1960** – Fadeev, A.V. (1960). Rossiya i Kavkaz v pervoi treti XIX v. [Russia and the Caucasus in the first third of the 19th century]. M. [in Russian]
- Fadeev, 2007** – Fadeev, R.A. (2007). 60 let Kavkazskoi voiny. Pis'ma s Kavkaza. Zapiski o kavkazskikh delakh [60 years of the Caucasian war. Letters from the Caucasus. Notes on Caucasian Affairs]. M. [in Russian]
- Fadeev, 2010** – Fadeev, R.A. (2010). Gosudarstvennyi poryadok. Rossiya i Kavkaz [State order. Russia and the Caucasus]. M. [in Russian]
- Fedorov, 1879** – Fedorov, M.F. (1879). Pokhodnye zapiski na Kavkaze s 1835 po 1842 god [Marching notes in the Caucasus from 1835 to 1842]. *Kavkazskii sbornik*. T. 3. Tiflis. [in Russian]
- Filipson, 1883** – Filipson, G.I. (1883). Vospominaniya Grigoriya Ivanovicha Filipsona [Memoirs of Grigory Ivanovich Philipson]. *Russkii arkhiv*. 5–6. [in Russian]
- Filipson, 1884** – Filipson, G.I. (1884). Vospominaniya Grigoriya Ivanovicha Filipsona [Memoirs of Grigory Ivanovich Philipson]. *Russkii arkhiv*. 1–2. [in Russian]
- Golovin, 1847** – Golovin, E.A. (1847). Ocherk polozheniya voennykh del na Kavkaze, s nachala 1838 po konets 1842 goda [Essay on the state of military affairs in the Caucasus, from the beginning of 1838 to the end of 1842]. Riga. [in Russian]
- Inal-Ipa, 1995** – Inal-Ipa, Sh.D. (1995). Sadzy. Istoriko-etnograficheskie ocherki [Historical and ethnographic essays]. M., 1995. [in Russian]
- Inal-Ipa, 2014** – Inal-Ipa, Sh.D. (2014). Sadzy. Istoriko-etnograficheskie ocherki [Historical and ethnographic essays]. Sukhum. [in Russian]

- Jigetskii sbornik, 2012** – Jigetskii sbornik. Voprosy etnokul'turnoi istorii Zapadnoi Abkhazii ili Jigetii [Jigetsky collection. Issues of the ethnocultural history of Western Abkhazia or Djigertia]. Pod obshch. red. Chachkhalia D.K. Vyp. 1. M., 2012. [in Russian]
- K. Obzor sobytii..., 1899** – K. (1899). Obzor sobytii na Kavkaze v 1851 godu [Review of events in the Caucasus in 1851]. *Kavkazskii sbornik*. T. 20. Tiflis. [in Russian]
- Karataev, Cherkasov, 2007** – *Karataev, V.V., Cherkasov, A.A.* (2007). K 170-letiyu Adlera: sozhanie ukrepleniya Sv. Dukha [On the occasion of the 170th anniversary of Adler: the creation of the fortification of the Holy Spirit]. *Bylye gody*. 3(5). Sochi. [in Russian]
- Karataev, Cherkasov, 2009** – *Karataev, V.V., Cherkasov, A.A.* (2009). Stanovlenie russkogo voennogo prisutstviya na Chernomor'e v 1837–1840 gg. (na primere territorii Bol'shogo Sochi) [Formation of the Russian military presence on the Black Sea coast in 1837–1840 (on the example of the territory of Greater Sochi)]: Materialy issledovaniya. Soch. gos. un-t turizma i kurort. dela. Sochi: RIO SGUTiKD. [in Russian]
- Karlhof, 1855** – *Karlhof, N.I.* (1855). Voенно-statisticheskoe obozrenie vostochnogo berega Chernogo morya [Military Statistical Review of the Eastern Coast of the Black Sea]. *Voенно-statisticheskoe obozrenie Rossiiskoi imperii*. T. XVI. Ch. 10. SPb. [in Russian]
- Karlhof, 1860** – *Karlhof, N.I.* (1860). O politicheskom ustroistve cherkesskikh plemen, naselyayushchikh severo-vostochnyi bereg Chernogo morya [On the political structure of the Circassian tribes inhabiting the northeastern coast of the Black Sea]. *Russkii vestnik*. 8. [in Russian]
- Kavkaz, 1854** – Izvestie s vostochnogo berega Chernogo morya [News from the eastern coast of the Black Sea]. *Kavkaz*. № 40. Tiflis, 26 maya 1854. [in Russian]
- Khanykov, 1850** – *Khanykov, N.V.* (1850). Oчерk sluzhebnoi deyatel'nosti generala Al'branda [Essay of the official activities of General Albrand]. Tiflis. [in Russian]
- Kovalevskii, 1911** – *Kovalevskii, P.I.* (1911). Zavoevanie Kavkaza Rossiei [The conquest of the Caucasus by Russia]. SPb. [in Russian]
- Lavrov, 2009** – *Lavrov, L.I.* (2009). Ubykhi. Istoriko-etnograficheskaya monografiya [Ubykhs. Historical and ethnographic monograph]. SPb. [in Russian]
- Lyul'e, 1857** – *Lyul'e, L.Ya.* (1857). Cherkessiya: Istoriko-etnograficheskie stat'i [Cherkessia: Historical and ethnographic articles]. Krasnodar. [in Russian]
- M.P. Lazarev, 1955** – «M.P. Lazarev». Dokumenty. Russkie flotovodtsy. Materialy po istorii Russkogo flota [Documentation. Russian naval commanders. Materials on the history of the Russian fleet]. Pod red. polkovnika A.A. Samarova. T. II. M., 1955. [in Russian]
- Magsumov, 2016** – *Magsumov, T.A.* (2016). Jigety: bol'shaya istoriya malen'kogo naroda [Jigety: a big story of a small people]. *Rusin*. 3(45): 247–253. [in Russian]
- Materialy..., 2011** – Materialy po istorii Abkhazii XVIII–XIX veka (1762–1859) [Materials on the history of Abkhazia in the 18th–19th centuries (1762–1859)]. Sbornik dokumental'nykh materialov. T. 2. Sukhum, 2011. [in Russian]
- Mikhailovskii krepostnoi..., 1906** – Mikhailovskii krepostnoi pekhotnyi batal'on na Kavkaze 1819–1906 gg. [Mikhailovsky fortress infantry battalion in the Caucasus 1819–1906]. Sost. Stefanov T.T. Batum, 1906. [in Russian]
- N.V., 1889** – N.V. (1889). 1840, 1841 i 1842 gody na Kavkaze [1840, 1841 and 1842 in the Caucasus]. *Kavkazskii sbornik*. T. 13. [in Russian]
- Nordman, 1838** – *Nordman, A.D.* (1838). Puteshestvie professora Nordmana po Zakavkazskomu krayu [Journey of Professor Nordman in the Transcaucasian Territory]. *Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. T. 20. [in Russian]
- Oчерk polozheniya, 1877** – Oчерk polozheniya voennykh del na Kavkaze, s nachala 1838 po konets 1842 goda [Outline of the state of military affairs in the Caucasus, from the beginning of 1838 to the end of 1842]. *Kavkazskii sbornik*. T. 2. Tiflis, 1877. [in Russian]
- Osada Kavkaza, 2000** – Osada Kavkaza. Vospominaniya uchastnikov Kavkazskoi voyny XIX veka [Siege of the Caucasus. Memoirs of participants in the Caucasian war of the XIX century]. Sost. i podgot. Ya.A. Gordin. SPb., 2000. [in Russian]
- Panesh, 2006** – *Panesh, A.D.* (2006). Myuridizm i bor'ba adygov Severo-Zapadnogo Kavkaza za nezavisimost' (1829–1864 gg.) [Muridism and the struggle of the Circassians of the North-Western Caucasus for independence (1829–1864)]. Maikop. [in Russian]
- Pokrovskii, 1989** – *Pokrovskii, M.V.* (1989). Iz istorii adygov v kontse XVIII – pervoi polovine XIX veka. Sotsial'no-ekonomicheskie oчерki [From the history of the Circassians at the end of the 18th – the first half of the 19th century. Socio-economic essays]. Krasnodar. [in Russian]
- Potto, 1889** – *Potto, V.A.* (1889). Kavkazskaya voyna v otdel'nykh oчерkakh, epizodakh, legendakh i biografiyakh [Caucasian war in separate essays, episodes, legends and biographies]. V 5 t. T. 5. Tiflis. [in Russian]
- Rukevich, 1914** – *Rukevich, A.F.* (1914). Iz vospominanii starogo erivantsa (1832–1839 gg.) [From the memoirs of an old Erivanian (1832–1839)]. *Istoricheskii vestnik*. 11. [in Russian]
- Rzhevuskii, 1883** – *Rzhevuskii, A.* (1883). 1845 god na Kavkaze [1845 in the Caucasus]. *Kavkazskii sbornik*. T. 7. Tiflis. [in Russian]

- [Safonov, 1837](#) – *Safonov, S.V.* (1837). Poezdka k vostochnym beregam Chernogo morya na korvete «Ifigeniya» [A trip to the eastern shores of the Black Sea on the Iphigenia corvette]. Odessa. [in Russian]
- [Spenser, 1993](#) – *Spenser, E.* (1993). Puteshestvie v Cherkesiyu [Journey to Circassia]. Maikop. [in Russian]
- [Spenser, 2008](#) – *Spenser, E.* (2008). Opisanie poezdok po zapadnomu Kavkazu, vklyuchaya puteshestvie cherez Imeretiyu, Mingreliyu, Turtsiyu, Moldaviyu, Galitsiyu, Seleziiyu i Moraviyu, v 1836 godu Edmundo Spenserom, eskvairrom, avtorom «Opisaniya poezdok v Cherkesiyu» [Description of travels in the western Caucasus, including travel through Imeretia, Mingrelia, Turkey, Moldavia, Galicia, Selesia and Moravia, in 1836 by Edmund Spencer, Esq., author of Description of Travels to Circassia]. Nal'chik. [in Russian]
- [Stal', 1900](#) – *Stal', K.F.* (1900). Etnograficheskiy ocherk cherkesskogo naroda [Ethnographic essay of the Circassian people]. *Kavkazskii sbornik*. T. 21. [in Russian]
- [Taran et al., 2022b](#) – *Taran, K.V., Korolev, A.A., Baibarin, A.A., Pestereva, N.M.* (2022). Russia and Jigetiya: on the Issue of Relations in 1837–1854. *Bylye Gody*. 17(2): 677–694.
- [Taran et al., 2022a](#) – *Taran, K.V., Korolev, A.A., Ludwig, S.D., Pestereva, N.M.* (2022). Russia and Jigetiya: on the Issue of Relations in 1829–1837. *Bylye Gody*. 17(1): 157–167.
- [Taran, 2020](#) – *Taran K.V.* (2020). The Fight against the Slave Trade in the North-Western Caucasus in the first half of the XIX century. *Slavery: Theory and Practice*. 5(1): 74–86.
- [Taran, 2020](#) – *Taran, K.V.* (2020). Adrianopol'skii mirnyi dogovor i stroitel'stvo Chernomorskoj beregovoi linii [Adrianople peace treaty and the construction of the Black Sea coastline]. *Sochinskii kraeved*. 18. [in Russian]
- [Tenginskii polk..., 1900](#) – Tenginskii polk na Kavkaze (1819–1846 gg.) [Tenginsky regiment in the Caucasus (1819–1846)]. Sost. Rakovich D.V. Tiflis, 1900. [in Russian]
- [Tornau, 1864](#) – *Tornau, F.F.* (1864). Vospominaniya kavkazskogo ofitsera [Memoirs of a Caucasian officer]. M. [in Russian]
- [Tornau, 2008](#) – *Tornau, F.F.* (2008). Vospominaniya kavkazskogo ofitsera [Memoirs of a Caucasian officer]. Maikop. [in Russian]
- [Utverzhdienie nashe v Abkhazii, 1889](#) – Utverzhdienie nashe v Abkhazii [Our assertion in Abkhazia]. *Kavkazskii sbornik*. T. 13. 1889. [in Russian]
- [Vasil'ev, 1874](#) – *Vasil'ev, E.* (1874). Chernomorskaya beregovaya liniya 1834–1855 gg. [Black Sea coastline 1834–1855]. *Voennyi sbornik*. 98(9). [in Russian]
- [Voennyi entsiklopedicheskii..., 1853](#) – Voennyi entsiklopedicheskii leksikon. Izdanie vtoroe [Military encyclopedic lexicon. Second edition] T. IV. SPb., 1853. [in Russian]
- [Vospominanie..., 1847](#) – Vospominanie o Kavkaze 1837 goda [Recollection of the Caucasus in 1837]. *Zhurnal dlya chteniya vospitannikam voenno-uchebnykh zavedenii*. 67(265). 1847. [in Russian]
- [Zvanba, 1852](#) – *Zvanba, S.T.* (1852). Zimnie pokhody ubykhov na Abkhaziyu [Winter campaigns of the Ubykhs against Abkhazia]. *Kavkaz*. 33. Tiflis. [in Russian]
- [Zvanba, 1982](#) – *Zvanba, S.T.* (1982). Abkhazskie etnograficheskie etyudy [Abkhaz ethnographic studies]. Sukhum. [in Russian]

К истории русского укрепления Гагры (1830–1854 гг.)

Константин Викторович Таран ^{a, b, *}, Сергей Давыдович Людвиг ^c, Алексей Александрович Королев ^d,
Нина Михайловна Пестерева ^e

^a Черкас глобальный университет, Вашингтон, США

^b Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

^c Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Москва, Российская Федерация

^d Пензенский государственный университет архитектуры и строительства, Пенза, Российская Федерация

^e Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Российская Федерация

Аннотация. В данной статье рассматриваются причины и создание в 1830 г. укрепления Гагры на побережье Черного моря, боевая повседневная деятельность гагринского гарнизона, а также заключительный этап, связанный с оставлением укрепления и его уничтожением.

Материалами для исследования послужили разнообразные источники, такие как акты Кавказской археографической комиссии, мемуары участников исследуемых событий и в первую очередь С.Т. Званбы, Н.Н. Раевского, А.А. Бестужева, А.Д. Нордмана, Ф.Ф. Торнау, Г.И. Филиппсона и др.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: taran.constantin@yandex.ru (К.В. Таран)

В основе методологической основы выступили контент-анализ, историко-системный и историко-генетический методы. Из нетрадиционных исторических методов были применены семиотический и математический/количественный.

В заключении авторы приходят к выводу, что укрепление Гагры, созданное в Гагринской теснине в 1830 г. обеспечило охрану прибрежной дороги из Джигетии в Абхазию, поток разбойничьих набегов в Абхазию значительно сократился, а после принятия джигетами русского подданства набеги практически прекратились. В связи с началом Крымской войны в марте 1854 г. были ликвидированы все укрепления Черноморской береговой линии, кроме гагринского, которое служило прикрытием Абхазии с севера от проникновения кавказских племен. Благодаря греческому шкиперу Саранто Фотию и его команде судна «Св. Иоанн» гагринский гарнизон в количестве 606 человек был благополучно эвакуирован в Керчь.

Ключевые слова: укрепление Гагры, Гагринская теснина, Абхазия, князь М. Шервашидзе, джигеты, убыхи, судно «Св. Иоанн».

Copyright © 2023 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2023. 18(2): 685-693
 DOI: 10.13187/bg.2023.2.685

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Contribution of Merchants to the Formation of the System of Female Education in the Russian Province (based on the Materials of Vologda Province in the Second Third of the 19th century)

Irina I. Leyman ^{a, b, *}

^a Pitirim Sorokin Syktyvkar State University, Russian Federation

^b Federal Research Centre Komi Science Centre, Ural Branch, RAS, Russian Federation

Abstract

The article considers the influence of merchants on the development of female education in the Russian province during the second third of the 19th century (based on the materials of Vologda province). Women's education started being differentiated from the common school system in 1800-1820. It became possible due to the adoption of such educational documents as "Statute of educational institutions subordinated to universities" and "Statute of gymnasiums and schools of district and parish" that were released in 1804 and 1828 respectively. In 1830–1850 women's parochial schools started appearing in Vologda Province thanks to the big support of local merchants. The examples of such schools were Kadnikovskoe (1838), Gryazovetskoe (1840), Yarenskoe (1843), Veliko-Ustyugskoe (1844). Another important educational document devoted to female education was implemented in 1858. It was "Regulations on women's schools" that contributed to the establishment of women's schools in Vologda, Totma, Ust-Sysolsk and Yarensk. All of this happened thanks to the huge support of local merchants, who became the initiators of the opening of women's schools in Totma and Ust-Sysolsk. At the same time the merchants' wives became the trustees of such schools (however, there was an exceptional case in Ust-Sysolsk where the merchant of the 1st guild Latkin V.N. got to be the trustee according to the particular rule of law). Among the significant sources of women's schools support were means of local merchants who bought a lot of books, schools supplies and furniture. Besides, they were really involved into the charity and donated money during such holidays as Easter and Christmas. The buildings – where the women's schools were situated – also were taken care of by merchants. For instance, in 1858-1859 in Ust-Sysolsk the merchant Zaboev I.N. built a wooden building for the women's school using his own money. Thus, the local merchants gave wide and complex support to the development of female education in Vologda province.

Keywords: Merchants, Charity, Female Education, Women's Schools, Vologda Province, Vologda Provincial Gazette, European North of Russia.

1. Введение

В современных реалиях снова обретает актуальность историческая ретроспектива благотворительности. В Российской империи (особенно в провинции) в число наиболее значимых благотворителей и меценатов входили прежде всего представители купеческого сословия. Основными направлениями благотворительной деятельности купечества были поддержка церкви, больниц, приютов, образовательных учреждений; обеспечение тюремного хозяйства и нужд городской инфраструктуры. Несмотря на то, что уровень грамотности в купеческой среде в целом был невысок, тем не менее важность развития системы образования представителями торгового сословия сомнению не подвергалась. Особый интерес представляет в этом ключе становление системы женского

* Corresponding author

E-mail addresses: irinaleyman@gmail.com (I.I. Leyman)

образования в Российской империи и роль в этом процессе купечества как наиболее прогрессивного с точки зрения восприятия нововведений и к тому же обладавшего необходимыми финансовыми ресурсами сословия. Локализация данного явления в рамках отдельной административно-территориальной единицы – Вологодской губернии – позволяет изучить его более детально.

2. Материалы и методы

Базовым источником данного исследования выступают «Вологодские губернские ведомости». Положение об издании губернских ведомостей было утверждено в 1830 году, однако их выпуск в большинстве губерний, в том числе и Вологодской, удалось наладить только с 1838 г. Губернские ведомости издавались еженедельно и включали четыре раздела: «Постановления и предписания»; «Объявления казенные»; «Известия»; «Объявления частные». Также на страницах издания публиковались статьи этнографического и краеведческого характера. В «Губернских ведомостях» находили отражение все наиболее значимые в губернии события: авторы статей зачастую были их непосредственными участниками и свидетелями, что делает опубликованный материал уникальным. Всего за период с 1838 по 1860 гг. было выявлено 26 публикаций, касающихся развития системы женского образования в Вологодской губернии и роли купечества в этом процессе.

Для понимания и формирования исторического контекста становления учреждений женского образования в Вологодской губернии были привлечены законодательные акты (ПСЗ РИ. СВ, 1858, 33, Ч. 1; ПСЗ РИ. СВ, 1858, 33, Ч. 2; Устав..., 1804; Устав..., 1840) и источники справочного характера (Памятная книжка, 1860).

Теоретическая база работы обусловлена соблюдением принципов научного исследования: объективности, системности, динамизма, историзма, что в совокупности позволяет рассмотреть объект исследования в его целостности и в то же время в динамике развития. Методологический инструментарий работы включает комплекс общенаучных и специальных исторических методов исследования. В числе общенаучных методов можно выделить сравнение, анализ и синтез, необходимые при работе с массовыми историческими источниками. Метод дедукции позволяет воссоздать исторический контекст изучаемого явления и обозначить в нем место объекта исследования. При помощи метода индукции, в свою очередь, выявленные в источниках факты интерпретируются в общем ключе логики исторического развития изучаемой сферы. Историко-генетический метод демонстрирует причинно-следственные связи и закономерности исторического развития, определяет характеристику событий и персоналий в их индивидуальности и образности.

3. Обсуждение

Согласно целому ряду научных публикаций, одним из важнейших направлений благотворительной деятельности купечества в различных регионах дореволюционной России была поддержка системы народного просвещения в целом и женского образования в частности (Борисов, 2009; Герасимиди, 2011; Капленко, 2012; Клиницкий, 2016; Кузнецова, 2016; Репина, 2012; Скубневский, 2018). Географические рамки исследований преимущественно охватывают центральные и южные губернии Российской империи, а также Сибирь. В этом плане «выпадает» территория Европейского Севера России: несмотря на наличие комплекса исследовательских работ на тему становления в регионе системы женского образования (Баев, Иванова, 2021; Бондаренко, 2005; Калинина, 2017), отдельных научных публикаций о роли купечества в данных процессах, за редким исключением, не представлено (Аверин, 2015; Козина, 2004). В центре внимания исследователей в основном находится пореформенный период, в то время как основы создания системы открытых женских учебных заведений были заложены еще в первой половине XIX в., а усиление внимания государства к этой сфере произошло в середине XIX в., до начала эпохи Великих реформ.

4. Результаты

Выделение женского образования из общей школьной системы начинается в 1800–1820-е гг. Согласно «Уставу учебных заведений, подведомых университетам» 1804 года, в системе государственного начального образования доступ лицам женского пола был открыт лишь на низшую ступень: «в приходские училища принимаются всякого состояния дети, без разбора полу и лет»; уездные же училища учреждались с целью подготовки «юношества для гимназий» (Устав, 1804: 42, 56). В приходских училищах Вологодской губернии в первой трети XIX в. число лиц мужского пола значительно превышало число лиц женского пола. К примеру, в Пятницком приходском училище Устюга в 1811 г. было 23 ученика и 2 ученицы, в 1813 – 12 учеников и 1 ученица, в 1814 г. – 12 учеников и ни одной ученицы (в том же году училище было закрыто «за неимением средств поддерживать его») (Памятная книжка, 1860: 73). В сельских школах ситуация была схожая. Так, в училище при Николаевской церкви Шемогодской волости Велико-Устюгского уезда в 1811 г. обучалось 16 мальчиков и 2 девочки, в 1813 г. – 7 мальчиков и 2 девочки, в 1814 г. – 9 мальчиков (после 1814 г. обучение не проводилось, и в 1816 г. училище было закрыто) (Памятная книжка, 1860: 76). В целом незначительная доля лиц женского пола, обучавшихся в приходских училищах, в первой половине

XIX в. была отмечена не только на Европейском Севере России, но и в целом по стране (Калинина, 2017: 185).

С 1828 года по «Уставу гимназий и училищ уездных и приходских, состоящих в ведомстве университетов: Санкт-Петербургского, Московского, Казанского и Харьковского» доступ лицам женского пола в учебные заведения был расширен: «в приходские училища могут быть допускаемы дети всех состояний и обоего пола, но не моложе восьми лет, а девицы не старше одиннадцати»; «в уездных училищах обучаются дети только мужского пола; учреждению равных оным по степени преподавания училищ для девиц местное училищное начальство обязано содействовать всеми имеющимися у него средствами» (Устав..., 1840: 3, 11). В Вологодской губернии были открыты женские приходские училища: Кадниковское (1838 г.), Грязовецкое (1840 г.), Яренское (1843 г.), Велико-Устюгское (1844 г.) (Памятная книжка, 1860: 75).

Приходское училище в Грязовце появилось во многом «стараниями к учреждению» бывшего городского головы купца 3-й гильдии Петра Гудкова. За этот вклад (а также за постройку за свой счет деревянного дома для Грязовецкого уездного училища) в 1840 г. Петр Гудков был награжден «золотой медалью на Александровской ленте с надписью «за полезное» для ношения на шее» (ВГВ. ОЧ, 1840, 39: 281). В 1847 г. купец Павел Жилин пожертвовал Велико-Устюгскому женскому приходскому училищу деревянный дом стоимостью 1 430 р. (Памятная книжка, 1860: 100).

В Вологде в 1843–1852 гг. «на счет остатков от содержания мужского приходского училища» существовала женская приходская школа с одним учителем, в которой в разное время обучалось от 10 до 20 учениц (Памятная книжка, 1860: 75).

В декабре 1853 г. в Усть-Сысольске во время торжественного обеда у городничего по случаю тезоименитства государя императора была «предложена присутствующим подписка в пользу девичьяго приходского училища», в рамках которой «в таком не богатом и далеком городке» было собрано добровольных пожертвований на сумму 300 руб. серебром. Весомый вклад внес усть-сысольский купец И. Забоев, «природный зырянин»: на том же листе, где составлялась подписка, он написал «Слава Богу! Здесь видится Зырянка – мать ученая!» и обязался ежегодно в течение трех лет передавать училищу 50 рублей серебром (ВГВ. НЧ, 1854, 2).

Одним из важнейших импульсов для развития женского образования в Российской империи стало утверждение в 1858 г. «Положения о женских училищах» (ПСЗ РИ. СВ, 1858, 33, Ч. 1). «Училища для девиц» необходимо было учреждать «в городах, коих жители наиболее нуждаются в средствах для образования дочерей своих, и где представится возможность дать училищу необходимую для открытия и обеспечения существования онаго способы от Правительства, от разных ведомств и сословий, или от частных пожертвований» (ПСЗ РИ. СВ, 1858, 33, Ч. 1: 689). Основной целью училищ было дать «религиозное, нравственное и умственное образование, котораго должно требовать от каждой женщины, в особенности же от будущей матери семейства» (ПСЗ РИ. СВ, 1858, 33, Ч. 1: 690). Интересно, что главными инициаторами открытия женских училищ и жертвователями в разных губерниях стали не дворяне и чиновники, а представители купеческого сословия (Баев, Иванова, 2021: 7-8; Борисов, 2009: 178; Кузнецова, 2016: 23, 27).

В Вологодской губернии вследствие «особенного внимания правительства на распространение образования женского пола» в 1858 г. были открыты Вологодское перворазрядное училище для девиц, Тотемское и Усть-Сысольское второразрядные двухклассные училища для девиц; в 1859 г. – Яренское второразрядное двухклассное училище для девиц (оно было преобразовано из женской приходской школы) (Памятная книжка, 1860: 75). Таким образом, женские училища в Вологодской губернии были в числе первых подобных в Российской империи (Баев, Иванова, 2021: 6), что стало возможным во многом благодаря вложениям местного купечества.

«Прежде всех в ... губернии» женское училище появилось «в виде опыта на 4 года» в Тотме стараниями «двух главных участников в этом деле» – купца Александра Никитича Бойченко и купеческого сына Александра Михайловича Кокорева, пожертвовавших на эту инициативу по 60 руб. (для сравнения: из городского бюджета было внесено 66 руб.) (ВГВ. НЧ, 1858, 14: 109; ВГВ. НЧ, 1858, 16: 133). За «дейтельное участие в доставлении средств» А.Н. Бойченко и А.М. Кокореву в 1858 г. была объявлена «совершенная признательность» господина попечителя Санкт-Петербургского учебного округа (ВГВ. ОЧ, 1858, 14: 138). Открытие училища состоялось 9 марта 1858 г. (по старому стилю) и, по свидетельству жителя Тотмы, должно было надолго остаться «в памяти жителей ... города и даже окрестных селений» (ВГВ. НЧ, 1858, 14: 110). Пригласительные билеты на торжество получили чиновники, купечество и «почетнейшие из граждан» (ВГВ. НЧ, 1858, 14: 110). Первыми ученицами стали 34 девицы, пять из которых были купеческими дочерьми. В Богоявленском соборе прошла литургия, после которой при колокольном звоне был совершен «в открываемое училище крестный ход ... при необыкновенном стечении народа». Затем директор училищ Вологодской губернии прочитал речь, в которой подчеркнул вклад «в столь полезное для образования края дело» А.Н. Бойченко и А.М. Кокорева, а также городского общества (ВГВ. НЧ, 1858, 14: 110). Почетные гости были приглашены в здание училища на «нероскошное, но радушное угощение»; интересно, что во время празднования директор отклонил провозглашенный за его здоровье тост и «взамен предложил [за] здоровье жертвовавших деньгами и трудами» (ВГВ. НЧ, 1858, 14: 110).

Почетной блюстительницей Тотемского женского училища стала жена купца 1-й гильдии Елизавета Михайловна Бойченко (по «Положению о женских училищах» 1858 г. попечительница избиралась «из почетных лиц женского пола, живущих в городе, где учреждено училище, и принимающих в процветании онаго наиболее участие») (ВГВ. НЧ, 1860, 11: 84; ПСЗ РИ. СВ, 1858, 33, Ч1: 690).

В 1858–1860 гг. вместо распространенной традиции в дни Рождества и Воскресения Христова наносить визиты в социальные учреждения было предложено делать им пожертвования: так, Тотемскому женскому училищу представителями купечества были переданы различные суммы (от 50 копеек до 3 рублей с человека в честь каждого праздника). Среди жертвователей чаще других упоминались купцы Дмитрий Архипов, Александр Бойченко, Илья Воронин, Василий Мальцев, Павел Синицын, Лаврентий Тихановский, Василий Шилов (ВГВ. НЧ, 1858, 16: 135; ВГВ. НЧ, 1859, 5: 43-44; ВГВ. НЧ, 1859, 19: 153-154; ВГВ. НЧ, 1860, 3: 23-24; ВГВ. НЧ, 1860, 9: 69; ВГВ. НЧ, 1860, 17: 133-134). Средства предназначались на покупку собственного учебного здания, т.к. изначально женское училище располагалось «в наемном деревянном двухэтажном на каменном фундаменте доме» (ВГВ. НЧ, 1860, 12: 92). Особенно крупные пожертвования были сделаны в 1858 г. пятигорским купцом 1-й гильдии Г.А. Медынцевым (240 руб. серебром) и в 1860 г. солигаличским купцом 1-й гильдии А.Г. Кокоревым (180 руб. «для усиления средств на покупку дома под училище для девиц в Тотьме») (ВГВ. ОЧ, 1858, 25: 261; ВГВ. НЧ, 1860, 5: 38). В начале 1860 г. необходимая сумма была собрана (420 руб.) и получено разрешение «высшаго начальства» на покупку здания (ВГВ. НЧ, 1860, 12: 92; Памятная книжка, 1860: 99). В апреле 1860 г. пожертвования по случаю Пасхи передавались уже «на устройство и отделку дома под училище» («на исправление» требовалась сумма в 300 руб.) (ВГВ. НЧ, 1860, 17: 133-134; Памятная книжка, 1860: 99).

По данным на 1 января 1860 г. (по старому стилю), в Тотемском уездном женском училище обучалось 60 девиц (ВГВ. НЧ, 1860, 11: 85). Важными источниками доходов на содержание училища (помимо средств из городского бюджета) в течение четырех лет стали пожертвования все тех же А.Н. Бойченко и А.М. Кокорева (по 60 руб. в год каждый) и почетной блюстительницы Е.М. Бойченко (по 50 руб. в год) (ВГВ. НЧ, 1860, 12: 93). Учебными пособиями и классными принадлежностями училище обеспечивалось, в том числе, и за счет купечества: к примеру, в 1860 г. купец Насонов пожертвовал «карты 5-ти частей света» (ВГВ. НЧ, 1860, 12: 92).

14 июня 1858 г. (по старому стилю) в Вологде было открыто перворазрядное женское училище, «по объему преподаваемых предметов приближающееся к курсу гимназическому» для учениц «всех свободных сословий» (ВГВ. НЧ, 1860, 11: 83). Среди важнейших источников содержания Вологодского женского училища были средства представителей купечества (Баев, Иванова, 2021: 7-8). К примеру, В.А. Кокорев обязался выделять с 1859 г. по 1 000 руб. ежегодно в течение восьми лет из процентов с капитала, пожертвованного им «в пользу офицеров вологодскаго ополчения» (для сравнения: Приказ общественного призрения выделял 1 500 руб.; из городского бюджета поступало 1 250 руб.) (ВГВ. НЧ, 1860, 12: 93). В 1859 г. купечество, торговавшее во время Январской ярмарки в Вологде, передало училищу 93 руб. 20 коп.; вологодский купец Леденцов подарил 1 000 руб. (ВГВ. НЧ, 1860, 9: 69; ВГВ. НЧ, 1860, 12: 94). Интересно, что еще на этапе планирования открытия в Вологде перворазрядного училища у местных властей были большие сомнения в успехе этого предприятия, так как «не было ни наличных денег в запасе, ни постоянных доходов на содержание» (ВГВ. НЧ, 1860, 13: 100). По данным на 1 января 1860 г. (по старому стилю), в Вологодском женском училище было 80 учениц (ВГВ. НЧ, 1860, 11: 85). К этому времени учебное заведение, по замечанию директора училищ Вологодской губернии, уже успело «окрепнуть и заслужить внимание общества» (ВГВ. НЧ, 1860, 13: 100).

Большой вклад в основание Усть-Сысольского женского двухклассного училища был сделан «тремя почтенными жителями Усть-Сысольска П.А. Волковым, И.Н. Забоевым и В.Н. Латкиным» (последние двое были представителями купечества) (ВГВ. НЧ, 1858, 40: 372). Как писал современник событий, «в таком малозначительном городе, каков Усть-Сысольск, ... котораго коренные жители, зыряне, по-видимому, совершенно чужды духу цивилизации, — открываются наконец-то средства к приобретению если не блестящаго, то по крайней мере очень, очень достаточнаго воспитания для женскаго пола» (ВГВ. НЧ, 1858, 40: 372).

Открытие Усть-Сысольского женского училища состоялось 8 сентября 1858 г. (ВГВ. НЧ, 1858, 40: 371-375). Всего было набрано 43 ученицы, семь из которых были купеческими дочерьми (к началу октября 1858 г. число учениц возросло до 53). За несколько дней до торжества «чиновники, купечество и почетнейшие из граждан города приглашены были по билетам» (ВГВ. НЧ, 1858, 40: 372-373). В день открытия в Усть-Сысольском Троицком соборе прошла литургия и молебен, далее «при колокольном звоне совершен был в училище крестный ход при многочисленном стечении народа» (ВГВ. НЧ, 1858, 40: 373). При входе процессии в училище штатный смотритель прочитал предписание директора училищ Вологодской губернии о разрешении на открытие данного учебного заведения и объявил признательность Министерства народного просвещения «лицам, принесшим значительныя пожертвования», в том числе купцам И.Н. Забоеву и В.Н. Латкину (ВГВ. НЧ, 1858, 40: 373). Затем был совершен молебен с водосвятием и «окроплением училища водою», произнесены

торжественные речи (в частности, прозвучало мнение о том, что усть-сысольское общество, «ссылаясь на скудные средства, вероятно, не скоро успело бы в таком полезнейшем деле, если бы не приняли в нем самое деятельное участие трое благородных по душе и сердцу сограждане: П.А. Волков, И.Н. Забоев и В.Н. Латкин») (ВГВ. НЧ, 1858, 40: 374). Завершилась церемония пением гимна «Боже, Царя храни!», после чего ученицы были «одарены конфектами», а почетным посетителям было предложено «радушное угощение» (ВГВ. НЧ, 1858, 40: 374).

По примеру Тотемского Усть-Сысольское женское училище было открыто «в виде опыта на 4 года» (ВГВ. НЧ, 1860, 11: 84). Его почетной блюстительницей стала жена купца 2-й гильдии Прасковья Андреевна Латкина (ВГВ. ОЧ, 1858, 44: 459; ВГВ. НЧ, 1860, 11: 84). Кроме того, в училище был назначен и почетный блюститель – купец 1-й гильдии Василий Николаевич Латкин (ВГВ. НЧ, 1860, 11: 84; Памятная книжка, 1860: 79-80). Ввиду того, что «Положением о женских училищах» была предусмотрена только должность попечительницы, 15 ноября 1858 г. (по старому стилю) было утверждено Положение главного правления училищ «Об учреждении при Усть-Сысольском женском училище должности Почетного Блюстителя», которым должен был быть человек «преимущественно из купеческого сословия», и «на первый раз звание это предоставлено было ... купцу Латкину» (ПСЗ РИ. СВ, 1858, 33, Ч. 2: 389). Прямой обязанностью почетных блюстителей было «содействовать процветанию училищ вещественною помощью и нравственным влиянием» (ВГВ. НЧ, 1860, 11: 84; Памятная книжка, 1860: 79-80). Согласно отчету директора училищ Вологодской губернии за 1860 г., почетная блюстительница Усть-Сысольского женского училища, равно как блюстительницы Тотемского и Яренского женских училищ, посещали учебные заведения «весьма усердно» (ВГВ. НЧ, 1860, 13: 100).

В 1858–1859 гг. Усть-Сысольское женское училище располагалось «временно в старом деревянном доме купца Забоева» (Памятная книжка, 1860: 103-104). За этот период И.Н. Забоев построил специально для училища новый деревянный дом, который обошелся, согласно смете, в 2 637 руб. В сентябре 1859 г. училище перешло в новое здание; все ремонтные работы, отопление и освещение здания в течение последующих четырех лет также обязался обеспечивать купец И.Н. Забоев (ВГВ. НЧ, 1858, 40: 373; ВГВ. НЧ, 1860, 9: 71; ВГВ. НЧ, 1860, 12: 92-95; Памятная книжка, 1860: 103-104).

На содержание женского училища в первые три года из городского бюджета выделялось по 100 руб.; почетный блюститель В.Н. Латкин также вносил 100 руб. в год; почетная блюстительница П.А. Латкина – 40 руб. в год. Кроме того, в 1858 г. купец Забоев передал училищу 50 руб., купец Красных – 10 руб., а усть-сысольским купцом 2-й гильдии М.Н. Латкиным училищу был подарен «небольшой портрет Государя Императора в золоченой рамочке» (ВГВ. НЧ, 1860, 9: 71; ВГВ. НЧ, 1860, 12: 92, 94-95). В 1860 г. купец Забоев взял на себя «отделку картины в золоченую раму со стеклом» для женского училища (ВГВ. ОЧ, 1860, 47: 436).

Почетные блюстители обеспечивали училище книгами: в 1858 г. В.Н. Латкин доставил учебные пособия «для бедных учениц» на 40 руб. и «для помещения в фундаментальную библиотеку» на 15 руб.; П.А. Латкина – книги на 11 руб. 50 коп. (ВГВ. НЧ, 1860, 9: 71; ВГВ. НЧ, 1860, 12: 92, 94-95). В 1860 г. В.Н. Латкин пожертвовал «70 экз. Нового Завета в русском переводе, суммою на 20 руб. сер., для раздачи ученицам от имени жертвователя, и 8 лотерейных билетов..., выигрыш коих будет предоставлен благонравнейшим из девиц этого училища» (ВГВ. ОЧ, 1860, 47: 436).

На 1 января 1860 г. в Усть-Сысольском женском училище числилось 82 ученицы – наибольшее количество среди всех женских училищ губернии (в том числе и перворазрядного Вологодского женского училища) (ВГВ. НЧ, 1860, 11: 85).

Яренское женское училище находилось в одном из самых невыгодных положений «по совершенной бедности жителей» (численность купцов в городе была наименьшей в губернии: к примеру, в 1847 г. на 1 212 жителей приходилось семь купцов 3-й гильдии, или 0,6 % от всего губернского купечества) (ВГВ. НЧ, 1847, 43: 436). По этой причине в 1860 г. правление Беломорской компании «в уважение пользы, приносимой училищу краю, ... отпустило одновременно 300 р. и определило предложить общему собранию акционеров дальнейшее обеспечение училища» (ВГВ. НЧ, 1860, 12: 94).

В конце 1850-х гг. продолжали функционировать женские приходские школы в Грязовце, Кадникове и Устюге (ВГВ. НЧ, 1860, 11: 83). На 1 января 1860 г. в приходских школах обучалось девиц: в грязовецкой – 34, кадниковской – 23, Велико-Устюгской – 14 (ВГВ. НЧ, 1860, 11: 85-86). Местное купечество также оказывало учебным заведениям посильную помощь. К примеру, в 1860 г., заменив визит по случаю Пасхи пожертвованием, грязовецкий купец Гудков передал в местное женское приходское училище 1 рубль «на устройство классной мебели» (ВГВ. НЧ, 1860, 17: 134). В 1860 г. в Устюге планировали открыть второразрядное женское училище, на что были сделаны «весьма значительныя пожертвования как отдельными лицами из числа местных граждан, особенно Ильею Яковлевичем Грибановым, так и городским обществом в составе целого» (Илья Грибанов был представителем купечества) (ВГВ. НЧ, 1860, 9: 72; ВГВ. НЧ, 1860, 12: 94).

Несмотря на значительные объемы средств, вложенных купцами в развитие сферы женского образования, современники отмечали, что в Вологодской губернии женские второразрядные

училища «первоначально везде принимаются с трудом; ибо на первых порах мещане, а подчас даже и купечество, грамотность почитают чем-то неуместным и даже неблагопристойным для девушек» (ВГВ. НЧ, 1860, 13: 100). В 1859 г. в «Вологодских губернских ведомостях» в статье на тему образования купеческих дочерей (перепечатанной из «Московских ведомостей») было отмечено, что для «богатого купечества еще невообразима мысль, что их дочери должны быть образованны так же, как могут быть образованны и бедные мещанки» (ВГВ. НЧ, 1859, 8: 64). Но высказывалась уверенность, что придет время, когда купечество «поймет значение и цену истинного образования женщины» (ВГВ. НЧ, 1859, 8: 65).

5. Заключение

По совокупности представленных данных не вызывает сомнения огромное значение, которое имела поддержка женских учебных заведений Вологодской губернии со стороны купечества. Во многих случаях именно купцы являлись инициаторами открытия в губернии женских училищ, а купеческие жены становились почетными блюстительницами учебных заведений для девочек. Представители купечества оказывали серьезную финансовую поддержку женским училищам: это могли быть ежегодные пожертвования или пожертвования по случаю православных праздников. В ряде городов купцы брали на себя расходы по содержанию или даже покупке учебных зданий, обеспечение учебными пособиями и канцелярскими принадлежностями. Кроме того, купеческие дочери составляли немалую долю среди первых учениц женских училищ Вологодской губернии (и это несмотря на распространенное мнение о скептическом отношении представителей торгового сословия к женскому образованию).

6. Благодарности

Публикация подготовлена в рамках реализации государственного задания ФИЦ Коми НЦ УрО РАН.

Литература

Аверин, 2015 – Аверин А.В. Благотворительная деятельность купеческого сословия на Европейском Севере России (1861–1917 гг.) / *Теория и практика социальной работы: история и современность*. Сборник научных трудов. Электронное издание. Барнаул, 2015. С. 15–18.

Баев, Иванова, 2021 – Баев А.А., Иванова Т.Н. Вологодская женская Марининская гимназия во второй половине XIX века: специфика создания и деятельности // *Исторический поиск*. 2021. Т. 2. № 4. С. 5–14.

Бондаренко, 2005 – Бондаренко О.Е. Женское образование в Республике Коми: (XIX – нач. XXI вв.). Сыктывкар, 2005.

Борисов, 2009 – Борисов Б.Ю. Духовно-нравственные основы благотворительности и попечительства русского купечества в отечественном образовании // *Человек и образование*. 2009. № 4(21). С. 177–179.

ВГВ. НЧ, 1847, 43 – *Вологодские губернские ведомости*. Часть неофициальная. 1847. № 43.

ВГВ. НЧ, 1854, 2 – *Вологодские губернские ведомости*. Часть неофициальная. 1854. № 2.

ВГВ. НЧ, 1858, 14 – *Вологодские губернские ведомости*. Часть неофициальная. 1858. № 14.

ВГВ. НЧ, 1858, 16 – *Вологодские губернские ведомости*. Часть неофициальная. 1858. № 16.

ВГВ. НЧ, 1858, 40 – *Вологодские губернские ведомости*. Часть неофициальная. 1858. № 40.

ВГВ. НЧ, 1859, 5 – *Вологодские губернские ведомости*. Часть неофициальная. 1859. № 5.

ВГВ. НЧ, 1859, 8 – *Вологодские губернские ведомости*. Часть неофициальная. 1859. № 8.

ВГВ. НЧ, 1859, 19 – *Вологодские губернские ведомости*. Часть неофициальная. 1859. № 19.

ВГВ. НЧ, 1860, 3 – *Вологодские губернские ведомости*. Часть неофициальная. 1860. № 3.

ВГВ. НЧ, 1860, 5 – *Вологодские губернские ведомости*. Часть неофициальная. 1860. № 5.

ВГВ. НЧ, 1860, 9 – *Вологодские губернские ведомости*. Часть неофициальная. 1860. № 9.

ВГВ. НЧ, 1860, 11 – *Вологодские губернские ведомости*. Часть неофициальная. 1860. № 11.

ВГВ. НЧ, 1860, 12 – *Вологодские губернские ведомости*. Часть неофициальная. 1860. № 12.

ВГВ. НЧ, 1860, 13 – *Вологодские губернские ведомости*. Часть неофициальная. 1860. № 13.

ВГВ. НЧ, 1860, 17 – *Вологодские губернские ведомости*. Часть неофициальная. 1860. № 17.

ВГВ. ОЧ, 1840, 39 – *Вологодские губернские ведомости*. Часть официальная. 1840. № 39.

ВГВ. ОЧ, 1858, 14 – *Вологодские губернские ведомости*. Часть официальная. Отдел второй. 1858. № 14.

ВГВ. ОЧ, 1858, 25 – *Вологодские губернские ведомости*. Часть официальная. Отдел второй. 1858. № 25.

ВГВ. ОЧ, 1858, 44 – *Вологодские губернские ведомости*. Часть официальная. Отдел второй. 1858. № 44.

ВГВ. ОЧ, 1860, 47 – *Вологодские губернские ведомости*. Часть официальная. Отдел первый. 1860. № 47.

- Герасимиди, 2011** – Герасимиди Е.И. Роль купечества в развитии образования в Астрахани в XIX в. // *Каспийский регион: политика, экономика, культура*. 2011. № 1(26). С. 17-21.
- Калинина, 2017** – Калинина Е.А. Женские начальные школы в образовательном пространстве Европейского Севера России (первая половина XIX в.) / «Свое» и «чужое» в культуре = «Our» and «Alien» in Culture: *Материалы XI Межд. научной конференции (г. Петрозаводск, 22–24 июня 2017 г.)*. Петрозаводск, 2017. С. 184-185.
- Капленко, 2012** – Капленко А.Н. Иркутское купечество: благотворительность и меценатство (к 75-летию образования Иркутской области) / *Сборник научных трудов Ангарского государственного технического университета*. 2012. Т. 1. № 1. С. 153-158.
- Клиницкий, 2016** – Клиницкий А.И. Мотивы благотворительной деятельности сибирского купечества в сфере народного образования XIX века // *Развитие современной науки: теоретические и прикладные аспекты*. 2016. № 2. С. 239-242.
- Козина, 2004** – Козина Г.Н. Вологодское купечество и школа (XVIII – начало XX века) // *Вологда: Краеведческий альманах*. Вып. 4. Вологда, 2004. С. 38-62.
- Кузнецова, 2016** – Кузнецова М.В. Вклад купечества в развитие женского образования дореформенного Иркутска // *Известия Иркутского государственного университета. Серия «История»*. 2016. Т. 18. С. 23-28.
- Памятная книжка, 1860** – Материалы для истории Вологодской дирекции училищ / *Памятная книжка Вологодской губернии на 1860 г.* Вологда, 1860.
- ПСЗ РИ. СВ, 1858, 33, Ч. 1** – Положение о женских училищах. № 33221. 30 мая 1858 г. / Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. 33. Ч. 1. 1858. СПб., 1860.
- ПСЗ РИ. СВ, 1858, 33, Ч. 2** – Об учреждении при устьсысольском женском училище должности Почетного блюстителя. № 33768 15 ноября 1858 г. / Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. 33. Ч. 2. 1858. СПб., 1860.
- Репина, 2012** – Репина Н.В. Благотворительность купечества Костромской губернии в середине XIX – начале XX века // *Вестник КГУ*. 2012. № 1. С. 324-327.
- Скубневский, 2018** – Скубневский В.А. Благотворительность предпринимателей Алтая во второй половине XIX – начале XX в. // *Вестн. Том. гос. ун-та*. 2018. № 435. С. 155-160
- Устав..., 1840** – Устав гимназий и училищ уездных и приходских, состоящих в ведомстве университетов: Санкт-Петербургского, Московского, Казанского и Харьковского. СПб., 1840.
- Устав..., 1804** – Устав учебных заведений, подведомых университетам: [утвержден 5-го ноября 1804 года]. СПб., 1804.

References

- Averin, 2015** – Averin, A.V. (2015). Blagotvoritel'naya deyatel'nost' kupecheskogo sosloviya na Yevropeyskom Severe Rossii (1861–1917 gg.) [Charitable activities of the merchant class in the European North of Russia (1861–1917)]. *Teoriya i praktika sotsial'noi raboty: istoriya i sovremennost'. Sbornik nauchnykh trudov. Elektronnoe izdanie*. Barnaul. Pp. 15-18. [in Russian]
- Baev, Ivanova, 2021** – Baev, A.A., Ivanova, T.N. (2021). Vologodskaya zhenskaya Mariinskaya gimnaziya vo vtoroy polovine XIX veka: spetsifika sozdaniya i deyatel'nosti [Vologda women's Mariinsky gymnasium in the second half of the XIX century: the specifics of foundation and activity]. *Istoricheskii poisk*. 2(4): 5-14. [in Russian]
- Bondarenko, 2005** – Bondarenko, O.E. (2005). Zhenskoye obrazovaniye v Respublike Komi (XIX – nach. XX vv.) [Women's education in the Komi Republic: (XIX – early XXI centuries)]. Syktyvkar. [in Russian]
- Borisov, 2009** – Borisov, B.Yu. (2009). Dukhovno-nravstvennyye osnovy blagotvoritel'nosti i popechitel'stva russkogo kupechestva v otechestvennom obrazovanii [Spiritual and moral foundations of charity and guardianship of the Russian merchant class in national education]. *Chelovek i obrazovanie*. 4(21): 177-179. [in Russian]
- Gerasimidi, 2011** – Gerasimidi, E.I. (2011). Rol' kupechestva v razvitii obrazovaniya v Astrakhani v XIX [The role of merchants in the development of education in Astrakhan in the XIX]. *Kaspiiskii region: politika, ekonomika, kul'tura*. 1(26): 17-21. [in Russian]
- Kalinina, 2017** – Kalinina, E.A. (2017). Zhenskiye nachal'nyye shkoly v obrazovatel'nom prostranstve Yevropeyskogo Severa Rossii (pervaya polovina XIX v.) [Women's Primary Schools in the Educational Space of the European North of Russia (first half of the 19th century)]. “Svoe” i “chuzhoe” v kul'ture = “Our” and “Alien” in Culture: *Materialy XI Mezhd. nauchnoi konferentsii (g. Petrozavodsk, 22–24 iyunya 2017 g.)*. Petrozavodsk, 2017. S. 184-185. [in Russian]
- Kaplenko, 2012** – Kaplenko, A.N. (2012). Irkutskoye kupechestvo: blagotvoritel'nost' i metsenatstvo (k 75-letiyu obrazovaniya Irkutskoy oblasti) [Irkutsk merchants: charity and patronage (to the 75th anniversary of the formation of the Irkutsk region)]. *Sbornik nauchnykh trudov Angarskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta*. 1(1): 153-158. [in Russian]
- Klinitsky, 2016** – Klinitsky, A.I. (2016). Motivy blagotvoritel'noy deyatel'nosti Sibirskogo kupechestva v sfere narodnogo obrazovaniya XIX veka [Motives of charitable activity of Siberian merchants in the field of

public education of the XIX century]. *Razvitie sovremennoi nauki: teoreticheskie i prikladnye aspekty*. 2: 239-242. [in Russian]

[Kozina, 2004](#) – *Kozina, G.N.* (2004). Vologodskoye kupechestvo i shkola (XVIII - nachalo XX veka) [Vologda merchants and school (XVIII – early XX centuries)]. *Vologda: Kraevedcheskii al'manakh*. Vyp. 4. Vologda. Pp. 38-62. [in Russian]

[Kuznetsova, 2016](#) – *Kuznetsova, M.V.* (2016). Vklad kupechestva v razvitiye zhenskogo obrazovaniya doreformennogo Irkutsk [Role of Merchant Class in the Development of Female Education in the Rrereform Irkutsk]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Istoriya»*. 18: 23-28. [in Russian]

[Pamyatnaya knizhka, 1860](#) – Materialy dlya istorii Vologodskoi direksii uchilishch) [Materials for the history of the Vologda directorate of schools]. *Pamyatnaya knizhka Vologodskoi gubernii na 1860 g.* Vologda, 1860. [in Russian]

[PSZ RI. SV, 1858, 33, Ch. 1](#) – Polozhenie o zhenskikh uchilishchakh [Regulations on women's schools]. № 33221. 30 maya 1858 g. Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie vtoroe. T. 33. Ch. 1. 1858. SPb., 1860. [in Russian]

[PSZ RI. SV, 1858, 33, Ch. 2](#) – Ob uchrezhdenii pri ust'sysol'skom zhenskom uchilishche dolzhnosti Pochetnago blyustitelya [On the establishment of the post of Honorary Guardian at the Ust Sysol Women's College]. № 33768 15 noyabrya 1858 g. Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie vtoroe. T. 33. Ch. 2. 1858. SPb., 1860. [in Russian]

[Repina, 2012](#) – *Repina, N.V.* (2012). Blagotvoritel'nost' kupechestva Kostromskoi gubernii v seredine XIX – nachale XX veka [Charity of the merchants of the Kostroma province in the middle of the XIX – beginning of the XX century]. *Vestnik KGU*. 1: 324-327. [in Russian]

[Skubnevskii, 2018](#) – *Skubnevskii, V.A.* (2018). Blagotvoritel'nost' predprini-mateley Altaya vo vtoroy polovine XIX – nachale XX v [Charity of Altai entrepreneurs in the second half of the XIX – early XX centuries]. *Vestn. Tom. gos. un-ta*. 435: 155-160. [in Russian]

[Ustav..., 1804](#) – Ustav uchebnykh zavedenii, podvedomykh universitetam [Statute of educational institutions subordinated to universities]: utverzhden 5-go noyabrya 1804 goda. SPb., 1804. [in Russian]

[Ustav..., 1840](#) – Ustav gimnazii i uchilishch uezdnykh i prikhodskikh, sostoyashchikh v vedomstve universitetov: Sankt-Peterburgskogo, Moskovskogo, Kazanskogo i Khar'kovskogo [Statute of gymnasiums and schools of district and parish, which are in the department of universities: St. Petersburg, Moscow, Kazan and Kharkov]. SPb., 1840. [in Russian]

[VGV. NCh, 1847, 43](#) – *Vologodskie gubernskie vedomosti*. Chast' neofitsial'naya. 1847. № 43. [in Russian]

[VGV. NCh, 1854, 2](#) – *Vologodskie gubernskie vedomosti*. Chast' neofitsial'naya. 1854. № 2. [in Russian]

[VGV. NCh, 1858, 14](#) – *Vologodskie gubernskie vedomosti*. Chast' neofitsial'naya. 1858. № 14. [in Russian]

[VGV. NCh, 1858, 16](#) – *Vologodskie gubernskie vedomosti*. Chast' neofitsial'naya. 1858. № 16. [in Russian]

[VGV. NCh, 1858, 40](#) – *Vologodskie gubernskie vedomosti*. Chast' neofitsial'naya. 1858. № 40. [in Russian]

[VGV. NCh, 1859, 19](#) – *Vologodskie gubernskie vedomosti*. Chast' neofitsial'naya. 1859. № 19. [in Russian]

[VGV. NCh, 1859, 5](#) – *Vologodskie gubernskie vedomosti*. Chast' neofitsial'naya. 1859. № 5. [in Russian]

[VGV. NCh, 1859, 8](#) – *Vologodskie gubernskie vedomosti*. Chast' neofitsial'naya. 1859. № 8. [in Russian]

[VGV. NCh, 1860, 11](#) – *Vologodskie gubernskie vedomosti*. Chast' neofitsial'naya. 1860. № 11. [in Russian]

[VGV. NCh, 1860, 12](#) – *Vologodskie gubernskie vedomosti*. Chast' neofitsial'naya. 1860. № 12. [in Russian]

[VGV. NCh, 1860, 13](#) – *Vologodskie gubernskie vedomosti*. Chast' neofitsial'naya. 1860. № 13. [in Russian]

[VGV. NCh, 1860, 17](#) – *Vologodskie gubernskie vedomosti*. Chast' neofitsial'naya. 1860. №17. [in Russian]

[VGV. NCh, 1860, 3](#) – *Vologodskie gubernskie vedomosti*. Chast' neofitsial'naya. 1860. № 3. [in Russian]

[VGV. NCh, 1860, 5](#) – *Vologodskie gubernskie vedomosti*. Chast' neofitsial'naya. 1860. № 5. [in Russian]

[VGV. NCh, 1860, 9](#) – *Vologodskie gubernskie vedomosti*. Chast' neofitsial'naya. 1860. № 9. [in Russian]

[VGV. OCh, 1840, 39](#) – *Vologodskie gubernskie vedomosti*. Chast' ofitsial'naya. 1840. № 39.

[VGV. OCh, 1858, 14](#) – *Vologodskie gubernskie vedomosti*. Chast' ofitsial'naya. Otdel vtoroi. 1858. № 14. [in Russian]

[VGV. OCh, 1858, 25](#) – *Vologodskie gubernskie vedomosti*. Chast' ofitsial'naya. Otdel vtoroi. 1858. № 25. [in Russian]

[VGV. OCh, 1858, 44](#) – *Vologodskie gubernskie vedomosti*. Chast' ofitsial'naya. Otdel vtoroi. 1858. № 44. [in Russian]

[VGV. OCh, 1860, 47](#) – *Vologodskie gubernskie vedomosti*. Chast' ofitsial'naya. Otdel pervyi. 1860. № 47. [in Russian]

Вклад купечества в становление системы женского образования в российской провинции (на материалах Вологодской губернии второй трети XIX в.)Ирина Игоревна Лейман ^{a, b, *}^a Сыктывкарский государственный университет им. Питирима Сорокина, Российская Федерация^b ФИЦ Коми НЦ УрО РАН, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассмотрено влияние провинциального купечества на становление системы женского образования в Российской империи во второй трети XIX в. на примере Вологодской губернии. Выделение женского образования из общей школьной системы начинается в 1800–1820-е гг., когда были приняты «Устав учебных заведений, подведомых университетам» (1804 г.) и «Устав гимназий и училищ уездных и приходских» (1828 г.). В 1830–1850-х гг. в Вологодской губернии при широкой поддержке местного купечества открываются женские приходские училища: Кадниковское (1838 г.), Грязовецкое (1840 г.), Яренское (1843 г.), Велико-Устюгское (1844 г.). После утверждения в 1858 г. «Положения о женских училищах» в Вологодской губернии в числе первых были учреждены женские училища в Вологде, Тотьме, Усть-Сысольске, Яренске. Во многом это стало возможным благодаря стараниям представителей купеческого сословия. Так, местные купцы стали инициаторами открытия женских училищ в Тотьме и Усть-Сысольске. Попечителями женских училищ становились купеческие жены (а в Усть-Сысольске – в виде исключения, для чего был издан отдельный законодательный акт, – купец 1-й гильдии В.Н. Латкин). Среди важнейших источников содержания женских училищ были средства представителей купечества: закупались книги, канцелярские принадлежности, мебель; делались ежегодные пожертвования по случаю Пасхи и Рождества. Здания, где располагались женские училища, также содержались во многом на пожертвования купцов (а, к примеру, в Усть-Сысольске купец И.Н. Забоев в 1858–1859 гг. построил за свой счет деревянное здание для женского училища). Таким образом, местное купечество оказывало масштабную и комплексную поддержку развитию учреждений женского образования в Вологодской губернии.

Ключевые слова: купечество, благотворительность, женское образование, женские училища, Вологодская губерния, Вологодские губернские ведомости, Европейский Север России.

---

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: irinaleyman@gmail.com (И.И. Лейман)

Copyright © 2023 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2023. 18(2): 694-702
 DOI: 10.13187/bg.2023.2.694

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

“This is a Nice Name. It is Known from the Days of Funding”: about V.A. Kokorev's Drinking Projects (1840–1860s)

Natalia Ye. Goryushkina ^{a, *}

^aSouth-Western State University, Russian Federation

Abstract

The article is devoted to the projects of the collection device from drinking, developed by the famous tax collector V.A. Kokorev in the 1840s and 1860s. The relevance of the work is due to the significance of the historical experience of drinking transformations for understanding the orientation of the alcohol policy of the Russian state, as well as the need for a scientific assessment of the reformist views of individuals. Kokorev is presented in the article as a leader of public opinion. The projects developed by him were aimed at giving a new impetus to the organization of the drinking collection. The project of the excise commission was implemented, the excise project was left without consequences, as well as the project of the establishment of the “Agency for the drinking part” and “Partnership for the construction of Railways”. The development of all three projects was carried out in accordance with the ideological and theoretical canon of the tax collector, according to which Russia should have a special way of organizing collection from drinking. The first and second projects provided for the “repair” of the off-site building, the changes concerned only the process of purchasing wine from producers, pricing, and the system of control over the turnover of drinks. The third project was to prevent the introduction of the Western excise system. All of Kokorev's projects line up in one succession-related “line” and have similarities with each other, mainly in that they transferred the controlling functions to a certain corporation, but not to the state. At the same time, the projects differed, in some places the differences were cardinal. The third project looked the most profitable for the state, but even in it, under the cover of concern for the people's welfare and state revenues, the attempts of the “big tax collector” are seen to keep an exceptionally profitable business in their own hands.

Keywords: V.A. Kokorev, tax-paying system, tax collector, project, excise-tax commission, excise system, Agency for the drinking part, Partnership for the construction of railways, wine reform, alcohol.

1. Введение

Проекты Василия Александровича Кокорева об организации сбора с питей, выдвинутые в 1840–1860-е гг., представляют собой важную исследовательскую проблему. В них с невероятной точностью нашли свое отражение и откупная эпоха в период кризиса, и пути выхода из него, каковыми они виделись одному из наиболее влиятельных представителей откупного мира. В этой связи изучение проектов Кокорева особо значимо для понимания общей направленности алкогольной политики Российского государства.

Несмотря на важность исследования проблемы, должной оценки в научной литературе она не получила. Если проект акцизно-откупного комиссионерства в какой-то мере был рассмотрен учеными, то другие проекты откупщика, не принятые к реализации, остались неизученными. В какой-то мере это объясняется растущей в момент выбора питейного пути популярностью акциза, демонстрировавшего свою эффективность при организации сбора с питей в Западной Европе, и слабым научным интересом к тому, что было предложено, но не было осуществлено.

* Corresponding author

E-mail addresses: goro46@yandex.ru (N.Ye. Goryushkina)

Настоящая статья посвящена всем проектам Кокорева по переустройству сбора с питей. Их было три: первый – проект акцизно-откупного комиссионерства, второй – акцизный проект, третий – агентско-товарищеский проект. Но, поскольку изолированный анализ проектов вряд ли может быть понятен без обращения к личности автора, в статье будут описаны отдельные страницы его жизненного пути.

2. Материалы и методы

2.1. Основным источником статьи выступили проекты откупщика, в полном объеме сохранившиеся в фондах Российского государственного исторического архива (Санкт-Петербург, Российская Федерация). Весьма ценные сведения были получены из «агентурных записок о наблюдении за откупщиком», которые обнаружены в Государственном архиве Российской Федерации (Москва, Российская Федерация).

Изучение проектной деятельности откупщика потребовало исследования нормативно-правовых актов, действовавших в рассматриваемый период, в первую очередь «Положения об акцизно-откупном комиссионерстве», основанного на одном из проектов Василия Александровича (Положение..., 1846).

Правительственный взгляд на поступившие в адрес Министерства финансов предложения Кокорева нашел свое отражение в многотомном труде «Сведения о питейных сборах в России», включенном в источниковую базу статьи (Сведения..., 1860).

Кроме того, при написании работы использовались источники личного происхождения, включая мемуары самого Кокорева (Кокорев, 1887), а также воспоминания писателя-публициста К.А. Скальковского (Скальковский, 1906), генерал-фельдмаршала Д.А. Милютин (Милютин, 1999).

К работе были привлечены материалы периодической печати XIX в., в частности общественно-политический журнал «Современник» и ежемесячное историческое издание «Русская старина». С их помощью отражена атмосфера эпохи отмены винных откупов и введения акцизной системы взимания налога с питей.

2.2. Методологической основой статьи явились принципы научной объективности и исторического антропологизма. Они предоставили возможность отказаться от всякого рода упрощений в представлении личности автора проектов и рассмотреть его предложения как факт острой борьбы за выбор пути развития сбора с питей, попытку остановить винную реформу или пустить преобразовательный процесс в ином направлении. На некоторых предложениях известного откупщика было сконцентрировано больше внимания, поскольку они видятся наиболее важными при раскрытии заявленной темы.

В работе использовались структурно-системный, историко-сравнительный, персонально-биографический методы. Первый из них позволил установить системообразующие элементы проектов; второй – провести сравнительный анализ конструктивных составляющих проектов разных лет; третий – проанализировать путь Кокорева в откупа, история подачи им проектов фискальной направленности.

3. Обсуждение

Василий Александрович Кокорев – один из ярких представителей купечества середины XIX в. Толстые журналы и газеты того времени пестрели заметками об успешном откупщике, владельце земельных угодий и колоссального капитала, меценате, коллекционере, почетном члене Академии художеств и т.п. Сведения о нем вошли во все российские энциклопедии. Его имя тогда знал в России каждый. Именно этот факт удостоверяет эпиграмма Д. Минаева: «Вот имя славное. С дней откупов известно/ Оно у нас, – весь край в свидетели зову;/ В те дни и петухи кричали повсеместно: Ко-ко-ре-ву!!.» (Минаев, 2014: 114).

Массив материалов, повествующих о жизненном пути Кокорева, насколько обширен, настолько однообразен. Складывается впечатление, что авторы пользовались одним и тем же источником либо переписывали сведения друг у друга. Наиболее полную биографию предпринимателя представил Скальковский (Скальковский, 1891).

При всем сказанном о Кокореве его проекты в отношении питей научного анализа так и не получили. Довольно бегло о них писал уже в 1990-е гг. М.Л. Гавлин (Гавлин, 1996). Единственной специальной работой, посвященной проектной деятельности, является научная статья Н.Е. Горюшкиной и А.С. Третьяк, но и в ней не уделено место второму проекту откупщика, представлявшему модель русского акциза (Горюшкина, Третьяк, 2016). Сущность единственного из проектов Кокорева, который был воплощен в жизнь, раскрывается в еще одной работе этих авторов (Горюшкина, Третьяк, 2019).

4. Результаты

Приступить к разговору о проектах следует с указания того, что все они были созданы личностью неординарной, выдающейся во всех своих проявлениях.

С детских лет Василий Александрович Кокорев привык к труду. С утра до вечера он был подручным у своего отца, сидельца в питейных домах уездного городка Солигалича Костромской губернии. Систематического образования он не получил, учеба его ограничилась посещением уроков старообрядческих начетников. Но поверхностное образование у него успешно компенсировалось смекалкой, способностью быстро схватывать суть дела и найти путь решения проблемы. Кокорев был красноречив, умел уговорить, обаять и достичь своей цели (ГАРФ. Ф. 109. Оп. 3. Д. 1726. Л. 50б.).

В 1844 г. Василий Александрович поступил на службу поверенным на винокурный завод А.Е. Жадовского в Оренбургской губернии. При ревизии завода обнаружилась недостача. Чтобы прекратить открывшееся по этому случаю производство, Кокорев уплатил владельцу завода 4 тыс. руб. и перешел на службу к И.В. Лихачеву, державшему казанский откуп. За несколько лет Василий Александрович досконально изучил устройство откупов, понимал все их слабые и сильные стороны. В Казани он «нашел доступ» к губернатору С.П. Шипову, который и сам, к слову, слыл негласным откупщиком, что неудивительно, поскольку откупа являлись единственным способом надежного хранения и инвестирования сбережений (Федоровский, 1859: 3). Шипов рекомендовал Кокорева министру финансов Ф.П. Вронченко как превосходного управляющего откупом и составителя записки под названием «О путях переустройства неисправных откупов» (Сведения..., 1860: Ч. 3, 239).

Заботливость Кокорева об устройстве питейного дела была весьма предупредительна. В записке он «с чувством» доказывал, что неудовлетворительность в откупах идет от «дурного устройства их хозяйства». Дошло до того, возмущался молодой предприниматель, что «часть денег остается невыбранною из капитала, изобильно обращающегося в народе». Такое начало, вероятно, заинтересовало, если не заинтриговало министра финансов. Кокорев предлагал улучшить откупа тем, что казна станет самостоятельно заготавливать вино «в спиртах», прием продукта от казенных заводов или от частных заводчиков перейдет к винным приставам. Они же станут «порционно» отпускать спирт откупщикам-комиссионерам с предоставлением 10–15% скидки за спирт обязательной выборки и 30–50% скидки за продукт, выбираемый сверх нормы. Откупщики возьмутся самостоятельно доводить спирт до установленных сортов и продавать его в питейных домах в виде полугара по 3 руб. за ведро, улучшенного полугара по 4 руб. за ведро и полугара в специальных водках по произвольной цене. Специальные водки станут высококачественным продуктом и главным источником прибыли откупщика-комиссионера. Из 100 ведер полугара откупщики смогут реализовать в виде специальных водок: в столицах – 42 ведра, в губернских откупах – 34 ведра, в уездных откупах – 24 ведра (Сведения..., 1860: Ч. 3, 226–227). Поправленный откуп Кокорев предлагал в проекте именовать акцизно-откупным комиссионерством. Оно было призвано «дать делу утонченно-торговый вид и уничтожить соперничество, встречаемое откупами от некоторых торговцев» (ГАРФ. Ф. 828. Оп. 1. Д. 1346. Л. 20б.-3).

Министр финансов явно заинтересовался проектом, но для убедительности предложил Василию Александровичу продемонстрировать эффективность предложенных правил на практике. Полею для эксперимента стал задолжавший казне 3000 тыс. руб. откуп в Орловской губернии.

В 1846 г. без задержек Кокорев прибыл в Орел, имея на руках предписание к местному начальству, в котором содержалось требование содействовать откупщику во всех его начинаниях, тем более не препятствовать его хозяйственным распоряжениям (Сведения..., 1860: Ч. 1, 135).

Главным помощником Василия Александровича стал известный московский откупщик И.Ф. Мамонтов. Компаньонов объединяло не только общее дело, они имели сходные взгляды на политику, экономику, были трудолюбивы, расчетливы и склонны ко всяким рискованным операциям.

Первым делом они уволили всех нечистых на руку служащих по откупам, их места заняли выкупленные Кокоревым из крепостной зависимости крестьяне. Жалованье они получали высокое, но всякая провинность становилась поводом для увольнения.

За два с половиной года орловский откуп выправился. Кокорев с компаньоном взяли в управление еще 23 «недоимочных» откупа от Рязани до Оренбурга, от Брянска до Перми, и на этот раз все недоимки были ликвидированы, более того казна получила 1,8 млн руб. прибыли.

Противники проекта Кокорева считали, что суть акцизно-откупного комиссионерства была чрезвычайно проста: назови полугар водкой и продавай, по какой хочешь цене, а «злоупотребления будут делаться официально, под предлогом казенного интереса. К тому же предложенные новшества не устраняют корень зла откупов – личный интерес содержателей питейных заведений, побуждавший их изыскивать разные способы не выполнять ограничительные требования питейного законодательства» (Сведения..., 1860: Ч. 1, 151).

Успех компаньонов заставил критиков поутихнуть.

12 января 1846 г. «Положение об акцизно-откупном комиссионерстве», в основе которого лежала записка молодого откупщика, получило высочайшее утверждение (Положение..., 1846). Кокорев за «сочинительство» получил от казны 50 тыс. руб. и был назначен комиссионером на смоленские откупа (Скальковский, 1891: 165). Василий Александрович переживал пик популярности. Его называли финансовым гением и оракулом, признавали одним из самых талантливых исполнителей государственного заказа. Влиянию Кокорева приписывалась отдача откупов с 1851 г. по

1855 г. не отдельно по уездам, как это было принято, а совокупно по целой губернии одному лицу или нескольким, составившим компанию. Отсутствие конкуренции при такой операции имело следствием стачку богатых откупщиков между собой и низкую цену на откупа (ГАРФ. Ф. 828. Оп. 1. Д. 1346. Л. 406.).

Акцизно-откупное комиссионерство при реализации привело к значительному повышению цен на алкоголь при резком падении его качества. Под видом специальных водок реализовывался низкокачественный алкоголь, разведенный водой. Полугар вместо 3 руб. продавался по 7 руб., улучшенный полугар, настойки и наливки вместо 4,25 руб. – по 9 руб. за ведро (РГИА. Ф. 574. Оп. 1. Д. 1. Л. 3910б.-392).

Главные «неудобства» акцизно-откупной системы указывались министром финансов А.М. Княжевичем в его представлении в Государственный совет, а именно «в чрезмерной монополии откупщиков, возбуждающих жалобы: винокурных заводчиков – на притеснения откупщиков при сдаче в казну вина; потребителей – на недостаток обыкновенного полугарного вина; водочных, пивоваренных заводчиков – на разные поборы и требования откупщиков <...>; трактирщиков – на принудительно установленные откупщиками непомерные акцизы, через что ценность припасов и напитков в их заведениях с каждым откупным периодом возвышается в отягощение потребителей» (Сведения..., 1860: Ч. 1, 6).

Но казенный доход рос. В 1847/1850 гг. в казну поступило 63 млн руб.; 1851/1854 гг. – почти 83 млн руб.; только в 1855/1856 гг. питейный сбор составил 79,6 млн руб.; в 1857/1858 гг. – 87,5 млн руб.; в 1859/1862 гг. – 127,8 млн руб. (Кадер, 1897: 33). И министр финансов был вынужден безмолвствовать, более того, чтобы «не спугнуть» деньги, конфиденциальным письмом к гражданским губернаторам он внушал им необходимость устранить все «притеснения» в отношении откупщиков-комиссионеров (Крылов, 1880: 584-585).

На торгах 1850 г. Кокорев возглавил компанию, которая откупила питейную торговлю в Санкт-Петербургской, Московской губерниях и уездах тех губерний, где проходила Николаевская железная дорога. О таком предложении не было заранее объявлено другим откупщикам, имевшим возможность образовать компанию и конкурировать с Кокоревым на торгах. Но объявление было сделано только за два дня до торгов, за такой короткий срок конкуренты не объявились, и компания Кокорева стала единоличной обладательницей откупа. При этом наддачу в 1 млн руб. за столичные откупа Кокорев представил как поступок патриотический. Многие ставили его слова под сомнение, поскольку чистый барыш компаньонов с откупленных территорий составлял около 8 млн руб. в год. «Таким образом, – писал корреспондент «Собеседника» Федоровский, – компания г. Кокорева, явившись вдруг на свет Божий, сделалась обладательницей таких золотых россыпей, которые поспорят с калифорнийскими» (Федоровский, 1859: 7-8).

Не ограничившись столичными откупами, Кокорев устроил для своей компании другое большое дело – в руках компаньонов оказался откуп акцизного сбора по Новороссийскому краю и Бессарабской области совокупно, без разделения на губернии (Федоровский, 1859: 8-9).

Во время Крымской войны питейный доход был непоколебим (ГАРФ. Ф. 1155. Оп. 1. Д. 3508. Л. 1-20б.). «Все откупа, и всякая торговля, и фабрикация, – свидетельствовал сам Кокорев, – шли необыкновенно выгодно по случаю вступления в народное обращение выпущенных во время войны денежных знаков, равно и вынутых из банков денег на образование разных промышленных обществ» (Кокорев, 1859: 13).

Несмотря на финансовую выгоду акцизно-откупного комиссионерства, отношение «образованного общества» к нему было крайне негативным, всякий знал, что «в кабаке сиделец-диктатор; он знает только одну власть – власть откупщика, один закон – его волю, одну цель – грабить народ, грабить, грабить и грабить всеми способами: тут обмерят, тут обсчитают, тут с пьяного снимают одежду, тут крадут у него из кармана деньги, тут вода с винным запахом и примесью какого-нибудь раздражающего вещества для обмана вкуса, тут закуски, возбуждающие жажду, тут же и все соблазны для животной жизни, тут музыка, тут женщины, тут разные совращения, тут же клуб воров и грабителей, тут сочиняются доносы, тут задумываются преступления. И из всего этого, группируемого искусством целовальника, текут золотые реки в карманы откупщиков» (Федоровский, 1859: 1).

Кокорев как будто и не слышал критиков. Он смог удивить всех, когда устроил в Москве торжественную встречу моряков-защитников Севастополя. Представители московского купечества в ноги кланялись героям, а откуп разрешил им три дня пить «безданно и без пошлинно» (Скальковский, 1891: 168).

Еще большим было удивление, когда Василий Александрович отказался участвовать в откупных торгах на двухлетие с 1857 г. по 1859 г. Наблюдатели не могли уразуметь: «Теперь г. Кокорев честит откупа, на чем свет стоит; он столько раз каялся, что принимал в них участие, как будто бы не сам он был виновником нынешних откупных злоупотреблений. Может ли сказать он, положив руку на сердце, что, сочиняя свой тогдашний проект, он имел в виду благо народное, избавление народа от притеснений, которые он терпит от откупщиков, развитие промышленности, сельского хозяйства, нравственность народа, о которых он так теперь заботится? Нет, г. Кокорев не

может сказать, что не знал сущности своего проекта, не знал, к каким злоупотреблениям приведет он» (Федоровский, 1859: 5).

После извергнутых в откуп громов и молний Кокорев представил в Министерство финансов новый проект. На этот раз предлагалось применить в России акцизную систему российского образца. Но 11 пунктов записки были чрезвычайно расплывчатыми по содержанию, недодуманными. Первый пункт предусматривал «акциз с винокурных заводов по 1,5 рубля с ведра полугара в пользу казны и по полтине на образование крестьянского капитала, для окончания расчетов между помещиками и крестьянами, за уступаемые сим последним земли в полную их собственность». Оптовую продажу вина было задумано передать под контроль некоего Агентства, а розничную – сделать «вольным промыслом». Остальные пункты посвящались перевозке и продаже вина, составлены они были с обилием общих формулировок и отсылочных положений (РГИА. Ф. 574. Оп. 1. Д. 1. Л. 86-86а. об.).

Кокорев снова ходатайствовал о дозволении ему провести опыт новой питейной организации, обещая, что казна не испытает никаких потерь (Федоровский, 1859: 10).

Министр финансов А.М. Княжевич отверг проект Кокорева. До открытия торгов оставалось мало времени, устраивать новую систему было некогда. Василий Александрович, если и расстроился, то виду не показал и стал искать для осуществления своей мысли практическую тропинку.

Он явился на откупные торги 1858 г. с тем, чтобы взять акцизный сбор с питей в Витебской и Могилевской губерниях. Кокорев, планируя заняться оптовой торговлей, уговорил своего давнишнего друга И.Ф. Мамонтова забрать в управление тех же губерний чарочные откупа, иными словами арендовать питейные заведения в казенных имениях и помещичьи шинки, торговавшие в розницу, «чарками» (Положение о чарочных откупах, 1862: 1). Но друзьям не повезло. На акцизный откуп Витебской губернии, помимо Кокорева, явился его старый обладатель. Кокореву пришлось изрядно потратиться. Ему пришлось уплатить 600 тыс. руб. в год, хотя ранее откуп шел только за 300 тыс. руб. Свою запальчивость опытный предприниматель заметил поздно и понес убытки. Весь собранный акциз в 1857 г. составлял 545 тыс. руб., его не хватало на оплату откупной суммы, не говоря уже о содержании откупа (Федоровский, 1859: 13).

С Мамонтовым случилось то же самое, что и с Кокоревым. Когда конкуренты заметили, что он всеми силами стремится забрать чарочные откупа, они стали нагонять цену. Таким образом, сумма откупов со 167 тыс. руб. дошла до 265 тыс. руб., несмотря на то, что все города Витебской губернии были бедны, немногочисленны и не могли возместить произведенные расходы. «Витебская губерния вовсе не промысловая, занятие ее жителей земледелие, – писал по случаю экспедитор Государственной канцелярии В.А. Федоровский, – губерния высылает свое население в другие, а сама не может давать ему средств к пропитанию; жители ее бедны до крайности; многие живут не в избах, в землянках или, лучше сказать, в норах, не едят чистого, хорошего хлеба, а всегда с какой-нибудь примесью, даже с древесной корой» (Федоровский, 1859: 15-16).

Несмотря на понесенные в горячности и азарте потери, капиталы Кокорева они не поколебали. Один только откуп в Царицыне приносил ему миллионы по причине строительства там Волжско-Донской железной дороги, а следовательно, значительного стечения рабочего люда, готового приобрести чарку-другую водки. К началу 1860-х гг. состояние Кокорева оценивалось в 7 млн руб. (Скальковский, 1891: 171).

Акцизно-откупное комиссионерство, «придуманное» Василием Александровичем, действовало до декабря 1862 г. Оно, с одной стороны, обеспечило почти половину доходной части российского бюджета, с другой – вызвало резкое повышение стоимости алкоголя, падение его качества и, как следствие, широкий размах трезвенного движения 1858–1859 гг. (Прыжов, 1868: 293-294).

Государственная власть прекратила «ремонт» старой системы и решила, наконец, на коренное преобразование в отношении питей. 4 июля 1861 г. Александр II утвердил «Положение о питейном сборе», введившее акцизную систему (Положение..., 1863).

Министерство финансов занялось подготовительными распоряжениями по акцизу, начался набор акцизных чиновников, печатались формы книг и ведомостей по акцизу. Но Кокорев не желал расставаться с излюбленным делом и признавать себя побежденным. По его инициативе крупнейшие откупщики России объединились в Совет [авт. – союз откупщиков]. Членами Совета стали Д.Е. Бенардаки, И.В. Лихачев, В.Н. Рукавишников, братья М.Ф. и И.Ф. Мамонтовы, а также другие «главари откупного мира» (Константин Карлович Грот..., 1915: 173). Это была мощная, финансово обеспеченная корпорация, каждый член которой от всего сердца стремился сохранить откупную систему. Единству откупщиков посвятил эпиграмму друг А.С. Пушкина – С.А. Соболевский: «Во имя странного святого / Поставлен их славянский скит./ На бочке пенника простого/ Блаженный Кокорев сидит./ Пред ним коленопреклоненный,/ Не чуждый также откупов,/ Кадит усердно муж почтенный,/ Творец «Беседы» Кошелев,/ И воскадит ему он паки,/ Пока ему не сломит рог/ Кабакомудрый Бенардаки,/ Продавший дважды Таганрог» (Соболевский, 1958: 186).

Совет пустил слух, что откупа будут сохранены. Телеграммы от Совета разлетелись по всем уголкам России. Капитальным соблазном, коим Совет попытался склонить на свою сторону правительство, стал новый проект по организации питейного сбора и железнодорожного

строительства ([Главные основания..., 1862](#)). «Проектировщиком» и на этот раз был Кокорев, хотя проектные бумаги подписали все 49 членов Совета ([Милютин, 1999: 452](#)).

Совет учредил Агентство по питейному сбору и Товарищество для сооружения железных дорог на паях. На пай подписались сотни человек, направив в управление Совета 80 млн руб. ([РГИА. Ф. 574. Оп. 2. Д. 2. Л. 12-13об.](#)).

Невиданная активность откупщиков совершенно застопорила едва разворачивавшийся маховик винной реформы. Министр финансов М.Х. Рейтерн доложил о происходящем императору, тот потребовал от откупщиков ответа на вопрос: что их действия значат? Совет передал проект Александру II. В нем государству гарантировалось сохранение питейного дохода «в целости» при условии, что введенная «Положением о питейном сборе» акцизная система будет отменена. Обязательство взимать сбор с питей и систематически производить «взнос чистого питейного дохода, с распределением его по месяцам» в казну Агентство брало на себя. Агентское управление питейным сбором, особо оговаривалось в проекте, не имеет ничего общего ни с откупом, ни с бюрократизмом казенного управления, так как общее направление действий будет зависеть от Совета, в который войдут члены от правительства, на местах учредится наблюдение депутатов от сословий. Агентство планировало взять в свои руки оптовую торговлю, установить контроль над частными винокурными заводами, но отказывалось принять в ведение питейные дома, предоставляя розничной торговле полную свободу и общественный контроль [авт. – эти пункты совпадали с акцизным проектом Кокорева, указывая на настоящего автора «коллективного труда»] ([ГАРФ. Ф. 828. Оп. 1. Д. 1347. Л. 7-8](#)).

К проекту был приложен график цен в период с 1863 г. по 1870 г., смета на продажу 45 млн ведер вина с обещанием направить в государственную казну половину прибыли с реализованного вина сверх определенной в бумагах нормы ([РГИА. Ф. 574. Оп. 1. Д. 1145. Л. 295-297](#)).

Производить сбор с питей Агентство бралось одновременно с постройкой железных дорог. В этой связи пайщики Агентства становились членами «Товарищества для постройки железных дорог». Оно, не требуя от государства ни гарантий, ни субсидий, бралось уложить 2800 верст железнодорожного полотна, тем самым связать Черное и Азовское моря с Балтийским, сибирские реки с Волгой, Рыбинск с Санкт-Петербургом. «Разлитие в народе капиталов на постройку дорог, – говорилось в проекте, – поддержит обороты внутренней торговли, а открытие их, увеличив выпуск товаров за границу и образовав новый род отпускной торговли спиртом, воздействует на возвышение нашего курса». По мере устройства железнодорожных участков их планировалось передать государству по цене 80 тыс. руб. за версту ([ГАРФ. Ф. 828. Оп. 1. Д. 1347. Л. 7-27](#)).

Независимые эксперты, знакомые с агентско-товарищеским проектом, отзывались о нем положительно. Он содержал в себе амбициозный план, легко реализуемый с технической точки зрения. Но главное – в случае пробуксовки, приостановки и даже полной неудачи предприятия правительство ничем не рисковало. Все ошибки можно было списать на откупщиков ([Лебедев, 1898: 27](#)).

Однако представленный сценарий встретил «холодный прием» министра финансов М.Х. Рейтерна и директора департамента разных податей и сборов К.К. Грота. Они не пожелали ставить государственный бюджет в зависимость от коммерческой удачи откупщиков и создавать в большом государстве маленькое государство под названием «Агентство и Товарищество». Руководители финансового ведомства сумели убедить Александра II, что «Россия нуждается в настоящее время в прочной, реальной, нравственной мере или учреждении для устройства питейного дохода, а не во временной торговой спекуляции, выгодной только для людей, подобных г. Кокореву». Не частные лица, а государство, по их мнению, должно выступать силой, способной обеспечить социальную стабильность, и арбитром, способным защитить интересы всех сословий ([Константин Карлович Грот..., 1915: 178-179](#)).

Государь оставил проект откупщиков без последствий. Кокорев и его сподвижники проиграли. Они были в негодовании и оказывали сопротивление акцизной системе всеми способами. Так, к концу 1864 г. за откупщиками числилась задолженность в размере 54 млн руб., а к концу 1880 г. этот долг все еще представлял внушительную сумму – 16 млн руб. ([Погребинский, 1951: 83](#)).

Кокорев в связи с отменой откупов был вынужден вложить капиталы в другие сферы – нефтяную промышленность, банковское дело, железнодорожное строительство, гостиничное дело, но прежнего успеха в делах не было.

Незадолго до смерти Кокорев издал книгу «Экономические провалы», представлявшую собой весьма своеобразное сочетание воспоминаний с 1837 г. и критики правительственных действий. Акцизной системе Василий Александрович посвятил целую (восьмую) главу книги. В ней утверждалось, что введенный в 1863 г. акциз был чужд России. «Введение однообразной акцизной системы для сбора дохода с винокурения, – писал он, – переместило винокурное производство на черноземную почву; а это перемещение, уменьшив число сельскохозяйственных винокурен в северных губерниях, повело сельское хозяйство на Севере к уменьшению скота, а землю – к лишению удобрения. Далее, не только северные винокурни, но и южные оказались подавленными влиянием вновь возникших громадных винокурных заводов, имеющих характер спекулятивно-промышленный. Результат вышел самый плачевный: тысячи помещичьих усадеб разрушились,

полевые земли за неимением удобрения остались невспаханными, а владельцы имений, лишенные крова и пищи, пошли скитаться по белу свету» (Кокорев, 1887: 44). Главной причиной неустройства России бывший откупщик считал «духоугашение здравых народных мыслей», которые должны противостоять «книжным чужеземным знаниям» бюрократии, стремящейся насильственно втиснуть русскую жизнь в рамки европейских установлений, не согласующихся с основами национального характера, потому считал необходимым отказаться от западного акциза в пользу российской казенной винной монополии. «Пора государственной мысли перестать блуждать вне своей земли, – завершал он свой труд, – пора прекратить поиски экономических основ за пределами Отечества» (Кокорев, 1887: 23).

В апреле 1889 г. Кокорев ушел из жизни. Это был большой человек, сравниться с которым могли немногие. «Наше купеческое сословие, – писал К. Скальковский, – мало выставило людей, которые могли бы равняться с Кокоревым игрой ума, талантом и характером, да и не много по всей России за полстолетия сыщется людей такого калибра» (Скальковский, 1906: 106).

5. Заключение

Суммируя сказанное выше, укажем, что в 1840–1860-е гг. Василий Александрович Кокорев являлся «лидером общественного мнения». Он был автором трех «питейных» проектов. Все его проекты были нацелены на придание нового импульса организации сбора с питей. Проект акцизно-откупного комиссионерства был претворен в жизнь, акцизный проект оставлен без последствий, как и агентский проект. Разработка всех трех проектов была осуществлена в соответствии с идейно-теоретическим каноном откупщика, согласно которому у России есть особый путь организации сбора с питей. Первый и второй проекты предусматривали «ремонт» откупного здания, изменения касались только процесса закупок вина у производителей, ценообразования, системы контроля над оборотом питей. Третий проект должен был воспрепятствовать введению западной акцизной системы. Все проекты Кокорева выстраиваются в одну связанную преемственность «линию» и имеют сходство между собой, главным образом в том, что передавали контролирующие функции некой корпорации, но не государству. Вместе с тем проекты различались, в отдельных местах различия были кардинальными. Наиболее выгодным для государства выглядел третий проект, но и в нем под покровом заботы о народном благе и государственных доходах с питей видятся попытки «большого откупщика» сохранить исключительно прибыльное дело в собственных руках.

6. Благодарности

НИР в рамках государственного задания на 2023 год «Трансформация частного и публичного права в условиях эволюционирующих личности, общества и государства (номер 0851-20200033).

Литература

- Гавлин, 1996 – Гавлин М.Л. Василий Кокорев: предприниматель, общественный деятель, идеолог русского купечества // *Бизнес и аналитика*. 1996. № 3(16). С. 49-56.
- ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации.
- Главные основания..., 1862 – Главные основания Агентства по питейному сбору и Товарищества для сооружения железных дорог. СПб.: Тип. Л. Демиса, 1862. 23 с.
- Горюшкина, Третьяк, 2016 – Горюшкина Н.Е., Третьяк А.С. «Не много по России людей такого калибра»: откупщик В.А. Кокорев // *Научный альманах*. 2016. № 6-1(19). С. 480-483.
- Горюшкина, Третьяк, 2019 – Горюшкина Н.Е., Третьяк А.С. Акцизно-откупное комиссионерство в России в свете критики А.И. Герцена и Н.П. Огарева // *Известия Юго-Западного государственного университета. Серия «История и право»*. 2019. Т. 9. № 5. С. 198-205.
- Кадер, 1897 – Кадер С.А. Винная регалия и монополярная система. Витебск: Губернская типолиитография, 1897. 94 с.
- Кокорев, 1859 – Кокорев В.А. Обличительное дело. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1859. 19 с.
- Кокорев, 1887 – Кокорев В.А. Экономические провалы: по воспоминаниям с 1837 г. М.: Унив. тип. (М. Катков), 1887. 36 с.
- Константин Карлович Грот..., 1915 – Константин Карлович Грот, как государственный и общественный деятель (12 января 1815 – 30 октября 1897): Материалы для его биографии и характеристики: К столетию со дня его рождения. В 3 т. / Под ред. К.Я. Грота и Я.Н. Колубовского. Пг.: Попечительство имп. Марии Александровны о слепых, 1915. Т. 1. 446 с.
- Крылов, 1880 – Крылов А. Д. К истории отмены винных откупов в России // *Русская старина*. Т. XXVII. 1880. № 3. С. 573-586.
- Лебедев, 1898 – Лебедев В.А. Питейное дело. СПб.: Тип. Правительствующего Сената, 1898. 106 с.
- Милютин, 1999 – Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина. 1860–1862. М.: Российский фонд культуры: Студия «Тритэ» Никиты Михалкова, 1999. 558 с.
- Минаев, 2014 – Минаев Д.Д. В. Кокорев / Избранные сатирические стихотворения. М.: Директ-Медиа, 2014. С. 114.

- Погребинский, 1951** – *Погребинский А.П.* Финансовая реформа начала 60-х годов XIX века в России // *Вопросы истории.* 1951. № 10. С. 74-88.
- Положение..., 1863** – Положение о питейном сборе / ПСЗ РИ. Собр. II. Т. 36. Отд. 2. СПб.: В типографии II Отделения Собственной Его Императорского Высочества Канцелярии, 1863. № 37197.
- Положение..., 1846** – Положение об акцизно-откупном комиссионерстве для продажи с 1847 по 1851 год казенного вина и других питей в Великорусских губерниях и Кавказской области / ПСЗРИ. Собр. II. Т. 21. Отд. I. СПб.: В типографии II Отделения Собственной Его Императорского Высочества Канцелярии, 1847. №19614.
- Положение..., 1862** – Положение о чарочных откупах с 1851 по 1855 год в 16-ти привилегированных губерниях. СПб.: Тип. И. Огризко, 1862. 10 с.
- Прыжов, 1868** – *Прыжов И.Г.* История кабаков в России в связи с историей русского народа. СПб.-М.: Тип. М.О. Вольф, 1868. 320 с.
- РГИА** – Российский государственный исторический архив.
- Сведения..., 1860** – Сведения о питейных сборах в России. СПб.: В Тип. II-го Отделения собственной Е.И.В. канцелярии. Ч. 1. 1860. 201 с.; Ч. 3. 1860. 351 с.
- Скальковский, 1891** – *Скальковский К.А.* Наши государственные и общественные деятели. СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1891. 586 с.
- Скальковский, 1906** – *Скальковский К.А.* Воспоминания молодости: (По морю житейскому): 1843–1869. СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1906. 410 с.
- Соболевский, 1958** – *Соболевский С.А.* Корифеям московского славянофильства / Русская эпиграмма, XVIII–XIX вв. Л.: Советский писатель, 1958. С. 186.
- Федоровский, 1859** – *Федоровский В.А.* Подольско-Витебский откуп // *Современник.* 1859. № 3–4. С. 1-24.

References

- Gavlin, 1996** – *Gavlin, M.L.* (1996). Vasilii Kokorev: predprinimatel', obshchestvennyi deyatel', ideolog russkogo kupechestva [Vasily Kokorev: entrepreneur, public figure, ideologist of Russian merchants]. *Biznes i analitika.* 3(16): 49-56. [in Russian]
- GARF** – Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii [State Archive of the Russian Federation].
- Glavnye osnovaniya Agentstva, 1862** – *Glavnye osnovaniya Agentstva po piteinomu sboru i Tovarishchestva dlya sooruzheniya zheleznykh dorog* [The main foundations of the Drinking Collection Agency and the Partnership for the Construction of Railways]. SPb. tip. L. Demisa, 1862. 23 p. [in Russian]
- Goryushkina, Tret'yak, 2016** – *Goryushkina, N.E., Tret'yak, A.S.* (2016). «Ne mnogo po Rossii lyudei takogo kalibra»: otkupshchik V.A. Kokorev [“There are not many people of this caliber in Russia”: tax collector V.A. Kokorev]. *Nauchnyi al'manakh.* 6-1(19): 480-483. [in Russian]
- Goryushkina, Tret'yak, 2019** – *Goryushkina, N.E., Tret'yak, A.S.* (2019). Aktsizno-otkupnoe komissionerstvo v Rossii v svete kritiki A. I. Gertsena i N. P. Ogareva [Excise-off commission in Russia in the light of criticism by A.I. Herzen and N.P. Ogarev]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo.* 9(5): 198-205. [in Russian]
- Kader, 1897** – *Kader, S.A.* (1897). Vinnaya regaliya i monopol'naya sistema [Wine regalia and monopoly system]. Vitebsk: Gubernskaya tipolitografiya, 94 p. [in Russian]
- Kokorev, 1859** – *Kokorev, V.A.* (1859). Oblichitel'noe delo [A damning case] SPb.: tip. Imp. Akad. nauk, 19 p. [in Russian]
- Kokorev, 1887** – *Kokorev, V.A.* (1887). Ekonomicheskie provaly: po vospominaniyam s 1837 g. [Economic failures: according to memoirs from 1837]. M.: Univ. tip. (M. Katkov), 36 p. [in Russian]
- Konstantin Karlovich Grot..., 1915** – Konstantin Karlovich Grot, kak gosudarstvennyi i obshchestvennyi deyatel' (12 yanvarya 1815 – 30 oktyabrya 1897) [Konstantin Karlovich Grot, as a statesman and public figure (January 12, 1815–30 October 1897)]: Materialy dlya ego biografii i kharakteristiki: K stoletiyu so dnya ego rozhdeniya. V 3-kh t. Pod red. K.Ya. Grota i Ya.N. Kolubovskogo. Pg.: Popechitel'stvo imp. Marii Aleksandrovny o slepykh, 1915. T. 1. 446 p. [in Russian]
- Krylov, 1880** – *Krylov, A.D.* (1880). K istorii otmeny vinnykh otkupov v Rossii [On the history of the abolition of wine purchases in Russia]. *Russkaya starina.* T. XXVII. 3: 573-586. [in Russian]
- Lebedev, 1898** – *Lebedev, V.A.* (1898). Piteinoe delo [Drinking business]. SPb.: Tip. Pravitel'stvuyushchego Senata, 106 p. [in Russian]
- Milyutin, 1999** – *Vospominaniya general-fel'dmarshala grafa Dmitriya Alekseevicha Milyutina. 1860–1862* [Memoirs of Field Marshal General Count Dmitry Alekseevich Milyutin. 1860–1862.]. M.: Rossiiskii fond kul'tury: Studiya «Trite» Nikity Mikhalkova, 558 p. [in Russian]
- Minaev, 2014** – *Minaev, D.D.* (2014). V. Kokorev [Minaev D. D. V. Kokorev]. *Izbrannye satiricheskie stikhotvoreniya.* M.: Direkt-Media. P. 114. [in Russian]
- Pogrebinskii, 1951** – *Pogrebinskii, A.P.* (1951). Finansovaya reforma nachala 60-kh godov XIX veka v Rossii [Financial reform of the early 60s of the XIX century in Russia]. *Voprosy istorii.* 10: 74-88. [in Russian]

Polozhenie..., 1863 – Polozhenie o piteinom sbore [Regulations on the drinking collection]. PSZ RI. Sobr. II. T. 36. Otd. 2. SPb.: V tipografii II Otdeleniya Sobstvennoi Ego Imperatorskogo Vysochestva Kantselyarii, 1863. № 37197. [in Russian]

Polozhenie..., 1846 – Polozhenie ob aktsizno-otkupnom komissionerstve dlya prodazhi s 1847 po 1851 god kazennogo vina i drugikh pitei v Velikorusskikh guberniyakh i Kavkazskoi oblasti [Regulations on the excise-off commission for the sale from 1847 to 1851 of state-owned wine and other drinks in the Great Russian provinces and the Caucasus region]. PSZRI. Sobr. II. T. 21. Otd. I. SPb.: V tipografii II Otdeleniya Sobstvennoi Ego Imperatorskogo Vysochestva Kantselyarii, 1847. №19614. [in Russian]

Polozhenie..., 1862 – Polozhenie o charochnykh otkupakh s 1851 po 1855 god v 16-ti privileirovannykh guberniyakh [Regulations on charochny payoffs, 1862 – Regulations on charochny payoffs from 1851 to 1855 in 16 privileged provinces]. SPb.: Tip. I. Ogrizko, 1862. 10 p. [in Russian]

Pryzhov, 1868 – *Pryzhov, I.G.* (1868). Istoriya kabakov v Rossii v svyazi s istoriei russkogo naroda [The history of pubs in Russia in connection with the history of the Russian people]. SPb.; M.: Tip. M.O. Vol'f, 320 p. [in Russian]

RGIA – Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian State Historical Archive].

Svedeniya..., 1860 – Svedeniya o piteinykh sborakh v Rossii. [Information about drinking fees in Russia]. SPb.: V Tip. II-go Otdeleniya sobstvennoi E.I.V. kantselyarii, Ch. 1. 1860. 201 p.; Ch. 3. 1860. 351 p. [in Russian]

Skal'kovskii, 1891 – *Skal'kovskii, K.A.* (1891). Nashi gosudarstvennye i obshchestvennye deyateli [Our statesmen and public figures] SPb.: Tip. A. S. Suvorina, 586 p. [in Russian]

Skal'kovskii, 1906 – *Skal'kovskii, K.A.* (1906). Vospominaniya molodosti: (Po moryu zhiteiskomu): 1843–1869 [Memories of youth: (By the sea of life): 1843–1869] SPb.: Tip. A. S. Suvorina, 410 p. [in Russian]

Sobolevskii, 1958 – *Sobolevskii, S.A.* (1958). Korifeyam moskovskogo slavyanofil'stva [The luminaries of Moscow Slavophilism]. Russkaya epigramma, XVIII – XIX vv. Leningrad: Sovetskii pisatel'. P. 186. [in Russian]

Fedorovskii, 1859 – *Fedorovskii, V.A.* (1859). Podol'sko-Vitebskii otkup [Podolsk-Vitebsk payoff]. *Souremennik*. 3-4: 1-24. [in Russian]

«Вот имя славное. С дней откупов известно»: о питейных проектах В.А. Кокорева (1840–1860-е гг.)

Наталья Евгеньевна Горюшкина ^{a, *}

^a Юго-Западный государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена проектам устройства сбора с питей, разработанным известным откупщиком В.А. Кокоревым в 1840–1860-е гг. Актуальность работы обусловлена значимостью исторического опыта питейных преобразований для понимания направленности алкогольной политики Российского государства, а также потребностью в научной оценке реформаторских воззрений частных лиц. Кокорев представлен в статье как лидер общественного мнения. Разработанные им проекты имели целью дать новый импульс организации питейного сбора. Проект акцизно-откупного комиссионерства был претворен в жизнь, акцизный проект оставлен без последствий, как и проект учреждения «Агентства по питейной части» и «Товарищества для устройства железных дорог». Разработка всех трех проектов была осуществлена в соответствии с идейно-теоретическим каноном откупщика, согласно которому у России должен быть особый путь организации сбора с питей. Первый и второй проекты предусматривали «ремонт» откупного здания, изменения касались только процесса закупок вина у производителей, ценообразования, системы контроля над оборотом питей. Третий проект должен был воспрепятствовать введению западной акцизной системы. Все проекты Кокорева выстраиваются в одну связанную преемственность «линию» и имеют сходство между собой, главным образом в том, что передавали контролирующие функции некой корпорации, но не государству. Вместе с тем проекты различались, в отдельных местах различия были кардинальными. Наиболее выгодным для государства выглядел третий проект, но и в нем под покровом заботы о народном благе и государственных доходах с питей видятся попытки «большого откупщика» сохранить исключительно прибыльное дело в собственных руках.

Ключевые слова: В.А. Кокорев, откупная система, откупщик, проект, акцизно-откупное комиссионерство, акцизная система, Агентство по питейной части, Товарищество для устройства железных дорог, винная реформа, алкоголь.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: goro46@yandex.ru (Н.Е. Горюшкина)

Copyright © 2023 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2023. 18(2): 703-711
 DOI: 10.13187/bg.2023.2.703

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Chingizid States in the Works of General G.E. Katanaev

Nikolay S. Lapin ^{a, *}, Kuanysh G. Akanov ^a

^a Institute of History of the State, Republic of Kazakhstan

Abstract

The article analyzes the works of the Russian scientist-historian of the late imperial period, the General G.E. Katanaev devoted to the study of history of the Chingizids states of Siberia and Central Asia.

The source base for the study were articles published by G.E. Katanaev on the history of Siberia and the Russian state, as well as his unpublished work, kept in the personal fund of the general in the Historical Archive of the Omsk Region.

There were shown noted in the works of G.E. Katanaev the medieval states ruled by representatives of the Chingizids dynasty, the circle of his scientific interests in the history of relations between the Chingizids of Siberia, Central Asia with the Russian state and neighboring peoples is outlined. The most significant historical persons who played an important role in the history of the region under study are identified. The data collected by G.E. Katanaev on the history of individual states of the Chingizids is systematized, their assessments and characteristics given by the author are shown, and an understanding of his works is carried out.

Being a historian of the Siberian Cossacks, General G.E. Katanaev paid more attention to the history of the region and specifically the history of the Siberian Khanate, in which the Chingizids ruled along the line of Shiban, one of the sons of Jochi. Among the main plots in his works, in terms of volume and main attention, the struggle of the Siberian Khan Kuchum and his descendants with Russian governors and Cossacks stands out.

However, in addition to the Siberian Khanate, G.E. Katanaev in his writings paid attention to other states of the Chingizid, among which the Kazakh Khanate occupies a prominent place, in which the Tukaturmurids, representatives of another line of Chingizids, ruled.

The authors concluded that the works of G.E. Katanaev as a historiographical source reflecting the development of scientific knowledge in the late imperial period on the history of the Chingizids states in Siberia and Central Asia.

Keywords: G.E. Katanaev, Chingizids, Shibanids, Golden Horde, Kazakh Khanate, Siberian Khanate, Russian State, Khan Kuchum, Kuchumovichs.

1. Введение

Русские историки второй половины XIX – начала XX вв. – выходцы из Сибири Н.А. Абрамов, А.В. Адрианов, Г.Е. Катанаев, Г.Н. Потанин, И.Я. Словцов, А.И. Сулоцкий, И.И. Тыжнов, Н.М. Ядринцев и др. – внесли значимый вклад в изучение истории Сибири царского и имперского периода. К ним также можно отнести и казахских исследователей Ч.Ч. Валиханова, М. Чорманова, А.Н. Букейханова. Помимо истории и географии региона, они также занимались изучением входивших в него народов и государств, многие из которых управлялись чингизидскими династиями и их ветвями: Тукатурмуридами, Шибанидами, Аштарханидами, Урусидами, Кучумовичами и др. Упомянутые выше историки в известном смысле продолжили дело, начатое С.У. Ремезовым, П.А. Словцовым, И.Л. Черепановым, заложившими основу научного изучения Сибири местными исследователями.

* Corresponding author

E-mail addresses: lapin.79@mail.ru (N.S. Lapin), kukaandvita@mail.ru (K.G. Akanov)

Среди русских историков-сибиряков позднеимперского времени следует назвать имя казачьего генерала Георгия Ефремовича Катанаева. Генерал-лейтенант Г.Е. Катанаев (1848–1921 гг.), военный деятель имперской России, прошел путь от хорунжего Сибирского казачьего войска до генерал-лейтенанта, известен как историк-краевед, который оставил значимый след в российской науке, являясь одним из основателей Западно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества (далее ЗСОИРГО).

Первоначальное образование Г.Е. Катанаев получил в Сибирском кадетском корпусе в Омске, где впоследствии работал в качестве преподавателя истории и географии, а затем офицером-воспитателем Сибирской военной гимназии. Внес вклад в развитие русской армии, являясь разработчиком ряда проектов по улучшению хозяйства казачьих военных сил. Проработал в ЗСОИРГО более 30 лет, дойдя до должности председателя, которую занимал с 1893 по 1897 гг. Содействовал научным инициативам Г.Н. Потанина, П.П. Семенова-Тянь-Шанского, И.Я. Словцова, участвовал в проведении однодневных переписей населения Сибири, в организации выставок, где готовил экспозиции Омска и Степного края, принимал участие в дискуссии по созданию первого в Сибири университета. Во время командировок по Западной Сибири и Степному краю Г.Е. Катанаев собирал документы и материалы по обширному кругу вопросов, благодаря чему подготовил ряд сообщений и публикаций, а также более 20 докладов для заседаний ЗСОИРГО. Известны его научные работы по личности Ермака, о сибирских военных походах, о Центральной Азии, Китае и т.д. Являлся членом ряда других научных организаций и Омской городской думы. Исследователи по праву называют Г.Е. Катанаева «заметной фигурой среди ученых-исследователей Западной Сибири и Степного края» (Лосунов, 2012: 11-28).

Многие из документов, собранных в свое время Г.Е. Катанаевым, стали важным подспорьем для публикаций по истории Сибири, войскового казачества, Гражданской войны, истории казахов и многим другим. Определенное значение имеют его труды и собранные им материалы для изучения более раннего периода в истории Сибири – эпохи Золотой Орды и постзолотоордынских государств (XV–XVII вв.), созданных Чингизидами.

Актуальность проводимого исследования заключается в изучении трудов Г.Е. Катанаева, содержащих историографические факты, связанные с историей государств Чингизидов. Личность и научные работы ученого получили признание среди научного сообщества и являются предметом изучения ряда ученых. Однако работ, посвященных анализу трудов Г.Е. Катанаева именно в контексте истории средневековых государств Евразии, фактически не было, и данное исследование призвано хотя бы отчасти заполнить эту лауну.

2. Материалы и методы

Главным историографическим источником статьи являются опубликованные и неопубликованные труды Г.Е. Катанаева, где рассматриваются отдельные эпизоды истории народов и государств, имевших контакты с Русским государством. В первую очередь это работы: «Западно-Сибирское служилое казачество и его роль в обследовании и занятии русскими Сибири и Средней Азии», «Краткий исторический обзор службы Сибирского казачьего войска с 1582 по 1908 год» и др.

Ценные исторические документы и неопубликованные материалы и рукописи хранятся в его личном фонде (№ 366) в Историческом архиве Омской области (ИАОО). Этот фонд содержит в себе 493 дела, датируемых 1657–1921 годами. Их историческая тематика весьма разнопланова: Сибирь, Казахстан, Центральной, Омск, Сибирское казачье войско. Это и документальные материалы по завоеванию Российской империей территории Средней Азии, и записи Г.Е. Катанаева о поездках по Степному краю, дневники и заметки о событиях Гражданской войны в Сибири (1918–1921 гг.), рукописи краеведческого характера, документы по деятельности ЗСОИРГО, вырезки из газет и выписки из научных работ.

В том числе в фонде хранится и неопубликованная статья: «Степной край Азиатской России и его заселение. Исторический обзор оседло-кочевой колонизации края с половины XV столетия по наши дни» (ИАОО. Ф. 366. Оп. 1. Д. 325). Основное внимание в этой статье посвящено истории таких чингизидских государств, как Золотая Орда, «Государство кочевых узбеков» (Абу-л-Хайр-хана), Казахское и Сибирское ханства, и их взаимоотношениям с соседними народами и странами, в том числе с Русским государством.

Необходимо отметить, что при написании своих работ Г.Е. Катанаев использовал труды таких видных русских историков XVIII – начала XX вв., как Н.М. Карамзин, Г.Ф. Миллер, И.Э. Фишер, А.И. Левшин, В.В. Вельяминов-Зернов, И.Я. Словцов, П.А. Словцов, Г.И. Перетяткович, Г.Н. Потанин, В.В. Радлов, В.М. Флоринский, Н.М. Ядринцев и др. Также им использовались картографические работы XVI–XVIII вв.: «Книга большому чертежу» А. Мезенцева и «Чертежная книга Сибири» С.У. Ремезова. Помимо этого, он также обращался к трудам военных деятелей и государственных служащих Российской империи, таких как подполковник Н.И. Красовский или горный инженер И.П. Шангин. Это указывает на разносторонний интерес, обширный кругозор и стремление генерала Г.Е. Катанаева охватить как можно больший объем актуальной научной литературы при подготовке своих работ.

В основе историографического анализа лежит принцип системности, что позволяет представить изучение имеющихся исторических знаний о формировании чингизидских государств как едином и целостном процессе, развивающемся под влиянием различных обстоятельств.

В качестве основных инструментов используются проблемно-хронологический и сравнительно-исторический методы. Использование первого метода позволило выделить в трудах Г.Е. Катанаева группы вопросов по истории государств Чингизидов, определить конкретные государства и проблемы, которые привлекли его внимание. Второй метод был полезен для сопоставления историографических фактов, выявленных в трудах Г.Е. Катанаева, определения особенностей отдельных изучаемых им государств Чингизидов в период позднего Средневековья и раннего Нового времени.

3. Обсуждение

Труды Г.Е. Катанаева и собранные им материалы уже привлекали внимание исследователей. Российский востоковед М.К. Басханов упоминает Г.Е. Катанаева среди тех, кто внес «замечательный вклад» в изучение Казахстана (Басханов, 2005). Высоко оценивают значение работ генерала Г.Е. Катанаева в вопросах изучения казахско-русских связей и казахско-казахских отношений казахстанские ученые Ж.А. Калиева, Л.К. Мукатаева, Г.Ж. Султангазы и др. Его работы, по мнению исследователей, отличались подробной подачей материала и «многоаспектным анализом социально-экономических процессов» (Калиева, 2012: 112; Мукатаева, Султангазы, 2016: 147). Ж.А. Калиева, помимо этого, отмечала, что работы Г.Е. Катанаева основываются на богатейшем источниковом материале, сформированном во время его служебных командировок и экспедиций по Степному краю (Калиева, 2012: 112). Российские ученые О.П. Дорошенко и В.Н. Кудряшев отмечали, что роль Г.Е. Катанаева достаточно высоко оценивается среди историков и работы российских исследователей по изучению Степного края не обходятся без ссылок на его труды, однако в целом научное наследие сибирского ученого «гораздо значительнее» (Дорошенко, Кудряшев, 2019: 154).

Имя Г.Е. Катанаева упоминается в новейших публикациях по историографии контактов России с чингизидскими государствами, в частности с Сибирским ханством Шибанида Кучума. В.М. Кружинов, З.Н. Сокова использовали его материалы при изучении исторических источников и историографии о последнем сражении Ермака с силами Кучума и, основываясь на них, полагали, что оно произошло у Вагайской излучины Иртыша в 1585 году, где, по версии Г.Е. Катанаева, находился его лагерь (Кружинов, Сокова, 2008: 22-24; Кружинов, Сокова, 2010: 35, 37).

В.В. Трепавлов отмечает сомнения Г.Е. Катанаева в вопросе перемещения Кучума после поражения в 1598 году от войск Ермака сначала к озеру Зайсан, а затем на запад, к верховьям Ишима и Нуры, что описывалось в летописи С.У. Ремезова. В своей монографии В.В. Трепавлов приводит версию Г.Е. Катанаева о том, что люди Кучума могли достигнуть только степей верхнего Приишимья, откуда совершили нападения на кочевья калмыков (Трепавлов, 2011: 23).

В.В. Трепавлов также использует данные Г.Е. Катанаева при изучении ряда других вопросов по истории Сибирского ханства: определение наиболее населенных районов ханства Кучума, роль улуса Карачи в Сибирском государстве, описание маршрута тарского воеводы Воейкова во время похода на хана Кучума и место решающего сражения, датировка смерти хана Кучума и воцарения его сыновей – Али и Ишима, локализация ставки Али. В.В. Трепавлов также выявляет его ошибки или неточности и объясняет причины их появления (Трепавлов, 2012: 20-22, 65, 83).

Другой исследователь, Г.С. Зайцев, использовал материалы Г.Е. Катанаева при изучении таких вопросов, связанных с Чингизидами, как история конфликтов хана Кучума с казачьими войсками, а также с казахами и калмыками, маршрут передвижения Кучумовичей (сыновей и внуков Кучума) в Кулундинские степи, характер взаимоотношений населения Западной Сибири с соседними народами (Зайцев, 2014: 109). Ф.Ф. Сапрыгин отмечал важность использования материалов Г.Е. Катанаева при изучении истории происхождения Сибирского казачьего войска, начало которого было заложено во время завоевания Ермаком столицы хана Кучума – города Искера (Сапрыгин, 2020: 73).

Е.А. Абиля и др. отмечают значение трудов Г.Е. Катанаева для исследования проблем истории взаимоотношений казахов и Сибири. Они считают его «наиболее ярким представителем» такого направления дореволюционной историографии, которое отрицало «влияние казахов на историю Сибири до XVIII века» (Abil et al., 2022: 64; Кузембайулы и др., 2022: 23).

Таким образом, основное внимание исследователей, изучавших труды и материалы Г.Е. Катанаева, было обращено на русско-сибирские взаимоотношения, историю казахов и, конечно же, казачества. Однако истории отдельных государств Чингизидов, их месту в трудах генерала Катанаева внимания уделялось значительно меньше.

4. Результаты

Тематику чингизидских государств в трудах генерала Г.Е. Катанаева можно разбить на несколько частей, неравных по объему и глубине исследования. Как увидим ниже, в своих работах Г.Е. Катанаев придерживался территориального подхода. Несмотря на довольно заметное разнообразие различных государств и народов, история которых привлекла его внимание, все же

заметно большее внимание он уделил тем чингизидским государствам, которые непосредственно связаны с Сибирью, и в частности с регионом Западной Сибири.

Первое государство, которое он упоминает кратко и только мельком в своей неопубликованной работе, это Улус (или, как он его называет, «Удел») Джучи, образованный в 1227 году. Также данное государство у Г.Е. Катанаева называется «Кипчак» и «Джучия» (ИАОО. Ф. 366. Оп. 1. Д. 325. Л. 8, 12). По мнению исследователя, в него вошла почти вся территория Руси того времени, «ногае-узбекские» равнины Поволжья и «Дешты-Кипчакские» степные Азиатские земли, прилегавшие к Аральскому морю и нижнему течению Сырдарьи (ИАОО. Ф. 366. Оп. 1. Д. 325. Л. 8-9).

Согласно его представлениям, Улус Джучи распался на несколько государств в XV веке (ИАОО. Ф. 366. Оп. 1. Д. 325. Л. 12).

Несколько большее внимание в трудах генерала Г.Е. Катанаева уделено сюжетам, связанным с чингизидской династией Шибанидов (Шейбанидов), ведущих свою линию от пятого сына Джучи – Шибана. Например, именно появление в верховьях реки Сары-Су и ее притоков «узбекских кочевий» Шибанида Абу-л-Хайр-хана – основателя «Государства кочевых узбеков» – у генерала Г.Е. Катанаева называется «первым шагом» к объединению казахов («кайсацких племен»). Исследователь пишет, что правление Абу-л-Хайр-хана характеризовалось «суровостью и произволом обращения со своими подданными». По мнению Г.Е. Катанаева, такое правление стало причиной «неудовольствия» двух знатных «владетельных беков» из числа некоторых влиятельных Чингизидов Гирея (Кирея) и Джанибека. Впоследствии «Государство кочевых узбеков» настолько ослабло, что несколько узбекских родов предпочло уйти из-под власти Абу-л-Хайр-хана и его сына Шайх-Хайдар-хана под власть казахских правителей. Г.Е. Катанаев уделит внимание взаимосвязям среднеазиатских Шибанидов – Бухарского хана Абдаллаха («Абдуллы») и Ташкентского правителя Баба-султана, в которых свою роль сыграли казахские правители Шигаи и Таваккул. В результате заключенного союза правителям Бухары и Казахского ханства удалось нанести поражение Баба-султану и заставить отступить его в пределы Ногайской Орды. Здесь Шигаи-хану совместно с сыном Таваккул-султаном удалось нанести окончательное поражение войскам Баба-султана, а его голову доставить хану Абдаллаху, который у Г.Е. Катанаева именуется эпитетом «Грозный» (ИАОО. Ф. 366. Оп. 1. Д. 325. Л. 11-15).

Меньшее внимание Г.Е. Катанаев уделяет истории государства Алтан-ханов («Алтын-Ханов») в Северо-Западной Монголии, управляемого потомками Даян-хана из династии Чингизидов от его младшего сына Тулуя. Г.Е. Катанаев отмечает наличие связей Русского государства с Алтан-ханами. В частности, им упоминаются некоторые посольства. В одной из своих работ он сообщает, что боярские дети Гречанин и Стариков с томскими атаманами и казаками, начиная с 1633 года, неоднократно ходили в пределы Северо-Западной Монголии в качестве посланцев к «тамошним Алтан-ханам» и подробно описывали все полученные сведения, которые видели и слышали (Катанаев, 1908а: 15).

Заметно большее внимание в своих публикациях разных лет Г.Е. Катанаев уделит истории Казахского ханства, во главе которого в основном стояли потомки известного золотоордынского правителя (потомка Джучи) Урус-хана из династии Тукатимуридов (по другой версии – Ордаидов). Как отмечает Г.Е. Катанаев, определенные обстоятельства заставили племена, жившие в разных местах «обширного Кипчака», объединиться и создать более или менее сильные союзы. Ссылаясь на В.В. Вельяминова-Зернова, Г.Е. Катанаев относит появление ядра («начального гнезда») Казахского ханства к середине XV века. Им описывается известный сюжет о конфликте «влиятельных беков» Джанибека и Кирея с ханом Абу-л-Хайром, приведший к их откочевке с подвластным им населением в пределы Семиречья, где к ним присоединились казахские племена – усунь, найманы, кипчаки, джалаиры, дулаты и др. (ИАОО. Ф. 366. Оп. 1. Д. 325. Л. 11-15).

Приводятся некоторые фактические данные по истории, численности населения Казахского ханства, его территории. Отмечается генералом деятельность известного казахского хана Касыма, время смерти которого Г.Е. Катанаев относит к 20-м годам XVI века. Также им описываются отдельные события, связанные с междоусобицей в Казахском ханстве и воцарением Хакк-Назар-хана (Ак-Назара). Основываясь на сведениях русского посла Семена Мальцева, в своей работе генерал Г.Е. Катанаев отметил поход Хакк-Назар-хана и султанов Шигаи и Чальма с 20 другими султанами в ногайские владения. Также им отмечается сюжет военного похода хана казахов Шигаи и его сына Таваккула совместно с бухарским ханом Шибанидом Абдуллой на правителя Ташкента Баба-султана, также принадлежавшего к ветви Шибанидов. Его результатом стало получение в качестве награды от Бухарского хана части отвоеванных у Ташкента территорий («бекетов») западного Туркестана. Описываются и последующие события, когда после смерти Шигаи хан Таваккул напал на наиболее крупные среднеазиатские города, подвластные Бухарскому ханству – Аксу, Андижан, Ташкент, Самарканд и др., воспользовавшись слабостью Бухарского ханства при преемниках Абдаллаха. Оставив управлять завоеванными землями своего брата Ишима (Есима), он двинулся к Бухаре. Г.Е. Катанаев приводит данные о численности войск Таваккула (80 тысяч человек) и Есима (20 тысяч человек). Согласно данным Г.Е. Катанаева, в результате похода Таваккул-хана уцелела только Бухара, после неудачи во взятии которой в 1598 г. силы Таваккула отошли к Туркестану и Ташкенту, где на долгое время казахи установили свой контроль.

Столицей государства стал г. Туркестан, остальные города «узбекского Турана» были обложены данью. Такое зависимое от казахов положение оседлого населения этих городов, по данным Г.Е. Катанаева, продолжалось вплоть до начала XVIII века. Затем ввиду давления джунгарских войск с востока казахи были вынуждены оставить эти территории и отойти к северо-западным границам «степей Дешт-и-Кипчака». Г.Е. Катанаев рассматривает известный сюжет о взаимоотношениях казахского хана Есима, правившего в Туркестане, и наместника Ташкента Турсун-султана, в результате которых последний, по данным Абулгази, был убит Есимом. Отмечается, что «среднеазиатские» казахи принимали деятельное участие в междоусобной борьбе бухарских ханов, вследствие чего было совершено два удачных похода в Самарканд в 1611 и 1613 годах (ИАОО. Ф. 366. Оп. 1. Д. 325. Л. 13-15; Катанаев, 1893b: 45-48, 71-72).

Рассматриваются также Г.Е. Катанаевым и посольские контакты Казахского ханства в основном с Русским государством в XVI–XVIII веках. (Катанаев, 1893b: 48; Катанаев, 1908a: 15-16).

Наибольшее внимание ожидаемо генерал Г.Е. Катанаев уделит вопросам, связанным с историей Сибирского ханства во главе с Шибанидом ханом Кучумом. Г.Е. Катанаев сообщает, что согласно данным Строгановской и Ремезовской летописей хан Кучум имел казахское происхождение. Указывается, что этого мнения придерживался и А.И. Левшин. Однако сам Г.Е. Катанаев считал, что сведения летописцев не следует воспринимать буквально и сам хан Кучум казахом не был, а только использовал отдельные степные отряды как «среднеазиатских», так и «татарских» казаков для свержения правящего в Кашлыке и Искере Бекбулата – соправителя Сибирского ханства Едигера из династии Тайбугидов. Г.Е. Катанаев приводит сведения о расположении владений сибирского хана Кучума. В XVI веке, по данным Г.Е. Катанаева, Сибирское ханство локализовалось по притокам Тобола и среднего Иртыша, а его столица г. Кашлык находилась при устье р. Тобол.

Уделяет он заметное место отношениям между Сибирским ханством и Русским государством, которые, по мнению генерала, носили полуподданический характер и являлись весьма активными, в том числе в торговой сфере. Направлялись также обоюдные посольства (ИАОО. Ф. 366. Оп. 1. Д. 325. Л. 18-23; Катанаев, 1893b: 49-50; Катанаев, 1908a: 23-24).

Частью истории Сибирского ханства и правящей в нем династии являются сюжеты военно-политической истории конца XVI – начала XVII вв. Генерал Г.Е. Катанаев подробно рассматривает известный поход Ермака в Сибирское ханство (1581–1584 гг. (1585 г.)) и дальнейшую борьбу с ханом Кучумом. Г.Е. Катанаев демонстрирует знание материалов Ремезовской и Строгановской летописей. Отмечается, что предтечей похода Ермака стал акт русского царя Ивана Грозного к «Камским именитым людям» Строгановым о выборе атамана и направлении войска казаков для войны с теми сибирскими народами, правителей которых Русское государство относил к числу «изменников». Среди них, как отмечает Г.Е. Катанаев, подразумевался и правитель Сибирского ханства хан Кучум. Поэтому поход Ермака в Сибирь характеризуется им не как действия человека, самовольно решившего завоевать чужие земли, а как защитника интересов царя и Русского государства и называет его первым «занимателем и покорителем» Сибири.

Что касается самого похода, то здесь Г.Е. Катанаев рассматривает такие важные вопросы, как причины войны с ханом Кучумом, маршрут похода Ермака, описание характера контактов Ермака с Кучумом и народами Сибири, роль рода Строгановых, сравнительный анализ вооружения войск хана Кучума и Ермака, численность и характеристика их отрядов. Сообщается, что первое боевое столкновение войска Ермака с отрядами сибирских татар произошло у устья реки Тура при впадении в реку Тобол, где его ожидали силы шести местных предводителей родов.

Г.Е. Катанаев приводит сведения о попытках проведения Ермаком «дипломатических переговоров» с семейством хана Кучума, вручения подарков сборщикам дани Сибирского ханства и членам семьи хана. Помимо этого, Г.Е. Катанаев подробно характеризует самого хана Кучума, отношения в семье сибирского правителя, численность и значение отдельных улусов и их руководителей, из которых наибольшее значение имел предводитель «Карачин улуса». Также рассматриваются взаимоотношения Шибанидов и Тайбугидов, соперничество которых усилилось в связи с ослаблением позиции хана Кучума. По данным Г.Е. Катанаева, хан Кучум страдал от глазной болезни и войском в основном руководил его племянник Маметкул.

В своих работах Г.Е. Катанаев подробно рассматривает события, связанные с походом Ермака, его победы и поражения, анализирует причины тех или иных действий хана Кучума, самого Ермака, их окружения, результаты и значимость самого похода. Изучается ситуация в Сибири, сложившаяся после гибели Ермака незадолго до активного вмешательства правительственных отрядов Русского государства (ИАОО. Ф. 366. Оп. 1. Д. 325. Л. 18-23; Катанаев, 1893a: 17-22; Катанаев, 1893b: Катанаев, 1908a: 19, 23-27, 69-79; Катанаев, 1908 b: 3-4).

Следующий этап столкновений Русского государства с Шибанидом Кучумом, судя по данным работ Г.Е. Катанаева, начался во второй половине 1580-х годов. Начало было положено походом правительственного отряда под руководством воевод Мясного, Сукина и «письменного головы» Чулкова, который весной 1585 года выступил для захвата ханской ставки – города Искера. По пути этот отряд объединился с силами бывших соратников Ермака для войны с владевшим городом сыном хана Кучума – Али. Но этот поход не достиг своих целей. Силы отряда были вынуждены

перезимовать на реке Тура при впадении в нее реки Тюменки, где зимой 1586–1587 гг. заложили первый укрепленный пункт на территории Сибири – Тюменский острог (Катанаев, 1908b: 4).

Г.Е. Катанаев уделяет внимание истории основания города Тара (1594 г.) во время правления русского царя Бориса Годунова, ставшего центром войны с Шибанидом Кучумом. Исполнение царского указа «Кучума царя истеснять» являлось первоочередной задачей тарских воевод. Г.Е. Катанаев весьма подробно описывает действия тарских воевод против хана Кучума и его окружения (ИАОО. Ф. 366. Оп. 1. Д. 325. Л. 18-21; Катанаев, 1893b: 33-43; Катанаев, 1908a: 68-74).

После того как хан Кучум в 1598 году отвел население семи волостей в район реки Обь, русское правительство потребовало от тарских воевод активных действий против хана Кучума. Г.Е. Катанаев подробно описывает маршрут тарского воеводы А. Воейкова, который летом 1598 года направился на поиски хана Кучума – от города Тары вверх по реке Иртыш вплоть до реки Ирмень левого притока реки Обь. Выяснив, что хан Кучум кочует на Оби и планирует «пойти войной» на русского царя в районе города Тары, на Ялыньскую и Кардацкую волости, А. Воейков послал против хана Кучума несколько отрядов. Г.Е. Катанаев приводит детальные сведения о численности отрядов, их результатах, количестве пленных. Решающая битва, по мнению генерала Г.Е. Катанаева, произошла 2 августа 1598 года на берегу реки Обь в окрестностях Ирменьского бора «против» речек Ельцовки и Атаманки. Воевода доносил, что ему удалось разбить войско Кучума и захватить в плен его детей, жен и брата хана. Из перечня «рописи», приложенной к донесению, Г.Е. Катанаев выявил, что при окончательном поражении хана Кучума на Оби были пленены 5 его сыновей во главе с Есимом («Асманак»-царевичем), 8 жен и 8 дочерей; кроме этого, жена сына хана Кучума Али с сыном и дочерью, жена его сына Каная – дочь ногайского князя с двумя дочерьми, это без упоминания остальной знати. Самому хану удалось скрыться, и его поиски по Оби оказались тщетны. Пробыв на месте битвы 5 дней, покончив с остатками войск Кучума, воевода А. Воейков вернулся обратно, опасаясь столкновений с калмыками.

Именно этой битвой, по мнению Г.Е. Катанаева, завершилось начатое Ермаком покорение Сибирского ханства. Однако сама война между тарскими воеводами и ханом Кучумом не закончилась. Приведенный Воейковым к «шерти» и посланный в Чат «на разведки» (на поиски пропавшего сибирского правителя) Сеит Тул-Мамет смог отыскать хана Кучума на третий день вместе с 3 сыновьями и оставшимися верными соратниками в лесу. Однако на предложение Сеита подчиниться и «последовать на Русь» вслед за своей семьей хан Кучум ответил отказом, сказав, что, если бы захватили всех его детей, оставив одного Есима («Асманака»), он бы еще подумал. А теперь он решил пойти к ногаям, а сына своего послать в Бухару. С таким ответом хан Кучума посланец вернулся в Тару 5 октября 1598 года. Впоследствии город Тара, расположенный вблизи соляных месторождений, занял важное место в системе торговых отношений России с государствами Сибири и Центральной Азии. Генерал Г.Е. Катанаев сообщает о царском указе, который предписывал местному населению иметь свободный торг с бухарскими и ногайскими купцами, поставляющими товары, лошадей и рогатый скот, беспрепятственно пропускать их далее, в Тобольск и Тюмень. Тем самым, по мнению Г.Е. Катанаева, Российское государство не только заявляло о взятии под контроль бывших владений хана Кучума, но и перенимало его политику в отношениях с «торговыми иноземцами» (ИАОО. Ф. 366. Оп. 1. Д. 325. Л. 18-21; Катанаев, 1893b: 33-43; Катанаев, 1908a: 23-24, 68-74).

Г.Е. Катанаев отмечает, что ко времени «окончательного поражения» хана Кучума в 1598 году его власть распространялась еще на более слабых «инородцев нетатарского племени», локализовавшихся в низовьях рек Иртыш и Обь. Среди них – остяки, вогуличи, пельымцы, кондинцы, которые все еще продолжали платить дань хану Кучуму. Вблизи них на территории Кулунды и прииртышских степей кочевали калмыки. Этим фактом генерал Г.Е. Катанаев объясняет нападение сибирского правителя на калмыков с целью отгона скота для дальнейшего отступления после битвы с русскими отрядами у р. Обь. Уточняется, что это сражение произошло при впадении в реку Обь его левого притока – реки Ирмень. Подробно описывается путь хана Кучума между реками Карасук и Бурлу, сначала на реку Иртыш, а затем в верховья Ишима и Нуры к озеру Кургальджино. В результате ответных действий калмыцких войск силы хана Кучума у озера Кургальджино были разбиты, стада и остальное имущество отнято. Анализируя данные летописи С.У. Ремезова, Г.Е. Катанаев указывает, что поход хана Кучума в район озера Зайсан является маловероятным.

Им выдвигается предположение, что сибирский правитель во время своего отступления («бегства») вверх по Ишиму натолкнулся на калмыцкие кочевья, у которых попробовал отогнать часть лошадей, необходимых ему для дальнего пути. За это Кучум подвергся преследованиям калмыков и, по предположению Г.Е. Катанаева, спасшись бегством с малым количеством людей, бежал в ногайские земли.

Дальнейшая судьба хана Кучума исследователю была малоизвестна. Г.Е. Катанаев предполагал, что хан Кучум, «немогущий телом, но не падавший никогда духом», не смирился с поражением. С отрядом добровольцев из ногайцев он двинулся в верховья рек Абуга и Ишим и далее в район Сырдарьи в поисках сторонников, но вместо поддержки «нашел себе смерть». Относительно времени смерти сибирского хана Г.Е. Катанаев допускал, что это произошло в 1601 году. Такой вывод был им сделан на основании того, что именно с этого года Али стал называться ханом сибирским (ИАОО. Ф. 366. Оп. 1. Д. 325. Л. 18-23; Катанаев, 1893b: 42-44; Катанаев, 1908a: 69-79).

Весьма важной частью сведений и фактов, которые Г.Е. Катанаев приводит в связи с историей сибирских правителей, являются данные о семье самого Кучума и его наследниках – Кучумовичах. Сообщается, что его дети имели брачное родство с представителями ногайской знати. К примеру, старший сын Али был женат на дочери ногайского князя Тиль-Ахмата, а другой сын Канай – на дочери другого ногайского князя – Уруса. Одна из дочерей Кучума была выдана замуж за ногайского князя Ак-Мирзу и проживала в городе Сарайчик.

Дети Кучума и другие его родственники, избежавшие «ирменского пленения», скрылись в разных направлениях. Одни – в верховьях реки Тобол в месте, где в нее впадает река Уй, другие – «в дубравах» реки Абучан, третьи – «при верхней луке реки Ишим в урочище Кош-Карагай», которое, по мнению Г.Е. Катанаева, находилось в Джаргаинской волости («очаге») Атбасарского уезда Акмолинской области.

Г.Е. Катанаев также описывает церемонию въезда пленных Кучумовичей в Москву, которая состоялась 17 января 1599 года. Во главе мероприятия находились непосредственные участники пленения семьи хана Кучума, С.В. Воейков (как предполагает генерал Г.Е. Катанаев, брат тарского воеводы и начальника экспедиционного отряда А. Воейкова), боярские сыновья И. Беклемишев и Ф. Лопухин, атаманы К. Волнин, Т. Жаряной, 9 человек «литвы», 11 конных тобольских, тарских и 6 пеших казаков. Сами пленные родственники хана Кучума ехали в особых расписных санях, запряженных «цугом» и ведомых на поводьях особыми проводниками в собольих шубах.

Что касается тех детей хана Кучума, которым удалось избежать плена, то Али и Канай, так же, как и сам сибирский правитель, нашли приют в Ногайской Орде, в пределы которой входили земли в районе озера Кургальджино (которое, по данным генерала Г.Е. Катанаева, на картах обозначается как Денгиз).

Г.Е. Катанаев в своих работах рассматривает некоторые сюжеты, связанные с отношениями Кучумовичей с соседними народами и государствами, в частности отношениями с Русским государством, против которого сыновья хана Кучума совершали свои набеги в верховьях рек Тобол, Миаса, Ницы и др. Первое время, как отмечает Г.Е. Катанаев, дети хана Кучума ввиду его неудач действовали осторожно, посылая в Тюмень, Тобольск и Уфу посланцев с предложениями мира. Пошли даже на такой шаг, как отдать младшего брата в аманаты. Но уже в 1605 и 1606 годах эти мирные отношения были нарушены, и дети хана стали совершать новые набеги.

Изучая отношения Кучумовичей с башкирами, ученый отмечает, что участие населенных ими табынских волостей в борьбе с Русским государством показывает, что в начале XVII века башкиры все еще зависели от сибирских ханов. Используя данные одного служилого татарина, Г.Е. Катанаев приводит сведения, что младший сын хана Кучума Ишим кочевал на реке Уй и «ходил» в Уфимскую волость в поисках сторонников. Впоследствии сообщалось, что Ишим-султан породнился с калмыцкими правителями и стал кочевать на реке Ишим и, несмотря на посольства русских с предложениями подданства, он продолжил политику отца и братьев по нападению на русские города (ИАОО. Ф. 366. Оп. 1. Д. 325. Л. 18-23; Катанаев, 1893b: 40-42; 43, 58-60; Катанаев, 1908a: 75-79).

5. Заключение

Труды русского исследователя по истории сибирского казачества, известного историка-краеведа, генерал-лейтенанта Г.Е. Катанаева являются важным историографическим источником, отражающим развитие научного знания в позднеимперский период. В них содержатся сведения по истории ряда чингизидских государств, образовавшихся на обширной территории от Урала и Сибири до Центральной Азии после распада Золотой Орды. Кроме того, эти работы имеют значение для изучения проблем истории Сибири, взаимоотношений между государствами и народами Евразии в позднее Средневековье и характеризуют уровень развития русской исторической науки по проблеме истории государств Чингизидов в конце XIX – начале XX вв.

6. Благодарности

Работа выполнена при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан (ИРН АР09258941 «Роль и значение династии Шибанидов в истории Золотой Орды, Ак Орды и Казахского ханства (XIII–XVII вв.)»).

Литература

Басханов, 2005 – Басханов М.К. Русские военные востоковеды // *Известия Омского государственного историко-краеведческого музея*. 2005. № 11. С. 317-348.

Дорошенко, Кудряшев, 2019 – Дорошенко О.П., В.Н. Кудряшев. Труды Г.Е. Катанаева как источник по истории сибирского казачества // *Вестник Томского государственного университета*. История. 2019. № 57. С. 154-162.

Зайцев, 2014 – Зайцев Г.С. Западная Сибирь России и Казахстан в историко-культурном пространстве XVI–XVIII вв. / *Князь Владимир: цивилизационный выбор Руси. История и духовно-нравственные традиции западной Сибири. Сборник материалов епархиального этапа международных Рождественских чтений I-й региональной научно-практической конференции*. 2014. Тюмень: Филиал ФГБОУ ВПО «Тюменский государственный университет» в г. Ишиме. С. 180-117.

ИАОО – Исторический архив Омской области.

Калиева, 2012 – Калиева Ж.А. К вопросу изучения истории казахского общества Прииртышского края в научных трудах ученых-краеведов на рубеже 20 в. // *Известия Омского государственного историко-краеведческого музея*. 2012. № 17. С. 111-116.

Катанаев, 1893b – Катанаев Г.Е. Киргизские степи, Средняя Азия и Северный Китай в XVII и XVIII столетиях. Омск, 1893. 72 с.

Катанаев, 1893a – Катанаев Г.Е. Еще об Ермаке и его сибирском походе (новые вариации на старую тему) // *Записки Западно-Сибирского отдела имп. Русского географического общества*. Кн. XV. Вып. II. Омск, 1893. 36 с.

Катанаев, 1908a – Катанаев Г.Е. Западно-сибирское служилое казачество и его роль в обследовании и занятии русскими Сибири и Средней Азии. СПб., 1908. 115 с.

Катанаев, 1908b – Катанаев Г.Е. Краткий исторический обзор Сибирского казачьего войска с 1582 по 1908 год. СПб., 1908. 67 с.

Кружинов, Сокова, 2008 – Кружинов В.М., Сокова З.Н. Последнее сражение Ермака: исторические источники и исследования // *Вестник Нижневартковского государственного гуманитарного университета*. 2008. № 1 (2008). С. 21-28.

Кружинов, Сокова, 2010 – Кружинов В.М., Сокова З.Н. Последнее сражение Ермака // *Военно-исторический журнал*. 2010. № 6. С. 35-40.

Кузембайулы и др., 2022 – Кузембайулы А., Ебиль Е., Алибек Т. Сибирский Улус и казахи: проблемы этнической преемственности и исторической памяти. Костанай, 2022. 256 с.

Лосунов, 2012 – Лосунов А.М. Георгий Ефремович Катанаев: его жизнь и деятельность. Историко-биографический очерк / Очерки былого. Г.Е. Катанаев. Историко-биографический очерк. Омск, 2012. С. 10-28.

Мукатаева, Султангазы, 2016 – Мукатаева Л.К., Султангазы Г.Ж. Землеустройство в Степном крае в XIX веке по трудам Г.Е. Катанаева // *Отечественная история. Научный журнал*. 2016. № 1(73). С. 144-152.

Сапрыгин, 2020 – Сапрыгин Ф.Ф. Становление и развитие Сибирского казачьего войска 1808–1917 гг. Исторический очерк // *Постсоветский материк*. 2020. № 4(28). С. 72-94.

Трепавлов, 2011 – Трепавлов В.В. Кучумовичи и калмыки: геополитический мезальянс // *Oriental Studies*. 2011. 4(1). С. 22-35.

Трепавлов, 2012 – Трепавлов В.В. Сибирский юрт после Ермака: Кучум и Кучумовичи в борьбе за реванш. М., 2012. 231 с.

Abil et al., 2022 – Abil Y.A., Kuzembayuly A., Kabuldinov Z.Ye. The Role of the Kazakhs in the History of the Siberian Khanate: Russian Pre-Revolutionary Historiography // *Bylye Gody*. 2022. 17(1): 57-66.

References

Abil et al., 2022 – Abil, Y.A., Kuzembayuly, A., Kabuldinov, Z.Ye. (2022). The Role of the Kazakhs in the History of the Siberian Khanate: Russian Pre-Revolutionary Historiography. *Bylye Gody*. 17(1): 57-66.

Baskhanov, 2005 – Baskhanov, M.K. (2005). Russkie voennye vostokovedy [Russian military orientalists]. *Izvestiya Omskogo gosudarstvennogo istoriko-kraevedcheskogo muzeya*. 11: 317-348. [in Russian]

Doroshenko, Kudryashev, 2019 – Doroshenko, O.P., Kudryashev, V.N. (2019). Trudy G.E. Katanaeva kak istochnik po istorii sibirskogo kazachestva [Works of G.E. Katanaeva as a source on the history of the Siberian Cossacks]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. Istoriya. 57: 154-162. [in Russian]

IAOO – Istoricheskii arkhiv Omskoi oblasti [Historical archive of the Omsk region].

Kaliova, 2012 – Kaliova, Zh.A. (2012). K voprosu izucheniya istorii kazakhskogo obshchestva priirtyshskogo kraia v nauchnykh trudakh uchenykh-kraevedov na rubezhe 20 v. [To the question of studying the history of the Kazakh society of the Irtysh region in the scientific works of local historians at the turn of the 20th century]. *Izvestiya Omskogo gosudarstvennogo istoriko-kraevedcheskogo muzeya*. 17: 111-116. [in Russian]

Katanaev, 1893a – Katanaev, G.E. (1893). Eshche ob Ermake i ego sibirskom pokhode (novye variatsii na staruyu temu) [More about Yermak and his Siberian campaign (new variations on an old theme)]. *Zapiski Zapadno-Sibirskogo otdela imp. Russkogo geograficheskogo obshchestva*. Is. XV (II), 36 p. [in Russian]

Katanaev, 1893b – Katanaev, G.E. (1893). Kirgizskie stepi, Srednyaya Aziya i Severnyi Kitai v XVII i XVIII stoletiyakh [Kirghiz steppes, Central Asia and Northern China in the 18th and 18th centuries]. Омск, 72 p. [in Russian]

Katanaev, 1908a – Katanaev, G.E. (1908). Zapadno-sibirskoe sluzhiloe kazachestvo i ego rol' v obsledovanii i zanyatii russkimi Sibiri i Srednei Azii [West Siberian services Cossacks and its role in the exploration and occupation of Siberia and Central Asia by the Russians]. Po arkhivnym i pechatnym materialam sostavil G.E. Katanaev. Sankt-Peterburg, 115 p. [in Russian]

Katanaev, 1908b – Katanaev, G.E. (1908). Kratkii istoricheskii obzor Sibirskogo kazach'ego voiska s 1582 po 1908 god [Brief historical overview of the Siberian Cossack army from 1582 to 1908]. Sankt-Peterburg, 67 p. [in Russian]

- Kruzhinov, Sokova, 2008 – Kruzhinov, V.M., Sokova, Z.N. (2008). Poslednee srazhenie Ermaka: istoricheskie istochniki i issledovaniya [Ermak's last battle: historical sources and research] *Vestnik Nizhnevartovskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta*, pp. 21-28. [in Russian]
- Kruzhinov, Sokova, 2010 – Kruzhinov, V.M., Sokova, Z.N. (2010). Poslednee srazhenie Ermaka [Yermak's last battle]. *Voенно-Istoricheskii zhurnal*. 6: 35-40. [in Russian]
- Kuzembaiuly i dr., 2022 – Kuzembaiuly, A., Ebil', E., Alibek, T. (2022). Sibirskii Ulus i kazakhi: problemy etnicheskoi preemstvennosti i istoricheskoi pamyati [Siberian Ulus and Kazakhs: Problems of Ethnic Continuity and Historical Memory]. Kostanai, 256 p. [in Russian]
- Losunov, 2012 – Losunov, A.M. (2012). Georgii Evremovich Katanaev: ego zhizn' i deyatel'nost'. Istoriko-biograficheskii ocherk [Georgy Evremovich Katanaev: his life and work. Historical and biographical essay]. *Ocherki bylogo*, Omsk, pp. 10-28. [in Russian]
- Mukataeva, Sultangazy, 2016 – Mukataeva, L., Sultangazy, G. (2016). Zemleustroistvo v Ctepnom krae v XIX veke po trudam G.E. Katanaeva. [Land management in the Steppe region in the twentieth century according to the works of G.E. Katanaev]. *Otechestvennaya istoriya*. 1(73): 144-152. [in Russian]
- Saprygin, 2020 – Saprygin, F.F. (2020). Stanovlenie i razvitie Sibirskogo kazach'ego voiska 1808–1917 gg. Istoricheskii ocherk [Formation and development of the Siberian Cossack army in 1808–1917. Historical outline]. *Postsovetskii materik*. 4(28): 72-94. [in Russian]
- Trepavlov, 2011 – Trepavlov, V.V. (2011). Kuchumovichi i kalmyki: geopoliticheskii mezal'yans [Kuchumovichi and Kalmyks: geopolitical misalliance]. *Oriental Studies*. 4(1): 22-35. [in Russian]
- Trepavlov, 2012 – Trepavlov, V.V. (2012). Sibirskii yurt posle Ermaka: Kuchum i Kuchumovichi v bor'be za revansh [Siberian yurt after Yermak: Kuchum and Kuchumovichi in the fight for revenge]. M., 231 p. [in Russian]
- Zaitsev, 2014 – Zaitsev, G.S. (2014). Zapadnaya Sibir' Rossii i Kazakhstan v istoriko-kul'turnom prostranstve XVI-XVIII vv. [Western Siberia of Russia and Kazakhstan in the historical and cultural space of the 16th-18th centuries]. *Knyaz' Vladimir: tsivilizatsionnyi vybor Rusi. Istoriya i dukhovno-nravstvennye traditsii zapadnoi Sibiri. Sbornik materialov eparkhial'nogo etapa mezhdunarodnykh Rozhdestvenskikh chtenii I-i regional'noi nauchno-prakticheskoi konferentsii*. Tyumen', pp. 180-117. [in Russian]

Государства Чингизидов в трудах генерала Г.Е. Катанаева

Николай Сергеевич Лапин ^{a, *}, Куаныш Газизович Аканов ^a

^a Институт истории государства, Республика Казахстан

Аннотация. В статье проводится анализ трудов русского ученого-историка позднеимперского периода генерала Г.Е. Катанаева, посвященных изучению истории чингизидских государств Сибири и Центральной Азии.

Источниковой базой исследования послужили опубликованные статьи Г.Е. Катанаева по истории Сибири и Русского государства, а также его неопубликованная работа, хранящаяся в личном фонде генерала в Историческом архиве Омской области.

Были рассмотрены отмеченные в работах Г.Е. Катанаева средневековые государства, в которых правили представители династии Чингизидов, очерчен круг его научных интересов по истории взаимоотношений этих государств в Сибири и Центральной Азии с Русским государством и соседними народами. Определены наиболее значимые исторические личности, сыгравшие важную роль в истории изучаемого региона. Систематизированы материалы, собранные Г.Е. Катанаевым по истории отдельных государств Чингизидов, приведены их оценки и характеристики, данные автором.

Являясь историком сибирского казачества, генерал Г.Е. Катанаев большое внимание уделил истории региона, и в частности – Сибирского ханства, в котором правили Чингизиды по линии Шибана – одного из сыновей Джучи. Среди главных сюжетов в его работах по объему и основному вниманию выделяется борьба сибирского хана Кучума и его потомков с русскими воеводами и казаками.

Однако, кроме Сибирского ханства, Г.Е. Катанаев в своих трудах уделял внимание и другим государствам Чингизидов, среди которых заметное место занимает Казахское ханство, в котором правили Тукатимуриды – представители еще одной линии Чингизидов.

Авторами сделан вывод о важности трудов Г.Е. Катанаева как историографического источника, отражающего развитие научного знания в позднеимперский период по истории государств Чингизидов на территории Сибири и Центральной Азии.

Ключевые слова: Г.Е. Катанаев, Чингизиды, Шибаниды, Золотая Орда, Казахское ханство, Сибирское ханство, Русское государство, хан Кучум, Кучумовичи.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: lapin.79@mail.ru (Н.С. Лапин), kukaandvita@mail.ru (К.Г. Аканов)

Copyright © 2023 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2023. 18(2): 712-721
 DOI: 10.13187/bg.2023.2.712

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Krasnoyarsk Volunteer Fire Society in the second half of the 19th – early 20th centuries

Olesya M. Dolidovich ^{a,*}, Evgeniia N. Starovoitova ^b, Lyudmila E. Marinenko ^a

^a Siberian Federal University, Russian Federation

^b Siberian State University of Science and Technology named after M.F. Reshetnev, Russian Federation

Abstract

The authors consider the creation and activity of the Krasnoyarsk Volunteer Fire Society in the second half of the XIX – early XX centuries. The circumstances of its establishment, the nature of interaction with the city and provincial authorities, fire-fighting measures have been investigated. The Society played an important role and made a significant contribution to the fight against fires. However, in general, the Krasnoyarsk City Duma did not seek to increase spending on firefighting, despite the fact that the number of citizens was growing. The improvements that took place depended on the initiative and energy of individuals and were rather random, rather than systemic. It was important not only to extinguish fires, but also to prevent them, which required large material investments, but due to the financial weakness of the self-government, landscaping was at a low level. The Krasnoyarsk Volunteer Fire Society actually received the functions of fire supervision in rural areas on the territory of the counties of the Yenisei province: carried out educational work on fire fighting and monitoring compliance with legislation, was engaged in supplying settlements with fire equipment, promoted the creation of voluntary squads, etc. Nevertheless, the condition of rural fire wagons remained primitive throughout the pre-revolutionary period. The outbreak of the First World War caused a significant weakening of the fire society, since a significant part of its members and horses were mobilized to the front. It is concluded that, in general, the development of firefighting was associated with the need to implement complex socio-economic transformations in the country.

Keywords: Eastern Siberia, city administration, volunteer fire society, Yenisei province, Krasnoyarsk, Krasnoyarsk Volunteer Fire Society, firefighting, First World War.

1. Введение

Во второй половине XIX – начале XX вв. гражданские неполитические ассоциации стали широко распространенной формой самоорганизации российского общества и играли важную роль в самых различных сферах – научной, благотворительной, медицинской, сельскохозяйственной и др. Добровольные пожарные общества появились вследствие слабости противопожарной службы в условиях роста городов и увеличения числа их жителей.

Изучение деятельности конкретных пожарных обществ дает возможность оценить их роль в системе противопожарной защиты провинциальных городов Российской империи пореформенного периода. Кроме того, успешное решение проблем современной пожарной службы, повышение эффективности пожарных формирований невозможны без анализа исторического опыта взаимодействия государства, органов самоуправления и общественности.

* Corresponding author

E-mail addresses: dolidovich@mail.ru (O.M. Dolidovich), jane_star78@mail.ru (E.N. Starovoitova), velichinskaya.lyudmila@mail.ru (L.E. Marinenko)

2. Материалы и методы

Основой настоящей статьи стали архивные документы, извлеченные из фондов Государственного архива Красноярского края (Красноярск, Российская Федерация). Прежде всего, это делопроизводственная документация Красноярского добровольного пожарного общества (фонд 571), включающая переписку правления общества с губернским управлением и крестьянскими начальниками, Противопожарной комиссией при городской думе, которая ведала всеми командами и в целом отвечала за постановку пожарного дела, рапорты монтеров и начальника дружины. Опубликованный устав и отчеты общества отражают цели, организационное устройство, порядок управления делами, источники материальных поступлений, расходы и др. Памятные книжки и хозяйственные обзоры города, содержащие протоколы заседаний и постановления Красноярской городской думы по пожарному вопросу, дают представление о характере взаимодействия между властями города и правлением общества. Периодическая печать представлена «Вестником Красноярского городского общественного управления», выходившим в 1915–1917 гг., освещавшим мероприятия городских властей по борьбе с огнем и условия, в которых им приходилось действовать.

Работа основана на принципах научно-исторического познания – объективности и историзма. Принцип объективности позволил обнаружить общие закономерности развития пожарного дела в Енисейской губернии во второй половине XIX – начале XX вв. и предпосылки создания Красноярского добровольного пожарного общества. Принцип историзма имел важное значение при анализе его деятельности в рамках конкретно-регионального исторического контекста в хронологической последовательности.

Сбор, систематизация, обобщение данных и выстраивание повествования осуществлялись авторами на основе проблемно-хронологического метода. Историко-генетический метод применен для выявления общественных инициатив в осуществлении городских противопожарных мероприятий, проблем и трудностей общества, возникавших в том числе под влиянием Первой мировой войны. Историко-системный метод сделал возможным определение роли и места добровольного пожарного общества в складывавшейся системе обеспечения пожарной безопасности одного из губернских центров Восточной Сибири.

3. Обсуждение

Авторство первых трудов, посвященных добровольным пожарным обществам, как правило, принадлежало известным общественным деятелям, принимавшим непосредственное участие в создании таких объединений, проведении съездов русских деятелей по пожарному делу, работе Императорского русского пожарного общества. Основное внимание они уделяли анализу законодательства, постановке пожарного дела в городах, эффективности применявшихся мер профилактики и пожаротушения (Шереметев, 1892; Струков, 1903; Ландэзен, 1911 и др.). Издавались также брошюры, адресованные брандмейстерам, содержавшие практические рекомендации по организации дружин, руководству ими на пожарах и др. (Львов, 1890; Ермолова, 1911 и др.).

Советская власть занялась возрождением добровольных пожарных обществ уже в годы НЭПа. В 1920–1930-е гг. они оказывали большую помощь профессиональной пожарной охране в тушении пожаров и их профилактике. После Великой Отечественной войны добровольческое движение в пожарном деле получило новый импульс развития в условиях восстановления разрушенных городов и сел. Во всех союзных республиках были созданы добровольные общества с широкой сетью краевых, областных, городских и районных отделений. В 1960 г. открылось Всероссийское добровольное пожарное общество, к 1964 г. численность его членов достигала 3 млн 800 тыс. человек. В связи с этим изучался исторический опыт участия общественных сил в борьбе с пожарами, в частности вопросы финансирования пожарных обществ, их технического оснащения, подготовки кадров и др. (Добровольные пожарные..., 1974; Осташковские..., 1983 и др.).

На современном этапе интерес историков вызывают причины пожарного добровольчества рубежа XIX–XX вв., организационные особенности и правовой статус таких объединений, условия службы рядовых пожарных и др. (Савельев, 1992; Новичкова, 2006; Харин, Матюшин, 2010; Деревянко, Кружилов, 2016 и др.). Некоторые исследования существенно расширяют представления о противопожарных мероприятиях на государственном и общественном уровне в сельской местности (Frierson, 2002), роли земств в борьбе с пожарами (Джаедонг, 2012).

Деятельность пожарных обществ частично освещается при изучении общих процессов самоорганизации русского общества в начале XX в. Показано, что наряду с благотворительными организациями они отличались отсутствием оппозиционности и политического уклона. В столичных городах пожарным обществам покровительствовали члены императорской семьи, видные представители дворянства, чиновники, а в провинции таковые пользовались поддержкой губернаторов, градоначальников и других представителей местных администраций (Туманова, 2008).

В отдельную группу можно выделить издания об исторических традициях пожарной службы, официальной наградной символике пожарных и добровольцев, богато иллюстрированные фотоматериалами (Савельев, Груздь, Малков, 2010; Ардашев, 2019).

Таким образом, во второй половине XIX – начале XX вв. добровольные формирования стали частью системы противопожарной безопасности Российской империи. Поскольку организация, финансирование и контроль пожарного дела относились к ведению местного самоуправления, а губернии значительно отличались по уровню социально-экономического развития и общественной активности, ситуация на местах также складывалась по-разному. Между тем исследования на региональном уровне все еще малочисленны, в связи с чем затруднительно оценить вклад добровольных пожарных обществ в деятельность противопожарных служб и представить общую картину развития пожарного дела как на местах, так и в целом по стране.

4. Результаты

4.1. Создание и деятельность Красноярского добровольного пожарного общества

Во второй половине XIX – начале XX вв. органы городского управления в Российской империи по своим финансовым возможностям не были в состоянии эффективно организовать пожарное дело. Состав городских пожарных команд был малочисленным, пожарные не имели профессиональной подготовки, крайне тяжелые условия жизни и службы и низкие зарплаты имели следствием высокую текучесть кадров. Техническая оснащенность депо оставляла желать лучшего. В связи с этим власти городов начали привлекать к работе в области обеспечения пожарной безопасности силы общественности (Новичкова, 2006).

Первые добровольные пожарные общества появились в середине XIX в. В 1896 г. вышел «Нормальный устав для добровольных пожарных обществ», в 1897 г. – «Нормальный устав для сельских добровольных пожарных обществ». Образованное в 1892 г. Российское пожарное общество (с 1901 г. – Императорское российское пожарное общество) координировало местные объединения, вело статистику и разрабатывало меры по предупреждению пожаров, организовывало выставки и съезды пожарных деятелей, оказывало материальную помощь пострадавшим на пожарах служителям и др. К 1917 г. оно включало 3 600 организаций: городских добровольных пожарных дружин – 1 377, городских добровольных пожарных обществ – 952, фабрично-заводских пожарных обществ и дружин – 960, других пожарных организаций – 261. Число действительных членов общества составляло свыше 400 тыс. человек (Романов, 2017).

В Енисейской губернии первое добровольное пожарное общество появилось в губернском центре – Красноярске. Городская пожарная команда здесь была создана в 1850-е гг. согласно «Нормальной табели состава пожарной части в городах» (1853 г.). Личный состав комплектовался из военного ведомства, зарплата пожарных формировалась из городских доходов и взимавшегося Министерством внутренних дел в пользу городов сбора с застрахованных имуществ. Когда в 1860–1870-е гг. «попечение о пожарной части» было отнесено к ведению городского самоуправления, началась работа по созданию «общественной» пожарной команды. Однако красноярцы считали, что тушение пожаров является обязанностью военных или полиции, и отказывались платить денежный сбор на ее содержание.

В таких обстоятельствах в 1868 г. городской голова П.Я. Прейн выступил с инициативой создания добровольного пожарного общества, но в тот момент она не получила поддержки. Власти вернулись к этой идее значительно позже. В 1876 г. городская дума разработала проект устава, в 1879 г. его утвердил министр внутренних дел. После пожара 1883 г., когда выгорела большая часть Красноярска, горожане оказались в тяжелом материальном положении и были не в состоянии поддерживать пожарное общество. Оно возобновило работу лишь в 1899 г. Первым председателем был избран вице-губернатор В.П. Урусов. В 1900 г. его сменил золотопромышленник (с 1906 г. городской голова) П.К. Гудков, а после его смерти в 1908 г. – представитель известной купеческой династии П.И. Гадалов.

Все члены добровольного пожарного общества делились на категории: почетных, сореволюционеров (или жертвователей), действительных («охотников»). К участию в дружине не допускались лица, не достигшие 17 лет (с 17 до 21 года – лишь с согласия родителей и попечителей), значившиеся на действительной военной службе или судимые. Делами руководило правление, состоявшее из председателя и трех–четырёх человек, избравшихся из действительных членов. Дружинники, помимо выездов на пожары, изучали устройство и принципы работы паровых пожарных машин, проверяли исправность инструментов, проводили учения по слаживанию действий каждого отряда. К 1912 г. функционировало пять отрядов – действующий (включавший 145 «охотников»), машинный (86 пожарных), водоснабжения (36), охранный (68), санитарный (8) (Устав..., 1895; Отчет... за 1911 год, 1912).

В пользу общества поступали пожертвования частных лиц, регулярные субсидии от Красноярской городской думы и управы, купеческого общества, городского общества взаимного страхования. К началу 1911 г. на его счет поступило 74 549 рублей 69 копеек. При этом общая сумма ассигнований со стороны города составила 51,6% (38 526 рублей) (Об отсрочке..., 1911: 29). Средства направлялись на строительство пожарного депо, конюшен, хозяйственных помещений, приобретение лошадей, инвентаря и инструментов, выплату жалования брандмейстеру и служителям. Красноярское добровольное пожарное общество содержало две пожарные команды – при Главном депо и

Николаевской слободе. Губернская администрация выделяла беспроцентные ссуды и пособия на зарплату мастера-техника, канцелярские расходы, страхование пожарных в «Обществе Голубого креста» (ГАКК. Ф. 571. Оп. 1. Д. 28. Л. 3).

Успехи пожарных добровольного общества были отмечены на общероссийском уровне. Так, красноярская команда получила диплом первой степени за «предупредительные и оборонительные мероприятия» на VI Международном пожарном конгрессе в мае 1912 г. в Санкт-Петербурге, золотой жетон за первое место в соревнованиях на Всероссийском съезде пожарных в 1914 г. в Томске. В общественном мнении формировались традиции уважения к пожарной службе. Пожарных служителей стимулировали знаками отличия – похвальными отзывами, бронзовыми и серебряными нагрудными знаками, медалями «За усердие», особо отличившимся городские власти присваивали звание личного или потомственного почетного гражданина (Тимофеев, 2018).

В 1890–1900-е годы по примеру Красноярска добровольные пожарные общества были созданы в уездных городах губернии (Канске, Енисейске, Минусинске, Ачинске) (Город Енисейск..., 1916: 49). С их деятельностью связаны мероприятия по внедрению новых образцов пожарной техники и развитию пожарной инфраструктуры городов. Красноярское общество достигло в этом отношении наибольших успехов. Для пожарной команды была приобретена английская паровая пожарная машина, в 1912 г. установлена машина с гидropультом в Закачинской слободе. В целях своевременного ремонта машин и другой пожарной техники содержался мастер-монтер, который проходил стажировку на механическом заводе товарищества «С.И. Сонин и А.И. Кузовникова» в Перми. Завод специализировался на выпуске пожарных машин, в том числе с подогревателем, востребованных в Сибири. В Красноярске был открыт торговый склад кровельного железа, где горожанам и сельским обществам открывали кредит (Отчет... за 1911 год, 1912).

В 1903 г. на заседании городской думы член Красноярского вольного пожарного общества П.С. Троицкий сделал доклад о необходимости строительства «хозяйственно-противопожарного водопровода». Для составления проектной документации прибыли специалисты из московской фирмы «Нептун». На возведение водопровода в 1911 г. городская дума получила высочайшее разрешение о выпуске займа в 600 000 рублей, а также обратилась к иркутскому генерал-губернатору за ссудой. В 1913 г. начала работу 12-километровая линия пожарно-питьевого водопровода с пятью водозаборными будками (О допущении..., 1916).

Во всех районах Красноярска были построены пожарные каланчи, но с распространением телефонной связи они теряли свое значение. На заседаниях Красноярского пожарного общества в 1915–1916 г. обсуждался вопрос об устройстве пожарной электрической сигнализации для своевременной передачи информации о возгораниях. Правление обратилось в акционерное общество Русских электротехнических заводов Сименс и Гальске («Руссименс») в Петрограде с просьбой прислать прейскурант. В ответ была запрошена более подробная информация (общий план местности с указанием масштаба, расположение центральной приемной станции и площадь помещения, число пожарных извещателей и др.) для разработки проекта и подбора оборудования. Воплотить этот замысел в дореволюционный период Красноярскому обществу не удалось (ГАКК. Ф. 571. Оп. 1. Д. 48. Л. 10).

Одним из важных направлений деятельности стали попытки взять под контроль работу трубочистов. Вследствие того, что трубоочистным делом занимались недобросовестные лица, происходило множество пожаров. Правление общества организовало трубоочистную артель. Работы производились по установленной таксе, вырученные средства направлялись на покупку инструментов для пожарных депо. Тем не менее уничтожить конкуренцию частных трубочистов не удалось, они прибегали к мошенничеству: заявляли горожанам, что пришли от вольно-пожарного общества и брали оплату по собственным расценкам (ГАКК. Ф. 571. Оп. 1. Д. 6. Л. 5-6).

Нельзя не отметить ту важную роль, которую пожарное общество играло в общественной и культурной жизни, сфере досуга горожан. При Красноярском пожарном обществе действовал кружок любителей драматического искусства и оркестр духовых инструментов, при депо была организована библиотека-читальня. Пожарные устраивали гимнастические городки, в зимнее время – катки, проводили развлекательные мероприятия (маскарады, гуляния и т.п.). С 1903 г. в Красноярске в торжественной обстановке проходил праздник в честь вольно-пожарной дружины. Ежегодно утром 9 мая дружина в сопровождении оркестра маршировала до здания депо, на Пляц-Парадной площади совершался молебен в присутствии вице-губернатора, брандмейстера, председателя пожарного общества, представителей Красноярского городского управления. Затем в здании депо проходил банкет для дружинников (ГАКК. Ф. 571. Оп. 1. Д. 47. Л. 1-2).

Деятельность добровольного пожарного общества была сопряжена с рядом серьезных проблем. Ряд из них был связан с тем, что Красноярск увеличивался, в том числе за счет слияния с пригородными поселениями, тогда как городские власти не спешили проводить на этих территориях работы по благоустройству, развитию инфраструктуры и в том числе противопожарному делу. Так, ассигнования городского управления на противопожарные мероприятия в Николаевской слободе стали выделяться с 1903 г., тогда как работа общества здесь началась еще в 1901 г. Вначале была приобретена пожарная машина, бочки, водяной бак, а впоследствии создан Николаевский пожарный обоз. Постоянные расходы по содержанию обоза с течением времени стали непосильными для

общества, и в 1911 г. после неоднократных обращений и ходатайств удалось передать обоз на баланс города. При передаче городская управа потребовала детальную отчетность, полагая, что все имущество депо изначально принадлежало городу. Случился скандал, поскольку правление общества считало это имущество своим и вело отчетность по собственной форме.

Особым статусом обладал Алексеевский поселок, примыкавший к городу с северо-западной стороны. В 1903 г. городские власти отдали эту территорию управлению железной дороги под жилую застройку для рабочих и служащих станции Красноярск, и поселок постепенно превратился в Алексеевскую слободу. В договоре прямо оговаривалось, что затраты по благоустройству должны были производиться на средства управления дороги, однако при этом город сохранил право на оценочный сбор с недвижимых имуществ. В пожарном отношении складывалась неблагоприятная ситуация: «Вследствие отсутствия водоемов, отдаленности пожарной команды, плохого состояния проездов и взвозов к слободе, неимения какого-либо телефонного соединения с пожарными частями и отсутствия постоянной пожарной организации и набатного колокола, возникавшие в слободе пожары оканчивались полным выгоранием построек и даже человеческими жертвами» ([Ходатайство Красноярского..., 1910: 422](#)). В ответ на многочисленные обращения жителей слободы Красноярское пожарное общество установило там бак для воды, затратив на его оборудование 400 рублей. В 1909 г. общество подало ходатайство в городскую думу и Управление Сибирской железной дороги с просьбой выделить 800 рублей на устройство теплого помещения для бака, который в зимнее время замерзал и становился бесполезным. Город ответил категорическим отказом, управление дороги согласилось дать лишь половину суммы. Общество вело переписку с городскими властями, убеждая предоставить недостающие средства, поскольку покрыть расход за свой счет не имело возможности.

Вследствие низкой оплаты труда команды общества испытывали постоянный дефицит пожарных. Мужчины трудоустраивались на зимний период, а весной начинались повальные увольнения, и на место уволенных приходилось брать неподготовленных людей. В мае 1912 г. правление общества рассматривало вопрос о необходимости повышения окладов: «Рост цен на предметы первой необходимости все увеличивается, и те оклады, которые получают в настоящее время служители как семейные, так и холостые, далеко не достаточны, и только нужда держит людей на службе у общества. И если к зиме, загнанные надвигающейся безработицей, на еще относительно благоприятные условия службы в Вольном пожарном обществе, то весной с открытием работ хороший работник, могущий заработать вдвое, несомненно, покинет службу. Опытные и достаточно вымуштрованные, приспособившиеся к делу в течение осени и зимы, они бросают службу и их приходится заменять новыми, неподготовленными и как раз в такое именно время, когда спрос на рабочие руки растет, и вновь поступивший будет смотреть на свою службу как на переходную, временную, до приискания лучшей, в смысле оплаты, и едва таковая найдется, он тотчас бросит службу» ([ГАКК. Ф. 571. Оп. 1. Д. 28. Л. 41](#)).

Первая мировая война значительно усилила дефицит кадров, поскольку стражники подлежали мобилизации в действующую армию. Отсрочки предоставлялись по именованным ходатайствам местных властей лишь пожарным городским командам, к служителям добровольных пожарных обществ это не относилось. Правления обществ пытались частично решить кадровый вопрос за счет привлечения учащихся мужских гимназий и реальных училищ. Так, в Красноярске членами вольно-пожарной дружины стали участники гимназического общества «Сокол». Война принесла с собой и другие проблемы. В частности, пожарные обозы лишались лошадей, которые подлежали отправке на фронт. В связи с переориентацией промышленности на выпуск оборонной продукции пожарные команды повсеместно начали испытывать нехватку пожарного инвентаря ([Пожарные насосы, 1917](#)).

В целом с 1915 г. в деятельности добровольных пожарных обществ начался заметный спад. На страницах печати отмечалось: «Нельзя с грустью не отметить заметного как бы утомления пожарных деятелей в смысле поддержания жизнедеятельности общества как со стороны его членов, так и активных работников на пожарах. Касса пуста, и поступление членских взносов прекратилось. <...> Во многом причиной является война, ибо она отвлекла на свою сторону приток материальных средств и пожертвований, взяла многих из дружинников на борьбу с другим, не менее грозным врагом» ([Город Енисейск..., 1916](#)).

4.2. Проблемы обеспечения пожарной безопасности в сельской местности

В связи с тем, что положения о земских учреждениях 1864 г. и 1890 г. на Сибирь не распространялись вплоть до 1917 г., развитие пожарного дела в сельской местности было отнесено к компетенции и ответственности губернских управлений. Однако для создания пожарных депо и команд не хватало ни денежных средств, ни специалистов. Согласно распоряжению губернатора Я.Д. Бологовского от 1910 г., в селах Енисейской губернии, имевших более 100 дворов, должны были избираться пожарные старосты. В их ведении находились пожарные машины и инвентарь. Относительно прочих обязанностей не имелось никаких предписаний или инструкций. Как правило, избирались лица случайные, малосведущие в пожарном деле, которые за годовой срок своего пребывания в этом статусе не успевали даже освоиться ([ГАКК. Ф. 571. Оп. 1. Д. 33. Л. 37](#)).

Енисейское губернское управление предоставляло кредиты на приобретение пожарной техники по ходатайствам сельских обществ. В 1909 г. Красноярское пожарное общество обратилось с просьбой

предоставить для сел большой заем из средств Губернского страхового капитала в размере 25 000 рублей сроком на 4–5 лет для закупки пожарных машин. Губернское управление сделало запрос сельским обществам, какие из них действительно хотели бы приобрести технику. Выразили свое согласие 50 обществ. В апреле 1911 г. Министерство внутренних дел одобрило предоставление кредита, однако в размере 11 000 рублей. К этому времени наличный денежный фонд Губернского страхового капитала уже был израсходован, и с началом войны выдача ссуд прекратилась.

В 1912 г. в 273 селах губернии имелось 385 частных и общественных пожарных машин: в Минусинском уезде – 138, в Канском – 104, в Красноярском – 69, в Ачинском – 44, в Енисейском – 30. Пожарные машины и технические устройства были как иностранного, так и отечественного производства: машины с ящиком Невьянского завода, трубы и гидропульты Петербургского пожарного депо, завода Лангензишена, насосы «Челленж» и др. Большой популярностью пользовались машины фабрики Г. Листа стоимостью 270–280 рублей. Крестьяне предпочитали приобретать мощные пожарные машины, тогда как для деревни подходили небольшие, требовавшие меньшего количества рабочих и подачи воды. В редких случаях в селах имелись запасные части (рукава, соединительные гайки и др.). Не хватало и простых пожарных инструментов – багров, бочек, лестниц и т.п. Условия хранения как машин, так и инструментов были неудовлетворительными – обычно во дворах под крышами или в холодных сараях: «Почти во всех селениях уход за пожарными машинами в высшей мере небрежный. Машины хранятся в большинстве под открытым небом, рукава без просушки быстро гнивают, машины теряют свои части и становятся наполовину годными для подачи помощи на пожаре» (ГАКК. Ф. 571. Оп. 1. Д. 33. Л. 35).

Енисейское губернское управление выделяло средства на содержание монтера (агента) Красноярского вольного пожарного общества: 1 200 рублей в год – жалованье, 2 600 рублей – командировочные и 200 рублей – канцелярские расходы. На протяжении года монтер находился в постоянных разъездах по уездам. При посещении сел он осуществлял ремонт машин, объяснял пожарным старостам правила хранения техники и инструментов, раздавал брошюры («Уход за пожарной трубой» и «Способы починки пеньковых рукавов пластырем»). На сельских сходах и собраниях монтер помогал в составлении уставов добровольных сельских дружин, которые затем отправлялись на утверждение губернатором. Всего было создано 15 дружин: в Красноярском уезде в селах Базайском и Сухобзимском; в Минусинском уезде – Абаканском, Идринском, Каратузском, Ермаковском, Александровском винокуренном заводе братьев Даниловых; Ачинском уезде – Балахтинском и Тюльковском; Канском уезде – Абаканском, Иланском, Ирбейском, Рыбинском, Тасеевском; в Енисейском уезде – в селе Казачинском (Сведения..., 1913: 169).

В 1916–1919 гг. на должности монтера общества состоял И.Н. Кошков. Для повышения квалификации он был направлен в Москву, Петроград, Тверь, где осматривал пожарные части и обозы, знакомился с устройством электрической сигнализации и другими новинками в пожарном деле. В своем отчете за 1916 г. И.Н. Кошков писал, что проехал по губернии 7 020 верст. В начале года возможности для поездок были ограничены из-за паводков и наводнений, с сентября по октябрь удалось посетить 48 сел и деревень в Минусинском уезде, в декабре он объезжал волости Канского уезда. При благоприятных погодных условиях ему потребовалось бы около трех лет, чтобы попасть во все населенные пункты губернии, поэтому И.Н. Кошков предлагал увеличить количество монтеров – хотя бы по одному на каждый уезд. Таким образом, они смогли бы посещать каждое село дважды в год и находить время на самообразование, знакомство с технической литературой.

В годы войны в Енисейской губернии было мобилизовано 38,8% трудоспособных мужчин. В том числе на фронт ушли пожарные старосты. Согласно циркуляру Министерства внутренних дел старосты, освобожденные от призыва, однако о существовании этого документа в сельской местности было известно не всем, уездные по воинской повинности присутствия его совершенно игнорировали. И.Н. Кошков писал в правление Красноярского пожарного общества, что необходимо обратиться к губернатору с просьбой растиражировать и опубликовать этот циркуляр в «Енисейских губернских ведомостях». Перевыборы старост не проводились, на этой должности оставались лишь «старые или калеки, которые и в обычное время совершенно с трудом передвигают ноги».

Оставшиеся жители сел не могли эффективно использовать пожарные машины: «В селе Муринском Кочергинской волости в 1916 г. во время полевых работ по невыясненной причине случился пожар, с западной стороны при сильной буре выгорело 85 домов, церковь, также и машина. Пожарный староста был взят на службу в начале войны, и машина находилась без присмотра, в сарае близ церкви, стояла на полу, а не на дрогах. Когда человек хотел вытащить ее из сарая, одному было не под силу, а сарай уже загорелся, поэтому машина так и осталась в сарае и сгорела» (ГАКК. Ф. 571. Оп. 1. Д. 33. Л. 1. Л. 87).

К тому же при отсутствии на селе обязательных постановлений по пожарной и строительной части в случае возникновения пожара обычно одной машины было недостаточно. Улицы застраивались скученно, бани топились по-черному, трубы использовались железные без облицовки кирпичом, из-за чего обугливались и загорались соломенные крыши. Внутри дворовых построек хранились дрова, сено, хлеб и т.д.: «Если, не дай бог, случится пожар в настоящем году в тех селениях, где сложены во дворах клады хлебов, да еще при ветре, то получится по всему селению общая лава

огня» (ГАКК. Ф. 571. Оп. 1. Д. 33. Л. 1. Л. 30). В некоторых селах «более культурные крестьяне» просили ходатайствовать перед губернскими властями об издании правил, регламентирующих условия хранения легковоспламеняющихся предметов.

После Февральской революции 1917 г. в сельской местности складывалась ситуация безвластия. В тот год И.Н. Кошков смог объехать лишь волости северо-восточной части Канского уезда, западный и северный районы Красноярского уезда. Монтер отмечал, что пожарное дело приходило в упадок: старосты отсутствовали, техника и инструменты оставались без присмотра, многие машины были неисправны, их требовалось отправлять в Красноярск для капитального ремонта: «Отношение селений к моим советам о принятии противопожарных мер, о приобретении, улучшении и добавлении инструментов и машин, определилось более отрицательного характера. Мотивом, которого всюду слышалось одинаково, как и в прочих уездах – ссылка на войну и недород хлебов» (ГАКК. Ф. 571. Оп. 1. Д. 33. Л. 1. Л. 74).

5. Заключение

В Енисейской губернии добровольные пожарные общества создавались во второй половине XIX – начале XX вв. по инициативе городских управлений. Аккумулируя благотворительные средства, опираясь на общественную энергию и инициативу, они должны были способствовать организации пожарного дела в городах, находившихся в состоянии хронического дефицита бюджетов. Красноярское добровольное пожарное общество было создано первым, его деятельность была наиболее успешной, поскольку осуществлялась при активном участии и поддержке не только городских, но и губернских властей. Поддержка эта оказывалась не просто так: в отсутствие земских учреждений администрация использовала их организационные, технические, кадровые ресурсы, чтобы наладить пожарную службу и в сельской местности. Однако общество не обладало достаточными ресурсами и полномочиями для системной, широкомасштабной работы в пожарной сфере на территории уездов.

Сама необходимость создания такого рода общественных ассоциаций демонстрировала общую неэффективность государственного подхода к организации пожарного дела. В условиях промышленного переворота и урбанизации требовались значительное увеличение финансирования, широкое внедрение научно-технических достижений в практику пожаротушения, кадровое усиление местных пожарных команд, развитие профессионального обучения и подготовки пожарных, изменение строительных норм, улучшение водоснабжения и общего уровня благоустройства населенных пунктов, установление в законодательном порядке общих правил, регламентирующих работу по предупреждению пожаров как в городе, так и на селе и др.

Литература

- Ардашев, 2019 – Ардашев В.М. Официальная наградная символика пожарных и добровольцев России. СПб.: «ГАЛАРТ+», 2019. 200 с.
- ГАКК – Государственный архив Красноярского края.
- Город Енисейск..., 1916 – Город Енисейск в пожарном отношении // *Вестник Красноярского городского общественного управления*. 1916. № 12–13. С. 44–49.
- Деревянко, Кружилов, 2016 – Деревянко В.М., Кружилов А.В. Развитие добровольной пожарной охраны России // *Пожарная безопасность: проблемы и перспективы*. 2016. Т. 2. № 1(7). С. 105–107.
- Джаедонг, 2012 – Джаедонг Ч. Земские противопожарные мероприятия в сельской России начала XX века // *XX век и сельская Россия: российские и японские исследователи в проекте «История российского крестьянства в XX веке»*. Токио: Центр международного сотрудничества для исследования японской экономики (CIRJE) при Высшей школе экономики Токийского университета, 2012. Вып. 2. С. 65–109.
- Добровольные пожарные..., 1974 – Добровольные пожарные / Сост. Г.П. Никитин. Ижевск: «Удмуртия», 1974. 35 с.
- Ермолова, 1911 – Ермолова М.А. Добровольная пожарно-спасательная служба. СПб.: Типография В.Ф. Киршбаума, 1911. 53 с.
- Ландэзен, 1911 – Ландэзен Ф.Э. Опыт пожарного законодательства. СПб.: Типография И.М. Флейтмана, 1911. 24 с.
- Львов, 1890 – Львов А.Д. Городские пожарные команды. Опыт руководства к их устройству и отправлению ими службы. СПб.: Типография А. Якобсона, 1890. 352 с.
- Новичкова, 2006 – Новичкова Н.Ю. Российские городские пожарные команды на рубеже XIX–XX вв. // *Пожаровзрывобезопасность*. 2006. Т. 15. № 4. С. 35–38.
- Об отсрочке..., 1911 – Об отсрочке Вольно-пожарному обществу передачи в ведение Городского управления Николаевской пожарной части // *Обзор хозяйства города Красноярска за январь–март 1911 г.* Красноярск: Типография М.И. Абалакова, 1911. С. 29–37.

О допущении..., 1916 – О допущении в состав водопроводно-электрической комиссии представителя от правления Красноярского вольного пожарного общества // *Вестник Красноярского городского общественного управления*. 1916. № 22. С. 434.

Осташковские..., 1983 – Осташковские добровольцы на страже народного благосостояния. Осташков: б.и., 1983. 12 с.

Отчет... за 1910 год, 1911 – Отчет о деятельности Красноярского вольно-пожарного общества за 1910 год. Красноярск: Типография М.И. Абалакова, 1911. 113 с.

Отчет... за 1911 год, 1912 – Отчет о деятельности Красноярского вольно-пожарного общества за 1911 год. Красноярск: Типография М.И. Абалакова, 1912. 83 с.

Отчет... за 1912 год, 1913 – Отчет о деятельности Красноярского вольно-пожарного общества за 1912 год. Красноярск: Типография В.С. Хессина, 1913. 44 с.

Пожарные насосы, 1917 – Пожарные насосы // *Вестник Красноярского городского общественного управления*. 1917. № 5–6. С. 49.

Романов, 2017 – Романов И.Е. Образование и правовое положение добровольных пожарных обществ в Российской империи в пореформенный период / *Современные тенденции развития науки и технологий: Сборник научных трудов по материалам международной научно-практической конференции*. В 5 частях. Часть IV. Белгород: Агентство перспективных научных исследований, 2017. С. 135-138.

Савельев, 1991 – Савельев П.С. Пожарные добровольцы России (к 100-летию ВДПО). М.: Стройиздат, 1992. 48 с.

Савельев и др., 2010 – Савельев П.С., Груздь С.И., Малков В.И. Пожарные добровольцы России в фотографиях, документах и воспоминаниях. М.: б. и., 2010. 880 с.

Сведения..., 1913 – Сведения о сельских пожарных дружинах в Енисейской губернии // Памятная книжка Енисейской губернии на 1913 год. Красноярск: Енисейская губернская типография, 1913. 226 с.

Струков, 1903 – Струков Д.П. Десятилетие Российского императорского пожарного общества. 1893–1903: Исторический очерк. СПб.: Типография Флейтмана, 1903. 116 с.

Тимофеев, 2018 – Тимофеев А.Н. Красноярское вольное пожарное общество. Опыт организации и роль в истории города // *Мартъяновские краеведческие чтения (2016–2017 гг.): Сборник докладов и сообщений*. Минусинск: Минусинский региональный краеведческий музей им. Н.М. Мартянова, 2018. С. 239-243.

Туманова, 2008 – Туманова А.С. Общественные организации и русская публика в начале XX века. М.: Новый хронограф, 2008. 328 с.

Устав..., 1895 – Устав Красноярского добровольного пожарного общества. Красноярск: Типография А.Д. Жилина, 1895. 16 с.

Харин, Матюшин, 2010 – Харин Ю.И., Матюшин А.В. Истоки добровольной пожарной охраны России // *Пожарная безопасность*. 2010. № 2. С. 138-145.

Ходатайство Красноярского..., 1910 – Ходатайство Красноярского вольно-пожарного общества об ассигновании пособия в сумме 800 рублей на устройство тепляка для водохранилища в Алексеевской слободе // *Обзор хозяйства города Красноярска за июль–декабрь 1909 г.* Красноярск: Типография М.И. Абалакова, 1910. С. 422-423.

Шереметев, 1892 – Шереметев А.Д. Первая общественная команда Москвы // *Пожарный*. 1892. № 18. С. 839-842.

Frierson, 2002 – Frierson C.A. All Russia is burning!: A cultural history of fire and arson in late Imperial Russia. Seattle; London: University of Washington Press, 2002. 318 p.

References

Ardashev, 2019 – Ardashev, V.M. (2019). Ofitsial'naya nagradnaya simbolika pozharnykh i dobrovol'tsev Rossii [Official award symbols of firefighters and volunteers of Russia]. SPb., 200 p. [in Russian]

Derevyanko, Kruzhilov, 2016 – Derevyanko, V.M., Kruzhilov, A.V. (2016). Razvitie dobrovol'noi pozharnoi okhrany Rossii [Development of voluntary fire protection in Russia]. *Pozharnaya bezopasnost': problemy i perspektivy*. 2. 1(7): 105-107. [in Russian]

Dobrovol'nye pozharnye..., 1974 – Dobrovol'nye pozharnye. Sost. G.P. Nikitin. Izhevsk, 1974. 35 p. [in Russian]

Dzhaedong, 2012 – Dzhaedong, Ch. (2012). Zemskie protivopozharnye meropriyatiya v sel'skoi Rossii nachala 20 veka [Zemstvo fire-fighting measures in rural Russia at the beginning of the 20th century]. *XX vek i sel'skaya Rossiya: rossiiskie i yaponskie issledovateli v proekte «Istoriya rossiiskogo krest'yanstva v XX veke»*. Tokio. Is. 2. Pp. 65-109. [in Russian]

Ermolova, 1911 – Ermolova, M.A. (1911). Dobrovol'naya pozharno-spatatel'naya sluzhba [Voluntary Fire and Rescue Service]. SPb., 53 p. [in Russian]

Frierson, 2002 – Frierson, C.A. (2002). All Russia is burning!: A cultural history of fire and arson in late Imperial Russia. Seattle; London: University of Washington Press, 318 p.

GAKK – Gosudarstvennyi arkhiv Krasnoyarskogo kraia [State Archive of Krasnoyarsk krai].

Gorod Eniseisk..., 1916 – Gorod Eniseisk v pozharom otnoshenii [The city of Yeniseisk in terms of fire]. *Vestnik Krasnoyarskogo gorodskogo obshchestvennogo upravleniya*. 12–13: 44–49. [in Russian]

Kharin, Matyushin, 2010 – Kharin Yu.I., Matyushin A.V. (2010) Istoki dobrovol'noi pozharnoi okhrany Rossii [The origins of the voluntary fire protection of Russia]. *Pozharnaya bezopasnost'*. 2: 138–145. [in Russian]

Khodataistvo Krasnoyarskogo..., 1910 – Khodataistvo Krasnoyarskogo vol'no-pozharnogo obshchestva ob assignovanii posobiya v summe 800 rublei na ustroistvo teplyaka dlya vodokhranilishcha v Alekseevskoi slobode [The petition of the Krasnoyarsk Voluntary Fire Society for the allocation of a benefit in the amount of 800 rubles for the construction of a warm room for a reservoir in the Alekseevskaya Sloboda]. *Obzor khoziaistva goroda Krasnoyarska za iyul' – dekabr' 1909 g.* Krasnoyarsk, 1910. Pp. 422–423. [in Russian]

Landezen, 1911 – Landezen, F.E. (1911). Opyt pozharnogo zakonodatel'stva [Experience of fire legislation]. SPb., 24 p. [in Russian]

L'vov, 1890 – L'vov, A.D. (1890). Gorodskie pozharnye komandy. Opyt rukovodstva k ikh ustroistvu i otpravleniyu imi sluzhby [City fire brigades. A guide to creating them]. SPb., 352 p. [in Russian]

Novichkova, 2006 – Novichkova, N.Yu. (2006). Rossiiskie gorodskie pozharnye komandy na rubezhe XIX–XX vv. [Russian city fire brigades at the turn of the XIX–XX centuries.]. *Pozharovzryvobezopasnost'*. 15(4): 35–38. [in Russian]

O dopushchenii..., 1916 – O dopushchenii v sostav vodoprovodno-elektricheskoi komissii predstavatelya ot pravleniya Krasnoyarskogo vol'nogo pozharnogo obshchestva [About admission to the water supply and electric commission of a representative from the Board of the Krasnoyarsk Free Fire Society]. *Vestnik Krasnoyarskogo gorodskogo obshchestvennogo upravleniya*. 1916. 22: 434. [in Russian]

Ob otsrochke..., 1911 – Ob otsrochke Vol'no-pozharnomu obshchestvu peredachi v vedenie Gorodskogo upravleniya Nikolaevskoi pozharnoi chasti [About granting to the voluntary fire company of a postponement in transfer of the Nikolaev fire department to City management]. *Obzor khoziaistva goroda Krasnoyarska za yanvar' – mart 1911 g.* Krasnoyarsk, 1911. Pp. 29–37. [in Russian]

Ostashkovskie..., 1983 – Ostashkovskie dobrovol'tsy na strazhe narodnogo blagosostoyaniya. [Ostashkovskoe volunteers on guard of national welfare]. Ostashkov, 1983. 12 p. [in Russian]

Otchet... za 1910 god, 1911 – Otchet o deyatel'nosti Krasnoyarskogo vol'no-pozharnogo obshchestva za 1910 god [Report on the activities of the Krasnoyarsk Volunteer Fire Society for 1910]. Krasnoyarsk, 1911. 113 p. [in Russian]

Otchet... za 1911 god, 1912 – Otchet o deyatel'nosti Krasnoyarskogo vol'no-pozharnogo obshchestva za 1911 god [Report on the activities of the Krasnoyarsk Volunteer Fire Society for 1911]. Krasnoyarsk, 1912. 83 p. [in Russian]

Otchet... za 1912 god, 1913 – Otchet o deyatel'nosti Krasnoyarskogo vol'no-pozharnogo obshchestva za 1912 god [Report on the activities of the Krasnoyarsk Volunteer Fire Society for 1912]. Krasnoyarsk, 1913. 44 p. [in Russian]

Pozharnye nasosy, 1917 – Pozharnye nasosy [Fire pumps]. *Vestnik Krasnoyarskogo gorodskogo obshchestvennogo upravleniya*. 1917. 5–6: 49. [in Russian]

Romanov, 2017 – Romanov, I.E. (2017). Obrazovanie i pravovoe polozhenie dobrovol'nykh pozharnykh obshchestv v Rossiiskoi imperii v poreformennyi period [Formation and legal status of voluntary fire societies in the Russian Empire in the post-reform period]. *Sovremennye tendentsii razvitiya nauki i tekhnologii: sbornik nauchnykh trudov po materialam ,mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. V 5-ti chastyakh*. Iss. IV. Belgorod, pp. 135–138. [in Russian]

Savel'ev i dr., 2010 – Savel'ev, P.S., Gruzd', S.I., Malkov, V.I. (2010). Pozharnye dobrovol'tsy Rossii v fotografiyakh, dokumentakh i vospominaniyakh [Russian Volunteer Firefighters in photos, documents and memoirs]. M., 880 p. [in Russian]

Savel'ev, 1991 – Savel'ev, P.S. (1992). Pozharnye dobrovol'tsy Rossii (k 100-letiyu VDPO) [Volunteer Firefighters of Russia (for the 100th anniversary of the VDPO)]. M., 48 p. [in Russian]

Sheremetev, 1892 – Sheremetev, A.D. (1892). Pervaya obshchestvennaya komanda Moskvy [The first public fire brigade of Moscow]. *Pozharnyi*. 18: 839–842. [in Russian]

Strukov, 1903 – Strukov, D.P. (1903). Desyatiletie Rossiiskogo imperatorskogo pozharnogo obshchestva. 1893–1903: Istoricheskii ocherk [The decade of the Russian Imperial Fire Society. 1893–1903: Historical essay]. SPb., 116 p. [in Russian]

Svedeniya..., 1913 – Svedeniya o sel'skikh pozharnykh družhinakh v Eniseiskoi gubernii [Information about rural fire brigades in the Yenisei province]. Pamyatnaya knizhka Eniseiskoi gubernii na 1913 god. Krasnoyarsk, 1913. 226 p. [in Russian]

Timofeev, 2018 – Timofeev, A.N. (2018). Krasnoyarskoe vol'noe pozharoe obshchestvo. Opyt organizatsii i rol' v istorii goroda [Krasnoyarsk Free Fire Society. Organizational experience and role in the history of the city]. Mart'yanovskie kraevedcheskie chteniya (2016–2017 gg.): sbornik dokladov i soobshchenii. Minusinsk, pp. 239–243. [in Russian]

Tumanova, 2008 – Tumanova, A.S. (2008). Obshchestvennye organizatsii i russkaya publika v nachale XX veka [Public organizations and the Russian public at the beginning of the XX century]. М., 328 p. [in Russian]

Ustav..., 1895 – Ustav Krasnoyarskogo Dobrovol'nogo pozharnogo obshchestva [Charter of the Krasnoyarsk Voluntary Fire Society]. Krasnoyarsk, 1895. 16 p. [in Russian]

Красноярское добровольное пожарное общество во второй половине XIX – начале XX вв.

Олеся Михайловна Долидович ^{a, *}, Евгения Николаевна Старовойтова ^b,
Людмила Евгеньевна Мариненко ^a

^a Сибирский федеральный университет, Российская Федерация

^b Сибирский государственный университет науки и технологий имени академика М.Ф. Решетнева, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматриваются создание и деятельность Красноярского добровольного пожарного общества во второй половине XIX – начале XX вв. Исследованы обстоятельства его учреждения, характер взаимодействия с городскими и губернскими властями, противопожарные мероприятия. Показано, что общество играло важную роль и внесло значительный вклад в дело борьбы с пожарами. Однако в целом Красноярская городская дума не стремилась увеличивать расходы на пожарное дело, несмотря на то, что численность горожан росла. Происходившие улучшения зависели от инициативы и энергии отдельных лиц и скорее носили случайный, а не системный характер. Важное значение имело не только тушение пожаров, но и меры их предупреждения, которые требовали больших материальных вложений, но вследствие финансовой слабости самоуправления города благоустройство находилось на низком уровне. Красноярское добровольное общество фактически получило функции пожарного надзора в сельской местности на территории уездов Енисейской губернии: осуществляло просветительскую работу по вопросам борьбы с пожарами и контроль за соблюдением законодательства, занималось снабжением населенных пунктов пожарной техникой, содействовало созданию добровольных дружин и др. Тем не менее состояние сельских пожарных обозов весь дореволюционный период оставалось примитивным. Начало Первой мировой войны стало причиной ослабления пожарного общества, поскольку значительная часть его членов и лошадей была мобилизована на фронт. Сделан вывод, что в целом развитие пожарного дела было сопряжено с необходимостью осуществления комплексных социально-экономических трансформаций в стране.

Ключевые слова: Восточная Сибирь, городское управление, добровольное пожарное общество, Енисейская губерния, Красноярск, Красноярское добровольное пожарное общество, пожарное дело, Первая мировая война.

---

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: dolidovich@mail.ru (О.М. Долидович),
jane_star78@mail.ru (Е.Н. Старовойтова), velichinskaya.lyudmila@mail.ru (Л.Е. Мариненко)

Copyright © 2023 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2023. 18(2): 722-733
 DOI: 10.13187/bg.2023.2.722

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

A.L. Zakharenko – Researcher of Siberia and Kazakhstan in the second half of the 19th century

Rassul Zh. Kilash ^{a,*}, Gulmira E. Oteпова ^a, Gulmira A. Khamitova ^b

^a Pavlodar Pedagogical University named after A. Margulan, Republic of Kazakhstan

^b Eurasian National University named after L.N. Gumilyov, Republic of Kazakhstan

Abstract

The article analyzes the contribution of the Kazakh historian A.L. Zakharenko to the study of the history of Siberia in the second half of the 19th century and the socio-historical connections between Kazakhstan, Siberia, the Volga region, and the Urals through the use of the method of intellectual biography. Siberia in the second half of the 19th – early 20th centuries underwent socio-political changes in which a new category of people – “raznochintsy” – played a noticeable role. They united in organizations such as “Siberian community” and formed the socio-political movement of «oblastnichesvo». Kazakhstan in this period, due to its geographical and historical circumstances, was closely linked to Siberia. In the second half of the 19th century, the formation of the national Kazakh intelligentsia was taking place, which had close cultural and educational ties with the Siberian oblastnichesvo, especially with its outstanding representatives such as G.N. Potanin and N.M. Yadrintsev. The study of Siberian oblastnichesvo, the life and activities of individual oblastniki, and the cultural and socio-political interconnection between Siberia, Kazakhstan, the Urals, and the Volga region is particularly significant for the historical science of Kazakhstan. Zakharenko is one of the first Kazakh scientists who has achieved significant results in the field of Siberian studies.

Keywords: Siberian studies, intellectual biography, A.L. Zakharenko, Siberian community, Oblastnichestvo, G. N. Potanin.

1. Введение

Проблемы истории Сибири были близки казахстанским историкам в силу географической близости Казахстана и Сибири, общности многих исторических процессов и событий, тесных культурных связей. Сибиреведение остается важным направлением казахстанской исторической науки. Так, казахские историки изучают проблему репрезентации Азиатской России как колонии в эпистолярном дискурсе лидеров сибирского областничества (Токмурзаев et al., 2022; Токмурзаев, 2022). Вполне естественно, что ученых Казахстана интересуют взаимосвязи деятелей сибирского областничества с казахскими деятелями XIX – начала XX веков, например, с Чоканом Валихановым (Абуев, 2001), с демократическим движением «Алаш» (Кузгумбаева, Селиверстов, 2005). Особое внимание историки уделяют просветителю, выдающемуся представителю сибирского областничества Г.Н. Потанину (Селиверстов, 2007; Игибаев, 2017) и др. Научная деятельность нашего земляка, ученого-историка, сибироведа, педагога Альберта Леонидовича Захаренко (1939–2019 гг.) занимает особое место в казахстанском сибиреведении. Большую часть своей жизни он занимался изучением общественно-политической деятельности выдающихся личностей Сибири и Казахстана в период падения крепостного права.

Целью данной статьи является анализ научного вклада А.Л. Захаренко в изучение истории Сибири второй половины XIX века, исторических связей Казахстана и Сибири с использованием

* Corresponding author

E-mail addresses: rassulkilash@mail.ru (R.Zh. Kilash)

метода интеллектуальной биографии. Надо отметить, что историческое наследие казахстанского сибиреоведа не было подвергнуто научной рефлексии и аналитическому осмыслению, существует лишь библиографический указатель его трудов, изданный в Павлодарском государственном университете в 2008 г., несколько газетных статей, в которых раскрывается его биография, оценивается вклад в историческую науку.

Родился Альберт Леонидович в г. Купино Новосибирской области, на границе с Павлодарской областью Казахстана. Отец погиб в Великую Отечественную войну в апреле 1945 года, мать была домохозяйкой. Школу он окончил в г. Павлодаре. Будучи школьником, он прочитал книгу В.А. Обручева «Путешествие Потанина» (1953), которая, по воспоминаниям его супруги Людмилы Петровны Захаренко, произвела огромное впечатление на него. Эта книга до сих пор хранится в семейном архиве А.Л. Захаренко. После службы в армии в 1961 году он поступил на отделение истории Казанского университета. Научная атмосфера, царившая в этом университете, сыграла значительную роль в становлении Альберта Леонидовича как ученого – исследователя Сибири и сибирского землячества. В 60–70-х гг. XX века в Казанском университете работал известный советский историк Григорий Наумович Вульфсон, изучавший общественное движение Поволжья и Урала в эпоху падения крепостного права (Вульфсон, 1972). Под его влиянием, будучи студентом, Захаренко занялся исследованием общественного движения эпохи падения крепостного права и участия в нем разночинцев Сибирского региона. Научное влияние Г.Н. Вульфсона предопределило выбор темы его кандидатской диссертации – «Разночинцы Сибири в освободительном движении эпохи падения крепостного права» (ЛАЗ-Д). В его дальнейших научных изысканиях эта проблема будет углубляться: он займется исследованием «сибирского землячества», сибирского «областнического» движения, наследия Г.Н. Потанина и т.д.

В университете Захаренко активно участвовал в работе студенческого научного общества, выступал с сообщениями, в 1966 году стал дипломантом Всесоюзного конкурса научных работ. На последнем курсе университета он учился по индивидуальному учебному плану, ориентированному на специализацию по политической истории, правоведению и истории Сибири. Он занимался изучением судебных дел в отношении участников движения сибирского «областничества» (Захаренко, 1966). По рассказам близких людей, он был тронут гражданской смелостью «областников» во время судебного процесса, когда они были обвинены в сепаратизме и подготовке отделения Сибири от Российской империи.

После окончания университета в 1966 году он поступает в аспирантуру при Казанском университете, в 1969 году досрочно защищает кандидатскую диссертацию. Работает старшим преподавателем в Казанском филиале Ленинградского института культуры, ведет спецкурсы для студентов-историков Казанского университета по истории освободительного движения в Поволжье и Приуралье. Сформировавшийся в студенческие и аспирантские годы научный интерес к общественному движению сибиряков во второй половине XIX – начале XX веков способствовал тому, что А.Л. Захаренко впоследствии стал одним из крупнейших казахстанских ученых-сибиреведов.

В 1977 году Захаренко переехал в Казахстан, в г. Павлодар, где работал доцентом, а затем с 1979 по 1989 годы заведовал кафедрой истории КПСС в Павлодарском индустриальном институте. По воспоминаниям его супруги Людмилы Петровны, распад СССР он воспринял болезненно, но любовь к своему делу – к истории, к научно-исследовательской и педагогической работе – помогли ему пережить этот сложный период и продолжить свои изыскания.

2. Материалы и методы

В ходе исследования мы столкнулись с проблемой ограниченности источниковедческого материала об ученом. Нами был использован для реконструкции интеллектуальной биографии личный архив Захаренко (далее ЛАЗ), библиографический указатель «Альберт Леонидович Захаренко», изданный в Павлодарском государственном университете в 2008 году, интервью с его женой Людмилой Петровной Захаренко, с коллегами, в частности с доцентом, кандидатом исторических наук Т.Н. Зозулей. Важным источником сведений стала статья С.В. Невмержицкого «Летопись ПГУ в лицах»¹ (2016). В личный архив ученого входят диссертация (ЛАЗ-Д), автореферат диссертации (ЛАЗ-А), статьи, отзывы научного руководителя доктора исторических наук, профессора Г.Н. Вульфсона (ЛАЗ-В), оппонентов доктора исторических наук Б.С. Итенберга (ЛАЗ-И), кандидата исторических наук П. Ткаченко (ЛАЗ-Т), учебные пособия, фотографии и т.п.

Методологической основой нашего исследования является биографический подход в рамках «новой интеллектуальной истории». Интеллектуальная биография – направление, ключевым звеном которого становится исследование жизни и деятельности интеллектуалов как носителей определенных идей (Репина, 2006). Классиком теории интеллектуальной истории считается А.О. Лавджой, который предложил исследовать «историю идей» в своей книге «Великая цепь бытия» 1936 года (Lovejoy, 1936).² Как отдельное направление биографических исследований

¹ Опубликована в газете «Білік» 27 января 2016 года.

² Эта работа переведена на русский язык и издана в России в 2001 г. (Лавджой, 2001).

интеллектуальная биография оформляется в рамках «обновленной» интеллектуальной истории в 1980–1990-х гг. Т.Н. Попова пишет: «...Ее «возрождение» на рубеже 1980–1990-х гг. было связано с «лингвистическим поворотом», который, в свою очередь, во многом способствовал начавшемуся процессу переосмысления всего историографического опыта «истории идей» в том виде, в каком в «западной» традиции «история идей» сложилась как «биография идей» – с изъятием собственно «носителя» идей и их социокультурного контекста» (Попова, 2012: 543).

В российской исторической науке данное направление активно развивается в 1990–2000-х годах. В 1998 году был создан Центр интеллектуальной истории (ЦИИ) в Институте всеобщей истории РАН во главе с Л.П. Репиной. В 1999 году вышел первый номер специализированного периодического издания «Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории». При поддержке историков из региональных университетов Центр интеллектуальной истории создает Российское общество интеллектуальной истории, которое быстро превращается в одно из крупнейших научных сообществ (Зверева, 2018: 290).

Интеллектуальная история исследует рождение идей и их распространение, при этом объектом исследования выступают не только биографии великих ученых и деятелей, но и участников второго и третьего плана (Репина, 2002: 10). При создании полноценной интеллектуальной биографии необходимо погрузиться в социокультурную среду, проследить динамику влияния идей на всех взаимосвязанных уровнях и направлениях, поскольку формируемые в социокультурном окружении ценности и идеалы отражаются на уровне предпосылок и постановки проблем, а также определяют результаты мыслительной деятельности ученого. По мнению Репиной, биографическое измерение интеллектуальной жизни позволит в полной мере понять наследие ученого (Репина, 2019: 16-17). Полноту понимания интеллектуальной жизни придают действующие в биографии фигуры «второго плана», обычно составляющие близкое окружение ученого.

Используемый нами биографический подход подразумевает изучение развития научных идей А. Захаренко в контексте исторического времени, следуя биографической модели, спроектированной на основе биографического анализа интеллектуальной истории, согласно теории Л.П. Репиной. В казахстанской исторической науке, в сравнении с западной и российской, практически не встречается использование биографического анализа интеллектуальной истории. Таким образом, биография А.Л. Захаренко и его интеллектуальное наследие изучается впервые в новом для казахстанского исторического дискурса направлении.

Спроектированная модель изучения биографии дает возможность: 1) показать биографию деятеля в широком историческом контексте, в социокультурной среде, которые определяют внутренний мир и мировоззрение героя биографии;

2) проследить судьбу интеллектуального наследия выдающегося деятеля и в целом – изучить жизнь интеллектуала как носителя определенных идей. В статье мы попытались максимально отойти от повествовательного описания и перейти к многокурсовому исследованию, где сама личность ученого, социокультурная среда и исторический контекст дополняют друг друга и каждый из этих факторов играет определенную роль.

3. Обсуждение

Научная деятельность Альберта Захаренко, как говорилось выше, сконцентрирована на общественно-политическом и интеллектуальном движении выходцев из Сибири во второй половине XIX и начале XX вв. Эта научная область была выбрана им еще в студенческие годы, и он активно продолжал развивать ее до последних дней своей жизни. Как отмечает Г.Н. Сейтахметова, «впервые в советской исторической науке он обратился к изучению сибирских землячеств и сделал ряд сохраняющих свое значение выводов об этапах их развития, характере, месте в общеисторическом процессе» (Сейтахметова, 2008: 10). Он изучал формирование сибирских землячеств, роль землячества в борьбе за свое человеческое достоинство и гражданские права, участие разночинцев Сибири в освободительном движении в эпоху крепостного права и сибирское областничество как один из результатов деятельности разночинцев Сибири второй половины XIX и начала XX вв.

Этот период в истории России в целом, в истории Сибири озаменовывается развитием общественно-политического движения различных социальных слоев. Огромную роль в этом процессе сыграли средние и высшие учебные заведения: именно в них зарождались и развивались различные кружки и организации, объединяющие людей по интересам и политическим взглядам. Учебные заведения России становятся узловым местом тесного переплетения жизни и деятельности многих выходцев из Сибири, Казахстана. Их объединение объясняется тем, что они были земляками и их волновали одни и те же общественные вопросы. Захаренко интересовали проблемы формирования сибирского землячества, деятельность разночинцев Сибири, общественно-политические и культурные связи Сибири с Поволжьем, Уралом и Казахстаном. Особое внимание ученого привлекает деятельность выдающегося исследователя Казахстана и Сибири Г.Н. Потанина.

Проанализировав научные интересы ученого, мы определили следующие основные идеи в его интеллектуальном наследии:

- разночинцы Сибири во второй половине XIX века;

- наследие Г.Н. Потанина как выдающегося исследователя Казахстана и Сибири XIX века;
- культурные и общественно-политические связи Сибири с Казахстаном, Уралом и Поволжьем.

В соответствии с перечисленными идеями осуществлен анализ научно-исследовательской и педагогической деятельности А.Л. Захаренко.

4. Результаты

1. Разночинцы Сибири

В бытность аспирантом исторического отделения Казанского университета молодой исследователь публикует заметки об истории сибирского землячества и его представителях, учившихся в Казанском университете в 1851–1855 гг.: М. Андрееве, В. Домашеве, А. Дорофееве, В. Залесском, А. Иваницком, С. Капустине, А. Щапове, Д. Кузнецове и многих других (см., например: [Захаренко, 1968](#)). Именно Казанский университет, наряду с Санкт-Петербургским университетом, был одним из крупных центров, где в середине XIX века сформировались сибирские землячества. Как говорил выше, в 1969 году Альберт Леонидович защищает кандидатскую диссертацию по этой проблеме, в которой он исследует хронику развития общественно-политического движения разночинцев-сибиряков, начиная с 1855 года ([ЛАЗ-Д](#)). По сути, эта диссертация стала одной из первых работ по проблеме освободительного движения разночинцев Сибири. П. Ткаченко отмечал: «Несмотря на то, что по истории освободительного движения эпохи падения крепостного права написано немало работ, выбор темы А.Л. Захаренко вполне оправдан. Исследование землячеств, выяснение места и роли учащихся гимназии и семинарии, то здесь непочатый край работы» ([ЛАЗ-Т](#)). Ткаченко выделил сильные стороны диссертации: широкое использование архивных документов и материалов печати того периода, привлечение ранее не опубликованных материалов. Он пишет, что «была проделана колоссальная работа по изучению публикаций 50–60-х гг. Здесь и первые сибирские газеты, отыскание которых сопровождалось большими трудностями. Здесь статьи и письма Потанина, Ядринцева, Шашкова, воспоминания участников освободительного движения в Сибири. При этом автор впервые привлекает ранние воспоминания, сопоставляет их с другими воспоминаниями современников и таким образом оригинально излагает взгляды Потанина на русское революционное движение, на роль «Земли и воли» 60-х гг. и другие вопросы» ([ЛАЗ-Т](#)). Профессор Б.С. Итенберг также подчеркивает новизну исследования Захаренко. С его точки зрения, значимым результатом является анализ процесса проникновения революционно-демократических идей разночинцев в далекую Сибирь, широкое привлечение источников из архивов Москвы, Ленинграда, Иркутска, Омска, Томска и Казани, что свидетельствует о тщательном изучении темы ([ЛАЗ-И](#)).

Вульфсон говорит о том, что «в исторической литературе существует два подхода, точнее сказать, две разных точки зрения в осмыслении и освещении темы. Одна группа авторов (в том числе и наши современники), правильно замечая, что общественное движение в Сибири изучаемой эпохи было окрашено областничеством, делают правильный вывод о том, что в силу этого движение носило буржуазно-либеральный характер. Другая группа авторов (их пока еще не большинство, но к ним относится и диссертант), на наш взгляд, правильно понимает содержание областничества эпохи падения крепостного права и рассматривает его как составную часть разночинно-демократического движения. Не могу не согласиться с доводами А.Л. Захаренко, показывающими причины ошибочности первого взгляда» ([ЛАЗ-В](#)).

Изучая разночинцев Сибири в эпоху падения крепостного права, Захаренко акцентирует внимание на самом феномене «землячества» и на отдельных личностях, участвовавших в подобных кружках. Термин «землячество» он определяет следующим образом: «Землячество – это группа людей, объединенная общностью места рождения, территорией проживания, имя которой оно носит» ([Захаренко, 2005а: 2](#)). Подход Захаренко, его идеи нашли продолжение в дальнейших исследованиях историков-сибиреведов, его работы заняли достойное место в историографии работ о сибирских разночинцах-областниках. Так, например, А.В. Двойнев включает исследование Захаренко в свою работу «Отечественная историография сибирского областничества: 60-е годы XIX века – 20-е годы XX века» ([Двойнев, 2006](#)). И.В. Курышев относит А. Захаренко к известным современным сибиреведам, а его труды по проблеме сибирского областничества квалифицирует как классические ([Курышев, 2013: 144](#)). Исследователи сибирского областничества С.А. Троицкий ([Троицкий, 2013: 65](#)) и Н.В. Серебренников ([Серебренников, 2004: 299](#)) опирались в своих работах на идеи Захаренко, углубляя и развивая их.

Продолжая исследование сибирских землячеств, в начале XXI века историк создает обобщающий труд по этой проблеме – монографию «Сибирские землячества и формирование разночинцев-просветителей Западной Сибири, Северного Казахстана в середине XIX в. (Очерки)» ([Захаренко, 2005а](#)). В ней ученый ставит вопросы о месте и роли сибирских землячеств середины XIX века в формировании интеллигенции Сибири, Северного Казахстана, а также в зарождении и развитии просветительских ценностей. Подробно описаны условия формирования, численность и состав землячеств среди студенчества российских университетов, документальные материалы позволяют выявить истоки общественного движения в Сибири и Казахстане во второй половине XIX века.

Представляя образ «разночинца», Захаренко показывает его трансформацию после Крымской войны 1853–1856 гг.: «Если разночинец занимал оборонительную позицию, пытаясь подражать манерам и облику дворянства, то после Крымской войны положение круто изменилось. Теперь разночинцы не только перестали смущаться своим низким происхождением, а, напротив, превратили его в признак открытого морального превосходства» (Захаренко, 2005а: 6–7). Ученый отмечает разницу в одежде, разговорах и в повседневном поведении представителей разночинства. Исторической «слабостью» этого общественно-политического движения он считает разрыв между народом и демократической интеллигенцией: «Сложность развития общественного движения заключалась не только в том, что революционеры были далеки от народа, но и в том, что народ тоже был чрезвычайно далек от революционеров, оставался невосприимчив к демократическим идеям» (Захаренко, 2005а: 6).

Он не согласен с утверждением, что «радикализм разночинцев во многом порождался их деклассированностью, положением интеллектуальных пролетариев, изолированных от правящих классов своим происхождением, мировоззрением, а от народа образованием» (Захаренко, 2005а: 7). Историк предлагает более объективный подход к трактовке образ разночинца и опровергает тезис о том, что «разночинцы отвергали не социальный строй как неэффективный, а саму идею служения системе, основанной на несправедливости, угнетении, нищете, изоляции человека, что они испытывали и сами, были «нигилистами» в буквальном значении этого слова. В таком случае принятие революционных идей, методов решения проблем было обусловлено не объективными факторами, а только «интеллигентским отрицанием существовавшего строя», личной обездоленностью (Захаренко, 2005а: 7). Массовое участие в оппозиционном общественно-политическом движении студентов-разночинцев, перед которыми открывались неплохие перспективы карьерного и материального характера при «законопослушном» образе мыслей и поведении, в таком случае можно было бы охарактеризовать как массовую форму немотивированного самоубийства. Такими утверждениями оппозиционное движение пореформенной эпохи сводится к бунту второго «интеллигентского» поколения, а все своеобразие этого бунта определяется особенностями формирования психологического облика разночинца» (Захаренко, 2005а: 7).

К теме сибирского землячества XIX века Захаренко возвращается позже, уже в период независимости Казахстана. Он продолжил исследования по этой сложной и до конца не изученной теме. Кроме монографии, им составлены списки участников сибирских землячеств (Захаренко, 2004b), раскрыто влияние сибирских землячеств на формирование разночинцев Казани, Петербурга, Сибири, Казахстана (Захаренко, 2004с; Захаренко, 2004d); раскрыты просветительские и областнические взгляды разночинцев Сибири, Казахстана (Захаренко, Жупаева, 2004; Захаренко, 2005с).

В целом он считал, что просветительство в Сибири, Казахстане, на Алтае рассматривается как процесс, идущий сверху в форме церковно-миссионерской деятельности, и как процесс, инициированный снизу идеалистическими взглядами гимназистов, учащихся школ и училищ (Захаренко, 2006b). Он исследует просветительскую деятельность отдельных семей, сыгравших значительную роль в демократическом разночинском движении, например историю семьи Капустиных в Западной Сибири и Казахстане (Захаренко, Миякашева, 2004).

2. Наследие Г.Н. Потанина

Самостоятельным и плодотворным направлением научно-исследовательской деятельности Захаренко стали жизнь, деятельность и научное наследие Г.Н. Потанина, личность которого занимает особое место в казахстанской исторической науке. О значимости этого направления в научном наследии Захаренко писала Г.Х. Рахимжанова: «Наиболее, на наш взгляд, компетентные выводы и обобщения о культурном и общественно-политическом наследии Потанина были сделаны историком А.Л. Захаренко. Автор осветил вопросы становления и развития демократических взглядов ученого и представил свое понимание его просветительской миссии, подчеркивая важное значение Г.Н. Потанина среди крупных научных деятелей России второй половины XIX – начала XX вв.» (Рахимжанова, 2013: 5). В общей сложности ученый написал более двух десятков работ, связанных с Потаниным; это научные статьи, учебные пособия и хрестоматии. Потанин являлся одним из лидеров сибирских областников, вся его жизнь и деятельность тесно связаны с Сибирью и Казахстаном.

Значительный научный интерес представляют работы ученого по таким аспектам деятельности Потанина, как истоки и начало его научных исследований (Захаренко, Сынчевский, 2004; Захаренко, 2005d), «казачий эпизод» в общественно-политической деятельности выдающегося просветителя (Захаренко, Аносова, 2003), идеи о развитии коренных народов Казахстана, Сибири (Захаренко, 2005b; Захаренко, 2004e). Ряд работ посвящен сотрудничеству Потанина и еще одного видного разночинца-«областника» Н.М. Ядринцева (Захаренко, 2006с), а также их взаимосвязям с демократическим движением «Алаш» (Захаренко, 2007а).

На основе собранного материала он разработал спецкурс для студентов-историков «Общественно-политическое и культурное наследие Г.Н. Потанина» (Захаренко, 2009: 5). Кроме этого, Захаренко составил хрестоматию, в которую вошло публицистическое, научное, эпистолярное наследие Потанина (Захаренко, 2006а). В ней содержатся редкие библиографические работы,

приводятся воспоминания современников Потанина, работы его единомышленников, исследователей жизни и деятельности Потанина. Захаренко описывал особенности содержания и структуры хрестоматии: «Наличие фрагментов одного и того же источника в разных разделах позволяет в основном представить его содержание, составить общее представление о нем. Материал внутри разделов располагается в хронологическом порядке, произведения Потанина публикуются первыми. Отступление от хронологии работ делается лишь в тех случаях, когда логика событий, расположение их во времени позволяют точнее представить тот или иной процесс (напр., формирование взглядов)» (Захаренко, 2006а: 4). Новизна методологического подхода к разработке хрестоматии определяется синергетическим принципом. По мнению историка, этот подход заставляет оценивать роль личности гораздо шире: «Нельзя определить значение личности, не выявив систему взглядов и деятельности, их взаимосвязь, место и роль различных структур в самоорганизации этой системы. <...> В период флуктуации, бифуркации именно личности вносят элемент, взрывающий существующий порядок. Они выдвигают идеи, которые принимаются той или иной частью народа, они организуют сторонников на изменяющие традиционный строй дела» (Захаренко, 2009: 20). Тема общественно-политического и культурного наследия выдающегося исследователя Сибири и Казахстана Григория Николаевича Потанина является чрезвычайно обширной и сложной, и, по мнению Захаренко, «нельзя ожидать, что в пособии будут решены или хотя бы даже поставлены все вопросы оценки наследия Григория Николаевича» (Захаренко, 2009: 6).

3. Общественно-политические и культурные связи Сибири с Казахстаном, Уралом и Поволжьем

История Сибири, Казахстана, Урала и Поволжья тесно переплетается на многих исторических этапах, в частности во второй половине XIX – начале XX вв. Именно поэтому проблема общественно-политических и культурных связей Сибири с Казахстаном, Поволжьем, Уралом занимает важное место в научно-интеллектуальном наследии Захаренко. В 2004 году он пишет книгу «Общественно-политические, культурные связи Северного Казахстана и Поволжья, Южного Урала, Западной Сибири (XIX – начало XX в.)» (Захаренко, 2004а). Деятельность разночинцев-демократов Уральска и Омска в первой половине 1860-х годов характеризуется ученым как попытка сформировать гражданское общество в названных регионах (Захаренко, 2007b). Важным, с его точки зрения, является культурное и бытовое взаимодействие казахского населения с сибирским казачеством в XVII–XIX вв. как неизбежное следствие длительного совместного проживания на трансграничных территориях (Захаренко, Азербайев, 2007). Культурные связи Казахстана, Поволжья, Сибири во 2-й четверти XIX века рассмотрены историком в отдельной работе (Захаренко, 2002). Захаренко показал, что передовые выходцы из среды разночинцев оказали значительное влияние на формирование прогрессивных идей в казахстанском обществе. Связь проблематики сибирского областничества с Казахстаном отражена и в краеведческих работах Захаренко.

В основе исследовательского интереса ученого к названной выше проблеме лежит его жизненный путь: учеба в Казани (Поволжье); тот факт, что основную часть жизни он провел в Павлодарском Прииртышье (Казахстан), а сам был выходцем из Сибири (Новосибирская область). Сама судьба и историческая действительность определили круг его научно-исследовательских интересов.

Обобщая итоги проведенного исследования, можно представить научные интересы Захаренко в следующей схеме:

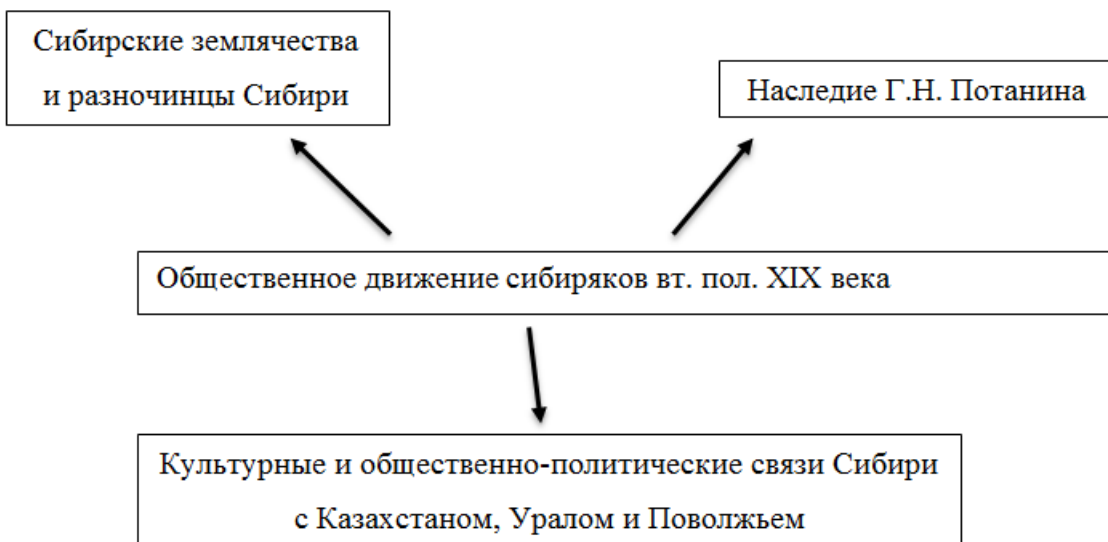

Рис. 1. Научные интересы А. Захаренко

Как мы видим, все перечисленные проблемы связаны между собой идейными, методологическими подходами; они обуславливают друг друга и вытекают одна из другой, представляя содержательное и хронологическое единство – история сибирского областничества второй половины XIX века в контексте взаимосвязей с Казахстаном, Поволжьем, Уралом.

5. Заключение

Преимственность является важнейшей характеристикой процесса сохранения исторического опыта в человеческой цивилизации. Большую роль в этом процессе играет сохранение научных достижений ученых-историков. Изучение вклада одного из выдающихся представителей советской и казахстанской исторической науки Альберта Леонидовича Захаренко в историю Сибири второй половины XIX – начала XX вв. является актуальной на сегодняшний день задачей. Идейно-интеллектуальный вклад ученого был высоко оценен историками-сибироведами Казахстана и России.

Использование метода интеллектуальной биографии, погружение в социокультурные обстоятельства жизни ученого позволили выявить факторы, которые сыграли ключевую роль в интеллектуальной жизни А. Захаренко, повлияли на выбор исследовательских проблем. К этим факторам относятся место рождения ученого – Сибирь, учеба в Казанском университете, встреча с Г.Н. Вульфсоном, занимавшимся проблемой землячеств в России XIX века, переезд в Павлодарскую область Казахстана, которая была родиной Г.Н. Потанина, одного из выдающихся сибирских областников. Таким образом, мы видим, как биография ученого сформировала его научные интересы, определила баланс человеческого и профессионального компонентов в личности Захаренко.

Литература

- ЛАЗ** – Личный архив А.Л. Захаренко.
- ЛАЗ-В** – Личный архив А.Л. Захаренко, отзыв научного руководителя д.и.н. Г.Н. Вульфсона на кандидатскую диссертацию А.Л. Захаренко.
- ЛАЗ-Д** – Личный архив А.Л. Захаренко, кандидатская диссертация А.Л. Захаренко.
- ЛАЗ-И** – Личный архив А.Л. Захаренко, отзыв д.и.н. Б.С. Итенберга на кандидатскую диссертацию А.Л. Захаренко.
- ЛАЗ-Т** – Личный архив А.Л. Захаренко, отзыв официального оппонента к.и.н. П. Ткаченко на кандидатскую диссертацию А.Л. Захаренко.
- Абуев, 2001** – *Абуев К.К. Ч.Ч. Валиханов и Г.Н. Потанин / Степной край: зона взаимодействия русского и казахского народов (XVIII–XX вв.): II Международная научная конференция: тезисы докладов и сообщений / ОмГУ; КГУ им. Ч. Валиханова; ТГУ; под ред. А.П. Толочко. Омск: ОмГУ, 2001. С. 118–120.*
- Вульфсон, 1972** – *Вульфсон Г.Н. Разночинцы Поволжья и Урала в эпоху падения крепостного права: дисс. ... д-ра ист. наук. Казань, 1972. 624 с.*
- Двойнев, 2006** – *Двойнев А.В. Отечественная историография сибирского областничества (60-е годы XIX века – 20-е годы XX века): дисс. ... канд. ист. наук. Омск, 2006. 286 с.*
- Захаренко, 1966** – *Захаренко А.Л. К вопросу о формировании идеологии разночинцев-демократов в Сибири (конец 50-х – начало 60-х гг. XIX в.) // Вестник СНО Казанского университета. История КПСС. 1966. Вып. 4. С. 18–28.*
- Захаренко, 1968** – *Захаренко А.Л. Из истории Сибирского землячества в Казанском университете (вторая половина 1850-х гг.) / Сборник аспирантских работ. Гуманитарные науки. Издательство Казанского университета. 1968. С. 3–13.*
- Захаренко, 2002** – *Захаренко А.Л. Культурные связи Казахстана и Поволжья, Сибири (страничка из истории 2-й четверти XIX века) // В сб. «Проблемы молодежной политики РК. Материалы региональной научно-практической конференции». Павлодар: НПФ «Эко». 2002. С. 85–89.*
- Захаренко, Аносова, 2003** – *Захаренко А.Л., Аносова Е.А. «Казачий эпизод» в общественно-политической деятельности Г.Н. Потанина // Олкетану. 2003. № 3. С. 115–122.*
- Захаренко, 2004а** – *Захаренко А.Л. Общественно-политические, культурные связи Северного Казахстана и Поволжья, Южного Урала, западной Сибири (XIX – начало XX в.): уч. пос. Павлодар: Изд. ПГУ им. С. Торайгырова, 2004. 264 с.*
- Захаренко, 2004б** – *Захаренко А.Л. Персональный состав сибирских землячеств (1850–1865 гг.) // Олкетану. 2004. № 1. С. 124–141.*
- Захаренко, 2004с** – *Захаренко А.Л. Сибирские землячества в Казани и формирование разночинцев-просветителей Сибири, Казахстана // Вестник ПГУ. Серия гуманитарная. 2004. № 3. С. 14–30.*
- Захаренко, 2004д** – *Захаренко А.Л. Сибирское землячество в Петербурге и формирование разночинцев-просветителей в Сибири, Казахстане // Вестник ПГУ. Серия гуманитарная. 2004. № 3. С. 31–40.*

Захаренко, 2004е – Захаренко А.Л. Г.Н. Потанин и Казахстан (некоторые наблюдения) / В сб. «Материалы районной научно-практической конференции «Потанинские чтения». Лебяжинский р-н. 2004. С. 76-81.

Захаренко, Жупаева, 2004 – Захаренко А.Л., Жупаева А. Лидеры разночинцев-демократов о патриотизме, областничестве (на примере Сибири, Казахстана) // Вестник ПГУ. Серия гуманитарная. 2004. № 2. С. 80-93.

Захаренко, Миякашева, 2004 – Захаренко А.Л., Миякашева Б. Семья Капустиных как просветительский центр Западной Сибири и Казахстана / Материалы республиканской научной конференции молодых ученых, студентов и школьников «Сатпаевские чтения». Т. 1. Павлодар, 2004. С. 114-121.

Захаренко, Сынчевский, 2004 – Захаренко А.Л., Сынчевский А. Истоки и начало научной деятельности Г.Н. Потанина. / Павлодар: Изд. ПГУ им. С. Торайгырова. 2004. Т. 2. С. 53-57.

Захаренко, 2005а – Захаренко А.Л. Сибирские землячества и формирование разночинцев-просветителей Западной Сибири, Северного Казахстана в середине XIX в. (Очерки). Павлодар: Изд-во ПГУ, 2005. 205 с.

Захаренко, 2005b – Захаренко А.Л. Г.Н. Потанин о развитии коренных народов Казахстана, Сибири / В сб. «Мат-лы международной научно-практической конференции «Г.Н. Потанин – ученый, путешественник, общественный деятель: Российская интеллигенция XIX в. и проблемы истории и этнографии казахов». Павлодар: Изд. ПГУ. 2005. С. 103-108.

Захаренко, 2005с – Захаренко А.Л. Время и люди / В сб. «Времен связующая нить...». Павлодар: «ЭКО». 2005. С. 71-75.

Захаренко, 2005d – Захаренко А.Л. Г.Н. Потанин как олицетворенная история разночинцев-демократов / В сб. «Мат-лы международной научно-практической конференции «Г.Н. Потанин – ученый, путешественник, общественный деятель: Российская интеллигенция XIX в. и проблемы истории и этнографии казахов». Павлодар: Изд. ПГУ. 2005. С. 46-51.

Захаренко, Миякашева, 2005 – Захаренко А.Л., Миякашева Б.Т. Чокан Уалиханов и сибирское землячество в Петербурге / В сб. «Валихановские чтения 10. Сб. материалов международной научно-практ. конференции». Кокшетау: Изд. Кокшетауского гос. ун-та. 2005. С. 65-69.

Захаренко, 2006а – Захаренко А.Л. Общественно-политическое и культурное наследие Г.Н. Потанина: хрестоматия по спецкурсу для студентов вузов. Т. 1. Павлодар: Изд-во ПГУ, 2006. 255 с.

Захаренко, 2006б – Захаренко А.Л. Н.И. Ильминский и миссионерская деятельность на Алтае, в Прииртышье / В сб. «Материалы районной научной конференции «Региональные аспекты нравственно-духовного воспитания и современное казахское общество», посвященной 100-летию Жандарбека Кожакметулы». Екибастуз. 2006. С. 46-50.

Захаренко, 2006с – Захаренко А.Л. Г.Н. Потанин: страницы из истории сотрудничества с Н.М. Ядринцевым / В сб. «Материалы научно-практической конференции «Возрождение демократии в Павлодарском Прииртышье». Павлодар: Изд. ПГУ. 2006. С. 224-228.

Захаренко, 2007а – Захаренко А.Л. Идеи развития казахского народа Н.М. Ядринцева, Г.Н. Потанина и движение «Алаш» / В сб. «Материалы республиканской научно-практической конференции «Алаш» қазақ ұлттық идеясы және мемлекеттік тәуелсіздігінің ұраны». Павлодар: ПГУ. 2007. С. 36-43.

Захаренко, 2007б – Захаренко А.Л. Деятельность разночинцев-демократов Уральска и Омска в первой пол. 1860-х годов как попытка сформировать гражданское общество / В сб. «Вопросы развития исторической науки и образования в Западном Казахстане: поиски и проблемы. Материалы республиканской научно-практической конференции, посвященной 60-летию доктора исторических наук, академика Т.З. Рысбекова». Уральск. 2007. С. 63-66.

Захаренко, Азербайев, 2007 – Захаренко А.Л., Азербайев А.Д. О культурно-бытовом взаимовлиянии казахского народа и сибирского казачества в XVIII–XIX вв. // *Өлкетану*. 2007. № 2. С. 95-104.

Захаренко, 2009 – Захаренко А.Л. Общественно-политическое и культурное наследие Г.Н. Потанина: учебное пособие для студентов исторических специальностей. Павлодар: Кереку, 2009. 353 с.

Зверева, 2018 – Зверева Г.И. Интеллектуальная история в современной России: институты и направления // *Преподаватель XXI век*. 2018. (4–2). С. 288-302.

Игибаев, 2017 – Игибаев С.К. Г.Н. Потанин – великий путешественник, ученый, демократ // *Известия Алтайского государственного университета*. 2017. № 5(97). С. 49-57. DOI 10.14258/izvasu (2017)5-07. EDN ZWEEBD.

Кузгумбаева, Селиверстов, 2005 – Кузгумбаева Ж.С., Селиверстов С.В. Потанин и «граждане Алаша» // *Вестник ЕНУ им. Л.Н. Гумилева*. 2005. № 3. С. 137-147.

Курышев, 2013 – Курышев И.В. Рецензия на альманах «Тобольск и вся Сибирь», номер 14-й «Сибирское казачье войско» / Составитель В.А. Шуддяков, главный редактор Ю.П. Перминов, генеральный директор издательского проекта А.Е. Елфимов. Тобольск, 2011. 596 с. // *Вестник*

Ишимского государственного педагогического института им. П.П. Ершова. 2013. № 2(8). С. 143-145. EDN PZZAFJ.

Лавджой, 2001 – *Лавджой А.О.* Великая цепь бытия: история идеи / Перевод: В. Сафронов-Антоними. М.: Дом интеллектуальной книги. 2001. 376 с.

Попова, 2012 – *Попова Т.Н.* Персональная история VS интеллектуальная биография, биоисториография: подходы и понятия / *Человек в истории и культуре: Сб. материалов и исследований в память лауреата Гос. премии Украины, академ. РАЕН, проф. Владимир Никифорович Станко*. Одесса, 2012. С. 540-563.

Рахимжанова, 2013 – *Рахимжанова Г.Х.* Историко-культурная общность центральноазиатских народов в научном наследии Г.Н. Потанина: дисс. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2013. 183 с.

Репина, 2002 – *Репина Л.П.* Персональная история и интеллектуальная биография // *Диалог со временем*. 2002. № 8. С. 5-14.

Репина, 2006 – *Репина Л.П.* Биографический подход в интеллектуальной истории // *Философский век. Альманах*. 2006. Вып. 32. Бенджамин Франклин и Россия: к 300-летию со дня рождения. Часть 2 / Отв. ред. Т.В. Артемьева, М.И. Микешин. СПб. С. 101-108.

Репина, 2019 – *Репина Л.П.* Биография в контексте «глобальной микроистории» / *Парадигмы российской истории сквозь призму биографистики (К 140-летию А.И. Яковлева)* / Сб. тр. Всеросс. науч. конф. Чебоксары. 2019. С. 12-18.

Сейтахметова, 2008 – *Сейтахметова Г.Н.* Захаренко Альберт Леонидович. Библиографический указатель. Павлодар: Изд. «КЕРЕКУ» ПГУ им. С. Торайгырова, 2008. 54 с.

Селиверстов, 2007 – *Селиверстов С.В.* Г.Н. Потанин: сибирское областничество между западничеством и евразийством (вторая половина XIX – начало XX в.). // *Вестник Томского государственного университета*. (300-1). С. 107-115.

Серебренников, 2004 – *Серебренников Н.В.* О неблагоприятии в областниковедении // *Вестник Томского государственного университета*. (282). С. 295-300.

Токмурзаев, 2022 – *Токмурзаев Б.С.* Сибирское областничество как интеллектуальное и общественно-политическое движение в эпистолярном и научно-публицистическом наследии Г.Н. Потанина // *Genesis: исторические исследования*. 2022. № 6. С. 54-62. DOI: 10.25136/2409-868X.2022.6.38021

Троицкий, 2013 – *Троицкий С.А.* Областничество в Российской гуманитарной научной литературе // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2013. Т. 16. № 1. С. 60-77. EDN RYBKNV.

Lovejoy, 1936 – *Lovejoy A. O.* The Great Chain of Being: A Study of the History of an Idea. (Mass.): Harvard Univ. Press. 1936. 400 p.

Tokmurzaev et al., 2022 – *Tokmurzaev B.S., Churkin M.K., Apasheva S.N.* Representations of Asian Russia as a Colony in the Epistolary Discourse of the Leaders of the Siberian Regionalism // *Bylye Gody*. 2022. 17(1): 338-348. DOI: 10.13187/bg.2022.1.338

References

Abuev, 2001 – *Abuev, K.K.* (2001). Ch.Ch. Valikhanov i G.N. Potanin [Ch.Ch. Valikhanov and G.N. Potanin]. *Stepnoi krai: zona vzaimodeistviia russkogo i kazakhskogo narodov (XVIII – XX vv.): II Mezhdunarodnaia nauchnaia konferentsiia: tezisy dokladov i soobshchenii. OmGU; KGU im. Ch. Valikhanova; TGU; pod red. A. P. Tolochko. Omsk : OmGU. Pp. 118-120. [in Russian]*

Dvoynev, 2006 – *Dvoynev, A.V.* (2006). Otechestvennaya istoriografiya sibirskogo oblastnichestva (60-ye gody XIX veka-20-ye gody XX veka) [National historiography of the Siberian regionalism (60s of the XIX century-20s of the XX century)]: diss. ... kand. ist. nauk. Omsk. 286 p. [in Russian]

Igibaev, 2017 – *Igibaev, S.K.* (2017). G.N. Potanin – velikii puteshestvennik, uchenyi, demokrat [G.N. Potanin – a great traveler, scientist, democrat]. *Izvestiia Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta*. 5(97): 49-57. DOI 10.14258/izvasu(2017)5-07. EDN ZWEEBD. [in Russian]

Kuryshchev, 2011 – *Kuryshchev, I.V.* (2011). Obzor al'manakha «Tobol'sk i vsya Sibir'», № 14 «Sibirskoye kazach'ye voysko» [Review of the almanac «Tobolsk and All Siberia», number 14 «Siberian Cossack Army»]. Sostavitel' V.A. Shuldyakov, glavnyi redaktor Yu.P. Perminov, general'nyi direktor izdatel'skogo proekta A.E. Elfimov. Tobol'sk, 596 p. *Vestnik Ishimskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta im. P.P. Ershova*. No. 2(8). pp. 143-145. EDN PZZAFJ. [in Russian]

Kuzgumbaeva, Seliverstov, 2005 – *Kuzgumbaeva, Zh.S., Seliverstov, C.B.* (2005). Potanin i «grazhdane Alasha» [Potanin and "citizens of Alash". *Vestnik ENU im. L.N. Gumileva*. 3: 137-147. [in Russian]

Lavdzhoi, 2001 – *Lavdzhoi, A.O.* (2001). Velikaia tsep' bytiia: istoriia idei [The Great Chain of Being: A Study of the History of an Idea]. Perevod: V. Safronov-Antonomi. M.: Dom intellektual'noi knigi. 376 p. [in Russian]

Lovejoy, 1936 – *Lovejoy, A.O.* (1936). The Great Chain of Being: A Study of the History of an Idea. (Mass.): Harvard Univ. Press. 400 p.

- Popova, 2012** – *Popova, T.N.* (2012). Personal'naya istoriya VS Intellektual'naya biografiya, bioistoriya: podkhody i ponyatiya. [Personal history VS intellectual biography, bio-historiography: approaches and concepts]. *Chelovek v istorii i kul'ture: Sb. materialov i issledovaniy v pamyat' laureata Gos. premii Ukrainy, akadem. RAEN, prof. Vladimir Nikiforovich Stanko. Odessa. Pp. 540-563.* [in Russian]
- Rakhimzhanova, 2013** – *Rakhimzhanova, G.H.* (2013). Istoriko-kul'turnaya obshchnost' narodov Tsentral'noy Azii v nauchnom nasledii G.N. Potanin [Historical and cultural community of Central Asian peoples in the scientific heritage of G.N. Potanin]. *Diss. ... kand. ist. nauk. Barnaul. 183 p.* [in Russian]
- Repina, 2002** – *Repina, L.P.* (2002). Personal'naya istoriya i intellektual'naya biografiya [Personal history and intellectual biography]. *Dialog so vremenem. 8: 5-14.* [in Russian]
- Repina, 2006** – *Repina, L.P.* (2006). Biograficheskiy podkhod v intellektual'noy istorii [Biographical approach in intellectual history]. In: Artemyeva T.B., Mikeshin M.I. (Eds.) *Philosophical Century. Almanac. 2006. Issue 32. Benjamin Franklin and Russia: to the 300th anniversary of his birth. Part 2. SPb. Pp. 101-108.* [in Russian]
- Repina, 2019** – *Repina, L.P.* (2019). Biografiya v kontekste «mirovoy mikroistorii» [Biography in the context of «global microhistory»]. *Paradigms of Russian history through the prism of biographistics (To the 140th anniversary of A.I. Yakovlev). Sb. tr. Vseross. nauch. conf. Cheboksary. Pp. 12-18.* [in Russian]
- Seitakhmetova, 2008** – *Seitakhmetova, G.N.* (2008). Zakharenko Al'bert Leonidovich. Bibliograficheskii ukazatel' [Zakharenko Albert Leonidovich. Bibliographic index]. Pavlodar: Izd. «KEREKU» PGU im. S. Toraigyrova, 54 p. [in Russian]
- Seliverstov, 2007** – *Seliverstov, S.V.* (2007). G.N. Potanin: sibirskoe oblastnichestvo mezhdru zapadnichestvom i evraziistvom (vtoraia polovina XIX – nachalo XX v.). [G. N. Potanin: Siberian regionalism between Westernism and Eurasianism (second half of the 19th – early 20th centuries)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. (300-1): 107-115.* [in Russian]
- Serebrennikov, 2004** – *Serebrennikov, N.V.* (2004). O neblagopoluchii v oblastnom naznachanii [About the problem in regional studies]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. (282): 295-300.* [in Russian]
- Tokmurzaev et al., 2022** – *Tokmurzaev, B.S., Churkin, M.K., Apasheva, S.N.* (2022). Representations of Asian Russia as a Colony in the Epistolary Discourse of the Leaders of the Siberian Regionalism. *Bylye Gody. 17(1): 338-348. DOI: 10.13187/bg.2022.1.338*
- Tokmurzaev, 2022** – *Tokmurzaev, B.S.* (2022). Sibirskoe oblastnichestvo kak intellektual'noe i obshchestvenno-politicheskoe dvizhenie v epistoliarnom i nauchno-publitsisticheskom nasledii G.N. Potanina [Siberian regionalism as an intellectual and socio-political movement in the epistolary and scientific-journalistic heritage of G.N. Potanin]. *Genesis: istoricheskie issledovaniia. 6: 54-62. DOI: 10.25136/2409-868X.2022.6.38021* [in Russian]
- Troitskii, 2013** – *Troitskii, S.A.* (2013). Oblastnichestvo v Rossiyskoy gumanitarnoy nauchnoy literature [Oblastnichestvo in the Russian Humanitarian Scientific Literature]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii. 16(1): 60-77.* [in Russian]
- Wolfson, 1972** – *Wolfson, G.N.* (1972). Raznochintsy Povolzh'ya i Urala v epokhu padeniya krepostnogo prava [Raznochintsy of the Volga region and the Urals in the era of the fall of serfdom]: diss. ... d-ra ist. nauk. Kazan, 1972. 624 p. [in Russian]
- Zakharenko, 1966** – *Zakharenko, A.L.* (1966). K voprosu o formirovaniy ideologii raznochintsev-demokratov v Sibiri (konets 50-kh – nachalo 60-kh godov XIX v.) [To the question of the formation of the ideology of the raznochintsy-democrats in Siberia (late 50s – early 60s of the XIX century.)]. *Vestnik SNO Kazanskogo universiteta. Istoriia KPSS. Is. 4. Pp. 18-28.* [in Russian]
- Zakharenko, 1968** – *Zakharenko, A.L.* (1968). Iz istorii Sibirskogo zemlyachestva v Kazanskom universitete (vtoraya polovina 1850-kh gg.) [From the history of the Siberian community at Kazan University (the second half of the 1850s)]. *Sbornik aspirantskikh rabot. Gumanitarnye nauki. Izdatel'stvo Kazanskogo universiteta. Pp. 3-13.* [in Russian]
- Zakharenko, 2002** – *Zakharenko, A.L.* (2002). Kul'turnyye svyazi Kazakhstana i Povolzh'ya, Sibiri (stranitsa istorii 2-y chetverti XIX veka) [Cultural ties of Kazakhstan and the Volga region, Siberia (a page from the history of the 2nd quarter of the XIX century)]. V sb. «Problemy molodezhnoi politiki RK. Materialy regional'noi nauchno-prakticheskoi konferentsii». Pavlodar: NPF «Eko». Pp. 85-89. [in Russian]
- Zakharenko, 2004a** – *Zakharenko, A.L.* (2004). Obshchestvenno-politicheskie, kul'turnyye svyazi Severnogo Kazakhstana i Povolzh'ya, Yuzhnogo Urala, zapadnoi Sibiri (XIX – nachalo XX v.) [Socio-political, cultural relations of Northern Kazakhstan and the Volga region, Southern Urals, Western Siberia (XIX – early XX centuries)]: uch. pos. Pavlodar: Izd. PGU im. S. Toraigyrova, 264 p. [in Russian]
- Zakharenko, 2004b** – *Zakharenko, A.L.* (2004). Personal'nyi sostav sibirskikh zemlyachestv (1850–1865 gg.) [Personal composition of Siberian communities (1850-1865)]. *Ølketanu. 1: 124-141.* [in Russian]
- Zakharenko, 2004c** – *Zakharenko, A.L.* (2004). Sibirskie zemlyachestva v Kazani i formirovanie raznochintsev-prosvetitelei Sibiri, Kazakhstana [Siberian communities in Kazan and the formation of raznochintsev-educators of Siberia, Kazakhstan]. *Vestnik PGU. Seriya gumanitarnaya. 3: 14-30.* [in Russian]

Zakharenko, 2004d – Zakharenko, A.L. (2004). Sibirskoe zemlyachestvo v Peterburge i formirovanie raznochintsev-prosvetitelei v Sibiri, Kazakhstane [Siberian community in St. Petersburg and the formation of raznochintsev-educators in Siberia, Kazakhstan]. *Vestnik PGU. Seriya gumanitarnaya*. 3: 31-40. [in Russian]

Zakharenko, 2004e – Zakharenko, A.L. (2004). G.N. Potanin i Kazakhstan (nekotorye nablyudeniya) [G.N. Potanin and Kazakhstan (some observations)]. V sb. «*Materialy raionnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Potaninskie chteniya»*». Lebyazhinskii r-n. Pp. 76-81. [in Russian]

Zakharenko, 2005a – Zakharenko, A.L. (2005). Sibirskie zemlyachestva i formirovanie raznochintsev-prosvetitelei Zapadnoi Sibiri, Severnogo Kazakhstana v srede XIX v. (Ocherki) [Siberian communities and the formation of raznochintsev-educators of Western Siberia, Northern Kazakhstan in the middle of the XIX century (Essays)]. Pavlodar: Izd-vo PGU, 205 p. [in Russian]

Zakharenko, 2005b – Zakharenko, A.L. (2005). G.N. Potanin o razviti korennykh narodov Kazakhstana, Sibiri [G.N. Potanin as the personified history of the Raznochin Democrats]. V sb. «*Mat-ly mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «G.N. Potanin – uchenyi, puteshestvennik, obshchestvennyi deyatel': Rossiiskaya intelligentsiya XIX v. i problemy istorii i etnografii kazakhov»*». Pavlodar: Izd. PGU. Pp. 103-108. [in Russian]

Zakharenko, 2005c – Zakharenko, A.L. (2005). Vremya i lyudi. V sbornike «*Vremena svyazuyushchey niti...*» [Time and people. In the collection of «Times the connecting thread ...»]. Pavlodar: «ECO». Pp. 71-75. [in Russian]

Zakharenko, 2005d – Zakharenko, A.L. (2005). G.N. Potanin kak olitsetvorennaya istoriya raznochintsev-demokratov [G.N. Potanin on the development of the indigenous peoples of Kazakhstan, Siberia]. V sb. «*Mat-ly mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «G.N. Potanin – uchenyi, puteshestvennik, obshchestvennyi deyatel': Rossiiskaya intelligentsiya XIX v. i problemy istorii i etnografii kazakhov»*». Pavlodar: Izd. PGU. Pp. 46-51. [in Russian]

Zakharenko, 2006a – Zakharenko, A.L. (2006). Obshchestvenno-politicheskoe i kul'turnoe nasledie G.N. Potanina: khrestomatiya po spetskursu dlya studentov vuzov [The socio-political and cultural heritage of G. N. Potanin]. T. 1. Pavlodar: Izd-vo PGU, 255 p. [in Russian]

Zakharenko, 2006b – Zakharenko, A.L. (2006). N.I. Il'minskii i missionerskaya deyatelnost' na Altae, v Priirtysh'e [N.I. Ilminsky and missionary activity in Altai, in the Irtysh region]. V sb. «*Materialy raionnoi nauchnoi konferentsii «Regional'nye aspekty npravstvenno-dukhovnogo vospitaniya i sovremennoe kazakhskoe obshchestvo»*, posvyashchennoi 100-letiyu Zhandarbeka Kozhakhmetuly». Ekibastuz. Pp. 46-50. [in Russian]

Zakharenko, 2006c – Zakharenko, A.L. (2006). G.N. Potanin: stranitsy iz istorii sotrudnichestva s N.M. Yadrintsevym [G.N. Potanin: pages from the history of cooperation with N.M. Yadrintsev]. V sb. «*Materialy nauchno-prakticheskoi konferentsii «Vozrozhdenie demokratii v Pavlodarskom Priirtysh'e»*». Pavlodar: Izd. PGU. Pp. 224-228. [in Russian]

Zakharenko, 2007a – Zakharenko, A.L. (2007). Idei razvitiya kazakhskogo naroda N.M. Yadrintseva, G.N. Potanina i dvizhenie «Alash» [Ideas of Development of the Kazakh people N. M. Yadrintseva, G.N. Potanina and the movement «Alash»]. V sb. «*Materialy respublikanskoj nauchno-prakticheskoi konferentsii «Alash» qazaq ylttyq ideyası zhane memlekettik tәuelsidigini qranıy»*». Pavlodar: PGU. Pp. 36-43. [in Russian]

Zakharenko, 2007b – Zakharenko, A.L. (2007). Deyatel'nost' raznochintsev-demokratov Ural'ska i Omska v pervoi pol. 1860-kh godov kak popytka sformirovat' grazhdanskoe obshchestvo [The activities of the Democrats of Uralsk and Omsk in the first half of the 1860s as an attempt to form a civil society]. V sb. «*Voprosy razvitiya istoricheskoi nauki i obrazovaniya v Zapadnom Kazakhstane: poiski i problemy. Materialy respublikanskoj nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi 60-letiyu doktora istoricheskikh nauk, akademika T.Z. Rysbekova»*». Ural'sk. Pp. 63-66. [in Russian]

Zakharenko, 2009 – Zakharenko, A.L. (2009). Obshchestvenno-politicheskoye i kul'turnoye nasledie G. N. Potanina [The socio-political and cultural heritage of G. N. Potanin]: uchebnoe posobie dlya studentov istoricheskikh spetsial'nostei. Pavlodar: Kereku, 353 p. [in Russian]

Zakharenko, Anosova, 2003 – Zakharenko, A.L., Anosova, E.A. (2003). «Kazachiy epizod» v obshchestvenno-politicheskoy deyatelnosti G.N. Potanina [«Cossack episode» in the socio-political activity of G.N. Potanin]. *Olketanu*. 3: 115-122. [in Russian]

Zakharenko, Azerbaev, 2007 – Zakharenko, A. L., Azerbaev, A.D. (2007). O kul'turno-bytovom vzaimovliianii kazakhskogo naroda i Sibirskogo kazachestva v XVIII – XIX vv. [On the cultural and everyday mutual influence of the Kazakh people and the Siberian Cossacks in the 18th – 19th centuries]. *Olketanu*. 2: 95-104. [in Russian]

Zakharenko, Miyakasheva, 2004 – Zakharenko, A.L., Miyakasheva, B. (2004). Sem'ya Kapustinykh kak obrazovatel'nyy tsentr Zapadnoy Sibiri i Kazakhstana [The Kapustin family as an educational center of Western Siberia and Kazakhstan]. *Materialy respublikanskoj nauchnoi konferentsii molodykh uchenykh, studentov i shkol'nikov «Satpaevskie chteniya»*. T. 1. Pavlodar. Pp. 114-121. [in Russian]

Zakharenko, Miyakasheva, 2005 – Zakharenko, A.L., Miyakasheva, B.T. (2005). Chokan Ualikhanov i sibirskoye zemlyachestvo v Peterburge [Chokan Ualikhanov and Siberian community in St. Petersburg V sb.

«Valikhanovskie chteniya 10. Sb. materialov mezhdunarodnoi nauchno-prakt. konferentsii». Kokshetau: Izd. Kokshetauskogo gos. un-ta. Pp. 65-69. [in Russian]

Zakharenko, Synchevsky, 2004 – Zakharenko, A. L., Synchevsky, A. (2004). Istoki i nachalo nauchnoy deyatel'nosti G. N. Potanina [The origins and beginning of scientific activity of G.N. Potanin]. Pavlodar: Izd. PGU im. S. Toraiyrov. T. 2. Pp. 53-57. [in Russian]

Zakharenko, Zhupaeva, 2004 – Zakharenko, A.L., Zhupaeva, A. (2004). Lidery raznochintsev-demokratov o patriotizme, oblastnichestve (na primere Sibiri, Kazakhstana) [Leaders of raznochintsev-democrats about patriotism, regionalism (on the example of Siberia, Kazakhstan)]. *Vestnik PGU. Seriya. Gumanitarnaya*. 2: 80-93. [in Russian]

Zvereva, 2018 – Zvereva, G.I. (2018). Intellektual'naya istoriya v sovremennoy Rossii: instituty i napravleniya [Intellectual History in modern Russia: institutes and directions]. *Prepodavatel' XXI vek*. (4-2): 288-302. [in Russian]

А.Л. Захаренко – исследователь Сибири и Казахстана второй половины XIX века

Расул Жангелдыулы Килаш ^{a, *}, Гульфира Елубаевна Отепова ^a, Гульмира Абуовна Хамитова ^b

^a Павлодарский педагогический университет им. А.Х. Маргулана, Павлодар, Республика Казахстан

^b Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, Астана, Республика Казахстан

Аннотация. В статье анализируется вклад казахстанского историка А.Л. Захаренко в исследование истории Сибири второй половины XIX века, общественно-исторических связей Казахстана, Сибири, Поволжья и Урала путем использования метода интеллектуальной биографии. Сибирь во второй половине XIX – начале XX вв. переживает общественно-политические изменения, в которых заметную роль играет новая категория людей – «разночинцы». Они объединяются в такие организации, как «сибирские землячества», и формируют общественно-политическое движение «областничества». Казахстан в этот период в силу своих географических и исторических обстоятельств был тесно связан с Сибирью. В нем во второй половине XIX века происходит формирование национальной казахской интеллигенции, имеющей близкие культурно-просветительские связи с сибирским областничеством, в первую очередь с такими его выдающимися представителями, как Г.Н. Потанин и Н.М. Ядринцев. Исследование сибирского областничества, жизни и деятельности отдельных областников, культурной и общественно-политической взаимосвязи Сибири с Казахстаном, Уралом и Поволжьем особо значимо для казахстанской исторической науки. Захаренко является одним из первых казахстанских ученых, достигших значительные результаты в области сибиреведения.

Ключевые слова: сибиреведение, интеллектуальная биография, А.Л. Захаренко, сибирское землячество, областничество, Г.Н. Потанин.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: rassulkilash@mail.ru (Р.Ж. Килаш)

Copyright © 2023 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2023. 18(2): 734-744
 DOI: 10.13187/bg.2023.2.734

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Religious Sectarianism at the turn of the XIX–XX centuries: the Historical Form of Religious Extremism (on the Example of the Yenisei Province)

Tatiana V. Izluchenko ^{a, *}, Denis N. Gergilev ^a, Evgeniy A. Akhtamov ^a, Andrei A. Gruzdev ^a

^aSiberian Federal University, Russian Federation

Abstract

The problem of religious extremism constantly attracts the attention of various researchers. Religion has an important role in maintaining social stability and legitimizing State power. The separation of religious organizations in the Russian Empire was carried out according to the principle of their relationship to the state power and the Russian Orthodox Church. Actions that could provoke the destabilization of the current socio-religious situation were also noted. The object of study of this article is Russian religious sectarianism. It is considered by the authors as a historical form of religious extremism containing deviant and delinquent components. The legal and religious characteristics, the author's classification of religious sectarian organizations operating at the turn of the century on the territory of the Yenisei province, in accordance with the criteria of religious extremism are given: interreligious hatred and enmity, radical change in the existing socio-political structure on a religious basis, a statement of exclusivity, the use of violence against opponents. The content of the concepts of “sectarianism” and “schism” used by the political institutions of the Yenisei province in relation to Old Believers, international movements, ancestral faith and philosophical and theological movements is differentiated. The authors note that the concept of «sectarianism» was mainly used in relation to religious organizations that separated from Orthodox Christianity, offering their own interpretation of the doctrine and opposing the performance of state duties. A pronounced negative attitude towards them was observed precisely from the state, which perceived this behavior as an encroachment on the authority of the authorities, with a rather restrained position of the Russian Orthodox Church.

Keywords: sectarianism, Russian Orthodoxy, Christianity, religious extremism, Old Believers, Yenisei province, deviance, delinquency.

1. Введение

Исследования религиозного экстремизма актуализировались с ростом случаев межнациональной вражды с религиозной коннотацией и распространением идей радикального изменения социально-политического устройства на религиозных принципах. Экстремизм (в пер. с лат. крайний) – приверженность к крайним взглядам и совершение радикальных действий без учета альтернативных вариантов. В истории любого государства фиксировались межрелигиозные и религиозно-государственные конфликты, религиозно мотивированные девиантные и/или делинквентные действия, что позволяет утверждать существование религиозного экстремизма как исторического феномена. Однако понятия «экстремизм», «религиозный экстремизм» были введены в законодательство в последние несколько десятилетий (Россия – 2002 г., Казахстан – 2005 г., Таджикистан – 2003 г., Италия – 1975 г.), а в проводимых научных исследованиях религиозный экстремизм рассматривался как социальное, политическое и психологическое явление.

* Corresponding author

E-mail addresses: izluchenko@mail.ru (T.V. Izluchenko), turilak@yandex.ru (D.N. Gergilev), akhtamov@gmail.com (E.A. Akhtamov), andygruzdev@yandex.ru (A.A. Gruzdev)

Указанное положение привело к игнорированию данной проблемы в исторической ретроспективе, отсутствию историко-религиоведческих исследований, способствующих раскрытию столь неоднозначной сущности религиозного экстремизма и, как следствие, оптимизации мер противодействия. Наиболее целесообразным в установлении и характеристике проявлений религиозного экстремизма как исторического феномена является выбор исторического периода, в котором отмечается наличие сложившейся системы религиозно-государственных отношений, нашедшее отражение в документальных источниках. Ярким примером является Российская империя на рубеже XIX–XX веков, в частности Енисейская губерния. Она, будучи крупным, экономически развитым регионом, обладала исторически сложившимся поликонфессиональным населением (местные, ссыльные, вольнопоселенцы) и демонстрировала специфику регулирования межрелигиозных отношений, реализации принципов государственно-конфессиональной политики.

2. Материалы и методы

Данное исследование проведено на основе комплексного анализа разнообразных источников: отчетов, делопроизводственных материалов, материалов периодической печати. Источниковой базой стали архивные документы, хранящиеся в Государственном архиве Красноярского края (Красноярск, Российская Федерация). Нами изучены сведения, содержащиеся в материалах Енисейской духовной консистории Енисейской епархии, Енисейского губернского епархиального комитета православного миссионерского общества, Енисейского городского благочиния Енисейской губернии, Енисейского губернского статистического комитета, волостных правлений Енисейской губернии (Маклаковского, Зеледеевского, Сухобузимского), Енисейского губернского управления МВД, а также в библиографической базе данных и статьях периодической печати, опубликованных в «Томских епархиальных ведомостях» и «Енисейских епархиальных ведомостях». Сведения о правовой основе работы Духовных цензорных комиссий были взяты из Устава о цензуре и печати (Свод зак., т. XIV, изд. 1890 г. и по прод. 1902 г.), данные по численности верующих на территории Енисейской губернии – Списков населенных мест Российской империи, составленных и изданных Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел Российской империи.

В ходе проведения исследования авторы использовали как общенаучные, так и специальные методы исторической науки. Так, принципы историзма и объективности позволили полнее воссоздать положение верующих, принадлежащих к различным религиозным организациям, а при анализе исторической литературы – учесть влияние общественно-политической ситуации на работы историков. Сравнительно-исторический метод использовался при изучении положения последователей разных религиозных организаций, что позволило рассмотреть отличия в социально-политических и повседневных условиях, выявить девиантные и делинквентные проявления религиозных взглядов.

3. Обсуждение

Проявления религиозного экстремизма фиксируются внутри одной религиозной организации, что связано со столкновением традиций и инноваций, и между различными религиозными организациями, где большую роль играет прозелитская, миссионерская, деятельность, а также в политической сфере на всех исторических этапах развития общества. Преимущественно они сводятся к разжиганию религиозной ненависти и вражды (Ахромеева, 2014), а также к антигосударственной деятельности. Отмечается взаимосвязь религиозного экстремизма с фундаментализмом и радикализмом (Рязанов, 2014; Ефремова, Ковалева, 2020). Многими исследователями акцентируется взаимосвязь религии и насилия. Религия предоставляет систему ориентации, в которой насилие позиционируется ритуальным действием, актуализируются апокалипсические и эсхатологические мотивы, радикализуется идея космической борьбы добра со злом (Юргенсмейер, 2022). А.В. Данилов охарактеризовал связь религии, экстремизма и насилия (Данилов, 2018).

Важным моментом при исследовании исторических форм религиозного экстремизма, а также сопоставлении содержания используемого в настоящее время понятия «религиозный экстремизм» и понятий, имеющих место в исторических документах и относящихся к схожим социально-политическим явлениям («сектантство»), является квалификация тех или иных религиозных организаций и религиозных проявлений в качестве «экстремистских». В Российской империи на рубеже XIX–XX веков под сектантством понимались религиозные группы, исторически отклонившиеся от традиционного христианского вероучения или использующие его положения в собственной интерпретации.

Понятие «сектантство» используется многими исследователями для обозначения неправославных религиозных организаций данного периода. Т.С. Оленич классифицирует секты на рационалистические (протестантские) и мистические (преимущественно православные) при наличии промежуточных форм (штундо-молоканство, штундо-баптизм, молоканство-баптизм). Ею в качестве причины роста сектантских практик отмечается стремление русского человека к совершенству посредством «диких скаканий взамен общепринятых молитв, в отказе от чая или картофеля, в лишении себя тихих семейных радостей, замененных групповыми оргиями» (Оленич, 2005: 18).

И.К. Смолич указывает предпосылкой возникновения сектантства особенность психологии русского народа, выражающуюся в мятежности и беспокойстве, раскованности религиозного мышления, эсхатологизме, бескомпромиссном искании абсолютной истины и наиболее ярко проявляющуюся в периоды застоя религиозной жизни. Им подчеркивалось, что история русского сектантства дает много примеров извращенного христианского аскетизма (Смолич, 1997).

Сектантские религиозные организации на рубеже XIX–XX веков стали не только социально-политическими акторами отношений, но и крупными экономическими субъектами (торгово-промышленный сектор и ссудное приложение капитала). М. Вебером характеризовалось развитие капитализма в контексте протестантского учения и подчеркивалось наличие свободы выбора секты как волонтаристского объединения людей, прошедших религиозную аттестацию, обладающих соответствующими моральными качествами, в сравнении с церковью как институтом благодати, данным от рождения (Вебер, 1990: 108). Характеристика взаимообусловленности капиталистических тенденций и роста сектантов, разделение по экономическому показателю на крестьянские и мелкобуржуазные секты осуществлялись Н. М. Никольским. (Никольский, 1996: 628).

Систематизацию религиозных организаций, действующих на территории империи на начало XX века, по отдалению от догматов христианства с позиции Русской православной церкви провел Т. И. Буткевич. Он выделил мистический (хлыстовство, монтанство, скопчество), рационалистический (духоборчество, молоканство, иудействующие, адвентизм, толстовство) и смешанный (мормоны, еноховцы) типы. Значимым моментом в его работе стало разграничение понятий: «ересь» как осужденное церковью лжеучение, искажающее христианские догматы (арианство, несторианство); «раскол» – осужденное церковью самочинное отделение не по догматам, а по каким-либо внешним побуждениям, извращающее церковные обряды и отрицающее церковные дисциплины (стригольничество, старообрядчество), а также «секты» – отделившиеся от союза с церковью общины, искажающие вероучение, но учения которых еще не осуждены церковью. Отрицательными чертами сектантства обозначались «нападки на учение и обряды церкви; отрицание Святого Предания; церкви как божественного учреждения, священной иерархии, таинств, внешнего почитания, почитания Богоматери, ангелов и святых угодников Божьих, почитания святых мощей, молитв за умерших, значение добрых дел и христианских подвигов, постов, почитание честного креста, икон и т.д.» (Буткевич, 1910: 4).

Исследователи дореволюционного периода при описании сектантских учений выделяли два момента в их деятельности. Первый – отказ от православного обряда и таинств, включая брак, что отражало девиантность поведения последователей среди преобладающего православного населения. Второй – негативная позиция по отношению к действующей политической власти, проявляющаяся в отказе от исполнения обязанностей перед государством (воинская повинность, получение паспортов, налогообложение) и в отрицании авторитета иерархии Русской православной церкви. Это отражало делинквентное поведение, усугубляющееся анархическими и социалистическими убеждениями. Так, об учении духоборцев говорилось, что они «внесли ряд новых социально-политических вопросов, ответы на которые даны в духе чистой анархии... Отличительным свойством этого учения служит отрицание авторитета Православной Церкви и православной иерархии» (Булгаков, 1913: 1615-1618).

Политический критерий для классификации сект в империи применялся со стороны государства. Чиновник Комиссии по делам раскольников, скопцов и других сект при МВД И. Липради, характеризуя секты по цели деятельности, выделил: а) религиозные – достижения блаженства после смерти, не несущие угрозу государству; б) политические – реализация своего проекта переустройства общества и государства, связанные в конфедеративно-религиозную республику (скопцы, хлысты, славянофилы) и требующие применения активных мер со стороны органов правопорядка (Эткинд, 2013: 121-132). А. И. Клибанов продолжает характеристику политического сектантства и обозначает русские религиозные секты дореволюционного периода как социальный протест, направленный на создание иного экономического типа и обусловленный революционно-реформаторскими тенденциями в обществе. Применительно к молоканам он писал: «Это были организации религиозно окрашенного мелкобуржуазного утопического социализма» (Клибанов, 1973: 66-67).

Таким образом, можно сделать вывод о том, что проблемы возникновения и развития «нетрадиционных» религиозных убеждений, сектантских организаций на рубеже XIX–XX веков, провоцирующих проявления девиантности и делинквентности, в исторической ретроспективе являются привлекательными для проведения научных исследований. Отметим, что под категорию «сектантство» попадали как общины, отделившиеся от уже существующих религиозных организаций, так и религиозно-философские учения, популярные среди широких слоев населения, включая священнослужителей Русской православной церкви.

4. Результаты

На территории Российской империи рубежа XIX–XX веков действовали правовые нормы, регламентирующие религиозную деятельность, отношения между религиозными организациями,

религиозными организациями и государством, в частности местными администрациями. Согласно Своду законов империи религиозные организации разделялись в соответствии с правами, привилегиями и обязанностями на четыре группы, деятельность которых регулировалась разными органами власти. Первая – Русская православная церковь, провозглашенная «первенствующей и господствующей», управлялась Святейшим синодом. Вторая – католики, протестанты, иудеи, мусульмане, буддисты, армяно-католики, армяно-григориане, язычники, признаваемые и терпимые государством, обладали правами юридического лица в соответствии со спецификой и историей деятельности. Так, только после разрешения правительства католикам разрешалось исполнять папские распоряжения. Третья – старообрядцы, терпимые, но официально не признанные государством. Последователи имели ряд ограничений на совершение публичных ритуальных действий. Четвертая – скопцы, штундисты и др., не признаваемые и не терпимые государством, их деятельность преследовалась по закону.

Несмотря на видимость демаркации религиозных организаций по принципу отношения к Русской православной церкви, данным разделением государство дифференцировало их по благонадежности в поддержании стабильности социально-политического положения империи, где Русская православная церковь представлялась как часть административного аппарата. Однако только в 1916 г. светская власть взяла на себя ответственность за предотвращение вредных для государственного порядка и общественного спокойствия сектантских проявлений, подчеркивая осуществляемую сектантами антигосударственную деятельность. Деятельность всех незарегистрированных сектантских организаций прекращалась, строгий контроль устанавливался и за зарегистрированными (Батулин, Батурина, 2015: 12). Преимущественно под действия данных мер попадали религиозные организации, имеющие международное сотрудничество и активизировавшиеся в начале XX века в результате переселенческого движения на территории сибирских губерний.

Система государственно-религиозных отношений в Российской империи на рубеже XIX–XX веков была сформирована на основе принятого Свода законов и накопленного опыта отношений с включенными территориями, населенными последователями неправославных вероисповеданий (Северный Кавказ, Средняя Азия). Проводимая религиозная политика направлялась на решение сугубо политических задач.

Во-первых, обеспечение идеологического единообразия, заключавшегося в разделении всеми жителями вне зависимости от вероисповедания общих ценностей, направленных на утверждение исключительной роли самодержавия, царской власти как хранителя государствообразующей веры. Представители духовенства подвергались полицейской проверке на лояльность к действующей политической власти. Отношение к исполнению религиозных обязанностей в Российской империи конца XIX века сущностно близко к ситуации в Римской империи начала первого тысячелетия – участие в ритуальных практиках государственной религии и разрешенных культах приравнивалось к демонстрации лояльности и поддержки власти.

Государство проводило охранительную политику в отношении всех христианских церквей, но отдавало главную роль в идеологическом плане Русской православной церкви, позиционировало себя ее защитником и одновременно с этим использовало ее в своих политических целях, например для организации цензуры религиозных материалов и ограничения изданий, способных спровоцировать антиправительственные настроения. Согласно Уставу о цензуре и печати (том 14 Свода законов) п. 31 главы первой «Книги собственно духовного содержания, то есть заключающие в себе положения догматов веры, толкования Священного Писания, проповеди и т. п. на Славянском и Русском языках, рассматриваются и одобряются духовною цензурою, состоящей в ведении Святейшего Синода» (Устав о цензуре и печати, 1905: 10). Духовно цензурные комитеты рассматривали все духовные сочинения и переводы в соответствии с п. 227 главы четвертой Устава, а в п. 262 отмечалось, что «особливо же не одобряются сочинения и переводы, в которых находятся места, противные христианской нравственности, правительству и религии» (Устав о цензуре и печати, 1905: 48-49).

Во-вторых, осуществление государственного контроля над деятельностью всех религиозных организаций, включая финансовое регулирование; регламентирование не только прав и привилегий, но и обязанностей, как правило, относящихся к светской области (регистрация, выписки, метрики). Наличие обер-прокурора Святейшего синода при отсутствии у «первенствующей и господствующей» патриарха ставило под контроль и Русскую православную церковь. Содержание духовенства некоторых религиозных организаций частично покрывалось государством. Например, возмещалась часть затрат на имамов и кади, православные приходы Енисейской епархии получали хлебную ругу в размере 240 пудов на содержание священника (Дворецкая, 2015: 16). В 1897 г. вышел закон, по которому сельские церковно-приходские школы и школы грамоты получали право на надел от казны в размере до трех десятин.

В-третьих, решение национального вопроса, который регулировался принципами религиозной политики, так как национальная принадлежность за редким исключением совпадала с религиозной. Разрешение на миссионерскую деятельность только для православной церкви поддерживало

политическое господство «великорусской народности» (Кулиев, 2015: 21). Успехи миссионеров в Енисейской губернии фиксировались в ведомостях о переводе в православные церкви (ГАКК. Ф. 674. Оп. 6. Д. 16) и оглашались публично посредством печатного издания «Енисейский епархиальный вестник», где указывались происхождение, полное имя, возраст, наименование секты, к которой ранее принадлежал человек, и полученное имя при крещении.

В-четвертых, ограничение деятельности и влияния международных религиозных организаций и иных проиностранных движений, способных дестабилизировать внутривнутриполитическое положение империи, используя религиозный фактор. Так, в условиях геополитического противостояния с Англией и Османской империей в Средней Азии предпринимаемые меры к мусульманам этого региона являлись оправданными, хотя и не везде эффективными, и нередко провоцировали радикализацию ислама и восстания. В Енисейской губернии баптистов подозревали в стремлении создать всемирно-народное-баптистское правление под руководством Англии и Германии (ГАКК. Ф. 560. Оп. 1. Д. 80. Л. 4-6).

Для обеспечения социально-политической стабильности и поддержания авторитета государственной власти, который был тесно связан с Русской православной церковью, актуализировалась работа по выявлению и пресечению деятельности неблагонадежных лиц: а) отклоняющихся от исполнения традиционных религиозных предписаний; б) стремящихся перейти в другую веру (за исключением православной); в) становящихся последователями сектантских религиозных организаций (скопцы, молокане, хлысты, духоборы, толстовцы).

С одной стороны, государство использует силовые ресурсы для выявления и пресечения противозаконной деятельности среди широких масс населения. В 1857 г. Балахтинское волостное правление и земское заседание выпустили решение об организации наблюдения в целях нераспространения скопческой секты. Указывалось, что при малейшем подозрении необходимо было сообщать в губернское правление (ГАКК. Ф. 344. Оп. 1. Д. 429. Л. 3). Переходы из православной веры в сектантство и отказы от участия в православных таинствах фиксировались (ГАКК. Ф. 592. Оп. 1. Д. 761). Такие случаи тщательно проверялись местными властями, разбирались в судебном порядке, а иногда и перепроверялись по заявлению обвиняемой стороны (ГАКК. Ф. 595. Оп. 8. Д. 682). Однако основной мерой противодействия являлось увещание со стороны православного духовенства, которое только после неудачи обращалось за содействием к гражданской стороне. После проверки благочинным донесения относительно неоднократного вовлечения православных в молоканство мельником Х. Хмыровым епископ Енисейский и Красноярский обратился за помощью «в деле борьбы с сектантством». Енисейским губернским прокурором было выдано соответствующее предписание судебному следователю по Красноярскому округу (ГАКК. Ф. 595. Оп. 8. Д. 149). Также согласно указу от 1722 г. православные священнослужители обязаны были сообщать ценные сведения, полученные в результате исполнения своих профессиональных обязанностей. Особое внимание уделялось отношению к государственной власти «если человек во время исповеди объявит “некое несовершенное, ... наипаче же измену и бунт на государя” и при этом “покажет себя, что не раскаивается, но ставит себе в истину и намерение свое не отлагает”, то священник не разрешает ему грехи и обязан донести о нем “кому надлежит” (Бежанидзе, 2020: 101).

С другой стороны, Русская православная церковь осуществляла контроль как за мирянами, так и священниками. Одной из задач духовной консистории Енисейской епархии являлось отслеживание уклонения прихожан от христианских обязанностей, а благочинные проверяли исполнение священниками своих обязанностей на местах.

Просветительская и образовательная работа проводилась посредством ресурсов системы образования: преподавание предмета «Закон Божий», организация церковно-приходских школ, включая территории, не имеющие государственных школ. Из отчета о состоянии Красноярского епархиального женского училища 1896–1897 гг. следует, что основным направлением воспитания являлось «точное исполнение религиозных обязанностей православного христианина, ... образование в воспитанницах христианского характера, правдивости, честности и любви к труду» (Отчет..., 1898: 1-2). Просветительские беседы с прихожанами были ориентированы не только на поднятие и поддержание духовно-нравственного состояния, но и пропаганду действующей государственной власти. Подчеркивалась их значимость для поддержания социально-политической стабильности «как бы не была слабо развита церковно-приходская жизнь... здесь мы научаемся чтить царя, молиться за него, повиноваться ему и поставленным от него властям» (Слово..., 1898: 35). Енисейская епархия советовала священнослужителям проводить такого рода занятия – религиозно-нравственные чтения – в воскресные и праздничные дни с 13 до 14 часов, чтобы отвлечь прихожан от разгула и праздничного препровождения, а также фиксировать их проведение в журналах. Однако эффективность данных мероприятий была низкой. Прихожане не стремились посещать просветительские беседы и церковные службы за исключением праздников, а также отдавать детей в церковно-приходские школы. Так, например, за 1863–1911 гг. в Параскевской церковно-приходской школе Красноярского уезда обучалось не более 30 детей одновременно (Шушканова, 2018: 63).

Миссионерская деятельность, являвшаяся прерогативой Русской православной церкви, зачастую сталкивалась с сопротивлением местных, коренных жителей. Иностранное население

Аскизской Петропавловской церкви Енисейской епархии продолжало соблюдать языческие обычаи предков, включая отношение к браку: «прихожане поголовно держатся обычаев предков... приходится многократно увещевать исполнять христианские обязанности, а брак освящать молитвами Святой церкви, но они крепко стоят на своих обычаях и потому все пастырские увещевания остаются без внимания» (ГАКК. Ф. 667. Оп. 1. Д. 78. Л. 5). Также проблему представляла нехватка подготовленных кадров. Православные священники нередко проводили апологетические и полемические дискуссии с представителями местных религиозных организаций, осуществляли противосектантскую деятельность. Так, протоиерей Енисейской епархии В. И. Кузьмин, систематически полемизируя с представителями баптизма, предлагал увеличить подготовку миссионеров, обладающих не только духовными знаниями, но и владеющих инородческими языками (Ламанская, 2003: 44).

Примечательным фактом является то, что борьба с сектантством отождествлялась со злоупотреблением алкоголем. В отчете о деятельности за 1916 г. Иннокентьевского епархиального братства трезвости (Томская епархия) говорилось, что «сознавая, что между усилением сектантства на Руси и народным пьянством имеется глубокая, самая тесная связь ... Нельзя вести борьбу с расколом и, особенно с сектантством, закрывая при этом глаза на темные стороны жизни народной, среди которых выделяется пьянство» (Попов, 1917: 247). В Енисейской губернии в начале XX века действовало несколько филиалов «Православного противосектантского братства молитвы и трезвости во имя Святых Апостолов Петра и Павла» (Красноярск, Минусинск). Позиционировалось, что пьянство провоцирует уклонение от православной веры, отечества и присуще людям, которые являются врагами самим себе (ГАКК. Ф. 595. Оп. 13. Д. 991. Л. 1).

На территории Енисейской губернии на рубеже XIX–XX веков сложилось полирелигиозное население, состоящее из православных, старообрядцев, лютеран, католиков, иудеев, мусульман, язычников, буддистов и представителей многочисленных местных верований и культов, сочетавших веру предков с христианским вероучением. Большинство жителей являлись православными (94,16 %), а также римо-католиками (0,51 %), протестантами (0,35 %), иудеями (0,49), мусульманами (0,34 %) и старообрядцами (2 %). Особо в документах отмечались духоборцы, молокане и субботники (0,58 %). Определение численности последователей языческих культов и шаманизма представляло трудности, вызванные с их идентификацией, соблюдением прежних обрядов при наличии христианского крещения (около 3,41 %) (Списки населенных мест..., 1864: 34-35). Представители разных религий зачастую проживали совместно как в городах, так и в сельской местности с православными, но встречались целые населенные пункты, жители которых были духоборцами (д. Иудинская Минусинского уезда), старообрядцами (д. Павловская Назаровской волости).

Относительно деятельности старообрядцев (раскольников) и сектантов светскими и церковными властями регулярно составлялись специальные ведомости, позволяющие отслеживать динамику распространения и предпринимать меры противодействия волостными правлениями, духовной консисторией (ГАКК. Ф. 344. Оп. 1. Д. 429).

а) Енисейская епархия разделяла проживающих на территориях православных приходов раскольников и сектантов от рождения и лиц, уклонившихся от православного вероисповедания в раскол или секту. Священнослужители предоставляли сведения о каждом человеке: фамилия, имя, отчество, возраст, пол, наименование согласия или секты (ГАКК. Ф. 815. Оп. 1. Д. 11). Енисейская духовная консистория предоставила священнослужителям «Программу для собирания сведений о расколо-сектантстве», в которой были пункты отношения раскольников и сектантов к своим единоверцам, последователям других толков и согласий, православному населению, школам и гражданскому начальству, а также православных к расколо-сектантам. Отдельно подчеркивалась необходимость фиксации наличия/отсутствия связей с иностранными расколо-сектантами и случаев чтения зарубежной литературы (ГАКК. Ф. 201. Оп. 1. Д. 37. Л. 14-15).

б) Полицейские управления Енисейской губернии ежегодно составляли пофамильные списки скопцов, духоборцев и старообрядцев, находящихся на поселении с указанием возраста и состава семьи, наличия/отсутствия судебного решения (ГАКК. Ф. 400. Оп. 1. Д. 23), а также о наличии раскольничьих молелен, данных по их открытию и выявлению новых случаев ухода в секты (ГАКК. Ф. 595. Оп. 14. Д. 11077. Л. 1). Волостные правления, помимо общих сведений, указывали год поступления, приметы, происхождение, судебное решение и меру наказания (ГАКК. Ф. 546. Оп. 1. Д. 312. Л. 1-2). В сведениях по Зелдеевской волости Енисейской губернии среди раскольников разных сект отдельно были выделены беспоповские секты, «не принимающие браков и не совершающие молитвы за царя» (ГАКК. Ф. 609. Оп. 1. Д. 2536. Л. 30).

Однако, несмотря на все предпринимаемые меры церковной и светской властью, определить хотя бы приблизительную численность сектантства как на территории империи, так и в отдельных губерниях не представлялось возможным по причинам их неоднородности, наличия большого количества согласий, направлений и закрытости деятельности, а также умышленного предоставления неверных сведений на местах. Если же по старообрядцам, скопцам, духоборцам статистика была крайне неточной, так как основывалась на поверхностных оценках и приблизительных подсчетах, то по иным сектантским организациям не было практически никаких достоверных данных. Они

действовали законспирированно, использовали недемонстративные методы вовлечения и избегали государственного надзора. Зачастую маскировались под православных: не покидали приходов (хлысты), посещали службы и отказывались признавать себя раскольниками или сектантами (ГАКК. Ф. 815. Оп. 1. Д. 13. Л. 8).

На основании вышеизложенного можно выделить следующие группы религиозных организаций, провозглашаемых в Российской империи на рубеже XIX–XX веков сектантскими. Все они обладали своей спецификой взаимодействия с государством и апробированными методами деятельности. Присутствие в той или иной степени апокалипсических и эсхатологических мотивов в их учениях стимулировало развитие идей радикального изменения сложившегося социально-политического устройства. Низкая эффективность миссионерской деятельности и предпринимаемых мер противодействия распространению сектантских учений Русской православной церковью как духовного монополиста позволяла данным организациям развиваться, чему также способствовало исторически сложившееся отсутствие конкуренции со стороны других религий.

Первая – русские секты и раскольники. Их история была неразрывно связана с историей российского общества и государства. Они выступали оппозицией государственной власти и главенству Русской православной церкви. Специфика их радикального и синкретического вероучения заключалась в синтезе религиозных и политических идей: построение Царства Божьего, сопровождаемое изменениями политического положения; вера в мессию в лице «добротного правителя»; уклонение от государственных обязанностей. Политическая составляющая являлась дополнением к религиозным положениям, частной интерпретацией конкретных религиозных норм. К данной группе относятся старообрядческие общины различного толка, а также хлысты.

Вторая – организации, возникшие в результате миссионерской деятельности иностранных религиозных организаций, поддерживающие международные связи и/или сблизившиеся с протестантским вероучением. Их участники противопоставляли себя государству, что выражалось в отказе исполнять обязанности перед ним. Религиозная составляющая дополнялась политическими мотивами. Духовные христиане (духоборы, молокане) отказывались от внешнего поклонения Богу, исполнения многих обязанностей перед государством (воинская повинность, хлебные сборы), признавали аллегорическое толкование Священного Писания и таинств, ожидали скорого наступления тысячелетнего Царства Христа (ГАКК. Ф. 595. Оп. 19. Д. 62). Государство усилило в 1916 г. надзор за евангельскими христианами. В распоряжении МВД по Енисейскому губернскому управлению в качестве формальной причины указывались пацифистские настроения, но реальная – заключалась в подозрениях в антиправительственной деятельности: сборе средств для иностранных государств (США), моральном разложении армии, шпионаже (ГАКК. Ф. 595. Оп. 6. Д. 13).

Третья – движения сторонников богоискательства, набравшие популярность на рубеже XIX–XX веков, предлагавшие новую интерпретацию христианского вероучения. Иоанниты в своих проповедях делали акцент на Иоанне Кронштадтском как воплощении Бога и на Страшном суде, который прогнозировали на 1909 г. на Масленицу. Причастие осуществляли яблоком и виноградным вином, изображение Иоанна Кронштадтского заменяло иконы. Некоторые жители Ачинского уезда Енисейской губернии продавали свое имущество и отправлялись в Кронштадт, т. к. считали, что только Иоанн Кронштадтский мог их спасти, отказываясь от увещаний в ошибочности своих убеждений (Рождественский, 1909: 16–20).

Данные движения характеризовались философско-богословскими рассуждениями (толстовство) и определенной эклектичностью (русские католики), которая включала, помимо религиозных, анархические и социалистические идеи. Религиозная составляющая выступала источником духовных исканий, философских дискуссий об обществе и государстве. Наличие на территории Енисейской губернии политических ссыльных, «смутьянов», ссыльно-поселенцев, которые составляют почти 1/3 всего населения» (Малашин, 2011: 69), провоцировало антиправительственную деятельность, нередко сопровождающуюся антицерковной и атеистической пропагандой. Однако отчеты по образу жизни ссыльных не требовали сведений об их религиозных убеждениях (ГАКК. Ф. 26. Оп. 1. Д. 45. Л. 11–12), что осложняет прослеживание взаимосвязи.

Несмотря на то, что понятие религиозного экстремизма в системе государственно-религиозных отношений Российской империи на рубеже XIX–XX веков отсутствовало, религиозная вражда и ненависть, идеи крайней исключительности и превосходства в вопросах веры, угрозы и насилия в адрес представителей иных религий, проекты радикального изменения существующего политического устройства на религиозной основе имели место. При этом многие из указанных признаков были характерны для сектантских организаций в адрес Русской православной церкви. В сведениях о противосектантских миссиях в Енисейской епархии отмечено, что штундо-баптисты, иониты «на открытых проповедях пропагандировали среди православных свои лжеучения. Содержание этих учений относится не только к раскрытию положительных сторон своего учения, а главным образом к критике православного учения, даже не в существенной его части (догматика), а в части обрядовой» (ГАКК. Ф. 560. Оп. 1. Д. 80. Л. 1). В свою очередь церковь была достаточно сдержанна, избегая в публичных заявлениях и официальных документах оскорблений. При описании наблюдаемых сектантских ритуальных практик православные священнослужители стремились

перечислять действия, точный внешний облик и окружение, избегая личностных суждений. Подчеркивание отрицательных сторон деятельности сектантских организаций и личности самих сектантов оставалось прерогативой светских властей, которые нередко злоупотребляли своими полномочиями в отношении людей, подозреваемых в принадлежности к таким организациям (ГАКК. Ф. 595. Оп. 8. Д. 682).

На наш взгляд, религиозный экстремизм целесообразно рассматривать как исторический феномен, к наименованию которого наиболее часто использовалось понятие «сектантство» в Российской империи на рубеже XIX–XX веков. Маркером для выявления признаков религиозного экстремизма является наличие девиантных и/или делинквентных действий с религиозными мотивами. Важно при работе анализировать соответствующую нормативно-правовую базу, отношение светской власти, а также исторический, социально-политический контекст применения такого рода понятий. Так, местные верования, культы предков инородческого населения не подпадали под антисектантское законодательство, воспринимаясь пережитком. Духовные христиане, евангельские христиане и сторонники философско-богословских учений, которые противопоставляли себя Русской православной церкви, выражали антимилитаристские взгляды и обладали международными связями, позиционировались антиправительственными силами и именовались сектантами при подчеркивании негативной составляющей их учений и отрицательных сторон их личностей.

5. Заключение

Подводя итог, можно сделать вывод о том, что активная деятельность большого количества разнообразных религиозных организаций и философско-богословских учений на рубеже XIX–XX веков вызывала обеспокоенность как государства, так и Русской православной церкви и именовалась сектантской. Подчеркивалась ее деструктивная направленность, выражаемая не только в отказе от признания авторитета Русской православной церкви, но и в соответствующей позиции к государству, что в существовавшей системе религиозно-государственных отношений приравнивалось к антиправительственной деятельности. Религиозная ненависть и вражда, в частности в отношении Русской православной церкви, идеи радикального изменения сложившегося социально-политического устройства на религиозной основе, являющиеся основополагающими принципами сектантских учений, согласуются с принципами религиозного экстремизма. Однако в вопросе применения насилия сектантство направляло его преимущественно на себя, а не на своих оппонентов. Это позволяет говорить не столько о тождестве сущности русского религиозного сектантства, сколько о нем как об исторической форме становления религиозного экстремизма.

Литература

- Ахромеева, 2014 – Ахромеева Ю.В. Религиозный экстремизм: сущность и характерные черты // *Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Серия «Социально-гуманитарные науки»*. 2014. № 1. С. 86–91.
- Батурин, Батурина, 2015 – Батурин С.П., Батурина Т.В. К вопросу о вероисповедальной политике Российской империи на рубеже XIX–XX вв. (на примере Сибири) // *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2015. № 4–1. С. 7–13.
- Бежанидзе, 2020 – Бежанидзе Г.В. История появления и рецепция указа 1722 г. «Об объявлении священникам открытых им на исповеди преднамеренных злодейств» // *Вестник Екатеринбургской духовной семинарии*. 2020. № 1(29). С. 98–111.
- Булгаков, 1913 – Булгаков С.В. Настольная книга для Священно-Церковно-служителей: (Сборник сведений, касающихся преимущественно практической деятельности отечественного духовенства). Изд. 3-е, испр. и доп. Киев: Тип. Киево-Печерской Успенской Лавры, 1913. 1772 с.
- Буткевич, 1910 – Буткевич Т.И. Обзор русских сект и их толков. Харьков: Типография Губернского правления, 1910. 607 с.
- Вебер, 1990 – Вебер М. Избранные произведения: Пер. с нем. / Сост., общ. ред. и послесл. Ю.Н. Давыдова; Предисл. П. П. Гайденко. М.: Прогресс, 1990. 808 с.
- ГАКК – Государственный архив Красноярского края.
- Данилов, 2018 – Данилов А.В. Религия, экстремизм, насилие // *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2018. № 3. С. 67–73.
- Дворецкая, 2015 – Дворецкая А.П. Религиозная жизнь населения Приенисейского региона в первой трети XX в. (1900–1930-е гг.). Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2015. 188 с.
- Ефремова, Ковалева, 2020 – Ефремова О.Н., Ковалева Г.П. Религиозный фанатизм как предпосылка экстремизма // *Вестник общественных и гуманитарных наук*. 2020. № 2. Т. 1. С. 37–40.
- Клибанов, 1973 – Клибанов А.И. Религиозное сектантство в прошлом и настоящем. М.: Наука, 1973. 256 с.
- Кулиев, 2015 – Кулиев Ф.М. Правовое регулирование деятельности в Российской империи в конце XVIII – начале XX вв. // *Известия СОИГСИ*. 2015. № 15(54). С. 14–24.

Ламанская, 2003 – Ламанская Н.Б. Из истории государственно-конфессиональных отношений в Енисейском регионе // *Актуальные проблемы истории Саяно-Алтая. Научный сб. молодых исследователей.* 2003. № 4. С. 43-48.

Малашин, 2011 – Малашин Г.В. Красноярская (Енисейская) епархия РПЦ: 1861–2011 гг. Красноярск: Издательский дом «Восточная Сибирь», 2011. 480 с.

Никольский, 1996 – Никольский Н.М. Сектанство и развитие капитализма в России / Религия и общество. Хрестоматия по социологии религии. М.: Аспект Пресс, 1996. С. 622-638.

Оленич, 2005 – Оленич Т.С. Проблема классификации русского религиозного сектанства Российской империи // *Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки.* 2005. № 2. С. 15-25.

Отчет..., 1898 – Отчет о состоянии Красноярского Епархиального женского училища в учебно-воспитательном отношении за 1896–97 учебный год // *Енисейские епархиальные ведомости.* 1898. № 1. С. 1-10.

Попов, 1917 – Попов М. Краткий отчет о деятельности Иннокентьевского Епархиального братства трезвости за 1916 год // *Томские епархиальные ведомости.* 1917. № 10. С. 244-252.

Рождественский, 1909 – Рождественский В. Заметки из миссионерского дневника // *Енисейские епархиальные ведомости.* 1909. № 13. С. 16-20.

Рязанов, 2014 – Рязанов Д.С. Религиозный экстремизм, религиозно-политический экстремизм и религиозный фундаментализм: общее, особенное, единичное // *Известия Иркутского государственного университета. Серия «Политология. Религиоведение».* 2014. № 1. С. 177-184.

Слово..., 1898 – Слово Р. Необходимость и возможность поднятия церковно-приходской жизни // *Енисейские епархиальные ведомости.* 1898. № 2. С. 34-36.

Смолич, 1996 – Смолич И. К. История Русской церкви. М.: Изд-во Спасо-Преображ. Валаам. монастыря. Кн. 8. Ч. 1: 1700–1917. 1996. 798 с.

Списки населенных..., 1864 – Списки населенных мест Российской империи, составленные и издаваемые Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел: По сведениям 1859. СПб.: Изд. центр. стат. ком. Мин. внутр. дел, 1861–1885. [Вып.] 51: Енисейская губерния / Обработ. Р. Мааком. 1864. XLII, 74 с.

Устав о цензуре и печати, 1905 – Устав о цензуре и печати (Свод зак., т. XIV, изд. 1890 г. и по прод. 1902 г.), с изменениями по 1 июля 1905 г. / Сост. И.Н. Лодыженский, И.В. Ратьков-Рожнов. СПб.: Государственная типография, 1905. 68 с.

Пушканова, 2018 – Пушканова Е.А. Жизнь сельского прихода России накануне революции 1917 г. (на примере Енисейской губернии) // *Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви.* 2018. Вып. 82. С. 53-67.

Эткинд, 2013 – Эткинд А.М. Хлыст: секты, литература и революция. М.: Новое литературное обозрение, 2013. 642 с.

Юргенсмейер, 2022 – Юргенсмейер М. «Ужас Мой пошлю пред тобой»: религиозное насилие в глобальном масштабе / Пер. с англ. А. Зыгмонта. М.: Новое литературное обозрение, 2022. 496 с.

References

Akhromeeva, 2014 – Akhromeeva, Yu.V. (2014). Religiozniy ekstremizm: sushchnost' i kharakternye cherty [Religious extremism: the essence and characteristic features]. *Nauchnyi vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo arkhitekturno-stroitel'nogo universiteta. Ser.: Sotsial'no-gumanitarnye nauki.* 1: 86-91. [in Russian]

Baturin, Baturina, 2015 – Baturin, S.P., Baturina, T.V. (2015). K voprosu o veroispovedal'noi politike Rossiiskoi imperii na rubezhe XIX–XX vv. (na primere Sibiri) [On the religious policy of the Russian Empire at the turn of the XIX–XX centuries. (on the example of Siberia)]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta.* 4-1: 7-13. [in Russian]

Bezhanidze, 2020 – Bezhanidze, G.V. (2020). Istoriya poyavleniya i retseptsiya ukaza 1722 g. «Ob ob'yavlenii svyashchennikam otkrytykh im na ispovedi prednamerennykh zlodeistv» [The history of the appearance and reception of the decree of 1722 "On the announcement to priests of deliberate atrocities revealed to them in confession"]. *Vestnik Ekaterinburgskoi dukhovnoi seminarii.* 1(29): 98-111. [in Russian]

Bulgakov, 1913 – Bulgakov, S.V. (1913). Nastol'naya kniga dlya Svyashchenno-Tserkovno-sluzhitelei: (Sbornik svedenii, kasayushchikhsya preimushchestvenno prakticheskoi deyatelnosti otechestvennogo dukhovenstva) [A handbook for Sacred-Church ministers: (A collection of information relating mainly to the practical activities of the domestic clergy)]. Izd. 3-e ispr. i dop. Kiev: Kiev-Pechersk Assumption Lavra, 1772 p. [in Russian]

Butkevich, 1910 – Butkevich, T.I. (1910). Obzor russkikh sekt i ikh tolkov [Review of Russian sects and their interpretations]. Khar'kov: Tipografiya Gubernskogo pravleniya, 607 p. [in Russian]

Danilov, 2018 – Danilov, A.V. (2018). Religiya, ekstremizm, nasilie [Religion, extremism, violence]. *Zhurnal Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta. Sotsiologiya.* 3: 67-73. [in Russian]

- Dvoretzkaya, 2015** – *Dvoretzkaya, A.P.* (2015). Religioznaya zhizn' naseleniya Prieniseiskogo regiona v pervoi treti XX v. (1900–1930-e gg.) [Religious life of the population of the Yenisei region in the first third of the XX century (1900–1930)]. Krasnoyarsk: Sib. feder. un-t, 188 p. [in Russian]
- Efremova, Kovaleva, 2020** – *Efremova, O.N., Kovaleva, G.P.* (2020) Religiozni fanatizm kak predposylka ekstremizma [Religious fanaticism as a prerequisite for extremism]. *Vestnik obshchestvennykh i gumanitarnykh nauk.* 2, t. 1, pp. 37-40. [in Russian]
- Etkind, 2013** – *Etkind, A.M.* (2013). Khlyst: sekty, literatura i revolyutsiya [Khlyst: sects, literature and revolution]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 642 p. [in Russian]
- GAKK** – Gosudarstvennyi arkhiv Krasnoyarskogo kraja [State Archive of the Krasnoyarsk Krai].
- Juergensmeyer M. «Uzhas Moj poshlyu pred tobój»: religioznoe nasilie v global'nom masshtabe [Terror in the Mind of God: The Global Rise of Religious Violence], transl. from English A. Zygmonta. M.: Novoe literaturnoe obozrenie. 2022. 496 p. [In Russian]
- Klibanov, 1973** – *Klibanov, A.I.* (1973). Religioznoe sektantstvo v proshlom i nastoyashchem [Religious sectarianism in the past and present]. M.: Nauka, 256 p. [in Russian]
- Kuliev, 2015** – *Kuliev, F. M.* (2015). Pravovoe regulirovanie deyatelnosti v Rossiiskoi imperii v kontse XVIII – nachale XX vv. [Legal regulation of activity in the Russian Empire at the end of the XVIII – early XX centuries]. *Izvestiya SOIGSI.* 15(54): 14-24. [in Russian]
- Lamanskaya, 2003** – *Lamanskaya, N.B.* (2003). Iz istorii gosudarstvenno-konfessional'nykh otnoshenii v Eniseiskom regione [From the history of state-confessional relations in the Yenisei region]. *Aktual'nye problemy istorii Sayano-Altaya. Nauchnyi sb. molodykh issledovatelei.* 4: 43-48. [in Russian]
- Malashin, 2011** – *Malashin, G.V.* (2011). Krasnoyarskaya (Eniseiskaya) eparkhiya RPTs: 1861–2011 gg. [Krasnoyarsk (Yenisei) Diocese of the Russian Orthodox Church: 1861-2011]. Krasnoyarsk: Vostochnaya Sibir, 480 p. [in Russian]
- Nikol'skii, 1996** – *Nikol'skii, N.M.* (1996). Sektantstvo i razvitie kapitalizma v Rossii [Sectarianism and the development of capitalism in Russia]. *Religiya i obshchestvo Khrestomatiya po sotsiologii religii.* M.: Aspekt Press, pp. 622-638. [in Russian]
- Olenich, 2005** – *Olenich, T.S.* (2005). Problema klassifikatsii russkogo religioznogo sektantstva Rossiiskoi imperii [The problem of classification of Russian religious sectarianism of the Russian Empire]. *Izvestiya VUZov. Severo-Kavkazskii region. Obshchestvennye nauki.* 2: 15-25. [in Russian]
- Otchet..., 1898** – Otchet o sostoyanii Krasnoyarskogo Eparkhial'nogo zhenskogo uchilishcha v uchebno-vospitatel'nom otnoshenii za 1896-97 uchebnyi god, 1898 [Report on the state of the Krasnoyarsk Diocesan Women's College in educational and educational terms for the 1896-97 academic year]. *Eniseiskie eparkhial'nye vedomosti.* 1: 1-10. [in Russian]
- Popov, 1917** – *Popov, M.* (1917). Kratkii otchet o deyatelnosti Innokent'evskogo Eparkhial'nogo bratstva trezvosti za 1916 god [A brief report on the activities of the Innokentiev Diocesan Brotherhood of Sobriety for 1916]. *Tomskie eparkhial'nye vedomosti.* 10: 244-252. [in Russian]
- Rozhdestvenskii, 1909** – *Rozhdestvenskii, V.* (1909). Zametki iz missionerskogo dnevnika [Notes from a missionary diary]. *Eniseiskie eparkhial'nye vedomosti.* 13: 16-20. [in Russian]
- Ryazanov, 2014** – *Ryazanov, D.S.* (2014). Religiozni ekstremizm, religiozno-politicheskii ekstremizm i religiozni fundamentalizm: obshchee, osobnoe, edinichnoe [Religious extremism, religious-political extremism and religious fundamentalism: general, special, singular] *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politologiya. Religiovedenie.* 1: 177-184. [in Russian]
- Shushkanova, 2018** – *Shushkanova, E.A.* (2018). Zhizn' sel'skogo prikhoda Rossii na kanune revolyutsii 1917 g. (na primere Eniseiskoi gubernii) [The life of a rural parish in Russia on the eve of the revolution of 1917 (on the example of the Yenisei province)]. *Vestnik PSTGU. Seriya II: Istoriya. Istoriya Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi.* 82: 53-67. [in Russian]
- Slovo, 1898** – *Slovo, R.* (1898). Neobkhodimost' i vozmozhnost' podnyatiya tserkovno-prihodskoi zhizni [The necessity and possibility of raising the parish life]. *Eniseiskie eparkhial'nye vedomosti.* 2: 34-36. [in Russian]
- Smolich, 1996** – *Smolich, I.K.* (1996). Istoriya Russkoi tserkvi [History of the Russian Church]. M: Izd-vo Spaso-Preobrazh. Valaam. monastyrya. Kn. 8. Ch. 1: 1700-1917, 798 p. [in Russian]
- Spiski naseleennykh..., 1864** – Spiski naseleennykh mest Rossiiskoi imperii, sostavlennye i izdavaemye Tsentral'nym statisticheskim komitetom Ministerstva vnutrennikh del: Po svedeniyam 1859 [Lists of populated places of the Russian Empire compiled and published by the Central Statistical Committee of the Ministry of Internal Affairs: According to 1859]. SPb. : izd. Tsent. stat. kom. Min. vnutr. del, 1861–1885. [Vyp.] 51: Eniseiskaya guberniya. Obrab. R. Maakom. 1864. XLII, 74p. [in Russian]
- Ustav o tsenzure i pechati, 1905** – Ustav o tsenzure i pechati (Svod zak., t. XIV, izd. 1890 g. i po prod. 1902 g.), s izmeneniyami po 1 iyulya 1905 g. (1905) [The Statute on Censorship and the Press (Code of Laws, vol. XIV, ed. 1890 and 1902)]. Sost. I.N. Lodyzhenskii, I.V. Rat'kov-Rozhnov. SPb.: Gosudarstvennaya tipografiya, 68 p. [in Russian]
- Veber, 1990** – *Veber, M.* (1990). Izbrannye proizvedeniya [Selected works]: translated from German/Comp., general ed. and afterword by Yu.N. Davydov; Preface by P.P. Gaidenko. M.: Progress, 808 p. [in Russian]

Религиозное сектантство на рубеже XIX–XX веков: историческая форма религиозного экстремизма (на примере Енисейской губернии)

Татьяна Владимировна Излученко ^{a, *}, Денис Николаевич Гергилев ^a
Евгений Александрович Ахтамов ^a, Андрей Александрович Груздев ^a

^a Сибирский федеральный университет, Российская Федерация

Аннотация. Проблема религиозного экстремизма постоянно привлекает внимание различных исследователей ввиду того значения, которое религия имеет в поддержании социальной стабильности и легитимации государственной власти. Демаркация религиозных организаций в Российской империи на рубеже XIX–XX веков проводилась преимущественно по их позиции к государству и Русской православной церкви, а также по действиям, способным дестабилизировать социально-политическое положение. Объектом изучения данной статьи является русское религиозное сектантство: место в религиозно-государственной системе, соотношение с традиционными религиями и местными верованиями. Оно рассматривается авторами как историческая форма религиозного экстремизма, содержащая девиантную и делинквентную составляющие. Приводятся правовая и религиоведческая характеристика, авторская классификация религиозных сектантских организаций, действовавших на рубеже веков на территории Енисейской губернии, в соответствии с критериями религиозного экстремизма: межрелигиозная ненависть и вражда, радикальное изменение сложившегося социально-политического устройства на религиозной основе, заявление об исключительности, применение насилия в адрес оппонентов. Разграничивается содержание используемых в документах политических институций Енисейской губернии понятий «сектантство», «раскольничество» применительно к старообрядчеству, международным религиозным движениям, вере предков и философско-богословским движениям. Авторами отмечается, что понятие «сектантство» преимущественно использовалось в отношении религиозных организаций, отделившихся от православного христианства, предлагающих собственную интерпретацию вероучения и выступающих против выполнения государственных повинностей. Ярко выраженное негативное отношение к ним наблюдалось именно со стороны государства, воспринимавшего такую деятельность как посягательство на авторитет власти, при достаточно сдержанной позиции Русской православной церкви.

Ключевые слова: сектантство, русское православие, христианство, религиозный экстремизм, старообрядчество, Енисейская губерния, девиантность, делинквентность.

---

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: izluchenko@mail.ru (Т.В. Излученко), turilak@yandex.ru (Д.Н. Гергилев), akhtamov@gmail.com (Е.А. Ахтамов), andygruzdev@yandex.ru (А.А. Груздев)

Copyright © 2023 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2023. 18(2): 745-754
 DOI: 10.13187/bg.2023.2.745

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Sober Movement and the Activity of the Orthodox Clergy in the Struggle for the Piety of the Flock in the second half of the XIX – early XX centuries (on the Example of the Penza Province)

Sergei V. Belousov ^{a,*}, Olga V. Kolpakova ^a, Anastasia R. Mere ^a

^a Penza state university, Russian Federation

Abstract

The article examines the activities of the Orthodox clergy of the Penza diocese in countering alcoholization of the population in the second half of the XIX – early XX centuries. The fight against drunkenness was one of the directions of pastoral care. In the second half of the XIX – early XX centuries, temperance societies, including parochial ones, played an important role in distracting the population from drunkenness. During the period under study, special attention was paid to the issue of the sober movement and the activities of the Orthodox clergy in the struggle for the piety of the flock. The main measures to combat the national disease were preaching, home visits, private conversations, sobriety holidays, distribution of special brochures. The study focuses on the regulatory framework regarding the direction of the activities of the Orthodox clergy, measures and recommendations from the diocesan authorities on the issue of combating the spread of alcohol addiction.

The article provides information on the functioning of the Guardianship of People's Sobriety on the territory of the Penza province since 1901, as well as their activities.

Keywords: sobriety movement, parish sobriety societies, the fight against drunkenness, Orthodox clergy, Penza province.

1. Введение

Проблема пьянства как социального явления привлекает внимание современных ученых, которые рассматривают самые разнообразные аспекты алкогольного вопроса. В условиях современного кризиса идентичности важными являются исследования подобного рода, исходя из того, что региональная идентичность – это прежде всего переживаемые и осознаваемые людьми ценности определенной системы локальной общности. На современном этапе развития общества у РПЦ имеются программы, направленные на духовно-нравственное воспитание различных категорий граждан, одним из направлений данных программ является снижение уровня алкоголизма. Исследование деятельности православного духовенства в целях противодействия алкоголизации населения во второй половине XIX – начале XX вв. актуально не только в плане общественной практики, но и научной теории.

В связи с этим необходим анализ исторического опыта Русской православной церкви в направлении борьбы за народную трезвость. Вторая половина XIX – начало XX вв. обращают на себя внимание как время беспрецедентного интереса власти к алкогольному вопросу: в данное время алкогольная ситуация в России являлась важнейшей проблемой общественности.

В исследуемый период важную роль в отвлечении населения от пьянства сыграли общества трезвости, в том числе и церковно-приходские. Духовенство отвечало за нравственное состояние

* Corresponding author

E-mail addresses: sergbel_1812@mail.ru (S.V. Belousov), al.olga3443@yandex.ru (O.V. Kolpakova), anamere@mail.ru (A.R. Mere)

своей паствы, выступало связующим звеном между властью и населением в вопросе борьбы с «народным недугом».

2. Материалы и методы

Эмпирическую базу исследования составили опубликованные и неопубликованные материалы: данные периодической печати, делопроизводственные документы, нормативные акты, изданные во второй половине XIX – начале XX вв.

Немаловажным источником для рассмотрения заявленной темы являются материалы периодической печати. Печатный орган Святейшего правительствующего синода – «Церковные ведомости» содержали сведения относительно борьбы РПЦ с пьянством, отражали нормативную базу по данному вопросу (указы, рекомендации в вопросе назидания населения к трезвенной жизни).

Также богатый материал по теме исследования представлен в местной периодической печати – «Пензенских епархиальных ведомостях». В официальной части газеты печатались указы в отношении борьбы с пьянством, определения епархиального начальства. В неофициальной части публиковались очерки, статьи епархиальных священников, проповеди, отчеты о борьбе с народным пьянством, просветительская деятельность духовенства. Таким образом, материал периодической печати позволяет познакомиться с мнением духовного сословия о причинах нетрезвости народа на территории Пензенской губернии, методами борьбы и их эффективностью.

В докладе Комиссии по вопросу об алкоголизме 6 октября 1899 г. «Роль православного духовенства в борьбе с народным пьянством» Д.Г. Булгаковского отмечены некоторые сведения о деятельности православного духовенства в вопросе борьбы с нетрезвостью народа, основанные на донесениях епархиальных преосвященных в Святейший синод. Священник приводит предполагаемые меры борьбы с пьянством, применимые как для простого народа, так и для духовного сословия.

Важную роль играют отчеты о деятельности Пензенского попечительства о народной трезвости, созданного в 1901 г., в которых содержались сведения о духовно-просветительской и культурно-досуговой деятельности десяти уездных комитетов – Пензенского, Городищенского, Инсарского, Керенского, Краснослободского, Мокшанского, Наровчатского, Нижнеломовского, Саранского, Чембарского, а также о распределении средств комитетов.

В основе методологического инструментария лежат методы – проблемно-хронологический, историко-системный, историко-сравнительный, а также комплексный анализ источников и литературы. Историко-системный метод позволил рассмотреть проблему алкоголизации населения во второй половине XIX – начале XX вв. на территории Пензенской губернии в связи с социально-экономической обстановкой. С помощью сравнительного анализа соотнесены данные о проблеме алкоголизации населения в Пензенской губернии и других русских епархиях (в частности, вопрос о школьном алкоголизме). Проблемно-хронологический метод предоставил возможность рассмотреть некоторые события и процессы второй половины XIX – начала XX вв. в последовательном развитии.

3. Обсуждение

В рамках дореволюционной историографии были заложены определенные принципы изучения алкогольной проблематики, а также деятельности православной церкви в борьбе с пьянством, которая отражена в работах Н.П. Розанова (Розанов, 1912), И.П. Мордвинова (Мордвинов, 1911), являвшихся участниками трезвенного движения.

В работе члена Санкт-Петербургского общества трезвости, почетного члена Лондонского общества изучения пьянства Н.И. Григорьева отмечены церковно-приходские общества трезвости, существовавшие на территории Российской империи, в том числе и на территории Пензенской губернии, а также опубликованы правила церковно-приходского общества трезвости с. Шигонь Инсарского уезда Пензенской губернии (Григорьев, 1894).

Д.Н. Воронов обратился к вопросу о потреблении спиртных напитков на материалах Пензенской губернии. Используя социологический подход в изучении данного вопроса, он пришел к выводу, что городское потребление спиртного было выше уездного. Одно из центральных мест в противодействии пьянству исследователь отводил борьбе с шинкарством, которое являлось весьма распространенным деревенским промыслом.

На современном этапе изучению борьбы за народную трезвость посвящены работы А.Н. Маюрова (Маюров, 2016), И.А. Шевченко (Шевченко, 2019). Трезвенное движение рассматривается на примере отдельных епархий (Нечаев, 2008; Базанова, 2008; Караваева, 2010; Клевцова, 2019 и др.).

Региональные особенности производства и потребления водки в Пензенской губернии, опыт принудительной трезвости в годы казенной винной монополии, а также борьба с пьянством в данных условиях показаны в работах М.В. Савченко (Савченко, 2001а; Савченко, 2001б).

4. Результаты

Появление первых обществ трезвости в Российской империи относится к 1858 г. Они собирали единомышленников, готовых отказаться от употребления спиртных напитков на определенный срок (Гусев, 2010: 63).

В 1859 г. Святейший синод обозначил важность решения проблемы народного пьянства и благословил духовных лиц на содействие в борьбе с данной проблемой, в частности, личным примером и объяснением на проповедовании прихожанам негативных последствий употребления алкоголя.

В связи с растущим уровнем употребления алкогольных напитков правительство после издания «Правил о раздробительной продаже напитков» в 1885 г. привлекало к содействию в осуществлении наблюдения за питейной торговлей не только частных лиц, городские и земские учреждения, но и духовенство, а также различные религиозные учреждения Пензенской епархии (О принятии..., 1889: 324-325).

Пензенская духовная консистория предписывала благочинным епархии доставлять сведения о том, существуют ли в настоящее время общества трезвости, сколько лиц в них состоит, в чем заключается их влияние на религиозно-нравственное состояние населения. Обращалось внимание на то, приняты ли к руководству правила о питейной торговле попечительствами, братствами и церковными советами, а также в чем выразилась их деятельность в этом отношении. Кроме того, сообщалось ли о допускаемых виноторговцами нарушениях учреждениям и лицам, на которых возложен надзор за производством питейной торговли, какие меры целесообразно предпринять духовным ведомством для направления деятельности данных учреждений по искоренению пьянства в народе (Определения..., 1890: 9-10).

Церковно-приходские общества трезвости создавались неравномерно по епархиям. Согласно донесениям епархиальных преосвященных в Святейший синод, в 20 епархиях – Московской, Владимирской, Ярославской, Нижегородской, Курской, Калужской, Псковской, Воронежской, Кишиневской, Херсонской, Ставропольской, Олонецкой, Пермской, Самарской, Оренбургской, Якутской, Иркутской, Камчатской, Туркестанской и Грузинском экзархате – первоначально не существовало обществ трезвости. В остальных 36 епархиях с 1889 г., т. е. со времени указа Святейшего синода, начали появляться общества трезвости, но число их было незначительно. В 7 епархиях: Тверской, Костромской, Симбирской, Харьковской, Рижской, Тобольской и Енисейской – открыто было всего по одному обществу трезвости. Затем в 9 епархиях: Вологодской, Рязанской, Тульской, Орловской, Екатеринославской, Астраханской, Могилевской, Минской и Варшавской – было открыто по два общества трезвости. В остальных 20 епархиях в среднем существовало по 20 обществ, но состав их был незначителен.

Из дел Департамента полиции видно, что с 1891–1899 гг. было открыто в разных губерниях 95 обществ трезвости, утвержденных Министерством внутренних дел. Также существовало 36 церковно-приходских обществ трезвости, открытых с разрешения духовной власти. В среднем, по данным священника Д.Г. Булгаковского, на каждую губернию приходилось по два общества трезвости, или по одному на 229 православных приходов (Булгаковский, 1900: 15-16). С 1889 по 1900 гг. в России были учреждены 462 общества трезвости, с 1900 по 1905 гг. – 319. К 1905 г. в Российской империи насчитывалось 781 общество трезвости (Нечаев, 2008: 59).

На территории Пензенской епархии церковно-приходские общества трезвости начали возникать с 1889 г. Именно в этом году Святейший синод обратился к духовенству с просьбой о содействии в борьбе с пьянством.

Духовенство должно было доносить населению информацию о вреде употребления спиртных напитков и искать другие способы проведения досуга, кроме питейных заведений. Для реализации поставленной задачи необходимо было устраивать чтения, беседы, составлять и распространять издания, открывать чайные и народные читальни (Корольков, 1896: 12). Первое церковно-приходское общество трезвости на территории Пензенской епархии было открыто 3 декабря 1889 г. в с. Ростовка Нижнеломовского уезда. Общество имело устав, согласно которому каждый его член брал на себя обязательство не употреблять спиртные напитки сроком не менее года. Обязательство закреплялось специальным молебном и записью в книге трезвости. Нарушители исключались из общества. К концу 1892 г. в Ростовке количество человек, входящих в состав общества, равнялось 42 (Никонов, 2001: 645-646).

Динамика численности обществ трезвости на территории Пензенской епархии выглядела следующим образом: с 1890 по 1907 гг. было открыто 8 обществ трезвости, в 1907 г. – 5, в 1908 г. – 12, в 1909 г. – 26, в 1910 г. – 32, в 1911 г. – 40 (Печальный голос..., 1912: 400). В 1911 г. их насчитывалось 313, к 1913 г. – 558. (Дворжанский, 1999: 214).

К 1915 г. на территории Пензенской епархии существовало 696 обществ трезвости, только в 1914 г. было открыто 89. Некоторые из них насчитывали около 1 500 человек, например в с. Терновка Пензенского уезда. Всех трезвенников, состоящих членами приходских обществ трезвости, числилось 22 000 человек. При вступлении в члены общества трезвости первоначально говорилось поучение,

служился молебен Спасителю, Богоматери и святому, избранному покровителем общества. Затем произносилось по выработанной форме торжественное обещание воздерживаться от употребления спиртных напитков (РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2657. Л. 250б.-26).

Церковно-приходские общества трезвости создавались священниками при местных церквях. Так, в 1890 г. в с. Головинцино Нижнеломовского уезда было открыто общество трезвости, имелись чайная лавка, газеты и книги. В с. Шигонь Инсарского уезда при местной церкви общество трезвости было учреждено в 1892 г. священником А. Муромским (Григорьев, 1894: 19).

Митрофан – епископ Пензенский и Саранский – во время обозрения некоторых монастырей и церквей Наровчатского, Саранского, Инсарского, Нижнеломовского, Керенского, Чембарского уездов отмечал, что «в некоторых обозреваемых храмах существуют общества трезвости, но в большинстве храмов таких обществ нет. Существовали общества трезвости в с. Орловка и Монастырское Наровчатского уезда, с. Нагорная Лака Керенского уезда, с. Большая Ижмора Керенского уезда, с. Каменка и Головинцино Нижнеломовского уезда». Данные общества имели достаточное количество членов-трезвенников, которые давали клятвенные обещания либо совсем не употреблять вино, либо на определенный срок (Обозрение..., 1911: 14-16).

Священник Чернозерский, описывая общество трезвости в с. Серго-Поливаново Керенского уезда, отмечал, что деятельность общества заключалась в следующем:

1. Торжественное обещание каждого члена при вступлении в общество трезвости.
2. Ежемесячные общие молебны о здравии всех членов общества.
3. Общие паломничества членов общества к местным чтимым святыням.
4. Открытие собственной чайной общества.
5. Религиозно-нравственные чтения, устраиваемые обществом осенью и зимой. Всего чтений в 1907 г. было 13, в 1908 г. – 17, в 1909 г. – 9, устроена рождественская елка с целью показать школьникам и их родителям трезвое праздничное развлечение.

С целью провести в народное самосознание идею трезвости общество выдавало для домашнего чтения книги, брошюры. Кроме того, оно имело достаточное количество картин и листов о вреде пьянства, которые вывешивались в церковной сторожке, школе, здании волости, чайной.

Кроме указанных способов, руководителем практиковались чисто пастырские меры: проповедь в церкви о гибели для души и о вреде для здоровья пьянства, беседы о том же с детьми на уроках Закона Божьего, посещения домов некоторых прихожан, беседы с целью воздержания от пьянства во время сватания и свадьбы. В день храмового праздника, когда у крестьян замечалась особенная склонность к пьяному разгулу, устраивались с 1908 г. ежегодно крестные торжественные ходы вокруг храма с водоосвящением, а в вечерню – чтение акафиста пр. Сергию (Чернозерский, 1911: 294-296). Силами настоятеля церкви В. Чернозерского в селе была закрыта винная лавка. К 1910 г. во всем Керенском уезде существовало официальное общество трезвости только в одном приходе.

В 1894 г. после введения казенной продажи вина возникла идея создания организаций, которые препятствовали бы распространению пьянства. Попечительства о народной трезвости стали создавать во многих местах Российской империи, в том числе и в Пензенской губернии. Губернские комитеты создавались под председательством губернатора и уездные комитеты под председательством уездного предводителя дворянства (Пуглеев, 2021: 18-19).

С 1895 г. с целью решения проблемы народного пьянства правительство обратилось к казенной продаже питей, введенной первоначально в виде опыта в губерниях Пермской, Уфимской, Самарской и Оренбургской, а затем распространенной и на все губернии Российской империи (От Святейшего..., 1909: 243).

В 1901 г. на территории Пензенской губернии вводилась казенная продажа питей. В первый год действия казенной винной монополии на территории Пензенской губернии существовало 320 казенных винных лавок и 282 частных питейных заведения. Душевое употребление спиртного увеличилось, что приводило к различным негативным социальным последствиям.

Исследователь Д.Н. Воронов пришел к выводу, что потребление спиртного в г. Пензе в 1912 г. было выше уездного на 36 %. Городское душевое потребление составляло около 1,1 ведра в 40 градусов, среди сельского населения – 0,81 ведра в 40 градусов (Воронов, 1913: 27).

На территории Пензенской губернии попечительства о народной трезвости возникли до введения в ней казенной продажи вина – с 1 января 1901 г.

Начальником губернии даны были уездным предводителям дворянства (как председателям уездных комитетов) необходимые указания о распоряжениях, которые необходимо принять к открытию действий комитетов, так и о целях, преследуемых учреждаемыми с введением казенной продажи вина попечительствами трезвости, являющимися необходимым дополнением к реформе питейного дела.

Деятельность открывшегося в январе 1901 г. Пензенского губернского комитета попечительства о народной трезвости носила в данном году главным образом организационный характер. На осуществление задач деятельности от казны была выделена сумма в размере 32 тыс. руб. Губернский комитет предложил уездным комитетам представить свои соображения относительно мероприятий по ограждению населения от злоупотребления крепкими напитками вместе с

примерной сметой предполагаемых расходов. При этом обращалось внимание комитетов на то, что из-за ограниченности суммы, которая первоначально может быть ассигнована, на первое время ограничиться наиболее существенным и необходимым.

По получении представленных уездными комитетами соображений и смет, губернским комитетом отпущено было на каждый из уездов по 1 750 руб. для открытия в уездах народных чайных, при которых рекомендовано было основать в дальнейшем народные читальни.

При губернском комитете планировалось открыть подвижной склад фонарей, картин, книг, брошюр для чтений. Для заведывания делом устройства народных чтений, выписки необходимых принадлежностей и выработки правил чтений и правильной их организации была образована при губернском комитете особая комиссия под председательством местного директора народных училищ. Попечительства оказывали содействие учреждениям и частным обществам, деятельность которых была направлена на достижение таких же целей. Были выданы субсидии следующим учреждениям и обществам: Пензенскому драматическому кружку на народные спектакли 500 руб., 250 руб. – Обществу поощрения трудолюбия в г. Пензе на устройство дешевых народных столовых; 250 руб. – Пензенскому отделению Императорского русского музыкального общества на устройство любительского хора; 250 руб. – народной библиотеке имени Белинского; 250 руб. – народной библиотеке им. Ушинского (*Отчет..., 1902*).

Основным направлением деятельности Пензенского губернского комитета попечительства о народной трезвости являлось функционирование бесплатных народных библиотек. В 1909 г. число читателей народных библиотек Пензенского губернского комитета равнялось 2 278 мужчинам и 427 женщинам. Число читателей, по сравнению с 1908 г., увеличилось на 152 (122 мужчины и 30 женщин), количество селений, пользующихся библиотеками, уменьшилось на 5 (*О деятельности попечительства..., 1911: 7*).

С целью уменьшения потребления алкоголя на территории Пензенской епархии проводились просветительские мероприятия и создавались кружки при церквях и училищах, духовенство формировало предметную среду религиозной и гражданской повседневности.

Так, в марте 1913 г. при Наровчатском высшем начальном училище был открыт кружок христиан-трезвенников, составлен его краткий устав (в виде выдержек из правил для кружков Всероссийского трудового союза) (*Открытие..., 1913: 305-306*).

28 апреля 1913 г. в первый день Всероссийского праздника трезвости в г. Пензе, в Кафедральном соборе, было совершено торжественное богослужение. На площади Никольской церкви собрались крестные ходы со всех городских и приходских церквей с духовенством. В собор прибыли учащиеся всех церковно-приходских школ с учителями. Некоторые ученики и ученицы имели кружки с надписью «на борьбу с пьянством» и листки для раздачи народу. Такие же кружки, листки и значки с надписью «трезвость – счастье народа» были у сборщиков добровольных пожертвований на борьбу с пьянством (*Праздник в г. Пензе, 1913: 306-308*).

Подобный праздник состоялся в г. Керенске. В этот день с согласия настоятельницы Керенского Тихвинского женского монастыря священником с. Нагорная Лака Качеуровым был организован крестный ход трезвенников в данный монастырь. Накануне в церкви села было отслужено всенощное бдение, прихожане были ознакомлены с целью и порядком предстоящего крестного хода, принять участие в котором приглашались не только трезвенники, но и лица, сочувствующие делу трезвости, а также ученики местных школ (*Праздник трезвости..., 1913: 345-346*).

Несмотря на меры, осуществляемые православным духовенством в плане борьбы с народным пьянством, часто данная деятельность не приносила желаемого результата. В одной из статей, опубликованных в 1893 г. в «Пензенских епархиальных ведомостях», священник Пензенской епархии А. Муромский обратил внимание на причины пьянства в крестьянской среде именно на территории Пензенской губернии. В качестве основных причин он отмечает духовный склад народа, «дурно сложившиеся некоторые исторические обстоятельства», материальный быт крестьянина, в частности:

1. Дешевизна водки и увеличение количества мест для винной продажи.

2. Тяжелая жизнь крестьянина. «Незатейлива жизнь крестьянина; очень часто ему приходится встречаться и с горькой нуждой, и с внезапным горем, и с тяжелым трудом. Забота – его постоянный друг; тяжелый труд – его кормилец. Видоизменить свою жизнь к лучшему – заветная мысль крестьянина. Ему хочется жить привольнее, спокойнее, веселее, это желание настойчиво просит удовлетворения, крепко настаивает на своих требованиях, но суровая жизнь крестьянина не благоприятствует этим требованиям».

3. Третий момент заключается в том, что в жизни крестьянина мало было таких обстоятельств, которые препятствовали бы или ограничивали злоупотребления водкой. Единственным крупным препятствующим обстоятельством в этом отношении была барщина, но не для всех сел в одинаковой степени. Также в Пензенской губернии было много вольных сел, в которых пьянство достигало значительных масштабов, оказывая влияние на другие местности.

4. Способствовали развитию пьянства бытовые условия народной жизни, материальное положение крестьянина (*Муромский, 1893: 310-320*).

На эффективность борьбы с данным явлением оказывали влияние, по нашему мнению, и такие факторы, как материальная необеспеченность и весьма обширный круг деятельности православного духовенства (функции просветительского, информационного, статистического и надзорного характера, участие в деятельности различного рода организаций).

Святейший синод уделял особое внимание образу жизни духовенства. В числе мер, рекомендованных Синодом в борьбе с пьянством, особое внимание обращалось на личный пример трезвости священно- и церковнослужителей прихода.

Из производящихся по Пензенскому епархиальному управлению судебных дел видно, что в некоторых сельских приходах епархии священнослужители перед венчанием браков принимали от прихожан вино в качестве приношения, из-за чего епархиальным начальством в 1910 г. было объявлено к исполнению, что принятие священнослужителями при различных требах приношений вином и другими спиртными напитками не допускается.

В местной периодической печати встречаются упоминания о так называемом школьном алкоголизме, на что обращалось особое внимание. В программах церковно-приходских школ указывалось, что священник должен быть не только преподавателем своего предмета, а главным образом руководителем детей на всем пути жизни. В программу преподавания входили беседы с детьми о важных событиях в их жизни, в том числе и о вреде алкоголя. Согласно данным протоиерея И. Ягодинского, потребление спиртных напитков детьми школьного возраста становилось явлением широко распространенным (1913 г.). В докладе кружка московских деятелей по борьбе со школьным алкоголизмом, произнесенном при открытии противоалкогольного музея, имелись следующие сведения о распространении данного вида алкоголизма. По исследованиям доктора Плотникова, сделанным на основании опросов учителей, пьянство широко развито среди крестьянских детей даже дошкольного возраста. Проведенная Петербургским попечительством о народной трезвости анкета дала следующие сведения: в одном случае употребление спиртных напитков начато было на первом году жизни, в четырех – на 3 году, в двадцати одном – с пяти лет и в двадцати пяти случаях – с восьмилетнего возраста.

Доктор Григорьев на Всероссийском съезде учителей докладывал, что в Пермской губернии в народных школах мальчики пьют поголовно, в церковных школах Сызранского уезда все дети пили, в Курской губернии (обследовано 586 школ) в 77 % наблюдалось пьянство, а в петербургских канальных училищах оказалось пьющих водку 94% мальчиков и 91 % девочек из всего числа учащихся.

В Петербургском училище в районе с рабочим населением было опрошено 43 ученика в возрасте от 8 до 11 лет и оказалось, что ежедневно пили перед обедом одну рюмку водки 9 человек, каждый праздник – 14 человек и были пьяны 16 человек. В 1908 г. данные анкеты по Московской губернии показали, что среди учащихся народных школ мальчиков, употребляющих спиртные напитки, насчитывалось 67 %, девочек – 45 %. Не имеется точных статистических данных о степени развития алкоголизма в народных школах на территории Пензенской губернии, но, по сведениям исследователей, он также был весьма распространен.

И. Ягодинский, принимающий экзамены в народных школах (8 земских школ и 4 церковных) Нижнеломовского уезда Пензенской губернии весной 1913 г., отмечал: «Собираю сведения об учащихся о потреблении школьниками спиртных напитков и всюду получал печальные отзывы о пьянстве детей-школьников, особенно в дни престольных праздников. Одна учительница с глубокой скорбью передавала, что в дни праздников и осенних свадеб школьники напиваются и пьяные шляются по улицам. Другая – понижение успешности ответов оканчивающих курс школы учеников объясняла тем, что после 9 мая престольного праздника ученики эти более четырех дней не посещали школы, она посылала за ними, но явиться на занятия они не могли с похмелья, так как одни лежали от пьянства больные, а другие похмелялись» (Ягодинский, 1913: 816-818).

В начале XX в. Святейший синод признал необходимым основательное ознакомление семинаристов как будущих священно- и церковнослужителей и учителей школ с губительными последствиями пьянства. Признавалось необходимым завести в библиотеках особый отдел по борьбе с пьянством, поручить врачу семинарии в старших классах на занятиях гигиены и начал медицины подробно объяснять ученикам разрушительные последствия неумеренного потребления алкоголя для организма, сделать обязательным ознакомление учеников со всеми практикующимися способами пастырской деятельности по борьбе с пьянством (Светская печать..., 1910: 31-35).

5. Заключение

Православное духовенство принимало активное участие в антиалкогольных кампаниях. На духовное сословие в борьбе с пьянством возлагали надежды не только центральная власть, но и многие общественные деятели и само общество. В рассматриваемое время был выработан комплекс мер по борьбе с пьянством, представителями духовенства организовывались различного рода просветительские мероприятия, использовались и пастырские меры воздействия на население – молебны, поучения, проповедь с церковной кафедры, в школах, попечительствах, обществах трезвости, при трезвоисправлениях и т.д.

Задача духовника заключалась в том, чтобы, по возможности, узнать истинную причину нетрезвости, дать необходимый совет, поддерживать и укреплять падающего духом человека. К тому же священник должен был наблюдать за жизнью определенных людей и всевозможными способами удерживать их от соблазнов. На территории Пензенской епархии существовали общественные организации, цель которых заключалась в уменьшении потребления спиртного. К их числу относились церковные общества трезвости, количество которых за рассматриваемый период увеличилась.

6. Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-20015. <https://rscf.ru/project/22-18-20015/>. Russian Science Foundation, сокращенное наименование – RSF. Ссылка на информацию о проекте: <https://rscf.ru/en/project/22-18-20015/>.

Литература

Базанова, 2008 – Базанова О.В. Бодритесь и трезвитесь, дорогие сотрезвенники!: православное духовенство Западной Сибири в трезвенном движении в начале XX в. // *Россия в XX веке: проблемы политической, экономической и социальной истории*. 2008. С. 270-286.

Булгаковский, 1900 – Булгаковский Д.Г. Роль православного духовенства в борьбе с народным пьянством (доклад Комиссии по вопросу об алкоголизме 6 окт. 1899 г.). СПб.: Тип. П.П. Сойкина, 1900. 20 с.

Воронов, 1913 – Воронов Д.Н. Алкоголизм в городе и деревне в связи с бытом населения. Пенза: Паровая типолитография Т-ва А.И. Рапопорт и Ко, 1913.

Григорьев, 1894 – Григорьев Н.И. Русские общества трезвости, их организация и деятельность в 1892–93 гг. СПб.: Типография П.П. Сойкина, 1894. 79 с.

Гусев, 2010 – Гусев Г.В. Общества трезвости как учреждения внешкольного дополнительного образования (конец XIX – начало XX вв.) // *Вестник Православного Свято-тихоновского гуманитарного университета. Серия 4 «Педагогика. Психология»*. 2010. № 1(16). С. 63-76.

Дворжанский, 1999 – Дворжанский А.И. История Пензенской епархии. Исторический очерк. Пенза, 1999. 515 с.

Караваева, 2010 – Караваева Е.В. Из истории трезвеннического движения в Томской епархии (конец XIX – начало XX вв.) // *Сибирский медицинский журнал (г. Томск)*. 2010. Т. 25. № 3-1. С. 96-101.

Клевцова, 2019 – Клевцова О.В. Вклад церкви в организацию антиалкогольной политики в дореволюционной России в конце XIX – начале XX вв. (на примере Орловской епархии) // *Гуманитарные и юридические исследования*. 2019. № 1. С. 105-111.

Корольков, 1896 – Корольков К. Состояние отечественной церкви в 1895 году // *Пензенские епархиальные ведомости*. 1896. № 1. С. 1-15.

Маюров, 2016 – Маюров А.Н. Борьба с пьянством в России с древних времен до наших дней. М.: Институт русской цивилизации, 2016. 680 с.

Мордвинов, 1911 – Мордвинов И.П. Общество трезвости, жизнь и работа в нем. СПб.: Александр Невское общество трезвости, 1911. 227 с.

Муромский, 1893 – Муромский А. Причины нетрезвости простого народа // *Пензенские епархиальные ведомости*. 1893. № 8. С. 309-321.

Нечаев, 2008 – Нечаев М.Г. Церковь на Урале в борьбе с пьянством // *Уральский исторический вестник*. 2008. № 4(21). С. 59-64.

Никонов, 2001 – Никонов А.Б. Церковно-приходские общества трезвости / Пензенская энциклопедия. М., 2001. С. 645-646.

О деятельности попечительства, 1911 – Отчет о деятельности Пензенского попечительства о народной трезвости за 1909 г. Пенза: Паровая типолит. Н.Н. Молочникова, 1911. 85 с.

О принятии..., 1889 – Определения Святейшего Синода. О принятии по духовному ведомству мер в видах содействия правительству к искоренению пьянства в народе // *Церковные ведомости*. 1889. № 34. С. 323-325.

Обозрение..., 1911 – Обозрение Пензенской епархии Его Преосвященством, Преосвященнейшим Митрофаном, епископом пензенским и саранским // *Пензенские епархиальные ведомости*. 1911. № 1. С. 14-24.

Определения..., 1890 – Определения епархиального начальства // *Пензенские епархиальные ведомости*. 1890. № 2. С. 9-10.

От Святейшего..., 1909 – От Святейшего Правительствующего Синода о борьбе с пьянством народа // *Церковные ведомости*. 1909. № 24. С. 242-245.

Открытие..., 1913 – Открытие кружка трезвой христианской молодежи при Наровчатском высшем начальном училище // *Пензенские епархиальные ведомости*. 1913. № 9. С. 305-306.

Отчет..., 1902 – Отчет о деятельности Пензенского попечительства о народной трезвости за 1901 г. Пенза: Паровая типолит. Н.Н. Молочникова, 1902. 28 с.

Печальный голос..., 1912 – Печальный голос одного из трезвенников Пензенской губернии об алкоголизме и картежной игре // *Пензенские епархиальные ведомости*. 1912. № 10. С. 399-412.

- Праздник в г. Пензе, 1913** – Праздник трезвости в г. Пензе // *Пензенские епархиальные ведомости*. 1913. № 9. С. 306-308.
- Праздник трезвости..., 1913** – Праздник трезвости в г. Керенске // *Пензенские епархиальные ведомости*. 1913. № 10. С. 345-347.
- Пуглеев, 2021** – *Пуглеев П.П.* Духовно-просветительная и культурно-досуговая деятельность Попечительства о народной трезвости в конце XIX – начале XX века и ее роль в борьбе со злоупотреблением спиртными напитками // *Наука без границ*. 2021. № 3(55). С. 17-25.
- РГИА** – Российский государственный исторический архив.
- Розанов, 1912** – *Розанов Н.П.* Деятельность духовенства в борьбе с народным пьянством. М.: Моск. епарх. о-во борьбы с нар. пьянством, 1912.
- Савченко, 2001a** – *Савченко М.В.* Опыт принудительной трезвости в годы казенной винной монополии (на примере Пензенской губернии XIX–XX вв.) // *Исторические записки: Межвузовский сборник научных трудов*. Вып. 5. Пенза, 2001. С. 513-525.
- Савченко, 2001b** – *Савченко М.В.* Провинциальная хроника революций начала XX века в России: алкогольный аспект (по материалам Пензенской губернии) / *Труды научной конференции студентов и аспирантов «Ломоносов–2001»: История*. М., 2001. С. 65-68.
- Светская печать..., 1910** – Светская печать о церкви и духовенстве // *Пензенские епархиальные ведомости*. 1910. № 1. С. 31-42.
- Чернозерский, 1911** – *Чернозерский*. Три года борьбы с народным пьянством (историко-статистический очерк) // *Пензенские епархиальные ведомости*. 1911. № 8. С. 286-298.
- Шевченко, 2019** – *Шевченко И.А.* Православное духовенство в представительных учреждениях Российской империи: опыт борьбы за народную трезвость // *Манускрипт*. 2019. Т. 12. № 12. С. 80-84.
- Ягодинский, 1913** – *Ягодинский И.* Школьный алкоголизм и борьба с ним // *Пензенские епархиальные ведомости*. 1913. № 20. С. 813-821.

References

- Bazanova, 2008** – *Bazanova, O.V.* (2008). Bodrites' i trezvites', dorigie sotrezvenniki!: pravoslavnoe dukhovenstvo Zapadnoi Sibiri v trezvennom dvizhenii v nachale XX v. [Cheer up and get sober, dear sobriety!: the Orthodox clergy of Western Siberia in the sober movement at the beginning of the XX century]. *Rossiia v XX veke: problemy politicheskoi, ekonomicheskoi i sotsial'noi istorii*. Pp. 270-286. [in Russian]
- Bulgakovskii, 1900** – *Bulgakovskii, D.G.* (1900). Rol' pravoslavnogo dukhovenstva v bor'be s narodnym p'yanstvom (doklad Komissii po voprosu ob alkogolizme 6 okt. 1899 g.) [The role of the Orthodox clergy in the fight against popular drunkenness (report of the Commission on Alcoholism on October 6, 1899)]. SPb.: tip. P.P. Soikina, 1900. 20 p. [in Russian]
- Chernozerskii, 1911** – *Chernozerskii* (1911). Tri goda bor'by s narodnym p'yanstvom (istoriko-statisticheskii ocherk) [Three years of struggle against popular drunkenness (historical and statistical essay)]. *Penzenskie eparkhial'nye vedomosti*. 8: 286-298. [in Russian]
- Dvorzhanskii, 1999** – *Dvorzhanskii, A.I.* (1999). Istoriya Penzenskoi eparkhii. Istoricheskii ocherk [The history of the Penza Diocese. Historical essay]. Penza, 515 p. [in Russian]
- Grigor'ev, 1894** – *Grigor'ev, N.I.* (1894). Russkie obshchestva trezvosti, ikh organizatsiya i deyatel'nost' v 1892–93 gg. [Russian temperance societies, their organization and activities in 1892–93]. SPb.: Tipografiya P. P. Soikina, 79 p. [in Russian]
- Gusev, 2010** – *Gusev, G.V.* (2010). Obshchestva trezvosti kak uchrezhdeniya vneshkol'nogo dopolnitel'nogo obrazovaniya (konets XIX – nachalo XX vv.) [Temperance Societies as institutions of extracurricular additional education (late XIX – early XX centuries)]. *Vestnik Pravoslavnogo Svyatotikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriya 4: pedagogika. Psikhologiya*. 1(16): 63-76. [in Russian]
- Karavaeva, 2010** – *Karavaeva, E.V.* (2010). Iz istorii trezvennicheskogo dvizheniya v Tomskoi eparkhii (konets XIX – nachalo XX vv.) [From the history of the teetotal movement in the Tomsk Diocese (late XIX – early XX centuries)]. *Sibirskii meditsinskii zhurnal (g. Tomsk)*. 25(3–1): 96-101. [in Russian]
- Klevtsova, 2019** – *Klevtsova, O.V.* (2019). Vklad tserkvi v organizatsiyu antialkogol'noi politiki v dorevolutsionnoi Rossii v kontse XIX – nachale XX vv. (na primere Orlovskoi eparkhii) [The contribution of the Church to the organization of anti-alcohol policy in pre-revolutionary Russia in the late XIX – early XX centuries]. *Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya*. 1: 105-111. [in Russian]
- Korol'kov, 1896** – *Korol'kov, K.* (1896). Sostoyanie otechestvennoi tserkvi v 1895 godu [The state of the Russian Church in 1895]. *Penzenskie eparkhial'nye vedomosti*. 1: 1-15. [in Russian]
- Mayurov, 2016** – *Mayurov, A.N.* (2016). Bor'ba s p'yanstvom v Rossii s drevnikh vremen do nashikh dnei [The fight against drunkenness in Russia from ancient times to the present day]. М.: Institut russkoi tsivilizatsii, 680 p. [in Russian]
- Mordvinov, 1911** – *Mordvinov, I.P.* (1911). Obshchestvo trezvosti, zhizn' i rabota v nem [Sobriety Society, life and work in it]. SPb.: Aleksandro Nevskoe obshchestvo trezvosti, 227 p. [in Russian]
- Muromskii, 1893** – *Muromskii, A.* (1893). Prichiny netrezvosti prostogo naroda [The reasons for the drunkenness of the common people]. *Penzenskie eparkhial'nye vedomosti*. 8: 309-321. [in Russian]

- Nechaev, 2008** – *Nechaev, M.G.* (2008). Tserkov' na Urale v bor'be s p'yanstvom [The Church in the Urals in the fight against drunkenness]. *Ural'skii istoricheskii vestnik*. 4(21): 59-64. [in Russian]
- Nikonov, 2001** – *Nikonov, A.B.* (2001). Tserkovno-prikhodskie obshchestva trezvosti [Parish Temperance societies]. *Penzenskaya entsiklopediya*. M., pp. 645-646. [in Russian]
- O prinyatii..., 1889** – Opredeleniya Svyateishego Sinoda. O prinyatii po dukhovnomu vedomstvu mer v vidakh sodeistviya pravitel'stvu k iskoreneniyu p'yanstva v narode [Definitions of the Holy Synod. On the adoption of measures by the ecclesiastical department in the forms of assistance to the Government to eradicate drunkenness among the people]. *Tserkovnye vedomosti*. 1889. 34: 323-325. [in Russian]
- Obozrenie..., 1911** – Obozrenie Penzenskoi eparkhii Ego Preosvyashchenstvom, Preosvyashchenishim Mitrofanom, episkopom penzenskim i saranskim [Review of the Penza Diocese by His Grace, Most Reverend Mitrofan, Bishop of Penza and Saransk]. *Penzenskie eparkhial'nye vedomosti*. 1911. 1: 14-24. [in Russian]
- Opredeleniya..., 1890** – Opredeleniya eparkhial'nogo nachal'stva [Definitions of the Diocesan authorities]. *Penzenskie eparkhial'nye vedomosti*. 1890. 2: 9-10. [in Russian]
- Ot Svyateishego..., 1909** – Ot Svyateishego Pravitel'stvuyushchego Sinoda o bor'be s p'yanstvom naroda [From the Holy Governing Synod on the fight against drunkenness of the people]. *Tserkovnye vedomosti*. 1909. 24: 242-245. [in Russian]
- Otchet..., 1902** – Otchet o deyatel'nosti Penzenskogo popechitel'stva o narodnoi trezvosti za 1901 g. [Report on the activities of the Penza Guardianship of People's Sobriety for 1901]. Penza: Parovaya tipo-lit. N.N. Molochnikova, 1902. 28 p. [in Russian]
- Otchet..., 1911** – Otchet o deyatel'nosti Penzenskogo popechitel'stva o narodnoi trezvosti za 1909 g. [Report on the activities of the Penza Guardianship of People's Sobriety for 1909] Penza: Parovaya tipo-lit. N.N. Molochnikova, 1911. 85 p. [in Russian]
- Otkrytie..., 1913** – Otkrytie kruzhka trezvoini khristianskoi molodezhi pri Narovchatskom vysshem nachal'nom uchilishche [Opening of the circle of sober Christian youth at the Narovchatsky Higher Primary School]. *Penzenskie eparkhial'nye vedomosti*. 1913. 9: 305-306. [in Russian]
- Pechal'nyi golos..., 1912** – Pechal'nyi golos odnogo iz trezvennikov Penzenskoi gubernii ob alkogolizme i kartezhnoi igre (The sad voice of one of the teetotallers of the Penza province about alcoholism and gambling). *Penzenskie eparkhial'nye vedomosti*. 1912. 10: 399-412. [in Russian]
- Prazdnik trezvosti..., 1913** – Prazdnik trezvosti v g. Kerenske [Sobriety Festival in Kerensk]. *Penzenskie eparkhial'nye vedomosti*. 1913. 10: 345-347. [in Russian]
- Prazdnik v g. Penze, 1913** – Prazdnik trezvosti v g. Penze [Sobriety Holiday in Penza]. *Penzenskie eparkhial'nye vedomosti*. 1913. 9: 306-308. [in Russian]
- Pugleev, 2021** – *Pugleev, P.P.* (2021). Dukhovno-prosvetitel'naya i kul'turno-dosugovaya deyatel'nost' Popechitel'stva o narodnoi trezvosti v kontse XIX – nachale XX veka i ee rol' v bor'be so zloupotrebleniyem spirtnymi napitkami [Spiritual, educational, cultural and leisure activities of the Guardianship of National Sobriety in the late XIX – early XX century and its role in the fight against alcohol abuse]. *Nauka bez granits*. 3(55): 17-25. [in Russian]
- RGIA** – Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian State Historical Archive].
- Rozanov, 1912** – *Rozanov, N.P.* (1912). Deyatel'nost' dukhovenstva v bor'be s narodnym p'yanstvom [The activity of the clergy in the fight against popular drunkenness]. M.: Mosk. eparkh. o-vo bor'by s nar. p'yanstvom. [in Russian]
- Savchenko, 2001a** – *Savchenko, M.V.* (2001). Opyt prinuditel'noi trezvosti v gody kazennoi vinnoi monopolii (na primere Penzenskoi gubernii XIX–XX vv.) [The experience of forced sobriety during the years of the state wine monopoly (on the example of the Penza province of the XIX–XX centuries)]. *Istoricheskie zapiski: Mezhvuzovskii sbornik nauchnykh trudov. Vyp. 4*. Penza, pp. 513-525. [in Russian]
- Savchenko, 2001b** – *Savchenko, M.V.* (2001). Provintsial'naya khronika revolyutsii nachala XX veka v Rossii: alkogol'nyi aspekt (po materialam Penzenskoi gubernii) [Provincial chronicle of the revolutions of the early twentieth century in Russia: alcoholic aspect (based on the materials of the Penza province)]. *Trudy nauchnoi konferentsii studentov i aspirantov «Lomonosov-2001»: Istoriya*. M., pp. 65-68. [in Russian]
- Shevchenko, 2019** – *Shevchenko, I.A.* (2019). Pravoslavnoe dukhovenstvo v predstavitel'nykh uchrezhdeniyakh Rossiiskoi imperii: opyt bor'by za narodnuyu trezvost' [Orthodox Clergy in Representative Institutions of the Russian Empire: the experience of the Struggle for national Sobriety]. *Manuskript*. 12(12): 80-84. [in Russian]
- Svetskaya pechat'..., 1910** – Svetskaya pechat' o tserkvi i dukhovenstve [Secular press about the Church and clergy]. *Penzenskie eparkhial'nye vedomosti*. 1910. 1: 31-42. [in Russian]
- Voronov, 1913** – *Voronov, D.N.* (1913). Alkogolizm v gorode i derevne v svyazi s bytom naseleniya [Alcoholism in the city and village in connection with the life of the population]. Penza: parovaya tipografiya T-va A. I. Rapoport i Ko, 57 p. [in Russian]
- Yagodinskii, 1913** – *Yagodinskii, I.* (1913). Shkol'nyi alkogolizm i bor'ba s nim [School alcoholism and the fight against it]. *Penzenskie eparkhial'nye vedomosti*. 20: 813-821.

Трезвенное движение и деятельность православного духовенства в борьбе за благочестие паствы во второй половине XIX – начале XX вв. (на примере Пензенской губернии)

Сергей Владиславович Белоусов ^{а, *}, Ольга Васильевна Колпакова ^а, Анастасия Романовна Мере ^а

^а Пензенский государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматривается деятельность православного духовенства Пензенской епархии по противодействию алкоголизации населения во второй половине XIX – начале XX вв.

Борьба с пьянством являлась одним из направлений пастырского попечения. Во второй половине XIX – начале XX вв. важную роль в отвлечении населения от пьянства сыграли общества трезвости, в том числе и церковно-приходские. В исследуемый период вопросу трезвенного движения и деятельности православного духовенства в борьбе за благочестие паствы уделялось особое внимание. Основными мерами борьбы с народным недугом являлись проповедь, посещение на дому, частные беседы, праздники трезвости, раздача специальных брошюр. В статье уделяется внимание нормативной базе относительно направления деятельности православного духовенства, мерам и рекомендациям со стороны епархиального начальства по вопросу борьбы с распространением алкогольной зависимости.

В исследовании приведены сведения по функционированию на территории Пензенской губернии попечительств о народной трезвости с 1901 г., а также их деятельности.

Ключевые слова: трезвенное движение, церковно-приходские общества трезвости, борьба с пьянством, православное духовенство, Пензенская губерния.

---

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: sergbel_1812@mail.ru (С.В. Белоусов), al.olga3443@yandex.ru (О.В. Колпакова), anamere@mail.ru (А.П. Мере)

Copyright © 2023 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2023. 18(2): 755-766
 DOI: 10.13187/bg.2023.2.755

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Russian Merchant Shipping in Manchuria in the late 19th – early 20th centuries

Ildar R. Hamzin ^{a,*}, Rustam T. Ganiev ^a, Anton V. Kochnev ^a

^a Ural Federal University, Russian Federation

Abstract

The article deals with the problem of Russian merchant shipping along the Manchurian Sungari River in the late 19th – early 20th centuries. Initially, private entrepreneurs-ship owners, Amur steamship companies and steamships of the CER Society took part in it, after the Russo-Japanese War in Manchuria, only ships of the CER Society remained to operate. The Russian railway in Manchuria became the most important factor in supporting Russian merchant shipping along the Songhua, since in the absence of access to the South Manchurian market, the river acted as a natural supply route to the CER. River trade in Manchuria allowed Russia to solve several strategic issues. Firstly, navigation along the Songhua River has always been considered by the Russian authorities to maintain their own influence in Northeast China. Secondly, the delivery of grain and livestock from the Manchurian cities made it possible to provide the Far Eastern periphery of Russia with provisions. The article studies in detail the listed features and stages of Russian navigation along the Songhua River, analyses the statistical data on cargo transportation on Russian steamships, and examines the main problems faced by river navigation in Manchuria. The study is based on little-studied materials from the Russian State Historical Archive.

Keywords: Sungari, river trade, Russian-Chinese relations, Manchuria, CER Society.

1. Введение

В конце XIX – начале XX вв. регион Северо-Восточного Китая стал пространством для развития речной русско-китайской торговли. Река Сунгари – крупнейшая водная артерия Северной части Маньчжурии, сплав по которой открывал доступ российским судам к ряду крупных торговых пунктов: городам Саньсин, Харбин, Бодунэ, Таолайчжао, Гирин. В судоходстве были задействованы частные пароходные предприятия, а также пароходы Общества Китайско-Восточной железной дороги. Деятельность российских судов способствовала региональной интеграции торговых отношений России и Китая, развитию общей системы транспортной логистики на Дальнем Востоке. Изучение российского судоходства в Маньчжурии в выбранные хронологические рамки может предоставить опыт выстраивания транспортного сообщения между Россией и ее ближайшими соседями, что представляется стратегически важной задачей на фоне современной реструктуризации российской экспортно-импортной логистики и укрепления экономических связей с КНР на дальневосточном трансграничье.

Цель данной статьи – определить этапы развития российского торгового судоходства в Маньчжурии в период к. XIX – н. XX вв. и выявить значение речной коммуникации в общей транспортно-логистической системе русско-китайской торговли на Дальнем Востоке в рассматриваемое время. Для реализации поставленной цели исследование предполагает решение ряда сопутствующих задач:

- изучить взгляды российской политической и торговой элиты на развитие речной торговли в Маньчжурии и применяемые для этого методы;

* Corresponding author

E-mail addresses: ildar.hamzin1991@mail.ru (I.R. Hamzin)

- изучить опыт речного судоходства по реке Сунгари частных пароходных компаний и пароходов Общества КВЖД;
- изучить влияние геополитической и геоэкономической конъюнктуры международных отношений на Дальнем Востоке на развития речного судоходства.

2. Материалы и методы

Источниковая база исследования основана на материалах Российского государственного исторического архива (Санкт-Петербург, Российская Федерация). Используются документы фонда «Общая канцелярия министра финансов» (Фонд 560) и «Правление Общества Китайско-Восточной железной дороги» (Фонд 323), в которых отразились основные аспекты изучаемой проблемы: политические и экономические интересы, статистические данные, организационные вопросы и основная проблематика речного судоходства. Большая часть этого материала привлекается для исследования российско-китайских отношений впервые.

В данной работе поднятая проблема рассматривается с точки зрения геоэкономики: реализация российских торговых интересов и транспортно-логистических проектов в Маньчжурии преследовала цель укрепления региональной экономики империи и расширения сферы российского геополитического влияния в Маньчжурии. В сравнении с прочими подходами, которые вполне применимы к изучению проблемы (мир-системный анализ, теория фронта), геоэкономический взгляд позволяет более точно и приближенно к реальности описать интересы Российской империи в Маньчжурии, так как здесь наблюдаются геополитические интересы; методы, основанные на изменении грузопотоков путем создания транспортной инфраструктуры и таможенного регулирования; проблематика региональной экономики; международный политический и экономический фактор. Все перечисленные аспекты имели четко выраженную пространственную среду (в данном случае речную систему Маньчжурии) и исходили из географических особенностей региона. Такой взгляд на речное судоходство в Северо-Восточном Китае в совокупности с привлечением новых источников и недостатком изученности в историографии определяет новизну исследования.

3. Обсуждение

Следует отметить, что в научно-исторической литературе к вопросу развития российской речной торговли в Маньчжурии более углубленно обращались дореволюционные авторы, изучая опыт судоходства во второй половине XIX в., а также рассматривая речную торговлю по Сунгари в контексте общего развития торговых отношений России и Китая (Васильев, 1899: 63-65; Меркулов, 1903: 14-15). Советский период отмечен выходом монографий М.И. Сладковского и Г.Н. Романовой, в которых деятельность российских речных торговых судов в Китае получила небольшое освещение (Сладковский, 1974: 283-285; Романова, 1987: 90). Отдельно стоит выделить статью И.П. Трофимова, рассматривающего историю речного судоходства на Дальнем Востоке в дореволюционный период и затронувшего в этой связи вопрос речной торговли Общества КВЖД (Трофимов, 1973). Современные исследователи достаточно плотно изучают транспортную систему на Дальнем Востоке (Илларионов, 2019; Устюгова, 2017), российскую политику в Маньчжурии и историю русско-китайской торговли (Жигалов, 2008; Дацышен, 2014), но проблема сунгарийского судоходства затрагивается в этих работах только вскользь. Можно констатировать, что проблема российской речной торговли в Маньчжурии хорошо известна специалистам, но не изучалась специально, а всегда была вписана в общий контекст торговых или коммуникационных вопросов в истории Дальнего Востока. Отсюда видится научная потребность в специальном исследовании российского торгового судоходства в Маньчжурии.

4. Результаты

Первые экспедиции и начало торгового судоходства

Впервые возможность для российских судов заходить с торговыми целями в воды Сунгари была зафиксирована во второй статье Айгуньского договора 1858 г. (Русско-китайские отношения. 1689–1916: 30). С этого времени известно о трех экспедициях на Сунгари, организованных в 1858 г., 1859 г. и 1869 г. Все они столкнулись с сопротивлением местных китайских властей, не позволивших российским купцам вести торговлю в Маньчжурии (Кириллов, 1898). Вопрос об открытии Сунгари был вновь поднят на русско-китайских переговорах в 1880 г., предшествующих заключению Санкт-Петербургского договора 1881 г. В результате в новое русско-китайское соглашение была включена XVIII статья, подтверждающая условия российской торговли по реке Сунгари. Однако в этой же статье была оговорка, что обе стороны должны были согласовать комиссию с задачей определить детали речного судоходства (Русско-китайские отношения. 1689–1916: 59). Поскольку данная комиссия так и не была собрана, доступ России на Сунгари был вновь отложен на многие годы.

В 80–90-е гг. XIX в. Маньчжурия начинает приобретать все большее экономическое значение для дальневосточной периферии Российской империи. Прежде всего это было связано с необходимостью импорта маньчжурского хлеба, поскольку местное сельское хозяйство и ввоз из Центральной России не могли удовлетворить существующий запрос (Ма, 2009; Ходяков, 2018). Стратегическое значение имел также ввоз скота из Маньчжурии, который шел транзитом из

Восточной Монголии (Митинский, 1911: 179). Торговля скотом позволяла обеспечить мясным провиантом как мирное население Приамурского генерал-губернаторства, так и расположенные здесь воинские части (РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 540. Л. 45).

Одновременно в экономическом открытии Маньчжурии виделась возможность для расширения экспорта российских товаров в Китай. В октябре 1893 г. на заседании Комитета Сибирской железной дороги была представлена специальная записка Министерства иностранных дел, где указывалось, что открытие судоходства по реке Сунгари даст возможность для России отправлять в Северо-Восточный Китай целый ряд товаров: текстиль, сахар, керосин, посуду и многое другое (РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 540. Л. 2-110б.). Но было замечено, что все перспективы – «только предположения и не могут быть подтверждены фактами» (РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 540. Л. 110б.), а значит требовался опыт торговой экспедиции.

Первый российский торговый рейс по Сунгари был организован дальневосточными купцами Н.И. Тифонтаем и С.Я. Богдановым, которые 7 июня 1895 г. вышли из Хабаровска на пароходе «Телеграф» по Амуру и далее вверх по течению Сунгари (РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 540. Л. 170б.-18). Сама возможность этого плавания появилась только благодаря тому, что российский посланник в Пекине А.П. Кассини выхлопотал от Цзунлиямыня соответствующее разрешение на 1895 г. (РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 540. Л. 1150б.).

Опыт плавания «Телеграфа» оказался удачным. На своем пути судно посетило Саньсин и Бодунэ, было закуплено 10 тысяч тонн пшеницы и 1,5 тонны голов скота (РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 540. Л. 260б.). Ведший дневник сын С.Я. Богданова Дмитрий Богданов констатировал по итогу путешествия, что «в недалеком будущем русское пароходство и торговля ознакомят жителей Сунгари со своими соседями, дадут возможность свободно и дружески обмениваться своими произведениями, доставляя тем обоюдную выгоду» (Богданов, 1896: 98). В августе этого же года в Маньчжурию отправилось судно Товарищества Амурского пароходства «Алексей» с целью изучения условий для торгового судоходства по реке Сунгари. Пароход посетил Цицикар, Хуланчен, Баянсу и Саньсин. Присутствовавший на судне агент Министерства финансов Матюнин отметил, что данные пункты весьма перспективны для сбыта российской текстильной продукции (РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 540. Л. 170б.-18). В 1896 г. в плавание на Сунгари отправились три парохода Товарищества Амурского пароходства, достигшие Бодунэ и Цицикара и изучившие местность с точки зрения развития торговли, возможного фрахта, стоянок, закупки топлива (дров) и т.д. (РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 540. Л. 37).

Общий результат торгово-исследовательских экспедиций по Сунгари в 1895–1896 гг. показал, что река пригодна для судоходства и позволяет российским пароходам добраться до ключевых маньчжурских городов. Но опыт плавания также определил круг вопросов, которые необходимо было решить для дальнейшего развития торговых связей.

Первым среди таковых стал вопрос о субсидировании плавания российских судов в Маньчжурию. Изначально было понятно, что в первые годы российские предприниматели не смогут самостоятельно окупить все расходы на навигацию. По предложению приамурского генерал-губернатора С.М. Духовского общую сумму ежегодной правительственной субсидии было решено определить в размере 35 тысяч рублей. Эта сумма предполагала выплаты по следующим линиям: Михайло-Семеновская¹ – Бодунэ и обратно (1 881 руб.), Михайло-Семеновская – Гири и обратно (2 881 руб.), Михайло-Семеновская – Цицикар и обратно (3 161 руб.) (РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 540. Л. 34-35).

Другим важным аспектом виделась необходимость добиться от китайских властей постоянного права для российских судов посещать порты вдоль Сунгари. В 1895–1896 гг., а также в ближайшие последующие годы российским дипломатам в Пекине приходилось просить подобное разрешение ежегодно (РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 540. Л. 34). Препятствием для получения такого регулярного права была не только политика цинских властей. В России опасались, что открытие Сунгари для русского судоходства даст повод Пекину требовать доступ на Амур для китайских судов, так как эта возможность была зафиксирована Санкт-Петербургским договором 1881 г. (Сакон, 2011).

Развитие судоходства в 1897–1905 гг.

После 1896 г. российское торговое судоходство по реке Сунгари стало активно развиваться на основе правительственной субсидии. В навигацию 1897 г. в Маньчжурию с целью перевозки торговых грузов и пассажиров отправилось 4 судна, среди которых были пароходы «Има» и «Соболь» купца Н.И. Тифонтая, «Труженик» купца Исаева и «Силач» купца С.Я. Богданова. В общей сложности пароходами было совершено 13 рейсов (8 до Цицикара и 5 до Бодунэ), вывезено в Маньчжурию 750 пудов керосина и 13 509 пудов других товаров (в основном текстиля), привезено в Россию 82 559 пудов хлеба, 710 пудов бобового масла, 4 540 пудов разных товаров, 760 голов рогатого скота (РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 540. Л. 116). В навигацию 1898 г. на Сунгари присутствовало уже

¹ Михайло-Семеновская (совр. село Ленинское) – казачья станица, основанная в 1858 г. на месте впадения реки Сунгари в Амур. Располагается на расстоянии около 200 километров по прямой (вверх по Амуру) от Хабаровска.

29 российских пароходов, из них 14 были заняты в перевозке товаров и пассажиров, 15 принадлежали Обществу Китайско-Восточной железной дороги и занимались обслуживанием строящейся трансманьчжурской магистрали (РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 540. Л. 106-106об.).

На рубеже XIX – начала XX вв. строительство КВЖД, а также ключевой станции на ее протяжении – города Харбина требовали организовать эффективное снабжение необходимым строительным материалом и провиантом. Сунгари в этом смысле рассматривалась как естественный подвозной путь к железной дороге и Харбину, и, таким образом, Общество КВЖД стало обладателем собственного речного флота (Бянкин, 1979: 79). Преимущество пароходов Общества заключалось в том, что, в отличие от частных российских судов, они имели постоянное право на перевозку казенных и частных грузов по Сунгари. Это была часть соглашения по строительству железной дороги, согласно которому Цзунлиямынь выдавал пароходам КВЖД особые паспорта для навигации по маньчжурской реке (РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 541. Л. 50-50об.). В 1897 г. МИД России выступил с проектом аналогичного права для частного пароходства, но в ответ от Китая получил контрпроект, предусматривающий симметричное открытие судоходства по Уссури, Амуру и Шилке для китайских судов (РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 541. Л. 50об.). Не рискуя создавать конкуренцию в речной торговле на собственной территории, правительство России решило, что возможность свободного судоходства пароходов КВЖД на Сунгари на этом этапе будет достаточным. Однако в результате «русское судоходство фактически упрочилось на Сунгари, так как вслед за судами Общества на названной реке стали плавать и другие русские суда, пропускавшиеся китайцами так же беспрепятственно, исключительно ввиду свойственной нации этой пассивности и склонности мириться с существующим положением вещей» (РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 541. Л. 115об.).

Особенности развития российского судоходства по реке Сунгари в 1899–1901 гг. можно рассмотреть на примере плавания судов частных лиц и компаний от Хабаровской до Харбина по рекам Амур и Сунгари с целью снабжения КВЖД различным грузом (Таблица 1).

Таблица 1. Российское судоходство по реке Сунгари в 1899 г. – начале 1901 г. (РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 541. Л. 18-19)

Пароход	Владелец	Год		
		1899	1900	1901
		Доставлено товарного груза (пудов)		
Нет данных	Товарищество Амурского пароходства	470 288	750 150	0
«Михаил» (арендован Обществом КВЖД)	Г.П. Ларин	2 010 576	634 243	0
«Первенец» (арендован Обществом КВЖД)	А.Е. Ларин	124 728	58 798	0
«Мелинда»	В.М. Нанаев	400 600	191 235	172 367
«Одесса»	С.М. Буянов	246 257	112 845	117 070
«Благовещенск» (арендован Обществом КВЖД)	С.М. Буянов	364 552	288 306	85 703
«Стрелок»	г. Горшков	3 600	0	0
«Первенец»	Н.И. Тифонтай	128 722	0	0
«Труженик»	г. Исаев	11 677	0	0
«Атаман»	г. Алексеев	38 033	0	0
«Орел»	г. Косицын	80 152	0	0
«Хабаровск»	Министерство путей сообщения	195 035	0	0
«Урядник»	г. Вертопраков	0	0	0
«Александр Невский»	Пароходная компания «Курбатов и Ко»	0	4 316	0

«Алексей»	«Курбатов и Ко»	0	6 098	0
Нет данных	Амурское общество пароходства и торговли	0	35 991	127 911
«Север»	С. М. Попов	0	0	38 393

Заметим, что наиболее активная навигация наблюдалась в течение 1899 г. В 1900 г. большая часть частных пароходов была мобилизована в связи с событиями в Китае («боксерское» восстание 1899–1901 гг.), что определило спад судоходства в Маньчжурии. За 1901 г. данные источников не полны и содержат только информацию за первые месяцы навигации (РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 541. Л. 5-6). Большая часть пароходов, действующих на Сунгари в 1899–1901 гг., принадлежала частным лицам (около 15 предпринимателей). Участие принимали также пароходы Товарищества Амурского пароходства и Амурского общества пароходства и торговли. Некоторые пароходы были арендованы у частных лиц Обществом КВЖД, которое организовывало срочные рейсы между Харбином и Хабаровском (Таблица 1).

В 1901 г. состоялась смычка между строящимися отрезками Китайско-Восточной железной дороги, что подняло вопрос о дальнейшей судьбе речных пароходов Общества, по факту выполнивших свою основную функцию. В связи с этим в январе 1902 г. на заседании комитета Общества КВЖД обсуждалось использование речной флотилии¹ для торгового и пассажирского судоходства в Маньчжурии (РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 541. Л. 27). Было принято решение продолжить эксплуатацию маршрута между Харбином и Михайло-Семеновской, а также дополнительно включить навигацию в верхнем течении Сунгари по маршрутам Харбин – Бодунэ и Гирин – Таолайчжао (РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 541. Л. 30) (Рисунок 1).

Рис. 1. Порты на реке Сунгари и система железнодорожного сообщения в Маньчжурии

¹ Общий состав речного пароходства Общества КВЖД на момент начала 1902 г. включал в себя 1 пассажирский пароход, 15 буксирных пароходов, 2 малых парохода, 4 катера и 1 шлюпку.

Начало коммерческой деятельности пароходов КВЖД изменило характер развития российского судоходства в Маньчжурии. Исходя из мнения Особого совещания правления Общества КВЖД правительство России в 1902 г. отказалось от дальнейшего субсидирования частных торговых рейсов. Эта позиция аргументировалась тем, что линия от Харбина до Хабаровска была вполне обеспечена пароходством КВЖД, а до Бодунэ и Гирина в предыдущий период «частные суда поднимались лишь в виде исключения» (РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 541. Л. 490б.). Указывалось также, что «опыт предшествующих лет вполне ясно показал, насколько затруднительно вообще побудить даже крупной субсидией частных пароходоладельцев рисковать плаванием по малосудоходному верхнему течению реки Сунгари», ввиду частого мелководья и опасности побережий этого участка¹ (РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 541. Л. 340б.).

Несмотря на отмену пособия в 1902–1904 гг., частные суда продолжали посещать сунгарийские порты наравне с пароходами КВЖД. Основу грузоперевозок по-прежнему составляла доставка в Россию маньчжурской пшеницы. К июлю 1902 г. в Хабаровск было привезено 611 526 тысяч пудов хлеба на 28 пароходах, а к концу навигации этого года было доставлено в общей сложности более 3 миллионов пудов хлеба (РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 541. Л. 39, Л. 490б.). Эти цифры демонстрируют огромный спрос в дальневосточных регионах России на провиант из Маньчжурии. Востоковед и экономический обозреватель Д.М. Позднеев, комментируя эту ситуацию, писал, что конкуренция местного сельского хозяйства с пшеницей из Маньчжурии невозможна ввиду того, что маньчжурский хлеб дешевле и созревает раньше, а введение заградительных пошлин приведет к продовольственному кризису в регионе (РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 541. Л. 38-380б.). Таким образом, продолжение российского судоходства по Сунгари имело стратегически важное значение для экономики Приамурского генерал-губернаторства.

Однако для Общества КВЖД опыт коммерческой навигации 1902 г. оказался убыточным: доход от перевозки товаров и пассажиров составил 145 тысяч рублей, а расход – 155 тыс. руб. (РГИА. Ф. 560. Оп. 2. Д. 541. Л. 48). В естественных условиях бизнеса Общество КВЖД, скорее всего, отказалось бы от судоходства в Маньчжурии, но ситуация была связана также с геополитическими интересами России. Например, торговые рейсы до Гирина были наименее доходными, но генерал-губернатор Н.И. Гродеков настаивал, что «по соображениям политическим крайне желательно, чтобы русский флаг появлялся на названной реке не только в нижнем ее течении до Харбина, но и в верхнем», то есть поднимался до пристани Гирина (РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 541. Л. 290б.), а на продолжении коммерческого судоходства Общества КВЖД в Маньчжурии в 1903–1904 гг. лично настояли С.Ю. Витте и А.Н. Куропаткин (РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 541. Л. 1150б.). Таким образом, плавание российских судов по Сунгари виделось в Санкт-Петербурге фактором укрепления российского влияния в Северо-Восточном Китае на фоне растущей конкуренции с Японией. Однако военного столкновения с ней Российская империя не смогла избежать, и в 1905 г. речные рейсы в Маньчжурии были отменены в связи с военным положением (РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 541. Л. 116).

Пароходы Общества КВЖД на реке Сунгари в 1905–1917 гг.

Поражение в Русско-японской войне вынудило российскую власть быть более осторожной в своей маньчжурской политике. В 1906 г. коммерческие рейсы по Сунгари не совершались, как сообщают источники, «по политическим соображениям» (РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 541. Л. 111). В России считали, что деятельность российских пароходов в Маньчжурии может спровоцировать Японию требовать от Пекина прав на собственное судоходство по Сунгари. Посланнику в Китае Д.Д. Покотилу пришлось специально заверить правление Общества КВЖД, что ни право «наиболее благоприятствующей нации», ни условия Портсмутского договора не дают третьей стороне (помимо России и Китая) права доступа в сунгарийские воды (РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 541. Л. 117-119). Однако и у самой России до сих пор не было с Пекином согласования относительно речной торговли в Маньчжурии: разрешение на плавание было только у Общества КВЖД, да и оно подразумевало перевозку казенных грузов для нужд железной дороги. Центральные и региональные российские власти воздерживались от требования подобного права из-за нежелания открывать для Китая судоходство на Амуре и его притоках. После 1905 г. к китайским требованиям могли добавиться японские и прочие иностранные претензии относительно Сунгари. Ввиду всего этого с 1907 г. Россия решила ограничиться в судоходстве по маньчжурской реке исключительно пароходами Общества КВЖД, чтобы не создавать лишних прецедентов вокруг вопроса открытия Сунгари для международной торговли (РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 541. Л. 77-780б.).

В итоге с 1907 г. деятельность пароходов Общества КВЖД в Маньчжурии возобновилась. Особенности этого процесса можно изучить на примере навигации 1909 г. (Таблица 2).

¹ Последнее обстоятельство было связано с фактором действия здесь отрядов хунхузов. В 1903 г. правление Общества КВЖД даже рассматривало включение в свой флот двух пароходов с легкой артиллерией на борту для обеспечения безопасности.

Таблица 2. Товаро-пассажирские перевозки по Сунгари в 1909 г. по основным судоходным линиям (РГИА. Ф. 560. Оп. 2. Д. 541. Л. 253. Л. 255об. Л. 278)

Месяц	Содержание перевозок	Гирин – Таолайчжао		Бодунэ – Саньсин		Харбин – Саньсин	
		Количество (человек/пудов)	Стоимость (руб.)	Количество	Стоимость	Количество	Стоимость
Апрель	Пассажиры	203	340	353	650	0	0
	Частные грузы	812	105	64 040	2 710	262 960	4 415
	Служебные грузы	0	0	0	0	62 500	1 500
Май	Пассажиры	460	835	1 530	2 560	0	0
	Частные грузы	1 250	160	63 390	3 065	1 019 500	25 720
	Служебные грузы	0	0	0	0	37 500	900
Июнь	Нет данных						
Июль	Пассажиры	740	1 310	Нет данных	Нет данных	0	0
	Частные грузы	2 000	340	22 925	1 218	643 130	16 670
	Служебные грузы	0	0	0	0	0	0
Август	Пассажиры	1 285	2 285	0	0	0	0
	Частные грузы	4 220	425	18 865	1 150	127 505	4 820
	Служебные грузы	0	0	27 500	660	0	0
Сентябрь	Пассажиры	0	0	2 510	4 260	0	0
	Частные грузы	0	0	99 750	4 630	661 570	27 485
	Служебные грузы	0	0	0	0	69 000	1 655
Октябрь	Пассажиры	0	0	1 045	1 145	0	0
	Частные грузы	0	0	170 000	4 555	1 354 000	42 530
	Служебные грузы	0	0	0	0	0	0
Общая стоимость		5 800		26 603		125 765	

Навигация по Сунгари начиналась в середине апреля и заканчивалась к началу ноября, в общей сложности составляя 7 месяцев. Пароходные рейсы осуществлялись в обоих направлениях между Гирином и Таолайчжао, Бодунэ и Саньсином, Харбином и Саньсином. На российских пароходах активно перевозились пассажиры (государственные служащие, частные лица, китайские рабочие), служебные грузы (в основном строительный материал для нужд КВЖД) и зафрахтованные частные грузы. Среди последних новшеством стала доставка маньчжурских бобов на КВЖД, по которой товар

отправлялся во Владивосток и далее шел на экспорт в Европу (РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 541. Л. 263об.). На железную дорогу по линии Харбин – Саньсин доставлялся также маньчжурский хлеб, скот и другие товары.

Что касается сбыта российских товаров посредством пароходов Общества КВЖД, то данных об этом вопросе крайне мало. В это же время Маньчжурия в связи с развитием дальневосточной инфраструктуры стала наиболее перспективным регионом империи Цин с точки зрения вывоза товаров из России в Китай (к 1914 г. 56 % от общей суммы российского экспорта в Китай приходилось на дальневосточную границу) (Сладковский, 1974: 340). Экспорт осуществлялся в основном с помощью железной дороги и в пограничной зоне (Штейнфельд, 1910: 73), российские же пароходы сосредоточились на доставке товаров из Маньчжурии к Харбину для последующей транспортировки в Россию.

Комментируя развитие торгового судоходства России по реке Сунгари в 1909 г., товарищ председателя правления Общества КВЖД А.Н. Вентцель заметит, что «текущая навигация характеризуется для нашего пароходства тем, что оно впервые выступило в роли серьезного подвозного средства, в качестве какового оно может оправдать себя, существенно способствуя грузообороту дороги» (РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 541. Л. 263). Такой вывод был определен убыточным характером сунгарийских рейсов: в навигацию 1908 г. к 1 июля доход от судоходства составил 86 250 руб., расход – 99 625 руб.; в навигацию 1909 г. к 1 октября доход составил 163 900 руб., расход – 172 885 руб. Ситуация с доходами и расходами Общества КВЖД по содержанию пароходных рейсов в Маньчжурии за период 1910–1915 гг. выглядела следующим образом:

Таблица 3. Доходы и расходы по эксплуатации сунгарийского судоходства Общества КВЖД (руб.) (РГИА. Ф. 323. Оп. 1. Д. 442. Л. 183об. – 184)

Год	Доход	Расход	Сальдо
1910	313 144,58	300 737,06	+ 12 407,52
1911	379 317,09	286 640,73	+ 92 676,36
1912	272 707,03	296 390,22	– 23 683,19
1913	314 051,97	305 411,26	+ 8 640,71
1914	308 935,00	308 795,00	+ 140
1915	294 756,23	266 460,18	+ 28 296,05

Статистика показывает, что сунгарийские рейсы приносили определенный доход Обществу КВЖД, но он был небольшой. Как саркастически отмечалось в записке, направленной в конце 1914 г. на имя председателя Совета министров от Совета судовладельцев Амурского бассейна: «громоздкая флотилия, находящаяся в лучших условиях, чем частновладельческие суда, и располагающая всевозможными льготами, в течение минувшей навигации заработала всего лишь 140 рублей» (РГИА. Ф. 323. Оп. 1. Д. 442. Л. 181).

Причины продолжения отправки российских пароходов в Маньчжурию были связаны с необходимостью поддержки нагрузки КВЖД. Об этом прямо писал в 1909 г. А.Н. Вентцель: «Эксплуатация Сунгарийского пароходства может быть признана целесообразной только лишь в качестве подъездного пути, т.е. орудия для привлечения грузов, а никак в качестве самостоятельного коммерческого предприятия, преследующего отдельные от дороги интересы и занимающегося перевозками китайских грузов. С этой точки зрения может быть оправдано только содержание таких рейсов, которые дают груз дороге. Рейсы эти могут иногда оказаться выгодными даже в тех случаях, если дают некоторый дефицит, так как последний может с избытком покрываться доходом от железнодорожных перевозок» (РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 541. Л. 270об.-271). Эта же мысль регулярно повторялась при обсуждении значения сунгарийского пароходства в последующие годы (РГИА. Ф. 323. Оп. 1. Д. 442. Л. 185об.; РГИА. Ф. 323. Оп. 1. Д. 443. Л. 12). Таким образом, российское торговое судоходство по реке Сунгари после 1905 г. стало частью общей торгово-транспортной системы России в Маньчжурии, своего рода придатком для КВЖД вместо утраченной Южно-Маньчжурской железной дороги. Но самостоятельное торгово-коммерческое значение река Сунгари потеряла.

Между тем в 1907–1914 гг. наблюдается рост заинтересованности Китая в контроле над речной торговлей в Маньчжурии. В ноябре 1908 г. харбинский таможенный даотай объявил российскому консулу, что с навигации 1909 г. «обстановку судового хода по реке Сунгари Китайское правительство будет производить своим распоряжением» (РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 541. Л. 247), то есть речь шла о введении местной речной торговли под контроль императорских таможен Китая (Беляева, 2004). В июле 1910 г. в Пекине между российскими и китайскими уполномоченными были согласованы «Временные таможенные правила о надзоре за движением судов, привозом и вывозом товаров по реке Сунгари» (Сборник документов...: 156-164; Беляева, 2004). Исследовавшая опыт русско-китайского таможенного взаимодействия в начале XX в. Н.А. Беляева отмечала, что согласие России на открытие китайских таможен в Маньчжурии стало уступкой в условиях общего ослабления российских позиций в регионе после 1905 г. (Беляева, 2004). Однако речное судоходство получило вполне приемлемые условия для развития, поскольку основной перевозившийся груз (зерно, соевые

бобы и жмыхи) был обложен пошлиной в размере 2/3 от установленной для вывозных китайских товаров международными трактами (*Сборник документов...: 156-164*). Все это, по мнению Н.А. Беляевой, способствовало росту доходности КВЖД, стимулированию развития сельского хозяйства в Северо-Восточном Китае, росту товарооборота Владивостока (*Беляева, 2004*). Добавим, что «Временные таможенные правила...» окончательно закрепили роль реки Сунгари в качестве подчиненной КВЖД транспортной артерии.

В годы Первой мировой войны деятельность российского пароходства в Маньчжурии не претерпела серьезных изменений. Одной из обсуждаемых тем этого времени стала проблема деятельности пароходов Общества КВЖД на Амуре: Совет судовладельцев Амурского бассейна в конце 1914 г. обратился к правительству с просьбой запретить выход судов КВЖД в Амурский бассейн и даже поднял вопрос о запрете коммерческой деятельности речного судоходства Общества, в том числе на реке Сунгари (*РГИА. Ф. 323. Оп. 1. Д. 442. Л. 65*). Документы, отражающие обсуждение этой проблемы, показывают, что между Амурским обществом пароходства и торговли и речным пароходством Общества КВЖД развернулся настоящий конфликт, причиной которого можно назвать обычную конкуренцию за транспортно-логистический бизнес. К 1917 г. внятного разрешения это противостояние двух компаний не получило, Общество КВЖД продолжало эксплуатировать Сунгарийский бассейн, его суда по-прежнему выходили на Амур до Хабаровска¹.

Заметим, что частные российские пароходы на Сунгари не исчезли полностью после Русско-японской войны. Источники упоминают, что отдельные пароходы дальневосточных предпринимателей появлялись в Маньчжурии: так, «Хабаровский вестник» писал в 1910 г. о деятельности парохода «Аскольд» на линии между Харбином и Бодунэ (*РГИА. Ф. 323. Оп. 1. Д. 439. Л. 98*). Можно также предположить, что присутствие частных пароходов в Маньчжурии было более широким, поскольку такие суда могли появляться на Сунгари под флагом Общества КВЖД, о чем косвенно говорят документы. Что же касается работы пароходов Общества КВЖД в Маньчжурии, то результативность российского судоходства не изменилась, исходя из сметных данных доход на 1916 г. рассчитывался в сумму 5 039 руб., а на 1917 г. – 101 руб. (*РГИА. Ф. 323. Оп. 1. Д. 443. Л. 123об.*). Очевидно, что судоходство в Сунгарийском бассейне практически не окупало расходы на его эксплуатацию.

5. Заключение

Проведенное исследование позволяет нам выделить несколько этапов в истории развития российского торгового судоходства по реке Сунгари.

Первый этап затронул длительный период второй половины XIX в. Его начало можно ассоциировать с экономическим открытием Китая для внешнего мира в ходе Второй опиумной войны (1856–1860) и заключением русско-китайского Айгуньского договора 1858 г. Долгое время Маньчжурия оставалась закрытой для российских судов, несмотря на подтверждение условий договора 1858 г. новым русско-китайским соглашением 1881 г. На изменение ситуации повлияли ослабление Китая после войны с Японией (1894–1895), подписание русско-китайского соглашения на строительство КВЖД в 1896 г. и общий рост интереса к Маньчжурии со стороны российской элиты в конце XIX в. В результате в 1895–1896 гг. было организовано несколько торговых экспедиций по Сунгари, которые заложили основу для последующего развития судоходства.

Второй этап затрагивает период 1897–1905 гг. В это время торговое судоходство по Сунгари активно развивалось, участие в этом процессе принимали как частные лица и компании, так и Общество КВЖД, действующее в основном в государственных интересах. В этот же период четко обозначились факторы, обусловившие заинтересованность российской власти в продолжении сунгарийского судоходства: 1) геополитический фактор, связанный с необходимостью поддержки влияния России в Маньчжурии; 2) геоэкономический фактор, связанный с необходимостью обеспечения дальневосточной периферии империи стратегическим товаром; 3) логистический фактор, связанный с необходимостью обеспечения КВЖД грузами из южных регионов Маньчжурии.

Третий этап пришелся на период 1907–1917 гг. После Русско-японской войны правительство Российской империи решило ограничиться в судоходстве по Сунгари пароходами Общества КВЖД, которое, таким образом, стало вынужденным монополистом в маньчжурской речной торговле. Для самого Общества содержание рейсов по Сунгари приносило ежегодный убыток, однако отказываться от них ни правление Общества, ни российские власти не собирались, поскольку значимость всех вышеназванных стратегических факторов в рассматриваемый период только возросла. Особенно усилилось значение речного судоходства в качестве подвозного средства для КВЖД, так как всю прочую логистику в Южной Маньчжурии в это время Россия утратила.

В итоге в последние годы романовской России торговое судоходство по Сунгари стало частью транспортно-логистической системы Китайско-Восточной железной дороги. Но не стоит

¹ В 1910 г. пароходам Общества КВЖД было запрещено судоходство на Амуре, но оно нашло способ обойти этот запрет, меняя флаг Общества на флаг арендатора-грузоотправителя. Это и стало причиной продолжающегося конфликта с амурскими пароходоладельцами (*РГИА. Ф. 323. Оп. 1. Д. 442. Л. 71*).

рассматривать этот факт только как отрицательный результат предыдущего развития. Посредством соединения с КВЖД сунгарийское судоходство было связано с Владивостоком и его морскими грузоперевозками. Эта же взаимосвязь обеспечила включение Сунгари в общую сеть российской речной торговли на Дальнем Востоке по рекам Уссури и Амур. Кроме того, КВЖД соединило маньчжурскую речную торговлю с Транссибирской магистралью, а следовательно, с общероссийской системой транзита. Все это говорит о том, что Российская империя в начале XX в. смогла создать на Дальнем Востоке целостную и комбинированную систему грузоперевозок, а река Сунгари стала неотъемлемым элементом этой системы.

После революционных событий 1917 г. российское судоходство в Маньчжурии не исчезло, многие годы продолжая работать под советским флагом. Однако это уже другая глава в истории русско-китайских отношений.

6. Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-78-00050 «Система торговых отношений России и Китая во второй половине XIX – начале XX в.», <https://rscf.ru/project/22-78-00050/>

The study was supported by the Russian Science Foundation grant № 22-78-00050 “The system of trade relations between Russia and China in the second half of the 19th – early 20th centuries”, https://rscf.ru/project/22-78-00050

Литература

Беляева, 2004 – Беляева Н.А. Таможенное взаимодействие России и Китая в Маньчжурии: опыт и уроки начала XX в. // *Россия и АТР*. 2004. № 4(46). С. 34-43.

Богданов, 1896 – Богданов Д.С. Дневник Дмитрия Богданова по поездке на Сунгари на пароходе «Телеграф» в 1895 году. М.: Типолитография «О.И. Лашевич и Ко», 1896. С. 98.

Бянкин, 2014 – Бянкин В.П. Русское торговое мореплавание на Дальнем Востоке (1860–1925 гг.). Владивосток: Дальневосточное книжное издательство, 1979.

Васильев, 1899 – Васильев М.Н. Торговля с Китаем. Томск: Паровая типолитография П.И. Макушина, 1899. 72 с.

Дацьшен, 2014 – Дацьшен В.Г. История российско-китайских отношений в конце XIX – начале XX вв. М.: Директ-Медиа, 2014.

Жигалов, 2008 – Жигалов Б.С. КВЖД в дальневосточной политике России (1906–1914) // *Вестник Томского государственного университета. История*. 2008. № 1. С. 24-44.

Илларионов, 2019 – Илларионов А.А. Укрепление транспортных связей в Приамурье во второй половине XIX – начале XX в.: проблема взаимодействия бизнеса с государственной властью // *Известия Восточного института*. 2019. № 1. С. 21-36.

Кириллов, 1898 – Кириллов А.В. Торговые экспедиции по реке Сунгари в 1858, 1859 и 1869 гг. Благовещенск: Б.и. 1898.

Ма, 2009 – Ма Юцзюнь Предпринимательство русских купцов и промышленников в Маньчжурии. Конец XIX – начало XX в. // *Россия и АТР*. 2009. № 1(63). С. 109-118.

Меркулов, 1903 – Меркулов С.Д. Возможные судьбы русской торговли на Дальнем Востоке. Санкт-Петербург: Тип. инж. Г.А. Бернштейна, 1903. 55 с.

Митинский, 1911 – Митинский А.Н. Материалы о положении и нуждах торговли и промышленности на Дальнем Востоке. Санкт-Петербург: Типография В.Ф. Киршбаума, 1911.

РГИА – Российский государственный исторический архив.

Романова, 1987 – Романова Г.Н. Экономические отношения России и Китая на Дальнем Востоке. XIX – начало XX в. Москва: «Наука», 1987. 164 с.

Русско-китайские отношения. 1689–1916, 1958 – Русско-китайские отношения. 1689–1916. Официальные документы. Москва: Издательство Восточной литературы, 1958.

Сакон, 2011 – Сакон Ю. Чей Амур? Российско-китайские отношения в конце XIX – начале XX в. // *Вестник РУДН*. 2011. № 4. С. 58-65.

Сборник документов..., 1922 – Сборник документов, относящихся к Китайской Восточной железной дороге. Харбин: Канцелярия Правления Общества КВЖД, 1922.

Сладковский, 1974 – Сладковский М.И. История торгово-экономических отношений народов России с Китаем (до 1917 г.). Москва: Наука, 1974.

Трофимов, 1973 – Трофимов И.П. Из истории развития речного судоходства на Дальнем Востоке в период капитализма // *Дальневосточный университет. Ученые записки. Т. 82. Серия историческая*. Владивосток, 1973. С. 111-125.

Устюгова, 2017 – Устюгова О.А. Дальний Восток в системе внешнеторговых связей накануне и во время революций 1917 г. // *Россия и АТР*. 2017. № 3(97). С. 25-35.

Ходяков, 2018 – Ходяков М.В. Хлеб Маньчжурии и государственные интересы России на Дальнем Востоке накануне Первой мировой войны // *Вестник Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина*. 2018. № 3(60). С. 39-45.

Штейнфельд, 1910 – Штейнфельд Н.П. Русское дело в Маньчжурии. Харбин: Русско-Китайско-Монгольская типография «Юань-дунь-бао». 1910.

References

- Belyaeva, 2004** – *Belyaeva, N.A.* (2004). Tamozhennoe vzaimodejstvie Rossii i Kitaya v Man'chzhurii: opyt i uroki nachala XX v. [Customs-Houses relations between Russia and China in Manchuria: the experience and the lessons of the early 20th century]. *Rossiia i ATR*. 4 (46): 34-43. [in Russian]
- Bogdanov, 1896** – *Bogdanov, D.S.* (1896). Dnevnik Dmitriya Bogdanova po poezdke na Sungari na paroxode «Telegraf» v 1895 godu [Diary of Dmitry Bogdanov on a trip to the Sungari on the steamer "Telegraph" in 1895]. M.: Tipolitografiya «O.I. Lashevich i Ko», 98 p. [in Russian]
- Byankin, 1979** – *Byankin, V.P.* (1979). Russkoe torgovoe moreplavanie na Dal'nem Vostoke (1860–1925 gg.) [Russian merchant shipping in the Far East (1860–1925)]. Vladivostok: Dal'nevostochnoe knizhnoe izdatel'stvo, 255 p. [in Russian]
- Datsyshen, 2014** – *Datsyshen, V. G.* (2014). Istoriya rossiisko-kitaiskikh otnoshenii v kontse XIX – nachale XX vv. [History of Russian-Chinese relations in the late XIX-early XX centuries]. M.: Direkt-Media, 592 p. [in Russian]
- Illarionov, 2019** – *Illarionov, A.A.* (2019). Ukreplenie transportnyh svyazej v Priamur'e vo vtoroj polovine XIX – nachale XX v.: problema vzaimodejstviya biznesa s gosudarstvennoj vlast'yu. [Strengthening transport links in the Amur region in the second half of the 19th – early 20th centuries: the problem of interaction between business and government]. *Izvestiya Vostochnogo instituta*. 1 (41): 21-36. [in Russian]
- Khodiakov, 2018** – *Khodiakov, M.V.* (2018). Hleb Man'chzhurii i gosudarstvennye interesy Rossii na Dal'nem Vostoke nakanune Pervoj mirovoj vojny. [Manchurian bread and Russian national interests in the middle east before the outbreak of World War I]. *Vestnik Ryazanskogo gosudarstvennogo universiteta imeni S. A. Esenina*. 3(60): 39-45. [in Russian]
- Kirillov, 1898** – *Kirillov, A.V.* (1898). Torgovye ekspedicii po reke Sungari v 1858, 1859 i 1869 gg. [Trading expeditions along the Songhua River in 1858, 1859 and 1869]. Blagoveshchensk, 154 p. [in Russian]
- Ma Yujun, 2009** – *Ma Yujun* (2009) Predprinimatel'stvo russkih kupcov i promyshlennikov v Man'chzhurii. Konec XIX – nachala XX v. [Business undertakings of the Russian merchants and industrialists in Manchuria. The end of the 19th – the early 20th centuries]. *Rossiia i ATR*. 1 (63): 109-118. [in Russian]
- Merkulov, 1903** – *Merkulov, S. D.* (1903). Vozmozhnye sud'by russkoi torgovli na Dal'nem Vostoke [Possible destinies of Russian trade in the Far East]. Sankt-Peterburg: Tip. inzh. G.A. Bernshteina, 55 p. [in Russian]
- Mitinsky, 1911** – *Mitinsky, A.N.* (1911). Materialy o polozhenii i nuzhdah torgovli i promyshlennosti na Dal'nem Vostoke. [Materials on the situation and needs of trade and industry in the Far East]. Sankt-Peterburg: Tipografiya V.F. Kirshbauma, 284 p. [in Russian]
- RGIA** – Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian state historical archive].
- Romanova, 1987** – *Romanova, G.N.* (1987). Ekonomicheskie otnosheniya Rossii i Kitaya na Dal'nem Vostoke. XIX – nachalo XX v [Economic relations between Russia and China in the Far East. 19th – early 20th centuries]. Moscow: Nauka, 164 p. [in Russian]
- Russko-kitajskie otnosheniya. 1689–1916, 1958** – Russko-kitajskie otnosheniya. 1689–1916. Oficial'nye dokumenty (1958) [Russian-Chinese relations. 1689–1916. Official documents]. M.: Izdatel'stvo Vostochnoi literatury, 139 p. [in Russian]
- Sakon, 2011** – *Sakon, Y.* (2011). Chej Amur? Rossijsko-kitajskie otnosheniya v konce XIX – nachale XX v. [Whom does the Amur belong to? Russian Chinese relations in the late 19th – early 20th century]. *Vestnik RUDN*. 4: 58-65. [in Russian]
- Sbornik dokumentov..., 1922** – Sbornik dokumentov, odnosyashchih'sya k Kitajskoj Vostochnoj zheleznoj doroge (1922). [Collection of documents relating to the Chinese Eastern Railway]. Harbin: Office of the Board of the CER Society, 313 p. [in Russian]
- Sladkovsky, 1974** – *Sladkovsky, M.I.* (1974) Istoriya torgovo-ekonomicheskikh otnoshenij narodov Rossii s Kitaem (do 1917 g.) [History of trade and economic relations between the peoples of Russia and China (until 1917)]. M.: Nauka, 367 p. [in Russian]
- Steinfeld, 1910** – *Steinfeld, N.P.* (1910) Russkoe delo v Man'chzhurii. [Russian case in Manchuria]. Kharbin: Russko-Kitaisko-Mongol'skaya tipografiya «Yuan'-dun'-bao», 208 p. [in Russian]
- Ustyugova, 2017** – *Ustyugova, O.A.* (2017). Dal'nij Vostok v sisteme vneshnetorgovyh svyazej nakanune i vo vremena revolyucij 1917 g. [The Far East in the system of foreign trade relations on the eve and during the revolutions of 1917]. *Rossiia i ATR*. N3 (97): 25-35 [in Russian]
- Vasiliev, 1899** – *Vasiliev, M.N.* (1899). Torgovlya s Kitaem [Trade with China]. Tomsk: Parovaya tipolitografiya P.I. Makushina, 72 p. [in Russian]
- Zhigalov, 2008** – *Zhigalov, B.S.* (2008). KVZHD v dal'nevostochnoj politike Rossii (1906–1914) [The Chinese eastern railway in the Far East policy of Russia (1906–1914)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*. 1 (2): 24-44. [in Russian]

Российское торговое судоходство в Маньчжурии в конце XIX – начале XX вв.

Ильдар Рашидович Хамзин^{a, *}, Рустам Талгатович Ганиев^a, Антон Владимирович Кочнев^a

^aУральский федеральный университет, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматривается проблема российского торгового судоходства по маньчжурской реке Сунгари в конце XIX – начале XX вв. Интерес к речной торговле в Маньчжурии со стороны Российской империи был обусловлен рядом факторов: процессом раздела Китая на сферы влияния, необходимостью расширения русско-китайской торговли, общим трендом развития транспортного сообщения российского Дальнего Востока. В совокупности эти факторы способствовали появлению судов под российским флагом на реке Сунгари в конце XIX в. Однако последующее развитие речной торговли было неравномерным. Первоначально в ней приняли участие частные предприниматели-пароходовладельцы, амурские пароходные компании и пароходы Общества КВЖД. После Русско-японской войны в Маньчжурии остались действовать исключительно суда Общества КВЖД. Таким образом, в начале XX в. на дальневосточном фронтире Российской империи сложилась сложная система транспортных узлов и коридоров, состоящая из речных и железнодорожных перевозок, деятельности морских портов и морского сообщения. Сунгари рассматривается как неотъемлемая часть этой системы. Кроме того, речная торговля в Маньчжурии позволяла России решить ряд стратегических вопросов. Во-первых, судоходство по Сунгари всегда рассматривалось российскими властями как способ поддержки собственного влияния в Северо-Восточном Китае. Во-вторых, доставка зерна и скота из маньчжурских городов позволяла обеспечить провиантом дальневосточную периферию России. В статье детально изучаются перечисленные особенности и этапы российского судоходства по Сунгари, проводится анализ статистических сведений о грузоперевозках на российских пароходах, исследуются основные проблемы, с которыми сталкивалось речное судоходство в Маньчжурии.

Ключевые слова: Сунгари, речная торговля, русско-китайские отношения, Маньчжурия, Общество КВЖД.

---

* Корреспондирующий автор
Адреса электронной почты: ildar.hamzin1991@mail.ru (И.Р. Хамзин)

Copyright © 2023 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2023. 18(2): 767-780
 DOI: 10.13187/bg.2023.2.767

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Problem of Autonomization of Territorial Units in the Russian Empire. Content of Public Discussions of the XIX – beginning of the XX centuries

Egor E. Kochetkov ^{a, *}, Anna A. Niklaus ^b

^a Russian University of transport (MIIT), Moscow, Russian Federation

^b Moscow psychological and social University, Moscow, Russian Federation

Abstract

The article deals with the problems of autonomy in the context of the historical development of the Russian Empire. The autonomy of the territorial units of a large state, which Russia has always been, is a complex and multifaceted process that depends on many factors. An analysis of the strengths and weaknesses of the process of autonomization in the Russian Empire is given – an issue that is also relevant for modern Russia. For this reason, the issue of autonomy is still a subject of discussion for both scientists and practitioners, just as it has been for centuries in Russian society. The article describes the political and administrative measures taken by the government of the Russian Empire to provide varying degrees of autonomy to various regions and ethnic groups of the country. These measures, although they had some success in relation to the promotion of local self-government and the preservation of cultural diversity, but faced significant problems and restrictions for various reasons, especially in the context of increased control and centralization by the monarchical power. The tension between the desire of the central government for control and the desire of the local population for more self-government is noted. The authors emphasize that the difficulties of the autonomization process of the empire were associated with regional differences, the unique history and culture of different regions, and linguistic differentiation. To support his arguments, the authors use a number of academic sources, including legal acts and materials of scientific discussions. An attempt to consider the problem of autonomization of the territorial units of the Russian Empire is correlated in the article with the historical realities characteristic of Russia with a projection on the present.

Keywords: autonomy, autonomization, territorial units, Russian Empire, centralization, regionalism, decentralization, political power, discussions.

1. Введение

Автономизация территориальных единиц является одной из наиболее важных проблем, с которыми сталкивалась на протяжении всей своей истории Российская империя. Сутью данной проблемы всегда был поиск баланса между централизованностью управления и учетом интересов регионов (Ахременко, 2012: 15). Стремление к автономии регионов прослеживается на протяжении всей истории Российской империи (Ключников, 1994: 28), но и в современной России проблема автономизации территориальных единиц не утратила своей актуальности. По этой причине вопрос об автономиях по-прежнему является предметом дискуссии как ученых, так и практиков – так же, как это происходило в российском обществе на протяжении столетий.

Как известно, одной из главных задач автономизации является учет национальных интересов и мнений представителей местных сообществ. Однако вопросы этнической и национальной идентичности, которые могут повлиять на принятие решений о самоуправлении территорий, всегда

* Corresponding author

E-mail addresses: kochetkov.work@gmail.com (E.E. Kochetkov), nicklaus.anna@gmail.com (A.A. Niklaus)

оставались сложными. На протяжении столетий российские власти сталкивались с многочисленными национальными движениями, выступающими за общенациональную автономию (Бухарин, 1959: 44).

Исторический контекст автономизации территориальных единиц в России тесно связан с развитием государственности Российской империи. Первые шаги в направлении автономии были предприняты еще в эпоху царствования Петра I. В те времена Россия только начинала формировать свою территорию и национальный состав населения, поэтому царь Петр I установил ряд мер для облегчения управления государством и смягчения социально-экономических противоречий (Соловьев, 2013: 89).

Следующим этапом в развитии автономии стало учреждение губерний в России в конце XVIII века. Новая территориальная организация стала основой для решения многих вопросов, связанных с управлением империей, и создания единой территории, объединенной общим законодательством и административными функциями (Соловьев, 2013: 48).

Процесс автономизации был вызван различными причинами и имел различные формы. Один из ранних примеров результатов перманентных процессов автономизации – автономия казачьих общин в Российской империи, обусловленная конфликтами с властями и желанием сохранить свои традиции и обычаи (Уваров, 2018: 3).

Однако автономизация территориальных единиц в Российской империи в том смысле, как мы это понимаем сегодня, началась в конце XIX века и продолжалась до революции 1917 года. Она была вызвана необходимостью урегулирования социально-экономических и политических проблем в различных регионах империи.

Одним из основных законодательных актов, регулирующих автономию в России, был Манифест 17 октября 1905 года, который предоставлял право на создание автономных регионов и провозглашал свободу вероисповедания, языка и национальной культуры. Так, в 1905 году был провозглашен Манифест, который устанавливал автономию для Финляндии. Этот акт был важным шагом в сторону более широкой автономии в Российской империи (Розенберг, 2015: 59). Позднее был принят ряд законов, которые конкретизировали этот Манифест, в том числе Закон об автономных республиках 1917 года (Шелохова, 2014: 5).

Первая мировая война и революционные события, происходившие в России в начале XX века, привели к тому, что государственная власть была ослаблена, что, в свою очередь, стимулировало региональные стремления к самоуправлению. В ходе революции 1917 года буржуазная демократия была свергнута, а власть перешла к большевикам. В новой государственной системе Советской России была установлена принципиально новая модель территориального управления – федерализм (Буторин, 2019: 65).

В целом процесс автономизации территориальных единиц в Российской империи был неоднозначным и не всегда успешным. В разных регионах применялись разные модели автономии, их реализация зависела от местных особенностей и интересов. Так, например, в Башкирии и Татарстане была создана модель автономии, основанная на национальности, которая предоставляла право на самоуправление национальным элитам, а в Сибири – на экономической автономии, чтобы сохранить местные доходы (Буторин, 2019: 65).

Оценка эффективности автономизации в Российской империи разнится и у исследователей разных периодов. Одни полагают, что автономия не привела к реальному укреплению централизованной власти, а другие, наоборот, считают, что она помогла сохранить единство Российской империи на некоторое время.

С целью анализа основных идей касательно решения проблемы автономизации территориальных единиц в Российской империи в данной статье проведено исследование содержания общественных дискуссий в имперской России относительно необходимости автономизации территории империи с целью оценки имеющихся в тот период возможностей территориального обустройства с учетом тех исторических реалий и прогнозирования долгосрочных политических последствий этого процесса уже в наши дни.

2. Материалы и методы

Историография данной темы предполагает не только фактологическое описание исторических событий, которые сопровождали процессы автономизации территориальных единиц в Российской империи в разные периоды ее существования, но и анализ тех общественных дискуссий, которые интенсивно проходили в рамках данной проблематики на протяжении всего XIX века, особенно во второй его половине и далее – в предреволюционный период. Важными в данном контексте представляются те методы, источники и теоретические подходы, с помощью которых историки исследовали процесс автономизации, приводя те или иные аргументы в пользу своей мировоззренческой позиции и политических взглядов. В этой связи авторы статьи рассматривают эти процессы, часто весьма противоречивые, на примере анализа работ видных историков и обществоведов преимущественно XIX – начала XX столетий, в которых в той ли иной форме излагаются различные взгляды на возможное решение вопроса по территориальному обустройству России. В частности, приводятся тезисы таких известных отечественных и зарубежных мыслителей и

общественных деятелей XIX и рубежа веков, как М.А. Бакунин, А.И. Герцен, П.А. Кропоткин, В.Е. Поссе, В. Водовозов, П. Сорокин, Г. Новоторжский, А.Т. Снарский, К. Кульчицкий (Мазовецкий), М. Грушевский, Н.И. Лазаревский, М.Б. Ратнер, П. Лабанд, В.О. Динзе, И. Шраг, Д. Левин, Г.В. Плеханов, Ю.О. Мартов, В. Ленин, К. Каутский и др.

Авторы используют как академические источники, так и научно-правовую литературу, а также материалы съездов, форумов, программ политических партий, тексты манифестов и деклараций дореволюционного периода.

Среди современных авторов, разрабатывающих проблематику российских автономий в историческом контексте, можно выделить А.С. Ахременко, А.М. Ключникова, А.А. Соловьева, А.Л. Розенберга, Н. Шелохову, С.А. Буторина, В.И. Бондаренко, Ю.В. Григорьева, А.А. Сидорова, А.В. Сергеева, О.А. Ремизова, А.Г. Гаджиева, Т.А. Степанову и др., тезисы которых также приведены в данной статье.

В работе использован широкий круг научных методов, как общенаучных, так и частных.

Так, ретроспективный метод исследования позволяет воссоздать исторические реалии, в которых происходила автономизация территориальных единиц в Российской империи, как на основе исторического дискурса прошлого, так и по более поздним источникам, опубликованным в наше время.

Используемый в статье историко-сравнительный метод исследования позволяет провести аналогии между событиями разных периодов российской истории и установить исторические закономерности политического процесса.

Помимо историко-сравнительного метода и метода единства исторического и логического, в статье использован метод телеологического или аутентичного толкования, поскольку при использовании исторического материала необходимо понимание того, какими целями руководствовались российские власти в ходе принятия того или иного решения касательно автономизации территории страны, либо того, как его толковали идеологи, формировавшие общественное мнение по вопросам территориального деления. В этом контексте было важно выявить противоречия в тенденциях автономизации территорий Российской империи и понимания их природы.

Также был использован метод дедукции (нисхождение от общего к частному) при анализе объективных причин автономизации и метод индукции (восхождение от частного к общему) при анализе практики реализации процесса автономизации – на основе конкретных решений сделаны обобщающие выводы.

Системный и институциональный методы позволили рассмотреть историко-политические предпосылки возникновения автономий на территории Российской империи, дать оценку этому политическому феномену в его развитии на протяжении столетий, выявить проблемы и противоречия автономизации территориальных единиц в Российской империи.

В свою очередь, метод актуализации позволяет учитывать прошлый исторический опыт и на его основе прогнозировать развитие возможных событий, в частности решение проблемы автономизации российских территорий в современных условиях.

3. Обсуждение и результаты

В истории российской науки и историографии можно выделить несколько подходов к решению проблемы автономизации территориальных единиц. Один из первых подходов был связан с созданием земств и губернских управлений, которые получили определенную степень автономии в решении вопросов своей территории (Грушин, 2002: 56). Второй подход был связан с созданием национальных округов, где жители могли самостоятельно управлять своими делами. Данный подход основывался на политико-философских и правовых трудах Г.В.Ф. Гегеля (Гегель, 1990: 65). Третий подход предусматривал создание региональных государственных образований уже после 1917 года, таких как Башкирская АССР, Татарская АССР и др., которые получили значительную степень автономии в решении вопросов своей территории (Зубов, 2011: 218), и процесс автономизации пошел совсем по другому пути.

Как отмечают Ю.В. Григорьев и В.И. Бондаренко, история самоуправления территорий в России всегда была сложной. Так, в своей монографии «Автономизация: история и современность» В.И. Бондаренко рассматривает историю автономизации в России, начиная с царских реформ 1860-х годов и заканчивая современным периодом (Бондаренко, 2019: 58). Автор исследует исторические предпосылки процесса автономизации, выделяет ключевые аспекты, способствующие возникновению автономных единиц в Российской империи, выявляет противоречия между централизованной властью и автономными областями, их культурной и этнической идентичностью.

В свою очередь, Ю.В. Григорьев в своем фундаментальном труде «Российская автономия: история и перспективы» рассматривает историю развития автономии в России в ее взаимосвязи с общественными движениями за самоуправление территорий (Григорьев, 2008: 38). Автор затрагивает ключевые факторы, которые способствовали возникновению автономий в России, в том числе специфические социально-экономические условия и этнические конфликты, анализирует

проблемы и вызовы, с которыми сталкиваются автономные регионы в России, включая проблемы финансирования и межрегиональных отношений.

История автономии и федерализма в России рассматривалась в ряде публикаций последних лет, например, в статьях А.А. Сидорова «Автономия и федерализм в России: история и современность» (2015 г.) (Сидоров, 2015: 32-38), А.В. Сергеева «Автономия в России: история и современность» (2019) (Сергеев, 2019: 74-84) и др., в которых авторы анализируют специфику российских автономий, проблемы и вызовы, с которыми столетиями сталкивались части огромной страны в своих попытках автономизации.

Однако наибольший интерес для нас в контексте проблематики данной статьи представляют общественные дискуссии XIX столетия, когда Российская империя максимально расширила свои границы и перед огромным государством остро встала необходимость сохранения его целостности и поддержания социального порядка.

Среди проблем, волнующих русское общество XIX – начала XX вв., вопрос об автономии провинций и народностей был одним из самых важных. Как апофеоз социально-политической напряженности в российском обществе на протяжении десятилетий особенно остро этот вопрос встал в 1905 г., наряду с проблемой защиты прав народов, населяющих Российскую империю. Среди законодателей, общественных деятелей, ученых, журналистов развернулась широкая дискуссия о необходимости обеспечения полного равноправия всех народностей и их права на культурное и политическое самоопределение, а также о самоопределении народностей с правом отделения, с предоставлением отдельным народностям, заселяющим определенные части государственной территории, права на автономию на основаниях, устанавливаемых особым статутом (Грушевский, 1907: 4).

Предполагалось, что принцип территориально-национальной автономии должен быть принят в ряду других оснований нового государственного строя. Для ее осуществления национальный принцип должен быть положен в основу всех территориально-общественных организаций, начиная с сельской общины и далее – в основу мелкой земской единицы, всякого рода избирательных округов и провинциальных подразделений – насколько хватило бы данной этнографической территории и национальной массы для этих округов и подразделений. И коль скоро она достигает того минимума, который может быть признан достаточным для образования самоуправляющейся национально-территориальной области, то он должен быть организован для нее согласно определенному порядку самоуправления.

Население России состояло из многих национальностей – малороссов, белорусов, поляков, евреев, латышей, грузин, армян, татар и т.д. Все эти народности значительно отличались друг от друга по языку, по верованиям, по законам и обычаям. В силу этого перед огромной империей вставал вопрос: какой порядок всего лучше обеспечивает могущество и единство государства и в то же время не стесняет прав и свободу развития каждой из этих народностей?

Как представлял это Питирим Сорокин, необходимо было в данной связи установить в российском государстве полное равноправие национальностей, с одной стороны, и национальной автономии (самоуправления) – с другой. При соблюдении этих условий выигрывает и каждый народ в отдельности, и все государство в целом (Сорокин, 1917: 8).

В прошедшие столетия многие крупные государства формировались путем захвата территорий, что способствовало значительному разнообразию их внутренней структуры (Новоторжский, 1906: 14). Каждая область в составе такого государства была уникальной и имела свои национальные и экономические особенности. При этом проблема гармоничного существования автономных единиц представляла практический интерес для всех государств со смешанным национальным составом населения, в том числе и для России.

Россия состояла из ряда разнородных областей, таких как Финляндия, Польша, Украина, Кавказ, Прибалтийский край, Литва, Сибирь, Великороссия, а также из нескольких краев с различными географическими, климатическими и экономическими условиями, такими как Центральная Россия, Поволжье, Урал и Север России. Для эффективного управления государством необходимо было, чтобы управляющая власть была ближе к управляемым территориям. Управлять такой огромной страной, как Россия, из одного центра, Петербурга, было невозможно. Поэтому актуализировалась проблема развития местного самоуправления и децентрализации в системе управления, то есть автономизации территориальных единиц империи.

Автономия, как правило, понималась многими обществоведами, например Г. Новоторжским (Новоторжский, 1906: 14), как областное самоуправление, а не только национальное. При этом автономия могла быть национальной или территориальной (областной), и если на территории проживает одна национальность, то понятия национальной и территориальной автономии должны совпадать.

В случае, когда население определенной области большей частью состояло из представителей одной национальности, а меньшинство принадлежало к другой национальности, национально-территориальная автономия не решала вопросов меньшинства. Такая ситуация, например, была характерна для Польши, где евреи были меньшинством по сравнению с поляками. Для обеспечения прав меньшинства рассматривалась возможность культурно-национальной автономии, которая

предполагала участие представителей меньшинства в управлении областью со смешанным населением. При этом затраты на культурные нужды меньшинства должны были соответствовать количеству представителей этой национальности. Если народность проживала на территории нескольких областей и была меньшинством, обсуждалось ее право на создание национального союза для самоуправления, который распространялся бы на все области, где она находилась в меньшинстве. При этом различались национально-территориальная автономия и национально-культурная автономия.

Однако, каким образом можно было примирить между собой имеющиеся в Российском государстве две противоположные тенденции – централизацию и децентрализацию? Исследователь начала XX века К. Кульчицкий (Мазовецкий) подчеркивал особую важность вопроса об отношении отдельных частей государства к целому, о пределах их самостоятельности во внутренних делах в условиях социально-политического кризиса в России (Кульчицкий (Мазовецкий), 1907: 4). Российская империя была весьма обширной. Ее владения не были рассеяны, как в Великобритании, а напротив, составляли сконцентрированное целое и были населены разными народами и племенами, стоящими на самых разных уровнях развития. Русский народ был при этом численно преобладающей национальностью в Российской империи. Это факт был чрезвычайно важным, так как именно он определял ее политическую организацию, которая не могла быть основана на строгом принципе централизации. В этой связи едва ли было бы возможным, чтобы Российское централизованное государство с количественным преобладанием одного народа могло быть разделено на самостоятельные части, связанные между собой только личностью монарха, т.е. образовать личную или реальную унию.

Реальная уния как форма государственного общежития неприемлема для России, по мнению К. Кульчицкого (Мазовецкого), потому, что она составлена хотя из разнородных частей, но различных по своей величине и и что поэтому она была бы невыгодна как для Империи в целом, так и для отдельных ее частей. Говоря о данной форме сложных государств, этот автор отмечал, что она не удовлетворяет условиям современного государства, которое нуждается в крепкой организации, опирающейся на прочные правовые основы и не зависящей в каждый данный момент от добровольного согласия его частей (Кульчицкий (Мазовецкий), 1907: 189).

Русское общество в лице некоторых политических партий относилось достаточно благожелательно к идее автономии других населяющих государство народов. Нерусское население могло всегда, поскольку оно не имело намерения оторваться от Империи, рассчитывать на поддержку этих элементов в центральном парламенте, в котором при этом сами представители чужих наций составили бы огромную силу.

Кроме того, Россия никогда не согласилась бы на разделение ее на ряд независимых государств, связанных лишь общностью монарха, ибо это ослабило бы ее международное значение.

Для того чтобы эффективно реализовывать автономию в России, следовало учитывать культурные особенности и целостность населения территорий. В определенной автономии нуждались такие части Российской империи, как Царство Польское, этнографическая Литва, Малороссия, Белоруссия, Латышский край, Эстонский край, Грузия, где население образовывало культурное целое. Армяне, в свою очередь, не имели сплошной территории, а находились в основном на Кавказе и у берегов Черного моря. При разделении России на автономные территории необходимо было бы руководствоваться общим принципом совпадения границ национальных групп и границ автономных единиц.

При этом самоопределение отдельных частей могло иметь различную степень и колебаться от самоуправления до автономии и федерации (Автономия и федерация, 1917: 9).

Как известно, автономия как понятие охватывает не только возможности осуществления законодательной власти в определенной мере, но и другие важные характеристики, которые отличают ее от самоуправления. В то время как деятельность органов самоуправления ограничена общим законом, органы автономии могут издавать распоряжения и устанавливать правила, не совпадающие с общими законами, по указанным в законе вопросам. С точки зрения интересов местного населения, автономия представлялась в тот период необходимым средством приведения местного управления в соответствие с его потребностями и запросами. Она обеспечивала в первую очередь возможность использования местного языка в управлении.

Многие российские обществоведы придерживались того мнения, что автономия не только не нарушает государственного единства, но его и не затрагивает. Однако были и другие мнения, когда при том положении унитарного государства, каким представлялась Россия, речь шла о предоставлении федеративных прав уже вошедшим в нее частям. Прежде всего, спорным был вопрос о том, где предел дробления этих частей – Великороссия и Малороссия, Польша и Литва, Курляндия и Эстляндия, Армения, Кабарда, территории, где проживали калмыки и киргизы, мордва и черемисы, самоеды и тунгусы и т. д. Если речь шла о предоставлении федеративных прав при добровольном присоединении, в этом случае проблема сводилась к отказу от известных прав, а не в том, какие права предоставляются. По мнению Н.И. Лазаревского, отличие между автономией и самоуправлением заключалось главным образом в том, что автономия является более широким понятием, охватывающим большее число сфер государственной деятельности, чем самоуправление, но, подобно самоуправлению, она представляет собой форму свободы в местном управлении (Лазаревский, 1906:

5). Согласно немецкому юристу Паулю Лабанду, существенным признаком, который отличает автономию от самоуправления, является право издания законов, заменяющих общие законы, в тех или иных вопросах, относящихся к данной местности (Laband, 1895: 97).

С точки зрения интересов государства, взятого как определенное целое, вопрос о значении автономии не так прост. Тут часто приходится наталкиваться на возражения, что автономия разрушает государственное единство, и потому, как бы она ни была желательна в интересах населения отдельных областей, от нее в интересах государственных надо отказаться, утверждал Н.И. Лазаревский (Лазаревский, 1906: 7).

Что касается другой категории российских ученых и их опасений касательно автономии, а именно озабоченности тем, не является ли автономия первым шагом к полному отдалению данной провинции от государства, то эти исследователи часто отрицали тот факт, что в истории бывали случаи, когда после автономии следовало отпадение провинции от государства.

Там, где речь шла об установленных гармоничных отношениях перемешанных между собою национальностей, принцип самоопределения этих «отдельных атомов» во избежание новых конфликтов «должен быть одухотворен каким-либо общим и высшим критерием, могущим внести стройность и гармонию в эту сумму сталкивающихся интересов», полагает М.Б. Ратнер (Ратнер, 1906: 6). В этой связи было крайне важно создать базу для разработки законодательства на основе единых критериев.

С идеей о национальной автономии территориальной, или областной, в истории русской политической мысли тесно связаны имена Герцена, Шапова, Лаврова и многих других корифеев и пионеров русского общественного движения. Это автономистское движение разрасталось до более широких размеров. Так, на съезде журналистов в Петербурге в марте 1905 года был образован союз автономистов из представителей множества национальностей, населяющих Россию: поляков, украинцев, армян, белорусов, эстов, грузин, евреев, татар, азербайджанцев (закавказских татар), латышей, литовцев. А с открытием Государственной Думы начала свою деятельность парламентская Фракция союза автономистов, ставящая себе целью «объединение или на областных, или на территориально-национальных началах для взаимной защиты и поддержки, а также для осуществления автономной идеи на демократических началах» (Шраг, 1906: 65), а также решения вопросов централизации и децентрализации.

Если централизация означает стягивание всевозможных дел со всей России в один правительственный центр, то децентрализация, наоборот, предоставляет множество дел на усмотрение местных провинциальных властей, земских и городских самоуправлений. Эти самоуправления были созданы после освобождения крестьян в эпоху так называемых великих реформ при Александре II. Правительственная власть должна была признать уже тогда, что нельзя всей необъятной и разноплеменной Россией управлять из одного центра, полагает В.О. Динзе, что столичные министерства не понимают множества местных нужд в разных губерниях (Динзе, 1917: 4).

Созданные в 1864 и 1870 гг. земские и городские самоуправления отличались многими существенными недостатками. Выборным от населения лицам дана была возможность в земствах и городах взять в свои руки те дела, какими раньше заведовали малоэффективные канцелярии. Так, например, земствам и городам перешло множество дел – дела по народному образованию, дела врачебные и страховые, продовольственные и дорожные, на ведение которых требовались большие денежные средства. Поэтому земствам и городам и дано было право облагать население особыми податями и налогами. Центральная правительственная власть освободила себя таким образом от обязанности входить во все нужды отдельных местностей, предоставив вести хозяйственные дела местному населению.

Однако правительству не удалось завершить реформы и создать подлинное самоуправление, отвечающее нуждам широких слоев населения. Во-первых, явное преобладание в земствах получили дворяне, а в городах – состоятельные купцы и заводчики. Во-вторых, оберегая сословные дворянские интересы, правительство отказало в земском самоуправлении тем губерниям, где не было дворянского землевладения (например, в Сибири). В-третьих, земского самоуправления лишены были местности с нерусским населением (например, Польша, Литва, Кавказ и пр.), так как правительство опасалось здесь враждебных ему революционных движений и восстаний. Но даже там, где земства были введены, правительство через своих губернаторов установило за самоуправлениями строгий надзор. Соответственно, если губернатор находил деятельность какого-нибудь земства «неблагонадежной», опасной в политическом отношении, то Министерство внутренних дел немедленно присылало особого чиновника, который упразднял земскую службу и увольнял земских работников. А «неблагонадежным» иное земство оказывалось зачастую потому, что слишком много средств тратило на дело народного образования, открыло много школ. Равным образом и на городские самоуправления правительство оказывало давление в нужном ему направлении. Назревали противоречия в социально-политическом устройстве страны.

В 1905 году русским освободительным движением поставлен был острый вопрос о тяжелом положении входящих в состав России народностей (Польша, Кавказ, Прибалтийский край и др.). Все эти инородные области требовали себе права на самоопределение, т.е. желали создать у себя широкое

самоуправление, отвечающее национальным особенностям данного края, своеобразному укладу его хозяйственной и культурной жизни. Россия не для всего разноплеменного ее населения являлась своим государством, родным и кровным. Историей закреплены были за Россией такие национальности, которые раньше либо существовали в качестве особого самостоятельного государства (например, Польша), либо управлялись своими законами и обычаями, пользовались широкой местной самостоятельностью. Самодержавная же власть, полагал В.О. Динзе, с одинаковой враждебностью относилась ко всяким национальным движениям, к стремлениям малых народностей иметь свою независимую церковь, такой суд и такую администрацию, где признавался бы не только государственный, русский язык, но и язык местного населения, где этот язык имел бы также место в школе и т.д. (Динзе, 1917: 8).

Результатом нарастающего интереса к этой теме в общественном дискурсе стал съезд представителей различных национальностей России (кроме великороссов), который проходил в 1906 году в Петербурге. В то же время в Государственной Думе вопрос об автономии не поднимался, однако уже образовался «союз автономистов», для которого автономия составляла самую существенную часть программы. Было очевидно, что автономия составляет фон всех политических намерений для окраин, ввиду чего теоретиками и практиками предпринимались попытки разобраться в понятии автономия, понять смысл и сущность общественных устремлений, во всяком случае – центробежных (Снарский, 1907: 3-4).

Иными словами, автономия как широкое местное самоуправление, обладающее по целому ряду местных дел собственной законодательной властью, явно отличалась как от простого самоуправления, так и от самостоятельного государства. «Самоуправление, – писал в 1906 году профессор Н. Лазаревский, – есть понятие, относящееся только к областной административной деятельности, а под автономией понимают такого рода полномочия, в которые, в известных пределах, входит также и осуществление законодательной власти. С другой стороны, в то время как каждое государство обладает правами, ни от кого им не полученными, или же такими, при осуществлении которых оно не подлежит ничьему контролю, автономная область свои полномочия получает от центральной власти, полномочия эти всегда могут быть изменены односторонним актом центральной власти и, наконец, осуществление этих полномочий всегда подлежит ее контролю» (Автономия, 1906: 13).

По мнению другого русского правоведа, В. Водовозова, «в точном смысле слова автономия говорит лишь о наличии собственного законодательства; однако в это понятие, безусловно, входит также самостоятельность самого управления» (Автономия, Энцикл., 1910: 332).

Таким образом, одна автономная область-провинция могла отличаться от другой не особым устройством своим, но только объемом тех дел, которые предоставлены ведению местных властей. В одной автономной области-провинции круг этих местных дел мог быть шире, в другой – уже, в зависимости от множества условий (величины земельной площади, национальной однородности населения, исторически сложившейся привычки к самоуправлению и т.д.).

Во всяком случае автономная область-провинция как форма местного самоуправления в Российской империи не могла ведать такими делами и решать такие вопросы, которые затрагивали бы интересы всего государства и были тесно связаны с удовлетворением нужд целой страны. Вот почему из местного законодательства автономных провинций-областей исключались вопросы почтовые, телеграфные, железнодорожные, таможенные и пр. Только центральная власть могла вести международные сношения, заведовать сухопутной и морской обороной страны.

Автономия же, по мнению В.О. Динзе, говорит о другом и вовсе не лишает общегосударственную власть таких прав, какие необходимы ей для успешного и плодотворного обслуживания интересов всего населения, целой страны. Существование автономных областей-провинций может, скорее всего, подействовать укреплению именно единства всей России, когда в ней не будет никаких препятствий к свободному развитию малых народностей; не будет трений в национальных отношениях, когда местные языки допущены будут, наравне с общегосударственным русским языком, в школу, суд, администрацию. Единое государство будет иметь возможность, опираясь на автономные области-провинции, приспособливаться к местным бытовым условиям, считаться с местными особенностями и таким путем приучать население видеть в центральной правительственной власти служение своим нуждам, «отблеск своей родной мысли, а не грозный кулак чуждого насильника» (Динзе, 1917: 13).

В.Е. Поссе полагал, что централизация разъединяет людей и что только свободная федерация снизу вверх может установить между людьми тесную связь, реальное объединение (Поссе, 1906: 27).

По мнению ряда видных общественных деятелей России XIX века, оказавших значительное влияние на российские социально-политические движения вплоть до предреволюционного периода, национальная автономия и федерация имеют целью не обособление национальностей, а, напротив, уничтожение национальных предрассудков и установление тесной их взаимосвязи, которая возможна лишь между равноправными. В противоположность этому подходу М.А. Бакунин высказывал идею о «единой и нераздельной общеславянской силе» (Бакунин, 1862). Осуществлению этого идеала препятствует национальная вражда, первым условием для ее устранения является освобождение «наций государственных» из-под гнета «наций государственных». Свои федеративные идеи Бакунин

неоднократно развивал и защищал после 1862 года, уже отойдя от идеи панславизма. Многие, что он высказывал об организации будущего общества в 60–70-х годах XIX столетия, и теперь поражает своей актуальностью. Подобно Бакунину, горячим сторонником национальной автономии и федерации был А.И. Герцен, у него можно найти тезисы в духе бакунинских «федеративных идей».

В свою очередь, П.А. Кропоткин в своей известной работе «Земледелие, промышленность и кустарные промыслы» на конкретных цифрах доказывает, что промышленность всех родов централизуется, и это характерно для многих стран, ввиду чего «каждый район должен быть собственным производителем и потребителем как мануфактурных товаров, так и продуктов земледелия» (Кропоткин, 1904). Его воззрения были основаны на идее политической децентрализации, а значит – и децентрализации хозяйственной. Будучи апологетом территориальной децентрализации промышленности, Кропоткин подчеркивал, что это не противоречит капиталистической концентрации.

Большинство русских революционных групп 60–70-х годов XIX века и позже находилось под прямым или косвенным влиянием бакунинских идей, поэтому в программах и в программных заявлениях этого времени часто встречается требование федеративного переустройства России. Так, программа газеты «Народное Дело», выходящей за границей с 1868 по 1870 гг., требовала «полной воли для народов, ныне угнетенных империей, с правом полнейшего самораспоряжения, на основании их собственных инстинктов, нужд и воли».

Возникший одновременно с «Народной Волей» и просуществовавший недолго «Северный Союз русских рабочих» в первых двух пунктах своей программы говорил о «ниспровержении существующего политического и экономического строя государства» и об «учреждении свободной народной федерации общин». Вместе с тем первые русские социал-демократы-интеллигенты в своей программе, выработанной в Женеве, требовали демократической конституции и законодательного собрания, но ни одним словом не упоминали о замене централизованного государства федерацией общин или областей.

Социалисты-революционеры относились с сочувствием к национальной автономии и федеративному устройству общества, в отличие от социал-демократов; в «Революционной России» было несколько статей, горячо отстаивающих эти начала, но в общем и у партии социалистов-революционеров в отношении к вопросу о вольной федерации вольных союзов общин проявлялись неопределенность и колебания. В «Манифесте партии социал-революционеров», выпущенном в 1900 г., среди выставляемых партией требований не содержится замены централистического государства федерацией.

Весьма характерное отношение к этому вопросу отражает дискуссия на съезде «искристов» 1902 года. В частности, Ленин был против слова «областное» в программном пункте, гласящем: «широкое местное и областное самоуправление». «Это слово очень неясно, – говорил Ленин, – и может быть истолковано в том смысле, что социал-демократия требует разделения всего государства на многие области» (Ленин, 1902: 275).

В свою очередь, Ю.О. Мартов предлагал внести в программу «областное самоуправление для тех окраин, которые по своим бытовым условиям и составу населения отличаются от собственно-русских местностей». Характерно, что представители кавказских комитетов очень обрадовались «либеральному» отношению Мартова к областному самоуправлению «крупных» и не «собственно-русских» местностей (Мартов, 1994: 121).

Вместе с тем в социалистической литературе также проводилась мысль о территориальной автономии как об идее и системе буржуазного происхождения. Эта мысль усиленно пропагандировалась К. Каутским. «Автономия территориальная, – писал он, – вполне совместима с духом буржуазного общества, ибо она отделяет одну нацию от другой, создавая из каждой особый индивид. Мирное же сожителство наций, живущих вперемешку, не имеющих возможности разграничить свои сферы действия, встречает сильное противодействие в существе буржуазного общества, основой которого является конкуренция, антагонизм различных слоев народа... В России... есть немало крупных областей, которые заняты не исключительно одной национальностью, а в которых живет несколько наций, образуя пеструю смесь, так что территориальное их разграничение совершенно невозможно» (Каутский, 1906: 63).

Согласно позиции социалистов в национальном вопросе, резолюция, принятая в 1907 году на конференции российских национально-социалистических партий, признавала законность национальных стремлений и желательность проведения в России принципа национальной автономии (Левин, 1917).

Иными словами, к 1917 году в общественном сознании закрепились мысли о том, что для представителей разных народностей, живущих своими обычаями и понятиями, общие законы не всегда подходят и правительство может предоставить отдельным областям, где живут другие народы, более широкие права и даже издавать свои законы (Что должно..., 1917: 17).

Основной идеей для многих отечественных мыслителей было то, что Россия не может управляться из одного центра, она настолько велика и разнообразна, что нуждается в самоуправлении более широком, чем в других странах. Центральное законодательное учреждение,

народное представительство в лице Государственной Думы не имело возможности уделять много внимания нуждам местного населения. В таком положении находилось тогда народное представительство не только в России, но и в некоторых государствах Европы. В России, как предполагалось, при Учредительном собрании один депутат должен был отвечать за 200–250 тысяч населения, а потому многие небольшие области со своеобразным укладом жизни оставались за пределами народного представительства. Поэтому все мелкие законопроекты должны были бы проводиться в местных учреждениях.

Таким образом, в истории России проблема автономизации территориальных единиц возникала неоднократно. Она была связана с необходимостью учитывать многообразие национальных, религиозных, культурных и географических особенностей различных регионов страны. Оспаривая взгляды противников автономии, исходящих из идеи государственного единства, сторонники автономии доказывали, что автономия не только не нарушает государственного единства, но его и не затрагивает. Однако были и яростные противники автономизации, что лишь доказывает ее противоречивый характер.

Содержание работ отечественных ученых рубежа веков является важным аналитическим материалом для понимания современных вызовов в российской территориальной политике.

Российская империя всегда была многонациональным государством с различными этническими, культурными и религиозными группами на всей своей территории. Само возникновение Российской империи связано с процессом объединения регионов и народов, который начался в XVI веке и продолжался до конца XIX века. Одним из основных способов управления таким государством была централизация власти, однако это часто приводило к конфликтам и протестам в регионах.

В связи с этим правительство России было вынуждено проводить политику автономизации территориальных единиц, позволяющую учитывать местные особенности и интересы народов и регионов. Эта политика включала в себя различные формы автономии, а также различные формы управления.

В Российской империи автономия была признана важным инструментом управления многонациональным государством. В то же время ее осуществление в реальности было нередко затруднено из-за конфликтов между центром и регионами, а также из-за сложности балансирования между укреплением централизованной власти и удовлетворением интересов различных национальностей (Шершеневич, 1912).

Одной из проблем автономизации является трудность определения масштабов и границ автономии. Кроме того, часто возникали разногласия по поводу прав и обязанностей автономных регионов перед центром. Некоторые регионы старались использовать свой статус для защиты своих интересов, что могло приводить к конфликтам с центром.

Вопрос о необходимости автономизации становился особенно актуальным в периоды социально-политических потрясений, например, в начале XX века, когда национальные движения стали выступать за расширение прав национальных меньшинств.

По большому счету, проблема автономизации территориальных единиц в Российской империи была связана с необходимостью учитывать многообразие национальных, религиозных, культурных и географических особенностей различных регионов страны, а также с необходимостью сохранять баланс между укреплением централизованной власти и удовлетворением интересов различных национальностей.

Можно назвать ряд очевидных факторов, которые способствовали проведению политики автономизации территориальных единиц в России – политические, социальные, экономические, культурные и этнические. Одним из главных факторов были политические и социальные условия, такие как необходимость укрепления централизованной власти (Карсавин, 2005: 42) и уменьшения конфликтов в регионах (Зубов, 2011: 86).

Экономические интересы также сыграли свою роль в автономизации территориальных единиц, особенно в контексте развития регионов и эксплуатации природных ресурсов. Например, экономически развитые регионы империи могли стремиться к автономии, чтобы сохранить большую часть своих доходов и не отдавать их в централизованный бюджет. Так, автономизация Сибири в Российской империи была обусловлена ее значительным экономическим потенциалом и желанием местных элит сохранить его в своих руках (Гольман, 2014: 23).

Некоторые регионы имели развитую промышленность или благоприятные природные условия для сельского хозяйства, что делало их более процветающими, чем другие (Плеханов, 2001: 107). В этой связи территории с развитой экономикой требовали большей автономии в принятии решений по вопросам экономического развития. Кроме того, у местных представителей было более полное представление о местных потребностях и проблемах, что также способствовало их стремлению к автономии. Например, на Северном Кавказе в начале XX века возник конфликт между центральной властью и местными предпринимателями, которые выступали за свободу экономической деятельности в регионе (Ремизов, 2015: 54).

В связи с развитием промышленности и ростом национальных рынков появилась потребность в гибкой системе управления, которая могла бы учитывать специфику региональной экономики (Гаджиев, 2016: 7). Это привело к созданию автономных республик и округов, которые могли бы

принимать самостоятельные решения в экономической сфере и регулировать экономические отношения внутри своих границ.

Культурные и этнические факторы также оказывали влияние на автономизацию территориальных единиц в Российской империи, поскольку они позволяли сохранять и укреплять национальные традиции и обычаи (Индриев, 2017: 21). В связи с различиями в языке, традициях и обычаях национальные меньшинства часто испытывали дискриминацию со стороны центральной власти. Создание автономных областей и республик, где национальные меньшинства могли бы управлять своими делами и сохранять свою культуру, стало одним из способов уменьшения этой дискриминации (Степанова, 2018: 73).

Одним из ключевых политических факторов, способствующих автономизации территориальных единиц, на наш взгляд, следует считать расширение участия граждан в политической жизни страны на рубеже веков. Социальные конфликты и неудовлетворенность населения централизованным управлением сыграли определяющую роль в этом процессе. Так, например, автономизация казачьих общин в Российской империи была вызвана их неудовлетворенностью централизованным управлением и конфликтами с властями (Копанева, 2003).

Таким образом, факторы, способствовавшие автономизации территориальных единиц в России, были разнообразными и включали в себя политические, экономические, культурные и этнические аспекты. Они отражали нужды и интересы разных групп населения и обеспечивали более гибкую систему управления в целом.

Однако автономизация территориальных единиц в Российской империи имела и негативные последствия: она способствовала усилению разобщенности национальных групп, что в долгосрочной перспективе привело к процессу дезинтеграции Российской империи, усугубленной фактором наличия сложного этнического состава населения. В империи существовали многочисленные этнические группы, каждая из которых имела свои традиции, культуру и язык (Зубов, 2011: 12). Подавляющее большинство этих групп не имело своего государства и стремилось сохранить свою идентичность в составе Российской империи. При этом политика центральной власти в отношении национальных меньшинств была неоднозначной, что приводило к возникновению напряженности в отношениях между национальными группами и государством.

В связи с этим национальные движения становились все более активными, требуя признания своих прав и свобод. Некоторые из этих движений стремились к созданию автономных республик или к объединению в национальные области. Правительство Российской империи старалось противодействовать этим требованиям, опасаясь утраты контроля над территориями и национальными группами.

В результате влияния всех вышеупомянутых факторов проблема автономизации территориальных единиц стала одной из наиболее актуальных проблем в Российской империи к началу XX века.

Очевидно, что процесс автономизации территориальных единиц в Российской империи не был легким и быстро реализуемым. Главным препятствием на пути к автономии была централизованная власть, которая стремилась сохранить свой контроль над всеми регионами России. Регионы вынуждены были бороться за свои права, что приводило к конфликтам с центральной властью. Но, несмотря на все трудности, процесс автономизации территориальных единиц в Российской империи в дальнейшем все же состоялся, что, в свою очередь, можно в целом оценивать как позитивное явление в истории страны.

Таким образом, проблема автономизации территориальных единиц в Российской империи была актуальной на протяжении всего XIX и в начале XX веков. Регионы стремились к своей автономии, чтобы иметь возможность самостоятельно управлять своими территориями и решать вопросы, касающиеся их жителей. Несмотря на сопротивление центральной власти, процесс автономизации был перманентным и оказал положительное влияние на развитие России в целом.

Исторический экскурс показал, что решение проблемы автономизации территориальных единиц в Российской империи в последнее столетие ее существования, отраженной в общественных дискуссиях, была сложным и многогранным процессом, обусловленным историческим контекстом и уникальными геополитическими особенностями формирования страны.

4. Заключение

Автономизация территориальных единиц в тех или иных формах была для России важным инструментом для управления многонациональными и многокультурными регионами. Оценивая степень эффективности автономизации, следует констатировать, что она сыграла положительную роль в укреплении централизованной власти в Российской империи. Процессы автономизации в России были наиболее распространены в регионах с высокой этнической и культурной диверсификацией, а также в экономически развитых регионах.

Однако, несмотря на определенные успехи в автономизации, эта политика имела и свои недостатки. В частности, для ее эффективной реализации необходимо было в большей степени

учитывать региональные особенности и создавать соответствующие институты управления, чего российские имперские власти в силу многих обстоятельств не могли обеспечить в полной мере.

С другой стороны, рассмотрение данной проблемы не может быть ограничено историческим контекстом, поскольку сегодня автономия является важной составляющей политической жизни многих стран, включая Россию. Как показывает история, конфликты между централизованной властью и автономными регионами могут возникать в любой стране, включая Россию.

Несмотря на наличие ряда нерешенных вопросов, совершенствование законодательства в области самоуправления и создание условий для более широкого участия представителей регионов в принятии решений является важным шагом на пути к решению проблемы автономизации в будущем.

Литература

- Автономия и федерация, 1917** – Автономия и федерация. Харьков: Тип. Сергеева, 1917. 32 с.
- Автономия, 1906** – Автономия // Под ред. Вл. М. Гессена. СПб., 1906. 48 с.
- Автономия, 1910** – Автономия // Энциклопедический словарь Гранат. 7-е изд. Т. 1. 1910. 344 с.
- Ахременко, 2012** – Ахременко А.С. Автономизация регионов в Российской империи: история и современность. М.: Издательский дом «Альпина Нон-фикшн», 2012. 352 с.
- Бакунин, 1862** – Бакунин М.А. Народное дело. Романов, Пугачев или Пестель? Лондон, 1862. 48 с.
- Бондаренко, 2019** – Бондаренко В.И. Автономизация: история и современность. М.: РОССПЭН, 2019. 270 с.
- Бухарин, 1959** – Бухарин Н.И. Проблема национальностей и социалистическое строительство. М.: Государственное издательство политической литературы, 1959. 416 с.
- Гаджиев, 2016** – Гаджиев А.Г. Автономия и самоуправление: наследие прошлого и роль в современной России // *Вестник Московского университета. Серия 12 «Политические науки»*. 2016. № 2. С. 5-16.
- Гегель, 1990** – Гегель Г.В.Ф. Философия права. М.: Мысль, 1990. 328 с.
- Гольман, 2014** – Гольман М. Экономический фактор в автономизации Сибири в конце XIX – начале XX вв. 2014 // *Актуальные проблемы науки и образования*. 6. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=15280>
- ГАРФ** – Государственный архив Российской Федерации.
- Григорьев, 2008** – Григорьев Ю.В. Российская автономия: история и перспективы. М.: Издательство Московского университета, 2008. 320 с.
- Грушевский, 1907** – Грушевский М. Национальный вопрос и автономия. СПб.: Тип. т-ва «Обществ. польза», 1907. 15 с.
- Грушин, 2002** – Грушин Б.А. Политические партии в России. М.: Новое издательство, 2002. 224 с.
- Динзе, 1917** – Динзе В.О. Что такое автономия? / В.Ф. Динзе. Пг.: Н.Н. Карбасников, 1917. 15 с.
- Зубов, 2011** – Зубов А.С. Россия и ее кризисы: власть, элиты, народ. М.: Новое литературное обозрение, 2011. 416 с.
- Индриев, 2017** – Индриев А.А. Национальные республики России: история и современность. М.: Издательский дом «Дело», 2017. 496 с.
- Карсавин, 2005** – Карсавин Л.И. Федерализм в России: проблемы и перспективы. М.: Наука, 2005. 224 с.
- Каутский, 1906** – Каутский К. О национальном вопросе в России. СПб.: Изд. «Трибуна». 1906. С. 63-64.
- Копанева, 2003** – Копанева О.И. Казачество и российская государственность (историко-правовой анализ). Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2003. 28 с.
- Кропоткин, 1904** – Кропоткин П.А. Земледелие, промышленность и ремесла / Пер. с англ. А.Н. Коншина. 2-е изд. М.: Посредник, 1904. 218 с.
- Ключников, 1994** – Ключников А.М. Российская империя и национальные движения. М.: Наука, 1994. 327 с.
- Кульчицкий (Мазовецкий), 1907** – Кульчицкий К. (Мазовецкий). Автономия и федерация в современных конституционных государствах. Пер. с пол. А. Паткина с доп., изм. и предисл. авт. специально для рус. изд. М.: Изд. Петровской б-ки в Москве, 1907. 214 с.
- Лазаревский, 1906** – Лазаревский Н.И. Автономия / Пр.-доц. Н.И. Лазаревский. СПб.: Скл. изд. при Юрид. кн. скл. "Право", 1906. 32 с.
- Левин, 1917** – Левин Д. Национальный вопрос. Одесса, 1917. 16 с.
- Ленин, 1987** – Ленин В.И. Государство и революция. М.: Политиздат, 1987. 576 с.
- Ленин, 1967** – Ленин В.И. Полное собрание сочинений: В 55 т. / В.И. Ленин; Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. 5-е изд. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1967. Т. 7. Сентябрь 1902 – сентябрь 1903. С. 275.
- Мартов, 1994** – Мартов Ю.О. Политическая история России в партиях и лицах / Сост. В.В. Шелохаев. М.: Терра, 1994. 304 с.
- Новоторжский, 1906** – Новоторжский Г. Национальный вопрос, автономия и федерация. М.: Новое т-во, 1906. 32 с. 17. (Серия «Популярная библиотека» / Под ред. А. Рудина и С. Нечетного, № 20).

- Плеханов, 2001 – Плеханов Г.В. О соотношении экономических интересов и политических убеждений. СПб.: Наука, 2001. 272 с.
- Поссе, 1906 – Поссе В.А. Национальная автономия и всемирная федерация. СПб., 1906. 68 с.
- Ратнер, 1906 – Ратнер М.Б. О национальной и территориальной автономии. Киев-Петербург: Книгоиздательство «СЕРП», 1906. 29 с.
- Ремизов, 2015 – Ремизов О.А. Автономизация территориальных единиц в Российской империи. М.: Главная редакция военно-исторического журнала, 2015. 144 с.
- Розенберг, 2015 – Розенберг А.Л. Автономизация территорий в России в конце XIX – начале XX века // *Вестник Иркутского государственного университета*. Серия «История. Политология». 2015. № 13. С. 27-32.
- Сергеев, 2019 – Сергеев А.В. Автономия в России: история и современность // *Вестник Пермского университета. Политология*. 2019. № 4. С. 74-84.
- Сидоров, 2015 – Сидоров А.А. Автономия и федерализм в России: история и современность // *Политические исследования*. 2015. № 3. С. 32-38.
- Снарский, 1907 – Снарский А.Т. Автономия или федерация? СПб., 1907. 62 с.
- Соловьев, 2013 – Соловьев А.А. Автономия в России: исторический контекст и перспективы // *Вестник Московского университета. Серия 12 «Политические науки»*. 2013. № 3. С. 87-103.
- Сорокин, 1917 – Сорокин П. Автономия национальностей и единство государства [Текст] / Питирим Сорокин. Петроград: Набат, [1917]. 16 с.
- Степанова, 2018 – Степанова Т.А. Национальные республики и автономии России: роль и значение в государственном устройстве России // *Мировая экономика и международные отношения*. 2018. Т. 62. № 7. С. 71-79.
- Уваров, 2018 – Уваров А.В. История казачества. М.: Логос, 2018. 432 с.
- Что должно..., 1917 – Что должно решать Учредительное Собрание. Харьков: Кооперативная типография Борович, 1917. 32 с.
- Шелохова, 2014 – Шелохова Н. Автономия в Российской Империи: проблемы и перспективы. М., 2014. 124 с.
- Шершеневич, 1910 – Шершеневич Г.Ф. Философия права. Т. 1. Часть теоретическая. Общая теория права. Выпуск четвертый. М., 1910. 839 с.
- Шраг, 1906 – Шраг И. О союзе автономистов // *Украинский Вестник*. 1906. № 1. С. 64-68.
- Laband, 1895 – Laband P. Staatsrecht des deutschen Reichs. Т. I. 1895. P. 97.

References

- Akhremenko, 2012 – Akhremenko, A.S. (2012). Avtonomizatsiya regionov v Rossiiskoi imperii: istoriya i sovremennost' [Autonomization of regions in the Russian Empire: history and modernity]. М.: Izdatel'skii dom «Al'pina Non-fikshn», 352 p. [in Russian]
- Avtonomiya i federatsiya, 1917 – Avtonomiya i federatsiya [Autonomy and federation]. Khar'kov: Tip. Sergeeva, 1917. 32 p. [in Russian]
- Avtonomiya, 1906 – Avtonomiya [Autonomy]. Pod red. Vl. M. Gessena. SPB., 1906. 48 p. [in Russian]
- Avtonomiya, 1910 – Avtonomiya [Autonomy]. Entsiklopedicheskii slovar' Granat. 7-e izd. Т. 1. 1910. 344 p. [in Russian]
- Bakunin, 1862 – Bakunin, M.A. (1862). Narodnoe delo. Romanov, Pugachev ili Pestel'? [People's business. Romanov, Pugachev or Pestel?]. London, 1862. 48 p. [in Russian]
- Bondarenko, 2019 – Bondarenko, V.I. (2019). Avtonomizatsiya: istoriya i sovremennost' [Autonomization: history and modernity]. М.: ROSSPEN, 270 p. [in Russian]
- Bukharin, 1959 – Bukharin, N.I. (1959). Problema natsional'nostei i sotsialisticheskoe stroitel'stvo [The problem of nationalities and socialist construction]. М.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury, 416 p. [in Russian]
- Chto dolzhno..., 1917 – Chto dolzhno reshat' Uchreditel'noe Sobranie [What should the Constituent Assembly decide?]. Khar'kov: Kooperativnaya tipografiya Borovich, 1917. 32 p. [in Russian]
- Dinze, 1917 – Dinze, V.O. (1917). Chto takoe avtonomiya? [What is autonomy?] V.F. Dinze. Pg.: N.N. Karbasnikov, 15 p. [in Russian]
- Gadzhiev, 2016 – Gadzhiev, A.G. (2016). Avtonomiya i samoupravlenie: nasledie proshlogo i rol' v sovremennoi Rossii [Autonomy and self-government: the legacy of the past and the role in modern Russia]. *Vestnik Moskovskogo universiteta*. Seriya 12 «Politicheskie nauki». 2: 5-16. [in Russian]
- GARF – Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii [State archive of the Russian Federation].
- Gegel', 1990 – Gegel', G.V.F. (1990). Filosofiya prava [Philosophy of law]. М.: Mysl', 328 p. [in Russian]
- Gol'man, 2014 – Gol'man, M. (2014). Ekonomicheskii faktor v avtonomizatsii Sibiri v kontse XIX – nachale XX vv. 2014 [Economic factor in the autonomization of Siberia in the late XIX – early XX centuries]. *Aktual'nye problemy nauki i obrazovaniya*. 6. [Electronic resource]. URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=15280> [in Russian]

- Grigor'ev, 2008** – *Grigor'ev, Yu.V.* (2008). Rossiiskaya avtonomiya: istoriya i perspektivy [Russian autonomy: history and prospects]. M.: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 320 p. [in Russian]
- Grushevskii, 1907** – *Grushevskii, M.* (1907). Natsional'nyi vopros i avtonomiya [National question and autonomy]. SPb.: Tip. t-va «Obshchestv. pol'za», 15 p. [in Russian]
- Grushin, 2002** – *Grushin, B.A.* (2002). Politicheskie partii v Rossii [Political parties in Russia]. M.: Novoe izdatel'stvo, 224 p. [in Russian]
- Indriev, 2017** – *Indriev, A.A.* (2017). Natsional'nye respubliki Rossii: istoriya i sovremennost' [National republics of Russia: history and modernity]. M.: Izdatel'skii dom «Delo», 496 p. [in Russian]
- Karsavin, 2005** – *Karsavin, L.I.* (2005). Federalizm v Rossii: problemy i perspektivy [Federalism in Russia: problems and prospects]. M.: Nauka, 224 p. [in Russian]
- Kautskii, 1906** – *Kautskii, K.* (1906). O natsional'nom voprose v Rossii [On the national question in Russia]. SPb.: Izd. «Tribuna». Pp. 63-64. [in Russian]
- Klyuchnikov, 1994** – *Klyuchnikov, A.M.* (1994). Rossiiskaya imperiya i natsional'nye dvizheniya [Russian Empire and National Movements]. M.: Nauka, 327 p. [in Russian]
- Kopaneva, 2003** – *Kopaneva, O.I.* (2003). Kazachestvo i rossiiskaya gosudarstvennost' (istoriko-pravovoi analiz) [Cossacks and Russian statehood (historical and legal analysis)]. Avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. SPb., 28 p. [in Russian]
- Kropotkin, 1904** – *Kropotkin, P.A.* (1904). Zemledelie, promyshlennost' i remesla [Agriculture, industry and crafts]. Per. s angl. A.N. Konshina. 2-e izd. M.: Posrednik, 218 p. [in Russian]
- Kul'chitskii (Mazovetskii), 1907** – *Kul'chitskii, K. (Mazovetskii)* (1907). Avtonomiya i federatsiya v sovremennykh konstitutsionnykh gosudarstvakh [Autonomy and federation in modern constitutional states]. Per. s pol. A. Patkina s dop., izm. i predisl. avt. spetsial'no dlya rus. izd. M.: Izd. Petrovskoi b-ki v Moskve, 214 p. [in Russian]
- Laband, 1895** – *Laband P.* Staatsrecht des deutschen Reichs. T. I. 1895. P. 97.
- Lazarevskii, 1906** – *Lazarevskii, N.I.* (1906). Avtonomiya [Autonomy]. Pr.-dots. N.I. Lazarevskii. SPb.: Skl. izd. pri Yurid. kn. skl. "Pravo", 32 p. [in Russian]
- Lenin, 1967** – *Lenin, V.I.* (1967). Polnoe sobranie sochinenii: V 55 t. [Complete works: in 55 volumes]. In-t marksizma-leninizma pri TsK KPSS. 5-e izd. M.: Gos. izd-vo polit. lit. T. 7. Sentyabr' 1902 – sentyabr' P. 275. [in Russian]
- Lenin, 1987** – *Lenin, V.I.* (1987). Gosudarstvo i revolyutsiya [State and revolution]. M.: Politizdat, 576 p. [in Russian]
- Levin, 1917** – *Levin, D.* (1917). Natsional'nyi vopros [National question]. Odessa, 16 p. [in Russian]
- Martov, 1994** – *Martov, Yu.O.* (1994). Politicheskaya istoriya Rossii v partiyakh i litsakh [Political history of Russia in parties and persons]. Sost. V.V. Shelokhaev. M.: Terra, 304 p. [in Russian]
- Novotorzhskii, 1906** – *Novotorzhskii, G.* (1906). Natsional'nyi vopros, avtonomiya i federatsiya [National question, autonomy and federation]. M.: Novoe t-vo, 32 p. 17. (Seriya «Populyarnaya biblioteka». Pod red. A. Rudina i S. Nechetnogo, № 20). [in Russian]
- Plekhanov, 2001** – *Plekhanov, G.V.* (2001). O sootnoshenii ekonomicheskikh interesov i politicheskikh ubezhdenii [On the correlation of economic interests and political convictions]. SPb.: Nauka, 272 p. [in Russian]
- Posse, 1906** – *Posse, V.A.* (1906). Natsional'naya avtonomiya i vseмирnaya federatsiya [National autonomy and world federation]. SPb., 68 p. [in Russian]
- Ratner, 1906** – *Ratner, M.B.* (1906). O natsional'noi i territorial'noi avtonomii [On national and territorial autonomy]. Kiev-Peterburg: Knigoizdatel'stvo «SERP», 29 p. [in Russian]
- Remizov, 2015** – *Remizov, O.A.* (2015). Avtonomizatsiya territorial'nykh edinit v Rossiiskoi imperii [Autonomization of territorial units in the Russian Empire]. M.: Glavnaya redaktsiya voenno-istoricheskogo zhurnala, 144 p. [in Russian]
- Rozenberg, 2015** – *Rozenberg, A.L.* (2015). Avtonomizatsiya territorii v Rossii v kontse XIX – nachale XX veka [Autonomization of territories in Russia at the end of the 19th - beginning of the 20th century]. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta*. Seriya «Istoriya. Politologiya». 13: 27-32. [in Russian]
- Sergeev 2019** – *Sergeev, A.V.* (2019). Avtonomiya v Rossii: istoriya i sovremennost' [Autonomy in Russia: history and modernity]. *Vestnik Permskogo universiteta*. Politologiya. 4: 74-84. [in Russian]
- Shelokhova, 2014** – *Shelokhova, N.* (2014). Avtonomiya v Rossiiskoi Imperii: problemy i perspektivy [Autonomy in the Russian Empire: problems and prospects]. M., 124 p. [in Russian]
- Shershenevich, 1910** – *Shershenevich, G.F.* (1910). Filosofiya prava [Philosophy of law]. T. 1. Chast' teoreticheskaya. Obshchaya teoriya prava. Vypusk chetvertyi. M., 839 p. [in Russian]
- Shrag, 1906** – *Shrag, I.* (1906). O soyuze avtonomistov [About the union of autonomists]. *Ukrainskii Vestnik*. 1: 64-68. [in Russian]
- Sidorov, 2015** – *Sidorov, A.A.* (2015). Avtonomiya i federalizm v Rossii: istoriya i sovremennost' [Autonomy and Federalism in Russia: History and Modernity]. *Politicheskie issledovaniya*. 3: 32-38. [in Russian]
- Snarskii, 1907** – *Snarskii, A.T.* (1907). Avtonomiya ili federatsiya? [Autonomy or federation?]. SPb., 62 p. [in Russian]

[Solov'ev, 2013](#) – *Solov'ev, A.A.* (2013). Avtonomiya v Rossii: istoricheskiy kontekst i perspektivy [Autonomy in Russia: historical context and perspectives]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12 «Politicheskie nauki»*. 3: 87-103. [in Russian]

[Sorokin, 1917](#) – *Sorokin, P.* (1917). Avtonomiya natsional'nostei i edinstvo gosudarstva [Autonomy of nationalities and the unity of the state]. Pitirim Sorokin. Petrograd: Nabat, 16 p. [in Russian]

[Stepanova, 2018](#) – *Stepanova, T.A.* (2018). Natsional'nye respubliki i avtonomii Rossii: rol' i znachenie v gosudarstvennom ustroistve Rossii [National republics and autonomies of Russia: role and significance in the state structure of Russia]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. 62(7): 71-79. [in Russian]

[Uvarov, 2018](#) – *Uvarov, A.V.* (2018). Istoriya kazachestva [History of the Cossacks]. M.: Logos, 432 p. [in Russian]

[Zubov, 2011](#) – *Zubov, A.S.* (2011). Rossiya i ee krizisy: vlast', elity, narod [Russia and its crises: power, elites, people]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 416 p. [in Russian]

Проблема автономизации территориальных единиц в Российской империи. Содержание общественных дискуссий XIX – начала XX веков

Егор Евгеньевич Кочетков ^{a, *}, Анна Александровна Никлаус ^b

^a Российский университет транспорта, Российская Федерация

^b Московский психолого-социальный университет, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы автономизации в контексте исторического развития Российской империи. Автономизация территориальных единиц крупного государства, каким всегда была Россия, – это сложный и многогранный процесс, который зависит от множества факторов. Дан анализ сильных и слабых сторон процесса автономизации в Российской империи – вопрос, актуальный и для современной России. По этой причине вопрос об автономиях по-прежнему является предметом дискуссии как ученых, так и практиков – так же, как это происходило на протяжении столетий в российском обществе. В статье описаны политические и административные меры, предпринимаемые правительством Российской империи для предоставления различной степени автономии различным регионам и этническим группам страны. Эти меры, хотя и имели определенный успех применительно к продвижению местного самоуправления и сохранению культурного разнообразия, но столкнулись со значительными проблемами и ограничениями по разным основаниям, особенно в условиях усиления контроля и централизации со стороны монархической власти. Отмечена напряженность между стремлением центрального правительства к контролю и стремлением местного населения к большему самоуправлению. Авторы подчеркивают, что сложности процесса автономизации империи были связаны с региональными различиями, уникальной историей и культурой различных регионов, языковой дифференциацией. Для поддержки своих аргументов авторы используют ряд академических источников, включая правовые акты и материалы научных дискуссий. Попытка рассмотреть проблему автономизации территориальных единиц Российской империи соотносится в статье с историческими реалиями, характерными для России, с проекцией на современность.

Ключевые слова: автономия, автономизация, территориальные единицы, Российская империя, централизация, регионализм, децентрализация, политическая власть, дискуссии.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: kochetkov.work@gmail.com (Е.Е. Кочетков), nicklaus.anna@gmail.com (А.А. Никлаус)

Copyright © 2023 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2023. 18(2): 781-788
 DOI: 10.13187/bg.2023.2.781

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

To the Issue of the Periodical Press of the Kharkiv Educational District in 1860–1917

Anvar M. Mamadaliev ^{a,*}, Valentina S. Nikitina ^b, Natalia V. Svechnikova ^c,
 Irina Yu. Cherkasova ^d

^a Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

^b Peoples Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russian Federation

^c Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russian Federation

^d Cherkas Global University, Washington, DC, USA

Abstract

The paper considers the pedagogical periodical press of the Kharkiv educational district in the period from 1860 to 1917.

There were used as sources various reference and encyclopedic literature, as well as materials of the pre-revolutionary periodical press. Among the first there are encyclopedic and reference works related to the research topic, and among the second are materials of the pre-revolutionary periodical press (for example, “Zhurnal uchitelya” and “Vestnik vneshkol'nogo obrazovaniya”). In the research methodology, the historical-chronological method and the method of content analysis are of great importance. The use of these methods made it possible to identify publications related to the research topic from a significant array of periodicals and to consider the process of development of pedagogical periodicals on the territory of the Kharkiv Educational District in historical retrospect.

In conclusion, the authors state that in the period from 1860 to 1917, 11 pedagogical journals were published at different times on the territory of the Kharkiv Educational District. The experience of opening pedagogical journals was available in almost all provinces and regions of the Kharkiv educational District, with the exception of only the Kursk province. At the same time, the experience of opening a professional periodical press was different. Thus, all three journals created in Novocherkassk during the First Russian Revolution were, in fact, anti-government in nature and could not exist for any length of time. With a short period of publication, there was also a “Tambovskii narodnyi uchitel” (2 issues were released). All other journals either existed for a long period of time, for example, “Filologicheskie zapiski” (1860–1917), “Tsirkulyar po Khar'kovskomu uchebnomu okргу” (1861–1916), or were closed already in the conditions of the First World War (“Nauka i shkola”, “Izvestiya po narodnomu obrazovaniyu Voronezhskoi gubernii” and “Vestnik vneshkol'nogo obrazovaniya”).

Keywords: periodical press, pedagogy, Kharkiv educational District, 1860–1917.

1. Введение

Харьковский учебный округ был создан в числе первых учебных округов Российской империи в 1803 г. С этого времени его территория постоянно изменялась. В разное время в его составе были Астраханская, Волынская, Подольская, Екатеринославская, Полтавская, Таврическая, Киевская губернии и даже Кавказская область. Однако к 1913 г. в состав учебного округа входили только Воронежская, Курская, Пензенская, Тамбовская, Харьковская губернии и Донская область. В данной работе мы предприняли попытку рассмотреть периодическую печать Харьковского учебного округа в период второй половины XIX – начала XX вв. Ранее мы уже рассматривали аналогичную проблему на

* Corresponding author

E-mail addresses: anvarm@mail.ru (A.M. Mamadaliev)

территории Киевского учебного округа и педагогическую печать, издаваемую духовным ведомством (Mamadaliyev et al., 2023; Mamadaliyev et al., 2022).

2. Материалы и методы

В качестве источников нами была привлечена разнообразная справочно-энциклопедическая литература, а также материалы дореволюционной периодической печати. Среди первых находятся энциклопедические [например, литературная энциклопедия (Гливенко, 1929)] и справочные (Русская периодическая печать, 1959; Аблов, 1937) труды, касаемые темы исследования, а среди вторых – материалы дореволюционной периодической печати (например, «Журнал учителя» и «Вестник внешкольного образования»).

В методологии исследования важное значение имеют для нас историко-хронологический метод и метод контент-анализа. Применение этих методов позволило из значительного массива периодических изданий выявить издания, относящиеся к теме исследования, и рассмотреть процесс развития педагогической периодической печати на территории Харьковского учебного округа в исторической ретроспективе.

3. Обсуждение

Обращаясь к историографии нашего исследования, мы должны пояснить, что узкоспециализированных работ о периодической печати Харьковского учебного округа в настоящее время не издано. Именно поэтому мы решили разделить имеющуюся историографию на две группы: 1) работы, посвященные непосредственно Харьковскому учебному округу, и 2) труды, посвященные общероссийской периодической печати.

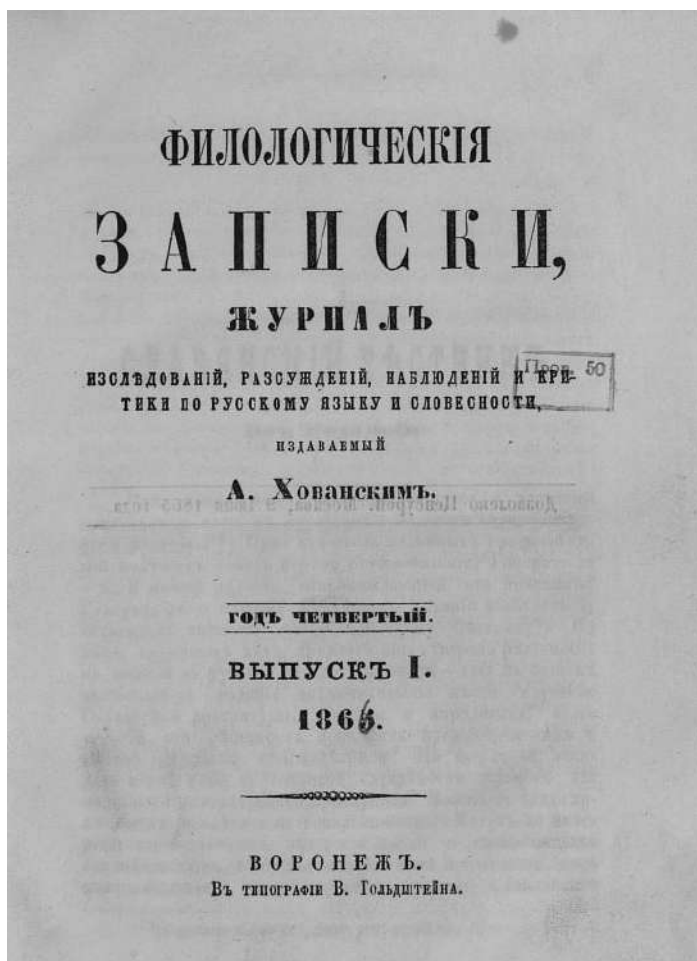
Характеризуя первую группу, мы должны назвать труд Г.В. Антюхина «Очерки истории печати Воронежского края 1798–1917» (Антюхин, 1973). В данной работе автор обращается к теме развития периодической печати в Воронежской губернии в имперский период. Это одна из немногочисленных работ, которая имеет непосредственное отношение к теме нашего исследования. Деятельность Харьковского учебного округа в разных ее аспектах рассматривали такие авторы, как Ю.Е. Грачева – уделено внимание гимназиям и уездным училищам округа в контексте политики министерства народного просвещения в период начала XIX века (Грачева, 2021); И.Т. Шатохин и С.Б. Шатохина – анализировали кадровый состав провинциальных директоров и инспекторов народных училищ периода второй половины XIX – начала XX вв. (Шатохин, Шатохина, 2022); в свою очередь В.М. Московкин рассматривал деятельность яркого представителя системы народного образования региона Алексея Константиновича Димитрию (Московкин, 2017), а Т.В. Шушара обращалась к изучению методической деятельности на территории Харьковского учебного округа (Шушара, 2014).

Ко второй группе мы можем отнести следующие исследования: работу В.Л. Музыкант и других о педагогической периодической печати Казанского учебного округа в период 1865–1917 гг. (Музыкант et al., 2022) и аналогичный труд А.М. Мамадалиева о периодической печати Кавказского учебного округа (Mamadaliyev et al., 2022a), работу Г.В. Кондратьевой о периодических издания XIX века и судьбе их создателей (Кондратьева, 2008), а также труд К.Е. Нетужилова, в котором рассматривалась церковно-приходская периодическая печать (Нетужил, 2009).

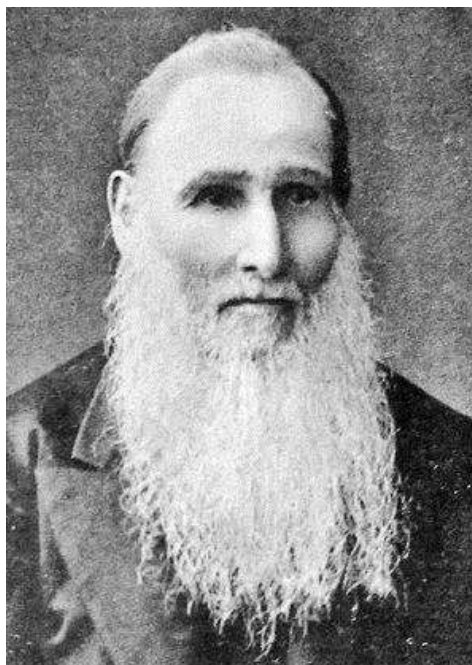
4. Результаты

В имперский период на территории Харьковского учебного округа издавалось 11 педагогических периодических журналов. Распределение их было следующим: Воронеж – 2 журнала, Пенза – 1, Тамбов – 2, в Харькове и Новочеркасске – по 3 журнала. Единственным губернским центром Харьковского учебного округа, где не выпускалась педагогическая периодическая печать, считался город Курск. Рассмотрим эти издания в хронологическом порядке.

В отличие от Киевского учебного округа, где первым изданием был официальный «Циркуляр по управлению Киевским учебным округом» (Mamadaliyev et al., 2023), в Харьковском учебном округе первое педагогическое издание возникло благодаря частной инициативе. Первый журнал стал издаваться в городе Воронеж в 1860 г. и назывался он «Филологические записки» (Рисунок 1). Это издание специализировалось на исследованиях, наблюдениях и критике по русскому языку и словесности. Журнал издавался в период 1860, 1862, 1864–1917 гг. Издателем и редактором его был А.А. Хованский. В 1895 г. журнал был удостоен золотой медали на Первой Всероссийской выставке печатного дела. В начале XX века журнал редактировал Ф.М. Ильинский. Всего выходило 6 номеров в год (Кононова, 2017: 36–37).

Рис. 1. Титульный лист журнала «Филологические записки» за 1866 г.

Рис. 2. Выдающийся российский педагог А.А. Хованский (1814–1899 гг.)

О редакторе «Филологических записок», известном российском педагоге Алексее Андреевиче Хованском (Рисунок 2) нужно сказать несколько слов. Родился он в 1814 г. в одном из сел Пензенской губернии. Будучи выходцем из семьи священника, А.А. Хованский окончил сначала Пензенское духовное училище, а затем Саратовскую духовную семинарию. После этого связал свою жизнь с

наукой и преподаванием. В 1860 г. он основал журнал «Филологические записки», который редактировал вплоть до своей смерти в 1899 г. Служба А.А. Хованского в этом журнале продолжалась почти 40 лет, что являлось исключительным явлением для провинциального города. В последствии А.А. Хованский будет награжден двумя орденами за свою ревностную службу ([Антохин, 1973](#)).

В 1861 г. возникает официальный печатный орган Харьковского учебного округа «Циркуляр по Харьковскому учебному округу» ([Рисунок 3](#)). Местом его издания был Харьков. Журнал издавался в период с 1861 по 1916 гг. В первый период своего существования журнал выходил два раза в месяц, а с 1896 г. – один раз в месяц. Как и в других официальных изданиях учебных округов, в «Циркуляре» публиковалась официальная информация, в то время как неофициальная информация и статьи публиковались лишь эпизодически ([Русская периодическая печать, 1959: 421](#)).

Рис. 3. Титульный лист журнала «Циркуляр по Харьковскому учебному округу». 1861. № 1

Рубрикация «Циркуляра по Харьковскому учебному округу» была следующей: а) перемены в личном составе чиновников – отмечались перемещения и утверждения в должностях, назначение пенсий; б) начальствующие распоряжения – распоряжения министра народного просвещения, распоряжения попечителя Харьковского учебного округа, распоряжения попечительского совета округа ([Циркуляр по Харьковскому учебному округу, 1861: 1-10](#)).

Следующее издание возникает после значительного перерыва, а именно в 1893 г. В это время в Харькове был открыт журнал «Труды педагогического отдела Харьковского историко-филологического общества». Это издание выходило раз в год. Имеются сведения о 7 вышедших томах. (1893, 1894, 1896, 1897, 1898, 1900 и 1902 гг.). Журнал издавался созданным в 1892 г. по инициативе Н.Ф. Сумцова педагогическим отделом Харьковского историко-филологического общества и преследовал цель: «содействовать выработке и применению методических приемов воспитания и обучения». В журнале публиковалось множество докладов и статей по вопросам преподавания истории, греческого языка и грамматики русского языка, теории словесности ([Русская периодическая печать, 1959](#)). Среди авторов были А.В. Ветухов, Е.Н. Трифильев, М.А. Остроумов и др. Публиковались также указатели всех содержаний.

В 1906–1907 гг. в Новочеркасске появляются сразу три педагогических издания. Первым среди них был «Журнал учителя», который позиционировался как педагогический и общественно-литературный журнал. Планировалось издавать по два номера в месяц. По факту же вышли только два номера журнала (№ 1 – 25 сентября и № 2 – 15 октября). Возникновение журнала было обусловлено событиями Первой русской революции. Тон журнала отчетливо просматривается уже в первых обращениях от редакции: «в ответственное время выходит наш журнал. Тяжелая окружающая действительность давит нас холодным ужасом: в деревнях солдаты, школы заколочены, учителя в тюрьмах... В такое время появляется наше

издание, чтобы служить интересам учительства, чтобы посылно содействовать решению тех вопросов ближайшего будущего, которыми заняты его думы» (От редакции, 1906: 1). Далее редакция подвергла критике донское казачество: «у нас на Дону эта нужда усугубляется еще тем, что в то время, когда натиск освободительного движения вылился в определенные формы состязания классов, когда русский народ объявил священную войну за существование, когда стомиллионный народ, делая свою историю, встал к жизни, Дон послал свои легионы... (казаков) и все то, что они сделали, не может не лечь тяжелым камнем на душу донского учителя» (От редакции, 1906: 2). Очевидно, что на таких позициях журнал долго просуществовать не мог.

В том же 1906 г. возникает второй новочеркасский педагогический журнал – «Вестник донских учителей». Журнал позиционируется как литературно-педагогическое издание. Его редактором-издателем был М. Молчанов. Журнал издавался два раза в месяц в период с октября 1906 по март 1907 гг. Это издание было менее реакционно. Это означало, что некоторые выводы из первого опыта донские частные лица из учительского персонала вынесли. В журнале наряду с местной хроникой публиковались материалы по вопросам педагогики, допускались и перепечатка наиболее интересных работ из журналов Москвы и Петербурга. Однако и этот проект просуществовал недолго (Аблов, 1937: 67).

Рис. 4. Титульный лист журнала «Гусельки яровчаты» за 1913 г.

В апреле 1907 г. тот же М. Молчанов начинает издавать журнал «Вопросы школы и жизни». Журнал позиционируется как литературно-педагогическое и общественно-политическое издание. Это издание являлось продолжением «Вестника донских учителей». Однако и эта инициатива не была продолжительной (был выпущен только 1-й номер журнала). Несмотря на поставленные редакцией задачи («объединение семьи со школой» и «всестороннее освещение жизни средней и народной школы»), журнал придерживался курса на либерализацию, что и стало причиной закрытия этого издания (Аблов, 1937: 68-69).

В 1907 г. попытка создания педагогического журнала была предпринята в Тамбове. Этот журнал назывался «Гусельки Яровчаты» (Рисунок 4) и был посвящен народному музыкальному образованию. Издателем журнала был регент П. Рождественский, а редактором – Ф. Лебедев. Журнал выходил два раза в год в период 1907–1914 гг. Прекращение издания было связано с началом Первой

мировой войны. В журнале публиковались статьи по истории и методике преподавания хорового церковного и школьного пения (Казьмина, 2004: 153).

Следующий журнал – «Тамбовский народный учитель» – возник в Тамбове. Это издание задумывалось как ежемесячный педагогический журнал. Редактором и издателем его был А.И. Алтухов. По мнению редакции, в задачу журнала входило создание дискуссионной площадки между тамбовскими учителями по педагогическим и профессиональным вопросам. В журнале публиковались местная педагогическая хроника и указатели для чтения учителя (Редакция, 1909: 1-2). Однако вышли в свет всего два номера журнала (№ 1 – март 1909 г. и № 2 – апрель 1909 г.).

В 1912 г. в Воронеже возникает новое издание – «Известия по народному образованию Воронежской губернии». Издателем этого проекта выступает дирекция народных училищ Воронежской губернии. Редактором был Н. Виноградов, а соредактором – А. Циковый. Журнал издавался в 1912–1914 гг. с периодичностью по 10 номеров в год. «Известия» являлись официальным органом, преследовавшим целью «выявление условий жизни народной школы» на территории губернии. В «Известиях» публиковались статьи по вопросам и нуждам общеобразовательной и профессиональной начальной школы и внешкольного образования, а также статистические сведения и хроника местной школьной жизни (Аблов, 1937: 92).

Уже в годы Первой мировой войны в Харькове появилось новое издание – «Наука и школа» (научно-педагогический журнал-сборник). Этот журнал был посвящен вопросам средней школы. Издатель журнала – 2-я группа преподавателей Харьковской гимназии, редактор-издатель – Н.Н. Кнорринг (От редакции, 1916: 6). Сотрудниками журнала являлись гимназические учителя Д.П. Гордеев, А.А. Сонцов, Ф.И. Шмидт и др. Всего было опубликовано 4 номера журнала (два – в 1915 г. и два – в 1916 гг.).

В последние годы существования Российской империи педагогическая общественность все большее внимание уделяла вопросам внешкольного образования и создавала отраслевые периодические издания. Такой проект был создан и на территории Харьковского учебного округа. Так, в 1916 г. в Пензе, в губернском центре Пензенской губернии был открыт ежемесячный журнал «Вестник внешкольного образования». Журнал был официальным органом Пензенского общества содействия внешкольному образованию. Ответственным редактором журнала являлся В.В. Иосинский. Однако был выпущен только один номер этого журнала в сентябре 1916 г. В информации от редакции отмечалось, что «возникновение нашего журнала лишь один из эпизодов охватившего всю Россию стремления к свету и знанию» (Редакция, 1916: 1). Журнал ставил своей целью объединение местных культурных сил вокруг этого издания, ознакомление с деятельностью общества и с положением просветительской работы в Пензе. Однако условия Первой мировой войны не дали возможности выпускать журнал ежемесячно, как планировалось.

5. Заключение

Подводя итоги, мы можем резюмировать, что в период с 1860 по 1917 гг. на территории Харьковского учебного округа в разное время издавались 11 педагогических журналов. Опыт открытия педагогических журналов имелся практически во всех губерниях и областях Харьковского учебного округа, исключение составляла только Курская губерния. При этом опыт открытия профессиональной периодической печати был разным. Так, все три журнала, созданных в Новочеркасске в период Первой русской революции, носили, по сути, антиправительственный характер и сколько-нибудь долго просуществовать не могли. С коротким периодом издания был и «Тамбовский народный учитель» (выпущено 2 номера). Все остальные журналы либо просуществовали длительный период времени, например, «Филологические записки» (1860–1917 гг.), «Циркуляр по Харьковскому учебному округу» (1861–1916 гг.), либо были закрыты уже в условиях Первой мировой войны («Наука и школа», «Известия по народному образованию Воронежской губернии» и «Вестник внешкольного образования»).

Литература

- Аблов, 1937 – Аблов Н.Н. Педагогическая периодическая печать (1803–1916 гг.). М., 1937.
 Антюхин, 1973 – Антюхин Г.В. Очерки истории печати Воронежского края 1798–1917. Воронеж, 1973.
 Гливенко, 1929 – Гливенко И.И. / Литературная энциклопедия. Т. 2. М., 1929.
 Грачева, 2021 – Грачева Ю.Е. Гимназии и уездные училища Харьковского учебного округа в контексте министерской политики в начале XIX века // *Международный научно-исследовательский журнал*. 2021. № 2-3(104). С. 159-163.
 Казьмина, 2004 – Казьмина Е.О. «Гусельки яровчаты» / *Тамбовская энциклопедия*. Тамбов, 2004.
 Кондратьева, 2008 – Кондратьева Г.В. Педагогические журналы XIX века и судьбы их создателей (из истории отечественного образования) // *Образование в современной школе*. 2008. № 9. С. 52-64.

Кононова, 2017 – Кононова Т.Л. Воронежские «Филологические записки» – первый научный филологический журнал в российской журналистике // *Известия Юго-западного государственного университета. Серия: лингвистика и педагогика*. 2017. № 3(24). С. 34-39.

Московкин, 2017 – Московкин В.М. О крупном деятеле народного образования Курской и Воронежской губерний А.К. Димитриу // *Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования*. 2017. Т. 3. № 4. С. 30-48.

Неужилов, 2009 – Неужилов К.Е. Церковно-приходская журналистика в России в конце XIX – начале XX века // *Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена*. 2009. № 93. С. 166-173.

От редакции, 1906 – От редакции // *Журнал учителя*. 1906. № 1. С. 1-2.

От редакции, 1916 – От редакции // *Наука и школа*. 1916. № 1. С. 5-6.

Редакция, 1909 – Редакция // *Тамбовский народный учитель*. 1909. № 1. С. 1-2.

Редакция, 1916 – Редакция // *Вестник внешкольного образования*. 1916. № 1. С. 1-2.

Русская периодическая печать, 1959 – Русская периодическая печать (1702–1894): Справочник. М., 1959.

Циркуляр по Харьковскому учебному округу, 1861 – Циркуляр по Харьковскому учебному округу. 1861. № 1. С. 1-10.

Шатохин, Шатохина, 2022 – Шатохин И.Т., Шатохина С.Б. Директора и инспекторы народных училищ в российской провинции во второй половине XIX – начале XX вв. // *Известия Воронежского государственного педагогического университета*. 2022. № 4(297). С. 163-169.

Шушара, 2014 – Шушара Т.В. Один из аспектов методической деятельности Харьковского учебного округа в XIX – начале XX вв. // *Проблемы современного педагогического образования*. 2014. № 43-1. С. 238-247.

Mamadaliyev et al., 2022 – Mamadaliyev A.M., Nikitina V.S., Svechnikova N.V., Cherkasova I.Yu. To the Issue of the Pedagogical Periodical Press of the Church Department of the Russian Empire of the late XIX – early XX centuries // *Bylye Gody*. 2022. 17(4): 1877-1884.

Mamadaliyev et al., 2022a – Mamadaliyev A.M., Nikitina V.S., Svechnikova N.V., Cherkasova I.Yu. To the Issue of the Pedagogical Periodicals on the Territory of the Caucasian Educational District in 1867–1916 // *Bylye Gody*. 17(3): 1207-1213.

Mamadaliyev et al., 2023 – Mamadaliyev A.M., Nikitina V.S., Svechnikova N.V., Cherkasova I.Yu. To the Issue of the Periodical Press of the Kiev School District in 1857–1917 // *Bylye Gody*. 2023. 18(1): 251-257.

Muzykant et al., 2022 – Muzykant V.L., Burdovskaya E.Yu., Yurova Yu.V., Zyukina Z.S. The Pedagogical Periodical Press in the Kazan Educational District, the Russian Empire (1865–1917) // *European Journal of Contemporary Education*. 11(4): 1339-1344.

References

Ablov, 1937 – Ablov, N.N. (1937). *Pedagogicheskaya periodicheskaya pechat' (1803–1916 gg.)* [Pedagogical periodical press (1803–1916)]. М. [in Russian]

Antyukhin, 1973 – Antyukhin, G.V. (1973). *Ocherki istorii pechati Voronezhskogo kraya 1798–1917* [Essays on the history of the press of the Voronezh region 1798–1917]. Voronezh. [in Russian]

Glivenko, 1929 – Glivenko, I.I. (1929). *Literaturnaya entsiklopediya Literary Encyclopedia*. Т. 2. М. [in Russian]

Gracheva, 2021 – Gracheva, Yu.E. (2021). *Gimnazii i uездnye uchilishcha Khar'kovskogo uchebnogo okruga v kontekste ministerskoi politiki v nachale XIX veka* [Gymnasiums and district schools of the Kharkiv educational district in the context of ministerial policy at the beginning of the 19th century]. *Mezhdunarodnyi nauchno-issledovatel'skii zhurnal*. 2-3(104): 159-163. [in Russian]

Kaz'mina, 2004 – Kaz'mina, E.O. (2004). «Gusel'ki yarovchaty» [“Yarovchaty guselki”]. *Tambovskaya entsiklopediya*. Tambov. [in Russian]

Kondrat'eva, 2008 – Kondrat'eva, G.V. (2008). *Pedagogicheskie zhurnaly XIX veka i sud'by ikh sozdatelei (iz istorii otechestvennogo obrazovaniya)* [Pedagogical journals of the 19th century and the fate of their creators (from the history of Russian education)]. *Obrazovanie v sovremennoi shkole*. 9: 52-64. [in Russian]

Kononova, 2017 – Kononova, T.L. (2017). *Voronezhskie «Filologicheskie zapiski» – pervyi nauchnyi filologicheskii zhurnal v rossiiskoi zhurnalistike* [Voronezh “Filologicheskie zapiski” – the first scientific philological journal in Russian journalism]. *Izvestiya Yugo-zapadnogo gosudarstvennogo universiteta*. Seriya: lingvistika i pedagogika. 3(24): 34-39. [in Russian]

Mamadaliyev et al., 2022 – Mamadaliyev, A.M., Nikitina, V.S., Svechnikova, N.V., Cherkasova, I.Yu. (2022). To the Issue of the Pedagogical Periodical Press of the Church Department of the Russian Empire of the late XIX – early XX centuries. *Bylye Gody*. 17(4): 1877-1884.

Mamadaliyev et al., 2023 – Mamadaliyev, A.M., Nikitina, V.S., Svechnikova, N.V., Cherkasova, I.Yu. (2023). To the Issue of the Periodical Press of the Kiev School District in 1857–1917. *Bylye Gody*. 18(1): 251-257.

Moskovkin, 2017 – Moskovkin, V.M. (2017). *O krupnom deyatele narodnogo obrazovaniya Kurskoi i Voronezhskoi gubernii A.K. Dimitriu* [About the major figure in public education of the Kursk and Voronezh

provinces A.K. Dimitriu]. *Nauchnyi rezul'tat. Sotsial'nye i gumanitarnye issledovaniya*. 3(4): 30-48. [in Russian]

[Netuzhilov, 2009](#) – *Netuzhilov, K.E.* (2009). Tserkovno-prikhodskaya zhurnalistika v Rossii v kontse XIX – nachale XX veka [Church and parish journalism in Russia at the end of the 19th – beginning of the 20th centuries]. *Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena*. 93: 166-173. [in Russian]

[Ot redaktsii, 1906](#) – Ot redaktsii [From the editor]. *Zhurnal uchitelya*. 1906. 1: 1-2. [in Russian]

[Ot redaktsii, 1916](#) – Ot redaktsii [From the editor]. *Nauka i shkola*. 1916. 1: 5-6. [in Russian]

[Redaktsiya, 1909](#) – Redaktsiya [Editorial]. *Tambovskii narodnyi uchitel'*. 1909. 1: 1-2. [in Russian]

[Redaktsiya, 1916](#) – Redaktsiya [Editorial]. *Vestnik vneshkol'nogo obrazovaniya*. 1916. 1: 1-2. [in Russian]

[Russkaya periodicheskaya pechat', 1959](#) – *Russkaya periodicheskaya pechat' (1702–1894)* [Russian Periodical Press (1702–1894): a handbook]: Spravochnik. M., 1959. [in Russian]

[Shatokhin, Shatokhina, 2022](#) – Shatokhin, I.T., Shatokhina, S.B. (2022). Direktora i inspektory narodnykh uchilishch v rossiiskoi provintsii vo vtoroi polovine XIX – nachale XX vv. [Directors and inspectors of public schools in the Russian provinces in the second half of the 19th – early 20th centuries]. *Izvestiya Voronezhskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 4(297): 163-169. [in Russian]

[Shushara, 2014](#) – Shushara, T.V. (2014). Odin iz aspektov metodicheskoi deyatel'nosti Khar'kovskogo uchebnogo okruga v XIX – nachale XX vv. [One of the aspects of the methodological activity of the Kharkov educational district in the XIX – early XX centuries]. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya*. 43-1: 238-247. [in Russian]

[Tsirkulyar po Khar'kovskomu uchebnomu okrugu, 1861](#) – Tsirkulyar po Khar'kovskomu uchebnomu okrugu [Circular for the Kharkov educational district]. 1861. 1: 1-10. [in Russian]

К вопросу о периодической печати Харьковского учебного округа в 1860–1917 гг.

Анвар Мирзахматович Мамадалиев ^{a, *}, Валентина Сергеевна Никитина ^b,
Наталья Викторовна Свечникова ^c, Ирина Юрьевна Черкасова ^d

^a Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

^b Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

^c Российский экономический университет им. Плеханова, Москва, Российская Федерация

^d Черкас глобальный университет, Вашингтон, США

Аннотация. В работе рассматривается педагогическая периодическая печать Харьковского учебного округа в период с 1860 по 1917 гг.

В качестве источников была привлечена разнообразная справочно-энциклопедическая литература, а также материалы дореволюционной периодической печати. Среди первых находятся энциклопедические и справочные труды, касаемые темы исследования, а среди вторых – материалы дореволюционной периодической печати (например, «Журнал учителя» и «Вестник внешкольного образования»). В методологии исследования важное значение имеют историко-хронологический метод и метод контент-анализа. Применение этих методов позволило из значительного массива периодических изданий выявить издания, относящиеся к теме исследования, и рассмотреть процесс развития педагогической периодической печати на территории Харьковского учебного округа в исторической ретроспективе.

В заключении авторы отмечают, что в период с 1860 по 1917 гг. на территории Харьковского учебного округа в разное время издавались 11 педагогических журналов. Опыт открытия педагогических журналов имелся практически во всех губерниях и областях Харьковского учебного округа, исключение составляла только Курская губерния. При этом опыт открытия профессиональной периодической печати был разным. Так, все три журнала, созданные в Новочеркасске в период Первой русской революции, носили, по сути, антиправительственный характер и сколько-нибудь долго просуществовать не могли. С коротким периодом издания был и «Тамбовский народный учитель» (выпущено 2 номера). Все остальные журналы либо просуществовали длительный период времени, например, «Филологические записки» (1860–1917 гг.), «Циркуляр по Харьковскому учебному округу» (1861–1916 гг.), либо были закрыты уже в условиях Первой мировой войны («Наука и школа», «Известия по народному образованию Воронежской губернии» и «Вестник внешкольного образования»).

Ключевые слова: периодическая печать, педагогика, Харьковский учебный округ, 1860–1917 гг.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: anvarm@mail.ru (А.М. Мамадалиев)

Copyright © 2023 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2023. 18(2): 789-797
 DOI: 10.13187/bg.2023.2.789

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

At the Dawn of Emancipation: Penza Province before and after M.E. Saltykov (Shchedrin)

Olga A. Sukhova ^{a,*}, Anna A. Timakova ^a

^a Penza State University, Russian Federation

Abstract

The problems of multiple representations of provinciality, as well as the formation of the identity of the region, are considered in the article. Based on the analysis of an array of sources published and introduced into scientific circulation for the first time (office materials, epistolary heritage documents, fiction literature), as well as the results of research practice, the factors, content and specifics of the development of self-awareness of the Penza community are determined in the abolition of serfdom and liberal reforms of 1860th context. The unique experience of reception and exploration of innovative characteristics was studied on the example of M.E. Saltykov-Shchedrin as Chairman of the Penza State Chamber.

A comparative analysis of documentary evidences and the grotesque of Penza representations in the works of the great writer makes it possible to identify the most significant subjects of social perception and the contradictions of the initial stage of sociocultural transformation. The status of a “noble nest”, an outpost of noble land expansion, the complex nature of ethnopolitical evolution, the incompleteness of social integration processes predetermined the crisis-cyclical logic of the Russian hinterland identity development in the first decades of post-reform development. At the same time, it should be noted that there are opportunities in the social environment for the perception of innovative ideas and behavioral strategies that correspond to the initial stage of the assertion of modern consciousness.

Keywords: Penza region, 1860s, power and society, activities of M.E. Saltykov-Shchedrin, regional identity, typology of provinciality.

1. Введение

Актуальность изучения исторического опыта переломных эпох определяется необходимостью адаптации российского социума к новым вызовам современности, угрожающим региональной интеграции и сохранению территориальной целостности страны.

В 1860-е гг. Пензенская губерния представляла собой сложное и противоречивое (на грани раскола) переплетение двух моделей идентичности, одну из которых можно описать как сохранение традиций «дворянского гнезда», а другую – как изживание «бунтарства», свойственного краю ойкумены.

Территория губернии в 33 334 кв. версты, разделяемая водоразделом Донского и Волжского бассейнов, определялась географическим тяготением к Волге, а следовательно, к культурному ландшафту Поволжья (Розенберг, 2011: 82). В поисках региональной специфики статистические обзоры акцентировали внимание на «первобытном состоянии» путей сообщения и агротехнологий, а в числе преимуществ называли семь почтовых трактов, расходившихся от губернского центра, а также «тучную, жирную землю», благодаря которой губерния носила статус хлебобордной со средним урожаем в сам 4,7 для озимых культур (Списки населенных мест..., 1869: II–X). В основном здесь возделывали рожь, овес и гречку. К этой характеристике следует добавить безраздельное господство трехполья и отсутствие улучшенных земледельческих орудий (ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 4267. Л. 8-8об., 9).

* Corresponding author

E-mail addresses: savtemp@yandex.ru (O.A. Sukhova), anna.a.timakova@gmail.com (A.A. Timakova)

Фабрично-заводская промышленность региона все еще оставалась сферой приложения дворянских капиталов: в 1864 г. в уездах действовало 79 винокурных заводов, производивших до 3 195 000 ведер вина, а также 29 суконных фабрик. В губернском центре прослеживается деятельность писчебумажной фабрики (производительностью до 15 200 рублей), паровой мельницы (7 500 руб.) и ряда незначительных мыловаренных, кожевенных чугунолитейных предприятий (ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 4267. Л. 96). Главными предметами торговли в городах выступали «изделия мануфактурные, различного рода ткани, галантерейные вещи», в селениях – «кожа, скот, хлеб, дерево и деревянные изделия, масло». Самые значительные ярмарки проходили в г. Пензе, Саранске, в с. Александровке Саранского уезда и затем в гг. Краснослободске, Нижнем Ломове и Чембаре (Списки населенных мест..., 1869: XXXIII).

В начале 1864 г. в Пензенской губернии насчитывалось 1 790 населенных мест, 146 582 двора и 1 068 021 душа жителей, из коих 518 799 мужчин, 594 222 женщин. С момента переиздания штата в 1802 г. административно-территориальное деление никаких изменений не претерпело: губерния включала десять уездов и три заштатных города. В 11 поселениях проживало свыше 3 000 душ, что превосходило численность населения во многих уездных центрах. Численность инородческого населения составляла: мордвы – 124 057 жителей обоего пола, татар – 54 183 человека, мещеры – 36 994 человека (Списки населенных мест..., 1869: XVIII–XXVIII). Сельское население было представлено почти в равных долях государственными и временнообязанными крестьянами (ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 4267. Л. 7).

На другом полюсе социального мира находилось дворянство, стремительно теряющее свое положение и статус в результате ликвидации крепостнической системы: «Вы даже не поверите, чтобы могло когда-нибудь такое время существовать: ...Чтобы вдруг целая масса людей оказалась ни на что не годною, кроме раскладыванья гранпасьянса» (Салтыков-Щедрин, 1969: 21). Сухие статистические данные губернаторского отчета раскрывают картину глубокого кризиса дворянского землевладения. Так, к 1864 г. из 1 596 помещичьих имений, формировавших очаги имперского присутствия на территории губернии, 1 197 было заложено, 81 передано в опеку, а 15 подвергнуто публичной продаже (ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 4267. Л. 20б.).

Провинциальное общество приходило в себя после мощного всплеска крестьянского недовольства, спровоцированного условиями выхода из крепостного состояния и нерешенностью главного вопроса, определявшего суть крестьянского бытия, – вопроса о земле. С марта по июнь 1861 г. крестьянское сопротивление в различных формах – от неповиновения начальству и владельцам до мятежей под монархическими лозунгами – фиксировалось повсеместно на всей территории губернии (Догаева, 2014: 174-175).

К 1864 г., по оценкам губернского начальства, «возбужденное состояние, которое вследствие ложных надежд на пользование землею без платежа повинностей, особенно выказалось в 1861 г. и было причиной сильного недоверия к их владельцам», исчерпало свой протестный потенциал. Вместе с тем власти фиксировали ухудшение криминогенной обстановки в регионе и рост числа преступлений (святотатств, убийств, грабежей и краж, поджогов, хищений леса из казенных дач), что объяснялось «грубостью нравов» и «своевольством» простого народа, отменой крепостного права, телесных наказаний и «открытием повсеместно дешевой продажи вина» («Положение о питейном сборе», отменявшее систему откупов, введено в действие с 1 января 1863 г.) (ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 4267. Л. 180б.-190б., 56-560б.).

В то же время империя столкнулась с очередной волной национально-освободительного движения. Местное дворянство поспешило засвидетельствовать свою лояльность монарху и откликнулось на прекращение мятежа в Царстве Польском и возвращение поляков «к исправлению их обязанностей» рядом верноподданнических телеграмм: «Великий подвиг усмирения мятежа на Северо-западе России и в части Царства Польского высоко оценен Вашими соотечественниками» (Пензенские губернские ведомости, 1864: 1). И вскоре Пензенская губерния получила статус передового рубежа «внутренней окраины» и стала местом ссылки и размещения «неблагонадежного элемента». В 1864 г. по распоряжению министра внутренних дел при Пензенском тюремном замке было устроено специальное помещение (арестантская рота) для пребывания политических узников – участников польского восстания 1863–1864 гг. Первые 62 повстанца из Царства Польского и западных губерний прибыли в Пензу в июне 1864 г. Кроме того, на территории губернии под надзором полиции состояло 262 выходца из Царства Польского, так или иначе причастных к восстанию (ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 4267. Л. 230б.-24).

2. Материалы и методы

Источниковая база исследования представлена делопроизводственной документацией местных органов имперской власти, извлеченной из фондов Государственного архива Пензенской области (Пенза, Российская Федерация), произведениями художественной литературы и материалами эпистолярного наследия М.Е. Салтыкова-Щедрина и К.М. Салтыкова, сына писателя (Салтыков, 1923). Описание региона к моменту назначения М.Е. Салтыкова представлено в отчете начальника Пензенской губернии за 1864 г. (ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 4267). Сведения губернатора подкреплены

данными Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел ([Списки населенных мест..., 1869](#)). Особое значение для решения исследовательских задач имеет эпистолярное наследие писателя, подготовленное к публикации С.А. Макашиным ([Макашин, 1959: 449-536](#); [Салтыков-Щедрин, 1975](#)).

Обширный массив эпистолярных источников и разнородных исследований биографического характера, посвященных жизни и творчеству М.Е. Салтыкова-Щедрина в пензенский период его службы, представлен отдельным изданием ([М.Е. Салтыков в Пензенской губернии, 2021](#)).

Изучение социокультурного пространства российской провинции возводит в ранг обязательных методы герменевтики, семиотики и семантики, анализа языковых приемов передачи информации в определенный исторический период. Особый ракурс проблеме придает ее прочтение в границах сложившейся системы коммуникаций, социального взаимодействия, опосредованных условиями формирования хронотопа, исторически локализованного сообщества.

Осмысление «провинциального», типология провинциальности предполагает два измерения. С одной стороны, концепт «провинция» отражает специфику российского имперства как идеологического обоснования нацистроительства. В этом случае XIX в. предстает как время, когда «колониационные» скрепы, организующие пространство, размываются: общие тренды унификации и стабилизации регионов стирают отличия между «дворянскими гнездами» Центральной России и ее ближайшими или внутренними окраинами, что, впрочем, не исключает повсеместного взаимопроникновения «аккультурационных» и «колониальных» методов ([Кабытов, Тюрин, 2021: 117-118](#)).

С другой стороны, пространство провинции читается как антипод столицам, но одновременно как пространство коммуникации и взаимовлияния информационных полей, в результате которого формируется подлинная российская идентичность. В качестве каналов наполнения и трансформации информационной среды позднеимперского периода рассматриваются периодические издания, официальные объявления, церковные проповеди, телеграф и телефон, социальные слухи ([Карнишина, Карнишин, 2019: 18](#)). Фактором исключительного значения в самопознании общества в XIX в. выступает творчество российских писателей, создававших ментальные проекции и актуальные тренды. Обращение к опыту историко-биографического исследования жизни и деятельности М.Е. Салтыкова-Щедрина позволяет раскрыть уникальную практику типологии провинциальности через призму государственной службы, личное участие в обустройстве локального мира.

3. Обсуждение

Зарождение местной традиции изучения провинциальной идентичности в жизни и творчестве М.Е. Салтыкова-Щедрина напрямую соотносится с публикацией биографического эссе «Интимный Щедрин», написанного его сыном, К.М. Салтыковым, в Пензе ([Салтыков, 1923](#)). К столетней годовщине со дня рождения писателя «Трудовая правда» (орган издания Пензенского губкома ВКП(б) и губисполкома) опубликовала статью М. Молебнова «М.Е. Салтыков-Щедрин: вокруг новых архивных материалов». Автор впервые обратился к «административному» наследию писателя, изучив делопроизводственные материалы Пензенской казенной палаты – черновые рукописи М.Е. Салтыкова по вопросам урегулирования торговой деятельности, уплаты налогов и сборов; протоколы заседаний губернского по крестьянским делам присутствия с указанием «особого мнения» председателя казенной палаты по поводу требований перевода крестьян на обязательный выкуп; докладные записки об улучшении материального положения своих подчиненных. М. Молебнов причисляет Салтыкова к когорте администраторов-технократов, противопоставлявших себя остальному чиновному миру провинции ([Трудовая правда, 1926: 2-3](#)).

В небольшой заметке А. Храбровицкого, опубликованной в «Сталинском знамени» в 1945 г. и послужившей в дальнейшем основой очерка, вышедшего в отдельном издании, М.Е. Салтыков предстает уже непримиримым борцом с царской бюрократией (в оценке жандармского управления он «весьма неблагонадежного образа мыслей и вредного в политическом отношении нравственного направления», позволявший «неблагонамеренные и дерзкие» высказывания). Отметим констатацию общественного признания в оценках жандармских офицеров: высокий авторитет Салтыкову в пензенском обществе обеспечивала его литературная слава. С другой стороны, автор фиксирует ментальную репрезентацию Пензы в образе «города Брюхова» ([Сталинское знамя, 1945: 2](#); [Храбровицкий, 1946: 66-75](#)).

Более детально повседневные будни службы М.Е. Салтыкова-Щедрина как председателя Пензенской казенной палаты и объекта пристального внимания со стороны жандармов были изложены в работах Б. Бухштаба ([Бухштаб, 1931](#); [Бухштаб, 1947](#)). В исследовании известного пензенского журналиста О.М. Савина описаны сатирические приемы типизации пензенской действительности, выраженные средствами эзопова языка в произведениях писателя ([Савин, 1984: 74-83](#)). Нельзя оставить без внимания целый пласт произведений С.А. Макашина, посвященный изучению биографии М.Е. Салтыкова-Щедрина и его художественным, литературно-творческим исканиям ([Макашин, 1984](#)).

Проблема изучения деятельности и творчества М.Е. Салтыков-Щедрина не утратила своей актуальности и в современной историографии. В центре нашего внимания оказалась, главным

образом, сатирическая репрезентация российской политической истории, впервые выраженная через абсолютизацию бюрократического начала и тотальность управления (Никольский, 2012: 315-316; Ранчин, 2014: 93).

4. Результаты

Назначение в Пензу М.Е. Салтыков получил 6 ноября 1864 г. Ведомственная подчиненность и круг его служебных обязанностей на посту председателя Пензенской казенной палаты определялись Министерством финансов империи (Арсеньев, 1890: LXXXV). 14 января 1865 г. Салтыков засвидетельствовал свое вступление в должность (Салтыков-Щедрин, 1975: 298). Возвращение на государственную службу было во многих отношениях вынужденным шагом. Личное знакомство с министром финансов М.Х. Рейтерном и оклад в три тысячи рублей примирили литератора, оставленного «на произвол судьбы и министерства финансов», с финансовыми затруднениями и цензурным прессингом (Салтыков-Щедрин, 1975: 298). В своем письме П.В. Анненкову от 2 марта 1865 г. М.Е. Салтыков, как известно, дал первую и далеко не лестную оценку новому месту службы: «О Пензе могу сказать одно: не похваляю...». Основой для уничижительной критики послужило архаичное состояние местного управления, вязкая тина традиционной дворянской службы, борьба с которой отнимала все силы. В сетованиях автора просматривается явная аналогия с усилиями Геракла, расчищавшего Авгиевы конюшни (Салтыков-Щедрин, 1975: 298-299).

Салтыков действительно полностью погрузился в проблемы менеджмента как в рамках казенной палаты, так и во взаимодействии с другими структурами власти и управления, следуя своему кредо («я служу честно»; письмо Д.Е. Салтыкову от 19 февраля 1851 г.; Салтыков-Щедрин, 1975: 80). Эти усилия почти остановили литературную деятельность: за период 1865–1867 гг. в «Современнике» появилось лишь одно произведение писателя – «Завещание моим детям». «Завещание...» стало своего рода ментальной репликой провинциального сообщества, созданной по горячим следам. Об отправке очерка «для помещения в “Современнике”» Салтыков напишет Н.А. Некрасову 8 апреля 1865 г. (Салтыков-Щедрин, 1975: 300). В гротескной персонифицированной форме автор передает смятение и безысходность положения дворянства, некогда главенствовавшего в провинциальном обществе, а теперь растерявшего свое былое величие. Ликвидация крепостнической системы разрушила последние надежды на восстановление сословных привилегий: «А прав не было! <...> «Завелась у нас эта эмансипация. Начальство ее придумало, оно же и приказать изволило – не спорю! Надо, стало быть, исполнять» (Салтыков-Щедрин, 1969: 20).

С момента поступления на государственную службу за Салтыковым закрепился ореол жесткого и принципиального администратора с остро переживаемой потребностью к рационализации и уважением к верховенству закона, что в реалиях провинциальной повседневности оценивалась как настоящая угроза: «Он едет в Рязань вице-губернатором и распугает, верно, всю губернию своим появлением» (Макашин, 1959: 452). Новые стандарты поведения соответствовали духу времени и отражали общую тенденцию к либерализации общества. Возглавив казенную палату, Салтыков оказался на гребне волны преобразований: в 1862–1868 гг. Россия вступила в полосу реформирования финансовой системы. Чуть позже в «Письмах о провинции» восприятие реформ в сознании обывателей будет представлено как раскол, потрясение «заведенного порядка». «Прирожденные историографы» столкнулись с приливными волнами нарушителей спокойствия – «пионерами», появлявшимися в регионах вслед за созданием новых управленческих структур: «Уж на что благонамеренными пионерами явили себя акцизные чиновники, а какого переполоха наделало их появление! <...> и до какой дошло ядовитости относительно людей суда и земства» (Салтыков-Щедрин, 1969: 190-191).

Напомним, что начало службы М.Е. Салтыкова в Пензе (1865–1866 гг.) совпало с открытием уездных (15–20 февраля) и губернского (10 марта 1865 г.) земских собраний. К этому времени в губернии уже действовали акцизные управления и контрольные палаты. К реализации реформы местного самоуправления и созданию губернских и уездных земских учреждений Временный губернский комитет приступил 24 июня 1864 г. (ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 4267. Л. 13, 150б.).

Сферой приложения энергии Салтыкова, «пришельца» – «пионера», носителя либеральных идей, становится повышение эффективности налоговой системы, бескомпромиссная борьба с беспощинной торговлей (ГАПО. Ф. 60. Оп. 1. Д. 2232. Л. 49-500б.) и защита интересов крестьянства в губернском по крестьянским делам присутствии. Сам писатель верно оценил значение новых управленческих практик в жизни российской глубинки: «К чести новых пришельцев нужно сказать, что ежели в современную провинциальную жизнь начинают вторгаться умственные интересы, то этим она обязана исключительно им» (Салтыков-Щедрин, 1969: 194).

Функционал председателя казенной палаты обеспечивал широкие возможности для изучения локального сообщества. Так, по данным С.А. Макашина, с целью инспектирования казначейств за время службы Салтыков побывал во всех уездах губернии (за пределами Пензы – в Саранске, Мокшане, Нижнем Ломове, Чембаре, Инсаре, Краснослободске, Керенске, Наровчатке, Городище – он провел в общей сложности 38 дней) (М.Е. Салтыков-Щедрин, 2021: 64).

Несмотря на свое дворянское происхождение, Салтыков с самого начала обозначил независимость суждений и свой автономный статус в чиновном мире российской провинции. «Особое мнение» председателя казенной палаты нарушало монолит единодушия губернского начальства: Салтыков ни много ни мало противопоставлял себя губернатору, нанося ощутимый удар по его политическому имиджу. Повлиять на строптивного чиновника начальник губернии не мог по ведомственной принадлежности: председателя казенной палаты утверждал в должности министр финансов, тогда как губернатор получал назначение в Министерстве внутренних дел.

Участвуя в заседаниях губернского по крестьянским делам присутствия, председатель казенной палаты нередко отказывался ставить свою подпись под определением о выкупном объявлении или оставался «при особом мнении», оспаривая сведения мировых посредников о состоятельности крестьян. Журналы присутствия воспроизводят моменты, отражавшие дворянскую солидарность и фактически превышение должностных полномочий, как в случае с выкупным объявлением на имя генерал-майора А.Е. Волкенштейна от 23 ноября 1865 г., которое было рассмотрено «не в очередь», так как подлежало продаже с торгов. И здесь мы встречаем автограф Салтыкова «при особом мнении» (ГАПО. Ф. 54. Оп. 1. Д. 1791. Л. 37 об.; 49-49об.; 57-60; 69-69об.; Князев, 1963: 148-149). Примечателен и тот факт, что все дела о выкупе, на которые было «подано особое мнение» Салтыкова, поступали на рассмотрение министра финансов М.Х. Рейтерна, о чем Михаила Ефграфовича уведомили из ведомственной канцелярии 1 апреля 1866 г. (ГАПО. Ф. 60. Оп. 1. Д. 2232. Л. 43-43об.). С просьбой о содействии при рассмотрении дел об обязательном выкупе Салтыков обращался к министру финансов и напрямую, как в случае с именем Ильина, когда председатель казенной палаты усомнился в сведениях мирового посредника (ГАПО. Ф. 60. Оп. 1. Д. 2232. Л. 45-46об.; Ф. 54. Оп. 1. Д. 1791. Л. 36-37об.).

Вместе с тем Салтыков не страдал от «безлюдья» провинции. В письме своему сослуживцу по Пензенской казенной палате, Ф.А. Вонлярскому, уже с нового места службы из Тулы в июле 1867 г. Салтыков напишет: «В Пензе эта служба далеко не так несносна...» (Салтыков-Щедрин, 1975: 314). И эта оговорка есть не что иное, как дань уважения пензенскому кругу единомышленников автора, среди которых, помимо Вонлярского, встречаем Г.О. Розена, управлявшего в Пензе акцизными сборами в 1861–1866 гг. К пензенскому периоду службы Розена относится его поездка в Лондон, знакомство с Герценом и Огаревым и согласие стать корреспондентом «Колокола» (Макашин, 1959: 472-473).

Среди служащих казенной палаты образ просвещенного технократа остался во многом загадкой для «невежественных, темных, но добродушных и трудолюбивых провинциальных чиновников». В ряду его «удивительных» начинаний создание библиотеки и кассы взаимопомощи для служащих, ходатайства о дополнительном вознаграждении или повышенной пенсии своим подопечным (Салтыков, 1923: 38-40). В прошениях на имя председателя казенной палаты легенды о Салтыкове обретали значение метафоры: «Доброе сердце Вашего Превосходительства, известное многим по тем милостям, которые Вами были оказаны» (ГАПО. Ф. 60. Оп. 1. Д. 2232. Л. 37об.). Почти сакральное значение носило и упоминание о «Щедринском кресле» (Салтыков, 1923: 40). Пензенские семинаристы, по воспоминаниям Д.М. Львова, специально ходили к обедне увидеть автора «губернских очерков»: «Мы, бурсаки, обычно до начала обедни занимали места около клироса. <...> Заняв выгодные позиции, мы всю обедню не спускали глаз с Салтыкова» (Бухштаб, 1947: 40).

Романтический ореол строптивного критика российской действительности дополняли арест 1848 г., ссылка в Вятку и пребывание под гласным надзором полиции. Это объясняет особое внимание к Салтыкову со стороны жандармского штаб-офицера А. Глобы, регулярно отправлявшего в III отделение подробные характеристики председателя Пензенской казенной палаты и его столь же опасного окружения. Так, лейтмотивом донесения от 30 апреля 1866 г. выступает не проявление Салтыковым верноподданнических чувств в ответ на выстрел Д. Каракозова. Сей поступок, по словам информатора Глобы И.В. Сабурова, состоял в негодовании Салтыкова по поводу награждения О. Комисарова, оттолкнувшего руку стрелявшего («признает обидою и унижением для дворян возведение мужа за такой поступок в дворянское звание») (М.Е. Салтыков-Щедрин, 2021: 79).

Телеграмма министра внутренних дел Валуева о покушении на жизнь императора поступила в Пензу 5 апреля 1866 г. 14 апреля губерnsкие власти узнали имя государственного преступника. Глубина падения престижа власти определялась тем, что бывший студент Казанского, а затем Московского университета Д. Каракозов оказался сыном мелкопоместного дворянина Сердобского уезда соседней Саратовской губернии. На фоне молебствий о здравии императора первой главенствующей задачей властей стало устранение слухов, что «преступник сын помещика» (ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 4541. Л. 1, 7-8).

В 1869 г. зарисовки пензенской натуры были облачены в форму рассказа «Испорченные дети» с прямым указанием на расшифровку: «Ныне я живу в имении моем, в Пензенской губернии». Главной миссией в борьбе с внутренними врагами Сережи Младо-Сморчковского, принявшего на себя звание «откровенного ребенка в П***», стал сбор информации, «в каких отношениях находятся губернский предводитель к губернатору, не разжигают ли акцизные чиновники народных страстей, какого рода конституции изготавливают чиновники контрольные...». Не меньше того занимали его гимназисты,

которым он давал понять, что «по нынешнему образованному времени, в некоторых государствах уже не родители детей секут, а наоборот» («Испорченные дети»; [Салтыков-Щедрин, 1969: 384-385, 391, 394](#)). Образ гимназистов является прямой отсылкой к тому, что и Каракозов, и многие участники радикального объединения, организованного его двоюродным братом Иштутиным, были воспитанниками пензенской гимназии и Дворянского института. Здесь же следует упомянуть об инциденте, произошедшем в пензенской гимназии в конце 1864 г., когда протест против административного произвола принял форму пощечины, нанесенной директору Шварбе гимназистом 6 класса Николаем Кузнецовым ([ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 4429](#)), который за пощечину был исключен из учебного заведения, лишен права занимать какую-либо должность и отправлен на родину в Нижний Ломов под надзор полиции. Салтыков принял деятельное участие в судьбе Кузнецова и неоднократно, хотя и безуспешно, обращался к губернатору с просьбой об определении последнего на службу в казенную палату. Позже уже в Туле Салтыков сможет трудоустроить опального гимназиста ([М.Е. Салтыков в Пензенской губернии, 2021: 51](#)).

Говоря о пространственно-временном своеобразии художественного мира в произведениях М.Е. Салтыкова-Щедрина, некоторые исследователи указывают на разделенность в нем столичного и провинциального хронотопов ([Павлова, 2006: 47](#)). Жизнь в столице обусловлена признаками модернизации, она контрастна и хаотична до фантазмагии. Течение времени в провинции иное – густое от стагнации, оно маркируется лишь правлением того или иного губернатора-помпадур. Пензенские впечатления нашли отражение в произведениях и провинциального, и столичного циклов, обогащая созданный классиком собирательный образ России.

Так, в рассказе «Испорченные дети» М.Е. Салтыков-Щедрин характеризует «необыкновенную» атмосферу губернии («Приехавши в П***...») разговорным, лексически сниженным словом «чавканье»: «Все ест, или отдыхает от еды, или вновь об еде помышляет» ([Салтыков-Щедрин, 1969: 385](#)). В таком краю найти свободомыслие или хотя бы просто мысль нелегко. А поиску именно этого посвящает все свое усердие откровенный ребенок. И хотя в 1860-е гг. Пенза оказалась на особом счету у III отделения, повседневность местного обывателя рисуется автором посредством всепоглощающей рутины потребления яств и питий ([Салтыков-Щедрин, 1988а: 51-52](#)). Чревоугодие и праздность – вот «орудие» от любого инакомыслия, глупость обывателя защищает государство от неблагонадежных элементов лучше жандармов, на это направлено острие сатиры Салтыкова в рассказе.

К провинциальному хронотопу относится и рассказ «Старый кот на покое» (1868), входящий в цикл «Помпадуры и помпадурши». М.Е. Салтыков-Щедрин небезосновательно опасался его публикации, поскольку под образом не названного по имени «отставного администратора», «старого доброго начальника» современниками угадывался А.А. Панчулидзе, возглавлявший Пензенскую губернию с 1831 по 1859 годы и вынужденный уйти в отставку после ревизии. Повествование ведется от имени уже бывшего коллеги, а ныне благодарного почитателя административных талантов старца, собирающего для истории и будущих поколений зерна мудрости сего «административного светоча». На преемственность административной манеры указывает и веление старика отдать его мемуары редактору известной своей консервативной позицией газеты «Московские ведомости» М.Н. Каткову, а самому быть похороненному рядом с первым пензенским губернатором Ф.Л. Вигелем (1801–1809): «...Вот когда я умру – тащите все к Каткову! Никому, кроме Каткова! Хочу лечь рядом со стариком Вигелем!» (Ф.Л. Вигель – пензенский губернатор в 1801–1809 гг.) ([Салтыков-Щедрин, 1988: 34](#)).

История пензенских губернаторов стала источником многих произведений Салтыкова-Щедрина. На создание сатиры «Зиждитель» (1874) писателя вдохновила фигура и деятельность А.А. Татищева, возглавлявшего губернию с 1872 по 1886 годы. Сатира представляет собой историю назначения помпадуром дворянина Быстрицына, прославившегося своей хозяйственной деятельностью. Быстрицын, как и подобает новому, клянется покончить с пагубной политикой прежних руководителей и полагает «прежде всего уничтожить пьянство; потом он положит предел крестьянским семейным разделам и, наконец, упразднит сельскую общину... Словом сказать, он предполагает действовать *ala Pierre le Grand*...» ([Салтыков-Щедрин, 1988: 238](#)). Но обыватель и испугаться не успеет призраку этих реформ. Необычным для поэтики Салтыкова-Щедрина является введение оппонента повествователю. Завершается рассказ прямолинейным советом Быстрицыну от некоего Глумова: «Помни, что ты помпадур и что твое дело не созидать, а следить за целостностью созданного» ([Салтыков-Щедрин, 1988: 242](#)), – так проводится мысль о губительности любой деятельности помпадуров по причине ее, в лучшем случае, бестолковости, а в худшем – и прямого вреда.

Еще один яркий пензенский образ рисует Салтыков-Щедрин в произведении «В больнице для умалишенных» (продолжение «Дневника провинциала в Петербурге»). Действие происходит в сумасшедшем доме, где неожиданно и, со своей точки зрения безосновательно, оказывается повествователь и встречает знакомого Ваню Поцелуева – корнета, бравого детину, озабоченного ранее лишь крепостью своих мускулов, обедом и цирком. В речи Вани путаются планы по коннозаводству и пензенские корнеты в парламенте: «Я так думаю, что если бы у нас были охотники до парламентов, то вместо того чтоб заставляя ездить смотреть на них за границу, я бы дома завел свой собственный парламент: нате! Смотрите! Вы подумайте только, mononcle, каких одна Пензенская губерния корнетов в этот парламент вышлет! Хотя сейчас на выводку. <...> Ну да, ежели собрать всех

пензенских корнетов в одну кучу. <...> В этом смысле... то есть в смысле выводки... парламент... Это был бы даже очень сильный шаг в истории нашего коннозаводства!» (Салтыков-Щедрин, 2013: 837). Причудливое отражение давно ставшей алогичной действительности смущает душу повествователя, заставляет сомневаться в собственном рассудке, и он входит в мир столичных безумцев, управляемый такими же Поцелуевыми.

5. Заключение

Гротескный образ «пензенских корнетов», потерянных для эпохи модерна, но тем не менее яростно защищавших собственную значимость, раскрывает одну из сторон кризиса провинциальной идентичности, проявления болезненной смены культурного кода. С другой стороны, пребывание М.Е. Салтыкова, ярчайшего представителя плеяды «пионеров», на пензенской земле становится предвестником пробуждения самосознания, гражданской инициативы, внутренней самостоятельности локального сообщества: «рядом с картами, в провинции уже зарождается потребность чтения и даже потребность мышления» (Салтыков-Щедрин, 1969: 195).

Пенза в топонимике Салтыкова-Щедрина стоит в одном ряду с Вяткой, Тулой, Рязанью, давая материал для собирательного образа России провинциальной. Перед нами – «Великая провинциальная метафора» Салтыкова-Щедрина, фрейм гротеска как оригинальное прочтение провинции, не отражающее зеркально реалий повседневности, но создающее уникальный ментальный след, образ Пензы, запечатленный в бессмертных творениях великого русского писателя.

6. Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-20015, <https://rscf.ru/project/22-18-20015/>

Russian Science Foundation, сокращенное наименование – RSF. Ссылка на информацию о проекте: <https://rscf.ru/en/project/22-18-20015/>.

Литература

Арсеньев, 1890 – Арсеньев К.К. Материалы к биографии М.Е. Салтыкова / Сочинения М.Е. Салтыкова (Н. Щедрина). Т. 9. Издание автора. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1890. С. XI-XCI.

Бухштаб, 1931 – Бухштаб Б. После выстрела Каракозова // *Каторга и ссылка*. 1931. № 5. С. 61-67.

Бухштаб, 1947 – Бухштаб Б. Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин. Пенза: Пензенское областное издательство, 1947. 61 с.

ГАПО – Государственный архив Пензенской области.

Догаева, 2014 – Догаева В.П. Крестьянское движение в Пензенской губернии в пореформенный период / Пензенский край в истории и культуре России. Пенза: Изд-во ПГУ, 2014. С. 174-181.

Кабытов, Тюрин, 2021 – Кабытов П.С., Тюрин В.А. Новое исследование об имперской аккультурации // *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки*. 2021. № 3. С. 115-119.

Карнишина, Карнишин, 2019 – Карнишина Н.Г., Карнишин В.Ю. Информационная среда провинциальной России конца XIX – начала XX вв.: методология исследования // *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки*. 2019. № 1. С. 15-22.

Князев, 1963 – Князев И.В. «Особые мнения» М.Е. Салтыкова-Щедрина (из материалов Пензенского областного архива) // *История СССР*. 1963. № 5. С. 147-150.

Никольский, 2012 – Никольский С.А. Русское мировоззрение. «Новые люди» как идея и явление: опыт осмысления в отечественной философии и классической литературе 40-60-х годов XIX столетия. Т. 3. М.: Прогресс-Традиция, 2012. 622 с.

М.Е. Салтыков в Пензенской губернии, 2021 – М.Е. Салтыков в Пензенской губернии / Антология. Пензенский край в мемуарах, художественной литературе и исследованиях / Составитель: И.С. Шишкин. Кн. 9. Пенза: Б/и, 2021. С. 31-132.

Макашин, 1959 – Макашин С.А. Неизданные и несобранные письма Салтыкова // *Литературное наследство*. 1959. Т. 67. С. 449-536.

Макашин, 1984 – Макашин С.А. Салтыков-Щедрин: середина пути, 1850-е – 1870-е годы: Биография. М.: Художественная литература, 1984. 575 с.

Павлова, 2006 – Павлова И.Б. Судьба России в творчестве М.Е. Салтыкова-Щедрина. М.: Компания Спутник+, 2006. 134 с.

Пензенские губернские ведомости, 1864 – *Пензенские губернские ведомости*. 1864. № 1. 1 января.

Розенберг, 2011 – Розенберг Н.В. Региональная идентичность: роль природных и культурных факторов // *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки*. 2011. № 4(20). С. 79-85.

Ранчин, 2014 – Ранчин А. Михаил Салтыков-Щедрин: сатирик на государственной службе // *Государственная служба*. 2014. № 6(92). С. 87-94.

- [Савин, 1984](#) – Савин О.М. «Еще очень недавно в Пензе...» / Пенза литературная. Пенза: Приволжское кн. изд-во, 1984. С. 74–83.
- [Салтыков, 1923](#) – Салтыков К.М. Интимный Щедрин. М.-Пг.: Государственное издательство, 1923. 79 с.
- [Салтыков-Щедрин, 1969](#) – Салтыков-Щедрин М.Е. Завещание моим детям / Собрание сочинений в 20 т. Т. 7. М.: Художественная литература, 1969. С. 7–24.
- [Салтыков-Щедрин, 1975](#) – Салтыков-Щедрин М.Е. Письма 1839–1868 / Собрание сочинений в 20 т. Т. 18. Кн. 1. М.: Художественная литература, 1975. 350 с.
- [Салтыков-Щедрин, 1988](#) – Салтыков-Щедрин М.Е. Собрание сочинений в 10 т. Т. 2. М.: Правда, 1988. 542 с.
- [Салтыков-Щедрин, 2013](#) – Салтыков-Щедрин М.Е. Собрание сочинений в 20 т. Т. 10. М.: Книга по Требованию, 2013. 843 с.
- [Списки населенных мест..., 1869](#) – Списки населенных мест Российской империи, составленные и издаваемые Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел. XXX. Пензенская губерния. По сведениям 1864 г. СПб.: Типография Карла Вульфа, 1869. 120 с.
- [Сталинское знамя, 1945](#) – *Сталинское знамя*. 1945. № 34. 18 февраля.
- [Трудовая правда, 1926](#) – *Трудовая правда*. 1926. № 22. 28 января.
- [Храбровицкий, 1946](#) – Храбровицкий А. Салтыков-Щедрин / Русские писатели в Пензенской области. Пенза: Сталинское знамя, 1946. С. 66–75.

References

- [Arsen'ev, 1890](#) – Arsen'ev, K.K. (1890). Materials for the biography of M.E. Saltykov]. Sochineniya M.E. Saltykova (N. Shchedrina). T. 9. Izdanie avtora. SPb.: Tipografiya M.M. Stasyulevicha. Pp. XI–XCI. [in Russian]
- [Bukhshtab, 1931](#) – Bukhshtab, B. (1931). Posle vystrela Karakozova [After Karakozov's shot]. *Katorga i ssylka*. 5: 61–67. [in Russian]
- [Bukhshtab, 1947](#) – Bukhshtab, B. (1947). Mikhail Evgrafovich Saltykov-Shchedrin [Mikhail Evgrafovich Saltykov-Shchedrin]. Penza: Penzenskoe oblastnoe izdatel'stvo, 61 p. [in Russian]
- [GAPO](#) – Gosudarstvennyi arkhiv Penzenskoi oblasti [State Archive of Penza Region].
- [Dogaeva, 2014](#) – Dogaeva, V.P. (2014). Krest'yanskoe dvizhenie v Penzenskoi gubernii v poreformennyi period [Peasant movement in the Penza province in the post-reform period]. *Penzenskii krai v istorii i kul'ture Rossii*. Penza: Izd-vo PGU. Pp. 174–181. [in Russian]
- [Kabytov, Tyurin, 2021](#) – Kabytov, P.S., Tyurin, V.A. (2021). Novoe issledovanie ob imperskoi akkul'turatsii [New research on imperial acculturation]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Povolzhskii region. Gumanitarnye nauki*. 3: 115–119. [in Russian]
- [Karnishina, Karnishin, 2019](#) – Karnishina N.G., Karnishin V.Yu. Informatsionnaya sreda provintsial'noi Rossii kontsa XIX – nachala XX vv.: metodologiya issledovaniya [The Information Environment of Provincial Russia in the Late XIXth – Early XXth centuries: Research Methodology]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Povolzhskii region. Gumanitarnye nauki*. 1: 15–22. [in Russian]
- [Knyazev, 1963](#) – Knyazev, I.V. (1963). «Osobyie mneniya» M.E. Saltykova-Shchedrina (iz materialov Penzenskogo oblastnogo arkhiva) [“Dissenting Opinions” M.E. Saltykov-Shchedrin (from the materials of the Penza regional archive)]. *Istoriya SSSR*. 5: 147–150. [in Russian]
- [Nicol'skii, 2012](#) – Nicol'skii, S.A. (2012). Russkoe mirovozzrenie. «Novye lyudi» kak ideya i yavlenie: opyt osmysleniya v otechestvennoi filosofii i klassicheskoi literature 40–60-kh godov XIX stoletiya [Russian worldview. “New people” as an idea and a phenomenon: the experience of comprehension in Russian philosophy and classical literature of the 40–60s of the XIX century]. T. 3. M.: Progress-Traditsiya, 622 p. [in Russian]
- [M.E. Saltykov v Penzenskoi gubernii, 2021](#) – M.E. Saltykov v Penzenskoi gubernii [M.E. Saltykov in the Penza region]. Antologiya. Penzenskii krai v memuarakh, khudozhestvennoi literature i issledovaniyakh. Sostavitel': I.S. Shishkin. Kn. 9. Penza: B/i. Pp. 31–132. [in Russian]
- [Makashin, 1959](#) – Makashin, S.A. (1959). Neizdannye i nesobrannye pis'ma Saltykova [Saltykov's unpublished and uncollected letters]. *Literaturnoe nasledstvo*. 67: 449–536. [in Russian]
- [Makashin, 1984](#) – Makashin, S.A. (1984). Saltykov-Shchedrin: seredina puti, 1850-e – 1870-e gody: Biografiya [Saltykov-Shchedrin: the middle of the road, 1850s – 1870s: Biography]. M.: Khudozhestvennaya literatura, 575 p. [in Russian]
- [Pavlova, 2006](#) – Pavlova I.B. (2006). Sud'ba Rossii v tvorchestve M.E. Saltykova-Shchedrina [The fate of Russia in the work of M.E. Saltykov-Shchedrin]. M.: Kompaniya Sputnik+, 134 p. [in Russian]
- [Penzenskie gubernskie vedomosti, 1864](#) – *Penzenskie gubernskie vedomosti*. 1864. № 1. 1 yanvarya. [in Russian]
- [Rozenberg, 2011](#) – Rozenberg, N.V. (2011). Regional'naya identichnost': rol' prirodnykh i kul'turnykh faktorov [Regional identity: the role of natural and cultural factors]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Povolzhskii region. Gumanitarnye nauki*. 4(20): 79–85. [in Russian]

Ranchin, 2014 – *Ranchin, A.* (2014). Mikhail Saltykov-Shchedrin: satirik na gosudarstvennoi sluzhbe [Mikhail Saltykov-Shchedrin: satirist in public service]. *Gosudarstvennaya sluzhba*. 6(92): 87-94. [in Russian]

Savin, 1984 – *Savin, O.M.* (1984). «Eshche ochen' nedavno v Penze...» [“Very recently in Penza...”]. *Penza literaturnaya*. Penza: Privolzhckoe kn. izd-vo. Pp. 74-83. [in Russian]

Saltykov, 1923 – *Saltykov, K.M.* (1923). *Intimnyj Shchedrin* [Intimate Shchedrin]. M.-Pg.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo, 79 p. [in Russian]

Saltykov-Shchedrin, 1969 – *Saltykov-Shchedrin, M.E.* (1969). *Zaveshchanie moim detyam* [Testament to my children]. *Sobranie sochinenii v 20 t. T. 7. M.: Khudozhestvennaya literatura*. Pp. 7-24. [in Russian]

Saltykov-Shchedrin, 1975 – *Saltykov-Shchedrin, M.E.* (1975). *Pis'ma 1839–1868* [Letters 1839–1868]. *Sobranie sochinenii v 20 t. T. 18. Kn. 1. M.: Khudozhestvennaya literatura*, 350 p. [in Russian]

Saltykov-Shchedrin, 1988 – *Saltykov-Shchedrin, M.E.* (1988). *Sobranie sochinenii v 10 t.* [Collected works in 10 volumes]. T. 2. M.: Pravda, 542 p. [in Russian]

Saltykov-Shchedrin, 2013 – *Saltykov-Shchedrin, M.E.* (2013). *Sobranie sochinenii v 20 t.* [Collected works in 20 volumes]. T. 10. M.: Kniga po Trebovaniyu, 843 p. [in Russian]

Spiski naselennykh mest..., 1869 – *Spiski naselennykh mest Rossiiskoi imperii, sostavlennye i izdavaemye Tsentral'nym statisticheskim komitetom Ministerstva vnutrennikh del. XXX. Penzenskaya guberniya. Po svedeniyam 1864 g. guberniya* [Lists of populated places in the Russian Empire compiled and published by the Central Statistical Committee of the Ministry of the Interior. XXX. Penza region]. SPb.: Tipografiya Karla Vul'fa, 1869. 120 p. [in Russian]

Stalinskoe znamya, 1945 – *Stalinskoe znamya*. 1945. № 34. 18 fevralya. [in Russian]

Trudovaya pravda, 1926 – *Trudovaya pravda*. 1926. № 22. 28 yanvarya. [in Russian]

Khrabrovitskii, 1946 – *Khrabrovitskii, A.* (1946). *Saltykov-Shchedrin* [Saltykov-Shchedrin]. *Russkie pisateli v Penzenskoi oblasti*. Penza: Stalinskoe znamya. Pp. 66-75. [in Russian]

На заре эмансипации: Пензенская губерния до и после М.Е. Салтыкова (Щедрина)

Ольга Александровна Сухова ^{a, *}, Анна Александровна Тимакова ^a

^a Пензенский государственный университет, Пенза, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы множественности репрезентаций провинциальности, а также формирования идентичности региона. На основе анализа массива источников, опубликованных и вводимых в научный оборот впервые (делопроизводственные материалы, документы эпистолярного наследия, художественная литература), а также результатов исследовательской практики определены факторы, содержание и специфика развития самосознания пензенского сообщества в условиях отмены крепостного права и либеральных реформ 1860-х гг. Изучен уникальный опыт рецепции и освоения инновационных характеристик на примере деятельности М.Е. Салтыкова-Щедрина в должности председателя Пензенской казенной палаты.

Сравнительный анализ документальных свидетельств и гротеска пензенских репрезентаций в работах великого писателя позволяет выявить наиболее значимые сюжеты социального восприятия и противоречия начального этапа социокультурной трансформации. Статус «дворянского гнезда», форпоста дворянской земельной экспансии, сложный характер этнополитической эволюции, незавершенность процессов социальной интеграции предопределили кризисно-циклическую логику развития идентичности российской глубинки в первые десятилетия пореформенного развития. Вместе с тем следует отметить наличие возможностей в социальной среде для восприятия инновационных идей и стратегий поведения, соответствующих начальному этапу утверждения модерн-сознания.

Ключевые слова: Пензенская губерния, 1860-е гг., власть и общество, деятельность М.Е. Салтыкова-Щедрина, региональная идентичность, типология провинциальности.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: savtemp@yandex.ru (О.А. Сухова), anna.a.timakova@gmail.com (А.А. Тимакова)

Copyright © 2023 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2023. 18(2): 798-811
 DOI: 10.13187/bg.2023.2.798

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Development of the System of Public Education in Tambov Province in the second half of the XIX – early XX centuries. Part 1

Goran Rajović ^{a, b, *}, Sergei N. Bratanovskii ^c, Alexander Y. Epifanov ^{d, e}, Sergey A. Buryanov ^d

^a Cherkas Global University, Washington, USA

^b Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

^c Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russian Federation

^d Moscow City University, Moscow, Russian Federation

^e Department for the Study of Historical Problems of the Ministry of Internal Affairs of Russia of the Research Center of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russian Federation

Abstract

The paper considers the system of public education on the territory of the Tambov province in the period 1861–1917. This part of the article analyzes the period from 1861–1900.

The commemorative books of the Tambov province from 1861 to 1900 are used as sources. The statistical data in this source on the education system are very fragmentary, which causes significant difficulties in the analysis. “The most comprehensive reports of the Chief Prosecutor of the Holy Synod” cover only educational institutions of the church department.

The research methodology includes a set of historical methods, such as historical-system, historical-comparative, historical-typological, historical-genetic and historical-statistical methods, as well as a number of general scientific research methods, such as synthetic analysis, content analysis, system analysis.

In the course of the work, the authors came to the conclusion that the system of public education of the province developed unevenly, the special growth of ministerial educational institutions occurred in the 70-90s of the XIX century, during which the number of educational institutions increased three times; secondary education also significantly increased.

A strong increase in the primary educational institutions of the spiritual department was observed in the period from 1884 to 1900 (the number of parochial schools and literacy schools increased from 29 to 1186). The number of students has also grown (from 931 people to more than 45 thousand).

In general, in terms of the pace of education development and literacy coverage of the province's population, the Tambov province in the second half of the XIX century showed very good results, significantly overtaking other territories of the Russian Empire (in particular, most of the regions and provinces of the Caucasian Educational District, as well as Astrakhan, Penza, Vologda and other provinces).

Keywords: public education system, Tambov province, public schools, parochial schools, literacy schools.

1. Введение

Датой основания Тамбовской губернии принято считать 1796 год, в котором она была образована из Тамбовского наместничества.

Согласно Всероссийской переписи 1897 года, всего насчитывалось 2 715 453 человека, подавляющее большинство из которых проживали в сельской местности (2 490 756 чел. или 91,8 %);

* Corresponding author

E-mail addresses: dkgoran.rajovic@gmail.com (G. Rajović)

городского населения было, соответственно, 224 697 чел. или 8,2 %. Плотность населения составляла 46,5 человек на одну квадратную версту, увеличиваясь на юге и западе губернии и уменьшаясь на севере и востоке. Всего губерния насчитывала 13 городов и 3 123 сел и деревень ([Брокгауз-Ефрон, 1901: 560](#)).

Наиболее крупными городами были: Тамбов (48 тыс. чел.) – административный центр губернии, Козлов (40 тыс. чел.), Моршанск (26 тыс. чел.), Борисоглебск (22 тыс. чел.), Липецк (21 тыс. чел.).

По этническому признаку подавляющее большинство населения составляли русские (около 96 % всего населения), также проживали мордва (в уездах Спасском и Темниковском, 89 704 чел.) и татары (в тех же уездах, а также в Елатомском, около 14 тыс. чел.). Представителей других этнических групп было незначительное количество. В Спасском уезде большинство населения (53 %) составляла мордва, во всех других уездах абсолютное большинство составляли русские ([Брокгауз-Ефрон, 1901: 560](#)).

Практически все население губернии исповедовало православие (98,6 %), за исключением татар, исповедовавших ислам (0,7 %), а также небольшой группы молокан и других представителей сект (0,6 %) ([Брокгауз-Ефрон, 1901: 560](#)).

Попробуем осветить основные моменты развития системы образования в Тамбовской губернии в 1861–1900 годах.

2. Материалы и методы

Главным источником данной работы послужили ежегодные памятные книжки Тамбовской губернии с 1861 по 1894 годы, которые оказались нам доступны ([Памятная книжка, 1861](#); [Памятная книжка, 1864](#); [Памятная книжка, 1866](#); [Памятная книжка, 1873](#); [Памятная книжка, 1876](#); [Памятная книжка, 1879](#); [Памятная книжка, 1888](#); [Памятная книжка, 1866](#)). Памятные книжки издавались практически ежегодно и содержали информацию о различных учреждениях губернии, в том числе и учебных заведениях, а также включали в себя статистические таблицы и, в целом, были однотипными.

Другим важным источником являются ежегодные Всеподданнейшие отчеты обер-прокурора святейшего синода по ведомству православного исповедания, которые содержат информацию по церковно-приходским школам, духовным семинариям и епархиальным женским образовательным учреждениям ([Всеподданнейший отчет, 1886](#); [Всеподданнейший отчет, 1887](#); [Всеподданнейший отчет, 1888](#); [Всеподданнейший отчет, 1889](#); [Всеподданнейший отчет, 1891](#); [Всеподданнейший отчет, 1893](#); [Всеподданнейший отчет, 1895](#); [Всеподданнейший отчет, 1899](#); [Всеподданнейший отчет, 1901](#)).

Сведения о социальном составе может дать перепись населения 1897 года ([Перепись..., 1897](#)), а информацию об особенностях законодательства в сфере образования – полное собрание законов Российской империи ([ПСЗРИ, 1914](#)).

Также частичная информация содержится и в сборнике «Тамбовская губерния: список населенных мест по сведениям 1862 года», изданном в Санкт-Петербурге Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел под редакцией А. Артемьева ([Тамбовская губерния, 1866](#)).

Методология исследования опирается как на традиционные и нетрадиционные исторические, так и общенаучные методы исследования.

Из традиционных методов исследования применялись:

- историко-системный – использовался для анализа деятельности системы образования Тамбовской губернии в комплексной связи с экономической, социальной, демографической и политической ситуацией;

- историко-сравнительный – применялся для сравнения развития системы образования Тамбовской губернии в хронологическом аспекте (в частности, проведено сравнение деятельности системы образования губернии в нижней и верхней хронологических границах) и в территориальном аспекте (система образования губернии сравнивалась с другими регионами Российской империи);

- историко-типологический – применялся для определения и классификации типов образовательных учреждений;

- историко-генетический – применялся для выявления причинно-следственных связей между политикой образовательной администрации империи и Тамбовской губернии и развитием системы образования;

- метод контент-анализа (или историко-библиографический метод) – применялся для анализа источников и научной литературы по проблеме исследования.

Из нетрадиционных методов исторического исследования применялся историко-статистический (учет количества учащихся, учебных заведений, количества населения и распределения их по различным признакам в процентном соотношении и пр.).

Из общенаучных методов исследования применялись методы синтеза (для формулирования выводов исследования), математический метод (количественные расчеты) и др.

3. Обсуждение

Традиционно историографический обзор по проблеме исследования мы делим на дореволюционный, советский и современный периоды. Отметим, что публикаций по проблемам народного образования Тамбовской губернии немного, причем абсолютное большинство из них являются, так сказать, «специализированными» и освещают они весьма узкий спектр вопросов.

Из дореволюционных трудов нам оказалась доступна статья В. Лебедева «Историческая записка о Тамбовском епархиальном женском училище за 50 лет его существования, 1863–1913», опубликованная в сборнике «Пятидесятилетний юбилей Тамбовского епархиального женского училища» в г. Тамбове (Лебедев, 1914).

Ценнейшую информацию (правда, применительно лишь к конкретному году) дает энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона (Брокгауз-Ефрон, 1901).

Из советских работ (предположительно в 1923 году) в Тамбове был издан сборник «Земство по народному образованию Тамбовской губернии» (Земство..., 1903). Он содержит исторический очерк деятельности земства по народному образованию Тамбовской губернии, правила организации и деятельности книжного склада, анализирует и приводит статистические данные по числу школ, учащихся и распределению их по уездам, составу преподавательского персонала, попечителей и учащихся, статистику по дополнительным и внешкольным занятиям, а также перечень учебных пособий в библиотеках при школах. Также исследуются проблемы функционирования школ (по показаниям учителей), источники содержания школ, состояние и перечень школьных зданий и помещений.

Из современных работ отметим следующие: С.П. Юхачев анализирует процесс становления системы просвещения и образования тамбовской губернии конца XIX – начала XX века, но в контексте создания общества народных чтений (Юхачев, 2021). Е.Н. Щербакова исследует историю внешкольного образования, а именно – создание просветительного центра Тамбовской губернии (Щербакова, 1997). В сфере интересов М.К. Акользиной – развитие сети губернских частных учебных заведений в XIX веке (Акользина, 2019), а также вклад провинциального купечества в развитие системы образования в Тамбовской губернии (Акользина, 2018).

Проблемы формирования профессиональной группы преподавателей городских училищ (на материалах г. Тамбова в 1872–1912 гг.) освещают Е.В. Баранова, В.В. Баранова (Баранова и др., 2015); Е.В. Баранова также исследует работу городских училищ в контексте социальной модернизации доиндустриального города (на материале г. Тамбова) (Баранова, 2010).

Наконец, вопросы женского образования исследует В.Л. Колесникова (а именно место женщины духовного сословия в системе народного образования России XIX – начала XX вв. на примере Тамбовской губернии) (Колесникова, 2007) и В.Ф. Лисюнин в статье «Вопросы женского образования в Тамбовской епархии в конце XIX – начале XX вв.» (Лисюнин, 2003).

Для сравнительного анализа мы использовали работы по Вологодской (Cherkasov et al., 2019), Волынской (Cherkasov et al., 2022), Воронежской (Cherkasov et al., 2020a), Черноморской (Cherkasov et al., 2020b), Бакинской (Magsumov et al., 2021), Елисаветпольской (Magsumov et al., 2022), Тифлисской (Mamadaliyev et al., 2020), Кутаисской (Mamadaliyev et al., 2021), Эриванской (Mamadaliyev et al., 2022a), Пензенской (Mamadaliyev et al., 2022b), Вильненской (Natolochnaya et al., 2019), Ставропольской (Natolochnaya et al., 2020) губерниям, а также Терской (Cherkasov et al., 2020c), Дагестанской (Rajović et al., 2022) и Карской (Magsumov et al., 2020) областям и территориями Оренбургского (Magsumov, Zulfugarzade, 2020) и других (Molchanova et al., 2019) казачьих войск.

4. Результаты

По уровню образования мы выделяем четыре типа учебных заведений:

1. Высшее образование – то есть образование, полученное в высших учебных учреждениях с образовательным курсом, рассчитанным на 4–7,5 лет подготовки; выпускники не просто получали профессию, но и считались глубокими специалистами в своей отрасли, поэтому могли занимать любые должности в империи, вплоть до самых высших, а также преподавать в любых учебных учреждениях. Включали в себя все университеты (к началу XX века в России действовали девять университетов, в которых обучались только мужчины), привилегированные учебные заведения (например, Демидовский юридический лицей в г. Ярославле), некоторые профильные институты¹ (например, Московский археологический институт или Восточный институт во Владивостоке), консерватории (в частности, Петербургская и Московская консерватории), академии (например, Императорская Академия художеств), высшие женские курсы (де-факто являлись «женскими университетами»), православные духовные академии, а также некоторые высшие училища (в частности, Московское училище живописи, ваяния и зодчества или Императорское Строгановское центральное художественно-промышленное училище). Высшее образование не является предметом нашего исследования, так как в Российской империи данный тип образования нельзя в полной мере отнести к народному. Для поступления, как правило, было необходимо наличие среднего образования.

¹ Кроме учительских. Единственным высшим учебным заведением, готовившим учителей, был Главный педагогический институт, который закрылся в 1858 году.

2. Среднее образование – включало в себя учебные заведения с образовательным курсом, рассчитанным на 6–8 лет подготовки; выпускники получали профессию и могли трудиться/служить на должностях среднего звена (если речь шла о преподавательских заведениях, то и преподавать в учреждениях уровнем ниже). К таковым относились учительские институты (обучались только мужчины), гимназии и прогимназии (женские и мужские), епархиальные училища (женские учебные заведения для дочерей священнослужителей), институты благородных девиц, учительские семинарии, духовные семинарии, коммерческие и духовные училища, реальные (то есть с техническим уклоном) училища (до 1871 года именовались реальными гимназиями). Для поступления было необходимо наличие низшего образования.

3. Низшее образование – образование, полученное в так называемых низших учебных заведениях с образовательным курсом, обычно рассчитанным на 3–4 года подготовки. Профессии как таковой данное образование не давало, но более углубленно (в сравнении с начальным образованием) преподавались грамматика, арифметика и религиозные знания; в курс обучения включались такие предметы как математика, история, естествознание и пр., а также (в зависимости от типа учреждения) и ряд специальных предметов, которые способствовали лучшему овладению той или иной профессией. К данному типу учреждений относились городские училища (по Положению 1872 года), а также мусульманские медресе. К низшему образованию можно отнести также специализированные профессиональные курсы или классы, которые давали профессию (например, мореходные классы или торговые курсы). Для поступления было необходимо начальное образование (или обладание основами грамотности).

4. Начальное образование – образование, полученное в начальных учебных заведениях с образовательным курсом, рассчитанным обычно на 1–2 года подготовки; давало лишь основы грамотности (умение читать и писать, совершать простые арифметические действия, а также знание основ религиозного учения). Являлось основанием для поступления в низшие и средние учебные заведения. К данному типу учреждений относились церковно-приходские, земские и прочие школы, школы грамотности, воскресные школы, начальные народные училища, волостные и духовные училища, а также мусульманские мектебе.

Свою классификацию (от низшего до высшего уровня образования) имел и ряд военных учебных заведений (в частности, военные академии, военные училища, юнкерские училища, кадетские корпуса, военные прогимназии, военные школы и др.), которые также нельзя отнести к народным и которые, соответственно, также не могут являться предметом исследования в данной работе.

По состоянию на 1861 год в Тамбовской губернии имелись:

1. Из учебных заведений среднего уровня образования:

– Тамбовская губернская мужская гимназия и Благородный пансион при ней в г. Тамбове. В нее принимались дети дворян, чиновников, почетных граждан, купцов, а также мещан, окончивших курс в уездном училище ([Памятная книжка, 1961: 9](#));

– Тамбовский кадетский корпус в г. Тамбове. Как указывалось выше, военные учебные заведения не являются предметом рассмотрения в данной работе, поэтому подробного анализа данного учреждения мы делать не будем; также оно не включено и в общую статистику;

– Трехклассный пансион благородных девиц княжны Е.И. Назаровой в г. Тамбове;

– школа для приходящих девиц госпожи Полетаевой в г. Тамбове;

– духовная семинария в г. Тамбове.

2. Низшие образовательные учреждения:

– Тамбовское уездное училище (в г. Тамбове),

– Борисоглебское уездное училище (в г. Борисоглебске),

– Елатомское уездное училище (в г. Елатьме),

– Кирсановское уездное училище (в г. Кирсанове),

– Козловское уездное училище (в г. Козлове),

– Лебединское уездное училище (в г. Лебедяни),

– Липецкое уездное училище (в г. Липецке),

– Моршанское уездное училище (в г. Моршанске),

– Темниковское уездное училище (в г. Темникове),

– Усманское уездное училище (в г. Усмани),

– Шацкое уездное училище (в г. Шацке),

– сеть из одиннадцати духовных училищ (в городах Тамбове, Шацке, Липецке и др.).

Сведения о начальных учебных учреждениях и о количестве учащихся в них отсутствуют.

В памятной книжке за 1864 год появляются сведения об Александринском институте благородных девиц ([Памятная книжка, 1864: 83](#)).

В памятной книжке за 1866 год приводятся сведения о следующих учебных заведениях (помимо указанных выше) ([Памятная книжка, 1866: 137-145](#)):

– Женское училище 1-го разряда в г. Тамбове;

– Женское училище 2-го разряда в г. Козлове; училище также имело подготовительные классы;

- Женское училище 2-го разряда в г. Липецке; училище также имело подготовительные классы;
- Женское приходское училище в г. Борисоглебске;
- Женское приходское училище в г. Елатье;
- Женское приходское училище в г. Кирсанове;
- Женское приходское училище в г. Лебедяни;
- Женское приходское училище в г. Моршанске;
- Женское приходское училище в г. Темникове;
- Второе тамбовское уездное училище (г. Тамбове);
- Духовное женское училище в г. Тамбове.

Памятная книжка от 1873 года дает весьма полную статистику по типу и числу образовательных учреждений, а также по количеству учащихся по состоянию на 1871 год.

Так, в г. Тамбове числились Екатеринбургский учительский институт (55 учащихся мужского пола), две гимназии – мужская (375 учеников) и женская (151 ученица), одно уездное училище (104 учащихся), Александринский институт благородных девиц (111 учениц), духовная семинария (493 учащихся мужского пола), три духовных училища – два мужских (721 ученик) и одно женское (84 ученицы), одно мужское (118 учеников) и одно женское (71 ученица) приходские училища. Также имелись детский приют и два сиротских дома, анализ которых не является предметом нашего исследования. В Тамбовском уезде насчитывалось 44 мужских сельских школ и 7 школ общего пола с числом учащихся 1 740 мальчиков и 79 девочек ([Памятная книжка, 1873: 252](#)).

В г. Борисоглебске имелись одно уездное училище (70 учащихся мужского пола) и два приходских училища – мужское (189 учеников) и женское (176 учениц). В Борисоглебском уезде было 34 мужских, одна женская и 10 общего пола сельских и приходских школ (941 учеников и 17 учениц) ([Памятная книжка, 1873: 252](#)).

В г. Елатье насчитывалось одно уездное училище (59 учащихся мужского пола), одно мужское (83 ученика) и одно женское (74 ученицы) приходские училища. В Елатомском уезде действовала сеть из 69 мужских, двух женских и семи обоего пола сельских и приходских школ с числом учащихся в 2 571 мальчиков и 57 девочек ([Памятная книжка, 1873: 252](#)).

В г. Кирсанове – одно уездное училище (49 учащихся мужского пола), одно мужское (76 учеников) и одно женское (81 ученица) приходских училища. В соответствующем уезде было 25 мужских сельских и приходских школ, а также восемь для учащихся обоего пола, в которых учились 1 164 мальчика и 32 девочки ([Памятная книжка, 1873: 252](#)).

В г. Козлове имелась женская прогимназия (98 учениц), одно мужское уездное училище (99 учеников), четыре мужских (264 ученика) и два женских (100 учениц) приходских училища. В уезде имелись 85 мужских, одна женская и восемь сельских и приходских школ для учащихся обоего пола с числом учеников и учениц в 3 153 и 61 чел. соответственно ([Памятная книжка, 1873: 252](#)).

В г. Лебедяни действовали одно мужское уездное (27 чел.) и одно приходское училища для учащихся обоего пола (60 мальчиков и 56 девочек). В уезде действовали 17 мужских и три сельских и приходских школы обоего пола с числом учащихся в 736 мальчиков и 27 девочек ([Памятная книжка, 1873: 252](#)).

В г. Липецке функционировали одно уездное мужское училище (56 чел.), одна женская прогимназия (133 чел.), одно духовное училище (170 мальчиков) и одно мужское приходское училище (130 мальчиков); женских низших и начальных учебных заведений не было. В уезде имелись семь мужских сельских приходских школ (221 учащийся) и одна женская (с числом учениц в 3 чел.) ([Памятная книжка, 1873: 252](#)).

В г. Моршанске насчитывались: одно уездное училище (87 учащихся обоего пола) и по одному мужскому и женскому приходскому училищу (соответственно 206 учащихся мужского и 191 учащийся женского пола). В Моршанском уезде действовали 35 мужских, две женских и 12 сельских и приходских школ для детей обоего пола с числом учащихся 2 020 мальчиков и 106 девочек ([Памятная книжка, 1873: 252](#)).

В г. Спасске было лишь одно приходское смешанное училище, в котором обучался 51 учащийся (39 мальчиков и 12 девочек). В Спасском уезде имелись 19 мужских сельских приходских и одна смешанная школы, в этих учебных заведениях обучалось 627 человек (622 мальчика и 5 девочек) ([Памятная книжка, 1873: 252](#)).

В г. Темникове имелись по одному уездному (30 мальчиков) и приходскому (22 мальчика) училищу; женских учебных заведений не было. В уезде была одна мужская и четыре смешанных сельских и приходских школ (соответственно учащихся 186 мальчиков и 29 девочек) ([Памятная книжка, 1873: 252](#)).

В г. Усмани были одно мужское уездное училище (30 мальчиков), по два приходских училища (мужское и смешанное) и одно женское приходское училище, в которых училось 160 лиц мужского и 68 женского пола. В уезде действовали 30 мужских и три смешанных сельских и приходских школы (1 241 ученик и 24 ученицы) ([Памятная книжка, 1873: 252](#)).

В г. Шацке были одно мужское уездное училище (44 чел.), одно мужское уездное духовное училище (178 чел.) и по одному мужскому (35 чел.) и женскому (64 чел.) училищу. В Шацком уезде было 28 сельских и приходских школ (25 мужских, одна женская и две для учащихся обоего пола); по количеству учащихся указаны лишь 137 мальчиков, но не указаны учащиеся женского пола, что является ошибкой или опечаткой, так как женские и смешанные школы в отчете указываются (см. [Памятная книжка, 1873: 252](#)).

И, наконец, в г. Кадоме действовали по одному мужскому и женскому приходскому училищу с количеством учащихся соответственно 80 человек мужского пола и 47 человек женского пола ([Памятная книжка, 1873: 252](#)).

Как видим, по состоянию на 1871 год более всего учащихся было в Козловском уезде – 3 214 чел.

В памятных книжках на 1876, 1879 и 1888 годы каких-либо данных о системе образования не имелось.

Согласно энциклопедии Брокгауза и Ефрона, в 1880–1884 годах по данным земской подворной переписи крестьянского населения губернии среди мужчин грамотных было 8,9 % чел., а среди женщин – незначительные 0,4 % ([Брокгауз-Ефрон, 1901: 564](#)).

В памятной книжке на 1894 год указывается, что «...Всех учебных заведений в губернии в 1893 году состояло 1 512, в коих обучались 83 481 человек, из них: 67 588 мужского пола и 15 893 женского... Сравнительно с 1891 годом последовало увеличение: в числе учебных заведений на 206, учащихся – на 12 849 человек...» ([Памятная книжка, 1894: 328](#)).

В 1893 году в губернии «...в числе учебных заведений, неподведомственных дирекции народных училищ» действовали две мужские гимназии и две мужские прогимназии, одна женская гимназия и шесть женских прогимназий, два реальных училища, Александринский институт благородных девиц, духовная семинария, четыре духовных училища, одно епархиальное женское училище, Екатерининский учительский институт «и начальное училище при нем» ([Памятная книжка, 1894: 328](#)).

«В числе учебных заведений, неподведомственных дирекции народных училищ, состояло:

1. Городских училищ:

– мужских – 2 (250 учащихся),

– женских – 1 (48 учащихся).

2. Уездных и приходских:

– мужских – 31 (3 805 учащихся),

– женских – 9 (1 400 учащихся),

– обоего пола – 2 (346 учащихся).

3. Пансионеров и школ частных лиц, городов и др.:

– мужских – 2 (80 учащихся),

– женских – 2 (41 учащийся),

– обоего пола – 21 (419 учащихся).

4. Сельские училища:

1) образцовые:

– мужские – 3 (564 учащихся),

– женских – 1 (84 учащихся),

– обоего пола – 10 (989 учащихся).

2) начальные народные:

– мужские – 26 (1 025 учащихся),

– женские – 2 (140 учащихся),

– обоего пола – 506 (39 262 учащихся).

5. Церковно-приходские – 871 (29 760 учащихся)» ([Памятная книжка, 1894: 329](#)).

Как видим, к 1893 году (в сравнении с началом 1870-х гг.) значительно увеличилось количество начальных учебных заведений для учащихся обоего пола, в то время как чисто мужские и чисто женские аналогичные школы и училища стали редкостью, в то время как четверть века назад соотношение было с точностью до наоборот.

Помимо этого, существовали и национальные школы. [Памятная книжка](#) за 1894 год прямо указывает, что в число вышеуказанных начальных учебных заведений не вошли татарские школы, общее число которых было 26, среди них были и медресе (низший уровень образования), и мектебе (начальный уровень образования) ([Памятная книжка, 1894: 331](#)).

Всего же в начале 1894 г. на территории Тамбовской губернии в начальных школах обучалось 80 092 ученика, среди них 65 599 мальчиков и 15 493 девочки. В процентном соотношении мальчики составляли 81,9 %, а девочки – 18,1 %. Из общего количества учебных заведений 632 относились к министерству народного просвещения (46 734 учащихся), 966 – к ведомству Святейшего Синода (33 287 учащихся), были еще 2 социальных учреждения – сиротский и воспитательный дома (71 учащийся) ([Памятная книжка, 1894: 333-334](#)). Конфессиональный состав учащихся был следующим: православных – 79 539, католиков – 12, лютеран – 10, иудеев – 38, раскольников – 484. Родители обучающихся принадлежали к следующим сословиям: детей дворян и чиновников – 608,

детей лиц духовного звания – 888, детей лиц купеческого и мещанского – 7122, крестьянского – 70 584, казаков – 5, прочих сословий – 885 (Памятная книжка, 1894: 334).

На рубеже XIX–XX вв. ситуация в образовательной сфере на территории Тамбовской губернии кардинально изменилась. Так, если в 1874 г. количество грамотных среди призванных на военную службу было 10,3 %, то в 1899 г. их количество достигло 48,4 %. В 1900 г. сеть сельских начальных учебных заведений насчитывала 1 723 единицы, из них: земскими были – 681 школа, министерскими – 12, частными – 11, церковно-приходскими – 580, школами грамоты – 439. Всего в сельских начальных учебных заведениях обучалось 91 289 человек (74 299 мальчиков и 16 990 девочек). Причем среди мальчиков учебным процессом было охвачено 83 % от общего количества мальчиков школьного возраста. Среди девочек этот процент составлял только – 19. В сети городских начальных учебных заведений было 147 училищ, из них 66 министерских и частных, 69 – церковно-приходских, помимо этого, было одно 4-классное, три 3-классных и 8 уездных училищ. Общее количество учащихся в городских начальных учебных заведениях 11 691 учащийся (7 126 мальчиков и 4 565 девочек). В сети средних учебных заведений было 20 учебных заведений (3 мужских гимназии, 1 мужская прогимназия, 2 реальных училища, 1 коммерческое училище, 1 учительский институт, 1 духовная семинария, 4 духовных училища, 1 женский институт, 3 женских гимназии и 2 женских прогимназии, 1 епархиальное женское училище). Всего учащихся в средних учебных заведениях было 6 405 человек (3 941 лицо мужского пола и 2 464 лиц женского пола) (Брокгауз-Ефрон, 1901: 564-565).

С конца 1880-х гг. в губернии значительное внимание стало уделяться созданию школьных библиотек. В результате к 1900 г. в школах министерства народного просвещения насчитывалось 376 библиотек, при церковно-приходских школах – 33 библиотеки (Брокгауз-Ефрон, 1901: 565).

Для удобства восприятия информации, полученные данные были сгруппированы нами в соответствующие таблицы.

Таблица 1. Количество учебных заведений Тамбовской губернии по типам¹ (Памятная книжка, 1861: 43-45; Памятная книжка, 1864: 80-82; Памятная книжка, 1866: 137-145; Памятная книжка, 1873: 252; Памятная книжка, 1894: 328-329; Брокгауз-Ефрон, 1901: 564-565).

Год	Учебных заведений				Число учащихся
	средних	низших	начальных	всего	
1861	4	15	н/д	19	н/д
1864	5	15	н/д	20	н/д
1866 ²	5	20	7	32	н/д
1871	7	15	447	469	20 798
1876	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д
1879	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д
1888	н/д	н/д	н/д	1 489	н/д
1893	16	3 ³	1 419 ⁴	1 512 ⁵	83 481
1900	16	н/д	1 723	н/д	109 385

Как видно из статистических данных **Таблицы 1**, система народного образования развивалась неравномерно. Также необходимо отметить отсутствие полных и точных данных по количеству учебных заведений, числу учащихся и пр. Вместе с тем, в период с 1871 по 1894 год общее число учебных заведений увеличилось в три раза, что является весьма достойным результатом развития системы образования. К началу XX века существенно усилилось и среднее образование.

Как видим, количество духовных средних и низших учебных заведений не поменялось за 14 исследуемых лет. Число учащихся также варьируется приблизительно от 1 550 до 1 800 человек, незначительно меняясь год от года. В сравнении с быстроразвивающимся начальным духовным образованием (**Таблица 3**), развития среднего и низшего духовного образования не наблюдается. Предполагаем, что это всецело связано с соответствующими целями тамбовской губернской администрации и руководства образовательной дирекции, которые всячески стремились распространить грамотность среди населения, но более глубокое духовное и светское образование считали излишним.

¹ Данные неполные.

² Данные неполные.

³ Данные неполные.

⁴ Без учета национальных (татарских) учебных заведений.

⁵ По другим данным – 1600 штук (Памятная книжка, 1894: 332).

Таблица 2. Количество духовных средних и низших учебных заведений на территории Тамбовской губернии в 1861–1900 гг. (Всеподданнейший отчет, 1886: 227, 232; Всеподданнейший отчет, 1887: 189, 194; Всеподданнейший отчет, 1888: 164, 169; Всеподданнейший отчет, 1889: 188, 193; Всеподданнейший отчет, 1891: 288, 293, 328, 333; Всеподданнейший отчет, 1893: 300, 305, 360, 365; Всеподданнейший отчет, 1895: 334, 337, 374, 377; Всеподданнейший отчет, 1899: 157, 159, 188, 191; Всеподданнейший отчет, 1901: 130, 133)

Год	Количество духовных учебных заведений			Количество учащихся		
	семинарий (средние учебные заведения)	училищ (низшие учебные заведения)	всего	в семинариях	в училищах	всего
1884	1	4	5	591	962	1 553
1885	1	4	5	592	1 128	1 720
1886	1	4	5	591	1 001	1 594
1887	1	4	5	560	1 132	1 692
1888	1	4	5	380	1 161	1 541
1889	1	4	5	595	1 195	1 790
1890	1	4	5	594	1 122	1 716
1891	1	4	5	610	1 102	1 712
1892	1	4	5	610	1 102	1 712
1893	1	4	5	631	1 075	1 706
1896	1	4	5	627	1 050	1 677
1897	1	4	5	641	1 055	1 696
1898	1	4	5	587	1 047	1 634

Таблица 3. Количество начальных учебных заведений Святейшего Синода на территории Тамбовской губернии в 1861–1900 гг. (Всеподданнейший отчет, 1886: 237; Всеподданнейший отчет, 1887: 199; Всеподданнейший отчет, 1888: 173; Всеподданнейший отчет, 1889: 198; Всеподданнейший отчет, 1899: 209-210, 212-213; Всеподданнейший отчет, 1903: 64-65)

Год	Количество церковно-приходских учебных заведений			Количество учащихся		
	церковные школы	школы грамоты	всего	мальчиков	девочек	всего
1884	29	н/д	29	808	106	912
1885	125	н/д	125	3 750	213	3 963
1886	320	н/д	320	7 551	704	8 255
1887	358	106	464	9 356	935	10 291
1888	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д
1889	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д
1890	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д
1891	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д
1892	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д
1893	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д

1896	567	483	1 050	26 319	6 278	32 597
1897	601	527	1 128	33 424	9 660	43 084
1900	725	461	1 186	33 263	12 327	45 590

Прежде всего необходимо отметить, что до 1884 г. дело создания церковно-приходских школ для представителей духовного ведомства было сугубо добровольным делом. Ввиду этого количество церковно-приходских школ на территории Тамбовской губернии было незначительным. 26 июня 1884 г. императором Александром III был подписан Указ об учреждении церковно-приходских школ и было выделено финансирование на этот проект. В результате уже в 1885 г. происходит взрывной рост количества этих учебных заведений. В местах, где количество учащихся было минимальным, Святейший Синод открывает школы грамоты. В итоге к 1900 г. на территории губернии было открыто 1186 учебных заведений, а общее количество учащихся превысило 45 тыс. человек, то есть увеличилось более чем в 45 раз.

Соотношение учащихся по гендерному признаку можно обозначить как характерное для конца XIX века: похожее соотношение учащихся наблюдается и в других территориях Российской империи.

В целом отметим, что по темпам развития образования и охвату населения губернии грамотностью Тамбовская губерния во второй половине XIX века показала весьма неплохие результаты, значительно обогнав другие территории Российской империи (см., напр., [Magsumov et al., 2020](#); [Magsumov, Zulfugarzade, 2020](#); [Natolochnaya et al., 2019](#); [Natolochnaya et al., 2020](#); [Rajović et al., 2022](#) и др.), в том числе – и территории так называемой «средней полосы» (см., напр., [Cherkasov et al., 2020a](#); [Cherkasov et al., 2019](#); [Mamadaliyev et al., 2022b](#)).

5. Заключение

В ходе проделанной работы мы можем сделать следующие выводы:

1. К сожалению, статистические данные по деятельности системы образования в Тамбовской губернии в XIX веке, приведенные в Памятных книжках, особенно по 1860–1870-м годам, достаточно обрывочны и неполны. Во Всеподданнейших отчетах статистика куда более глубокая и обширная, однако она охватывает лишь образовательные учреждения церковного ведомства и не освещает информацию по светским образовательным организациям. Такая ситуация весьма затрудняет аналитическую работу по изучению образовательной системы губернии.

2. Система народного образования губернии развивалась неравномерно. В период с 1871 по 1894 год общее число министерских учебных заведений увеличилось в три раза, что является весьма достойным результатом. К началу XX века существенно усилилось и среднее образование.

3. Количество духовных средних и низших учебных заведений практически не изменилось. Число учащихся также варьируется приблизительно от 1550 до 1800 человек, незначительно меняясь год от года.

4. Сильный прирост начальных учебных заведений духовного ведомства наблюдается в период с 1884 по 1900 год (число церковно-приходских школ увеличилось с 29 до 1186). Выросло и число учащихся (с 931 человека до более 45 тыс.).

5. Соотношение учащихся по гендерному признаку можно обозначить как характерное для конца XIX века: абсолютное большинство населения, получающее образование и грамотность, были лицами мужского пола; похожее соотношение учащихся наблюдается и в других территориях Российской империи.

6. К середине 90-х годов XIX века в каждом городском училище в среднем обучалось около 96 учащихся, в сельском училище – 73 чел., в церковно-приходских школах – 26 чел.

7. По темпам развития образования и охвату населения губернии грамотностью Тамбовская губерния во второй половине XIX века показала весьма неплохие результаты, значительно обогнав другие территории Российской империи (в частности, большую часть областей и губерний Кавказского учебного округа, а также Астраханскую, Пензенскую, Вологодскую и другие губернии).

Литература

[Акользина, 2018](#) – Акользина М.К. Вклад провинциального купечества в развитие системы образования в Тамбовской губернии в XIX веке // *Гаудеамус*. 2018. Т. 17. № 38. С. 87-91.

[Акользина, 2019](#) – Акользина М.К. Частные учебные заведения в Тамбовской губернии в XIX веке // *Гаудеамус*. 2019. Т. 18. № 39. С. 83-88.

[Баранова, 2010](#) – Баранова Е.В. Катализатор перемен: городские училища в контексте социальной модернизации доиндустриального города (на материале г. Тамбова) // *Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2010. № 10(90). С. 212-218.

[Баранова и др., 2015](#) – Баранова Е.В., Баранова В.В. Формирование профессиональной группы преподавателей городских училищ (на материалах г. Тамбова в 1872–1912 гг.) // *Социально-экономические явления и процессы*. 2015. Т. 10. № 4. С. 94-101.

[Брокгауз-Ефрон, 1901](#) – Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: Т. XXXIIA(64). СПб.: Семеновская Типолитография (И.А. Ефрона), 1901. С. 557-566.

- Всеподданнейший отчет, 1886** – Всеподданнейший отчет обер-прокурора святейшего синода по ведомству православного исповедания за 1884 год. СПб.: Синодальная типография, 1886.
- Всеподданнейший отчет, 1887** – Всеподданнейший отчет обер-прокурора святейшего синода по ведомству православного исповедания за 1885 год. СПб.: Синодальная типография, 1887.
- Всеподданнейший отчет, 1888** – Всеподданнейший отчет обер-прокурора святейшего синода по ведомству православного исповедания за 1886 год. СПб.: Синодальная типография, 1888.
- Всеподданнейший отчет, 1889** – Всеподданнейший отчет обер-прокурора святейшего синода по ведомству православного исповедания за 1887 год. СПб.: Синодальная типография, 1889.
- Всеподданнейший отчет, 1891** – Всеподданнейший отчет обер-прокурора святейшего синода по ведомству православного исповедания за 1888 и 1889 годы. СПб.: Синодальная типография, 1891.
- Всеподданнейший отчет, 1893** – Всеподданнейший отчет обер-прокурора святейшего синода по ведомству православного исповедания за 1890 и 1891 годы. СПб.: Синодальная типография, 1893.
- Всеподданнейший отчет, 1895** – Всеподданнейший отчет обер-прокурора святейшего синода по ведомству православного исповедания за 1892 и 1893 годы. СПб.: Синодальная типография, 1895.
- Всеподданнейший отчет, 1899** – Всеподданнейший отчет обер-прокурора святейшего синода по ведомству православного исповедания за 1896 и 1897 гг. СПб.: Синодальная типография, 1899.
- Всеподданнейший отчет, 1901** – Всеподданнейший отчет обер-прокурора святейшего синода по ведомству православного исповедания за 1898 год. СПб.: Синодальная типография, 1901.
- Земство..., 1903** – Земство по народному образованию Тамбовской губернии. Тамбов, 1903.
- Колесникова, 2007** – Колесникова В.Л. Женщина духовного сословия в системе народного образования России XIX – начала XX вв. (на примере Тамбовской губернии) // *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика*. 2007. № 32. С. 67-71.
- Лебедев, 1914** – Лебедев В. Историческая записка о Тамбовском епархиальном женском училище за 50 лет его существования, 1863-1913 / Пятидесятилетний юбилей Тамбовского епархиального женского училища. Тамбов, 1914.
- Лисюнин, 2003** – Лисюнин В.Ф. Вопросы женского образования в Тамбовской епархии в конце XIX – начале XX вв. (на примере Тамбовского женского епархиального училища) // Женская повседневность в России: материалы междунар. науч. конф. Тамбов, 2003.
- Памятная книжка, 1861** – Памятная книжка для Тамбовской губернии на 1861 год. Тамбов: Тамбовский губернский статистический комитет, 1861.
- Памятная книжка, 1864** – Памятная книжка для Тамбовской губернии на 1864 год. Тамбов: Тамбовский губернский статистический комитет, 1864.
- Памятная книжка, 1866** – Памятная книжка для Тамбовской губернии на 1866 год. Тамбов: Тамбовский губернский статистический комитет, 1866.
- Памятная книжка, 1873** – Памятная книжка для Тамбовской губернии на 1873 год. Тамбов: Тамбовский губернский статистический комитет, 1873.
- Памятная книжка, 1876** – Памятная книжка для Тамбовской губернии на 1876 год. Тамбов: Тамбовский губернский статистический комитет, 1876.
- Памятная книжка, 1879** – Памятная книжка для Тамбовской губернии на 1879 год. Тамбов: Тамбовский губернский статистический комитет, 1879.
- Памятная книжка, 1888** – Памятная книжка для Тамбовской губернии на 1888 год. Тамбов: Тамбовский губернский статистический комитет, 1888.
- Памятная книжка, 1894** – Памятная книжка для Тамбовской губернии на 1894 год. Тамбов: Тамбовский губернский статистический комитет, 1894.
- Перепись..., 1897** – Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. XLII. Тамбовская губерния / Под ред. Н.А. Тройницкого. СПб.: Слово, 1904.
- Тамбовская губерния, 1866** – Тамбовская губерния: список населенных мест по сведениям 1862 года / обработан старшим редактором А. Артемьевым. СПб.: Центральный статистический комитет Министерства внутренних дел, 1866.
- Щербакова, 1997** – Щербакова Е.Н. Просветительный центр Тамбовской губернии: к истории внешнего образования // *Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки*. 1997. № 2. С. 81-86.
- Юхачев, 2021** – Юхачев С.П. Становление системы просвещения и образования Тамбовской губернии конца XIX – начала XX века: общество народных чтений // *Манускрипт*. 2021. Т. 14. Вып. 9. С. 1760-1765.
- Cherkasov et al., 2019** – Cherkasov A.A., Bratanovskii S.N., Koroleva L.A., Zimovets L.G. Development of school education in the Vologda governorate (1725–1917). Part 2 // *European Journal of Contemporary Education*. 2019. 8(2): 418-424.
- Cherkasov et al., 2020a** – Cherkasov A.A., Bratanovskii S.N., Koroleva L.A., Zimovets L.G. The Public Education System in Voronezh Governorate in the Period 1703–1917. Part 2 // *Bylye Gody*. 2020. 56(2): 428-436.

[Cherkasov et al., 2020b](#) – Cherkasov A.A., Koroleva L.A., Bratanovskii S.N. The System of Public Education on the Territory of the Black Sea Province in 1896–1917. Part 1 // *Vestnik of Saint Petersburg University. History*. 2020. 65(3): 750-770.

[Cherkasov et al., 2020c](#) – Cherkasov A.A., Bratanovskii S.N., Zimovets L.G. The System of Public Education in Terek Oblast in the Period 1860–1917. Part 1 // *European Journal of Contemporary Education*. 2020. 9(4): 963-970.

[Cherkasov et al., 2022](#) – Cherkasov A.A., Bratanovsky S.N., Zimovets L.G., Koroleva L.A. The System of Public Education in Volyn Governorate in the Period 1796–1917. Part 2 // *European Journal of Contemporary Education*. 2022. 11(1): 307-313.

[Magsumov et al., 2020](#) – Magsumov T.A., Korolev A.A., Ponomareva M.A., Zulfugarzade T.E. The System of Public Education in Kars Oblast in the Period 1878–1917. Part 2 // *European Journal of Contemporary Education*. 2020. 9(2): 459-472.

[Magsumov et al., 2021](#) – Magsumov T.A., Zulfugarzade T.E., Kolotkov M.B., Zinkovskii S.B. The System of Public Education in Baku Governorate in the Period between the second half of the 19th century and the early 20th century. Part 1 // *European Journal of Contemporary Education*. 2021. 10(2): 529-545.

[Magsumov et al., 2022](#) – Magsumov T.A., Zulfugarzade T.E., Kolotkov M.B., Zinkovskii S.B. The System of Public Education in Elisabethpol Governorate in the Period 1868–1917. Part 2 // *European Journal of Contemporary Education*. 2022. 11(1): 299-306.

[Magsumov, Zulfugarzade, 2020](#) – Magsumov T.A., Zulfugarzade T.E. The System of Public Education in the Orenburg Cossack Army (1820–1917). Part 1 // *Bylye Gody*. 2020. 57(3): 1113-1123.

[Mamadaliev et al., 2020](#) – Mamadaliev A.M., Karpukhin D.V., Svechnikova N.V., Médico A. The System of Public Education in Tiflis Governorate in the Period 1802–1917. Part 2 // *Bylye Gody*. 2020. 56(2): 530-540.

[Mamadaliev et al., 2021](#) – Mamadaliev A.M., Karpukhin D.V., Svechnikova N.V., Koroleva L.A. The System of Public Education in the Kutaisi Province in 1846–1917. Part 2 // *Bylye Gody*. 2021. 16(2): 699-716.

[Mamadaliev et al., 2022a](#) – Mamadaliev A.M., Bogdan V.V., Svechnikova N.V., Miku N.V. The System of Public Education in the Erivan Province in 1849–1917. Part 2 // *Bylye Gody*. 2022. 17(1): 386-402.

[Mamadaliev et al., 2022b](#) – Mamadaliev A.M., Nikitina V.S., Svechnikova N.V., Makarov Yu.N. (2022). The System of Public Education in Penza Governorate in the second half of the 19th and early 20th centuries. Part 1 // *European Journal of Contemporary Education*. 2022. 11(1): 258-268.

[Molchanova et al., 2019](#) – Molchanova V.S., Balanyuk L.L., Vidishcheva E.V., Potapova I.I. The Development of Primary Education on the Cossack Territories in 1803–1917 years (on the Example of the Kuban Region). Part 2 // *Bylye Gody*. 2019. 54(4): 1524-1536.

[Natolochnaya et al., 2019](#) – Natolochnaya O.V., Bulgarova B.A., Voropaeva Yu.A., Volkov A.N. The History of the Public Education System in Vilna Governorate (the Second Half of the 19th and Early 20th Centuries). Part 2 // *European Journal of Contemporary Education*. 2019. 8(4): 964-972.

[Natolochnaya et al., 2020](#) – Natolochnaya O.V., Allalyev R.M., Svechnikov V.A., Ivantsov V.G. The System of Public Education in Stavropol Governorate in the Period 1804–1917. Part 3 // *European Journal of Contemporary Education*. 2020. 9(4): 984-992.

[Rajović et al., 2022](#) – Rajović G., Bratanovskii S.N., Epifanov A.E., Galitskaya N.V. The System of Public Education in Dagestan Oblast (1860–1917) // *European Journal of Contemporary Education*. 2022. 1(2): 656-661.

References

[Akol'zina, 2018](#) – Akol'zina, M.K. (2018). Vklad provintsial'nogo kupechestva v razvitie sistemy obrazovaniya v Tambovskoi gubernii v XIX veke [The contribution of the provincial merchants to the development of the education system in the Tambov province in the 19th century]. *Gaudeamus*. 17(38): 87-91. [in Russian]

[Akol'zina, 2019](#) – Akol'zina, M.K. (2019). Chastnye uchebnye zavedeniya v Tambovskoi gubernii v XIX veke [Private educational institutions in the Tambov province in the 19th century]. *Gaudeamus*. 18(39): 83-88. [in Russian]

[Baranova i dr., 2015](#) – Baranova, E.V., Baranova, V.V. (2015). Formirovanie professional'noi gruppy prepodavatelei gorodskikh uchilishch (na materialakh g. Tambova v 1872–1912 gg.) [Formation of a professional group of teachers of urban schools (based on the materials of the city of Tambov in 1872–1912)]. *Sotsial'no-ekonomicheskie yavleniya i protsessy*. 10(4): 94-101. [in Russian]

[Baranova, 2010](#) – Baranova, E.V. (2010). Katalizator peremen: gorodskie uchilishcha v kontekste sotsial'noi modernizatsii doindustrial'nogo goroda (na materiale g. Tambova) [A catalyst for change: urban schools in the context of social modernization of a pre-industrial city (on the material of Tambov)]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*. 10(90): 212-218. [in Russian]

- [Brokgauz-Efron, 1901](#) – Entsiklopedicheskii slovar' Brokgauza i Efrona [Encyclopedic Dictionary of Brockhaus and Efron]: T. XXXIIA(64). SPb.: Semenovskaya Tipolitografiya (I.A. Efrona), 1901. Pp. 557-566. [in Russian]
- [Cherkasov et al., 2020a](#) – *Cherkasov, A.A., Bratanovskii, S.N., Koroleva, L.A., Zimovets, L.G.* (2020). The Public Education System in Voronezh Governorate in the Period 1703–1917. Part 2. *Bylye Gody*. 56(2): 428-436.
- [Cherkasov et al., 2020b](#) – *Cherkasov, A.A., Koroleva, L.A., Bratanovskii, S.N.* (2020). The System of Public Education on the Territory of the Black Sea Province in 1896–1917. Part 1. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*. 65(3): 750-770.
- [Cherkasov et al., 2020c](#) – *Cherkasov, A.A., Bratanovskii, S.N., Zimovets, L.G.* (2020). The System of Public Education in Terek Oblast in the Period 1860–1917. Part 1. *European Journal of Contemporary Education*. 9(4): 963-970.
- [Cherkasov et al., 2022](#) – *Cherkasov, A.A., Bratanovskii, S.N., Zimovets, L.G., Koroleva, L.A.* (2022). The System of Public Education in Volyn Governorate in the Period 1796–1917. Part 2. *European Journal of Contemporary Education*. 11(1): 307-313.
- [Kolesnikova, 2007](#) – *Kolesnikova, V.L.* (2007). Zhenshchina dukhovnogo sosloviya v sisteme narodnogo obrazovaniya Rossii XIX – nachala KhKh vv. (na primere Tambovskoi gubernii) [Woman of the clergy in the system of public education in Russia in the 19th – early 20th centuries (on the example of the Tambov province)]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta*. Seriya: Istoriya. Politologiya. Ekonomika. Informatika. 32: 67-71. [in Russian]
- [Lebedev, 1914](#) – *Lebedev, V.* (1914). Istoricheskaya zapiska o Tambovskom eparkhial'nom zhenskom uchilishche za 50 let ego sushchestvovaniya, 1863–1913 [Historical note on the Tambov diocesan women's school for 50 years of its existence, 1863–1913]. Pyatidesyatiletanii yubilei Tambovskogo eparkhial'nogo zhenskogo uchilishcha. Tambov. [in Russian]
- [Lisyunin, 2003](#) – *Lisyunin, V.F.* (2003). Voprosy zhenskogo obrazovaniya v Tambovskoi eparkhii v kontse XIX – nachale XX vv. (na primere Tambovskogo zhenskogo eparkhial'nogo uchilishcha) [Issues of women's education in the Tambov diocese in the late XIX – early XX centuries (on the example of the Tambov Diocesan Women's School)]. *Zhenskaya pousednevnost' v Rossii: materialy mezhdunar. nauch. konf. Tambov*. [in Russian]
- [Magsumov et al., 2020](#) – *Magsumov, T.A., Korolev, A.A., Ponomareva, M.A., Zulfugarzade, T.E.* (2020). The System of Public Education in Kars Oblast in the Period 1878–1917. Part 2. *European Journal of Contemporary Education*. 9(2): 459-472.
- [Magsumov et al., 2021](#) – *Magsumov, T.A., Zulfugarzade, T.E., Kolotkov, M.B., Zinkovskii, S.B.* (2021). The System of Public Education in Baku Governorate in the Period between the second half of the 19th century and the early 20th century. Part 1. *European Journal of Contemporary Education*. 10(2): 529-545.
- [Magsumov et al., 2022](#) – *Magsumov, T.A., Zulfugarzade, T.E., Kolotkov, M.B., Zinkovskii, S.B.* (2022). The System of Public Education in Elisabethpol Governorate in the Period 1868–1917. Part 2. *European Journal of Contemporary Education*. 11(1): 299-306.
- [Magsumov, Zulfugarzade, 2020](#) – *Magsumov, T.A., Zulfugarzade, T.E.* (2020). The System of Public Education in the Orenburg Cossack Army (1820–1917). Part 1. *Bylye Gody*. 57(3): 1113-1123.
- [Mamadaliyev et al., 2020](#) – *Mamadaliyev, A.M., Karpukhin, D.V., Svechnikova, N.V., Médico, A.* (2020). The System of Public Education in Tiflis Governorate in the Period 1802–1917. Part 2. *Bylye Gody*. 56(2): 530-540.
- [Mamadaliyev et al., 2021](#) – *Mamadaliyev, A.M., Karpukhin, D.V., Svechnikova, N.V., Koroleva, L.A.* (2021). The System of Public Education in the Kutaisi Province in 1846–1917. Part 2. *Bylye Gody*. 16(2): 699-716.
- [Mamadaliyev et al., 2022a](#) – *Mamadaliyev, A.M., Bogdan V.V., Svechnikova, N.V., Miku, N.V.* The System of Public Education in the Erivan Province in 1849–1917. Part 2. *Bylye Gody*. 17(1): 386-402.
- [Mamadaliyev et al., 2022b](#) – *Mamadaliyev, A.M., Nikitina, V.S., Svechnikova, N.V., Makarov, Yu.N.* (2022). The System of Public Education in Penza Governorate in the second half of the 19th and early 20th centuries. Part 1. *European Journal of Contemporary Education*. 11(1): 258-268.
- [Molchanova et al., 2019](#) – *Molchanova, V.S., Balanyuk, L.L., Vidishcheva, E.V., Potapova, I.I.* (2019). The Development of Primary Education on the Cossack Territories in 1803–1917 years (on the Example of the Kuban Region). Part 2. *Bylye Gody*. 54(4): 1524-1536.
- [Natolochnaya et al., 2019](#) – *Natolochnaya, O.V., Bulgarova, B.A., Voropaeva, Yu.A., Volkov, A.N.* (2019). The History of the Public Education System in Vilna Governorate (the Second Half of the 19th and Early 20th Centuries). Part 2. *European Journal of Contemporary Education*. 8(4): 964-972.
- [Natolochnaya et al., 2020](#) – *Natolochnaya, O.V., Allalyev, R.M., Svechnikov, V.A., Ivantsov, V.G.* (2020). The System of Public Education in Stavropol Governorate in the Period 1804–1917. Part 3. *European Journal of Contemporary Education*. 9(4): 984-992.
- [Pamyatnaya knizhka, 1861](#) – Pamyatnaya knizhka dlya Tambovskoi gubernii na 1861 god [The commemorative book for the Tambov province for 1861]. Tambov: Tambovskii gubernskii statisticheskii komitet, 1861. [in Russian]

[Pamyatnaya knizhka, 1864](#) – Pamyatnaya knizhka dlya Tambovskoi gubernii na 1864 god [The commemorative book for the Tambov province for 1864]. Tambov: Tambovskii gubernskii statisticheskii komitet, 1864. [in Russian]

[Pamyatnaya knizhka, 1866](#) – Pamyatnaya knizhka dlya Tambovskoi gubernii na 1866 god [The commemorative book for the Tambov province for 1866]. Tambov: Tambovskii gubernskii statisticheskii komitet, 1866. [in Russian]

[Pamyatnaya knizhka, 1873](#) – Pamyatnaya knizhka dlya Tambovskoi gubernii na 1873 god [The commemorative book for the Tambov province for 1873]. Tambov: Tambovskii gubernskii statisticheskii komitet, 1873. [in Russian]

[Pamyatnaya knizhka, 1876](#) – Pamyatnaya knizhka dlya Tambovskoi gubernii na 1876 god [The commemorative book for the Tambov province for 1876]. Tambov: Tambovskii gubernskii statisticheskii komitet, 1876. [in Russian]

[Pamyatnaya knizhka, 1879](#) – Pamyatnaya knizhka dlya Tambovskoi gubernii na 1879 god [The commemorative book for the Tambov province for 1879]. Tambov: Tambovskii gubernskii statisticheskii komitet, 1879. [in Russian]

[Pamyatnaya knizhka, 1888](#) – Pamyatnaya knizhka dlya Tambovskoi gubernii na 1888 god [The commemorative book for the Tambov province for 1888]. Tambov: Tambovskii gubernskii statisticheskii komitet, 1888. [in Russian]

[Pamyatnaya knizhka, 1894](#) – Pamyatnaya knizhka dlya Tambovskoi gubernii na 1894 god [The commemorative book for the Tambov province for 1894]. Tambov: Tambovskii gubernskii statisticheskii komitet, 1894. [in Russian]

[Perepis'..., 1897](#) – Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiiskoi imperii 1897 g. T. XLII. Tambovskaya guberniya [The first general census of the population of the Russian Empire in 1897]. Pod red. N.A. Troinitskogo. SPb.: Slovo, 1904. [in Russian]

[Rajović et al., 2022](#) – *Rajović, G., Bratanovskii, S.N., Epifanov, A.E., Galitskaya, N.V. (2022). The System of Public Education in Dagestan Oblast (1860–1917). European Journal of Contemporary Education. 11(2): 656-661.*

[Shcherbakova, 1997](#) – *Shcherbakova, E.N. (1997). Prosvetitel'nyi tsentr Tambovskoi gubernii: k istorii vneshkol'nogo obrazovaniya [Educational center of the Tambov province: on the history of out-of-school education]. Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki. 2: 81-86. [in Russian]*

[Tambovskaya guberniya, 1866](#) – Tambovskaya guberniya: spisok naselennykh mest po svedeniyam 1862 goda [Tambov province: a list of settlements according to 1862]. Obrabotan starshim redaktorom A. Artem'evym. SPb.: Tsentral'nyi statisticheskii komitet Ministerstva vnutrennikh del, 1866. [in Russian]

[Vsepoddanneishii otchet, 1886](#) – Vsepoddanneishii otchet ober-prokurora svyateishego sinoda po vedomstvu pravoslavnogo ispovedaniya za 1884 god [The most comprehensive report of the Chief Prosecutor of the Holy Synod by the Office of the Orthodox Confession for 1884]. SPb.: Sinodal'naya tipografiya, 1886. [in Russian]

[Vsepoddanneishii otchet, 1887](#) – Vsepoddanneishii otchet ober-prokurora svyateishego sinoda po vedomstvu pravoslavnogo ispovedaniya za 1885 god [The most comprehensive report of the Chief Prosecutor of the Holy Synod by the Office of the Orthodox Confession for 1885]. SPb.: Sinodal'naya tipografiya, 1887. [in Russian]

[Vsepoddanneishii otchet, 1888](#) – Vsepoddanneishii otchet ober-prokurora svyateishego sinoda po vedomstvu pravoslavnogo ispovedaniya za 1886 god [The most comprehensive report of the Chief Prosecutor of the Holy Synod by the Office of the Orthodox Confession for 1886]. SPb.: Sinodal'naya tipografiya, 1888. [in Russian]

[Vsepoddanneishii otchet, 1889](#) – Vsepoddanneishii otchet ober-prokurora svyateishego sinoda po vedomstvu pravoslavnogo ispovedaniya za 1887 god [The most comprehensive report of the Chief Prosecutor of the Holy Synod by the Office of the Orthodox Confession for 1887]. SPb.: Sinodal'naya tipografiya, 1889. [in Russian]

[Vsepoddanneishii otchet, 1891](#) – Vsepoddanneishii otchet ober-prokurora svyateishego sinoda po vedomstvu pravoslavnogo ispovedaniya za 1888 i 1889 gody [The most comprehensive report of the Chief Prosecutor of the Holy Synod by the Office of the Orthodox Confession for 1888 and 1889]. SPb.: Sinodal'naya tipografiya, 1891. [in Russian]

[Vsepoddanneishii otchet, 1893](#) – Vsepoddanneishii otchet ober-prokurora svyateishego sinoda po vedomstvu pravoslavnogo ispovedaniya za 1890 i 1891 gody [The most comprehensive report of the Chief Prosecutor of the Holy Synod by the Office of the Orthodox Confession for 1890 and 1891]. SPb.: Sinodal'naya tipografiya, 1893. [in Russian]

[Vsepoddanneishii otchet, 1895](#) – Vsepoddanneishii otchet ober-prokurora svyateishego sinoda po vedomstvu pravoslavnogo ispovedaniya za 1892 i 1893 gody [The most comprehensive report of the Chief Prosecutor of the Holy Synod by the Office of the Orthodox Confession for 1892 and 1893]. SPb.: Sinodal'naya tipografiya, 1895. [in Russian]

[Vsepoddanneishii otchet, 1899](#) – Vsepoddanneishii otchet ober-prokurora svyateishego sinoda po vedomstvu pravoslavnogo ispovedaniya za 1896 i 1897 gg. [The most comprehensive report of the Chief

Prosecutor of the Holy Synod by the Office of the Orthodox Confession for 1896 and 1897]. SPb.: Sinodal'naya tipografiya, 1899. [in Russian]

Vsepoddanneishii otchet, 1901 – Vsepoddanneishii otchet ober-prokurora svyateishego sinoda po vedomstvu pravoslavnogo ispovedaniya za 1898 god [The most comprehensive report of the Chief Prosecutor of the Holy Synod by the Office of the Orthodox Confession for 1898]. SPb.: Sinodal'naya tipografiya, 1901. [in Russian]

Yukhachev, 2021 – *Yukhachev, S.P.* (2021). Stanovlenie sistemy prosveshcheniya i obrazovaniya Tambovskoi gubernii kontsa XIX – nachala XX veka: obshchestvo narodnykh chtenii [Formation of the system of education and education of the Tambov province of the late XIX – early XX centuries: society of folk readings]. *Manuskript*. 14(9): 1760-1765. [in Russian]

Zemstvo..., 1903 – Zemstvo po narodnomu obrazovaniyu Tambovskoi gubernii [Zemstvo for public education of the Tambov province]. Tambov, 1903. [in Russian]

Развитие системы народного образования в Тамбовской губернии во второй половине XIX – начале XX века. Часть 1

Горан Райович ^{a, b, *}, Сергей Николаевич Братановский ^c, Александр Егорович Елифанов ^{d, e}, Сергей Анатольевич Бурьянов ^d

^a Черкас глобальный университет, Вашингтон, США

^b Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

^c Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Москва, Российская Федерация

^d Московский городской педагогический университет, Москва, Российская Федерация

^e Академия управления Министерства внутренних дел России, Российская Федерация

Аннотация. В работе рассматривается система народного образования на территории Тамбовской губернии в период 1861–1917 гг. В данной части статьи анализируется период с 1861–1900 гг.

В качестве источников используются Памятные книжки Тамбовской губернии с 1861 по 1900 годы. Статистические данные в указанном источнике по системе образования весьма фрагментарны, что обуславливает значительные трудности при анализе. «Всеподданнейшие отчеты обер-прокурора Святейшего синода» охватывают лишь образовательные учреждения церковного ведомства.

Методология исследования включает комплекс исторических методов, таких как историко-системный, историко-сравнительный, историко-типологический, историко-генетический и историко-статистический методы, а также ряд общенаучных методов исследования, таких как синтетический анализ, контент-анализ, системный анализ.

В ходе работы авторы пришли к выводу, что система народного образования губернии развивалась неравномерно, особенный рост министерских учебных заведений пришелся на 70–90-е годы XIX века, в период которых количество учебных заведений увеличилось в три раза; существенно усилилось и среднее образование.

Сильный прирост начальных учебных заведений духовного ведомства наблюдается в период с 1884 по 1900 год (число церковно-приходских школ и школ грамоты увеличилось с 29 до 1186). Выросло и число учащихся (с 931 человека до более 45 тыс.).

В целом, по темпам развития образования и охвату населения губернии грамотностью Тамбовская губерния во второй половине XIX века показала весьма неплохие результаты, значительно обогнав другие территории Российской империи (в частности, большую часть областей и губерний Кавказского учебного округа, а также Астраханскую, Пензенскую, Вологодскую и другие губернии).

Ключевые слова: система народного образования, Тамбовская губерния, народные школы, церковно-приходские школы, школы грамотности.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: dkgoran.rajovic@gmail.com (Г. Райович)

Copyright © 2023 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2023. 18(2): 812-820
 DOI: 10.13187/bg.2023.2.812

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

From the History of Counteraction to Riots in Russian Penitentiary Institutions at the turn of the XIX – XX centuries (based on the Materials of the Saratov Province)

Alexander Y. Epifanov ^{a, b, *}

^a Moscow City University, Moscow, Russian Federation

^b Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russian Federation

Abstract

The article from the standpoint of the history of the state and law reveals the causes and conditions, characteristic features and statistics of riots among the contingent of Russian places of detention at the turn of the XIX-XX centuries. The author analyzes the actions of the prison administration, supervision, police and military formations to neutralize riots and unrest among prisoners. The influence on the level of riots in places of deprivation of liberty of the state of discipline and the regime of serving sentences in penitentiary institutions of the Russian Empire is shown. The author conducts a direct dependence of the riots and unrest on the development of the socio-political conditions that have developed in the Russian Empire, and comes to the conclusion that a characteristic feature of the revolutionary period was the active participation in the mass riots aimed at the release of prisoners by their accomplices and associates who remained at large.

The article is prepared on the basis of various sources, archival materials first of all. Many of them are being introduced into scientific circulation for the first time. The article uses both general scientific (historical, logical, dialectical, system-functional synthesis and analysis), and special-historical (statistical and historical-comparative) methods of cognition. The paper shows statistical data obtained from various sources on incidents that took place in places of detention, which served as elements of riots. The author comes to the conclusion about the significant scale and great public danger of riots among the prisoners of Russian penitentiary institutions. Their development was associated with the formation of a revolutionary situation, negative changes in the composition of prisoners, as well as the state of the regime of serving sentences and places of deprivation of liberty.

Keywords: riots, General Prison Administration, regime, cell, prisons, warden, administration, wardens, police, troops, prison inspector.

1. Введение

Во второй половине XIX в. отмечается резкое изменение русских тюремных нравов. В основном это было вызвано отменой крепостного права и введением новых судебных установлений. Названные обстоятельства изменили как сам контингент заключенных, так и повлекли реформы тюремного устройства. В отличие от предшествующего периода, моральный облик заключенных характеризовался развитием антисоциальных и эгоистических начал в противовес прежним общинным идеалам. Пореформенный период характеризовался быстрым распадом острожной общины. При этом бывшее равновесие в отношениях между острожной аристократией, криминальными авторитетами того времени и плебсом – рядовыми арестантами – нарушилось коренным образом. Эволюция тюремного быта в изучаемый период характеризовалась тем, что по общему правилу в тюрьмы стали попадать лишь по суду. Категория заключенных, привлеченных к уголовной ответственности лишь по произволу помещичьей власти, как это было при крепостном

* Corresponding author

E-mail addresses: mvd_djaty@mail.ru (A.Y. Epifanov)

праве, совершенно отпала. Последовавшие за этим коренные изменения в тюремной жизни повлекли новую, совершенно иную дифференциацию контингента заключенных. Крестьяне-земледельцы и крестьяне-общинники уже не составляли главной, сплоченной массы тюремного населения, как это было прежде. Утрачивает свое значение и традиционная тюремная аристократия – бродяги, представители которой в результате судебной реформы и введения ссылки в основном сосредотачиваются на Сахалине. В изучаемый период основными категориями заключенных становятся привилегированные бродяги и «иваны», противоположностью которых являлся арестантский плебс, именовавшийся «кобылкой» или «шпанкой». Бродяги превращаются в истинный бич арестантских партий. Будучи людьми крайне испорченными и сплоченными между собой, они совершенно поработили безответную «шпанку». Завладев местами старост, поваров, хлебопек и т.п., они обирали и обворовывали остальных арестантов. Будучи лазаретными служителями, бродяги обворовывали и при необходимости убивали больших арестантов. Заметив у кого-нибудь из «кобылки» деньги, они тут же их отнимали. Нередко бродяги насиловали жен прямо на глазах их мужей, а в случае протеста избивали их до полусмерти. Всегда занимая себе лучшие места на нарах, бродяги заставляли «шпанку» устраиваться на ночлег на полу ([Тюремный вестник, 1903. № 2: 161](#)). Таким образом, ограниченное преобладание тюремной аристократии – бродяжничества, имевшее место и в прежних, дореформенных острогах, в изучаемый период выродилось в ничем не ограниченное эгоистическое самовластие криминальных авторитетов. Прежняя острожная аристократия выродилась и вместо правомерной острожной общины воцарился произвол разбойничьей шайки. Вместе с тем, благодаря суровому режиму и бдительному надзору, насаждаемым в пореформенный период, в каторжных тюрьмах прекращают свое существование как общинная организация заключенных, так и сплоченная корпорация бродяг, наряду с развитием шпионства и наущничества среди арестантов.

2. Материалы и методы

В качестве эмпирических источников автором были использованы различные источники. Среди них – связанные с темой исследования литература, нормативные акты и правоприменительная практика. Большое внимание уделялось архивным источникам. В Государственном архиве Волгоградской области (Волгоград, Российская Федерация) изучен фонд № 290 Камышинской уездной тюрьмы Саратовской губернии, относящийся к периоду 1867–1917 гг. При этом была использована документация Главного тюремного управления (ГТУ), а также Саратовского тюремного инспектора.

Важной группой источников, при помощи которой была раскрыта затронутая тема, явились опубликованные собрания документов, касающиеся организации и деятельности дореволюционных пенитенциарных учреждений. В частности, были использованы издававшиеся Главным тюремным управлением «Тюремные вестники» ([Тюремный вестник, 1903. № 2](#); [Тюремный вестник, 1910. № 5](#)).

Статья подготовлена с использованием общенаучных и исторических методов исследования. Традиционно широко использовался метод материалистической диалектики, благодаря которому анализируемые явления рассматривались не сами по себе, а в тесной связи с иными общественными явлениями, социально-экономическим развитием, классовой борьбой и прочими факторами. Затрагиваемая проблематика рассматривалась в непрерывном развитии и согласно объективным закономерностям.

Учитывая то обстоятельство, что история – это непрерывное движение во времени, развивающаяся действительность, существование ее немыслимо без хронологии. В этой связи в исследовании был использован хронологический метод как специфический метод познания истории вообще, так и рассматриваемых событий в частности.

Большое значение при подготовке статьи придавалось сравнительному методу, что позволило выделить в истории противодействия беспорядкам в пенитенциарных учреждениях Российской империи общее и повторяющееся, с одной стороны, а с другой – особенное.

Для получения целостного представления о состоянии российской тюремной системы изучаемого периода был использован метод системного анализа. При этом затрагиваемые проблемы рассматривались во всей совокупности присущих им черт, качеств и признаков, т.е. в системе.

С использованием статистического метода были получены новые количественные характеристики изучаемых явлений. В совокупности со сделанными в результате применения логического метода обобщениями они позволили сделать объективные выводы по поводу режима отбывания наказания в пенитенциарных учреждениях Российской империи изучаемого периода.

3. Обсуждение

Новизна проведенного автором исследования определяется прежде всего комплексным раскрытием аспектов, связанных с проявлениями беспорядков среди арестантов мест заключения дореволюционной России изучаемого периода, их причинами, условиями и особенностями. Несмотря на все многообразие связанной с тюремоведением литературы, проблематика по теме исследования затрагивалась в ней лишь фрагментарно. В дореволюционный период такие авторы, как

В.С. Войтинский (Войтинский, 1914), Н.Ф. Лучинский (Лучинский, 1910), С.В. Максимов (Максимов, 1900), В.Д. Набоков (Набоков, 1908), С.В. Познышев (Познышев, 1915) и др., касались ее в политологическом и историческом аспектах.

В советский период история отечественных пенитенциарных учреждений излагалась в идеологизированном и тенденциозном плане. В работах К.В. Адамовича (Адамович, 1928), С.С. Анисимова (Анисимов, 1923), Г.Н. Брейтмана (Брейтман, 1922), В.Л. Бурцева (Бурцев, 1923), Я.М. Зильберштейна (Зильберштейн, 1925), И.В. Короткова (Коротков, 1923) и др. порядок отбывания наказания в местах заключения царской России однозначно оценивался как бесчеловечный и преступный, противодействие арестантов установленному в пенитенциарных учреждениях режиму оценивали в основном позитивно.

В многоотном исследовании М.Н. Гернета «История царской тюрьмы» (Гернет, 1961; Гернет, 1962; Гернет, 1963) также затрагивались многие аспекты истории и правового положения мест заключения Российской империи, в том числе связанные с сопротивлением арестантов установленному в них режиму.

Современные работы А.А. Гейфмана (Гейфман, 1997), О.Н. Квасова (Квасов, 2021), А.П. Михеева (Михеев, 2013), О.Н. Науменко (Науменко, 2008), В.О. Пырх (Пырх, 2018), С.В. Сухорукова (Сухоруков, 2007) и др. деполитизированны и объективны. Кроме того, они вводят в научный оборот новые исторические источники, архивные материалы прежде всего.

Проблемы обеспечения прав арестантов в российских местах заключения, противодействия их побегам и террору в отношении чинов надзора и администрации в изучаемый период стали объектом исследования А.Е. Елифанова, Е.М. Павленко, Е.Е. Красноженовой и С.Н. Кулика (Epifanov, Pavlenko, 2021; Epifanov et al., 2022; Epifanov, 2022).

В названных работах вопросы, касающиеся истории противодействия беспорядкам в пенитенциарных учреждениях Российской империи на рубеже XIX–XX вв., нашли отражение лишь частично, систематического и комплексного исследования они не получили.

4. Результаты

В изучаемый период на Сахалине сложились 4 класса осужденных: иваны, храпы, троки и шпанка. При этом последние выносили на себе основную часть тягот и лишений заключения. Несколько иные категории заключенных были характерны для пересыльных тюрем. Впервые осужденные относились там к так называемым «брусам», которые в свою очередь подразделялись на «лежавых», т.е. не подверженных преступным наклонностям, и «шпановых», напротив, склонных к совершению новых преступлений. Оба эти разряда, особенно первые, являлись объектом всевозможных притеснений со стороны рецидивистов-«фартовиков» (Тюремный вестник, 1903. № 2: 164-165).

После буржуазных реформ XIX в. состав заключенных российских тюрем резко изменился. Их обычным контингентом стали люди порочные, лишённые всяких инстинктов общежития. Таким образом, с одной стороны, среди заключенных оказались люди физически сильные, волевые, но чрезвычайно порочные. Большинство же арестантов составили люди слабые телом и духом, болезненные и вырождающиеся, алкоголики, зачастую психически нездоровые, которые оказались неспособными отстаивать свои интересы и противостоять деспотизму криминальных авторитетов.

Соответственным образом изменились тюремные нравы и обычаи. Самым приятным развлечением в тюрьмах становится издевательство над беззащитными и слабыми арестантами, а также драки. Вместе с тем со всей строгостью в среде арестантов наказывалось убийство своего товарища, а также шпионство, которые карались смертью (Тюремный вестник, 1903. № 2: 168-171).

В тюрьмах процветали противоестественные пороки, причем пассивная сторона находилась в противоречивом положении: подобных арестантов то баловали, то били. Возможность общения с женщинами, которая могла иметь место даже в тюрьмах с самым строгим режимом, способствовала расцвету полового разврата.

Преобладающее влияние в местах заключения принадлежало самым испорченным и самым преступным элементам, которые задавали тон, перед которыми преклонялись остальные арестанты. Арестанты считали врагом осудившее и отвергнувшее их общество, безразлично относились к преступлениям, направленным против «чалдонов», т.е. свободных людей. Даже самое зверское преступление не вызывало у них осуждения. Вместе с тем заключенные враждебно относились к отцеубийцам и братоубийцам. В целом преступлением считалось только убийство, кража во внимание не принималась совершенно. Убийство не из-за денег расценивалось как обычное баловство (Тюремный вестник, 1903. № 2: 173-174).

Вместе с тем, как и в прежние времена, среди арестантов устойчиво сохранялись чувства арестантской чести и товарищества. Так, несмотря на риск, сохранялся обычай помогать всеми возможными средствами посаженным в карцер товарищам, невзирая на причины применения данной меры. Им арестанты готовы были отдать последний табак, сахар, лучший кусок мяса. Особые льготы среди заключенных обретали арестанты, совершившие побег, вплоть до прощения им всех

долгов. По этой причине многие совершали побеги на короткое время только ради этого ([Тюремный вестник, 1903. № 2: 171](#)).

Еще одной характерной чертой заключенных была одержимость жаждой мщения своим действительным или мнимым врагам, оставшимся на свободе. Арестанты поражали своим почти детским легкомыслием, импульсивностью действий, которые выражались в крайней необдуманности и поспешности своих действий. Из-за этого они не представляли себе как своих, так и чужих страданий. У наиболее испорченных отмечалось особое, маниакальное сладострастие жестокости, у иных даже болезненная свирепость. Многие в этих безрадостных проявлениях приписывалось крайнему невежеству преступников, полному отсутствию для большинства из них какого бы то ни было нравственного или религиозного воспитания. По этой причине они являлись в полной мере рабами своих животных инстинктов, не имея никакого представления об этических мотивах. Среди заключенных были не редкостью и такие, кто сознательно, по убеждению отвергал всякую нравственность. Их девизом по жизни служило: «Наплюй на закон, на веру, на мнение общества, режь, грабь и живи во всю!» ([Тюремный вестник, 1903. № 2: 175](#)).

Многие каторжники обладали дурной наследственностью и всеми признаками физического вырождения. Известный своим зверством даже на Сахалине каторжник Ширококолов, например, был сыном каторжных родителей, сосланных за убийства и поженившихся также на каторге ([Тюремный вестник, 1903. № 2: 175](#)).

Свое дальнейшее развитие в тюрьмах и на каторге изучаемого периода получили понятия о чести, причем за ее оскорбление заключенные были готовы убить. В этой связи необходимо отметить, что арестанты были самолюбивы до болезненности и были готовы защищать свою честь до последней капли крови. Согласно тюремным понятиям честь арестанта включала несколько элементов. Прежде всего, каждый из них должен был быть хорошим вором, не трусом, делиться добычей с товарищами, не шпионить и несколько раз посидеть в тюрьме. На свободе необходимо было появиться хоть иногда в хорошем костюме и при деньгах, чтобы продемонстрировать результаты своей воровской работы. Во имя чести надлежало не выдавать товарищей и помогать им в случае поимки. Кроме того, честь не позволяла криминальным авторитетам сблизиться с мелкими преступниками, если те не отличались особой физической силой. В арестантской среде существовали особенно тяжкие оскорбления, смыть которые можно было только кровью. Среди них, например, обращение как с сексуальным меньшинством или распутной женщиной. Общим презрением, сопровождающимся постоянными побоями, был чреват отказ в помощи беглым ([Тюремный вестник, 1903. № 2: 176-177](#)).

Таблица 1. Сведения о происшествиях в местах заключения в 1899–1908 гг. ([Тюремный вестник, 1910. № 5: 698](#))

Годы	Беспорядки	Убийство арестантов арестантами	Нанесение арестантами ран и побоев друг другу	Святотатство	Поджоги	Самоубийство и покушение на самоубийство арестантов
1899	13	2	12	-	1	11
1900	6	4	7	-	2	10
1901	51	17	24	3	1	24
1902	63	20	26	3	2	20
1903	168	16	79	6	7	42
1904	140	22	74	21	3	42
1905	137	28	41	9	4	40
1906	133	42	122	2	7	42
1907	145	58	116	14	23	118
1908	43	42	72	9	9	103

Большие успехи в арестантской среде получило развитие капиталистических начал. В этой связи большой авторитет на каторге приобрели ростовщики – «отцы» или «майданщики» по тюремной терминологии. Характерно, что неисправные должники в интересах ростовщика подвергались жестокому избиванию арестантами, нередко приводившему к гибели. Во всех тюрьмах и на каторге дореволюционной России процветали азартные игры. В этой связи в арестантской среде

выделился особый класс игроков. Те из них, кто уличался во время игры в шулерстве, подлежали избитию до полусмерти всеми присутствующими (*Тюремный вестник*, 1903. № 2: 170).

Как это можно заметить из *Таблицы 1*, сведения о беспорядках в тюрьмах особой точностью не отличались и носили субъективный характер. Связано это было в основном с тем, что точного определения беспорядков применительно к вверенным пенитенциарным учреждениям в практике Главного тюремного управления так и не сложилось. Вместе с тем проводилось различие соответствующих деяний и иных нарушений арестантами тюремных правил (*Тюремный вестник*, 1910. № 5: 698).

Период 1903–1907 гг., т.е. накануне и в ходе Первой русской революции, в плане уровня преступности среди арестантского населения выделялся как аномальный, после чего наступает период успокоения и более мирных отношений как между арестантами и тюремным надзором, так и среди них самих. Примечательно, что совершаемые арестантами многочисленные кражи не регистрировались вообще. Таким образом, судить о преступной деятельности арестантов представляется возможным лишь в самых общих чертах. Что касается самоубийств, обращает на себя внимание их довольно низкий уровень по сравнению с европейскими странами. Так, в бельгийских местах заключения в 1907 г. их совершалось в 7 раз больше, чем в российских тюрьмах (*Тюремный вестник*, 1910. № 5: 700).

Наибольшее число беспорядков (по 15–20) в 1904–1908 гг. имело место в Вятской, Донской, Тверской, Вологодской и Бессарабской губерниях. Их минимальное количество было отмечено в Иркутской, Подольской, Смоленской (по одному случаю), Лифляндской (два), Полтавской (три) губерниях. За этот же период беспорядки ни разу не возникали в Оренбургской и Курляндской губерниях. Тюрьмы Тобольской, Екатеринославской, Бакинской, Дагестанской, Гродненской и Астраханской губерний, а также Донской, Амурской и Батумской областей оказались особенно подверженными убийствам и насилию между заключенными. Отмечалось, что преступность среди арестантов (убийства и насилие в особенности) в западной части Империи была менее интенсивна, а на востоке и юго-востоке достигала наибольшей напряженности. Мирное и уравновешенное население Литвы, Польши, Белоруссии и Прибалтийского края даже в тюрьме сохраняло спокойствие. Грубое и нравственно неразвитое население южных и восточных регионов (Кавказа особенно), напротив, было подвержено разного рода столкновениям, подчас приводящим к кровавой развязке (*Тюремный вестник*, 1910. № 5: 702).

Как это следовало из получаемых Главным тюремным управлением сообщений с мест, в ряде тюрем участились случаи беспорядков, которые выражались не только в нарушении тишины и благочиния, отказе от обязательных работ, приема пищи, но и в явном сопротивлении арестантов чинам тюремного надзора. Причины подобных явлений крылись в отступлениях от установленных законом режимных требований содержания заключенных, недостаточно усердном исполнении чинами тюремного надзора своих служебных обязанностей и их недостаточной профессиональной подготовке.

Так, 16 февраля 1904 г. массовые беспорядки произошли среди заключенных Саратовской губернской тюрьмы. Их причиной Тюремным отделением Саратовского губернского правления были названы бездействие и нераспорядительность тюремной администрации, незнание надзорсоставом своих обязанностей, недостаток у них мужества и полное отсутствие сознания долга (*ГАВО. Ф. 290. Оп. 1. Д. 26. Л. 76*).

Как показало расследование, заблаговременно зная о готовящихся беспорядках, начальник тюрьмы никаких мер к их предупреждению не принял и губернскому начальству ничего о них не донес. Его дежурный помощник, подвергшись нападению в самом начале беспорядков со стороны одного из арестантов, вместо того чтобы лично пустить в ход оружие либо отдать приказание стрелять постовым надзирателям, сбежал в контору тюрьмы под предлогом необходимости сообщить о происшествии чинам губернской тюремной инспекции. Его примеру последовали и пустились в бегство все 13 находившихся в тюрьме надзирателей. При этом одному из арестантов удалось отнять у старшего надзирателя пашку, а у постового – револьвер. Ни тот, ни другой при этом никакого сопротивления не оказали. Вскоре все здание тюрьмы оказалось в полном распоряжении арестантов, которые подожгли его и учинили в нем полный разгром. Затем они проникли в женское отделение и принялись насиловать его обитательниц. Лишь с прибытием войск бунтовщики были усмирены.

Одним из наиболее распространенных и способствующих совершению беспорядков нарушений тюремного режима, допускавшегося чинами администрации и надзорсостава, являлось оставление камер с заключенными незапертыми. 22 сентября 1903 г. Саратовский губернский тюремный инспектор потребовал от начальников вверенных тюрем безусловного содержания всех камер на запоре. Категорически запрещалось выпускать весь состав тюремного населения, особенно подследственных и каторжников, в коридор одновременно (*ГАВО. Ф. 290. Оп. 1. Д. 26. Л. 25*).

В нарушение установленных правил допускались бесконтрольные свидания с неизвестными тюремной администрации лицами и передача ими арестантам приносимых извне вещей. В одних и тех же камерах смешивались осужденные и следственные заключенные различных категорий. Имело место ношение арестантами собственных платья и белья, хранение в камерах недозволенных вещей и денег. Даже в местах заключения для особо опасных преступников с наиболее строгим режимом

отбывания наказания разрешалось приобретать продукты со стороны, курить табак, беспрепятственно распоряжаться заработком, получать на руки наличные деньги сверх установленных норм.

Способствующее укреплению дисциплины трудовое использование заключенных успешно практиковалось лишь в немногих пенитенциарных учреждениях. Меры к их нравственному перевоспитанию и обучению предпринимались лишь в крупных центрах и в крайне незначительной степени. ГТУ отмечалось, что чины местного тюремного управления зачастую не обладали качествами полных хозяев вверенных учреждений, с характером и наклонностями арестантов не знакомились, избегали входить в их нужды и укреплять тем самым собственный авторитет, в недостаточной степени следили за правильностью и законностью действий подчиненных им надзирателей. Последние и вовсе не проявляли никакого стремления к изучению специальных условий надзора за арестантами, вступали с ними в неподобающие разговоры и сношения, часто рассматривая себя в качестве тюремной прислуги.

Подобные ненормальные отношения вызывали полное отсутствие к ним уважения со стороны заключенных, особенно привилегированных сословий. Безразличие руководства пенитенциарных учреждений к подобным проявлениям влекло за собой противозаконную снисходительность чинов надзора к арестантам либо, напротив, превышение ими власти. Распущенность и неопределенность, получившие развитие в местах лишения свободы, в свою очередь лишали их того значения, которое им придавалось. В результате у заключенных притуплялось осознание необходимости подчиняться правилам, регулирующим тюремный режим.

С тем чтобы привести условия содержания арестантов в надлежащий порядок, ГТУ начальникам мест заключения было предписано неуклонно соблюдать установленные правила приема и содержания арестантов, принять меры к развитию арестантского труда, благотворному религиозному воздействию на заключенных, изучению личных свойств каждого из них, обучению арестантов грамоте, настойчиво следить за соблюдением в тюремных помещениях тишины и благочиния.

Для предупреждения волнений в местах заключения их начальникам предписывалось быстрыми и решительными мерами прекращать их в зародыше. В крайних случаях, при упорном неповиновении и буйстве заключенных, их групповом сопротивлении тюремному надзору, для восстановления порядка и спокойствия допускалось прибегнуть к содействию войск по заранее достигнутому с местным военным начальством соглашению. Особое внимание чинов тюремной администрации обращалось на необходимость содержания в местах заключения согласно установленным правилам политических арестантов.

Важная роль в наведении порядка и предотвращении беспорядков в пенитенциарных учреждениях отводилась губернским тюремным инспекциям. Под непосредственным наблюдением губернаторов им отводилась ведущая роль не только в ревизии, но и руководстве тюремной администрацией. При этом им надлежало не только констатировать те или иные нарушения тюремного режима, но и принимать все необходимые меры к их устранению, в целом лично направлять деятельность вверенных тюремных учреждений. В этой связи тюремные инспекторы и их помощники обязаны были вникать во все детали тюремного быта, посещая днем и ночью подведомственные им места заключения (ГАВО. Ф. 290. Оп. 1. Д. 14. Л. 174-177).

Главное тюремное управление своими циркулярами от 22 апреля и 15 июля 1906 г. (№ 7 и 14 соответственно) вменило начальникам (смотрителям) тюремных учреждений ряд «непременных обязанностей» (ГАВО. Ф. 290. Оп. 1. Д. 34. Л. 19). Согласно таковым за вверенными местами заключения «денно и ночью» всеми чинами тюремной администрации и стражи был установлен «самый зоркий» надзор. Надзорсоставу были не только разъяснены их права и обязанности, но и серьезная ответственность за бездействие власти. Особое внимание при этом обращалось на выработку быстрых, решительных, но в то же время «строго законных» мер на случай возникновения всеобщих беспорядков и попыток нападения на надзор.

Придавая огромное значение совершенствованию руководства начальниками тюрем вверенным надзорсоставом, им было предписано еженедельно собирать в контору свободных от службы чинов и лично проверять знание ими своих служебных обязанностей. В книге приказов надлежало оставлять детальные письменные разъяснения по поводу имевших место волнений среди арестантов, подробно разбирая при этом каждый недостаток или промах. Если же чины надзора действовали в ходе беспорядков находчиво и оперативно, их опыт подлежал распространению среди остального надзорсостава, а сами они – поощрению (ГАВО. Ф. 290. Оп. 1. Д. 26. Л. 76). При возникновении беспорядков чинам надзора надлежало не только поднять тревогу и доложить о них старшему начальнику, но и, не покидая своего поста, решительно действовать оружием либо применять иные надлежащие меры.

Меры по предупреждению массовых беспорядков осуществлялись, как правило, под непосредственным контролем губернатора специально назначенными чинами местной полиции. Так, 29 марта 1906 г. камышинский уездный исправник (Саратовская губерния) уведомил губернатора и начальника местной тюрьмы о готовящихся в городе беспорядках, основной целью которых было освобождение находящихся под стражей арестантов. Во избежание разгрома тюрьмы по ходатайству

исправника уездным воинским начальником были усилены конвойные подразделения для ее охраны (ГАВО. Ф. 290. Оп. 1. Д. 38. Л. 2-3). Командированным в Камышинский уезд с особым поручением земским начальником 4-го участка соседнего Балашовского уезда было созвано совещание с участием командира 5-й роты Бобруйского полка, пристава и помощника исправника Камышина, на котором были выработаны меры по предупреждению беспорядков. В частности, город был разделен по районам ведения исполнительных чиновников полиции. Охрана тюрьмы при этом была поручена полицейскому надзирателю с 6 конными стражниками. В качестве резерва общее наблюдение за городом осуществлял камышинский пристав, располагавший кавалерийским отрядом из 17 горцев (ГАВО. Ф. 290. Оп. 1. Д. 38. Л. 4-5).

Циркуляром саратовского губернского инспектора № 28 от 25 апреля 1901 г. в целях своевременного принятия соответствующих мер при размещении прибывающих арестантов начальникам вверенных тюрем было вменено в обязанность прилагать к их делам особые аттестаты о поведении. При этом им было предписано снабжать названные аттестаты сведениями о благонадежности или неблагонадежности арестанта, а также о замеченных его особенностях, требующих принятия особых мер на предмет поддержания порядка в тюрьме (ГАВО. Ф. 290. Оп. 1. Д. 26. Л. 131).

Дознания, проведенные в местах заключения, красноречиво свидетельствовали о том, что главными виновниками в подстрекательстве к неповиновению и иным нарушениям дисциплины являются, главным образом, те арестанты, которые неоднократно отбывали лишение свободы и перемещались из одной тюрьмы в другую. Учитывая данное обстоятельство, в целях предотвращения беспорядков саратовский губернский тюремный инспектор 10 июня 1903 г. предложил начальникам тюрем губернии оборудовать особую камеру для содержания исключительно заключенных-рецидивистов (ГАВО. Ф. 290. Оп. 1. Д. 26. Л. 19).

5. Заключение

Функционирование российских мест заключения на рубеже XIX–XX вв. в значительной степени было отягощено беспорядками среди их контингента, особенно активизировавшимися в годы Первой русской революции 1905–1907 гг. Реорганизация мест заключения Российской империи во многом вызывалась именно ростом числа бунтов и волнений арестантов.

Росту числа подобных проявлений в пенитенциарных учреждениях способствовали изменения в характере и составе заключенных, переполнение мест заключения и возрастание удельного веса в них осужденных государственных преступников, допускаявшиеся чинами надзорсостава и тюремной администрации небрежное исполнение служебных обязанностей, ослабление дисциплины, а также просчеты в обеспечении режима отбывания наказания.

Характерной особенностью революционного периода явилось активное участие в направленных на освобождение арестантов массовых беспорядках их соучастников и сподвижников, остававшихся на свободе. Противодействие беспорядкам в местах лишения свободы вызвало необходимость действенных мер, направленных на укрепление режима отбывания наказания и дисциплины среди не только арестантов, но и персонала мест заключения.

Литература

- Адамович, 1928 – Адамович К.В. Отбитая тюрьма. М.: Изд-во Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1928. 88 с.
- Анисимов, 1923 – Анисимов С.С. Бунт в тобольской каторжной тюрьме (Из материалов С.С. Анисимова) // *Каторга и ссылка*. 1923. № 6. С. 200–224.
- Брейтман, 1922 – Брейтман Г.Н. Преступный мир. Киев: Типография губернского правления, 1922. 302 с.
- Бурцев, 1923 – Бурцев В.Л. Борьба за свободную Россию. Мои воспоминания (1882–1922). Берлин: Гамаюн, 1923. Т. I. 379 с.
- Войтинский, 1914 – Войтинский В.С. Вне жизни. Очерки тюрьмы и каторги. СПб.: Издательство В.С. Войтинского, 1914. 255 с.
- ГАВО – Государственный архив Волгоградской области.
- Гейфман, 1997 – Гейфман А.А. Революционный террор в России, 1894–1917. М.: Крон-Пресс, 1997. 448 с.
- Гернет, 1961 – Гернет М.Н. История царской тюрьмы. Т. 3. М., 1961. 430 с.
- Гернет, 1962 – Гернет М.Н. История царской тюрьмы. Т. 4. М., 1962. 302 с.
- Гернет, 1963 – Гернет М.Н. История царской тюрьмы. Т. 5. М., 1963. 340 с.
- Зильберштейн, 1925 – Зильберштейн Я.М. Воспоминания о Смоленской каторжной тюрьме (1909–1910 гг.) // *По тюрьмам в эпоху первой революции*. М.: Изд-во Всесоюз. общ-ва политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1925. Кн. VII. С. 29–46.
- Квасов, 2021 – Квасов О.Н. Тюремный террор революционеров в Российской империи // *Вестник Томского государственного университета*. История 2021. № 72. С. 44–49.

- [Коротков, 1923](#) – *Коротков И.В.* В Саратовской тюрьме // *Каторга и ссылка.* 1923. № 6(6). С. 189-199.
- [Лучинский, 1910](#) – *Лучинский Н.Ф.* Наши тюремные и тюремно-благотворительные учреждения // *Журнал Министерства юстиции.* 1910. № 1. С. 165-197.
- [Максимов, 1900](#) – *Максимов С.В.* Сибирь и каторга. СПб.: Издание В.И. Губинского, 1900. 487 с.
- [Михеев, 2013](#) – *Михеев А.П.* Пенитенциарная преступность в тобольской каторге в начале XX века: проблемы тюремного надзора // *Вестник Омского государственного педагогического университета.* Гуманитарные исследования. 2013. № 1(1). С. 106-109.
- [Набоков, 1908](#) – *Набоков В.Д.* Тюремные досуги. СПб.: Право, 1908. 65 с.
- [Науменко, 2008](#) – *Науменко О.Н.* Тобольский тюремный замок: страницы истории. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2008. 181 с.
- [Познышев, 1915](#) – *Познышев С.В.* Очерки тюремоведения. М.: Г.А. Леман и Б.Д. Плетнев, 1915. 296 с.
- [Пырх, 2018](#) – *Пырх В.О.* Революционный терроризм в России начала XX в.: убийство сибирского тюремщика И.С. Могилева // *Вестник Томского государственного университета.* 2018. № 432. С. 144-149.
- [Сухоруков, 2007](#) – *Сухоруков С.В.* История Екатеринбургской тюрьмы // *Урал.* 2007. № 12. С. 148-224.
- [Тюремный вестник, 1903](#) – *Тюремный вестник.* 1903. № 2.
- [Тюремный вестник, 1910](#) – *Тюремный вестник.* 1910. № 5.
- [Epifanov et al., 2022](#) – *Epifanov A.E., Krasnozhenova E.E., Kulik S.N.* Escapes of Prisoners in the History of Russian Penitentiary Institutions of the late XIX – early XX centuries // *Bylye Gody.* 2022. 17(2): 876-889.
- [Epifanov, 2022](#) – *Epifanov A.E.* From the History of Countering Terror against Officials of the Russian Prison Department at the turn of the 19th – 20th centuries // *Bylye Gody.* 2022. 17(4): 1867-1876.
- [Epifanov, Pavlenko, 2021](#) – *Epifanov A.E., Pavlenko E.M.* From the History of Ensuring the Rights of Prisoners in Prisons of the Russian Empire at the turn of the 19th – 20th centuries (based on materials from the Saratov Province) // *Bylye Gody.* 2021. 16(4): 1910-1921.

References

- [Adamovich, 1928](#) – *Adamovich, K.V.* (1928). Otbitaya tyurma. [Beaten prison]. М.: Izd-vo Vsesoyuznogo obshchestva politkatorzhan i sсыlno-poselencev, 88 p. [in Russian]
- [Anisimov, 1923](#) – *Anisimov, S.S.* (1923). Bunt v tobol'skoj katorzhnoj tjur'me (Iz materialov S.S. Anisimova) [Riot in the Tobolsk hard labor prison (From the materials of S.S. Anisimov)]. *Katorga i ссылка.* 6: 200-224. [in Russian]
- [Brejtman, 1922](#) – *Brejtman, G.N.* (1922). Prestupnyj mir [Underworld]. Kiev: Tipografiya gubernskogo pravleniya, 302 p. [in Russian]
- [Burtsev, 1923](#) – *Burtsev, V.L.* (1923). Bor'ba za svobodnuju Rossiju. Moi vospominanija (1882–1922). [Fight for a free Russia. My memories (1882–1922)]. Berlin: Gamayun, 1923. Т. I. 379 p. [in Russian]
- [Epifanov et al., 2022](#) – *Epifanov, A.E., Krasnozhenova, E.E., Kulik, S.N.* (2022). Escapes of Prisoners in the History of Russian Penitentiary Institutions of the late XIX – early XX centuries. *Bylye Gody.* 17(2): 876-889.
- [Epifanov, 2022](#) – *Epifanov, A.E.* (2022). From the History of Countering Terror against Officials of the Russian Prison Department at the turn of the 19th – 20th centuries. *Bylye Gody.* 17(4): 1867-1876.
- [Epifanov, Pavlenko, 2021](#) – *Epifanov, A.E., Pavlenko, E.M.* (2021). From the History of Ensuring the Rights of Prisoners in Prisons of the Russian Empire at the turn of the 19th – 20th centuries (based on materials from the Saratov Province). *Bylye Gody.* 16(4): 1910-1921.
- [GAVO](#) – Gosudarstvennyi arkhiv Volgogradskoj oblasti [State Archive of the Volgograd Region].
- [Geifman, 1997](#) – *Geifman, A.A.* (1997). Revoljucionnyj terror v Rossii, 1894–1917 [Revolutionary terror in Russia, 1894–1917]. М.: Kron-Press, 448 p. [in Russian]
- [Gernet, 1961](#) – *Gernet, M.N.* (1961). Istorija carskoj tjur'my [History of the royal prison]. Т. 3. М., 430 p.
- [Gernet, 1962](#) – *Gernet, M.N.* (1962). Istorija carskoj tjur'my [History of the royal prison]. Т. 4. М., 302 p. [in Russian]
- [Gernet, 1963](#) – *Gernet, M.N.* (1963). Istorija carskoj tjur'my [History of the royal prison]. Т. 5. М., 340 p. [in Russian]
- [Korotkov, 1923](#) – *Korotkov, I.V.* (1923). V Saratovskoj tjur'me [In the Saratov prison]. *Katorga i ссылка.* 6(6): 189-199. [in Russian]
- [Kvasov, 2021](#) – *Kvasov, O.N.* (2021). Tjurementnyj terror revoljucionerov v Rossijskoj imperii [Prison terror of revolutionaries in the Russian Empire]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta.* 72: 44-49. [in Russian]
- [Luchinsky, 1910](#) – *Luchinsky, N.F.* (1910). Nashi tjurementnye i tjurementno-blagotvoritel'nye uchrezhdenija [Our prison and prison charitable institutions]. *Zhurnal Ministerstva yustitsii.* 1: 165-197. [in Russian]

- Maksimov, 1900** – *Maksimov, S.V.* (1900). Sibir' i katorga [Siberia and hard labor]. St. Petersburg: Edition of V.I. Gubinsky, 487 p. [in Russian]
- Mikheev, 2013** – *Mikheev, A.P.* (2013). Penitenciarnaja prestupnost' v tobol'skoj katorge v nachale XX veka: problemy tjuremnogo nadzora [Penitentiary crime in Tobolsk penal servitude at the beginning of the 20th century: problems of prison supervision]. *Vestnik Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya*. 1(1): 106-109. [in Russian]
- Nabokov, 1908** – *Nabokov, V.D.* (1908). Tyuremnye dosugi [Prison leisure]. SPb.: Pravo, 65 p. [in Russian]
- Naumenko, 2008** – *Naumenko, O.N.* (2008). Tobol'skij tjuremnyj zamok: stranicy istorii [Tobolsk prison castle: pages of history]. Tyumen': Izd-vo TyumGU, 181 p. [in Russian]
- Poznyshev, 1915** – *Poznyshev, S.V.* (1915). Ocherki tyurmovedeniya. [Essays on Prison Studies]. M.: G.A. Leman i B.D. Pletnev, 296 p. [in Russian]
- Pyrkh, 2018** – *Pyrkh, V.O.* (2018). Revoljucionnyj terrorism v Rossii nachala XX v.: ubijstvo sibirskogo tjuremshhika I.S. Mogileva. [Revolutionary terrorism in Russia at the beginning of the 20th century: the murder of the Siberian jailer I.S. Mogilev]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 432: 144-149. [in Russian]
- Sukhorukov, 2007** – *Sukhorukov, S.V.* (2007) Istorija Ekaterinburgskoj tjur'my [History of the Yekaterinburg prison]. *Ural*. 12: 148-224. [in Russian]
- Tyuremnyi vestnik, 1903** – *Tyuremnyi vestnik*. 1903. № 2. [in Russian]
- Tyuremnyi vestnik, 1910** – *Tyuremnyi vestnik*. 1910. № 5. [in Russian]
- Vojtinskij, 1914** – *Vojtinskij, V.S.* (1914). Vne zhizni. Ocherki tyurmy i katorgi. [Out of life. Essays on prison and hard labor]. SPb.: Izdatelstvo V.S. Vojtinskogo, 255 p. [in Russian]
- Zil'bershtein, 1925** – *Zil'bershtein, Ya.M.* (1925). Vospominaniya o Smolenskoj katorzhnoi tyur'me (1909–1910 gg.) [Memories of the Smolensk hard labor prison (1909–1910)]. Po tyur'mam v epokhu pervoi revolyutsii. M.: Izd-vo Vsesoyuz. obshch-va politkatorzhan i ssyl'noposelentsev. Kn. VII. Pp. 29-46. [in Russian]

Из истории противодействия беспорядкам в российских пенитенциарных учреждениях на рубеже XIX–XX вв. (по материалам Саратовской губернии)

Александр Егорович Епифанов ^{a, b, *}

^a Московский городской педагогический университет, Москва, Российская Федерация

^b Академия управления Министерства внутренних дел России, Российская Федерация

Аннотация. В статье с позиций истории государства и права раскрываются причины и условия, характерные черты и статистика беспорядков среди контингента российских мест заключения на рубеже XIX–XX веков. Автор анализирует действия тюремной администрации, надзорсостава, полиции и войсковых формирований по нейтрализации бунтов и волнений среди арестантов. Показано влияние на уровень беспорядков в местах лишения свободы состояния дисциплины и режима отбывания наказания в пенитенциарных учреждениях Российской империи. Автор проводит прямую зависимость бунтов и волнений от развития сложившихся в Российской империи социально-политических условий, приходит к выводу о том, что характерной особенностью революционного периода явилось активное участие в направленных на освобождение арестантов массовых беспорядках их соучастников и сподвижников, остававшихся на свободе.

Статья подготовлена на основе относящихся к территории Саратовской губернии различных источников, архивных материалов, прежде всего. Многие из них впервые вводятся в научный оборот. В статье используются как общенаучные (исторический, логический, диалектический, системно-функциональный синтез и анализ), так и специально-исторические (статистический и историко-сравнительный) методы познания. В работе приведены полученные из разного рода источников статистические данные об имевших место в местах заключения происшествиях, послуживших элементами беспорядков. Автор приходит к выводу о значительных масштабах и большой общественной опасности беспорядков среди арестантов российских пенитенциарных учреждений. Их развитие было связано с формированием революционной ситуации, негативными переменами в составе заключенных, а также состоянием режима отбывания наказания и мест лишения свободы.

Ключевые слова: беспорядки, Главное тюремное управление, режим, камера, тюрьмы, администрация, надзиратели, полиция, войска, тюремный инспектор.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: mvd_djaty@mail.ru (А.Е. Епифанов)

Copyright © 2023 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2023. 18(2): 821-829
 DOI: 10.13187/bg.2023.2.821

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Sociocultural Integration of the Highlanders of the North Caucasus into the Russian Empire in the second half of the 19th century

Aleksey M. Erokhin ^a, Evgenii A. Avdeev ^{a, *}, Sergej M. Vorobev ^a

^aNorth-Caucasus Federal University, Stavropol, Russian Federation

Abstract

After the end of the Caucasian War, an active socio-cultural integration of the mountain peoples into the Russian Empire began. In the second half of the 19th century, the main principles and characteristic features of the state structure of the North Caucasus were formed as part of the Russian Empire. A system of administrative and state administration took shape, taking into account the religious and cultural specifics of the mountain peoples. This article is based on an interdisciplinary approach that combines historical-archival and socio-cultural analysis, a systematic view of various factors of Russification and socio-cultural integration of mountain peoples. Such mechanisms of socio-cultural integration of the highlanders as the spread of the Russian language, the formation of Russian education, the incorporation of highland elites through military and public service are considered. Despite the state course to strengthen the role of the Russian language by expanding its use in public administration and education, elements of the administrative and cultural autonomy of the mountain peoples, respect for their culture, language and traditions were preserved. In most cases, integration did not cause active protest from the mountain population, many mountaineers considered Russification as an expansion of opportunities for raising their social status and career growth. In the process of interaction between the Russian and mountain peoples, a mutual socio-cultural transformation and partial assimilation took place.

Keywords: Russian Empire, North Caucasus, sociocultural integration, public administration, education, Russian language, russification.

1. Введение

Вхождение Северо-Кавказского региона в состав России в XIX в. сопровождалось значительными социокультурными трансформациями, изменением этнической структуры населения и культурным взаимообменом. Социокультурная интеграция проходила на основе государственных решений путем реализации политики по привлечению горской знати к государственной службе, развитию российского образования и культуры, дальнейшей гражданской колонизации и экономическому развитию региона. В этот период складывались основные принципы и характерные черты государственного устройства Северного Кавказа в составе Российской империи, происходило формирование системы административно-государственного управления, учитывавшего религиозную и культурную специфику горских народов. Актуализировалось и значение Северо-Кавказского региона как контактной зоны, своеобразного фронта, где проходит социокультурная интеграция, формируются смешанные и переходные культуры. Происходил активный экономический и социокультурный обмен на основе взаимодействия русского и горского населения, распространения русского языка и культуры. Российская империя, проводя колонизационно-переселенческую политику, переформатировала этнотектонику Северного Кавказа, размывая этнокультурные границы, включая горские народы в региональное фронтальное пространство.

* Corresponding author

E-mail addresses: ewg.avdeev@yandex.ru (E.A. Avdeev)

В статье рассматривается социокультурная интеграция горских народов во второй половине XIX в. на основе распространения русского языка, российского образования и культуры, путем приема горских элит на военную и гражданскую службу. При этом окончательного завершения социокультурной интеграции региона не произошло ни во второй половине XIX, ни в течение XX вв. Данная статья носит проблемный характер, т.к. многие нерешенные вопросы социокультурной интеграции горских народов были актуальны и требовали решения на протяжении всего XX в., повлияли на обострение межнациональных отношений в конце XX – начале XXI вв. В настоящее время в регионе проходят сложные процессы этномиграционных и социокультурных трансформаций, которые могут носить конфликтный характер. Северный Кавказ по-прежнему имеет важное геополитическое значение и подвержен значительному социокультурному влиянию соседних государств.

2. Материалы и методы

Данное исследование основывается на принципе историзма, рассматривающего историю Кавказа как процесс социокультурного взаимодействия различных народов с присущими им культурой и ценностями, изменяющимися с течением времени. Теоретико-методологической основой является междисциплинарный подход, сочетающий историко-архивный и социокультурный анализ, системный взгляд на различные аспекты социокультурной интеграции горских народов. Основной задачей было раскрытие специфики социокультурной интеграции горских народов в состав Российской империи, выделение основных путей включения горцев в систему образования, государственной и военной службы, имплементации русского языка и культуры.

Основными историческими методами стали историко-генетический, историко-системный, а также метод историографического анализа. Историко-генетический метод позволил последовательно раскрыть формирование политики России по социокультурной интеграции горских народов в историческом контексте, в который вписаны события и личности в их индивидуальности и образности. Историко-системный метод дал возможность реконструировать политику, направленную на социокультурную интеграцию Северного Кавказа, как целостное историческое явление, рассмотреть ее аспекты в синхронном темпоральном разрезе действительности. Синхронный разрез дает возможность смоделировать основы социокультурной интеграции в указанный период через способы принятия государственных решений, управленческие практики, реализацию решений на местах и отношение к ним горского населения. Историко-системный метод определяет общность единичного, особенного и общего. Это сочетание разных уровней: отдельные индивидуальные и неповторимые события, исторические ситуации, исторические процессы. Историографический анализ позволил определить, рассмотреть и систематизировать научные и архивные источники, охарактеризовать состояние, определить установленные факты и существующие пробелы исследуемой проблемы, а также уточнить исходные концептуальные положения.

Источниковую базу настоящей статьи составили источники законодательного (Полное собрание законов Российской империи – ПСЗРИ), политического, этнографического и историографического характера, а также архивные материалы, хранящиеся в Российском государственном историческом архиве (Санкт-Петербург, Российская Федерация), Центральном государственном архиве Кабардино-Балкарской республики (Нальчик, Российская Федерация) и научном архиве Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований (Владикавказ, Российская Федерация). Основные факторы социокультурной интеграции рассматривались на основе концепции фронта как зоны взаимодействия различных народов, перемещения больших масс людей, формирования между переселенцами и автохтонным населением взаимоотношений, образующих пеструю мозаику локальных сообществ и гибридных культур (Барретт, 2000).

Вхождение горских народов в состав Российской империи рассматривается в аспектах социокультурного взаимодействия горского населения с русскими поселенцами, государственной властью, а также инкорпорации горских элит в систему государственной власти и военной службы, получения ими образования на русском языке. Русская культура была и по-прежнему остается культурой, осуществляющей передачу системы основных российских ценностей, смыслов и символов из центральной зоны на многонациональные окраины страны. Культура на Северном Кавказе была и остается матрицей, формирующей слагаемые сближения и взаимопонимания русского и северокавказских народов (Гатагова, Трепавлов, 2019: 215). Освоение горским населением новых общественных отношений постепенно приводило к его социокультурной интеграции, ее элементами становились культурный взаимообмен и конвергенция культур. Казаки и русские переселенцы путем взаимодействия с горцами впитывали в себя элементы соприкасающихся друг с другом культур.

3. Обсуждение

Анализу социокультурного синтеза, сформировавшегося в регионе, посвящены исследования А.Х. Борова и Р.Х. Кочесокова, рассматривающих исторические этапы и проблемы этого процесса (Боров, Кочесоков, 2011). Вклад в рассмотрение этнокультурного взаимодействия между русскими и горцами вносит работа А.А. Цуциева (Цуциев, 2001). Противоречивый характер социокультурного

взаимодействия на Северном Кавказе реконструируется в зарубежной историографии (Ware, Kisriev, 2009; Górecki, 2014). Американский историк Т.М. Барретт (Барретт, 2000) применяет к анализу Северо-Кавказского региона теорию фронта, выдвинутую Ф.Дж. Тернером, который рассматривал фронт как границу между цивилизацией и варварством, территорию освоения, являющуюся «свободным» пространством, «ничьей землей» (Тернер, 2009). В.В. Черноус рассматривает Северный Кавказ в качестве «контактной зоны цивилизаций и культур», акцентируя внимание на посредническо-передаточной роли казачества в интеграционных процессах (Черноус, 2000: 168). Значительное внимание к изучению особенностей включения других народов в российское социокультурное и экономическое пространство уделялось в зарубежной историографии (Russia's Orient..., 1997; Kappeler, 2001). А. Каппелером, Дж. Хоскингом, А. Рибером, Р.Г. Суни анализируются вопросы взаимоотношения имперской власти и национальных окраин, особенности государственного управления на новых территориях и способы обеспечения лояльности присоединенных народов (Хоскинг, 2000). Включение Северного Кавказа во внутренние пределы Российской империи в административном и социокультурном отношении рассматривается Е.И. Кобахидзе (Кобахидзе, 2016: 45).

Изучению взаимодействия между горцами и Российским государством, организации управления Северо-Кавказским регионом, особенностей социокультурных процессов в ходе интеграции региона в состав Российской империи были посвящены работы ряда российских историков (Miller, 2004; Северный Кавказ..., 2007; Гатагова, Трепавлов, 2019). Спонтанность и непоследовательность государственных решений, недостаточный учет социокультурной специфики горского населения на рубеже XIX–XX вв. исследуются в трудах А.Ю. Бахтуриной, М.Ф. Флоринского и др. (Бахтурина, 2004; Флоринский, 2010).

4. Результаты

История вхождения Северо-Кавказского региона в состав России представляла собой неоднозначный и зачастую противоречивый процесс. С одной стороны, было мирное социокультурное взаимодействие казаков, русских переселенцев и горцев, включавшее побратимство и формирование кровнородственных связей. С другой – имели место взаимная неприязнь и открытая вражда, в основном связанная с религиозными и этнокультурными различиями. После окончания Кавказской войны стала преобладать тенденция к дальнейшей социокультурной интеграции горцев в российское общество, распространению в их среде русского языка и культуры. Многие казаки и русские переселенцы, взаимодействуя с горским населением, «сливались с местным населением, начинали жить его жизнью, его радостями и приучали горцев верить в великодушные русские народы, хотя бы и относящегося к иной религии, говорящего на другом языке» (Что сделала для Кавказа Россия..., 1913: 16).

Во второй половине XIX в. процесс русификации Северного Кавказа представляет собой «формирование культурно-языкового единства при доминировании языка и культуры русского населения, рассматриваемого в качестве основы общеимперской наднациональной идентичности» (Кобахидзе, 2016a: 74). Проведение курса на русификацию привело к запрещению в 1867 г. школьного образования на национальных языках. Русский язык стал основным языком в административных органах управления, системе школьного и профессионального образования, издаваемых книгах, газетах и журналах (Бакашов, 2011: 21). Включение Северного Кавказа в состав России осуществлялось путем политики приобщения горских народов к русской культуре, поддерживались процессы ассимиляции. Несомненным фактором, способствовавшим социокультурной интеграции горцев, было уважение к их языку, культуре, традициям, религии и самобытности общественной жизни как со стороны государства, так и многих представителей русской интеллигенции и народа.

Во второй половине XIX в. выделялись следующие основные направления включения Северного Кавказа в Российскую империю: продолжающиеся процессы принятия российского подданства, формирование системы государственного управления, дальнейшей русификации (Киор, 2010: 206). Российское подданство было одним из краеугольных принципов империи. Оно предполагало верность фигуре императора – символу государства, независимо от этнической принадлежности и вероисповедания. Государственное управление Кавказским регионом происходило с учетом традиций, культуры, норм и правил существования горских народов, предполагало частичное сохранение низовых институтов народного самоуправления (Имперский строй России..., 1997). Один из крупнейших кавказоведов XIX в. П.К. Услар в своих трудах подчеркивал необходимость учета историко-культурной, этносоциальной и религиозной специфики горских народов. По его словам, «всякое управление непременно должно быть согласовано с существующим уже устройством края, если только нет средств без разрушительного потрясения изменить все разом» (Услар, 1880: 259). Российская власть учитывала религиозные и национальные традиции при формировании органов государственного управления. Наряду с государственным судопроизводством, в 1870 г. наместник кавказский великий князь Михаил Николаевич утвердил «Временные правила для горских словесных судов Кубанской и Терской областей», распространявшиеся исключительно на горское население. Данная система судопроизводства

вводила принцип сохранения народных судов для горцев – отделения судопроизводства от военных и гражданских властей. Эти суды носили переходный характер. При рассмотрении гражданских и уголовных дел применялись нормы обычного права и шариата ([Временные правила, 1901: 307-321](#)). Несмотря на временный характер, горские словесные суды существовали до февраля 1917 г.

Важную роль в организации государственного управления на Северном Кавказе по завершении Кавказской войны сыграл институт наместничества. Одним из направлений деятельности наместника на Кавказе было принятие мер по дальнейшему укреплению лояльности горской знати империи, пресечению противоправных антигосударственных действий и сепаратистских устремлений горской элиты посредством привлечения ее к военной и гражданской службе. Несмотря на унитарность государства, народы Северного Кавказа, принявшие российское подданство, сохраняли свою самобытность, культуру и веру ([Мазанав, 2020](#)). Так, в «Прокламации горским народам» 1845 г. наместник Кавказа М.С. Воронцов обещал: «Религия ваша, шариат, адат, земля ваша, имения ваши, а также все имущество, приобретенное трудами, будет неприкосновенною вашею собственностью и останется без всякого изменения» ([Гриценко, 1963: 16](#)). Особое внимание со стороны государства было уделено элитам. Горская знать и мусульманское духовенство составляли ядро местной «бюрократии». Тем самым происходило привлечение основных масс населения, находившихся под их руководством, на сторону России ([Бабич, 2008: 41](#)). Еще в начале XIX в. была введена особая статья государственных расходов – «для употребления в подарки из горских народов, коим усердием и приверженностью к службе заслуживать будут, а также на жалование и пенсии разным женам из кабардинцев и других горских народов и на прочие пограничные расходы» ([ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 29. 1830. № 22553](#)). Привлекались к военной службе представители горской знати. Например, половина военнотружущих личного состава лейб-гвардии Кавказско-горского полубатальона должна была быть укомплектована «людьми из... Горских фамилий, преимущественно таких, кои имеют влияние на народ свой» ([ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 12. 1838. № 10570](#)).

Во второй половине XIX в. продолжалось активное привлечение горской элиты на государственную службу. Российская администрация увязала сохранение статуса и привилегий для горской знати с несением военной или гражданской государственной службы. Для упрочения положения России в Северо-Кавказском регионе создавались горские милицейские формирования. Так, в 1865 г. их статус был нормативно закреплён в «Положении о Терской постоянной милиции» ([ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 40. № 41734](#)). Необходимыми требованиями для приема горцев на государственную службу являлись знание русского языка и лояльность России. Принятие православной веры было негласным условием крупной военной или чиновной карьеры. Некоторые представители горской знати принимали данные правила и продвигались по карьерной лестнице. Балкарец Умар Шакманов принял крещение, бывшее негласным условием военной службы ([Документы по истории Балкарии..., 1959: 17-18](#)). Государственной властью в регионе практиковалось совмещение военных и гражданских должностей. Как правило, их занимали представители местной элиты. Например, кабардинский князь полковник Султанбек Клишбиев в течение нескольких лет (с 1910 по 1917 гг.) занимал должность начальника Нальчикского округа ([ЦГА КБР. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 15](#)).

Одной из важных задач, способствующих интеграции горского населения, стало создание и развитие образования на русском языке. Наместник кавказский великий князь Михаил Николаевич отмечал «высокое значение развития народного образования, как наиболее действительного средства к поднятию нравственного уровня местного населения и сближения его с господствующею народностью» ([Записка..., 2005: 154](#)). П.К. Услар отмечал, что решить проблему социокультурной интеграции народов Северного Кавказа можно только на основе развития народного образования и распространения русского языка, который должен стать языком межнационального общения ([Услар, 1870](#)).

Особое внимание было уделено социокультурной интеграции посредством создания преференций для детей местной знати в получении российского образования. Под руководством наместника на Кавказе князя М.С. Воронцова было подготовлено «Положение о воспитании Кавказских и Закавказских уроженцев, на счет казны, в высших и специальных заведениях империи». Согласно ему дети местной элиты имели право обучаться в российских университетах в Московском и Петербургском университетах для учебы детей горской знати. Наряду с этим, на Кавказе для обучения более широких масс горского населения предполагалось создание особого Кавказского учебного округа. В регионе начали работать 5 гимназий и 21 училище, открылась первая общественная библиотека. В 1859 г. создается новый тип учебных заведений – горские школы. Они носили светский характер и не предполагали религиозного образования. Образовательный процесс был организован на русском языке. Основной целью этих школ было распространение «гражданственности и образования покорившимися горцами» ([Кумыков, 2002: 325](#)).

В 1867 г. начинается процесс приведения создаваемой системы образования на Северном Кавказе к единым нормам и стандартам образования Российской империи. Важную роль сыграло введенное в 1867 г. Положение об учебной части на Кавказе и за Кавказом, которое документально закрепляло нормы и стандарты образования Российской империи в регионе. Для повышения образования на русском языке были увеличены учебные часы преподавания русского языка. При

этом разрешалось вводить языки горских народов как предмет обучения. Далее русский язык как основной язык обучения был закреплен введенным Положением о начальных народных училищах от 1874 г. (Рождественский, 1902: 654). Целью начального образования, согласно положению, было привитие детям основ православной веры и русского языка (Материалы по истории..., 1942: 132). Правила о применении к учебным заведениям Кавказского учебного округа общих училищных уставов Министерства народного просвещения 1874 г. предписывали частным и государственным начальным учебным заведениям проводить образовательный процесс на русском языке. Согласно правилам, в ходе первого года обучения для горских детей русский язык был предметом обучения. На втором году обучения, после усвоения русского языка, на нем проходило все обучение. При этом одним из учебных предметов оставался родной язык (НА СОИГСИ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 70. Л. 5).

Подводя итоги важности и значимости работы по организации образования горских детей на русском языке как действенного инструмента русификации и социокультурной интеграции, наместник кавказский граф И.И. Воронцов-Дашков указывал на то, что «правильно поставленная русская народная школа... является первейшим средством для воздействия на мусульман русским мировоззрением. Она спасает их от вредной, с государственной точки зрения, пропаганды панисламизма и пантюркизма в школах с турецкими преподавателями и учебниками, проникнутыми нерусскими идеями» (Всеподданнейший отчет..., 1913: 17-18). Несмотря на жесткий административный перевод системы начального образования на русский язык, это не привело к отторжению его со стороны горского населения. Образование детей рассматривалось горцами прежде всего как расширение диапазона жизненных стратегий и возможного карьерного роста. Получение образования на русском языке давало возможность повышения социального статуса и занятия низших административных должностей в органах государственного управления. Знание русского языка расширяло возможности этнокультурной коммуникации, особенно с находящимися по соседству станицами и городами, где активно развивалась городская культура и связанные с ней формы деятельности (Tuaeva et al., 2017). Роль образования на русском языке как средства социокультурной интеграции горских народов понималась и властью.

Несмотря на значительные усилия государства по включению Северо-Кавказского региона в единое экономическое и социокультурное пространство, по росту торговых и социокультурных контактов горцев с русским населением Северный Кавказ к началу XX в. значительно отставал по уровню экономического и социокультурного развития от западных и центральных губерний. Так, главнотачальствующий гражданской частью на Кавказе князь Г.С. Голицын считал, что регион недостаточно интегрирован в единое государственное и социокультурное пространство империи, отличается низким уровнем развития промышленности, сельского хозяйства и культуры (РГИА. Ф. 1284. Оп. 194. 1903 г. Д. 55. Л. 42-101). Несмотря на значительные усилия имперской власти по социокультурной интеграции горцев в единое пространство империи, процессы русификации и распространения российского образования охватывали в основном узкий круг горских элит. Широкие слои населения по-прежнему жили в рамках замкнутых сельских общин, существовавших преимущественно на основе натурального хозяйства, слабо включенных в экономические связи с другими регионами России. Это препятствовало распространению русского языка, образования, резко ограничивало мобильность и социальную активность населения.

5. Заключение

Российская политика во второй половине XIX в. была направлена на культурную и языковую унификацию империи на основе активной социокультурной интеграции и русификации национальных окраин. На Северном Кавказе основное внимание уделялось административной, социальной и культурной интеграции горских народов в единое имперское социокультурное пространство путем русификации, включения горской элиты в систему военной службы и государственного управления, развития образования на русском языке. После окончания Кавказской войны начался активный процесс институционального и социокультурного обмена, в ходе которого происходит присоединение горских народов к культурной матрице России. Формируется фронтальная культура кавказского пограничья. Она предполагает ряд взаимодополняющих социокультурных процессов, предполагающих культурный диалог, взаимообогащение русской и местных культур, формирование уникальных, присущих только данному региону социокультурных черт и институтов. Особый упор в социокультурной интеграции горцев делался на усиление роли русского языка путем расширения его использования в государственном управлении и образовании. Имперской властью допускалось существование незначительной административной и культурной автономии горских народов, демонстрировалось и уважение к их культуре, языку и традициям. Все это не вызывало активного протеста со стороны горского населения, русификацию многие горцы рассматривали как расширение возможностей для повышения социального статуса и карьерного роста. При этом к концу XIX в. большая часть горского населения по-прежнему не была включена в российское образовательное и социокультурное пространство. Активное включение горского населения в социокультурное пространство России происходило в течение XX в. при сохранении и поддержке национальных языков и культур.

6. Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 23-28-00237 «Риски конфликтности трансформации социокультурных оснований идентичности молодежи Северного Кавказа».

The study is supported by Russian Science Foundation. Project No. № 23-28-00237 «Risks of Conflict in the Transformation of the Socio-Cultural Foundations of the North Caucasus Young People's Identity».

Литература

Бабич, 2008 – Бабич И.Л. Деятельность российского государства по включению горцев Северного Кавказа в общероссийское культурное пространство в конце XVIII – начале XX века // *Научная мысль Кавказа*. 2008 № 4. С. 41-49.

Бакашов, 2011 – Бакашов А.В. Вовлечение Чечни в экономическую и культурно-административную систему российского государства в последней трети XIX века // *Научные проблемы гуманитарных исследований*. 2011. № 8. С. 12-24.

Барретт, 2000 – Барретт Т.М. Линии неопределенности: северокавказский «фронт» России / Американская русистика: вехи историографии последних лет. Императорский период. Самара, 2000. С. 163-193.

Бахтурина, 2004 – Бахтурина А.Ю. Окраины Российской империи: государственное управление и национальная политика в годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.). М., 2004. 392 с.

Боров, Кочесоков, 2011 – Боров А.Х., Кочесоков Р.Х. Северный Кавказ в российском цивилизационном процессе. Проблемы интеграции и синтеза // *Философские науки*. 2011. (1 Suppl.). С. 43-60.

Временные правила..., 1901 – Временные правила для горских словесных судов Кубанской и Терской областей // *Кубанский календарь на 1902 г. Приложение: Том VIII*. Екатеринодар, 1901. 531 с.

Всепопданнейший отчет..., 1913 – Всепопданнейший отчет за восемь лет управления Кавказом графа И.И. Воронцова-Дашкова. СПб., 1913. 36 с.

Гатагова, Трепавлов, 2019 – Гатагова Л.С., Трепавлов В.В. «Перед толпой соплеменных гор»: проблемные вопросы истории политики России на Кавказе (XVIII–XIX вв.). М., 2019. 289 с.

Гриценко, 1963 – Гриценко Н.П. Экономическое развитие Чечено-Ингушетии в пореформенный период (1861–1900 гг.). Грозный, 1963. 198 с.

Документы по истории Балкарии..., 1959 – Документы по истории Балкарии (40–90-е гг. XIX в.) / Сост. Е.О. Крикунова. Т. 1. Нальчик, 1959. 262 с.

Записка..., 2005 – Записка «О мероприятиях к возвышению уровня гражданского благосостояния и духовного преуспеяния населения Кавказского края» (1879 г.) // *Кавказский сборник*. М.: Русская панорама, 2005. Т. 2(34). 334 с.

Имперский строй России..., 1997 – Имперский строй России в региональном измерении: XIX – начало XX века / Под ред. П.И. Савельева. М., 1997. 237 с.

Киор, 2010 – Киор В.Б. Государственная национальная политика в имперской России // *Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение»*. 2010. № 4(47). С. 204-218.

Кобахидзе, 2016 – Кобахидзе Е.И. Переселенческая политика России на Северном Кавказе как средство упрочения русской культуры и гражданственности // *Восток. Афро-азиатские общества: история и современность*. 2016. № 2. С. 45-57.

Кобахидзе, 2016а – Кобахидзе Е.И. Ресурсы позднеимперской «русификации» на Северном Кавказе // *Российская история*. 2016. № 3. С. 74-82.

Кумыков, 2002 – Кумыков Т.Х. Общественная мысль и просвещение адыгов и балкаро-карачаевцев в XIX – начале XX в. Нальчик: Эльбрус, 2002. 445 с.

Мазанаев, 2020 – Мазанаев Н.К. Национальная политика России на Северном Кавказе в конце XIX – начале XX в. // *Образование и право*. 2020. № 8. С. 426-428.

Материалы по истории..., 1942 – Материалы по истории осетинского народа: Сборник документов по истории народного образования в Осетии. Орджоникидзе: Государственное издательство Северо-Осетинской АССР, 1942. Т. V. 296 с.

НА СОИГСИ – Научный архив Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований.

ПСЗРИ – Полное собрание законов Российской империи.

РГИА – Российский государственный исторический архив.

Рождественский, 1902 – Рождественский С.В. (Сост.). Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. 1802–1902. СПб.: Министерство народного просвещения, 1902. 785 с.

Северный Кавказ..., 2007 – Северный Кавказ в составе Российской империи. М., 2007. 460 с.

Тернер, 2009 – Тернер Ф.Дж. Фронт в американской истории. М.: Весь Мир, 2009. 304 с.

Услар, 1870 – Услар П.К. О распространении грамотности между горцами // *Сборник сведений о кавказских горцах*. Т. III. Тифлис, 1870. С. 1-30.

- Услар, 1880** – Услар П.К. Гурийский отряд в 1855 году // *Кавказский сборник*. Т. V. Тифлис, 1880. С. 235-470.
- Флоринский, 2010** – Флоринский М.Ф. Центральная власть и Кавказская администрация в системе управления Российской империи // *Труды исторического факультета Санкт-Петербургского университета*. 2010. № 1. С. 380-411.
- Хоскинг, 2000** – Хоскинг Дж. Россия: народ и империя. М., 2000. 512 с.
- ЦГА КБР** – Центральный государственный архив Кабардино-Балкарской Республики.
- Цуциев, 2001** – Цуциев А.А. Русские и кавказцы: очерк привычных восприятий // *Научная мысль Кавказа*. 2001. № 2. С. 65-74; № 3. С. 52-59.
- Черноус, 2000** – Черноус В.В. Культурно-цивилизационное взаимодействие на Северном Кавказе: история и некоторые современные тенденции // *История: научные поиски и проблемы*. Ростов н/Д: РГУ, 2000.
- Что сделала для Кавказа Россия..., 1913** – Что сделала для Кавказа Россия под скипетром Дома Романовых: к 300-летию юбилею Дома Романовых. Тифлис: Канцелярия наместника его императорского величества на Кавказе, 1913. 16 с.
- Górecki, 2014** – Górecki W. No change in the Russian Caucasus: The Winter Olympics Amid a Local War // *OSW Studies*. 2014. No. 47. P. 53-57.
- Kappeler, 2001** – Kappeler A. The Russian Empire: A Multi-Ethnic History. London, 2001. 480 p.
- Miller, 2004** – Miller A. Russian Imperial History: Its Scope and Paradigm // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2004. Vol. 5. No 1. Pp. 7-26.
- Russia's Orient..., 1997** – Russia's Orient: Imperial Borderlands and Peoples, 1700–1917 / Ed. D.R. Brower and E.J. Lazzarini. Bloomington, 1997. 368 p.
- Tuaeva et al., 2017** – Tuaeva B.V., Kanukova Z.V., Usova Yu.V., Plieva Z.T. Artisans in the social-class structure of the cities of the North Caucasus // *Bylye Gody*. 2017. Vol. 44. Is. 2. Pp. 378-386.
- Ware, Kisriev, 2009** – Ware R., Kisriev E. Dagestan: Russian Hegemony and Islamic Resistance in the North Caucasus. N.Y.: Routledge, 2009. 367 p.

References

- Babich, 2008** – Babich, I.L. (2008). Deiatel'nost' rossijskogo gosudarstva po vklucheniiu gorcev Severnogo Kavkaza v obshcherossijskoe kul'turnoe prostranstvo v konce KhVIII – nachale KhKh veka [The activities of the Russian state to include the highlanders of the North Caucasus in the all-Russian cultural space at the end of the 18th - beginning of the 20th century]. *Nauchnaia mysl' Kavkaza*. 4: 41-49. [in Russian]
- Bahturina, 2004** – Bahturina, A.Ju. (2004) Okrainy Rossijskoj imperii: gosudarstvennoe upravlenie i nacional'naja politika v gody Pervoj mirovoj vojny (1914–1917 gg.) [Outskirts of the Russian Empire: State Administration and National Policy during the First World War (1914-1917)]. Moscow. 392 p. [In Russian]
- Bakashov, 2011** – Bakashov, A.V. (2011). Vovlechenie Chechni v ekonomicheskuiu i kul'turno-administrativnuiu sistemu rossijskogo gosudarstva v poslednej treti XIX veka [The involvement of Chechnya in the economic, cultural and administrative system of the Russian state in the last third of the 19th century]. *Nauchnye problemy gumanitarnykh issledovanij*. 8: 12-24. [In Russian]
- Barrett, 2000** – Barrett, T.M. (2000). Linii neopredelennosti: severokavkazskij «frontir» Rossii [Lines of Uncertainty: the Frontiers of the Northern Caucasus]. *Amerikanskaia rusistika: vekhi istoriografii poslednikh let. Imperatorskij period*. Samara. Pp. 163-193. [in Russian]
- Borov, Kochesokov, 2011** – Borov, A.Kh., Kochesokov, R.Kh. (2011) .Severnyj Kavkaz v rossijskom civilizacionnom processe. Problemy integracii i sinteza [The North Caucasus in the Russian civilizational process. Problems of Integration and Synthesis]. *Filosofskie nauki*. (1 Suppl.). Pp. 43-60. [in Russian]
- CGA KBR** – Central'nyj gosudarstvennyj arhiv Kabardino-Balkarskoj Respubliki [Central State Archives of the Kabardino-Balkarian Republic].
- Chernous, 2000** – Chernous, V.V. (2000). Kul'turno-civilizacionnoe vzaimodejstvie na Severnom Kavkaze: istoriia i nekotorye sovremennye tendencii [Cultural and civilizational interaction in the North Caucasus: history and some current trends]. *Istoriia: nauchnye poiski i problemy*. Rostov-on-Don: RGU. [in Russian]
- Chto sdelala dlja Kavkaza Rossiia..., 1913** – Chto sdelala dlja Kavkaza Rossiia pod skipetrom Doma Romanovykh: k 300-letnemu iubileiu Doma Romanovykh [What Russia did for the Caucasus under the scepter of the Romanov dynasty: to the 300th anniversary of the Romanov dynasty]. Tiflis: Kanceliariia namestnika ego imperatorskogo velichestva na Kavkaze. 16 p. [in Russian]
- Dokumenty po istorii Balkarii..., 1959** – Dokumenty po istorii Balkarii (40-90-e gg. XIX v.) [Documents on the history of Balkaria (40-90s of the XIX century)]. Sost. E.O. Krikunova. V. 1. Nal'chik, 1959. 262 p. [in Russian]
- Florinskij, 2010** – Florinskij, M.F. (2010). Tsentral'naja vlast' i Kavkazskaja administracija v sisteme upravlenija Rossijskoj imperii [Central government and the Caucasian administration in the governing system of the Russian Empire]. *Trudy istoricheskogo fakul'teta Sankt-Peterburgskogo universiteta*. 1: 380-411. [in Russian]

- Gatagova, Trepavlov, 2019** — *Gatagova, L.S., Trepavlov, V.V.* (2019). «Pered tolpoiou soplemennyykh gor»: problemnye voprosy istorii politiki Rossii na Kavkaze (XVIII–XIX vv.) [“In front of a crowd of tribal mountains”: problematic issues of the history of Russian policy in the Caucasus (XVIII–XIX centuries)]. Moscow. 289 p. [in Russian]
- Górecki, 2014** — *Górecki, W.* (2014). No change in the Russian Caucasus: The Winter Olympics Amid a Local War. *OSW Studies*. 47: 53-57.
- Gricenko, 1963** — *Gricenko, N.P.* (1963). Ekonomicheskoe razvitie Checheno-Ingushetii v poreformennyj period (1861–1900 gg.) [Economic development of Chechen-Ingushetia in the post-reform period (1861–1900)]. Groznyj. 198 p. [in Russian]
- Hosking, 2000** — *Hosking, G.* (2000). Rossiya: narod i imperija [Russia: People and Empire, 1552–1917]. Moscow. 512 p. [in Russian]
- Imperskij stroj Rossii..., 1997** — Imperskij stroj Rossii v regional'nom izmerenii: XIX-nachalo XX veka [The imperial system of Russia in the regional dimension: XIX-early XX centuries]. Pod red. P.I. Savel'eva. M., 1997. 237 p. [in Russian]
- Kappeler, 2001** — *Kappeler, A.* (2001). The Russian Empire: A Multi-Ethnic History. London. 480 p.
- Kior, 2010** — *Kior, V.B.* (2010). Gosudarstvennaja nacional'naja politika v imperskoj Rossii [State national policy in imperial Russia]. *Vestnik RGGU. Serija: Politologija. Istorija. Mezhdunarodnye otnoshenija. Zarubezhnoe regionovedenie. Vostokovedenie*. 4(47): 204-218. [in Russian]
- Kobakhidze, 2016** — *Kobakhidze, E.I.* (2016). Pereselencheskaia politika Rossii na Severnom Kavkaze kak sredstvo uprocheniia russoj kul'tury i grazhdanstvennosti [Migration policy of Russia in the North Caucasus as a means of strengthening Russian culture and citizenship]. *Vostok. Afro-aziatskie obshchestva: istoriia i sovremennost'*. 2: 45-57. [in Russian]
- Kobakhidze, 2016a** — *Kobakhidze, E.I.* (2016). Resursy pozdneimperskoj «rusifikacii» na Severnom Kavkaze [Resources of Late Imperial “Russification” in the North Caucasus]. *Rossijskaia istoriia*. 3: 74-82. [in Russian]
- Kumykov, 2002** — *Kumykov, T.Kh.* (2002). Obshchestvennaia mysl' i prosveshchenie adygov i balkaro-karachaevcev v XIX – nachale XX v. [Social thought and education of the Circassians and Balkar-Karachais in the 19th – early 20th centuries]. Nal'chik: El'brus. 445 p. [in Russian]
- Materialy po istorii..., 1942** — Materialy po istorii osetinskogo naroda: Sbornik dokumentov po istorii narodnogo obrazovaniia v Osetii [Materials on the history of the Ossetian people: Collection of documents on the history of public education in Ossetia]. Ordzhonikidze: Gosudarstvennoe izdatel'stvo Severo-Osetinskoj ASSR, 1942. Vol. V. 296 p. [in Russian]
- Mazanaev, 2020** — *Mazanaev, N.K.* (2020). Nacional'naja politika Rossii na Severnom avkaze v konce XIX – nachale XX v. [Russia's national policy in the North Caucasus in the late 19th – early 20th centuries]. *Obrazovanie i pravo*. 8: 426-428. [in Russian]
- Miller, 2004** — *Miller, A.* (2004). Russian Imperial History: Its Scope and Paradigm. *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 5(1): 7-26.
- NA SOIGSI** — Nauchnyj arkhiv Severo-Osetinskogo instituta gumanitarnykh i social'nykh issledovanij [Scientific archive of the North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Research].
- PSZRI** — Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii [Complete collection of laws of the Russian Empire].
- RGIA** — Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv [Russian State Historical Archive].
- Rozhdestvenskij, 1902** — *Rozhdestvenskij, S.V.* (1902). Istoricheskij obzor deiatel'nosti Ministerstva narodnogo prosveshcheniia. 1802–1902. [Historical review of the activities of the Ministry of Public Education. 1802–1902]. St. Petersburg: Ministerstvo narodnogo prosveshcheniia. 785 p. [in Russian]
- Russia's Orient..., 1997** — *Russia's Orient: Imperial Borderlands and Peoples, 1700–1917*. Ed. D.R. Brower and E.J. Lazzarini. Bloomington, 1997. 368 p.
- Severnyj Kavkaz..., 2007** — Severnyj Kavkaz v sostave Rossijskoj imperii [North Caucasus as part of the Russian Empire]. Moscow. 2007. 460 p. [in Russian]
- Terner, 2009** — *Terner, F.Dzh.* (2009). Frontir v amerikanskoj istorii [Frontier in American history]. Moscow: Ves' Mir. 304 p. [in Russian]
- Tsutsiev, 2001** — *Tsutsiev, A.A.* (2001). Russkie i kavkazcy: ocherk privychnykh vospriiatij [Russkie i kavkazcy: ocherk privychnykh vospriiatij]. *Nauchnaia mysl' Kavkaza*. 2: 65-74; 3: 52-59. [in Russian]
- Tuaeva et al., 2017** — *Tuaeva, B.V., Kanukova, Z.V., Usova, Yu.V., Plieva, Z.T.* (2017). Artisans in the social-class structure of the cities of the North Caucasus. *Bylye Gody*. 44(2): 378-386.
- Uslar, 18709** — *Uslar, P.K.* (1870) O rasprostranenii gramotnosti mezhdu gorcami [On the spread of literacy among the highlanders]. *Sbornik svedenij o kavkazskikh gorcakh*. Vol. III. Tiflis. Pp. 1–30. [in Russian]
- Uslar, 1880** — *Uslar, P.K.* (1880). Gurijskij otriad v 1855 godu [Guria detachment in 1855]. *Kavkazskij sbornik*. Vol. V. Tiflis. Pp. 235-470. [in Russian]
- Vremennye pravila..., 1901** — Vremennye pravila dlia gorskikh slovesnykh sudov Kubanskoj i Terskoj oblastej [Temporary rules for mountain verbal courts of the Kuban and Terek regions]. *Kubanskij kalendar' na 1902 g. Prilozhenie: Tom VIII*. Ekaterinodar, 1901. 531 p. [in Russian]

Vsepoddannejšij otchet..., 1913 — Vsepoddannejšij otchet za vosem' let upravlenija Kavkazom grafa I.I. Voroncova-Dashkova [The most submissive report for eight years of governing the Caucasus by Count I.I. Vorontsov-Dashkov]. St. Petersburg, 1913. 36 p. [in Russian]

Ware, Kisriev, 2009 — Ware, R., Kisriev, E. (2009). Dagestan: Russian Hegemony and Islamic Resistance in the North Caucasus. N.Y.: Routledge, 367 p.

Zapiska..., 2005 — Zapiska «O meropriiatiiakh k vozvysheniuu urovnia grazhdanskogo blagosostoianiia i dukhovnogo preuspeniia naseleniia Kavkazskogo kraia» (1879 g.) [Note «On measures to raise the level of civil well-being and spiritual prosperity of the population of the Caucasus region» (1879)]. *Kavkazskij sbornik*. Moscow: Russkaia panorama. 2(34). 334 p. [in Russian]

Социокультурная интеграция горцев Северного Кавказа в Российскую империю во второй половине XIX в.

Алексей Михайлович Ерохин ^{a, c}, Евгений Александрович Авдеев ^{b, *}, Сергей Михайлович Воробьев ^c

^a Северо-Кавказский федеральный университет, Российская Федерация

Аннотация. После окончания Кавказской войны началась активная социокультурная интеграция горских народов в Российскую империю. Во второй половине XIX в. формировались основные принципы и характерные черты государственного устройства Северного Кавказа в составе Российской империи, складывалась система административно-государственного управления, учитывавшая религиозную и культурную специфику горских народов. В основу настоящей статьи положен междисциплинарный подход, сочетающий историко-архивный и социокультурный анализ, системный взгляд на различные факторы русификации и социокультурной интеграции горских народов. Рассмотрены такие механизмы социокультурной интеграции горцев, как распространение русского языка, становление российского образования, инкорпорация горских элит посредством военной и государственной службы. Несмотря на государственный курс на усиление роли русского языка путем расширения его использования в государственном управлении и образовании, сохранялись элементы административной и культурной автономии горских народов, уважение к их культуре, языку и традициям. В большинстве случаев интеграция не вызывала активного протеста со стороны горского населения, русификацию многие горцы рассматривали как расширение возможностей для повышения социального статуса и карьерного роста. В процессе взаимодействия русского и горских народов происходила обоюдная социокультурная трансформация и частичная ассимиляция.

Ключевые слова: Российская империя, Северный Кавказ, социокультурная интеграция, государственное управление, образование, русский язык, русификация.

---

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: ewg.avdeev@yandex.ru (Е.А. Авдеев)

Copyright © 2023 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2023. 18(2): 830-841
 DOI: 10.13187/bg.2023.2.830

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Destruction of the Family Model of Assistance and Support for Disabled Population in the second half of the XIX – early XX centuries (on the Materials of the city of Krasnoyarsk)

Alexander S. Kovalev ^{a,*}, Nikolai R. Novosel'tsev ^{a,f}, Dmitry V. Rakhinsky ^{a,b,c}, Nikita N. Ravochkin ^{d,e}

^a Siberian Federal University, Russian Federation

^b Professor V.F. Voino-Yasenetsky Krasnoyarsk State Medical University, Russian Federation

^c Krasnoyarsk State Agrarian University, Russian Federation

^d Kuzbass State Technical University named after T.F. Gorbachev, Russian Federation

^e Kuzbass State Agricultural Academy, Russian Federation

^f Reshetnev Siberian State University of Science and Technology, Russian Federation

Abstract

During the modernization of Russian society in the second half of the XIX – early XX centuries, the principles of family assistance to disabled people were being transformed in the direction of public charity for the elderly and disabled in specialized institutions - almshouses. In accordance with the rules of charitable institutions, they admitted disabled people who were unable to work and earn a livelihood, as well as those who did not have relatives. The last requirement was the main one, however, in the post-reform period, among the inhabitants of the almshouses there were many who had relatives, but for various reasons they refused the obligation to support their elderly parents or disabled, referring them to social care in a charitable institution. This indicates that the processes of destruction of the family model of charity have begun in the society. Based on the methodological principles of modernization theory, family history and the microhistorical approach, in the article various reasons are examined why able-bodied people ceased to be a source of help and support for their sick and aged relatives. In the course of studying the petitions for admission and expulsion of T.I. Shchegoleva from the almshouse in the city of Krasnoyarsk, the boundaries and abilities of family and marital responsibilities in relation to disabled people in the period from the mid-1870s to the 1910s are analyzed. Based on the results of the analysis, it was concluded how natural was the process of moving away from family care towards charity in a specialized institution.

Keywords: almshouse, disabled people, public charity, elderly people, family, family charity.

1. Введение

Вероятно, каждый из нас в своей жизни хотя бы однажды сталкивался с необходимостью позаботиться о больном и/или нетрудоспособном члене своей семьи, например престарелых родителей или дедушке и бабушке. Одни воспринимают эту обязанность как долг, другие – как обузу, втайне мечтая отправить надоевшего родственника в дом престарелых. Однако, как правило, в таких заведениях должны получать помощь только лица, не имеющие близких родственников или не поддерживающих с ними взаимоотношений, чаще всего социально не защищенные члены неблагополучных семей, зависимые от государственной и иной посторонней помощи. В прочих случаях на государственном уровне законодательно закреплена обязанность взрослых детей и внуков содержать своих родителей (прародителей), воспитателей и приемных родителей.

* Corresponding author

E-mail addresses: alexkovaleff@yandex.ru (A.S. Kovalev), NNovoseltsev@sfu-kras.ru (N.R. Novosel'tsev), sirdar@mail.ru (D.V. Rakhinsky), nickravochkin@mail.ru (N.N. Ravochkin)

Отношение как к самим домам престарелых, так и к тому, может ли пожилой человек при наличии родственников быть помещен в стационарное учреждение, у российской общественности довольно неоднозначное. С одной стороны, в странах, где господствует нуклеарная семья и дети живут отдельно от родителей, это является обычной социальной практикой, но, с другой – отсутствие у детей собственной жилплощади, необходимость в помощи прародителей в воспитании внуков, да и просто традиционный жизненный уклад, при котором постаревшие родители не хотят оставлять своих детей (и наоборот), – все это говорит против помещения нетрудоспособных пожилых членов семьи в дом престарелых. При этом, когда речь заходит о российской специфике социальной помощи нетрудоспособным гражданам вне дома, нередко можно услышать, что подобная практика в нашей стране сформировалась еще в советский период: например, из-за того, что система распределения выпускников после окончания ими учебных заведений способствовала сегрегации детей и родителей. В результате этого последние, становясь одиночками, были обречены на помещение в дом-интернат. Однако представляется, что исторические корни этой проблемы гораздо глубже, и причину того, что казенное учреждение заменило нетрудоспособным людям домашнюю заботу, следует искать в дореволюционном периоде нашей социальной истории.

2. Материалы и методы

Методологическую основу исследования составили положения трех направлений в исторической науке.

Во-первых, идеи теории модернизации, переосмысленные в исследовании У. Бека, в котором процессы модернизации тесно связаны с процессами нуклеаризации семьи, одним из последствий которой может быть разрушение системы традиционной семейной помощи нетрудоспособным членам семьи (Бек, 2000).

Во-вторых, представления авторов, занимающихся вопросами семейной истории, о том, что, изучая жизнь пожилого человека, требуется рассматривать взаимосвязи между ним и его родственниками в условиях специфики конкретного исторического времени (Hareven, 1991). При этом следует помнить, что все семьи и их истории «подгонять» под одну схему нельзя, т.к. семейные системы являются гибкими и адаптируемыми к социальной среде (Van den Berghe, 1979).

В-третьих, методологические положения микроисторического подхода, представленные С. Черутти. Она говорит о том, что реконструкция индивидуальных моделей поведения людей, анализ их индивидуальных социальных, в том числе семейных, отношений позволяет реконструировать последовательность их возникновения в обществе в целом, исходя из конкретного контекстуального анализа. Подобный подход является частью понимания общего исторического процесса, а контекст анализа определяется, исходя из опыта самих действующих лиц, понимания их собственного опыта (Cerutti, 2004).

В связи с этим материалом для исторического анализа семейного и внесемейного опыта нетрудоспособных лиц послужил особый вид исторических источников – прошения о приеме пожилых людей и инвалидов, а также их родственников, соседей, друзей, благотворителей, посторонних лиц, принимавших определенное участие в судьбе нетрудоспособных граждан, проживавших в г. Красноярске в 1870 – начале 1910-х гг., в богадельню красноярской потомственной почетной гражданки, вдовствующей купчихи 1-й гильдии Татьяны Ивановны Щеголевой, а также об увольнении из нее.

О самой богадельне, ее устройстве и управлении можно прочитать в соответствующей публикации А.С. Ковалева, поэтому в настоящей статье о самом богоугодном заведении следует сказать лишь то, что открылось оно Щеголевой 5 октября 1875 года, помещалось в каменном двухэтажном здании, принимались в нее на призрение лица обоего пола – члены купеческих и мещанских семей г. Красноярска и тех же сословий других городов не моложе 50 лет, не способные к труду и находившиеся в состоянии крайней бедности, «не в состоянии снискивать себе пропитание» (Ковалев, 2011а).

Куда интереснее отметить особенности самих прошений, отложившихся в фонде богадельни в Государственном архиве Красноярского края (Ф. 166). В качестве источника для исследования «семейной» истории нетрудоспособных лиц прошения позволили определить: 1) каково было материальное и финансовое положение обращающихся за призрением в богадельню лиц (или тех, за кого просили); 2) состояние их физического здоровья; 3) были ли у инвалида или пожилого человека родственники, которые могли бы их содержать; 4) обстоятельства, которые не позволяли родственникам содержать своих нетрудоспособных членов семьи; 5) историю семьи инвалида или пожилого человека как таковую; 6) дополнительные сведения (о жизненном пути, перемещениях по стране, прежней трудовой деятельности, воинской службе и полученной пенсии и т.п.). Помимо прошений, источниковую базу исследования составили материалы деятельности Попечительского совета богадельни, свидетельства, выданные медицинскими работниками, красноярской мещанской управой, полицией, которые помогли восполнить недостающую в прошениях информацию.

3. Обсуждение

В отечественной историографии вопросы общественного призрения пожилых людей и инвалидов в последнее время получают все больше внимания исследователей. Можно выделить ряд работ, которые в целом описывают состояние благотворительности в отношении нетрудоспособного населения на рубеже XIX–XX веков (Жукова, 2012; Макаренко, 2008; Смолькин, 2005; Чернова и др., 2011). Проблемы социального статуса пожилых людей, восприятия старости сибиряками, специфику призрения в богадельнях Сибирского региона отражены в работах, опубликованных А.С. Ковалевым (Ковалев, 2010; Ковалев, 2011b), а также им в соавторстве, в том числе на страницах журнала «Былые годы» (Kovalev et al., 2019a; Kovalev et al., 2019b). Однако ни в одном из этих исследований подробно не рассматриваются причины, по которым нетрудоспособные лица, имевшие родственников, оказывались в богадельне, и не дана оценка того, почему на рубеже XIX–XX вв. произошло разрушение межпоколенных связей и модели семейной помощи и поддержки пожилым людям. Исходя из этого, цель настоящего исследования – на примере г. Красноярска проанализировать возможности и пределы семейных (и супружеских) обязанностей в отношении нетрудоспособных лиц в период второй половине XIX – начале XX вв.

Прежде чем переходить к историческому анализу, следует остановиться на некоторых теоретических аспектах поставленной проблемы. Во-первых, необходимо понять, почему члены семьи (супруги, взрослые дети) должны осуществлять неоплачиваемый уход за своими пожилыми родителями или родственниками с инвалидностью при умеренной степени их нетрудоспособности и с чем были связаны трудности такой помощи.

Можно считать достаточно аксиоматичным понимание того, что в любое историческое время надлежащий семейный уход способствует увеличению продолжительности жизни пожилого человека, улучшению качества его жизни, а также тому, что неизбежное направление хронически больных нетрудоспособных граждан происходит на более поздних сроках.

Безусловно, объем и характер семейной помощи и поддержки во многом зависели от состава семьи, ее экономических возможностей, качества взаимоотношений между членами семьи, степени умственной и физической дееспособности того, за кем был организован уход. Как правило, эти люди страдали ментальными расстройствами или физиологическими нарушениями организма, что в свою очередь влияло на качество ухода.

Во-вторых, сразу же следует признать, что в Российской империи уже в правление Александра II начинаются модернизационные процессы, в ходе которых значительная часть пожилых людей и некоторые инвалиды нуждались в серьезном постороннем уходе, имели трудоспособных членов семьи, которые могли бы обеспечить уход за ними, но вместо этого были вынуждены доживать свой век в богадельне.

В пореформенный период в стране произошли значительные перемены социального характера, которые во многом повлияли на функционирование института семейного призрения. Увеличилась продолжительность жизни, в результате чего, когда речь заходила о семейной помощи, пожилыми людьми оказывались уже не только сами старики, но и их дети. Другим обстоятельством было то, что у взрослых детей, которые были обязаны заботиться по закону о своих престарелых родителях, тоже были дети (причем часто в немалом количестве), за которыми тоже требовался уход. В то же время постепенный переход от многопоколенной семьи к нуклеарной постепенно приводил к уменьшению состава семьи, а значит, и тех, кто мог взять на себя содержание пожилого человека.

Кроме того, в поисках лучшей жизни многие трудоспособные сибиряки уезжали на заработки в самые разные, нередко отдаленные местности. В результате чего можно говорить о существовании такого фактора, значительно снижавшего возможности семейного призрения, как элементарное географически раздельное проживание членов семьи.

Помимо этого, на проблему семейного призрения следует посмотреть глазами тех, кто оказывал помощь нетрудоспособным. Нередко в прошениях о принятии в богадельню в разных вариациях встречается слово «обременение». То сам пожилой человек или инвалид не хочет бременем для своих родных, то, наоборот, дети пишут о том, что обременены необходимостью содержать своих нетрудоспособных членов семьи. Эта характеристика также нуждается в некотором уточнении.

Представители социальной геронтологии, занимающиеся вопросами семейных отношений между пожилыми людьми и их детьми, довольно часто говорят о таком явлении, как «бремя опекуна». Его суть заключается в том, что при всей альтруистичности ухода за нуждающимися в помощи в результате ее крайне интенсивного характера у «опекуна» возникает стресс, вызванный утомляемостью от необходимости постоянного сосуществования с больным человеком, разочарование в своей деятельности, эмоциональное истощение. Нередко ухаживающие за родственниками вследствие сложности характера нуждающихся в уходе испытывают с их стороны реальную или мнимую враждебность. Очевидно, что к психологическому бремени нередко добавляется финансовое, и все это в совокупности могло привести к жестокому обращению с нетрудоспособным членом семьи. В статье А.С. Ковалева, посвященной восприятию старости пожилыми сибиряками во второй половине XIX – начале XX вв., приводится случай, демонстрирующий подобные взаимоотношения. Красноярский мещанин В.Т. Прилуцкий жаловался

городскому голове: «...Имею двух сыновей – учителей начальных школ, один из них... ввиду ограниченного получаемого им жалования и обременения своим малолетним семейством уделяет мне из своего жалования... [недостаточно средств] для содержания себя и уплаты за квартиру... А жить у сына... нет никакой возможности, т.к. жена его... относится ко мне с пренебрежением и почти каждый раз укоряет меня куском хлеба» (Ковалев, 2011b: 98). Естественно, что в таких условиях единственной возможной альтернативой было помещение нетрудоспособного члена семьи в богадельню. Впрочем, все эти теоретические построения требуют эмпирического подтверждения относительно периода второй половины XIX – начала XX вв.

4. Результаты

Итак, обычно в богадельню принимали лиц, у которых не было «никаких родственников, которые могли бы прокормить». Но, несмотря на то, что это правило было прописано в Уставе Щеголевской богадельни, значительную часть призываемых в период существования заведения составляли «семейные» нетрудоспособные, у кого были дети, племянники или внуки. Они зачислялись в богоугодное заведение на «особых условиях».

Довольно часто бывало так, что на самом деле родственники были, но по своему бедному состоянию действительно не могли обеспечить надлежащий уход за инвалидом или стариком. Скажем, у просителя были дети, но они проживали далеко и не могли взять на себя содержание пожилого человека. В этом случае розыски не проводили, а при наличии мест в богадельню устраивали в нее стариков. Но когда родные пожилого человека возвращались на родину, некоторые проявляли семейную заботу и забирали родителей к себе. К примеру, в 1876 г. в богадельню как «не имевшая родственников» была принята 64-летняя красноярская мещанская вдова У.К. Долганова. Однако через два года в Красноярск переехали с промыслов ее родственники и изъявили желание «приютить ее и кормить при старости ее лет» (ГАКК. Ф. 166. Оп. 1. Д. 4. Л. 72, 77).

Далеко не все призываемые старались во что бы то ни стало получить и удержать место в богадельне. Председатель Енисейского губернского правления сообщал городскому голове П.М. Прейну, что на призвание кандидатом в богадельню был зачислен ссыльный Тимофей Новиков. Однако в момент ожидания места у него обнаружили родственников, поэтому он добровольно отказался от места и отправился к детям на родину, а свое место попросил передать мещанке П.С. Дмитриевой, которой отказали в предоставлении места в гражданской богадельне приказа общественного призрения (ГАКК. Ф. 166. Оп. 1. Д. 46. Л. 124).

В другой раз у престарелой Анны Шульц, подавшей прошение о приеме в богадельню, не оказалось детей, которые могли бы ее призывать, и в декабре 1876 г. она по бедному состоянию была принята в богадельню, но, когда в июле 1880 г. выяснилось, что у нее в Бийске проживает дочь, она сразу же к ней уехала (ГАКК. Ф. 166. Оп. 1. Д. 4. Л. 84-86).

Конечно, одной из причин, почему имевший родных пожилой человек не оставался на их содержании, а оказывался в богадельне, было то, что призываемый скрывал родственников. С подобной историей столкнулись члены Попечительского совета богадельни, которые рассматривали прошение А.Г. Илюхина. Того за «дурное поведение и пьянство» однажды уже исключили из богадельни, но он обратился с просьбой о повторном принятии на призвание в учреждение, заявляя, что он одинок и не имеет никаких средств к существованию, а также обещая исправить свое поведение. Эконом богадельни выступил в пользу просителя, заявив, что Илюхин «неоднократно раскаивался в своей ошибке и делал обещания больше вина не пить, что... можно устранить, не позволяя ему отлучек ни под какими предлогами». Члены совета решили, что «поступок... не составляет большой важности ввиду раскаяния Илюхина и что он был уволен лишь для примера прочим призываемым...и вполне заслуживает... снисхождения к сделанному им поступку и принятия его вновь на призвание» (ГАКК. Ф. 166. Оп. 1. Д. 16. Л. 48-49об.).

В октябре 1882 г. старика вернули в богадельню «с тем, чтобы он во время нахождения в богадельне вел себя безупречно и буде повторить вновь свой поступок, за который он был уже уволен, то он должен быть уволен из богадельни навсегда». Однако уже в апреле Илюхина снова исключили за рецидив, причем в процессе разбирательства эконома заинтересовало, откуда призываемый берет деньги для приобретения спиртного, и выяснил, что у старика в Енисейске жил сын, который отказывался содержать престарелого отца, но охотно отправлял ему деньги, которые тот тратил на выпивку. В результате Илюхин был уволен из богадельни даже не за нарушение правил внутреннего распорядка, а «поскольку... может себе требовать пропитание от сына», то «место, занимаемое им в богадельне, может быть заменено другим» (ГАКК. Ф. 166. Оп. 1. Д. 16. Л. 58).

Трудно дать оценку этому эпизоду, скрывал ли пожилой человек своего сына намеренно, было ли результатом сговора или откровенного мошенничества ради призвания в богадельню, является ли это «преступлением» в юридическом отношении, но с этической точки зрения подобное поведение явно было безнравственным, ведь у многих пожилых людей, месяцами числившихся кандидатами в богадельню, действительно не было родственников и средств к выживанию, в то время как их места занимали вот такие лица.

Следующей причиной можно считать неудовлетворительное материальное положение родственников, которые моли принять на себя заботу о нетрудоспособном члене семьи. Так, жена отставного рядового Федора Колмакова длительное время содержала свою сестру Феодосию, которая в 57 лет ослепла и стала вдовой, «пришла в крайне бедственное положение, не имея никаких средств к своему существованию». Женщина просила принять ее сестру в богадельню и описывала свою нелегкую жизнь: «Хотя по родственному чувству я принимаю в ней участие, но по бедности... моей я не могу содержать ее, поскольку сама ради Христа едва могу иметь приют при Красноярском Успенском общежительном монастыре, не предвидя в будущем, где могла бы преклонить голову, ...имея в виду, что более родственников и у меня нет» (ГАКК. Ф. 166. Оп. 1. Д. 19. Л. 24).

Однако, если родственникам удавалось улучшить свое материальное положение, некоторые принимали старика обратно. Например, крестьяне из д. Лукиной Демьян Замятин и жена его Марфа обратились в Попечительский совет богадельни с просьбой забрать мать мужчины, т.к. «теперь по благословенному у него урожаю хлеба состояние их поправилось и имеют средства до смерти питать и одевать мать свою». К тому времени пожилая женщина провела в богадельне 4 года, и на момент возвращения в семью ей исполнилось 79 лет (ГАКК. Ф. 166. Оп. 1. Д. 4. Л. 65).

Частой причиной был ничем не мотивированный отказ детей (родственников) от выполнения своих прямых обязанностей по содержанию престарелых родителей. Так, красноярская мещанка Марфа Кручинина, 55 лет, по болезни не могла работать и содержать себя самостоятельно, обратилась за помощью к пасынку, которого воспитывала 30 лет, но он принять ее к себе отказался без объяснения своего решения (ГАКК. Ф. 166. Оп. 1. Д. 5. Л. 24).

74-летний Василий Сибиряков также жаловался, что у него есть приемный сын, которому он в свое время даже выбил льготы при отбывании воинской повинности, но, когда возник вопрос о содержании престарелого отчима, он заявил, что «считает себя мне ничем не обязанным и от поддержки отказывается» (ГАКК. Ф. 166. Оп. 1. Д. 84. Л. 135-137). Попечительский совет рассмотрел прошение Сибирякова и выяснил, что приемный сын Сибирякова Аристарх действительно «благодаря своему воспитателю воспользовался правом на льготу» во время призыва на военную службу, а потому «в силу существующих законоположений обязан давать средства на содержание воспитателю своему». В богадельню пожилого человека не приняли, оставив за ним «право требовать себе на содержание от сына своего судом» (ГАКК. Ф. 166. Оп. 1. Д. 84. Л. 149-150), но чем закончилась эта история, неизвестно.

В 1894 г. городской голова П.М. Прейн решил лично посетить богадельню им. Т.И. Щеголевой. Мест не хватало, прошений становилось все больше, и градоначальник, видимо, решил провести ревизию заведения на предмет того, все ли призываемые действительно заслуживают того, чтобы получать помощь в богадельне. Из письма П.М. Прейна следует, что он нашел в богадельне мещанина М.С. Серебренникова, который имел родную дочь, вдову отставного майора, «настолько обеспеченную средствами, что вполне может содержать своего отца», а потом был разгневан: «Подобного рода лиц содержать в богадельне нахожу нарушением» (ГАКК. Ф. 166. Оп. 1. Д. 46. Л. 18-19). Попечительский совет, рассмотрев письмо П.М. Прейна, постановил отыскать дочь Серебренникова и обязать ее взять отца на свое иждивение.

Женщину нашли, но она отказалась принимать к себе отца. Она отправила в Попечительский совет письмо, в котором сообщала: «Взять в настоящее время из богадельни отца моего... при всем моем желании я положительно не могу, так как уже несколько месяцев тяжело болею и сама нуждаюсь в постороннем за собой уходе, а потому и получаемая мною пенсия в 19 руб. в месяц почти исключительно расходуется на мое лечение» (ГАКК. Ф. 166. Оп. 1. Д. 46. Л. 56). Конечно, слабое состояние здоровья было серьезным поводом отказать отцу в помощи, хотя обычно семейному призрению мешали материальные проблемы, поэтому в случае с дочерью Серебренникова ее 19-рублевая пенсия действительно могла считаться вполне достаточной, ибо большая часть пенсионеров жила на 3 рубля в месяц, и уж выделить такую же сумму из своих средств отцу женщина точно бы могла.

Возможно, семью раздирали внутренние противоречия и нелюбовь друг к другу, поскольку дальше вдова майора пишет: «...Своим долгом считаю известить вас, что у отца моего, кроме меня, еще есть сын... Николай, ...проживающий в Красноярске, 36 лет, совершенно способный к труду, и мог бы призреть отца своего» (ГАКК. Ф. 166. Оп. 1. Д. 46. Л. 57). Городской голова распорядился отыскать сына, чтобы он принял отца на содержание. Удалось его найти или нет, неизвестно, но в итоге Попечительский совет снова вернулся к тому, что призреть Серебренникова должна его дочь, однако архивные документы свидетельствуют, что она отца к себе так и не взяла, он остался в богадельне еще на год (ГАКК. Ф. 166. Оп. 1. Д. 46. Л. 155).

А вот еще один пример. Пожилой красноярский мещанин М.В. Иванов просился в богадельню и жаловался на своего сына: «Имея преклонные лета и находясь в болезненном состоянии, работать не могу, средств к жизни не имею, а имею сына, который проживает в г. Томске и ведет жизнь развратную, мне не дает на пропитание» (ГАКК. Ф. 166. Оп. 1. Д. 46. Л. 38).

В 1907 г. некто М.Г. Фарафонов просил принять мать в богадельню, которую выставили из городской больницы на основании того, что ее болезнь ног была признана неизлечимой. Попечительский совет ему отказал, потому что ей был всего 51 год и ее мог содержать сын, хотя были

готовы принять ее «своекоштной пансионеркой» (за счет собственных средств – прим. авт.). И вот тут непонятно, почему Фарафонов, у которого «нет средств к существованию» и вообще «стесненные жизненные условия», но была работа, за которую он получал жалованье, и его взрослая работоспособная дочь не могли дать приют пожилой женщине, зато были готовы платить за ее призрение в богадельню. Впрочем, что еще удивительнее, вскоре женщину приняли на призрение за счет средств богадельни (ГАКК. Ф. 166. Оп. 1. Д. 78. Л. 7).

Однако далеко не всегда Попечительский совет богадельни принимал нетрудоспособных, у которых были дети, даже за деньги. Некто Дарья Новопавловская хотела отправить в богадельню своекоштным пансионером своего отца, внося за него ежемесячную плату. Она даже получила подтверждение и гарантии об исправном платеже, но отца ее не приняли, потому что у него была дочь, у которой были средства, но она не хотела его содержать, а пыталась переложить ответственность на работников богадельни (ГАКК. Ф. 166. Оп. 1. Д. 81. Л. 55-550б.).

Еще одной причиной того, что родственники «отдавали» стариков в богадельню, могла быть ситуация, когда у самих детей было слабое здоровье. К примеру, слепой престарелый К.Я. Воробьев попросился в богадельню уже в солидном возрасте, когда его сына разбил паралич, он не мог трудиться и содержать отца (ГАКК. Ф. 166. Оп. 1. Д. 12. Л. 40). Интересно, что сам сын Воробьева считал помещение отца в богадельню вынужденной мерой. В своем прошении он писал: «Болезненное мое состояние, требующее для восстановления здоровья материальных средств, каковые я, к несчастью, не имею, заставляет меня почтительнейше просить... принять на **временное** (выделено нами – авт.) содержание в богадельню впредь до моего выздоровления моего отца... Я в настоящее время при бессредственной жизни, значительном семействе и моей тяжелой болезни не имею совершенно возможности доставлять содержание моему престарелому отцу» (ГАКК. Ф. 166. Оп. 1. Д. 16. Л. 46).

В ноябре 1908 г. красноярский мещанин А.Д. Ларионов подал прошение, в котором говорил о том, что он содержит двух престарелых и больных родителей – 68-летнего отца и 65-летнюю мать и просил хотя бы одного из них принять на призрение. Причиной того, что он сам не мог обеспечить им уход, он называл то, что «самому хотя и не много лет, но от усиленного с малых лет труда часть приходится также быть больному, это-то главное обстоятельство и заставляет меня просить, ...чтобы несколько облегчить тяжелую участь мою» (ГАКК. Ф. 166. Оп. 1. Д. 84. Л. 8-80б.). Однако в феврале 1909 г. его отец умер, и за смертью его ходатайство рассмотрено не было, т.к. дошло до Попечительского совета только в марте.

Следующей причиной невозможности призывать нетрудоспособных в семье можно считать обстоятельства непреодолимого характера, точнее – последствия, вызванные ими, коренным образом менявшие материально-бытовые условия жизни человека. Например, в 1881 г. в Попечительский совет Щеголевской богадельни обратился томский мещанин Василий Зуев. В прошении он рассказал, что после смерти родителей на его иждивении в течение 9 лет находился родной брат Петр, «от роду тридцати лет, который от рождения лишен физических действий рук и ног и находящийся в положении полного идиотизма». Несмотря на то, что у него самого было четверо детей, которых он воспитывал один, Василий старался заботиться о брате, хоть и жаловался, что долгое время не мог «поступить никуда на службу, имея его при себе». Зуев смиренно «нес свой крест» до тех пор, пока в Красноярске не случился большой пожар, в результате которого он сам и все его семейство остались без крова и средств к существованию. Проситель пишет: «...Для меня он [раньше] не был в тягость, сейчас же по неимению средств... в настоящее время... не имею возможности больше содержать семейство, ...иметь собственно для ухода за ним человека чрез понесенные мною убытки во время пожара» (ГАКК. Ф. 166. Оп. Д. 13. Л. 3-5).

В 1904 г. крестьянка Мария Кытманова просила принять в богадельню мать Ефросинью, 86 лет, которая «работать не может, терпит голод и холод». Раньше она содержала мать вместе со своим мужем, но того призвали на Русско-японскую войну), женщина осталась одна и на свое нищенское жалованье не могла обеспечивать мать (ГАКК. Ф. 166. Оп. 1. Д. 69. Л. 81).

Впрочем, случалось, что даже мужья отказывались содержать своих жен, и те были вынуждены искать помощи у родственников. К примеру, в 1881 г. красноярец И.А. Кочергин подал прошение в Попечительский совет богадельни им. Т.И. Щеголевой с просьбой принять на призрение его жену Степаниду, которая до этого почему-то проживала не с ним, а «у родственников своих, людей несостоятельных, которые ей в средствах к жизни отказывают по случаю дороговизны содержания». Теперь же, заявлял мужчина, «жена больна тяжело и родные ее ропщут более прежнего, и она при болезненном ее состоянии... им в тягость, ибо люди они крайне бедные», и потому умолял принять супругу в богадельню (ГАКК. Ф. 166. Оп. 1. Д. 16. Л. 4-5).

Интересно, что при рассмотрении дела никто не задался вопросом, почему помощь жене не оказывает сам Кочергин, но члены Попечительского совета вошли в положение женщины и приняли ее на призрение в богадельню. Однако уже через месяц Степанида Кочергина была замечена «в долговременной отлучке» и как долгое время не являющаяся в богадельню. Выяснилось, что она сбежала из богадельни и вновь обосновалась у своего племянника, который будто бы и сам был не против принять пожилую тетку.

Отставной солдат из Красноярска М.Т. Зубков в возрасте 78 лет лишился трудоспособности и средств к жизни и попросился в богадельню. Однако при рассмотрении прошения Попечительским советом выяснилось, что у Зубкова многочисленное семейство – 4 сына от первого брака, жена и 3 дочери от второго брака (ГАКК. Ф. 166. Оп. 1. Д. 71. Л. 43-43об.). Конечно же, его не приняли, посчитав, что у него вполне достаточно родственников, которые могут содержать старика. Но вот в чем вопрос: как Зубков оказался совсем один, почему вторая жена его не обеспечивала и даже не проживала с ним, почему он «не имел приюта» и жил в одиночестве, имея 7 детей?

Надо сказать, что Попечительский совет богадельни рассматривал все обстоятельства, при которых один супруг не мог содержать другого. Так, жена канцелярского служителя К.Г. Попова просила определить в богадельню своего мужа своекоштным пенсионером, но ей отказали, т.к. она «имеет свой дом, имеет полную возможность при своем доме содержать мужа своего» (ГАКК. Ф. 166. Оп. 1. Д. 84. Л. 41-41об.).

Следующей причиной отказа от семейного призрения нетрудоспособных лиц можно назвать ситуацию, когда об инвалиде или пожилым человеке действительно заботился кто-то из родственников, но в результате внезапной смерти этого человека, оказывавшего помощь, нуждавшийся в постороннем уходе оказывался предоставлен сам себе. Скажем, 46-летний красноярский мещанин Е.П. Архипов, страдая параличом, поражением рук и ног, паховой грыжей, в течение 26 лет находился на иждивении матери: «Пока была жива моя мать, и я кое-как мог жить, так как она за мною ухаживала и своими трудами давала мне пропитание, но мать моя назад тому 30 дней как умерла, с этого времени до настоящего я кое-как пропитывался на деньги, вырученные за проданные кое-какие вещи малоценные, но затем, проевши эти деньги, я в настоящее время нахожусь в самом безвыходном положении, то есть без крова и без пищи» (ГАКК. Ф. 166. Оп. 1. Д. 26. Л. 12). Кстати, показательно, что благодаря уходу матери инвалид прожил 20 лет, а когда ее не стало и он оказался в богадельне, то уже через 4 года скончался.

80-летняя вдова В.З. Клыккова страдала параличом и не могла ходить, находилась вместе с дочерью на попечении старшего сына, у которого не было достаточно средств, но он содержал двух женщин. Когда же его не стало, 60-летняя и 80-летняя Клыкковы оказались в безвыходном положении и попросились в богадельню. Однако пока они ждали ответа, мать умерла, а что стало с дочерью – неизвестно (ГАКК. Ф. 166. Оп. 1. Д. 74. Л. 34).

Конечно, в некоторых случаях можно говорить о комбинации разных, в том числе вышеуказанных, причин. Скажем, у П.В. Лукиной, 73 лет, был сын, но он сам болел и был обременен многочисленным семейством (ГАКК. Ф. 166. Оп. 1. Д. 48. Л. 88). Другой пример – красноярец Д. Самсонов до 72 лет «имел силы и здоровье, зарабатывал пропитание, одежду и обувь», но в результате заболевания лишился «зрения и силы и здоровья для работы». У Самсонова было двое сыновей, один из которых содержал семью с пятью малолетними детьми и сам кое-как сводил концы с концами, у другого же было свое хозяйство, к тому же он занимался кожевенным мастерством, но заявил отцу, что «по дряхлости лет пропитывать его не хочет», поэтому старик просил принять его в богадельню (ГАКК. Ф. 166. Оп. 1. Д. 41. Л. 10-11).

Налицо сразу две причины: отсутствие у одного из сыновей пожилого человека в силу объективных обстоятельств средств для того, чтобы обеспечивать отца, другой же отказал ему просто из-за нежелания содержать. По правилам богадельни Самсонова, конечно же, не должны были принимать в богоугодное заведение, поскольку законодательно обязанность призреть отца лежала на детях, но благодаря отзыву товарища председателя Попечительского совета А.И. Иванова, лично знавшего просителя, его все же приняли в богадельню.

79-летняя красноярская мещанская вдова Татьяна Ашлова обратилась с прошением к городскому голове с просьбой о помощи. У нее остался на воспитании малолетний внук Валентин, которого она по старости лет и отсутствию средств не могла дальше содержать и обеспечивать себя саму. В связи с этим женщина просила отправить внука к деду Гавриле Петрову в деревню, а ее саму поместить в богадельню. Городской голова распорядился просьбу удовлетворить и выделил деньги на препровождение ребенка к месту назначения, однако отвезти его должна была сама пожилая женщина, что она и сделала, несмотря на свой возраст. Однако дед наотрез отказался принимать мальчика к себе, и пожилой женщине пришлось возвращаться с ним обратно в Красноярск. Поездка, видимо, отняла у нее последние силы, и она снова написала прошение с просьбой принять ее и внука в богадельню. Конечно, о приеме несовершеннолетнего и речи быть не могло, но, пока Ашлова возила внука к деду, свободные места в богадельне закончились. Только через полгода ее приняли на полное содержание (ГАКК. Ф. 166. Оп. 1. Д. 26. Л. 29-30).

Красноярская мещанская вдова Е.И. Потылицына в прошении городскому голове подробно рассказывала свою семейную историю. Оставшись после смерти мужа с тремя малолетними детьми, она тем не менее своим трудом смогла «в течение 20 с лишком лет» воспитать сына и двух дочерей. Став взрослыми, дети оказывали матери некоторую поддержку, она имела доход «от них... и от [своих] трудов» (ГАКК. Ф. 160. Оп. 1. Д. 90. Л. 64-66об.). Но вскоре на женщину одно за другим обрушились несчастья: она похоронила сына и младшую дочь, а старшая дочь овдовела и осталась без средств к существованию с малолетним сыном, а потому не могла оказывать матери помощь.

Потылицыну приняли в богадельню с платой 90 рублей за первые полгода с последующим переводом на содержание за счет учреждения.

В отдельных случаях у призреваемых действительно были родственники, но они не могли не могли помочь в силу реальных обстоятельств. Скажем, у 64-летней вдовы дворянина Ю.И. Прокофьевой из родных был малолетний внук, который сам находился на призрении в приюте Синельниковского общества (ГАКК. Ф. 166. Оп. 1. Д. 46. Л. 40-40об.). 70-летнего К.В. Евстеркина содержал его 30-летний сын, проживавший в Иркутске, но однажды он исчез: от него перестали приходить и деньги, и известия. Что случилось с сыном, осталось неизвестным, только после этого старик попросился в богадельню (ГАКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 69. Л. 47).

У 80-летней слепой Меланьи Николаевой был сын, который мог ее содержать, но он угодил в тюрьму, к тому же она не относилась к купеческому или мещанскому сословию, что было обязательным условием призрения в богадельне Т.И. Щеголевой. За нее вступился енисейский гражданский губернатор, и женщину приняли в заведение. А вот арестанту Пыреву так не повезло: у него, кроме матери, на попечении были еще двое малолетних детей, но ни губернатор, ни городской голова, ни члены Попечительского совета не нашли возможным принять его 85-летнюю престарелую мать в богадельню (ГАКК. Ф. 166. Оп. 1. Д. 74. Л. 39-41).

Иногда дети содержали родителей до последнего, и только когда сами становились немощными, отказывались быть источником помощи. Так, красноярский мещанин И.А. Иванов обеспечивал свою престарелую мать, пока ему не исполнилось 70 лет (ей было уже за 90), и даже тогда попросил принять в богадельню только ее, а не себя, хотя ему, видимо, тоже было несладко: «дряхлый, едва с трудом пропитываюсь» (ГАКК. Ф. 166. Оп. 1. Д. 48. Л. 76).

Пожилой мещанин Яков Харламов в 1908 г. просил принять его в богадельню, поскольку он «остается один – старший сын находится под судом, а младший отправляется на военную службу». Но поскольку мужчина не представил никаких доказательств, его ходатайство оставили без последствий (ГАКК. Ф. 166. Оп. 1. Д. 84. Л. 34-36).

А у красноярской мещанки А.И. Павловской в 1899 г. умер муж и остался сын Роман, который отличался «бурным поведением» и был известен как «человек неблагонадежный и не могущий быть опорой для матери». В 1901 г. она исходатайствовала, чтобы его приняли на военную службу, но через год он сбежал из Красноярского резервного батальона и больше не объявлялся. Когда в 1908 году ей исполнилось 58 лет и она по слабости здоровья обратилась с просьбой принять ее в богадельню, ей отказали на основании того, что у нее есть сын. Пока рассматривали обстоятельства его исчезновения, Павловской не стало и дело закрыли (ГАКК. Ф. 166. Оп. 1. Д. 84. Л. 67-67об., 70).

Обычно закон стоял на страже интересов пожилого человека, которого были обязаны содержать родные или приемные дети, при наличии которых стариков запрещалось принимать в богадельню. Вот показательный пример: в Попечительский совет Щеголевской богадельни обратилась некто С.И. Чуринова. Она сообщила, что в Красноярске после смерти ее соседа Н.И. Мушников у него остались сиротами «без всяких средств к существованию» двое детей – 19-летний Владимир и 16-летний Александр, «находящийся с самого рождения калекой, который требует поэтому постоянного ухода». Старший сын, писала женщина, «в настоящее время находится без определенных занятий и не имеет даже возможности пропитать себя, не то что дать чем-нибудь помощь брату своему» (ГАКК. Ф. 166. Оп. 1. Д. 48. Л. 66-68). Сердобольная дама просила принять Александра в богадельню, однако члены Попечительского совета, рассмотрев ее заявление, вполне естественно решили, что Владимир «вполне может работать и дать своему брату средства для существования», в случае же «крайней бедности» им вполне могут помочь их многочисленные родственники (ГАКК. Ф. 166. Оп. 1. Д. 48. Л. 66-68).

Разрушалась система семейного призрения и в обратную сторону, когда родители просили принять на содержание своих нетрудоспособных детей. Так, молодая женщина по фамилии Клевцова потеряла зрение, но у нее была мать, которая почему-то не могла или не хотела содержать дочь. Ее не приняли за неимением мест, но вскоре в Попечительский совет поступило прошение о том, что Клевцова может содержаться за собственный счет. Женщина была включена в число членов богадельни, но в скором времени выяснилось, что это Красноярская мещанская управа временно согласилась внести необходимую сумму с тем, что дальше мать Клевцовой возьмет ее содержание на себя. Та согласилась, но, когда пришло время платить, вновь заявила, что средств у нее нет. Впрочем, и здесь Попечительский совет пошел навстречу женщине: когда ни управа, ни мать Клевцовой, ни она сама не смогли заплатить за содержание, ее приняли на постоянное призрение за счет средств учреждения (ГАКК. Ф. 166. Оп. 1. Д. 84. Л. 61-63, 131-133). Возможно, Клевцовой просто повезло, что она раньше попала как своекоштная призреваемая, а потом в богадельне как раз освободилось место, когда исключили очередного престарелого алкоголика-дебошира.

Конечно, существовали и положительные практики семейной поддержки: в архивных документах обнаружилась такая форма заботы, как «посмертное» содержание нуждающегося члена семьи. В 1896 г. в Попечительский совет богадельни подала прошение красноярская мещанка А.В. Лепетухина, сообщив, что ее знакомая А.Н. Кононова завещала ей все свое имущество с условием, чтобы Лепетухина выделила 300 рублей на содержание при богадельне Т.И. Щеголевой родной

сестры Кононовой, «темной (слепой – прим. авт.) крестьянки... 50-ти лет» (ГАКК. Ф. 166. Оп. 1. Д. 48. Л. 71-72об.).

Естественно, последнюю волю Кононовой ее подруга выполнила и слепую женщину устроили в богадельню. На сумму, которую предоставила наследница, она могла жить в богадельне 4 года. Но вот что интересно: А.В. Лепетухина, которая так легко согласилась расстаться, пусть и по завещанию, с тремястами рублей в пользу призрения чужой ей слепой женщины, в 1903 г. отказалась содержать в богадельне своего собственного отца.

Дело было в том, что красноярский мещанин Гусев призревался за счет собственных средств в богадельню с января 1902 по март 1903 гг., но половину суммы вносил он, а половину – его дочь Лепетухина. В марте 1903 г. он был освобожден от платы, но только своей доли, дочь же должна была продолжать вносить свою часть денег за призрение отца, но не делала этого вплоть до ноября того же года, и за ней накопился долг почти 27 руб. Лепетухина уплатила 15 руб. 40 коп., а остальную сумму платить отказалась: «Имею честь уведомить Попечительский совет, что платить деньги за содержание своего отца... я более не желаю» (ГАКК. Ф. 166. Оп. 1. Д. 69. Л. 3).

Надо отдать должное членам Попечительского совета, которые, несмотря на то, что дочь в очередной раз фактически отказалась от 85-летнего отца, нашли в себе «социальное мужество» – полностью освободили Гусева от выплаты дальнейших взносов и оставили в богадельне за счет средств заведения (хотя в дальнейшем недостающую сумму с дочери все же взыскали) (ГАКК. Ф. 166. Оп. 1. Д. 69. Л. 4-5).

Также в отсутствие родных заботу о нетрудоспособном человеке брали нередко на себя их друзья, соседи, а порой и совершенно посторонние люди. Например, вдова Ф.Е. Аршинникова 40 лет жила в Красноярске без мужа и ее содержал сын, но как только он умер, содержать ее стало некому. Два года после смерти сына она жила у красноярца Г.В. Басенко, но через два года тот написал прошение городскому голове: «Старушка... очень дряхлая, а у меня самого семья состоит из 9 человек, ходить за [н]ей у меня некому, да и некогда» (ГАКК. Ф. 166. Оп. 1. Д. 74. Л. 8-9).

Показательным в этой истории является еще один момент: Басенко, служившего на железной дороге, переводили на работу в Томск, он должен был срочно выехать к новому месту службы со всей своей многочисленной семьей, а потому сильно переживал за престарелую вдову: «Мне ее бросить без призрения нельзя» (ГАКК. Ф. 166. Оп. 1. Д. 74. Л. 9-10). Попечительский совет внял просьбе и Басенко, и городского головы, который его поддержал, и принял женщину в богадельню сверх штата.

В 1911 г. дочь ачинского мещанина А.И. Клыкова прислала за 16-летнюю крестьянскую дочь Ираиду, мать которой недавно умерла. Про девушку в прошении сообщается, что она «сирота неразвитая и слабоумная, но тихая и спокойная». Сразу после смерти матери отчим перевез ее из деревни в Ачинск к родному дяде Ираиды, но тот продержал ее всего лишь несколько дней и подбросил к дому родителей этой самой Клыковой, где Ираида проживала полгода. Но долго родители Клыковой и сама она не смогли ее содержать, т.к. их семья состояла из 12 человек, и тогда по поручению родителей Клыкова привезла девочку в Красноярск, чтобы устроить в богадельню «за 200 рублей взноса» (ГАКК. Ф. 160. Оп. 1. Д. 90. Л. 91-92об.), но ее не приняли.

Вопрос даже не в том, почему посторонняя семья из 12 человек при наличии «лишних» 200 рублей не могла содержать слабоумную девушку, а в том, каково было отношение к ней родных людей. Ни отчим, ни родной дядя не взяли сироту к себе, хотя вряд ли она доставляла им какие-то хлопоты. Это также во многом свидетельствует о том, что и в провинциальном городе, и в деревне в первые десятилетия XX века всюду шли процессы социальной модернизации, для которой характерно разрушение семейной модели призрения.

Но самая невероятная история призрения пожилого человека в Красноярске в дореволюционный период случилась с 98-летней Паулиной Ивановной Денисюк (ГАКК. Ф. 166. Оп. 1. Д. 84. Л. 171). У нее было 6 сыновей. Старший в результате аварии парохода на Енисее получил многочисленные ушибы тела, вследствие чего сам оказался не способным к труду. Он жил тем, что торговал в Красноярске старьем на базаре. Второй сын находился на военной службе, третий жил «где-то в России», а «что сделалось с остальными, и где они в настоящее время находятся», ей было неизвестно. Дети ей никак и ничем не помогали, вероятно, вовсе полагая, что матери нет в живых. А престарелая Денисюк в то самое время жила при местной актерской труппе. За проживание она не платила, еще и пользовалась бесплатно столом, выполняя некую работу по «окарауливанию квартиры». Причем директор актерской группы даже заключил с пожилой женщиной своеобразное соглашение, выдав ей «удостоверение», в котором были пописаны все условия ее проживания.

Неизвестно, как долго она так жила, но однажды актеры подали прошение в Попечительский совет богадельни, что «далее нет возможности ей существовать ввиду неспособности к труду» и просили устроить ее в богадельню Т.И. Щеголевой. Но, как это часто бывало, мест не было, тем более что Денисюк по происхождению была из крестьян. Она не подлежала призрению в богадельню, но ее историей заинтересовался енисейский гражданский губернатор и лично попросил устроить престарелую женщину в богадельню.

5. Заключение

Проведенный анализ показывает, что в пореформенном российском обществе начинается серьезная трансформация механизмов общественного призрения, связанная с вытеснением принципов семейной поддержки нетрудоспособных членов семьи в сторону социальной помощи в специализированных заведениях. Даже в Сибирском регионе, где актуальные процессы несколько запаздывали, можно увидеть, что с 1860-х гг. на протяжении почти полувека происходило разрушение семейной модели помощи и поддержки пожилых людей и инвалидов. Однако нельзя сказать, что слово «разрушение» несет в этом случае однозначно негативные коннотации. Само по себе его следует понимать в одном из значений, представленных в словаре Ожегова, как синоним «нарушения» или «расстройства». С появлением фактической возможности передать нетрудоспособного члена семьи на призрение в богадельню без объективных причин, в том числе просто за деньги, нарушались привычные способы взаимодействия детей и родителей, происходило расстройство этических норм, и семья больше не могла быть ведущим субъектом социальной помощи.

В то же время разрушение семейной модели призрения нетрудоспособных должно восприниматься как естественный процесс вследствие набирающей обороты модернизации, в которой частью «модерна» как раз является постепенный переход с семейного на институциональный уровень помощи в результате разрыва межпоколенных связей. В условиях сложной повседневной жизни семья переставала выполнять важнейшую социальную функцию опеки и защиты, поддержания материальных условий престарелых членов семьи.

Хотя наличие положительных примеров, когда дети забирали к себе пожилых родителей при восстановлении своего здоровья или материального статуса, вариант «посмертного» содержания родственников или участие в судьбе нетрудоспособного посторонних лиц свидетельствует о том, что в исследуемый период еще не произошел отказ от модели общественного призрения как таковой и окончательного перехода к «внесемейной» помощи старикам и инвалидам – в лучших традициях диалектики они продолжали сосуществовать и влиять друг на друга. Только в годы советской власти призрение стариков и инвалидов в специализированных заведениях станет привычным делом. Пока же шел процесс преобразования самой семьи, сопровождавшийся изменением представлений о том, где заканчиваются пределы семейной заботы.

Вполне естественно, что при отсутствии всеобщего пенсионного обеспечения, системы социальных услуг для пожилых людей и инвалидов, помощи на дому ответственность за содержание нуждающегося населения в период «дожития» принимало на себя общество в лице благотворителей, готовых содержать богоугодные заведения. Однако если изначально оно было призвано быть мерой поддержки в условиях экстраординарной ситуации, когда бедному и одинокому старику больше было не к кому обратиться, то со временем возможности богадельни в призрении пожилых людей стали очевидны и для членов их семей, воспринимавших своих состарившихся родственников как обузу и тягостное бремя, которое можно запросто переложить на плечи общества.

Литература

- ГАКК – Государственный архив Красноярского края.
- Жукова, 2012 – Жукова А.В. Благотворительность в Томской губернии (вторая половина XIX – начало XX веков) // *Актуальные проблемы гуманитарных наук*. 2012. С. 375-378.
- Ковалев, 2010 – Ковалев А.С. Условия и качество жизни пожилых людей в богадельнях во второй половине XIX – начале XX вв. (на примере г. Красноярска) // *Гуманитарные науки в Сибири*. 2010. № 1. С. 102-105.
- Ковалев, 2011a – Ковалев А.С. Богадельня как институт общественного призрения пожилых людей во второй пол. XIX – нач. XX в. (на примере г. Красноярска) / *Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета*. 2011. № 21-2. С. 157-160.
- Ковалев, 2011b – Ковалев А.С. Восприятие старости пожилыми сибиряками во второй половине XIX – начале XX вв. // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культура и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. 2011. № 2. С. 92-99.
- Макаренко, 2008 – Макаренко Т.В. Деятельность социальных институтов и частных лиц по оказанию помощи людям пожилого возраста в Москве на рубеже XIX–XX веков. М.: Медина-принт, 2008. 80 с.
- Смолькин, 2005 – Смолькин А.А. Исторические формы отношения к старости // *Отечественные записки*. 2005. № 3. С. 253-264.
- Чернова и др., 2011 – Чернова О.А., Коновалов Я.С., Ильницкий А.Н. и др. Исторические и медико-социальные аспекты пребывания пожилых людей в домах престарелых // *Современные проблемы науки и образования*. 2011. № 6. С. 27-36.
- Бек, 2000 – Бек У. Общество риска: На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 383 с.
- Cerutti, 2004 – Cerutti S. Microhistory: Social Relations versus Cultural Models? / *Between Sociology and History. Essays on Microhistory, Collective Action, and Nation-Building* / Ed. by A.-M. Castrén, M. Lonkila, M. Peltonen. Helsinki, 2004. P. 17-50.

- [Hareven, 1991](#) – Hareven T. The History of the Family and the Complexity of Social Change // *The American Historical Review*. 1991. Vol 1. P. 95-124
- [Kovalev et al., 2019a](#) – Kovalev A.S., Novoseltsev N.R., Savin O.I., Savina E.V. Public Charity of the Elderly People in Poorhouses in the late XIX – early XX centuries (on the Example of Tomsk) // *Bylye Gody*. 2019. 53(3): 1272-1280.
- [Kovalev et al., 2019b](#) – Kovalev A.S., Novoseltsev N.R., Savin O.I., Savina E.V. Elderly People in Siberia in the XIX – early XX centuries: Problems of Social Status and Main Directions of Public Charity in the "Open" Society // *Bylye Gody*. 2019. 54(4): 1537-1545.
- [Van den Berghe, 1979](#) – Van den Berghe P. Human family systems: an evolutionary view. Elsevier North Holland, Inc, 1979. 254 p.

References

- [Beck, 2000](#) – Beck, U. (2000). Obshchestvo riska: Na puti k drugomu modernu [Risk Society: On the way to another modern]. M.: Progress-Tradition. 383 p. [in Russian]
- [Cerutti, 2004](#) – Cerutti, S. (2004). Microhistory: Social relations in comparison with cultural models? In Between sociology and history. Essays on microhistory, collective action and State-building. Eds. A.-M. Kastren, M. Lonkila, M. Peltonen. Helsinki. Pp. 17-50.
- [Chernova et al., 2011](#) – Chernova, O.A., Kononov, Ya.S., Ilnitsky, A.N. i dr. (2011). Istoricheskie i mediko-social'nye aspekty prebyvaniya pozhilyh ljudej v domah prestarelyh [Historical and medico-social aspects of elderly people's stay in nursing homes]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovanija*. 6: 27-36. [in Russian]
- [GAKK](#) – Gosudarstvennyi arhiv Krasnojarskogo kraja [State Archive of Krasnojarsk Region].
- [Hareven, 1991](#) – Hareven, T. (1991). Family history and the complexity of social change. *American Historical Review*. 1: 95-124.
- [Kovalev et al., 2019a](#) – Kovalev, A.S., Novoseltsev, N.R., Savin, O.I., Savina, E.V. (2019). Public Charity of the Elderly People in Poorhouses in the late XIX – early XX centuries (on the Example of Tomsk). *Bylye Gody*. 53(3): 1272-1280.
- [Kovalev et al., 2019b](#) – Kovalev, A.S., Novoseltsev, N.R., Savin, O.I., Savina, E.V. (2019). Elderly People in Siberia in the XIX – early XX centuries: Problems of Social Status and Main Directions of Public Charity in the "Open" Society. *Bylye Gody*. 54(4): 1537-1545.
- [Kovalev, 2010](#) – Kovalev, A.S. (2010). Uslovija i kachestvo zhizni pozhilyh ljudej v bogadel'njah vo vtoroj polovine XIX - nachale XX vv. (na primere g. Krasnojarska) [Conditions and quality of life of elderly people in almshouses in the second half of the XIX – early XX centuries (on the example of the city of Krasnojarsk)]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. 1: 102-105 [in Russian]
- [Kovalev, 2011a](#) – Kovalev, A.S. (2011). Bogadel'nja kak institut obshchestvennogo prizrenija pozhilyh ljudej vo vtoroj pol. XIX – nach. XX v. [Almshouse as an institution of public charity for the elderly in the second half XIX – beginning XX century (on the example of Krasnojarsk)]. *Ezhegodnaja bogoslovskaja konferencija Pravoslavnogo Svjato-Tihonovskogo gumanitarnogo universiteta*. 21-2: 157-160. [in Russian]
- [Kovalev, 2011b](#) – Kovalev, A.S. (2011). Vosprijatie starosti pozhilymi sibirja-kami vo vtoroj polovine XIX – nachale XX vv. [Perception of old age by elderly Siberians in the second half of the XIX – early XX centuries]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i juridicheskie nauki, kul'tura i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*. 2: 92-99. [in Russian]
- [Makarenko, 2008](#) – Makarenko, T.V. (2008). Dejatel'nost' social'nyh institutov i chastnyh lic po okazaniju pomoshhi ljudjam pozhilogo vozrasta v Moskve na rubezhe XIX-XX vekov [The activities of social institutions and individuals to assist elderly people in Moscow at the turn of the XIX-XX centuries]. M.: Medina-print. 80 p. [in Russian]
- [Smol'kin, 2005](#) – Smol'kin, A.A. (2005). Istoricheskie formy otnoshenija k sta-rosti [Historical forms of attitude to age]. *Otechestvennye zapiski*. 3: 253-264. [in Russian]
- [Van den Berge, 1979](#) – Van den Berge, P. (1979). Human family systems: an evolutionary view. Elsevier North Holland, Inc. 254 p.
- [Zhukova, 2012](#) – Zhukova, A.V. (2012). Blagotvoritel'nost' v Tomskoj gubernii (vtoraja polovina XIX – nachalo XX vekov) [Charity in Tomsk province (the second half of the XIX – early XX centuries)]. *Aktual'nye problemy gumanitarnykh nauk*. Pp. 375-378. [in Russian]

Разрушение семейной модели помощи и поддержки нетрудоспособного населения во второй половине XIX – начале XX вв. (на материалах г. Красноярска)

Александр Сергеевич Ковалев ^{a, *}, Николай Рзавич Новосельцев ^{a, f},
Дмитрий Владимирович Рахинский ^{a, b, c}, Никита Николаевич Равочкин ^{d, e}

^a Сибирский федеральный университет, Российская Федерация

^b Красноярский государственный медицинский университет имени профессора В.Ф. Войно-Ясенецкого, Российская Федерация

^c Красноярский государственный аграрный университет, Российская Федерация

^d Кузбасский государственный технический университет имени Т.Ф. Горбачева, Российская Федерация

^e Кузбасская государственная сельскохозяйственная академия, Российская Федерация

^f Сибирский государственный университет науки и технологий имени академика М.Ф. Решетнева, Российская Федерация

Аннотация. В процессе модернизации российского общества во второй половине XIX – начале XX вв. происходит трансформация принципов семейной помощи нетрудоспособным лицам в сторону общественного призрения пожилых людей и инвалидов в специализированных заведениях – богадельнях. В соответствии с правилами богоугодных заведений в них принимались нетрудоспособные лица, не способные трудиться и зарабатывать средства к существованию, а также не имевшие родственников. Последнее требование было основным, однако в пореформенный период среди обитателей богаделен было немало тех, у кого имелись родственники, но они по разным причинам отказывались от обязанности содержать своих престарелых родителей или инвалидов, передавая их на призрение в богоугодное заведение. Это свидетельствует о том, что в обществе начались процессы разрушения семейной модели призрения. В статье на основе методологических принципов теории модернизации, истории семьи и микроисторического подхода рассматриваются различные причины, по которым трудоспособные лица переставали быть источником помощи и поддержки для своих больных и состарившихся родственников. В ходе изучения прошений о принятии и исключении из богадельни Т.И. Щеголевой в г. Красноярске анализируются границы и возможности семейных и супружеских обязанностей в отношении нетрудоспособных лиц в период с середины 1870-х по 1910-е гг. По результатам анализа сделан вывод о том, насколько естественным был процесс отхода от семейной заботы в сторону призрения в специализированном заведении.

Ключевые слова: богадельня, инвалиды, общественное призрение, пожилые люди, семья, семейное призрение.

---

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: alexkovaleff@yandex.ru (А.С. Ковалев),
NNovoseltsev@sfu-kras.ru (Н.П. Новосельцев), siridar@mail.ru (Д.В. Рахинский),
nickravochkin@mail.ru (Н.Н. Равочкин)

Copyright © 2023 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2023. 18(2): 842-857
 DOI: 10.13187/bg.2023.2.842

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Emigration from the Russian Empire to Brazil in the late XIX and early XX centuries

Sergey V. Ryazantsev ^{a, b, *}, Alexey V. Smirnov ^a, Oswaldo Mario Serra Truzzi ^b, Svetlana Ruseishvili ^b

^a Institute for Demographic Research of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

^b Federal University of Sao-Carlos, Sao-Carlos, Brazil

Abstract

Brazil in the second half of the 19th century, with large areas of unpopulated land and experiencing a shortage of workers, began to actively attract the population of European countries to settle its territory. At the end of the 19th century, a significant number of immigrants came from the Russian Empire, represented by various ethnic and religious groups. The aim of the article is to analyze the scale, ethnic and socio-demographic structure of the migration flow from the Russian Empire to Brazil in the late 19th – early 20th centuries.

Materials of the pre-revolutionary sources of the end 19th – beginning 20th centuries, first, periodicals served as the base of the study.

Emigration was caused by external and internal reasons. External causes included: Brazil's immigration policy of attracting labor with the provision of free travel, incentive payments to steamship companies, and the work of emigration agents. Internal causes: unfavorable economic situation, famine caused by crop failures in 1889 and 1891; presence of many landless and land-poor peasants; low wages. Emigration from the Russian Empire began in 1870–1880, reaching its peak in 1891 with 109,000 people.

The migration flow from Russia to Brazil was represented mainly by Poles, Jews, and Germans (mostly Mennonites). It was mainly the population of the Prislinna and southern provinces who left. Ethnic Russians and Orthodox until the early 20th century predominantly participated in the processes of internal migration, moving to the east of the country. The absence of Russian and Orthodox populations in the migration flows was due to a lack of information about the opportunities open to migrants in the New World.

Keywords: emigration, immigration, migration policy, Brazil, Russian Empire, Privilinsky krai, Poles, Jews, Germans, Mennonites.

The most curious feature of the Russian emigration to America is that this emigration is non-Russian by nationality. (Yenisei Mysl. 1914. № 132. June 20)

1. Introduction

Active and large-scale emigration from the Russian Empire to the New World began in the 1870s-80s. In 1886 33,000 people, in 1890 – 85,000, in 1891 – 109,000 people (Vobly, 1905). At the same time emigration to South America until the last decade of the nineteenth century was practically absent (ZK, 1891). At that time the Russian Empire was dominated by domestic migration of the rural population from the European part to Siberia, the Caucasus, and Central Asia. "It never occurred to anyone to go across the Atlantic Ocean, to unknown countries, to a population alien in language and religion, except for a tiny

* Corresponding author

E-mail addresses: riazan@mail.ru (S.V. Ryazantsev), sofetel@mail.ru (A.V. Smirnov), truzzi@ufscar.br (O.M. Serra Truzzi), svetlana@ufscar.br (S. Ruseishvili)

handful of people for whom, according to the Russian proverb, only “there is good where they are not” (ZK, 1891: 240). The 19th-century Russian diplomat A.S. Ionin wrote in his essay “On South America”: “... the Russian public can hardly be interested in South America – it is such an alien world for us, when we do not know our own yet” (Ionin, 1892: 462).

2. Materials and methods

The aim of the study is to reveal socio-demographic and ethno-cultural structure of the migration flow from the Russian Empire to Brazil in the context of various factors of migration at the end of the 19th – beginning of the 20th centuries. The study develops the idea of multi-ethnicity of emigration from the Russian Empire, which is traditionally called “Russian” or “Russian-speaking” in the scientific literature, creating in the mass consciousness the illusion of mono-ethnic migration flow. However, the ethnic diversity of the population of the Russian Empire itself, as well as different combinations of various “push” factors of emigration at different historical periods of the late 19th and early 20th centuries, led to changes in the socio-demographic and ethno-cultural structure of migrants. Russian waves of emigration to Brazil were represented not so much by ethnic Russians, but by such ethnic groups as Jews, Germans, Poles, and others. However, the composition of the ethnic composition of migration flows in the late 19th and early 20th century changed in favor of a gradual increase in the Russian ethnic component.

The materials of the pre-revolutionary sources of the late 19th and early 20th centuries: “Collection of Consular Reports” from 1898 to 1910, “Yearbook of Russia” from 1905 to 1908, “Peasant earnings and emigration to America in the provinces of the Kingdom of Poland: comparative statistics of rural earnings in the Suwalki province and emigration to America” served as information base for the study. Including periodicals containing information on emigration from the Russian Empire: “The Finance, Industry and Trade Bulletin”, “Warsaw Diary”, “News and Stock Exchange Newspaper”, “Son of Fatherland”, “Riga Herald”, and “Yenisei Mysl”. The complementary materials made it possible to reconstruct the qualitative composition of waves of Russian emigration in the Brazilian direction based on the method of “ethno-cultural cohorts of migration flows”.

The methodological basis for this study is the historical-demographic method of analysing migration flows in terms of their ethno-cultural and socio-demographic characteristics (the method of “ethno-cultural cohorts of migration flows”). This approach is based on the method of dividing the migration flow from the Russian Empire to Brazil into ethno-demographic cohorts, which differ in terms of social status, demographic composition, and ethno-cultural characteristics of the population. The main research methods are: 1) statistical method of analysis of migration flows, which is a comparative analysis of statistical data on the flows of Russian migrants based on three data sources (countries of emigration (Russian Empire), countries of transit (Germany, UK, Belgium) and countries of reception of immigrants (Brazil)); 2) method of context-analysis of qualitative social and demographic parameters of migration flows based on periodical sources reflecting the structure of emigration flows from the Russian Empire; 3) method of comparative anthropological analysis of migration flows.

3. Discussion

A Russian historian V.M. Kabuzan notes that a great deal of research attention is devoted to emigration from Russia to the United States, but the topic of resettlement to South America and Australia is much less well studied (Kabuzan, 1998). M.N. Moseikina, studying Russian emigration to Latin America, describes in detail the national and religious emigration from Russia (Moseikina, 2014). E.I. Pivovarov writes about the mixed motivation of emigration for Jewish people – a mixture of national, economic, and political motives (Pivovarov, 2008). E.G. Putyatova studied the problems of adaptation of Russian migrants to the new socio-cultural environment of Latin American countries (Putyatova, 2006).

While these scientific works are important, they do not sufficiently study the ethno-demographic structure of migration flows from the Russian Empire to Latin American countries and Brazil in particular in different periods of history. However, it is the socio-demographic structure of the migration flow that had a significant impact on the specifics of settlement and adaptation of migrants from the Russian Empire in the receiving countries of Latin America. At the same time, Brazil actively received natives of various nationalities from the Russian Empire, with wide opportunities for their settlement, economic activity and religious activity. The study proves that “Russian” emigration to Brazil was in fact a conglomeration of different ethnic waves and developed along a similar pattern to the emigration of the United States in the late 19th and early 20th centuries.

It is argued in this article that until the end of the 19th century, ethnic Russians hardly ever moved to Brazil. Emigration flows from the Russian Empire were composed mainly of Poles, Jews, and Germans, the ethnic minorities from the South and West regions of the multinational czarist empire. Considering that the Brazilian agents registered all migrants coming from the Russian Empire as “Russians” regardless of their ethnic and linguistic identity, this research contributes to the field of historical migration studies by specifying their socio-demographic characteristics, which impacted how migrants were incorporated into Brazilian society.

4. Results

Socio-economic factors of emigration from the Russian Empire in the late XIX century

Unfavorable weather conditions in the Russian Empire led to poor harvests in 1889 (the harvest was 18.2 per cent below the norm) and 1891, characterized by “exceptionally large-scale disasters”, which caused famine (Pyankov, Mikhalev, 2015). The rye harvest (the basis of the population’s food) of 1891 roughly matched the 1889 harvest, but “...the poor rye harvest of 1889 was preceded by two years of unusually good harvests of 1887 and 1888, while the poor harvest of 1891 was preceded by the poor harvest of 1889 and the average harvest of 1890” (Mery, 1891: 276). The total rye harvest in 1888 was 1,095 million poods,¹ 821 in 1889, 982 in 1890, and 711 million poods in 1891. Considering the population's need for bread (just over 8 poods per person per year) and the seed stock, the minimum harvest in 1891 should have been – 994 million poods (Mery, 1891).

This situation led to a rapid rise in the price of bread, especially rye. In St. Petersburg the price rose by 66 %, compared with 1890. In Chelyabinsk uyezd,² Orenburg province, the price increased up to three times (was 50 kopecks³ for one pood of rye, and became 144 kopecks), in Bogoroditsky uyezd, Tula region – more than 2.5 times (was 50, became 125 kopecks), in Yamburg uyezd, Saint Petersburg province – 1.5 times (was 80, became 128 kopecks) (Mery, 1891).

High prices for bread were promoted by speculation. “Thousands of large and small bread speculators, taking advantage of the terrible poverty of the people and the lack of bread, tirelessly organize strikes to raise bread prices, spread false rumors, measure, weigh, mix all kinds of extraneous substances in the form of lime, sand, etc. into the bread and send these murderous fabrications to feed the masses. Everyone still remembers the news that whole batches of white sand from Kiev were sent to Bessarabia to be mixed with flour. Also memorable is the huge fabrication of an impossible mixture of bread with all sorts of rubbish at many stations of the southwestern railroads arranged by some agents of the Dreyfus firm” (Falbork, 1892: 11).

Peasants began to go hungry already in the summer of 1891. In Kozlovsky Uyezd of Tambov Province grain reserves ran out. The poorest people were selling cattle, the price of which had dropped drastically due to the lack of fodder caused by the drought. Sellers to whom the peasants sold their livestock traveled around the county. They gave 1 ruble for a sheep, and 9 rubles for a horse, which used to cost 30 rubles (MH, 1891).

The government took measures: it banned the export of rye and some other crops and products that served as fodder for livestock from the country (Neurozhaj, 1891). Allowances and loans were given to zemstvos⁴ for the purchase of seeds. Emigration from the Russian Empire had a direct impact on the spread of influenza and cholera epidemics, which caused pandemics in 1889–1890 and 1892–1893, respectively (Ryazantsev et al., 2022). Quarantine in ports as a response to the cholera pandemic reduced emigration across the ocean (Manevich, 1916).

The policy of the Russian Empire toward emigration

It was difficult to legally leave the Russian Empire abroad because one had to obtain a foreign passport, which was issued by the governor-general, governor, or town governor. Since passports were issued in provincial cities, residents of villages, hamlets, and counties had to go to the regional center (Yanovsky, 1909).

The passport was paid – 15 rubles for half a year, but some categories of Russian subjects could get a passport for 5.05 rubles. The law contained some contradictions: Article 170 stated that passports could be issued only when people reached the age of 25, and in Chapter II of the same section it was stated that passports were issued with one charge for the printing of blanks for children under ten years old. Each province had its own practice in issuing passports (Yanovsky, 1909).

In the Chernigov, Mogilev and Ekaterinoslav provinces one had to pay a passport fee (15 rubles) for each adult family member. But the family members did not receive separate passports for simultaneous departure but were entered into the passport of the head of the family, so there could not be any payment of additional fees. According to Article 207, the period of stay abroad could not be longer than five years. But in practice the stay abroad was not limited. At crossing the border, a fee of 15 rubles was paid for each half year spent outside Russia (Yanovsky, 1909).

An internal passport was required to obtain a foreign passport. It was necessary to obtain a certificate “confirming the absence of obstacles for going abroad”. For this purpose, it was necessary to bypass three or four instances. All this was accompanied by additional expenses for stamps, tips to a bailiff or a correctional officer, etc. (Yanovsky, 1909).

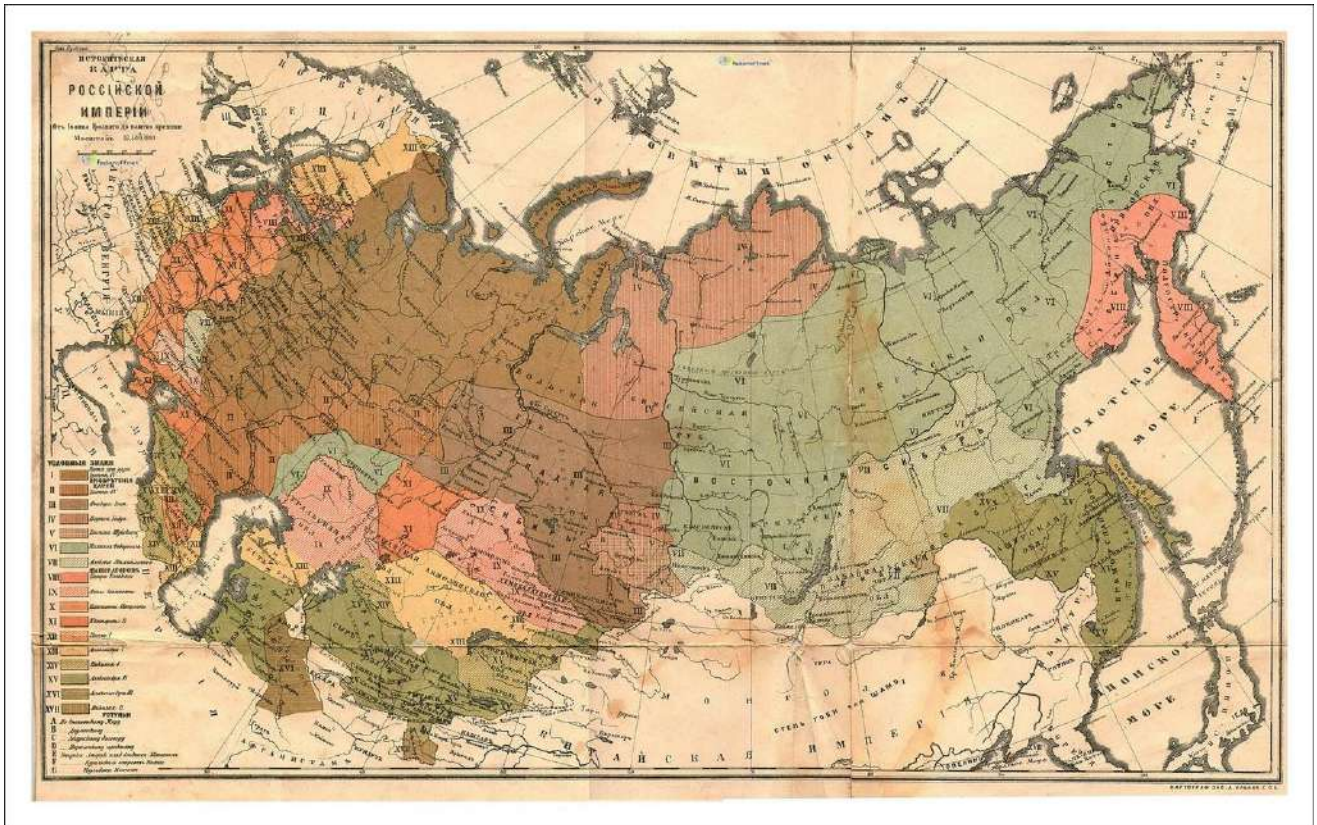
¹ Weight unit used in the Russian Empire at the end of the XIX century, corresponding to 36,113 pounds.

² Administrative subdivision of the Russian Empire.

³ One ruble is divided into 100 kopecks.

⁴ Institution of local government set up during the great emancipation reform of 1861 carried out in Imperial Russia by Emperor Alexander II of Russia. After the October Revolution the zemstvo system was shut down by the Bolsheviks and replaced with a multilevel system of workers’ and peasants’ councils, the soviets.

Fig. 1. Map of the Russian Empire at the end of the 19th century

Women had to have permission from their husbands to obtain a foreign passport. It often happened that the husband went away to earn money without leaving permission for his wife. After some time, having sent money, he would wait for the family to return, but there were inevitable difficulties in obtaining a foreign passport. This led to illegal border crossings (Yanovsky, 1909).

In October 1890, after the mass emigration from the Privilinsky krai (Vistula Land),¹ the chief of the region was requested by the local authorities to take “...all possible measures to discourage peasants and workers leaving the fatherland and to prosecute harmful persons who stirred up the intention to emigrate” (VNS, 1891: 1).

The police were supposed to “keep a sharp eye” on the population who sold their property and planned to move abroad. If this fact became known, the police reported to their superiors and the would-be emigrants were interviewed. When encountered on roads close to the state border, peasants were interrogated. If there was suspicion of intentions to go abroad, they were sent back to their permanent place of residence. Persons who received correspondence from abroad were monitored, since it was assumed that there might be “migrant documents” (VNS, 1891).

Particular attention was paid to the population living within two to three miles of the border. It was found out whether “passport-less people were being smuggled abroad” (VNS, 1891). The local administration initiated cases against the conductors across the border: they were expelled from the border areas with a ban on their return (Itogi..., 1891; VNS, 1891).

Persons suspected of being migrant agents were prosecuted. The prosecutors of the Warsaw District Court were asked to personally supervise cases of “resettlement conspiracy” and to take the strictest measures against the accused. In case of insufficient evidence, not to release suspects from custody without prior agreement with the governor (VNS, 1891). On November 22, 1890, the first case of emigration to Brazil was tried in the Petrokovsky district Court (Petrokovsky District Court). The emigration agent, an Austrian national, was sentenced by the court to one year's confinement in the detention ward (Vnutrennie, 1890: 3).

¹ Vistula Land, or Vistula Country (Russian: Привислинский край, *Privislinsky krai*; Polish: *Kraj Nadwiślański*) was the name applied to the lands of Congress Poland from 1867, following the defeats of the November Uprising (1830–1831) and January Uprising (1863–1864) as it was increasingly stripped of autonomy and incorporated into Imperial Russia. It also continued to be formally known as the Kingdom of Poland (Polish: *Królestwo Polskie*) until the fall of the Russian Empire. Russia lost control of the region in 1915, during the course of the First World War. Following the 1917 October Revolution, it was officially ceded to the Central Powers under the terms of the 1918 Treaty of Brest-Litovsk.

In November 1890, more than 80 persons were prosecuted for “conspiracy to resettle” in one district of the Warsaw Chamber (VNS, 1891).

The governor-general of Warsaw allowed the returning population to enter the country without passports, except for Jews who had left illegally (VNS, 1891). The struggle against the mass emigration of the population indicates the government’s understanding of the negative effects of emigration on the country.

“The lack of land and the kulaks,¹ which had taken deep roots, corroded the economic life of the village community. The peasants could not protest the evil and sought a way out in distant migrations” (JeR, 1890: 3). While in the late nineteenth century immigration agents advertised the lands of America on the western fringes of the Russian Empire, in the early twentieth century agents reached Siberia (BP, 1914).

In 1910 an immigration agent distributed pamphlets in Tomsk Province (Siberia) suggesting emigration to “...the earthly paradise - America, in particular Brazil” (BP, 1914: 3). This propaganda was particularly successful with the settlers. Peasants sold off their possessions, and new settlers planned to leave immediately after the end of field work. “It should be noted that the peasants believed so much in these pamphlets that they did not even consider it necessary to send walkers” (BP, 1914: 3).

The press wrote that settlers “...willingly leave the places where they have lived for ten to twenty years, have developed croplands, have acquired households... They believe only the letters of their relatives, relatives’ acquaintances, fellow villagers, who settled in those countries where they are invited to go” (JeEG, 1914: 2). Settlers rarely traveled alone or in pairs. They usually preferred to leave as a family, on average four to nine people. From the youngest age (from 1 month) to the oldest age (70 years and older) (JeNK, 1892).

Bytsenko indicates two interesting centenary books found in the National Library of St. Petersburg that directly address the theme of information available to potential immigrants: Janis Gutmann’s *Jizn kolonistov v chtate São Paulo v Brasiliï* (Gutmann, J. *A Vida dos colonos no Estado de São Paulo do Brasil*. Riga, 1908), and Ivan Rébrin’s, *O peresselenii v Brasiliu* (Rébrin, I. *Sobre a imigração para o Brasil*. Kharkov, 1909). They offer opposite views about Brazil as destination. The book by Janis Gutmann, a Lethonian immigration agent hired to recruit immigrants in Russia, presents Brazil as a paradise. Gutmann’s book described “the fertility of the land, the climate, the flora and fauna, the products, the government’s liberal policy, the official facilities given to immigrants, and even the support for colonial centers created especially for Russian immigrants in order to avoid nostalgia and cultural problems” (Bytsenko, 2006: 38-39).

But the peak of immigration to Brazil coincided with the colonization plan for Siberia and other sparsely populated regions of Russia, announced by the government in the early 20th century. Obviously, the departure of potential migrants hindered this objective. Ivan Rébrin’s book advocates against emigration from Russia to Brazil. It is an emigration counter-propaganda that created, even without literal mention, the image of Brasil as a hell” (Bytsenko, 2006: 14). “One cannot fail to notice that this distant overseas country is extremely different not only from Russia, but from all of Europe, and presents, by itself, natural and historical conditions so unfavorable to the organization and conduct of the economy of our peasants, who, to the last who appeared there, had nothing left to do but swear and run back to Russia” (Bytsenko, 2006: 100). Information and its perception by potential migrants play an important role in the formation of migration attitudes. In today’s world, the communications revolution allows potential migrants to learn about opportunities abroad in real time (Martin, Zurcher, 2008). In the late nineteenth century, the speed of communication and information dissemination was limited, given that not all populations could read and write.

The population of the Privislinsky krai as literate: in 1987 the literacy rate was 30.5 per cent. In the European part of Russia this indicator was 22.9 per cent, in the Caucasus – 12.4 per cent, in Siberia – 12.3 per cent, in Central Asia – 5.3 per cent. In the Privislinsky krai, there were 342 and 268 literate men and women per 1,000 persons, respectively. In the European part of Russia, the figure was 326 and 137 for men and women (ER, 1906). The Estonian, Livonian and Curonian provinces had the highest proportion of educated population in the Russian Empire. Literate men – more than 75 per cent, and women – more than 70 per cent. This figure for St. Petersburg province was 65 per cent and 44 per cent, and in Penza province 24 per cent and 6 per cent for men and women, respectively (ER, 1906).

A large proportion of the ethnically Russian population learned about opportunities abroad much later than did residents of the western outskirts or the cohesive diasporas of Germans and Jews (OPA, 1890). In addition to information about opportunities in the Americas, the political situation in the country served as a factor in increasing the share of ethnic Russians in the migration flow from the Russian Empire.

Brazilian migration policy at end of the 19th century

After the political upheaval in Brazil, the emergence of a republican regime (November 15, 1889), and the adoption of the Golden Law (May 13, 1888), which finally abolished slavery, the country needed laborers (Prozor, 1905: 85). According to this law, free entry to Brazil was allowed to migrants of working age who were not subject to criminal prosecution in the country of origin, except for people from Africa and Asia, who could only be admitted with the permission of the National Congress (Decreto, 1890).

¹ Kulaks – in the Russian Empire, well-to-do peasants, usually not personally engaged in physical labour, who used the labour of hired labourers.

A travel subsidy, under Ordinance No. 528, was granted to farm families, unmarried men between the ages of 18 and 50, provided they were agricultural workers, artisans, or persons for domestic work. Sick and physically handicapped persons were also given a free ticket, provided they belonged to a family where there were two healthy persons for one sick person (Decreto, 1890).

The Brazilian state paid maritime transport companies 120 francs for an adult immigrant, 60 francs for children aged 8 to 12, and 30 francs for a child under the age of three. Shipping companies that transported at least 10,000 migrants a year without any irregularities were paid a bonus of 100,000 francs (Decreto, 1890).

All migrants entering Brazil with a subsidy were required to obtain a certificate from the consular agent of the republic at the port of exit, stating their name, age, family status, occupation, and degree of relationship between the persons constituting the family. Each migrant signed a statement in duplicate stating that he was aware of the conditions offered to him in Brazil. The conditions differed according to the migrant's occupation (Decreto, 1890).

In 1891, the Brazilian government refused to subsidize the shipping companies in Hamburg and Bremen because they only accepted migrants willing to pay for their passage across the ocean. But in 1893, Brazil, once again, began to subsidize German steamship companies (Moseikina, 2014).

On August 2, 1892, the Brazilian government signed a ten-year contract with Companhia Metropolitana to import 1 million immigrants from Europe (100,000 immigrants per year). Limits were imposed for each nationality and additional requirements – to exclude those who were unmarried. But migration over long distances was characterized mainly by men of working age, so the limit on importation was reduced to 50,000 people. Entry into the territory of the Republic for Chinese and Japanese nationalities was permitted by Law No. 97 of October 5, 1892 (Lei, 1892). But this law had few practical results, since Brazilian eugenic authorities diffculted the coming of non-white people at the same time that encouraged the immigration of Europeans that would colonize and also “civilize” the country (Lee, 2019). In 1895 the government was authorized by law to transfer the treaty to the states or to terminate it. In practice, this meant an end to the Brazilian government's intervention on migrant services (Goncalves, 2017).

On September 9, 1899, the state of São Paulo signed Law No. 673, introducing travel subsidies and refunds for a third-class ticket if the ticket was purchased by migrants at their own expense. Funds were allocated from the budget for emigration agents and for publications in several languages describing the country and the benefits provided to immigrants (Lei, 1899).

The scale of emigration from the Russian Empire to Brazil in 1890–1906

A total of 2.5 million and 3.7 million immigrants from various countries of the world migrated to Brazil and Argentina in seventy years (1835–1905), respectively. Among them, the share of subjects of the Russian Empire was 1.7 per cent. “Those who came from Russia were of the Catholic, Lutheran, and Jewish faiths. There were relatively few Orthodox” (Korolev, 1972: 49).

During the last two decades of the 19th century the number of subjects of the Russian Empire who emigrated to Brazil fluctuated greatly and depended on several reasons. The sharp increase in the number of Russian emigrants to Brazil since 1890 is associated with the measures of the Brazilian government, as well as with the unfavorable socio-economic situation in Russia itself (economic crisis and famine). A comparative decade-by-decade study of Russian and Brazilian statistics shows little difference in the number of emigrants from the Russian Empire to Brazil in 1880–1889 and 1990–1899. However, subsequently we see a significant discrepancy in the figures: the Brazilian data is more significant. Obviously, this is due, on the one hand, to a more accurate accounting of migrants in the host country (Brazil) and, on the other hand, to a greater diversification of emigration channels from the Russian Empire in the early 20th century – emigration occurred not only through German ports, but also in other countries (Table 1). (EBGE 1954; Prozor, 1905; EP, 1906; EP, 1909).

Table 1. Number of emigrants from the Russian Empire to Brazil based on a comparison of Russian and Brazilian statistics by decade 1880–1929

Period	1880–1889	1890–1899	1900–1909	1910–1919	1920–1929
Brazilian statistics	1,334	41,416	14,906	39,288	7,171
Russian statistics (estimations)	361	40,824	1,254	No data	No data

Note: The Russian data estimate is based on information on the emigration of natives from the Russian Empire through German ports in 1879–1906

Emigrants from the Russian Empire were usually identified in foreign statistics by their Russian citizenship. This figure included the population of the Northwestern and Southwestern provinces: Poles, Lithuanians, and Finns. Germans lived in the southern and eastern provinces. Most Jews were asked to leave

the central provinces at the end of the nineteenth century because they had no right to live outside their permanent settled area (ZK, 1891). The proportion of the Russian Orthodox population did not prevail in all provinces of the empire. In 1905, the proportion of Russians living in the Baltic provinces was 5.5 per cent, in Finland 0.2 per cent, and in the Privislinsky krai – 6 per cent, except for Sedlec and Lublin provinces, where Russians accounted for 17 per cent and 21 per cent respectively (ER, 1906).

By 1898 the total number of emigrants living in Brazil was estimated at 2.7 million people. Of these Italians were 1.3 million, Portuguese 800 thousand, Germans 300 thousand, Spaniards 100 thousand. The number of resident Russians was estimated at 70 thousand people. “The main contingent of them were immigrants from ... the western outskirts: from the province of Prislina ... from the province of Grodno and the southern part of the province of Vilna. Emigrants, both Poles and Lithuanians, mingle in the republic with natives from Galicia” (Prozor, 1905: 85). A significant proportion of Russian natives lived in the state of Paraná (about 30,000), the state of Rio Grande do Sul (10,000), and the state of Santa Catarina (5,000) (Prozor, 1905).

About 6,000 Russian Jews lived in Rio de Janeiro and about 2,000 in São Paulo. Most of them came from Argentina “...from the failed Jewish agricultural colonies established by Baron Hirsch...” (Prozor, 1905: 90). Baron Maurice de Hirsch founded the “Jewish Colonization Association” to establish Jewish agricultural colonies, mainly in Argentina (VV, 1892).

At the same time, of the 70,000 Russian subjects – “blood Russian Orthodox” lived in about 250 people. “No organized group they represented. They came... to Brazil mostly by chance and belonged, for the most part, to the educated class” (Prozor, 1905: 90). At the end of the nineteenth century Russian emigration abroad was represented mainly by natives of the North-Western and South-Western provinces, predominantly of the Privislinsky krai (Table 2).

Table 2. Ethnic and Religious Composition of the Subjects of the Russian Empire Departing through German Ports for Brazil in 1890–1905

Years	Prevailing ethnicity or religious group
1890	Jews, Poles, and Germans (ZK, 1891).
1898	Poles, Lithuanians, and Jews (RPD, 1899).
1900	Of the total number who left through the port of Hamburg, about 48 % were Catholics. The remaining 52 % were equally divided between Jews and “sectarians” (Mennonites, Dukhobors, Stundists, Molokans, Sabbatniks, etc.). The Orthodox were “...the most insignificant number, expressed only in fractions of a percent” (Kruzenshtern, 1902). The emigrants came mainly from the western and southern provinces of the empire (RPD, 1901).
1901	The Russians departing through the port of Bremen were from the provinces of Kovno, Plotsk, Suvalka, Lomzyn, Warsaw, Grodno, Vilna, and Kalish. There was a considerable number of Germans from the Southern Russia and the Volga region. The settlers were, for the most part, peasants who had large debts in their homeland or were landless (Tomashevskij, 1902).
1902	In Russia in 1902 the exodus provinces were: Kovno, Grodno, Vilna, Suvalki, Plocki, Warsaw, Kalish, Petroki, Radom, Kaletski, and Kiev (Tomashevskij, 1903).
1905	Among the Russian migrants leaving the port of Bremen, “...there is no Russian element, as all emigrants consist of natives of the Northwest Territory and the Kingdom of Poland: Poles, Lithuanians, and Jews. There are never any Orthodox immigrants in Bremen, and half of all the emigrants belong to the Roman Catholic faith” (PD, 1906: 265).
1906	The number of migrants professing Orthodoxy did not exceed 1 %. Most of the migration flow was represented by Poles and Jews (Arseniev, 1907).

Ethnic and religious waves of emigration from the Russian Empire to Brazil: three cases

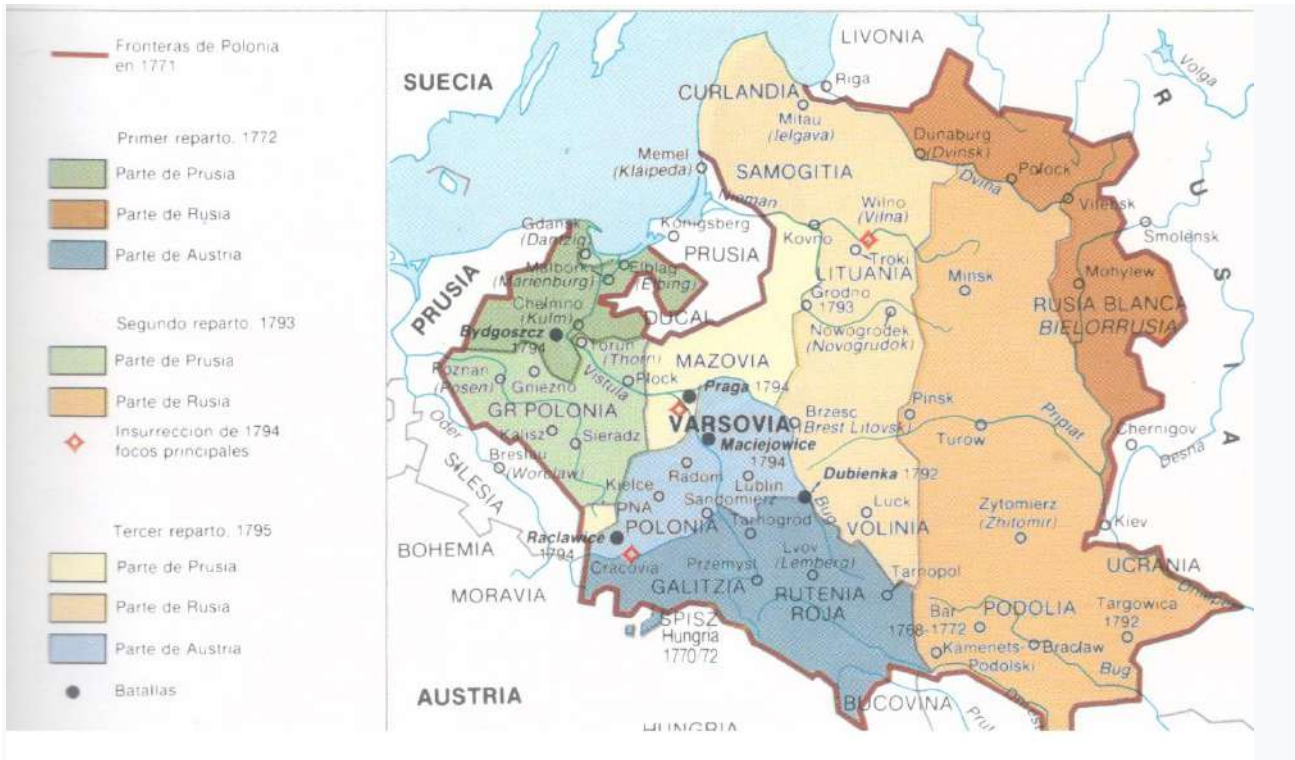
As noted in E. Lohr's study “Russian Citizenship: From Empire to Soviet Union”, the share of ethnic Russians in emigration flows in 1861–1914 was only 1-4 per cent. It was mainly ethnic minorities who emigrated: Jews were 184 times more likely to emigrate, Germans 53 times more likely, and Poles 57 times more likely than Russians. Emigration was a “phenomenon alien to ethnic Russians”. Among ethnic Russians, religious communities of Old Believers, Molokans and Dukhobors emigrated (Lohr, 2017: 145-146). The largest migration wave to Brazil at the end of the nineteenth century occurred in 1890–1892 and was composed mainly of Poles, Jews, and Germans, mostly Mennonites (ZK, 1891).

The emigration of Poles, Lithuanians, and Belarusians from the Privislinsky krai

The history of these groups' immigration remains underrepresented in literature, due to the political situation of Central-Eastern Europe in the heyday of immigration, when the region was dominated by the three great expansionist empires of the time: Russia, Germany and Austria. Poland and Lithuania disappeared from the political map of Europe at the end of the 18th century, only reappearing after the First

World War, when the collapse of the imperialist powers resulted in the appearance of a handful of autonomous national states, between Germany in the west, Russia to the east, and Austria to the south. Belarus only achieved its independence in 1991, after the collapse of the Soviet Union.

Fig. 2. Fragmentation of Poland in the 18th century (Duby, 1987: 165)

Relatively numerous, immigrants from Polish lands carried documents from the foreign powers that occupied the region. Therefore, Poles who arrived during the “Brazilian fever” were classified in official statistics as Germans, Austrians or Russians. There are indications that the majority came from the regions occupied by Russia, and ended up being classified under the rubric “Russians”. In fact, “Russian” immigration practically disappeared after the 1920s – precisely when Poland resurfaced as an independent country (Decol, 1921). The population's relocation to the New World from the Privilinsky krai was explained, first, by the geographical proximity to the European states, where emigration across the Atlantic Ocean had long existed. The population of the Privilinska region was aware of the opportunities available in the New World. A strong motivating factor was the money sent by relatives living in America.

Second, transportation accessibility. European countries, with their high-density railroads and inexpensive class IV tickets, provided emigrants with access to ports. A free ticket across the ocean only encouraged emigration (ZK, 1891).

Third, high population density. In the Privilinsky krai region there were on average up to 74 people per square verst.¹ Up to 54 people in the Siedlecki and Suwalki provinces, 101 in the Petrakow and 111 in the Warsaw province. For comparison, in the Moscow province – 75 people, in the Tula, Kursk, Kiev, Poltava and Podol province there were from 54 to 58 people per verst (ZK, 1891).

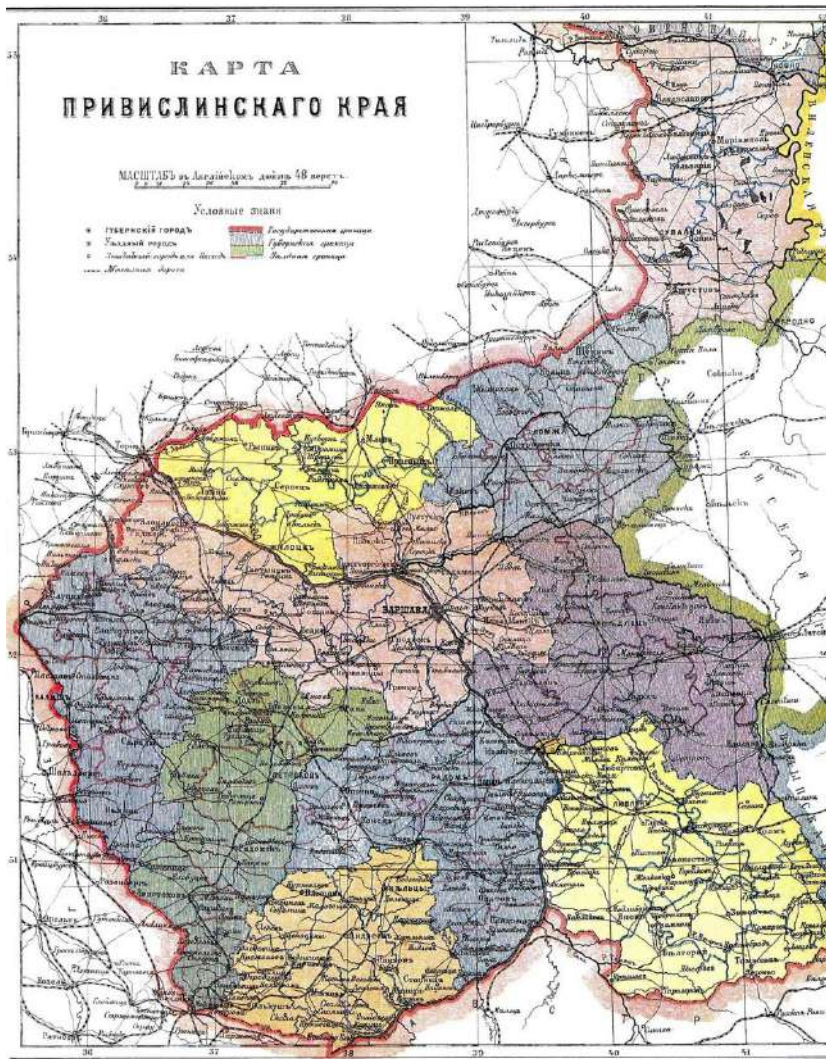
Fourth, emigration was caused by the small amount of arable land and the lack of developed industry in the region. In the whole of the Privilinsky krai, forests accounted for about 22 per cent of the total territory. In the Poltava, Kursk, and Tula provinces the share of forests was up to 14 per cent, in the Podolsk and Kiev provinces up to 20 per cent. Of the densely populated provinces of the empire, only the Moscow region exceeded the Privilinsky krai by forests – 37 per cent. But in this province a significant proportion of people were employed in factories and plants, in contrast to the same Suwalka province, where the population worked on the land (ZK, 1891). In the 1890s, Belarusian and Lithuanian peasants began to move to the Caucasus and Stavropol Province, believing rumors that they were given free land and several hundred rubles' worth of uplift. When the truth was discovered, however, resettlement ceased (DNP, 1890). The press wrote: “...small peasant farms are in a deplorable condition; the fragmentation of the peasant land has long surpassed the limits of six morgens² per yard specified in the law, the encumbrance of peasant land with

¹ Russian unit of length equivalent to 1.0668 kilometers.

² Unit of measurement of land area in Germany, the Netherlands, Poland, Lithuania and the Dutch colonies. The size of a morgen varies from ½ to 2 ½ acres (2,000 to 10,100 m²).

debts grows every year... All this leads to the conclusion that emigration from this region is a natural and inevitable consequence of the existing conditions” (PP, 1891a).

Fig. 3. Map of the Privilislinsky krai (Vistula Land) at the end of the 19th century.

Fifth, the low wages caused by the large supply of laborers due to the high population density, the small amount of arable land, and the underdeveloped industry. The income of a temporary worker on field work was 25 % less than the Russian average (ZK, 1891).

Thus, socioeconomic circumstances were the main motivation for the population of the Privilislinsky krai to move across the ocean.

“Eviction fever” or “Brazilian fever” was the name given in the press to the mass move of the population of the Privilislinsky krai to Brazil (Poznan, 1890; Itogi..., 1891). “The unusual dimensions adopted by the emigration to America from the provinces of the Kingdom of Poland in 1890...” the official authorities attributed to external causes (ZK, 1891: III). Mostly men of working age between 20 and 40 were leaving (Vnutrennjaja pochta, 1892). This fact demonstrates the predominance of labor goals in emigration. In the “Collection of Consular Reports”, it is written that those who went to work could be easily recognized – they had no luggage, only clothes and a smoking pipe (ZK, 1891). Families “flattered by large earnings” were also leaving (DNP, 1890). Each migrant took an average of 100 rubles on the road (ZK, 1891).

There were many routes that migrants took to get to the ports. Most did not have passports. They would cross the border at night or go out on the highway and get into vans, paying three rubles per fare. Carriers transported migrants across the border (DNP, 1890). The migrants drove to Kalisz, where they were met by immigration agents who helped them cross the Prussian border. From there, the emigrants were handed over to another agent, who took them to Bremen. Another route passed near the town of Sosnowiec. The escorting agent was paid two rubles per person. Foreign agents gave the migrants a ticket, on presentation of which in German ports or in Lisbon they received a free ticket for a steamer to Rio de Janeiro (JeA, 1890). Sometimes crossing the border illegally cost migrants their lives. Emigrants from Neshava

County were caught by border guards while crossing the border in the number of 270 people. As a result, one person was killed and one was wounded (MH, 1890).

Immigration agents agitated Poles to move to the fertile lands of Brazil, stopping at nothing "...with false promises, only to recruit...more settlers..." (ZK, 1891: 131). In Belgium, for example, an agent was paid the equivalent of 15 to 25 rubles for each immigrant recruited (ZK, 1891).

Immigration agents talked not only about the possibilities of life in Brazil, but also spread rumors that the Russian government would resettle Poles in distant regions of the Empire. Some immigration agents, taking advantage of the excitement of the population, sold schifskärts (emigration tickets) for 2-3 rubles to travel on the steamships of the North German Lloyd from Bremen to Brazil (Itogi..., 1891).

The post office in Lodz from the morning was "besieged by hundreds of workers" who sent demands to the agent Jose dos Santos in Lisbon "to send them steamship tickets to Brazil, and every day 150-200 such demands" (JeA, 1890: 3). A. S. Ionin wrote that "...part of the herd of white working cattle delivered by emigrant agencies, which in our age have replaced the former trading companies that delivered black working cattle to America, the Negroes" (Ionin, 1892: 76).

Lithuanian, Belarusian, and Polish peasants wished to emigrate to America since their relatives who did it sent 200, 300, and even 500 rubles each after some time. Often parents would forcibly send their sons and then ask the parish administration if money had been received for them (DNP, 1890).

It was not only the unemployed and deprived of means of subsistence at home who were leaving, but also "...people who were well off both in labor and in wealth; households were abandoned, property was sold for next to nothing, and the crowd, carried away by the spirit of emigration, fled to an unknown country. Factory workers and free craftsmen, townspeople and rural people are equally carried away by this current" (JeA, 1890: 3).

In the fall of 1891, the landlords of the Privilinsky krai were unable to recruit laborers. In the district administration "dozens of would-be emigrants" came to demand foreign passports or metric records of births and marriages (Iz Neshavy, 1891).

The newspapers periodically wrote about the negative experience of emigrating to Brazil. "The question of emigration is not put on legal ground in Brazil...The mortality rate, especially among children, is enormous. The incoming settlers...are placed in barracks...they sleep in cramped quarters, on clay floors, without even straw for bedding... The quality of the land is often so bad that many emigrants abandon it and turn to beggary; the girls growing up become prostitutes, and those who are able, being completely ruined, make their way back to their native country" (RIP, 1891). A letter from Rio de Janeiro to the editors of the Warsaw Diary reported: "If walking through the streets of the city in the seaside part of it or through the smelly alleys you meet a human-like creature with signs of illness on his face, with sunken cheeks, muddy eyes, battered, dragging his legs with difficulty, ragged..., you can be sure that he is a Polish emigrant... Most of them are runaways from distant colonies, driven here by fear of starving death... the climate of Rio is murderous for the European" (PP, 1891b).

Jewish emigration

Jewish pogroms in the second half of the nineteenth century, the introduction of restrictive laws, and overcrowding of Jews in the "Pale of Settlement" (the Jewish Permanent Settlement Line)¹ led to emigration from Russian Empire (Oksman, 2000; Manevich, 1916).

The authorities of the empire were not opposed to Jewish emigration. Minister of Internal Affairs Ignatiev declared that "the western border was open to the Jews". Only in 1870-1880 on average 4.3 thousand Jews were leaving Russia for the USA, in 1881 8.1 thousand Jews left, in 1882 – 17.4 thousand, in 1886 – 17.3, in 1888 – 31.2 thousand, in 1890 – 33 thousand. And during the period from 1890–1899 375 thousand people emigrated (Oksman, 2000). In 1891–1892 there was an expulsion of Jews from Moscow and the villages. It is believed that at least 400,000 were expelled, some portion most likely went overseas (Manevich, 1916).

By 1890 there were about 4.5 million Jews in the Russian Empire, mostly living in the western part of the country (VV, 1892). The number of Jews in the Privilinsky krai was 14 per cent by 1889. The Jews mainly lived in the cities, the proportion was up to 50 per cent, in the countryside lived about 8 per cent. "...The Jewish population...is characterized by great mobility, and in the emigration fever to Brazil mentioned, it was not only the instigator of the movement, but also emigrated itself. It is generally recognized as a rule, at least in the Privilinsky krai, that the more Jews in each area, the greater the percentage of emigrants from the population" (Vjevjes, 1891: 2).

Baron Hirsch (founder of the English joint-stock company Jewish Colonization Association) planned to evict more than tree million Jews from Russia in 25 years, mostly to Argentina (OJeE, 1892). But, as the press wrote, "...the grandiose and philanthropic experience of Argentina fell far short of even minimal

¹ The Jewish Permanent Settlement Line - in the Russian Empire from 1791 to 1917 (actually until 1915), the boundary of the territory outside of which Jews were forbidden to reside permanently, with the exception of several categories, which at different times included, for example, first guild merchants, persons with higher education, serving recruits, craftsmen assigned to craft workshops, Karaites, mountain and Bukhara Jews.

expectations” (Manevich, 1916: 4). By 1908, 13,000 people lived in 6 colonies on 64,000 hectares, and about 26,000 Jews had established themselves in Buenos Aires (Oksman, 2000).

The Jewish Association was allowed to open a branch in Russia, whose main task was to assist Jews in resettling them in other countries, mainly in Argentina. Based on the regulations, Jews were allowed to resettle both as families and individually. Jews leaving the Russian Empire were given free exit certificates. Those who left under these certificates were recognized as permanently departing from the Russian Empire.

The Jewish Colonization Society was to deposit 100,000 rubles in cash or securities in the state bank, from which the Ministry of the Interior planned to cover expenses if the Jews who left the country were for some reason prevented from leaving or deported (VER, 1892).

Unlike the emigrants of 1850–1870, mostly merchants and intellectuals, a large proportion of the Jews who left in 1881–1890 belonged to the poor class (Oksman, 2000). “They had great difficulty in paying money for the journey and therefore preferred to go by cheaper ways... Predominantly through Stettin, arriving there from Russia by sea at a paltry fee on the awful decks of dilapidated ships” (ZK, 1891: 144). Most of the emigrants had no shoes and were dressed in the simplest clothes. Jews moved to America “...for the most part at the expense of Jewish charitable societies” (ZK, 1891: 144). About 85–90 per cent of Jews moved to the United States. “The resolute and permanent character of Jewish emigration from the Old World is also indicated by the strikingly low percentage of those emigrating back...” (Manevich, 1916: 6).

The emigration of Jews from Russia at the end of the 19th century can be divided into three streams. The first manifested itself in Zionism, which appeared under the influence of the national idea. The second stream was caused by the philanthropist Baron Hirsch. The third stream was caused by vital reasons. It was “...the flight of people distraught with fear and hunger, the flight to wherever they could see, the search for a piece of bread, a corner of the earth where a man would not be beaten for his faith and nationality” (Manevich, 1916: 4).

The ratio of men to women in the migration flow was, on average, 55 per cent and 45 per cent, respectively. About 65–70 per cent were between the ages of 14 and 45, and about 24 per cent were young people and children under the age of 14. These facts indicate a strong intention to change their place of residence. “No emigrating mass so thoroughly and decisively burns ships behind it as the Jewish mass” (Manevich, 1916: 12).

The motivation for the emigration of Jewish people from the Russian Empire to Brazil was mixed and included national, religious, economic, and political aspects (Pivovar, 2008).

Emigration of Germans and Mennonites

The third component of the emigration wave of 1890–1892 from the Russian Empire to Brazil was represented by Germans, mostly Mennonites (POM, 1916). The religious group of Mennonites in the Empire appeared after Catherine II issued a manifesto on December 4, 1762, inviting foreigners, except Jews, to settle in Russia (Bondar, 1916). In July 1763 an additional manifesto appeared promising benefits: foreigners were brought in at state expense, large plots of land were allocated, they were allowed to settle anywhere and do whatever they wanted, and freedom of religion was guaranteed. As a result, from 1763 to 1766 22,800 Germans settled in the Volga region alone (POM, 1916).

In the early 1870s, during the development of the statute of universal conscription, it was established that Mennonites were obliged to serve military service, but in non-military positions (POM, 1916). This event provoked the first wave of emigration of the Mennonites (about 6,000 people) living on the Volga and in Ekaterinoslav Province to Brazil. The Russian diplomat Ionin A.S. in the book “On South America” describes the migration path of Mennonites, immigrants from Russia. Emigrants from the Russian Empire seemed to the Brazilian government to be the best resource for settling the highlands of the province of Paraná. But the Mennonites refused to go inland, and the fertile lands near rivers and the sea were occupied. Two years later most of these emigrants moved to Argentina (Ionin, 1892).

The Mennonites represented the most affluent and intelligent part of all emigrants from the Russian Empire. “The Mennonite sect was a movement of prosperous rural landlords, capitalist landowners...” (Klibanov, 1913: 49). At the end of the nineteenth century, they moved mainly to the United States, renting a steamboat for this purpose, and taking with them large reserves of money. In 1889 about 200 Mennonites left the Odessa district, with up to 50,000 pounds sterling in Hamburg banks. In the first half of 1890 several hundred people left Hamburg (ZK, 1891).

Many German colonists left Samara province. Several years of crop failure led to a severe decline in economic well-being. Because of their lack of foreign passports, they made their way to the town of Vladyslavovo, which was on the border with Prussia. “At the border they always find peasants who, for a paltry fee, escort them secretly into Prussia” (JeNK, 1892: 4). The main reason for the emigration of the Mennonites from the Russian Empire was religious.

Settlement and economic activity of immigrants from the Russian Empire in Brazil: The case of the colonies in the southern states

At the end of the 19th century, different social groups of migrants came to Brazil from the Russian Empire. The most numerous were peasant migrants who went to the sparsely populated states of Brazil, such

as Paraná, Santa Catarina and Rio Grande do Sul (Prozor, 1905). The Russian migrants tilled the land, growing corn, beans, buckwheat, potatoes, beets, wheat tobacco and Paraguayan tea. Despite the favourable climate and fertile soils for farming, the Paraná colonies faced difficulties. Local government allotments were located at great distances from navigable rivers, complicating the market. Transport by rail was expensive, so the emigrants, except for beans and tobacco, consumed the produce themselves. To cover the costs of transport, fattened pigs and poultry had to be sold (Prozor, 1905).

Artisans settled in the cities of central and southern Brazil. In Rio de Janeiro they earned 5-10 milreis, and in other cities 4-8 milreis a day (one milreis was equal to 45-50 kopecks). The wives of the artisans, working as domestic servants, earned between 50 and 100 milreys a month. "...The economic situation of the settlers in the cities was incomparably better than that to which they were accustomed in Europe" (Prozor, 1905: 89). And also among the immigrants from the Russian Empire were people with an education (priests, teachers, lawyers, journalists). Some of them quickly adapted to the new reality and became newspaper staff, lawyers and entered the civil service (Prozor, 1905).

The migrants were given allowances by the administration upon arrival. But they were given in the form of coupons, which were resold for cash, sometimes at a discount of up to 50 per cent. Despite difficult living conditions, thanks to work, migrants saved up money and sent it back home. They started inviting relatives and acquaintances to move. "This is the first sign of the strength of the colonisation cause... New emigrants are no longer lured into the country by suggestive little trust in immigration agents, but are attracted mainly by their relatives and fellow villagers, who inform them of the true conditions of emigration" (Prozor, 1905: 88).

In 1877-1878, the first wave of 3809 German Russian individuals were distributed in three cities in the state of Paraná: Ponta Grossa (2381 individuals), Palmeira (1101) and Lapa (327). In Ponta Grossa about 614 families were located in 17 settlements that formed the Octávio Colony (Colônia Octávio), the largest of them. "These immigrants inhabited, since 1763, the regions of Saratov and Samara, on the Lower Volga, near the Caspian Sea, in Russia. With the loss of autonomy and privileges thanks to the growing nationalism of the 19th century, many began the process of emigration from these regions: they returned to Germany or headed to the United States, Canada, Argentina and Brazil, the most popular destinations in that context. Dom Pedro II, aware of such events and interested in the settlement of the interior of the country, facilitated the arrival of this ethnic group, especially to the southern region" of Brazil (Lisboa, 2018).

Fugmann indicates that "the Volga Germans were festively received in Paraná and that they received a lot of help, from all sides, as rarely happens with immigrants ... Countrymen would have advised the Volga Germans not to sow wheat, but they took no advice. Wheat did not produce as desired and, discouraged, many re-migrated, most of them to Argentina; others returned to Russia or looked for other places to settle in Parana" (Fugmann 2008: 39).

The distance between some settlements, as Palmeira, and the center of Ponta Grossa, combined with employment opportunities in the construction of the railroad, also discouraged many settlers from pursuing their agricultural activities. Already in the mid-1880s, a local newspaper reported the sale, at public auction, of material from the ranches abandoned by the Russian who had settled in that municipality" (ODD, 2018).

In turn, Balhana points to a significant delay of more than ten years for the Russian settlers to obtain ownership of their lots, a circumstance that certainly contributed to the abandonment of the colonies, whose lands were in addition reputed to be infertile by the immigrants (Balhana, 2002: 130). From the total of the families brought, only 233 remained. Part of them also abandoned their rural activities to transport merchandises from the hinterland to coastal areas. Actually, the Russo-German colonization, awaited with the greatest expectation, resulted in a huge disappointment (Martins, 1995: 362-363).

A singular characteristic of the colonies founded in Paraná in the 19th century was their ethnic diversity, most of them reuniting different ethnic groups. Nishikawa analyzed the composition of the colonies between 1860 and 1889 and concluded that Russians represented 15 % of the settlers, a significant fourth place behind Italians (36 %), "Polish" (19 %) and Germans (18 %) (Nishikawa, 2015: 105). This author also stresses that Paraná authorities believed that this diversity would favor a rapid integration between immigrants and Brazilians. Probably such integration did not happen as the government imagined, but the fact is that Russians found themselves scattered among different colonies:

Table 3. Immigrants from Russian Empire in Parana colonies in 1860–1889 (IR 2015; Nishikawa, 2015: 122)

Colony	Number of Russians	Per cent
Tavares Bastos	450	20.8
Tybagi	406	18.8
Santa Quitéria	290	13.4
Guarauna	191	8.8
Lago	186	8.6
Wilmond	162	7.5
Johanisdorf	131	6.0
Moema	76	3.5

D. Luiza	70	3.2
Pugas	66	3.0
Euridice	62	2.9
Marienthal	48	2.2
Quero Quero	24	1.1
Total	2162	100

This pattern continued for decades. In 1907, for example, the federal government founded the colony of Ivaí, a few miles west of Ponta Grossa. Eight years later, it had approximately 2,560 Austrians, 590 Russians, 471 Brazilians, 84 Germans, 18 Dutch and 5 Swiss. In 1918, a more complete statistics indicates 3,854 individuals, among them Polish and Ukrainians come from Galicia, but that were registered as Austrians, Germans or Russians (Koss, 2015).

5. Conclusion

Emigration from Russia to the Americas began in 1870-1880. It gradually increased, with the population moving predominantly to the United States. South American countries, including Brazil, were not a popular destination for Russian emigrants. The first Russian subjects to emigrate to Brazil in the 1870s were Mennonites, about 6,000 of them moved to Brazil.

Splash of emigration from the Russian Empire in Brazil came at the end of XIX century. The number of subjects of the Russian Empire, came to Brazil from 1879 to 1900, was about 45 thousand people. The largest streams of Russian nationals to Brazil in the 19th century were observed in 1890 and 1891, when 29 thousand (1890) and 10 thousand (1891) people arrived through the ports of Hamburg and Bremen.

The large-scale flow of emigrants from the Russian Empire to Brazil in 1890-1891 was made possible by external and internal reasons. External reasons for Russia include the introduction of immigration measures by the Brazilian government: free steamship tickets, allocation of land, payment of wages, incentives to steamship companies for delivering migrants above a certain number, and the active work of immigration agents among the Russian population. Domestic causes for Russia included the economic crisis; the famine caused by the poor harvests of 1889 and 1891; the high proportion of landless and land-poor peasants; the underdevelopment of factory industry and low wages.

The ethnic composition of migrants from the Russian Empire to Brazil changed significantly. Ethnic Russians and Orthodox until the end of the 19th century predominantly migrated to the east of the country. Ethnic Poles participated in temporary (return) labor migration: there was a surplus of labour resources in the Privislinsky krai, and wages were 25 per cent less than the national average. Jewish programs in Russia in the second half of the 19th century, the introduction of restrictive laws, and overpopulation in the “the Jewish permanent settlement line” forced Jews to emigrate. Part of the Jews went to their historical homeland of Palestine, and another flow headed for Argentina, to lands purchased for Jewish colonies by Baron Hirsch. The Mennonites were the most affluent, and they emigrated for religious reasons. The absence of an ethnically Russian and Orthodox population in the emigration flows was due to limited information about opportunities to emigrate to the New World.

The Privislinsky krai shared a border with Prussia, whose population took an active part in the migration to America. The population of the Privislinsky krai was one of the most literate in the Empire, which also allowed for greater access to information. Immigration agents who appeared in the region in the 1890s and free steamboat tickets provoked mass migration. Russian Germans and Jews living in the Russian Empire, keeping in touch with their communities abroad, had an idea of opportunities abroad.

6. Acknowledgements

The article was prepared with the support of FAPESP – Fundação de Amparo à Pesquisa do Estado de São Paulo (process # 2022/04437-3).

References

- Arseniev, 1907 – Arseniev, S. (1907). Pereselencheskoe dvizhenie cherez Gamburg v 1906 godu [Resettlement movement through Hamburg in 1906]. *Sbornik konsul'skih donesenij*. Issue V: 374-376. [in Russian]
- Balhana, 2002 – Balhana, A.P. (2002). Un Mazzolino de Fiori [A Bouquet of Flowers]. Vol. 1. Curitiba: Imprensa Oficial. 514 p. [in Portuguese]
- Bondar, 1916 – Bondar, S.D. (1916). Sekta menonitov v Rossii [The Mennonite sect in Russia]. Petrograd. 207 p. [in Russian]
- BP, 1914 – Begstvo pereselencev [Flight of migrants]. *Enisejskaja mysl'*. 1914. May 30. 114: 3. [in Russian]
- Bytsenko, 2006 – Bytsenko, A. (2006). Imigração da Rússia para o Brasil no início do século XX. Visões do Paraíso e do Inferno. (tese de doutorado) [Immigration from Russia to Brazil in the early twentieth century. Visions Of Paradise and Hell. (doctoral thesis).]. São Paulo: FFLCH/USP. 134 p. [in Portuguese]

- Decol, 1921** – *Decol, R.* (1921). Uma história oculta: a imigração dos países da Europa do Centro-Leste para o Brasil. Anais do XII Encontro Anual da ABEP [A hidden history: immigration from Central-Eastern European countries to Brazil. Proceedings of the XII annual meeting of ABEP]. [Electronic resource]. URL: <http://www.abep.org.br/publicacoes/index.php/anais/article/view/973/938> (date of access: 20.02.2023). [in Portuguese]
- Decreto, 1890** – Decreto nº 528, de 28 de Junho de 1890. [Electronic resource]. URL: <https://www2.camara.leg.br/legin/fed/decret/1824-1899/decreto-528-28-junho-1890-506935-publicacao-original-1-pe.html> (date of access: 15.01.2023).
- DNP, 1890** – Dela i nuzhdy provincii [Affairs and needs of the province]. *Syn otechestva*. 1890. 20 April. 104: 3. [in Russian]
- Duby, 1987** – *Duby, G.* (1987). Atlas Histórico Mundial [World Historical Atlas]. Madrid: Debate. 315 p. [in Spanish]
- EBGE 1954** – EBGE. Anuaario Estatístico do Brasil – 1954 [Statistical Yearbook of Brazil-1954]. (1954). Rio de Janeiro: Conselho Nacional de Estatística. 671 p. [in Portuguese]
- ER, 1906** – Ezhegodnik Rossii 1905 g. (god vtoroj) (1906) [Yearbook of Russia 1905 (year two)]. Saint-Petersburg. 749 p. [in Russian]
- ER, 1908** – Ezhegodnik Rossii 1908 g. (god pjatyj) [The Yearbook of Russia 1908 (the fifth year)]. 1908. Saint-Petersburg. 463 p. [in Russian]
- Falbork, 1892** – *Fal'bork, G.A.* (1892). Glavnye mery bor'by s golodom, kak neobhodimym posledstviem neurozhaja u nas v Rossii: Doklad v sobranii 3-go otdelenija 25 janvarja 1892 goda [The main measures to combat hunger as a necessary consequence of crop failure in Russia: Report to the meeting of the 3rd department on January 25, 1892]. Saint-Petersburg. 40 p. [in Russian]
- Fig. 1** – Map of the Russian Empire at the end of the 19th century. [Electronic resource]. URL: https://fedoroff.net/load/maps/karta/istoricheskaja_karta_rossijskoj_imperii/90-1-0-257 (date of access: 07.02.2023).
- Fig. 3** – Map of the Privislinsky krai (Vistula Land) at the end of the 19th century. [Electronic resource]. URL: <http://planetolog.ru/maps/history/privislinskaya.jpg> (date of access: 07.04.2023).
- Fugmann, 2008** – *Fugmann, W.* (2008). Os alemães no Paraná [The Germans in Parana]. Ponta Grossa: Editora UEPG. 382 p. [in Portuguese]
- Goncalves, 2017** – *Goncalves, P.C.* (2017). Slaves and immigrants are what matter: sourcing and control of the workforce for the agro-exporting economy in the Eighteenth Century. *Almanack*. 17: 307-361.
- Ionin, 1892** – *Ionin, A.S.* (1892). Po Juzhnoj Amerike. V dvuh tomah [South America. In two volumes]. Saint-Petersburg. 462 p. [in Russian]
- IR 2015** – Immigrant Registrations. Parana Public Archives (many years) apud Nishikawa. 2015. 239 p.
- Itogi..., 1891** – Itogi jemigracionnogo dvizhenija v Braziliju v 1890 g. (1891) [The results of the emigration movement to Brazil in 1890]. *Varshavskij dnevnik*. January 29. 24: 2. [in Russian]
- Iz Neshavy, 1891** – Iz Neshavy [From Neshava]. 1891. February 1. 27: 3. [in Russian]
- Janson, 1878** – *Janson, Ju.Je.* (1878). Sravnitel'naja statistika Rossii i zapadno-evropejskih gosudarstv [Comparative statistics of Russia and Western European states]. V. 1. Saint-Petersburg. 372 p. [in Russian]
- JeA, 1890** – Emigracija v Ameriku [Emigration to America]. *Syn otechestva*. 1890. August 24. 226: 3. [in Russian]
- JeEG, 1914** – Emigracija iz Enisejskoj gubernii [Emigration from the Yenisei province]. *Enisejskaja mys'*. 1914. July 6. 146: 2. [in Russian]
- JeNK, 1892** – Emigracija nemeckih kolonistov [Emigration of german colonists]. *Syn otechestva*. November 21. 318: 4. [in Russian]
- JeR, 1890** – Emigracija v Rossii [Emigration in Russia]. *Syn otechestva*. 1890. August 2. 205: 3. [in Russian]
- Kabuzan, 1998** – *Kabuzan, V.M.* (1998). Emigracija i rejemigracija v Rossii v XVIII – nachale XX veka [Emigration and re-emigration in Russia in the XVIII – early XX centuries]. Moscow. 270 p. [in Russian]
- Klibanov, 1913** – *Klibanov, A.* (1913). Menonity [Mennonites]. Moscow-Leningrad. 108 p. [in Russian]
- Korolev, 1972** – *Korolev, N.V.* (1972). Strany Juzhnoj Ameriki i Rossija [South American countries and Russia]. Chisinau. 180 p. [in Russian]
- Koss, 2015** – *Koss, L.* (2015). “O processo migratório e a formação da Colônia Federal Ivaí no início do século XX”. XXVII Simpósio Nacional de História [“O processo migratório e a formação da Colônia Federal Ivaí no principio do século XX”. XXVII National Symposium on history]. [Electronic resource]. URL: http://www.snh2015.anpuh.org/resources/anais/39/1434242369_ARQUIVO_LucimaraKoss.pdf (date of access: 27.02.2023). [in Portuguese]
- Kruzenshtern, 1902** – *Kruzenshtern, I.* (1902). Emigracionnoe delo v Gamburgue [Emigration case in Hamburg]. *Collection of consular reports*. Issue II: 131-140. [in Russian]
- Lee, 2019** – *Lee, A.P.* (2019). A estética da exclusão: imigrantes chineses em culturas visuais brasileiras na virada do século XX [The aesthetics of exclusion: Chinese immigrants in Brazilian visual cultures at the turn of the twentieth century]. *Afro-Asia*. 60: 149-186. [in Portuguese]

- Lei, 1892** – Lei n° 97, de 5 de outubro de 1892. [Electronic resource]. URL: <https://www2.camara.leg.br/legin/fed/lei/1824-1899/lei-97-5-outubro-1892-541345-publicacaooriginal-44841-pl.html> (date of access: 15.01.2023).
- Lei, 1899** – Lei n. 673, de 9 de setembro de 1899. [Electronic resource]. URL: <https://www.al.sp.gov.br/repositorio/legislacao/lei/1899/lei-673-09.09.1899.html> (date of access: 15.01.2023).
- Lisboa, 2018** – *Lisboa, E.L.* (2018). Colônia Octávio e a presença dos alemães do Volga em Ponta Grossa [Octavian colony and the presence of the Volga Germans in Ponta Grossa]. [Electronic resource]. URL: <https://www2.uepg.br/dicion/colonia-octavio-e-a-presenca-dos-alemaes-do-volga-em-ponta-grossa/> (date of access: 19.02.2023). [in Portuguese]
- Lohr, 2017** – *Lohr, E.* (2017). Russian citizenship: from empire to Soviet Union. *New Literary Review*. Harvard University Press. Russian History Series. 344 p.
- Manevich, 1916** – *Manevich, I.A.* (1916). Emigracija evreev [Emigration of Jews]. Moscow. 33 p. [in Russian]
- Martin, Zurcher, 2008** – *Martin, P., Zurcher, G.* (2008). Managing migration: the global challenge. *Population Bulletin*. V. 63, 1: 3–20.
- Martins, 1995** – *Martins, R.* (1995). História do Paraná [History of Parana]. Curitiba: Farol do Saber. 378 p. [in Portuguese]
- Mery, 1891** – Mery protiv posledstvija neurozhaja [Measures against the consequences of crop failure]. *Vestnik finansov, promyshlennosti i trgovli*. 1891. 31: 273-278. [in Russian]
- MH, 1890** – Mestnaja hronika [Local chronicle]. *Varshavskij dnevnik*. 1890. October 10. 220: 2. [in Russian]
- MH, 1891** – Mestnaja hronika [Local chronicle]. *Varshavskij dnevnik*. 1891. August 20. 184: 3. [in Russian]
- Moseikina, 2014** – *Moseikina, M.N.* (2014). U istokov formirovanija Russkogo mira. XIX – nachalo XX veka [At the origins of the formation of the Russian world. XIX – early XX century]. V. 1. Moscow. 392 p. [in Russian]
- Neurozhaj, 1891** – Neurozhaj [Crop failure]. *Varshavskij dnevnik*. 1891. September 17. 206: 1. [in Russian]
- Nishikawa, 2015** – *Nishikawa, R.B.* (2015). As Colônias de imigrantes na Província do Paraná, 1854–1889. (tese de doutorado) [The immigrant colonies in the province of Paraná, 1854–1889. (doctoral thesis)]. São Paulo: FFLCH/USP. 239 p. [in Portuguese]
- ODD, 2018** – O Dezenove de Dezembro [The nineteenth of December]. 21 July 1880. P. 2. *Apud Lisboa*. 2018. [in Portuguese]
- OJeE, 1892** – Ob emigracii evreev [About the emigration of Jews]. *Syn otechestva*. 1892. August 4. 210: 3. [in Russian]
- Oksman, 2000** – *Oksman, A.K.* (2000). Istorija evreev v Rossijskoj Imperii i Sovetskom Sojuze [The History of Jews in the Russian Empire and the Soviet Union]. Second edition. Jerusalem. 143 p. [in Russian]
- OPA, 1890** – O pereselenii v Ameriku [About moving to America]. *Syn otechestva*. 1890. August 16. 218: 3. [in Russian]
- PD, 1906** – Pereselencheskoe dvizhenie cherez Gamburg i Bremen v 1905 godu [Resettlement movement through Hamburg and Bremen in 1905]. *Sbornik konsul'skih donesenij*. 1906. Issue III: 258-266. [in Russian]
- Pivovar, 2008** – *Pivovar, E.I.* (2008). Rossijskoe zarubezh'e: social'no-istoricheskij fenomen, rol' i mesto v kul'turno-istoricheskom nasledii [Russian Abroad: socio-historical phenomenon, role, and place in cultural and historical heritage]. Moscow. 545 p. [in Russian]
- POM, 1916** – Pravda o menonitah [The truth about the Mennonites]. *Novoe vremja*. 1916. September 6. 14549: 6. [in Russian]
- Poznan, 1890** – Poznan [Poznan]. *Prilozhenie k «Rizhskomu vestniku»*. 1890. December 19. 281:1. [in Russian]
- PP, 1891a** – Pol'skaja pechat' [Polish seal]. *Varshavskij dnevnik*. 1891. May 22. 113: 2. [in Russian]
- PP, 1891b** – Pol'skaja pechat' [Polish seal]. *Varshavskij dnevnik*. 1891. June 1. 121: 3. [in Russian]
- Prozor, 1905** – *Prozor, M.* (1905). Russkie emigranty v Brazilii [Russian emigrants in Brazil]. *Sbornik konsul'skij donesenij*. Issue: III: 85-92. [in Russian]
- Putyatova, 2006** – *Putyatova, Je.G.* (2006). Rossija i Uzhnaja Amerika: trudovaja jemigracija i diplomatičeskie otnoshenija v konce XIX – nachale XX vv. [Russia and South America: Labor emigration and diplomatic Relations in the late XIX – early XX centuries]. Saint-Petersburg. 159 p. [in Russian]
- Pyankov, Mihalev, 2015** – *P'jankov, S.A., Mihalev, N.A.* (2015). Golod 1891-1892 v Rossii v sovetskoj i sovremennoj otechestvennoj istoriografii [The Famine of 1891–1892 in Russia in Soviet and Modern Russian Historiography]. *Vestnik vjatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta*. 1: 44-55. [in Russian]
- RIP, 1891** – Russkaja i inostrannaja pechat' [Russian and foreign press]. *Pravda*. 1891. March 24. 12: 100. [in Russian]

RPD, 1899 – Russkoe pereselencheskoe dvizhenie cherez Gamburg i Bremen za 1898 god (1899) [Russian migration movement through Hamburg and Bremen in 1898]. *Sbornik konsul'skih donesenij*. 1899. Issue: 226-230. [in Russian]

RPD, 1901 – Russkoe pereselencheskoe dvizhenie cherez Gamburg i Bremen za 1900 god [Russian migration movement through Hamburg and Bremen in 1900]. *Sbornik konsul'skih donesenij*. 1901. Issue: 210-215. [in Russian]

Ryazantsev et al., 2022 – *Ryazantsev, S.V., Smirnov, A.V., Ladik, M.V. (2022)*. Migracija kak odin iz faktorov rasprostraneniya "russkogo gripa" v 1889–1890 gg. [Migration as one of the factors of the spread of the "Russian flu" in 1889–1890]. *Migracionnoe pravo*. 1: 3-8. [in Russian]

Tomashevskij, 1902 – *Tomashevskij, G. (1902)*. Pereselencheskoe dvizhenie 1901 cherez Bremen [The resettlement movement of 1901 through Bremen]. *Sbornik konsul'skih donesenij*. Issue: 274-283. [in Russian]

Tomashevskij, 1903 – *Tomashevskij, G. (1903)*. Pereselencheskoe dvizhenie 1902 cherez Bremen (1903) [The resettlement movement of 1902 through Bremen]. *Sbornik konsul'skih donesenij*. Issue: 230-238. [in Russian]

VER, 1892 – Vyselenie evreev iz Rossii [Eviction of Jews from Russia]. *Syn otechestva*. 1892. July 23. 198: 2. [in Russian]

Vjevjes, 1891 – *Vjevjes (1891)*. Demografija Carstva Pol'skogo [Demographics of the Kingdom of Poland]. *Varshavskij dnevnik*. February 20. 44: 2. [in Russian]

VNS, 1891 – V nashih stat'jah ob jemigracionnom dvizhenii v krae [In our articles about the emigration movement in the region]. *Varshavskij dnevnik*. 1891. June 15th. 132: 1–2. [in Russian]

Vnutrennie, 1890 – Vnutrennie [Internal]. *Peterburgskij listok*. 1890. November 24th. 322: 3. [in Russian]

Vnutrennjaja pochta, 1892 – Vnutrennjaja pochta [Internal Mail]. *Novosti i birzhevaja gazeta*. 1892. May 26. 143: 3. [in Russian]

Voblyj, 1905 – *Voblyj, A.G. (1905)*. Zaatlanticheskaja jemigracija, ee prichiny i sledstvija: Opyt statistiko-ekonomicheskogo issledovanija [Transatlantic emigration, its causes and consequences: Experience of statistical and economic research]. Varshava. 195 p. [in Russian]

VV, 1892 – Vyselenie evreev [Eviction of Jews]. *Novosti i birzhevaja gazeta*. 1892. June 3. 151: 1. [in Russian]

Yanovsky, 1909 – *Yanovsky, S.Ja. (1909)*. Russkoe zakonodatel'stvo i jemigracija [Russian legislation and emigration]. *Zhurnal ministerstva justicii*. 4: 86-114. [in Russian]

ZK, 1891 – Zarabotki krest'jan i jemigracija v Ameriku v gubernijah Carstva Pol'skogo: sravnitel'naja statistika zarabotkov sel'skogo naselenija v Suvalkskoj gubernii i jemigracija v Ameriku (1891) [Peasant earnings and emigration to America in the provinces of the Kingdom of Poland: comparative statistics of rural earnings in the Suwalki province and emigration to America]. Varshava. 210 p. [in Russian]

Copyright © 2023 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2023. 18(2): 858-868
 DOI: 10.13187/bg.2023.2.858

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Journal “Zodchij” of 1872 as a Historical Source on the Theory of Urban Planning in the Russian Empire

Anastasia V. Kistova ^{a, b, *}, Natalya A. Sergeeva ^a, Tikhon K. Ermakov ^a, Anna A. Omelik ^a

^a Siberian Federal University, Russian Federation

^b Krasnoyarsk Art Museum named after V.I. Surikov, Russian Federation

Abstract

The topicality of this study is associated with the formation and dissemination of the theory of urban planning, and the aesthetic and functional features of the architecture of that period in the Russian Empire in the second half of the 19th century. A significant role in this process was played by the beginning of the publication of the architectural and artistic and technical journal “Zodchij” in 1872, since it was on its pages that the studies of architects and historians of ancient Russian architecture were published, the need for a stylistic definition of the “Russkii stil” (“Russian style”) in architecture was substantiated, and projects of urban and private structures, as well as a monthly review of the work of the St. Petersburg Society of Architects. The publications of this historical source were examined using the methods of qualitative and quantitative content analysis. The study made it possible to establish the influence of the activities of the Society of Architects on the formation of the theory of urban planning in the Russian Empire, to identify trends in the application of functional and aesthetic solutions based on domestic and foreign architectural traditions, and to consider the trend in the development and formation of stylistic solutions aimed at developing the national idea of urban planning and formulating “Russian style” in architecture.

Keywords: urban planning, St. Petersburg Society of Architects, “Zodchij”, architectural monuments, “Russkii stil”, aesthetics and functionality in architecture, stylistics, architectural traditions, theory of urban planning, urban environment.

1. Введение

В 1872 году Санкт-Петербургское общество архитекторов инициирует выпуск архитектурного и художественно-технического журнала «Зодчий», что становится предпосылкой и значимым фактором для формирования и развития теории градостроительства в Российской империи. Богатые материалы журнала, посвященные архитектурным и художественным особенностям отечественного и зарубежного градостроения, становятся источником для интенсивного развития «русского стиля» в архитектуре и обогащают функциональность городских и частных сооружений. Кроме того, деятельность Общества архитекторов формирует историческую значимость публикаций, посвященных теории отечественного градостроения.

Целью настоящего исследования является анализ материалов на страницах журнала «Зодчий», позволяющих исследовать особенности формирования теории градостроительства в дореволюционной России и выявление факторов, определяющих стилистические и технологические особенности городской архитектуры второй половины XIX века. В качестве материала для исследования выбраны журналы «Зодчий», опубликованные в 1872 году.

* Corresponding author

E-mail addresses: kistochka7@mail.ru (A.V. Kistova), nasergeeva@sfu-kras.ru (N.A. Sergeeva), erm-tihon@mail.ru (T.K. Ermakov), omelik@inbox.ru (A.A. Omelik)

2. Материалы и методы

Источником исследовательского материала для написания данной статьи послужили номера архитектурного и художественно-технического журнала «Зодчий», вышедшие в период с января по декабрь 1872 года. Это первый год выпуска журнала, и именно в этот период укрепляется интерес к традициям русской архитектуры как источнику эстетического вдохновения для градостроителей. Кроме этого, формируется Петербургское общество архитекторов, деятельность которого оказала сильное влияние на формирование теории градостроительства в Российской империи и развитие сообщества архитекторов и градостроителей.

Журнал «Зодчий» явился детищем Петербургского общества архитекторов и выступил его официальным средством коммуникации с сообществом профессионалов и любителей архитектуры и искусства, а также стал одним из главных источников развития теории градостроительства.

Исследование проведено с помощью двух методов. С помощью количественного контент-анализа было оценено распределение материалов, посвященных теории градостроительства, деятельности Общества архитекторов и стилистическим вопросам в публикациях журнала за 1872 год. С помощью качественного контент-анализа материалов журнала «Зодчий» удалось выявить стилистические и функциональные тенденции, на которые опирались архитекторы и градостроители при проектировании зданий, а также проанализировать деятельность Петербургского общества архитекторов и его влияние на развитие теории градостроительства в Российской империи.

3. Обсуждение

Журнал «Зодчий» является важным историческим источником для проведения исследований в сфере архитектуры, искусствоведения и градостроительства.

В своем исследовании архитектурной графики модерна Е.А. Черная (Черная, 2017) обращается к материалам журнала «Зодчий» как к богатому иллюстративному источнику изображений фасадов и перспектив архитектурных проектов.

Ю.С. Замараева, Н.Н. Середкина, Д.С. Пчелкина, Н.Н. Пименова (Замараева и др., 2023) проанализировали отражение научно-технического прогресса в общественной, жилой и городской архитектуре на основе публикаций журнала «Зодчий» за 1902 год, отметив также вклад общества архитекторов и инженеров в научно-технический прогресс.

В процессе анализа публикаций о зарубежной архитектуре в дореволюционной периодике Российской империи Брамфилд (Брамфилд, 2017) обращается к материалам журнала «Зодчий». Основной сферой его интересов является анализ статей, посвященных американской архитектуре, инженерным конструкциям и городскому благоустройству.

Н.М. Лещинская, А.А. Ситникова, Е.А. Сергакова, Н.П. Копцева (Лещинская и др., 2022) на основе публикаций в журнале «Зодчий» проанализировали формирование и распространение «русского стиля» в архитектуре Российской империи в конце XIX – начале XX веков и выявили характерные особенности «русского стиля» в архитектуре.

В данном исследовании журнал «Зодчий» рассматривается как исторический источник материалов, оказавших влияние на формирование теории градостроительства в Российской империи во второй половине XIX века.

4. Результаты

Периодическое печатное издание архитектурного и художественно-технического журнала «Зодчий» было инициировано Императорским Санкт-Петербургским обществом архитекторов и являлось органом и транслятором официальной позиции данного общества. Одним из основателей и редактором журнала выступил И.С. Китнер – архитектор, почетный член Императорской Академии художеств и председатель Императорского Санкт-Петербургского общества архитекторов. В журнале обширно освещалась и документировалась деятельность общества архитекторов: обсуждаемые вопросы, принятые решения, количество, статус и имена членов сообщества, а также публиковались материалы о городских и частных сооружениях, иллюстративный материал, обзоры технических нововведений и стилистические исследования.

В издании журнала за 1872 год регулярно публиковались материалы, связанные с формированием теории градостроительства, а также исследовательские материалы, посвященные историческим памятникам архитектуры и поиску стилистических решений. Публикации, посвященные этой тематике, можно объединить по общности рассматриваемой тематики.

Санкт-Петербургское общество архитекторов у истоков формирования системы взглядов по теории градостроительства

Санкт-Петербургское общество архитекторов сыграло немаловажную роль в формировании системы взглядов на градостроительство в Российской империи. Деятельность общества была поддержана князем Владимиром Александровичем и направлена на сохранение русского стиля в Российской империи, а также ее репрезентации на мировых заграничных выставках.

В ежемесячном художественно-техническом журнале «Зодчий» представлен обзор основных событий архитектурной жизни России и за рубежом, фактов, документов, и, что самое ценное для

архитектора, чертежей и рисунков. Журнал непосредственно отражает исторические процессы, позволяющие воссоздать представление эпохи XIX века.

Особое значение для развития архитектуры и градостроительства в России имело Санкт-Петербургское объединение архитекторов, деятели которого изучали иностранный опыт архитектурных технологий, вносили вклад в развитие русского стиля в архитектуре, изучали новые материалы и их особенности. Ежемесячно в журнале публиковались обзоры и протоколы заседаний Петербургского общества архитекторов, темы докладов, фамилии и имена референтов, кратко представлялась основная суть обсуждаемого вопроса, причины и следствия того или иного рассматриваемого архитектурного процесса, возражения по рассматриваемому материалу, а также ответы на вопросы, поступающие в Объединение. Обзоры представлены архитектором Яковом Васильевичем Лангвагеном. Все это стало основанием для формирования системы взглядов и суждений в области архитектуры, в том числе и градостроительства.

Первая статья «Обзор деятельности Санкт-Петербургского общества архитекторов» в январском номере 1872 года посвящена истории создания объединения, его деятельности за предыдущий 1871 год и основным проблемам, которые волновали членов организации в первые годы ее создания.

Инициатива организации общества принадлежит русскому архитектору, академику и профессору архитектуры Императорской Академии художеств Виктору Александровичу Шретеру (Лангваген, 1872: 4). Начало деятельности положили члены кружка Архитекторов еще в 1862 году, которые еженедельно встречались на частных квартирах и занимались составлением рисунков на премии, переводами специализированных журналов, рассмотрением и обсуждением работ, и главное – разработкой устава. В 1864 году 24 января председатель Санкт-Петербургского кружка архитекторов Андрей Карлович Кейзер обратился к архитекторам с просьбой поддержать идею создания Общества Архитекторов, чем вызвал оживленный интерес приглашенных. С 1865 года общество начинает свои первые публичные проявления и печатает премированные рисунки в ежемесячном журнале «Ремесленник» издательства А. Бегрова (Лангваген, 1872: 5). В этом же году была создана комиссия для внесения правок в Устав общества, в которую вошли архитекторы Александр Иванович Резанов, Давид Иванович Гримм, Николай Леонтьевич Бенуа, Рудольф Богданович Бернгард, Андрей Карлович Кейзер, Виктор Александрович Шретер и Доримедонт Доримедонтович Соколов. После окончательного рассмотрения Устава он был представлен Вице-президентом Императорской Академии Художеств Юлием Ивановичем Стенбока Министру Двора на утверждение. Устав общества был утвержден лишь в 1870 году.

На первом собрании (после утверждения Устава), которое состоялось 10 ноября 1871 года, было принято решение избрать председателем А.И. Резанова, старшинами Д.И. Гримма, Р.Б. Бернгарда, Э.И. Жиберта и В.А. Шретера, последний также был избран секретарем. Библиотекарем избрали Иеронима Севастьяновича Китнера. По представившейся возможности члены Правления обратились к Великому князю Владимиру Александровичу с просьбой предоставить для Общества зал Академии Художеств. Просьба была удовлетворена (Лангваген, 1872: 5). Позднее, в октябре 1872 года в Обществе был рассмотрен вопрос о бесплатном вступлении членов, не имеющих специального образования, но готовящихся в десятичники (Лангваген, 1872f: 191). Членский билет выдавался только единожды при вступлении в Общество (Лангваген, 1872g: 212).

Деятельность общества была направлена на рассмотрение вопросов, связанных с архитектурными технологиями, материалами, расчетами построек; причин разрушений зданий или аварий, случившихся из-за нарушений технологии; чтение статей, посвященных архитектуре; формирование фонда рисунков, чертежей и библиотеки. Интерес к вопросам, рассматриваемым Обществом, был вызван и у граждан, не вступивших в общество, но имеющих интерес к архитектуре и градостроительству. Идея создания журнала во многом бы расширила круг заинтересованных лиц и дала возможность следить за архитектурной жизнью. Также они считали, что журнал мог служить органом Санкт-Петербургского общества.

Еще одной предпосылкой к формированию теоретической системы взглядов на архитектуру и градостроительство стало участие Общества в Московской политехнической выставке 1872 года. Обзору архитектурной части Политехнической выставки посвящены две статьи российского инженера-архитектора, профессора Института гражданских инженеров Василия Петровича Куроедова (Куроедов, 1872a: 105-112; Куроедов, 1872b: 139-142). Задачей, которую перед собой ставили организаторы выставки, был сбор экспонатов для Музея прикладных знаний. Присутствовавший на собраниях в январе 1872 года секретарь Русского Технического общества Н.О. Львов пригласил членов Общества Архитекторов принять участие в составлении технического отдела при Музее прикладных знаний (Лангваген, 1872a: 18). Выставка представляла собой богатое собрание рисунков и чертежей, в том числе и полную коллекцию рисунков дворца Великого Князя Владимира Александровича, фотографии и чертежи (Лангваген, 1872a: 45), рисунки и чертежи современных общественных построек, частных и религиозных (Куроедов, 1872b: 139). По строительной части интерес архитекторов был направлен на павильоны исторического отдела, технико-архитектурного, храма Христа Спасителя и др.

В октябре 1972 года при обсуждении вопроса об участии Общества во всемирной венской выставке 1973 года и по рекомендации Великого князя Владимира Алексеевича Санкт-Петербургскому обществу Архитекторов рекомендовано было примкнуть к Академии художеств (Лангваген, 1872f: 192).

Еще одним видом работ по созданию системы взглядов на архитектуру и градостроительство стало формирование каталога технических и художественных журналов, издаваемых на русском и иностранных языках. Также Обществом было принято решение издавать работы учеников Академии художеств в приложении к «Зодчему», сохраняя при этом право первенства выбора работ (Лангваген, 1872g: 212).

Санкт-Петербургским обществом архитекторов был поднят ранее уже находящийся в разработке вопрос о публичных конкурсах. Архитектору Арнольду было поручено изучить конкурсные формы за границей, составить предварительную программу и предложить ее для обсуждения Обществу (Лангваген, 1872g: 212).

Одним из важных вопросов в области архитектуры был вопрос о необходимости изучать русскую архитектуру, ее стиль. Членами общества были изучены вопросы, касающиеся русского стиля. Так, например, была изучена статья Л.В. Даля «О материалах для истории Русской Архитектуры» (Лангваген, 1872a: 17). Особое внимание к памятникам русской архитектуры было вызвано докладом В.П. Куроедова об истребляемых и обезображиваемых реставрацией памятников русского зодчества (Лангваген, 1872a: 18) Ранее неоднократно в обществе поднимался вопрос об изыскании средств для сохранения древних памятников русского зодчества (Лангваген, 1872: 6).

Таким образом, можно заключить, что деятельность членов Общества архитекторов была направлена на сбор информации, ее анализ и сохранение, что не могло не отразиться на формировании предпосылок теории по градостроительству Российской империи. Так, например, на одном из собраний Общества был представлен доклад русского архитектора, академика архитектуры Императорской Академии художеств Павла Юрьевича Сюзора о развитии цементного производства и о качестве цементов русских заводов, повлекшее за собой выступление Г. Шуловченко о различных способах приготовления цемента (Лангваген, 1872c: 59).

Следует отметить формирование Обществом библиотеки технических и художественных журналов по архитектуре и градостроительству российских и зарубежных изданий, чертежей, рисунков, перевод зарубежных статей с последующим обсуждением на собраниях. Планирование издания приложения к журналу «Зодчий» выпускных работ учащихся Академии художеств и проведение конкурсов с поощрением – все это способствовало формированию комплексного подхода к решению функционально-практических, а также эстетических архитектурно-художественных задач в области архитектуры и градостроительства.

Обзор памятников архитектуры в контексте теории градостроительства

Особое место в рассматриваемой подборке выпусков журнала «Зодчий» занимает группа текстов, посвященная описанию конкретных проектов градостроительной архитектуры (реализованных или только планирующихся к реализации). Так, из всех текстовых материалов за 1872 год конкретным памятникам посвящена примерно четверть. Из них 2 проекта связаны непосредственно с устройством городской территории (проспект имени Александра II и Адмиралтейская набережная), 2 относятся к строительству частных жилых домов, а оставшиеся 11 представляют собой различные общественные учреждения (бани, ретирадники, школы, церкви, больницы и т.д.).

Большая часть описаний сводится, в первую очередь, к техническим характеристикам здания, к используемым материалам и инженерным решениям. Однако в нарративе присутствуют различные оценочные суждения и отступления в сторону (например, масштабная историческая заметка про ход строительства домов для душевнобольных). Благодаря таким текстовым отступлениям становится возможным выделить некоторые тенденции теоретического осмысления градостроительства.

На наш взгляд, уместным будет выделить своеобразный «ландшафт знания», в рамках которого происходит теоретическая оценка конкретных градостроительных проектов. Эта общая схема может быть сформирована через ряд оппозиций, которые достаточно явно присутствуют в сообщениях о памятниках архитектуры: функция-эстетика, национальное-общемировое, коллективное-индивидуальное.

Ведущей диспозицией, через которую происходит теоретическое осмысление градостроительных проектов, становится отношение между функциональным назначением здания и его эстетическими характеристиками. Так, описание всех общественных проектов начинается с жесткой привязки проекта к его функциональному назначению, которым и определяется его план. Наиболее очевидно данная тенденция прослеживается в заметках о «Школе и Церкви» и «Доме презрения душевнобольных». И в том, и в другом случае достаточно емкое описание конкретных решений дополняется развернутым описанием исторического развития планировок или выдержками из наиболее актуальных правовых документов, в которых описаны требования к планировкам. Для иных общественных учреждений, например, бань или ретирадников, где нет четкой документальной

базы, описания зачастую сводятся к оправданию инженерных решений архитектора необходимостью улучшить функциональную составляющую здания.

С другой стороны, при разговоре о частных жилых домах авторы статей апеллируют в первую очередь к эстетическим соображениям. Ключевыми категориями здесь выступают «красота», «уместность», именно из эстетических соображений создаются планы домов и оформление их фасадов. Например, необходимость перестройки дома Бутурлина автор проекта формулирует как «сломать этот *уродливый* дом и построить на его месте *хорошую* русскую избу».

Важно отметить, что ось «функция-эстетика» уравнивается при обсуждении проектов, нацеленных непосредственно на обустройство городской среды (набережная и проспект). Как только возникает вопрос необходимости реализации этих проектов, автор всегда подчеркивает функциональную сторону вопроса (зачастую – транспортные возможности дороги) и потенциал проекта в области эстетического переустройства окружения.

Описанная ранее ось тесно связана с вопросами об источниках тех оценок, которые ложатся в основу распределения памятников. Что считать красивым? Что считать выполняющим свои функции? В приведенных текстах мы видим два принципиальных подхода к решению этой проблемы: некая отечественная, национальная традиция и зарубежный опыт.

В первом случае упор делается на развитие оригинальных стилей для решения эстетических проблем и на соответствие специфическим условиям как России в целом, так и отдельных губерний. Эстетика отечественного проявляется в устройстве церковных сооружений, в оформлении частных домов. Причем во втором случае авторы вообще называют следование западным тенденциям «безвкусицей».

Если же строение попадает в область теоретизирования в рамках зарубежного опыта, то практически всегда это связано с функциональной стороной вопроса. Авторы статей приводят выдержки из постановлений различных европейских архитектурных обществ, чтобы подчеркнуть уместность тех или иных решений в области планировки общественных зданий. Любопытным исключением здесь является обзор истории строительства домов для душевнобольных, приведенный в контексте размышления о планировке нового подобного здания. В этом обзоре автор последовательно развивает положение, согласно которому обращение к западному опыту никогда не оборачивалось плюсом для подобных сооружений. Тем не менее, в общей массе мы можем наблюдать, что функциональность здания очень часто обусловлена именно его соответствием стандартам зарубежных строений похожего назначения.

Последняя ось определяет источник градостроительной инициативы, который вместе с тем создает и основание для применения законов и правил, лежащих в плоскости осей, рассмотренных выше. Условно это измерение градостроительной теории может быть обозначено как диспозиция «коллективное-индивидуальное».

Полнос коллективного предельно очевиден и понятен. Городская территория осмысливается архитекторами как общественное пространство, даже если речь идет о частном доме. Его фасад всегда вписан в городскую среду, а значит его необходимо создавать с учетом интересов общественности. Так, говоря об уже упомянутом доме Бутурлина, автор начинает свой текст так: «Кто бывал на Каменном острове <...> тот наверняка помнит крайне некрасивый большой серый дом», подчеркивая вписанность частного строения в общее впечатление от города.

Из этих соображений теория градостроительства обязательно создает для архитектора необходимые коллективные противовесы, задача которых незримо контролировать его деятельность. Этими противовесами может выступать как абстрактное общественное мнение, так и вполне конкретные комитеты и собрания, оценивающие целесообразность реализации того или иного проекта.

С другой стороны данной оси расположен индивид, который для градостроительной системы оказывается источником инициативы. Большая часть описанных проектов имеет своим началом интерес одного конкретного человека, будь то хозяин частного дома или же инициативный инженер, предлагающий перестроить набережную Невы. Более того, индивид в последствии может взять на себя и роль по корректровке конкретного проекта, высказывая свое мнение о его конкретных реализациях, но здесь он все же будет подчинен коллегиальным субъектам, через которые он будет вынужден действовать (именно такой вариант взаимодействия, например, предлагает сам журнал, в котором печатаются реакции отдельных людей на те или иные здания).

Рассмотренные выше оси позволяют нам сформулировать не столько конкретную градостроительную теорию, сколько само пространство понятий, в котором формируется набор проблематик, которые теория призвана решать. Та или иная теоретическая установка с необходимостью должна содержать ответ на три вопроса, вытекающих из характера обозначенных диспозиций: является ли здание функциональным и эстетически привлекательным? На основании какой традиции мы определяем функциональность и эстетичность здания? Кто является инициатором строительства здания?

В представленных прикладных текстах каждый раз дается ответ на каждый из вопросов, что позволяет говорить о некоторых тенденциях в осмыслении градостроительных проблем. Так функция и эстетика играют примерно равную роль, но чем дальше здание от коллективного как источника

строительства, тем важнее становится эстетика. Национальное и зарубежное представлены примерно в равной степени, но в случае с вопросами эстетического толка упор делается преимущественно на отечественные традиции, в то время как функция обуславливается зарубежным опытом. Два этих принципа взаимосвязей между осями и формируют своеобразные законы распределения зданий в координатной сетке теории градостроительства. Точка, в которой оказывается здание, позволяет примерно определить реакцию общественности на него. Например, частное здание, построенное по западным принципам, вызовет преимущественно негативную реакцию, поскольку нарушает типические связи, равно как и общественное сооружение, не учитывающее западный опыт, скорее всего окажется в проигрышной ситуации.

Стилистические вопросы градостроительства

Проблема стиля не заявлена в качестве основной среди перечисленных в 10-м номере журнала задач издания: «Общество Санкт-Петербургских архитекторов, предпринимая в 1972 году издание журнала, имело в виду разрешить тройную задачу: 1) иметь собственный печатный орган, в котором бы отражалась жизнь Общества архитекторов и деятельность его членов; 2) дать возможность не только своим членам, но и вообще всем господам архитекторам и техникам вступить между собой, с помощью печатного слова, в общение для обмена мыслями, разрешения научных и практических вопросов; 3) представить архитекторам, разбросанным по всему пространству русской земли, краткий свод практической архитектурной деятельности в России; отметить наиболее замечательные явления в строительной, технической или художественной практике; дать примеры построек: городских – частных и общественных, сельско-хозяйственного и промышленного домоводства и проч.» (От редакции, 1872: 157).

Однако стилистическим вопросам журнал уделяет достаточно много внимания в первый год своего существования. Так, из 12 номеров 1872 года в 8 номерах есть статьи, посвященные обсуждению теоретических и практических вопросов стиля в архитектуре и градостроительстве. Чаще всего такие вопросы рассматриваются при описании конкретных построек или проектов, как в статьях «Несколько слов по поводу заметки Г.Д. Люшина о доме г. Пороховщикова в Москве» (Несколько слов..., 1872), «Деревянные церкви» (Деревянные церкви, 1872), В. Даль «Старинная деревянная изба из альбома Чернецова» (Даль, 1872a), И. Китнер «Кирпичная архитектура» (Китнер, 1872a), А. Жуковский «Церковная архитектура. Древнехристианские храмы и византийский стиль» (Жуковский, 1872) и др.

Особо следует отметить статью Л.В. Даля «Историческое исследование памятников русского зодчества», которая практически представляет собой краткую историю искусства с уклоном в архитектуру и сравнительными стилистическими анализами конкретных памятников. Статья разделена на три части, изданные в разных номерах журнала в 1872 году (Даль, 1872, 1872b, 1872c).

С содержательной точки зрения все публикации журнала «Зодчий» за 1872 год, посвященные вопросам стиля в архитектуре и градостроительстве, можно разделить на два направления: 1) проблема изучения и формирования «русского стиля» в архитектуре и искусстве в целом; 2) проблема сохранения памятников русского зодчества. Эти два тематических направления тесно взаимосвязаны, так как задача изучения основ «русского стиля» решается через тщательное описание и анализ памятников древнерусской архитектуры: «Хорошие памятники прежнего русского зодчества у нас весьма редки, и те, которые существуют, весьма мало разработаны. <...> Тем с большею любовью и старанием нам необходимо обратить все наше внимание на изыскание средств к поддержанию, разработке и сохранению для потомства памятников» (Деревянные церкви, 1872: 2).

Наиважнейшей задачей для большинства авторов статей о стилистических вопросах русской архитектуры является тщательное изучение и анализ сохранившихся памятников разных периодов развития отечественной культуры для возможности выявления действительно самобытных черт «русского стиля», в противовес использованию заимствованных из иностранных традиций элементов: «Таким образом, для нашего искусства наступает, наконец, новый период, в котором резко выдающеюся по своей важности чертой является самостоятельность, и вместе с тем исчезает то рабское поклонение иноземному, которое исключало всякую самостоятельность в искусстве, и потому подавляло в самом зародыше проявления народного творчества. Вновь возникающее, русское направление составляет естественное следствие развивающегося в нас самосознания и более серьезного изучения глубины духовной жизни русского народа» (Даль, 1872: 9).

Необходимо отметить, что стиль понимается здесь, прежде всего, как содержательная основа культуры, переданная в наиболее подходящей форме. Именно поэтому появляются статьи, рассматривающие историю развития памятников русского зодчества в более широком контексте, начиная с памятников археологии дохристианской Руси (Даль, 1872). Главный метод выявления самобытных черт русского стиля – сравнительный анализ. Материалом для сравнения являются памятники скандинавской, византийской, романской, готической культур соседних с Русью государств. Это исследование наглядно дополняется рисунками, гравюрами и чертежами рассматриваемых памятников, в том числе и в цвете.

В большей степени признаки самобытности русской архитектуры авторы обнаруживают в деревянном зодчестве: «Это первые здания, в конструкции которых мы находим известную рациональность и самобытность нашей архитектуры» (Даль, 1872с: 105).

Достаточно большое внимание уделяется вопросам изменения стилистической доминанты, что рассматривается как естественный и необходимый процесс развития общества и культуры: «Потому-то и зодчество не может остановиться на постоянном подражании одному какому-либо стилю: оно также изменчиво, как и сами потребности и понятия людей в последовательных периодах исторической их жизни, оттого всегда носило и носит на себе печать общественного вкуса данной эпохи» (Даль, 1872: 10).

Также в связи со стилистическими вопросами часто обсуждаются вопросы выбора строительных материалов и конструкций, так как стиль призван решать не только задачу фиксации важнейших основ самосознания и культуры конкретного общества, но и утилитарные задачи прочности и доступности архитектурных сооружений в городской среде: «Искусство должно находиться в тесной связи с жизнью, и потому назначение его не только прельщать ум и глаз избалованного знатока, но быть общедоступным» (Даль, 1872: 11); «Нельзя не пожелать, чтобы примеру г. Пороховщикова последовали и другие лица и учреждения; тем более желательно, чтобы дерево не служило исключительным материалом для построек в русском стиле, но чтобы они возводились из кирпича и в более обширных размерах» (Несколько слов..., 1872: 34).

Статьи, рассматривающие историю формирования русской архитектуры и архитектуры соседних, взаимосвязанных с Россией стран, в той или иной степени пропитаны просветительским пафосом, направленным на формирование вкуса отечественных архитекторов к поиску самобытных стилистических решений, продиктованных осознанным выбором той или иной детали и пониманием общей содержательной задачи здания и его места/значения в общей городской застройке: «Поневоле иностранцу даже в лучших улицах Петербурга не приходится увидеть что-либо характерно русское, и он, понятно, должен прийти к убеждению, что русские только и умеют, что заимствовать. В Москве же каждого приезжего удивляет, что мы подражаем чужеземному, когда сами обладаем вполне художественными, самобытными образцами русской архитектуры» (Несколько слов..., 1872: 34).

Таким образом, стилистические вопросы рассматриваются авторами статей и издателями журнала «Зодчий» в качестве базовых и необходимых для современного русского архитектора и инженера. Материалы, посвященные вопросам стиля, носят именно исследовательский характер, являя сам процесс поиска признаков и черт самобытности «русского стиля». В целом это соответствует общему культурному процессу второй половины XIX века в России в рамках поисков новой национальной идеи через обращение к прошлому с помощью «умного выбора», что приведет впоследствии к рождению такого явления, как «серебряный век» русской культуры.

5. Заключение

В результате исследования материалов, опубликованных в журнале «Зодчий» в 1872 году, было установлено следующее:

- Деятельность Общества архитекторов оказала влияние на формирование предпосылок теории градостроительства Российской империи путем сбора информации, ее анализа и сохранения.
- Создание Обществом архитекторов библиотеки технических и художественных журналов способствовало формированию комплексного подхода к решению функционально-практических, а также эстетических архитектурно-художественных задач в области архитектуры и градостроительства.
- При проектировании объектов городской среды и частных сооружений эстетические и функциональные аспекты играют разную роль. Так, при проектировании общественных архитектурных сооружений главную роль играет функционал, чаще всего обусловленный зарубежным опытом. При проектировании и строительстве частных сооружений решающая роль отдается эстетике, причем упор делается преимущественно на отечественные эстетические традиции.
- Стилистические поиски являются характерной чертой теории градостроительства рассмотренного периода. Путем сравнительного анализа и стилистического исследования произведений русской старины исследователи запускают процесс поиска признаков и черт самобытности «русского стиля» в архитектуре.

Литература

Авдеева, 2021 – Авдеева Ю.Н., Дегтяренко К.А., Пчелкина Д.С., Румянцев И.А., Шпак А.А. Принципы советской национальной политики 1920–1970 гг. по отношению к коренным малочисленным народам Севера, Сибири и Дальнего Востока, компактно проживающим на территории Эвенкийского национального (автономного) округа // *Северные архивы и экспедиции*. 2021. Т. 5. № 3/09. С. 8-25.

Брамфилд, 2017 – Брамфилд У.К. Происхождение и развитие русской архитектурной прессы, 1872–1918: Представление за границей // *Экономика и управление в XXI веке: наука и практика*. 2017. № 4. С. 61-76.

- Даль, 1872** – Даль В. Историческое исследование памятников русского зодчества // *Зодчий*. 1872. № 2. С. 9-11.
- Даль, 1872a** – Даль В. Старинная деревянная изба из альбома Чернецова // *Зодчий*. 1872. № 3. С. 32.
- Даль, 1872b** – Даль Л. Историческое исследование памятников русского зодчества // *Зодчий*. 1872. № 5. С. 68-70.
- Даль, 1872c** – Даль Л. Историческое исследование памятников русского зодчества // *Зодчий*. 1872. № 7. С. 101-105.
- Деревянные церкви, 1872** – Деревянные церкви // *Зодчий*. 1872. № 1. С. 2-4.
- Жуковский, 1872** – Жуковский А. Церковная архитектура. Древнехристианские храмы и византийский стиль // *Зодчий*. 1872. № 8. С. 121-133.
- Китнер, 1872** – Китнер И. Деревянные церкви в Норвегии // *Зодчий*. 1872. № 3. С. 25-27.
- Китнер, 1872a** – Китнер И. Кирпичная архитектура // *Зодчий*. 1872a. № 5. С. 84-87.
- Куроедов, 1872** – Куроедов В. Современное состояние древних памятников архитектуры в России // *Зодчий*. 1872. № 4. С. 56-58.
- Куроедов, 1872** – Куроедов В. Современное состояние древних памятников архитектуры в России // *Зодчий*. 1872. № 4. С. 56-58.
- Куроедов, 1872a** – Куроедов В. Обзор архитектурной части политехнической выставки в Москве // *Зодчий*. 1872. № 7. С. 105-112.
- Куроедов, 1872b** – Куроедов В. Обзор архитектурной части политехнической выставки в Москве // *Зодчий*. 1872. № 8-9. С. 139-142.
- Лангваген, 1872** – Лангваген Я. Обзор деятельности С.-Петербургского общества архитекторов // *Зодчий*. 1872. № 1. С. 4-7.
- Лангваген, 1872a** – Лангваген Я. Обзор деятельности С.-Петербургского общества архитекторов // *Зодчий*. 1872. № 2. С. 17-18.
- Лангваген, 1872b** – Лангваген Я. Обзор деятельности С.-Петербургского общества архитекторов // *Зодчий*. 1872. № 3. С. 45-46.
- Лангваген, 1872c** – Лангваген Я. Обзор деятельности С.-Петербургского общества архитекторов // *Зодчий*. 1872. № 4. С. 58-59.
- Лангваген, 1872d** – Лангваген Я. Обзор деятельности С.-Петербургского общества архитекторов // *Зодчий*. 1872. № 6. С. 87-88.
- Лангваген, 1872e** – Лангваген Я. Обзор деятельности С.-Петербургского общества архитекторов // *Зодчий*. 1872. № 10. С. 177-178.
- Лангваген, 1872f** – Лангваген Я. Обзор деятельности С.-Петербургского общества архитекторов // *Зодчий*. 1872. № 11. С. 191-193.
- Лангваген, 1872g** – Лангваген Я. Обзор деятельности С.-Петербургского общества архитекторов // *Зодчий*. 1872. № 12. С. 211-214.
- Несколько слов..., 1872** – Несколько слов по поводу заметки Г.Д. Люшина о доме г. Пороховщикова в Москве // *Зодчий*. 1872. № 3. С. 34.
- От редакции, 1872** – От редакции // *Зодчий*. 1872. № 10. С. 157-158.
- Черная, 2017** – Черная Е.А. Архитектурная графика модерна на страницах журнала «Зодчий» с 1890-х до 1917 г. / Архитектура – строительство – транспорт: материалы 73-й научной конференции профессоров, преподавателей, научных работников, инженеров и аспирантов университета, Санкт-Петербург, 04–06 октября 2017 года. Т. Ч. I. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет, 2017.
- Koptseva, 2019** – Koptseva N.P., Sitnikova A.A. The Historical Basis for the Understanding of a State in Modern Russia: A Case Study Based on Analysis of Components in the Concept of a State, Established Between the Fifteenth and Sixteenth Centuries // *International Journal for the Semiotics of Law – Revue internationale de Sémiotique juridique*. 2019. Vol. 3. Pp. 47-74.
- Koptseva, 2022a** – Koptseva N.P., Degtyarenko K.A., Pchelkina D.S., Menzhurenko Yu.N. The Image of the North in Periodicals of the Russian Empire at the end of the XIX century // *Bylye Gody*. 2022. 17(2). Pp. 867-875.
- Koptseva, 2022b** – Koptseva N.P., Sitnikova A.A. Historical Memory of the Indigenous Small-Numbered Peoples of the Evenk Municipal District: Methodological Approaches to Research // *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*. 2022. Vol. 15. Is. 5. Pp. 666-678.
- Leshchinskaia et al., 2022** – Leshchinskaia N.M., Sitnikova A.A., Sertakova E.A., Koptseva N.P. The Journal “Zodchiy” as a Source on the History of Russian Modern in the late XIX – early XX centuries // *Bylye Gody*. 2022. 17(3): 1237-1249.
- Zamaraeva et al., 2023** – Zamaraeva J.S., Seredkina N.N., Pchelkina D.S., Pimenova N.N. Scientific and Technological Progress of the early XX century in the Periodicals of the Russian Empire (Journal «Zodchij», 1902) // *Bylye Gody*. 2023. № 18(1). Pp 390-401.

Zamaraeva, 2019 – Zamaraeva Ju.S., Sergeeva N.A., Filko A.I., Strucheva E.S. Istoriko-kul'turnye praktiki sohraneniya i vozrozhdeniya evenkijskogo yazyka v period s 1930 po 2000-e gg. V evenkijskom municipal'nom rajone krasnoyarskogo kraja (na materiale analiza arhivnyh dokumentov evenkijskogo arhiva) [Historical and cultural practices of preservation and revival of the evenk language in the period from 1930 to the 2000s. In the evenki municipal district of the krasnoyarsk territory (based on the analysis of archival documents of the evenki archive)]. *Northern Archives and Expeditions*. №1. Pp. 22-53.

Zamaraeva, 2020 – Zamaraeva Yu.S., Koptseva N.P. History of complex identity research // *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*. 2020. Vol. 13. Is. 7. Pp. 1216-1229.

References

Avdeeva, 2021 – Avdeeva, Yu.N., Degtyarenko, K.A., Pchelkina, D.S., Rumyantsev, I.A., Shpak, A.A. (2021). Printsipy sovetskoj natsional'noj politiki 1920–1970 gg. po otnosheniyu k korennyim malochislennym narodam Severa, Sibiri i Dal'nego Vostoka, kompaktno prozhivayushchim na territorii Evenkijskogo natsional'nogo (avtonomnogo) okruga [Principles of the Soviet national policy 1920–1970. in relation to the indigenous peoples of the North, Siberia and the Far East, compactly living on the territory of the Evenki National (Autonomous) District]. *Northern archives and expeditions*. 5. 3/09: 8-25. [in Russian]

Bramfild, 2017 – Bramfild, U.K. (2017). Proiskhozhdenie i razvitie russkoj arhitekturnoj pressy, 1872–1918: Predstavlenie za granicej [The Origin and development of the Russian architectural press, 1872–1918: representation abroad]. *Ekonomika i upravlenie v XXI veke: nauka i praktika*. 4: 61-76. [in Russian]

Chernaya, 2017 – Chernaya, E.A. (2017). Arhitekturnaya grafika moderna na stranicah zhurnala «Zodchij» s 1890-h do 1917 g. [Art Nouveau architectural graphics on the pages of the journal “Zodchij” from the 1890s to 1917]. *Arhitektura – stroitel'stvo – transport: materialy 73-j nauchnoj konferencii professorov, prepodavatelej, nauchnyh rabotnikov, inzhenerov i aspirantov universiteta*, Sankt-Peterburg, 04–06 oktyabrya 2017 goda. Tom Chast' I. Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskij gosudarstvennyj arhitekturno-stroitel'nyj universitet. [in Russian]

Dal', 1872 – Dal', V. (1872). Istoricheskoe issledovanie pamyatnikov russkogo zodchestva [Historical research of monuments of Russian architecture]. *Zodchij*. 2: 9-11. [in Russian]

Dal', 1872a – Dal', V. (1872). Starinnaya derevyannaya izba iz al'boma Chernecova [Old wooden hut from Chernetsov's album]. *Zodchij*. 3: 32. [in Russian]

Dal', 1872b – Dal', L. (1872). Istoricheskoe issledovanie pamyatnikov russkogo zodchestva [Historical research of monuments of Russian architecture]. *Zodchij*. 5: 68-70. [in Russian]

Dal', 1872c – Dal', L. (1872). Istoricheskoe issledovanie pamyatnikov russkogo zodchestva [Historical research of monuments of Russian architecture]. *Zodchij*. 7: 101-105. [in Russian]

Derevyannye tserkvi, 1872 – Derevyannye tserkvi [Wooden churches]. *Zodchij*. 1: 2-4. [in Russian]

Kitner, 1872 – Kitner, I. (1872). Derevyannye cerkvi v Norvegii [Wooden churches in Norway]. *Zodchij*. 3: 25-27. [in Russian]

Kitner, 1872a – Kitner, I. (1872). Kirpichnaya arhitektura [Brick architecture]. *Zodchij*. 5: 84-87. [in Russian]

Koptseva, 2019 – Koptseva, N.P., Sitnikova, A.A. (2019). The Historical Basis for the Understanding of a State in Modern Russia: A Case Study Based on Analysis of Components in the Concept of a State, Established Between the Fifteenth and Sixteenth Centuries. *International Journal for the Semiotics of Law – Revue internationale de Sémiotique juridique*. 3: 47-74.

Koptseva, 2022b – Koptseva, N.P., Sitnikova, A.A. (2022). Historical Memory of the Indigenous Small-Numbered Peoples of the Evenk Municipal District: Methodological Approaches to Research. *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*. 15(5): 666-678.

Koptseva, 2022a – Koptseva, N.P., Degtyarenko, K.A., Pchelkin, D.S., Menzhurenko, Yu.N. (2022). The Image of the North in Periodicals of the Russian Empire at the end of the XIX century. *Bylye Gody*. 17(2): 867-875.

Kuroedov, 1872 – Kuroedov, V. (1872). Sovremennoe sostoyanie drevnih pamyatnikov arhitektury v Rossii [The current state of ancient architectural monuments in Russia]. *Zodchij*. 4: 56-58. [in Russian]

Kuroedov, 1872a – Kuroedov, V. (1872). Obzor arhitekturnoj chasti politekhnicheskoy vystavki v Moskve [Overview of the architectural part of the Polytechnic Exhibition in Moscow]. *Zodchij*. 7: 105-112. [in Russian]

Kuroedov, 1872b – Kuroedov, V. (1872). Obzor arhitekturnoj chasti politekhnicheskoy vystavki v Moskve [Overview of the architectural part of the Polytechnic Exhibition in Moscow]. *Zodchij*. 8-9: 139-142. [in Russian]

Langvagen, 1872 – Langvagen, Ya. (1872). Obzor deyatel'nosti S.-Peterburgskogo obshchestva arhitektorov [Overview of the activities of the St. Petersburg Society of Architects]. *Zodchij*. 1: 4-7. [in Russian]

Langvagen, 1872a – Langvagen, Ya. (1872). Obzor deyatel'nosti S.-Peterburgskogo obshchestva arhitektorov [Overview of the activities of the St. Petersburg Society of Architects]. *Zodchij*. 2: 17-18. [in Russian]

[Langvagen, 1872b](#) – *Langvagen, Ya.* (1872). Obzor deyatel'nosti S.-Peterburgskogo obshchestva arhitektorov [Overview of the activities of the St. Petersburg Society of Architects]. *Zodchij.* 3: 45-46. [in Russian]

[Langvagen, 1872c](#) – *Langvagen, Ya.* (1872). Obzor deyatel'nosti S.-Peterburgskogo obshchestva arhitektorov [Overview of the activities of the St. Petersburg Society of Architects]. *Zodchij.* 4: 58-59. [in Russian]

[Langvagen, 1872d](#) – *Langvagen, Ya.* (1872). Obzor deyatel'nosti S.-Peterburgskogo obshchestva arhitektorov [Overview of the activities of the St. Petersburg Society of Architects]. *Zodchij.* 6: 87-88. [in Russian]

[Langvagen, 1872e](#) – *Langvagen, Ya.* (1872). Obzor deyatel'nosti S.-Peterburgskogo obshchestva arhitektorov [Overview of the activities of the St. Petersburg Society of Architects]. *Zodchij.* 10: 177-178. [in Russian]

[Langvagen, 1872f](#) – *Langvagen, Ya.* (1872). Obzor deyatel'nosti S.-Peterburgskogo obshchestva arhitektorov [Overview of the activities of the St. Petersburg Society of Architects]. *Zodchij.* 11: 191-193. [in Russian]

[Langvagen, 1872g](#) – *Langvagen, Ya.* (1872). Obzor deyatel'nosti S.-Peterburgskogo obshchestva arhitektorov [Overview of the activities of the St. Petersburg Society of Architects]. *Zodchij.* 12: 211-214. [in Russian]

[Leshchinskaya i dr, 2022](#) – *Leshchinskaya, N.M., Sitnikova, A.A., Sertakova, E.A., Koptseva, N.P.* (2022). The Journal «Zodchij» as a Source on the History of Russian Modern in the late XIX – early XX centuries. *Bylye Gody.* 17(3): 1237-1249. [in Russian]

[Neskol'ko slov..., 1872](#) – Neskol'ko slov po povodu zametki G.D. Lyushina o dome g. Porohovshchikova v Moskve [A few words about G.D. Lyushin's note about the house of Mr. Porokhovshchikov in Moscow]. *Zodchij.* 3: 34. [in Russian]

[Ot redakcii, 1872](#) – Ot redakcii [From the editors]. *Zodchij.* 10: 157-158. [in Russian]

[Zamaraeva et al., 2023](#) – *Zamaraeva, J.S., Seredkina, N.N., Pchelkina, D.S., Pimenova, N.N.* (2023). Scientific and Technological Progress of the early XX century in the Periodicals of the Russian Empire (Journal «Zodchij», 1902). *Bylye Gody.* 18(1): 390-401.

[Zamaraeva, 2019](#) – *Zamaraeva, Ju.S., Sergeeva, N.A., Filko, A.I., Strucheva, E.S.* (2019). Istoriko-kul'turnye praktiki sohraneniya i vrozhdeniya evenkijskogo yazyka v period s 1930 po 2000-e gg. V evenkijskom municipal'nom rajone krasnoyarskogo kraja (na materiale analiza arhivnyh dokumentov evenkijskogo arhiva) [Historical and cultural practices of preservation and revival of the evenk language in the period from 1930 to the 2000s. In the evenki municipal district of the krasnoyarsk territory (based on the analysis of archival documents of the evenki archive)]. *Northern Archives and Expeditions.* 1: 22-53.

[Zamaraeva, 2020](#) – *Zamaraeva, Yu.S., Koptseva, N.P.* (2020). History of complex identity research. Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences. 13(7): 1216-1229. [in Russian]

[Zhukovskij, 1872](#) – *Zhukovskij, A.* (1872). Tserkovnaya arhitektura. Drevnekhristsianskie hramy i vizantijskij stil' [Church architecture. Ancient Christian churches and Byzantine style]. *Zodchij.* 8: 121-133. [in Russian]

Журнал «Зодчий» 1872 года как исторический источник по теории градостроительства в Российской империи

Анастасия Викторовна Кистова ^{a, b, *}, Наталья Анатольевна Сергеева ^a, Тихон Константинович Ермаков ^a, Анна Александровна Омелик ^a

^a Сибирский федеральный университет, Российская Федерация

^b Красноярский художественный музей имени В.И. Сурикова, Российская Федерация

Аннотация. Актуальность данного исследования связана с формированием и распространением теории градостроения, а также эстетических и функциональных особенностей архитектуры того периода в Российской империи во второй половине XIX века. Значимую роль в этом процессе сыграло начало выпуска архитектурного и художественно-технического журнала «Зодчий» в 1872, так как именно на его страницах публиковались исследования архитекторов и историков древнерусского зодчества, обосновывалась необходимость стилистического определения «русского стиля» в архитектуре, печатались проекты городских и частных сооружений, а также ежемесячно публиковался обзор работы Санкт-Петербургского Общества архитекторов. Публикации данного исторического источника были рассмотрены с помощью методов качественного и количественного

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: kistochka7@mail.ru (А.В. Кистова), nasergeeva@sfu-kras.ru (Н.А. Сергеева), erm-tihon@mail.ru (Т.К. Ермаков), omelik@inbox.ru (А.А. Омелик)

контент-анализа. Проведенное исследование позволило установить влияние деятельности Общества архитекторов на формирование теории градостроительства в Российской империи, определить тенденции в применении функциональных и эстетических решений, опирающихся на отечественные и зарубежные архитектурные традиции, и рассмотреть тенденцию развития и формирования стилистических решений, направленных на развитие национальной идеи градостроительства и формулирование «русского стиля» в архитектуре.

Ключевые слова: градостроительство, Санкт-Петербургское общество архитекторов, «Зодчий», памятники архитектуры, «русский стиль», эстетика и функциональность в архитектуре, стилистика, архитектурные традиции, теория градостроительства, городская среда.

Copyright © 2023 by Cherkas Global University

Published in the USA
Bylye Gody
Has been issued since 2006.
E-ISSN: 2310-0028
2023. 18(2): 869-881
DOI: 10.13187/bg.2023.2.869

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Scientific Research Directions by Russian Scientists at the end of the XIX century: Analysis of Publications of the Journal “Nauka i Zhizn” (1892)

Natalya N. Seredkina ^{a, *}, Darya S. Pchelkina ^a, Natalya N. Pimenova ^a, Julia S. Zamaraeva ^a

^a Siberian Federal University, Russian Federation

Abstract

The article is devoted to one of the most interesting publications of a scientific and educational nature “Nauka i zhizn” which was published from 1890 to 1900 at the initiative of the journalist and inventor M.N. Glubokovsky, then published again in 1904–1906 under the editorship of the agronomist F.S. Gruzdev, revived in Soviet times and relevant at the moment. The materials for the article were the issues of the journal for 1892, in its initial period, when the mission and concept of the journal were defined and the publication was published weekly. The authors identified significant thematic areas of publications posted in the journal, among them: the historical and philosophical direction of science and the technical direction of science – inventions of national scientists and engineers. Analysis of publications in the journal “Nauka i zhizn” shows a high level of development of the reflection of the scientific method and knowledge in the Russian Empire, as well as the activity of developing the technical side of scientific activity in Russia at the end of the 19th century.

Keywords: periodicals of the Russian Empire, XIX century, journal “Nauka i zhizn”, history and philosophy of science, technical inventions, Russian scientists.

1. Введение

В конце XIX века большие по объему журналы (известные «Вестник Европы», «Современник», «Московский телеграф» и пр.), популярные в течение века, вытеснил еженедельник небольшого объема, что, по словам исследователей, обусловлено изменением общественно-политической ситуации и состоянием читательской аудитории, ее потребностями в просвещении и образовании. Научно-популярные издания и журналы для самообразования заняли тогда лидирующую позицию. Журнал «Наука и жизнь» – яркий представитель этого направления – сочетает в себе характерные черты такой периодики: демократизацию знания, ориентацию на массовую аудиторию и разнообразие тем, популяризацию отечественной науки и техники.

В историко-философском направлении российских научных исследований учеными обсуждаются темы, связанные с успехом развития точных наук. Философскому осмыслению подвержена идея и роль науки «естествознание», в отношении к которой к концу XIX столетия в научной среде сложилось два противоположных мнения. Скепсису и пессимизму относительно идеи прогресса, вере в глубокий кризис науки ученые противопоставляют отличие нового от древнего естествознания, формулируют значимые (истинные) исследовательские установки для верификации опытного знания, дают критическую оценку работе ученого, сомневающегося в прогрессе науки и достоверности результатов опытного исследования. Внимание ученых также привлечено к изучению физики как учебного предмета, ими обсуждаются задачи и методы преподавания в среднеобразовательных заведениях. Новшества технического прогресса обсуждаются не менее

* Corresponding author

E-mail addresses: nevolko@sfu-kras.ru (N.N. Seredkina), pchelkina.ml@mail.ru (D.S. Pchelkina), pimenovapluzhnik@mail.ru (N.N. Pimenova), rybka08@bk.ru (Ju.S. Zamaraeva)

активно, внимание уделяется техническим разработкам и зарубежных, и отечественных ученых. Статья рассматривает две эти ветви публикаций: историко-философское направление науки и обзор изобретений отечественных ученых и инженеров.

2. Материалы и методы

2.1. Материалами выступили публикации популяризирующего науку журнала «Наука и жизнь» – еженедельного периодического издания, выходящего в дореволюционной России в 1890–1900 годах и давшего название существующему по сей день изданию, основанному в октябре 1934 года. В ходе исследования проведен общий анализ выпусков журнала за 1892 год, для детального анализа произведен тематический отбор публикаций.

2.2. Ключевой метод исследования – источниковедческий анализ. В ходе общего анализа контента издания за 1892 год ряд тем был выявлен в качестве характерных. Среди них для исследования выбраны следующие направления науки: историко-философское и техническое (изобретения отечественных ученых и инженеров). По каждому из тематических направлений выбраны наиболее репрезентативные материалы, эти публикации подробно проанализированы.

Платформой исследования выступили два ключевых подхода. Подход, утверждающий значимость источников – текстов различной языковой природы – в качестве репрезентантов специфики современных им разных сфер культур стран и народов (Резникова, 2016; Михальский, 2021; Сертакова, Ситникова, 2022; Резникова, 2022; Волкова, 2022; Пименова, Пчелкина, 2022; Пашова, 2022; Менжуренко и др., 2022; Середкина, 2022; Seredkina, 2022; Sertakova et al., 2023; Pimenova et al., 2023; Koptseva et al., 2023). А также подход, фиксирующий эффективность рассмотрения периодики в качестве исторического источника, репрезентирующего эпоху, территорию, общество, развитие культуры (Рынков, 2010; Никаев, 2013; Хотеев, 2019; Кошцева, 2021a; Кошцева, 2021b; Шаповалюк, 2021; Сокурова, 2021; Вольникова, 2022).

3. Обсуждение

Журнал «Наука и жизнь» имеет многоэтапную историю. Начав издаваться в 1890 году по инициативе журналиста, издателя и изобретателя М.Н. Глубоковского, он прекратил существование в 1900 из-за серьезной болезни редактора, но в 1904 году, можно сказать, возродился на два года под редакцией агронома Ф.С. Груздева. При этом издание существенно поменяло тематическую направленность – с научно-популярной на общественно-политическую и художественную (Хомяков, 2021). В советское время, в 1934 году, журнал под тем же названием выходит в свет уже в соответствии с первоначальными задачами и концепцией, это издание существует и по сей день. Исследователи не обошли вниманием журнал «Наука и жизнь», в т.ч. его первую дореволюционную версию, безусловно, заслуживающую внимания. Так, в статье В.И. Хомякова журнал рассмотрен в контексте его истории, подробно освещен именно дореволюционный период. Он отнесен к новому типу периодического издания, задача которого – формирование у читателей целостного научного представления об окружающем мире. Одним из важных принципов названо сочетание научной глубины и популярного изложения сути научных открытий (Хомяков, 2021). В статье Ю.Б. Балашовой рассматривается типология научно-популярных изданий начала XX века, в которой журнал определен как научно-популярный универсального типа, количество таковых на тот момент указывается автором как достаточно большое. Универсальность заключается и в том, что достаточно быстро из научно-промышленного журнал преобразовался в модернистское издание, в котором наука погружена в литературно-общественный контекст (Балашова, 2017). Стоит отметить, что в таком формате журнал начал выходить после прекращения его существования в 1900 году, т.е. уже под редакцией Ф.С. Груздева.

Ряд ученых рассматривает феномен дореволюционного журнала «Наука и жизнь» как исток развитых сегодня явлений. А.А. Якименко исследует информполитику журнала, в основном изучая советский период жизни издания, существенно задавший формат журнала современного. Автор утверждает, что ключевое направление информационной политики было задано еще в самый первый период издания журнала. Его кредо состояло в подаче «выдающихся научно-практических новостей» как можно более объективным образом, вне «всякой тенденциозности и политиканства» (Якименко, 2011: 78). В статье А.С. Евтехова журнал «Наука и жизнь» рассмотрен как пример появления инфографики в печатных изданиях Российской империи. Публикационные материалы сопровождалась в нем «большим количеством иллюстраций, выполненных в виде технических рисунков». В качестве примера такого становления инфографики в этом «общепонятно-научном» журнале в данной статье приведены материалы журнала за 1890 и 1893 годы (Евтехов, 2019).

Ряд исследователей фокусируется на специфике жанра и тематики издания. В.И. Штепа, изучая эволюцию тем естественных наук в СМИ, рассматривает «Науку и жизнь» как одно из наиболее значительных изданий из посвященных достижениям в области научного знания, появившихся в России во второй половине XIX века. Важные свойства журнала – верность фактам и рассмотрение науки в едином контексте (Штепа, 2008).

В книге «Жанр, который мы потеряли. Очерк истории отечественной научно-популярной литературы» журнал «Наука и жизнь», дореволюционный и послереволюционный, рассмотрен как образец такого жанра, решающего задачи популяризации научного знания и просвещения общества (Ваганов, 2022). А в статье того же автора журнал упомянут в качестве маркера происходящей научно-технической революции, а также роста интереса к науке, значимости науки для общества, в т.ч. для повышения престижа профессии ученого и влияния научных технологий в повседневности (Ваганов, 2008).

4. Результаты

4.1. Историко-философское направление научных исследований российских ученых конца XIX в.

В ряду публикаций журнала освещено историко-философское направление научных исследований, посвященных развитию области российского естествознания. Осмыслению различия древнего и нового естествознания как двух основных форм мышления, не утративших актуальное значение для современной науки, посвящена статья в выпуске № 36 (Различие..., 1892). Труды древнегреческих классиков означены истоком развития современного знания, однако недостаток древней науки видится в отсутствии научного опыта. Прежнее определение научного опыта требует понятийного переосмысления (Различие..., 1892: 572). В данном определении видится принципиальное отличие древнего философского воззрения: изучение природы было основано на рассуждении, не проверяемом и не подтверждаемом опытом. Причиной пренебрежения к опыту со стороны древних греков названо то, что в Греции все механические работы производились рабами, и потому ручной и ремесленный труд расценивался как занятие низшего порядка. В области древней философии истинной целью ставилось достижение чистого знания, а практическое применение рассматривалось как нечто низшее, оскорбляющее чистоту знания. Новое время, по мнению авторов, заставило философов переосмыслить значимость ремесленного труда, а потому в современном мировоззрении знание развивается только в синтезе научного наблюдения и научного опыта. Основой исследования становится взаимодействие человека с внешним миром, а результатами – накопление практического опыта, расширение знания о физических явлениях, преобразование практического в научное. Авторы статьи отмечают, что в современном научном воззрении причина изучения природы и опытное действие однородны между собой. Руководствуясь этим принципом, ученый способен проследить естественный переход от наблюдения к научному рассуждению. Развитие нового знания возможно из понимания, что опыт есть дело рук человека, а рука есть орудие разума, в связи с чем отсутствие научного опыта у древних не позволило им развить механическую философию, составляющую основу современной науки о природе. Главным отличием нового знания является его форма – «размышление с открытыми окнами чувства», – существенно влияющая на современное мировоззрение исследователей природы (Различие..., 1892: 573).

Тема прогресса науки и искусства, техники и промышленности на рубеже XIX–XX вв. раскрывается в статье «О прогрессе науки в науке и жизни» (О прогрессе..., 1892). Актуальность темы определена автором в разрешении дилеммы между пессимистическим взглядом на прогресс науки, как постоянной только смены явлений, не поддающейся разгадке («непроницаемая тьма»), и оптимистическим пониманием науки как бесконечного исследования вселенной, результаты которого человеческий гений выражает в искусстве и научно-философском познании. История и философское значение идеи прогресса разворачивается на протяжении всего XIX столетия, однако во второй половине века образуется глубокая разница в понимании (О прогрессе..., 1892: 338). Автор полагает, что глубокий кризис понимания идеи науки лежит вовсе не в разрешении вопроса «куда ведет прогресс науки: к идеалу или иллюзии?». С одной стороны, успех развития точных наук и средств для удовлетворения материальных потребностей указывает на значимые достижения современной науки, действующей на благо эффективного применения наблюдения и опыта в познании реального мира, слаженности теории и практики, усилении научного интереса к научному прогрессу. С другой стороны, достигнув материального благосостояния, человечество демонстрирует отсутствие счастья, неудовлетворенность духовных и материальных потребностей, нарушение равенства между возможностями к удовлетворению потребностей и существующими потребностями. Достижение идеала как знаменателя счастья возможно только при уменьшении потребностей и увеличении возможностей удовлетворения этих потребностей. Однако возможности имеют временные и экономические ограничения только в отношении удовлетворения двух из трех потребностей человека: сложность решения множества внешних (материальных и умственных) разрешается достоверностью и следованию нравственным потребностям. Автор резюмирует свое размышление идеями о том, что вера в прогресс науки состоит в развитии нравственного чувства, дающего уверенность в будущем (О прогрессе..., 1892: 340).

В продолжение темы о научно-философском познании истины в выпусках № 18–21 размещена речь «О выводах науки», произнесенная доктором Д. Мэйвортом перед представителями Британского королевского института. В ней ученый рассуждает над важным вопросом о сложившемся скептическом отношении в системе философии к дедуктивному способу мышления как

непродуктивному в отношении получения истинного знания (новых фактов, принципов). По глубокому убеждению Д. Мэйворта, мир находится в постоянных изменениях, поэтому ученый должен пройти не один процесс умозаключений, благодаря которым предчувствуемые истины уяснятся в его сознании. И только тогда он может быть уверен, что обладает действительным знанием этих истин: «Сила выводов есть одна из истин, заключающихся в опытных науках» (О выводах..., 1892: 293). Ученый последовательно доказывает, что поскольку естественные науки развиваются прежде всего опытным путем, то каждый тщательно произведенный опыт заключает в себе важную скрытую тайну. Когда какой-либо опыт показал исследователю достоверность какого-либо факта, то этот факт уже содержит в себе предварительную истину, следовательно, доказанный факт, как результат опыта, не может в то же самое время оставаться недоказанным. Согласно Д. Мэйворту, естественные науки основаны на следующих истинах: силе выводов (умозаключений), законе о противоречии («ничто не может в одно и то же время быть и не быть»), силе памяти (воспроизводительной способности к сохранению объективного знания). Ключевыми принципами в работе ученого становятся: неудовлетворенность научным исследованием, истинность которого не доказана; стремление к обнаружению и доказательству новых фактов как основных пунктов для новых наблюдений и выводов из других фактов; вера в принцип дедукции. Значимым выводом науки является сила (validily) процесса самого мышления, именно она позволяет доказывать факты, быть уверенным в собственной очевидности, действительности и достоверности суждений. И наоборот, действительно серьезное сомнение к выводам науки влечет за собой «умственную кару» (интеллектуальное самоубийство, паралич умственных способностей) и конец науки (О выводах..., 1892: 307). Д. Мэйворт отмечает необходимость признания, что возможность познания истины заключена в непрерывном изучении окружающего мира и понимании, что полученное знание (понятие, убеждение) действительно соответствует объективной реальности. С этой позиции система относительности знания неверна, она разрушает целостность философии и научного знания. Если ученые полагаются и уверены в каком-нибудь отделе любой отрасли науки, то тем самым они мысленно утверждают, что человеческий ум может с помощью сознания и памяти знать не только явления, но и некоторую часть объективной действительности – непрерывность своего собственного существования, силу выводов и уверенность в общей и непреложной истине, примером которой может служить закон о противоречии.

Вопрос о задачах и методах изучения физики как учебного предмета ставит А.А. Рудин (Рудин, 1892a). Автор отмечает, что преподавание физики должно послужить хорошим средством для развития умственных способностей учащих, а также должно сообщить много сведений, полезных в жизни и необходимых для образованного человека. И далее он формулирует и рекомендует к применению общие методы преподавания физики: 1) физика должна преподаваться с разной степенью глубины изучения как общий курс во всех средних учебных заведениях (реальное училище, мужская или женская гимназия); 2) методы преподавания физики не должны значительно различаться между собой; 3) дидактические средства должны служить получению наиболее полного представления изучаемого (чертеж является естественным введением в опыт, а опыт – дополнением, овеществлением чертежа); 4) системное и на постоянной основе изучение индуктивного метода способствует развитию интереса (к физическому знанию, полезному действию опыта) и воспитанию экспериментирующего ума; 5) ведение дополнительных уроков (внеклассных) способствует проведению более сложных опытов, что придаст обучению наглядность и оживит саму теорию. Далее А.А. Рудин пишет о научном материале для преподавания физики в различных средних учебных заведениях. Изучение многообразия и многочисленности явлений в рамках изучения учебного предмета физики должно быть сужено до рассмотрения типических явлений, поскольку они служат выразителями основных (постоянных) законов. Автор предвидит стремительное развитие и распространение технических средств во всех уголках цивилизованного мира, в связи с чем «встречаясь часто с многочисленными приложениями силы пара, электричества и химического средства, образованные люди должны иметь достаточные сведения относительно устройства приборов, при помощи которых утилизируются эти силы» (Рудин, 1892b: 695). Поэтому одна из задач курса физики – сообщить учащимся сведения о наиболее важных в практическом отношении аппаратах, начиная с водяного насоса и заканчивая телефоном и пр.

4.2. Техническое направление: изобретения российских авторов

В журнале «Наука и жизнь» (1892) достаточно большое место отведено описанию технических достижений как российских, так и зарубежных авторов. В этом отношении журнал имел важное научно-просветительское значение, поскольку освещал на своих страницах актуальные тенденции технического развития всего мира. Этому вопросу посвящены отдельные публикации журнала в № 4, 6, 10, 13, 17-19, 24, 34-35, 37, 39-43, 48, 51.

Особенностью проанализированных статей и заметок журнала «Наука и жизнь», посвященных вопросу технического развития, является их подробный описательный характер. С предельной точностью авторы описывают все нюансы работы того или иного изобретения. Нередко в конце публикации предлагаются контакты авторов изобретений для связи с ними с целью уточнения возникших по изобретению вопросов. В целом наряду с описательной тенденцией подачи материала

авторы нередко проводят критический анализ существующих разработок или выводов, сделанных другими исследователями. В этом случае журнал выполнял, наряду с научно-просветительской, функцию дискуссионной площадки.

К концу XIX в. все изобретения российских авторов, согласно анализу опубликованных в журнале статей и заметок о техническом развитии Российской империи, были направлены на улучшение качества жизни российского общества в той или иной сфере. Среди изобретений российских авторов на страницах журнала «Наука и жизнь» за 1892 г. отмечены следующие: часы в различных вариантах, грузоуказатель для использования на железной дороге, новый музыкальный инструмент, пишущая машина, стенолазка, экскурсионная фотографическая камера, добротомер тканей и секторальный насос.

Особый интерес для российских авторов представлял механизм устройства часов. Данной теме в журнале посвящено три отдельных статьи. Это статьи И.В. Долинина-Иванского «Свеча, заменяющая часы» (Долинин-Иванский, 1892, 4), Д. Качановского «Солнечные часы» (Качановский, 1892, 6) и Х. Ярового «Контрольные электрические часы» (Яровой, 1892, 24).

В статье «Свеча, заменяющая часы» И.В. Долинин-Иванский описывает свое изобретение часов, в основу которого он заложил принцип согласованной работы трех отдельных элементов – «скалы» с делениями, соответствующими определенному часу, свечи и стрелки (Долинин-Иванский, 1892, 4). Двигателем стрелки, указывающей на деления, выступал естественный процесс сгорания свечи. По мере сгорания свечи, которые могли быть различных сортов, по замечанию автора, стрелка, закрепленная с помощью круглого отверстия на свече, начинала спускаться сверху вниз, меняя указание на деления «скалы». Таким образом фиксировалось и изменение времени. Преимуществом данных часов, согласно мнению автора, являлось их удобство и простота в устройстве, благодаря чему «каждый имеет возможность сделать их безо всякого труда дома» (Долинин-Иванский, 1892а, 4: 53).

Другой вариант разработки часов представлен в статье преподавателя Орловской гимназии Д. Качановского «Солнечные часы» (Качановский, 1892, 6). Данный вариант часов основывался на учете движения солнца. В своей статье Д. Качановский представил точные расчеты создания солнечных часов, сопроводив их подробным комментарием. Материалом для данного вида часов послужили две доски, скрепленные между собой под углом 90°. На одной из них автор начертил круг, разделенный на 24 равных части. Данный принцип формы часов лег в основу горизонтальных часов, которыми можно было пользоваться в любое время года. Все расчеты времени основывались на точных наблюдениях автора за процессами восхода и захода солнца. Изменения движения солнца фиксировались расчетами размеров угла тени «шеста, параллельного земной оси с меридианом» (Качановский, 1892, 6: 86). Иными словами, для определенного часа фиксировался свой угол тени, который от часа к часу увеличивался (Качановский, 1892, 6: 85-86).

Еще один вариант часов имел функционально-практическое назначение, заключающееся в возможности контроля в любое время суток выполнения обязанностей служащими (Яровой, 1892, 24). В статье «Контрольные электрические часы» Х. Ярового обосновывается ценность этого нового изобретения, которое также обеспечивало моментальную связь подчиненного с руководителем организации. Данные функции электрических часов позволяли их применять в различных организациях – в банках, казначействах, на фабриках, в тюремных и военных учреждениях. Разработчиком данного электрического изобретения являлся автор заметки Христофор Христофорович Яровой. В основу устройства автор заложил принципы настенных часов. Само устройство отличалось простотой и не требовало «почти никакого ухода». Согласно автору, часы доступны «по приобретению и по простоте конструкции...» (Яровой, 1892, 24: 373). Изначально данный прибор предназначался для контроля за работой караульного, в особенности в ночное время. Кроме того, к прибору был присоединен тревожный сигнал, посредством которого караульный мог моментально сообщить вышестоящему руководству о тревоге. Из всех изобретений подобного рода до настоящего времени, по замечанию автора, «этот прибор, удобством и дешевизной, превосходит их, не говоря уже о разнообразности применения» (Яровой, 1892, 24: 373).

Еще одно направление в области технического развития Российской империи, получившее широкое освещение на страницах журнала «Наука и жизнь» 1892 года, связано с развитием железной дороги. Этому вопросу посвящены статьи «Значение Сибирской дороги для русской торговли и промышленности» (Значение..., 1892, 4), «Сибирская железная дорога» М. Сарова (Саров, 1892, 10), «Железные дороги будущего» (Железные дороги будущего, 1892, 13), «Грузоуказатель П.К. Фолькерта» (Грузоуказатель..., 1892, 18) и «О наших железнодорожных порядках» (О наших..., 1892, 19).

Проведение железнодорожных путей через Сибирь признается одним из самых «знаменательных явлений», имеющих большое значение для русской торговли и промышленности. Реализация такого глобального проекта для конца XIX в., как строительство Сибирской железной дороги, имела важное и внутрисполитическое, и внешнеполитическое стратегическое значение. Внутрисполитическое значение проявлялось в том, что железная дорога решала проблему обеспечения транспортной связи с Сибирью, что в свою очередь способствовало промышленному развитию страны. Сам вопрос о необходимости

расширения железных дорог в Российской империи и его реализация позволяли Российской империи встроиться в общий мировой процесс технического развития.

В статье «Значение Сибирской дороги для русской торговли и промышленности» подчеркивается высокий потенциал российских заводов для сопровождения всего процесса постройки железнодорожного пути, который должен был проходить от Урала по направлению к Владивостоку и от Владивостока к западу. Особо выделяются Катанские, Симские, Белорецкие заводы, «находящиеся на главной линии будущей Сибирской дороги, ...расположенные по линии Уральской железной дороги» (Значение..., 1892, 4: 54). Данные заводы «не только могут удовлетворить потребность Сибирской дороги в металлах и в металлических изделиях на протяжении 4000 верст этой постройки, но в состоянии и значительно расширить свою производительность» (Значение..., 1892, 4: 54). Главная роль в обеспечении стройки рельсами отводилась уральским заводам.

В рубрике «Разные известия» в заметке «Сибирская железная дорога» представлены результаты заседания инженеров, назначенных Министерством путей сообщения для постройки Сибирской железной дороги (Саров, 1892, 10). Согласно принятым решениям в 1892 году было запланировано построить железную дорогу на протяжении четырехсот верст. Финансирование осуществлялось из средств «государственного казначейства». На постройку дороги требовалось 12 млн пудов рельсов, рельсовых скреплений и других металлических частей. Кроме того, была выстроена стратегия доставки материалов до Владивостока. Основным путем рассматривался морской путь – через Черное, Средиземное, Красное моря, а также Индийский океан. В общей сложности на постройку семи тысяч верст запланировано было около 12 лет. Наибольший период времени отводился на постройку железнодорожных мостов через реки Обь, Енисей и Лену (Саров, 1892, 10: 157).

На страницах журнала поднимается также вопрос об усовершенствовании вагонных весов, используемых для определения веса перевозимых вагонами грузов – каменного угля, камня, леса и других материалов. В частности, в практику работы всех вагонов предлагается внедрить новое изобретение – грузоуказатель П.К. Фолькерта. Среди преимуществ данного изобретения признается возможность значительного сокращения времени на процесс определения груза вагона, а также его прочность, которая в свою очередь позволяла не прибегать к ремонту. В заметке журнала «Грузоуказатель П.К. Фолькерта» приведено подробное описание данного устройства, принципов его крепления ко дну вагонов и принципов организации замера веса груза. Сама технология устройства данного изобретения оценивается как вполне легко повторяемая. Согласно заметке, «каждая дорога, желающая принять означенный грузоуказатель, легко может устроить его в своих мастерских из бракованного или старого железа» (Грузоуказатель..., 1892, 18: 284).

По меркам развития железной дороги, в частности развития железнодорожного транспорта, оценивается и сам технический прогресс Российской империи. Согласно статье «Железные дороги будущего», на 1892 г. технический прогресс был очевиден. По сравнению с прошлым периодом в связи с появлением железной дороги удалось, например, значительно сократить время поездок из одного города в другой, в частности из Москвы в Петербург. Если ранее на поездку до Петербурга затрачивалась неделя, то на железнодорожном транспорте это время сократилось до 1 дня. Несмотря на подобные достижения в этом направлении продолжались вестись испытания по увеличению скорости транспорта на существующих железных дорогах. В статье «Железные дороги будущего» Николаевская железная дорога называется самой лучшей, что давало основание предположить, что поезд может по ней пройти весь путь из Москвы в Петербург за 5,5 часов. Осознавая зависимость скорости поезда от увеличения веса локомотива, автор статьи тем не менее оценивает возможные риски, связанные с безопасностью на дороге ввиду увеличения скорости локомотива (Железные..., 1892, 13: 193-194).

Среди преимуществ железнодорожного транспорта называется возможность сокращения расходов на дорогу для пассажиров. В целом, по сравнению с тарифами во Франции и Германии, российские тарифы оцениваются как ненамного превышающие их и вполне обоснованные (О наших..., 1892, 19). Отмечается значительное превышение расстояния железнодорожных путей в Российской империи по сравнению с путями, которые проложены за границей: «заграничной 200-верстной линии противостоит 1000-верстная российская линия, которую надо и содержать, и ремонтировать одинаково... За границей сеть железных дорог гуще, движение больше, расстояния меньше. Совершенно несправедливо требовать, чтобы русские дороги равнялись с заграничными, а между тем они не только равняются, но и перегоняют их» (О наших..., 1892, 19: 295).

Одним из изобретений российских авторов, получивших освещение на страницах журнала «Наука и жизнь» в 1892 году, является «новый» музыкальный инструмент, по своему устройству звукоизвлечения схожий с фортепиано. По форме данный музыкальный инструмент представлял собой вид ящика с двумя рядами пуговок. Под каждой пуговкой находились маленькие меха, которые шились из тонкой кожи или плотной материи. В боковое отверстие вставлялся свисток, материалом для которого служила кора черемухи или липы. Внутри мехов вставлялась спирально согнутая проволока, чтобы пуговка после нажимания снова поднималась вверх. Высота звука зависела от размера радиуса основания цилиндра трубки. Инструмент позволял, согласно замечанию автора,

менять силу звука без помощи педали, как это принято на фортепиано, а только лишь путем силы нажатия пуговки (Долинин-Иванский, 1892b, 10: 149).

Еще одним российским изобретением является пишущая машина О.А. Тихомирова. Согласно заметке, она была сделана из дерева и отличалась от других аналогичных машин зарубежных авторов принципом размещения алфавита и своей стоимостью (Пишущая..., 1892, 17).

Одним из изобретателей в Российской империи в конце XIX в. был Фр. Дергинг из Оренбургской губернии. Ему принадлежит авторство такого изобретения, как стенолазка. В своей заметке Фр. Дергинг подробно описывает механизм действия данного изобретения, главное предназначение которого заключалось в предоставлении спортсмену возможности передвигаться по стене. Лазание по стенам приравнивалось автором к определенному виду спорта. Для этого занятия спортсменам был нужен определенный инструментарий, которым и выступила стенолазка. В основу разработки механизма ее работы был положен принцип прилипания насекомых к поверхностям посредством подушечек на их лапах, которые «во время прикосновения ими к твердому телу, автоматически (рефлекторно) втягиваются внутрь лапки, и представляют вид опрокинутого на стол блюдца, или воронки, с разряженным под ним воздухом; вследствие этого лапки и прижимаются к данной поверхности твердого тела с значительной силой, как бы прилипают» (Дергинг, 1892a, 37: 577). Данный принцип лег в разработанную стенолазку, которая состояла из отдельных приспособлений для рук и для ног.

Описанная в еще одной заметке экскурсионная фотографическая камера – изобретение, разработанное специально для использования в ходе экскурсий на далекие расстояния (Экскурсионная..., 1892, 37). Среди главных качеств, которыми должна обладать фотографическая камера, автор называет прочность, устойчивость, а также «возможность получения возможно большего количества снимков без перемены пластинок в кассетах», которых может быть наготове одновременно от 24 до 36 штук (Экскурсионная..., 1892, 37: 581). В соответствии с этими характеристиками автор заметки приводит в качестве примера свою изобретенную камеру, сделанную из орехового дерева, стенки которой «прочны и снабжены хорошей медной оковкой...: мех кожаный, неподвижный, достаточно длинный...» (Экскурсионная..., 1892, 37: 581). Наконец, в целях использования камеры в поездках автором была предусмотрена функция складывания всех элементов камеры либо в особые футляры, либо в простой деревянный ящик с замком и различными отделениями, выложенными изнутри войлоком и обитыми сукном. Согласно оценке автора, также любителя-практика, сделанная по его указаниям камера отличалась прочностью и исправностью, что обеспечивало достаточно высокого качества снимки.

Оригинальными русскими изобретениями в журнале «Наука и жизнь» 1892 г. названы два прибора – добротомер тканей и секторальный насос. Добротомер тканей – это прибор, предназначенный для точного определения прочности ткани. Автором данного изобретения является Фр. Дергинг, он же автор опубликованной заметки об этом приборе (Дергинг, 1892b, 39). Основанием для разработки данного устройства послужила проблема отсутствия каких-либо способов и инструментов замера прочности ткани. Фр. Дергинг также разработал прибор, с помощью которого стало возможным предельно точно определять прочность ткани. Данная точность была достигнута автором за счет применения математического принципа расчета соотношения ширины ленты и числа делений на приборе. По замечанию автора, данный прибор, отличающийся оригинальным техническим решением и возможностью с математической точностью определить прочность ткани, «должен бы был находиться в каждой лавке, торгующей мануфактурным товаром» (Дергинг, 1892b, 39: 609).

Фр. Дергинг является автором и секторального насоса (Дергинг, 1892c, 40: 632). Данным изобретением он решил существующую на тот момент проблему технической работы большинства существующих насосов. Ввиду того что «на трение их (насосов) поршней о стенки трубы тратится значительная часть рабочей силы, приводящей их в движение» (Дергинг, 1892c, 40: 632), Фр. Дергинг в своем изобретении уменьшил это трение и тем самым модернизировал устройство насоса.

Наряду с заметками и статьями описательного характера, в журнале «Наука и жизнь» за 1892 год публиковались статьи обзорного и аналитического характера, посвященные различным техническим вопросам (Батарей..., 1892, 42; О теории..., 1892, 48). Анализ существующих в науке практик, в частности использования телефонов, рассматривается автором заметки «О теории телефона» как возможность «приблизиться к истинной теории» относительно того, как передается звук посредством телефона. Согласно автору, одним из первых, кто в 1837 г. обратился к разработке телефона, был Пэдждж. Позже, в 1876 г., на Филадельфийской выставке был показан телефон Белля, «удививший весь ученый и неученый мир». Затем телефоны стали совершенствоваться и быстро распространяться благодаря изобретениям Эдисона, Юза и других (О теории..., 1892, 48: 758). Автор демонстрирует большую осведомленность в вопросе научных изысканий зарубежных ученых в этой области. В статье он приводит разные точки зрения на теорию телефона, на основе критического анализа которых высказывает свою точку зрения относительно роли притяжения в работе телефона. Согласно автору, «притяжения в телефоне не играют никакой роли или же очень малую» (О теории..., 1892, 48: 758). В подтверждение своих выводов автор приводит точку зрения других ученых, согласно

которым магнетизм стержня также «не имеет особого значения», поскольку телефоны могут передавать речь также и с немагнитными железными стержнями.

5. Заключение

Публикации журнала «Наука и жизнь» за 1892 год позволяют увидеть высокий уровень развития рефлексии научного метода и знания и активность развития технической стороны научной деятельности в Российской империи конца XIX века.

В историко-философском направлении российских научных исследований на первом месте стоит обсуждение роли естественных наук, точность выводов которых во многом зависима от исследовательских установок и научных принципов. Развитие объективного научного знания и достижение прогресса в науке, по мнению авторов журнала, основано на могуществе и достоинстве человеческого ума, признании зависимости познания от окружающей его среды, стремлении достичь и утвердить знание о том, что реально существует. Прогресс в жизни, согласно консолидированному мнению российских ученых, будет удержан в условиях равновесия потребностей и возможностей для их удовлетворения, в связи с чем иллюзорность, относительность, скептицизм и пессимизм должны быть вытеснены силой мышления и выводов, знанием окружающей действительности, достоверными и доказуемыми результатами. А изучение физики с молодого возраста даст интеллектуально развитое поколение с экспериментальным мышлением, способным на прорывные открытия в науке и технике.

Анализ публикаций технической направленности в журнале «Наука и жизнь» 1892 года показал, что в Российской империи в конце XIX в. достаточно активно велось обсуждение современных технических разработок, научных теорий и опытов. Освещение получали как достижения зарубежных, так и российских авторов. Описываемые в журнале вопросы, касающиеся технических достижений, свидетельствуют об активной включенности российских изобретателей конца XIX в. в общий процесс технического прогресса как на уровне теоретического осмысления мировых достижений, так и посредством своих собственных разработок и национальной политики по дальнейшему развитию железнодорожной и промышленной сфер страны.

В целом статьи и заметки журнала «Наука и жизнь» свидетельствуют о существенном вкладе отечественных ученых как в развитие представлений о научном подходе и методе, так и в технико-технологический прогресс. Очевидна ориентация авторов на передовые области науки и техники, на остро стоящие перед наукой и практикой вопросы. При этом изложение материалов, касающихся научных и технических вопросов, соответствует просветительской функции издания: учитывает как подготовленную, так и интересующуюся наукой аудиторию, не владеющую специализированным языком. Таким образом, концепция журнала, ключевыми моментами которой стали доминанта объективного научного представления о явлениях окружающего мира и просвещение общественности в области достижений науки и техники, ярко проявлена в проанализированных материалах.

6. Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23–28–00255, <https://rscf.ru/project/23-28-00255/>.

The study was supported by the Russian Science Foundation Grant No. 23-28-00255, <https://rscf.ru/en/project/23-28-00255/>.

Литература

- Балашова, 2017** – Балашова Ю.Б. Типология научно-популярной прессы начала XX века // *Ученые записки Казанского университета. Серия «Гуманитарные науки»*. 2017. 159(3). С. 680-690.
- Батарей..., 1892** – Батарей для электрических зажигателей // *Наука и жизнь*. 1892. № 42. С. 666.
- Ваганов, 2008** – Ваганов А.Г. Нужна ли наука для популяризации науки? // *Инженер-механик*. 2008. № 2. С. 10-15.
- Ваганов, 2012** – Ваганов А.Г. Жанр, который мы потеряли. Очерк истории отечественной научно-популярной литературы. М., 2012. 245 с.
- Волкова, 2022** – Волкова А.И. Региональная периодическая печать как источник при изучении исторического пространства российской провинции XIX – начала XX вв. // *Архивный документ как исторический источник: проблемы выявления, верификации и интерпретации*. 2022. С. 36-40.
- Вольникова, 2022** – Вольникова А.И. Периодическая печать как исторический источник // *Общественные науки в современном мире: политология, социология, философия, история*. 2022. С. 6-11.
- Грузоуказатель..., 1892** – Грузоуказатель П.К. Фолькерта // *Наука и жизнь*. 1892. № 18. С. 283-284.
- Дергинт, 1892a** – Дергинт Фр. Стенолазка // *Наука и жизнь*. 1892. № 37. С. 577-578.
- Дергинт, 1892b** – Дергинт Фр. Добротомер тканей // *Наука и жизнь*. 1892. № 39. С. 609-610.
- Дергинт, 1892c** – Дергинт Фр. Секторальный насос // *Наука и жизнь*. 1892. № 40. С. 632.
- Долинин-Иванский, 1892b** – Долинин-Иванский И.В. Новый музыкальный инструмент // *Наука и жизнь*. 1892. № 10. С. 149.

- Долинин-Иванский, 1892a – Долинин-Иванский И.В. Свеча, заменяющая часы // *Наука и жизнь*. 1892. № 4. С. 53.
- Евтехов, 2019 – Евтехов А.С. Истоки российской инфографики // *Инновации в социокультурном пространстве*. 2019. С. 23-26.
- Железные..., 1892 – Железные дороги будущего // *Наука и жизнь*. 1892. № 13. С. 193-194.
- Значение..., 1892 – Значение Сибирской дороги для русской торговли и промышленности // *Наука и жизнь*. 1892. № 4. С. 54-55.
- Качановский, 1892 – Качановский Д. Солнечные часы // *Наука и жизнь*. 1892. № 6. С. 85-86.
- Менжуренко и др., 2022 – Менжуренко Ю.Н., Шпак А.А., Дегтяренко К.А. Фольклор кетов: история изучения, корпус текстов, этнокультурные и языковые особенности // *Северные архивы и экспедиции*. 2022. Т. 6. № 3. С. 185-195.
- Михальский, 2021 – Михальский Ф.А. Московская периодика последней трети 19 в. как источник по истории предпринимательства // *Журнал Института Наследия*. 2021. № 1 (24). С. 16.
- Никаев, 2013 – Никаев Х.Р. Материалы периодической печати как исторический источник // *Социально-гуманитарные знания*. 2013. № 9. С. 73-80.
- О выводах..., 1892 – О выводах науки // *Наука и жизнь*. 1892. № 19. С. 293-294.
- О наших..., 1892 – О наших железнодорожных порядках // *Наука и жизнь*. 1892. № 19. С. 294-295.
- О прогрессе..., 1892 – О прогрессе в науке и жизни // *Наука и жизнь*. 1892. № 22. С. 338-340.
- О теории..., 1892 – О теории телефона // *Наука и жизнь*. 1892. № 48. С. 758.
- Пашова, 2022 – Пашова Э.В. Исторический аспект проблемы изменения климата (на материале МКУ «Таймырский архив») // *Северные архивы и экспедиции*. 2022. Т. 6. № 2. С. 115-123.
- Пименова, Пчелкина, 2022 – Пименова Н.Н., Пчелкина Д.С. Кетское культурное наследие и создание детской литературы на кетском языке // *Северные архивы и экспедиции*. 2022. Т. 6. № 3. С. 49-59.
- Пишущая..., 1892 – Пишущая машинка О.А. Тихомирова // *Наука и жизнь*. 1892. № 17. С. 262-263.
- Различие..., 1892 – Различие древнего и нового естествознания // *Наука и жизнь*. 1892. № 36. С. 570-573.
- Резникова, 2016 – Резникова К.В., Середкина Н.Н., Копцева Н.П., Замараева Ю.С. Региональная специфика социальных ценностей и их влияние на процессы модернизации территорий Центральной Сибири (на материале исследований Красноярского края) // *Економічний часопис-XXI*. 2016. Т. 160. № 7-8. С. 92-95.
- Резникова, 2022 – Резникова К.В. Моделирование культурной динамики коренных малочисленных народов севера в визуальных произведениях // *Сибирский антропологический журнал*. 2022. Т. 6. № 1. С. 81-92.
- Рудин, 1892a – Рудин А.А. О задачах и методах науки // *Наука и жизнь*. 1892. № 4. С. 682-684.
- Рудин, 1892b – Рудин А.А. О задачах и методах науки // *Наука и жизнь*. 1892. № 4. С. 695-696.
- Рынков, 2010 – Рынков В.М. Периодическая печать: место в системе исторических источников // *Отечественные архивы*. 2010. № 3. С. 44-50.
- Саров, 1892 – Саров М. Сибирская железная дорога // *Наука и жизнь*. 1892. № 10. С. 157.
- Середкина, 2022 – Середкина Н.Н. Общероссийская гражданская идентичность как фактор интеграции общества // *Сибирский антропологический журнал*. 2022. Т. 6. № 1. С. 125-135.
- Сертакова, Ситникова, 2022 – Сертакова Е.А., Ситникова А.А. Устав об «управлении инородцев», составленный М.М. Сперанским, и особенности его реализации по отношению к коренным малочисленным народам Енисейской губернии в XIX – начале XX веков // *Северные архивы и экспедиции*. 2022. № 6(2). С. 94-106.
- Сокурова, 2021 – Сокурова С.А. Периодическая печать как особая форма исторического источника на примере газеты «Терские ведомости» // *Известия СОИГСИ. Школа молодых ученых*. № 27. С. 51-56.
- Хомяков, 2021 – Хомяков В.И. К истории становления научно-популярного журнала «Наука и жизнь» // *Наука о человеке: гуманитарные исследования*. 2021. 15(2). С. 85-90.
- Хотеев, 2019 – Хотеев А.С. Методологические особенности изучения исторической периодики (на примере российских исторических журналов второй половины XIX – начала XX века) // *Вестник Могилевского государственного университета им. А.А. Кулешова*. Серия А. Гуманитарные науки: история, философия, филология. 2019. С. 58-68.
- Шаповалюк, 2021 – Шаповалюк П.Г. Материалы периодической печати как исторический источник // *Шаг в историческую науку*. 2021. С. 236-239.
- Штепа, 2008 – Штепа В.И. Эволюция естественнонаучной тематики в СМИ // *Вестник Воронежского государственного университета*. Серия «Филология. Журналистика». 2008. № 1. С. 249-253.
- Экскурсионная..., 1892 – Экскурсионная фотографическая камера // *Наука и жизнь*. 1892. № 37. С. 581-582.
- Якименко, 2011 – Якименко А.А. Особенности информационной политики журнала «Наука и жизнь» // *Наука и современность*. 2011. № 9-1. С. 77-80.

Яровой, 1892 – Яровой Х. Контрольные электрические часы // *Наука и жизнь*. 1892. № 24. С. 373.

Kistova et al., 2016 – Kistova A.V., Zamaraeva J. S., Pimenova N.N., Reznikova K.V., Koptseva N.P., Seredkina N.N. Regional Peculiarities in Modernization Processes within the Territories of Central Siberia // *International Review of Management and Marketing*. 2016. Т. 6 (№ 4). Pp. 857-865.

Koptseva, Sitnikova, 2018 – Koptseva N.P., Sitnikova A.A. The Historical Basis for the Understanding of a State in Modern Russia: A Case Study Based on Analysis of Components in the Concept of a State, Established Between the Fifteenth and Sixteenth Centuries // *International Journal for the Semiotics of Law*. 32 (1). Pp. 47-74.

Koptseva et al., 2023 – Koptseva N.P., Seredkina N.N., Degtyarenko K.A. Aesthetic Transformations as the Ideological Basis of Soviet Fine Arts in 1917–1922 // *Journal of SFU. Humanities & Social Sciences*. 2023. 16(4). Pp. 522-535.

Koptzeva, 2010 – Koptzeva N.P. Indigenous peoples of Krasnoyarsk region: concerning the question of methodology of culture studies // *Journal of SFU. Humanities & Social Sciences*. 2010. Т. 3. № 4. Pp. 554-562.

Pimenova et al., 2023 – Pimenova N.N., Sertakova E.A., Shpak A.A. The Transformation of Architectural Styles in Soviet Art 1917–1922 // *Journal of SFU. Humanities & Social Sciences*. 2023. 16(4). Pp. 566-579.

Seredkina, 2022 – Seredkina N.N. Fine Arts in the Artistic Culture of the Indigenous Peoples of the North, Siberia and the Far East of the Russian Federation // *Journal of SFU. Humanities & Social Sciences*. 2022. 15(6). Pp. 853-866.

Sertakova et al., 2023 – Sertakova E.A., Kolesnik M.A., Omelik A.A. The Image of Scientific and Technological Progress in the Fine Art of Pavel Filonov // *Journal of SFU. Humanities & Social Sciences*. 2023. 16(4). Pp. 594-607.

Koptseva et al., 2021a – Koptseva N.P., Degtyarenko K.A., Shpak A.A. The Journal «Nature and People» (1910) as a Source of the Peoples History in the Russian Empire // *Bylye Gody*. 2021. 16(2): 990-999.

Koptseva et al., 2021b – Koptseva N.P., Reznikova K.V., Menzhurenko Yu.N. The Journal «Cine-phono» as a Historical Source: National Provincial Cinematography in 1907–1916 // *Bylye Gody*. 2021. 16(4): 2043-2052.

References

Balashova, 2017 – Balashova, Yu.B. (2017). Tipologiya nauchno-populyarnoi pressy nachala XX veka [Typology of the popular science press of the early twentieth century]. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya «Gumanitarnye nauki»*. 159(3): 680-690. [in Russian]

Batareya..., 1892 – Batareya dlya elektricheskikh zazhigatelei [Battery for electric igniters]. *Nauka i zhizn'*. 1892. 42: 666. [in Russian]

Dergint, 1892a – Dergint, Fr. (1892). Stenolazka [Wall climber]. *Nauka i zhizn'*. 37: 577-578. [in Russian]

Dergint, 1892b – Dergint, Fr. (1892). Dobrotomer tkanei [Tissue quality meter]. *Nauka i zhizn'*. 39: 609-610. [in Russian]

Dolinin-Ivanskii, 1892a – Dolinin-Ivanskii, I.V. (1892). Svecha, zamenyayushchaya chasy [Candle that replaces the clock]. *Nauka i zhizn'*. 4: 53. [in Russian]

Dolinin-Ivanskii, 1892b – Dolinin-Ivanskii, I.V. (1892). Novyi muzykal'nyi instrument [New musical instrument]. *Nauka i zhizn'*. 10: 149. [in Russian]

Dergint, 1892c – Dergint, Fr. (1892). Sektoral'nyi nasos [Sector pump]. *Nauka i zhizn'*. 40: 632. [in Russian]

Ekskursionnaya..., 1892 – Ekskursionnaya fotograficheskaya kamera [Excursion photographic camera]. *Nauka i zhizn'*. 1892. 37: 581-582. [in Russian]

Evtekhov, 2019 – Evtekhov, A.S. (1892). Istoki rossiiskoi infografiki [Origins of Russian infographics]. *Innovatsii v sotsiokul'turnom prostranstve*. Pp. 23-26. [in Russian]

Gruzoukazatel'..., 1892 – Gruzoukazatel' P.K. Fol'kerta [Load indicator P.K. Fol'kert]. *Nauka i zhizn'*. 1892. 18: 283-284. [in Russian]

Kachanovskii, 1892 – Kachanovskii, D. (1892). Solnechnye chasy [Sundial]. *Nauka i zhizn'*. 6: 85-86. [in Russian]

Khomyakov, 2021 – Khomyakov, V.I. (2021). K istorii stanovleniya nauchno-populyarnogo zhurnala «Nauka i zhizn'» [To the history of the formation of the popular science journal “Nauka i zhizn'”]. *Nauka o cheloveke: gumanitarnye issledovaniya*. 15(2): 85-90. [in Russian]

Khoteev, 2019 – Khoteev, A.S. (2019). Metodologicheskie osobennosti izucheniya istoricheskoi periodiki (na primere rossiiskikh istoricheskikh zhurnalov vtoroi poloviny XIX – nachala XX veka) [Methodological features of the study of historical periodicals (on the example of Russian historical journals of the second half of the 19th – early 20th centuries)]. *Vestnik Mogilevskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.A. Kuleshova. Seriya A. Gumanitarnye nauki: istoriya, filozofiya, filologiya*. Pp. 58-68. [in Russian]

Kistova, 2016 – Kistova, A.V., Zamaraeva, J. S., Pimenova, N.N., Reznikova, K.V., Koptseva, N.P., Seredkina, N.N. (2016). Regional Peculiarities in Modernization Processes within the Territories of Central Siberia). *International Review of Management and Marketing*. 6(4): 857-865.

- [Koptseva et al., 2021a](#) – Koptseva, N.P., Degtyarenko, K.A., Shpak, A.A. (2021). The Journal «Nature and People» (1910) as a Source of the Peoples History in the Russian Empire. *Bylye Gody*. 16(2): 990-999.
- [Koptseva et al., 2021b](#) – Koptseva, N.P., Reznikova, K.V., Menzhurenko, Yu.N. (2021). The Journal «Cinephono» as a Historical Source: National Provincial Cinematography in 1907–1916. *Bylye Gody*. 16(4): 2043-2052.
- [Koptseva et al., 2023](#) – Koptseva, N.P., Serechkina, N.N., Degtyarenko, K.A. (2023). Aesthetic Transformations as the Ideological Basis of Soviet Fine Arts in 1917–1922. *Journal of SFU. Humanities & Social Sciences*. 16(4): 522-535.
- [Koptseva, Sitnikova, 2018](#) – Koptseva, N.P., Sitnikova, A.A. (2018). The Historical Basis for the Understanding of a State in Modern Russia: A Case Study Based on Analysis of Components in the Concept of a State, Established Between the Fifteenth and Sixteenth Centuries. *International Journal for the Semiotics of Law*. 32(1): 47-74.
- [Koptzeva, 2010](#) – Koptzeva, N.P. (2010). Indigenous peoples of Krasnoyarsk region: concerning the question of methodology of culture studies. *Journal of SFU. Humanities & Social Sciences*. 3(4): 554-562.
- [Menzhurenko i dr., 2022](#) – Menzhurenko, Yu.N., Shpak, A.A., Degtyarenko, K.A. (2022). Fol'klor ketov: istoriya izucheniya, korpus tekstov, etnokul'turnye i yazykovye osobennosti [Ket Folklore: history of study, corpus of texts, ethnocultural and linguistic features]. *Severnnye arkhivy i ekspeditsii*. 6(3): 185-195. [in Russian]
- [Mikhail'skii, 2021](#) – Mikhail'skii, F.A. (2021). Moskovskaya periodika poslednei treti 19 v. kak istochnik po istorii predprinimatel'stva [Moscow periodicals of the last third of the 19th century as a source on the history of entrepreneurship]. *Zhurnal Instituta Naslediya*. 1(24): 16. [in Russian]
- [Nikaev, 2013](#) – Nikaev, Kh.R. (2013). Materialy periodicheskoi pechati kak istoricheskii istochnik [Periodical press materials as a historical source]. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya*. 9: 73-80. [in Russian]
- [O nashikh..., 1892](#) – O nashikh zheleznodorozhnykh poryadkakh [About our railway orders]. *Nauka i zhizn'*. 1892. 19: 294-295. [in Russian]
- [O progresse..., 1892](#) – O progresse v nauke i zhizni [On progress in science and life]. *Nauka i zhizn'*. 1892. 22: 338-340. [in Russian]
- [O teorii..., 1892](#) – O teorii telefona [About phone theory]. *Nauka i zhizn'*. 1892. 48: 758. [in Russian]
- [O vyvodakh..., 1892](#) – O vyvodakh nauki [On the findings of science]. *Nauka i zhizn'*. 1892. 19: 293-294. [in Russian]
- [Pashova, 2022](#) – Pashova, E.V. (2022). Istoricheskii aspekt problemy izmeneniya klimata (na materiale MKU «Taimyrskii arkhiv») [The historical aspect of the problem of climate change (on the material of the MKU “Taimyr Archive”)]. *Severnnye arkhivy i ekspeditsii*. 6(2): 115-123. [in Russian]
- [Pimenova et al., 2023](#) – Pimenova, N.N., Sertakova, E.A., Shpak, A.A. The Transformation of Architectural Styles in Soviet Art 1917–1922. *Journal of SFU. Humanities & Social Sciences*. 16(4): 566-579.
- [Pimenova, Pchelkina, 2022](#) – Pimenova, N.N., Pchelkina, D.S. (2022). Ketskoe kul'turnoe nasledie i sozдание detskoj literatury na ketskom yazyke [The Ket cultural heritage and the creation of children's literature in the Ket]. *Severnnye arkhivy i ekspeditsii*. 6(3): 49-59. [in Russian]
- [Pishushchaya..., 1892](#) – Pishushchaya mashinka O.A. Tikhomirova [Typewriter O.A. Tikhomirov]. *Nauka i zhizn'*. 1892. 17: 262-263. [in Russian]
- [Razlichie..., 1892](#) – Razlichie drevnego i novogo estestvoznaniya [The difference between ancient and modern science]. *Nauka i zhizn'*. 1892. 36: 570-573. [in Russian]
- [Reznikova i dr., 2016](#) – Reznikova, K.V., Serechkina N.N., Koptseva N.P., Zamaraeva Yu.S. (2016). Regional'naya spetsifika sotsial'nykh tsennostei i ikh vliyanie na protsessy modernizatsii territorii Tsentral'noi Sibiri (na materiale issledovaniia Krasnoyarskogo kraia) [Regional specificity of social values and their influence on the processes of modernization of the territories of central Siberia (based on research in the Krasnoyarsk Krai)]. *Ekonomichnii chasopis-XXI*. 160(7-8): 92-95. [in Russian]
- [Reznikova, 2022](#) – Reznikova, K.V. (2022). Modelirovanie kul'turnoi dinamiki korennykh malochislennykh narodov severa v vizual'nykh proizvedeniyakh [Modeling the cultural dynamics of the indigenous peoples of the north in visual works]. *Sibirskii antropologicheskii zhurnal*. 6(1): 81-92. [in Russian]
- [Rudin, 1892a](#) – Rudin, A.A. (1892). O zadachakh i metodakh nauki [On the tasks and methods of science]. *Nauka i zhizn'*. 4: 682-684. [in Russian]
- [Rudin, 1892b](#) – Rudin, A.A. (1892). O zadachakh i metodakh nauki [On the tasks and methods of science]. *Nauka i zhizn'*. 4: 695-696. [in Russian]
- [Rynkov, 2010](#) – Rynkov, V.M. (2010). Periodicheskaya pechat': mesto v sisteme istoricheskikh istochnikov [Periodical press: a place in the system of historical sources]. *Otechestvennye arkhivy*. 3: 44-50. [in Russian]
- [Sarov, 1892](#) – Sarov, M. (1892). Sibirskaya zheleznaya doroga [Siberian railway]. *Nauka i zhizn'*. 10: 157. [in Russian]
- [Serechkina, 2022a](#) – Serechkina, N.N. (2022). Obshcherossiiskaya grazhdanskaya identichnost' kak faktor integratsii obshchestva [All-Russian civil identity as a factor in the integration of society]. *Sibirskii antropologicheskii zhurnal*. 6(1): 125-135. [in Russian]

[Seredkina, 2022b](#) – *Seredkina, N.N.* (2022). Fine Arts in the Artistic Culture of the Indigenous Peoples of the North, Siberia and the Far East of the Russian Federation. *Journal of SFU. Humanities & Social Sciences*. 15(6): 853-866.

[Sertakova, 2023](#) – *Sertakova, E.A., Kolesnik, M.A., Omelik, A.A.* (2023). The Image of Scientific and Technological Progress in the Fine Art of Pavel Filonov. *Journal of SFU. Humanities & Social Sciences*. 16(4): 594-607.

[Sertakova, Sitnikova, 2022](#) – *Sertakova, E.A., Sitnikova, A.A.* (2022). Ustav ob «upravlenii inorodtsev», sostavlennyy M.M. Speranskim, i osobennosti ego realizatsii po otnosheniyu k korennyim malochislennym narodam Eniseiskoi gubernii v XIX – nachale XX vekov [The charter on the “Management of foreigners”, an essay by M.M. Speransky, and the peculiarities of its implementation in relation to the indigenous peoples of the Yenisei province in the 19th – early 20th centuries]. *Severnyye arkhivy i ekspeditsii*. 26(2): 94-106. [in Russian]

[Shapovalyuk, 2021](#) – *Shapovalyuk, P.G.* (2021). Materialy periodicheskoi pechati kak istoricheskii istochnik [Materials of the periodical press as a historical source]. *Shag v istoricheskuyu nauku*. Pp. 236-239. [in Russian]

[Shtepa, 2008](#) – *Shtepa, V.I.* (2008). Evolyutsiya estestvennonauchnoi tematiki v SMI [Evolution of natural science topics in the media]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Filologiya. Zhurnalistika»*. 1: 249-253. [in Russian]

[Sokurova, 2021](#) – *Sokurova, S.A.* (2021). Periodicheskaya pechat' kak osobaya forma istoricheskogo istochnika na primere gazety «Terskie vedomosti» [Periodical press as a special form of historical source on the example of the newspaper “Terskiye Vedomosti”]. *Izvestiya SOIGSI. Shkola molodykh uchenykh*. 27: 51-56. [in Russian]

[Vaganov, 2008](#) – *Vaganov, A.G.* (2008). Nuzhna li nauka dlya populyarizatsii nauki? [Is science necessary to popularize science?]. *Inzhener-mekhanik*. 2: 10-15. [in Russian]

[Vaganov, 2012](#) – *Vaganov, A.G.* (2012). Zhanr, kotoryi my poteryali. Ocherk istorii otechestvennoi nauchno-populyarnoi literatury [The genre we've lost. Essay on the history of Russian popular science literature]. M., 245 p. [in Russian]

[Volkova, 2022](#) – *Volkova, A.I.* (2022). Regional'naya periodicheskaya pechat' kak istochnik pri izuchenii istoricheskogo prostranstva rossiiskoi provintsii XIX – nachala XX vv. [Regional periodicals as a source in the study of the historical space of the Russian province of the XIX – beginning of the XX centuries]. *Arkhivnyi dokument kak istoricheskii istochnik: problemy vyavleniya, verifikatsii i interpretatsii*. Pp. 36-40. [in Russian]

[Vol'nikova, 2022](#) – *Vol'nikova, A.I.* (2022). Periodicheskaya pechat' kak istoricheskii istochnik [Periodical press as a historical source]. *Obschestvennye nauki v sovremennom mire: politologiya, sotsiologiya, filosofiya, istoriya*. Pp. 6-11. [in Russian]

[Yakimenko, 2011](#) – *Yakimenko, A.A.* (2011). Osobennosti informatsionnoi politiki zhurnala «Nauka i zhizn'» [Features of the information policy of the journal “Nauka i zhizn'”]. *Nauka i sovremennost'*. 9-1: 77-80. [in Russian]

[Yarovoi, 1892](#) – *Yarovoi, Kh.* (1892). Kontrol'nye elektricheskie chasy [Control electric clock]. *Nauka i zhizn'*. 24: 373. [in Russian]

[Zheleznye..., 1892](#) – *Zheleznye dorogi budushchego* [Railways of the future]. *Nauka i zhizn'*. 1892. 13: 193-194. [in Russian]

[Znachenie..., 1892](#) – *Znachenie Sibirskoi dorogi dlya russkoi trgovli i promyshlennosti* [Significance of the Siberian road for Russian trade and industry]. *Nauka i zhizn'*. 1892. 4: 54-55. [in Russian]

Направления научных исследований российских ученых конца XIX века: анализ публикаций журнала «Наука и жизнь» (1892 г.)

Наталья Николаевна Середкина^{a, *}, Дарья Сергеевна Пчелкина^a, Наталья Николаевна Пименова^a, Юлия Сергеевна Замаараева^a

^a Сибирский федеральный университет, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена одному из интереснейших изданий научно-просветительского характера «Наука и жизнь», которое выходило с 1890 по 1900 годы по инициативе журналиста и изобретателя М.Н. Глубоковского, затем вновь издавалось в 1904–1906 гг. под редакцией агронома Ф.С. Груздева, было возрождено в советское время и существует по сей день. Материалом для статьи

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: nnevolko@sfu-kras.ru (Н.Н. Середкина), pchelkina.ml@mail.ru (Д.С. Пчелкина), pimenovapluzhnik@mail.ru (Н.Н. Пименова), rybka08@bk.ru (Ю.С. Замаараева)

послужили номера журнала за 1892 г., начального периода его существования, когда были заложены миссия и концепция журнала и издание выходило еженедельно. Авторы определили значимые тематические направления публикаций, размещаемых в журнале, среди них: историко-философское направление науки и техническое направление науки – изобретения отечественных ученых и инженеров. В историко-философском направлении российских научных исследований на первом месте стоит обсуждение роли естественных наук, точность выводов которых во многом зависима от исследовательских установок и научных принципов. Описываемые в журнале вопросы, касающиеся технических достижений, свидетельствуют об активной включенности российских авторов, изобретателей конца XIX в., в общий процесс технического прогресса как на уровне теоретического осмысления мировых достижений, так и посредством своих собственных разработок и национальной политики по дальнейшему развитию железнодорожной и промышленной сфер страны. Анализ публикаций в журнале «Наука и жизнь» показывает высокий уровень развития рефлексии научного метода и знания в Российской империи, а также активность развития технической стороны научной деятельности в России конца XIX века.

Ключевые слова: периодика Российской империи, XIX век, журнал «Наука и жизнь», история и философия науки, технические изобретения, российские ученые.

Copyright © 2023 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2023. 18(2): 882-892
 DOI: 10.13187/bg.2023.2.882

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

From the History of Social Transformation among Muslims of Northern Kazakhstan. Turn of the XIX–XX centuries

Gyulnar K. Mukanova ^a, Ainagul Kaipbayeva ^a, Zyl'yikha Sh. Bimakanova ^b, Assel N. Bekmurzina ^{b,*}

^aCh.Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology VSC MHES RK, Republic of Kazakhstan

^bNorth Kazakhstan University named after M.Kozybayev, Republic of Kazakhstan

Abstract

The purpose of the research of this topic was to determine a specific synthesis of Russian-European and Eastern Muslim traditions, at a crucial stage of self-identification. In the course of the study of archival written, memoir sources and pre-revolutionary periodicals, historical facts of the diverse manifestation of the socio-cultural transformation of the turn of the XIXth and XXth centuries were revealed, using the example of the Kazakh ummah of the northern regions of the republic. On the basis of archival and memoir sources, for the first time in a generalized form, an attempt is made to structure innovations in the social behavior of Muslims (Kazakhs, Tatars, etc.) under the influence of external circumstances, in particular, introduction to bank lending. The article presents the facts of the Kazakhs using the Hajj to Mecca for educational tours in Europe and the Middle East. The artifacts (monuments of architecture, architecture) of the city of Petropavlovsk, the initiative of the construction of which belonged to local wealthy Muslims, have been studied. The facts of patronage in terms of organizing libraries and paying for the education of children and adolescents in aul schools and colleges, seminaries outside the region are summarized. A comparative analysis of the curricula of Muslim schools of the “old” and “new” method is carried out. When working with the sources, the historical and geographical factor, the peculiarities of ethnic identification and regional urbanism were taken into account.

Keywords: Asia, Kazakhstan, Russia, Muslims, culture, society, transformation, bankers, history.

1. Введение

Маргинальные локации, в данном случае располагавшиеся между степной зоной кочевания казахских родов Среднего жуза, с одной стороны, и с другой – лесными массивами Западной Сибири с вкраплениями городов-крепостей (Оренбург, Тобольск, Ишим, Курган, Петропавловск, Омск и др.) с преимущественно славянским населением в конце XIX – начале XX столетий представляли собой любопытный синтез европейской и азиатской культур. Если животноводческий «стержень» хозяйственно-культурного типа казахов обеспечивал относительную стабильность в плане выживания в суровых условиях резко-континентального климата (с перепадами в минус сорок градусов мороза до плюс сорока в летний период), то наличие стационарных поселений вдоль полотна Транссиба в изучаемый период для зажиточной прослойки инородческого населения обеспечивало надежную сохранность их сбережений в филиалах банков (Государственный, Русско-Азиатский и др.). Для детей богатых казахов и татар таким образом обеспечивался доступ к светскому образованию, досутовым развлечениям (фотография, цирк, театр и проч.) и, безусловно, расширению (масштабирование) бизнес-операций. Данный аспект исторической эволюции пограничной локации

* Corresponding author

E-mail addresses: assel-2009@list.ru (A.N. Bekmurzina), Gulnar_mukanova@mail.ru (G.K. Mukanova), aina__78@mail.ru (A. Kaipbayeva), bimakanova1956@mail.ru (Z.Sh. Bimakanova)

подлежит аутентичной репрезентации в разрезе социальной атмосферы пограничных городов, в частности прилегающих областей севера Казахстана.

Северные регионы казахских кочевий, граничившие с городами Западной Сибири, в исследуемый период могли иметь выход на филиалы центральных имперских банков. Исследование социального поведения зажиточных казахов Среднего жуза, в рамках регионального финансового хаба, в конце XIX – начале XX веков дает возможность реанимировать любопытный социальный феномен, представляющий актуальный пласт недавнего прошлого. Экономическая история интересна для исследователей и в плане изучения меценатства как высшей формы проявления гуманизма. Казахские и татарские юноши и девушки в указанный период нередко учились благодаря поддержке богатых членов сообщества.

2. Материалы и методы

Материалами для исследования являются ранее не введенные в научный оборот архивные источники (ГА РФ – Государственный архив Российской Федерации (Москва, Российская Федерация), ГА СКО – Государственный архив Северо-Казахстанской области (Петропавловск, Казахстан) (Ф. 2. Оп. 1. Д. 493. Годовой отчет Казпедтехникума за 1927–1928 учебный год и сведения о преподавательском составе; Ф. 2. Оп. 1. Д. 375. Л. 55, 570б., 226; Ф. 195. Оп. 4. Д. 102. Протокол заседания исполкома Петропавловского окружного комитета от 22 сентября 1928 г. «Об утверждении списка конфискуемых»), ГА ЮКО – Государственный архив Южно-Казахстанской области (Шымкент, Казахстан), ОГАСПИ – Оренбургский государственный архив социально-политической истории (Оренбург, Россия) (Ф. 208. Оп. 1. Д. 169. Л. 61. Протокол заседания Президиума Киргизского обкома от 13 октября 1923 года), ЦГА РК – Центральный государственный архив Республики Казахстан (Алматы, Казахстан) (Ф. 135. Оп. 1. Связка 24. Дело по конфискации и выселению бая 4-го аула Тонкерейского района Петропавловского округа Рамазанова Аблая; Ф. 1997. Оп. 1. Д. 61 А. Протоколы заседаний Ученого совета института. Сентябрь – декабрь 1938 г. Л. 12) и др. Документы содержат статистические аспекты культурных реформ, сведения об образовательном цензе казахской молодежи. Системный анализ позволил интерпретировать сведения об аульных мектебах из периодических изданий (газеты «Вакт» и «Туркестан»), отчетов о съездах учителей (Отчет..., 1911), краеведческих изданий (Муқанов, 2017) и мемуарных публикаций очевидцев трансформационных процессов в обозначенном регионе (Муқанов, 2011). При анализе текстов раритетных изданий (Вакт, 1901) на арабской гарнитуре (алфавит «тоте жазу», использовавшийся до середины 1920 годов) применялись традиционные для исторической науки методы: сравнительно-исторический, семантический, аналогий. Методами ретроспекции и компаративного анализа фотографий начала XX века установлены факты посещения казахами во время хаджа светских заведений Турции, фотоателье. Сравнительный анализ позволил уточнить персоналии меценатов, открывавших аульные мектебы и имевших счета в банках до революции, и идентифицировать их уже как советских граждан в списках «раскулаченных» и высланных из мест проживания в другие регионы. В ходе исследования выдерживался принцип историзма, учитывались топонимика и официальные названия учреждений (казпедтехникум, округ, Киробком и др.).

3. Обсуждение

Из казахстанских исследователей профессор Г.С. Султангалиева опубликовала результаты изучения архивных материалов, отражающих процесс складывания элиты из числа местных зажиточных казахов, склонной к коллаборации с российской администрацией (Султангалиева, 2012: 40). Письменные источники о социальном происхождении казахов-студентов, получавших образование в Казани, опубликовал в 1998 году на основе архивов Татарстана другой исследователь, этнический казах Б.А. Кенжетев (Кенжетев, 1998: 80, 82–83). В анкетных данных студентов-казахов имеются подтверждающие нашу версию сведения о том, что подавляющее большинство их были сыновьями султанов (чингизиды), биев и мулл. Например, среди студентов-выпускников Казанского университета казахами султанского происхождения были Г. Арунгазин, окончивший медицинский факультет (1900–1907); ранее выпускником факультета был Идигин (1891–1895); М. Каратаев окончил юридический факультет (1893–1896); тот же факультет окончил Ж. Сейдалин (1878–1882) (Кенжетев, 1998: 80). Казанский ветеринарный институт в 1908 году окончил А. Боштаев, сын муллы, внук старшего султана в чине капитана (Кенжетев, 1998: 83). Казанскую учительскую семинарию окончил в 1902 году Сафа Ажгиреев, султан. В 1905 году ту же семинарию окончил М. Тунганчин, султан (Кенжетев, 1998: 83). Однако султанское звание не было обязательным условием приема на учебу, например, Г. Ибрагимов, также выпускник юридического факультета Казанского университета, числится как «сын бия» (Кенжетев, 1998: 80).

Virginia Martin, профессор истории в University of Alabama, является автором интересного издания, в котором поднимается проблема реконструкции социальной, культурной и правовой истории Казахской степи, именно казахов Среднего жуза в XIX веке. На основе источников из архивов Казахстана и России В. Мартин исследует межкультурный микс имперских и местных законов,

обычаев и судебной практики в процессе строительства Российского государства и, соответственно, уделяет внимание правоведам из числа инородцев (Martin, 2012: 99).

Среди городского населения Акмолинской области татары составляли 21,6 %. Так, в начале XX века в Петропавловске проживало около 10 тысяч татар и казахов (Галиев, 2011: 29). Банковская сеть в городах на территории Акмолинской области и смежных областей Сибири и взаимодействие с ней казахских баев – тема практически не изученная. Источники о сложных взаимоотношениях эксперских банков с советской администрацией легли в основу монографии выпускника Harvard University, ныне живущего в Лондоне финансового аналитика и историка Hassan Malik (Malik, 2020). В своей книге «Банкиры и большевики» Хасан Малик изложил историю краха, описывая опыт ведущих финансистов того времени, которые работали на одном из самых прибыльных, но сложных рынков.

Лавки, магазины в городах, жилые дома строились на проценты от вкладов, и налицо тенденция совместно укреплять основы региональной власти. Не случайно американский ученый-историк Сьюзан Смит-Питер из University of New York, исследовавшая российскую действительность XIX столетия через призму жизнедеятельности провинций, пришла к выводу, что провинции представляли собой «места, где могли бы возникнуть местные формы гражданского общества, включая население, которое не только откликнулось на автократическое правительство, но и активно работало с ним над созданием российской мощи и цивилизации» (Smith-Peter, 2017: 65).

Зарубежные авторы коллективной монографии J.F. Hacking, J.S. Hardy, M.P. Romaniello делают акцент на последствиях российского присутствия в Азии, изучив социальные связи и сообщества, они приходят к выводу о культурных различиях народов (Hackingetal, 2020). Ключевым отличием данного издания является междисциплинарный подход к теме, умение синтезировать различные аналитические подходы, с целью осмыслить множественные узы, связывающие народы России, в частности Сибири и Центральной Азии. Казахстанский профессор Г. Султангалиева утверждает, что сближение имело целенаправленный характер с обеих сторон, при наличии даже определенных бонусов для инородцев (продвижение по службе, внеочередное присвоение рангов и званий, ходатайство о награждении и знаках отличия, патронаж отпрысков в местах учебы и проч.). Безусловно, была заинтересована в продвижении и обучении детей, в том числе и девочек, часть казахского сообщества, не принадлежавшая к чингизидам. Одним из первых в 2007 году на тему обучения казахских девушек до революции в дальнем зарубежье писал краевед К.М. Муқанов. В частности, в монографии им обобщены сведения об Умсын Жусиповой (Муқанов, 2007). На рубеже XIX–XX веков уроженка аула из северного Казахстана Умсын училась сначала в Троицком джадидском медресе «Уазипа», затем – в Александрии, университете аль-Азхар, который окончила в 1902 году и вернулась домой, имея квалификацию обучать детей основам географии, счета, письма и чтения. О том, что в Троицке учились уроженцы Акмолинской области братья Галимжановы, Галиулла и Файзулла, сообщается в статье Р. Кузиковой (Кузикова, 2016: 40).

Можно согласиться с мнением Исмаилова и Базарбаева, что «джадидисты критиковали религиозный фанатизм, требовали замены устаревших религиозных школ национальными светскими, ратовали за развитие науки и культуры, выступали за издание газет на родном языке, за открытие культурно-просветительских учреждений» (Исмаилов, Базарбаев, 2013: 45). Тема влияния джадидского мировоззрения на социализацию кыргызской аудитории прослеживается в публикациях историков из Кыргызстана (Кубатова, Байдилдеев, 2022: 94). Указанный аспект только дополняет другие социальные последствия трансформации, а именно в сфере коллаборации в экономике, финансах, строительстве объектов культурной сферы и образования. Вышеназванные стороны процесса социально-культурной трансформации в северных регионах Казахстана на примере мусульманской уммы все еще не изучены и не обобщены на системной основе, с новых методологических позиций. Данная статья является попыткой критического анализа имеющихся сведений через призму переосмысления роли социокультурно-этногеографических компонентов в процессе идентификации, на этапе политического разлома, вызванного крахом государствообразующих институтов имперского правления.

4. Результаты

Изучение сведений о казах-выпускниках учебных заведений на территории Российской империи и других государств в дореволюционный период стало возможным при ознакомлении с анкетами учительского состава казахских педтехникумов и вузов. В анкетах учителя указывали место окончания учебы, и эти данные представляют интерес. К примеру, Мустафин Сейтбаттал работал в Петропавловском казахском педтехникуме в 1920-е годы, будучи выпускником 1913 года учительской семинарии в г. Константинополе (ныне г. Стамбул, Турция) (ГАСКО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 493; ГАСКО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 375. Л. 55, 57об., 226). Рассекречивание материалов «дел» репрессированной казахской интеллигенции дает основание надеяться, что список выпускников зарубежных almatater пополнится в ближайшее время.

Нарративные источники позволили нам узнать, что в дореволюционный период на территории Северного Казахстана были открыты в частном порядке и функционировали аульные школы, инициированные выпускниками училищ и медресе гг. Троицка, Уфы, Казани и др. К примеру,

известный в крае меценат и предприниматель Абылай Рамазанов (1871–1931) обучал в такой частной школе (аул № 4 Пресновского уезда Акмолинской области, ныне Тимирязевский район СКО) детей своих сородичей, выписывая доску и грифели из близлежащих городов. Сведения о факте открытия школы были им представлены в редакцию татарской газеты «Вакт», выходившей в Оренбурге. В заметке А. Рамазанов отмечает преимущества метода «усулижадиде», а также пишет о том, что он нанял учителем в школу выпускника медресе «Усмания» из Уфы некоего Галымжана, и через полгода аульские мальчишки научились читать тюрки и книги по-арабски (Вакт. 1909. 9 окт.). Сам Рамазанов окончил учительскую семинарию в Троицке. К сожалению, и мецената Рамазанова Абылая не обошла стороной «кампания» по раскулачиванию (ЦГА РК. Ф. 135. Оп. 1. Связка 24). Высылка в Актюбинск подорвала его здоровье (ГА СКО. Ф. 195. Оп. 4. Д. 102). После временного освобождения семья попыталась вернуться в родные края, но последовал новый арест по ложному навету, в итоге он умер в тюрьме Петропавловска (ГА СКО. Ф. 5. Оп. 1. Связка 12. Д. 156).

Выяснилось, что из стен аульной школы А. Рамазанова вышли впоследствии ставшие известными государственными и общественными деятелями Есим Байгаскин, директор зооветеринарного института в Алма-Ате, репрессирован (ЦГА РК. Ф. 1997. Оп. 1. Д. 61 А. Л. 1-2); Хамза Ибраев, также жертва сталинских репрессий (Муқанов, 2018: 46). Таких имен и фамилий выясняется немалое количество, многие из тех лиц погибли в ГУЛАГе, потому систематизация данных до сих пор была под вопросом.

Казахское население Петропавловска в начале XX века обучало своих детей наравне с татарскими детьми, проявляя толерантность в социальных вопросах. В западных областях Казахстана в рамках указанного исторического этапа джадидское образование казахские подростки могли получать в г. Уральске в трех медресе: «Мутыйгия», «Гайния» и «Ракыйбия». Первую из них основал татарин Мутыгуллахазрет Тухватуллин, сын которого окончил университет «аль-Азхар» в Александрии и передавал ученикам знания об учениях аль-Фараби, Ибн Сины и др. (Абузяров, Туаева, 2002: 33). Процессы, свидетельствующие о социально-культурной трансформации в мусульманской среде западных областей края на рубеже XIX–XX веков, фиксируются в визуальных фотодокументах, изустных мемуарах. Фото-экспозиции регулярно выставляются на сайтах и стендах Северо-Казахстанского областного историко-краеведческого музея.

Для сравнения приведем цифры роста количества учащихся в южных областях Казахской степи: до революции в Сырдарьинской области их насчитывалось 3 441, тогда как во втором десятилетии XX века их число выросло до 12 392 чел. (ГА ЮКО. Ф. 242. Оп. 1. Д. 61. Л. 100).

О школах в Сырдарьинской области в первом десятилетии XX века писали С.К. Граменицкий, Н. Бобровников, В.Н. Наливкин (Отчет..., 1911: 5)

Любопытно, что казахское население восточных степных областей граничило с регионами довольно ортодоксального ислама, тем не менее факты функционирования школ джадидского типа в г. Кульдже в северо-западной провинции Китая (Синьцзян) в начале XX века отмечал известный российский востоковед А.Е. Крымский (Крымский, 1916: 4). Тенденции расширения зоны охвата светским джадидским образованием в мусульманской среде (куда входили и казахи), таким образом, имели место к началу Первой мировой войны, что свидетельствовало косвенно о распространении печатных и учебных изданий и общей популярности высшего и среднего профессионального образования среди кочевого казахского населения.

Безусловно, передовая казахская интеллигенция на рубеже веков стремилась передать лучшее своим ученикам на базе аульных школ-мектебов на джадидской основе обучения, что представляло сложность ввиду отсутствия стационарных помещений, климатических особенностей северных регионов и дефицита кадров учителей. Тем не менее существовала потребность учить детей и сообщество проявляло гражданскую сознательность. Приезжие учителя поддерживались, за работу им обеспечивали пропитание, жилье и безграничное уважение, но и строго контролировали результаты обучения. Обучение девочек-казашек в северных регионах Казахской степи в исследуемый период могли позволить в основном зажиточные семьи, имевшие мотивацию к воспитанию и обучению детей. При отсутствии в городах национальных медресе для девочек их могли отдавать в татарские медресе ввиду схожести традиций и языка. Петропавловское (Кызылжарское) татарское медресе окончили Зылейха Курманбайкызы, будущая супруга поэта, публициста Магжана Жумабаева, и ее подруга-тезка, будущая супруга публициста Бекмухамеда Серкебаева, а также Амина Султанкызы, будущая супруга Гали Кемелева. Большим помощником в литературной обработке этнографического наследия казахского народа была выпускница медресе «Якобийе» и «Хусайние» Фатима Зейнуллакызы Габитова, которая трудилась наравне с супругом, поэтом Ильясом Джансугуровым, выпускником медресе «Мамания», основанного в 1909 г. (ЦГА РК. Ф. 90. Оп. 1. Д. 7336. Л. 49). Известная казахская поэтесса Мариям Хакимжанова также выпускница дореволюционной школы в Тургае, член партии, сама стала объектом репрессий после ареста мужа. Об этих замечательных женщинах имеет смысл создать отдельное исследование, так как они были грамотными, начитанными, могли выполнять обязанности литературных сотрудников, работали в редакциях газет. Семьи многих советских служащих тогда были созданы на паритетной основе, когда расторгался ранний брак и заключался новый с представительницей слабого пола,

эмансипированной, как правило, окончившей медресе-школу и разделявшей прогрессивные взгляды супруга. Семейно-гендерные ценности и предпочтения первых лет советской власти в регионах – также малоисследованный аспект социализации, несколько завуалированный, касавшийся личных драм и семейных историй, и архивов. Тенденция обновления родовой истории характерна была после 1917 года практически повсюду по России, особенно в центральных городах, губернских и областных центрах. Остается добавить, что большинство жен казахских интеллигентов оказались в 1930-е годы в категории ЧСИР («члены семей изменников Родины») и прошли лагерные испытания.

Проанализировав разножанровые источники по этому вопросу, мы составили обобщающую сравнительную таблицу (Таблица 1).

Таблица 1. Сравнительный анализ специфики организации учебного процесса в старометодных и новометодных (джадидских) школах

Критерии	Ортодоксальные / конфессиональные учебные заведения	«Новометодные» джадидские школы
Длительность обучения	Дискретное обучение, в среднем 4–5 месяцев в год. Обучение в школе примерно в течение 3–5 лет, обучение в медресе в рамках 7–13 лет.	Перманентное обучение. Образовательный процесс запланирован на 2 года.
Возрастной ценз	Возрастных ограничений не было. Учащиеся учились в возрасте 7–17 лет.	Прием в школы с 7 лет. Дифференциация на классы, соответствующие возрасту.
Материально-техническая база	Материальная база медресе оставляла желать лучшего. Не было типовых парт, стульев, классных досок, письменных принадлежностей.	«Новометодные» школы были хорошо оснащены в материально-техническом плане. Было все необходимое для организации учебного процесса, вплоть до наглядных пособий по специальным дисциплинам.
Особенности учебного процесса	Применялся метод обучения чтению «по слогам». Этот метод создавал трудности при изучении арабского языка, с которым казахские школьники не были знакомы.	Применялся метод звукового обучения. Учащиеся осваивали написание новых букв и затем только переходили к скорочтению.
Преподаваемые дисциплины	Наряду с основами ислама, такими как Коран, законы шариата, мусульманское право, в отдельных школах-медресе преподавались такие предметы, как арифметика, относящиеся к основам светского образования. В конфессиональных учебных заведениях родной язык не преподавался.	Наряду с арабским изучались восточные языки, а также предметы, относящиеся к основам светского образования: география, философия, химия, физика и др. В джадидских школах преподавали родной язык.

Среди малоизученных аспектов темы социальной трансформации необходимо выделить такие, как обслуживание в банках городов Сибири казахов, владельцев больших табунов лошадей и верблюдов, завсегдаев торгов и сезонных ярмарок. В самом Петропавловске функционировали следующие банки: с 1867 года – Общественный банк, с 1880 – Государственный банк, с 1904 – Русский торгово-промышленный банк и с 1905 – Сибирский торговый банк (*Северо-Казахстанская..., 2004: 170*). Краевед К. Муканов описал биографию казаха-предпринимателя Альти-кажы, которого хорошо знали в степи и узнавали в филиалах банков в Кургане (*Муканов, 2011: 10*). В книге К. Муканова отмечается, что фрагментарно сведения о поездках Альти в банки, где он предпочитал хранить вырученные от продаж скота, соли и других товаров деньги, а также конвертировать их в золотые слитки, отложились в устных воспоминаниях его доверенных лиц. Объектом вложения капиталов Альти-кажы был Курганский филиал Госбанка России, который обслуживал участников Союза сибирских маслоделов и ряд датских и английских компаний («СибиК^о», «Карл Гольбек», «Эсман Е.Ф.», «Лонсдейль и К^о»), занимавшихся вывозом масла. Любопытно, что сам Альти предпочитал жить в ауле, имея помощников в Петропавловске и Кургане. Для осуществления банковских операций важно было владеть русским языком, основами счета, для чего баи нанимали обученных помощников (как правило, выпускников русско-киргизских училищ). Таковые обучались в стенах школы-интерната для казахских мальчиков, где готовили мелких чиновников для волостных

и аульных управлений и толмачей (переводчиков) (*Северо-Казахстанская...*, 2004: 98). Источниковая база сибирских филиалов банков почти не сохранилась, к сожалению; причиной тому были политические катаклизмы: переворот 1917 и события 1918 гг., Гражданская война в Сибири; большинство архивов были вывезены либо уничтожены (*Северо-Казахстанская...*, 2004: 169-170).

В банковской сфере, что интересно, до революции (в 1913 году) трудился чингизид-казак Алихан Нурмухамедович Букейханов, основатель партии «Алаш», выпускник юридического факультета Санкт-Петербургского университета. В г. Самаре функционировал Донской земельный банк, где Букейханов работал в должности главного агента, поскольку въезд в столицу ему был воспрещен после ссылки. Именно в ссылке он познакомился с А. Цюрупой, который и пригласил его в Самару и помог трудоустроиться, то есть банковские операции с земельными участками не противоречили его мировоззрению и только прирастили его познания российской действительности в аграрном секторе.

Гипотетически для мусульманина идея нажиться на процентах является запретной – «харам». Ислам осуждает азартные ставки, игры, сопровождающиеся эмоциональными всплесками, когда человек практически теряет свою личность в погоне за выигрышем «любой ценой». Как могли относиться ортодоксальные муллы на имперском пространстве к банковским предложениям столетием ранее? Финансовый сектор приграничных городов Зауралья и Западной Сибири действительно предлагал номенклатуру разнообразных услуг (займы, ссуды, кредитование, открытие депозитов) для предприимчивых лиц. Рекламные анонсы печатались в местных газетах. Тот факт, что баи – зажиточные казахи – могли свой излишек бумажных денег, вырученных, как правило, от продажи скота и продукции животноводства (кишки, сало, шкуры, мясо, масло, кошмы, арканы – прочные плетеные веревки из конского волоса и прочее), класть в банки, могло вызывать осуждение в сообществе. Впрочем, баи легко могли выйти из щекотливой ситуации, заставив молчать своих помощников о сделках, а также войти в доверие к авторитетным лицам из числа мусульманского населения региона и слыть правоверными внешне. Такие баи нередко совершали хадж в Мекку, пользуясь случаем и найдя возможность потратить свои доходы, заодно получив статус «кажы» и формально приобщиться к лицам, обладающим статусом быть вне критики.

Приграничные зоны испытывали на себе сопутствующие факторы многочисленных торгово-обменных операций, в ходе которых вырабатывался стереотип успешного/незадачливого участника рынка. По данным энциклопедии, «за 1900–1914 гг. число ярмарок в Акмолинской области возрастает с 60 до 200, в то же время годовой объем стационарной торговли увеличился с 4,4 до 11,2 миллиона рублей» (*Северо-Казахстанская...*, 2004: 50). Образ купца-ростовщика, рискованного сопровождать караваны с товаром по не всегда безопасным маршрутам, условно именуемым трассами Великого шелкового пути, описан в статьях казахстанских исследователей (*Kudabay et al., 2019*). В частности, они выделяют коммуникативную миссию лиц, бравших на себя ответственность устанавливать и развивать на практике связи между регионами, и данная характеристика априори распространяется на клиентов пограничных банков в лице казахской степной аристократии, добывавшей капитал своими умениями и хваткой.

Смекалка в освоении не изведанных ранее маршрутов была, к примеру, проявлена упоминавшимся выше меценатом А. Рамазановым. Будучи человеком любознательным, после окончания троицкого училища он путешествовал в Стамбул, Москву, Мекку (совершив хадж, причем неоднократно). Им был освоен как сухопутный, так и морской путь, находчивость позволила ему и его спутникам-аульчанам (большинство из которых были малограмотными) практически совершить кругосветное путешествие на свои и их средства. Рамазанов действительно имел статус «кажы» (ходжа), т.е. совершившего паломничество к святым для мусульманина местам. Его познания в географии пригодились ему для фактической организации «туров» по Ближнему Востоку по просьбе богатых соплеменников, то есть досуговые развлечения (прогулки на лайнерах, фотографирование в ателье Стамбула) совмещались с исполнением одного из заветов Пророка, и в этом – душа степняка, отвергавшая любые ханжеские запреты...

Казахские студенты, к примеру, в городах учебы (Оренбург, Омск, Казань, Москва, Санкт-Петербург) свободно посещали театральные постановки; более того, они стали подражать и самостоятельно писать пьесы на родном языке (Кошмухаммед Кеменгеров, Смагул Садвокасов и др.) и ставить первые пьесы на импровизированных сценах в городском парке Петропавловска (*Муқанов, 2011: 59*). Посещение театров, цирка, где нередко проходили состязания борцов-палуанов, не только не входило в противоречие с мусульманским вероисповеданием у казахов, но и вызывало только положительные эмоции. Такого рода развлечения требовали расходов, и позволить их себе могли не все категории учащихся. Например, впоследствии известный правозащитник Мустафа Шокай смог продолжить обучение лишь после того, как смог исхлопотать стипендию Сырдарьинского генерал-губернаторства. Жизнь в городских условиях обусловила тягу к знаниям. По данным казахстанского профессора В. Галиева, в начале XX века функционировали мусульманская библиотека-читальня в Акмолинске, тюркская библиотека в городах Верном, Уральске, Семипалатинске, Кустанае и Троицке (*Галиев, 2011: 203*). Садвокасов, Нурмаков, Ауэзов, Дулатов пользовались фондами таких книгохранилищ. Полученные ими знания позволили им создавать национальные периодические

издания; так, в 1923 году в Оренбурге Алдунгаров, Уразбаева, Смагул Садвокасов, Тохтабаев и Казангапов были выдвинуты в состав редколлегии газеты «Молодой киргиз» («Жас казах») (ОГАСПИ. Ф. 208. Оп. 1. Д. 169. Л. 61).

Казахам Среднего жуза в исследуемый период были известны лечебные свойства природных лакун и не были чужды выезды на самостоятельные курорты: так, в окрестностях озера Минкесер (ныне в Мамлютском районе СКО) располагались приезжие из числа местных и иногородних жителей, жаждущих исцелить свои заболевания. Грязь озера Минкесер славилась чудодейственными свойствами, здесь жители лечили суставы, нервно-психические расстройства и различные кожные высыпания, и с началом теплого сезона сюда даже из соседних областей Сибири направлялись группы людей на бричках, арбах, расставляли самодельные палатки. Собственно, грязевые отложения озер Минкесер, Боровое, Медвежье и других близлежащих водоемов привлекали множество туристов и в советское время, когда бальнеологические их свойства были официально подтверждены после проведения специальных лабораторных анализов.

Наконец, позитивными последствиями коллаборации и социально-культурной трансформации мусульманского населения Среднего жуза можно считать, как новшество, их обустройство в урбанистической среде. Зажиточные казах, татарин постепенно перебирались в город, где не только приобретали землю, строили жилые дома, мечети, но и соответственно их украшали. Мусульманская тюрко-татарская умма, так именовали себя казахи и татары Петропавловска, идентифицировала себя как значимое звено в политической системе Российского государства. Тому свидетельством – факт, что в апреле 1919 года, в разгар событий Гражданской войны в Сибири, из Петропавловска они отбили телеграмму в Новониколаевск (ныне Новосибирск) к министрам правительства Колчака, Пепеляеву и Вологодскому, с просьбой «признать культурно-национальную автономию мусульман внутренней России и Сибири» (ГА РФ. Ф. Р-1701. Оп. 1. Д. 57. Л. 23-26). Подписали телеграмму известные в крае аксакалы, «попечители мечетей: первой – Тюменев, второй – Зайтов, третьей – Бегишев, четвертой – Абдрашитов, пятой – Маматов и шестой – Бирюшев». Отражение эпохи разлома, смятения в умах читается между строк в этом документе, и одновременно – огромное желание мирно урегулировать важные вопросы социально-культурного обустройства. В источнике косвенно распознается интересная деталь: численность городских мечетей Петропавловска – их шесть

Безусловно, начало движения по Транссибирской магистрали (станция Курган введена в действие в 1893 году) стало толчком к развитию торговых операций Западной Сибири с дальневосточными областями. Поскольку станция Петропавловск (открыта в 1895 году) находилась на линии магистрали, то в город поступали сведения о валютном курсе и рыночных трендах как Европы, так и Китая (Харбин); номенклатура товаров, которые можно выписать почтой, к началу XX века значительно расширилась. Биржевые новости заслуживали внимания мусульманского купечества, наиболее смелые отправляли тюки восточных товаров (специи, ткани) в родной город из далекого Приморья.

Помещения в домах петропавловских мусульман отвечали запросам типичной мусульманской семьи, с женской половиной, но не настолько недоступной, как, к примеру, в Средней Азии. Проживание мусульман в пограничных с Уралом и Сибирью городах, безусловно, вносило элементы орнамента, узоров в украшение фасадов и наличников ставен. Зодчество таких городов-станций, как Петропавловск, обогатилось благодаря фантазиям купеческих домов, когда мастерские выписывались из столицы, а макеты строений буквально копировались из престижных образцов Центральной России, Петербурга. То есть частные домовладения становились визуальной сценой для подражания, отражая зажиточность хозяев, сюда стремились попасть на званые обеды и вечера, оставить визитки и завести полезные знакомства. Характерный пример – «Дом невесты Янгуразова» в Петропавловске, отстроенный в центре города и обросший легендами относительно цели постройки и той капризной избранницы молодого купца, которая непременным условием брака определила дом в стиле столичного лоска (Северо-Казахстанская..., 2004: 436). Имел место прецедент или нет, история умалчивает, ведь с началом лихолетья 1917 года замысел так и не был доведен до логического конца: то ли купец скончался, то ли невеста. И таких шедевров архитектуры в исследуемой локации наберется немало; довольно крепкие строения постепенно ветшают, используются они не по назначению, многие деревянные дома вовсе уничтожены в ходе интенсивной многоэтажной застройки.

Реконструкция адресов проживания мусульман Петропавловска становится ныне возможна при условии внимательного системного изучения редких карт раннего советского периода, схем городской инфраструктуры, а также анкетных данных арестованных / репрессированных деятелей, где указывались улица, дом проживания. Как правило, аресты производились, когда подозреваемый находился дома, и это фиксируется в ордерах. Также можно обнаружить сведения об экспроприированных зданиях экс-владельцев из числа зажиточных мусульман в местных архивах и энциклопедических справочниках, публикациях краеведов, ведь большинство советских учреждений вначале были размещены именно в экспроприированных зданиях. Школы могли располагаться в домах, ранее принадлежавших зажиточным семьям городских мусульман. В упомянутом выше «Доме невесты» в годы Гражданской войны располагался Совдеп Петропавловска, а также штаб ЧОН – частей особого назначения (милиции), в мирное время – облфинотдел, Госстрах, в настоящее время в

нем расположены служебные помещения городской мечети. Историческая преемственность в данном случае имеет место более чем столетие спустя.

5. Заключение

Маргинальные области на границе Западной Сибири с казахскими кочевьями в исследуемый период – к началу XX века – оказывались благоприятной средой для предприимчивых лиц. Казахские дельцы, имевшие интересы в торгово-обменных операциях, этим не преминули воспользоваться. Наиболее смелые и доверявшие имперским институтам проявляли расторопность и шли на сотрудничество с банками (уместно было бы обозначить в этом плане феномен «аульного капиталиста-миллионера» Альти-кажы). Процесс был взаимовыгодным, иначе отношения не сложились бы: оборот денежных средств казахских баев-вкладчиков позволял филиалам банков в Сибири держаться на плаву, и легенды о несметных богатствах сородичей добавляли весомости казахским предпринимателям. Проценты от вкладов были гарантом от возможного разорения хозяйств степняков во время стихийных природных бедствий (джуты-бескормица, падеж скота и т.п.). На средства от прибыли строились в Петропавловске, к примеру, торговые лавки, мечети и жилые дома, арендовались магазины, осуществлялась благотворительность. Иными словами, социальный фон упомянутых выше финансовых операций имел здоровую природу и тенденцию к улучшению условий жизни казахского населения. Возрастал вес категории предпринимателей, не имевших аристократической генеалогии, добившихся признания собственными усилиями.

Европеизация этнических казахов в маргинальной урбанистической среде на рубеже XIX–XX веков происходила довольно успешно; освоение русского языка и технических новшеств, географическое сближение с центрами просвещения (университеты и училища, духовные учебные заведения городов Казань, Уфа, Омск, Оренбург) способствовали узнаванию казахской молодежью современных трендов в литературе и искусстве, театральной среде и юриспруденции, здравоохранении. Фактическими спонсорами студентов-мусульман оказывались их родственники, реже – попечители-меценаты. Идея благотворительности в плане открытия аульных джадидских школ (что характерно, в 1909 году в разных регионах одновременно), поддержки стипендиатов-казахов, отчислений в пользу бедствующих постепенно внедрялась в сознание сообщества, и в этом смысле рост этнического гражданского сознания налицо. Данный аспект немаловажен как пример осознанной поддержки учащейся молодежи, будущих профессиональных кадров. Позднее этот принцип поддерживался в деятельности казахских молодежных организаций Омска, в которых активное участие принимал Смагул Садвокасов. Благотворительность в городах поддерживалась, как правило, среди читателей мусульманских библиотек, которые в свою очередь создавались на основе благотворительности: для приобретения помещения и книг изначально татары и казахи Петропавловска собрали первоначальный капитал. Был также нанят секретарь М. Дулатов, который ведал бухгалтерией, деловой перепиской, выдачей книг, журналов. Памятники зодчества и региональной архитектуры, основанные в начале прошлого века мусульманским населением городов (магазины, жилые дома, мечети, мельницы), как правило, ныне обнаруживаются под слоями времени либо как сменившие изначальное предназначение. Распознать домовладения и обозначить их как памятники истории и культуры – задача ближайшего будущего, требующая обращения к источникам.

Финансовый сектор приграничных городов Зауралья и Западной Сибири предлагал разные виды услуг (ссуды, кредитование, открытие депозитов) для предприимчивых казахов; излишек бумажных денег откладывался клиентами банков из числа мусульманского населения (что в целом-то противоречило шариату, осуждавшему ростовщичество – получение прибыли от процентов) либо конвертировался в золотые слитки. Феномен инородца Альти-кажы, рисковавшего одним из первых вести расчеты с банками, достоин быть отмеченным как пример неординарного мышления, своего рода компромисса между долгом правоверного и обстоятельствами, сулившими обеспеченное будущее потомкам. Впрочем, забегая вперед, заметим, что события 1917 года и Гражданской войны привели к банкротству вкладчиков: редко кто исхитрился вывезти капиталы и слитки и перепрятать. К тому же Альти-кажы и Абылай Рамазанов в 1918 году спонсировали добровольческие казахские отряды (войско Алаш), принявшие антибольшевистскую сторону под воздействием национальной партии Алаш. Указанные сведения восстановлены из мемуаров свидетелей, как выше указывалось, и вполне могут дополнить общую картину попыток военизированного возрождения России. Крах империи для предпринимателей был ощутим в материальном плане, они распознали опасность новой власти. Что касается взаимоотношений советской администрации с имперскими банками, то это особая страница региональной истории, достойная отдельного исследования.

Северные регионы казахских кочевий, граничившие с Сибирью, в исследуемый период имели больше доступа в филиалы банков, нежели те, что были расположены вдоль границы с владениями Цинской империи (Синьцзян). Южные области (Российский Туркестан) также дистанцировались от находившихся под влиянием туманного Альбиона владений шахов Персии, Афганистана, с которыми царское правительство не спешило форсировать внешнеэкономические проекты. В некотором роде зажиточные казахи Среднего жуза способствовали устойчивости Сибирского финансового хаба в реалиях XIX – начала XX веков, выразив доверие региональным банкам. К тому же поставки мяса и

масла из северных регионов Казахстана внесли свою лепту, по-видимому, в борьбу с голодом 1911–1912 гг. в центральных российских губерниях. Идентификация казахских предпринимателей мусульманского вероисповедания к началу XX столетия характеризовалась строго как самоощущение принадлежности к российской короне и умеренно монархическими взглядами.

6. Благодарности

Работа выполнена в рамках реализации проекта ИРН АР09261139 «Государственная, общественная и научно-педагогическая деятельность Смагула Садуакасулы» (на основе новых архивных и письменных источников).

Литература

- Абузьяров, Туаева, 2002 – Абузьяров Р.А., Туаева З.И. Уральск в судьбе Габдоллы Тукая. Уральск: Редакционно-издательский отдел, 2002. 108 с.
- Галиев, 2011 – Галиев В.З. Книга, разбудившая народ. Алматы: Мектеп, 2011. 525 с.
- ГА РФ – Государственный архив Российской Федерации.
- ГА СКО – Государственный архив Северо-Казахстанской области.
- ГА ЮКО – Государственный архив Южно-Казахстанской области.
- Кенжеттаев, 1988 – Кенжеттаев Б.А. Казанские учебные заведения и процесс формирования казахской интеллигенции в середине XIX – начале XX вв. Казань: ПиФ, 1988. 88 с.
- Крымский, 1916 – Крымский А.Е. Школа, образованности и литература у российских мусульман (культурно-этнографический очерк) // *Туркестан*. 1916. № 82. 21 ноября.
- Кубатова, Байдилдеев, 2022 – Кубатова А.Э., Байдилдеев Ж.Р. Периодические издания джадидов и их роль в общественно-культурной жизни Кыргызстана // *Электронный научный журнал «Edu.e-history.kz»*, 2022 (4). С. 95-111.
- Кузеева, 2016 – Кузеева Р.С. Файзулла Галимжанов: жизнь и деятельность // *Отан тарихы*. 2016. № 2. С. 37-48.
- Муканов, 2007 – Муканов К.М. Умсын-сулу. Анызбенакикат. Петропавловск: Полиграфия, 2007. 240 с.
- Муканов, 2018 – Муканов К.М. Абылай Рамазанов. Алашкайраткері. 2 изд. Петропавловск: Северный Казахстан, 2018. 185 с.
- Муканов, 2011 – Муканов С. Школа жизни. Астана: Аударма, 2011. 472 с.
- ОГАСПИ – Оренбургский государственный архив социально-политической истории.
- Отчет, 1911 – Отчет о заседаниях первого съезда учителей и учительниц Сырдарьинской области. Ташкент, 1911. 65 с.
- Северо-Казахстанская..., 2004 – Северо-Казахстанская область. Энциклопедия. Алматы: Арыс, 2004. 672 с.
- Султангалиева, 2012 – Султангалиева Г.С. Послужные списки как исторический источник по истории формирования казахского чиновничества XIX в. // *Вестник КазНУ. Серия историческая*. 2012. № 4(67). С. 37-43.
- ЦГА РК – Центральный государственный архив Республики Казахстан.
- Вакт, 1901 – Вакт. (Оренбург) 1901. 9 октября.
- Hacking et al., 2020 – Hacking J.F., Hardy J.S., Romaniello M.P. Russian Asia: Imaginations, Interactions, and Realities. Routledge, 2020. 256 p.
- Ismajlov, Bazarbaev, 2013 – Ismajlov A.I., Bazarbaev K.K. Jadidism – the history of the enlightenment movement and Freedom of Thought in Central Asia, late XIX – early XX century // *Bylye Gody*. 2013. 27(1): 44-51.
- Kudabay et al., 2019 – Kudabay A.A., Mukanova G.K., Yanchuk V.A. Silk Road Logistics: Experience of Ancient Merchants and Opportunities // *Analele Universitatii din Craiova. Serial Istorie*. 2021. Nr 26(2). Pp. 7-17.
- Malik, 2020 – Malik H. Bankers and Bolsheviks: International Finance and the Russian Revolution. Princeton University Press, 2020. 318 p.
- Martin, 2012 – Martin V. Law and Custom in the Steppe: The Kazakhs of the Middle Horde and Russian Colonialism in the Nineteenth Century. Routledge, 2012. 265 p.
- Smith-Peter, 2017 – Smith-Peter S. Imagining Russian Regions, Sub national Identity and Civil Society in Nineteenth-Century Russia. BRILL, 2017. 344 p.

References

- Abuzyarov, Tuaeve, 2002 – Abuzyarov, R.A., Tuaeve, Z.I. (2002). Ural'sk v sud'be Gabdolly Tukaya. [Uralsk in the fate of Gabdulla Tukai]. Ural'sk: Redaktsionno-izdatel'skii otdel, 108 p. [in Russian]
- CGA RK – Central'nyj Gosudarstvennyj arhiv Respubliki Kazahstan [Central State Archive of the Republic of Kazakhstan].
- Galiev, 2011 – Galiev, V.Z. (2011) Kniga, razbudivshaya narod. [The book that woke up the people]. Almaty: Mektep, 525 p. [in Russian]

- GARF** – Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii [State Archive of the Russian Federation].
- GA SKO** – Gosudarstvennyj arhiv Severo-Kazahstanskoj oblasti [State Archive of the North Kazakhstan region].
- GA YUKO** – Gosudarstvennyj arhiv Yuzhno-Kazahstanskoj oblasti [State Archive of South Kazakhstan region].
- Hacking et al., 2020** – *Hacking, J.F., Hardy, J.S., Romaniello, M.P.* (2020). Russian Asia: Imaginations, Interactions, and Realities. Routledge, 2020. 256 p.
- Ismajlov, Bazarbaev, 2013** – *Ismajlov, A.I., Bazarbaev, K.K.* (2013). Jadidism – the history of the enlightenment movement and Freedom of Thought in Central Asia, late XIX – early XX century. *Bylye Gody*. 27 (1): 44-51.
- Kenzhetaev, 1988** – *Kenzhetaev, B.A.* Kazanskije uchebnye zavedeniya i process formirovaniya kazahskoj intelligencii v seredine XIX – nachale XX v. [Kazan educational institutions and the process of formation of the Kazakh intelligentsia in the middle of the XIX – early XX centuries]. Kazan: PiF, 88 p. [in Russian]
- Krymskij, 1916** – *Krymskij, A.E.* (1916). Shkola, obrazovannosti i literatura u rossijskih musul'man (kul'turno-etnograficheskij ocherk) [School, Education and Literature among Russian Muslims (cultural and ethnographic essay)]. *Turkestan*. 82. November 21. [in Russian]
- Kubatova, Bajdildev, 2022** – *Kubatova, A.E., Bajdildev, Zh.R.* (2022). Periodicheskie izdaniya dzhadidov i ih rol' v obshchestvenno-kul'turnoj zhizni Kirgystana [Periodicals of the Jadids and their role in the social and cultural life of Kyrgyzstan]. *Edu.e-history.kz*. (4): 95-111. [in Russian]
- Kudabay et al., 2019** – *Kudabay, A.A., Mukanova, G.K., Yanchuk, V.A.* (2019). Silk Road Logistics: Experience of Ancient Merchants and Opportunities. *Analele Universitatii din Craiova. Seria Istorie*. 26(2): 7-17.
- Kuzekova, 2016** – *Kuzekova, R.S.* (2016). Fayzulla Galimzhanov: zhizn' ideyatel'nost' [Fayzulla Galimzhanov: life and work]. *Otan tarihy*. (2): 37-48. [in Russian]
- Malik, 2020** – *Malik, H.* (2020). Bankers and Bolsheviks: International Finance and the Russian Revolution. Princeton University Press, 2020. 318 p.
- Martin, 2012** – *Martin, V.* (2012). Law and Custom in the Steppe: The Kazakhs of the Middle Horde and Russian Colonialism in the Nineteenth Century. Routledge, 2012. 265 p.
- Mukanov, 2007** – *Mukanov, K.M.* (2007). Umsyn sulu. Anyz ben akikat. [Beautiful Umsyn. Legend and truth]. Petropavlovsk: Polygraphy, 240 p. [in Kazakh]
- Mukanov, 2018** – *Mukanov, K.M.* (2018). Abylaj Ramazanov. Alash kajratkeri [Abylai Ramazanov. Activist Alash]. Petropavlovsk: Northern Kazakhstan, 185 p. [in Kazakh]
- Mukanov, 2011** – *Mukanov, S.* (2011). Shkola zhizni [School of Life]. Astana: Audarma, 472 p. [in Russian]
- OGASPI** – Orenburgskij gosudarstvennyj arhiv social'no-politicheskoi istorii [Orenburg State Archive of Socio-Political History].
- Otchet, 1911** – Otchet o zasedaniyah pervogo s'ezda uchitelej i uchitel'nic Syrdar'inskoj oblasti. [Report on the meetings of the first Congress of teachers of the Syrdarya region]. Tashkent, 1911. 65 p. [in Russian]
- Severo-Kazahstanskaya, 2004** – Severo-Kazahstanskaya oblast'. Enciklopediya [North Kazakhstan region. Encyclopedia]. Almaty: Arys, 2004. 672 p. [in Russian]
- Smith-Peter, 2017** – *Smith-Peter, S.* (2017). Imagining Russian Regions, Sub national Identity and Civil Society in Nineteenth Century Russia. BRILL, 344 p.
- Sultangalieva, 2012** – *Sultangalieva, G.S.* (2012). Posluzhnye spiski kak istoricheskij istochnik po istorii formirovaniya kazahskogo chinovnichestva XIX v. [Track records as a historical source on the history of the formation of the Kazakh bureaucracy of the XIX century]. *Vestnik KazNU. Seriya istoricheskaya*. 4(67): 37-43. [in Russian]
- Vakt, 1901** – *Vakt* (1901). [Time] October 9th. [in Tatar]

Из истории социальной трансформации в среде мусульман Северного Казахстана на рубеже XIX–XX веков

Гюльнар К. Муканова ^a, Айнагуль Каипбаева ^b, Зылыяха Ш. Бимаханова ^b, Асель Н. Бекмурзина ^{b, *}

^a Институт истории и этнологии имени Ч.Ч. Валиханова КН МВОН РК, Республика Казахстан

^b Северо-Казахстанский университет имени М. Козыбаева, Республика Казахстан

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: assel-2009@list.ru (А.Н. Бекмурзина),

Gulnar_mukanova@mail.ru (Г.К. Муканова), aina__78@mail.ru (А. Каипбаева),

bimakanova1956@mail.ru (З.Ш. Бимаханова)

Аннотация. Целью исследования выбранной темы был определен специфический синтез русско-европейских и восточно-мусульманских традиций на переломном этапе самоидентификации. В ходе исследования архивных, письменных мемуарных источников и дореволюционной периодической печати выявлены исторические факты разнопланового проявления социально-культурной трансформации рубежа XIX–XX веков на примере казахской уммы северных областей республики. На основе архивных и мемуарных источников впервые в обобщенном виде делается попытка структурировать новации в социальном поведении мусульман (казахов, татар и др.) под влиянием внешних обстоятельств, в частности приобщения к банковскому кредитованию. В статье приведены факты использования казахами хаджа в Мекку для познавательных туров по Европе и Ближнему Востоку. Изучены артефакты (памятники зодчества, архитектуры) города Петропавловска, инициатива возведения которых принадлежала местным зажиточным мусульманам. Обобщены факты меценатства в части организации библиотек и оплаты учебы детей и подростков в аульных школах и училищах, семинариях за пределами края. Проведен сравнительный анализ учебных программ мусульманских школ «старого» и «нового» метода. При работе с источниками были учтены историко-географический фактор, особенности этнической идентификации и региональной урбанистики.

Ключевые слова: Азия, Казахстан, Россия, мусульмане, культура, социум, трансформация, банкиры, история.

Copyright © 2023 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2023. 18(2): 893-902
 DOI: 10.13187/bg.2023.2.893

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Image of a Scientist in the Periodicals of the Russian Empire (“Uchenye Zapiski Imperatorskogo Yur'evskogo Universiteta”)

Aleksandra A. Sitnikova ^{a,*}, Natalia M. Leshchinskaia ^a, Ekaterina A. Sertakova ^a, Maria A. Kolesnik ^a

^a Siberian Federal University, Russian Federation

Abstract

Since the foundation of the first institution of higher education – the Academic University of St. Petersburg Academy of Sciences opened in 1725, twelve universities have been established in the Russian Empire. One of the objectives of the opening of universities was the development of Russian science, the achievement of inclusion in the world scientific space. The turn of XIX-XX centuries was a time of scientific discoveries and great accomplishments. Imperial University of Juriev was one of the leading scientific and educational institutions of Russian Empire. Folklorist V.I. Dal, linguist and Slavist N.K. Grunsky, surgeon and teacher N.M. Pirogov, chemist V.F. Ostvald, historian I.I. Lappo and many others worked here as teachers and made discoveries. The purpose of this study is to reconstruct the image of the scientist, through the analysis of publications from the pages of the “Uchenye zapiski Imperatorskogo Yur'evskogo universiteta”, which depict the stories of the life and work of scientists.

Keywords: periodicals, the image of a scientist, Yuryev (Dorpat) University, N.I. Pirogov, scientists in pre-revolutionary Russia, journal “Uchenye zapiski Imperatorskogo Yur'evskogo universiteta” (Scientific Notes of the Imperial University of Yuryev).

1. Введение

«Ученые записки Императорского Юрьевского университета», выложенные в оцифрованном виде в открытый доступ на сайте Тартусского университета (URL: <https://dspace.ut.ee/handle/10062/16046>), имеют большую историческую и культурную ценность для изучения деятельности университета и его деятелей в дореволюционную эпоху.

Императорский Юрьевский (Дерптский) университет был на тот момент самым сильным учреждением Империи в науке, выпускавшим из своих стен блестящих ученых и педагогов. Среди них были знаменитый фольклорист В.И. Даль, языковед-славист Н.К. Грунский, хирург и педагог Н.М. Пирогов, химик В.Ф. Оствальд, историк И.И. Лаппо и многие другие.

Программа подготовки в университете была довольно обширна. Будущих государственных и общественных деятелей, ученых и практиков готовили на нескольких факультетах: богословском, физико-математическом, юридическом, медицинском, историко-филологическом и философском. На всех направлениях к ученикам и их наставникам предъявлялись очень высокие требования: знание должно было быть актуальным, соответствовать критериям научности, нести общественное благо. К работам, которые издавались в научных журналах или выносились на защиту, применялась строжайшая критика. Все это позволило не только вывести науку Российской империи на общеевропейский уровень, но и в дальнейшем заложить основы для развития знания и появления ученых с мировым именем в XX столетии.

* Corresponding author

E-mail addresses: sem_dobrianka@mail.ru (A.A. Sitnikova), trognonulia@gmail.com (N.M. Leshchinskaia), sertachok@mail.ru (E.A. Sertakova), masha_kolesnik@mail.ru (M.A. Kolesnik)

На сегодняшний день, когда разворачиваются обширные дискуссии вокруг организаций высшего образования и осуществляемой в них подготовки, когда идет поиск способа популяризации науки и профессии ученого, обращение к такого рода источникам может дать поистине ценные сведения для формирования стратегии развития высшего образования в России. Образ ученого, запечатленный на страницах «Ученых записок Императорского Юрьевского университета», может стать ориентиром для современных ученых – опытных и тех, кто только начинает свой путь на поприще науки во имя идеалов добра, на благо человечества.

2. Материалы и методы

2.1. Периодические издания представляют собой неиссякаемый источник сведений, вызывающих интерес у современных исследователей (Koptseva et al., 2021). В качестве источника исследовательских материалов в настоящей статье были рассмотрены «Ученые записки Императорского Юрьевского университета». Они печатались в период с 1893 по 1917 гг. и представляли собой официальное издание данного учебного заведения. «Записки» включали в себя два отдела: официальный, где публиковались выписки из документов, регламентировавшие работу университета: правила, инструкции, уставы, а также отзывы на диссертационные исследования, обзоры лекций, и неофициальный научный отдел, где были представлены научные статьи, рецензии, обзоры. Авторами были профессора и приват-доценты университета, а также студенты, чьи работы были удостоены золотой медали. Кроме того, издание включало в себя Приложения, где публиковались масштабные исследовательские материалы. Примечательно то, что журнал был полиязычным: по желанию автора текст мог быть опубликован на русском, латыни или одном из европейских языков.

2.2. В качестве основного метода был применен количественный и качественный контент-анализ, зарекомендовавший себя как эффективный исследовательский инструмент (Koptseva, Sitnikova, 2019; Дергаченко, 2021; Пашова, 2022; Kistova et al., 2020). Также использовались ключевые положения теории В.И. Жуковского и Н.П. Копцевой, неоднократно выбираемые учеными в качестве философских методологических оснований исследований (Ситникова, 2022; Пчелкина, 2021; Seredkina et al., 2019; Копцева, 2010; Копцева, 2020).

3. Обсуждение

Образ ученого не раз становился предметом исследования в современном российском гуманитарном знании. Подобное внимание связано, с одной стороны, желанием выявить неизбежную трансформацию призвания/профессии, вызванную историко-политическими и социокультурными изменениями в жизни общества. А с другой – это вызвано потребностями популяризации данного образа и повышения престижа науки как таковой.

В основном материалами для анализа выступают фильмы разных эпох, которые демонстрируют изменение как личностных и профессиональных качеств человека науки, так и выбор приоритетного знания; изменение гендерного состава ученых; их связь с потребностями государства и общества и т.д. Этому посвящены работы А.А. Зудиной (Зудина, 2011) и Н.А. Кныш (Кныш, 2007).

Историко-культурным метаморфозам данного образа на примере анализа европейских философских текстов посвящена работа Т.П. Матяш и Д.В. Матяш (Матяш, Матяш, 2015), поднимающая проблему массовизации профессии и падения ее значимости.

Реконструкции образа ученого в материалах научных журналов посвящено исследование С.М. Медведевой. Анализируя «Вестник РАН», автор не только воссоздает идеальный образ корифея отечественной науки, но и сопоставляет его с аналогичными образами, функционирующими в других культурах (Медведева, 2013).

Изучение образа ученого, представленного в «Ученых записках Императорского Юрьевского университета», еще ни разу не проводилось, несмотря на то, что из стен этого выдающегося учреждения вышла целая плеяда блестящих ученых, имеющих мировое признание. Поэтому в рамках настоящего исследования данное издание рассматривается как исторический источник, позволяющий реконструировать образ человека науки и выявить его роль в развитии общества во времена Российской империи.

4. Результаты

Контент-анализ речей, произнесенных в момент погребения И.И. Дитятина (Филиппов, 1893), Оттомара Фридриховича Мейкова (Гуляев, 1894: 1), Василия Николаевича Попова (Губарев, 1895), позволяет выявить черты, которые для современников перечисленных деятелей были самыми значимыми, ведь в моменты прощания произносятся слова, призванные закрепить в памяти современников исключительно достойный образ усопшей персоны. Личностные качества в них переплетены с характеристиками ученого. Среди множества позитивных черт выделяются приверженность своей исследовательской позиции, любовь к определенному строю мыслей, даже если в изучаемой области выделялись одни лишь сложности. Так, автор речи, посвященной И.И. Дитятину, А.Н. Филиппов (Филиппов, 1893: 51) отмечает, что свой творческий путь

И.И. Дитятин, историк-юрист, посвятил вопросам местного самоуправления в России. Он оставался честным, беспристрастным, не поддавался влиянию ни правительства, ни общества.

Патриотизм, верность Отечеству – качества, отмечаемые в памятных речах косвенно либо прямо: «Свободный от узости взглядов, вырабатываемой тесными границами местных условий, он был патриотом в истинном значении этого слова», – такие слова встречаем у А.М. Гуляева (Гуляев, 1894: 71), посвященные О.Ф. Мейкову.

Описав путь от выпускника Иркутской классической гимназии до экстраординарного профессора и перечислив выдающиеся достижения, А.П. Губарев в публикации, посвященной памяти В.Н. Попова, акцентирует личные качества – доброту и участливость: «светлую личность покойного, его доброту, отзывчивость на все доброе и хорошее...» (Губарев, 1895: 57).

Очерки о биографии и научных достижениях посвящены великим ученым прошлого: П.В. Постникову (Шмурло, 1894), Н.И. Лобачевскому (Лахтин, 1893), Н.И. Пирогову (Грунский, 1907), а также безвременно ушедшим современникам – К.Н. Бестужеву-Рюмину (Шмурло, 1899), Г.Л.Ф. Гельмгольцу (Срезневский, 1895).

Биографические очерки также наполнены трепетным отношением авторов к объекту их описания. К.Л. Лахтин восторгается гением Н.И. Лобачевского, ставит его в пример, отмечает, что сам ученый никогда не искал славы и известности, но был предан науке и просвещению Родины. Также важно, что верность идеям совмещалась с бережным отношением к мнению других ученых: «Скромный, неизвестный и не понятый при жизни, он стал велик почти 50 лет спустя после своей смерти» (Лахтин, 1893: 4).

Е.Ф. Шмурло, детально описывая жизненный путь П.В. Постникова, подчеркивает скромность ученого и невероятную образованность, например знание им греческого языка (Шмурло, 1894, 1: 73).

Детальный очерк о жизни К.Н. Бестужева-Рюмина написан Е.Ф. Шмурло: детство, годы учебы, профессиональная деятельность – ничто не осталось без внимания. Автор указывает на закономерность обращения Бестужева-Рюмина к истории, дает подробный перечень его работ (Шмурло, 1899).

Представляя читателям открытия Г.Л.Ф. Гельмгольца в области музыки, Б.И. Срезневский также уделяет внимание личности ученого. Восхищаясь творческой натурой Гельмгольца, автор отмечает разносторонность его исследовательских интересов и достижение высот в избранных областях, подчеркивает, что ему «в равной мере поклоняются и физиологи, и физики, и математики, и механики, и музыканты, и техники» (Срезневский, 1895: 36).

Большой материал Н.К. Грунский посвящен выдающейся фигуре Н.И. Пирогова, его педагогической деятельности и взглядам (Грунский, 1907: 3-50). Автор отмечает, что Николай Иванович Пирогов был невероятной фигурой, подобной К.Д. Ушинскому, вместе они поставили и решили вопросы огромной важности в педагогической деятельности. Они «самоотверженно и дружно боролись за благо родины. Они оба были носителями светлых идеалов. Оба они, выработав и передав свои идеалы последующим поколениям, тем самым оказались связующим звеном между этими поколениями и своим временем» (Грунский, 1907: 3). Грунский очень подробно описывает биографию знаменитого хирурга-мыслителя, отмечая такие его качества, как страсть к книгам, глубокое уважение к университету, неотступное желание учиться и совершенствоваться не только в своей науке и т.д.

Обладая прирожденным талантом, Н.И. Пирогов смог раскрыть его в полной степени в Дерптском университете – лучшем российском университете по уровню научных знаний (Грунский, 1907: 11). После прохождения программы кандидаты направлялись в европейские университеты на два года, что помогало им ознакомиться с передовыми открытиями зарубежных коллег, обменяться опытом и опубликовать работы в иностранных журналах. Грунский отмечает, что Пирогов заслужил внимание корифеев науки на Западе, коллеги относились к нему с глубоким почтением. После этого предполагалось, что ученому выделят кафедру хирургии в Московском государственном университете, но по стечению обстоятельств этого не произошло и ему, вопреки университетским порядкам (профессорами могли быть только протестанты), дали кафедру в Дерпте (1836–1841). И «с этих пор имя Пирогова начало получать известность во всем мире» (Грунский, 1907: 15).

Популярность ученого среди студенчества и коллег быстро росла за счет его неутомимой деятельности: он много времени посвящал анатомическим исследованиям и экспериментам, практической работе в госпитале и преподаванию, к которому он тщательно готовился. Несмотря на дефекты в немецкой речи, его занятия посещали не только студенты-медики, но и учащиеся других факультетов. Его занятия всегда были интересными и разумными, материал давался четко и наглядно. Впечатляло слушателей и то, что Пирогов не боялся рассказывать о своих профессиональных ошибках и неудачах, каждый раз подробно разъясняя, почему был неправильно поставлен диагноз, назначено некорректное лечение. Все усилия профессора были направлены на то, чтобы пробудить и развить в учащихся дух критики и стремление к самостоятельному взгляду на факты. Он много требовал от студентов, но к себе он предъявлял еще больше требований. Поэтому для всех он стал «живым образцом, воплощенным идеалом» ученого (Грунский, 1907: 33).

«Анатомический институт, основанный Пироговым, скоро стяжал себе громкую научную известность и получил значение истинной научной школы, давшей России целую плеяду анатомов и хирургов» (Грунский, 1907: 19).

Пирогов внес значительный вклад в развитие науки и образования в России. Он не только настаивал на том, что прогресс в науке возможен только при условии соединения теории и практики в дисциплине, автономии университета от государства, конкурентности и гласности в его стенах, но и в развитии ученого как человека-гуманиста. Так, он предложил вводить в образование литературные дискуссионные клубы, чтобы учащиеся умели самостоятельно мыслить и красиво говорить. Для него было важно, чтобы ученый был не только умственно, но и нравственно развит.

Близких Пирогову воззрений придерживался и профессор М. Крашенинников. В своем «особом мнении», опубликованном в 1-ом номере журнала в 1906 году, он отмечает, что для развития науки и образования важно обращать внимание на личностные качества человека, его развитие и искреннюю увлеченность знанием. Чтобы в университет приходило больше таких молодых людей, он предлагает пересмотреть «Проект мер для установления правильного хода учебной жизни» и убрать из него пункт о правах и привилегиях дипломированных выпускников. «Высшие учебные заведения должны исключительно иметь в виду одну науку, а не потребности государственной службы. Только при таком строе студенты будут видеть в профессорах не экзаменаторов, а старших товарищей, вводящих их в святая святых науки» (Крашенинников, 1906: 17). Профессор ратовал за то, чтобы уменьшить количество студентов, приходящих в университет только за дипломом, который открывал перспективы гражданской службы. И предлагал дать больше возможностей тем, кто действительно мог стать ученым, но был ограничен в поступлении чисто юридически.

В этом же номере вызывает интерес опубликованная публичная лекция известного профессора истории И.И. Лаппо «Современное состояние науки русской истории и задача ее университетского преподавателя» (Лаппо, 1906). Эта аналитическая работа во многом затрагивает образ современного исследователя-историка. Рассматривая изменения в историческом знании, профессор неоднократно подчеркивает важность объективности полученных знаний и четкого методологического подхода, так как в ряде монографий были обнаружены искажения фактов или наличие субъективной интерпретации архивных данных. В педагогической деятельности ученого он подчеркивал необходимость изучения и осмысления современных трудов, так как научное знание – живое, нужно знать его актуальное состояние и постоянно совершенствовать преподаваемый материал.

Ученый, по мнению Лаппо, очень важный человек в государстве, так как именно он несет в мир науку, а «наука есть не только сила знания; она громадная гуманизирующая сила. Эту-то силу знания и человечности должен хранить Университет, и мы, его члены, должны вносить ее в наш труд для родины и человечества» (Лаппо, 1906: 20).

Две чрезвычайно интересные и важные статьи были опубликованы в приложениях журнала во втором и четвертом номерах за 1900 г. Посвящены они ученым, работавшим на протяжении почти ста лет непосредственно в Юрьевском (Дерптском) университете.

Обширная статья, автором которой является профессор Г. Левицкий, называется «Астрономы Юрьевского университета с 1802 по 1894 год» (Левицкий, 1900: 1-224). Автор приводит материалы к биографиям таких ученых, как Эрнст Кнорре, Иоганн Вильгельм Пфафф, Магнус Георг Паукер, Иоганн Готфрид Гут, Фридрих Георг Вильгельм Струве. Также Г. Левицкий не забывает описать и достижения учеников всех первых профессоров-астрономов Юрьевского университета.

Примечательно, что Г. Левицкий очень внимательно относится к вкладу в развитие научных направлений университета, сделанному каждым из сотрудников кафедры, даже если с научной точки зрения он был достаточно скромным. Например, в таком ключе сообщается о проф. Э. Кнорре, который был учителем и органистом в Дерпте, на службу в университет поступил в возрасте 42 лет. Он при чрезвычайном трудолюбии (сообщается, что несколько сот страниц его научных записей сохранились), однако, не имел должного руководства со стороны более опытного астронома, а также имел ограничения в инструментах, необходимых для астрономических наблюдений. Это обстоятельство побудило Э. Кнорре пользоваться самодельными приспособлениями для наблюдений. Г. Левицкий пишет, что полученное в университете место позволило ему сократить число частных уроков, которыми он восполнял нехватку материальных средств для содержания семьи, и направляло его к научной деятельности. В ходатайстве после смерти сказано: «Совет указывал на гнетущую бедность семьи Кнорре и слишком малое жалованье, которое он получал» (Левицкий, 1900: 20). Однако по всему очевидно, что он был энтузиастом своего дела. Также Э. Кнорре отличился тем, что сумел возбудить в друзьях и учениках любовь к астрономии, хотя труды его были скромными.

Следующим видным ученым, о котором пишет Г. Левицкий, являлся И.В. Пфафф. Он был избран первым профессором астрономии и математики в Юрьеве, не следуя всей процедуре. Совет мог судить о научной подготовке его лишь по одной только рекомендации его старшего брата. Заметно явное неприятие автора статьи такой ситуации, когда профессором избираются в обход правил. Далее следует критика научных работ Пфаффа за многословие и ненужную образность выражений (Левицкий, 1900: 25). Тем не менее с тогдашним профессорским составом у него

сложился хорошие отношения, что, вероятно, стало причиной повторного его приглашения на должность в университет. О деятельности сообщается следующее: участвовал в обустройстве обсерватории и приобретении инструментов, заботился о составлении библиотеки при обсерватории; отмечается, что научная деятельность Пфаффа не была оценена по достоинству, тогда как им были опубликованы многочисленные статьи по астрономии. В целом деятельность его оценивается положительно, он оправдал надежды, которые на него возлагались при приеме на должность. Некоторые его научные изыскания оцениваются как небезынтересные, но их должной оценки не произошло вследствие того, что другое поколение ученых на ту же проблематику дает более ясные и изящные ответы.

Также сообщается любопытный факт: в период проживания в Германии Пфафф, видимо, испытывая стесненность в средствах, начинает заниматься астрологией, т.е. спекулировать своими знаниями и статусом. Автор статьи пишет следующее: «Каковы бы ни были причины, заставившие Пфаффа заниматься составлением астрологических сочинений, во всяком случае нужно весьма пожалеть, что чисто научная деятельность этого талантливого человека продолжалась слишком короткое время» (Левицкий, 1900: 55).

Отмечена также и деятельность М.Г. Паукера – талантливого студента и помощника Пфаффа, о котором говорится как об авторе выдающейся работы для молодого ученого (т.е. ценится не опытность и умудренность годами, а именно научное дерзновение).

Довольно противоречиво представлена фигура И.Г. Гута. Будучи довольно известным в университетских кругах и имея положительные характеристики, он, однако, не оправдал ожиданий состава Юрьевского университета в достаточной мере. Г. Левицкий оценивает его работу в качестве астронома и директора обсерватории, как скромную. Оценка же его работы как профессора в целом следующая: отличалась разнообразием и напряженностью, читал очень разнообразные курсы военных наук (это и баллистика, и фортификация, артиллерия и фортификация и т.п.), имел большую преподавательскую нагрузку, что в значительной мере сказалось на его здоровье. Оказывал помощь В. Струве в его научной деятельности, что высоко оценивается автором статьи.

Наконец, Ф.Г.В. Струве представлен как наиболее значимый из всех представителей кафедры во многих отношениях. Он работал по своей тематике в европейских университетах, подробно описано то, какими инструментами для наблюдений в обсерватории он интересовался. Благодаря его деятельности приобретено много важных и необходимых инструментов, причем опыт его был оценен настолько высоко, что его привлекают также и к обустройству Пулковской обсерватории. То же касается и устройства библиотек при обеих обсерваториях. Заботился он также и о бытовых удобствах, что выразилось в обустройстве квартиры для директора обсерватории. Был успешным астрономом и геодезистом: «Перед началом каждого своего важного научного предприятия Струве просил разрешения о поездке за границу для целей такого предприятия...» (Левицкий, 1900: 125).

Как и многие, он ходатайствами добивается повышения жалованья. То есть ученые ценили свой труд, и на этом моменте автор статьи заостряет особое внимание читателей, поскольку весьма скрупулезно описаны все перипетии с подачей ходатайств, приведены формулировки и аргументы в пользу повышения содержания.

Статья «Кафедра русского языка и словесности в Юрьевском (Дерптском) университете» написана проф. Е.В. Петуховым, действующим заведующим кафедрой (Петухов, 1900: 1-93). В ней также подробно дано описание биографий и научной деятельности профессорско-преподавательского состава, работавшего под его началом.

Остановимся на нескольких описаниях, позволяющих дополнить представление об образе ученого в XIX веке, тем более что работали здесь довольно примечательные лица. Так, например, о Григории Александровиче Глинке написано следующее: «Вступление на ученую службу в качестве профессора дворянина из известной фамилии было в то время явлением настолько необыкновенным, что Н.М. Карамзин в издаваемом им тогда «Вестнике Европы» счел нужным посвятить этому особую заметку «Дворянин-профессор в России», в которой отнесся к Глинке по этому поводу с большим сочувствием» (Петухов, 1900: 27). Служил он, однако, недолго, быстро вернувшись к делам, определенным его дворянским статусом. Андрей Сергеевич Кайсаров также принадлежал к дворянской семье, тоже служил недолго в университете. Явил пример жертвенного подвига во имя Отечества, поскольку с рвением отправился в действующую армию, а в 1813 г. в Силезии в сражении погиб. Оба оставили несколько научных трудов по теме русской словесности.

Их преемники, А.Ф. Войеков и В.М. Перевошиков, характеризуются критически. Так, например, приведена характеристика Перевошикова, данная ему его студентом, в будущем известнейшим ученым, Н.И. Пироговым, в которой он прямо называет лектора бюрократом. Однако есть и совершенно противоположная его характеристика, оставленная композитором Ю.К. Арнольдом.

Михаил Петрович Розберг, происходивший из коренной немецкой семьи, сумел наконец наладить должным образом, хоть и на короткий период, преподавание русского языка в университете. Он был горячим поклонником творчества А.С. Пушкина, в совершенстве владел русским языком, составил собственную программу преподавания языка и литературы.

Александр Александрович Котляревский был известным ученым-славянистом, преподававшим уже во второй половине XIX века. В статье сообщается о его поступлении на службу, что он дал письменное обещание о том, что «не будет принадлежать ни к масонству, ни к какому иному тайному обществу» (Петухов, 1900: 69-70). Уволился с кафедры по состоянию здоровья, после чего она вновь осталась без должного управления.

Дополнительно стоит обратить внимание на постоянные публикации в «Ученых записках Императорского Юрьевского университета», в разделе «Официальный отдел», особых мнений по вопросам защиты магистерских диссертаций, должностных назначений на кафедры университета, выполнения новых российских образовательных законов на местах и т.п. Очевидно, публикация особых мнений происходила в случае возникновения спорных ситуаций: так, один из профессоров высказался категорически против должностного назначения по кафедре и аргументированно изложил свою позицию на нескольких печатных листах; или профессор последовательно перечислил причины, по которым новый образовательный закон невозможно исполнить в учреждении и т.д. В качестве примера можно обратиться к публикации в № 3 за 1912 год «Особого протокола по делу об избрании кандидатом на кафедру оперативной хирургии, десмургии и топографической анатомии д-ра медицины Н.Н. Бурденко, составленного по требованию проф. П.А. Полякова в заседании Совета 30 ноября 1910 г.» (1912, 3: 1-39). В тексте опубликованы результаты избрания д-ра медицины Н.Н. Бурденко: результаты голосования (15 – за, 1 – против) и особое мнение М.И. Ростовцева, который строго критикует работы кандидата и сообщает о профессиональных неточностях в его исследовательских трудах. На заседании кафедры состоялся спор о перспективности избрания кандидата, несмотря на положительное решение по итогам голосования о назначении Н.Н. Бурденко на должность, в силу наличия особого отрицательного мнения М.И. Ростовцева протокол заседания кафедры потребовали опубликовать в журнале, чтобы судить об этом деле могли и посторонние ученые. Непременная публикация подобных особых мнений и вынесение спорных решений кафедры на публичный суд говорит о том, что в российской науке начала XX века сложился образ ученого, открытого к публичному обсуждению сильных и слабых сторон своей профессиональной деятельности.

Другой жанр регулярных публикаций в журнале – отчеты об экскурсиях студентов в зарубежные медицинские клиники и университеты для прохождения практики, поездки к Белому морю для проведения экспериментальных исследований флоры и фауны и т.п. Организаторами таких поездок выступали преподаватели Императорского Юрьевского университета, которые и представляли свои отчеты на страницах журнала. Данные отчеты также позволяют составить представление об образе российского ученого, в частности, в этих отчетах зафиксирован тот факт, что сложная работа по организации поездок (поиск жилья, подготовка экспериментальных материалов и инструментов, договоренности с иностранными коллегами и т.п.) не оплачивалась и носила «волонтерский» характер работы. Таким образом, российский ученый конца XIX – начала XX вв. – это человек, в равной степени занимающийся оплачиваемой работой и безвозмездным трудом, который будет способствовать развитию науки и знания в стране.

На страницах «Ученых записок Императорского Юрьевского университета» часто обсуждается заработная плата ученых – от частых жалоб на низкую оплату труда ученых в начале XX века через 10 лет публикации переходят к указаниям фактических цифр оплаты труда (например, жалование приват-доцента к 1912 году составляет 1200 рублей в год, что значительно выше оплаты труда рабочих в это же время и выше оплаты труда представителей интеллигентных профессий – врачей, учителей и т.д.). А в 1916 году на страницах журнала ученые обсуждают «Закон об улучшении материального положения профессоров университетов» (Чубинский, 1916: 1-7). Данные тенденции к повышению оплаты труда ученого, повышению оплаты труда в военное время свидетельствуют о том, что в Российской империи ученые понимались как государственная ценность.

Несколько штрихов к образу ученого добавляет дискуссия, развернувшаяся на страницах журнала в 1916 году, когда обсуждались возможности эвакуации Юрьевского университета в другие города Российской империи в военное время. Предполагалось, что университет может быть перенесен в Пермь или Екатеринбург (Тарановский и др., 1916: 1-8). Ученые выступают против эвакуации университета в Пермь по причине того, что в этом городе очень слабая инфраструктура для осуществления исследовательской деятельности, а также слабые абитуриенты, слишком далекие от представлений о научной жизни для возвращения будущих ученых. Речи ученых свидетельствуют о том, что для них очень важно сочетание непосредственно научно-исследовательской и преподавательской деятельности, необходима благоприятная среда для развития научного сообщества, а именно материально-техническое обеспечение научной деятельности, культурное окружение, для которого научная деятельность уже представляет высокую ценность.

5. Заключение

Содержание «Ученых записок Императорского Юрьевского университета» дает возможность определить исследовательские интересы ученых Российской империи, круг вопросов, вызывавших наиболее острые дискуссии. Также в «Записках» встречается несколько видов публикаций, которые раскрывают особенности образа ученого с точки зрения человеческих качеств. Среди таковых

биографические очерки, повествующие об ученых разных эпох, и особый жанр – некрологи – речи, произнесенные во время погребения современников, в которых выделяются как личностные качества ученых, ушедших в мир иной, так и их особенности как исследователей.

На основе проведенного анализа содержания публикаций, а также особенностей структуры «Ученых записок Императорского Юрьевского университета» образ ученого представляется наделенным следующими характеристиками:

- сообщество ученых Российской империи обладало различными достоинствами и компетенциями и среди них – знание языков. На это указывает факт наличия публикаций в «Записках» не только на русском языке, но и на латыни и европейских языках;

- в равной степени уделяется внимание как религиозной тематике, так и передовым научным исследованиям – изучению изменений в крови при онкологических заболеваниях, влиянию железного купороса на развитие культурных растений. Ученый удивительным образом предстает религиозным человеком и исследователем, и данные характеристики не конфликтуют, а лишь дополняют друг друга;

- ученые со страниц «Записок» непременно патриоты, в истинном, самом лучшем смысле этого слова – ратующие за Отечество, служащие ему;

- восторгаясь достижениями предшественников и современников, авторы публикаций «Записок» неизменно отмечают их скромность, сочетающуюся с гениальностью;

- одна из ярких характеристик ученых – увлеченность их своими научными изысканиями и готовность служить университету и улучшать по мере возможностей его научную базу, при том, что неоднократно отмечается незначительность получаемого жалованья в качестве причины или бедственного положения преподавателей-ученых Юрьевского университета, либо их ухода на другие должности в иные места;

- российский ученый конца XIX – начала XX вв. – это, прежде всего, мужчина;

- российский ученый конца XIX – начала XX вв. осуществляет свою деятельность публично, вынося спорные вопросы на суд сообщества;

- российский ученый занимается образовательной и просветительской деятельностью в научной сфере не только за жалованье, но и на волонтерской основе;

- ученые отличаются разносторонностью научной деятельности, а также способностью налаживать международные коммуникации, необходимые для плодотворной деятельности в родном Отечестве;

- ученые часто являются наставниками, педагогами для обучающихся в стенах университета. Много времени они уделяют не только теоретической работе и практическим исследованиям, но и воспитанию нового поколения «высоконравственных людей».

Перечисленные характеристики позволяют сравнить образ ученого с образом античного героя, полубога, объединяющего в себе гениальность и экстраординарность с добротой и скромностью, – качествами, присущими настоящим героям.

6. Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23–28–00255, <https://rscf.ru/project/23-28-00255/>.

The study was supported by the Russian Science Foundation Grant № 23-28-00255, <https://rscf.ru/en/project/23-28-00255/>.

Литература

Грунский, 1907 – Грунский Н.К. Н.И. Пирогов, его педагогическая деятельность и взгляды // *Ученые записки Императорского Юрьевского университета*. 1907. № 9. С. 1-50.

Губарев, 1895 – Губарев А.П. Памяти профессора В.Н. Попова // *Научные записки Императорского Юрьевского университета*. 1895. № 4. С. 55-64.

Гуляев, 1894 – Гуляев А.М. Памяти О.Ф. Мейкова // *Ученые записки Императорского Юрьевского университета*. 1894. № 1. С. 68-72.

Дегтяренко, 2021 – Дегтяренко К.А. Концептуальные основания этнических исследований // *Северные Архивы и Экспедиции*. 2021. № 5(4). С. 8-16.

Зудина, 2011 – Зудина А.А. Наука и образ ученого в советском кино (1928–1986 годы) // *Общественные науки и современность*. 2011. № 5. С. 167-176.

Кныш, 2007 – Кныш Н.А. Образ ученого в художественном кинематографе конца 1940-х – начала 1950-х годов // *Вестник Челябинского государственного университета*. 2007. № 18(96). С. 119-136.

Крашенинников, 1906 – Крашенинников М. Особое мнение по поводу §7 «Проекта мер для установления правильного хода учебной жизни в университете» // *Ученые записки Императорского Юрьевского университета*. 1906. № 1. С. 15-18.

- Лаппо, 1906** – *Лаппо И.И.* Современное состояние науки русской истории и задача ее университетского преподавателя // *Ученые записки Императорского Юрьевского университета.* 1906. № 1. С. 1-20.
- Лахтин, 1893** – *Лахтин Л.К.* О жизни и научных трудах Николая Ивановича Лобачевского // *Ученые записки Императорского Юрьевского университета.* 1893. № 4. С. 1-20.
- Левицкий, 1900** – *Левицкий Г.* Астрономы Юрьевского университета с 1802 по 1894 год // *Ученые записки Императорского Юрьевского университета.* 1900. № 2. С. 1-224.
- Матяш, Матяш, 2015** – *Матяш Т.П., Матяш Д.В.* Образ ученого: историко-культурные метаморфозы // *Гуманитарий Юга России.* 2015. № 4. С. 152-165.
- Медведева, 2013** – *Медведева С.М.* Ученые об ученых: попытка реконструкции образа российского ученого по материалам «Вестника РАН» // *Вестник МГИМО Университета.* 2013. № 1(28). С. 171-179.
- Особый протокол..., 1912** – Особый протокол по делу об избрании кандидатом на кафедру оперативной хирургии, десмургии и топографической анатомии д-ра медицины Н.Н. Бурденко, составленный по требованию проф. П.А. Полякова в заседании Совета 30 ноября 1910 г. // *Ученые записки Императорского Юрьевского университета.* 1912. № 3. С. 1-37.
- Пашова, 2022** – *Пашова Э.В.* Психологические особенности экологического сознания и экологического поведения: обзор мировых и российских исследований // *Северные Архивы и Экспедиции.* 2022. № 6(1). С. 112-121.
- Петухов, 1900** – *Петухов Е.В.* Кафедра русского языка и словесности в Юрьевском (Дерптском) университете // *Ученые записки Императорского Юрьевского университета.* 1900. № 4. С. 1-93.
- Пчелкина, 2021** – *Пчелкина Д.С.* Концептуальный потенциал художественной культуры как формы этнической манифестации коренных северных народов // *Северные Архивы и Экспедиции.* 2021. № 5(4). С. 17-24.
- Ситникова, 2022** – *Ситникова А.А.* Северные экспедиции и образ Арктики в зарубежной живописи XIX века // *Северные Архивы и Экспедиции.* 2022. № 6(1). С. 240-249.
- Срезневский, 1895** – *Срезневский Б.И.* Открытия Гельмгольца в области теории музыки. Публичная лекция, читанная 4 ноября 1894 // *Ученые записки Императорского Юрьевского университета.* 1895. № 1. С. 36-66.
- Тарановский и др., 1916** – *Тарановский О.В., Крашенинников М.Н., Пусторослев П.П.* Речи, произнесенные в заседании Совета Императорского Юрьевского университета 27 февраля 1916 года по вопросу об эвакуации Императорского Юрьевского университета // *Ученые записки Императорского Юрьевского университета.* 1916. № 3. С. 1-8.
- Филиппов, 1893** – *Филиппов А.Н.* Памяти профессора И.И. Дитятина // *Ученые записки Императорского Юрьевского университета.* 1893. № 1. С. 47-53.
- Чубинский, 1916** – *Чубинский М.П.* Доклад профессора М.П. Чубинского Совету Императорского Юрьевского университета о сомнениях, возбуждаемых законом 3-го июля 1916 г. об улучшении материального положения профессоров университетов // *Ученые записки Императорского Юрьевского университета.* 1916. № 9. С. 1-7.
- Шмурло, 1894** – *Шмурло Е.Ф.* Постников // *Ученые записки Императорского Юрьевского университета.* 1894. № 1. С. 73-238.
- Шмурло, 1899** – *Шмурло Е.Ф.* Очерки жизни и научной деятельности Константина Николаевича Бестужева-Рюмина // *Ученые записки Императорского Юрьевского университета.* 1899. № 3. С. 1-416.
- Kistova et al., 2020** – *Kistova A.V., Bulak K.A., Pimenova N.N. et al.* The Image of the Yenisei in the Paintings of Krasnoyarsk Artists // *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences.* 2020. 13(6): 891-903.
- Koptseva et al., 2021** – *Koptseva N.P., Reznikova K.V., Menzhurenko Yu.N.* Journal «Sine-fono» as a historical source: domestic provincial cinema in 1907-1916. // *Bylye Gody.* 2021. 16(4): 2043-2052.
- Koptseva, 2010** – *Koptseva N.P.* Indigenous peoples of Krasnoyarsk region: concerning the question of methodology of culture studies // *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences.* 2010. № 3 (4). Pp. 554-562.
- Koptseva, 2020** – *Koptseva N.P.* Introduction to the Philosophical Thematic Issue of the Journal of Siberian Federal University // *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences.* 2020. № 13(8). Pp. 1234-1237.
- Koptseva, Sitnikova, 2019** – *Koptseva N.P., Sitnikova A.A.* The historical basis for the understanding of a state in modern Russia: A case study based on analysis of components in the concept of a state, established between the fifteenth and sixteenth centuries // *International Journal for the Semiotics of Law- Revue internationale de Sémiotique juridique.* 2019. V. 32. № 1. Pp. 47-74.
- Seredkina et al., 2019** – *Seredkina N.N., Kistova A.V., Pimenova N.N.* «The Frieze of Life» by Edvard Munch: Philosophical and Art Analysis // *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences.* 2019. № 12(7). Pp. 1295-1315.

References

- Chubinskii, 1916** – *Chubinskii, M.P.* (1916). Doklad professora M.P. Chubinskogo Sovetu Imperatorskogo Yur'evskogo universiteta o somneniyakh, vzbuzhdaemykh zakonom 3-go iyulya 1916 g. ob uluchshenii material'nogo polozheniya professorov universitetov [Report of Professor M.P. Chubinskiy to the Council of the Imperial Yuryev University on the doubts raised by the law of July 3, 1916 on improving the financial situation of university professors]. *Uchenye zapiski Imperatorskogo Yur'evskogo universiteta*. 9: 1-7. [in Russian]
- Degtyarenko, 2021** – *Degtyarenko, K.A.* (2021). Kontseptual'nye osnovaniya etnicheskikh issledovaniy [Conceptual foundations of ethnic studies]. *Severnnye Arkhivy i Ekspeditsii*. 5(4): 8-16. [in Russian]
- Filippov, 1893** – *Filippov, A.N.* (1893). Pamyati professora I.I. Dityatina [In memory of Professor I.I. Dityatina]. *Uchenye zapiski Imperatorskogo Yur'evskogo universiteta*. 1: 47-53. [in Russian]
- Grunskii, 1907** – *Grunskii, N.K.* (1907). N.I. Pirogov, ego pedagogicheskaya deyatel'nost' i vzglyady [Pirogov, his pedagogical activities and views]. *Uchenye zapiski Imperatorskogo Yur'evskogo universiteta*. 9: 1-50. [in Russian]
- Gubarev, 1895** – *Gubarev, A.P.* (1895). Pamyati professora V.N. Popova [In memory of Professor V.N. Popova]. *Nauchnye zapiski Imperatorskogo Yur'evskogo universiteta*. 4: 55-64. [in Russian]
- Gulyaev, 1894** – *Gulyaev, A.M.* (1894). Pamyati O.F. Meikova [In memory of O.F. Meikov]. *Uchenye zapiski Imperatorskogo Yur'evskogo universiteta*. 1: 68-72. [in Russian]
- Kistova et al., 2020** – *Kistova, A.V., Bulak, K.A., Pimenova, N.N. et al.* The Image of the Yenisei in the Paintings of Krasnoyarsk Artists. *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*. 13(6): 891-903.
- Knyshe, 2007** – *Knyshe, N.A.* (2007). Obraz ucheno go v khudozhestvennom kinematografe kontsa 1940-kh – nachala 1950-kh godov) [The image of a scientist in the feature cinema of the late 1940s and early 1950s]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2007. № 18(96). S. 119-136. [in Russian]
- Koptseva et al., 2021** – *Koptseva, N.P., Reznikova, K.V., Menzhurenko, Yu.N.* (2021). Journal «Sinefono» as a historical source: domestic provincial cinema in 1907-1916. *Bylye Gody*. 16(4): 2043-2052.
- Koptseva, 2010** – *Koptseva, N.P.* (2010). Indigenous peoples of Krasnoyarsk region: concerning the question of methodology of culture studies. *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*. 3(4): 554-562.
- Koptseva, 2020** – *Koptseva, N.P.* (2020). Introduction to the Philosophical Thematic Issue of the Journal of Siberian Federal University. *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*. 13(8): 1234-1237.
- Koptseva, Sitnikova, 2019** – *Koptseva, N.P., Sitnikova, A.A.* (2019). The historical basis for the understanding of a state in modern Russia: A case study based on analysis of components in the concept of a state, established between the fifteenth and sixteenth centuries. *International Journal for the Semiotics of Law-Revue internationale de Sémiotique juridique*. 32(1): 47-74.
- Krashennnikov, 1906** – *Krashennnikov, M.* (1906). Osoboe mnenie po povodu §7 «Proekta mer dlya ustanovleniya pravil'nogo khoda uchebnoi zhizni v universitete» [Dissenting opinion on §7 “Project of measures to establish the correct course of academic life at the university]. *Uchenye zapiski Imperatorskogo Yur'evskogo universiteta*. 1: 15-18. [in Russian]
- Lakhtin, 1893** – *Lakhtin, L.K.* (1893). O zhizni i nauchnykh trudakh Nikolaya Ivanovicha Lobachevskogo [About life and scientific works of Nikolai Ivanovich Lobachevsky]. *Uchenye zapiski Imperatorskogo Yur'evskogo universiteta*. 4: 1-20. [in Russian]
- Lappo, 1906** – *Lappo, I.I.* (1906). Sovremennoe sostoyanie nauki russkoi istorii i zadacha ee universitetskogo prepodavatelya [The current state of the science of Russian history and the task of its university teacher]. *Uchenye zapiski Imperatorskogo Yur'evskogo universiteta*. 1: 1-20. [in Russian]
- Levitskii, 1900** – *Levitskii, G.* (1900). Astronomy Yur'evskogo universiteta s 1802 po 1894 god [Astronomers of Yuryev University from 1802 to 1894]. *Uchenye zapiski Imperatorskogo Yur'evskogo universiteta*. 2: 1-224. [in Russian]
- Matyash, Matyash, 2015** – *Matyash, T.P., Matyash, D.V.* (2015). Obraz ucheno go: istoriko-kul'turnye metamorfozy [The image of a scientist: historical and cultural metamorphoses]. *Gumanitarii Yuga Rossii*. 4: 152-165. [in Russian]
- Medvedeva, 2013** – *Medvedeva, S.M.* (2013). Uchenye ob uchennykh: popytka rekonstruktsii obraza rossiiskogo ucheno go po materialam «Vestnika RAN» [Scientists about scientists: an attempt to reconstruct the image of a Russian scientist based on the materials of the journal “Vestnik RAN”]. *Vestnik MGIMO Universiteta*. 1(28): 171-179. [in Russian]
- Osobyi protocol..., 1912** – Osobyi protokol po delu ob izbranii kandidatov na kafedru operativnoi khirurgii, desmurgii i topograficheskoi anatomii d-ra meditsiny N.N. Burdenko, sostavlennyi po trebovaniyu prof. P.A. Polyakova v zasedanii Soveta 30 noyabrya 1910 g. [A special protocol on the case of the election of a candidate for the Department of Operative Surgery, Desmurgy and Topographic Anatomy, Dr. Burdenko, compiled at the request of prof. P.A. Polyakov at the meeting of the Council on November 30, 1910]. *Uchenye zapiski Imperatorskogo Yur'evskogo universiteta*. 1912. 3: 1-37. [in Russian]

Pashova, 2022 – Pashova, E.V. (2022). Psikhologicheskie osobennosti ekologicheskogo soznaniya i ekologicheskogo povedeniya: obzor mirovykh i rossiiskikh issledovaniy [Psychological features of ecological consciousness and environmental behavior: a review of world and Russian studies]. *Severnyye Arkhivy i Ekspeditsii*. 6(1): 112-121. [in Russian]

Pchelkina, 2021 – Pchelkina, D.S. (2021). Kontseptual'nyi potentsial khudozhestvennoi kul'tury kak formy etnicheskoi manifestatsii korennykh severnykh narodov [The conceptual potential of artistic culture as a form of ethnic manifestation of the indigenous northern peoples]. *Severnyye Arkhivy i Ekspeditsii*. 5(4): 17-24. [in Russian]

Petukhov, 1900 – Petukhov, E.V. (1900). Kafedra russkogo yazyka i slovesnosti v Yur'evskom (Derptskom) universitete [Department of Russian Language and Literature at the Yuryev (Derpt) University]. *Uchenye zapiski Imperatorskogo Yur'evskogo universiteta*. 4: 1-93. [in Russian]

Seredkina et al., 2019 – Seredkina, N.N., Kistova, A.V., Pimenova, N.N. (2019). «The Frieze of Life» by Edvard Munch: Philosophical and Art Analysis. *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*. 12(7): 1295-1315.

Shmurlo, 1894 – Shmurlo, E.F. (1894). Postnikov [Postnikov]. *Uchenye zapiski Imperatorskogo Yur'evskogo universiteta*. 1: 73-238. [in Russian]

Shmurlo, 1899 – Shmurlo, E.F. (1899). Ocherki zhizni i nauchnoi deyatel'nosti Konstantina Nikolaevicha Bestuzheva-Ryumina [Essays on the life and scientific activity of Konstantin Nikolaevich Bestuzhev-Ryumin]. *Uchenye zapiski Imperatorskogo Yur'evskogo universiteta*. 3: 1-416. [in Russian]

Sitnikova, 2022 – Sitnikova, A.A. (2022). Severnyye ekspeditsii i obraz Arktiki v zarubezhnoi zhivopisi XIX veka [Northern Expeditions and the Image of the Arctic in Foreign Painting of the 19th Century]. *Severnyye Arkhivy i Ekspeditsii*. 2022. № 6(1). S. 240-249. [in Russian]

Sreznevskii, 1895 – Sreznevskii, B.I. (1895). Otkrytiya Gel'mgol'tsa v oblasti teorii muzyki. Publichnaya lektsiya, chitannaya 4 noyabrya 1894 [Helmholtz's discoveries in the field of music theory. Public lecture given on November 4, 1894]. *Uchenye zapiski Imperatorskogo Yur'evskogo universiteta*. 1: 36-66. [in Russian]

Taranovskii i dr., 1916 – Taranovskii, O.V., Krashennnikov, M.N., Pustoroslev, P.P. (1916). Rechi, proiznesennye v zasedanii Soveta Imperatorskogo Yur'evskogo universiteta 27 fevralya 1916 goda po voprosu ob evakuatsii Imperatorskogo Yur'evskogo universiteta [Speeches delivered at a meeting of the Council of the Imperial Yuryev University on February 27, 1916 on the issue of the evacuation of the Imperial Yuryev University]. *Uchenye zapiski Imperatorskogo Yur'evskogo universiteta*. 3: 1-8. [in Russian]

Zudina, 2011 – Zudina, A.A. (2011). Nauka i obraz uchenogo v sovetskom kino (1928–1986 gody) [Science and the image of a scientist in Soviet cinema (1928–1986)]. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'*. 5: 167-176. [in Russian]

Образ ученого в периодике Российской империи («Ученые записки Императорского Юрьевского университета»)

Александра Александровна Ситникова^{а, *}, Наталья Михайловна Лещинская^а,
Екатерина Анатольевна Сертакова^а, Мария Александровна Колесник^а

^а Сибирский федеральный университет, Российская Федерация

Аннотация. Со времен основания первого учреждения высшего образования – Академического университета Петербургской академии наук, открытого в 1725 году, на территории Российской империи было образовано двенадцать университетов. Одна из задач, которая ставилась при открытии университетов, – это развитие российской науки, достижение включенности в мировое научное пространство. Рубеж XIX – XX веков стал временем научных открытий, великих свершений. Императорский Юрьевский университет был одним из ведущих научных и образовательных учреждений Российской империи. Здесь работали в качестве преподавателей и совершали открытия фольклорист В.И. Даль, языковед-славист Н.К. Грунский, хирург и педагог Н.М. Пирогов, химик В.Ф. Оствальд, историк И.И. Лаппо и многие другие. Целью настоящего исследования является реконструкция образа ученого посредством анализа публикаций со страниц «Ученых записок Императорского Юрьевского университета», где запечатлены истории жизни и творчества ученых.

Ключевые слова: периодические издания, образ ученого, Юрьевский (Дерптский) университет, Н.И. Пирогов, ученые в дореволюционной России, журнал «Ученые записки Императорского Юрьевского университета».

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: sem_dobrianka@mail.ru (А.А. Ситникова), trognonulia@gmail.com (Н.М. Лещинская), sertachok@mail.ru (Е.А. Сертакова), masha_kolesnik@mail.ru (М.А. Колесник)

Copyright © 2023 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2023. 18(2): 903-914
 DOI: 10.13187/bg.2023.2.903

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Prostitution in the Tobolsk Province's Towns as Reflected in the Mirror of the 1897 Census

Elena A. Brukhanova ^{a, *}, Oksana I. Chekryzhova ^a, Natalya V. Nezhentseva ^a

^aAltai State University, Russian Federation

Abstract

The article is devoted to the study of such specific category of urban population as the owners of houses of tolerance and prostitutes. Urbanization processes in Siberia at the end of the XIX century were reflected in both internal and external migrations of the population. At the same time, the adaptation of “new citizens” took place with varying degrees of success, and the development of cities also led to the expansion of infrastructure, including entertainments and the field of pleasure. Therefore, the prostitution in cities was, although condemned, but still common phenomenon. In this context, it is relevant to study the sphere of intimate services' users to form an idea of the social appearance of the Siberian city's marginal strata at the turn of the XIX-XX centuries.

The statistical and nominative sources were the basis of the study. The statistical materials presented by the data of a the 1889 special survey of prostitution and the published results of the 1897 Census made it possible to trace in time and in space the dynamics of the development of prostitution in Siberia at the end of the XIX century. Nominative sources, such as 1897 the census forms, containing personal information about prostitutes and brothels' managers in the Tobolsk province's towns, significantly supplemented and adjusted the statistical data.

The article pays attention to the socio-demographic “portrait” of prostitutes and owners of houses of tolerance, the specifics of their placement and residence in towns, the number and composition of such organizations.

It is concluded about the active development of prostitution in the Tobolsk province's towns. Tyumen was the leader in the number of brothels and prostitutes. Despite the general trends in the development of the industry such as the involvement of young nonresident Russian girls in the “debauchery”, Tobolsk towns also had some specific features such as a noticeable number of male owners of brothels and the nationality of brothel holders.

Keywords: prostitution, house of tolerance, urban population, 1897 Census, Census forms, Tobolsk Province, Siberia, end of the XIX century.

1. Введение

В конце XIX в Сибири происходили модернизационные и урбанизационные процессы, оказывающие влияние на облик и социальный состав городского населения. Одним из проявлений урбанизации был приток населения в города как из ближайших территорий, так и из других регионов. С одной стороны, миграции формировали основу для экономического роста городов, расширения инфраструктуры, с другой – адаптация «новых горожан» происходила с разной степенью успешности, вследствие чего пополнялись маргинальные, низшие слои и специфичные группы городского населения, к которым можно отнести держателей домов терпимости и проституток.

* Corresponding author

E-mail addresses: brelenochka@mail.ru (E.A. Brukhanova), niigi@yandex.ru (O.I. Chekryzhova), neshenzewan@mail.ru (N.V. Nezhentseva)

Несмотря на общественное осуждение, в дореволюционный период проституция была официальным и законным занятием, которое регулировалось и контролировалось государственными органами. Так, публичные дома должны были руководствоваться специальными «Правилами для содержательниц домов терпимости» (далее – Правила), введенными особыми циркулярами Министерства внутренних дел в 1844 и дополненных в 1861 гг. (Зюбан, 2008), а регламентацией проституции занимался специальный врачебно-полицейский комитет. Однако, как отмечают исследователи, к концу XIX века такие комитеты функционировали далеко не во всех регионах империи и во многих, особенно отдаленных, территориях такой надзор осуществлялся силами полиции, загруженной многочисленными обязанностями (Герасимов, 2009), а на отдельных территориях надзор был «совершенно не организован» (Зюбан, 2008). Вместе с тем изучение такой специфической категории населения как содержатели домов терпимости и проститутки является актуальным для формирования представления о социальном облике маргинальных слоев сибирского города рубежа XIX–XX вв.

В статье представлены характеристика и некоторые особенности участников сферы интимных услуг в городах Тобольской губернии по статистическим и номинативным материалам Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. В частности, рассматривается социально-демографический «портрет» проституток и содержателей домов терпимости, специфика размещения и проживания в городах, численность и состав подобных заведений.

2. Материалы и методы

Одним из основных источников о проституции в России в конце XIX в. являются данные специального обследования проституток и домов терпимости всех губерний и областей Российской империи на 1 августа 1889 года (Проституция..., 1890: VII). Данные для этого обследования собирались на основе разработанных Центральным статистическим комитетом совместно с Медицинским департаментом МВД вопросных листов о домах терпимости и их работницах, а также о проститутках-одиночках. Заполнение вопросных листов было возложено на местных уездных, городских, полицейских или санитарных врачей, на которых «в данном месте лежат обязанности наблюдения за домами терпимости и проститутками» (РГИА Ф. 1290. Оп. 2. Д. 325. Л. 20-20). По некоторым сибирским городам сохранились оригинальные анкеты (Быкова, 1998), но, к сожалению, по городам Тобольской губернии таких материалов не обнаружено, и мы располагаем только статистическими данными обследования по сибирским губерниям в целом. Опубликованные результаты содержали данные о публичных домах, а именно об их количестве и численности, числе комнат и кроватей, их категориях и стоимости услуг. О самих работницах публиковались сведения о социальном, материальном, семейном положении, а также сведения об имеющихся заболеваниях, в том числе сифилисе и венерических болезнях.

Еще одним статистическим источником о проституции являются агрегированные материалы Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. В погубернских выпусках результатов переписи представлены сведения о численности лиц, занятых в группе «Проституция», по уездам и городам, а также их гендерный, возрастной, религиозный и национальный состав. В специальном выпуске с распределением населения по видам главных занятий отдельно представлены сведения о количестве содержателей домов терпимости по губерниям, уездам и крупнейшим городам (Распределение..., 1905). Источником для компаративного анализа статистических материалов о занятости населения Сибири по материалам переписи 1897 г. выступила информационная система «Профессии и занятия населения Российской империи конца XIX – начала XX века. Анализ данных Первой всеобщей переписи населения 1897 года» (Профессии...).

Материалы специального обследования и переписи населения сформировали комплекс статистических данных, который позволил сравнить развитие проституции в Сибири в конце XIX в. в пространстве и во времени.

Но наибольшую ценность представляют номинативные материалы переписи 1897 г., а именно оригинальные переписные листы, содержащие довольно подробные данные о каждом человеке. Сведения о жителях городов Тобольской губернии из переписных листов, сохранившихся в Государственном архиве в г. Тобольске (ГАТ), были внесены в базу данных «Населения городов Сибири на рубеже XIX–XX вв.» (Население), что позволило сформировать репрезентативную выборку об участниках рынка интимных услуг в городах. Переписные листы содержали данные о сословной принадлежности, возрасте, семейном положении, месте рождения, приписке, основном и побочном занятии, адресе проживания содержателей домов терпимости и проституток, что значительно расширило сведения статистических источников и позволило выявить некоторые интересные сюжеты. Например, совместное проживание односельчан и их занятость в одной сфере, «семейный бизнес», факты сокрытия или искажения рода деятельности, наличие «гастролей» на ярмарки и некоторые другие.

3. Обсуждение

Столь неоднозначная и дискуссионная тема довольно активно изучается исследователями современного периода. В работах по истории проституции в России на рубеже XIX–XX вв.

использовались разные виды источников (статистические, эпистолярные, личного происхождения, номинативные), представлены отдельные направления исследований, а также оригинальные оценки и подходы. Например, авторы, уделявшие особое внимание нормативно-правовому регулированию, государственному контролю, медико-охранительным аспектам проституции и связям ее с криминальным миром (Герасимов, 2009; Грозин, 2019; Матвеева, Хаит, 2021), пришли к выводу о катастрофическом распространении сифилиса и других венерических заболеваний, об осознании проституции как общественно опасного явления как в сфере народного здоровья, так и сохранении морального облика жителей.

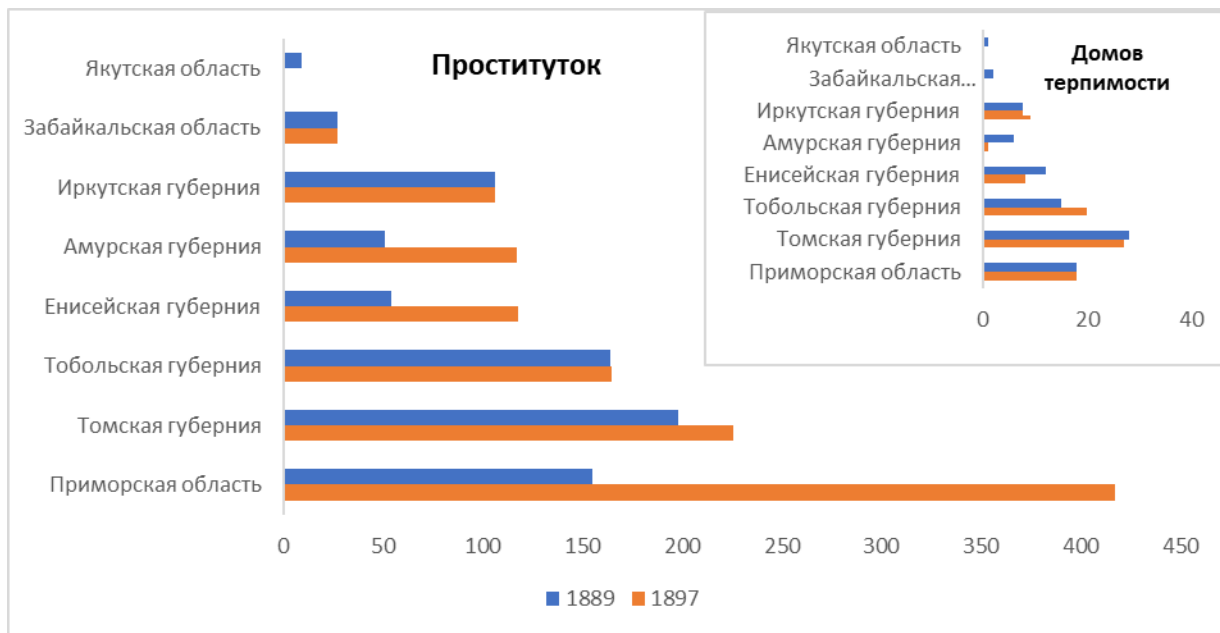
Отдельный исследовательский интерес представляла реконструкция социального портрета проституток (Сунгуров, 2015; Татарникова, 2016), организация их деятельности как в домах терпимости, так и в тайных притонах, гостиницах и специальных номерах в некоторых сибирских регионах: Енисейской губернии (Матвеева, 2019), Забайкальской области (Паликова, 2009), на Дальнем Востоке (Евтехов, Паликова, 2022) и в отдельных городах – Омске, Томске (Быкова, 2000), Кургане (Мионов, 2017) и некоторых других.

Еще одним актуальным аспектом в работах, посвященных проституции в Сибири, являются выявление, изучение и оценка источников по истории данного явления. Так, авторы обращались к сведениям специального однодневного статистического обследования проституции на 1 августа 1889 года (Зюбан, 2006) и сравнивали их с другими статистическими материалами. В результате довольно значительное несовпадение данных в источниках объяснялось исследователями различными целями обследования, методиками проведения учета и в целом сложностью работы администрации с соответствующим контингентом населения (Быкова, 2000: 60).

В настоящей статье представлены некоторые демографические, социальные, этнические особенности не только проституток, но и других участников данной сферы – владельцев и прислуги домов терпимости – в городах Тобольской губернии. Исследование основано на персональных сведениях переписных листов 1897 г.

4. Результаты

Дома терпимости в Сибири конца XIX в. были вполне привычным, хотя и порицаемым обществом, элементом повседневности и имели определенную специфику, которая зависела в значительной степени от удаленности от столицы, особенности экономической специализации территории, преобладания мужского населения, высокой концентрации военных и/или заключенных и некоторых других особенностей Сибирского региона. Данный тезис основан на анализе статистических материалов специального обследования 1889 г. и переписи населения 1897 г., который также позволил сделать ряд выводов о развитии проституции в Сибири в целом и Тобольской губернии в частности.

Рис. 1. Динамика численности проституток и количества домов терпимости в губерниях Сибири 1889–1897 гг. (Проституция..., 1890, Профессии...)

Проституция в Сибири развивалась довольно интенсивно: за 8 лет численность проституток увеличилась с 764 до 1 176 чел., т.е. на 54 % (Проституция..., 1890, Профессии...), – наибольший

прирост работниц был характерен для Приморской, Амурской и Енисейской областей (Рисунок 1). Тобольская губерния, несмотря на незначительную динамику, к 1897 г. занимала третье место по количеству проституток (165 чел.) после Приморской области (417 чел.) и Томской губернии (226 чел.) и второе место по численности содержателей домов терпимости (20 чел.), немного уступая Томской губернии (27 чел.) (Профессии...).

Анализ статистических данных переписи 1897 г. показал, что проституция была преимущественно городским явлением: в целом 80 % сибирских проституток находились на момент переписи в городах, для Тобольской губернии этот показатель составил 75,2 %, также из 82 сибирских борделей 74 располагались в городах, из 20 домов терпимости в Тобольской губернии 18 находились в городах. Таким образом, проституцию, действительно, можно рассматривать как один из специфических элементов социального портрета сибирского города.

В переписных листах переписи 1897 г. по городам Тобольской губернии были выявлены сведения о 149¹ чел., занятых в сфере интимных услуг, из них 26 содержателей домов терпимости и 123 проститутки. Больше всего проституток проживало в Тюмени, однако наибольший процент (0,27 %) от общего числа жителей проститутки составляли в городе Ялуторовске; 0,23 % – в Кургане; 0,2 % – в Тюкалинске; по 0,15 – в Тюмени и Тобольске и 0,1 – в Ишиме (Таблица 1).

Сопоставление статистических материалов и сведений переписных листов переписи 1897 г. об участниках «рынка разврата» показало некоторые разночтения в данных (Таблица 1). В большинстве случаев персональные данные показали значения выше агрегированных, но даже такие показатели при сопоставлении с данными 1889 г. (сведения о численности проституток в домах терпимости и проституток-одиночек) позволили предположить, что перепись 1897 г. недоучла часть участников рассматриваемой сферы.

Таблица 1. Численность содержателей домов терпимости и проституток по агрегированным и персональным данным переписи 1897 г. (Профессии..., Население...)

	Количество жителей, чел.	Агрегированные данные		Номинативные данные	
		Содержателей домов терпимости, чел.	Проституток, чел.	Содержателей домов терпимости, чел.	Проституток, чел.
Тюмень	29 544	4	33	9	45
Тобольск	20 425	7	27	6	31
Курган	10 301	4	26	7	24
Ишим	7 153	0	7	0	7
Тюкалинск	4 018	1	8	1	8
Ялуторовск	3 330	1	7	3	9

Различия в сведениях, на наш взгляд, можно объяснить несколькими обстоятельствами. Одной из причин является искажение данных на этапе их сбора: запись сведений в переписные листы осуществлялась «со слов», требовать какие-либо документы для проверки переписчик не мог, что создавало возможность указания неполных или неверных сведений. Таким образом, в материалы переписи 1897 г. могли не попасть данные о тайных притонах и скрытой проституции, о существовании которой в сибирских городах указывали как авторы начала XX в. (Проституция..., 1910: 49), так и современные исследователи (Паликова, 2009; Миронов, 2017). Если учитывать, что результаты переписи отразили только сведения о домах терпимости и их работницах, то динамика роста данного явления в Тобольской губернии за 8 лет составила 48,4 %.

Кроме того, перепись недоучла проституток-одиночек: если в Тобольской губернии по обследованию 1889 г. 80 проституток проживали в домах терпимости и 84 занимались промыслом самостоятельно, то перепись 1897 г. зафиксировала единичные примеры проституток, проживающих отдельно, что свидетельствует скорее о том, что девушки стремились скрыть свою деятельность. Некоторые из них, даже проживая в домах терпимости, не называли свой род занятий переписчиком. Например, один из содержателей курганского дома терпимости на площади Конной Александр Иванович Мякишев, 26 лет, проживал совместно с сожительницей и четырьмя незамужними

¹ Сведения переписных листов приводятся по базе данных «Население городов Сибири на рубеже XIX–XX вв.: по материалам Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г.» – Свидетельство о государственной регистрации базы данных № 2021620150 от 21.01.2021 / Е.А. Брюханова, Д.Н. Иванов, Н.В. Неженцева, О.И. Чекрыжова; заявитель федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Алтайский государственный университет».

девушками от 16 до 22 лет, записанными как жилицы, у девушек в переписных листах род занятий не указан. Запись проституток как жилицы или постоялицы было довольно распространенным способом сокрытия занятий проституцией. Интересный факт искажения данных обнаружил П.В. Миронов, изучающий публичные дома в Кургане. Он обратил внимание на то, что проститутки, работавшие в домах терпимости, указывали неверно место своей приписки, опасаясь презрения со стороны семьи, а родственники тех, кто указал свое происхождение верно, показали, что девушки работали в городе кухарками (Миронов, 2017: 27).

У содержателей домов терпимости были свои причины не указывать род деятельности. С одной стороны, это уклонение от регистрации, надзора (Проституция..., 1910: 49) и необходимости соблюдения соответствующих правил, с другой – стремление сэкономить на арендной плате, которая, как отмечает Т.В. Паликова, для домов терпимости была значительно выше (Паликова, 2009: 42). Так, в городе Ишиме перепись не зафиксировала ни одного содержателя дома терпимости, однако из семи проституток пять проживали группами по 3 и 2 человека, что позволяет предположить об уклонении их сутенеров от переписи или искажении данных. Стоит отметить, что стремление к сокрытию некоторых данных было характерно и для других групп маргинальных слоев населения, например заключенных (Brukhanova, Chekryzhova, 2021).

Еще одной причиной недоучета переписью 1897 г. лиц, занятых в проституции в городах Тобольской губернии, является их отсутствие на местах своего постоянного проживания. Так, в переписных листах были обнаружены случаи нахождения проституток в больницах, содержателей борделей – в тюрьмах, и тех, и других – в отъезде. В соответствии с Правилами надзору за здоровьем женщин уделялось большое внимание: должен был осуществляться регулярный осмотр женщин, а заболевших отправляли в больницы и лечили бесплатно, ведь нарушение Правил могло привести к заключению содержателя дома терпимости в исправительное заведение (Зюбан, 2008). Такие условия были связаны с распространением сифилиса и венерических заболеваний в России, в том числе и Сибири. По данным Медицинского департамента МВД в 1887–1892 годах в среднем число заболевших сифилисом составило 654 тыс. чел., заболевших венерическими болезнями – 175 тыс. чел., что было выше показателей по другим болезням, например гриппу, дизентерии, брюшному тифу и др. (Отчет..., 1898: 34). По обследованию 1889 г. более 50 % проституток болели сифилисом или венерическими заболеваниями (Проституция..., 1889: 3). Итак, на момент переписи 6 женщин-проституток находились в больницах и учитывались переписью как «Больные на излечении»: 4 девушки лежали в Тобольской губернской больнице общественного призрения и по одной – в Ишимской и Тюменской городских больницах.

Интересный случай нахождения содержательницы дома терпимости в исправительном заведении и одновременно пример искажения данных о роде деятельности был зафиксирован переписью в Кургане. Ведринская Анна Николаевна фигурировала в одном переписном листе с указанием занятия «содержательница дома терпимости» и пометкой о временном отсутствии, в качестве места временного пребывания указан Курганский тюремный замок. С ней проживали мать, дочь и муж Иван, также с пометкой о временном отсутствии – в Курганском тюремном замке, а также 1 девушка-проститутка. В общей перечневой ведомости Курганского тюремного замка среди 170 заключенных, действительно, присутствовали Ведринский Иван и его жена Ведринская Анна, но род занятий был указан «при муже-портном».

Наиболее ярким примером причин отъезда являются «гастроли» содержателей домов терпимости и их работниц в г. Ирбит. В конце XIX века знаменитая Ирбитская ярмарка проводилась как раз в даты переписи – с 25 января по 1 марта (Задорожная, 2017). Поскольку некоторые из содержателей борделей находились в Ирбите вместе с прислугой и проститутками, можно предположить, что целью поездки была именно ярмарка, которая представлялась весьма привлекательным местом в отношении количества потенциальных клиентов. Такое явление исследователями характеризуется как особая ярмарочная проституция (Абакумов, 2016; Кончаковская, 2020: 71). По результатам переписи 1897 г. в Ирбите в это время количество проституток (более 200 человек) значительно превышало все другие города Пермской губернии и многие другие сибирские города (Кончаковская, 2020: 70). Из городов Тобольской губернии на заработки в Ирбит выехали 4 содержателя дома терпимости и 13 проституток, большинство были из ближайшего к Пермской губернии города – Тюмени. Отъезды на ярмарку осуществлялись целыми «домами». Так, содержательница тюменского дома терпимости Маларщикова Александра Львовна, 38 лет, отбыла временно в Ирбит не только со своими 10 работницами, но и прислугой и родственниками (отец и брат).

Переписные листы переписи 1897 г. позволяют получить социально-демографический «портрет» как проституток, так и содержателей домов терпимости.

Характеристики проституток городов Тобольской губернии оказались довольно типичными. Проституцией занимались женщины в возрасте от 16 до 31 года, средний возраст составлял 20 лет. Большинство проституток были крестьянками (98 человек, что составляет 80 % от общего числа), заметную долю составляли мещанки (18 %), остальные сословия были представлены слабо: в переписных листах была зафиксирована одна девушка дворянского сословия и женщина, 31 года,

происходящая из семьи военных. Подавляющее большинство девушек назвали себя русскими, православного вероисповедания. Из 123 проституток только 20 девушек были грамотными.

Такой социальный «портрет» проституток исследователи связывают с активными урбанизационными процессами и сложностью адаптации крестьянок к новым условиям городской жизни (Татарникова, 2016). Действительно, среди проституток Тобольской губернии горожанок совсем мало: всего 29 девушек являлись уроженками городов, и лишь 21 из них осталась «работать» в родном городе. Степень мобильности среди этой категории профессионального сообщества была довольно высокой. По мнению исследователей (Миронов, 2017), именно отъезд девушки из родных мест и отсутствие поддержки семьи выступали в качестве одного из факторов обращения к занятию проституцией.

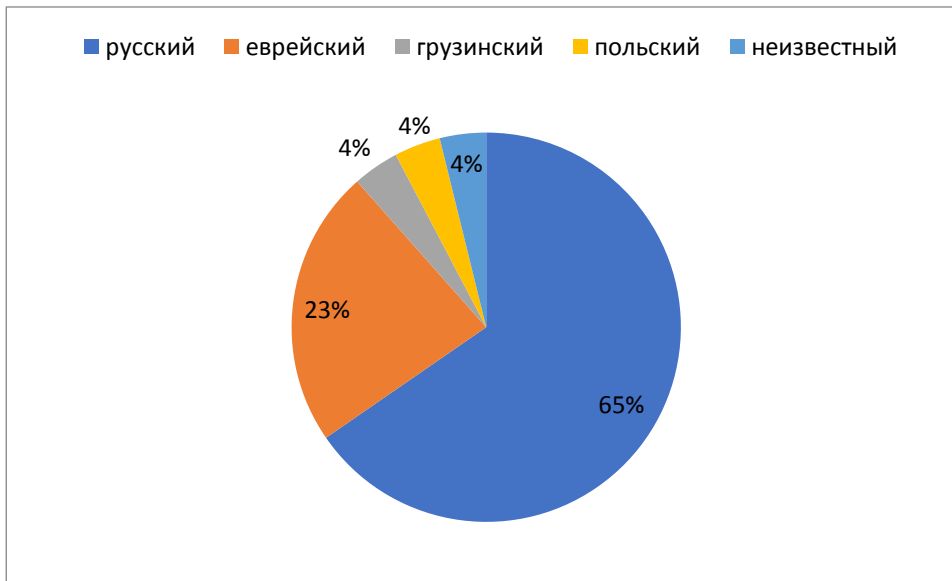
Первичные материалы переписи 1897 г. позволяют выявить места приписки работников рассматриваемой сферы городов Тобольской губернии. Так, 66 % (или 81 чел.) были приписаны в Тобольской губернии, 25 девушек приехали из соседней Пермской губернии (из них 13 работали в ближайшем к губернии крупном городе – Тюмени), несколько человек приехали из Вятской и Оренбургской губерний, была девушка, прибывшая из Польши. Но все же большинство женщин, занимающихся проституцией в городах Тобольской губернии, прибыли из ближайших к городам уездов. Особенно это характерно для небольших городов: в Ялуторовске все проститутки были из Ялуторовского округа; в Ишиме – из Ишимского округа; в Тюкалинске 6 из 8 работниц – из Тюкалинского округа, причем 5 из них приехали из Колмаковской волости и практически все работали в одном доме терпимости. Случай совместной работы девушек-землячек в одном заведении вполне типичен, особенно ярким примером является дом терпимости на улице Ишимской в Тюмени, где содержательница и пять из девяти проституток были выходцами из Пермской губернии. Крупные города губернии были более привлекательны для заработков в сфере проституции, куда съезжались девушки не только с близлежащих местностей, но и отдаленных территорий, в том числе других губерний. Так, в Кургане из 26 девушек-проституток 5 были выходцами из соседних губерний, в Тобольске 10 – из 27 работниц, самый высокий процент выходцев из других губерний был в Тюмени: 42 %, или 19 проституток, приехали из других, в том числе несоседних губерний.

В переписных листах были выявлены сведения о 26 чел., указавших в качестве основного или побочного занятия «содержание дома терпимости». Возраст владельцев или управляющих публичными домами колебался от 27 до 62 лет, среди них больше половины составляли мужчины – 14 из 26 чел. В соответствии с Правилами для публичных женщин и содержательниц домов терпимости (с изменениями 1861 г.) содержателями домов терпимости могли быть только женщины в возрасте от 35 до 55 лет. Но, по данным переписи 1897 г. (Профессии), а также данным других исследователей (Миронов, 2017: 28; Паликова, 2009: 40), эти Правила повсеместно нарушались как в возрастном, так и гендерном отношении. Из 82 содержателей домов терпимости в Сибири 33 были мужчинами, но при этом 12 чел., или 36 %, проживали в Тобольской губернии. Таким образом, с одной стороны, то, что владельцами «домов удовольствия» в тобольских городах были мужчины, было характерным явлением и для других сибирских губерний (Томской, Приморской, Иркутской), с другой – в Тобольской губернии было наибольшее количество мужчин-содержателей домов терпимости и, видимо, это было особенностью рассматриваемого региона. Так, мужчины управляли четвертьмя из шести домов терпимости в Тобольске, в Ялуторовске двумя из трех. Возрастные нормы также не соблюдались: например, в Тюкалинске, где по переписи зафиксирована всего одна содержательница дома терпимости, она не соответствовала возрастному цензу – ей было всего 27 лет.

Изучение сведений о родном языке содержателей домов терпимости показало несоответствие первичных и агрегированных данных. В опубликованных результатах переписи 1897 г. все лица, занятые в сфере проституции, были русскими, за исключением одной еврейки в Тобольске и одного поляка в Ялуторовске. По материалам переписных листов картина выглядит несколько по-другому (Рисунок 2).

В Тобольске из 6 содержателей домов терпимости 5 были евреями. Евреи, владельцы борделей, проживали вместе с семьей, часто многочисленной, с детьми, старшими родственниками, прислугой и девушками-проститутками. Единственная русская – содержательница дома терпимости – проживала в доме, принадлежащем еврею. Первушина Александра Ульяновна, 27 лет, приписанная в Пермской губернии, возможно, являлась своего рода «наемным сотрудником», т.к. проживала одна без семьи, была приезжей и в домохозяйстве, кроме содержательницы, прислуги и девиц, жил нахлебник – торговец обувью, еврей 38 лет. В Ялуторовске тремя домами терпимости владели поляк, еврей и русская. В Тюмени все содержатели борделей оказались русскими, но по некоторым данным можно судить о том, что в организации проституции в Тюмени участвовали и выходцы с Кавказа. Например, содержателями домов терпимости были Лорд Копинидзе Иван (в переписном листе нет никаких сведений, кроме того, что он содержит дом терпимости и временно отсутствует в Ирбите), Лорд-Кабалидзе Таисия (русская, но замужем, сведений о муже нет), еще в одном случае грузином являлся владелец дома, в котором располагался бордель, и двое мужчин из прислуги. В Тюкалинске содержательницей дома терпимости была Гогнидзе Авдотья, русская, замужем за грузином, выходцем

из Тифлисской губернии. При этом стоит отметить, что в отличие от проституток, большинство содержателей борделей (61,5 %, или 16 чел.) были приписаны в месте нахождения их заведений.

Рис. 2. Содержатели домов терпимости по родному языку (Население...)

Особенности записи сведений в переписные листы, а именно по домохозяйствам, позволило проследить численность и состав обитателей большинства публичных домов в городах Тобольской губернии. Больше всего домов терпимости находилось в Тюмени, там же располагались 4 из 5 крупнейших для губернии публичных домов с численностью проституток от 7 до 10 человек (содержателями были М.Н. Нарынкина, А.Л. Маларщикова, Т.Д. Лорд-Кабалидзе, П.Е. Ефимова), еще один крупный бордель с 7 проститутками содержала Гогнизде А.В. в Тюкалинске. При крупных «домах удовольствий» содержались кухарки, лакеи, дворники, караульные и горничные. В остальных городах дома терпимости были поменьше: 9 борделей с 4–6 проститутками, в 7 – трудились 1–3 девушки. Наличие прислуги при таких публичных домах, вероятно, зависело от уровня заведения и желания его содержателя, кроме того, прислуга могла не проживать непосредственно в борделе. Тем не менее, по сведениям переписных листов, в 4 из 6 публичных домов города Тобольска были кухарки, в 2 были еще работники (дворник или караульный), в Кургане 3 из 7 притонов также располагали кухарками, в 1 служил лакей, в Ялуторовске бордели обходились без прислуги. Содержатели домов терпимости, как правило, жили «на рабочем месте» (из 26 чел. только 3 проживали отдельно), т.е. вместе со своими работницами и прислугой, часто с супругами, детьми, родственниками и другими квартирантами, что также нарушало запрет на проживание в домах разврата «детей, жилищ и родственников» (Миронов, 2017: 28).

Правилами регламентировалось и размещение домов терпимости в черте города, а именно указывалось минимальное расстояние от церквей, школ, училищ и некоторых других учреждений. На многих обложках переписных листов указывался адрес домохозяйства, что позволило локализовать отдельные дома терпимости в пространстве города и выделить «профессиональные» улицы и кварталы. Так, в Кургане 4 дома терпимости располагались на улице Кладбищенской, по одному – на улице Ново-Запольной, улице Канавной и площади Конной, которая в конце XIX века находилась на окраине города, в западной части городского сада, разбитого на месте закрытого в 1860 году старого кладбища, лежащего между улицами Ново-Запольной и Кладбищенской, параллельно Кладбищенской шла улица Канавная, т.е. все дома терпимости в Кургане располагались довольно близко, и существовал своеобразный «квартал красных фонарей». В Тобольске дома терпимости локализовались также довольно компактно в восточной стороне подгорной части города на трех параллельных улицах – Новой, Малой Болотной, Кузнечной и на улице Курганской. В Ялуторовске все дома терпимости находились на улице Больничной, в Тюкалинске бордель был на улице Задняя Чащинская. В переписных листах нет сведений о содержателях домов терпимости в Ишиме, но группы проституток проживали там на улицах Большая Кузнечная и Безымянная. В Тюмени дома терпимости располагались в границах улиц Ишимской, Тобольской, Садовой и Серебряковской. Этот район города назывался Потаскуй и граничил с одной стороны с площадью для проведения ярмарок, а с другой – выходил к берегу реки Тура. Интересным свидетельством размещения проституток в городе является план города за 1895 г., на котором есть рукописные пометки от 16 августа 1905 г., обозначающие места и улицы, где могли располагаться дома терпимости и селиться проститутки-одиночки, план был подписан городским главой и членами

управы (План..., 1905). Также на план были нанесены еще не застроенные кварталы. Этот пример свидетельствует об особом внимании городской администрации к вопросу размещения публичных домов. Очевидно, к соблюдению этой части Правила относились более требовательно.

5. Заключение

По данным Первой всеобщей переписи населения Российской империи, к концу XIX в. Тобольская губерния занимала второе место среди сибирских губерний по количеству публичных домов и третье – по числу проституток в них. Сравнение итогов переписи 1897 г. со специальным обследованием 1889 г. показало, что в материалы переписи не вошли сведения о тайных притонах, а также практически отсутствуют данные о проститутках-одиночках, т.е. фактически итоги переписи содержали информацию о домах терпимости и проститутках в них. В то же время статистические источники отражают активное развитие проституции в Тобольской губернии. Для детального анализа этой сферы использовались сведения переписных листов переписи 1897 г., содержащие персональные данные содержателей домов терпимости, их работниц и служащих, что позволило существенно дополнить и скорректировать опубликованные результаты переписи.

Проституция представлялась преимущественно городским явлением: в городах работали 75,2 % проституток Тобольской губернии. Лидером по количеству домов терпимости и работниц в них являлся крупнейший город губернии – Тюмень, в котором также сосредотачивались самые большие в губернии бордели с 7–10 проститутками, которые обслуживали кухарки, горничные, лакеи, караульные и дворники.

Особенностью Тобольской губернии была высокая доля мужчин – содержателей домов терпимости (более 50 %), что было не типично для других регионов Сибири. Стоит отметить, что управление борделями мужчинами являлось нарушением правил для такого рода заведений, кроме того, довольно часто не соблюдались возрастные ограничения для содержателей домов терпимости. При этом для проституток требования соответствующих правил соблюдались.

Первичные материалы опровергают опубликованные сведения переписи о том, что проституция являлась почти исключительно «русским» занятием в городах Тобольской губернии. Но, если все девушки, занятые в этой сфере, действительно, были русскими и православными, то национальная принадлежность содержателей публичных домов была более разнообразной (евреи, поляки, грузины) и даже в некоторых случаях территориально обусловленной. Например, большинство борделей Тобольска принадлежало евреям.

Переписные листы свидетельствуют о высокой мобильности рассматриваемой категории населения: 90 % девушек-проституток были приписаны не там, где работали. В первичных материалах переписи нашло отражение и такое явление, как ярмарочная проституция, когда на ярмарку в Ирбит, проходившую в период проведения переписи, были организованы «гастроли» отдельных домов со всеми работницами и прислугой.

В целом материалы переписи 1897 г. отразили как общие черты (вовлечение в «разврат» иногородних молодых русских девушек), так и некоторые особенности (гендерный и национальный состав содержателей домов терпимости) проституции в городах Тобольской губернии. Содержатели домов терпимости и проститутки могут рассматриваться как особая группа маргинальных слоев городского общества, отражающая, с одной стороны, последствия урбанизации, с другой – развитие инфраструктуры и сферы услуг растущих городов.

6. Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 19-78-10020, <https://rscf.ru/project/19-78-10020/>

Литература

Абакумов, 2016 – Абакумов О.Ю. Сексуальные ритмы нижегородской ярмарки // *Экономическая психология: прошлое, настоящее, будущее*. 2016. № 3–1. С. 98–105.

Альмухаметова, 2003 – Альмухаметова М.Ш. Проституция как форма девиантного поведения в Тобольской губернии во второй половине XIX – начале XX вв. / *Девиантология в России: история и современность. Сборник тезисов докладов и сообщений на Всероссийской научно-практической конференции*. 2003. С. 54–56.

Белых, 2005 – Белых В.С. Правовое регулирование предпринимательской деятельности в России. М., 2005. 432 с.

Быкова, 1998 – Быкова А.Г. Содержательницы домов терпимости как социальная группа в истории сибирских городов (на примере Омска и Томска в 70–90-е годы XIX в.) // *Катанаевские чтения – 98 / Материалы докладов Второй Всероссийской научно-практической конференции, Омск, 20–21 мая 1998 года*. 1998. С. 100–103.

Быкова, 2000 – Быкова А.Г. Проституция в городах Западной Сибири (1880-е–1917 гг.) // *Социологические исследования*. 2000. № 5. С. 59–65.

ГАТ – Государственный архив в г. Тобольске.

- Герасимов, 2009** – Герасимов Н.В. История государственного регулирования проституции в России // *Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева*. 2009. № 71. С. 172-182.
- Грозин, 2019** – Грозин С.Ю. Деятельность полиции второй половины XIX – начала XX веков по повышению духовного уровня населения Иркутской губернии // *Научный дайджест Восточно-Сибирского института МВД России*. 2019. № 1(1). С. 263-266.
- Евтехов, Паликова, 2022** – Евтехов Р.А., Паликова Т.В. Проституция как инструмент решения социальных проблем Восточной Сибири и Дальнего Востока второй половины XIX – начала XX в. // *Известия Иркутского государственного университета. Серия «История»*. 2022. Т. 39. С. 28-39.
- Задорожная, 2017** – Задорожная О.А. Ирбитская ярмарка и купечество тобольской губернии (последней четверти XVIII – начала XIX вв.) // *Северный регион: наука, образование, культура*. 2017. № 2(36). С. 16-20.
- Зюбан, 2006** – Зюбан М.Н. Статистика проституции в Российской Империи в конце XIX века / *Гуманитарная наука в изменяющейся России: состояние и перспективы развития. Материалы VIII Региональной научно-практической конференции РГНФ*. 2006. С. 921-927.
- Зюбан, 2008** – Зюбан М.Н. Государственная регламентация занятий проституцией в Российской империи: середина XIX столетия – 1917 г. // *Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета*. 2008. № 2(6). [Электронный ресурс]. URL: <http://scientific-notes.ru/magazine/archive/number/6>
- Кончаковская, 2020** – Кончаковская Н.Б. Проституция в городской повседневности пермской губернии в конце XIX – начале XX века // *Вестник Пермского университета. История*. 2020. № 2(49). С. 67-79.
- Население...** – Население городов Сибири на рубеже XIX–XX вв. по материалам Первой всеобщей переписи населения 1897 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://person1897.histcensus.asu.ru/>
- Мартыненко, 2010** – Мартыненко Н.К. Сифилис как главная причина начала регламентации проституции в России в середине XIX века // *Вестник Волжского университета им В.Н. Татищева*. 2010. № 4. С. 42-54.
- Матвеева, 2019** – Матвеева Д.Н. Социальный портрет публичной женщины в конце XIX – начале XX вв. на примере материалов Енисейской губернии / *История мировых цивилизаций. Социально-политические процессы: направления и методы исследования, материалы XIII Всероссийской научной конференции с международным участием*. 2019. С. 121-127.
- Матвеева, Хаит, 2021** – Матвеева Д.Н., Хаит Н.Л. К вопросу о медико-охранительной стороне проституции в XIX – начале XX вв. на примере материалов Енисейской губернии // *Проблемы социально-экономического развития Сибири*. 2021. № 2(44). С. 127-132.
- Миронов, 2017** – Миронов П.В. Публичные дома в Кургане (по материалам первой всеобщей переписи 1897 г.) / *Зыряновские чтения. Материалы Всероссийской научно-практической конференции*. 2017. С. 26-28.
- Отчет..., 1898** – Отчет Медицинского департамента внутренних дел за 1893–95 годы. Ч. 1: Движение населения. Заболеваемость. Осмотры призывных. 1898. 359 с.
- Паликова, 2009** – Паликова Т.В. «Торговля позором» или «Заведения наслаждения»: дома терпимости в социально-сервисной сфере городов Забайкалья в начале XX в. // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «История России»*. 2009. № 2. С. 38-52.
- План..., 1905** – План города Тюмени 1905 года. [Электронный ресурс]. URL: http://www.etomesto.ru/map-tumen_1905/
- Проституция..., 1890** – Проституция Российской империи по обследованию на 1 августа 1899 г. / Центральный статистический комитет Министерства внутренних дел / Под ред. А. Дубровского. СПб., 1890. XXXVI, 85, 39 с.
- Проституция..., 1910** – Проституция в Сибири // *Сибирские вопросы*. 1910. № 8–9. С. 48-51.
- Профессии...** – Профессии и занятия населения Российской империи конца XIX – начала XX века. Анализ данных Первой всеобщей переписи населения 1897 года. [Электронный ресурс]. URL: <https://stat1897.histcensus.asu.ru/>
- Распределение..., 1905** – Распределение населения по видам главных занятий и возрастным группам по отдельным территориальным районам. Т. 4. СПб., 1905.
- РГИА** – Российский государственный исторический архив.
- Сунгуров, 2015** – Сунгуров П.А. Проституция в сибирских губерниях (конец XIX – начало XX вв.) // *Теория и практика общественного развития*. 2015. № 6. С. 110-111.
- Татарникова, 2016** – Татарникова А.И. «Продажная любовь» как явление повседневной жизни городов Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в. // *Исторические, философские и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. 2016. № 11–1(73). С. 158-162.
- Berestova, Subbotina, 2020** – Berestova E.M., Subbotina A.M. Prostitution and Russian Society in the second half of the XIX and early XX centuries // *Bylye Gody*. 2020. Vol. 57. Is. 3. Pp. 1186-1193.

[Brukhanova, Chekryzhova, 2021](#) – *Brukhanova E.A., Chekryzhova O.I.* The Prisoners of Tobolsk Prisons at the end of the XIX century: A Socio-Demographic Portrait on Materials of the 1897 Census // *Bylye Gody*. 2021. 16(2): 936-947.

References

[Abakumov, 2016](#) – *Abakumov, O.Y.* (2016). Seksual'nye ritmy nizhegorodskoi yarmarki [Sexual Rhythms of the Nizhny Novgorod]. *Ekonomicheskaya psikhologiya: proshloe, nastoyashchee, budushchee*. 3-1: 98-105. [in Russian]

[Al'mukhametova, 2003](#) – *Al'mukhametova, M.Sh.* (2003). Prostitutsiya kak forma deviantnogo povedeniya v Tobol'skoi gubernii vo vtoroi polovine XIX – nachalo XX vv. [Prostitution as a form of deviant behavior in the Tobolsk province in the second half of the 19th – early 20th centuries]. *Deviantologiya v Rossii: istoriya i sovremennost'. Sbornik tezisev dokladov i soobshchenii na Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*. Pp. 54-56 [in Russian]

[Belykh, 2005](#) – *Belykh, V.S.* (2005). Pravovoe regulirovanie predprinimatel'skoi deyatel'nosti v Rossii. [Legal regulation of entrepreneurial activity in Russia]. Moscow, 432 p. [in Russian]

[Berestova, Subbotina, 2020](#) – *Berestova, E.M., Subbotina, A.M.* (2020). Prostitution and Russian Society in the second half of the XIX and early XX centuries. *Bylye Gody*. 57(3): 1186-1193.

[Brukhanova, Chekryzhova, 2021](#) – *Brukhanova, E.A., Chekryzhova, O.I.* (2021). The Prisoners of Tobolsk Prisons at the end of the XIX century: A Socio-Demographic Portrait on Materials of the 1897 Census. *Bylye Gody*. 16(2): 936-947.

[Bykova, 1998](#) – *Bykova, A.G.* (1998). Soderzhatel'nitsy domov terpimosti kak sotsial'naya gruppa v istorii sibirskikh gorodov (na primere Omska i Tomsk v 70-e -90-e gody XIX v.) [Housekeepers of brothels as a social group in the history of Siberian cities (on the example of Omsk and Tomsk in the 70s-90s of the 19th century)]. *Katanaevskie chteniya – 98: materialy dokladov Vtoroi Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*. Omsk, 20–21 maya 1998 goda, pp. 100-103. [in Russian]

[Bykova, 2000](#) – *Bykova, A.G.* (2000). Prostitutsiya v gorodakh Zapadnoi Sibiri (1880–1917 gg.) [Prostitution in the cities of Western Siberia (1880-1917)]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 5: 59-65. [in Russian]

[Evtekhov, Palikova, 2022](#) – *Evtekhov, R.A., Palikova, T.V.* (2022). Prostitutsiya kak instrument resheniya sotsial'nykh problem Vostochnoi Sibiri i Dal'nego Vostoka vtoroi poloviny XIX – nachala XX v. [Prostitution as a tool for solving social problems in Eastern Siberia and the Far East in the second half of the 19th – early 20th centuries]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Istoriya*. 39: 28-39. [in Russian]

GAT – Gosudarstvennyi arkhiv v g. Tobol'sk [State archive in Tobolsk].

[Gerasimov, 2009](#) – *Gerasimov, N.V.* (2009). Istoriya gosudarstvennogo regulirovaniya prostitutsii v Rossii [History of state regulation of prostitution in Russia]. *Vestnik Volzhskogo universiteta im. V.N. Tatishcheva*. 71: 172-182. [in Russian]

[Grozin, 2019](#) – *Grozin, S.Yu.* (2019). Deyatel'nost' politzii vtoroi poloviny XIX, nachala XX vekov po povysheniyu dukhovnogo urovnya naseleniya Irkutskoi gubernii [he activities of the police in the second half of the XIX, early XX centuries to improve the spiritual level of the population of the Irkutsk province] *Nauchnyi daidzhest Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii*. 1(1): 263-266. [in Russian]

[Konchakovskaya, 2020](#) – *Konchakovskaya, N.B.* (2020). Prostitutsiya v gorodskoi povsednevnosti permskoi gubernii v kontse XIX – nachale XX veka [Prostitution in the urban everyday life of the Perm province in the late XIX – early XX centuries]. *Vestnik Permskogo universiteta. Istoriya*. 2(49): 67-79. [in Russian]

[Martynenko, 2010](#) – *Martynenko, N.K.* (2010). Sifilis kak glavnaya prichina nachala reglamentatsii prostitutsii v Rossii v seredine XIX veka. [Syphilis as the main reason for the beginning of the regulation of prostitution in Russia in the middle of the 19th century]. *Vestnik Volzhskogo universiteta im V.N. Tatishcheva*. 4: 42-54. [in Russian]

[Matveeva, 2019](#) – *Matveeva, D.N.* (2019). Sotsial'nyi portret publichnoi zhenshchiny v kontse XIX – nachale XX vv. na primere materialov Eniseiskoi gubernii. [Social portrait of a public woman in the late XIX - early XX centuries. on the example of the materials of the Yenisei province]. *Istoriya mirovykh tsivilizatsii. Sotsial'no-politicheskie protsessy: napravleniya i metody issledovaniya, materialy XIII Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem*. Pp. 121-127. [in Russian]

[Matveeva, Khait, 2021](#) – *Matveeva, D.N., Khait, N.L.* (2021). K voprosu o mediko-okhranitel'noi storone prostitutsii v XIX – nachale XX vv. na primere materialov Eniseiskoi gubernii [On the question of the medical and protective side of prostitution in the 19th - early 20th centuries. on the example of the materials of the Yenisei province]. *Problemy sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Sibiri*. 2(44): 127-132. [in Russian]

[Mironov, 2017](#) – *Mironov, P.V.* (2017). Publichnye doma v Kurgane (po materialam pervoi vseobshchei perepisi 1897 g). [Brothels in Kurgan (based on the materials of the first general census of 1897)]. *Zyryanovskie chteniya. Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*, pp. 26-28. [in Russian]

Naselenie... – Naselenie gorodov Sibiri na rubezhe XIX-XX vv. po materialam Pervoi vseobshchei perepisi naseleniya 1897 g. [The population of Siberian cities at the turn of the 19th–20th centuries. based on the materials of the first general census of the population in 1897]. [Electronic resource]. URL: <https://person1897.histcensus.asu.ru/>

Otchet..., 1898 – Otchet Meditsinskogo departamenta vnutrennikh del za 1893-95 goda. Part 1: Dvizhenie naseleniya. Zabolevaemost'. Osmotry prizyvnykh 359 P. [in Russian]

Palikova, 2009 – *Palikova, T.V.* (2009). «Torgovlya pozorom» ili «Zavedeniya naslazhdeniya»: doma terpimosti v sotsial'no-servisnoi sfere gorodov Zabaikal'ya v nachale XX v. [“Trade in Shame” or “Institutions of Pleasure”: Brothels in the Social and Service Sphere of the Cities of Transbaikalia at the Beginning of the 20th Century]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Istoriya Rossii.* 2: 38-52. [in Russian]

Plan..., 1905 – Plan goroda Tyumeni 1905 goda [Plan of the Tyumen city in 1905.]. [Electronic resource]. URL: http://www.etomesto.ru/map-tumen_1905/ [in Russian]

Professii... – Professii i zanyatiya naseleniya Rossiiskoi imperii kontsa XIX – nachala XX veka. Analiz dannykh Pervoi vseobshchei perepisi naseleniya 1897 goda [Professions and occupations of the population of the Russian Empire in the late XIX – early XX centuris. Analysis of data from the First General Census of 1897]. [Electronic resource]. URL: <https://stat1897.histcensus.asu.ru/> [in Russian]

Prostitutsiya..., 1890 – Prostitutsiya Rossiiskoi imperii po obsledovaniyu na 1 avgusta 1899 g. [Prostitution of the Russian Empire according to a survey on August 1, 1899]. Tsentral'nyi statisticheskii komitet Ministerstva vnutrennikh del; pod red. A. Dubrovskogo, SPb. XXXVI, 85, 39 P. [in Russian]

Prostitutsiya..., 1910 – Prostitutsiya v Sibiri [Prostitution in Siberia]. *Sibirskie voprosy.* 8-9: 48-51. [in Russian]

Raspredelenie..., 1905 – Raspredelenie naseleniya po vidam glavnykh zanyatii i vozrastnym gruppam po otdel'nym territorial'nym raionam [Distribution of the population by types of main occupations and age groups in separate territorial regions]. Vol. 4. SPb. [in Russian]

RGIA – Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian State Historical Archive].

Sungurov, 2015 – *Sungurov, P.A.* (2015). Prostitutsiya v sibirskikh guberniyakh (konets XIX – nachalo XX vv.). [Prostitution in the Siberian provinces (late 19th - early 20th centuries)]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya.* 6: 110-111. [in Russian]

Tatarnikova, 2016 – *Tatarnikova, A.I.* (2016). «Prodazhnaya lyubov'» kak yavlenie povsednevnoi zhizni gorodov Zapadnoi Sibiri vo vtoroi polovine XIX – nachale XX v. [“Selling love” as a phenomenon of everyday life in the cities of Western Siberia in the second half of the 19th – early 20th centuries]. *Istoricheskie, filosofskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki.* 11-1(73): 158-162. [in Russian]

Zadorozhnaya, 2017 – *Zadorozhnaya, O.A.* (2017). Irbitskaya yarmarka i kupechestvo tobol'skoi gubernii (poslednei chetverti XVIII- nachala XIX vv) [Irbit fair and the merchants of the Tobolsk province (the last quarter of the 18th – early 19th centuries)]. *Severnyi region: nauka, obrazovanie, kul'tura.* (36): 16-20. [in Russian]

Zyuban, 2006 – *Zyuban, M.N.* (2006). Statistika prostitutsii v Rossiiskoi Imperii v kontse XIX veka [Statistics of prostitution in the Russian Empire at the end of the 19th century]. *Gumanitarnaya nauka v izmenyayushcheisya Rossii: sostoyanie i perspektivy razvitiya. Materialy VIII Regional'noi nauchno-prakticheskoi konferentsii RGNF.* Pp. 921-927. [in Russian]

Zyuban, 2008 – *Zyuban, M.N.* (2008). Gosudarstvennaya reglamentatsiya zanyatii prostitutsiei v Rossiiskoi imperii: seredina XIX stoletiya – 1917 g. [State regulation of prostitution in the Russian Empire: mid-19th century – 1917 g.]. *Uchenye zapiski. Elektronnyi nauchnyi zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta.* 2(6). [Electronic resource]. URL: <http://scientific-notes.ru/magazine/archive/number/6> [in Russian]

Проституция в городах Тобольской губернии в зеркале переписи 1897 г.

Елена Александровна Брюханова ^{a, *}, Оксана Ивановна Чекрыжова ^a,
Наталья Владимировна Неженцева ^a

^a Алтайский государственный университет, Барнаул, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена изучению такой специфической категории городского населения, как содержатели домов терпимости и проститутки. Урбанизационные процессы в Сибири в конце XIX в. находили отражение как во внутренних, так и внешних миграциях населения. При

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: brelenochka@mail.ru (Е.А. Брюханова), niigi@yandex.ru (О.И. Чекрыжова), neshenzewan@mail.ru (Н.В. Неженцева)

этом адаптация «новых горожан» происходила с разной степенью успешности, а развитие городов обуславливало и расширение инфраструктуры, в том числе в сфере развлечений и удовольствий. Поэтому проституция в городах была, хоть и осуждаемым, но все же обыденным явлением. В таком контексте актуальным является изучение участников сферы интимных услуг для формирования представления о социальном облике маргинальных слоев сибирского города рубежа XIX–XX вв.

Основу исследования составили как статистические, так и номинативные источники. Статистические материалы, представленные данными специального обследования проституции в 1889 г. и опубликованными результатами переписи 1897 г., позволили проследить динамику развития проституции в Сибири в конце XIX в. во времени и в пространстве. Номинативные источники, а именно переписные листы переписи 1897 г., содержащие персональные сведения о проститутках и управляющих публичными домами городов Тобольской губернии, существенно дополнили и скорректировали данные статистики.

В статье уделено внимание социально-демографическому «портрету» проститутки и содержателей домов терпимости, специфике их размещения и проживания в городах, численности и составу подобных заведений.

Делается вывод об активном развитии проституции в городах Тобольской губернии. Лидером по количеству борделей и проститутки являлась Тюмень. Несмотря на наличие общих тенденций развития отрасли, в частности вовлечение в «разврат» молодых иногородних русских девушек, тобольские города имели и некоторые специфические черты, выражающиеся в заметном количестве мужчин-владельцев публичных домов, а также национальной принадлежности содержателей борделей.

Ключевые слова: проституция, дом терпимости, городское население, перепись 1897 г., переписные листы, Тобольская губерния, Сибирь, конец XIX в.

Copyright © 2023 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2023. 18(2): 915-926
 DOI: 10.13187/bg.2023.2.915

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Interaction of Religious Communities of the Turkic Peoples of European Russia in the late 19th – early 20th centuries

Aleksey N. Starostin ^{a, b}, Elena K. Mineeva ^{c, *}, Alexey I. Mineev ^c

^a Ural State Mining University, Russian Federation

^b Nizhny Novgorod Dobrolyubov State Linguistic University, Russian Federation

^c I.N. Ulianov Chuvash State University, Russian Federation

Abstract

The article discusses the features of the interaction between Christianity and Islam among the Turkic peoples in the Russian Empire at the turn of the 19th–20th centuries. In the works of domestic and foreign researchers. One of the multinational territories of Russia is the Volga-Priural region, in which both Finno-Ugric and Turkic peoples live in the neighborhood and in stripes. Based on the analysis of a number of works of historians, it can be concluded that in European Russia for the Turkic peoples there was competition between Orthodoxy and Islam, when the processes of churching and Islamization of the Chuvash and Kryashens were going on at the same time. At the same time, the latter were formally considered Christians, but the degree of their Orthodox religiosity was low, due to which many of them “fell away into Mohammedanism” under the influence of the Muslim Tatars. It was partially possible to stop this process through an active Orthodox mission, which was facilitated by the innovative religious and pedagogical system of Nikolai Ilminsky. Both processes – churching and Islamization – increased the growth of the national identity of the Turkic ethnic groups, which became a distinctive feature of the era of capitalism in the late imperial period of Russian history.

Keywords: Orthodoxy, Islam, Russian Empire, Middle Volga region, Russians, Tatars, Chuvashes, Kryashens, Bashkirs, Maris, missionary work, Nikolay Ilminsky’s system, churching, “falling away into Mohammedanism”.

1. Введение

Период конца XIX – начала XX вв. в Российской империи был ознаменован переменами во внутренней политике страны, вызванной переходом к индустриальному развитию общества. Изменения затронули многие стороны жизни, в том числе и конфессиональную сферу. Несмотря на то, что Российская империя считалась христианским государством, где православная церковь имела государственный статус, в стране проживало множество народов, исторически исповедовавших разные религии. Поликонфессиональный характер России неизбежно накладывал отпечаток на внутренний курс государства, который со времен правления Екатерины II в 1762–1796 гг. можно охарактеризовать как политику веротерпимости. Благодаря этому в стране отсутствовали крупные народные восстания, имевшие в своей основе, наряду с социальными причинами, религиозную подоплеку, что являлось характерным для XVIII века. В итоге в поздней имперский период истории России был накоплен опыт мирного сосуществования народов разных вероисповеданий, что особенно ярко иллюстрировала ситуация в Поволжско-Приуральском регионе, ставшем пространством христианско-мусульманского взаимодействия.

* Corresponding author

E-mail addresses: mineevaek21@mail.ru (E.K. Mineeva), alisheria@mail.ru (A.N. Starostin)
minalig@inbox.ru (A.I. Mineev)

2. Материалы и методы

Работа подготовлена на основе разнообразных источников и научной литературы. В качестве источников при подготовке статьи использовались данные периодической печати, трактатов ученых, а также документов, выявленных в сборниках материалов ([Крещение татар, 2002](#); [Особое Собрание, 2011](#); [Сборник циркуляров, 2004](#); [Собрание сведений, 1908](#) и др.).

Работа базируется на общенаучных и специальных методах исследования. В основе теоретического раскрытия статьи лежат принципы историзма, научной объективности, системный подход, предполагающие изучение процессов и явлений в развитии и взаимодействии. Применение научных методов и подходов позволило объективно подойти к изучению специфики, деятельности и мировоззренческих основ генезиса взаимодействия христианских и мусульманских общин в регионах проживания тюркских народов европейской России в конце XIX – начале XX веков.

3. Обсуждение и результаты

Отдельные аспекты обозначенной научной проблемы достаточно подробно представлены в исследовательской литературе. В дореволюционный период эта тема занимала умы ученых, представлявших миссионерскую школу исламоведения из числа выпускников и преподавателей Казанской духовной академии. Поскольку в указанном учебном заведении проводилось достаточно качественное преподавание восточных языков (арабского, татарского, турецкого), именно здесь готовились священнослужители для работы «в поле», т.е. для непосредственного общения с самими мусульманами и проведения с ними полемики. Иначе говоря, наиболее сильные кадры из числа исламоведов и тюркологов выпускались на рубеже XIX–XX вв. из стен вышеупомянутого вуза. Важно отметить, что преподаватели Казанской духовной академии не являлись сугубо «кабинетными учеными», которые работали исключительно только с письменными источниками по истории и современному для их времени развитию ислама. Они активно выезжали в сельскую местность, где в тот период проживала основная часть населения Поволжско-Приуральского региона (даже такие крупные губернские города, как Казань и Уфа, насчитывали по результатам первой всероссийской переписи населения 1897 г. соответственно 130 тыс. и 49 тыс. жителей). Благодаря полевым исследованиям православные миссионеры могли анализировать взаимодействие ислама и христианства среди тюркских народов, что и нашло отражение в их трудах. Так, в работах П. Знаменского (1836–1917) ([Знаменский, 2004](#)), Е. Малова (1835–1918), М. Машанова (1852–1924), Я. Коблова (1876–1937) мы находим описание христианско-мусульманских контактов ([Хабибуллин, 2013](#)).

Основной проблемой для православных миссионеров второй половины XIX – начала XX вв. стал не столько провал попытки обратить в христианство татар-мусульман (среди башкир, как отмечалось выше, православная миссия не проводилась), сколько весьма ощутимая исламизация других нерусских народов Поволжья и Приуралья, формально считавшихся православными (кряшен, чувашей, марийцев, удмуртов, мордвы). Это вызывало озабоченность и у государственных властей Российской империи, и в церковных кругах, поскольку указанное явление (в литературе тех лет оно именовалось в качестве «отпадения в магометанство») принимало массовый характер. Например, православный миссионер Яков Коблов в своей книге *«О татаризации инородцев Приволжского края»* ([Коблов, 2022](#)) описывает процесс смены этноконфессиональной идентичности у народов Поволжья под влиянием религиозной пропаганды, которую вели татары-мусульмане. Коблов пытается не только выявить причины такого успеха, при всем том, что данная деятельность в Российской империи запрещалась государством, но и понять, почему православная миссионерская деятельность, которая, наоборот, поддерживалась государственной властью, не приносила необходимого результата. В работе содержится множество любопытных фактов и наблюдений автора по поводу этнорелигиозных процессов среди народов Среднего Поволжья рубежа XIX–XX вв. Важной закономерностью исследователь признавал то, что исламизация чувашей, кряшен и финно-угорских народов Поволжья приводила не к формированию отдельной мусульманской конфессиональной группы в среде этих этносов, а к смене ими этнической идентичности – они не только становились мусульманами, но и переходили на татарский язык общения, начинали носить национальную одежду татар, перенимать их этнические обычаи, национальную кухню, даже внешне копировать образ (например, мужчины стригли волосы налысо).

Казанская епархия 13–26 июня 1910 г. организовала в Казани проведение пятого по счету Миссионерского съезда (первый и второй прошли в Москве в 1887 г. и 1891 г. соответственно, третий – в Казани в 1897 г., четвертый – в Киеве в 1908 г., последний – в Херсонской губернии в 1917 г.). Не имея всероссийского статуса, фактически он собрал со всей Российской империи миссионеров, специализировавшихся на православной миссии среди мусульман (всего участвовало 200 делегатов из 22 епархий, расположенных в Европейской части России, на Кавказе, в Сибири и Средней Азии). На съезде с подробным докладом *«Современное состояние татар-мухаммедан и их отношение к другим иноверцам»* ([Современное состояние..., 2002](#)) выступил профессор Казанской духовной академии, исламовед Михаил Александрович Машанов (1852–1924). Текст его выступления интересен, в первую очередь, не только многочисленными фактами из религиозной жизни татар-мусульман, но и описанием их влияния на остальные нерусские народы Поволжья и Приуралья

(чувашей, марийцев, кряшен, удмуртов, мордву), а также Средней Азии (казахов и киргизов). На основе обширных наблюдений М. Машанов приводит массу примеров того, как при отсутствии государственной поддержки, зачастую по своей частной инициативе татары распространяли ислам среди нерусских народов, оказывая существенное влияние на их культуру и традиции. В докладе много внимания уделено изучению взаимовлияния и взаимопроникновения верований и обычаев татар и других народов, отмечались нередкие случаи, например, заимствования марийцами (черемисами) бытовой обстановки и костюма татар, предрасположенность к восприятию их языка, верований и обычаев. Весьма подробно описываются быт и самоорганизация мусульманской общины среди татар Поволжья.

Кроме православных миссионеров факты принятия ислама и заметного религиозного влияния татар на другие нерусские народы Поволжско-Приуральского региона, которые номинально считались христианскими, отмечались самими татарскими и башкирскими историками того времени. Так, например, Ш. Марджани (1818–1889) в своем знаменитом труде «*Мустафад аль-ахбар фи ахвали Казан ва Болгар*» («*Извлечение вестей о состоянии Казани и Булгара*», 1885) описал влияние татарской религиозной традиции на марийцев. В частности, автор приводит такой факт: «*В 1872 году я встретился с одним из черемисов, который приехал в деревню Ташикчу и Параньги на заработки. Вначале я спросил его о том, как они режут скот, и оказалось, что они делают это так же, как и мусульмане. Они произносят при заклании «Пасмалайму пиркам пу», что напоминает «Бисмиллахи рахмани рахим» («Во имя Аллаха, милостивого и милосердного»)*» (Марджани, 2005: 30–31). Затем Марджани у этого марийца из села Параньги (совр. Республика Марий Эл) уточнил: мясо какого скота они употребляли? Оказалось, что свинину они не едят. Кроме того, выяснилось, что марийцы почитали пятницу, для них это выходной день, в который они не работали. То есть налицо воздействие мусульманской традиции на культуру марийцев.

О влиянии ислама на чувашей пишет башкирский историк и богослов М. Рамзи (1854–1934) в своем труде «*Талфик ал-ахбар ва талких ал-асар фи вакаи' Казан ва Булгар ва мулук ат-татар*» («*Собрание сведений из прошлых событий Казани, Булгара и татарских царей*», 1908). Среди прочего он приводит такие сведения: «*И ныне в сердцах многих из них (имеется в виду среди чувашей – прим. авторов) не утвердился ислам по причине незнания ими должным образом его истин, [хотя] в недавнем прошлом были среди них знавшие их. И начали некоторые из них принимать христианство, хотя и внешне. И возникла вражда и ненависть между теми, кто принял христианство и теми, кто остался в исламе, а точнее между теми из них, кто остался в идолопоклонстве (т.е. в язычестве – прим. авторов) и теми, кто остался в исламе, по причине травливания их друг с другом членами этого общества (имеются в виду миссионеры – прим. авторов). И дошло дело до ссор и драк. И начали мусульмане отселяться от обращенных в христианство и идолопоклонников в места, где были сильны и преобладали мусульмане. Правительство же предписало им именно это. [Дело дошло] даже до того, что если в большом селении принимали христианство три или четыре двора, то всем остальным жителям предписывалось либо [также] принять христианство, либо переселиться в другое место. По этой причине опустели многие селения от их жителей-мусульман и стали селениями чувашскими, тогда как до этого они были мусульманскими. Среди них селения Аджбаба, Кавал, Урмары, Ходжасан, Тикаш, Шигали Цивильского уезда Казанской губернии. Таким же образом селения Байтиряк, Джалшик и подобные этим двум чувашские селения, относящиеся к Тетюшскому уезду Казанской губернии – воистину, ранее эти селения были мусульманскими, затем стали чувашскими, как это передается среди жителей тех мест. На это указывает наличие камней с мусульманскими надписями на кладбищах некоторых из них, как об этом было мельком упомянуто в начале первого раздела [этой книги]. На то, что ранее они (эти селения – прим. авторов) были таковыми (мусульманскими – прим. авторов), указывают названия некоторых из них. Например, название селения Ходжасан, несомненно, является искаженной передачей [имени] Ходжа-Хасан, а теперь это чувашское селение в верховьях реки Кубня. И известно среди жителей тех мест, что его (того селения – прим. авторов) мечеть была перенесена в селение Айдар, [расположенное] близ селения Аря Бакырчысы» (Рамзи, 1908: 134; Мустахимов, 2023).*

Успеху исламизации чувашей и кряшен немало способствовали и браки с татарами-мусульманами. Здесь следует оговориться: межконфессиональные браки по законам Российской империи допускались, но только между нехристианами. Православным и католикам вступать в брак с нехристианами было нельзя, а мусульманам – с иудейками по исламскому обряду разрешалось (при этом от жены-иудейки принятие мусульманской веры не требовалось, правда, воспитывать детей, рожденных в таком браке, можно было только в исламе). При этом подобные иудейско-мусульманские браки считались законными с точки зрения властей, доказательством чему служат прецеденты, которые нашли свое отражение в документах. В частности, в 1885 г. в Министерство внутренних дел, в подчинении которого находилось Оренбургское магометанское духовное собрание, обратился еврей Ш. Зейгер из Казани, который жаловался на муфтият, что тот одобрил брак его дочери с татариним-мусульманином Зиянтюриным, хотя сам он как отец не давал согласия на брак с его дочерью. В ответе чиновников было сказано, что в России запрещены браки православных и

католиков с нехристианами (этот запрет не распространялся на протестантов), но не между иудеями и мусульманами, в результате такой брак считался законным (Сборник циркуляров, 2004: 29-30). Похожая история с выходом замуж иудейки за мусульманина повторилась, например, в 1898 г., когда еврейка Х. Мардахова и татарин М. Аблаков из г. Петропавловска изъявили желание вступить в брак, однако местный имам отказывался совершать обряд бракосочетания. Документ свидетельствует о том, что после этого поступила жалоба в МВД на указанного имама. Оренбургское магометанское духовное собрание, которому переслали жалобу на рассмотрение, своим циркуляром указало на недопустимость воспрепятствования со стороны имама, поскольку браки мусульман с иудейками законны с точки зрения шариата (Сборник циркуляров, 2004: 110-111).

В то же время, как отмечалось выше, если браки мусульман с иудейками признавались законными, аналогичные союзы с христианками не разрешались. В Российской империи отсутствовал как таковой институт светского брака, а властями законным признавался только религиозный брак. Соответственно, одному из супругов требовалось перейти в религию второго. Такие случаи бывали, но становились, как правило, частным явлением и вызывали общественный резонанс, особенно со стороны того из супругов, которому приходилось отказываться от религии своих родителей. Так, например, в 1910 г. в Набережных Челнах (с 1930 г. село получило статус города) произошел следующий случай: дочь православного дьякона Вечтомова из Елабуги, ученица епархиального училища, вышла замуж за челнинского торговца А. Муллина, приняв при этом ислам. Брак явно произошел без согласия отца русской девушки, который, узнав об этом, приехал в Набережные Челны, чтобы всячески отговорить свою дочь от того, чтобы быть мусульманкой и состоять в браке с мусульманином. Более того, отец девушки посчитал, что в здравом уме она, дочь православного священника, не могла пойти на такой поступок, а потому нуждалась в психиатрическом лечении. Однако та на увещания отца не откликнулась и возвращаться к отцу в Елабугу не захотела (Нур, 1910: 186). Об этих событиях татарская газета «Нур», которая описывала историю, сообщала так: «По всему Елабужскому уезду урядники взяли подписи с мулл, обосновав тем, что пришла такая бумага от губернатора. Суть бумаги, как сказали, заключается в нижеследующем: “Впредь, если придет русская девушка, перешедшая из православия в магометанство, прося, чтобы совершили никах, не совершайте, пока не придет официальное разрешение, это приказ губернатора”» (Нур, 1910: 188).

С точки зрения российского законодательства такие браки считались сожителем. Но в ряде случаев были примеры, когда муллы регистрировали мусульман с православными, что выяснилось в ходе проверки метрических книг (Особое Сопровождение, 2011: 125). В то же время, следует отметить, что подобные браки не приветствовались в среде татарской общественности. Как пишет доктор исторических наук Л. Габдрафикова, «основная часть татар избегала смешанных браков, стараясь сохранить свою религиозную и этническую идентичность» (Габдрафикова, 2015: 319). Во многом это было связано и с тем, что в русско-татарских смешанных семьях, даже если русская невеста принимала ислам, происходил процесс языковой ассимиляции детей в пользу русского языка.

Иная ситуация складывается в случае с браками между татарами и принявшими ислам чувашами или кряшенами. Здесь часто не возникала проблема языковой ассимиляции, поскольку и жених, и невеста принадлежали к тюркским народам, в результате чего такие браки с «отпавшими в магометанство» чувашами и кряшенами становились нередким явлением. Зачастую именно перспектива породниться последних с татарами способствовала принятию ислама вчерашними номинальными христианами.

Изучением распространения ислама среди чувашей дореволюционного периода независимо друг от друга активно занимаются профессор Самарского государственного социально-педагогического университета, доктор исторических наук Е. Ягафова и доцент Ульяновского государственного педагогического университета им. И.Н. Ульянова, кандидат исторических наук А. Кобзев. Работы обоих историков построены на основе привлечения большого массива архивных документов. Е. Ягафова считает, что у чувашей в XIX – начале XX вв. наблюдается синкретизм язычества и ислама: «В одном случае основу религиозно-обрядовой культуры неопитов составляло «язычество», испытавшее влияние ислама, в другом случае более длительного и интенсивного воздействия ислама традиционные верования сохранились как один из элементов доминирующего мусульманского комплекса» (Ягафова, 2009: 94). Именно по этой причине, на основании умозаключения исследователя, «различия в степени проникновения ислама в религиозно-обрядовую сферу чувашей-мусульман обусловили и неоднородность самой группы, включавшей как бывших «язычников», слабо ориентировавшихся в догматике и обрядовой стороне ислама, так и устойчиво придерживавшихся мусульманства и почти отатарившихся чуваш» (Ягафова, 2009: 94-95). По мнению же А. Кобзева, «исламизация чувашей-язычников и православных чувашей была своеобразным антихристианским протестом, направленным против «национально-колониального угнетения» (Кобзев, 2013: 121).

Православную миссию в Поволжско-Приуральском регионе и исламизацию тюркских народов, считавшихся номинальными христианами (в первую очередь, кряшен), в своих трудах анализирует доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института истории им. Ш. Марджани

Академии наук Республики Татарстан Р. Исхаков. По его мнению, государство в пореформенный период и в дальнейшем ограничивало свое участие в христианизации нерусских народов во внутренних регионах Российской империи, передав эту функцию общественным институтам (Православному миссионерскому обществу, Братству св. Гурия и др.), отменив даже ряд льгот, которые предоставлялись ранее за принятие православия. В такой ситуации, когда государство прекратило применять административно-репрессивный аппарат для обращения в христианство, единственным способом его распространить становилась усиленная просветительская деятельность, что и начали претворять в жизнь православные миссионерские организации. Усиление результативности такой деятельности произошло, как отмечалось ранее, благодаря религиозно-педагогической системе профессора Казанской духовной академии Николая Ильминского (1822–1891), который достаточно быстро осознал, что единственным способом эффективного воцерковления нерусских народов является перевод церковной литературы на их языки, а также создание для них религиозной системы национального образования и подготовку кадров духовенства из их же числа для ведения богослужения на национальных языках. Внедрение системы Ильминского привело к качественным и заметным изменениям, благодаря чему во второй половине XIX – начале XX вв. в массовое сознание нерусских народов Поволжья и Приуралья начинает проникать православная традиция, которая воспринималась уже не как «русская вера», а как составляющая их собственной этноконфессиональной идентичности. По этой причине удалось остановить процесс исламизации чувашей и кряшен (как минимум, той их части, которая именовалась «старокрещеными» татарами). Успех воцерковления чувашей и кряшен был достигнут особенно в районах, в которых отсутствовали тесные культурные контакты с татарами-мусульманами. В тех же местах, где они проживали дисперсно и в близком соседстве с последними, православные миссионеры не смогли сдержать исламизацию, и именно там наблюдалось массовое «отпадение в магометанство». Что же касается попыток вести православную миссию среди татар-мусульман, то, как считает Р. Исхаков, она не имела какого-либо заметного результата, а попытки как-то активизировать указанный процесс со стороны церковных кругов приводили только к росту оппозиционности и к сопротивлению. Отсюда и обвинения в адрес мусульман со стороны православных миссионеров в «фанатичности». В итоге, как отмечает исследователь, *«православные миссионеры оказались неспособными остановить процесс перехода номинальных христиан в ислам, найти адекватные способы борьбы с усилением исламского влияния в регионе, утверждения православия среди мусульман»* (Исхаков, 2011: 216). Единственный успех был достигнут миссионерами, только *«благодаря осмысленной просветительской деятельности»*, из-за чего получилось *«укрепить номинальных христиан из татар в православии, создать устойчивую субэтническую группу кряшен»* (Исхаков, 2011: 216).

Культурно-просветительскую деятельность татарской интеллигенции в отношении соседних тюркских народов Среднего Поволжья рассматривает и доктор исторических наук Г. Хафизов. По его мнению, *«крещеные татары (т.е. кряшены. – прим. авторов) с самого начала принятия христианской веры испытывали угрызения совести перед своими сородичами татарами-мусульманами»* (Хафизов, 2011: 123). *«Христианская культура ими не воспринималась в полной мере и по многим параметрам была недоступна (т.к. многие из них не знали русского языка), поэтому для православных священнослужителей они имитировали свою принадлежность к православию, а в их отсутствие продолжали жить по мусульманским обычаям и традициям, т.к. татарская культура для них была родной, и они любыми доступными путями старались сохранить ее»* (Хафизов, 2011: 123-124), – считает татарский историк.

Проблема христианско-мусульманского взаимодействия в Поволжье и Приуралье в начале XX в. находила отклики и в Государственной Думе Российской империи. Депутаты от так называемой «мусульманской фракции» поднимали вопрос о свободе вероисповедания и возможности без административных препон тем же кряшенам и чувашам перейти без последствий для себя в ислам. Этот вопрос затрагивает в своих работах профессор Казанского федерального университета Д. Усманова: *«О положении крещеных татар, о нуждах мусульман «внутренних губерний» говорили многие члены мусульманской фракции, избранные от окраин или иных регионов страны. Выступавшие в прениях мусульманские ораторы (К.-М. Тевкелев и И. Муфтий-заде, Х. Хасмамедов и И. Гайдаров) отмечали двойственное положение крещеных татар, которые «всю вторую половину XIX столетия находились, если можно так выразиться, в состоянии двуликоверующих: фактически исповедуя ислам, юридически они считались христианами»* (Усманова, 2006: 263). Ситуация осложнялась, поскольку, несмотря на то, что император Николай II своими актами о свободе вероисповедания от 17 апреля и 17 октября 1905 г. предоставлял возможность свободного перехода из одной религии в другую, на практике это право было ограничено разного рода внутренними циркулярами. *«Судьба всех инакомыслящих и отпадавших от православия инородцев, в том числе и мусульман, всецело находилась в руках местной администрации, – отмечает Усманова, – следовательно, «фактическая возможность» в любое время, по воле власти, могла превратиться и нередко превращалась в «фактическую невозможность»* (Усманова, 2006: 266).

Изучением взаимодействия христианства и ислама на рубеже XIX–XX вв. в Поволжье и Приуралье занимаются не только российские, но и зарубежные ученые. Американский историк Р. Джераси в своей книге *«Окно на Восток: Империя, ориентализм, нация и религия в России»* показал, что одна из причин успеха татар в вопросе исламизации православных «инородцев» Среднего Поволжья заключалась в нежелании русских (и крестьян, и священников) активно участвовать в проекте Ильминского, после смерти которого его религиозно-педагогическая система подверглась критике за то, что она не способствовала ассимиляции и обрусению тех же чувашей или кряшен, а приводила к росту их собственного этнического самосознания и появлению главного их выразителя – национальной интеллигенции. Более того, Джераси отмечает, что воцерковлением чувашей и кряшен занимались православные миссионеры – часто на религиозном энтузиазме, сталкиваясь с прохладным отношением к делу православной миссии со стороны широких масс русского народа, которые сохраняли пренебрежительное отношение к «инородцам»: *«Миссионеры часто указывали на безразличие и отчужденность большинства русских по отношению к новым прихожанам и именно этим объясняли провал своих усилий по преобразованию новообращенных в истинно русских людей. <...> Русские крестьяне, скорее всего, считали эти группы населения настолько отличными от себя, что не могли даже подумать о слиянии с ними в один народ»* (Джераси, 2013: 424). В то же время историкам понятно, что именно государственная власть, а не русский народ Российской империи, являвшейся многонациональным и поликонфессиональным государством, в имперских целях проводила политику русификации и христианизации.

Другой американский историк П. Верт постарался объяснить причину того, почему, несмотря на объявленную со стороны царя Николая II в ходе Первой русской революции 1905 г. свободу вероисповедания, государство разными путями старалось ограничить практику перехода из православия в ислам. По его мнению, *«не менее важным фактором оказалась устойчивость конфессиональных основ имперского гражданского порядка, которые не позволяли правительству безразлично относиться к вероисповедальной принадлежности своих подданных»* (Верт, 2012: 7-8).

Таким образом, изучение христианско-мусульманского взаимодействия в Поволжско-Приуральском регионе среди тюркских народов в конце XIX – начале XX вв. накопило определенный опыт в трудах ученых, в которых был дан анализ генезису указанной проблемы. Оценки христианско-мусульманских отношений в позднеимперский период в данном регионе менялись в зависимости от того времени, в которое жили сами исследователи. Относительно беспристрастное изучение развития взаимодействия христианства и ислама среди тюркских народов Поволжья и Приуралья началось в постсоветский период, что, в первую очередь, связано с увеличением источниковой базы. Наряду с российскими историками проблему взаимодействия христианско-мусульманского пограничья в Поволжье и Приуралье стали рассматривать и их зарубежные коллеги, чей подход и взгляд порой отличались от отечественных исследователей, что вполне закономерно. Немаловажную роль в понимании палитры взаимодействия православия и ислама среди поволжско-приуральских тюрков сыграла публикация архивных документов рубежа XIX–XX вв., позволившая достаточно большой аудитории самостоятельно на основе исторических источников анализировать указанное явление (Христианское просвещение, 2012).

Бурное развитие капитализма во второй половине XIX – начале XX вв. привело к переменам в этноконфессиональных отношениях. Маркером этого исторического периода стал рост национального самосознания и религиозной самоидентификации у многих народов Российской империи, что нашло отражение и в Поволжско-Приуральском регионе среди тюркских этносов. Если исторически татары и башкиры являлись мусульманами, то в среде чувашей и кряшен¹, которых Российское государство воспринимало как номинальных христиан, вопрос их религиозной принадлежности оставался открытым. Обращение в христианство в среде последних, проходившее после вхождения Среднего Поволжья и Приуралья в состав России, совершенно не означало, что они были воцерковлены настолько, чтобы православие достаточно сильно укоренилось в их религиозной культуре. Доказательством этого служит тот факт, что именно среди чувашей и кряшен (кроме них это явление охватило и финно-угорские народы Поволжья) происходил процесс, получивший в литературе XIX в. такое название, как «отпадение в магометанство». Исламизация в их среде под влиянием татар носила не единичный, а довольно массовый характер, что вызывало тревогу в кругу церковных иерархов страны. Кроме того, в рамках культуры этих народов сохранялись традиции язычества, особенно у чувашей (и марийцев – финно-угры), что также свидетельствовало о поверхностной и далеко не повсеместной христианизации этносов во второй половине XVI – XVIII вв.

¹ Вопрос о том, считать ли кряшен этноконфессиональной группой в составе татар или признавать их самостоятельным этносом, является дискуссионным и не решен до сих пор в историографии. Большинство татарских историков придерживается однозначной точки зрения, что кряшены – это православные татары (крещеные татары, татары-кряшены), перешедшие из ислама в христианство. В среде самих кряшен сегодня противоположная точка зрения на признание самих себя отдельным этносом. Каждая из сторон этого спора приводит свои аргументы для обоснования своей позиции.

Однако в глазах государства они воспринимались как христиане, и власть проводила последовательную политику перевода нерусских народов в православие. Крайне болезненно в церкви относились к петициям со стороны чувашей и кряшен, направлявшимся в государственные органы и на имя правящего на момент написания императора России с просьбой разрешить им официально перейти в ислам и считаться мусульманами. Сам факт того, что такое происходило, свидетельствовало, во-первых, в пользу большей для этносов привлекательности ислама, чем православия, среди тех, кто считался формально христианами, а во-вторых, в провале православной миссии среди этих народов, где в течение нескольких веков после вхождения региона в состав России, они были слабо воцерковлены. И это несмотря на то, что церковь опиралась на всю административную мощь Российского государства, в то время как татары, проводя свою исламскую миссионерскую работу не только без государственной поддержки, но и зачастую вопреки политике властей, добивались существенных результатов.

Весь XIX и начало XX вв. взаимодействие христианства и ислама среди тюркских народов носило характер взаимной конкуренции, где, с одной стороны, церковь при административной поддержке государства старалась усилить православную миссию среди тех тюркских этносов, которые воспринимались как формальные христиане (речь идет о чувашах и кряшенах), чтобы добиться укрепления в их религиозном самосознании христианского вероисповедания, а, с другой стороны, мусульмане (речь идет преимущественно о татарах), не обладая административными ресурсами, осуществляли исламизацию близких к ним поволжских тюрков. Фактически генезис взаимодействия православия и ислама среди тюркских народов Поволжья и Приуралья в позднимперский период строился на идеологическом столкновении двух религиозных традиций. И наличие государственной поддержки православной миссии совершенно не было гарантией успеха христианства, в то время как и ее отсутствие у мусульман позволило им весьма результативно проводить «дагват», т.е. призыв к исламу, увеличивая число своих единоверцев среди других тюркских этносов.

Важно понимать, что в пореформенный период государство уже не могло опираться на репрессивный аппарат для осуществления христианизации. Практика насильственного крещения нерусских народов, реализовывавшаяся в первой половине и середине XVIII в., связанная с деятельностью Новокрещенской конторы, функционировавшей в 1731–1764 гг. (Ислаев, 2001), была совершенно неприемлема сразу же после провозглашения Екатериной II политики веротерпимости, тем более в конце XIX – начале XX вв. Поменялась эпоха, государство уже никак не могло действовать методами епископа Л. Конашевича (возглавлял Казанскую епархию в 1738–1755 гг., получил среди татар прозвище «Аксак Каратун» – «Хромой черноризец», войдя в их историческую память как сугубо негативный персонаж прошлого). Единственный способ, который был возможен для православной миссионерской деятельности – это путь просветительства и увещевания. Борьба за умы и сердца тюркских народов могла осуществляться только мирным путем, исключая насилие. Такую же миссионерскую деятельность вели и мусульмане, не обладая ни организацией, которая бы этим специально занималась, ни пользуясь поддержкой со стороны имперских властей, в то же время добиваясь существенных успехов.

К середине XIX в. даже среди романтически настроенных православных миссионеров признается очевидная бесперспективность стремлений склонить татар-мусульман к принятию христианства (среди башкир православные миссионеры практически не проводили свою деятельность). Любые попытки реализации православной миссии в их среде наталкивались на сопротивление и не давали результатов. Зафиксированы лишь единичные случаи, когда кто-то из татар-мусульман соглашался креститься. Татарское общество крайне негативно относилось к тем из своих соплеменников, кто шел на такой шаг. Фактически это приводило к остракизму со стороны татарского населения, и вчерашний мусульманин, как правило, вынужден был покинуть привычную для себя среду обитания, поскольку это всячески порицалось не только родственниками, но и всем татарским обществом. В этой связи показательно, что в 1875 г. в Казани Православным миссионерским обществом открывается специальный приют для бывших мусульман, которые могли подвергнуться преследованию со стороны своих вчерашних единоверцев.

Сопротивление любым устремлениям православной миссии среди мусульман в XIX в. порой было настолько мощным, что даже попытки внедрить изучение русского языка в мусульманских учебных заведениях (мектебе и медресе) наталкивались на категорический протест. Хотя, казалось бы, знание государственного языка страны, наоборот, являлось выгодным самим татарам, однако они в его изучении видели скрытое стремление осуществить над ними христианизацию. Неслучайно документы пестрят многочисленными примерами, когда татары протестовали против обучения их детей русскому языку (Крещение татар, 2002: 57-70). Яркий сторонник обучения русскому языку татар известный просветитель К. Насыри (1825–1902), считавший, что благодаря этому его соплеменники смогут лучше интегрироваться в российское общество, получил от них обвинения в предательстве и оскорбительное прозвище «Урыс Каюм» («Русский Каюм»). В сложной ситуации в этой связи оказался даже татарский богослов и историк, имам 1-й соборной мечети Казани Ш. Марджани (1818–1889), когда в 1876 г. его привлекли к работе в открывшейся Татарской учительской школе, готовившей педагогов для земских школ из числа татар. Учреждение было

открыто Министерством просвещения, однако многие татары отказывались отдавать в него своих детей на обучение, полагая, что через изучение русского языка их обратят в православие. Марджани, проработавший в школе 8 лет в качестве преподавателя исламского вероучения (сама Татарская учительская школа являлась светским учебным заведением, однако религиозные дисциплины в ней преподавались), приложил титанические усилия, чтобы переломить устойчивый стереотип среди татар. При этом сам Марджани плохо знал русский язык, практически на нем не разговаривал, мог лишь частично читать на русском языке, но так и не овладел им до конца жизни (преподавал он на татарском языке). Более спокойное отношение к изучению русского языка детьми среди татар сформировалось значительно позже, во многом по причине того, что в 1891 г. был принят закон, по которому для занятия должности имама в той или иной мечети в обязательном порядке требовалось свидетельство на знание русского языка на уровне одноклассного народного училища. Чтобы получить такой документ, будущему мулле требовалось сдать экзамен в одном из городов или уездных центров, где имелось подобное училище (Маликов, 2013: 94).

Столкнувшись с достаточно сильным неприятием христианской пропаганды (даже попытки организовать «душеспасительные беседы» православных миссионеров с мусульманами нередко наталкивались на нежелание последних в них участвовать), церковь основной упор сделала на усилении религиозного просветительства среди тех тюркских народов, которые считались номинальными христианами. К усилению православной миссии среди чувашей и кряшен подталкивали многочисленные факты принятия ими ислама, что явно било по самолюбию церкви. Дело в том, что если чуваш или кряшен принимал ислам, то это свидетельствовало о гораздо большей привлекательности мусульманской религии, чем христианства. Такое состояние дел наносило ущерб и репутации церкви, и имиджу православия в целом. Отсюда и желание форсировать процесс воцерковления тех, кто считался христианином хотя бы формально. Это во многом удалось достичь благодаря введению религиозно-педагогической системы профессора Казанской духовной академии Н. Ильминского (1822–1891) (Колчерин, 2014). Будучи полиглотом, свободно владевшим европейскими и восточными языками, а также языками народов России, Ильминский к началу 1860-х гг. осознал, что церкви необходимо сконцентрировать свое внимание не на попытках обратить татар-мусульман в православие, что в основном не давало результата, а направить все силы на укрепление в христианстве тех, кто формально относился к этой религии, но на практике был порой совершенно далек от того, чтобы соблюдать православные заповеди. Речь шла о чувашах и кряшенах. Безусловно, талантливый мыслитель и педагог Ильминский вскоре понял, что успех православной миссии среди них будет зависеть от нескольких факторов. Во-первых, для ее успеха христианство необходимо было распространять на национальных языках, поскольку русского языка чуваша и кряшены, если и знали, то плохо. Данный процесс требовал как перевода религиозной литературы на эти языки, так и развития богослужебной практики на языках народов. Во-вторых, поскольку нужного числа русских священников, владевших национальными языками, не существовало, возникла необходимость подготовки духовенства из представителей самих нерусских народов. Те намного быстрее могли донести христианское вероучение до своих соплеменников. В-третьих, прививать православную веру было эффективнее через детей, нежели взрослых. Поэтому появилась потребность создания сети начальных религиозных школ в деревнях с проживанием чувашей и кряшен, чтобы с детства прививать им православное религиозное самосознание. Начать Ильминский решил с открытия в 1864 г. Казанской центральной крещено-татарской школы, где готовились будущие учителя, а затем и организации сети школ благодаря созданному в 1867 г. Братству святителя Гурия, что в итоге привело к качественному результату: там, где подобные учебные заведения открывались, случаев перехода в ислам среди тюрков становилось крайне немного. Более того, дети действительно оказывали влияние на взрослых, в результате чего пошел процесс их воцерковления. Среди нерусских народов в Среднем Поволжье появились даже православные монастыри (Таймасов, 2006: 207-233).

Фактически рубеж XIX–XX вв. стал для Поволжско-Приуральского региона ареной соревнования между христианством и исламом за тюркские народы, где по одну сторону находилась церковь вместе с православными миссионерскими организациями (Православное миссионерское общество, Братство святителя Гурия), а по другую – татарская мусульманская умма. При этом государство очевидно отдавало предпочтение первой стороне, видя в этом залог собственной национальной безопасности, подозревая татар-мусульман в «панисламизме» и стоявшей за этой идеологической доктриной Османской империи.

Выбор в пользу ислама чувашами, кряшенами и финно-угорскими народами Среднего Поволжья и частично Приуралья (марийцами, удмуртами, мордвой) происходил под влиянием нескольких факторов. Во-первых, совместное проживание с татарами по соседству (татары жили в ближайшей от чувашей, кряшен и финно-угров деревне, совместно вели хозяйственную деятельность, осуществляли регулярные торговые отношения), что обуславливало частоту контактов между мусульманами и номинальными христианами. Во-вторых, языковая близость (как в случае с татарами и кряшенами), так и знание языков друг друга: чуваша или марийцы зачастую не знали русского языка, но при этом владели татарским языком, как и татары знали языки проживавших с ними по

соседству нерусских народов. До появления и распространения системы Николая Ильминского языковой фактор служил определенным барьером для укоренения христианства среди нерусских этносов Поволжья и Приуралья, для которых православие воспринималось как «русская религия». В-третьих, слабая воцерковленность нерусских народов, считавшихся формально православными. Неслучайно тех же чувашей или кряшен даже православные миссионеры рассматривали лишь номинальными христианами. Немалую роль в таком состоянии играла и удаленность православных храмов, располагавшихся преимущественно в русских селах, к приходу которых относились соседние чувашские, кряшенские или марийские деревни. Священники из-за занятости на приходе порой физически не могли добраться до последних, а заставлять приходиться нерусскую паству в храм было затруднительно. Многие зависело от личного старания сельского клира, но священники далеко не всегда проявляли усердие в донесении христианской религии до «инородцев», на что с горечью указывали православные миссионеры. Следовательно, в силу того, что регулярного духовного окормления русским священником своих нерусских прихожан не проводилось, это неизбежно вело к прохладному отношению нерусских народов к православию. В-четвертых, немалую роль играло отношение русских к православным «инородцам»: несмотря на то, что и русские, и чувашские, и кряшенские крестьяне являлись единоверцами, со стороны первых нередко были случаи (эти факты фиксируют православные миссионеры) пренебрежительного или высокомерного отношения к последним. Часто православный храм располагался в русском селе, и когда из ближайшей деревни на воскресную службу приезжали кряшены или чувашаи, то они сталкивались с насмешками и издевками в свой адрес со стороны русских, что понятное дело не прибавляло желания посещать храм в будущем. Татары же относились к чувашам и кряшенам как к равным, проявляли уважение, старались заинтересовать своих соседей исламом, приглашали к себе домой на трапезу и праздники, что более располагало последних к принятию ислама. Ну и конечно, между русскими и «инородцами» в подобных случаях проявлялся языковой барьер.

Совокупность этих факторов в итоге и привела к широко распространенной исламизации чувашей и кряшен, и трудно сказать, чем бы закончился этот процесс, если бы не произошли революционные события 1917 г. и приход к власти большевиков, которые стали проводить антирелигиозную политику, похоронив одновременно и православную миссию, и исламизацию тюркских народов.

4. Заключение

Отвечая на вопрос, на чем в итоге строилось взаимодействие христианства и ислама в позднеимперский период в Поволжско-Приуральском регионе, следует обратить внимание не только на насильственное противостояние, характерное для доекатерининской эпохи, но и на конкуренцию, где одна сторона – церковь и православные миссионеры, а другая – татары-мусульмане вели соперничество за обращение в свою религию тюркских этносов, которые не были укоренены в том или ином вероучении. Обе стороны постепенно достигали результатов: часть чувашей и кряшен воцерковилась, благодаря чему укрепила свою национальную идентичность, подчеркивая обособленность от татар, другая часть – после принятия ислама слилась с татарами, подвергшись с их стороны этнической ассимиляции.

5. Благодарности

«Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-00840, <https://rscf.ru/project/22-28-00840/>».

«The study was funded by a grant Russian Science Foundation № 22-28-00840, <https://rscf.ru/en/project/22-28-00840/>».

Литература

Верт, 2012 – Верт П. Православие, инославие, иноверие: Очерки по истории религиозного разнообразия Российской империи / перевод с англ. Н. Мишаковой, М. Долбилова, Е. Зуевой и автора. М., 2012. 280 с.

Габдрафикова, 2015 – Габдрафикова Л.Р. Татарское буржуазное общество: стиль жизни в эпоху перемен (вторая половина XIX – начало XX века). Казань, 2015. 367 с.

Джераси, 2013 – Джераси Р. Окно на Восток: Империя, ориентализм, нация и религия в России / пер. с англ. В. Гончарова. М., 2013. 548 с.

Знаменский, 2004 – Знаменский П.В. Казанские татары. Казань, 2004. 73 с.

Ислаев, 2001 – Ислаев Ф.Г. Ислам и православие в Поволжье XVIII столетия: от конфронтации к терпимости. Казань, 2001. 219 с.

Исхаков, 2011 – Исхаков Р.Р. Миссионерство и мусульмане Волго-Камья (последняя треть XVIII – начало XX в.). Казань, 2011. 222 с.

Кобзев, 2013 – Кобзев А.В. Татары и чувашаи на перекрестке вер: тюркоязычное исламо-христианское пограничье в Симбирской губернии во второй половине XIX – начале XX века. Чебоксары, 2013. 204 с.

- Коблов, 2022** – *Коблов Я.Д.* О татаризации инородцев Приволжского края. Казань, 2002. 24 с.
- Колчерин, 2014** – *Колчерин А.С.* Христианизация народов Поволжья. Н.И. Ильминский и православная миссия. М., 2014. 717 с.
- Крещение татар, 2002** – Крещение татар (Сборник документов) / Науч. ред. Н.К. Гарипов. Казань, 2002. 102 с.
- Маликов, 2013** – *Маликов Р.И.* Социальное положение мусульманского духовенства Казанской губернии в конце XIX – начале XX вв. Казань, 2013. 223 с.
- Марджани Ш., 2005** – *Марджани Ш.* Извлечение вестей о состоянии Казани и Булгара (Мустафад аль-ахбар фи ахвали Казан ва Булгар). Часть 1. Казань, 2005. 255 с.
- Мустакимов, 2023** – *Мустакимов И.* Чуваши и ислам: новое прочтение этнонима от татарского суфийского шейха // *Миллиард.татар.* 2023. 8 февраля. [Электронный ресурс]. URL: <https://milliard.tatar/news/cuvasi-i-islam-novoe-proctenie-etnonima-ot-tatarskogo-sufiiskogo-seixa-2882> (дата обращения: 16.02.2023).
- Нур, 1910** – *Нур.* 1910. № 186.
- Нур, 1910** – *Нур.* 1910. № 188.
- Особое Совецание, 2011** – Особое Совецание по мусульманским делам 1914 года: Журналы / Сост., авт. предисл., прим. и сокр. И.К. Загидуллин. Казань, 2011. 296 с.
- Рамзи, 1908** – *Рамзи М.* Талфик ал-ахбар ва талких ал-асар фи вакаи' Казан ва Булгар ва мулук ат-татар [«Собрание сведений из прошлых событий Казани, Булгара и татарских царей»]. Т. 2. Оренбург, 1908.
- Хабибуллин, 2013** – *Хабибуллин М.З.* Народы Среднего Поволжья и Приуралья в ракурсе этнополитических и историко-конфессиональных исследований преподавателей Казанской духовной академии (1842–1921 гг.). Казань, 2013. 451 с.
- Сборник циркуляров..., 2004** – Сборник циркуляров и иных руководящих распоряжений по округу Оренбургского Магометанского Духовного Собрания 1836–1903 гг. Казань, 2004. 170 с.
- Современное состояние..., 2002** – Современное состояние татар-мухаммедан и их отношение к другим иноверцам. Доклад профессора Казанской духовной академии М. Машанова миссионерскому съезду 1910 года. Казань, 2002. 124 с.
- Таймасов, 2006** – *Таймасов Л.А.* Религиозное движение за основание православных монастырей среди крещеных нерусских народов Казанской епархии во второй половине XIX – начале XX веков / *Православие в поликонфессиональном обществе: история и современность. Матер. Всерос. конф., посвященной 450-летию Казанской епархии РПЦ* / Под ред. Р.А. Набиева. Казань, 2006. С. 207-233.
- Усманова, 2006** – *Усманова Д.М.* Депутаты от Казанской губернии в Государственной думе России. 1906–1917. Казань, 2006. 495 с.
- Хафизов, 2011** – *Хафизов Г.Г.* Культурно-просветительская деятельность татарской интеллигенции (XIX – первая часть XX вв.). Казань, 2011. 255 с.
- Христианское просвещение..., 2012** – Христианское просвещение и религиозные движения (реисламизация) крещеных татар в XIX – начале XXI вв. Сборник материалов и документов / Сост., автор вступительной ст., примечаний, научно-справочного аппарата Р.Р. Исхаков. Казань, 2012. 412 с.
- Ягафова, 2009** – *Ягафова Е.А.* Чуваши-мусульмане в XVIII – начале XXI вв. Самара, 2009. 128 с.

References

- Dzherasi, 2013** – *Dzherasi, R.* (2013). Okno na Vostok: Imperiya, orientalizm, natsiya i religiya v Rossii [Window to the East: Empire, Orientalism, Nation and Religion in Russia]. Per. s angl. V. Goncharova. Moskva. [in Russian]
- Gabdräfikova, 2015** – *Gabdräfikova, L.R.* (2015). Tatarskoe burzhuaznoe obshchestvo: stil' zhizni v epokhu peremen (vtoraya polovina XIX – nachalo XX veka) [Tatar bourgeois society: lifestyle in an era of change (second half of the 19th – early 20th centuries)]. Kazan'. [in Russian]
- Iskhakov, 2011** – *Iskhakov, R.R.* (2011). Missionerstvo i musul'mane Volgo-Kam'ya (poslednyaya tret' XVIII – nachalo KhKh v.) [Missionary work and Muslims of the Volga-Kama region (the last third of the 18th – early 20th centuries)]. Kazan'. [in Russian]
- Islaev, 2001** – *Islaev, F.G.* (2001). Islam i pravoslavie v Povolzh'e XVIII stoletiya: ot konfrontatsii k terpimosti [Islam and Orthodoxy in the Volga region of the 18th century: from confrontation to tolerance]. Kazan'. [in Russian]
- Khabibullin, 2013** – *Khabibullin, M.Z.* (2013). Narody Srednego Povolzh'ya i Priural'ya v rakurse etnopoliticheskikh i istoriko-konfessional'nykh issledovaniy prepodavatelei Kazanskoj dukhovnoi akademii (1842–1921 gg.) [The peoples of the Middle Volga and Urals in the perspective of ethno-political and historical-confessional studies of teachers of the Kazan Theological Academy (1842–1921)]. Kazan'. [in Russian]
- Khafizov, 2011** – *Khafizov, G.G.* (2011). Kul'turno-prosvetitel'skaya deyatel'nost' tatarskoj intelligentsii (XIX – pervaya chast' XX vv.) [Cultural and educational activities of the Tatar intelligentsia (XIX – the first part of the XX centuries)]. Kazan'. [in Russian]

- Khristianskoe prosveshchenie..., 2012** – Khristianskoe prosveshchenie i religioznye dvizheniya (reislamizatsiya) kreshchenykh tatar v XIX – nachale XXI vv. Sbornik materialov i dokumentov [Christian education and religious movements (re-Islamization) of baptized Tatars in the 19th – early 21st centuries. Collection of materials and documents]. Sost., avtor vstupilitel'noi st., primechanii, nauchno-spravochnogo apparata R.R. Iskhakov. Kazan', 2012. [in Russian]
- Koblov, 2022** – *Koblov, Ya.D.* (2022). O tatarizatsii inorodtsev Privolzhskogo kraya [On the Tatarization of foreigners in the Volga region]. Kazan'. [in Russian]
- Kobzev, 2013** – *Kobzev, A.V.* (2013). Tatory i chuvashi na perekrestke ver: tyurkoyazychnoe islamo-khristianskoe pogranich'e v Simbirskoi gubernii vo vtoroi polovine XIX – nachale XX veka [Tatars and Chuvashs at the crossroads of faiths: Turkic-speaking Islamic-Christian borderlands in the Simbirsk province in the second half of the 19th – early 20th centuries]. Cheboksary. [in Russian]
- Kolcherin, 2014** – *Kolcherin, A.S.* (2014). Khristianizatsiya narodov Povolzh'ya. N.I. Il'minskii i pravoslavnyaya missiya [Christianization of the peoples of the Volga region. N.I. Ilminsky and the Orthodox Mission]. Moskva. [in Russian]
- Kreshchenie tatar, 2002** – Kreshchenie tatar (Sbornik dokumentov) [Baptism of the Tatars (Collection of documents)]. Nauch. red. N.K. Garipov. Kazan', 2002. [in Russian]
- Malikov, 2013** – *Malikov, R.I.* (2013). Sotsial'noe polozhenie musul'manskogo dukhovenstva Kazanskoj gubernii v kontse XIX – nachale XX vv. [The social position of the Muslim clergy of the Kazan province in the late XIX – early XX centuries]. Kazan'. [in Russian]
- Mardzhani Sh., 2005** – *Mardzhani, Sh.* (2005). Izvlechenie vestei o sostoyanii Kazani i Bulgara (Mustafad al'-akhbar fi akhvali Kazan va Bulgar) [Extraction of news about the state of Kazan and Bulgar (Mustafad al'-akhbar fi ahwali Kazan va Bulgar)]. Chast' 1. Kazan', 2005. [in Russian]
- Mustakimov, 2023** – *Mustakimov, I.* (2023). Chuvashi i islam: novoe prochtenie etnonima ot tatarskogo sufiiskogo sheikha [Chuvash and Islam: a new reading of the ethnonym from the Tatar Sufi sheikh]. Milliard.tatar. 2023. 8 fevralya. [Electronic resource]. URL: <https://milliard.tatar/news/cuvashi-i-islam-novoe-proctenie-etnonima-ot-tatarskogo-sufiiskogo-seixa-2882> (date of access: 16.02.2023). [in Russian]
- Nur, 1910** – Nur (1910). №186. [in Russian]
- Nur, 1910** – Nur (1910). №188. [in Russian]
- Osoboe Soveshchanie..., 2011** – Osoboe Soveshchanie po musul'manskim delam 1914 goda: Zhurnaly (2011) [Special Meeting on Muslim Affairs in 1914: Journals]. Sost., avt. predisl., prim. i sokr. I.K. Zagidullin. Kazan', 2011. [in Russian]
- Ramzi, 1908** – *Ramzi, M.* (1908). Talfik al'-akhbar va talkikh al'-asar fi vakai' Kazan va Bulgar va muluk at-tatar («Sobranie svedenii iz proshlykh sobytii Kazani, Bulgara i tatarskikh tsarei») [Talfik al'-akhbar va talkih al'-asar fi vakai' Kazan va Bulgar va muluk at-tatar (“Collection of information from past events of Kazan, Bulgar and Tatar kings”)]. T. 2. Orenburg. [in Russian]
- Sbornik tsirkulyarov..., 2004** – Sbornik tsirkulyarov i inykh rukovodyashchikh rasporyazhenii po okrugu Orenburgskogo Magometanskogo Dukhovnogo Sobraniya 1836–1903 gg. (2004) [Collection of circulars and other guidelines for the district of the Orenburg Mohammedan Spiritual Assembly 1836–1903] Kazan', 2004. [in Russian]
- Sovremennoe sostoyanie..., 2002** – Sovremennoe sostoyanie tatar-mukhammedan i ikh otnoshenie k drugim inovertsam. Doklad professora Kazanskoj dukhovnoi akademii M. Mashanova missionerskomu s"ezdu 1910 goda [The current state of the Tatars-Muhammedans and their attitude towards other non-believers. Report of the professor of the Kazan Theological Academy M. Mashanov to the missionary congress of 1910]. Kazan', 2002. [in Russian]
- Taimasov, 2006** – *Taimasov, L.A.* (2006). Religioznoe dvizhenie za osnovanie pravoslavnykh monastyrei sredi kreshchenykh nerusskikh narodov Kazanskoj eparkhii vo vtoroi polovine XIX – nachale XX vekov [Religious movement for founding Orthodox monasteries among the baptized non-Russian peoples of the Kazan diocese in the second half of the 19th – early 20th centuries]. Pravoslavie v polikonfessional'nom obshchestve: istoriya i sovremennost'. Mater. Vseros. konf., posvyashchennoi 450-letiyu Kazanskoj eparkhii RPTs. Pod red. R.A. Nabieva. Kazan', pp. 207-233. [in Russian]
- Usmanova, 2006** – *Usmanova, D.M.* (2006). Deputaty ot Kazanskoj gubernii v Gosudarstvennoi dume Rossii. 1906–1917 [Deputies from the Kazan province in the State Duma of Russia]. Kazan'. [in Russian]
- Vert, 2012** – *Vert, P.* (2012). Pravoslavie, inoslavie, inoverie: Ocherki po istorii religioznogo raznoobraziya Rossijskoj imperii [Orthodoxy, non-Orthodoxy, heterodoxy: Essays on the history of the religious diversity of the Russian Empire]. Perevod s angl. N. Mishakovoi, M. Dolbilova, E. Zuevoi i avtora. Moskva. [in Russian]
- Yagafova, 2009** – *Yagafova, E.A.* (2009). Chuvashi-musul'mane v XVIII – nachale XXI vv. [Chuvash-Muslims in the 18th – early 21st centuries]. Samara. [in Russian]
- Znamenskii, 2004** – *Znamenskii, P.V.* (2004). Kazanskije tatory [Kazan Tatars]. Kazan'. [in Russian]

Взаимодействие религиозных общин тюркских народов европейской России в конце XIX – начале XX вв.

Алексей Николаевич Старостин ^{a, b}, Елена Константиновна Минеева ^{c, *},
Алексей Игоревич Минеев ^c

^a Уральский государственный горный университет, Российская Федерация

^b Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, Российская Федерация

^c Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматриваются особенности взаимодействия христианства и ислама среди тюркских народов в Российской империи на рубеже XIX–XX вв. в трудах отечественных и зарубежных исследователей. Одной из многонациональных территорий России является Поволжско-Приуральский регион, в котором по соседству и чересполосно проживают как финно-угорские, так и тюркские народы. На основе анализа ряда работ историков можно прийти к выводу, что в европейской России за тюркские народы происходила конкуренция между православием и исламом, когда одновременно шли процессы воцерковления и исламизации чувашей и кряшен. При этом последние формально считались христианами, однако степень их православной религиозности была низкой, благодаря чему многие из них «отпадали в магометанство» под влиянием татар-мусульман. Остановить этот процесс частично удалось путем активной православной миссии, чему способствовала новаторская религиозно-педагогическая система Николая Ильминского. Оба процесса – воцерковление и исламизация – усиливали рост национального самосознания тюркских этносов, что стало отличительной особенностью эпохи капитализма в позднимперский период истории России.

Ключевые слова: православие, ислам, Российская империя, Среднее Поволжье, русские, татары, чуваша, кряшены, башкиры, марийцы, миссионерство, система Николая Ильминского, воцерковление, «отпадение в магометанство».

---

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: [mineevak21@mail.ru](mailto:mineevek21@mail.ru) (Е.К. Минеева), alisheria@mail.ru (А.Н. Старостин), minalig@inbox.ru (А.И. Минеев)

Copyright © 2023 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2023. 18(2): 927-935
 DOI: 10.13187/bg.2023.2.927

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Ideological and Spiritual Paradigm of Z. N. Gippius' Social Activity in the Context of the Silver Age

Tatyana V. Gryaznukhina ^a, Alexander G. Gryaznukhin ^{a, *}, Ivan A. Pfanenshtil ^a, Tatyana V. Schastlivaya ^a

^a Siberian Federal University, Russian Federation

Abstract

This article focuses on social activities, the specifics of Zinaida Gippius' world view, and her influence on the formation of consciousness of the Russian intelligentsia at the turn of the 20th century. The study is based on the use of primary sources: diaries, memoirs, letters, articles, both by Gippius and her contemporaries. These sources have been analyzed in a comparative manner to provide the greatest degree of objective insight into the social and political processes that were taking place in Russia and the role of Gippius in them. The reasons for the failure of religious and philosophical activities of Z. Gippius and her closest companions D. Merezhkovsky and D. Filosofov are justified in the article. The idea of implementing the Main, which was to create a modernized church on the basis of the formation of a new religious consciousness, did not resonate with her contemporaries. Gippius' personal qualities, her exaggerated self-esteem, her fanatical conviction in the truth of her own ideas, which in fact turned out to be false, her belief that the need to spread these ideas gave her the right to control people's fates by bending them to her will, alienated from her even her supporters. Her numerous contacts with representatives of different social groups helped Gippius to correctly assess the social and political situation in the country and develop her attitude to it. Taking into account Gippius' authority and influence among the Russian intelligentsia, without exaggerating the results of her social activities, we can definitely say that she contributed quite a lot to the formation of public consciousness, which makes her personality interesting for our contemporaries as well.

Keywords: Z.N. Gippius, D.S. Merezhkovsky, intelligentsia, Russia, culture, revolution, Silver Age.

1. Введение

«Время было, по-моему, интересное. Что-то в России ломалось, что-то оставалось позади, что-то, народившись или воскреснув, стремилось вперед... Куда? Это никому не было известно, но уже тогда, на рубеже веков, в воздухе чувствовалась трагедия» (Гиппиус, 1990: 344). Так охарактеризовала Зинаида Гиппиус время, в которое ей пришлось жить. Действительно, рубеж веков в истории России является периодом кризисным и переломным. Осознание обществом того, что старые формы существования культуры устарели, подтолкнуло интеллигенцию на мучительный поиск новых путей, который в культуре был связан прежде всего с символизмом. Пережив периоды взлета и забвения в ходе своего развития, символизм во многом предопределил развитие философской мысли в России и повлиял на становление принципиально нового направления в русском искусстве. По сути, он явился одним из истоков искусства XX века. Убежденность Гиппиус в том, что символизм сможет обеспечить возможность творческого подхода к осознанию действительности, сделала ее сторонницей этого течения. Организованная З. Гиппиус, Д. Мережковским, Н. Минским, Ф. Сологубом, А. Волынским творческая группа стояла у самого истока символизма, ей были близки проблемы поиска истины и тайн бытия, вопросы противопоставления духовного и материального. Однако решение этих проблем

* Corresponding author

E-mail addresses: agagag@mail.ru (A.G. Gryaznukhin), tag-kras@mail.ru (T.V. Gryaznukhina), IPfanenshtil@sfu-kras.ru (I.A. Pfanenshtil), trizhenkova@sfu-kras.ru (T.V. Schastlivaya)

не ограничивалось только рамками искусства. Деятельная, активная позиция группы в формировании нового сознания и умонастроения соответствовала личностным устремлениям самой Гиппиус. Являясь персоной неординарной, амбициозной, творчески одаренной, она оставила яркий след не только в искусстве Серебряного века. Используя свои организаторские способности и публицистическую деятельность, Гиппиус пыталась влиять на развитие общественного сознания. Непокколебимая уверенность в своей правоте относительно верности понимания ею общественных и политических событий, безусловная одаренность Гиппиус как литератора привлекали к ней внимание современников и делали ее фигуру весьма значимой в среде русской интеллектуальной элиты рубежа веков. Свое наследие сама Гиппиус оценивала как «далеко не лишнее исторического интереса» (Гиппиус, 1991: 394). Однако ее заявление – «соблюдая всегдашнее мое правило – держаться лишь свидетельства собственных ушей и глаз» (Гиппиус, 1991: 372) – не означало объективного подхода автора к оценке людей и событий. Очень часто, «по возможности» желая быть объективной, она не терпела возражений, подвергая жесткой и несправедливой критике своих оппонентов. Все, что «вне вашего круга, все осуждается» (Бердяев, 1990: 300) – писал Н. Бердяев в одном из своих писем Гиппиус. Субъективная «объективность» Зинаиды Николаевны не умаляет значения ее литературного наследия, однако вызывает необходимость учитывать это при анализе оставленных ею трудов. Сложно понять эпоху Серебряного века без представления о роли и значении, которую сыграла в ней эта неординарная женщина. Ее стремление находиться в центре общественно-политической, интеллектуальной, творческой жизни России нашло реализацию в действительности. Многогранность ее натуры, разносторонность интересов и активная деятельность до сих пор делают фигуру Зинаиды Гиппиус привлекательной для исследователей и широкого круга читателей.

2. Материалы и методы

Исследование базируется на анализе массива первоисточников в виде дневников, воспоминаний, писем и статей З.Н. Гиппиус и других видных деятелей эпохи Серебряного века, документов Института русской литературы (Санкт-Петербург, Российская Федерация), Государственного архива Иркутской области (Иркутск, Российская Федерация).

В основе теоретико-методологического подхода лежат общенаучные и специальные исторические методы исследования. Принцип историзма дал возможность выявить взаимосвязь исторических условий развития России на рубеже XIX–XX вв. и становления новых идейно-культурных течений. Историко-генетический метод позволил выявить детерминанты становления символизма и идеи нового религиозного сознания. Обстоятельства жизни и деятельности З.Н. Гиппиус и других авторов воспоминаний в контексте динамики идеологических и политических процессов проанализированы с помощью историко-биографического метода. Сублимирование феномена культурно-исторического развития из специфичных частных признаков стало возможным благодаря идеографическому методу.

3. Обсуждение

Жизненный и творческий путь Зинаиды Николаевны Гиппиус существенным образом повлиял на содержание эпохи Серебряного века, которая входила в орбиту ее интересов и анализа. Для более полного понимания этого сложного, противоречивого времени в статье использованы в качестве первоисточников воспоминания (Гиппиус, 1990), биографические очерки (Гиппиус, 1991), статьи (Гиппиус, 1999), дневники (Гиппиус, 1991), эпистолярное наследие (Гиппиус, 2018) Гиппиус, которые помогают увидеть эпоху глазами ее современников. Использование при написании статьи трудов ближайших соратников Гиппиус – Мережковского (Мережковский, 1991) и Философова (Философов, 1999) дает возможность более полно ознакомиться с ее взглядами на общественно-политическую ситуацию в России. Представление о личностных качествах Гиппиус и отношении к ней современников помогают составить мемуары Н. Берберовой (Берберова, 1990), дневники К. Чуковского (Чуковский, 1991), письма А. Блока (Блок, 1978), Н. Бердяева (Бердяев, 1990), воспоминания А. Бенуа (Бенуа, 1993а, 1993б). О характере взаимоотношений четы Мережковских с Блоком можно судить по воспоминаниям Берберовой о поэте (Берберова, 1999) и книге В. Орлова «Гамаюн» (Орлов, 1980). Позиция М. Горького по отношению к символизму, и в частности его отношение к творчеству Гиппиус, рассматривается в монографии Н. Крутиковой (Крутикова, 1978). Сложность и неоднозначность фигур Мережковского и Гиппиус помогает понять книга профессора В. Хрисанфова (Хрисанфов, 2005). Научно-исследовательские статьи, произведения русской интеллигенции рубежа веков, в том числе З. Гиппиус, посвященные событиям Первой мировой войны, представлены в сборнике «Политика и поэтика: русская литература в историко-литературном контексте Первой мировой войны» (Политика и поэтика..., 2014). Анализ социально-религиозных взглядов Мережковского и Гиппиус проведен в монографии В. Сарычева (Сарычев, 2017). Л. Колобаева в монографии, посвященной русскому символизму, проанализировала религиозные искания Мережковского и Гиппиус (Колобаева, 2000). В 2002 г. вышла в свет коллективная монография, посвященная З. Гиппиус, в которой наряду с трудами отечественных исследователей представили свои статьи зарубежные ученые: Т. Пахмус (США), Д. Спендель, М. Паолини (Италия),

Р. Томсон (Канада) (Гиппиус. Исследования, 2002). Ряд статей авторов данной работы освещает вопросы идейных исканий российской и сибирской интеллигенции на рубеже веков, ее влияния на формирование социокультурного пространства страны, взаимодействия с социальными группами, творческой и общественной деятельности (Gryaznukhin, Gryaznukhina, 2015; Gryaznukhina et al., 2017; Gryaznukhin et al., 2021; Gryaznukhina et al., 2021).

Сложность и противоречивость характера русской культуры рубежа веков, отразившись на деятельности людей, создававших облик эпохи, нашли свое прямое отражение и в биографии Зинаиды Гиппиус, изучение жизненного и творческого пути которой помогает более глубокому пониманию и осмыслению содержания эпохи Серебряного века.

4. Результаты

Для русской интеллигенции период рубежа XIX–XX веков был временем переосмысления традиционных ценностей, которые для нее утратили свою прежнюю значимость. Пошатнулась ее вера как во всемогущество разума, так и в способность христианства разрешить назревшие проблемы. Зинаида Гиппиус, мимо которой общественно-политическая жизнь страны не проходила стороной, всегда стремилась быть ее активной участницей, отражая в своем творчестве события и перипетии времени. Вся ее жизнь и деятельность были неразрывно связаны с именем Дмитрия Мережковского. Их взгляды на ключевые, принципиальные вопросы никогда не расходились. Этот союз, длившийся 52 года, во многих отношениях можно считать плодотворным. Их влияние друг на друга было обоюдным. «Они были больше, чем супружеской четой: организацией, чуть ли не партией» (Берберова, 1999: 81). Гармонично дополняя друг друга, супруги с упорной настойчивостью проводили свои убеждения в жизнь. Оба не терпели возражений со стороны оппонентов, оба были очень меркантильны, говоря о духовном, не забывали о материальной составляющей жизни. Оба были высокого мнения о творчестве друг друга. Мережковский причислял Гиппиус, наряду с Брюсовым и Сологубом, к «художникам классического совершенства», которые, по его мнению, являются «единственно законными наследниками великой русской поэзии от Пушкина до Тютчева» (Мережковский, 1999: 179). Правда, он не привел оснований, по которым отводил их искусству столь исключительную роль. Гиппиус считала Мережковского большим русским религиозным писателем, утверждая, что «любил он Россию, – настоящую Россию, – до последнего вздоха своего» (Гиппиус, 1990: 329). Что, однако, не помешало им во время войны отвернуться от родины, поддерживая режимы Муссолини и Гитлера. На общественно-политическую ситуацию, сложившуюся в России на рубеже веков, их взгляды совпадали, они почти никогда не расходились в оценке исторических событий, свидетелями которых им приходилось быть.

Духовный кризис, в котором оказалось русское общество на рубеже столетий, подтолкнул к поиску новых путей развития страны. Мережковские разделяли мнение о том, что искусство способно пробудить в обществе религиозное сознание и может преобразовать жизнь в соответствии с христианскими идеалами. Вера в возможность духовного обновления общества посредством приобщения его к новой религии через искусство привела их в ряды мирискусников. В 1899 г. они начинают сотрудничать с творческим объединением «Мир искусства». Усилиями Д. Филоsoфова в журнале был создан религиозно-философский отдел, для работы в котором и были приглашены Мережковские. Статьи супругов не соответствовали тематике журнала, но были близки ему по духу. Так, исследование Мережковского «Лев Толстой и Достоевский» было напечатано именно в этом журнале. Между Мережковскими и сотрудниками журнала завязались дружеские отношения. А. Бенуа был постоянным посетителем вечеров у Мережковских, на которых встречался с Сологубом, Блоком, Розановым, бывал там К. Чуковский и многие другие представители интеллигенции. В своих воспоминаниях А. Бенуа отмечал, что был пленен Мережковскими. Его поразила эрудиция и яркая, красочная речь Дмитрия Сергеевича. У Зинаиды Николаевны он отмечал постоянное стремление позировать, кривляться с постоянной улыбкой на лице (Бенуа, 1993: 48-49).

Гиппиус имела большую популярность в интеллигентской среде благодаря активной публицистической деятельности. Статьи, написанные живо и эмоционально, имели в обществе определенный резонанс, влияя на его унастроения. Но стремление быть объективной, переступив через чувство, реализовать Гиппиус явно не получалось. Ее субъективные оценки всегда доминировали над объективным восприятием человека или события. Всё и все оценивались ею с позиции их полезности для осуществления собственных идей. В статье о М. Горьком, напечатанной в 1904 г., говоря о его популярности, она писала, что были «шум и крики вокруг него, даже вопли – его последователей», она, в то же время, «с возможным беспристрастием» отмечает его «наблюдательность и талантливость среднюю» (Гиппиус, 1990: 380). Отводя Горькому пророческую роль, она утверждала, что его проповедь «освобождает человека от всего, что он когда-либо имел: от любви, от нравственности, от имущества, от знания, от красоты, от долга, от семьи, от всякого духовного или даже телесного устремления и наконец от всякой активной воли». Это приведет к тому, что «человек потеряет себя». Горький, по ее мнению, – «творец русской катастрофы» (Гиппиус, 1990: 382-383). Даже Мережковский отметил, что она преувеличивает роль Горького в качестве пророка. Ее же собственное пророчество не нашло подтверждения во времени, что, однако, несколько не

смягчило ее отношения к писателю. Спустя годы, ссылаясь на врача И. Манухина, хотя ранее она сама утверждала, что «информация из третьих рук – это сплетни», Гиппиус писала: «Его квартира – совершенный музей, так переполнена старинными вещами, скупленными у тех, кто падает от голода» (Гиппиус, 1991: 232). И это еще не самое суровое обвинение в адрес писателя. Вынужденная признать факт помощи Горького философу Розанову, она стремится приуменьшить значение и размер этой помощи. Позиция Горького по отношению к Гиппиус на этом фоне выглядит благородно. Подчеркивая необоснованность ее претензий на ведущую роль в русской литературе, он признавал за ней талант и новаторство стиха, ее влияние на Бальмонта, Брюсова, Белого. В архиве Горького есть запись о том, что в издаваемую серию «Библиотека поэта» необходимо включить поэтические произведения Гиппиус (Крутикова, 1978: 299).

Мнение современников о Гиппиус не было однозначным. Оно колебалось от ее восторженного восприятия, как это было в молодости у М. Шагинян, до не менее сильного разочарования и полного неприятия ее личности впоследствии, как это произошло с той же Шагинян. Марина Цветаева в письме к У. Цетлиной, после прочтения ею мемуаров Гиппиус, отмечает, что написаны они были «из чистой злобы», характеризует ее как женщину изворотливую, которой удалось, не прибегая ко лжи, создать образ А. Белого, вызывающий отвращение. Цветаева резюмирует: «Это не пасквиль, это ланцет и стилет. И эта женщина – чертовка» (Хрисанфов, 2005: 36). Естественно, что подобного мнения о себе Зинаида Николаевна простить не могла. Негативное отношение к Цветаевой было следствием этого, хотя и объяснялось разностью политических убеждений. Н. Берберова в своих мемуарах отмечала, что З. Гиппиус были свойственны ирония, капризы, интриги и манерность. Складывалось впечатление, что она как бы под микроскопом рассматривала каждого человека и судила о нем неверно и предвзято, если он не соглашался с ее мнением (Берберова, 1990: 514, 517).

К. Чуковский, достаточно тесно общаясь с супружеской четой Мережковских, часто был разочарован их поведением. Во время обсуждения с ними вопроса о журнале «Крокодил» он понял, что его просто хотят использовать, «что на меня и на «Крокодила» им плевать, что все у них прорепетировано заранее, – и меня просто затошнило от отвращения, как будто я присутствую при чем-то неприличном». Помогая им во всем, откликаясь на их просьбы, он был уверен, что при случае «Мережковские первые будут клеветать на меня». Ради денег Мережковский «готов унижаться и симулировать бедность» (Чуковский, 1991: 74, 93, 114).

Доверительными и дружескими считала Гиппиус свои отношения с А. Блоком. Но поэт смотрел на них несколько иначе. В письме к жене в декабре 1902 г. он писал: «Скоро мы оставим всех Мережковских. Зинаиду Николаевну я понял еще больше, она мне теперь часто просто отвратительна» (Блок, 1978: 86). Религиозные искания Мережковских интересовали поэта мало. А бесцеремонное вмешательство в его личные дела Гиппиус, не одобрявшей женитьбу Блока на Л. Менделеевой, раздражало его. Однако совсем разойтись с супругами не получалось, так как они готовили издание журнала «Новый путь», в котором Блок надеялся печатать свои стихи.

Д. Философов, состоявший с Гиппиус в многолетних тесных отношениях, признавал в ней «бедную, исковерканную натуру», которую он знал «со всеми ее пороками». И это знание позволило ему «забыть все кривлянье» и увидеть «оголенную порочную душу, жаждущую Бога» (ИРЛИ. Ф. 102. Ед. хр. 191. Л. 30б.-40б.). Сама Гиппиус в письме к П. Вейнбергу свое положение в обществе оценивала так: «У меня есть серьезные друзья – и серьезные враги. И этим врагам я не хочу дать повод для лишней улыбки» (ИРЛИ. Ф. 62. Оп. 1. Ед. хр. 11. Л. 22-22а). Как персона яркая и неординарная, Зинаида Николаевна многих привлекала к себе, но ее личностные качества: нетерпимость, амбициозность, эгоизм – делали ее фигуру малопривлекательной при более близком общении. В качестве основного мотива поведения Гиппиус Н. Берберова определяла жажду власти. «Как она властвовала над людьми и как она любила это, вероятно, превыше всего, любила эту «власть над душами», и все ее радости и мучения были связаны именно с этим властвованием» (Берберова, 1990: 518).

Личностные качества писательницы сказались на характере ее общественной деятельности. Только излишней самоуверенностью, верой в собственную непогрешимость можно объяснить взятую ею на себя роль вдохновительницы идеи нового религиозного сознания. Религиозные поиски и искания привели ее к мысли о создании Религиозно-философских собраний, на заседаниях которых должен был состояться диалог между духовенством и интеллигенцией. По мнению Гиппиус, в православной среде необходимо было найти творческие силы, способные понять проблемы общественного развития, содействующие их разрешению. Соборы начинают проводиться с 1901 г. Мережковские определяли себя в качестве руководителей и вдохновителей создания церкви Третьего Завета, которая, отрицая «историческую церковь», вбирала бы, однако, в себя накопленный ею исторический опыт. Эту задачу они определили как «Главное» и ее осуществлению посвятили свою жизнь. Образовавшийся союз троих, куда, кроме Мережковских, вошел Д. Философов, не осознавал утопичности идеи, в жертву которой приносилась собственная жизнь и судьбы других людей. Исследователь В. Сарычев в своей монографии, посвященной русскому модернизму, утверждал, что только «дьявольская гордыня» могла сподвигнуть их замахнуться на многовековые устои православной церкви, что «итог «Главного» – сломанные судьбы, разбитые человеческие жизни. И извращенность сознания и поведения, принимаемого за норму» (Сарычев, 2017: 219, 223). Идея

«нового религиозного сознания» в рамках церкви Третьего Завета не вызвала понимания у современников. Н. Бердяев в письме к Гиппиус указывал, что он расходится с ними в понимании церкви, по его мнению, «из их стараний получится лишь секта, а не вселенская церковь» (Бердяев, 1990: 297-298). Разногласия по церковным вопросам впоследствии привели к разрыву отношений между философом и Мережковскими.

Рассматривая православие как пережиток, Гиппиус считала, что «православная церковь ему (народу) во многих отношениях чужда и не имеет для него решающего значения». Не считая свое мнение парадоксальным, она полагала, что «приводить исторические доказательства было бы слишком долго» (Гиппиус, 1999: 204). Свое мнение она не подкрепляла фактами, и ссылка на его очевидность для всех не выглядит убедительной. Предположение же, что у автора просто не было существенных доказательств, подкрепляющих свою точку зрения, в данном случае может быть оправдано. Мережковский, связывая церковный вопрос с вопросом о самодержавной власти, утверждал, что «самодержавие и православие – две половины единого целого», поэтому «нельзя свергнуть самодержавие без православия» (Мережковский, 1999: 58, 60). Поддержка церковью самодержавия была обусловлена ее зависимостью от него. Давая оценку личности российского императора, Гиппиус писала: «Он не злой, но слабый и безвольный человек» (Гиппиус, 1999: 124). Д. Философов характеризовал царя как «скромного и безвольного офицера», «как настоящее проклятие для России» (Философов, 1999: 73). Проклятие же это заключалось в том, что для Николая II, как человека глубоко верующего, отречение от самодержавия было равносильно отречению от православия. Невозможность для него отречения от веры делало невозможным и установление в России конституционной монархии. Эта цепочка логических рассуждений делала Зинаиду Гиппиус ярким сторонником антимоноархических идей.

Не только теоретические размышления о перспективном развитии, но и события реальной жизни нашли свое отражение в наследии Гиппиус. Оценка текущих событий, данная в дневниках и мемуарах, свидетельствует о верном понимании ею происходящего. Она отмечала, что сначала русское общество мало реагировало на начавшуюся войну, так как все верили, что «громкая Россия не может не победить крошечную Японию» (Гиппиус, 1990: 385). События 9 января 1905 г., напротив, вызвали возмущение в обществе. Интеллигенция в Петербурге устраивала «банкеты, походившие на митинги». «А скоро начались уже не речи, а манифестации на улицах и первые, там же, выстрелы» (Гиппиус, 1990: 393). Все это Гиппиус наблюдала из окон своей квартиры. Сами Мережковские вместе с Философовым и Белым свой протест выразили тем, что поехали в Александринский (Императорский) театр прекращать спектакль. Протест, который начали студенты, поддержала публика, занавес опустили (Гиппиус, 1990: 387). «Манифест 17 октября» митингов не прекратил, напротив, расколол общество на тех, кто готов был поверить правительству, и тех, кто этой веры не разделял. Как обман расценила манифест и Гиппиус. Сделав уступки в светской жизни, манифест не поколебал утверждения о религиозной сущности царской власти и не поменял сути этой власти. В целом же, отмечала Гиппиус, в обществе мало понимали, что происходит. «Как легко было дурачить бедную русскую интеллигенцию!» – восклицает она (Гиппиус, 1990: 388). А. Бенуа, однако, не столь серьезно относился к революционной деятельности Мережковских, как они сами. Так, памфлет, который супруги опубликовали против правительства и, испугавшись, бежали за границу, он считал проявлением легкомыслия и инфантильности (Бенуа, 1993а: 440). Из Парижа супруги продолжали следить за событиями, происходившими в России. Избрание и разгон Дум они восприняли как фарс, считая, что эта уступка ровным счетом ничего не значит. Пытаясь разобраться в «болезненном хаосе», происходившем в России, Гиппиус проводит своеобразный анализ политических сил, способных противостоять царизму. Конституционные демократы, по ее мнению, не в состоянии это сделать, так как у них нет другой идеи, кроме установления конституции. Они идут на компромисс с царизмом, который в данной ситуации невозможен (Гиппиус, 1999: 107). Гиппиус отмечает невозможность укрепления в России конституционной монархии, поскольку страна долгое время была подвержена очарованию царизмом. «Народная душа никогда не мечтала о конституционной монархии; на эту благополучную посредственность она никогда не согласится», – считала мемуаристка (Гиппиус, 1999: 128).

Идеи социал-демократов были чужды Мережковским настолько, что они «возненавидели» их, «за одну скобку взяв и большевиков, и меньшевиков» (Гиппиус, 1990: 395). Ненависть их при этом носила какой-то маниакальный характер и переходила на людей, которые к этим идеям относились сочувственно. Поиск единомышленников привел к сближению супругов с Б. Савинковым, террористом, принимавшим участие в убийстве Плеве. Они пришли к согласию возможности революционного пути свержения самодержавия, пытались соединить революцию с религией, так как вне религии, по их мнению, нельзя рассматривать русскую революцию. Гиппиус отмечала, что «революция может принять внешние формы анархии, разрушения, хаоса». Реально смотря на жизнь, она признавала, что «наши мужики поджигают усадьбы, бессмысленно убивают скот, разрушают машины и произведения искусства, что они этими своими действиями демонстрируют, что являются животными в момент их восхождения к человеческому. Они не падают, они поднимаются» (Гиппиус, 1999: 127). В этом она видела «рождение» русского народа. Признание невозможности совершения

революции без насилия ставит вопрос об отношении автора к насилию. Гиппиус утверждала, что «нельзя простить убийства; но оправдать его, ...если оно совершается во имя будущего и внушено разумом и нравственным чувством, – не только можно, но и должно». Это объясняется «необходимостью «для высшего блага» (Гиппиус, 1999: 109). Отсюда вытекает оправдание ею терроризма, ведь по-другому было нельзя. «Между убийством, которое исполнено революционером, и убийством, ...которое назначило власть, – между ними разница столь велика, столь ясна, столь несомненна, что нет нужды на нее специально указывать» (Гиппиус, 1999: 118). В этом высказывании прослеживается непоследовательность автора. С одной стороны, убивать нельзя, а с другой – смотря кого и во имя чего. Но есть вопросы принципиальные, которые не терпят компромиссов в своем решении. Убийство человека, не важно кто он, революционер или жандарм, есть преступление, ибо при убийстве переступаются прежде всего христианские морально-нравственные законы. Само же понятие «высшего блага» относительно. Нечаев, по всей вероятности, тоже им руководствовался, когда убивал студента Иванова. А предупреждение Ф. Достоевского, отразившего это событие в своем романе «Бесы», не было услышано ни Гиппиус и ее окружением, ни русской интеллигенцией в целом. Гиппиус признавала, что «не надо проливать кровь. Это невозможно. Но чтобы эта невозможность стала реальной, это необходимо!» (Гиппиус, 1999: 128). Таким образом, постулат свободы через насилие явился ее осознанным нравственным выбором.

Свою оценку событиям Первой мировой войны дает Гиппиус в своих письмах, дневниках, мемуарах, публицистике. Война началась для русской интеллигенции «вдруг», хотя, «конечно, не вдруг», ее вызревающие предпосылки просто игнорировались (Гиппиус, 1990: 450). На повседневной жизни столицы война почти не отразилась: работали театры, рестораны. Всюду наблюдался патриотический подъем. Столице вторила провинция. В далеком Иркутске в антрактах патриотических спектаклей исполнялись гимны стран-союзниц (ГАИО. Ф. 609. Оп. 1. Д. 1. Л. 74). Свое неприятие войны Гиппиус обозначила весьма четко. «Проклинаю войну с начала и до конца, со всем ее прошлым и будущим, навеки», – писала она в письме к Философову (Гиппиус, 2018: 813). В статьях, противопоставляя «механической культуре» Германии «живую душу» России, она утверждала, что «для самой Германии надо, чтобы ее победили и освободили ее поработенную живую душу», что в Германии уже давно «голая техника, механика – уже не культура, а варварство. Естественно желать победы над этим варварством» (Гиппиус, 2014: 635, 638). Стремление разобраться в происходящих событиях делало ее дом доступным в годы войны для самой разнообразной публики – от А. Керенского, который заходил часто, до простого люда. Она вспоминала, что «многое ей объяснили... кухонные митинги» с солдатом Ваней Пугачевым, который бывал у Мережковских постоянно и характеризовал обстановку в городе так: «Сдурел народ, теперь не остановать». Гиппиус пугала «революция во время войны» (Гиппиус, 1990: 455, 464), которая может обратиться крахом и хаосом.

Не преувеличивая влияние Гиппиус на политическую ситуацию, необходимо отметить, что определенную роль в ее формировании она пыталась играть. Она понимала, что нерешительность Керенского губит Россию. Однако на встречу с председателем Временного правительства относительно правительственной декларации насчет войны пошел Мережковский, о чем Зинаида Николаевна позже сожалела, так как Дмитрию Сергеевичу, видимо, не хватило настойчивости, чтобы заставить Керенского действовать более решительно (Гиппиус, 1990: 457). Сожалела она и о беспомощности интеллигенции, ее неспособности взять власть, «когда она валялась на улице» (Гиппиус, 1990: 456). Поэтому, видимо, и сидела всю ночь над правкой декларации, которую должны были прочесть эсеры в Учредительном собрании, но которая так и не была прочитана (Гиппиус, 1990: 465). Убежденная в абсолютном зле большевизма, находясь до эмиграции в Петрограде, она поддерживала любые антибольшевистские силы. Когда последняя надежда на освобождение России после гибели Добровольческой армии была разрушена и «святая белая борьба с зараженным русским народом» (Гиппиус, 1990: 473) была окончательно проиграна, Гиппиус вместе с Мережковским и Философовым покинула Россию, как оказалось навсегда, чтобы и дальше «помогать без разбора всем, кто только был против большевиков» (Гиппиус, 1990: 482).

5. Заключение

Есть в истории имена людей, без знания биографии которых трудно представить современную им эпоху. Именно к таким людям, без сомнения, относится Зинаида Гиппиус. Деятельность ее в качестве литератора, общественного деятеля носила многосторонний характер. Одаренность и талант Гиппиус, не вызывавшие ни у кого сомнения, делали ее мнение авторитетным в среде русской интеллигенции. Необыкновенно обширный круг знакомств и связей как в творческих кругах, так и среди общественных и политических деятелей способствовал тому, что ее взгляды и идеи были там широко известны и вызвали определенный резонанс в обществе, влияя на умонастроения интеллигенции.

Саму литературную и общественную деятельность Гиппиус можно рассматривать как средство на пути распространения собственных религиозных идей. Большую роль в реализации идеи «нового религиозного сознания» сыграли Религиозно-философские собрания, непосредственным организатором которых она являлась. Супруги Мережковские, добровольно возложив на себя миссию

преобразователей церкви, пытались сплотить религиозную общественность под своим руководством. Фанатично преданная этой идее Гиппиус подчинила свою жизнь и жизнь окружающих ее людей служению «Главному». По ее мнению, создание нового религиозного сознания давало ей право власти над людьми. Духовное порабощение человека против его воли оправдывалось тем, что делается это ради будущего, во имя человека. Однако общество не разделило религиозных убеждений Мережковских, и их религиозно-общественная деятельность потерпела неудачу.

Главное зло для России Гиппиус видела в существовании самодержавной власти, которая духовно поработила общество, лишив автономии православную церковь. Надежды на преобразование России она связывала с интеллигенцией, отрицая при этом анархию как проявление индивидуализма, диктатуру пролетариата как власть, связанную с насилием. Осуждая решительно Первую мировую войну как фактор насилия и разрушения культуры, она ратовала за победу России как единственной страны, сохранившей еще духовный и нравственный потенциал. Приветствуя Февральскую революцию, Гиппиус надеялась, что установленные революционным путем принципы свободы дадут возможность претворить ее собственные теории в жизнь.

Характер общественной, творческой деятельности человека во многом определяется его личностными качествами. Зинаида Николаевна умело использовала свои организаторские задатки. Но категоричность суждений иногда не позволяла ей верно оценивать события. Она была склонна переоценивать в них свою роль, что часто отталкивало от нее людей. Самолюбивая, эксцентричная, требовавшая безусловного подчинения, с претензиями на лидерство, она судила о людях порой бескомпромиссно и авторитарно. Будучи уже в эмиграции, она не признавала талантливых писателей только потому, что они остались на родине. Творчество Горького, Маяковского, Пастернака было вне круга ее интересов.

Богатое творческое, эпистолярное и публицистическое наследие, опыт общественной деятельности Зинаиды Гиппиус до сих пор продолжают привлекать внимание к ее личности как исследователей, так и наших современников, интересующихся историей своего отечества. Наследие, созданное ею, являясь культурным достоянием России, помогает осмыслить настоящее и определиться с собственной идентичностью.

Литература

- Бенуа, 1993а – Бенуа А.Н. Мои воспоминания. В 5 кн. Т. 1. М., 1993. 711 с.
 Бенуа, 1993б – Бенуа А.Н. Мои воспоминания. В 5 кн. Т. 2. М., 1993. 743 с.
 Берберова, 1990 – Берберова Н. Курсив мой (журнальный вариант) / Серебряный век: Мемуары. М., 1990. С. 431-574.
 Берберова, 1999 – Берберова Н. Александр Блок и его время: Биография. М., 1999. 256 с.
 Бердяев, 1990 – Бердяев Н. Письма Николая Бердяева // *Минувшее*. Вып. 9. Париж, 1990. С. 294-325.
 Блок, 1978 – Блок А. Письма к жене: Литературное наследство. Т. 89. М., 1978. 415 с.
 ГАИО – Государственный архив Иркутской области.
 Гиппиус, 1990 – Гиппиус З.Н. Дмитрий Мережковский. Воспоминания / Д.С. Мережковский, З.Н. Гиппиус. 14 декабря: роман. Дмитрий Мережковский: воспоминания. М., 1991. С. 283-523.
 Гиппиус, 1991 – Гиппиус З.Н. Стихотворения. Живые лица. М., 1991. 471 с.
 Гиппиус, 1999 – Гиппиус З.Н. Революция и насилие / Мережковский Д., Гиппиус З., Философов Д. Царь и революция. М., 1999. С. 103-128.
 Гиппиус, 2018 – Эпистолярное наследие З.Н. Гиппиус // *Литературное наследство*. Т. 106. Кн. 1. М., 2018. 896 с.
 Гиппиус. Исследования, 2002 – Зинаида Гиппиус. Новые материалы. Исследования. М., 2002. 384 с.
 ИРЛИ – Институт русской литературы.
 Колобаева, 2000 – Колобаева Л.А. Русский символизм. М., 2000. 296 с.
 Крутикова, 1978 – Крутикова Н.Е. В начале века: Максим Горький и символисты. Киев, 1978. 308 с.
 Мережковский, 1991 – Мережковский Д.С. «Большая Россия». Л., 1991. 272 с.
 Орлов, 1980 – Орлов В.Н. Гамаюн. Жизнь Александра Блока. Л., 1980. 728 с.
 Политика и поэтика..., 2014 – Политика и поэтика: русская литература в историко-культурном контексте Первой мировой войны. Публикации, исследования и материалы. М., 2014. 880 с.
 Сарычев, 2017 – Сарычев В.А. Феномен русского модернизма: Религия. Эстетика. Творческая жизнь. М., 2017. 704 с.
 Философов, 1999 – Философов Д. Религия и революция / Д. Мережковский, З. Гиппиус, Д. Философов. Царь и революция. М., 1999. С. 63-102.
 Хрисанфов, 2005 – Хрисанфов В.И. Д.С. Мережковский и З.Н. Гиппиус: Из жизни в эмиграции. СПб., 2005. 164 с.
 Чуковский, 1991 – Чуковский К.И. Дневник 1901–1929. М., 1991. 544 с.

- Gryaznukhin, Gryaznukhina, 2015 – Gryaznukhin A.G., Gryaznukhina T.V. Siberian Intelligentsia in Socio-Cultural Space of Russia at the Turn of XIX–XX Centuries // *Bylye Gody*. 2015. 38(4): 972-981.
- Gryaznukhina et al., 2021 – Gryaznukhina T.V., Gryaznukhin A.G., Malyutina L.F., Akhtamov E.A. Russian Liberalism in the 19th century: an Attractive Course of Development or a Road to National Tragedy // *Bylye Gody*. 2021. 16(2): 652-660.
- Gryaznukhina et al., 2017 – Gryaznukhina T.V., Sejtkanova A.A., Gryaznukhin A.G., Gergilev D.N., Malutina L.F. (2017). Intelligentsia and the Folk between Russian Revolutions (1905–1917) // *Bylye Gody*. Vol. 44. Is. 2. Pp. 625-634.
- Gryaznukhin et al., 2021 – Gryaznukhin A.G., Gryaznukhina T.V., Karchaeva T.G., Zhulaeva A.S. (2021). Conservatism as an Alternative Form of Civilizational Development of Russia after the Great Reforms // *Bylye Gody*. 2021. 16(3): 625-634.

References

- Benua, 1993a – Benua, A.N. (1993). Moi vospominaniya V 5 kn. T. 1. M. 711 p. [in Russian]
- Benua, 1993b – Benua, A.N. (1993). Moi vospominaniya [My memories]. V 5 kn. T. 2. M. 743 p. [in Russian]
- Berberova, 1990 – Berberova, N. (1990). Kursiv moi (zhurnal'nyi variant). Serebryanyi vek: memuary [Italics are mine (magazine version). Silver Age: memoirs]. Moscow. Pp. 431-574. [in Russian]
- Berberova, 1999 – Berberova, N. (1999). Aleksandr Blok i ego vremya: Biografiya [Alexander Blok and his Time: A Biography]. Moscow. 256 p. [in Russian]
- Berdyayev, 1990 – Berdyayev, N. (1990). Pis'ma Nikolaya Berdyayeva Letters of Nikolai Berdyayev]. *Minushee*. Vyp. 9. Parizh. Pp. 294-325. [in Russian]
- Blok, 1978 – Blok, A. (1978). Pis'ma k zhene [Letters to his wife]. *Literaturnoe nasledstvo*. T. 89. M., 415 p. [in Russian]
- Chukovskii, 1991 – Chukovskii, K.I. (1991). Dnevnik 1901–1929 [Diary 1901–1929]. Moscow. 544 p. [in Russian]
- Filosofov, 1999 – Filosofov, D. (1999). Religiya i revolyutsiya. Merezhkovskii D., Gippius Z., Filosofov D. Tsar' i revolyutsiya [Religion and revolution. Merezhkovsky D., Gippius Z., Philosophers D. Tsar and Revolution]. Moscow. Pp. 63-102. [in Russian]
- GAIO – Gosudarstvennyi arkhiv Irkutskoi oblasti [The State Archive of the Irkutsk region].
- Gippius, 1990 – Gippius, Z.N. (1991). Dmitrii Merezhkovskii. Vospominaniya. Merezhkovskii D.S. Gippius Z. N. 14 dekabrya: roman. Dmitrii Merezhkovskii: vospominaniya [Dmitry Merezhkovsky. Memoirs. Merezhkovsky D.S. Gippius Z. N. December 14: novel. Dmitry Merezhkovsky: memories]. M. Pp. 283-523. [in Russian]
- Gippius, 1991 – Gippius, Z. N. (1991). Stikhotvoreniya. Zhivye litsa [Poems. Living faces]. Moscow. 471 p. [in Russian]
- Gippius, 1999 – Gippius, Z. N. (1999). Revolyutsiya i nasilie. Merezhkovskii D., Gippius Z., Filosofov D. Tsar' i revolyutsiya [Revolution and violence. Merezhkovsky D., Gippius Z., Philosophov D. Tsar and Revolution]. Moscow. Pp. 103-128. [in Russian]
- Gippius, 2018 – Epistol'yarnoe nasledie Z.N. Gippius. Literaturnoe nasledstvo [Epistolary heritage Z.N. Gippius: Literary Heritage]. T. 106. Kn. 1. M. 2018. 896 p. [in Russian]
- Gippius. Issledovaniya, 2002 – Zinaida Gippius. Novye materialy. Issledovaniya [Zinaida Gippius. New materials. Researches.]. M., 2002. 384 p. [in Russian]
- Gryaznukhin et al., 2021 – Gryaznukhin, A.G., Gryaznukhina, T.V., Karchaeva, T.G., Zhulaeva, A.S. (2021). Conservatism as an Alternative Form of Civilizational Development of Russia after the Great Reforms. *Bylye Gody*. 16(3): 625-634.
- Gryaznukhin, Gryaznukhina, 2015 – Gryaznukhin, A.G., Gryaznukhina, T.V. (2015). Siberian Intelligentsia in Socio-Cultural Space of Russia at the Turn of XIX–XX Centuries. *Bylye Gody*. 38(4): 972-981.
- Gryaznukhina et al., 2017 – Gryaznukhina, T.V., Sejtkanova, A.A., Gryaznukhin, A.G., Gergilev, D.N., Malutina L.F. (2017). Intelligentsia and the Folk between Russian Revolutions (1905–1917). *Bylye Gody*. 44(2): 625-634.
- Gryaznukhina et al., 2021 – Gryaznukhina, T.V., Gryaznukhin, A.G., Malyutina, L.F., Akhtamov, E.A. (2021). Russian Liberalism in the 19th century: an Attractive Course of Development or a Road to National Tragedy. *Bylye Gody*. 16(2): 652-660.
- IRLI – Institut russkoi literatury [Institute of Russian Literature].
- Khrisanfov, 2005 – Khrisanfov, V.I. (2005). D. S. Merezhkovskii i Z.N. Gippius: Iz zhizni v emigratsii [D. S. Merezhkovsky and Z. N. Gippius: From life in exile]. Saint Petersburg. 164 p. [in Russian]
- Kolobaeva, 2000 – Kolobaeva, L.A. (2000). Russkii simvolizm [Russian symbolism]. Moscow. 296 p. [in Russian]
- Krutikova, 1978 – Krutikova, N.E. (1978). V nachale veka: Maksim Gor'kii i simvolisty [At the beginning of the century: Maxim Gorky and the Symbolists]. Kiev, 308 p. [in Russian]
- Merezhkovskii, 1991 – Merezhkovskii, D.S. (1991). «Bol'naya Rossiya» ["Sick Russia"]. Leningrad. 272 p. [in Russian]

Orlov, 1980 – Orlov, V.N. (1980). Gamayun. Zhizn' Aleksandra Bloka [Gamayun. The life of Alexander Blok]. Leningrad. 728 p. [in Russian]

Politika i poetika..., 2014 – Politika i poetika: russkaya literatura v istoriko-kul'turnom kontekste Pervoi mirovoi voyny. Publikatsii, issledovaniya i materialy ([Politics and Poetics: Russian Literature in the Historical and Cultural context of the First World War. Publications, research and materials]. Moscow, 2014. 880 p. [in Russian]

Sarychev, 2017 – Sarychev, V.A. (2017). Fenomen russkogo modernizma: Religiya. Estetika. Tvorcheskaya zhizn' [The phenomenon of Russian Modernism: Religion. Aesthetics. Creative life]. M. 704 p. [in Russian]

Идейно-духовная парадигма общественной деятельности З.Н. Гиппиус в контексте эпохи Серебряного века

Татьяна Владимировна Грязнухина ^a, Александр Григорьевич Грязнухин ^{a, *}, Иван Алексеевич Пфаненштиль ^a, Татьяна Валерьевна Счастливая ^a

^a Сибирский федеральный университет, Российская Федерация

Аннотация. Общественная деятельность, особенности мировоззрения Зинаиды Гиппиус, ее влияние на формирование сознания русской интеллигенции рубежа XIX–XX веков являются основным предметом исследования данной статьи. Исследование базируется на использовании первоисточников: дневников, воспоминаний, мемуаров, писем, статей как самой Гиппиус, так и ее современников. Сравнительный анализ источников дал возможность с наибольшей степенью объективности составить представление об общественно-политических процессах, происходивших в России, и роли Гиппиус в них. Дано обоснование причин неудачи религиозно-философской деятельности З. Гиппиус и ее ближайших сподвижников в лице Д. Мережковского и Д. Filosofova. Идея осуществления «Главного», которая заключалась в создании модернизированной церкви на основе формирования нового религиозного сознания, не нашла отклика у современников. Личностные качества Гиппиус: завышенная самооценка собственной персоны, фанатичная убежденность в истинности собственных идей, которые на деле оказались ложными, уверенность в том, что необходимость распространения этих идей дает ей право распоряжаться судьбами людей, подчиняя их своей воле, – отталкивали от нее даже ее сторонников. Многочисленные контакты с представителями разных слоев населения помогали Гиппиус верно оценивать общественно-политическую ситуацию в стране и выработать к ней свое отношение. Учитывая авторитет Гиппиус и влияние в среде русской интеллигенции, несколько не преувеличивая при этом результатов ее общественной деятельности, можно с уверенностью сказать, что она внесла вполне определенный вклад в формирование общественного сознания, что делает ее личность интересной и для наших современников.

Ключевые слова: З.Н. Гиппиус, Д.С. Мережковский, интеллигенция, Россия, культура, революция, Серебряный век.

---

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: tag-kras@mail.ru (Т.В. Грязнухина), agagag@mail.ru (А.Г. Грязнухин), IPfanenshtil@sfu-kras.ru (И.А. Пфаненштиль), trizhenkova@sfu-kras.ru (Т.В. Счастливая)

Copyright © 2023 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2023. 18(2): 936-946
 DOI: 10.13187/bg.2023.2.936

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Journals of Vyatka Seminarians of 1905–1907: Verbal and Visual Content of Socio-Political Protest

Ekaterina V. Bykova ^{a, *}, Viacheslav A. Pozdeev ^{a, b}

^a Vyatka state university, Russian Federation

^b FIC "Komi Scientific Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences", Russian Federation

Abstract

The article is an analysis of satirical journals published by Vyatka seminarians during the years of the First Russian Revolution; they are a historical source that reflects the social mood of the student youth of those years. The basis for the study of sources was handwritten journals of Vyatka seminarians distributed on a hectograph, materials from all-Russian and regional periodicals, documents characterizing the learning process at the Vyatka Theological Seminary. The analysis of the studied materials that arose in the seminarian environment during the period of censorship restriction and ideological pluralism turned out to be quite promising in identifying the features of the formation of the worldview of young people. The studied illustrative material (first of all, cartoons) made it possible to identify the specifics of reflection and self-reflection of Russian youth (on the example of seminarian students) of the revolutionary era. The authors come to the conclusion that the socio-political protest of Vyatka seminarians, vividly presented on the pages of their satirical publications, was the result of objective social processes. In addition to the revolutionary events, factors such as the outdated system of training and education of seminarians, the predominance of spiritual literature in the educational process, the edifying tone of teaching, disregard for the views and personal position of the seminarian also played a role. Texts and caricatures in hectographic publications testify to the influence of the Social democratic press on seminarians, as well as well-known satirical publications in Russia. The materials involved allow us to state that the protest moods of the students were strong in the Vyatka Theological Seminary, expressed both in the spread of nihilism and unbelief, and in the involvement of some of the pupils in the revolutionary movement.

Keywords: Vyatka seminarians, theological seminary, the First Russian Revolution, journal's graphics, caricature, hectograph, freedom of speech, visual content.

1. Введение

Антропология визуальности продолжает оставаться динамично развивающимся направлением социально-гуманитарного знания. Активно используется ее методология в исторических исследованиях. Такой ракурс научного поиска позволяет по-новому представить общественные настроения, стереотипы, социокультурные доминанты того или иного исторического периода. Особый интерес представляет изучение нарративных письменных источников, в том числе изобразительных (плакаты, народный лубок, журнальная карикатура и др.) при анализе общественных настроений в переходные периоды времени. Первая российская революция 1905–1907 гг. является одним из таких переломных этапов. Немаловажную роль в формировании протестных настроений в те годы играла учащая молодежь, в том числе студенты духовных семинарий. Одним из очагов подобных настроений стала Вятская духовная семинария. Воспользовавшись установленной свободой слова и печати, вятские семинаристы организовали

* Corresponding author

E-mail addresses: ev2_74@mail.ru (E.V. Bykova)

издание распространяемых на гектографе сатирических журналов «С натуры», «Хулиган», «Осколки» и др. Издания были снабжены карикатурами, в том числе политического содержания. Взаимодействие текста и изображения оказывало сильное впечатление на читателя, учитывая степень радикальности лозунгов и требований семинаристов.

Актуальность исследования обусловлена изучением новых материалов (журналы вятских семинаристов революционного периода), предпринятой попыткой реконструкции протестных настроений студенчества на основе изучения данных источников, выявлением взаимосвязи вербального и визуального контентов сатирической студенческой периодики. Анализ документальных материалов в различных социальных, конфессиональных и культурных слоях общества, в частности в семинаристской среде, в период ограничения цензуры и идеологического плюрализма является достаточно перспективным и показывает особенности формирования мировосприятия молодежи.

Предмет исследования – сатирические рукописные, размноженные на гектографе журналы, выпускаемые оппозиционно настроенными учащимися Вятской духовной семинарии в 1905–1907 гг.

Задачи исследования: выявить внутренние (образовательно-воспитательная система семинарии) и внешние (революционные процессы и вызванные ими изменения) условия формирования социально-политического протеста студентов Вятской духовной семинарии; реконструировать протестные настроения вятских семинаристов на основе анализа текстового и изобразительного компонентов выпускаемых ими сатирических журналов; рассмотреть вербально-визуальный контент этих изданий как отражение общественно-политической позиции семинаристского студенчества.

2. Материалы и методы

Источниковую базу исследования составляют:

1) архивные материалы, хранящиеся в Центральном государственном архиве Кировской области (ЦГАКО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 76, 269, 270). Это сатирические журналы, выпускаемые оппозиционно настроенными студентами Вятской духовной семинарии. Имеются ввиду журналы, которые выпускала редакция «веселые друзья», которые выходили под различными названиями: «С натуры», «Хулиган», «Осколки», «Пробуждение», «Мысли»;

2) материалы российской и региональной вятской газетной и журнальной периодики. Прежде всего, это газеты «Вятские губернские ведомости», «Вятские епархиальные ведомости», журнал «Вятский вестник». В них отражены данные о восприятии светскими и духовными властями губернии протестных настроений и акций семинаристов, а также выпуски общероссийских сатирических журналов «Будильник», «Бурелом», «Вампир», «Гвоздь», «Девятый вал» (находятся в Коллекции периодических изданий начала XX в. Кировской областной научной библиотеке им. А.И. Герцена), доступ к которым имели и семинаристы;

3) каталоги библиотеки Вятской духовной семинарии. Эти источники дают возможность реконструировать мировосприятие молодых семинаристов, особенности обучения и формирования личности и гражданской позиции через образовательный процесс.

Исследование основано на базовом для исторического познания принципе историзма. Он позволил учесть особенности рассматриваемого периода – Первой российской революции. Вербальный и визуальный контент журналов, выпускаемых вятскими семинаристами, изучается в контексте революционного социально-политического процесса. Протестные настроения семинаристского студенчества, отраженные на страницах журналов, трактуются как следствие внутренних (особенности воспитательной системы духовной семинарии), так и внешних (политические изменения в стране) условий.

В ходе исследования использовались специально-исторические методы. Историко-генетический метод использовался при выявлении логики развития протестных настроений студенчества, отраженных на страницах их журнальной периодики. Сравнительно-исторический метод был нацелен на выявление общего и особенного в содержании журналов вятских семинаристов и общероссийских сатирических изданий тех лет (журналы «Будильник», «Бурелом» и др.). Историко-типологический метод позволил выявить главные особенности студенческого (шире – молодежного) социально-политического протеста, его отличия от настроений других социальных групп тогдашнего российского общества.

Для реализации исследовательских задач также был использован методологический инструментарий, основу которого составил социокультурный метод. Он позволил рассматривать социально-политическую и духовную сферы личности через мировосприятие семинаристов, в какой-то мере представленное на страницах рукописных журналов.

Изучение журналов семинаристов проводилось в историко-культурном контексте с использованием хронологического и тематического анализа источников. Противоречивый мир светского и религиозного находит воплощение не только в литературном творчестве, но и в фольклоре. В них отражаются мировоззренческие установки молодого поколения. Так, творчество семинаристов, как городской страты, можно считать пограничной ситуацией: их произведения

функционируют как устные жанры в книжной традиции и печатного слова. Связь фольклора и литературы у семинаристов отражает эстетику «третьей культуры» (Поздеев, 2011). Следует также отметить, что карикатуры имеют, помимо прочего, историко-художественную ценность и в контексте рефлексии и саморефлексии различных социальных групп, особенно в условиях переломных общественных процессов (Голиков, 2011). Поэтому анализ вербального и визуального нарратива в контексте изучения исторических событий позволяет выявить степень тревожности и активности участия, особенности идеологических установок отдельных индивидов и социальных групп.

3. Обсуждение

Анализ социокультурных и исторических проблем самодеятельной журналистики в учебных заведениях начала XX века вызывает интерес историков и филологов в контексте рассматриваемых вопросов от формирования мировоззрения и социализации учащихся до техники тиражирования (Балашова, 2007; Леонтьева, 2016; Лярский, 2013; Есипова, 2020). В 1920-е гг. в советской историографии происходит осмысление революционных событий, в том числе такого явления, как рукописные издания 1905–1907 гг. и их сатирическое наполнение (Богословский, 1925; Боцяновский, Голербах, 1925). В 1960–1990-е гг. в исследовании этого феномена рассматриваются историко-педагогические аспекты деятельности учащихся (Крайнева, 1980). Как явление нарратива в революционной среде с точки зрения синтеза фольклора и литературы изучались такими авторами как В.А. Поздеев, Е.С. Сони́на (Поздеев, 2001; Поздеев 2011; Сони́на, 2021). В изучении мировосприятия провинциальных гимназистов в начале XX века А.И. Еремин провел анализ рукописных гимназических журналов «Школьные досуги» и сделал вывод, что на формирование «мировосприятия гимназистов оказали влияние идеи и образы из художественной литературы, более всего интересовала система среднего образования в России, а менее всего – внутривосточные вопросы» (Еремин, 2013: 18). Как показал анализ содержания журналов Вятской духовной семинарии, учащиеся на страницах своих изданий отражали актуальные политические события и давали оценку им, выражая свое протестное настроение.

Одним из важных аспектов ученических журналов является их оформление и карикатуры на страницах рукописей. К этим аспектам обращались искусствоведы (Дульский, 1922; Павлов, 2002; Быкова, Валова, 2017; Мараховская, 2021).

Рукописные журналы семинаристов являются уникальными историческими источниками по своему содержанию и поликультурным явлением, которое ярко характеризует протестное настроение молодежи в текстовом и визуальном выражении через периодические издания, тиражированные на ректографе.

4. Результаты

В семинаристском обучении с XVIII века большое внимание уделяли книжной культуре, чтению, сочинительству, что способствовало формированию устной традиции и специфической ученической культуре. Программа шести классов семинарии включала: Толкование Священного Писания Ветхого и Нового Заветов, общую и русскую церковную историю, догматику, этику, практическое пастырское богословие, гомилетику, литургику, русскую литературу и историю литературы, светскую историю, математику (алгебру, геометрию, тригонометрию), физику и основы космографии, философию (логику, обзор философских систем), психологию, педагогику, языки: латынь, греческий, французский, немецкий, церковное пение (Вятские епархиальные ведомости, 1906: 33).

Жизнь семинариста условно можно поделить на две части: первая – вольная, несмотря на то, что проходила в строгих рамках закрытого воспитательного учреждения, вторая часть – после семинарии, регламентированная церковными правилами, социальными нормами жизни. Многие оставались от начальной системы образования, например, использование зубржки. При этом, с точки зрения общеобразовательной подготовки, семинария оставалась на высоте. Обучение строилось таким образом, что оно давало прочные знания и одновременно прививало навыки систематического и серьезного умственного труда. Обязательные по всем предметам и во всех классах сочинения развивали умение логически и грамматически правильно излагать свои мысли, давали возможность литературного и научного творчества. Семинарский регламент предполагал воспитание добродетели, смирения, подчинения, всепрощения в строго предписанных формах. Так, появился феномен антиповедения как своеобразной реакции на данную систему воспитания и отражение такого поведения в фольклоре, в рукописном и изобразительном творчестве. Наибольший провал ощущался в постановке воспитательной работы. Об этом говорилось на съезде духовенства Вятской епархии, указывавшем на «упадок идейной постановки учебно-воспитательного дела в семинарии» (Протоколы, 1905: 204).

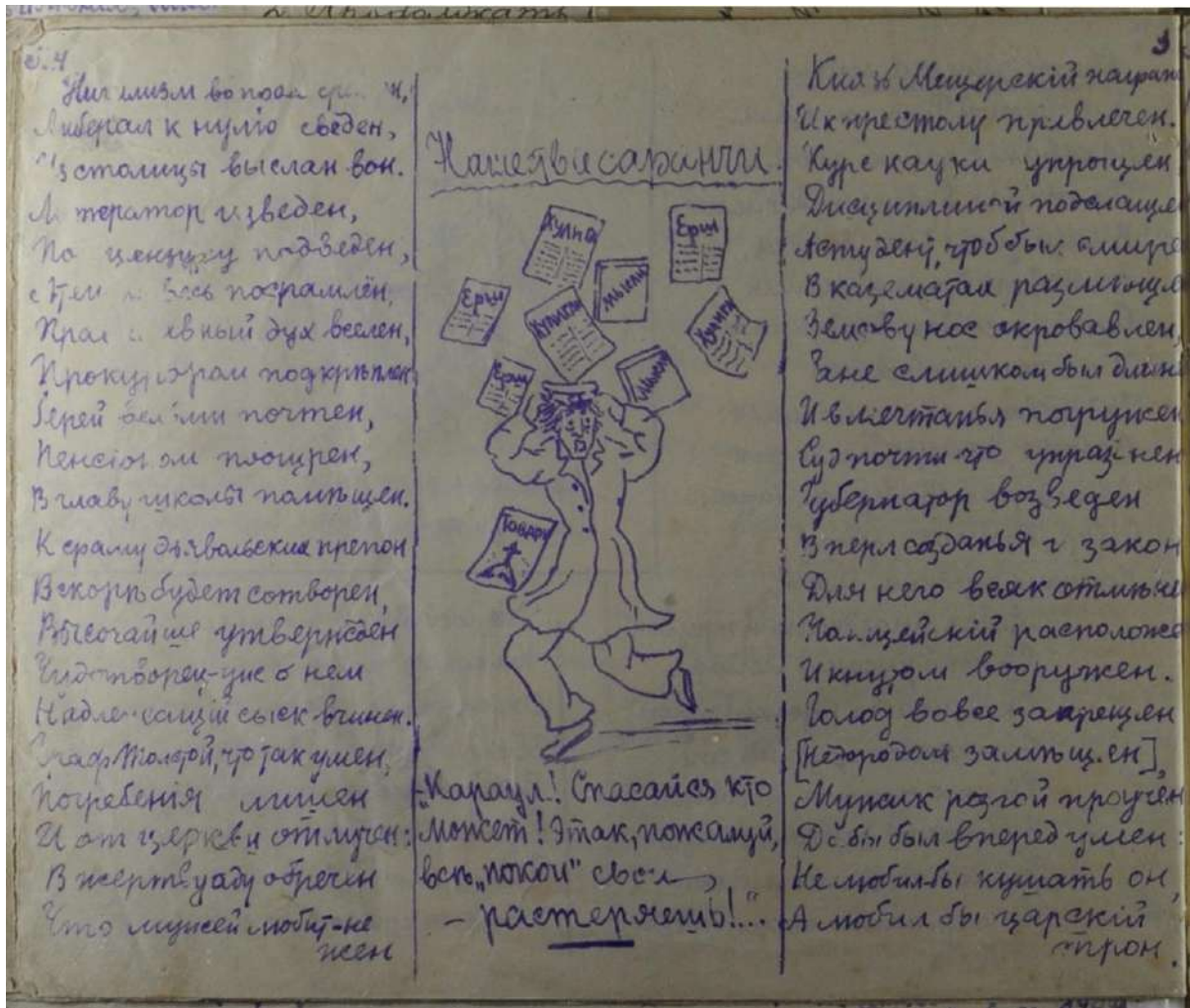
Воспитательная система семинарии была самым уязвимым местом в организации учебного процесса. Весь педагогический коллектив семинарии и уклад жизни, обстановка должны были воспитывать учащихся. В результате сложилось разделение на учителей и персонал воспитателей, он состоял из ректора, инспектора, помощника инспектора и 2–3 надзирателей. На них приходилось

более 400 воспитанников, из которых почти 90 % жили в семинарском общежитии. Несколько надзирателей должны были наблюдать за всеми, кто живет в общежитии, а также за теми, кто квартировался в городе. Таким образом, система воспитания была формальной, о чем свидетельствуют отчеты по учебно-воспитательной работе, в которых выставлены следующие оценки по поведению: 284 человек – «отлично», 101 – «очень хорошо». Вызывающие какую-либо тревогу в отношении поведения – нет. Воспитательная система Вятской духовной семинарии была неспособна противостоять внутренним разрушительным процессам, чему способствовало внешнее влияние, которое обрело в юношах подготовленную почву для формирования революционных и нигилистических настроений. В учебном заведении существовала жесткая дисциплина, воспринимаемая частью семинаристов как проявление полицейско-карательного режима и вызывавшая соответствующую реакцию. Б.В. Титлинов, выпускник Вятской духовной семинарии, обновленец, впоследствии историк, поддержавший советскую власть, писал: «Отсюда уже легко было прийти к революционным выводам. Революционные выводы подсказывались, конечно, семинарской молодежи и со стороны. Революционные партии, вербовавшие своих членов среди молодого поколения, не могли не обратить внимания на семинаристов. Ученики семинарий по своему возрасту и развитию представлялись весьма подходящим элементом для привлечения их к революционному течению. А жившее в семинарской среде глухое недовольство своим положением делало их чрезвычайно восприимчивым материалом для революционной агитации» (Титлинов, 1924: 13-14).

Через месяц после начала революции начались забастовки учащихся отдельных духовных академий и семинарий. 16–19 июня 1905 г. во Владимире состоялся первый съезд представителей духовных семинарий. В нем приняли участие 9 школ, в том числе и Вятская духовная семинария. Съезд высказался за перестройку учебно-воспитательного дела. Участники съезда договорились об организации петиционной компании: все семинарии должны были одновременно подавать петиции со своими требованиями местному начальству для дальнейшего препровождения в Синод, а затем начать забастовку до полного их удовлетворения. Предполагалось, что все семинарии страны будут закрыты к Рождеству Христову 1906 г. Как отклик на Манифест 17 октября 1905 г., семинаристами был создан Манифест от имени «отца ректора Вятской Духовной Семинарии», в котором изложены антиклерикальные сатирические мотивы и мечта семинаристов о преобразованиях в семинарии. Текст Манифеста помещен в журнале «Хулиган» от 20 марта 1906 г. Начало революционных событий известно со слов отца одного из вятских семинаристов, к которому неожиданно среди учебного полугодия вернулся сын. До 11 октября занятия шли как обычно, в тот день на имя одного семинариста пришло воззвание из Воронежской семинарии к вятским товарищам «присоединиться забастовкою к другим забастовавшим семинаристам... К воззванию была приложена, из какого-то темного источника, образцовая петиция для подачи таковой от имени вятских семинаристов высшему начальству» (Вятский вестник, 1905: 2). Вятские семинаристы приступили к обсуждению вопроса, как устроить забастовку. В течение четырех дней шли собрания, последнее продолжалось весь день, были сорваны занятия. Семинаристы-забастовщики вышли на страницы местной печати, опубликовав анонимное письмо «Голос сыновей». Письмо начинается с упрека в адрес дедов и отцов священников за раболепство перед начальством, за то, что появление собственного мнения они считали вторым падением. «Но можно ли нас, детей винить в том, что мы не хотим признавать такого порядка, думаем по-своему и не желаем менять своего мнения на чечевичную похлебку?... Нет! Тысячу раз нет! Новые птицы – новые песни... Пусть мы еще несовершеннолетние, что из этого? Пора оставить старозаветные воззрения, что «седина есть мудрость человека». Пусть наши отцы жили больше нашего, но что касается стороны идейной, то мы им не уступим... Мы не хотим, чтобы в нас убивали живую мысль и делали из нас «человека в футляре»... Нет, дорогие папаши, обмануть нас вам не удастся! Уже одно то, каковы вы сами, нам в достаточной степени говорит, что мы не должны идти по вашим следам. Мы сами пробьем себе дорогу и пойдем по ней так, как нам будет лучше и удобней». Авторы письма требовали пересмотреть учебный план семинарии: «Мы хотим, чтобы головы набивали не пасхалиями, библейскими историями, гомилетиками и схоластичностью богословских наук, а живыми знаниями, которые бы были светочем в нашей последующей жизни» (Вятский вестник, 1905: 3). Письмо заканчивалось скрытой угрозой к педагогам и родителям: лучше поддержать забастовщиков, ни на какие уступки они не пойдут. К тому времени в стране бастовало 43 семинарии. Активно отстаивал интересы семинаристов на съезде преподаватель семинарии, обновленец А.А. Рукин. Он был посвящен в планы семинаристов и заранее призвал к «сердечному отношению» к учащимся. На пути семинарской вольницы встала непреодолимая преграда: жесткую, разумно консервативную позицию занял епископ Вятский и Слободской Филарет. Владыка отказался принять логику революционной целесообразности, которую навязывали ему забастовщики и поддерживающие их, и встал на точку зрения закона церковного и государственного. Владыка согласился с рядом пунктов, касающихся разрядных списков, правил поведения, с датой возобновления занятий. По целому ряду пунктов предписал провести дополнительное обсуждение, при необходимости обращаться в Учебный комитет, так как они выходят за пределы действующего Устава Духовных семинарий. С некоторыми пунктами он категорически не согласился. В частности,

«по 5 п. согласен относительно устройства литературных чтений, но с предварительным одобрением тем педагогическим собранием и с неперменным присутствием на чтениях ректора или инспектора».

На Высочайший Манифест 17 октября 1905 г., по которому даровали населению гражданские свободы: свободы совести, слова, собраний и союзов, откликом было издание газет левой направленности «Вятская жизнь», «Вятская речь», а также рукописных иллюстрированных журналов в учебных заведениях. Местные периодические издания начала XX века подробно освещали события, происходившие в духовной семинарии, накануне и во время Первой революции в России. В газете «Вятская жизнь» подробно освещали события, происходившие в учебных заведениях Вятки и других уездных городах, в том числе внимание уделялось происшествиям в Вятской духовной семинарии. В газете «Вятская жизнь» стали выпускать сатирическую «газету в газете» «Крутогорский ерш», которая оказала большое влияние на рукописные журналы семинаристов.

Рис. 1. «Нашествие саранчи». Журнал «Хулиган». Гектограф. 1906. Вятка (ЦГАКО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 269. Л. 50об.)

О влиянии периодической печати была сделана карикатура в журнале «Хулиган» – «Нашествие саранчи», в которой представлен обыватель, который отбивается от «саранчи» в виде журналов «Ерш», «Хулиган», «Мысли», «Товарищ» (Рисунок 1). К иллюстрации имеется объяснение: «Караул! Спасайся кто может! Этак, пожалуй, все «покои» свои растеряешь!» (ЦГАКО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 269. Л. 50об.). Краткая надпись объясняет смысловое содержание изображения, подчеркивая значение периодических рукописных журналов на формирование мировосприятия семинаристов.

В январе 1905 г. в Вятской духовной семинарии был основан кружок, члены которого выступали за создание «свободной школы в свободном государстве», т. е. за смену государственного устройства и семинарского режима. Решившие издавать журнал учащиеся семинарии создали редколлегию – «веселые друзья», наполнили редакционный портфель актуальными материалами, позаботились о выпуске тиража. В 1906 году появились журналы вятской духовной семинарии под различными названиями: «С натуры», «Хулиган», «Осколки», «Пробуждение», «Мысли», «Произвол» и газета «Товарищ». Журналы имели революционный настрой. Они выходили в рукописном виде, позже печатались на гектографе. Журналы выполнены в стиле традиционного

периодического издания: имеют обложку с указанием названия, номер и даты выхода в свет, оглавление, нумерацию страниц, также информацию о цене номера и тираже. В журналах были обращение к читателям, актуальные рубрики, тексты с иллюстрациями, карикатуры, объявления. По объему журналы семинаристов были от 12 до 36 страниц, общий объем, хранящийся в ЦГАКО, – 156 страниц. Тиражи по тем временам были небольшие, но распространялись среди семинаристов, учащихся других учебных заведений Вятки. Журналы выходили без строгой периодичности, о чем в шуточной форме сообщила редколлегия – «не периодический семинар. орган».

Рис. 2. Обложка журнала «С природы». Гектограф. 1906. Вятка (ЦГАКО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 76. Л. 1)

На обложке с изображением черта журнала «С природы» (Рисунок 2) было обозначено, что «юмористический, сатирический, отчасти политический, но не бюрократический» (ЦГАКО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 269. Л. 40). Семинаристы использовали псевдонимы – «Вятич», «издатель Неллодим», «Комар», «один из многих», «Омега», «Свет через солнце», «Товарищ», «Чингис-Хан». Обращает на себя внимание грамотность авторов и переписчиков, владение публицистическим и литературным словом, знание основ стихосложения. Содержание журналов свидетельствует о хорошей осведомленности семинаристов в общественно-политической жизни страны и отражает российскую действительность начала XX в. Главным проводником революционных и либеральных идей была интеллигенция и учащаяся молодежь. Этот процесс сопровождался снижением религиозности воспитанников духовных семинарий.

Специфические формы художественного строя карикатуры в семинаристских журналах и образных начал тесно связаны с социальными условиями. Избранные авторами темы, структура журнала и материалы представляют собой мозаику разных культурных пространств микро- и макроконтэкстов, пересекающихся в содержании от царской власти и правительства до местных событий в г. Вятки и семинарии. Карикатуры «Выборы в Государственную Думу» (ЦГАКО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 270. Л. 214об.), «Дума в гостях у правительства» (ЦГАКО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 270. Л. 23об.), «Русское правительство за границей и дома» (ЦГАКО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 269. Л. 74об.) показывают реакцию семинаристов на революционную ситуацию в стране. Композиция разделена на три смысловых части и представляет три сюжета, которые подписаны «За границей», «Дома», «Свобода собраний». Отношение к революционным событиям находило место на страницах журнала. Самостоятельные изображения отражали политическую ситуацию в стране. Например, на странице помещен юмористический комикс о Русском правительстве. Лист поделен на три части. Представлено русское правительство за границей в виде нищего попрошайки, с подписью внизу: «Подайте Христа ради 400 миллиончиков». Дома Российское правительство представлено как

разбойник, грабивший народ. Внизу подпись: «Кошелек или жизнь». Внизу, как своеобразный итог такой политики, полицейский разгоняет столкновения, вверху надпись: «Свобода собраний», внизу: «Толпа разоидись!». Образная интерпретация российского правительства в сатирических образах показывает отношение семинаристов к происходящему в стране. Стилистика изображения соответствует модным тенденциям журнальной графики того времени.

В карикатурах преобладает насмешка через грубые и даже вульгарные образы. В поисках идеологической аллегии в рисунке «Самодержавие на ножах» (ЦГАКО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 76. Л. 560б.) художник изобразил царя Николая II, сидящего на ножах, с подписанными лезвиями: «соц. демократы, революционеры, крестьяне, учащиеся, пролетариат». Семинаристы наряду с академическими стали выдвигать политические требования, придя к выводу, что изменить систему образования возможно лишь изменив политический строй. Протестное отношение к монархической идеологии, самодержавию усиливается сатирическим отношением к многовековым устоям со стороны различных слоев населения, объясняется происхождением многих семинаристов из малоимущих семей и влиянием революционных социал-демократических партий в молодежной среде.

В журналах появлялись заметки о волнениях в солдатской среде, о тюремном заключении простого солдата, о казни лейтенанта Шмидта, о волнениях в Москве и Санкт-Петербурге. О событиях Вятской губернии была открыта рубрика «Наши места», в которой оповещали об убийстве местного социал-демократа В.А. Горбачева, о Вятском епископе Филарете, его антиреволюционной борьбе, запретах в собраниях и свободном чтении в стенах духовной семинарии. 9 марта 1906 года семинаристы обратились к ректору с просьбой отслужить панихиду по лейтенанту П.П. Шмидту. Ректор не взял на себя ответственности отказать и обратился к владыке. Еп. Филарет панихиду не разрешил. Отношение к еп. Филарету саркастически определили в заметке «Сон семинариста»: «Мне снилось кладбище... Кресты деревянные, мраморные, чугунные, тянулись без конца... Вдруг мое внимание привлекла одна новенькая плита, но привлекла она не новизной своей... сбоку жирными буквами было начертано...». Рисунок надгробной плиты с восьмиконечным крестом и подписью «Прах еп. Филарета/ «Здесь нашел даровую квартиру/ Муж злокачествен, подл и плешив,/ Он оставил в наследие миру/ Образцовых доносов архив» (ЦГАКО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 269. Л. 6).

В середине января 1906 г. занятия в семинарии возобновились. Администрация семинарии не смогла занять решительную и однозначную позицию. С одной стороны, ректор пытался увещевать воспитанников не входить в конфликт с правящим архиереем по вопросу о собраниях семинаристов, на что они ответили своей решимостью «устраивать их впредь» (Вятские епархиальные ведомости, 1906: 19). С другой стороны, часть педагогического коллектива во главе с А.А. Рукиным высказывали симпатию и поддержку действиям бунтующих учеников. Журнал «Хулиган» выходил как экстренный выпуск и был посвящен «знаменитому представителю хулиганства» – поросенку. Изображение «веселых друзей» с лицами довольных свиней сопровождается комментарием «Говорят «ополоски»: довольны хрю-хрю!/ Для нас ополоски убойная подходящая материя. Хрю-хрю!... Му? ...» (ЦГАКО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 270. Л. 2150б.). Изображение антропоморфных существ с головами свиней часто встречается в карикатурных изображениях газетно-журнальной периодики в начале XX в. и придает оскорбительный характер изображению. На страницах журналов в сатирической форме обличались увлечения молодежи, такие как игра в карты на деньги и прочие азартные развлечения, осуждались любители посещать питейные заведения, на карикатуре «Чрезвычайная ресторанный охрана» с надписью: «Теперича без охраны невозможно: уж больно много «дармоедов» из ваших братьев семинаров развелось. Допрежь обыщем: есть деньги – всего дадим, нет – по шеям дадим!» (ЦГАКО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 270. Л. 2150б.). Как отмечает Л.Н. Мараховская, журналистика периода 1905–1907 гг. «в своем устремлении против реакции и произвола незаметно очутилась – по крайней мере, в области карикатуры – в самом настоящем рабстве, в рабстве у того ограниченного круга политических тем и обличительных настроений, которые, за редким исключением, не шли дальше «персональной издевки» (Мараховская, 2021: 160). Нигилизм в молодежной среде обусловлен социальными процессами и жесткой цензурой, которые его породили.

В иллюстрации «На семинарской кухне» показана многофигурная композиция, как кусок мяса разделяют на столе под присмотром начальства и семинариста. «Оригинал рис. Я. Копировал Z». Проблема качественного питания в духовной семинарии поднималась на собраниях и вызывала недовольство учащихся и родителей. Попечительский совет семинарии этот вопрос взял под особый контроль. Такой контроль высмеивается в карикатуре (ЦГАКО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 270. Л. 2150б.).

1 мая 1906 г. семинаристы решили отметить праздник трудового рабочего класса. Вечером с 9 часов в корпусах и в саду началось пение «свободных песен». Около 100 человек, в основном из младших классов, ходили с пением по двору. Потом появилось несколько флагов и зажглись бенгальские огни. Несмотря на уговоры ректора и инспектора, демонстрация не прекратилась. 2 мая состоялось экстренное педагогическое собрание. Правление предупредило учеников о необходимости соблюдать правила жизни семинаристов. Но для них это ничего не значило. Закончился учебный год, осенью 1906 года руководство семинарии стало рассылать некоторым родителям уведомления о том, что их дети учатся плохо, и если родители не повлияют на них, они будут исключены. Между тем, семинаристы продолжали идти на обострение ситуации. 25–27 декабря 1906 г. в Москве состоялся

III семинарский съезд. Председателем съезда был избран вятский семинарист Н.Д. Кривошеин. В политическом плане решено во всех политических выступлениях поддерживать социалистические партии, противостоять черносотенной агитации со стороны духовенства, дать возможность социалистическим партиям работать в стенах Духовных семинарий, путем бойкота и террористических актов выживать из семинарий преподавателей и начальствующих из монахов. 12–13 января 1907 г. семинаристы провели свое собрание, на котором Кривошеин дал отчет о своей поездке на общесеминарский съезд в Москву и предложил организовать местную организацию Всероссийского семинарского союза. В нее пожелали вступить 333 воспитанника. Был избран местный комитет из 12 человек, два редактора журнала местной организации, два организатора-пропагандиста – социал-демократа и социал-революционера – для составления пропагандистской коллегии, цель которой – выработать «политически развитых и сознательных граждан», три почетных члена в центральной комитет.

Журналы предназначались для открытого распространения среди сверстников, что во многом определило особенности их содержания и бытования. Использование рукописных журналов в качестве источника изучения мировосприятия семинаристов в контексте исторических событий и революционных настроений в 1905–1907 гг. расширяет базу данных и позволяет сделать реконструкцию событий того времени и отношения к ним в молодежной среде. Русская революция 1905–1907 гг. создала условия глубокой трансформации общественного сознания, радикальные изменения ценностных ориентаций и установок привели к росту недоверия к правительству и проводимой им политике.

5. Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать следующее заключение. Общественные настроения периода Первой российской революции нашли свое воплощение и на страницах рукописных журналов семинаристов города Вятки. Они проявляются как в наивном повторении общераспространенных революционных идей, так и в более осознанном формировании собственной позиции по вопросам политической ситуации в стране. Анализ материалов свидетельствует, что студенческая молодежь активно участвовала в событиях революции и была хорошо знакома с революционной периодической печатью, в т. ч. и социал-демократического направления. Учащиеся Вятской духовной семинарии поддерживали Всероссийский союз семинаристов и требовали перемен в управлении и обучении в духовной семинарии, а также изменений в обществе, вплоть до свержения монархии. Визуальный и вербальный материал позволил воссоздать духовную атмосферу Вятской семинарии по журнальным источникам и периодической печати. Графическое сатирическое изображение усиливало эмоциональное восприятие политических событий и давало им подчас радикальную оценку. Карикатура самостоятельно, метко и красноречиво клеймит все, что заслуживает бичевания, это острота впечатлений без разъяснений воспроизводимого мотива. Изобразительный материал представляет художественную и смысловую ценность, делая рукописный журнал привлекательным для читателя.

Социально-политический протест вятских семинаристов, ярко представленный на страницах их сатирических изданий, стал следствием объективных общественных процессов. Революционные события, либерализация государственного строя, бурная партийная деятельность, всеобщие мечты о свободе, равенстве и справедливости – все это можно считать внешними условиями формирования оппозиционных настроений студенчества. Но не меньшую роль играли и условия внутренние: устаревшая система обучения и воспитания семинаристов, преобладание в учебном процессе литературы духовного содержания, назидательный тон преподавания, пренебрежение взглядами и личной позицией семинариста. В результате, немалый процент российской учащейся молодежи выступил носителем оппозиционных настроений, заметно укрепил социальную базу революции. Студенческий, молодежный протест имел свои особенности в сравнении с другими социальными группами. Это ярко выраженный максимализм, радикализм, превалирование героико-романтических порывов над рациональным анализом обстановки, жертвенность. Все эти аспекты мировосприятия молодых вятских семинаристов донесли до нас их сатирические журналы.

6. Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00908 «Визуальный контент в современных конфессиональных общинах России», <https://rscf.ru/project/23-28-00908/>.

Литература

Балашова, 2007 – Балашова Ю.Б. Школьная журналистика Серебряного века. СПб.: Изд-во С.-Петербурга, ун-та, 2007. 114 с.

Богословский, 1925 – Богословский П.С. О журналах пермских учащихся недавнего прошлого // Кунгурско-Красноуфимский край. 1925. № 8-10.

- Боцяновский, Голербах, 1925** – *Боцяновский В., Голербах Э.* Русская сатира первой революции 1905–1906. Л.: ГИЗ, 1925. 221 с.
- Быкова, Валова, 2017** – *Быкова Е.В., Валова О.М.* Синтез слова и изображения в художественном оформлении Вятского молодежного журнала «Конкордия» // *Жизнь провинции: История и современность*. Нижний Новгород: Издательство «Книги», 2017. С. 76-81.
- Вятский вестник, 1905** – *Вятский вестник*, 1905. № 242.
- Вятские епархиальные ведомости, 1906** – *Вятские епархиальные ведомости*, 1906. № 3-4 (отд. офиц.).
- Голиков, 2011** – *Голиков А.Г.* Проблемы источниковедческого изучения политической карикатуры (вторая половина XIX – начало XX в.) // *Вестник Моск. ун-та. Серия 8: История*. 2011. № 4. С. 51-71.
- Дульский, 1922** – *Дульский П.* Графика сатирических журналов 1905–1907 гг. Казань: Татгосиздат, 1922. 104 с.
- Еремин, 2013** – *Еремин А.И.* Мировосприятие провинциальных гимназистов в начале XX в. (по материалам рукописного журнала «Школьные досуги») // *Вестник РГГУ. Сер. Исторические науки. История России*. 2013. № 10(111). С. 18-43.
- Есипова, 2020** – *Есипова В.А.* Технические аспекты печати сибирских самодеятельных журналов учащихся в конце XIX – начале XX в. // *Коммуникативная культура: история и современность*. Новосибирск: Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, 2020. С. 207-212.
- Крайнева, 1980** – *Крайнева Н.И.* Рукописные журналы и газеты XIX – 1-й четверти XX вв. // *Проблемы источниковедческого изучения рукописных и старопечатных фондов: сб. научн. тр.* Л., 1980. Вып. 2. С. 51-62.
- Леонтьева, 2016** – *Леонтьева Т.Г.* Учебный процесс в духовных семинариях России XIX века по воспоминаниям выпускников // *Вестник Тверского государственного университета. Серия: История*. 2016. № 3. С. 4-16.
- Лярский, 2013** – *Лярский А.Б.* Школьные рукописные журналы и газеты конца XIX – начала XX века как фактор социализации // *Вестник Перм. ун-та. Сер. История*. 2013. Вып. 2(22). С. 117-125.
- Мараховская, 2021** – *Мараховская Л.Н.* Особенности русской политической сатиры 1905–1906 гг. // *Теория и история искусства*. 2021. № 3-4. С. 159-183.
- Мраморнов, 2007** – *Мраморнов А.И.* Духовная семинария в России начала XX века. Кризис и возможности его преодоления. Саратов: «Научная книга». 2007. 433 с.
- Павлов, 2002** – *Павлов Г.Н.* Оружия любимейшего род. М.: «Сварог и К», 2002. 96 с.
- Поздеев, 2001** – *Поздеев В.А.* Рукописные журналы семинаристов начала XX века // *Живая старина*. 2001. № 4. С. 19-22.
- Поздеев, 2011** – *Поздеев В.А.* Семинаристы в русской литературе XIX – начале XX в. Киров: Изд-во ВятГУ, 2011. 123 с.
- Протоколы, 1905** – *Протоколы и журналы съезда духовенства Вятской епархии за 1905 год*. Вятка, 1905. 310 с.
- Сонина, 2021** – *Сонина Е.С.* Литературный канон в русской газетно-журнальной карикатуре конца XIX – начала XX века // *Galactica Media: Journal of Media Studies*. 2021. Т. 3. № 3. С. 122-150.
- Сушко, 1996** – *Сушко А.В.* Духовные семинарии в России (до 1917 г.) // *Вопросы истории*. 1996. № 11/12. С. 107-114.
- Титлинов, 1924** – *Титлинов Б.В.* Молодежь и революция. Из истории революционного движения среди учащейся молодежи духовных и средних учебных заведений. 1860–1905. Л., 1924. 166 с.
- ЦГАКО** – Центральный государственный архив Кировской области.

References

- Balashova, 2007** – *Balashova, Iu.B.* (2007). Shkol'naiia zhurnalistika Serebriannogo veka [School journalism of the Silver Age]. SPb.: Izd-vo S.-Peterb.un-ta. 114 p. [in Russian]
- Botsianovskii, Golerbakh, 1925** – *Botsianovskii, V., Golerbakh, E.* (1925). Russkaia satira pervoi revoliutsii 1905–1906 [Russian Satire of the First Revolution 1905-1906]. L.: GIZ. 221 p. [in Russian]
- Bykova, Valova, 2017** – *Bykova, E.V., Valova, O.M.* (2017). Sintez slova i izobrazheniia v khudozhestvennom oformlenii Viatskogo molodezhnogo zhurnala «Konkordiiia» [Synthesis of words and images in the artistic design of the Vyatka youth magazine «Concordia»]. *Zhizn' provintsii: Istoriia i souremennost'*: Nizhnii Novgorod: Izdatel'stvo «Knigi». Pp. 76-81. [in Russian]
- Dul'skii, 1922** – *Dul'skii, P.* (1922). Grafika satiricheskikh zhurnalov 1905–1907 gg. Graphics of satirical magazines 1905–1907 [Graphics of satirical journals of 1905–1907]. Kazan. 104 p. [in Russian]
- Eremin, 2013** – *Eremin, A.I.* (2013). Mirovospriiatie provintsial'nykh gimnazistov v nachale XX v. (po materialam rukopisnogo zhurnala «Shkol'nye dosugi»). *Vestnik RGGU. Ser. Istoricheskie nauki. Istoriia Rossii*. 10(111): 18-43. [in Russian]
- Esipova, 2020** – *Esipova, V.A.* (2020). Tekhnicheskie aspekty pechati sibirskikh samodeyatel'nykh zhurnalov uchashchikhsya v kontse XIX – nachale XX v. [Technical aspects of printing Siberian magazines of

students in the late XIX – early XX century]. *Kommunikativnaya kul'tura: istoriya i sovremennost'*. Novosibirsk: Novosibirskij natsional'nyj issledovatel'skij gosudarstvennyj universitet. Pp. 207-212. [in Russian]

Golikov, 2011 – *Golikov, A.G.* (2011). Problemy istochnikovedcheskogo izucheniia politicheskoi karikatury (vtoraia polovina XIX – nachalo XX v.) [Problems of the source study of political caricature (the second half of the XIX – the beginning of the XX centuries)]. *Vestnik Mosk. un-ta. Seriya 8: Istoriiia*. 4: 51-71. [in Russian]

Kraïneva, 1980 – *Kraïneva, N.I.* (1980). Rukopisnye zhurnaly i gazety XIX – 1-i chetverti XX vv. [Handwritten magazines and newspapers of the XIX – 1st quarter of the XX centuries]. *Problemy istochnikovedcheskogo izucheniia rukopisnykh i staropechatnykh fondov: sb. nauchn. tr. L. 2*: 51-62. [in Russian]

Leont'eva, 2016 – *Leont'eva, T.G.* (2016). Uchebnyi protsess v dukhovnykh seminariakh Rossii XIX veka po vospominaniiam vypusknikov [The educational process in the theological seminaries of Russia of the XIX century according to the memoirs of graduates]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriiia*. 3: 4-16. [in Russian]

Liarskii, 2013 – *Liarskii, A.B.* (2013). Shkol'nye rukopisnye zhurnaly i gazety kontsa XIX – nachala XX veka kak faktor sotsializatsii [School handwritten magazines and newspapers of the late XIX – early XX centuries as a factor of socialization]. *Vestn. Perm. un-ta. Ser. Istoriiia*. 2(22): 117-125. [in Russian]

Marakhovskaia, 2021 – *Marakhovskaia, L.N.* (2021). Osobennosti russkoi politicheskoi satiry 1905–1906 gg. [Features of Russian political satire of 1905–1906]. *Teoriia i istoriiia iskusstva*. 3-4: 159-183. [in Russian]

Mramornov, 2007 – *Mramornov, A.I.* (2007). Dukhovnaia seminariia v Rossii nachala XX veka. Krizis i vozmozhnosti ego preodoleniia [Theological seminary in Russia at the beginning of the twentieth century. The crisis and the possibilities of overcoming it]. Saratov: «Nauchnaia kniga». 433 p. [in Russian]

Pavlov, 2002 – *Pavlov, G.N.* (2002). Oruzhiia liubimeishego rod [Weapons of the most beloved kind]. M.: «Svarog i K». 96 p. [in Russian]

Pozdeev, 2001 – *Pozdeev, V.A.* (2001). Rukopisnye zhurnaly seminaristov nachala XX veka [Handwritten journals of seminarians of the early twentieth century]. *Zhivaiia starina*. 4: 19-22. [in Russian]

Pozdeev, 2011 – *Pozdeev, V.A.* (2011). Seminaristy v russkoi literature XIX – nachale XX v. [Seminarians in Russian Literature of the XIX – early XX centuries]. Kirov: Izd-vo ViatGU. 123 p. [in Russian]

Protokoly, 1905 – Protokoly i zhurnaly s"ezda dukhovenstva Vyatskoi eparkhii za 1905 god [Protocols and journals of the Congress of the clergy of the Vyatka Diocese for 1905]. Vyatka, 1905. 114 p. [in Russian]

Sonina, 2021 – *Sonina, E.S.* (2021). Literaturnyi kanon v russkoi gazetno-zhurnal'noi karikature kontsa XIX – nachala XX veka [Literary canon in the Russian newspaper and magazine caricature of the late XIX – early XX century]. *Galactica Media: Journal of Media Studies*. 3(3):122-150. [in Russian]

Sushko, 1996 – *Sushko, A.V.* (1996). Dukhovnye seminarii v Rossii (do 1917 g.) [Theological seminaries in Russia (before 1917)]. *Voprosy istorii*. 11/12. Pp. 107-114. [in Russian]

Titlinov, 1924 – *Titlinov, B.V.* (1924). Molodezh' i revoliutsiia. Iz istorii revoliutsionnogo dvizheniia sredi uchashcheisia molodezhi dukhovnykh i srednikh uchebnykh zavedenii. 1860–1905 [Youth and revolution. From the history of the revolutionary movement among students of spiritual and secondary educational institutions. 1860–1905]. L., 166 p. [in Russian]

TsGAKO – Tsentral'nyi arkhiv Kirovskoi oblasti [Central State Archive of the Kirov region].

Viatskii vestnik, 1905 – *Viatskii vestnik* (1905). 242. [in Russian]

Viatskie eparkhial'nye vedomosti, 1906 – *Viatskie eparkhial'nye vedomosti* (1906). 3-4 (otd. ofits.). [in Russian]

Журналы вятских семинаристов 1905–1907 гг.:

вербальный и визуальный контент социально-политического протеста

Екатерина Васильевна Быкова ^{a, *}, Вячеслав Алексеевич Поздеев ^{a, b}

^a Вятский государственный университет, Российская Федерация

^b ФИЦ «Коми научный центр УрО РАН», Российская Федерация

Аннотация. Статья представляет собой анализ сатирических журналов, издававшихся вятскими семинаристами в годы Первой российской революции, как исторического источника, отражающего общественные настроения учащейся молодежи тех лет. Источниковую базу исследования составили распространяемые на гектографе рукописные журналы вятских семинаристов, материалы общероссийской и региональной периодики, документы, характеризующие процесс обучения в Вятской духовной семинарии. Анализ исследованных материалов, возникших в семинаристской среде в период

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: ev2_74@mail.ru (Е.В. Быкова)

ограничения цензуры и идеологического плюрализма, оказался достаточно перспективным при выявлении особенностей формирования мировосприятия молодежи. Изученный иллюстративный материал (прежде всего, карикатуры) позволил выявить специфику рефлексии и саморефлексии российской молодежи (на примере семинаристского студенчества) революционной поры. Авторы приходят к выводам, что социально-политический протест вятских семинаристов, ярко представленный на страницах их сатирических изданий, стал следствием объективных общественных процессов. Помимо революционных событий свою роль сыграли и такие факторы как устаревшая система обучения и воспитания семинаристов, преобладание в учебном процессе литературы духовного содержания, назидательный тон преподавания, пренебрежение взглядами и личной позицией семинариста. Тексты и карикатуры в гектографических изданиях свидетельствуют о влиянии социал-демократической печати на семинаристов, а также известных сатирических изданий в России. Привлеченные материалы позволяют констатировать, что в Вятской духовной семинарии были сильны протестные настроения учащихся, выражавшиеся как в распространении нигилизма и неверия, так и в вовлечении части воспитанников в революционное движение.

Ключевые слова: вятские семинаристы, духовная семинария, Первая русская революция, журнальная графика, карикатура, гектограф, свобода слова, визуальный контент.

Copyright © 2023 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2023. 18(2): 947-954
 DOI: 10.13187/bg.2023.2.947

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Problematic Aspects of the Interaction between the civil and Military Authorities of Moscow during the Suppression of the December uprising of 1905

Stanislav E. Prokofiev ^{a, *}, Pavel S. Seleznev ^a, Konstantin V. Simonov ^a, Daniel V. Petrosyants ^a

^a Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Abstract

This work is devoted to the study of key problems in the interaction between the civil and military authorities of Moscow during the suppression of the December uprising of 1905. security and order under the Moscow mayor, stored in the State Archive of the Russian Federation and the Russian State Military Historical Archive.

The methodological basis of the work includes elements of structural, synchronic and diachronic analysis. The authors come to the conclusion that the strategies for responding to the threat of an armed uprising of both the civil administration and the military command contained a number of significant miscalculations, and in the relationship between them there was a lack of trust in many significant moments. Under these conditions, the direct subordination of parts of the Moscow garrison to the governor-general would hardly have led to an optimization of the actions of government forces to suppress the armed uprising. This measure would bring the expected effect only with a concomitant increase in the number of military units, as well as the establishment of undercover police work at the proper level and ensuring the effective operation of communication systems. At the same time, responsibility for the indicated shortcomings cannot be assigned primarily to F.V. Dubasov. The latter was appointed to the post of Governor-General of Moscow only at the end of November 1905 and objectively had neither the resources nor the authority to eliminate the indicated shortcomings, at least within the framework of his competence.

Keywords: revolution, 1905, Moscow, police, gendarmerie, rallies, riots, civil authorities, governor-general, army, Moscow military district.

1. Введение

Декабрьское восстание в Москве является одним из кульминационных событий революции 1905 г. Однако объективная оценка связанных с ним событий остается достаточно сложной задачей для исследователей, обусловленной тем, что сам характер взаимодействия между основными действующими силами со стороны властей остается относительно слабо изученным. Ситуацию усугубляет наличие историографических мифов, введенных в научный оборот как за счет заимствования элементов нарративных источников, так и в результате некритического восприятия отдельных делопроизводственных документов и материалов личного происхождения. Сочетание этих факторов способствует тиражированию в рамках научной и научно-популярной литературы дискурсивных рамок, искажающих картину событий декабрьского восстания 1905 г.

2. Материалы и методы

Источниковая база работы была сформирована преимущественно за счет привлечения не опубликованных ранее делопроизводственных документов, отложившихся в фондах

* Corresponding author

E-mail addresses: SEProkofev@fa.ru (S.E. Prokofiev), PSeleznev@fa.ru (P.S. Seleznev), KVSimonov@fa.ru (K.V. Simonov), DVPetrosyants@fa.ru (D.V. Petrosyants)

Государственного архива Российской Федерации (Москва, Российская Федерация) и Российского государственного военно-исторического архива (Москва, Российская Федерация). В том числе были использованы материалы фондов штаба Московского военного округа, Департамента полиции Министерства внутренних дел Российской империи и Отделения по охране общественной безопасности и порядка при московском градоначальнике. Помимо того, для написания исследования привлекались источники личного происхождения.

Методологическая основа работы выстроена путем системного сочетания элементов трех разновидностей анализа – структурного, синхронного и диахронного. Использование структурного анализа позволило реконструировать систему мер, направленных на подавление восстания, и вычленив в ней функциональные роли гражданских и военных структур. Синхронный анализ позволил сопоставить и увязать между собой протекавшие одновременно процессы, в то время как применение диахронного – позволило проследить развитие наблюдаемых явлений.

3. Обсуждение

В рамках дореволюционной историографии вопрос о взаимодействии гражданских и военных властей в рамках подавления декабрьского восстания исследовался преимущественно в ключе выявления персональной ответственности политиков и генералов за конкретные репрессивные акции и оценки обоснованности использования против них террористических методов (Берман, 1913; Гредескул, 1912).

Исследователи советского периода концентрировали внимание на взаимодействии с гражданской администрацией Москвы конкретных подразделений. При этом наблюдался четкий уклон в сторону обоснования коллективной ответственности военного руководства и гражданских властей за эксцессы, позиционируемые в качестве результата целенаправленных действий высшей бюрократии (Ерошкин, 1952; Кальманович, 1928; Мицкевич, 1940; Панкратов, Поляков, 1965; Панкратова, 1951; Ростов, 1926; Сторожев, 1920; Таратута, 1925; Чебарин, 1953; Черномордик, 1926).

В современный период были предприняты попытки комплексной оценки системы взаимодействия гражданской администрации и руководства войск Московского гарнизона, а также реконструкции механизмов их кооперации. Однако исследователи так и не пришли к консенсусу по заявленной теме. При этом в отдельных работах фиксируется влияние на оценку роли того или иного исторического деятеля симпатии или антипатии со стороны исследователя (Алмазов, 2020; Ананьич, Ганелин, 2000; Варфоломеев, 2008; Гурьев, 2014; Овченко, 2012).

4. Результаты

Оценивая систему взаимодействия гражданской администрации и военного руководства в рамках подавления революционного движения в Москве в 1905 г., в первую очередь необходимо обратиться к позиции, выраженной одним из основных участников соответствующих событий по итогам разгрома декабрьского восстания.

Еще в конце декабря 1905 г. генерал-губернатор Москвы Ф.В. Дубасов обратился к императору с докладной запиской, в которой поставил под сомнение целесообразность существующей системы взаимодействия армейских частей с гражданской администрацией. По мнению генерал-губернатора, его полномочия не должны были формально ограничиваться призывом войск для подавления беспорядков. Ф.В. Дубасов подчеркивал, что фактически был вынужден взять на себя управление войсками вопреки отсутствию соответствующих полномочий. Одновременно генерал-губернатор настаивал, что предотвращение угрозы революционных выступлений в будущем обязательно потребует концентрации высших гражданских и военных полномочий в старой столице в его руках, что предполагало, в том числе, необходимость подчинения руководителю гражданской администрации и командования Московского военного округа (ГАРФ. Ф. 63. Оп. 48. Д. 23. Л. 34-35).

Описанные выводы основывались отнюдь не только на политических амбициях Ф.В. Дубасова. В их основе лежал реальный опыт. Однако генерал-губернатор все же частично упрощал реальную картину событий, умалчивая об обстоятельствах, свидетельствовавших скорее в пользу сохранения автономии военного командования.

После того как в Москве было введено положение чрезвычайной охраны, генерал-губернатор обрел положение главноначальствующего, что предполагало заметное расширение круга его прав. В частности, глава гражданской администрации получал возможность формировать с целью поддержки подразделений полиции особые военно-полицейские команды и по своему усмотрению направлять уголовные дела на рассмотрение военного суда. Но в то же время генерал-губернатор не обладал правами главнокомандующего армейскими подразделениями на вверенной ему территории: даже в военное время для этого требовалось особое разрешение императора. Соответственно, даже в ранге главноначальствующего руководитель гражданской администрации не мог по своему усмотрению распоряжаться войсками (ГАРФ. Ф. 102. 2-е д-во. Оп. 61. Д. 32. Ч. 2. Л. 51-53).

Наиболее значимым следствием отказа властей от принципа единоначалия в рамках подавления революционных беспорядков стали ошибки в сфере планирования. Еще в октябре–ноябре 1905 г. руководством Московского военного округа был составлен план развертывания войск

гарнизона в столице на случай начала массовых беспорядков, в соответствии с которым вся территория старой столицы разделялась на три зоны: первая – включала в себя территорию от Москвы-реки в районе между Александровским садом и Крымским мостом, Садовой и Тверской улицами; вторая – охватывала районы между Садовой, Мясницкой, Никольской и Тверскими улицами; границы третьей – проходили по улицам Мясницкой и Садово-Черногрязевской, а также берегу Москвы-реки между Устьинским мостом и Кремлем (РГВИА. Ф. 1606. Оп. 1. Д. 386. Л. 2-5).

Внутри этих зон войска московского гарнизона должны были занять объекты, ключевые с точки зрения логистики, а также обеспечения экономической стабильности и целостности системы государственного правления. К их числу относились крупные мосты, площади и ворота, здания почтамтов и пункты телефонной связи, вокзалы и банки. При этом большая часть войск концентрировалась в центре Москвы. В рабочих районах старой столицы присутствие сил гарнизона, как предполагалось, будет лишь символическим. Данная модель развертывания представляется вполне логичной, если бы речь шла о необходимости исключительно разгона митингов и подавления забастовок. Однако она не была рассчитана на противодействие революционерам в ходе вооруженного восстания (Алмазов, 2020: 57; Караев, 1953: 61).

В результате вне зоны развертывания войск оказались важнейшие очаги революционного движения в Москве: городской парк конно-железных дорог, фабрика Цинделя, Курская и Казанская железные дороги и Миусская площадь. Отсутствие в этих районах воинских подразделений впоследствии способствовало тому, что на соответствующих территориях столкновения с боевиками продолжались даже после поражения основных сил восставших. Курская и Казанская железные дороги в итоге стали доступны правительственным войскам лишь в последние дни восстания (Бобровская, 1924: 39; Гурьев, 2014: 72; Козлинина, 1913: 142).

Показательно и то, что в плане развертывания сил гарнизона отсутствовали пункты, касающиеся взятия, охраны и уничтожения баррикад, в результате чего уже в период вооруженного восстания между военными, полицейскими и пожарными возникали постоянные трения о том, кто должен заниматься разбором и сожжением баррикад либо их охраной до прибытия команд уничтожения. В результате успешные операции по захвату баррикад зачастую не приносили значимой пользы: революционеры по ночам возвращались на отбитые у них днем укрепления и ремонтировали их (Галкин, 1996: 117; РГВИА. Ф. 1606. Оп. 1. Д. 386. Л. 35-38).

Разработка данного плана осуществлялась исключительно сотрудниками штаба Московского военного округа, без консультаций с представителями гражданских властей, следствием чего во многом стало использование ошибочных вводных. Как уже было отмечено, принимавшие участие в разработке воинского расписания специалисты исходили из того, что войскам придется иметь дело с противником в лице бастующих рабочих, что допускало возможность как раздробления отрядов на малые группы, так и отсутствия значимых сил в местах концентрации и выдвижения вооруженных групп мятежников (Брачев, 2002: 121; Буренин, 1961: 55-56; РГВИА. Ф. 1606. Оп. 1. Д. 575. Л. 70-71).

Оценка перспектив развития беспорядков, сделанная представителями армии, заметно отличалась от выводов аппарата генерал-губернатора, сотрудники которого в первых числах декабря 1905 г. ожидали радикализации революционеров и начала полноценных вооруженных выступлений.

Издержки ограничений в отношении полномочий гражданского главноначальника четко проявились и в ходе вызова в столицу войск гарнизона после начала всеобщей стачки 7 декабря. Тогда руководству воинских подразделений было дано право использовать против участников беспорядков оружие без санкции гражданских властей, что фактически подразумевало передачу военным формированиям функций полиции. Но это решение вполне закономерно не повлекло за собой стабилизации ситуации (ГАРФ. Ф. 63. Оп. 47. Д. 21. Л. 45; Новицкий, 1991: 75).

Во-первых, как уже было отмечено выше, подразделения войск на местах оказались крайне малочисленными, что заметно сократило их боевые возможности и в то же время минимизировало психологический эффект от присутствия войск в городе. Во-вторых, негативные эффекты от малочисленности войск налагались на существенные проблемы со связью и сбором информации о действиях революционеров. В делопроизводственных документах частей гарнизона отмечается, что командовавшие воинскими подразделениями офицеры зачастую не могли дозвониться друг до друга, а в телефонных депешах появлялись ошибки. Проблемы со связью в итоге приводили к возникновению ситуаций, когда отдельные подразделения теряли связь с командованием и их командиры были вынуждены действовать вне рамок полученных инструкций. Так, 8 декабря командир подразделений, занимавших Николаевский вокзал, есаул Е.Г. Герасимов был вынужден самостоятельно принять решение о переводе зоны вблизи Каланчевской площади на военное положение. Аналогичным образом уже в период активной фазы боев в Москве (14 декабря) командование Ростовского полка было вынуждено самостоятельно принимать решение о штурме баррикад в районе Каретного ряда и 4-й Мещанской улицы из-за отсутствия связи с вышестоящим руководством (Кальманович, 1928: 91; Островитянинов, 1967: 212; РГВИА. Ф. 1606. Оп. 1. Д. 575. Л. 97).

При этом революционеры активно пользовались ограниченностью ресурсов полицейского аппарата столицы с целью организации информационных диверсий. В частности, активно распространялись ложные слухи относительно организации митингов и маршрутов движения их

участников. Следствием этого стало падение доверия военного руководства к сообщениям гражданских властей (Звездов, 1925: 34; РГВИА. Ф. 1606. Оп. 1. Д. 575. Л. 85; Ростов, 1926: 97).

Усугубляли ситуацию попытки вмешательства в планирование мероприятий по подавлению беспорядков со стороны крупного бизнеса. Появление даже незначительной угрозы его имуществу или даже слухов о ее появлении влекло за собой поток обращений с просьбой выделить вооруженную охрану. При этом численность затребованных предпринимателями подразделений зачастую мало отличалась от общего количества митингующих (РГВИА. Ф. 1606. Оп. 1. Д. 575. Л. 79).

Как результат, получили распространение две деструктивные тенденции. С одной стороны, военные команды на местах начали игнорировать сообщения, поступающие по линии аппарата генерал-губернатора и руководства московской полиции, и ориентироваться преимущественно на сигналы местных приставов, т.е. наблюдалась фактическая децентрализация борьбы с революционными беспорядками. С другой стороны, многие офицеры из руководства Московского военного округа перешли к избирательному формату реагирования на сигналы о беспорядках: просьбы, оцениваемые ими как избыточные, оставались без удовлетворения. Более того, имелись случаи, когда командиры подразделений препятствовали отправке воинских команд к назначенным им местам дислокации. Также имели место эпизоды, когда штаб-офицеры обращались к командованию с просьбой подтвердить распоряжение, если полученный приказ был передан через сотрудника полиции (ГАРФ. Ф. 102. 2-е д-во. Оп. 62. Д. 41. Ч. 2. Л. 7-8; ГАРФ. Ф. 102. ДП. 4-е д-во. 1905. Оп. 316. Д. 2586. Л. 19, 28).

Естественным следствием этого стала как эскалация насилия в ходе дальнейших действий революционеров (вылившаяся в открытое вооруженное восстание), так и потребность привлечь для его подавления воинские подразделения из Санкт-Петербурга. В последнем случае необходимо подчеркнуть, что Ф.В. Дубасов начал добиваться отправки подкреплений в столицу еще 7 декабря (ГАРФ. Ф. 63. Оп. 47. Д. 23. Л. 57).

Впрочем, необходимо отметить, что зачастую отказ представителей войск Московского военного округа выполнять требования гражданской администрации имел под собой объективные основания. В первую очередь необходимо акцентировать внимание на том, что силы московского гарнизона (и без того изначально немногочисленные) были существенно подорваны проводившейся осенью демобилизацией и предшествовавшей этому отправкой наиболее боеспособных подразделений на Дальний Восток.

К началу восстания каждый из входивших в московский гарнизон пехотных полков был способен выделить на подавление беспорядков только по 3–4 роты. Таким образом, в пределах города командование могло оперировать менее чем 40 ротами неполного состава. Когда 10 декабря части гарнизона были разделены на охранные подразделения, общая численность мобильных частей и резерва насчитывала лишь около 2,2 тыс. человек. Для охраны Кремля, где дислоцировался центр управления операцией по подавлению беспорядков, были выделены лишь 3 роты (или приблизительно 150 человек) (РГВИА. Ф. 1606. Оп. 1. Д. 386, 388, 575–576; Черномордик, 1926: 204–205).

Нехватку личного состава, пригодного для участия в операциях по подавлению беспорядков, усугубляло сохранение в структуре армейских подразделений значительного небоевого элемента: часть солдат исполняла исключительно функции прислуги для офицеров, была занята на выпечке хлеба, исполняла обязанности представителей низшей бюрократии и т.д. (РГВИА. Ф. 1606. Оп. 1. Д. 386. Л. 202).

Конечно, следует учитывать, что в распоряжении правительственных войск находились 18 орудий и 24 пулемета. Однако они были приданы достаточно небольшому количеству подразделений, а транспортировка элементов тяжелого вооружения и боеприпасов по охваченному восстанием городу была сопряжена со значительными затруднениями. Кроме того, участники восстания достаточно быстро отказались от тактики организованного сопротивления войскам большими группами на основе укрепленных позиций. Вместо этого в городе начали действовать небольшие «летучие отряды» вооруженных стрелковым оружием боевиков, действовавших по принципу «ударь и беги», что в значительной степени нивелировало преимущество правительственных войск в виде наличия артиллерии (Дейч, 1926: 83; Засулич, 1931: 112).

Как следствие, острый дефицит личного состава в войсках гарнизона сохранялся вплоть до прибытия подкреплений из Санкт-Петербурга. В ходе боев с революционерами проблема вполне ожидаемо усугубилась: причиной стали не столько потери в результате боевых действий, сколько переутомление в сочетании с плохо организованным материальным обеспечением, что было связано как с во многом волонтаристским характером используемой генерал-губернатором модели управления, так и с низким качеством организации поддерживающих мероприятий в отношении войск со стороны гражданской администрации.

Одна и та же воинская часть могла быть использована сразу несколько раз для разгона толп в разных локациях, что в том числе вынуждало военное командование дробить подразделения. Так, 7 декабря половина 1-го эскадрона.

1-го лейб-драгунского Московского полка, первоначально занимавшая позицию возле завода Гивартовского, была отправлена в район фабрики Цинделя, затем затребована на фабрику Афыенко,

после чего подразделение было развернуто уже на Кузнецкой улице. В то же время вторая половина эскадрона действовала на фабрике Абрикосова. Одновременно половина личного состава 2-го эскадрона была развернута возле фабрики Симоно, в то время как прочая часть подразделения действовала возле Голутвинской мануфактуры (ГАРФ. Ф. 102. ДП. ОО. 1905. Оп. 233 а. Д. 1350. Ч. 26. Л. 53; РГВИА. Ф. 1606. Оп. 1. Д. 575. Л. 85, 89).

При этом и-за отсутствия регламентации процесса пребывания военнослужащих в наряде его продолжительность могла достигать нескольких суток. Зачастую солдаты и унтер-офицеры были вынуждены ночевать в сараях, на складах или в пустых товарных вагонах. Несмотря на то, что на представителей полиции были возложены обязательства по снабжению воинских команд продовольствием, их члены зачастую были вынуждены покупать продукты и дрова за счет собственных средств и готовить еду на улице (ГАРФ. Ф. 63. Оп. 25. Д. 797. Т. II. Л. 43-45; РГВИА. Ф. 1606. Оп. 1. Д. 386. Л. 45).

Важно отметить и то, что доверие к командованию Московского военного округа зачастую подрывала непоследовательность действий со стороны гражданской администрации, создававшая организационный хаос. Так, 9 декабря в соответствии с совместным решением гражданской и военной администрации было принято решение о развертывании в Москве всех войск гарнизона на основании утвержденных в ноябре планов. Однако вскоре после того, как войска были оповещены о новом приказе, в части начала поступать информация об его отмене, причиной стало то, что к градоначальнику Г.П. фон Медему стали поступать слухи о скоплении большой массы митингующих в Лефортово. Градоначальник не посчитал необходимым перепроверить эту информацию (оказавшуюся ложной) и сумел переубедить военное руководство перенаправить основные силы армейских подразделений в Лефортово (ГАРФ. Ф. 63. Оп. 25. Д. 912. Т. I. Л. 112; РГВИА. Ф. 1606. Оп. 1. Д. 386. Л. 81).

На низовом уровне взаимодействие между представителями армии и гражданской администрации (в первую очередь – в лице представителей полиции) выстраивалось, в силу отсутствия четкого регламента, во многом ситуативно. В одних случаях полицейские чины присоединяли воинские команды к своим подразделениям и за счет этого брали на себя управление небольшими группами военнослужащих. В частности, в одном из районов Лефортовской части под командованием местного пристава оказались казаки 1-го Донского полка (ГАРФ. Ф. 63. Оп. 25. Д. 912. Т. I. Л. 234, 236; РГВИА. Ф. 1606. Оп. 1. Д. 386. Л. 70). В рамках других эпизодов сами полицейские выступали в качестве сил поддержки армейских подразделений (как, например, при освобождении драгунами 12 декабря типографии Сытина) (РГВИА. Ф. 1606. Оп. 1. Д. 575 Л. 88). В некоторых случаях участие полиции ограничивалось либо исключительно вызовом воинского наряда на место событий, либо указанием целей для воинских подразделений (в том числе – для артиллерии). Также на полицейских, наряду с пожарными, возлагалась задача по ликвидации отбитых у участников восстания баррикад (ГАРФ. Ф. 63. Оп. 25. Д. 785. Л. 471; РГВИА. Ф. 1606. Оп. 1. Д. 386. Л. 75).

При этом необходимо признать, что в отдельных случаях как представители армии, так и полицейские игнорировали свои обязанности в рамках разделения функций. Так, 11 декабря представители армейского командования проигнорировали сообщение пристава одного из участков Арбатской части Москвы относительно строительства баррикад в Скарятинском переулке и на Кудринской площади. Равным образом были оставлены без внимания неоднократные сигналы полицейских из Лефортовской части о появлении укреплений восставших на Краснопрудной улице (РГВИА. Ф. 1606. Оп. 1. Д. 575. Л. 88). В то же время полицейские регулярно не выполняли распоряжения о ликвидации захваченных баррикад (РГВИА. Ф. 1606. Оп. 1. Д. 386. Л. 2090б.-210, 213-214).

Отдельного внимания заслуживает вопрос о том, приходилось ли Ф.В. Дубасову брать на себя прямое управление войсками в ходе подавления восстания. Несмотря на соответствующие заявления, сделанные генерал-губернатором в докладной записке императору, делопроизводственные материалы штаба Московского военного округа свидетельствуют о минимальной роли Ф.В. Дубасова в планировании и реализации операций. Их разработка и организация осуществлялись преимущественно генерал-квартирмейстером штаба Московского военного округа С.М. Шейдеманом под контролем начальника штаба округа Е.А. Рауш фон Траубенберга (РГВИА. Ф. 1606. Оп. 1. Д. 575. Л. 84).

5. Заключение

Таким образом, стратегии реагирования на угрозу вооруженного восстания как гражданской администрации, так и военного командования содержали в себе целый ряд значимых просчетов, а во взаимоотношениях между ними наблюдался дефицит доверия во многих значимых моментах. В этих условиях прямое подчинение частей московского гарнизона генерал-губернатору вряд ли привело бы к оптимизации действий правительственных формирований по подавлению вооруженного восстания. Эта мера принесла бы ожидаемый эффект лишь при сопутствующем увеличении численности воинских подразделений, а также налаживании на должном уровне агентурной работы полиции и обеспечении эффективной работы систем связи.

При этом ответственность за обозначенные недостатки не может быть возложена преимущественно на Ф.В. Дубасова, так как он был назначен на пост генерал-губернатора Москвы

лишь в конце ноября 1905 г. и объективно не имел ни ресурсов, ни полномочий, чтобы устранить эти недостатки хотя бы в рамках своей компетенции.

Литература

- Алмазов, 2020 – Алмазов М.Г. Ф.В. Дубасов и подавление Декабрьского восстания в Москве // *Российская история*. 2020. № 1. С. 51-74.
- Ананьич, Ганелин, 2000 – Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш. Сергей Юльевич Витте и его время. СПб., 2000.
- Берман, 1913 – Берман Я. Влияние социально-правового и экономического фактора на государственную преступность // *Право*. 1913. № 33. С. 1912-1914.
- Бобровская, 1924 – Бобровская Ц. Записки рядового подпольщика (1894–1914). М., 1924.
- Брачев, 2002 – Брачев В.С. Мастера политического сыска дореволюционной России. СПб., 2002.
- Буренин, 1961 – Буренин Н.Е. Памятные годы. Воспоминания. Л., 1961.
- Варфоломеев, 2008 – Варфоломеев Ю.В. «Русский способ»: Феномен революционного терроризма в России начала XX в. // *Российский исторический журнал*. 2008. № 2. С. 3-51.
- Галкин, 1996 – Галкин В.В. Царская тайная полиция в борьбе с революционным движением в России (1880–1910 гг.). М., 1996.
- ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации.
- Головков, 2005 – Головков Г.З. Бунт по-русски: палачи и жертвы: Рандеву с революцией 1905–1907 гг. М., 2005.
- Гредескул, 1912 – Гредескул Н.А. Террор и охранка. СПб., 1912.
- Гурьев, 2014 – Гурьев В.И. Московская полиция 1881–1917 гг. СПб., 2014.
- Дейч, 1926 – Дейч Л.Г. Провокаторы и террор. По личным воспоминаниям. Тула, 1926.
- Ерошкин, 1952 – Ерошкин Н.П. Административно-полицейский аппарат / История Москвы. Т. 5. Период империализма и буржуазно-демократических революций. М., 1952. С. 663-675.
- Засулич, 1931 – Засулич В.Н. Воспоминания. М., 1931.
- Звездов, 1925 – Звездов А.А. Рядовой подпольщик в революции 1905 г. М., 1925.
- Кальманович, 1928 – Кальманович С.Е. Царская расправа. М., 1928.
- Караев, 1953 – Караев П.Н. В дооктябрьские годы. На партийной работе, в тюрьме и ссылке. М., 1953.
- Козлинина, 1913 – Козлинин Е.И. За полвека. 1862–1912 гг. (Пятьдесят лет в стенах суда). Воспоминания, очерки и характеристики. М., 1913.
- Мицкевич, 1940 – Мицкевич С.И. Революционная Москва. М., 1940.
- Новицкий, 1991 – Новицкий В.Д. Из воспоминаний жандарма. М., 1991.
- Овченко, 2012 – Овченко Ю.Ф. Безопасность империи: политический розыск – средство обеспечения безопасности Российского самодержавия (1880–1917 гг.). М., 2012.
- Островитянинов, 1967 – Островитянов К.В. Думы о прошлом (из истории первой российской революции, большевистского подполья и октябрьских боев против контрреволюции в Москве). М., 1967.
- Панкратов, Поляков, 1965 – Панкратов Н.Р., Поляков И.М. Военно-боевая работа большевиков 1903–1917 гг. М., 1965.
- Панкратова, 1951 – Панкратова А.М. Первая русская революция. 2-е изд. М., 1951.
- РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив.
- Сторожев, 1920 – Сторожев В.Н. Декабрьское вооруженное восстание (По архивным материалам) // *Декабрьское восстание в Москве 1905 г.* М., 1920. С. 109-114.
- Таратута, 1925 – Таратута В.К. 1905 год и Московское восстание. М., 1925.
- Хлобустов, 2000 – Хлобустов О.М. Большевики и терроризм в России. Большевики и политический терроризм в России // *Современный терроризм: состояние и перспективы*. М., 2000. С. 28-35.
- Чебарин, 1953 – Чебарин А.С. Москва в революции 1905–1907 гг. М., 1953.
- Черномордик, 1926 – Черномордик С.И. Московское вооруженное восстание в декабре 1905 года. М.-Л., 1926.

References

- Almazov, 2020 – Almazov, M.G. (2020). F.V. Dubasov i podavlenie Dekabr'skogo vosstaniya v Moskve [Dubasov and the suppression of the December uprising in Moscow]. *Rossiiskaya istoriya*. 1: 51-74. [in Russian]
- Anan'ich, Ganelin, 2000 – Anan'ich, B.V., Ganelin, R.Sh. (2000). Sergei Yul'evich Vitte i ego vremena [Sergei Yulievich Witte and his time]. SPb.[in Russian]
- Berman, 1913 – Berman, Ya. (1913). Vliyanie sotsial'no-pravovogo i ekonomicheskogo faktora na gosudarstvennyuyu prestupnost' [Influence of the socio-legal and economic factor on state crime]. *Pravo*. 33: 1912-1914. [in Russian]

- Bobrovskaya, 1924** – *Bobrovskaya, Ts.* (1924). Zapiski ryadovogo podpol'shchika (1894–1914) [Notes of an ordinary underground worker (1894–1914)]. M. [in Russian]
- Brachev, 2002** – *Brachev, V.S.* (2002). Mastera politicheskogo syska dorevolyutsionnoi Rossii [Masters of political investigation of pre-revolutionary Russia]. SPb. [in Russian]
- Burenin, 1961** – *Burenin, N.E.* (1961). Pamyatnyegody. Vospominaniya [Memorable Years. Memories]. L. [in Russian]
- Chebarin, 1953** – *Chebarin, A.S.* (1953). Moskva v revolyutsii 1905–1907 gg. [Moscow in the revolution of 1905–1907]. M. [in Russian]
- Chernomordik, 1926** – *Chernomordik, S.I.* (1926). Moskovskoe vooruzhennoe vosstanie v dekabre 1905 goda [Moscow armed uprising in December 1905]. M.; L. [in Russian]
- Deich, 1926** – *Deich, L.G.* (1926). Provokatory i terror. Po lichnym vospominaniyam. Tula [Provocateurs and terror. From personal memories]. [in Russian]
- Eroshkin, 1952** – *Eroshkin, N.P.* (1952). Administrativno-politseiskii apparat [Administrative and police apparatus]. Istoriya Moskvy. V. 5. Period imperializma i burzhuazno-demokraticheskikh revolyutsii. M. Pp. 663-675. [in Russian]
- Galkin, 1996** – *Galkin, V.V.* (1996). Tsarskaya tainaya politsiya v bor'be s revolyutsionnym dvizheniem v Rossii (1880–1910 gg.) [Tsarist secret police in the fight against the revolutionary movement in Russia (1880–1910)]. M. [in Russian]
- GARF** – Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii [State Archives of the Russian Federation].
- Golovkov, 2005** – *Golovkov, G.Z.* (2005). Bunt po-russki: palachi i zhertvy: Randevu s revolyutsiei 1905–1907 gg. [Revolt in Russian: Executioners and Victims: Rendezvous with the Revolution of 1905–1907]. M. [in Russian]
- Gredeskul, 1912** – *Gredeskul, N.A.* (1912). Terror i okhranka [Terror and secret police]. SPb. [in Russian]
- Gur'ev, 2014** – *Gur'ev, V.I.* (2014) Moskovskaya politsiya 1881–1917 gg. [Moscow police 1881–1917]. SPb. [in Russian]
- Kal'manovich, 1928** – *Kal'manovich, S.E.* (1928) Tsarskaya rasprava [Tsarist massacre]. M. [in Russian]
- Karavaev, 1953** – *Karavaev, P.N.* (1953). V dooktyabr'skie gody. Na partiinoirabote, v tyur'me i ssylke [Karavaev in the pre-October years]. M. [in Russian]
- Khlobustov, 2000** – *Khlobustov, O.M.* (2000). Bol'sheviki i terrorizm v Rossii. Bol'sheviki i politicheskii terrorizm v Rossii [Bolsheviks and terrorism in Russia. Bolsheviks and political terrorism in Russia]. *Sovremenniy terrorizm: sostoyanie i perspektivy*. M. Pp. 28-35. [in Russian]
- Kozlinina, 1913** – *Kozlinina, E.I.* (1913). Zapolveka. 1862–1912 gg. (Pyat'desyat let v stenakh suda). Vospominaniya, ocherki i kharakteristiki [For half a century. 1862–1912 (Fifty years in the walls of the court). Memories, Essays and Characteristics]. M. [in Russian]
- Mitskevich, 1940** – *Mitskevich, S.I.* (1940) Revolyutsionnaya Moskva [Revolutionary Moscow]. M. [in Russian]
- Novitskii, 1991** – *Novitskii, V.D.* (1991). Iz vospominanii zhandarma [Novitsky From the memoirs of a gendarme]. M. [in Russian]
- Ostrovityaninov, 1967** – *Ostrovityanov, K.V.* (1967). Dumy o proshlom (iz istorii pervoi rossiiskoi revolyutsii, bol'shevistskogo podpol'ya i oktyabr'skikh boev protiv kontrevolyutsii v Moskve) [Dumas about the past (from the history of the first Russian revolution, the Bolshevik underground and the October battles against the counter-revolution in Moscow)]. M. [in Russian]
- Ovchenko, 2012** – *Ovchenko, Yu.F.* (2012). Bezopasnost' imperii: politicheskii rozysk-sredstvo obespecheniya bezopasnosti Rossiiskogo samodержaviya (1880–1917 gg.) [The security of the empire: political search as a means of ensuring the security of the Russian autocracy]. M. [in Russian]
- Pankratov, Polyakov, 1965** – *Pankratov, N.R., Polyakov, I.M.* (1967) Voennoboevaya rabotabol'shevikov 1903-1917 gg. [Military combat work of the Bolsheviks 1903–1917]. M. [in Russian]
- Pankratova, 1951** – *Pankratova, A.M.* (1951). Pervaya russkaya revolyutsiya [The first Russian revolution]. 2-e izd. M. [in Russian]
- RGVIA** – Rossiiskii gosudarstvennyi voenno-istoricheskii arkhiv [Russian State Military Historical Archive].
- Storozhev, 1920** – *Storozhev, V.N.* (1920). Dekabr'skoe vooruzhennoe vosstanie (Po arkhivnym materialam) [December armed uprising (According to archival materials)]. Dekabr'skoe vosstanie v Moskve 1905 g. M. Pp. 109-114. [in Russian]
- Taratuta, 1925** – *Taratuta, V.K.* (1925). 1905 god i Moskovskoe vosstanie [1905 and the Moscow uprising]. M. [in Russian]
- Varfolomeev, 2008** – *Varfolomeev, Yu.V.* (2008) «Russkiisposob»: Fenomen revolyutsionnogo terrorizma v Rossii nachala KhKh v. [“Russian Way”: The Phenomenon of Revolutionary Terrorism in Russia at the Beginning of the 20th Century]. *Rossiiskii istoricheskii zhurnal*. 2: 3-51. [in Russian]
- Zasulich, 1931** – *Zasulich, V.N.* (1931). Vospominaniya [Memories]. M. [in Russian]

Zvezdov, 1925 – Zvezdov, A.A. (1925). Ryadovoi podpol'shchik v revolyutsii 1905 g. [An ordinary underground worker in the revolution of 1905]. M. [in Russian]

Проблемные стороны взаимодействия гражданских и военных властей Москвы в ходе подавления декабрьского восстания 1905 г.

Станислав Евгеньевич Прокофьев ^{a, *}, Павел Сергеевич Селезнев ^a, Константин Васильевич Симонов ^a, Даниэл Викторович Петросянц ^a

^a Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Российская Федерация

Аннотация. Данная работа посвящена изучению ключевых проблем во взаимодействии гражданских и военных властей Москвы в ходе подавления декабрьского восстания 1905 г. Источниковая база исследования сформирована за счет привлечения архивных документов – материалов фондов штаба Московского военного округа, Департамента полиции Министерства внутренних дел Российской империи и Отделения по охране общественной безопасности и порядка при московском градоначальнике, хранящихся в Государственном архиве Российской Федерации и Российском государственном военно-историческом архиве.

Методологическая основа работы включает в себя элементы структурного, синхронного и диахронного анализа. Авторы приходят к выводу, что стратегии реагирования на угрозу вооруженного восстания как гражданской администрации, так и военного командования содержали в себе целый ряд значимых просчетов, а во взаимоотношениях между ними наблюдался дефицит доверия во многих значимых моментах. В этих условиях прямое подчинение частей московского гарнизона генерал-губернатору вряд ли привело бы к оптимизации действий правительственных формирований по подавлению вооруженного восстания. Эта мера принесла бы ожидаемый эффект лишь при сопутствующем увеличении численности воинских подразделений, а также налаживании на должном уровне агентурной работы полиции и обеспечении эффективной работы систем связи. При этом ответственность за обозначенные недостатки не может быть возложена преимущественно на Ф.В. Дубасова, так как он был назначен на пост генерал-губернатора Москвы лишь в конце ноября 1905 г. и объективно не имел ни ресурсов, ни полномочий, чтобы устранить эти недостатки хотя бы в рамках своей компетенции.

Ключевые слова: революция, 1905 г., Москва, полиция, жандармерия, митинги, беспорядки, гражданская власть, генерал-губернатор, армия, Московский военный округ.

---

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: SEProkofev@fa.ru (С.Е. Прокофьев), PSeleznev@fa.ru (П.С. Селезнев), KVSimonov@fa.ru (К.В. Симонов), DVPetrosyants@fa.ru (Д.В. Петросянц)

Copyright © 2023 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2023. 18(2): 955-963
 DOI: 10.13187/bg.2023.2.955

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Heroization of the Image of a Cadet in Russian Society at the beginning of the 20th century: Problems and Prospects of Positioning

Sergey I. Belov ^{a, b, *}

^a Science Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation

^b Lomonosov Moscow State University, Russian Federation

Abstract

This study is devoted to the study of the issue of problems and prospects for building a heroic image of a member of the Cadet Party in the minds of broad sections of Russian society. The purpose of the work is to identify the factors that impeded this process, with the accompanying alignment of their hierarchy. The work methodology is based on a combination of comparative and structural analysis. The source base of the work was formed by attracting unpublished office materials from the fund of the constitutional democratic party, stored in the State Archive of the Russian Federation. Based on the conducted research, it was concluded that the social image of this party, which weakly correlated with the structure of Russian society for the period under review, only partially prevented the formation of the heroized image of the cadet in the mass consciousness. The emphatically moderate position of the Cadets in relation to the agrarian question, which directly affected the interests of the bulk of the population of the empire, that is, the peasantry, acted as the main blocking factor. The internal conflict over the very permissibility and scope of the possible alienation of privately owned lands could provoke a split within the party and alienate landowners and part of the moderate liberals from it. For the sake of achieving stability within the party, the leadership of the Cadets abandoned the full development of the “agrarian” points of their program, which, as expected, led to a drop in interest in the Cadets on the part of the peasants. The latter have ceased to see the party as a potential spokesman for their interests. Given the inability of the Cadets to force the authorities to fulfill their demands and the subsequent fall in the party’s influence due to the establishment of the “June 3 Monarchy” regime, this trend has developed, which completely minimized the potential for building a “heroic image” around constitutional democrats.

Keywords: cadets, image of a hero, glorification, party program, agrarian question, peasantry.

1. Введение

Партия кадетов на момент своего создания по праву считалась одним из наиболее перспективных политических проектов общероссийского уровня. И на период создания в России парламентских институтов, и на момент трансформации империи в республику данная партия имела четко выраженные шансы на обретение политического лидерства, однако она не смогла реализовать свой потенциал, что было обусловлено не только балансом влияния групп интересов внутри элит. Кадеты не смогли завоевать симпатии широких масс населения: вокруг имиджа партии так и не сумели сформировать галерею образов героев-харизматиков, которая позволила бы позиционировать данное политическое объединение в качестве «защитников интересов народа». Однако отсутствие героизированного образа кадета в широких массах было обусловлено не субъективными факторами: в число лидеров партии входил широкий круг журналистов, издателей и публицистов, имевших

* Corresponding author

E-mail addresses: belov2006s@yandex.ru (S.I. Belov)

богатый опыт работы с общественным мнением. Последнее, соответственно, дает нам возможность выдвинуть гипотезу, согласно которой героизации образов членов кадетской партии препятствовали преимущественно объективные факторы.

Целью данного исследования является выявление данных факторов с сопутствующим выстраиванием их иерархии.

2. Материалы и методы

Источниковая база исследования была сформирована за счет привлечения неопубликованных материалов из фонда кадетской партии, хранящегося в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ).

Методологическая основа работы включает в себя элементы структурного и сравнительного анализа.

Применение структурного анализа потребовалось в силу необходимости реконструкции социального портрета членов и руководства партии, а также выявления ключевых элементов общественно-политической повестки, волновавших широкие слои населения.

Использование сравнительного анализа позволило сопоставить точки зрения лидеров партии по основному вопросу, напрямую затрагивавшему интересы наиболее многочисленной социальной группы – крестьян. Также сравнительный анализ применялся для сопоставления позиций партии по аграрному вопросу в разные периоды и для выявления специфики мнений конкретных групп внутри партии и их лидеров. Структурный анализ позволил выявить основные механизмы решения аграрного вопроса кадетами.

3. Обсуждение

В дореволюционной историографии затрагиваемая нами тема освещалась лишь косвенным образом, в контексте изучения процесса борьбы кадетов за голоса избирателей и соответствующих трансформаций их избирательной программы. При этом соответствующие вопросы рассматривались преимущественно сквозь призму конкретных политических идеологий (Балашев, 1915; Белокопский, 1907; Васильев, 1907; Винавер, 1907; Езерский, 1907; Ельчанинов, 1913; Зворыкин, 1905; Локоть, 1907; Львович, 1906; Мартынов, 1914; Милуков, 1916; Мышцин, 1906; Пасхалов, 1911; Скворцов, 1906; Ухтубужский, 1912).

В советской историографии вопрос о факторах, препятствовавших популяризации позитивного образа кадетов, получил широкое освещение в контексте изучения вопроса о релевантности их политической программы запросам общества. С одной стороны, в данный период в научный оборот был включен обширный корпус ранее не опубликованных источников (в первую очередь делопроизводственных материалов, предназначенных для внутреннего пользования). С другой стороны, описываемые события трактовались преимущественно в соответствии с положениями официальной идеологии и зачастую искусственным образом приводились в соответствие с оценками лидеров большевиков посредством избирательного освещения фактов (Аврех, 1989; Волобуев, Миллер, Шелохаев, 1989; Галай, 1991; Гиндин, 1963; Иллерицкая, 1981; Комин, 1965; Кувшинов, 1982; Лаврычев, 1967; Спиринов, 1968; Спиринов, 1977; Черменский, 1970; Шацкило, 1985; Шелохаев, 1970).

В постсоветский период была произведена ревизия выработанных ранее историографических концепций в ключе деидеологизации и коррекции с учетом вновь обнаруженных источников. Однако в то же время произошло смещение фокуса интереса исследователей в сторону личности конкретных представителей партии, что способствовало заимствованию субъективных оценок событий прошлого, идеализации отдельных исторических деятелей и использованию нормативного подхода в исследованиях. Последнее, в частности, проявлялось в эпизодическом игнорировании конкретно-исторического контекста и попытках интерпретации социально-экономических процессов на основе идеальных моделей политической и хозяйственной организации, не обладающих должным эмпирическим фундаментом (Айрапетов, 2003; Верхолюмова, 2007; Дорофеев, 2006; Иванов, 2003; Кирьянов, 2006; Кочешков, 2019; Кувшинов, 1997; Леонов, 1999; Марченя, Разин, 2012; Нефедова, 2017; Хайлова, 2012; Шардыко, 2005; Щукин, 2004).

За счет этого в современной исторической науке отсутствует целостная и непротиворечивая система представлений о процессе формирования «образа героя» вокруг партии кадетов и причинах ограниченности его распространения среди широких масс.

4. Результаты

Одним из базовых факторов, препятствовавших формированию «образа героя» среди представителей кадетской партии, являлся ее социальный облик.

В данном случае необходимо сделать ряд уточнений. Во-первых, вопреки устоявшимся историографическим стереотипам, кадетская партия не была по-настоящему массовой. Широкое распространение среди исследователей получила точка зрения, основанная на данных Департамента полиции. Согласно информации МВД, численность кадетов в период революции 1905–1907 гг. составляла

до 100 тыс. человек. Однако эта оценка основывалась в первую очередь на данных самого руководства кадетов, которое использовало достаточно специфическую методику подсчета членов партии.

В их списки включались, в том числе люди, чье участие в жизни партии сводилось лишь к посещению ее открытых собраний либо уплате пожертвований (ГАРФ. Ф. 523. Оп. 1. Д. 3. Л. 15-18). Изыскания Е.Д. Черменского позволили установить, что к началу 1906 г. в партии состояли приблизительно 25 тыс. человек. А исследования В.В. Шелохаева показали, что максимальная численность кадетов исчислялась на уровне 50 тыс. человек (Хайлова, 2012: 159; Черменский, 1970: 50; Шелохаев, 1987: 105-106). При этом наблюдалась четко выраженная концентрация членов партии преимущественно в Санкт-Петербурге и Москве. По оценке Л.М. Спирина, численность петербургского отделения партии к весне 1906 г. составляла от 7,5 до 9 тыс. человек, в то время как в московском – насчитывалось 8,5 тыс. членов, т.е. партии носили во многом «столичный» характер (Спирин, 1977: 116-117). Фактически только на долю Санкт-Петербургского отделения партии приходилось от 6 до почти 25 % от общей численности кадетской партии. Отдельно необходимо подчеркнуть, что речь идет о показателях на период наибольшей популярности партии. Так, с конца 1905 г. по октябрь того же года численность кадетов в столице выросла в 4–5 раз, однако в дальнейшем показатель стабилизировался и начал падать (ГАРФ. Ф. 523. Оп. 1. Д. 42. Л. 87-89).

Во-вторых, социальная структура членов партии достаточно слабо коррелировалась с моделью общественного устройства России. В особенности ярко это проявлялось на примере социального состава руководящих органов кадетов. Так, в структуре городского комитета в Санкт-Петербурге за период 1905–1907 гг. преобладали представители «свободных профессий» (т.е. преподаватели вузов, адвокаты, врачи). Они занимали свыше 60 % позиций в структуре комитета. Равным образом представители указанной социальной группы занимали около 50 % мест в районных комитетах партии в столице. Достаточно высокой была и репрезентация коммерсантов: доля бизнесменов в районных отделениях партии в Москве и Петербурге менялась в пределах от 8 до 12 % (ГАРФ. Ф. 523. Оп. 1. Д. 33а. Л. 27-31). Среди лидеров кадетов были широко представлены также редакторы и владельцы газет и журналов – П.Б. Струве, М.М. Винавер, И.В. Гессен, Д.Е. Жуковский и т.д. Имелись среди них и представители аристократии (барон А.П. фон Штакельберг, князь Д.И. Бебутов и др.) (Мышцын, 1906: 7-8).

Важно обратить внимание и на социальное происхождение лидеров кадетов. Так, почти 70 % членов партийного комитета в Санкт-Петербурге являлись выходцами из дворян, 12 % родились в семьях мещан, 11 % были по сословной принадлежности купцами (ГАРФ. Ф. 523. Оп. 1. Д. 68. Л. 34-35).

Одновременно современникам было хорошо известно, что многие лидеры кадетов являются крупными землевладельцами или предпринимателями либо сочетают эти статусы. К первой категории относились, в частности, А.А. Свечин, А.М. Коллюбакин и А.А. Муханов. М.П. Федоров был председателем правления Рязанско-Уральской железной дороги, одновременно возглавляя правление Общества петербургских зерноподъемов и складов. С.Г. Бередников являлся лесопромышленником. Н.Н. Кутлер входил в состав правления Санкт-Петербургского ссудного и учетного банка. Д.Д. Протопопов владел суконной фабрикой. Ф.И. Родичев являлся собственником сети винокуренных заводов (Пасхалов, 1911: 10). Некоторые лидеры кадетов обладали целым рядом престижных статусов. В частности, А.И. Каминка одновременно входил в правление Азовско-Донского банка, являлся одним из редакторов газеты «Право», занимал пост присяжного поверенного и преподавал в университете (Езерский, 1907: 11).

Партийные отделения за пределами крупных городов были достаточно демократичными по составу, но в их структуре все же достаточно слабо были представлены основные социальные группы империи, в первую очередь – крестьяне. Так, в филиале кадетов в Луге под Петербургом к апрелю 1906 г. насчитывалось 70 мещан, 50 крестьян, 45 ремесленников, 25 служащих, 10 купцов, 10 приказчиков и 10 представителей интеллигенции. В Нарве действовало отделение из 30 купцов и хозяев лавок, 20 ремесленников, 15 интеллигентов и 10 приказчиков (ГАРФ. 523. Оп. 1. Д. 33а. Л. 29-30).

Аномально высоким был уровень представительства студентов среди членов партии. Так, осенью 1905 г. каждый шестой кадет в Петербурге являлся студентом. Однако следует учитывать, что в данном случае речь идет в первую очередь о регулярных посетителях открытых собраний кадетов (ГАРФ. 523. Оп. 1. Д. 3. Л. 49).

В-третьих, принято считать, что конфессиональный и этнический состав кадетов мог вызывать отторжение у определенной части общественности, в том числе по причине активной пропаганды ксенофобии со стороны черносотенцев. Так, представители правых радикалов заостряли внимание на наличии предков-евреев у И.И. Боргман и переходе из иудаизма в православие И.В. Гессена и С.Л. Франка. Однако данный вид негативного позиционирования не вызывал широкого отклика у общественности. С одной стороны, подавляющее большинство (свыше 80 %) кадетов являлись этническими русскими и православными, с другой – убийство черносотенцами кадетов М.Я. Герценштейна в Териоки и Г.Б. Иоллоса в Москве способствовало возникновению у них образов «мучеников за дело народа». В сочетании с негативным эффектом от насильственного подавления революционных выступлений это существенным образом нивелировало антиобраз кадетов как «партии инородцев» (Ельчанинов, 1913: 14).

В целом следует отметить, что даже в приграничных районах со смешанным населением среди членов партии кадетов преобладали именно «великороссы». В частности, в Нарве в отделении партии к началу 1906 г. числились 74 этнических русских, 27 эстонцев, 10 немцев, 7 евреев, 7 поляков и 2 латыша (ГАРФ. 523. Оп. 1. Д. 33а. Л. 30).

Но один лишь социальный облик партии не мог бы однозначно оттолкнуть от кадетов широкие слои населения, сделав массы невосприимчивыми к их позитивному образу и соответствующей символике «героического характера». Социальный облик и политическая риторика большевиков в 1917 г. также слабо коррелировались с традиционным общественным укладом основной массы населения России, то есть крестьянством. Однако ВКП(б) удалось на необходимое время завоевать симпатии большинства крестьян за счет создания политической программы, выражавшей их интересы, в первую очередь – в аграрном вопросе.

Программа кадетов в целом соответствовала устремлениям наиболее многочисленных категорий городского населения – мещан и рабочих. Так, кадеты декларировали необходимость распространить действие норм фабричного законодательства на все виды наемного труда (исключая сельскохозяйственную сферу), добивались постепенного введения 8-часового рабочего дня и требовали перехода к обязательному государственному страхованию здоровья наемных работников. Также партия в своей программе отстаивала необходимость усилить надзор за выполнением норм фабричного законодательства, конкретизировать их в рамках принятия подзаконных актов и расширить права профсоюзов (Кувшинов, 1997: 78). Кадеты подчеркивали и потребность в закреплении права народов империи на культурно-национальное самоопределение (предполагавшее, в том числе, применение этнических языков в образовании и судопроизводстве), одновременно признавая необходимость предоставления автономии Польше и Великому княжеству Финляндскому. Что еще более важно, партия отстаивала тезис о переходе к равноправию всех подданных империи, что предполагало отказ от дискриминации и поражения в правах представителей отдельных национальных и религиозных групп (ГАРФ. Ф. 523. Оп. 2. Д. 249. Л. 25; Мартынов, 1914: 17).

Однако в то же время аграрная программа партии была весьма умеренной, т.е. противоречила устремлениям большей части крестьян. В ходе учредительного съезда в октябре 1905 г. лидеры партии достигли консенсуса относительно того, что проблема малоземельных и безземельных крестьян должна решаться за счет изъятия таких категорий владений, как казенные, удельные, кабинетские и монастырские земли. Не был дан однозначный ответ на вопрос о возможности отчуждения помещичьих владений (на основе уплаты справедливой, но не рыночной стоимости) (Программы политических партий..., 1995: 71-72). Аналогичным образом не были четко прописаны как механизм передачи отчужденных земель крестьянам, так и форма обладания недвижимостью. Не было установлено, будет земля распределяться через общину или напрямую домохозяйствам, передадут ее в собственность или только в пожизненное пользование. Именно по этой причине представители крестьян в итоге отказались подписать программу кадетов (ГАРФ. Ф. 523. Оп. 3. Д. 1. Л. 17).

Расширение сети региональных отделений партии заметно осложнило решение обозначенных противоречий: региональные группы, как правило, жестко увязывали решение аграрного вопроса со спецификой ситуации на своих территориях (Васильев, 1907: 34-35).

Партия стремилась заручиться поддержкой избирателей-крестьян, и потому в ноябре 1905 г. ЦК кадетов провел расширенное заседание по аграрному вопросу. В пользу «радикализации» позиции партии через признание необходимости изъятия частновладельческих земель выступили Е.Н. Трубецкой, Л.Н. Новосильцев, А.И. Шингарев и Г.В. Филатьев. А.Я. Хоментовский предлагал или включить в программу пункт о крупномасштабном отчуждении частных владений, либо в принципе отказаться от их изъятия. Часть членов ЦК поддержала позицию А.А. Свечина, полагавшего, что крестьяне в принципе настроены против любой конфискации частной собственности, в том числе – помещичьей (ГАРФ. Ф. 523, Оп. 1. Д. 27. Л. 9; Скворцов, 1906: 17).

Возникшие противоречия попытались решить в ходе II съезда кадетов. Его участникам были предложены для рассмотрения проекты программ решения аграрного вопроса, сформулированные в докладах П.Д. Долгорукова и А.А. Кауфмана.

Первый вариант содержал в себе следующие предложения:

- определить и кодифицировать размер необходимого количества земли в соответствии с трудовым потенциалом домохозяйства;
- прописать процесс оценки стоимости изымаемых владений, включая процедуру формирования арбитражных комиссий;
- сформулировать систему стимулов для развития интенсивных форм землепользования (ГАРФ. Ф. 523. Оп. 3. Д. 35. Л. 29-30).

Проект А.А. Кауфмана основывался на тезисе, согласно которому удовлетворение потребности крестьян в земле невозможно даже за счет полного изъятия помещичьих владений. Как следствие, решать проблему предлагалось за счет стимуляции внедрения в крестьянском хозяйстве передовых форм землепользования с сопутствующим формированием благоприятной регулятивной среды. Последнее предполагало необходимость отсрочки начала крестьянских волнений, предотвратить

которые автор доклада предлагал за счет перераспределения казенных и удельных земель и создания программ переселения крестьян в Сибирь и Среднюю Азию (ГАРФ. Ф. 523. Оп. 3. Д. 35. Л. 32-35).

Однако большинство участников съезда выступили против обоих проектов. В итоге И.И. Петрункевич выступил с предложением отказаться от существенных корректив в аграрном разделе программы партии, получившим поддержку со стороны большей части делегатов (ГАРФ. Ф. 523. Оп. 3. Д. 35. Л. 37-47).

Закономерным результатом этого стало снижение интереса к кадетам со стороны крестьян, которые переориентировались на левые политические партии, чьи аграрные программы носили популистский или экстремистский характер, но соответствовали представлениям крестьянства о «правильной» форме решения земельного вопроса. Основная масса населения не увидела в кадетях выразителей собственных интересов, что автоматически нивелировало перспективы «героизации» образа партии (Айрапетов, 2003: 87).

5. Заключение

Соответственно, можно признать, что формированию в массовом сознании героизированного образа кадета отчасти препятствовал социальный облик данной партии, слабо коррелировавшийся со структурой российского общества на тот период. Однако в роли основного блокирующего фактора выступила подчеркнута умеренная позиция кадетов в отношении аграрного вопроса, напрямую затрагивавшего интересы основной массы населения империи, то есть крестьянства. Внутренний конфликт относительно самой допустимости и масштабов возможного отчуждения частновладельческих земель мог спровоцировать раскол внутри партии и оттолкнуть от нее землевладельцев и часть умеренных либералов. Ради достижения стабильности внутри партии руководство кадетов отказалось от полноценного развития «аграрных» пунктов своей программы, что ожидаемо привело к падению интереса к кадетам со стороны крестьян, которые перестали видеть в партии потенциального выразителя своих интересов. С учетом неспособности кадетов принудить власти к выполнению своих требований и последующего падения влияния партии вследствие установления режима «третьеиюньской монархии» данный тренд получил развитие, что вовсе минимизировало потенциал выстраивания «героического образа» вокруг конституционных демократов.

6. Благодарности

Проект № 1022062000240-7 реализован в Институте научной информации по общественным наукам РАН по итогам отбора научных проектов, поддержанных Министерством науки и высшего образования РФ и Экспертным институтом социальных исследований.

Литература

- Аврех, 1989 – Аврех А.Я. Царизм накануне свержения. М., 1989.
- Айрапетов, 2003 – Айрапетов О.Р. Генералы, либералы и предприниматели: работа на фронт и революцию (1907–1917). М., 2003.
- Балашев, 1915 – Балашев И.П. Берегите Думу. Пг., 1915.
- Белоконский, 1907 – Белоконский И.П. Земское движение до образования партии народной свободы // *Былое*. 1907. № 10. С. 246-270.
- Васильев, 1907 – Васильев Н.П. Правда о кадетях. СПб., 1907.
- Верхолюмова, 2007 – Верхолюмова С.Н. Аграрный законопроект Пешехонова в I и II Государственных Думах: постановка вопроса о характере крестьянского землепользования // *Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки*. 2007. № 4(140). С. 74-77.
- Винавер, 1907 – Винавер М.М. Конфликты в первой Думе. СПб., 1907.
- Волобуев и др., 1989 – Волобуев О.В., Миллер В.И., Шелохаев В.В. Непролетарские партии России: итоги изучения и нерешенные проблемы / Непролетарские партии России в трех революциях. М., 1989. С. 10-11.
- Галай, 1991 – Галай Ш. Конституционалисты-демократы и их критики // *Вопросы истории*. 1991. № 12. С. 3-14.
- ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации.
- Гиндин, 1963 – Гиндин И.Ф. Русская буржуазия в период капитализма, ее развитие и особенности // *История СССР*. 1963. № 2. С. 57-80.
- Дорофеев, 2006 – Дорофеев М.В. Земельный вопрос и переселение в Сибирь в годы столыпинской аграрной реформы // *Омский научный вестник*. 2006. № 9(47). С. 32-34.
- Езерский, 1907 – Езерский Н.Ф. Государственная дума первого созыва. Пенза, 1907.
- Ельчанинов, 1913 – Ельчанинов А.Г. Царствование Государя Императора Николая Александровича. СПб.-М., 1913.
- Зворыкин, 1905 – Зворыкин Н.Н. Крестьянское землеустройство и необходимая аграрная реформа в России. СПб., 1905.

Иванов, 2003 – *Иванов А.Е.* В преддверии кадетской партии: Всероссийский союз деятелей науки и высшей школы / *Власть и наука, ученые и власть. 1880-е – начало 1920-х годов. Материалы международного научного colloquium.* СПб., 2003. С. 202-210.

Иллерицкая, 1981 – *Иллерицкая Е.В.* Аграрный вопрос: провал аграрных программ и политики непролетарских партий в России. М.: Наука, 1981.

Кириянов, 2006 – *Кириянов И.К.* Российские парламентарии начала XX века: новые политики в новом политическом пространстве. Пермь, 2006.

Комин, 1965 – *Комин В.В.* Банкротство буржуазных и мелкобуржуазных партий России в период подготовки и победы Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1965.

Кувшинов, 1997 – *Кувшинов В.А.* Кадеты в России и за рубежом (1905–1943 гг.). М., 1997.

Кувшинов, 1982 – *Кувшинов В.А.* Разоблачение партией большевиков идеологии и тактики кадетов. М., 1982.

Кочешков, 2019 – *Кочешков Г.Н.* Русская революция и аграрный вопрос: время несбывшихся надежд. Ярославль, 2019.

Лаверычев, 1967 – *Лаверычев В.Я.* По ту сторону баррикад. Из истории борьбы московской буржуазии с революцией. М., 1967.

Леонов, 1999 – *Леонов С.В.* Партийная система России (конец XIX в. – 1917 год) // *Вопросы истории.* 1999. № 11–12. С. 29-48.

Локоть, 1907 – *Локоть Т.В.* Политические партии и группы в Государственной думе: Характер и причины политического бессилия Первой думы. Возможный характер и задачи Второй думы. М., 1907.

Львович, 1906 – *Львович А.* Партии и крестьянство в Государственной думе. Ростов-на-Дону, 1906.

Мартынов, 1914 – *Мартынов А.* Конституционно-демократическая партия / Общественное движение в России в начале XX века. Т. III. Кн. 5. Партии – их состав, развитие и проявление в массовом движении, на выборах и в думе. СПб., 1914. С. 1-72.

Марченя, Разин, 2012 – *Марченя П.П., Разин С.Ю.* Аграрный вопрос и русская революция: первое заседание теоретического семинара «Крестьянский вопрос в отечественной и мировой истории» // *Российская история.* 2012. № 5. С. 219.

Милюков, 1916 – *Милюков П.Н.* Тактика фракции Народной свободы во время войны. Пг., 1916.

Мышцин, 1906 – *Мышцин В.Н.* Политические партии и их идеалы. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1906.

Нефедова, 2017 – *Нефедова О.М.* Аграрный вопрос в программах и практике российских либералов начала XX в. / *Прорывные научные исследования: проблемы, закономерности, перспективы. Сборник статей IX Международной научно-практической конференции.* В 4 частях. Пенза, 2017. С. 11-14.

Программы политических партий..., 1995 – Программы политических партий России (конец XIX в. – XX в.). М., 1995.

Скворцов, 1906 – *Скворцов Л.И.* Аграрный вопрос и государственная дума. СПб., 1906.

Спирин, 1968 – *Спирин Л.М.* Классы и партии в гражданской войне в России. М., 1968.

Спирин, 1977 – *Спирин Л.М.* Крушение помещичьих и буржуазных партий в России (начало XX в. – 1920 г.). М., 1977.

Ухтубужский, 1912 – *Ухтубужский П.* Наши идеалы и русская современность // *Прямой путь.* 1912. № 10. С. 13-15.

Хайлова, 2012 – *Хайлова Н.Б.* Люди из примечаний. «В кадетской партии я была своего рода enfant terrible» // *Россия XXI.* 2012. № 3. С. 156-166.

Черменский, 1970 – *Черменский Е.Д.* Буржуазия и царизм в первой русской революции. 2-е изд. М., 1970.

Шардыко, 2005 – *Шардыко И.В.* Аграрный вопрос в программных документах партии кадетов (1907–1917 гг.) // *Романовские чтения. Сборник трудов Международной научной конференции.* Могилев, 2005. С. 126-131.

Шацилло, 1985 – *Шацилло К.Ф.* Русский либерализм накануне революции 1905–1907 гг. М., 1985.

Шелохаев, 1970 – *Шелохаев В.В.* Аграрная программа кадетов // *Исторические записки.* М., 1970. Т. 86. С. 172-230.

Щукин, 2004 – *Щукин Д.В.* Позиция партии кадетов по аграрному вопросу в III Государственной Думе // *Проблемы Российской политической истории. Сборник научных статей. Воронежский государственный университет.* Воронеж, 2004. С. 20-25.

References

Airapetov, 2003 – *Airapetov, O.R.* (2003). Generaly, liberaly i predprinimateli: rabota na front i revolyutsiyu (1907–1917) [Generals, Liberals and Entrepreneurs: Working for the Front and the Revolution (1907–1917)]. М. [in Russian]

- Avrekh, 1989** – *Avrekh, A.Ya.* (1989). Tsarizm nakanune sverzheniya [Tsarism on the eve of the overthrow]. M. [in Russian]
- Balashhev, 1915** – *Balashhev, I.P.* (1915). Beregite Dumu [Take care of Duma]. Pg. [in Russian]
- Belokonsky, 1907** – *Belokonskii, I.P.* (1907). Zemskoe dvizhenie do obrazovaniya partii narodnoi svobody [Zemskoe movement before the formation of the People's Freedom Party]. *Byloe*. 10: 246-270. [in Russian]
- Chermensky, 1970** – *Chermenskii, E.D.* (1970). Burzhuaziya i tsarizm v pervoi russkoi revolyutsii [The bourgeoisie and tsarism in the first Russian revolution]. 2-e izd. M. [in Russian]
- Dorofeev, 2006** – *Dorofeev, M.V.* (2006). Zemel'nyi vopros i pereselenie v Sibir' v gody stolypinskoi agrarnoi reformy [Land issue and resettlement in Siberia during the years of the Stolypin agrarian reform]. *Omskii nauchnyi vestnik*. 9(47): 32-34. [in Russian]
- El'chaninov, 1913** – *El'chaninov, A.G.* (1913). Tsarstvovanie Gosudarya Imperatora Nikolaya Aleksandrovicha [Reign of Sovereign Emperor Nikolai Alexandrovich]. SPb. M. [in Russian]
- Ezerskii, 1907** – *Ezerskii, N.F.* (1907). Gosudarstvennaya дума pervogo sozvyva [State Duma of the first convocation]. Penza. [in Russian]
- Galai, 1991** – *Galai, Sh.* (1991). Konstitutsionalisty–demokraty i ikh kritiki [Constitutional Democrats and Their Critics]. *Voprosy istorii*. 12: 3-14. [in Russian]
- GARF** – Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii [State Archive of the Russian Federation]. [in Russian]
- Gindin, 1963** – *Gindin, I.F.* (1963). Russkaya burzhuaziya v period kapitalizma, ee razvitie i osobennosti [Russian bourgeoisie in the period of capitalism, its development and features]. *Istoriya SSSR*. 2: 57-80. [in Russian]
- Illeritskaya, 1981** – *Illeritskaya, E.V.* (1981). Agrarnyi vopros: proval agrarnykh programm i politiki neproletarskikh partii v Rossii [The agrarian question: the failure of agrarian programs and the policy of non-proletarian parties in Russia]. M.: Nauka. [in Russian]
- Ivanov, 2003** – *Ivanov, A.E.* (2003). V preddverii kadetskoj partii: Vserossiiskii soyuz deyatelei nauki i vysshei shkoly [On the Eve of the Cadet Party: All-Russian Union of Scientists and Higher Education]. *Vlast' i nauka, uchenye i vlast'. 1880–e – nachalo 1920–kh godov. Materialy mezhdunarodnogo nauchnogo kollokviuma*. SPb. Pp. 202-210. [in Russian]
- Kir'yanov, 2006** – *Kir'yanov, I.K.* (2006). Rossiiskie parlamentarii nachala KhKh veka: novye politiki v novom politicheskom prostranstve [Russian parliamentarians at the beginning of the 20th century: new politicians in a new political space]. Perm'. [in Russian]
- Kocheshkov, 2019** – *Kocheshkov, G.N.* (2019). Russkaya revolyutsiya i agrarnyi vopros: vremya nesbyvshikhsya nadezhd [The Russian revolution and the agrarian question: the time of unfulfilled hopes]. Yaroslavl'. [in Russian]
- Komin, 1965** – *Komin, V.V.* (1965). Bankrotstvo burzhuaznykh i melkoburzhuaznykh partii Rossii v period podgotovki i pobedy Velikoi Oktyabr'skoi sotsialisticheskoi revolyutsii [Bankruptcy of the bourgeois and petty-bourgeois parties in Russia during the period of preparation and victory of the Great October Socialist Revolution]. M. [in Russian]
- Kuvshinov, 1982** – *Kuvshinov, V.A.* (1982). Razoblachenie partiei bol'shevikov ideologii i taktiki kadetov [The Bolshevik Party exposed the ideology and tactics of the Cadets]. M. 239 p. [in Russian]
- Kuvshinov, 1997** – *Kuvshinov, V.A.* (1997). Kadety v Rossii i za rubezhom (1905–1943 gg.) [Cadets in Russia and Abroad (1905–1943)]. M. [in Russian]
- Laverychev, 1967** – *Laverychev, V.Ya.* (1967). Po tu storonu barrikad. Iz istorii bor'by moskovskoi burzhuazii s revolyutsiei [On the other side of the barricades. From the history of the struggle of the Moscow bourgeoisie against the revolution]. M. [in Russian]
- Leonov, 1999** – *Leonov, S.V.* (1999). Partiinaya sistema Rossii (konets XIX v. – 1917 god) [The party system of Russia (the end of the 19th century – 1917)]. *Voprosy istorii*. 11–12: 29-48. [in Russian]
- Lokot, 1907** – *Lokot', T.V.* (1907). Politicheskie partii i grupy v Gosudarstvennoi dume: Kharakter i prichiny politicheskogo bessiliya Pervoi dumy. Vozmozhnyi kharakter i zadachi Vtoroi dumy [Political parties and groups in the State Duma: The nature and causes of the political impotence of the First Duma. Possible character and tasks of the Second Duma]. M. [in Russian]
- L'vovich, 1906** – *L'vovich, A.* (1906). Partii i krest'yanstvo v Gosudarstvennoi dume [Parties and the peasantry in the State Duma.]. Rostov-na-Donu. [in Russian]
- Marchenya, Razin, 2012** – *Marchenya, P.P., Razin, S.Yu.* (2012). Agrarnyi vopros i russkaya revolyutsiya: pervoe zasedanie teoreticheskogo seminarara «krest'yanskii vopros v otechestvennoi i mirovoi istorii» [The Agrarian Question and the Russian Revolution: The First Session of the Theoretical Seminar “The Peasant Question in Russian and World History”]. *Rossiiskaya istoriya*. 5: 219. [in Russian]
- Martynov, 1914** – *Martynov, A.* (1914). Konstitutsionno–demokraticeskaya partiya [Constitutional Democratic Party]. Obshchestvennoe dvizhenie v Rossii v nachale XX veka. T. III. Kn. 5. Partii – ikh sostav, razvitie i proyavlenie v massovom dvizhenii, na vyborah i v dume. SPb. Pp. 1-72. [in Russian]
- Milyukov, 1916** – *Milyukov, P.N.* (1916). Taktika fraktsii Narodnoi svobody vo vremya voiny [Tactics of the People's Freedom faction during the war]. Pg. [in Russian]

- [Myshtsin, 1906](#) – *Myshtsin, V.N.* (1906). Politicheskie partii i ikh idealy [Political parties and their ideals]. Svyato-Troitskaya Sergieva Lavra. [in Russian]
- [Nefedova, 2017](#) – *Nefedova, O.M.* (2017) Agrarnyi vopros v programmakh i praktike rossiiskikh liberalov nachala XX v. [The agrarian question in the programs and practice of Russian liberals at the beginning of the 20th century]. *Proryunye nauchnye issledovaniya: problemy, zakonomernosti, perspektivy. Sbornik statei IX Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. V 4-kh chastyakh.* Penza, pp. 11-14. [in Russian]
- [Programmy politicheskikh partii, 1995](#) – Programmy politicheskikh partii Rossii (konets XIX v. – XX v.) [Programs of political parties in Russia (late 19th century – 20th centuries)]. M. [in Russian]
- [Shardyko, 2005](#) – *Shardyko, I.V.* (2005). Agrarnyi vopros v programnykh dokumentakh partii kadetov (1907–1917 gg.) [The Agrarian Question in the Program Documents of the Party of Cadets (1907–1917)]. *Romanovskie chteniya. sbornik trudov Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii.* Mogilev, pp. 126-131. [in Russian]
- [Shatsillo, 1985](#) – *Shatsillo, K.F.* (1985). Russkii liberalizm nakanune revolyutsii 1905–1907 gg. [Russian liberalism on the eve of the revolution of 1905–1907]. M. [in Russian]
- [Shchukin, 2004](#) – *Shchukin, D.V.* (2004). Pozitsiya partii kadetov po agrarnomu voprosu v III Gosudarstvennoi Dume [The position of the party of the Cadets on the agrarian issue in the III State Duma]. *Problemy Rossiiskoi politicheskoi istorii. Sbornik nauchnykh statei. Voronezhskii gosudarstvennyi universitet.* Voronezh, pp. 20-25. [in Russian]
- [Shelokhaev, 1970](#) – *Shelokhaev, V.V.* (1970). Agrarnaya programma kadetov [Agrarian program of the Cadets]. *Istoricheskie zapiski.* M., T. 86. Pp. 172-230. [in Russian]
- [Skvortsov, 1906](#) – *Skvortsov, L.I.* (1906). Agrarnyi vopros i gosudarstvennaya дума [The Agrarian Question and the State Duma]. SPb. [in Russian]
- [Spirin, 1968](#) – *Spirin, L.M.* (1968). Klassy i partii v grazhdanskoi voine v Rossii [Classes and parties in the civil war in Russia]. M. [in Russian]
- [Spirin, 1977](#) – *Spirin, L.M.* (1977). Krushenie pomeshchich'ikh i burzhuaznykh partii v Rossii (nachalo XX v. – 1920 g.) [The collapse of the landlord and bourgeois parties in Russia (the beginning of the 20th century – 1920)]. M. [in Russian]
- [Ukhtubuzhskii, 1912](#) – *Ukhtubuzhskii, P.* (1912). Nashi idealy i russkaya sovremennost' [Our ideals and Russian modernity]. *Pryamoi put'.* 10: 13-15. [in Russian]
- [Vasiliev, 1907](#) – *Vasil'ev, N.P.* (1907). Pravda o kadetakh [The truth about the cadets]. SPb. [in Russian]
- [Verkholomova, 2007](#) – *Verkholomova, S.N.* (2007). Agrarnyi zakonoproekt Peshekhonova v I i II Gosudarstvennykh Dumakh: postanovka voprosa o kharaktere krest'yanskogo zemlepol'zovaniya [Peshekhonov's agrarian bill in the I and II State Dumas: raising the question of the nature of peasant land use]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Severo-Kavkazskii region. Obshchestvennye nauki.* 4(140): 74-77. [in Russian]
- [Vinaver, 1907](#) – *Vinaver, M.M.* (1907). Konflikty v pervoi Dume [Conflicts in the First Duma]. SPb. [in Russian]
- [Volobuev i dr., 1989](#) – *Volobuev, O.V., Miller, V.I., Shelokhaev, V.V.* (1989). Neproletarskie partii Rossii: itogi izucheniya i nereshennye problem [Non-proletarian parties in Russia: results of the study and unresolved problems]. *Neproletarskie partii Rossii v trekh revolyutsiyakh.* M., pp. 10-11. [in Russian]
- [Zvorykin, 1905](#) – *Zvorykin, N.N.* (1905). Krest'yanskoe zemleustroistvo i neobkhodimaya agrarnaya reforma v Rossii [Peasant land management and the necessary agrarian reform in Russia]. SPb. [in Russian]

Героизация образа кадета в российском обществе в начале XX вв.: проблемы и перспективы позиционирования

Сергей Игоревич Белов ^{a, *}

^a Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук, Российская Федерация

^b Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Российская Федерация

Аннотация. Данное исследование посвящено изучению вопроса о проблемах и перспективах построения героизированного образа члена кадетской партии в сознании широких слоев российского общества. Целью работы является выявление факторов, препятствовавших данному процессу, с сопутствующим выстраиванием их иерархии. Методология работы выстроена на основе сочетания сравнительного и структурного анализа. Источниковая база работы сформирована путем

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: belov2006s@yandex.ru (С.И. Белов)

привлечения неопубликованных делопроизводственных материалов из фонда конституционно-демократической партии, хранящегося в Государственном архиве Российской Федерации. На основании проведенных изысканий сделан вывод, что социальный облик данной партии, слабо коррелировавшийся со структурой российского общества в рассматриваемый период, лишь отчасти препятствовал формированию в массовом сознании героизированного образа кадета. В роли основного блокирующего фактора выступила подчеркнута умеренная позиция кадетов в отношении аграрного вопроса, напрямую затрагивавшего интересы основной массы населения империи – то есть крестьянства. Внутренний конфликт относительно самой допустимости и масштабов возможного отчуждения частновладельческих земель мог спровоцировать раскол внутри партии и оттолкнуть от нее землевладельцев и часть умеренных либералов. Ради достижения стабильности внутри партии руководство кадетов отказалось от полноценного развития «аграрных» пунктов своей программы, что ожидаемо привело к падению интереса к кадетам со стороны крестьян, которые перестали видеть в партии потенциального выразителя своих интересов. С учетом неспособности кадетов принудить власти к выполнению своих требований и последующего падения влияния партии вследствие установления режима «третьеиюньской монархии» данный тренд получил развитие, что вовсе минимизировало потенциал выстраивания «героического образа» вокруг конституционных демократов.

Ключевые слова: кадеты, образ героя, героизация, партийная программа, аграрный вопрос, крестьянство.

Copyright © 2023 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2023. 18(2): 964-973
 DOI: 10.13187/bg.2023.2.964

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Organization of Military Training and Patriotic Education of Youth in the Russian Empire on the Example of the “Funny” Movement

Oleg E. Chuikov ^{a,*}, Ilya V. Tyurin ^b, Tatyana M. Rozhnova ^c, Ksenia S. Rozhnova ^c

^a Kursk State Medical University, Kursk, Russian Federation

^b Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russian Federation

^c I.M. Sechenov First Moscow State Medical University of the Ministry of Health of the Russian Federation (Sechenov University), Moscow, Russian Federation

Abstract

This article presents an analysis of the system of military training and patriotic education of the younger generation, which was developed by Nazimov Semyon Ivanovich and Yatsko Ivan Vasilyevich, for “poteshnye” (funny) squads. “Poteshnye” were created in 1908 with the aim of providing military training and patriotic education of young men of the lower classes. After the organization of the first “poteshnye” squads, there was no uniformity, both in the form and in the method of training young warriors. Such children's organization required the presence of a whole educational and methodological system. The system could have appeared and existed only in conditions of combining pedagogical talent, patriotic enthusiasm of the founders of the “poteshnye” (funny) squads, sovereign support, as well as the approval of Russian society. The purpose of the study: to model the system of military-patriotic training and patriotic education of young people in “poteshnye” (funny) squads. In the course of the conducted research, we were able to determine the levels of support for the organization of funny squads (state and zemstvo); methods and means of this support (regulatory, logistical, financial, etc.) were identified; the results of the first years of the funny activity are analyzed. The system of training the “poteshnye” (funny) assumed the presence of several important areas: the study of the foundations of Russian monarchical statehood, religious education, military training and physical education. The paper presents a list of classes and examples of teaching materials used by educators and non-commissioned officers in the educational process. There is a great bias towards military training in the absence of a holistic pedagogical concept. And we also identified factors and causes that negatively affected the future fate of the movement and led to the termination of the activities of the “poteshnye” (funny).

Keywords: “poteshnye” (funny) squads, Bakhmut National School, non-commissioned officer, the highest review, military system, patriotic education, “Russian funny army”, militarization, verbal exercises, shooting techniques.

1. Введение

Молодежное военно-патриотическое движение в России имеет давнюю историю. Именно как система данное направление патриотической деятельности складывается в начале XX века. Это было обусловлено достаточно активным процессом зарождения различных молодежных организаций и необходимостью усилить патриотические настроения молодежи в связи со складывающейся сложной внутриполитической ситуацией в стране. Помимо любви к своей стране, юные защитники должны были обладать необходимыми знаниями и умениями в области военного дела. Изменение условий ведения войны (внедрение современной военной техники и новых военных технологий) привело к

* Corresponding author

E-mail addresses: chuikov-ru@mail.ru (O.E. Chuikov)

востребованности не только физически подготовленного солдата, но и к формированию специалиста, знающего технику и умеющего принимать решения в стрессовой ситуации. Также в условиях неудач в русско-японской войне, роста революционного движения и резкой критики армии со стороны либералов необходимо было укреплять основы самодержавия. Сторонники развития молодежного военно-патриотического движения предполагали, что решение этой важной задачи следует начинать через создание мощной единой системы организации молодежи, основу которой должны составить «потешные» дружины.

2. Материалы и методы

В качестве источников исследования были использованы документы Российского государственного исторического архива (Санкт-Петербург, Российская Федерация), учебно-методические разработки для подготовки «потешных», мемуары создателей и организаторов «потешных» полков. Для подготовки статьи был использован ряд периодических изданий того времени («Русское слово», «Искры», «Ученик», «Потешный»), который отражал отношение российского общества к движению «потешных». В российской прессе того времени сформировалось два противоположных подхода: монархисты восхищались деятельностью организации, либералы постоянно критиковали «потешных» за чрезмерную милитаризацию юношества и «квасной» патриотизм.

В работе применялся ряд научных методов. Описательный метод позволил проанализировать исторические источники с целью выявления специфики исторических условий и деятельности исторических личностей, повлиявших на становление и развитие «потешного движения» в России в начале XX века.

Системный метод позволил исследовать систему военного обучения и патриотического воспитания «потешных», связь ее элементов друг с другом и с внешней средой.

Метод моделирования применялся для построения модели системы военного обучения и патриотического воспитания «потешных».

3. Обсуждение

Теме развития военно-патриотического движения в России начала XX в. посвящено множество научных работ. Среди них особое место занимают исследования конца XIX – начала XX вв. Одной из первых работ, посвященных развитию молодежных организаций в России, является книга В. Чарнолуского «Союзы молодежи и общества самообразования». В ней идет речь о попытке создания в России в мае 1906 года единой молодежной организации «Лига молодежи», которая способствовала бы «свободному саморазвитию и самообразованию подрастающего поколения, а также формированию свободной личности». Эти идеи остались только на бумаге и причиной тому, как утверждает В. Чарнолуский, был рост реакционных настроений в российском правительстве. При этом автор предлагает в качестве альтернативы «Лиге молодежи» создание целой системы молодежных организаций, которая состоит из 4 типов различных обществ и кружков: обществ самообразования, союзов и кружков бывших учащихся, союзов и кружков молодежи, обыкновенных обществ образования (Чарнолуский, 1908). Данный труд является педагогическим исследованием, в нем представлены учебно-методические наработки и даже общественно-правовые основы организации обществ. Чарнолуский предпринял попытку применения либерального подхода к созданию системы самообразования и самовоспитания молодежи в условиях нарастающей реакции.

Движению «потешных» были посвящены отдельные работы, в первую очередь труды самих создателей и организаторов этого движения. Так, в работе А.А. Луцкевича «Бахмутские «потешные» идет речь об истории формирования первых «потешных» дружин (Луцкевич, 1912). С.И. Назимов и И.В. Яцко в книге «Русское потешное войско». История его происхождения и развития: Теория и практика дела в наши дни» представляют анализ теоретических и практических аспектов подготовки «потешных» рот. Владимир фон Эксе в учебном пособии «Виленское потешное войско, или Государево дело» отразил опыт использования скаутской методики подготовки в процессе создания первых «потешных» дружин в городе Вильно (Эксе, 1911).

Среди современных исследователей истории становления молодежного движения в России следует отметить А.В. Шободоеву, В.И. Соколова, Э.С. Соколову, М.И. Федорову (Шободоева, 1995; Соколов, 2002; Соколова, Федорова, 2006). В работах А.П. Абрамова, О.Е. Чуйкова рассматриваются вопросы организации детского самоуправления в учебных заведениях России в начале XX века (Abramov et al., 2019). Анализ педагогической методики подготовки к военной службе представлен в трудах С.П. Полякова, Ю.В. Кудряшова и др. (Поляков, 2008; Кудряшов, 2005; Райт, 2002).

Отдельно следует выделить группу авторов, которые исследовали развитие движения «потешных». Так, А.В. Шаров, Н.С. Ватник уделяют внимание изучению процесса развития движения «потешных» в России, выявляя его место и роль как военно-патриотической системы воспитания молодежи (Шаров, 1992; Ватник, 2006). О.В. Гефнер, О.В. Ищенко, М.А. Успенский исследуют региональную специфику организации «потешных» дружин, а также рассматривают проблемы, связанные с продвижением идей военного обучения при учебных заведениях российских губерний (Гефнер, 2010; Ищенко, 2002; Ищенко, 2002).

В представленном исследовании показана попытка создания единой системы военного обучения и патриотического воспитания подрастающего поколения для всех народных школ Российской империи через организацию деятельности «потешных» дружин.

4. Результаты

В начале XX века идет процесс воссоздания «потешных рот», которые существовали еще при Петре Великом. На фоне поражения в русско-японской войне и развития революционного движения возникла острая необходимость в популяризации военных занятий в подростковой среде. Одной из первых молодежных военно-патриотических организаций считается «потешное» движение. 8 января 1908 года Николай II инициировал организацию военного обучения в народных школах: «Завести в деревнях обучение детей в школах военному строю и гимнастике запасными и отставными унтер-офицерами за малую плату» (Назимов, Яцко., 1911: 19). «В 1909 году инспектор народных училищ Екатеринославской губернии А.А. Луцкевич в Бахмутском народном училище создает дружину «потешных». 1910 год следует считать годом создания «потешных» в империи. Именно в этом году царь пригласил Луцкевича со своими воспитанниками в Санкт-Петербург» (Усачев, 2016).

Вдохновителем и основателем системы военно-патриотического воспитания и обучения движения «потешных» был Семен Иванович Назимов, полковник лейб-гвардии Семеновского полка. Обладая большим опытом военной службы, Назимов стремился на практике реализовать замыслы Луцкевича. Первая основная задача, которая стояла перед ним – создание единой структурированной организации, в которую бы входили все остальные роты и дружины «потешных» со всей империи. С этой целью он разработал собственную методику военной подготовки подрастающего поколения, которую изложил в работе «Русское потешное войско». В Совете министров предлагалось создавать потешные организации не только в учебных заведениях и при воинских частях, но и привлекать детей, которые нигде не обучались и были предоставлены сами себе. В особом журнале Совета министров 29 января 1911 года было отмечено, что «...вопрос об условиях, кои должны быть положены в основание образования потешных организаций для обучения детей военному строю и гимнастике, нуждается в тщательном и всестороннем соображении, причем вопрос этот естественно расчленяется на две части и касается, с одной стороны, устройства потешных отрядов при учебных заведениях, а с другой – организации таких же отрядов вне школ» (РГИА. Ф. 1276. Оп. 20. Д. 49. Л. 90).

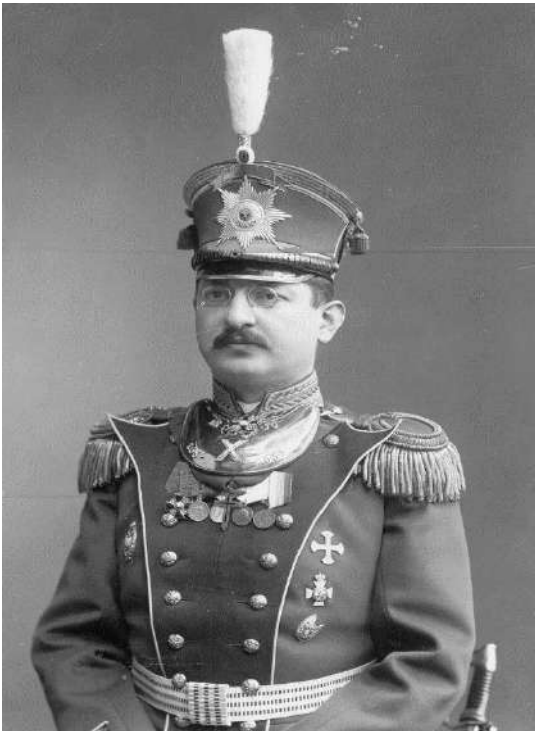

Рис. 1. С.И. Назимов

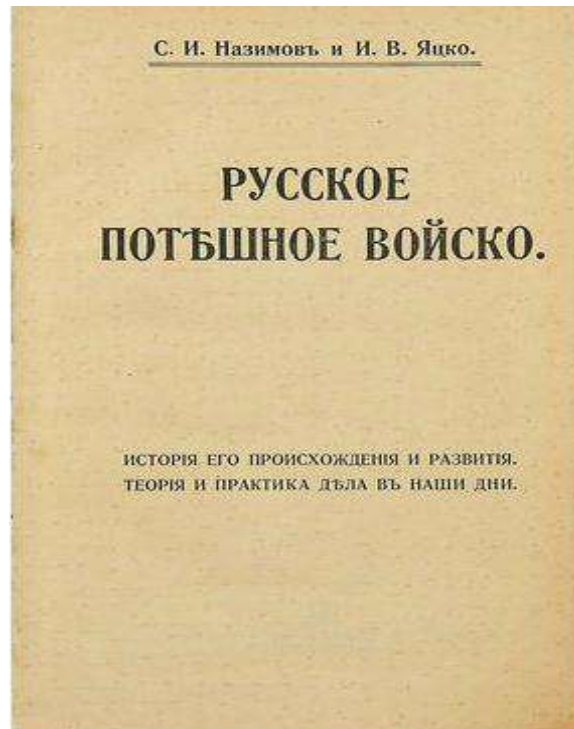

Рис. 2. Титульный лист учебного пособия С.И. Назимова и И.В. Яцко «Русское потешное войско»

Как утверждал С.И. Назимов, «большую пользу принес бы кто-либо из членов общества, сформировав из них «потешный» взвод по образцу школьных. Собираясь ежедневно или несколько раз в неделю хотя бы на один час вместе, эти мальчишки нашли бы для себя здоровое и полезное развлечение, занимаясь военным строем и гимнастикой» (Назимов, Яцко, 1911: 25).

Существовали определенные правила и ограничения при поступлении в «потешные»: во-первых, необходимо было согласие родителей; во-вторых, быть подданным российской империи христианского или мусульманского вероисповедания; в-третьих, ребенок должен быть нормального умственного и физического развития.

Перед принятием в «потешные» отряды юноши должны были пройти социализацию через воспитательное воздействие ключевых социальных институтов: школу, армию, общество. На школу возлагались основные воспитательные задачи: «...задачей школы служит: духовное, умственное и физическое развитие подрастающего молодого поколения» (Назимов, Яцко, 1911: 33).

Духовное воспитание базировалось на любви к Родине, к царю и вере в Бога, а также на формировании таких добродетелей, как сознание долга, самопожертвование, верноподданство, патриотизм, мужество, сила воли, настойчивость. Умственное развитие в школе помогает развивать такие качества подростка, как наблюдательность, находчивость, инициативность, ответственность. Физическое воспитание направлено на укрепление внутренних органов ребенка, увеличение мускулатуры, развитие гибкости и ловкости тела. Армия должна подготовить для школы унтер-офицеров к роли преподавателей военного строя и гимнастики. Общество организаторами «потешных» было представлено семьей, частными организациями, кружками, союзами. Родители, воспитывая своих детей, формируют мировоззрение ребенка, его отношение к государству, к власти, к обществу. Долгом каждого родителя остается воспитание уважения к своей Родине, к царю, к православной вере и к русской армии. Частные общества и кружки призваны заниматься просветительской работой: читать лекции по истории России, знакомить юношей с устройством и бытом армии, также данную деятельность можно проводить с использованием игровых форм.

Принимались в «потешные» отряды дети, не обучающиеся в школах. Для них подготовка проходила уже во взводах, которые располагались при школах. Основой организации «потешных войск» стали низшие школы, а впоследствии и средние (правительственные и частные). На их базе создавались взводы, в состав которых входили «от нескольких человек до 48 (24 ряда) +1 взводный и 4 отдельных командира, итого 53 человека. Дети принимались в возрасте от 9 до 17 лет» (Назимов, Яцко, 1911: 37). Целью воспитания и обучения подрастающего поколения России в рядах «потешных» стала духовная, умственная и физическая подготовка молодежи к предстоящей службе в армии. На выходе авторы планировали получить юношу, морально и физически готового к дальнейшей военной службе. Данная цель реализовывалась через определенные занятия и методы обучения:

1. Словесные занятия, которые были различного содержания: беседы о нравственности, долге, справедливости; лекции о военном обиходе, военных командах, оказании первой медицинской помощи. Также на словесных занятиях «потешные» изучали известные национальные песни, одной из которых была песня «Русский солдат» на слова Николая Веревкина:

Русского солдата
Знает целый свет!
Грянем же, ребята,
От души привет!
Ура! Ура! Ура!
Царь самодержавный,
Белый Русский Царь,
Первый православный
Ура! Ура! Ура!
В свете государь.
Молви только слово,
Взглядом поведи, –
Мы повсюду снова
Будем впереди!
Ура! Ура! Ура!
Солдат русский бравый
Любит Русь, Царя
И покроет славой
Русский штык. Ура!

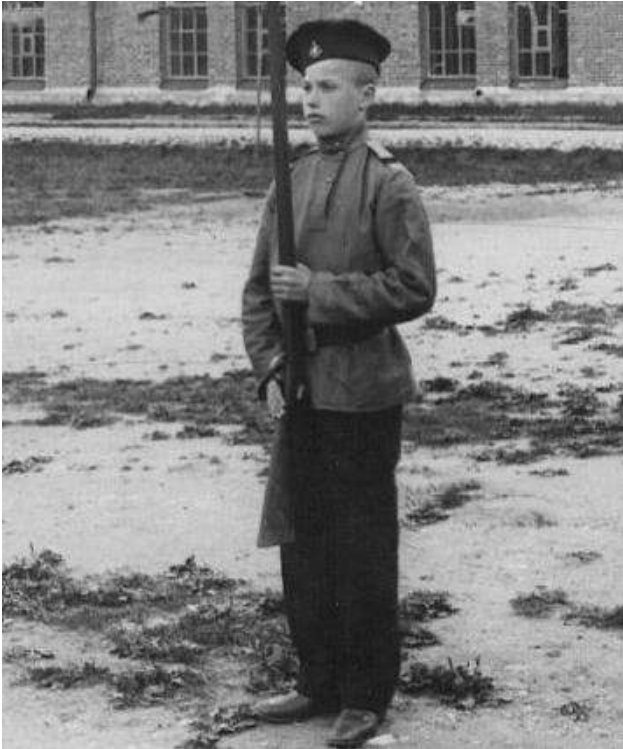
Ура! Ура! Ура! (Калугин, 2006: 176).

Важные учебные материалы для словесных занятий размещались в специализированном журнале для русских детей «Потешный». В нем были детские рассказы, стихотворения о Родине и природе, а также сказания о святых (Плетнев, 1910).

2. Занятие военным строем предполагало пройти вкратце шереножное и взводное учение, рассыпание в цепь, открытие и ведение огня, передвижения, а также обучение приемам церемониального марша и приемов сигнализации. Данные занятия приучали детей к порядку и дисциплине. Юноши изучали следующие понятия: «шеренга», «фаланга», «фронт», «интервал», «дистанция», «колонна», «голова колонны», «хвост колонны», «глубина колонны» и т.д. Все движения в строю исполнялись по командам посредством условного знака, по сигналу.

Проводились упражнения «стойка без ружья», «стойка с ружьем», «повороты по командам», «повороты по ходу по командам», «движения шагом и бегом».

Также отдельными занятиями были «приемы для стрельбы»: а) изготовка к стрельбе стоя, изготовка к стрельбе с колена, изготовка к стрельбе лежа; б) прикладка и прицеливание; г) стрельба залпом и стрельба одиночная; д) ружейные приемы (на руку, к ноге, от ноги на плечо); е) штыковая атака.

Рис. 3. Воспитанник с ружьем на плече

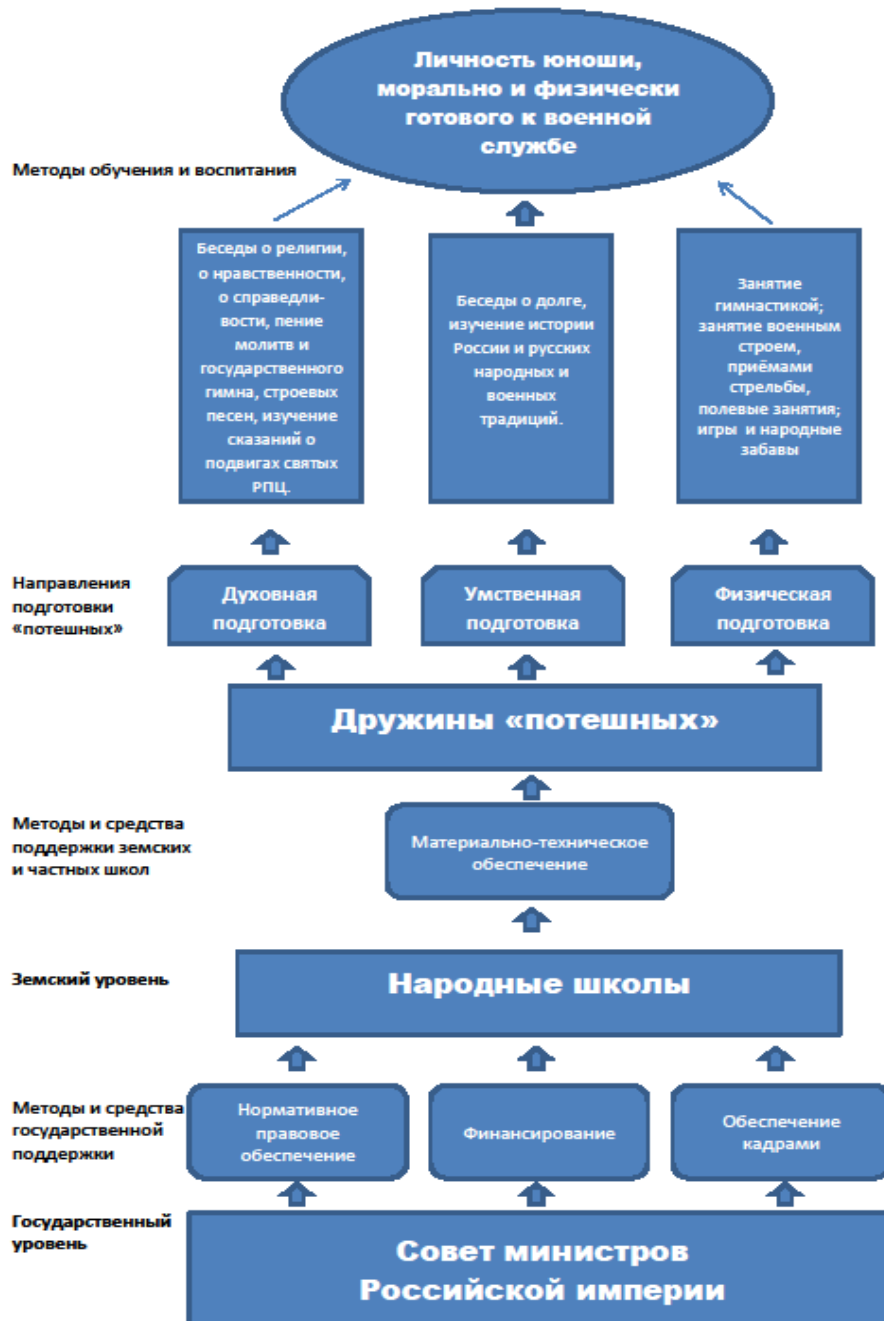
3. Занятия гимнастикой делились на 2 вида: подготовительные и практические. «Подготовительные включали физическую разминку и занятия с ружьями и палками, а практические – прыжки, упражнения на брусе, лазание по лестнице, шесту, канату, подвижные игры и полевою гимнастику» (Назимов, Яцко, 1911: 45).

Рис. 4. Отряд «потешных» во время занятий с ружьями

4. Полевые занятия включали:

- ориентирование на местности;
- упражнения по определению расстояния;
- обучение разведке на местности и скрытому движению;

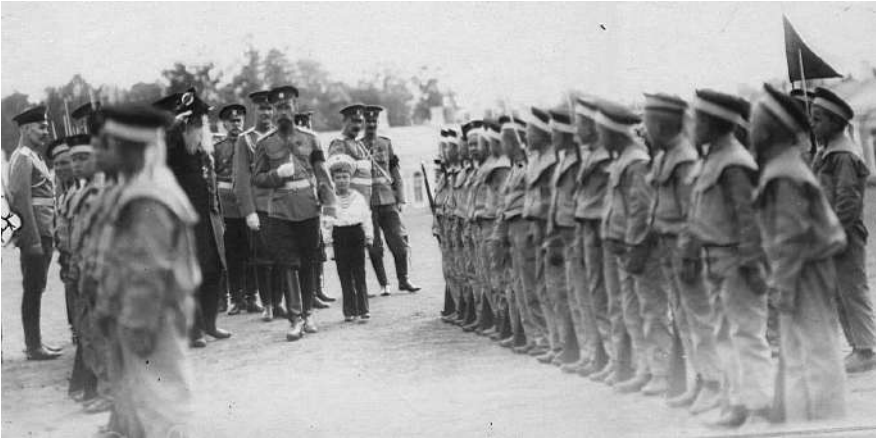
Рис. 5. Схема модели системы военного обучения и патриотического воспитания «потешных»

- приобретение навыков сторожевой службы, с походным движением и службой дозоров;
- обучение туристическим навыкам: строительство шалашей, разведение костра, приготовление пищи.

5. Игры и развлечения носили общеоздоровительный характер, снимали моральное напряжение у детей. Русские игры и забавы были знакомы каждому ребенку и укрепляли связь «потешных» с народом и его традициями (Назимов, Яцко, 1911: 45).

22 мая 1910 г. в Царском Селе состоялся смотр бахмутских «потешных», на котором присутствовал Николай II и цесаревич Алексей (Уткин, 2016). Это событие стало отправным в деле развития военно-патриотического движения «потешных» по всей России. Опыт реализации системы военного обучения и патриотического воспитания «потешных» Назимова было решено распространить по всей стране (Рисунок 5). Также было принято решение провести в 1911 г. смотр всех российских дружин «потешных».

Рис. 6. Смотр бахмутских «потешных». 1910 г.

28 июля 1911 г. в Петербурге прошел первый Всероссийский смотр «потешных» (Федосьев, 1911: 1106). Его подготовкой занимался подполковник С.И. Назимов. Он организовал приезд «потешных» из многих российских городов и лично отвечал за проведение смотра. За его успешное проведение Назимова произвели в полковники (Успенский, 1911). Следующий смотр состоялся 1 августа 1912 года в Санкт-Петербурге на Марсовом поле (Ватник, 2006). После смотра предполагалась обязательная организация «потешных» дружин в средних учебных заведениях.

Рис. 7. Смотр «потешных» на Марсовом поле. 1912 г.

Если говорить об организации государственного управления «потешными», то в 1911 г. они перешли из ведения Министерства народного просвещения в ведение Военного ведомства. Данное переподчинение никаким образом не могло способствовать формированию педагогической концепции движения и основывалось только на отдельных педагогических методах и средствах. В 1913 году император передал «потешные» дружины под начало генерал-майора Владимира Николаевича Воейкова, который являлся главным наблюдателем за физическим развитием народонаселения Российской империи. На практике «потешные» остались под патронажем мужских учебных заведений, в том числе и в частных школах. И если «потешные», которые были при земских школах, поддерживались из государственной казны, то в частных школах финансирование «потешных» зависело от благотворительных концертов и сборов (Назимов, Яцко, 1911: 19). Начавшаяся в 1914 г. Первая мировая война не позволила государству должным образом обеспечить будущее «потешного» движения. Только благодаря энтузиазму основателей и наставников во многих губерниях движение просуществовало до 1917 года. Сторонники развития скаутизма в России утверждали, что одной из важных причин этого стал отказ русского правительства от объединения «потешных» со скаутами, которые набирали уже популярность среди русской молодежи (Янчевецкий, 1911).

На наш взгляд, причины забвения «потешных» были более глубокими. Во-первых, несмотря на финансовую поддержку государства, этих средств не было достаточно для дальнейшего обеспечения материально-технической базы «потешных»; во-вторых, не хватало военных специалистов, имеющих педагогические знания и навыки; в-третьих, либеральная общественность всячески критиковала

«потешное» движение за милитаризацию подростков, что не могло не влиять на настроения родителей. Но самой ключевой ошибкой создателей «потешного движения» является слабая проработка методики воспитательной работы, которая очень важна для становления и развития юной личности.

5. Заключение

Движение «потешных» является ярким примером становления единой системы военно-патриотического воспитания в Российской империи начала XX века. Система военного обучения и патриотического воспитания «потешных», разработанная Назимовым и Яцко, не успела стать общей и единой для всех «потешных» дружин. Отдельные ее «фрагменты» использовались на практике и приносили свои плоды, но этого было недостаточно для укрепления и развития военно-патриотического воспитания в стране. В методике работы с детьми в движении преобладал обучающий аспект узкого военного профиля с элементами патриотического воспитания. Не хватало наличия целостной воспитательной концепции военно-патриотического воспитания молодежи. Отсутствовало централизованное управление движением. «Потешные» представляли собой разрозненные дружины, готовящиеся к смотру, а в смотре участвовали только лучшие. Несмотря на эти недостатки, «потешные» в истории остаются как достойный пример организации отечественного детско-юношеского движения военно-патриотического направления.

Литература

- Ватник, 2006** – *Ватник Н.С.* Серьезность «потешных рот»: становление военного обучения учащихся Центральной России в начале XX в. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.stjag.ru/article.php?nid=30989> (дата обращения: 15.01.2023).
- Гефнер, 2010** – *Гефнер О.В.* Военно-патриотическое воспитание молодежи в начале XX века: «потешное» движение в городах Западной Сибири // *Вестник Омского ун-та.* № 2. 2010. С. 162-172.
- Ищенко, 2002** – *Ищенко О.В.* «Потешные» в Сибири (отражение вопроса на страницах либеральной печати начала XX в.) / *Словцовские чтения – 2002. Материалы докладов и сообщений Всероссийской научно-практической краеведческой конференции.* Тюмень: Издательство Тюменского государственного университета, 2002. С. 83-84.
- Калугин, 2006** – *Калугин В.* Антология военной песни от полтавской битвы до чеченской войны. М.: Эксмо, 2006. 798 с.
- Кудряшов, 2005** – *Кудряшов Ю.В.* Российское скаутское движение / Федер. агентство по образованию РФ, Гос. образоват. учреждение высш. проф. образования «Помор. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова», Орг. рос. юных разведчиков. Архангельск: Изд-во Помор. ун-та, 2005. 593 с.
- Луцкевич, 1912** – *Луцкевич А.А.* Бахмутские «потешные»: (Автобиограф. очерк организатора «потешных» А.А. Луцкевича). Бахмут: Тип. И.Х. Новикова, 1912. 62 с.
- Назимов, Яцко, 1911** – *Назимов С.И., Яцко И.В.* Русское потешное войско: История его происхождения и развития. Теория и практика в наши дни. М.: Тип. т-ва И.Д. Сытина, 1911. 162 с.
- Плетнев, 1910** – *Плетнев М.Д.* Потешный. Журнал русских детей. № 1. М.: Издание книгоиздательства «Верность», 1910. 22 с.
- Поляков, 2008** – *Поляков С.П.* Концептуальные положения педагогической системы подготовки молодежи к военной службе в России: Монография. М.: Ин-т военной истории М-ва обороны Российской Федерации, 2008. 236 с.
- Райт, 2002** – *Райт Д.* Подготовка граждан: царский режим и военное обучение молодежи / Последняя война императорской России. Сб. ст. под ред. О.Р. Айрапетова. М., 2002. С. 43-64.
- РГИА** – Российский государственный исторический архив.
- Соколов, 2002** – *Соколов В.И.* История молодежного движения России (СССР) со второй половины XIX до XXI века: [Учеб. пособие]. 2-е изд. испр. и доп. Рязань: Узорочь, 2002. 626 с.
- Соколова, Федорова, 2006** – *Соколова Э.С., Федорова М.И.* Дети и детские организации России в XX веке: история и современность глазами социологов. М.: Пед. о-во России, 2006. 255 с.
- Уткин, 2016** – *Игумен Виталий (Уткин).* «Потешные» Антиоха Луцкевича. [Электронный ресурс]. URL: <http://history.pravorg.ru/2016/02/05/poteshnyue-antioxa-luckevicha> (дата обращения: 25.03.2023).
- Усачев, 2016** – *Иеромонах Авель (Усачев).* Серьезные дела «потешных» полков. [Электронный ресурс]. URL: <https://pokrov.pro/sereznyue-dela-poteshnyux-polkov> (дата обращения: 21.02.2023).
- Успенский, 1911** – *Успенский М.А.* Постановка физического развития в средних школах одесского учебного округа // *Искры.* № 29. 31 июля 1911. С. 226-227.
- Федосьев, 1911** – *Федосьев Н.* Смотр «потешных» полковником С.И. Назимовым: (Письмо в редакцию) // *Ученик.* № 47. 1911. С. 110б.
- Чарнолуский, 1908** – *Чарнолуский В.И.* Союзы молодежи и общества самообразования. СПб.: Тип. М.А. Александрова, 1908.
- Шаров, 1992** – *Шаров А.В.* «Потешные», юные разведчики и другие // *Военные знания.* 1992. № 1. С. 12-14.

Шободоева, 1995 – Шободоева А.В. Российский скаутинг: история, теория, практика. Омск: Изд-во Омского госпедуниверситета, 1995. 143 с.

Эксе, 1911 – Эксе В.Ф. Виленское потешное войско, или Государево дело, изложенное воинским языком законов и дающее ответы на все вопросы устройства и обучения войска по английской системе, но в духе российском. Вильна: Типолит. т-ва Н. Мац и К°, 1911. [2], VI, 124 с.

Янчевецкий, 1911 – Янчевецкий В.Г. Юный разведчик // Ученик. Еженедельный журнал для юношества от 2(15) апреля 1911 г.

Abramov et al., 2019 – Abramov A.P., Chuikov O.E., Pyaseckaya E.N., Svechnikov V.A. Educational system of Victor N. Soroka-Rosinsky: from coercion to voluntariness // *European Journal of Contemporary Education*. 2019. Т. 8. № 1. Pp. 254-262.

References

Abramov et al., 2019 – Abramov, A.P., Chuikov, O.E., Pyaseckaya, E.N., Svechnikov, V.A. Educational system of Victor N. Soroka-Rosinsky: from coercion to voluntariness. *European Journal of Contemporary Education*. 8(1): 254-262. [in Russian]

Charnoluskii, 1908 – Charnoluskii, V.I. (1908). Soyuzы molodezhi i obshchestva samoobrazovaniya [Youth unions and self-education societies]. SPb.: Tip. M.A. Aleksandrova. [in Russian]

Ekse, 1911 – Ekse, V.F. (1911). Vilenskoe poteshnoe voisko, ili Gosudarevo delo, izlozhennoe voinskim yazykom zakonov i dayushchee otvety na vse voprosy ustroystva i obucheniya voyska po angliiskoi sisteme, no v dukhe rossiiskom [The Vilna amusing army, or the Sovereign's case, set out in the military language of laws and giving answers to all questions of the organization and training of troops according to the English system, but in the Russian spirit]. Vil'na: Tipolit. t-va N. Mats i K°, [2], VI, 124 p. [in Russian]

Fedos'ev, 1911 – Fedos'ev, N. (1911). Smotr «poteshnykh» polkovnikom S.I. Nazimovym: (Pis'mo v redaktsiyu) [Review of the “poteshnye” (funny) by Colonel S. I. Nazimov: (Letter to the editor)]. *Uchenik*. 47: 1106. [in Russian]

Gefner, 2010 – Gefner, O.V. (2010). Voенно-patrioticheskoe vospitanie molodezhi v nachale XX veka: «poteshnoe» dvizhenie v gorodakh Zapadnoi Sibiri [Military-patriotic education of youth at the beginning of the 20th century: «amusing» movement in the cities of Western Siberia]. *Vestnik Omskogo un-ta*. 2: 162-172. [in Russian]

Ishchenko, 2002 – Ishchenko, O.V. (2002). «Poteshnye» v Sibiri (otrazhenie voprosa na stranitsakh liberal'noi pečati nachala KhKh v.) [“Poteshnye” (Funny) in Siberia (reflection of the issue on the pages of the liberal press of the early twentieth century)]. *Slotsovskie chteniya – 2002. Materialy dokladov i soobshchenii Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi kraevedcheskoi konferentsii*. Tyumen': Izdatel'stvo Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Pp. 83-84. [in Russian]

Kalugin, 2006 – Kalugin, V. (2006). Antologiya voennoi pesni ot poltavskoi bitvy do chechenskoi voiny [Anthology of military songs from the battle of Poltava to the Chechen war]. M.: Eksmo, 798 p. [in Russian]

Kudryashov, 2005 – Kudryashov, Yu.V. (2005). Rossiiskoe skautskoe dvizhenie [Russian scout movement]. Feder. agentstvo po obrazovaniyu RF, Gos. obrazovat. uchrezhdenie vyssh. prof. obrazovaniya «Pomor. gos. un-t im. M.V. Lomonosova», Org. ros. yunyk razvedchikov. Arkhangel'sk: Izd-vo Pomor. un-ta, 593 p. [in Russian]

Lutskevich, 1912 – Lutskevich, A.A. (1912). Bakhmutskie «poteshnye»: (Avtobiogr. ocherk organizatora «poteshnykh» A.A. Lutskevicha) [Bakhmut “poteshnye” (funny) (Autobiographical sketch of the organizer of the “poteshnye” A.A. Lutskevich)]. Bakhmut: Tip. I.Kh. Novikova, 62 p. [in Russian]

Nazimov, Yatsko, 1911 – Nazimov, S.I., Yatsko, I.V. (1911). Russkoe poteshnoe voisko: Istoriya ego proiskhozhdeniya i razvitiya. Teoriya i praktika v nashi dni [Russian amusing army: the history of its origin and development. Theory and practice today]. M.: Tip. t-va I.D. Sytina, 162 p. [in Russian]

Pletnev, 1910 – Pletnev, M.D. (1910). Poteshnyi [“Poteshnye” (Funny)]. *Zhurnal russkikh detei*. 1. M.: Izdanie knigoizdatel'stva «Vernost'», 22 P. [in Russian]

Polyakov, 2008 – Polyakov, S.P. (2008). Kontseptual'nye polozheniya pedagogicheskoi sistemy podgotovki molodezhi k voennoi sluzhbe v Rossii: Monografiya [Conceptual provisions of the pedagogical system for preparing young people for military service in Russia: monograph]. M.: In-t voennoi istorii M-va oborony Rossiiskoi Federatsii, 236 P. [in Russian]

Rait, 2002 – Rait, D. (2002). Podgotovka grazhdan: tsarskii rezhim i voенное obuchenie molodezhi [Training of citizens: the tsarist regime and the military training of youth]. *Poslednyaya voina imperatorskoi Rossii*. Sb. st. pod red. O.R. Airapetova. M. Pp. 43-64. [in Russian]

RGIA – Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian State Historical Archive].

Sharov, 1992 – Sharov, A.V. (1992). «Poteshnye», yunye razvedchiki i drugie [“Poteshnye” (Funny) young scouts and others]. *Voennye znaniya*. 1: 12-14. [in Russian]

Shobodoeva, 1995 – Shobodoeva, A.V. (1995). Rossiiskii skauting: istoriya, teoriya, praktika [Russian scouting: history, theory, practice]. Омск: Изд-во Омского госпедуниверситета, 143 p. [in Russian]

Sokolov, 2002 – Sokolov, V.I. (2002). Istoriya molodezhnogo dvizheniya Rossii (SSSR) so vtoroi poloviny XIX do XXI veka [History of the youth movement in Russia (USSR) from the second half of the 19th to the 21st century: [Ucheb. posobie]. 2-e. izd. ispr. i dop. Ryazan': Uzoroch'e, 626 p. [in Russian]

Sokolova, Fedorova, 2006 – Sokolova, E.S., Fedorova, M.I. (2006). Deti i detskie organizatsii Rossii v XX veke: istoriya i sovremennost' glazami sotsiologov [Children and children's organizations in Russia in the 20th century: history and modernity through the eyes of sociologists]. M.: Ped. o-vo Rossii, 255 p. [in Russian]

Usachev, 2016 – Ieromonakh Avel' (Usachev). Ser'eznye dela «poteshnykh» polkov [Serious affairs of “poteshnye” (funny) regiments]. [Electronic resource]. URL: <https://pokrov.pro/sereznye-dela-poteshnyx-polkov> (date of access: 21.02.2023). [in Russian]

Uspenskii, 1911 – Uspenskii, M.A. (1911). Postanovka fizicheskogo razvitiya v srednikh shkolakh odeskogo uchebnogo okruga [Setting up physical development in secondary schools of the Odessa educational district]. *Iskry*. 29. 31 iyulya 1911. Pp. 226-227. [in Russian]

Utkin, 2016 – Igunen Vitalii (Utkin). Poteshnye Antiokha Lutskevicha [“Poteshnye” (funny) by Antiochus Lutskevich]. [Electronic resource]. URL: <http://history.pravorg.ru/2016/02/05/poteshnye-antioxa-luckevicha> (date of access: 25.03.2023). [in Russian]

Vatnik, 2006 – Vatnik, N.S. (2006). Ser'eznost' «poteshnykh rot»: stanovlenie voennogo obucheniya uchashchikhsya Tsentral'noi Rossii v nachale XX v. [Seriousness of “poteshnye” (funny) mouths: the formation of military education of students in Central Russia at the beginning of the 20th century]. [Electronic resource]. URL: <http://www.stjag.ru/article.php?nid=30989> (date of access: 15.01.2023). [in Russian]

Yanchevetskii, 1911 – Yanchevetskii, V.G. (1911). Yunyi razvedchik [Young scout]. Uchenik. Ezhenedel'nyi zhurnal dlya yunoshstva ot 2(15) aprelya 1911 g. [in Russian]

Организация военного обучения и патриотического воспитания молодежи в Российской империи на примере движения «потешные»

Олег Евгеньевич Чуйков^{a, *}, Тюрин Илья Владимирович^b, Татьяна Михайловна Рожнова^c, Ксения Сергеевна Рожнова^c

^a Курский государственный медицинский университет Минздрава России, Курск, Российская Федерация

^b Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова, Москва, Российская Федерация

^c Первый Московский государственный медицинский университет имени И.М. Сеченова Министерства здравоохранения Российской Федерации (Сеченовский Университет), Российская Федерация

Аннотация. В данной статье представлен анализ системы военного обучения и патриотического воспитания подрастающего поколения, которая была разработана Семеном Ивановичем Назимовым и Иваном Васильевичем Яцко для «потешных» дружин. «Потешные» были созданы в 1908 с целью обеспечения военного обучения и патриотического воспитания юношей низших сословий. В организации первых «потешных» дружин не было никакого единообразия как в форме, так и методике подготовки юных воинов. Подобная детская организация требовала наличие целой учебно-методической системы. Система могла появиться и существовать только в условиях соединения педагогического таланта, патриотического энтузиазма основателей «потешных дружин», государственной поддержки, а также одобрения российского общества. Цель исследования: смоделировать систему военно-патриотического обучения и патриотического воспитания молодежи в «потешных» дружинах. В ходе проведенного исследования нам удалось определить уровни поддержки организации «потешных» дружин (государственный и земский); выявить методы и средства данной поддержки (нормативно-правовая, материально-техническая, финансовая и др.); проанализировать результаты первых лет деятельности «потешных». Система подготовки «потешных» предполагала наличие нескольких важных направлений: изучения основ русской монархической государственности, религиозного воспитания, военной подготовки и физического воспитания. В работе представлены перечень занятий и примеры учебно-методических материалов, применяемых воспитателями и унтер-офицерами в учебном процессе. Отмечен большой уклон в сторону военной подготовки при отсутствии целостной педагогической концепции. А также нами были выявлены факторы и причины, негативно повлиявшие на дальнейшую судьбу движения и приведшие к прекращению деятельности «потешных».

Ключевые слова: «потешные» дружины, Бахмутское народное училище, унтер-офицер, высочайший смотр, военный строй, патриотическое воспитание, «Русское потешное войско», милитаризация, словесные занятия, приемы для стрельбы.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: chuiikov-ru@mail.ru (О.Е. Чуйков)

Copyright © 2023 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2023. 18(2): 974-981
 DOI: 10.13187/bg.2023.2.974

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Modernization of Russian Statehood: National Outskirts in the Modernization Model of Russia at the beginning of the 20th century (on the Example of Kalmykia). Part 2

Konstantin N. Maximov ^{a, *}

^a Kalmyk Scientific Center, Russian Academy of Sciences, Russian Federation

Abstract

In the second half of the XIX – early XX centuries, national regions, in particular the Kalmyk Steppe (Kalmykia), as part of a multiethnic state, were included in the process of modernization of Russian statehood. Taking into account the peculiarities of their development, social reforms, reforms of public administration, self-government, administrative-territorial structure and other spheres were separated into separate, sequential stages in the implementation of the general modernization policy of the Russian state.

This part of the article examines the processes of modernization of the state administration of the Kalmyk steppe, its introduction into the unified system of the state mechanism of Russia in accordance with the reform of 1902, carried out on the basis of the application of the Provisions of the peasant reform of 1861. The special attention is paid to the acquisition of the rights of free rural inhabitants, the expansion of the legal personality of the Kalmyks-commoners, freed from serfdom in 1892. The complex of reforms included the administrative and territorial reorganization of the Kalmyk steppe, changes in the legal status of social structures of the population, rural communities in accordance with the basic principles of the peasant reform of 1861 and Stolypin agrarian policy.

Keywords: Russian Empire, Kalmyk steppe, Astrakhan province, Ministry of Internal Affairs, peasant reform, modernization, public administration, self-government, ulus, aimak, Management of the Kalmyk people.

1. Введение

В связи с нарастающим со второй половины XIX в. кризисом в общественно-политической жизни России властные структуры вынужденно обратились к модернизационной модели выхода из него. Радикальные государственные реформы, проведенные в России в 60–70-х годах XIX столетия, не коснулись Калмыкии вплоть до конца века, в том числе и крестьянская, ограничившая крестьян в правах частного собственника, но предоставившая личную свободу и самоуправление. Своеобразная крестьянская реформа, отмена крепостнических отношений в одном из национальных районов Российской империи – в Калмыкии – была осуществлена, когда правовой статус российского крестьянства изменился более 30 лет тому назад и спустя свыше 10 лет после возвещения Александром III о неуклонном следовании Великим реформам минувшего царствования и о намерении развивать их дальше.

Следуя принципам Манифеста (29 апреля 1881 г.), принятого при коронации, император высочайше утвердил 16 марта 1892 г. акт, отменивший в Калмыкии обязательные социальные отношения между отдельными сословиями и распространивший положения Манифеста 19 февраля 1861 г. на ее население. Калмыцкие крестьяне, получив личные свободы, права, были приравнены в соответствии с общими законами империи к свободным сельским обывателям. В связи с этим закон внес принципиальные изменения в правовой статус сословий, улусов и аймаков (административно-территориальные единицы), в их управление. Улусовладельцы (нойоны-князья) отстранялись от

* Corresponding author

E-mail addresses: tsagadam@mail.ru (K.N. Maximov)

управления улусами, родовые зайсанги (правитель из сословия дворян) – от управления аймаками. Улусные органы управления были включены в систему государственных учреждений во главе с попечителями (в отдельных улусах его частями с заведующим), назначаемыми МВД по представлению астраханского губернатора. Аймаки были переданы в общественное самоуправление во главе с избираемыми на сходах старшинами, для которых в феврале 1894 г. приказом министра государственных имуществ был учрежден должностной знак (как и волостным старшинам) круглой формы (по окружности с надписью – аймачный старшина) на цепи, изготовленный из бронзы (НА РК. Ф. Р-9. Оп. 5. Д. 443. Л. 34, 60-61; ПСЗРИ, 1892: 173-175; 1894: 5).

С этого времени начались поиски модернизации правового статуса населения, административно-территориального устройства и административно-общественного управления в Калмыцкой степи в соответствии с Положением 19 февраля 1861 г., определения правового статуса высших звеньев управления калмыцким народом и введения их в систему государственных учреждений Российской империи.

2. Материалы и методы

Источниковую базу статьи составили различные виды документов по происхождению и содержанию. Они были созданы и отложились в результате деятельности центральных государственных учреждений (министерств земледелия и государственных имуществ, внутренних дел) России, администрации Астраханской губернии, Управления калмыцким народом, улусных управлений и др. Документальные материалы, разнообразные по времени происхождения, авторству и видам (законы, приказы, инструкции, положения, отчеты, справки, докладные, переписка и т.д.), выявлены в фондах Национального архива республики Калмыкия. Статья написана с привлечением новых письменных источников нормативного, законодательного характера, опубликованных в различных документальных изданиях, а также материалов статистики. Многие выявленные и использованные виды исторических источников впервые вводятся в научный оборот.

При написании работы, отойдя от принципов формационного подхода, приводившего к стереотипной периодизации социально-экономического, политического развития Калмыкии, руководствуясь принципами историзма, проблемно-хронологического, мы использовали в статье конкретно-исторические материалы, факты, раскрывающие особенности социально-экономического, общественного развития Калмыкии в общеисторическом пространстве России. Ориентиром в исследовании темы явилась объективность, в том числе и при изучении вопросов происхождения и содержания исторических источников. При выявлении и сборе исторических источников мы опирались на принципы комплексности, всесторонности, позволившие на достаточном уровне проанализировать их с компаративных позиций. При изучении и введении в научный оборот источников применены методы компаративного рассмотрения, источниковедческого анализа.

3. Обсуждение

Несмотря на достаточную литературу, посвященную истории модернизации системы управления, государственных учреждений России (Сукиасян, 1996; Ерошкин, 1975; Ерошкин, 1983; Королева, 1982; Абдулатипов, Болтенкова, Яров, 1992 и др.), в них авторы не рассматривали проблемы реформирования управления в национальных окраинах именно в начале XX в. В отдельных трудах историков (Пашков, 1997; Национальные окраины, 1998 и др.) имеются лишь фрагментарные сведения о реформах в Калмыкии XIX и начала XX вв. Б.Г. Пашков лишь упомянул о реформе 1892 г. в хронологической таблице своей книги (Пашков, 1997: 587). Ш.Ф. Мухамедьяров в указанной коллективной монографии о реформе 1892 г. ограничился одним предложением, отметив лишь то, что улусовладельцы и правители (правильно: улусовладельцы-правители, зайсанги-правители. – К.М.) были отстранены (правильно: упразднены их должности. – К.М.) от участия в местном управлении. Из реформ начала XX в. он упомянул только передачу в декабре 1902 г. (им указана дата 1903 г.) Управления Калмыцкой степью из ведения Министерства земледелия и государственных имуществ в МВД (Национальные окраины..., 1998: 54).

В историографии истории Калмыкии немалое внимание уделено ликвидации в марте 1892 г. социально-правового неравенства основной массы калмыцкого населения, веками находившегося в зависимости от нойонов и зайсангов (аристократов). Одним из первых этой проблемы коснулся Ф.И. Плюнов в статьях, написанных еще в 1920-х годах, а опубликованных лишь в сборнике его трудов «Калмыцкий народ и Октябрьская революция, 2016». В имеющихся трудах (Очерки истории, 1967; История Калмыкии..., 2009, т. 2; Эрдниев, 1985; Максимов, 2002; Команджаев, 1999; Команджаев, Мацакова, 2011 и др.) историков Калмыкии, посвященных закону 1892 г., не исследуются реформы, проведенные в его развитие. Исключением является монография Команджаева и Мацаковой, в которой предпринята попытка рассмотреть лишь административно-территориальную реформу 1910 г.

4. Результаты

В общей модернизационной политике российской государственности ставилась задача завершить реформирование управления национальными окраинами с тем, чтобы, унифицировав

управление ими по крестьянской реформе сельского населения, ввести их в единую систему государственного механизма. В соответствии с этой политикой Управление Калмыцкой степью, согласно решению Государственного совета от 23 декабря 1902 г., перешло от Министерства земледелия и государственных имуществ непосредственно Земскому отделу Министерства внутренних дел, управлявшему крестьянскими делами и контролировавшему выполнение и соблюдение всех законодательных актов, касающихся реформ. Земскому отделу МВД были подчинены губернские по крестьянским делам присутствия, учрежденные в губерниях по Манифесту 19 февраля 1861 г. (ПСЗРИ, 1902: 1009-1010; Ерошкин, 1983: 27; Российское законодательство, 1989: 29). Поэтому в целях удобства вертикального (централизованного) управления и сохранения горизонтального (местного) этим же законом 1902 г. Управление калмыцким народом было оставлено при Астраханском губернском правлении. Непосредственное управление делами калмыков и их землями, находившимися в общественном пользовании, было сосредоточено в губернском по крестьянским делам присутствии. Отныне управление калмыцким народом возлагалось на астраханского губернатора, но уже как на чиновника, представителя МВД, поскольку по данному закону все права и обязанности по управлению калмыцким народом возлагались на министра внутренних дел России (ПСЗРИ, 1902: 1009). В связи с этим, в отличие от предыдущей системы, астраханский губернатор освобождался от хозяйственных и иных «мелких» вопросов, калмыцкие дела решал только через специальное учреждение – Управление калмыцким народом (УКН), а не через свой аппарат. Но кадровые вопросы не только государственных учреждений, но и органов самоуправления остались в его ведении, за исключением номенклатурных МВД (заведующий УКН, попечители, заведующие улусными управлениями). Статус Управления калмыцким народом, образованного еще в 1867 г. во главе с губернским чиновником – заведующим астраханским Управлением государственных имуществ в ранге главного попечителя калмыцкого народа, принципиально изменился. По закону 1902 г. права и обязанности главного попечителя передавались астраханскому губернатору, а должность помощника попечителя была переименована в заведующего калмыцким народом, который стал непосредственным руководителем Управления калмыцким народом, назначаемым МВД.

Формы обмундирования чинов Управления калмыцким народом, введенные высочайшим повелением императора от 23 мая 1894 г., были сохранены. Мундиры их со всеми знаками означали место служения, степень звания и должности. В соответствии с «Положением о гражданских мундирах», высочайше утвержденным 27 февраля 1834 г., чиновники Управления калмыцким народом по новому указу были облачены в государственную чиновничью форму обмундирования, соответствующую характеру их полномочий к уездной полицейской службе, но с некоторым отличием (ПСЗРИ, 1894: 316; 1834: 168-169, 180).

С реорганизацией управления в Калмыцкой степи к началу 1906 г. сформировалась стабильная система органов государственного управления с определенной структурой и штатами, утверждаемыми МВД. Высшим звеном в ней являлись астраханский губернатор и Управление калмыцким народом (УКН). Штат УКН, утверждаемый МВД, состоял из 13 должностей, соответствующих классным чинам по Табелю о рангах. Должность заведующего УКН, можно сказать, входила в основную номенклатуру должностей МВД и соответствовала VI классу по Табелю о рангах.

С завершением реформы управления высшего звена и окончательным введением местного управления (аймаков и хотонов) в единоуправляемую систему государства значительно увеличивается штат чиновников государственного аппарата управления Калмыцкой степью. В 1906 г. в штаты Управления калмыцким народом и улусных управлений входили 45 классных должностей и 12 канцелярских работников без чинов, а в 1912 г. числились уже 63 классные должности и 38 канцелярских работников. Помимо этого, в штат УКН в 1909 г. были включены в качестве государственных чиновников лама (высшее духовное лицо) калмыцкого народа и один присяжный гелюнг (священник), переводчик и письмоводитель при ламе, а также надзиратель Калмыцкого училища. В аппарате Управления Калмыцкой степью в 1912 г. в числе 63 классных чиновников работали только два калмыка: один – в должности классного чина VIII класса – врачом в Малодербетовском улусе, в будущем известный политический деятель, писатель. С ноября 1887 г. должность переводчика VIII класса занимал Наймин Бадмаев, окончивший в 1882 г. 5 классов Астраханской классической гимназии, имевший чин коллежского асессора, награжденный в мае 1898 г. серебряной медалью «За усердие» на Станиславской ленте, 6 декабря 1908 г. – орденом Св. Станислава 3-й степени. В 1912 г. семерых калмыков, переводчиков улусных управлений в должности XII класса, приравняв их к толмачам, перевели в штат канцелярии без классных чинов (НА РК. Ф. И-9. Оп. 11. Д. 27. Л. 32-42, 97-97об.; Оп. 1. Д. 360. Л. 12-22, 51, 56; Д. 99. Л. 2-138).

Управление аймаками и хотонами (сельскими населенными пунктами) до реформы осуществляли старшины и старосты, избиравшиеся на сходах и работавшие на общественных началах. Но с 1910 г. их возвели в статус присяжных государственных служащих. Они избирались, как правило, по-прежнему из числа зайсангов на сходах аймачных и хотонных обществ сроком на три года. После избрания старшины и старосты, как и назначенные чиновники, принимали присягу и подписывали текст присяги в присутствии представителя руководящего состава вышестоящего учреждения, а также

духовного лица (бакши или гелюнга), принимавшего присягу. Только после этой процедуры документы на утверждение их в присяжной должности представлялись на подпись губернатору.

В штат аймачного управления входили старшина, писарь, стражник, конный рассыльный, рассыльный-почтальон, сторож, прислуга, а также хотонный староста. Денежное содержание в год им устанавливалось решением схода аймака.

Помимо штатных государственных чиновников, в улусах избирали на сходах бодокчея – судью-посредника из нойонов или зайсангов, соответствующего по полномочиям мировому посреднику, учрежденному в результате крестьянской реформы 1861 г. Кроме того, на улусных сходах избирали двух ценовщиков, до 4–5 демчеев (сборщиков налогов) по участкам (на 400–500 кибиток), двух заседателей в Зарго (высший судебный орган), двух поверенных по земельным делам, до 8 конных объездчиков для охраны сенокосных угодий. Кроме того, на сходах приволжских улусов избирали еще двух подрядчиков по найму рабочих на рыболовные промыслы (НА РК. Ф. И-9. Оп. 4. Д. 1636. Л. 77; Оп. 5. Д. 1539. Л. 16, 43, 99, 124; Д. 2208. Л. 287). Введение дополнительных должностей в улусах, аймаках, естественно, привело к увеличению расходов на содержание аппарата Управления Калмыцкой степью, которые стали весьма обременительными для налогоплательщиков.

Организовав систему административного управления в Калмыцкой степи, высшая ее администрация обратила внимание на необходимость обеспечения общественной безопасности, борьбы с преступностью, в первую очередь со скотокрадством, грабежом населения, самовольными захватами земель, сенокосов. Еще в декабре 1886 г. в соответствии с «Временным положением о полицейской службе в калмыцких улусах Астраханской губернии» была сформирована в Калмыцкой степи полицейская стража в составе 27 конных и 27 пеших стражников. На содержание их в улусах устанавливался дополнительный кибиточный сбор в размере 21,18 копеек с кибитки, ежегодная сумма от которого составляла в пределах до 6 тыс. рублей (НА РК. Ф. И-9. Оп. 5. Д. 1072. Л. 112). Однако это количество стражников оказалось малочисленным и недостаточно эффективным из-за огромной территории обслуживания, к тому же малое денежное содержание сказывалось на комплектовании этой службы.

Кроме того, одной из основных причин необходимости увеличения стражников в Калмыцкой степи явилось проявление агрессивности под влиянием революционных событий начала XX в. со стороны крестьян окружавших сел. Они стали самовольно захватывать земельные угодья в аймаках, хотонах, применять насилие к местному населению. Ф.И. Плюнов, в те годы служивший помощником попечителя Южной части Малодербетовского улуса, свидетель тех событий, оставил ценные сведения в своих воспоминаниях. Он в 1925 г. писал, что революционность астраханских крестьян проявилась в самой разгульной форме. Они весной 1905 г. выгнали свои стада и отары в Калмыцкую степь на самые лучшие покосные места и стали захватывать обширные и лучшие участки калмыцкой земли, присоединяя их к своим владениям, даже насильственно выгоняя с них калмыков (Плюнов, 2016: 75). Астраханский губернатор вынужден был под видом борьбы со скотокрадством 7 октября 1905 г. разрешить улусам организовать особые охранные команды с содержанием за счет местных обществ. Согласно вердикту губернатора, сход Малодербетовского улуса, состоявшийся 12 ноября 1905 г., принял решения: образовать в улусе 12 сторожевых пунктов в составе 48 стражников; выделить на их содержание 7380 руб. из общественного капитала (НА РК. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 295. Л. 7–11). Подобные решения были приняты на сходах населения и в других улусах.

«Революционность» крестьянства в Калмыцкой степи не вызвала со стороны калмыков адекватных реакций. В 1904–1905 гг. в Калмыцкой степи в ответ на призыв императрицы Марии Федоровны активно развернулся добровольный сбор пожертвований в пользу раненых участников Русско-японской войны. Служащие Управления калмыцким народом первыми 4 февраля 1904 г. перечислили в фонд Астраханского управления Российского общества Красного Креста 132 руб. 30 коп., аймачные старшины и почетные граждане Харахусовского улуса 18 февраля перечислили 1000 руб., простолюдины этого же улуса – 1250 руб. 93 коп. Население Икицохуровского улуса перечислило 1673 руб. 55 коп., а крупный коневод этого же улуса Цаган-Убуши Леджинов – 500 руб., крещеные калмыки поселков Чилгир и Бислюрта – 600 руб. Малодербетовцы внесли свой вклад в сумме 1870 руб. 06 коп., а также и остальные улусы (НА РК. Ф. И-9. Оп. 5. Д. 1526. Л. 5-12, 16, 26, 56).

Во второй половине 1905 года органы управления Калмыцкой степью, нойоны, зайсанги втянулись в важнейшую политическую кампанию страны – выборы в I Государственную Думу. В соответствии с пакетом основных государственных актов, принятых в августе 1905 г., о производстве выборов в первый общероссийский представительный и законодательный орган, предстояло выработать особое положение о наделении кочевых инородцев пассивным и активным избирательными правами. Министерством внутренних дел к началу ноября был подготовлен проект такого документа, предоставлявшего право участия в избирательном процессе в Государственную Думу кочевым инородцам Астраханской и Ставропольской губерний и Терской области. Проект, в основу которого были положены основные принципы общего избирательного права, 26 ноября 1905 г. в Астрахани был обсужден с участием представителей астраханской губернской администрации, Управления калмыцким народом и улусных попечителей и представлен с предложениями в МВД (НА РК. Ф. И-9. Оп. 10. Д. 2. Л. 7).

Правительствующий сенат, одобрив проект МВД с предложениями астраханского совещания, представил окончательный вариант «Правил о производстве выборов в Государственную Думу в местностях, занимаемых кочевыми инородцами Астраханской и Ставропольской губерний» Николаю II, который, утвердив 25 марта 1906 г., придал им силу закона (НА РК. Ф. И-9. Оп. 10. Д. 2. Л. 115-119).

Калмыкам Астраханской и Ставропольской губерний в соответствии с предоставленными избирательными правами предстояло избрать, согласно трехступенному (в отличие от четырехступенчатой общей системы выборов) порядку проведения выборов, на аймачных сходах, улусных сходах и съездах стационарных поселений выборщиков и от собрания выборщиков одного кандидата в депутаты Государственной Думы (ПСЗРИ, 1906: 305).

В соответствии с указанными Правилами проведение выборной кампании 1906 г. в Калмыцкой степи возлагалось на Астраханскую губернскую избирательную комиссию. В первой половине апреля 1906 г. ею в Калмыцкой степи и Большедербетовском улусе Ставропольской губернии были организованы и проведены более 200 аймачных сходов, на которых были избраны делегаты на улусные сходы. В аймачных сходах, согласно имущественному (семьи, имеющие скот) и возрастному (мужчины не моложе 25 лет) цензам, приняли участие всего 5216 человек. А избиратели-мужчины 5184 (18,5 %) калмыцких семей, не имевших скота, оказались в качестве «зрителей» важных политических событий в стране.

1376 участников улусных сходов и избирательных съездов, состоявшихся в один день – 18 апреля 1906 г., согласно установленной норме, избрали выборщиков в количестве 11 человек. Заключительным этапом избирательного процесса в Калмыцкой степи явилось собрание выборщиков, председателем которого императором был назначен выборщик, нойон Малодербетовского улуса Ц.-Д. Тундутов. Положение председателя собрания, утвержденного государем России, можно сказать, определял уже исход выборов депутата. На собрании 25 апреля, за два дня до начала работы первой Думы, выборщики Калмыкии из своего состава тайным голосованием на альтернативной основе делегировали в Государственную Думу первого созыва Ц.-Д. Тундутова (НА РК. Ф. И-9. Оп. 10. Д. 2. Л. 27-35, 85-89, 105-109, 255). Однако, к сожалению, слишком мало времени ему было отведено для участия в масштабной государственной и общественной деятельности. Государственная Дума 1-го созыва в составе 524 депутатов, как известно, проработала всего 72 дня, с 27 апреля по 8 июля 1906 г.

Правительство, распустив Думу первого созыва, надеясь вместо нее заполучить лояльную, послушную, в соответствии с дополненным в начале 1906 г. законодательством об учреждении Государственной Думы приступило к организации выборов в Думу второго созыва. Избирательный процесс в Калмыцкой степи и в Большедербетовском улусе Ставропольской губернии, начатый с большим опозданием из-за трудных зимних погодных условий, завершился лишь в мае 1907 г. В ходе выборов по-прежнему был сформирован институт выборщиков в том же количестве, председателем собрания выборщиков Николаем II был назначен нойон Багацохуро-Хошеутовского улуса С.-Д.Б. Тюмень. Калмыцкие выборщики 5 мая 1907 г. большинством голосов предпочли кандидатуру своего председателя, нойона С.-Д.Б. Тюменя в депутаты II Думы (НА РК. Ф. И-9. Оп. 10. Д. 2. Л. 264, 272-274). Полномочия II Государственной Думы, как известно, продлились всего 102 дня. В обстановке спада революционных событий она была распущена и 3 июня 1907 г. принят новый закон о выборах в Государственную Думу.

Новое законодательство о выборах внесло принципиальные коррективы в ранее действовавшие избирательное право и избирательный процесс. В результате не только существенно сужался электорат, но и значительная часть населения России, в том числе жители ее окраин, кочевые народы, фактически лишалась политических прав, отчуждалась от общественно-политической жизни страны. В этом-то и заключался парадокс национальной политики Российской империи. С одной стороны, правительство России, проводя политику модернизации государства и втягивая в нее национальные окраины, вводя их в единоуправляемую государственную систему, единое правовое поле гражданства, социальной структуры населения империи, с другой – оно лишало их политических прав, превращало в неполноценных граждан страны.

Исторические общественно-политические события начала XX в., участие в процессе создания высшего представительного, законодательного органа страны и в его работе (хотя непродолжительное время) явились важным начальным этапом в формировании общественно-политической элиты Калмыкии. Калмыцкие депутаты I и II Государственной Думы Ц.-Д. Тундутов и С.-Д.Б. Тюмень пытались использовать думскую трибуну для заявления о нуждах населения Калмыцкой степи. Ими вносились предложения предоставить самостоятельность в управлении внутренними делами, о необходимости принятия мер по борьбе с движущимися песками и опустыниванием калмыцких степей. Особое внимание они обращали на необходимость прекращения отчуждения калмыцких земель, возвращения земель, отведенных под оброчные статьи.

Поэтому астраханский губернатор генерал-лейтенант И.Н. Соколовский в январе 1908 г. вновь вернулся к вопросу об обеспечении охраны земель. Он вошел с предложением в МВД увеличить месячные оклады 27 конным (13 старшим и 14 младшим) и 27 пешим (13 старшим и 14 младшим)

полицейским стражникам калмыцких улусов. Земский отдел МВД письмом от 16 августа 1908 г. разрешил увеличить расходы на содержание указанного количества полицейских в сумме 1944 руб. из расчета 36 руб. в год каждому за счет общественного капитала калмыцкого народа. Однако участвовавшие скотокрады, грабежи, незаконное отторжение соседними крестьянами земельных угодий потребовали принятия более действенных мер. Улусы, аймаки, не дожидаясь указаний, разрешений, стали на сходах принимать решения о найме полицейских стражников с оплатой за счет сборов со скотовладельцев или же из общественного капитала. Аймачный сход Зюнгагаровского аймака Икицохуровского улуса еще 16 декабря 1906 г. принял решение: просить улусное управление прислать в аймак полицейского стражника, гарантировать ему годовой оклад 300 руб., то есть на 2 руб. больше годового оклада конного старшего полицейского (НА РК. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 12. Л. 59, 73; Д. 1. Л. 7; Д. 295. Л. 3).

5. Заключение

В процессе модернизации российской государственности реформе в начале XX в. подверглось центральное и местное управление Калмыцкой степью. В результате проведенных преобразований административное и территориальное управление, самоуправление населения Калмыцкой степи полностью интегрировались в единоподчиняемую систему страны, а их служащие унифицировались в статусе с государственными чиновниками Российской империи. Отмена обязательных отношений, реформы привели к унифицированию социальной структуры калмыцкого населения с социальной структурой населения страны с сохранением сословий, разных по правовому статусу. Реформирование административно-территориального устройства Калмыцкой степи, проведенное в соответствии с основными принципами столыпинской аграрной политики, разрушило сельскую общину, круговую поруку, привело к интеграции народов, населяющих Калмыцкую степь. В целом проведение реформы явилось новым этапом в экономическом, социально-культурном и общественно-политическом развитии Калмыкии, определившим курс на развитие новых экономических отношений (рынка).

6. Благодарности

Исследование проведено в рамках государственной субсидии – проект «Юго-восточный пояс России: исследование политической и культурной истории социальных общностей и групп» (№ госрегистрации: 122022700134-6).

Литература

- Абдулатипов и др., 1992 – Абдулатипов Р.Г., Болтенкова Л.Ф., Яров Ю.Ф. Федерализм в истории России. В 3 кн. Кн. 1. М.: Республика, 1992. 386 с.
- Ерошкин, 1975 – Ерошкин Н.П. Самодержавие накануне краха. Книга для учителей. М.: «Просвещение», 1975. 190 с.
- Ерошкин, 1983 – Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России: Учебник для студентов высших учебных заведений по специальности «Историко-архивоведение». 3-е изд., перераб. и доп. М.: Высшая школа, 1983. 352 с.
- Инструкция..., 1910 – Инструкция должностным лицам калмыцкого общественного управления Астраханской губернии. СПб., 1910. 14 с.
- История Калмыкии..., 2009 – История Калмыкии с древнейших времен до наших дней. В 3 т. Элиста: Издат. дом «Герел», 2009. Т. 2. 840 с.
- Команджаев, 1999 – Команджаев А.Н. Хозяйство и социальные отношения в Калмыкии в конце XIX – начале XX века: исторический опыт и современность. Элиста: АПП «Джангар», 1999. 262 с.
- Команджаев, Мацакова, 2011 – Команджаев А.Н., Мацакова Н.П. Реформа 1892 года в Калмыкии. Элиста: Изд-во ФГБОУ ВПО «КалмГУ», 2011. 240 с.
- Королева, 1982 – Королева Н.Г. Первая Российская революция и царизм. Совет министров России в 1905–1907 гг. М.: Наука, 1982. 184 с.
- Максимов, 2002 – Максимов К.Н. Калмыкия в национальной политике, системе власти и управления России (XVII – XX вв.). М.: Наука, 2002. 524 с.
- Материалы статистико-экономического..., 1910 – Материалы статистико-экономического и естественно-исторического обследования Калмыцкой степи Астраханской губернии: в 2 ч. Астрахань: Паровая губ. тип., 1910. Ч. 2. Таблицы к статистическо-экономическому обследованию Калмыцкой степи Астраханской губернии, составленные по данным похозяйственных опросных листов, заполненных в 1909 г. 702 с.
- НА РК – Национальный архив Республики Калмыкия.
- Национальные окраины..., 1988 – Национальные окраины Российской империи: становление и развитие системы управления. М.: Славянский диалог, 1988. 416 с.
- Очерки истории, 1967 – Калмыцкая АССР. Дооктябрьский период. М.: Наука, 1967. 480 с.
- Пашков, 1997 – Пашков Б.Г. Русь – Россия – Российская империя. Хроника правлений и событий 862–1917 гг. 2-е издание. М.: ЦентрКом, 1997. 640 с.

- Первая всеобщая..., 1897** – Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. II. Астраханская губерния. Тетр. 1. СПб.: Изд. Центр. Статкомитета МВД, 1899. 53 с.; Тетр. II. СПб.: Изд. Центр. Статкомитета МВД, 1899. 166 с.
- Плюнов, 2016** – *Плюнов Ф.И.* Калмыцкий народ и Октябрьская революция. 1919–1924 гг. Элиста: КИГИ РАН, 2016. 432 с.
- ПСЗРИ, 1834** – Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. IX. 1834. Отделение первое. СПб., 1835. 891 с.
- ПСЗРИ, 1892** – Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. XII. 1892. Отделение первое. СПб., 1897. 734 с.
- ПСЗРИ, 1894** – Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. XIV. 1894. Отделение СПб., 1898. 1529 с.
- ПСЗРИ, 1902** – Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. XXII. 1902. Отделение первое. СПб., 1904. 1030 с.
- ПСЗРИ, 1906** – Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. XXVI. 1906. Отделение первое. СПб., 1909. 1141 с.
- Российское законодательство..., 1989** – Российское законодательство X–XX веков. В 9 т. Т. 7. Документы крестьянской реформы. М.: Юрид. лит, 1989. 816 с.
- Российское законодательство..., 1994** – Российское законодательство X–XX веков. В 9 т. Т. 9. Законодательство эпохи буржуазно-демократических революций. М.: Юрид. лит., 1994. 352 с.
- Сукиасян, 1996** – *Сукиасян М.К.* Власть и управление в России: диалектика традиций и инноваций в теории и практике государственного строительства. М.: Изд-во Российской академии госслужбы при Президенте Российской Федерации, 1996. 374 с.
- Эрдниева, 1985** – *Эрдниева У.Э.* Калмыки: Историко-этнографические очерки. 3-е изд., перераб. и доп. Элиста: Калмиздат, 1985. 282 с.

References

- Abdulatipov i dr., 1992** – *Abdulatipov, R.G., Boltenkova, L.F., Yarov, Yu.F.* (1992). Federalizm v istorii Rossii [Federalism in the history of Russia]. V 3 kn. Kn. 1. M.: Respublika, 386 p. [in Russian]
- Eroshkin, 1975** – *Eroshkin, N.P.* (1975). Samoderzhavie nakanune krakha. Kniga dlya uchitelei [Autocracy on the eve of collapse. Book for teachers]. M.: «Prosveshchenie», 190 p. [in Russian]
- Eroshkin, 1983** – *Eroshkin, N.P.* (1983). Istoriya gosudarstvennykh uchrezhdenii dorevolutsionnoi Rossii: Uchebnik dlya studentov vysshikh uchebnykh zaved[in Russian]enii po spetsial'nosti «Istoriko-arkhivovedenie» [History of state institutions of pre-revolutionary Russia: A textbook for students of higher educational institutions in the specialty “Historical and Archival Studies”]. 3-e izd., pererab. i dop. M.: Vysshaya shkola, 352 p. [in Russian]
- Instruktsiya..., 1910** – Instruktsiya dolzhnostnym litsam kalmytskogo obshchestvennogo upravleniya Astrakhanskoi gubernii [Instruction to officials of the Kalmyk public administration of the Astrakhan province]. SPb., 1910. 14 p. [in Russian]
- Istoriya Kalmykii..., 2009** – *Istoriya Kalmykii s drevneishikh vremen do nashikh dnei* [History of Kalmykia from ancient times to the present day]. V 3 t. Elista: Izdat. dom «Gerel», 2009. T. 2. 840 p. [in Russian]
- Komandzhaev, 1999** – *Komandzhaev, A.N.* (1999). Khozyaistvo i sotsial'nye otnosheniya v Kalmykii v kontse XIX – nachale XX veka: istoricheskii opyt i sovremennost' [Economy and social relations in Kalmykia in the late 19th – early 20th centuries: historical experience and modernity]. Elista: APP «Dzhangar», 262 p. [in Russian]
- Komandzhaev, Matsakova, 2011** – *Komandzhaev, A.N., Matsakova, N.P.* (2011). Reforma 1892 goda v Kalmykii [Reform of 1892 in Kalmykia]. Elista: Izd-vo FGBOU VPO «KalmGU», 240 p. [in Russian]
- Koroleva, 1982** – *Koroleva, N.G.* (1982). Pervaya Rossiiskaya revolyutsiya i tsarizm. Sovet ministrov Rossii v 1905–1907 gg. [The first Russian revolution and tsarism. Council of Ministers of Russia in 1905–1907]. M.: Nauka, 184 p. [in Russian]
- Maksimov, 2002** – *Maksimov, K.N.* (2002). Kalmykiya v natsional'noi politike, sisteme vlasti i upravleniya Rossii (XVII –XX vv.) [Kalmykia in national politics, the system of power and government in Russia (XVII – XX centuries)]. M.: Nauka, 524 p. [in Russian]
- Materialy statistiko-ekonomicheskogo..., 1910** – *Materialy statistiko-ekonomicheskogo i estestvenno-istoricheskogo obsledovaniya Kalmytskoi stepi Astrakhanskoi gubernii* [Materials of the statistical-economic and natural-historical survey of the Kalmyk steppe of the Astrakhan province]: v 2 ch. Astrakhan': Parovaya gub. tip., 1910. Ch. 2. Tablitsy k statistichesko-ekonomicheskomu obsledovaniyu Kalmytskoi stepi Astrakhanskoi gubernii, sostavlennye po dannym pokhozyaistvennykh oprosnykh listov, zapolnennykh v 1909 g. 702 p. [in Russian]
- NA RK** – Natsional'nyi arkhiv Respubliki Kalmykiya [National Archive of the Republic of Kalmykia].
- Natsional'nye okrainy..., 1988** – *Natsional'nye okrainy Rossiiskoi imperii: stanovlenie i razvitie sistemy upravleniya* [National outskirts of the Russian Empire: formation and development of the management system]. M.: Slavianskii dialog, 1988. 416 p. [in Russian]

- Ocherki istorii, 1967** – Kalmytskaya ASSR. Dooktyabr'skii period [Kalmyk ASSR. Pre-October period]. M.: Nauka, 1967. 480 p. [in Russian]
- Pashkov, 1997** – Pashkov, B.G. (1997). Rus' – Rossiya – Rossiiskaya imperiya. Khronika pravlenii i sobytii 862–1917 gg. [Rus' – Russia – Russian Empire. Chronicle of reigns and events 862–1917]. 2-e izdanie. M.: TsentrKom, 640 p. [in Russian]
- Pervaya vseobshchaya..., 1897** – Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiiskoi imperii, 1897 g. [The first general census of the population of the Russian Empire]. II. Astrakhanskaya guberniya. Tetr. 1. SPb.: Izd. Tsentr. Statkomiteta MVD, 1899. 53 p.; Tetr. II. SPB.: Izd. Tsentr. Statkomiteta MVD, 1899. 166 p. [in Russian]
- Plyunov, 2016** – Plyunov, F.I. (2016). Kalmytskii narod i Oktyabr'skaya revolyutsiya. 1919–1924 gg. [Kalmyk people and the October Revolution. 1919–1924]. Elista: KIGI RAN, 432 p. [in Russian]
- PSZRI, 1834** – Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Sobranie vtoroe. T. IX. 1834. Otdelenie pervoe. SPb., 1835. 891 p. [in Russian]
- PSZRI, 1892** – Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Sobranie vtoroe. T. XII. 1892. Otdelenie pervoe. SPb., 1897. 734 p. [in Russian]
- PSZRI, 1894** – Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Sobranie tret'e. T. XIV. 1894. Otdelenie SPb., 1898. 1529 p. [in Russian]
- PSZRI, 1902** – Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Sobranie tret'e. T. XXII. 1902. Otdelenie pervoe. SPb., 1904. 1030 p. [in Russian]
- PSZRI, 1906** – Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Sobranie tret'e. T. XXVI. 1906. Otdelenie pervoe. SPb., 1909. 1141 p. [in Russian]
- Rossiiskoe zakonodatel'stvo..., 1989** – Rossiiskoe zakonodatel'stvo X–XX vekov [Russian legislation of the X–XX centuries]. V 9 t. T. 7. Dokumenty krest'yanskoi reformy. M.: Yurid. lit., 1989. 816 P. [in Russian]
- Rossiiskoe zakonodatel'stvo..., 1994** – Rossiiskoe zakonodatel'stvo X–XX vekov [Russian legislation of the X–XX centuries]. V 9 t. T. 9. Zakonodatel'stvo epokhi burzhuazno-demokraticeskikh revolyutsii. M.: Yurid. lit., 1994. 352 P. [in Russian]
- Sukiasyan, 1996** – Sukiasyan, M.K. (1996). Vlast' i upravlenie v Rossii: dialektika traditsii i innovatsii v teorii i praktike gosudarstvennogo stroitel'stva [Power and management in Russia: the dialectics of traditions and innovations in the theory and practice of state building]. M.: Izd-vo Rossiiskoi akademii gossluzhby pri Prezidente Rossiiskoi Federatsii, 374 p. [in Russian]
- Erdniev, 1985** – Erdniev, U.E. (1985). Kalmyki: Istoriko-etnograficheskie ocherki [Historical and ethnographic essays]. 3-e izd., pererab. i dop. Elista: Kalmizdat, 282 p. [in Russian]

Модернизация российской государственности: национальные окраины в модернизационной модели России в начале XX века (на примере Калмыкии). Часть 2

Константин Николаевич Максимов ^{a, *}

^a Калмыцкий научный центр РАН, Элиста, Российская Федерация

Аннотация. Во второй половине XIX – начале XX вв. в процесс модернизации российской государственности были включены и национальные районы, в частности и Калмыцкая степь (Калмыкия), как части полиэтничного государства. С учетом особенностей их развития социальные реформы, реформы государственного управления, самоуправления, административно-территориального устройства и другие сферы были выделены в отдельные, последовательные этапы в реализации общей модернизационной политики Российского государства.

В этой части статьи рассматриваются процессы модернизации государственного управления Калмыцкой степью, введения ее в единую систему государственного механизма России в соответствии с реформой 1902 г., проведенной на основе применения Положений крестьянской реформы 1861 г. Особое внимание уделяется приобретению прав свободных сельских обывателей, расширению правосубъектности калмыков-простолюдинов, освобожденных от крепостной зависимости в 1892 г. В комплекс реформ входили административно-территориальное переустройство Калмыцкой степи, внесение изменений в правовой статус социальных структур населения, сельских общин в соответствии с основными принципами крестьянской реформы 1861 г. и столыпинской аграрной политики.

Ключевые слова: Российская империя, Калмыцкая степь, Астраханская губерния, МВД, крестьянская реформа, модернизация, государственное управление, самоуправление, улус, аймак, Управление калмыцким народом.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: tsagadam@mail.ru (К.Н. Максимов)

Copyright © 2023 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2023. 18(2): 982-989
 DOI: 10.13187/bg.2023.2.982

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Crisis of the June 3rd System as a Factor in the Transformation of State Policy on the Agrarian Question

Sergey V. Rastorguev ^{a, *}

^a Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Abstract

This article is devoted to the study of the impact of the crisis of the June 3rd system on the transformation of state policy in relation to the agrarian issue. The purpose of the presented work is to assess the impact of the crisis of the June 3rd monarchy on the implementation of the agrarian policy of the authorities and related projects. The source base of the study was formed by involving previously unpublished archival materials into scientific circulation. The methodology of the work includes comparative, structural and historical-genetic analysis. The crisis of the June 3 system in 1911 led to the destruction of its organizational foundations. First, the Prime Minister has come into conflict with the parties dominating the State Duma. At the same time, the Prime Minister's willingness to make ambiguous political decisions in the agricultural sector, ignoring the opinions of most deputies, was publicly demonstrated. Secondly, the inability of the Octobrists to counteract the political course of P.A. Stolypin created favorable conditions for a split within the party and a decline in its popularity. During the same period, there was an internal crisis among the nationalists. These circumstances leveled the possibility of relatively successful use of the mechanism of the "Octobrist pendulum" in the future. Thirdly, P.A. Stolypin's attempt to use members of the reigning house to influence the emperor most likely negatively affected the attitude of Nicholas II to the head of government and his course. At the same time, the state of health of the head of government also significantly complicated the situation. In the current conditions, the further implementation of the agrarian reform was significantly hampered. However, other negative factors also influenced the process. Thus, many conservatives viewed peasants who had separated from the community as a social stratum that was not interested in maintaining political stability. In their opinion, this group, which united small and medium-sized landowners, represented the driving force of the probable bourgeois revolution. As a result, the agrarian reform itself was perceived by many right-wingers as a dangerous experiment contributing to the destruction of the traditionalist community and the spread of capitalism in Russia. On the other hand, many representatives of the highest bureaucracy did not share the Prime Minister's point of view regarding the need for broad material support for peasants who had separated from the community through the modernization of zemstvo institutions. As a result, the crisis of the Third June system paralyzed the activities of the government and the entire system of state power to consolidate and develop the achievements of agrarian reform, or significantly slowed down their implementation.

Keywords: agrarian question, political parties, nationalists, rightists, Cadets, Octobrists, June 3rd monarchy, State Duma, State Council, crisis.

1. Введение

Традиционно в качестве отправной точки трансформации аграрной политики Российской империи в начале 1910-х гг. рассматривается либо смерть П.А. Столыпина (ассоциируемая с началом постепенного свертывания его реформ), либо начало Первой мировой войны, либо кризис

* Corresponding author

E-mail addresses: SRastorguev@fa.ru (S.V. Rastorguev)

третьеиюньской системы. При этом первые две точки зрения наиболее распространены именно в научно-популярной литературе и публицистике. Большинство фундаментальных научных исследований выстраивается именно вокруг третьей позиции, связывая переломный момент в развитии аграрной политики российских властей с внутренним кризисом политической конструкции третьеиюньской монархии на рубеже 1900–1910-х гг., еще в период пребывания П.А. Столыпина на посту главы правительства.

Однако соответствующие объяснительные модели, рассматривающие аграрный вопрос в его взаимосвязи с кризисом третьеиюньской системы, характеризуются наличием значимых недостатков. В частности, широкое распространение получили концепции, выстроенные преимущественно на основе данных нарративных источников личного происхождения. Равным образом многие исследователи склонны абсолютизировать влияние конкретных факторов (например, межпартийной борьбы или воздействия так называемой «придворной камарильи») на процесс развития третьеиюньской системы и реализацию аграрной политики в этот период. Последнее отчасти обусловлено как влиянием сложившихся ранее историографических традиций, так и воздействием социально-политической конъюнктуры (следует учитывать, что представления о П.А. Столыпине и его аграрных преобразованиях были и остаются важным элементом политики памяти).

Как следствие, в научной среде отсутствует консенсус в отношении корреляции между эволюцией третьеиюньской системы и аграрной политикой властей Российской империи. Указанное обстоятельство, помимо прочего, препятствует всесторонней оценке результатов и перспектив аграрного курса П.А. Столыпина.

Целью представленной работы является оценка воздействия кризиса третьеиюньской монархии на реализацию аграрной политики властей и связанных с нею проектов.

2. Материалы и методы

Источниковая база исследования была сформирована за счет вовлечения в научный оборот ранее не опубликованных архивных материалов, хранящихся в фондах Государственного архива Российской Федерации (далее – ГАРФ) и Российского государственного исторического архива (далее – РГИА). В первом случае речь идет о фондах Департамента полиции, партии кадетов и личных фондах А.И. Гучкова и Л.А. Тихомирова. Во втором случае были задействованы документы из фонда Государственной Думы Российской империи.

Использование в рамках исследования сравнительного анализа позволило сопоставить реагирование на кризисные тенденции в системе управления и смену курса в отношении аграрных программ и связанных с ними проектов со стороны разных политических акторов.

Применение историко-генетического анализа позволило оценить динамику исследуемых процессов с учетом обстоятельств их происхождения, выявить причинно-следственные связи между развитием политической системы и комплексом мер по решению аграрного вопроса.

Обращение к структурному анализу, акцентирующему изучение статичных компонентов системы и их функций, дало возможность выявить основные элементы изучаемого предмета и связи между ними, систематизировать собранный источниковый материал.

3. Обсуждение

В дореволюционный период проблематика, связанная с решением аграрного вопроса, исследовалась преимущественно в контексте истории революции 1905–1907 гг. Аграрные реформы П.А. Столыпина анализировались по большей части в русле осмысления результативности и эффективности первых лет преобразований и чаще всего в социально-экономическом контексте, оформленном статистическими показателями. Кроме того, многие авторы освещали тему сутобо с позиции собственных политических предпочтений, стараясь представить программные положения партий как объективный научный анализ (Винавер, 1907; Ельчанинов, 1913; Зворыкин, 1905; Львович, 1906; Пасхалов, 1911; Тихомиров, 1912; Шечков, 1912).

В советский период произошло существенное расширение источниковой базы научных изысканий по исследуемой теме. Но в то же время соответствующие события истолковывались преимущественно на основе оценок современников-большевиков и положений официальной идеологии (Аврех, 1985; Аврех, 1989; Дякин, 1988; Иллерицкая, 1981; Шепелев, 1987).

В постсоветский период произошла широкомасштабная ревизия темы. Однако, как правило, она исследовалась в контексте изучения более широких по объему либо смежных вопросов или за счет углубления в конкретные аспекты связанной с ней проблематики (Айрапетов, 2003; Кирьянов, 2006; Леонов, 1999; Соловьев, 2011; Шацко, 2000; Щукин, 2004).

4. Результаты

В 1911 г. парламентская система России пребывала в состоянии кризиса. Наглядным проявлением этого являлись проблемы с соблюдением кворума в Государственной Думе. Как правило, в марте–апреле на ее заседаниях присутствовали от 140 до 150 человек, в то время как величина кворума составляла 146 депутатов (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 241. 1911. Д. 27. Ч. 46. Л. 6-8).

Вторым значимым признаком парламентского кризиса стало наличие целого пакета законопроектов, так и не получивших полноценного рассмотрения парламентскими комиссиями. В качестве конкретных примеров в данном случае можно привести законопроекты относительно избрания земских гласных, неприкосновенности личности, создания окраинных земств, отмены черты оседлости, принятия Положения об организации волостного и поселкового управления и т.д. (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 241. 1911. Д. 27. Т. 1. Л. 1-2).

Также в мае 1911 г. Дума впервые за долгое время вступила в открытую конфронтацию с правительством по вопросу ужесточения политики в отношении университетов: октябристское большинство поддержало оппозицию, проголосовав за принятие запроса к главе кабинета и министру народного просвещения по соответствующей тематике. При этом именно вмешательство октябристов сорвало попытки правых депутатов саботировать обсуждение путем неявки на заседание (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 241. 1911. Д. 27. Ч. 57. л. Б. Л. 4-7).

Все это стало следствием, с одной стороны, утраты правительством полноценного доверия во взаимоотношениях с октябристами и правыми, с другой стороны, ростом числа конфликтов между фракциями. Как правило, нежелание партий искать компромисс чаще всего проявлялось при обсуждении таких вопросов, как развитие земств, контроль над печатью и развитие инициатив, связанных с завершением аграрной программы П.А. Столыпина (Аврех, 1989: 41-42). Последнее во многом было обусловлено тем, что успешные промежуточные итоги реформы вызывали обеспокоенность, в том числе среди консерваторов. Мнение соответствующих общественно-политических групп относительно результатов аграрных преобразований наглядно отображает позиция князя Е.Н. Трубецкого (на момент описываемых событий – члена Государственного Совета). Он полагал, что рост благосостояния крестьян наряду с увеличением казенного финансирования земских инициатив, направленных на повышение агротехнической культуры, может привести к формированию в деревне влиятельного класса мелких собственников, заинтересованных в переходе к буржуазно-демократическому строю и ликвидации объединенного дворянства как политической силы. С этой точки зрения владельцы отрубов представлялись не социальной опорой власти, а новой группой оппозиции (Айрапетов, 2003: 87).

В то же время все более отчетливо проявлялись принципиальные отличия в восприятии Думой и Советом министров модели будущего волостного земства, которое должно было стать основной площадкой для социальной и политической активности созданного аграрной реформой слоя собственников.

Еще в январе–феврале 1911 г. правительство отстаивало необходимость формирования внутри волостей отдельной избирательной курии для крупных землевладельцев. Она должна была в значительной степени нивелировать преобладание крестьян внутри волостного земства. Необходимость такого решения обосновывалась тем, что в рамках I и II Думы крестьяне демонстрировали устойчивую приверженность левым настроениям. Таким образом, даже возглавляемый П.А. Столыпиным Совет министров не доверял полностью слою мелких собственников, порожденному аграрной реформой. Равным образом представители исполнительной власти настаивали на предоставлении уездным и губернским органам широких прав вмешательства в дела волостных земств, вплоть до смещения должностных лиц по соображениям обеспечения государственной безопасности (РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 547. Л. 121).

Эти инициативы не нашли однозначной поддержки среди октябристов и националистов: их представители раскололись на две группы в ходе голосования. При этом против правительственной инициативы голосовал и сам лидер октябристов А.И. Гучков (ГАРФ. Ф. 555. Оп. 1. Д. 668. Ч. 2. Л. 104-105).

Совет министров отреагировал на это изданием циркуляра от 17 февраля 1911 г., подтверждавшего право губернаторов отказывать в утверждении избранных гласных по политическим соображениям (РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 547. Л. 7).

Конфликт между правительством и Думой усугубляли и давние расхождения в вопросах финансирования земств, в том числе в рамках обязательного земского страхования хуторов. Еще в конце 1910 г. кадеты начали активно обсуждать возможность обложения земскими сборами казенного и церковного имущества и частных железных дорог, отмены государственных повинностей земств, передачи в распоряжение органов местного самоуправления поземельного и промыслового государственного налогов и иные меры, которые, по мнению либералов, должны были обеспечить появление у земств дополнительного финансирования в размере 300–400 млн рублей (ГАРФ. Ф. 523. Оп. 1. Д. 347. Л. 54-58).

Октябристы оценивали предложения кадетов как пример предвыборного популизма, но также настаивали на покрытии части расходов земств (в первую очередь связанных с закреплением результатов аграрной реформы) за счет средств государственной казны. Однако министр финансов В.Н. Коковцов оценил оба проекта как нереалистичные, поскольку появление у государства дополнительных обязательств перед земствами потребовало бы резкого сокращения иных статей расходов, в первую очередь на оборону (РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 546. Л. 111).

Руководство МВД и Министерства финансов одобрили лишь возможность снижения размера государственных налогов, отмены предельного размера обложения на нужды местного

самоуправления и внедрение земского промыслового налога, размер которого составлял бы три четверти от объема аналогичного государственного сбора. По расчетам подчиненных В.Н. Коковцова, эти меры могли дать органам местного самоуправления до 50 млн рублей ежегодного дохода к 1914 г. Однако эта инициатива встретила неприятие со стороны руководства Министерства торговли и промышленности. В результате процесс обсуждения и утверждения способов дополнительного обеспечения местного самоуправления финансами затянулся вплоть до декабря 1912 г. (РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 546. Л. 119).

Как следствие, реализация проектов, призванных закрепить и развить первоначальные успехи аграрной реформы, была приостановлена. Вскоре после этого внутри политического истеблишмента Российской империи начался кризис, вскрывший жесткий конфликт между П.А. Столыпиным и влиятельными консерваторами в окружении императора.

Глава Совета министров намеревался распространить систему земств на территорию Западного края – региона, объединявшего польские, литовские и часть белорусских и украинских губерний. По замыслу П.А. Столыпина, органы местного самоуправления должны были стать противовесом влиянию польских помещиков в западных регионах. Однако этот проект вызвал резкое неприятие в Государственном Совете. 4 марта 1911 г. в ходе II чтения против законопроекта проголосовали одновременно представители всех фракций верхней палаты: инициатива премьер-министра по разным причинам не устраивала их. Однако синхронность выражения ими своего недовольства носила организованный характер. Наиболее влиятельная в верхней палате фракция правых под руководством П.Н. Дурново и В.Ф. Трепова организовала обструкцию законопроекта премьер-министра, в том числе при помощи отсылок к якобы имевшему место позволению императора «голосовать по совести». Противодействие со стороны Государственного Совета стало неожиданностью для П.А. Столыпина, после чего глава правительства подал в отставку. Последнее, впрочем, являлось лишь частью системы мер, посредством которых глава Совета министров намеревался заручиться поддержкой императора в борьбе с политическими оппонентами. П.А. Столыпин сумел заручиться поддержкой членов монаршей фамилии – великих князей Александра и Николая Михайловичей, а также вдовствующей императрицы Марии Федоровны. С их стороны было оказано давление на императора, который желал сохранить за П.А. Столыпиным пост премьер-министра, но при этом избежать каких-либо репрессивных действий в отношении лидеров правых в Государственном Совете (РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 550. Л. 71-75).

К 11 марта глава правительства смог заручиться поддержкой монарха: отказ П.А. Столыпина от удаления в отставку сопровождало одобрение императором предложения отправить П.Н. Дурново и В.Ф. Трепова в отпуск до начала 1912 г. При этом премьер-министр убедил Николая II в бесперспективности повторного направления законопроекта в парламент, что предполагало необходимость временного роспуска обеих палат и утверждения законопроекта напрямую Советом министров. В.Н. Коковцов пытался убедить премьер-министра в поспешности этого шага, но тот отменил возражения, настаивая на том, что эта инициатива должна быть реализована оперативно. По словам В.Н. Коковцова, глава Совета министров обосновал свою точку зрения ожиданием скорой опалы со стороны императора. Последний, как считал П.А. Столыпин, не простит ему необходимости под давлением извне принять решение относительно санкций против П.Н. Дурново и В.Ф. Трепова (РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 550. Л. 91).

Отказ от отставки П.А. Столыпина вместе с роспуском обеих палат способствовал еще большему росту неприязни к премьер-министру со стороны правых: действия главы правительства были расценены как попытка полностью подчинить своей воле Государственный Совет и покушение на прерогативы самого монарха (ГАРФ. Ф. 555. Оп. 1. Д. 671. Л. 103-105).

Одновременно ухудшились взаимоотношения премьера с октябристами: П.А. Столыпин проигнорировал попытку А.И. Гучкова организовать повторное обсуждение законопроекта в ускоренном режиме, и 12 марта 1911 г. обе палаты парламента были распущены на три дня без заключения каких-либо договоренностей с лидерами октябристов (ГАРФ. Ф. 555. Оп. 1. Д. 669. Ч. 1. Л. 128-129). В ходе встречи их делегации с П.А. Столыпиным премьер также отверг все советы и претензии со стороны руководства партии, вскоре после чего А.И. Гучков подал в отставку с поста председателя Думы. В центральном комитете партии октябристов была проведена дискуссия относительно возможности сложения полномочий (от столь радикальной меры, впрочем, в итоге было решено отказаться, но ЦК проголосовал за переход в оппозицию). Отсутствие единства мнений относительно реакции на действия премьера само по себе создавало ситуацию размежевания между влиятельными внутрипартийными группами. И соответствующая тенденция была усилена поражением октябристов на довыборах в Думу в марте 1911 г. по второй московской курии. Доля голосов, отданных за октябристов, снизилась по сравнению с прошлыми выборами в 3,5 раза (ГАРФ. Ф. 555. Оп. 1. Д. 670. Ч. 2. Л. 95-97; РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 552. Л. 47).

Одновременно был запущен процесс распада устоявшихся фракций в обеих палатах парламента. Так, в Государственном Совете 11 членов покинули правую группу, а 22 человека вышли из состава центристов, что положило начало фракции «нейдгартцев» (получившей название по имени ее лидера А.Б. Нейдгарта). В Думе, в свою очередь, начала распадаться фракция

националистов (причиной этого стали обвинения в «продворянской» ориентации большинства ее членов) и, как уже было отмечено, наметился раскол внутри октябристов (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 505. Л. 45; РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 5502. Л. 68).

По причине ухудшения взаимоотношений с правыми и либералами премьер-министр отныне был заметно ограничен в возможности лавирования между соответствующими фракциями парламента. А.И. Гучков в ходе личной встречи 20 марта охарактеризовал действия П.А. Столыпина как «политическое хакари» (РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 552. Л. 101).

Однако следует отметить, что первоначально формальные признаки ухудшения политических позиций П.А. Столыпина отсутствовали. Напротив, 10 апреля 1911 г. он был награжден орденом Александра Невского. Но уже в начале мая П.А. Столыпину пришлось уступить императору в вопросе назначения нового обер-прокурора. Этот пост занял представитель правых В.К. Саблер. Более того, главе правительства по распоряжению императора пришлось отказаться от планов наказания царицынского иеромонаха Илиодора, в течение нескольких лет с ультраконсервативных позиций критиковавшего работу Совета министров (Гурко, 2000: 129).

Одновременно при дворе произошло усиление группы недоброжелателей П.А. Столыпина во главе с генералом свиты В.Н. Воейковым, приходившимся зятем министру двора В.Б. Фредериксу (Воейков, 1994: 53-54). Параллельно главе Совета министров приходилось выдерживать давление со стороны правых, пытавшихся убедить П.А. Столыпина пойти на новый альянс в обмен на радикальную смену внутривластного курса. Так, в июле 1911 г. Л.А. Тихомиров напрямую обратился к главе правительства с предложением перейти к прямой диктатуре, демонтировав третьеиюньскую систему (ГАРФ. Ф. 634. Оп. 1. Д. 23. Л. 34).

Ужесточение внутриэлитных конфликтов проходило на фоне ухудшения социально-экономической ситуации и возрождения революционного движения. В июле 1911 г. впервые с момента завершения революции в Российской империи были организованы массовые забастовки. Крупнейшей из них стала стачка в Петербургском порту, длившаяся с 19 июля по 20 августа. Число ее участников на пике достигло 18 тысяч (Аврех, 1985: 143; Кирьянов, 2006: 121).

В сложившейся ситуации премьер-министр пребывал в стрессовом состоянии, что серьезным образом подорвало его здоровье. Еще 5 апреля 1911 г. он был вынужден удалиться в отпуск в собственное поместье, где пребывал около 5 месяцев с незначительными перерывами. Состояние здоровья главы правительства ухудшилось настолько, что он был вынужден в личной беседе попросить В.Н. Коковцова взять на себя исполнение функций председателя правительства на время своего отпуска (Шацко, 2000: 177).

5. Заключение

Кризис третьеиюньской системы в 1911 г. привел к разрушению ее организационных основ.

Во-первых, премьер-министр вступил в конфликт с многочисленными неформальными группами влияния, представленными в Государственном Совете, и политическими партиями, доминирующими в Думе. При этом была публично продемонстрирована готовность премьера действовать, игнорируя мнение фактического парламентского большинства.

Во-вторых, продемонстрированная октябристами неспособность противодействовать П.А. Столыпину и отсутствие единства мнений относительно реакции на поведение главы правительства создали благоприятные условия для раскола внутри партии и падения ее электорального потенциала. В то же время возник внутренний кризис среди националистов, а правые все более решительно противопоставляли себя Совету министров. Все эти обстоятельства в совокупности сводили на нет возможность использования в дальнейшем механизма «октябристского маятника».

В-третьих, попытка П.А. Столыпина в очередной раз использовать членов царствующего дома для оказания воздействия на императора не увенчалась успехом и, более того, заметно уменьшила готовность Николая II поддерживать политический курс премьер-министра. При этом состояние здоровья главы правительства также заметно осложняло задачу координации всей системы высших органов власти.

В сложившихся условиях дальнейшая реализация аграрной реформы и связанных с нею проектов сама по себе существенно затруднялась. Однако на процесс также отрицательно влияли и иные значимые факторы негативного плана. С одной стороны, многие консерваторы рассматривали выделившихся из общины крестьян как социальную группу, в целом не заинтересованную в поддержании политической стабильности. В их глазах эта группа мелких и средних собственников представляла собой движущую силу вероятной буржуазной революции. Как следствие, сама аграрная реформа воспринималась многими правыми как опасный эксперимент, способствующий разрушению традиционалистской общины и распространению капитализма в России.

С другой стороны, многие представители высшей бюрократии не разделяли точку зрения премьер-министра относительно необходимости широкой материальной поддержки выделившихся из общины крестьян через подготовку и реализацию земских проектов. При этом деструктивное воздействие обоих факторов усиливалось по мере роста конфронтации П.А. Столыпина с различными

политико-бюрократическими группами интересов, думскими партиями и, как следствие, отвлечение его усилий от повседневной работы правительства на решение внутриэлитных конфликтов.

В итоге кризис третьеиюньской системы фактически парализовал работу системы государственного управления Российской империи по закреплению и развитию достижений аграрной реформы либо существенно замедлил их реализацию.

Литература

- Аврех, 1985** – Аврех А.Я. Распад третьеиюньской системы. М., 1985.
Аврех, 1989 – Аврех А.Я. Царизм накануне свержения. М., 1989.
Айрапетов, 2003 – Айрапетов О.Р. Генералы, либералы и предприниматели: работа на фронт и революцию (1907–1917). М., 2003.
Богословский, 2011 – Богословский М.М. Дневники (1913–1919): Из собрания Государственного исторического музея. М., 2011.
Воейков, 1994 – Воейков В.И. С Царем и без Царя. М., 1994.
Винавер, 1907 – Винавер М.М. Конфликты в первой Думе. СПб., 1907.
ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации.
Гурко, 2000 – Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого. Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. М., 2000.
Данилов, 2000 – Данилов Ю.Н. На пути к крушению. М., 2000.
Дякин, 1988 – Дякин В.С. Буржуазия, дворянство и царизм в 1911–1914 гг. Разложение третьеиюньской системы. Л., 1988.
Ельчанинов, 1913 – Ельчанинов А.Г. Царствование Государя Императора Николая Александровича. СПб.-М., 1913.
Зворыкин, 1905 – Зворыкин Н.Н. Крестьянское землеустройство и необходимая аграрная реформа в России. СПб., 1905.
Иллерицкая, 1981 – Иллерицкая Е.В. Аграрный вопрос: провал аграрных программ и политики непролетарских партий в России. М.: Наука, 1981.
Кириянов, 2006 – Кириянов И.К. Российские парламентарии начала XX века: новые политики в новом политическом пространстве. Пермь, 2006.
Леонов, 1999 – Леонов С.В. Партийная система России (конец XIX в. – 1917 год) // *Вопросы истории*. 1999. № 11–12. С. 29–48.
Львович, 1906 – Львович А. Партии и крестьянство в Государственной Думе. Ростов-на-Дону, 1906.
Пасхалов, 1911 – Пасхалов К. Погрешности обновленного 17 октября 1905 года государственного строя и попытка их устранения. М., 1911.
РГИА – Российский государственный исторический архив.
Соловьев, 2011 – Соловьев К.А. Законодательная и исполнительная власть в России. Механизмы взаимодействия (1906–1914). М., 2011.
Тихомиров, 1912 – Тихомиров Л.А. К реформе обновленной России (статьи 1909, 10, 11 гг.). М., 1912.
Шацило, 2000 – Шацило К.Ф. От Портсмутского мира к Первой мировой войне. Генералы и политика. М., 2000.
Шепелев, 1987 – Шепелев Л.Е. Царизм и буржуазия в 1904–1914 гг. Л., 1987.
Шечков, 1912 – Шечков Г. Очевидные недостатки Государственной Думы третьего созыва и неотложность их устранения. Харьков, 1912.
Щукин, 2004 – Щукин Д.В. Позиция партии кадетов по аграрному вопросу в III Государственной Думе / *Проблемы Российской политической истории. Сборник научных статей*. Воронежский государственный университет. Воронеж, 2004. С. 20–25.

References

- Airapetov, 2003** – Airapetov, O.R. (2003). Generaly, liberaly i predprinimateli: rabota na front i revolyutsiyu (1907–1917) [Generals, Liberals and Entrepreneurs: Working for the Front and the Revolution (1907–1917)]. M. [in Russian]
Avrekh, 1985 – Avrekh, A.Ya. (1985). Raspad tret'eiyun'skoi sistemy [The collapse of the June 3rd system]. M. [in Russian]
Avrekh, 1989 – Avrekh, A.Ya. (1989). Tsarizm nakanune sverzheniya [sarism on the eve of the overthrow]. M. [in Russian]
Bogoslovskii, 2011 – Bogoslovskii, M.M. (2011). Dnevnik (1913–1919): Iz sobraniya Gosudarstvennogo Istoricheskogo muzeya [Diaries (1913–1919): From the collection of the State Historical Museum]. M. [in Russian]
Danilov, 2000 – Danilov, Yu.N. (2000). Na puti k krusheniyu [On the way to collapse]. M. [in Russian]

Dyakin, 1988 – *Dyakin, V.S.* (1988). Burzhuaziya, dvoryanstvo i tsarizm v 1911–1914 gg. Razlozhenie tret'eiyun'skoi sistemy [Bourgeoisie, nobility and tsarism in 1911–1914 Decomposition of the June 3 system]. L. [in Russian]

El'chaninov, 1913 – *El'chaninov, A.G.* (1913). Tsarstvovanie Gosudarya Imperatora Nikolaya Aleksandrovicha [Reign of Sovereign Emperor Nikolai Alexandrovich]. SPb. M. [in Russian]

GARF – Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii [State Archive of the Russian Federation].

Gurko, 2000 – *Gurko, V.I.* (2000). Cherty i siluety proshlogo. Pravitel'stvo i obshchestvennost' v tsarstvovanie Nikolaya II v izobrazhenii sovremennika [Features and silhouettes of the past. The government and the public in the reign of Nicholas II in the image of a contemporary]. M. [in Russian]

Illeritskaya, 1981 – *Illeritskaya, E.V.* (1981). Agrarnyi vopros: proval agrarnykh programm i politiki neproletarskikh partii v Rossii [The agrarian question: the failure of agrarian programs and policies of non-proletarian parties in Russia]. M.: Nauka. [in Russian]

Kir'yanov, 2006 – *Kir'yanov, I.K.* (2006). Rossiiskie parlamentarii nachala XX veka: novye politiki v novom politicheskom prostranstve [Russian parliamentarians at the beginning of the 20th century: new politicians in a new political space]. Perm'. [in Russian]

Leonov, 1999 – *Leonov, S.V.* (1999). Partiinaya sistema Rossii (konets XIX v. – 1917 god) [The party system of Russia (the end of the 19th century – 1917)]. *Voprosy istorii*. 11–12: 29–48. [in Russian]

L'vovich, 1906 – *L'vovich, A.* (1906) Partii i krest'yanstvo v Gosudarstvennoi dume [Parties and the peasantry in the State Duma]. Rostov-na-Donu. [in Russian]

Milyukov, 1916 – *Milyukov, P.N.* (1916). Taktika fraktsii Narodnoi svobody vo vremya voyny [Tactics of the People's Freedom faction during the war]. Pg. [in Russian]

Paskhalov, 1911 – *Paskhalov, K.* (1911). Pogreshnosti obnovlennogo 17 oktyabrya 1905 goda Gosudarstvennogo stroya i popytka ikh ustraneniya [Errors of the State system updated on October 17, 1905 and an attempt to eliminate them]. M. [in Russian]

RGIA – Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian State Historical Archive].

Shatsilo, 2000 – *Shatsillo, K.F.* (2000). Ot Portsmutskogo mira k Pervoi mirovoi voine. Generaly i politika [From the Peace of Portsmouth to the First World War. Generals and Politics]. M. [in Russian]

Shchukin, 2004 – *Shchukin, D.V.* (2004) Pozitsiya partii kadetov po agrarnomu voprosu v III Gosudarstvennoi Dume [The position of the Cadet Party on the agrarian question in the III State Duma]. *Problemy Rossiiskoi politicheskoi istorii. Sbornik nauchnykh statei. Voronezhskii gosudarstvennyi universitet*. Voronezh. Pp. 20–25. [in Russian]

Shechkov, 1912 – *Shechkov, G.* (1912). Ochevidnye nedostatki Gosudarstvennoi dumy tret'ego sozyva i neotlozhnost' ikh ustraneniya [Obvious shortcomings of the State Duma of the third convocation and the urgency of their elimination]. Khar'kov. [in Russian]

Shepelev, 1987 – *Shepelev, L.E.* (1987). Tsarizm i burzhuaziya v 1904–1914 gg. [Tsarism and the bourgeoisie in 1904–1914]. L. [in Russian]

Solov'ev, 2011 – *Solov'ev, K.A.* (2011). Zakonodatel'naya i ispolnitel'naya vlast' v Rossii. Mekhanizmy vzaimodeistviya (1906–1914) [Legislative and executive power in Russia. Mechanisms of Interaction]. M. [in Russian]

Tikhomirov, 1912 – *Tikhomirov, L.A.* (1912). K reforme obnovlennoi Rossii (stat'i 1909, 10, 11 gg.) [Toward the Reform of a Renewed Russia (Articles 1909, 10, 11)]. M. [in Russian]

Vinaver, 1907 – *Vinaver, M.M.* (1907). Konflikty v pervoi Dume [Conflicts in the first Duma]. SPb. [in Russian]

Voeikov, 1994 – *Voeikov, V.I.* (1994). S Tsarem i bez Tsarya [With the King and without the King]. M. [in Russian]

Zvorykin, 1905 – *Zvorykin, N.N.* (1905). Krest'yanskoe zemleustroistvo i neobkhodimaya agrarnaya reforma v Rossii [Peasant land management and the necessary agrarian reform in Russia]. SPb. [in Russian]

Кризис третьиунской системы как фактор трансформации государственной политики в отношении аграрного вопроса

Сергей Викторович Расторгуев^{a, *}

^a Финансовый университет при Правительстве РФ, Российская Федерация

Аннотация. Данная статья посвящена изучению влияния кризиса третьиунской системы на трансформацию государственной политики в отношении аграрного вопроса. Целью представленной работы является оценка воздействия кризиса третьиунской монархии на реализацию аграрной политики властей и связанных с нею проектов. Источниковая база исследования была сформирована

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: SRastorguev@fa.ru (С.В. Расторгуев)

за счет вовлечения в научный оборот ранее не опубликованных архивных материалов. Методология работы включает в себя сравнительный, структурный и историко-генетический анализ. Кризис третьеиюньской системы в 1911 г. привел к разрушению ее организационных основ. Во-первых, премьер-министр вступил в конфликт с партиями, доминирующими в Государственной Думе. При этом была публично продемонстрирована готовность премьера принимать неоднозначные политические решения в аграрной сфере, игнорируя мнения большинства депутатов. Во-вторых, неспособность октябристов противодействовать политическому курсу П.А. Столыпина создала благоприятные условия для раскола внутри партии и падения ее популярности. В этот же период обозначился внутренний кризис среди националистов. Указанные обстоятельства нивелировали возможность относительно успешного использования механизма «октябристского маятника» в дальнейшем. В-третьих, попытка использования П.А. Столыпиным членом царствующего дома для оказания воздействия на императора, вероятнее всего, негативно повлияла на отношение Николая II к главе правительства и его курсу. При этом состояние здоровья главы правительства также заметно осложняло ситуацию. В сложившихся условиях дальнейшая реализация аграрной реформы существенно затруднялась. Однако на процесс также влияли и другие негативные факторы. Так, многие консерваторы рассматривали выделившихся из общины крестьян как социальный слой, не заинтересованный в сохранении политической стабильности. По их мнению, эта группа, объединявшая мелких и средних собственников земли, представляла собой движущую силу вероятной буржуазной революции. Как следствие, сама аграрная реформа воспринималась многими правыми как опасный эксперимент, способствующий разрушению традиционалистской общины и распространению капитализма в России. С другой стороны, многие представители высшей бюрократии не разделяли точку зрения премьер-министра относительно необходимости широкой материальной поддержки выделившихся из общины крестьян через модернизацию институтов земства. В итоге кризис третьеиюньской системы фактически парализовал деятельность правительства и всей системы государственной власти по закреплению и развитию достижений аграрной реформы либо существенно замедлил их реализацию.

Ключевые слова: аграрный вопрос, политические партии, националисты, правые, кадеты, октябристы, третьеиюньская монархия, Государственная Дума, Государственный Совет, кризис.

Copyright © 2023 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2023. 18(2): 990-997
 DOI: 10.13187/bg.2023.2.990

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Circumstances of the Formation of the Fourth State Duma as a Factor in the Development of the Political Process

Pavel S. Seleznev ^{a,*}, Konstantin V. Simonov ^a, Viktor V. Titov ^a, Konstantin N. Babichev ^b

^a Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

^b Kuban State University, Krasnodar, Russian Federation

Abstract

The present study is devoted to assessing the impact of the circumstances of the formation of the State Duma of the IV convocation on the development of the political process in the Russian Empire. The source base for the research was formed by attracting sources of personal origin and unpublished materials stored in the funds of the State Archive of the Russian Federation and the Russian State Historical Archive. The research methodology includes elements of comparative, structural and genetic analysis. The authors come to the conclusion that by the time the elections to the IV State Duma were being prepared, the parliamentary system was already in a state of crisis. The authorities proceeded from the fact that the system of the "October pendulum" had already exhausted its potential and no longer met the current needs of the state. The latter was explained, among other things, by the attempts of the leaders of the Octobrists to go beyond the limit of political subjectivity, designated by the top political leadership. The level of popularity of the Octobrists among their base electorate has also noticeably decreased, primarily due to the abuse of the practice of compromise with the right. At the same time, fellow party members A.I. Guchkov failed to adequately assess the accumulated political risks and abandoned the idea of an alliance with the Cadets and Progressives. The response of the authorities to the indicated crisis was an attempt to form a more manageable Duma, within which it was planned to minimize the presence of the Octobrists. Also, the political leadership of the empire planned to prevent the presence of conditionally "foreign" parties in the parliament. Most likely, it was supposed to manage the process of lawmaking by balancing between the most numerous right and left wings, as well as a high level of fragmentation of the former. However, as a result of the elections, a fairly large number of reform-oriented centrists appeared in the Duma, who over time showed their readiness to block with the left. At the same time, the right-wing parties in the Duma did not acquire a dominant role due to the high degree of disunity, which was superimposed on the government's desire to severely limit their subjectivity. As a result, the government failed to secure a reliable mechanism for governing the Duma, while the forces of the active opposition were left with rather limited opportunities to influence the authorities.

Keywords: State Duma, Parliament, elections, Russian Empire, political process, Octobrists, Cadets, Progressives, Left, Right.

1. Введение

Государственная Дума IV созыва являлась одним из ключевых политических институтов Российской империи в последние годы ее существования. Именно динамика ее взаимоотношений с правительством во многом определила как ход Первой мировой войны, так и развитие революционных процессов в стране.

* Corresponding author

E-mail addresses: PSeleznev@fa.ru (P.S. Seleznev), KVSimonov@fa.ru (K.V. Simonov), VVTitov@fa.ru (V.V. Titov), babichev_ks@mail.ru (K.N. Babichev)

Однако соответствующая проблематика исследуется зачастую вне контекста вопроса о том, как повлияли на специфику функционирования последнего созыва Думы обстоятельства ее формирования, определившие как баланс сил между различными политическими партиями, так и их восприятие друг друга и исполнительной власти. Внимание исследователей концентрируется преимущественно на периоде войны и предшествовавшем ему парламентском кризисе, вследствие чего вопрос о специфике генезиса Думы вытесняется на периферию поля их интересов.

Целью данного исследования является оценка влияния обстоятельств формирования Государственной Думы IV созыва на развитие политического процесса в Российской империи.

2. Материалы и методы

Источниковая база представленного исследования включает в себя два блока. Первый из них формируют материалы, отложившиеся в фондах Государственного архива Российской Федерации (Москва, Российская Федерация) и Российского государственного исторического архива (Санкт-Петербург, Российская Федерация). В том числе были задействованы материалы из фондов партии кадетов (Партия народной свободы) и Государственной Думы, а также личных фондов А.И. Гучкова, П.Н. Милюкова и Л.А. Тихомирова. Ко второму блоку относятся мемуары А.В. Бельгарда, М.М. Винавера, В.И. Гурко, Ю.Н. Данилова и ряда иных современников и очевидцев описываемых событий (Бельгард, 2009; Богословский, 2011; Винавер, 1926; Воейков, 1994; Гурко, 2000; Данилов, 2000).

Методологическая основа работы была сформирована путем сочетания нескольких элементов. Во-первых, были применены различные вариации сравнительного анализа, диахронная разновидность которого позволила рассмотреть комплекс выявленных фактов в виде процесса, а синхронная – сопоставить положение и планы ключевых политических акторов на одних и тех же отрезках хронологической шкалы. Во-вторых, использовался структурный анализ, позволивший не только вычлнить основные политические силы, вовлеченные в изучаемые процессы, но и оценить качество и направленность взаимоотношений между ними. В-третьих, применялся генетический анализ: поведение всех политических сил интерпретировалось на основе изучения контекста их происхождения и истории развития в предшествующий период.

3. Обсуждение

В дореволюционный период тема исследовалась по большей части на основе данных публицистики и источников личного происхождения. При этом в силу воздействия политической конъюнктуры и стремления поддержать позитивный имидж той или иной политической силы многие авторы были вынуждены прибегать к самоцензуре. Отличительной чертой исследований, опубликованных в данный период, являлось то, что многие из их авторов являлись непосредственными участниками и бенефициарами описываемых событий (Балашев, 1915; Ельчанинов, 1913; Пасхалов, 1911; Тихомиров, 1912; Шечков, 1912). Как следствие, дореволюционные публикации преимущественно отображали точку зрения лидеров конкретных партий либо групп интересов.

В советский период был существенно увеличен объем источниковой базы изучения заявленной темы. Однако в то же время исследователи были вынуждены выстраивать свои концепции в соответствии с положениями официальной идеологии, которая, в свою очередь, основывалась на незыблемой верности оценок, данных событиям 1911–1912 гг. В.И. Лениным. Также следует отметить, что интерес исследователей концентрировался преимущественно вокруг истории первых трех Дум (Аврех, 1985; Алексеева, 1990; Дякин, 1988; Лаверычев, 1967; Слонимский, 1975; Флоринский, 1988; Черменский, 1976).

В постсоветской историографии стала возможной ревизия темы на основе принципа объективизма (Айрапетов, 2003; Гайда, 2008; Иванов, 2006; Кириянов, 2006; Шацило, 2000; Шелохаев, 1996). Но в то же время начал активно формироваться тренд интерпретации соответствующих событий в преимущественно персоналистском ключе, в силу чего вопрос о воздействии на изучаемые процессы объективных факторов начал исследоваться по остаточному принципу. Также на историографию темы начала оказывать воздействие конъюнктура политики памяти, искусственно ограничивавшей интерпретацию определенных аспектов темы жесткими дискурсивными рамками. Негативное влияние на развитие научной разработанности темы оказывает и то, что исследователей интересует в первую очередь история IV Думы в период Первой мировой войны.

4. Результаты

Накануне выборов в IV Государственную Думу одним из доминирующих настроений в политизированной части российского общества стало ярко выраженное недовольство результатами функционирования предшествующего созыва парламента. В изданиях, близких к кадетской партии (таких как «Русская мысль» и «Русские ведомости»), активно продвигался тезис о том, что III Дума оказала полезное воздействие на общественно-политическую жизнь страны лишь в одном ключе: выступая в качестве института, в рамках взаимодействия с которым правящая элита приучалась к культуре парламентаризма. Особенно часто в числе конкретных претензий к прежнему созыву парламента кадеты предъявляли отказ от проведения земской реформы. Однако основным поводом

для критики в адрес распущенной Думы со стороны лидеров кадетской партии стало то, что механизм «октябристского маятника», в совокупности с личным авторитетом П.А. Столыпина, способствовал падению роли Госдумы как самостоятельного политического института. В рамках системы органов публичной власти начали однозначно доминировать правительство и Государственный совет, что существенным образом демотивировало оппозицию (РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 558. Л. 92; Шечков, 1912: 11-12).

Одновременно Дума прежнего созыва подвергалась жесткой критике со стороны правых. Издатель газеты «Гражданин» князь В.П. Мещерский критиковал парламентское большинство за неспособность выдвинуть лидера, способного системным образом выстроить работу законодателей, привязав ее к стратегическим целям, обозначенным правительством и императором. Согласно его мнению, работа Думы в последний год ее работы была выстроена в сугубо конъюнктурном, реактивном ключе. В газете «Московские ведомости» регулярно размещались статьи правых публицистов, обвинявших III Думу в пренебрежительном отношении к интересам предпринимательского сообщества. Редактор издания Л.А. Тихомиров прямо заявлял, что торгово-промышленные съезды в большей степени представляют интересы купцов и фабрикантов, нежели октябристское большинство. Представителей последних Л.А. Тихомиров обозначал как «профессиональных политиканов», утративших связь с теми социальными группами, которые ранее выдвинули их в ходе выборов. Многие члены Русского собрания, включая К.Н. Пасхалова, критиковали III Думу за поддержку реформ П.А. Столыпина, которые, по их мнению, способствовали развитию в России капитализма, а, следовательно, и разложению традиционных моделей общественной и политической организации. При этом критику со стороны публицистов правого толка объединял один момент: предложение полностью ликвидировать Госдуму либо заменить ее законосовещательным органом (ГАРФ. Ф. 634. Оп. 1. Д. 21. Л. 11-12).

Следует отметить, что эта позиция не нашла поддержки среди членов Государственного совета, несмотря на политические симпатии его членов, инициативы правых были оценены негативно. С одной стороны, их предложения способствовали росту напряженности между Государственным советом и Думой, с другой – предполагали необходимость возложить ответственность за изменения законодательства исключительно на монарха, несмотря на сохраняющийся высокий уровень социальной напряженности и рост внешних угроз (Шепелев, 1987: 121-123).

Необходимость серьезных трансформаций парламентской системы отмечали и авторы лоялистских изданий. Так, М.О. Меньшиков в газете «Новое время» отстаивал необходимость таких мер, как внедрение процедуры лишения депутатов их полномочий, снижение размера окладов парламентариев, установление запрета на допуск в Думу священнослужителей (вероятно, из-за критики духовенством политики октябристов), представителей ряда национальностей и партий, а также ужесточение имущественного ценза (Соловьев, 2011: 84; Шацко, 2000: 77-78).

Важно отметить, что данный проект вскрыл наличие серьезных противоречий во взглядах представителей правящих элит относительно желательного состава будущей Думы. М.О. Меньшиков, как было отмечено, выступал с критикой идеи (приписываемой Святейшему синоду) ввести в состав Думы крупную группу священников и епископов (ее численность, по разным данным, должна была составить от 80 до 350 человек) (РГИА. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 3202. Л. 781).

Независимо от того, имелись ли у информации о соответствующих планах реальные основания, дискуссия вокруг нее позволила выявить наличие внутри сообщества лоялистов двух точек зрения относительно будущего Думы. С одной стороны, в качестве приоритетной задачи было обозначено обеспечение управляемости парламента даже в ущерб его легитимности. С другой стороны, часть лоялистов настаивала на том, что новый состав Думы должен предполагать широкое представительство, гарантирующее солидаризацию основных общественных групп (Аврех, 1989: 101; Коляшко, 2009: 54; Селецкий, 1996: 65).

При этом реальные планы правительства относительно состава будущей Думы соответствовали скорее первой позиции: высшее политическое руководство намеревалось обеспечить представительство в Думе около 250 представителей правых партий, приблизительно 50 депутатов от «Союза 17 октября» и 140 левых (под которыми на тот момент было принято подразумевать кадетов и социалистов) (Айрапетов, 2003: 125; Гайда, 2008: 649).

Таким образом, накануне выборов в IV Государственную Думу внутри истеблишмента отсутствовало единство мнений о путях развития парламента, что сочеталось с выраженным недовольством порядком вещей, сложившемся в Думе ранее. При этом правительство интересовало преимущественно вопрос об управляемости парламента. Политическое руководство планировало отказаться от использования механизма «октябристского маятника», сделав ставку на увеличение представительства правых партий, добиться которого власти рассчитывали посредством сложного комплекса мероприятий. Во-первых, планировалось использовать тщательные проверки соответствия цензу уполномоченных-оппозиционеров, лишить избирательных прав часть евреев на основании условного права жительства и обеспечить широкое привлечение к участию в выборах духовенства за счет помощи епархиального начальства. В последнем случае необходимо отметить, что присутствие самих священников среди депутатов власти намеревались сохранить на том же уровне,

что и в рамках Думы предшествующего созыва (Бельгард, 2009: 41; Данилов, 2000: 75; РГИА. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 3202. Л. 793-794).

Во-вторых, была усложнена процедура проведения собраний избирателей. Например, в Санкт-Петербурге их разрешено было проводить лишь в закрытых помещениях. При этом представители полиции получили право распускать собрания в случае организации незаконного сбора средств, разжигания социальной вражды и распространения революционных лозунгов, нежелания «посторонних лиц» покинуть собрание по распоряжению представителя власти или попыток выступавших отклониться от темы выборов (Гайда, 2008: 651; РГИА. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 3202. Л. 798).

В-третьих, произошло ужесточение контроля за СМИ. Должность начальника Главного управления по делам печати занял С.С. Татищев – бывший глава Саратовской губернии, вскоре ставший известным благодаря максимально широкой трактовке нормы законодательства, предусматривавшей ответственность за распространение заведомо ложных слухов, провоцирующих враждебное отношение к правительству (РГИА. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 3202. Л. 801).

Положение дел внутри либеральных партий накануне выборов во многом облегчало правительству задачу по обеспечению желательного представительства.

Партия октябристов находилась в состоянии внутреннего кризиса. Ее лидер А.И. Гучков достаточно болезненно переживал имиджевые последствия дуэли с С.Н. Мясоедовым, компромиссов с представителями правых партий и неудачной кампании против Г.Е. Распутина. Как следствие, лидер октябристов начал крайне небрежно исполнять свои обязанности, что, наряду с отсутствием поддержки со стороны председателя Совета министров В.Н. Коковцова и главы МВД А.А. Макарова, деморализовало многих его однопартийцев (Гурко, 2000: 144; ГАРФ. Ф. 555. Оп. 1. 670. Ч. 2. Л. 131-131об., 144об.).

При этом внутри «Союза 17 октября» сложились завышенные ожидания относительно электоральной поддержки партии, следствием чего стала приостановка обсуждения возможности блока с кадетами. Возможность альянса с прогрессистами кадеты не рассматривали. При этом А.И. Гучков публично обратился к представителям правых партий с предложением о сотрудничестве, что заметно снизило уровень поддержки октябристов среди либерального электората (Воейков, 1994: 52; ГАРФ. Ф. 555. Оп. 1. 670. Ч. 2. Л. 128-128об.).

Аналогичные настроения имели место и внутри партий кадетов и прогрессистов. Показательным в данном плане являлся первый этап выдвижения кандидатов в Москве. Местные лидеры прогрессистов отказались от участия в кампании, считая ее бесперспективной. Тогда партия заключила альянс с кадетами, чтобы обеспечить выдвижение М.М. Новикова и М.В. Челнокова. Но последний в итоге отказался представлять партию на выборах. Нельзя не отметить и то, что партия прогрессистов приняла участие в кампании, не имея предвыборной программы (Винавер, 1926: 119; ГАРФ. Ф. 523. Оп. 1. Д. 348. Л. 71).

Помимо убежденности в том, что поддержка правительства гарантированно обеспечит победу правых, росту абсентеизма среди либерального и левого электората способствовали обстоятельства проведения кампании. Агитацию нужно было развернуть уже в июле–сентябре, когда значительная часть сторонников кадетов и октябристов мигрировала из крупных городов на дачи. 25 сентября (8 октября) началась Первая Балканская война, после чего внимание общественности переключилось с внутренней повестки на внешнюю. При этом многие из лидеров либералов выступили в поддержку вмешательства России в войну с целью захвата проливов. Однако последнее было связано с возможностью блокады черноморской торговли, что вызвало крайне негативную реакцию со стороны купечества (Богословский, 2011: 95-96; ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 481-483).

По итогам голосования из 5012 выборщиков, представлявших европейские губернии, 65,5 % относились к различным группам правых. Сторонники «Союза 17 октября» заняли чуть более 10 % мест выборщиков, кадеты – 8,4 %, социалисты – 6,5 %, прогрессисты – 5,2 %. Еще 6,8 % выборщиков являлись беспартийными. Необходимо подчеркнуть, что кадеты, прогрессисты и социалисты доминировали в городах, где они получили свыше 65 %. Особенно четко их преобладание проявилось в административных центрах губерний и городах с отдельным представительством. Правые получили больше всего голосов в землевладельческой (54 %) и крестьянской (41,4 %) куриях (РГИА. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 3202. Л. 795).

Октябристы утратили большую часть поддержки во второй городской курии и не смогли получить ни одного места ни в Санкт-Петербурге, ни в Москве. В том числе поражение на выборах потерпел лично А.И. Гучков. Отчасти это объяснялось действиями самих октябристов. Например, в ходе предвыборной кампании в Санкт-Петербурге представители партии сами обратились к избирателям с призывом не голосовать в знак протеста против произвола со стороны властей (под которым понимались попытки привлечь к ответственности кандидатов и сотрудников их штабов за использование карикатур в агитационных материалах, а также эпизоды давления на журналистов и собрания избирателей). Следствием поражения на выборах стало усугубление раскола, возникшего внутри октябристов еще в ходе последней сессии прежнего созыва Думы. В результате партию перестали рассматривать как полноценную политическую силу: среди ее оппонентов возникли ожидания относительно того, что в ходе работы Думы следующего созыва большинство октябристов присоединятся к различным правым партиям, а меньшая часть примкнет к кадетам (ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 1106. Л. 6).

Отдельно следует отметить, что представители этнических и религиозных меньшинств в массе своей воздержались от поддержки ведущих политических партий. Евреи, немцы, поляки, мусульмане продемонстрировали, что не видят в них выразителей своих интересов (ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 386. Л. 1-2; Леонов, 1999: 35).

Распределение мест в новой Думе по итогам выборов обрело следующий вид. 227 мандатов получили представители различных правых партий (из них 64 относились к националистам), 80 достались октябристам, 56 – кадетам, 28 – прогрессистам, 25 – социалистическим партиям, 17 – национальным и религиозным партиям, 5 – беспартийным (цифры приведены в соответствии с данными, опубликованными в номере газеты «Утро России» от 19 октября 1912 г.) (РГИА. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 3202. Л. 819).

Соответственно, реальный результат выборов по ряду показателей заметно отличался от «идеальной модели», обозначенной правительством. В Думу прошло меньше правых депутатов (их «дефицит» равнялся 26) и заметно больше октябристов (80 вместо 50). При этом в парламент также прошли 28 прогрессистов и 17 депутатов от этнических и религиозных партий. Представительство кадетов и социалистов ограничилось 81 мандатом вместо 140. Таким образом, состав новой Думы отличался от структуры, обозначенной властью, в первую очередь за счет более широкого представительства ориентированных на реформы центристов и национальных партий.

Представительство правых партий в парламенте увеличилось приблизительно в 5 раз, в то время как октябристы потеряли сразу 56 мест. Однако сами представители правых партий ставили под сомнение их способность к совместной работе. Л.А. Тихомиров скептически отмечал, что вместо создания консолидированной коалиции правые, вероятнее всего, разобьются на множество враждующих фракций (философ прогнозировал появление до 15 конкурирующих групп). Ожидалось, что наиболее влиятельными из них станут группа членов «Союза русского народа» во главе с Н.Е. Марковым и Г.Г. Замысловским и сторонники А.Н. Хвостова. Даже группа депутатов во главе с епископом Кременецким Никоном Бессоновым, объединявшая представителей духовенства, приняла решение о самороспуске: ее представители присоединились к фракциям разных правых партий. Одновременно из Думы ушло большинство политиков, уже имевших опыт работы в парламенте: доля впервые избранных депутатов составляла около 80 % (ГАРФ. Ф. 634. Оп. 1. Д. 21. Л. 53; Демин, 1996: 92).

Примечательно, что расширение представительства правых в Думе не сопровождалось ростом политического оптимизма с их стороны. Напротив, в правой печати преобладала точка зрения, наиболее ярко выраженная Н.Д. Облеуховым (писавшим под псевдонимом «Ухтубужский»). Согласно данной позиции, члены правительства симпатизировали скорее либералам, а в правых видели почти исключительно рычаг давления на умеренную оппозицию. Это подразумевало, что ни Совет министров, ни Государственный совет не будут на практике поддерживать инициативы правых относительно крупномасштабных преобразований в системе публичной власти (ГАРФ. Ф. 634. Оп. 1. Д. 21. Л. 54-54об., 59об.; Иванов, 2006: 23).

5. Заключение

Соответственно, к моменту подготовки выборов в IV Государственную Думу парламентская система уже испытывала очевидный кризис. Ее состояние провоцировало критику как со стороны правых, так и из лагеря левых и либералов. Власти исходили из того, что система «октябристского маятника» исчерпала свой потенциал и уже не отвечает текущим потребностям государства. Последнее объяснялось, в том числе, попытками лидеров октябристов выйти за рамки лимита политической субъектности, обозначенные высшим политическим руководством (наиболее яркими проявлениями чего стали антираспутинская кампания и скандал вокруг обвинений в адрес С.Н. Мясоедова). Уровень популярности октябристов среди их базового электората также заметно снизился, в первую очередь в силу злоупотребления практикой компромиссов с правыми. При этом однопартийцы А.И. Гучкова не сумели адекватно оценить накопившиеся политические риски и отказались от идеи альянса с кадетами и прогрессистами.

Ответом властей на обозначенный кризис стала попытка формирования более управляемой Думы, в рамках которой планировалось минимизировать присутствие октябристов. Также политическое руководство империи планировало не допустить присутствия в парламенте условно «инородческих» партий. Вероятнее всего, управлять процессом законотворчества предполагалось за счет балансировки между наиболее многочисленными правым и левым крылом, а также высокого уровня фрагментации первого.

Чтобы обеспечить необходимый результат, власти прибегли к различным манипуляциям, не нарушавшим, впрочем, напрямую норм действующего законодательства. Однако в городах (в особенности – крупных) эти усилия не принесли желаемых результатов, итогом чего стало появление в Думе достаточно большого числа ориентированных на реформы центристов, со временем проявивших готовность к блокированию с левыми, что впоследствии, вероятно, заметно способствовало формированию межпартийных конференций в марте 1914 г. и созданию Прогрессивного блока в августе 1915 г.

При этом правые партии в Думе не обрели господствующей роли в силу высокой степени разобщенности, налагавшейся на стремление правительства жестко ограничивать их субъектность. Власти намеревались использовать правых в качестве инструмента давления на левых и либералов, в то же время отказываясь рассматривать возможность реализации предлагаемых консерваторами реформ.

В итоге правительство так и не сумело обеспечить себе надежный механизм управления Думой, в то время как у сил активной оппозиции остались достаточно ограниченные возможности воздействия на власти. Как следствие, обновленная структура Думы требовала от основных политических акторов высокого уровня договороспособности и культуры политического компромисса, что существенным образом расходилось с базовыми нормами и установками системы политического управления, сложившейся в рамках взаимодействия правительства с парламентом после 3 июня 1907 г.

Литература

- Аврех, 1985 – Аврех А.Я. Распад третьеиюньской системы. М., 1985.
 Аврех, 1989 – Аврех А.Я. Царизм накануне свержения. М., 1989.
 Айрапетов, 2003 – Айрапетов О.Р. Генералы, либералы и предприниматели: работа на фронт и революцию (1907–1917). М., 2003.
 Алексеева, 1990 – Алексеева И.В. Агония Сердечного согласия: царизм, буржуазия и их союзники по Антанте. 1914–1917 гг. Л., 1990.
 Балашев, 1915 – Балашев И.П. Берегите Думу. Пг., 1915.
 Бельгард, 2009 – Бельгард А.В. Воспоминания. М., 2009.
 Богословский, 2011 – Богословский М.М. Дневники (1913–1919): Из собрания Государственного исторического музея. М., 2011.
 Винавер, 1926 – Винавер М.М. Недавнее. Воспоминания и характеристики. Париж, 1926.
 Воейков, 1994 – Воейков В.И. С Царем и без Царя. М., 1994.
 Гайда, 2008 – Гайда Ф.А. Бюрократ глазами либерала: российское правительство в восприятии парламентской оппозиции (1911–1917 гг.) // Петр Андреевич Зайончковский. Сборник статей и воспоминаний к столетию историка. М., 2008. С. 647-656.
 ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации.
 Гурко, 2000 – Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого. Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. М., 2000.
 Данилов, 2000 – Данилов Ю.Н. На пути к крушению. М., 2000.
 Демин, 1996 – Демин В.А. Государственная дума России (1906–1917): механизм функционирования. М., 1996.
 Дякин, 1988 – Дякин В.С. Буржуазия, дворянство и царизм в 1911–1914 гг. Разложение третьеиюньской системы. Л., 1988.
 Ельчанинов, 1913 – Ельчанинов А.Г. Царствование Государя Императора Николая Александровича. СПб.-М., 1913.
 Иванов, 2006 – Иванов А.А. Последние защитники монархии: Фракция правых IV Государственной думы в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917 г.). СПб., 2006.
 Кирьянов, 2006 – Кирьянов И.К. Российские парламентарии начала XX века: новые политики в новом политическом пространстве. Пермь, 2006.
 Кольшко, 2009 – Кольшко И.И. Великий распад: Воспоминания. СПб., 2009.
 Лаверычев, 1967 – Лаверычев В.Я. По ту сторону баррикад. Из истории борьбы московской буржуазии с революцией. М., 1967.
 Леонов, 1999 – Леонов С.В. Партийная система России (конец XIX в. – 1917 год) // Вопросы истории. 1999. № 11–12. С. 29-48.
 Пасхалов, 1911 – Пасхалов К. Погрешности обновленного 17 октября 1905 года государственного строя и попытка их устранения. М., 1911.
 РГИА – Российский государственный исторический архив.
 Слонимский, 1975 – Слонимский А.Г. Катастрофа русского либерализма. Прогрессивный блок накануне и во время Февральской революции 1917 года. Душанбе, 1975.
 Соловьев, 2011 – Соловьев К.А. Законодательная и исполнительная власть в России. Механизмы взаимодействия (1906–1914). М., 2011.
 Тихомиров, 1912 – Тихомиров Л.А. К реформе обновленной России (статьи 1909, 10, 11 гг.). М., 1912.
 Флоринский, 1988 – Флоринский М.Ф. Кризис государственного управления в России в годы Первой мировой войны. Л., 1988.
 Черменский, 1976 – Черменский Е.Д. IV Государственная дума и свержение царизма в России. М., 1976.
 Шаццо, 2000 – Шаццо К.Ф. От Портсмутского мира к Первой мировой войне. Генералы и политика. М., 2000.
 Шелохаев, 1996 – Шелохаев В.В. Либералы и массы в годы Первой мировой войны // Вопросы истории. 1996. № 7. С. 130-137.
 Шепелев, 1987 – Шепелев Л.Е. Царизм и буржуазия в 1904–1914 гг. Л., 1987.

Шечков, 1912 – Шечков Г. Очевидные недостатки Государственной думы третьего созыва и неотложность их устранения. Харьков, 1912.

References

- Airapetov, 2003 – Airapetov, O.R. (2003). Generaly, liberaly i predprinimateli: rabota na front i revolyutsiyu (1907–1917) [Generals, Liberals and Entrepreneurs: Working for the Front and the Revolution (1907–1917)]. M. [in Russian]
- Alekseeva, 1990 – Alekseeva, I.V. (1990). Agoniya Serdechnogo soglasiya: tsarizm, burzhuaziya i ikh soyuzniki po Antante. 1914–1917 gg. [The agony of cordial consent: tsarism, the bourgeoisie and their allies in the Entente] L. [in Russian]
- Avrekh, 1985 – Avrekh, A.Ya. (1985). Raspad tret'eiyun'skoi sistemy [The collapse of the June 3rd system]. M. [in Russian]
- Avrekh, 1989 – Avrekh, A.Ya. (1989). Tsarizm nakanune sverzheniya [Tsarism on the eve of the overthrow]. M. [in Russian]
- Balashov, 1915 – Balashov, I.P. (1915). Beregite Dumu [Take care of Duma]. Pg., 1915. [in Russian]
- Bel'gard, 2009 – Bel'gard, A.V. (2009). Vospominaniya [Memories]. M. [in Russian]
- Bogoslovskii, 2011 – Bogoslovskii, M.M. (2011). Dnevnik (1913–1919): Iz sobraniya Gosudarstvennogo Istoricheskogo muzeya [Diaries (1913–1919): From the collection of the State Historical Museum]. M. [in Russian]
- Chermenskii, 1976 – Chermenskii, E.D. (1976). IV Gosudarstvennaya дума i sverzhenie tsarizma v Rossii [Chermensky E.D. IV State Duma and the overthrow of tsarism in Russia]. M. [in Russian]
- Danilov, 2000 – Danilov, Yu.N. (2000). Na puti k krusheniyu [On the way to collapse]. M. [in Russian]
- Demin, 1996 – Demin, V.A. (1996). Gosudarstvennaya дума Rossii (1906–1917): mekhanizm funktsionirovaniya [State Duma of Russia (1906–1917): mechanism of functioning]. M. [in Russian]
- Dyakin, 1988 – Dyakin, V.S. (1988). Burzhuaziya, dvoryanstvo i tsarizm v 1911–1914 gg. Razlozhenie tret'eiyun'skoi sistemy [Bourgeoisie, nobility and tsarism in 1911–1914 Decomposition of the June 3 system]. L. [in Russian]
- El'chaninov, 1913 – El'chaninov, A.G. (1913). Tsarstvovanie Gosudarya Imperatora Nikolaya Aleksandrovicha [Reign of Sovereign Emperor Nikolai Alexandrovich]. SPb. M. [in Russian]
- Florinskii, 1988 – Florinskii, M.F. (1988). Krizis gosudarstvennogo upravleniya v Rossii v gody Pervoi mirovoi voyny [The crisis of public administration in Russia during the First World War]. L. [in Russian]
- Gaida, 2008 – Gaida, F.A. (2008). Byurokrat glazami liberala: rossiiskoe pravitel'stvo v vospriyatii parlamentskoi oppozitsii (1911–1917 gg.) [Bureaucrat through the Eyes of a Liberal: The Russian Government as Perceived by the Parliamentary Opposition (1911–1917)]. Petr Andreevich Zaionchkovskii. Sbornik statei i vospominanii k stoletiyu istorika. M. Pp. 647–656. [in Russian]
- GARF – Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii [State Archive of the Russian Federation].
- Gurko, 2000 – Gurko, V.I. (2000). Cherty i siluety proshlogo. Pravitel'stvo i obshchestvennost' v tsarstvovanie Nikolaya II v izobrazhenii sovremennika [Features and silhouettes of the past. The government and the public in the reign of Nicholas II in the image of a contemporary]. M. [in Russian]
- Ivanov, 2006 – Ivanov, A.A. (2006). Poslednie zashchitniki monarkhii: Fraktsiya pravyykh IV Gosudarstvennoi dumy v gody Pervoi mirovoi voyny (1914 – fevral' 1917 g.) [The Last Defenders of the Monarchy: The Right Faction of the IV State Duma during the First World War (1914 – February 1917)]. SPb. [in Russian]
- Kir'yanov, 2006 – Kir'yanov, I.K. (2006). Rossiiskie parlamentarii nachala KhKh veka: novye politiki v novom politicheskom prostranstve [Russian parliamentarians at the beginning of the 20th century: new politicians in a new political space]. Perm'. [in Russian]
- Kolyshko, 2009 – Kolyshko, I.I. (2009). Velikii raspad: Vospominaniya [The Great Decay: A Memoir]. SPb. [in Russian]
- Laverychev, 1967 – Laverychev, V.Ya. (1967). Po tu storonu barrikad. Iz istorii bor'by moskovskoi burzhuazii s revolyutsiei [On the other side of the barricades. From the history of the struggle of the Moscow bourgeoisie against the revolution]. M. [in Russian]
- Leonov, 1999 – Leonov, S.V. (1999). Partiinaya sistema Rossii (konets KhIKh v. – 1917 god) [The party system of Russia (the end of the 19th century - 1917)]. *Voprosy istorii*. 11–12: 29–48. [in Russian]
- Milyukov, 1916 – Milyukov, P.N. (1916). Taktika fraktsii Narodnoi svobody vo vremena voyny [Tactics of the People's Freedom faction during the war]. Pg. [in Russian]
- Paskhalov, 1911 – Paskhalov, K. (1911). Pogreshnosti obnovlennogo 17 oktyabrya 1905 goda Gosudarstvennogo stroya i popytka ikh ustraneniya [Errors of the State system updated on October 17, 1905 and an attempt to eliminate them]. M. [in Russian]
- RGIA – Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian State Historical Archive].
- Seletskii, 1996 – Seletskii, V.N. (1996). Progressizm kak politicheskaya partiya i ideinoe napravlenie v rusском liberalizme [Progressivism as a political party and an ideological direction in Russian liberalism]. M. [in Russian]

- [Shatsilo, 2000](#) – *Shatsillo, K.F.* (2000). Ot Portsmutskogo mira k Pervoi mirovoi voine. Generaly i politika [From the Peace of Portsmouth to the First World War. Generals and Politics]. M. [in Russian]
- [Shechkov, 1912](#) – *Shechkov, G.* (1912). Ochevidnye nedostatki Gosudarstvennoi dumy tret'ego sozyva i neotlozhnost' ikh ustraneniya [Obvious shortcomings of the State Duma of the third convocation and the urgency of their elimination]. Khar'kov. [in Russian]
- [Shelokhaev, 1996](#) – *Shelokhaev, V.V.* (1996). Liberaly i massy v gody Pervoi mirovoi voyny [Liberals and masses during the First World War]. *Voprosy istorii*. 7: 130-137. [in Russian]
- [Shepelev, 1987](#) – *Shepelev, L.E.* (1987). Tsarizm i burzhuaziya v 1904–1914 gg. [Tsarism and the bourgeoisie in 1904–1914] L. [in Russian]
- [Slonimskii, 1975](#) – *Slonimskii, A.G.* (1975). Katastrofa russkogo liberalizma. Progressivnyi blok nakanune i vo vremya Fevral'skoi revolyutsii 1917 goda [The catastrophe of Russian liberalism. The Progressive Bloc on the Eve and During the February Revolution of 1917]. Dushanbe. [in Russian]
- [Solov'ev, 2011](#) – *Solov'ev, K.A.* (2011). Zakonodatel'naya i ispolnitel'naya vlast' v Rossii. Mekhanizmy vzaimodeistviya (1906–1914) [Legislative and executive power in Russia. Mechanisms of Interaction (1906–1914)]. M. [in Russian]
- [Tikhomirov, 1912](#) – *Tikhomirov, L.A.* (1912). K reforme obnovlennoi Rossii (stat'i 1909, 10, 11 gg.) [Toward the Reform of a Renewed Russia (Articles 1909, 10, 11)]. M. [in Russian]
- [Vinaver, 1926](#) – *Vinaver, M.M.* (1926). Nedavnee. Vospominaniya i kharakteristiki [Recent. Memories and characteristics]. Parizh. [in Russian]
- [Voeikov, 1994](#) – *Voeikov, V.I.* (1994). S Tsarem i bez Tsarya [With the King and without the King]. M. [in Russian]

Обстоятельства формирования четвертой Государственной Думы как фактор развития политического процесса

Павел Сергеевич Селезнев ^{a, *}, Константин Васильевич Симонов ^a, Виктор Валериевич Титов ^a, Константин Николаевич Бабичев ^b

^a Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Российская Федерация

^b Кубанский государственный университет, Краснодар, Российская Федерация

Аннотация. Представленное исследование посвящено оценке влияния обстоятельств формирования Государственной Думы IV созыва на развитие политического процесса в Российской империи. Источниковая база для проведения изысканий была сформирована путем привлечения источников личного происхождения и неопубликованных материалов, хранящихся в фондах Государственного архива Российской Федерации и Российского государственного исторического архива. Методология исследования включает в себя элементы сравнительного, структурного и генетического анализа. Авторы приходят к выводу, что к моменту подготовки выборов в IV Государственную Думу парламентская система уже находилась в состоянии кризиса. Власти исходили из того, что система «октябристского маятника» исчерпала свой потенциал и уже не отвечает текущим потребностям государства. Последнее объяснялось, в том числе, попытками лидеров октябристов выйти за рамки лимита политической субъектности, обозначенные высшим политическим руководством. Уровень популярности октябристов среди их базового электората также заметно снизился, в первую очередь в силу злоупотребления практикой компромиссов с правыми. При этом однопартийцы А.И. Гучкова не сумели адекватно оценить накопившиеся политические риски и отказались от идеи альянса с кадетами и прогрессистами. Ответом властей на обозначенный кризис стала попытка формирования более управляемой Думы, в рамках которой планировалось минимизировать присутствие октябристов. Также политическое руководство империи планировало не допустить присутствия в парламенте условно «инородческих» партий. Вероятнее всего, управлять процессом законотворчества предполагалось за счет балансировки между наиболее многочисленными правым и левым крылом, а также высокого уровня фрагментации первого. Однако по итогам выборов в Думе появилось достаточно большое количество ориентированных на реформы центристов, со временем проявивших готовность к блокированию с левыми. При этом правые партии в Думе не обрели господствующей роли в силу высокой степени разобщенности, налагавшейся на стремление правительства жестко ограничивать их субъектность. В итоге правительство так и не сумело обеспечить себе надежный механизм управления Думой, в то время как у сил активной оппозиции остались достаточно ограниченные возможности воздействия на власти.

Ключевые слова: Государственная Дума, парламент, выборы, Российская империя, политический процесс, октябристы, кадеты, прогрессисты, левые, правые.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: PSeleznev@fa.ru (П.С. Селезнев), KVSimonov@fa.ru (К.В. Симонов), VVTitov@fa.ru (В.В. Титов), babichev_ks@mail.ru (К.Н. Бабичев)

Copyright © 2023 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2023. 18(2): 998-1006
 DOI: 10.13187/bg.2023.2.998

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The First World War on the Pages of the Journal “Studencheskii Byulleten' Kievskogo Kommercheskogo Instituta”

Timur A. Magsumov ^{a, b, c, *}, Teymur E. Zulfugarzade ^d, Mikhail B. Kolotkov ^e, Sergei B. Zinkovskii ^f

^a Cherkas Global University, Washington, USA

^b Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

^c Naberezhnye Chelny State Pedagogical University, Naberezhnye Chelny, Russian Federation

^d Russian Economic University named after G.V. Plekhanov, Moscow, Russian Federation

^e Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, St.Petersburg, Russian Federation

^f Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russian Federation

Abstract

The article is devoted to the analysis of the materials of the pre-revolutionary weekly journal “Studencheskii Byulleten' Kievskogo Kommercheskogo Instituta”, the issues of which became the source of our research. The publication was founded in 1913, the first issue was published on November 3. A weekly circulation was declared, but the “Byulleten” was published irregularly, sometimes with breaks of many months. It was published by the “Society for Mutual Assistance of Students of the Kiev Commercial Institute”; the material was articles by teachers and students of the university, as well as attracted specialists. The journal pursued mainly educational and educational goals, informed about the scientific and educational activities of the Kiev Commercial Institute, and also served as a platform for scientific creativity of students.

Based on the results of the work, it was concluded that when covering the events of the First World War, the journal took a pronounced patriotic position. The articles of its issues contain many principles of military propaganda, such as “demonization of the enemy”, “unity of the Russian nation”, “everything for the front, everything for victory!”, support of the war by the highly educated part of Russian society, etc.

However, starting from the second issue, the military theme fades into the background. The last issue pays very little attention to military events at all, which is explained by the fact that martial law is becoming commonplace. There are also difficulties in finding material, as the editorial board requests to send such materials, which it has not done before. Whether this trend is related to the patriotic position of the journal (in particular, a boycott by collaborationist and/or revolutionary-minded students and teachers) or it is purely organizational difficulties, we could not find out.

Keywords: periodical press, youth journal, “Studencheskii byulleten' Kievskogo kommercheskogo instituta”, propaganda, military propaganda, the First World War.

1. Введение

Журнал «Студенческий бюллетень Киевского коммерческого института» издавался с конца 1913 года и стал предвоенным молодежным изданием, который, разумеется, не остался в стороне от военной пропаганды и поддержки армии Российской империи. Данная статья анализирует, каковой была эта поддержка и как трансформировалось на страницах журнала освещение событий Первой мировой войны.

* Corresponding author

E-mail addresses: nabonid1@yandex.ru (T.A. Magsumov)

2. Материалы и методы

Источником работы послужили материалы еженедельного журнала «Студенческий бюллетень Киевского коммерческого института». Он был основан в 1913 году, первый номер вышел 3-го ноября. Издание выходило еженедельно и выпускалось «Обществом взаимопомощи студенчества Киевского коммерческого института».

Издание преследовало достижения нескольких задач: «возможность и начинающим научную работу испробовать впервые свои силы и вынести на печатные страницы свои первые, может быть ценные как некоторый научный материал, исследования и наблюдения», знакомство студентов с научными материалами и идеями практики научных исследований, «исполнение которой может быть очень полезно студенту, знакомя его с материалом и техническими приемами работы, а результаты этой работы могут быть использованы научными силами Института для ценных научных трудов», а также «задачи, так сказать, высшего порядка. «Бюллетень» имеет и более обыденные, но весьма насущные задачи информации четырехтысячной массы студентов Института о всем, касающемся их учебно-деловых интересов и вообще учебно-деловой институтской жизни» (От редакции, 1913: 1).

В статье использовался комплекс исторических и общенаучных методов исследования:

- метод источникового анализа (контент-анализ) использовался для анализа статей журнала «Студенческий бюллетень Киевского коммерческого института»;
- историко-системный метод применялся для комплексного анализа материалов журнала «Студенческий бюллетень Киевского коммерческого института» в контексте политических, экономических и социальных событий исследуемого периода;
- историко-типологический метод использовался для выявления логической зависимости между фронтовой ситуацией и содержанием журнала «Студенческий бюллетень Киевского коммерческого института».

Также были применены общенаучные методы синтеза, системного анализа, а также гипотетический метод.

3. Обсуждение

Работы, исследующие материалы «Студенческого бюллетеня Киевского коммерческого института» в контексте военной пропаганды, в открытом доступе отсутствуют. Есть работы, которые в целом характеризуют культуросферу отечественных детских и юношеских периодических изданий в период 50–80-х годов XIX века (см., в частности, [Гайманова, 2014](#)). Также есть труды, посвященные истории Киевского коммерческого института в контексте развития высшего образования в Российской империи (см., в частности, [Воробьева, 1995](#); [Князев, 2004](#); [Хациева, 1999](#) и др.).

Молодежные и детские журналы являлись неотъемлемой частью пропаганды. В частности, анализ материалов детского журнала «Задушевное слово» на предмет изменения содержания и сущности статей в зависимости от изменения фронтовой обстановки, а также военной пропаганды на его страницах раскрыли О. Раджович, С. Братановский, А. Епифанов, М. Братановская ([Rajović et al., 2022](#)).

С учетом пропагандистского контекста мы так или иначе апеллировали к исследованиям по теории и практике пропаганды (в том числе военной), а именно к работам В. Липпмана ([Lippmann, 1922](#)), Г. Лассвелла ([Lasswell, 1938](#); [Lasswell, 1927](#)), Ж. Демарсьяля ([Demartial, 1930](#)), Э. Морелли ([Morelli, 2001](#)), Д. Дьюи ([Дьюи, 2000](#); [Дьюи, 2002](#)) и других авторов (см., напр., [Mamadaliyev, 2021a](#); [Mamadaliyev, 2020b](#); [Mamadaliyev, 2021b](#)).

4. Результаты

Как известно, Первая мировая война началась 28 июля 1914 года, поводом к которой послужило убийство Г. Принципом наследника престола Австро-Венгрии эрцгерцога Франца Фердинанда. Причины же ее – передел сфер влияния между европейскими, американскими (как Южной, так и Северной Америки) и азиатскими странами. Российская империя в этой войне в союзе с державами Антанты (Великобритания и Франция), а также балканскими странами (Сербия, Черногория, Румыния, Греция), Португалией, Бельгией, США, Японией, Италией, Бразилией, Арменией и прочими мелкими странами воевала с так называемыми державами Оси (или «Центральными державами»: Австро-Венгрией, Германией, Турцией, Болгарией, а также рядом марионеточных государств, таких как Азербайджан, Грузия (после развала Российской империи) и др.). Война затронула государства практически всех населенных континентов (кроме Австралии). Для России Первая мировая война оказалась катастрофической: не выдержав экономически бремя войны и не уделив должного внимания внутренней пропаганде и революционному движению, империя в феврале 1917 года развалилась в результате буржуазной революции, сменилась форма правления, и из войны по результатам Брест-Литовского сепаратного мирного договора от 3 марта 1918 года государство вышло с огромными потерями, развалившись на несколько сепаратных независимых государств-«осколков», которые впоследствии большевикам пришлось завоевывать вновь. Вместе с тем представляет интерес, как «пропагандистски» Россия готовилась к этой войне, применительно к пропаганде в молодежных изданиях в высшей школе, которая, как известно, всегда была

средоточием вольнодумия и революционных идей. В силу сказанного хронологическими рамками исследования будет период с 1913 по 1918 годы.

Начнем анализ непосредственно с предвоенных номеров журнала «Студенческий бюллетень Киевского коммерческого института», а именно – № 19 от 4 мая 1914 года. Военная тематика в нем не совсем прослеживается; содержание статей посвящено общим вопросам высшего коммерческого образования ([Experientia est: 3-9](#)), особенностям учебной и внеучебной деятельности студентов Киевского коммерческого института ([Учебная жизнь института, 1914а: 1-3](#)), вопросам торговой политики Российской империи ([Гальдеман, 1914: 10-11](#)), учебной жизни института ([Учебная жизни института, 1914b](#)) и др.

Война внесла в издание журнала, предполагавшегося еженедельным, свои коррективы. Следующий, 20-й номер «Студенческого бюллетеня Киевского коммерческого института», вышел почти через полгода – 15 ноября 1914 года, когда Первая мировая война была уже в самом разгаре. Во вступительной статье практически все внимание посвящено войне: «Возобновляя издание "Бюллетеня" в переживаемое нами необычайное, великое время, является необходимым в первой же статье выяснить по возможности все значение современных исторических событий и те задачи, что выдвигаются в связи с ними пред всеми объединенными в научной работе нашего Института, посильное содействие которой составляло и составляет главную задачу "Бюллетеня"» ([От редакции, 1914с: 1](#)). Как видим, педагогическое руководство Киевского коммерческого института безоговорочно поддержало политику Николая II, что, собственно, и нашло отражение в материалах журнала; ни о каком сепаратизме и коллаборационизме речь не шла даже близко, что можно поставить в заслугу руководству Российской империи.

Далее идут рассуждения о причинах войны, которые, разумеется, выдержаны в общегосударственном стиле, то есть в соответствии с официальной точкой зрения: «В настоящее время достаточно ярко установлены виднейшими представителями научно-общественной мысли те причины, что вызвали колоссальную Мировую войну, те перспективы, что открываются в дальнейшем будущем. Ключ к объяснению причин переживаемой Мировой трагедии можно найти в словах великого мыслителя – *le mort saisit le vif* – мертвый хватает живого» ([От редакции, 1914с: 1](#)). Обвиняются Германия и ее сателлиты – «Центральные державы» – в развязывании Первой мировой войны: «Отживший, общественно умирающий класс полуфеодалных аграриев-юнкеров Германии, паразитарно всосался в ее капиталистически развивающийся государственный организм. Одним из главных результатов этого симбиоза было то безудержное развитие германского милитаризма, опасность которого особенно содействовала росту общеевропейского милитаризма. Под гнетом его буквально стонали народы. От гнета его, от гнета этой своего рода *main morte* страдало все культурно-общественное развитие Европейских стран. Нет оснований сомневаться в искренности указанного крупнейшими государственными деятелями Англии и Франции решения их правительств – довести в союзе с Россией войну до полного разгрома германского милитаризма, чтобы затем во всей Европе резко ограничить тягость военного бремени и ввести его в объективно необходимые пределы» ([От редакции, 1914с: 2](#)). Война пока еще (в конце 1914 года) воспринимается с оптимизмом: «Трудно сразу и уяснить все колоссальное значение для ближайшего будущего нашей родной страны всех великих возможностей, что открывает нынешняя война» ([От редакции, 1914с: 2-3](#)). В соответствии с принципами военной пропаганды ([Morelli, 2001; Rajović et al., 2022; Mamadaliev, 2020b](#) и др.), которые в то время еще не нашли своего теоретического обоснования, делается упор на поддержку справедливости этой войны прогрессивными умами человечества (о принципах военной пропаганды более подробно см. [Morelli, 2001](#)): «Ряд профессоров, начиная в этом семестре свои курсы, указал на великое значение совершающихся событий вообще и в частности – для тех областей общественно-экономической жизни, изучению которых посвящены их курсы. Будем надеяться, что и дальше они будут попутно ориентировать нас в совершающемся в той или иной отрасли народного хозяйства в связи с великой войной. Задачам этим по мере сил будет служить и наш "Бюллетень"» ([От редакции, 1914с: 2-3](#)).

В этом номере также указаны экономические сильные и слабые стороны противника, прежде всего – Германии, и прочие чисто экономические рассуждения о народно-хозяйственной сфере противоборствующих сторон ([Франк, 1914а; Геев, 1914](#)); упор делается на преимуществе экономик стран Антанты как «экономического локомотива» союзных стран.

В следующем, 21-м, номере «Студенческого бюллетеня Киевского коммерческого института» от 15 ноября 1914 года даются более подробные обоснования и рассуждения о сильных сторонах экономики России и правильности выбранного императором пути военного противостояния ([В-кий, 1914](#)). Также говорится о возможности перевода студентов в военные училища для пополнения сил фронтов; упоминается и лояльность («нравственность») добровольцев: «Ввиду того, что в настоящее время на основе полученных из министерства правил изготавливаются списки студентов, подлежащих поступлению в военные училища, выдача документов для предъявления в военные училища прекращена. ...Студентам, желающим поступить добровольно, предлагается подавать об этом заявления для того чтобы, на основании § 11 правил, сделать об этом отметку... Начальникам Военных Училищ сообщать о нравственности просителей» ([Общая хроника института, 1914: 6](#)).

Не обойдена тема оказания помощи фронтам силами студенчества: «Студенчество и война. Комитет студентов Московского университета по оказанию помощи жертвам войны, считая, что наибольшую помощь жертвам войны студенчество могло бы оказать своим личным трудом, помимо открытия студенческого лазарета, очага для детей запасных, мастерской для шитья белья и столовой для жен запасных и беженцев, организует также "Посредническое бюро"; оно будет иметь целью направлять студентов, желающих оказать помощь своим трудом, как во все организуемые комитетом организации, так и в другие общественные организации, нуждающиеся в интеллигентной рабочей силе. ...Студентов, желающих предложить свой труд, просят обращаться в "Студенческое посредническое бюро" (Арбат, 46)» ([В высшей школе, 1914: 5](#)). Как видим, на страницах идет активная мобилизация «студенческих сил» для пользы фронта и Отечества.

Более война в материалах статей журнала никак не затрагивается; то же самое справедливо и для 20-го номера «Бюллетеня».

Следующий номер издания, 22-й, от 3 декабря 1914 года о войне сообщает относительно немного. Содержание номера включает в себя такие тематики, как «К практическим занятиям по товароведению волокнистых веществ в Киевском коммерческом институте» ([Бобров, 1914a](#)), «Конструкция микроскопа» ([Бобров, 1914b](#)), «Ход световых лучей» ([Бобров, 1914c](#)). Вместе с тем номер не лишен военной пропаганды и статей на военно-экономическую тематику, в частности «Экспортные рынки Германии» ([Франк, 1914b](#)), «Война и продовольствие Германии» ([Г-в, 1914](#)), «Экономические факторы войны» ([И.В., 1914](#)).

Г. Франк в статье «Экспортные рынки Германии» обвиняет Германию в несправедливых методах ведения торговли, что является одним из принципов военной пропаганды, а именно – «демонизация» противника ([Lasswell, 1938](#)): «...Фирма, желавшая завоевать этот рынок, послала туда своего агента, прекрасно знакомого с делом, без всяких образцов. Агент усердно принялся за изучение интересующего его вопроса, скупал все виды ножевого товара, находившиеся там в употреблении и посылал их своей фирме с указанием их продажной цены и количества, которое могло бы разойтись в стране. В иных случаях такая анкета (конечно, держащаяся в тайне) длится несколько месяцев, а в течение этого времени фирма изучает присланные образцы и организует свое производство для изготовления однородного продукта, понятно, по более низким ценам. И вот, когда все таким образом налажено, агент получает в один прекрасный день большой груз ножей различных видов, употребляющихся в местном обиходе, с распоряжением продавать их со скидкой в 25 % с обыкновенной цены. Рынок, таким образом, завоеван... Этот яркий пример может быть отнесен к любому из продуктов германской промышленности. Где только есть возможность найти сбыт своим изделиям, германские промышленники готовы потратить колоссальные средства для изучения рынка и его причудей, зная, что все расходы потом с лихвой окупятся» ([Франк, 1914b: 10](#)).

В статье «Экономические факторы войны» автор, скрывающийся под псевдонимом «И.В.» обвиняет германский капитализм в развязывании войны: «Пока Германия была в индустриальном отношении страной отсталой, отношения были дружеские и английский капитал играл большую роль в Германской промышленности, особенно в металлургической, так, даже знаменитые заводы Круппа пользовались английской сталью. Такие отношения продолжались до того момента, когда затянувшаяся депрессия кризиса 73 года обнаружила, что германская промышленность начала усиленно развиваться и фабрики ее под видом английских проникли на английский рынок» ([И.В., 1914: 14](#)).

В целом отметим, что критика носит очень рафинированный, «интеллигентный» характер, опираясь строго на факты (хотя и специальным образом отобранные) и не переходя к «огульной» обструкции противника. Статьи и материалы явно рассчитаны на интеллигентного и образованного читателя.

Следующий номер журнала «Студенческий бюллетень Киевского коммерческого института», 23-й, вышел через несколько месяцев – 15 февраля 1915 года. И в предисловии к номеру на четырех полосах (восьми страницах) о войне не сказано ровным счетом ничего ([От редакции, 1915a](#)). Большинство статей (см., в частности, Франк Г. «Ближайшие задачи коммерческих институтов» ([Франк, 1915](#)), Фарниев Г. «Учебная жизнь института. Экономический семинар проф. К.Г. Воблаго» ([Фарниев, 1915](#)), Маслов П. «Библиография» ([Маслов, 1915](#)) и др.) говорит только о текущих проблемах высшего экономического образования, затрагивает прикладные вопросы экономики, некоторые библиографические вопросы и пр. В номере лишь в двух статьях содержится упоминание о войне: в работе Владислава М-ского «Значение кредитной операции в переживаемое время» ([Владислав М-ский, 1915](#)) и «Академическая жизнь» (автор не указан) ([Академическая жизнь, 1915](#)). В этих статьях приведены общие фразы об экономической разрухе и необходимости сплочения перед лицом общей опасности, в частности: «Война нанесла, конечно, тяжелые удары нашему народному хозяйству, и требуется теперь колоссальное напряжение и труд, чтобы противостоять экономическому расстройству в стране. ...Нужна тесная спаянность, дружная и энергичная общественная самодеятельность, широкая организованность для предотвращения кризиса и дальнейшее планомерное развитие хозяйственных сил страны» ([От редакции, 1915b: 11-12](#)).

В данном номере прослеживается определенная проблема с поиском материала для публикации, о чем говорит следующая фраза: «Ввиду того, что программа и направление студенческого органа должны ближайшим образом быть связаны с нуждами широких студенческих кругов, Редакция, стремясь к общению с этими кругами, обращается к товарищам с убедительной просьбой принять активное участие в «Бюллетене», как присылкой самостоятельных статей и материалов, так и указаниями о желательных изменениях и нововведениях в программе журнала» (От редакции, 1915b: 17). Связаны ли трудности с наполнением журнала материалами с патриотической позицией издания (в частности, бойкот со стороны коллаборационистски и/или революционно настроенных студентов и преподавателей), либо это сложности организационного плана, мы не знаем.

Итак, попробуем подытожить сказанное выше.

5. Заключение

В ходе проделанной работы мы можем сделать следующие выводы:

1. Журнал «Студенческий бюллетень Киевского коммерческого института» основан в 1913 году, первый номер вышел 3-го ноября. Декларировался еженедельный выход в тираж, однако на практике «Бюллетень» издавался нерегулярно, порой с многомесячными перерывами (см., в частности, дату выхода номеров 19 и 20, 22 и 23). Издавался он «Обществом взаимопомощи студенчества Киевского коммерческого института»; материалом были статьи преподавателей и студентов вуза, а также привлеченных специалистов.

2. Журнал преследовал несколько целей, главными из которых были просветительские и образовательные (а именно – знакомство с достижениями экономической науки и «проба пера» студентов), а также информирование о научной и учебной деятельности Киевского коммерческого института.

3. В освещении событий Первой мировой войны журнал занял выраженную патриотическую позицию. Не будет преувеличением и тот факт, что на его страницах содержатся элементы военной пропаганды, такие как «демонизация противника», «сплоченность российской нации», «все для фронта, все для победы!», поддержка войны высокообразованной частью русского общества и пр.

4. Статьи первого «военного» номера (то есть вышедшего в период, когда война шла полным ходом) были преисполнены патриотическим содержанием. Большинство статей имело «военный» контекст. Однако уже во втором, «военном», номере «патриотический настрой» угасает, и нем пишется об обыденных элементах учебного и образовательного содержания. Последний «военный» номер и вовсе мало внимания уделяет военным событиям: военное положение входит в обыденность и более не проходит «красной нитью» в содержании материалов статей.

5. В последнем «военном» номере прослеживается наличие трудностей в поиске материала для очередного номера «Бюллетеня», так как редакция обращается с просьбой присылать такие материалы, чего ранее не наблюдалось. Связана ли данная тенденция с патриотической позицией журнала (в частности, бойкот со стороны коллаборационистски и/или революционно настроенных студентов и преподавателей), или это чисто организационные сложности, нам не известно.

Литература

Академическая жизнь, 1915 – Академическая жизнь // Студенческий бюллетень Киевского коммерческого института. № 23. 15 февраля 1915 г. С. 17-19.

Бобров, 1914a – Бобров Ф. К практическим занятиям по товароведению волокнистых веществ в Киевском коммерческом институте // Студенческий бюллетень Киевского коммерческого института. № 22. 3 декабря 1914 г. С. 1-4.

Бобров, 1914b – Бобров Ф. Конструкция микроскопа // Студенческий бюллетень Киевского коммерческого института. № 22. 3 декабря 1914 г. С. 3-4.

Бобров, 1914c – Бобров Ф. Ход световых лучей // Студенческий бюллетень Киевского коммерческого института. № 22. 3 декабря 1914 г. С. 4-5.

В высшей школе, 1914 – В высшей школе // Студенческий бюллетень Киевского коммерческого института. № 21. 25 ноября 1914 г. С. 5.

В-кий, 1914 – В-кий М. Наши хлебные излишки // Студенческий бюллетень Киевского коммерческого института. № 21. 25 ноября 1914 г. С. 1-3.

Владислав М-ский, 1915 – Владислав М-ский. Значение кредитной операции в переживаемое время // Студенческий бюллетень Киевского коммерческого института. № 23. 15 февраля 1915 г. С. 11-13.

Воробьева, 1995 – Воробьева Ю.С. История развития общественного высшего образования в России, 1900–1917 гг. Дисс. ... д-ра ист. наук. М., 1995.

Гайманова, 2014 – Гайманова Е.В. Культурносфера отечественной периодики для детей и юношества 50–80-х годов XIX века. М.: Аналитик, 2014.

Гальдеман, 1914 – Гальдеман С. Вопросы торговой политики // Студенческий бюллетень Киевского коммерческого института. 4 мая 1913 г. С. 10-11.

- Г-в, 1914** – Г-в. Война и продовольствие Германии // *Студенческий бюллетень Киевского коммерческого института*. № 22. 3 декабря 1914 г. С. 10-13.
- Геев, 1914** – Геев М. Из учения о кооперации (по лекциям профессора Анциферова) // *Студенческий бюллетень Киевского коммерческого института*. № 20. 15 ноября 1914 г. С. 6-11.
- Дьюи, 2000** – Дьюи Дж. Демократия и образование / Пер. с англ. М.: Педагогика-пресс, 2000.
- Дьюи, 2002** – Дьюи Дж. Общество и его проблемы / Пер. с англ. И.И. Мюрберг, А.Б. Толстова, Е.Н. Косиловой. М.: Идея-Пресс, 2002.
- И.В., 1914** – И.В. Экономические факторы войны // *Студенческий бюллетень Киевского коммерческого института*. № 22. 3 декабря 1914 г. С. 13-15.
- Князев, 2004** – Князев Е.А. Развитие высшего педагогического образования в России, вторая половина XVIII – начало XX вв. Дисс. ... д-ра пед. наук. М., 2004.
- Маслов, 1915** – Маслов П. Библиография // *Студенческий бюллетень Киевского коммерческого института*. № 23. 15 февраля 1915 г. С. 15-16.
- Общая хроника института, 1914** – Общая хроника института // *Студенческий бюллетень Киевского коммерческого института*. № 21. 25 ноября 1914 г. С. 6-9.
- От редакции, 1913** – От редакции // *Студенческий бюллетень Киевского коммерческого института*. № 1. 3 ноября 1913 г.
- От редакции, 1914с** – От редакции // *Студенческий бюллетень Киевского коммерческого института*. № 20. 15 ноября 1914 г. С. 1-5.
- От редакции, 1915а** – От редакции // *Студенческий бюллетень Киевского коммерческого института*. № 23. 15 февраля 1915 г. С. 1-8.
- От редакции, 1915б** – От редакции (статья № 2) // *Студенческий бюллетень Киевского коммерческого института*. № 23. 15 февраля 1915 г. С. 16-17.
- Учебная жизнь института, 1914а** – Учебная жизнь института // *Студенческий бюллетень Киевского коммерческого института*. 4 мая 1913 г. С. 1-3.
- Учебная жизнь института, 1914б** – Учебная жизнь института // *Студенческий бюллетень Киевского коммерческого института*. 4 мая 1913 г. С. 15-20.
- Фарниев, 1915** – Фарниев Г. Учебная жизнь института. Экономический семинар проф. К.Г. Воблаго // *Студенческий бюллетень Киевского коммерческого института*. № 23. 15 февраля 1915 г. С. 13-15.
- Франк, 1914а** – Франк Г. Экспортные рынки Германии // *Студенческий бюллетень Киевского коммерческого института*. № 20. 15 ноября 1914 г. С. 5-6.
- Франк, 1914б** – Франк Г. Экспортные рынки Германии // *Студенческий бюллетень Киевского коммерческого института*. № 22. 3 декабря 1914 г. С. 9-10.
- Франк, 1915** – Франк Г. Ближайшие задачи коммерческих институтов // *Студенческий бюллетень Киевского коммерческого института*. № 23. 15 февраля 1915 г. С. 8-11.
- Хациева, 1999** – Хациева И.А. Становление и развитие негосударственного высшего образования в России XIX – начала XX вв. / Дисс. ... канд. пед. наук. М., 1999.
- Demartial, 1930** – Demartial G. Le mythe de la guerre de légitime défense. P., 1930.
- Experientia est, 1914** – Experientia est optima rerum magistra // *Studencheskii byulleten' Kievskogo kommercheskogo instituta*. № 19. 4 мая 1913 г. Pp. 3-9.
- Lasswell, 1927** – Lasswell H.D. Propaganda Technique in the World War. New York, 1927.
- Lasswell, 1938** – Lasswell H.D. Propaganda Technique in the World War. New York, 1938. Ch. 4: Satanism. Pp. 71-100.
- Lippmann, 1922** – Lippmann W. Public Opinion. New York, 1922.
- Mamadaliyev, 2020b** – Mamadaliyev A.M. Military Propaganda around the 2020 Nagorno-Karabakh War: Official Materials of Armenia and Azerbaijan Defense Ministries (as illustrated by the first day of the conflict – September 27, 2020) // *Propaganda in the World and Local Conflicts*. 2020. 7(2): 29-40.
- Mamadaliyev, 2021a** – Mamadaliyev A.M. Military Propaganda at the First Stage of the 2020 Nagorno-Karabakh War (September 27 – October 11): Official Materials of Armenia and Azerbaijan Defense Ministries // *Propaganda in the World and Local Conflicts*. 2021. 8(1): 42-51.
- Mamadaliyev, 2021b** – Mamadaliyev A.M. Military Propaganda at the Second Stage of the 2020 Nagorno-Karabakh War (October 12 – November 10): Official Materials of Armenia and Azerbaijan Defense Ministries // *Propaganda in the World and Local Conflicts*. 2021. 8(2): 99-114.
- Morelli, 2001** – Morelli A. Principes élémentaires de provande de guerre. Br., 2001.
- Rajović et al., 2022** – Rajović G., Bratanovskii S.N., Epifanov A.E., Bratanovskya M.S. The Journal “Zadushevnoe Slovo” as a Source on the History of the First World War // *Bylye Gody*. 2022. 17(3): 1267-1272.

References

- Akademicheskaya zhizn', 1915** – Akademicheskaya zhizn' [Academic life]. *Studencheskii byulleten' Kievskogo kommercheskogo instituta*. № 23. 15 fevralya 1915 g. Pp. 17-19. [in Russian]
- Bobrov, 1914a** – Bobrov, F. (1914). K prakticheskim zanyatiyam po tovarovedeniyu voloknistykh veshchestv v Kievskom kommercheskom institute [To practical training in the commodity science of fibrous

- substances at the Kiev Commercial Institute]. *Studencheskii byulleten' Kievskogo kommercheskogo instituta*. № 22. 3 dekabrya 1914 g. Pp. 1-4. [in Russian]
- Bobrov, 1914b** – *Bobrov, F.* (1914). Konstruktsiya mikroskopa [The design of the microscope]. *Studencheskii byulleten' Kievskogo kommercheskogo instituta*. № 22. 3 dekabrya 1914 g. Pp. 3-4. [in Russian]
- Bobrov, 1914s** – *Bobrov, F.* (1914). Khod svetovykh lucheĭ [The course of light rays]. *Studencheskii byulleten' Kievskogo kommercheskogo instituta*. № 22. 3 dekabrya 1914 g. Pp. 4-5. [in Russian]
- Demartial, 1930** – *Demartial, G.* (1930). Le mythe de la guerre de légitime defense [The myth of the war of self-defense]. P. [in French]
- D'yui, 2000** – *D'yui, Dzh.* (2000). Demokratiya i obrazovanie [Democracy and education]. Per. s angl. M.: Pedagogika-press. [in Russian]
- D'yui, 2002** – *D'yui, Dzh.* (2002). Obshchestvo i ego problemy [Society and its problems]. Per. s angl. I.I. Myurberg, A.B. Tolstova, E.N. Kosilovoi. M.: Ideya-Press. [in Russian]
- Experientia est, 1914** – *Experientia est optima rerum magistra // Studencheskii byulleten' Kievskogo kommercheskogo instituta*. № 19. 4 maya 1913 g. Pp. 3-9.
- Farniev, 1915** – *Farniev, G.* (1915). Uchebnaya zhizn' instituta. Ekonomicheskii seminar prof. K.G. Voblago [Educational life of the Institute. Economic seminar prof. K.G. Voblagogo]. *Studencheskii byulleten' Kievskogo kommercheskogo instituta*. № 23. 15 fevralya 1915 g. Pp. 13-15. [in Russian]
- Frank, 1914a** – *Frank, G.* (1914). Eksportnye rynki Germanii [Export Markets in Germany]. *Studencheskii byulleten' Kievskogo kommercheskogo instituta*. № 20. 15 noyabrya 1914 g. Pp. 5-6. [in Russian]
- Frank, 1914b** – *Frank, G.* (1914). Eksportnye rynki Germanii [Export Markets in Germany]. *Studencheskii byulleten' Kievskogo kommercheskogo instituta*. № 22. 3 dekabrya 1914 g. Pp. 9-10. [in Russian]
- Frank, 1915** – *Frank, G.* (1915). Blizhaishie zadachi kommercheskikh institutov [Immediate tasks of commercial institutions]. *Studencheskii byulleten' Kievskogo kommercheskogo instituta*. № 23. 15 fevralya 1915 g. Pp. 8-11. [in Russian]
- Gaimanova, 2014** – *Gaimanova, E.V.* (2014). Kul'turosfera otechestvennoi periodiki dlya detei i yunoshhestva 50–80-kh godov XIX veka [The cultural sphere of national periodicals for children and youth in the 50-80s of the XIX century]. M.: Analitik. [in Russian]
- Gal'deman, 1914** – *Gal'deman, S.* (1914). Voprosy torgovoi politiki [Issues of trade policy]. *Studencheskii byulleten' Kievskogo kommercheskogo instituta*. 4 maya 1913 g. Pp. 10-11. [in Russian]
- Geev, 1914** – *Geev, M.* (1914). Iz ucheniya o kooperatsii (po lektsiyam professora Antsiferova) [From the study of cooperation (based on lectures by Professor Antsiferov)]. *Studencheskii byulleten' Kievskogo kommercheskogo instituta*. № 20. 15 noyabrya 1914 g. Pp. 6-11. [in Russian]
- G-v, 1914** – *G-v.* Voina i prodovol'stvie Germanii [War and food in Germany]. *Studencheskii byulleten' Kievskogo kommercheskogo instituta*. № 22. 3 dekabrya 1914 g. Pp. 10-13. [in Russian]
- I.V., 1914** – *I.V.* Ekonomicheskie faktory voyny [Economic factors of war]. *Studencheskii byulleten' Kievskogo kommercheskogo instituta*. № 22. 3 dekabrya 1914 g. Pp. 13-15. [in Russian]
- Khatsieva, 1999** – *Khatsieva, I.A.* (1999). Stanovlenie i razvitie negosudarstvennogo vysshego obrazovaniya v Rossii XIX – nachala XX vv. [Formation and development of non-state higher education in Russia in the 19th – early 20th centuries]. Diss. ... kand. ped. nauk. M. [in Russian]
- Knyazev, 2004** – *Knyazev, E.A.* (2004). Razvitie vysshego pedagogicheskogo obrazovaniya v Rossii, vtoraya polovina XVIII – nachalo XX vv. [The development of higher pedagogical education in Russia, the second half of the 18th – early 20th centuries]. Diss. ... d-ra ped. nauk. M. [in Russian]
- Lasswell, 1927** – *Lasswell, H.D.* (1927). Propaganda Technique in the World War. New York.
- Lasswell, 1938** – *Lasswell, H.D.* (1938). Propaganda Technique in the World War. New York. Ch. 4: Satanism. Pp. 71-100.
- Lippmann, 1922** – *Lippmann, W.* (1922). Public Opinion. New York.
- Mamadaliyev, 2020b** – *Mamadaliyev, A.M.* (2020). Military Propaganda around the 2020 Nagorno-Karabakh War: Official Materials of Armenia and Azerbaijan Defense Ministries (as illustrated by the first day of the conflict – September 27, 2020). *Propaganda in the World and Local Conflicts*. 7(2): 29-40.
- Mamadaliyev, 2021a** – *Mamadaliyev A.M.* (2021). Military Propaganda at the First Stage of the 2020 Nagorno-Karabakh War (September 27 – October 11): Official Materials of Armenia and Azerbaijan Defense Ministries. *Propaganda in the World and Local Conflicts*. 8(1): 42-51.
- Mamadaliyev, 2021b** – *Mamadaliyev, A.M.* (2021). Military Propaganda at the Second Stage of the 2020 Nagorno-Karabakh War (October 12 – November 10): Official Materials of Armenia and Azerbaijan Defense Ministries. *Propaganda in the World and Local Conflicts*. 8(2): 99-114.
- Maslov, 1915** – *Maslov, P.* (1915). Bibliografiya [Bibliography]. *Studencheskii byulleten' Kievskogo kommercheskogo instituta*. № 23. 15 fevralya 1915 g. Pp. 15-16. [in Russian]
- Morelli, 2001** – *Morelli, A.* (2001). Principes élémentaires de provande de guerre [Elementary Principles of Provenance of War]. Br. [in French]

[Obshchaya khronika instituta, 1914](#) – Obshchaya khronika instituta [General Chronicle of the Institute]. *Studencheskii byulleten' Kievskogo kommercheskogo instituta*. № 21. 25 noyabrya 1914 g. Pp. 6-9. [in Russian]

[Ot redaktsii, 1913](#) – Ot redaktsii [From the Editor]. *Studencheskii byulleten' Kievskogo kommercheskogo instituta*. № 1. 3 noyabrya 1913 g. [in Russian]

[Ot redaktsii, 1914s](#) – Ot redaktsii [From the Editor]. *Studencheskii byulleten' Kievskogo kommercheskogo instituta*. № 20. 15 noyabrya 1914 g. Pp. 1-5. [in Russian]

[Ot redaktsii, 1915a](#) – Ot redaktsii [From the Editor]. *Studencheskii byulleten' Kievskogo kommercheskogo instituta*. № 23. 15 fevralya 1915 g. Pp. 1-8. [in Russian]

[Ot redaktsii, 1915b](#) – Ot redaktsii [From the Editor] (stat'ya № 2). *Studencheskii byulleten' Kievskogo kommercheskogo instituta*. № 23. 15 fevralya 1915 g. Pp. 16-17. [in Russian]

[Rajović et al., 2022](#) – *Rajović G., Bratanovskii S.N., Epifanov A.E., Bratanovskya M.S. (2022). The Journal “Zadushevnoe Slovo” as a Source on the History of the First World War. Bylye Gody. 17(3): 1267-1272.*

[Uchebnaya zhizn' instituta, 1914a](#) – Uchebnaya zhizn' instituta [Educational life of the Institute]. *Studencheskii byulleten' Kievskogo kommercheskogo instituta*. 4 maya 1913 g. Pp. 1-3. [in Russian]

[Uchebnaya zhizn' instituta, 1914b](#) – Uchebnaya zhizn' instituta [Educational life of the Institute]. *Studencheskii byulleten' Kievskogo kommercheskogo instituta*. 4 maya 1913 g. Pp. 15-20. [in Russian]

[V vysshei shkole, 1914](#) – V vysshei shkole [In higher school]. *Studencheskii byulleten' Kievskogo kommercheskogo instituta*. № 21. 25 noyabrya 1914 g. P. 5. [in Russian]

[V-kii, 1914](#) – V-kii M. Nashi khlebnye izlishki [Our grain surplus]. *Studencheskii byulleten' Kievskogo kommercheskogo instituta*. № 21. 25 noyabrya 1914 g. Pp. 1-3. [in Russian]

[Vladislav M-skii, 1915](#) – *Vladislav M-skii. Znachenie kreditnoi operatsii v perezhivaemoe vremya* [The value of a credit operation in the experienced time]. *Studencheskii byulleten' Kievskogo kommercheskogo instituta*. № 23. 15 fevralya 1915 g. S. 11-13. [in Russian]

[Vorob'eva, 1995](#) – *Vorob'eva, Yu.S. (1995). Istoriya razvitiya obshchestvennogo vysshego obrazovaniya v Rossii, 1900–1917 gg.* [History of the development of public higher education in Russia, 1900–1917]. Diss. ... d-ra ist. nauk. M. [in Russian]

Первая мировая война на страницах журнала «Студенческий бюллетень Киевского коммерческого института»

Тимур Альбертович Магсумов ^{a, b, c, *}, Теймур Эльдарович Зульфугарзаде ^d
Михаил Борисович Колотков ^e, Сергей Борисович Зинковский ^f

^a Черкас глобальный университет, Вашингтон, США

^b Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

^c Набережночелнинский государственный педагогический университет, Набережные Челны, Российская Федерация

^d Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, Москва, Российская Федерация

^e Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Санкт-Петербург, Российская Федерация

^f Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена анализу материалов дореволюционного еженедельного журнала «Студенческий бюллетень Киевского коммерческого института», номера которого и стали источником нашего исследования. Издание основано в 1913 году, первый номер вышел 3-го ноября. Декларировался еженедельный выход в тираж, однако «Бюллетень» публиковался нерегулярно, порой с многомесячными перерывами. Он издавался «Обществом взаимопомощи студенчества Киевского коммерческого института»; материалом были статьи преподавателей и студентов вуза, а также привлеченных специалистов. Журнал преследовал в основном просветительские и образовательные цели, информировал о научной и учебной деятельности Киевского коммерческого института, а также служил площадкой для научного творчества студентов.

По результатам работы были сделаны выводы о том, что при освещении событий Первой мировой войны журнал занимал выраженную патриотическую позицию. В статьях его номеров содержатся многие принципы военной пропаганды, такие как «демонизация противника», «сплоченность российской нации», «все для фронта, все для победы!», поддержка войны высокообразованной частью русского общества и т.д.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: nabonid1@yandex.ru (Т.А. Магсумов)

Однако, начиная уже со второго номера, военная тематика отходит на второй план. Последний номер и вовсе уделяет военным событиям весьма мало внимания, что объясняется нами тем фактом, что военное положение входит в обыденность. Также прослеживается наличие трудностей в поиске материала, так как редакция обращается с просьбой присылать такие материалы, чего ранее она не делала. Связана ли данная тенденция с патриотической позицией журнала (в частности, бойкот со стороны коллаборационистски и/или революционно настроенных студентов и преподавателей), или это чисто организационные сложности, нам выяснить не удалось.

Ключевые слова: периодическая печать, молодежный журнал, «Студенческий бюллетень Киевского коммерческого института», пропаганда, военная пропаганда, Первая мировая война.

Copyright © 2023 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2023. 18(2): 1007-1033
 DOI: 10.13187/bg.2023.2.1007

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Combat Path of the Corporal of the 333rd Infantry Glazovsky Regiment Andrei Timofeevich Kemov during the First World War (1914–1915)

Aleksandr A. Cherkasov ^{a, *}

^a Cherkas Global University, Washington, USA

Abstract

The paper makes the first attempt to restore the combat path of corporal Andrei Timofeevich Kemov of the 333rd Infantry Glazovsky Regiment, who served in the regiment in 1914–1915. Andrei Timofeevich Kemov was the father of Anastasia Andreevna, the wife of Ivan Ivanovich Cherkasov from the village of Keret.

The source base of the research is represented by the materials of the Russian State Military Historical Archive (Moscow, Russian Federation), in which the fund No. 2942 (333rd Infantry Glazovsky Regiment) was deposited. The most valuable sources of research were the journals of military operations, as well as award documents and documents on the accounting of the personnel of the regiment.

In conclusion, the author states that the combat path of the corporal-orderly of the 333rd Infantry Glazovsky Regiment Andrei Timofeevich Kemov was only a little more than 6 months (July 30, 1914 – February 2, 1915). The regiment operated on the most difficult sector of the front – against Germany. Realizing the plan of the Russian command, the regiment as part of a group of troops crossed the border of the German Empire on October 22, 1914 and operated on enemy territory. Here, on November 23, 1914, the 13th company, in which Corporal Kemov served, distinguished itself in the case against the Germans. As a result, Andrei Timofeevich was presented to the St. George Medal of the 4th degree. After the mission of the Russian group in Germany was completed (to pull the German reserves from the Western to the Eastern Front), the retreat from German territory began. On February 1, 1915, the regiment crossed the border with the Russian Empire, and on February 2, the regiment participated in the battle near the village of Kur'yanka. During this battle with superior enemy forces, the regiment suffered heavy losses in killed, wounded and prisoners, among the latter was corporal Andrei Timofeevich Kemov.

Keywords: 333rd Infantry Glazovsky Regiment, World War I, 1914–1915, combat path, Andrei Timofeevich Kemov, Cherkasovs (Keretskys).

Памяти моего прадеда ефрейтора 333-го пехотного
 Глазовского полка Андрея Тимофеевича Кемова,
 посвящается

1. Введение

История русской армии периода Первой мировой войны вот уже более 100 лет остается одной из наиболее слабоизученных тем в истории России. В советский период внимание историков в большинстве случаев приковывалось лишь к крупным войсковым операциям. В современный российский период большую популярность получила тема Первой мировой войны в региональном аспекте (например, в жизни города или губернии). В то время как более частные темы, например история полка – основной боевой единицы в годы войны, и в советский, и в современный периоды осталась практически не изученной. Этой работой мы хотели бы восполнить данный пробел и

* Corresponding author

E-mail addresses: a.cherkasov@cherkasgu.net (A.A. Cherkasov)

рассмотреть боевой путь ефрейтора 333-го пехотного Глазовского полка Андрея Тимофеевича Кемова, служившего в полку в период 1914–1915 гг.

2. Материалы и методы

Источниковая база нашего исследования представлена материалами Российского государственного военно-исторического архива (Москва, Российская Федерация), в котором отложился фонд № 2942 (333-й пехотный Глазовский полк). Наиболее ценными источниками для нашего исследования явились журналы военных действий, а также документы наградные и по учету личного состава полка.

Ввиду специфики нашей работы методология исследования опирается на историко-хронологический метод и метод контент-анализа. Историко-хронологический – имеет важное значение в создании целостной картины военной жизни комбатанта в годы Первой мировой войны. В свою очередь метод контент-анализа позволил из разнообразной документации 333-го пехотного Глазовского полка вычлениить те документы, который имели отношение к периоду службы ефрейтора Андрея Тимофеевича Кемова.

3. Обсуждение

Ввиду того, что специальных исследований, посвященных 333-му пехотному Глазовскому полку нет, то историографию темы нашей работы мы решили разделить на две проблемные группы: первая – посвящена событиям начального этапа Первой мировой войны на германском фронте, вторая – историко-генеалогическим исследованиям представителей семьи Черкасовых из Керети, которые служили в годы Первой и Второй мировых войн.

Итак, что касается первой группы, то необходимо понимать, что историография Первой мировой войны отличается своей многочисленностью. Здесь необходимо отметить работы таких признанных советских специалистов в области Первой мировой войны, как А.М. Зайончковский «Мировая война 1914–1918 гг. Общий стратегический очерк» (Зайончковский, 1924) и Д.В. Вержховский «Первая мировая война 1914–1918 гг.» (Вержховский, 1954). Из авторов русского зарубежья в первую очередь необходимо назвать 4-томный труд А.А. Керсновского «История Русской армии». 3-й том этого издания посвящен начальному периоду войны (Керсновский, 1994), а 4-й – периоду 1915–1917 гг. (Керсновский, 1994а). В современный российский период появился ряд новых работ, среди которых можно назвать труд А.И. Уткина «Первая мировая война» (Уткин, 2001), работу В.К. Шацилло «Первая мировая война 1914–1918. Факты. Документы» (Шацилло, 2003), исследование А.Б. Асташова «Русский фронт в 1914 – начале 1917 года: военный опыт и современность» (Асташов, 2014), статью А.Д. Чумакова непосредственно о событиях в Восточной Пруссии в начальный период войны (Чумаков, 2015), а также одну из историографических работ, посвященных Первой мировой войне, автора Б.Д. Козенко (Козенко, 2001).

Что касается второй группы исследований, то здесь можно назвать следующие наши работы: А.А. Черкасов «История 533-го стрелкового Одерского полка (1941–1945 гг.)» (Черкасов, 2022), в этом полку с 1942 по 1945 гг. служил стрелком Иван Иванович Черкасов; «Черкасовы (Керетские): Алексей Павлович Черкасов (1910–1969)» (Черкасов, 2022а), наряду с биографическим описанием, рассмотрены и страницы его жизни, связанные с боевыми действиями в 1941–1944 гг.; «Боевой путь рядового Ивана Ивановича Черкасова» (Черкасов, 2022б), рассмотрен боевой путь, в том числе в период 1941 и 1942 гг.; «Cherkasovs (Keretskys): Feofan Ivanovich Cherkasov (1886–1938)» (Cherkasov, 2021), в биографической рукописи имеются упоминания о службе Феофана Ивановича Черкасова в годы Первой мировой войны; и наконец – «In Memory of Semen Agafonovich Cherkasov (1897–1941): The Fate of One Marching Reinforcement» (Cherkasov, 2022), представителя рода Черкасовых из Керети, погибшего в ходе знаменитого Шлиссельбургского десанта 28 ноября 1941 г.

4. Результаты

Андрей Тимофеевич Кемов родился 30 октября 1878 г. в селе Кестеньга Кемского уезда Архангельской губернии в семье старообрядцев. Его отцом был Тимофей Иванович Кемов (1851 г.р.), а матерью – Марья Вавиловна Кемова (в девичестве Власова) (1852 г.р.) (НАРК. Ф. 25. Оп. 23. Д. 48. Л. 236об.-237; НАРК. Ф. 25. Оп. 23. Д. 52. Л. 54об.-55). В 1901 г. Андрей Тимофеевич Кемов был направлен на действительную военную службу и прослужил не менее 4 лет. Вернувшись со службы примерно в 1908 г., Андрей Тимофеевич женился на Пелагее Романовне. От этого брака было по меньшей мере семеро детей (Анастасия, 1909 г.р.; Елизавета, 1910 г.р.; Февронья, 1912 г.р.; Михай, 1918 г.р.; Ипат, 1921 г.р.; Федосья, 1922 г.р.; Матрена, 1926 г.р.) (НАРК. Ф. Р-528. Оп. 21. Д. 29. Л. 7). Забегая вперед, скажем, что старшая его дочь Анастасия впоследствии выйдет замуж за основателя ивановской ветви рода Черкасовых (Керетских) – Ивана Ивановича Черкасова (1902–1969 гг.). В 1914 г. после начала Первой мировой войны Андрей Тимофеевич был призван по мобилизации из запаса в чине ефрейтора.

О судьбе Андрея Тимофеевича известно сравнительно немного. Образование имел низшее (сельская школа). В 1912 г. он был одним из двух основателей деревни Соностров (Керетская волость).

Занимался рыбным промыслом и домашним хозяйством. В 1925–1926 гг. в летний сезон нанимался на должность пожарного объездчика в Керетское ж/д лесничество. Согласно анкете, которую А.Т. Кемов заполнял при поступлении на должность пожарного объездчика, в Первую мировую войну он имел чин ефрейтора-санитара, за отличие в бою был награжден Георгиевской медалью 4-й степени (НАРК. Ф. Р-528. Оп. 21. Д. 29. Л. 7). Согласно семейной информации в период Большого террора Андрей Тимофеевич Кемов был репрессирован и осужден на 10 лет лагерей. Примерно в 1942 г. в Коми АССР он и скончался.

333-й пехотный Глазовский полк в Русской императорской армии – это пример полка второй очереди, которые разворачивались лишь в условиях военного времени. Полк начал формироваться в июле 1914 г. в городе Вятке. Так как к этому времени Вятский полк уже существовал (102-й пехотный Вятский полк), то полку дано было имя уездного города Глазов той же Вятской губернии, так появился 333-й пехотный Глазовский полк. Организационно он входил в состав 84-й пехотной дивизии. В конце июля – начале августа 1914 г. происходил процесс формирования этого полка и укомплектования мобилизованными, об этом имеется несколько записей в журнале военных действий полка.

18 июля 1914 г. в 12 часов дня из состава 193-го пехотного Свияжского полка были выделены кадры (25 офицеров и 279 нижних чинов) на формирование 333-го пехотного Глазовского полка. Этот день стал днем его создания (РГВИА. Ф. 2942. Оп. 1. Д. 23. Л. 106.).

22 июля были приняты обозные повозки от 193-го пехотного Свияжского полка. В этот день полк был укомплектован строевыми и обозными лошадьми (РГВИА. Ф. 2942. Оп. 1. Д. 23. Л. 106.).

30 июля в полк прибыли мобилизованные и число нижних чинов в ротах и командах было доведено до состава военного времени (РГВИА. Ф. 2942. Оп. 1. Д. 23. Л. 106.). В составе этого пополнения из запаса прибыл ефрейтор Андрей Тимофеевич Кемов, который был определен в 4-ю роту 1-го батальона полка (РГВИА. Ф. 2942. Оп. 1. Д. 203. Л. 6).

1 августа 1914 г. командиром полка был назначен полковник Валентин Петрович Тархов, выпускник Варшавского пехотного юнкерского училища. Полк состоял из четырех батальонов, по четыре роты в каждом. Нумерация рот была сплошной. Так, в 1-м батальоне были 1-я, 2-я, 3-я и 4-я роты; во 2-м батальоне – 5-я, 6-я, 7-я и 8-я роты; в 3-м батальоне – 9-я, 10-я, 11-я и 12-я роты; а в 4-м батальоне – 13-я, 14-я, 15-я и 16-я роты.

2 августа телеграммой начальника 84-й пехотной дивизии было приказано вскрыть секретный пакет с маршрутами (РГВИА. Ф. 2942. Оп. 1. Д. 23. Л. 106.).

8 августа решались последние организационные вопросы и началась отправка частей полка на театр боевых действий.

Так, 8 августа телеграммой начальника 84-й пехотной дивизии за № 349 было разрешено полку до получения собственного знамени взять старое знамя Свияжского полка (РГВИА. Ф. 2942. Оп. 1. Д. 23. Л. 2). В тот же день в 9 часов утра со станции Вятка I отбыл первый эшелон полка в составе 1-го батальона под командой полковника Тыльцена. В 6 часов вечера отбыл третий эшелон в составе 2-го батальона под командой капитана Пискунова (РГВИА. Ф. 2942. Оп. 1. Д. 23. Л. 2).

9 августа в 10 часов утра отбыл второй эшелон в составе штаба полка, нестроевой роты и службы связи, в 6 часов вечера – четвертый эшелон в составе 3-го батальона под командой капитана Шорина, а в 11 часов вечера – пятый эшелон в составе 4-го батальона под командой капитана Агапьева (РГВИА. Ф. 2942. Оп. 1. Д. 23. Л. 2-206.).

10 августа отбыл шестой эшелон в составе 1-го взвода дивизионного обоза под командой зауряд-прапорщика Поносова. При этом личный и конский состав пулеметной команды в связи с неполучением пулеметов остался в г. Вятке. В этот же день первый эшелон полка достиг станции Кушеловка и вследствие изменения назначения полка был передан на Финляндскую железную дорогу для следования в Финляндию. Позднее на этой же станции изменили свое направление и другие эшелоны полка (РГВИА. Ф. 2942. Оп. 1. Д. 23. Л. 206.-3).

11 августа в 11 часов утра первый эшелон высадился на станции Усикирхо в 71 км от Санкт-Петербурга и стал биваком около полотна железной дороги. Тут же остановился и 2-й батальон, прибывший в 4 часа дня (РГВИА. Ф. 2942. Оп. 1. Д. 23. Л. 3).

12 августа в 7 часов утра прибыл второй эшелон, в 9 часов утра – четвертый эшелон и в 3 часа дня – пятый и шестой эшелоны. В 4 часа 1-й и 2-й батальоны выступили маршем с бивака по дороге к селу Бьеркэ. В 11 часов вечера эти батальоны, пройдя 22 версты, остановились биваком в с. Макула и заночевали там (РГВИА. Ф. 2942. Оп. 1. Д. 23. Л. 3).

13 августа в 4 часа утра 1-й и 2-й батальоны были подняты. Личный состав пил чай с хлебом, и в 5 часов утра батальоны выступили далее по маршруту. В 12 часов дня, пройдя 20 верст, они остановились на большой привал в с. Кайпиала, части обедали консервами и в 2 часа дня двинулись дальше. К 7 часам вечера 2-й батальон прибыл в село Макслахти, а в 9 часов вечера 1-й батальон достиг с. Бьеркэ. Батальоны расположились бивачным порядком. В этот же день в 12 часов дня из с. Уси-Кирхо выступили 3-й и 4-й батальоны, штаб полка, нестроевая рота и команда связи. В 8 часов вечера они остановились на большой привал в с. Куолема-Ярви и в 11 часов вечера двинулись дальше, достигнув к 4 часам утра с. Кайпиала, где и остановились. Днем батальоны Глазовского полка

сменили на охране побережья 9-й и 10-й Финляндские стрелковые полки, приняв от них окопы, а в некоторых местах – лишь работы по возведению их (РГВИА. Ф. 2942. Оп. 1. Д. 23. Л. 30б.-4).

Бьеркский отряд. С этого момента Глазовский полк вошел в состав Бьеркского отряда, задача которого состояла в противодействии высадке противника на Бьеркском полуострове, а в случае высадки в возможно продолжительном задержании его на путях к Санкт-Петербургу. Высадка эта, по мнению командования, была возможна с двух сторон: со стороны пролива Бьеркэ-Зунда или со стороны залива Макс-Лахти. В соответствии с этим полковой район разделялся на два участка: участок 1-го батальона от Бьеркэ до Херкеля, предупреждающего высадку со стороны Бьеркэ-Зунда, и авангардные позиции у Макс-Лахти 2-го батальона, предупреждающего высадку с залива Макс-Лахти и могущего служить для удержания высадившегося на участке 1-го батальона и наступающего на Петербург или Выборг противника (Рисунок 1). Узкий проход дороги между озером Куолема-Ярви и Нерья-Ярви составлял главную позицию и занимался 3-м и 4-м батальонами (РГВИА. Ф. 2942. Оп. 1. Д. 23. Л. 30б.-40б.-5).

Участки 1-го и 2-го батальонов, расположенные на берегу моря, были разделены на ротные участки, которые сразу же приступили к несению сторожевой службы согласно Полевому уставу. Связь в расположении полка поддерживалась местным городским телефоном (штаб полка и штабы всех батальонов) и полковым гудковым телефоном (штаб полка и хозяйственные части). Штаб полка и штаб отряда имели непосредственную связь, так как были расположены в одном помещении (дача Мюзера в 2 км от села Бьеркэ) (РГВИА. Ф. 2942. Оп. 1. Д. 23. Л. 5-50б.).

Связь со штабом артиллерии, пограничной стражей и начальником морской обороны водного района Бьеркэ поддерживалась телефоном (РГВИА. Ф. 2942. Оп. 1. Д. 23. Л. 50б.).

В таком положении полк находился около 3 недель, неся сторожевую службу.

8 сентября из штаба дивизии поступил приказ о подготовке к походу одного из батальонов полка (РГВИА. Ф. 2942. Оп. 1. Д. 23. Л. 50б.). Распоряжением командира полка в поход был назначен 4-й батальон (РГВИА. Ф. 2942. Оп. 1. Д. 25. Л. 10б.).

10 сентября в 7 часов утра 4-й батальон в составе 9 обер-офицеров, врача и 960 нижних чинов, при 29 лошадях и 15 повозках, выступил из с. Кайпиала с таким расчетом, чтобы в 7 вечера следующего дня быть на станции Выборг. В 12 часов дня из штаба дивизии последовало приказание ускорить движение батальона с таким расчетом, чтобы прибыть на станцию Выборг к 9 часам утра. Приказание было передано посланным вслед ординарцем (РГВИА. Ф. 2942. Оп. 1. Д. 25. Л. 10б.).

11 сентября в 9 часов утра 4-й батальон был посажен на ст. Выборг в поезда и отправлен по направлению к Петрограду (РГВИА. Ф. 2942. Оп. 1. Д. 25. Л. 10б.-2).

13 сентября из 173-го запасного батальона прибыли пополнения в числе 491 человека для укомплектования полка (РГВИА. Ф. 2942. Оп. 1. Д. 25. Л. 2).

На следующий день, 14 сентября, из того же 173-го запасного батальона прибыли пополнения в составе 105 человек, которые были временно распределены по ротам 3-го батальона (РГВИА. Ф. 2942. Оп. 1. Д. 25. Л. 2).

15 сентября из 17-й рабочей роты прибыло пополнение в составе 228 человек, которые были распределены по первым трем батальонам (РГВИА. Ф. 2942. Оп. 1. Д. 25. Л. 2).

16 сентября 3-й батальон ввиду наступления холодов и отсутствия в занимаемом районе теплых помещений перешел в с. Колкала. В тот же день из 3-го запасного батальона прибыло пополнение в составе 100 человек. Оно было распределено по ротам всех оставшихся батальонов (РГВИА. Ф. 2942. Оп. 1. Д. 25. Л. 2).

26 сентября приказом по полку было объявлено, что 4-й батальон следует считать с 11 сентября переведенным в другую армию (на основании приказа по 84-й пехотной дивизии от 18 сентября 1914 г. за № 43) (РГВИА. Ф. 2942. Оп. 1. Д. 25. Л. 20б.).

27 сентября из 3-го запасного батальона прибыло пополнение в составе 77 человек. В тот же день было приказано приступить к формированию 4-го батальона, выделив офицерский состав из первых трех батальонов, взяв оттуда же кадры нижних чинов и доведя до штатного числа прибывшими на пополнение запасными. 4-му батальону было приказано разместиться в с. Колкола (РГВИА. Ф. 2942. Оп. 1. Д. 25. Л. 20б.). В этот же день из 4-й роты на формирование 13-й роты 4-го батальона была переведена команда, в числе которой был и ефрейтор Андрей Тимофеевич Кемов (РГВИА. Ф. 2942. Оп. 1. Д. 203. Л. 6). Таким образом, ефрейтор Кемов перешел из 1-го батальона в состав 4-го.

4 октября из Вятки прибыла пулеметная команда (РГВИА. Ф. 2942. Оп. 1. Д. 25. Л. 20б.).

11 октября началось движение полка для размещения по зимним квартирам. Полк предполагалось разместить следующим образом: штаб полка, нестроевая рота, команды (пулеметная и связи) и 1-й батальон – в г. С.-Михель, 2-й батальон – в с. Куопю, 3-й и 4-й батальоны в г. Вильманstrand. Полк должен был следовать до ст. Выборг походным порядком, а далее по железной дороге. Переход до Выборга было приказано совершить двумя эшелонами: первый эшелон – 3-й и 4-й батальоны, второй эшелон – 1-й и 2-й батальоны. Первый эшелон, дабы не создавать давку и смешивания частей, должен был выступить 11 октября, а второй эшелон – 12 октября (РГВИА. Ф. 2942. Оп. 1. Д. 25. Л. 20б.-3).

11 октября в 7 часов утра первый эшелон выступил в поход. В 12 часов он имел большой привал в Макс-Лахти, а в 4 часа дня прибыл в с. Стекланный Завод, где расположился на ночлег. Во время следования состояние дороги было хорошим (РГВИА. Ф. 2942. Оп. 1. Д. 25. Л. 30б.).

12 октября в 8 часов утра первый эшелон двинулся далее и к 4 часам дня достиг с. Рамси, расположившись в нем на ночлег. Того же числа в 12 часов дня к селению Ремпетти собрались части второго эшелона и, приняв полковое знамя, двинулись к Выборгу. В 4 часа дня второй эшелон прибыл на Стекланный Завод, пройдя от Ремпетти 10 верст. В Стекольном Заводе батальоны готовили ужин и ночевали (РГВИА. Ф. 2942. Оп. 1. Д. 25. Л. 30б.).

13 октября первый эшелон с 4 часов утра начал движение для посадки в поезда, отбывавшие со станции Выборг в 11 часов утра, в 1 час дня, в 4 часа дня и 6 часов вечера. Вечером и ночью поезда из Выборга через ст. Симола прибыли в город Вильманstrand. В тот же день в 9 часов утра второй эшелон двинулся из Стекланного Завода и, пройдя 18 верст, в 3 часа утра остановился у Поповой Горы в 4 верстах от Выборга по разным сторонам дороги (РГВИА. Ф. 2942. Оп. 1. Д. 25. Л. 30б.-4).

14 октября в 6 часов утра второй эшелон начал движение на военную платформу станции Выборг для посадки в поезда. В 11 часов утра поезд со штабом полка и нестроевой ротой отошел от станции Выборг. С промежутками в 2 часа отбыли два поезда с 1-м батальоном (РГВИА. Ф. 2942. Оп. 1. Д. 25. Л. 4). Поезда со 2-м батальоном были уже погружены, но по приказанию начальника дивизии задержаны. В 10 часов вечера поезд со штабом полка прибыл в город С. Михель (полное название Санкт-Михель). Ночью прибыли на ст. Михель поезда с 1-м батальоном. Утром все три эшелона были выгружены из вагонов и размещены в казармах 5-го Финляндского полка. В 3 часа дня было получено телеграфное приказание командира полка возвратиться в Выборг. Для перевозки батальон и команды были распределены тем же порядком. В 8 часов вечера отбыл в Выборг штаб полка (РГВИА. Ф. 2942. Оп. 1. Д. 25. Л. 40б.).

16 октября в 2 часа ночи и около 5 часов утра отбыли поезда с 1-м батальоном. В Выборг поезда из Михеля прибыли в 9 часов утра, в 2 часа дня и в 5 часов дня. Поезда из Вильманstrandа прибыли ночью с 15-го на 16-е октября. Полк был размещен в казармах 7-го и 8-го Финляндских полков (РГВИА. Ф. 2942. Оп. 1. Д. 25. Л. 5).

В этот же день в приказе по 84-й пехотной дивизии за № 60 в параграфе 1 было объявлено: «Согласно телеграмме главнокомандующего VI-й армии от 14-го сего октября № 1589 вверенной мне дивизии с 24-й отдельной саперной ротой и полусотней 3-й сотни 8-го Оренбургского казачьего полка выступить в поход на запад» (РГВИА. Ф. 2942. Оп. 1. Д. 25. Л. 5).

17 октября началась отправка на театр военных действий 333-го пехотного Глазовского полка, который отправился шестью эшелонами. Первый эшелон (1-й батальон) отбыл в 5 часов вечера, второй эшелон (штаб полка, нестроевая рота, пулеметная команда и служба связи) – в 7 часов вечера (РГВИА. Ф. 2942. Оп. 1. Д. 25. Л. 5-50б.).

18 октября продолжалось отправление из г. Выборга на театр военных действий. Отбыли: третий эшелон (4-й батальон) в 12 часов ночи, четвертый эшелон (2-й батальон) в 2 часа ночи, пятый эшелон (3-й батальон) в 8 часов утра и шестой эшелон (дивизионного обоза 1-й взвод) в 12 часов дня. Через промежуточные станции Петроград, Псков, Вильно полк 20-го и 21-го октября прибыл на станцию Августов Сувалкской губернии, где и высадился. Время прибытия эшелонов: первый – 7 часов утра, второй – 11 часов дня, третий – 7 часов вечера. Во время движения полк получал продовольствие на продовольственных пунктах (РГВИА. Ф. 2942. Оп. 1. Д. 25. Л. 50б.).

Первый и третий эшелоны были размещены по квартирам, а второй остановился биваком в роще у вокзала. В составе 84-й дивизии полк был включен в состав X армии и причислен к XXII армейскому корпусу (РГВИА. Ф. 2942. Оп. 1. Д. 25. Л. 50б.-6).

Вечером полк получил приказ на следующий день утром выступить на селение Стоки, где и остановиться, а также сосредоточиться к 9 часам утра у полковой церкви 104-го Устюжского князя Багратиона полка (РГВИА. Ф. 2942. Оп. 1. Д. 25. Л. 6).

21 октября в 1 час ночи прибыл четвертый эшелон и в 7 часов утра – пятый эшелон. К 9 часам утра полк сосредоточился в отведенном ему месте. Прибывший к построению в колонну полку начальник 84-й пехотной дивизии генерал-майор Козлов передал полку полученную им как начальником дивизии от Верховного главнокомандующего благодарность за выделенные из полков дивизии батальоны и выразил уверенность, что и сами полки заслужат «эту благодарность не однажды» (РГВИА. Ф. 2942. Оп. 1. Д. 25. Л. 60б.).

В 11 часов дня полк двинулся от сборного пункта по шоссе на Рачки. Дорога находилась в очень плохом состоянии, чрезвычайно изрытая в дождливое время, она подмерзла. В тот день дул холодный сильный ветер. У господского дома Щебра полк имел часовой привал и двинулся дальше на с. Стоки, в которое прибыл в 5 часов вечера, пройдя 21 версту, и расположился биваком на поле на западной окраине деревни. Ввиду возможности обстрела артиллерийским огнем разведение костров было воспрещено, и варка пищи не состоялась (РГВИА. Ф. 2942. Оп. 1. Д. 25. Л. 60б.-7).

22 октября в 11 часов утра был получен приказ начальника штаба 84-й пехотной дивизии № 98 о выступлении полка в с. Малые Рачки, где полк входил в состав общего резерва XXII армейского корпуса. В 12 часов дня полк выступил через посад Рачки в Малые Рачки. Прибыв туда в 2 часа дня, полк остановился на привале до получения дальнейших распоряжений. Отсюда он выслал две роты 2-го батальона (7-ю и 8-ю) в прикрытие к двум дивизионам 84-й артиллерийской бригады (РГВИА. Ф. 2942. Оп. 1. Д. 25. Л. 7).

В 3 часа дня начальник дивизии лично распорядился выслать один батальон полка с 1-й батареей в авангарде колонны, авангарду двигаться по шоссе корд. Липовка – Чимохен – Соболлен – Велицкен, где и остановиться, выставить сторожевое охранение на Маркграбово. В авангард был назначен 1-й батальон под командой подполковника Тыльцена. В 4 часа дня авангард выступил по указанному направлению. Движение батальона охранялось заставами от 1-й роты (РГВИА. Ф. 2942. Оп. 1. Д. 25. Л. 7-70б.).

После выступления авангарда был получен письменный приказ № 4 по общему резерву для движения по названному маршруту. В состав колонны входила 3-я Финляндская стрелковая бригада, 3-й стрелковый Финляндский артиллерийский дивизион, 84-я артиллерийская бригада, 6-я тяжелая батарея, 2-й Сибирский тяжелый дивизион. Полк следовал за 3-м Финляндским артиллерийским дивизионом. Колонна начала вытягиваться в 5 часов вечера, и в 6 часов вечера полк, заняв свое место, двинулся. Через посад Рачки колонна двинулась по шоссе на кард. Липовку, где в 8 часов вечера полк перешел границу Германской империи (РГВИА. Ф. 2942. Оп. 1. Д. 25. Л. 70б.-8).

В 10 часов вечера полк достиг с. Чимохень, около которого и остановился биваком, так как место было занято ранее пришедшими частями. Полк совершил переход по шоссе, грязному до границы и очень удобному после перехода ее. В 12 часов ночи авангард достиг с. Велицкен, где и расположился, выставив 2 роты (1-я и 2-я) в сторожевое охранение в 1,5 верстах на Маркграбова (РГВИА. Ф. 2942. Оп. 1. Д. 25. Л. 8).

23 октября в 9 часов утра был получен приказ выдвинуть еще один батальон полка на поддержку авангарда в с. Велицкене. Во исполнение этого приказа был отправлен 3-й батальон. Командование авангардом было возложено на командира полка полковника Тархова, который, передав командование полком полковнику Пороховщикову, выехал из Чимохена в Велицкен (РГВИА. Ф. 2942. Оп. 1. Д. 25. Л. 80б.).

Приказом по левой колонне от 23 октября за № 2 авангарду ставилась следующая задача: продолжая занимать д. Велицкен, произвести разведку от Неймюна включительно, где восточнее берега оз. Клейн Олецко поворачивает к западу. 4-й батальон и две роты 2-го батальона вошли в состав главных сил, которые перешли в с. Соболлен (РГВИА. Ф. 2942. Оп. 1. Д. 25. Л. 80б.-9).

Разведка авангарда, произведенная ротами 3-го батальона, противника не обнаружила. В 3 часа дня был получен приказ поддержать наступление 303-го Сеннинского полка на перешеек между оз. Клейн Олецко и Гросс Олецко. По шоссе на Маркграбово был выдвинут 3-й батальон, который вошел в контакт с 303-м пехотным полком, имея его у себя справа. В 7 часов вечера двинулся по шоссе и 1-й батальон. С наступлением темноты он остановился в 2 верстах от Велицкена, заняв оказавшиеся здесь окопы и выслав охранение от 3-й и 4-й рот (РГВИА. Ф. 2942. Оп. 1. Д. 25. Л. 9).

Когда соединенные батальоны 333-го и 303-го полков подошли к неприятельской позиции на названном перешейке, командир 2-го батальона 303-го Сеннинского полка приказал командиру 3-го батальона 333-го полка капитану Шорину принять участие в атаке неприятельских позиций. Батальон двинулся в атаку без выстрела. Противник встретил атаку подавляющим ружейным и пулеметным огнем, причем огонь был перекрестным. Ввиду этого атака была остановлена и батальоны отошли на прежние позиции. Потери: командир 11-й роты поручик Котлов и 4 нижних чина (РГВИА. Ф. 2942. Оп. 1. Д. 25. Л. 90б.).

24 октября в 2 часа ночи был получен приказ начальника дивизии стянуть авангард и расположить его на отдых, а к 7 часам утра прибыть в Велицкен. Во исполнение этого приказа 3-й батальон отошел к с. Велицкен. В 5 часов утра с места снялся и 1-й батальон с батареей. В этот же день полк вошел в состав главных сил левой колонны XXII армейского корпуса под командой генерал-майора Есаулова. Авангард колонны составлял 334-й Ирбитский полк. Перед выступлением авангарда по приказу начальника дивизии половина пулеметной команды под командой прапорщика Пешехонова была придана к Ирбицкому полку. В 8 часов утра авангард выступил по шоссе на Маркграбово, был встречен огнем противника и принужден был перейти в боевой порядок. Выступление колонны главных сил было задержано до приказа генерала Есаулова (РГВИА. Ф. 2942. Оп. 1. Д. 25. Л. 10).

В ожидании приказа полк в походной колонне стоял в деревне. В 4 часа дня командир полка был вызван в штаб дивизии, где получил приказ выступить с двумя батальонами и батареей в с. Клейн Олецко для заполнения прорыва между правым флангом 57-й пехотной дивизии и левым 3-й Финляндской стрелковой бригады. 1-й и 2-й батальоны с 4-й батареей, оставив 3-й и 4-й батальоны в Велицкене, выступили в 5 часов вечера и в 6 часов вечера прибыли в с. Клейн Олецко и вышли на связь со штабом 3-й Финляндской бригады. 1-й батальон расположился ночевать в деревне, а 2-й батальон передвинулся дальше на запад и выставил сторожевое охранение вдоль шоссе Куковен-Гонскен, справа соединясь с 11-м Финляндским полком, а слева – с 226-м пехотным полком. 5-я и 6-я роты занимали сторожевые участки, а 7-я и 8-я роты с двумя взводами пулеметов были в сторожевом резерве. Резерв, штаб 57-й пехотной дивизии и штаб 84-й пехотной дивизии были связаны со штабом полка телефоном (РГВИА. Ф. 2942. Оп. 1. Д. 25. Л. 100б.-11).

25 октября ночь прошла спокойно. В 11 часов утра была получена телефонограмма начальника 84-й пехотной дивизии № 205 с приказом двум батальонам полка из Кл. Олецко выступить на Куковен, Розенхацхен, Гизен и Швеншайнен и, заняв последний, выставить сторожевое охранение по реке Хашнене, составляя собой авангард левой колонны корпуса. В 12 часов, накормив людей, 1-й батальон двинулся на д. Куковен. 2-й батальон должен был присоединиться в этой деревне, но, задержавшись при снятии охранения, был в составе авангарда заменен 3-м батальоном. Движение охранялось заставами от 2-й роты, 1-й батальон шел во главе колонны. Дорога была хорошим шоссе. Не встретив сопротивления противника, к 7 часам вечера авангард достиг с. Гизен (РГВИА. Ф. 2942. Оп. 1. Д. 25. Л. 11-110б.).

Здесь был получен приказ начальника дивизии: ввиду того, что в д. Швентайнен находится противник, остановиться в селе Гизен и, выставив сторожевое охранение, вести усиленную разведку на Швентайнен. Разведка 3-й роты подтвердила присутствие противника в д. Швентайнен (РГВИА. Ф. 2942. Оп. 1. Д. 25. Л. 110б.).

26 октября был получен приказ утром двинуться для занятия перешейка Швентайнен – Дворецкер. Авангард выступил в 8 часов утра, беспрепятственно прошел перешеек в 10 часов утра и остановился при выходе из с. Зулейкен. В 2 часа дня последовал приказ двинуться дальше по дороге Мюлле Поломен – Вранкен и занять Петрашень восточный и Гаиоловкен. Полк сразу же выступил, благополучно достиг с. Вранкен, прошел через него и в 2 верстах от него в 6 часов вечера обнаружил взорванный противником мост. Был получен приказ начальника штаба дивизии полку возвратиться в с. Вранкен и ожидать починки моста, после чего двинуться для занятия Петрашена. Полк вернулся в д. Вранкен, где расположился на ночлег совместно с 303-м полком. Переход от Зулейкен составлял 11 верст и был неудобен только в последней части, когда начался дождь (РГВИА. Ф. 2942. Оп. 1. Д. 25. Л. 12-120б.).

27 октября в 3 часа ночи, после исправления моста, полк снялся с места ночлега и к 6 утра достиг Петрашена. Во время движения приходилось ввиду тумана соблюдать максимальную осторожность. Здесь согласно приказу полк выдвинул два авангарда: к д. Цибаллен и к перекрестку шоссе, что в одной версте к западу от Петрашена. В Цибаллен был выдвинут 4-й батальон, к перекрестку – 2-й батальон. 1-й и 3-й батальоны остались в с. Петрашен. В 11 часов утра был получен приказ полку выдвинуться на высоту 162, что в северо-западной окраине озера Хианшен. 1-й и 3-й батальоны двинулись через село Фридрихлегеде и вошли в лес по западному берегу озера Литигайна. Около 6 часов вечера в одной версте от места назначения полк был остановлен догнавшим его старшим адъютантом штаба дивизии штабс-капитаном Ермолиным, который передал об изменении маршрута полка и возвращении его в Орловен для следования Липовен – Тейфельберг. В глубокой темноте, под начавшимся проливным дождем, попортившим дорогу, полк направился обратно, повернул на Орловен и оттуда на Липовен (РГВИА. Ф. 2942. Оп. 1. Д. 25. Л. 13-130б.).

2-й и 4-й батальоны полка, двигавшиеся параллельно 1-му и 3-му батальонам, были задержаны раньше и остановились в Орловене. При движении на Липовен в 1 версте от него на хуторе остановился 3-й батальон. Штаб и 1-й батальон к 2 часам ночи 28 октября достигли с. Липовен. От Петрашена до Липовена было пройдено 18 верст по дорогам, где вязли в грязи лошади и люди. Несмотря на это, отставших не было (РГВИА. Ф. 2942. Оп. 1. Д. 25. Л. 130б.).

28 октября колонна генерала Козлова (1-я бригада 84-й пехотной дивизии) была назначена средней колонной и движение ей было указано на Тейфельберг и Гр. Ленкук. Полк входил в состав главных сил и двигался за двумя батальонами Ирбитского полка. Движение было очень трудным, так как лесные дороги, по которым шел полк, были испорчены дождем, и, несмотря на устроенную саперами гать, приданная к нему батарея задержалась в этой грязи и лишь с помощью нижних чинов полка выбралась к 10 часам вечера в с. Гр. Ленкук. Здесь, в Тейфельберге, полк расположился на ночлег. Переход равнялся 8 верстам (РГВИА. Ф. 2942. Оп. 1. Д. 25. Л. 14).

29 октября в 11 часов утра командир 1-го батальона донес, что им получен приказ от начальника дивизии занять перешеек озера Гольдангар и Крумме-Кутте и что он уже выступил туда. В 12 часов дня командир полка был вызван к начальнику дивизии для получения личных указаний. Исполняя эти приказы, командир полка направил 3-й и 4-й батальоны под командой полковника Пороховщикова выступить для занятия высоты 193 и выставить там сторожевые охранения.

Остальные батальоны с батареей получили приказ перейти в д. Якуновкен и там заночевать (РГВИА. Ф. 2942. Оп. 1. Д. 25. Л. 14-14об.).

2-й батальон и пулеметная команда с приданной батареей в 2 часа дня выступили из Гр. Ленкук и, пройдя 5 верст, к 4 часам дня расположились по квартирам в д. Якуновкен. К этому же времени туда прибыл и 1-й батальон из с. Цаблинкен (РГВИА. Ф. 2942. Оп. 1. Д. 25. Л. 15).

Авангард полковника Пороховщикова, двигаясь к высоте 193, что у Гр. Пиллякена, с наступлением темноты потерял дорогу и попал в с. Гассовен, затем в Гродзишко, где около 12 часов ночи остановились на ночлег, так как люди были сильно утомлены движением по грязной дороге (РГВИА. Ф. 2942. Оп. 1. Д. 25. Л. 15).

30 октября в 8 часов утра начальник дивизии приказал командиру полка с двумя батальонами передвинуться в Гр. Пиллякен. Согласно приказу № 8 средней колонне XXII армейского корпуса, полк составлял главный участок позиций дивизии с фронтом от Вильгельмехее – высота 193 – Гр. Пилляка и влево до стьика с Ирбицким полком. В 11 часов дня 1-й и 2-й батальоны и пулеметная команда выступили из Якуновкена и в 1 час дня прибыли в д. Гр. Пиллякен. В 3 часа дня прибыли из авангарда 3-й и 4-й батальоны. До наступления темноты были намечены места окопов – на высоте 193 и высотах, идущих от нее влево (к северу и северо-западу от Пиллякен). Сторожевое охранение было выставлено на линии Вильгельмехее – Кл. Пиллякен – Гембанхен, смыкаясь справа с охранением 6-го Финляндского стрелкового полка и слева с охранением Ирбитского полка (РГВИА. Ф. 2942. Оп. 1. Д. 25. Л. 15об.-16).

31 октября с рассветом полк приступил к разбивке и укреплению позиций. Работы велись по указанию саперов. Разведка перед фронтом полка обнаружила присутствие противника за линией Бросовкен – Гронден (РГВИА. Ф. 2942. Оп. 1. Д. 25. Л. 16).

2 ноября в 1 час ночи по телефону полк получил приказ смениться с подразделениями 3-й Финляндской стрелковой бригады, и полку с приданной ему артиллерией перейти в с. Якуновкен и в хутора, находящиеся по дороге на Якуновкен, из Гросс Пиллякен. В 9 часов утра в Гросс Пиллякен прибыли 10-й и 11-й Финляндские стрелковые полки. Они приняли от 333-го полка окопы на высоте перед Гр. Пиллякен. 10-й Финляндский стрелковый полк сменил сторожевое охранение 1-го батальона, и в 11 часов утра полк выступил в указанный ему район. Дорога из-за пересеченной местности и грязи была довольно трудной (РГВИА. Ф. 2942. Оп. 1. Д. 27. Л. 1).

Шедшие во главе полка 2-й и 3-й батальоны разместились на находящих хуторах, от которых немедленно начали тянуть телефон в с. Яновкен. К 2 часам дня прибыли в с. Якуновкен и расположились в восточной его части – 1-й батальон, а на хуторах, прилегающих к этой части деревни, – 4-й батальон. Пулеметная команда, обоз расположились в Якуновкене (РГВИА. Ф. 2942. Оп. 1. Д. 27. Л. 1-10б.).

3 ноября ночью был получен приказ начальника дивизии в 8 часов утра полку двинуться на Гембалкен. Полк совместно с 334-м Ирбитским полком вошел в состав общего резерва 1-й Финляндской стрелковой бригады, участвовавшей в наступлении на Гр. Штретгельн. По телефону и ординарцами командирам батальонов был передан приказ к 8 часам утра собрать батальоны в с. Якуновкен (РГВИА. Ф. 2942. Оп. 1. Д. 27. Л. 10б.-2).

В назначенное время выступил 334-й Ирбитский полк, а за ним – 333-й Глазовский. Порядок движения был следующим: 2-й, 3-й, 1-й и 4-й батальоны. Когда полк подходил к д. Куттен, голова колонны – головной батальон Ирбитского полка, выходящий из Куттена на шоссе, идущее по открытому противнику месту, был обстрелян его артиллерией. Движение колонны остановилось. Ирбитский полк, перейдя в строй побатальонно, стал выходить из Куттена лощинами, обходя обстреливаемую дорогу. 333-й полк, перейдя в строй побатальонно, ожидал прихода Ирбитского полка и переправлялся через болото, отделявшее дорогу, где стоял полк, от прохода в скрытые лощинки. В это время прибыл из штаба дивизии сотник Пискунов с приказом немедленно двинуться по дороге на Гембалкен (РГВИА. Ф. 2942. Оп. 1. Д. 27. Л. 2-2об.).

Когда колонна вытянулась из д. Куттен на шоссе, противник обстрелял ее тяжелой артиллерией. После первых выстрелов полк был сведен с дороги вправо и продолжал движение уже скрытно в ложине. К 1 часу дня полк достиг назначенного места и расположился за д. Гембвлкен. Потери полка были следующими: убито нижних чинов – 2, ранено офицеров – 2 (командир 1-й роты штабс-капитан Шабалин – тяжело и командир 10-й роты штабс-капитан Кудряшов – легко), нижних чинов – 29 человек. Перевязочный пункт был открыт в д. Куттен (РГВИА. Ф. 2942. Оп. 1. Д. 27. Л. 2об.-3).

В 4 часа дня начальник штаба дивизии передал командиру 333-го полка приказ с наступлением темноты перейти в д. Гр. Штретгельн, куда предварительно, для ознакомления с дорогой, требовалось выслать разведчиков, с которыми был отправлен прапорщик Матрохин (РГВИА. Ф. 2942. Оп. 1. Д. 27. Л. 3).

Однако в 6 часов вечера приказ был изменен (так как Гр. Штретгельн остался в руках противника), и полку был назначен ночлег в д. Гр. Пиллякен. По лесным дорогам полк пошел обратно и вытянулся на дорогу Куттен – Гр. Пиллякен. К 10 часам вечера полк прибыл в селение и разместился по квартирам на ночлег (РГВИА. Ф. 2942. Оп. 1. Д. 27. Л. 3-3об.).

4 ноября в 3 часа дня полк получил приказ начальника штаба дивизии в 4 часа дня выступить в Якуновкен и расположиться прежним порядком. В 4 часа дня полк выступил из Гр. Пиллякен и к 6 часам вечера расположился по прежним квартирам (РГВИА. Ф. 2942. Оп. 1. Д. 27. Л. 30б.).

5 ноября приказом № 68 по 84-й пехотной дивизии было объявлено, что дивизия вошла в состав группы генерала Радкевича, действующей против укрепленной линии Летгена – Николайкен. Кроме 84-й пехотной дивизии, в состав группы входили XXVI армейский и III сибирский корпуса (РГВИА. Ф. 2942. Оп. 1. Д. 27. Л. 30б.-4).

6 ноября согласно приказу начальника штаба дивизии в 11 часов дня выступила 15-я рота для смены роты Ирбитского полка, бывшей в прикрытии к дивизиону 84-й артиллерийской бригады (РГВИА. Ф. 2942. Оп. 1. Д. 27. Л. 4).

7 ноября в 3 часа ночи был получен приказ начальника штаба дивизии № 173 полку выступить до рассвета и занять с. Пшитуллен. Задача движения: обеспечить левый фланг 1-й бригады XXII армейского корпуса, укрепляющегося на линии Гродзиско – Огонкен. Полк выступил в 5 часов утра, двигался через Куттен и далее по шоссе на Пшитуллен, куда и прибыл в 7 часов утра. Деревня оказалась занятой частями 1-й Финляндской стрелковой бригады. После телеграфных переговоров штаба 1-й стрелковой бригады со штабом XXII корпуса и последнего со штабом 84-й пехотной дивизии последовало распоряжение полку идти в д. Пшерванкен. Выступив в 1 час дня, полк двинулся лесными дорогами и, в 3 часа прибыв в Пшерванкен, расположился по квартирам (РГВИА. Ф. 2942. Оп. 1. Д. 27. Л. 4-40б.).

Здесь был получен письменный приказ начальника штаба 84-й дивизии № 278, которым была определена полку следующая задача: в случае прорыва противника содействовать левому флангу 1-й Финляндской стрелковой бригады и обеспечивать правый фланг группы генерала Радкевича, обращенный фронтом на юго-запад. Для этого необходимо было поддерживать связь с ними и подготовить позиции на перешейках озер Поссесерне – Брунсо, Вилькус – Вейссе Кутте – Крумме Кутте. Связь с правым флангом группы генерала Радкевича была установлена через штаб 2-й бригады 84-й дивизии, командир которой являлся начальником правового участка группы и имел ставку в том же Пшерванкене. Со штабом 1-й Финляндской стрелковой бригады, находившейся в д. Пшитулаен, связь поддерживалась полковым телефоном. За пространством от Пшерванкена до линии расположения 1-й Финляндской стрелковой бригады имелось наблюдение команды разведчиков (РГВИА. Ф. 2942. Оп. 1. Д. 27. Л. 5-50б.).

В 9 часов вечера от генерала Есаулова, начальника правого боевого участка группы генерала Радкевича, поступил приказ № 140 о высылке в 7 часов утра следующего дня одного батальона полка в д. Поссесерне, где он должен поступить в распоряжение командира 336-го Челябинского полка. Командир полка вызвал командира 2-го батальона, которому и был передан приказ генерала Есаулова (РГВИА. Ф. 2942. Оп. 1. Д. 27. Л. 50б.-6).

8 ноября в 3 часа ночи (для скрытности движения, так как дорога в Поссесерне обстреливалась неприятельской артиллерией) 2-й батальон под командой капитана Пискунова выступил в Поссесерне (РГВИА. Ф. 2942. Оп. 1. Д. 27. Л. 6).

С 7 часов утра командиром полка с командирами батальонов была произведена рекогносцировка местности на указанных полку перешейках и намечены позиции. Левый перешеек (Поссесерне и Брунсо) был назначен 1-му батальону, два другие – 3-му батальону. Оба батальона немедленно приступили к укреплению позиций. К вечеру окопы были доведены до полного профиля. Из штаба дивизии в 3 часа дня последовал приказ укрепить только перешейки Вилькус – Вейссе Кутте и Вейссе Кутте – Крумме Кутте, так как укрепление позиций на перешейках Поссесерне – Брунсо возложено на 303-й Сеннинский полк (РГВИА. Ф. 2942. Оп. 1. Д. 27. Л. 6-60б.).

1-й батальон оставался в д. Пшерванкен, служа резервом для 2-го батальона, 3-й батальон и 13-я рота работали по укреплению позиций, совершенствуя окопы, устраивая засеки (РГВИА. Ф. 2942. Оп. 1. Д. 27. Л. 70б.-8).

В 12 часов дня в д. Пшерванкен прибыла 15-я рота, бывшая в прикрытии артиллерии. Командир роты штабс-капитан Семкин донес о действиях роты следующее: отбив из полка в 1 час дня 6 ноября, к 5 часам вечера рота прибыла на передовую артиллерийскую позицию у Цу-Гембалкена. 7 ноября в 4 часа утра с батареей выступила на новую позицию к Гр. Пиллекену. В полверсте от него в 9 часов утра рота была обстреляна сильным гранатным огнем (артиллерийским огнем гранатами). Ранено 2 нижних чина. При расположении батарей на позиции 1-я полурота прикрывала 4-ю батарею, а 2-я полурота – 5-ю батарею. 9 октября рота с батареей в 4 часа утра прибыла в д. Якуновкен, а оттуда выступила в д. Пшерванкен на соединение с полком (РГВИА. Ф. 2942. Оп. 1. Д. 27. Л. 8-80б.).

10 ноября в полночь был получен приказ генерала Есаулова выслать один батальон полка для наблюдения за переправой между озерами Бадта и Швейцийтен ввиду поступивших генералу Радкевичу сведений, дающих возможность предполагать переправу неприятеля в этом месте. В 1 час ночи выступил 1-й батальон под командой подполковника Тьльцена с командой разведчиков, но дойти до назначенного места они не успели, так как в связи с новыми приказами были возвращены в д. Пшерванкен (РГВИА. Ф. 2942. Оп. 1. Д. 27. Л. 80б.-9).

В 4 часа ночи командиром полка был получен приказ до рассвета сняться с места и через д. Цабинкен пройти в д. Регуловкен. В 6 часов утра полк в составе трех батальонов (2-й батальон еще не сменили Челябинским полком) выступил из д. Пшерванкен. Дорога была очень трудна и изрыта замерзшими кочками и колеями; местами встречались крайне узкие проходы (по 1–2 человека в ряд). Около 2 часов дня через д. Регуловкен и Модзенкен полк, пройдя 16 верст, прибыл в д. Зивен. Едва люди были размещены по домам и приступили к варке пищи, начальник дивизии, проезжавший на автомобиле через деревню, лично приказал командиру полка перевести полк в д. Зольтманен на замену 253-го Перекопского полка и быть в корпусном резерве (РГВИА. Ф. 2942. Оп. 1. Д. 27. Л. 9-90б.).

В 4 часа дня полк выступил и к 6 часам вечера прибыл в д. Зольтманен, где и расположился по квартирам. При проходе через д. Регуловкен была выделена 2-я рота для прикрытия дивизиона артиллерии, находящегося у д. Ганзенштейн (РГВИА. Ф. 2942. Оп. 1. Д. 27. Л. 90б.).

11 ноября ночью согласно приказу начальника штаба дивизии 11-я рота выступила для несения охранной службы при учреждении XXVI армейского корпуса в селе Кл. Габлик. В 8 часов вечера согласно переданному по телефону приказу начальника дивизии полк возвратился в с. Зивен и расположился по квартирам. Назначение полка было составлять резерв 84-й пехотной дивизии, находясь в деревне Зивен. Здесь присоединился к полку 2-й батальон, смененный Челябинским полком. Командир 2-го батальона представил донесение о действиях батальона за время нахождения в расположении Челябинского полка. Так, 8 ноября, прибыв в д. Поссерне и явившись к командиру 336-го Челябинского полка, командир 2-го батальона получил распоряжение выступить в д. Хоршен в распоряжение командира 1-го батальона Челябинского полка подполковника Давыдова, чтобы составить резерв его боевого участка и сменить его охранение по берегам озера. Батальон был распределен таким образом: 5-я и 8-я роты заняли окопы перед д. Хоршен, 7-я рота несла охранение в тылу участка, а 6-я рота прикрывала артиллерию (РГВИА. Ф. 2942. Оп. 1. Д. 27. Л. 100б.-11).

Части 2-го батальона во время своего развертывания и удержания указанных позиций подвергались артиллерийскому обстрелу противником. В 2 часа дня 8 ноября ввиду больших потерь в ротах Челябинского полка, который вел наступление на неприятельские позиции, подполковник Давыдов приказал выдвинуть роту 2-го батальона для занятия опушки леса, что между озерами Вартак и Безымянное. Назначенной для этого 8-й роте пришлось пройти по открытой местности 2,5 версты, но командиру роты подпоручику Длутому удалось, благодаря искусному применению строя, довести роту под артиллерийским обстрелом, а потом и ружейным огнем без потерь. При расположении роты в лесу она помещалась в укрытиях, выкопанных ею же. За ночь на опушке леса были вырыты ложные окопы, по которым с рассветом артиллерия противника открыла сильный огонь (РГВИА. Ф. 2942. Оп. 1. Д. 27. Л. 11-110б.).

В 2 часа ночи 9 ноября 7-я рота, бывшая в охране берега, была сменена ротами 303-го Сеннинского полка. Рота остаток ночи отдыхала, а к рассвету заняла окопы. Всю ночь расположение батальона освещалось прожекторами и ракетами и обстреливалось шрапнельным огнем. Утром огонь усилился. «Стали стрелять очередями шрапнелью, – отмечал в донесении командир 2-го батальона, – шрапнель рвалась повсюду, не было такого места, по которому можно было пройти безнаказанно даже одиночному человеку» (РГВИА. Ф. 2942. Оп. 1. Д. 27. Л. 110б.-12). Обстрел прекратился лишь в 2 часа дня. В 9 часов вечера командир батальона получил приказ командира Челябинского полка произвести разведку между озерами Лемшенен и Харшен. Разведка была организована двумя группами: первая – под командой прапорщика Бувалец, а вторая – под командой штабс-капитана Гандурина. Разведка не подтвердила предположений о приготовлениях противника к десанту. В 7 часов утра 10 ноября командир 2-го батальона получил приказ о выступлении в д. Пшерванкен для соединения с полком. Из-за наступления рассвета не удалось собрать весь батальон, и успели уйти 5-я, 7-я и 8-я роты, при этом противник обстрелял 8-ю роту, но безрезультатно. Другие части батальона вследствие начавшегося сильного обстрела до наступления темноты выступить не могли (РГВИА. Ф. 2942. Оп. 1. Д. 27. Л. 120б.-13).

13 ноября в 4 часа дня согласно телефонограмме начальника штаба дивизии за № 28 была выслана в д. Круглянкен команда разведчиков под командой прапорщика Матрохина в расположение командира Ирбитского полка (РГВИА. Ф. 2942. Оп. 1. Д. 27. Л. 130б.).

В 10 часов вечера была получена телефонограмма № 15 с приказом скрытно перевести с рассветом один батальон в д. Зивкен, где он, оставаясь в резерве дивизии, должен быть готовым поддержать левый фланг левого боевого участка дивизии и отразить противника, перешедшего по льду оз. Круглипер (РГВИА. Ф. 2942. Оп. 1. Д. 27. Л. 130б.).

14 ноября в 6 часов утра в д. Зивен выступил 1-й батальон полка под командой подполковника Тыльцена, с ним была организована телефонная связь. Батальон расположился в деревне по квартирам. К вечеру командир батальона установил, что берег озера Круглипер никем не охраняется, так как наблюдавшие за ним части 253-го Перекопского полка, никого не предупредив, ушли на место стоянки полка. Поэтому командир батальона по собственной инициативе выслал 3-ю роту, выставившую наблюдательные пункты по восточному берегу озера. Линия расположения наблюдающей роты обстреливалась неприятельской артиллерией (РГВИА. Ф. 2942. Оп. 1. Д. 27. Л. 130б.-14).

15 ноября в 12 часов дня была выслана полурота 1-й роты для прикрытия 4 орудий тяжелой батареи, находящейся в полверсте от д. Зивкен (РГВИА. Ф. 2942. Оп. 1. Д. 27. Л. 14-14об.).

За время с 14 по 19 ноября команда разведчиков ежедневно производила разведку перед фронтом расположения Ирбитского полка (РГВИА. Ф. 2942. Оп. 1. Д. 27. Л. 14об.).

20 ноября ночью благодаря спустившемуся к утру туману, ослабившему лунный свет, команда подошла к проволочным заграждениям противника и прорезала проход в 1-й и 2-й линиях заграждения. С рассветом разведчики без потерь вернулись обратно. 20 ноября дивизии была поставлена следующая задача: овладеть передовыми позициями у деревень Пессыкен – Сольбанен – Пвездаркен. Начало артиллерийской подготовки было назначено на 12 часов дня, а атака – в 4 часа дня. Полку, как дивизионному резерву, приказано было быть готовым к наступлению (РГВИА. Ф. 2942. Оп. 1. Д. 27. Л. 14об.-15).

В 1 час дня было приказано одному батальону перейти в д. Зинкен, а находящемуся там батальону занять тыловую позицию между озерами Круглипер и Гольдангар. В 2 часа дня 4-й батальон выступил в д. Зивкен, куда прибыл в 5 часов вечера. 1-й батальон перешел на тыловые позиции (РГВИА. Ф. 2942. Оп. 1. Д. 27. Л. 15-15об.).

21 ноября ночью разведчики, несмотря на огонь противника, приблизились к проволочным заграждениям у высоты 168 и прорезали два прохода. От другого разведдозора поступило донесение, что за заграждением вблизи сделанных проходов находится неприятельский пулемет, очень слабо охраняемый. Начальник команды разведчиков по сделанному проходу приблизился к пулемету, но противник открыл сильный огонь из него и заставил команду отойти. При этом были ранены подпоручик Кох (легко) и прапорщик Матрохин (смертельно), а также один нижний чин. При отходе дозор донес, что им убит и притащен немецкий часовой. С него сняли личный знак и погоны, взяли записную книжку и винтовку (РГВИА. Ф. 2942. Оп. 1. Д. 27. Л. 15об.-16).

В 8 часов вечера командир 1-го батальона получил от начальника штаба дивизии приказ № 201 перейти с батальоном в Пшерванкен в распоряжение генерала Есаулова для смены одного батальона Челябинского полка. 4-й батальон из д. Зивкен переместился на тыловую позицию, занимаемую ранее 1-м батальоном. 2-й и 3-й батальоны, продолжавшие оставаться в деревне Зивен, были, согласно телефонограмме штаба дивизии, переведены в д. Зивкен, где расположились по квартирам, выставив наблюдение за оз. Круглинер (РГВИА. Ф. 2942. Оп. 1. Д. 27. Л. 16об.).

22 ноября ночью 1-й батальон сменил батальон Челябинского полка на позициях правого участка Челябинского полка (РГВИА. Ф. 2942. Оп. 1. Д. 27. Л. 16об.-17).

В 1 час дня поступило донесение от командира 4-го батальона, находившегося на перешейке оз. Круглинер – Гольданга, что им получен приказ начальника штаба дивизии № 203 вверенным ему батальоном занять позиции 1-го батальона Ирбитского полка (РГВИА. Ф. 2942. Оп. 1. Д. 27. Л. 17).

В 2 часа дня был получен приказ начальника штаба дивизии за № 205: «Глазовскому полку сменить Челябинский, 4-му батальону со 2-й ротой прибыть к 7 часам вечера в д. Пшерванкен в распоряжение генерала Есаулова. Вам с остальными ротами оставаться в д. Зивкен. Завтра, вероятно, тоже получите распоряжение перейти в распоряжение Челябинского полка» (РГВИА. Ф. 2942. Оп. 1. Д. 27. Л. 17-17об.).

В силу этого распоряжения выступил в д. Поссерне 4-й батальон, который и сменил 1-й батальон 336-го Челябинского полка (РГВИА. Ф. 2942. Оп. 1. Д. 27. Л. 17об.).

23 ноября в полночь была получена телефонограмма с приказом штабу полка и одному батальону выступить в Пшерванкен для смены и занятия позиций Челябинского полка от Ней-Харшен на Пицаркен. Один батальон должен был оставаться в д. Зивкен до прибытия сменного Челябинского полка. В 3 часа дня в исполнение этого приказа выступили 2-й батальон с пулеметной командой и штаб полка с обозом через д. Круглянки и прибыли в д. Пшерванкен. Здесь командир полка получил личные указания начальника правого участка дивизии генерала Есаулова, которыми задача дивизии определялась как блокада Лепцена. Для этого рекомендовалось усиление занимаемых полком позиций, доведя их до неприступности (РГВИА. Ф. 2942. Оп. 1. Д. 27. Л. 17об.-18).

Между тем 2-й батальон продолжал движение к Пассесерну, куда и прибыл к 8 часам вечера. В 9 часов вечера 5-я рота выступила на смену одной из рот левого боевого участка (РГВИА. Ф. 2942. Оп. 1. Д. 27. Л. 18-18об.).

24 ноября на рассвете 2-й батальон в составе 7-й и 8-й рот сменил 3-й батальон Челябинского полка на среднем боевом участке. С этого времени управление Поссернским участком перешло к командиру Глазовского полка. Смененный батальон Челябинского полка остался в д. Поссерне в качестве полкового резерва (РГВИА. Ф. 2942. Оп. 1. Д. 27. Л. 18об.).

Командир 13-й роты рапортом № 10 донес командиру полка о действиях роты за 23-е число, когда командование участком находилось еще в руках командира Челябинского полка: «23 ноября в 10 часов утра противник силою около полуроты пехоты с двумя пулеметами начал наступать в охват левого фланга роты, пользуясь складками местности. В то же время человек 20 с офицером подошли шагов на 200 к левому секриту роты и начали кричать: «Бросайте оружие! Руки вверх! Сдавайтесь, идите к нам!». Когда секрет открыл по ним огонь, командир роты, благодаря своевременно полученному донесению из секрета, выдвинулся с ротой шагов на 200 вперед и приказал

подпрапорщику Мокрушину с 1-й полуротой открыть огонь, сам со 2-й полуротой двинулся для противодействия обхвата своего левого фланга и также открыл огонь. По открытию частого ружейного огня противник бросился бежать к своим окопам. Один из пулеметов стал прикрывать отступление огнем, но вскоре был подбит, начал отступать и огня больше не открывал. В это время был открыт из окопов ружейный и пулеметный огонь. Вскоре замолчал и этот пулемет. Тогда командир роты приказал роте окапываться. Вскоре немецкая артиллерия по занятой ротой высоте с фронта и с флангов открыла ураганный огонь полевыми и тяжелыми орудиями. Огонь продолжался более 2 часов, выпущено было около 200 снарядов. Сыпавшаяся от разрыва снарядов земля и крупный мокрый снег привели в негодность винтовки многих нижних чинов. Так как мокрая земля набилась в затворы. Около 1 часу дня противник прекратил частый ружейный огонь. Вечером рота была снова обстреляна артиллерийским огнем. Расход патронов – 3460. Потери: убитых – 6 нижних чинов, ранено – 19, контужен – 1, без вести пропали – 2» (РГВИА. Ф. 2942. Оп. 1. Д. 27. Л. 19-200б.).

Вероятнее всего, именно в этом бою отличился ефрейтор Андрей Тимофеевич Кемов и был представлен к награждению Георгиевской медалью 4-й степени. Позднее эта медаль ему была и вручена (Рисунок 2).

Рис. 2. Ефрейтор 333-го пехотного Глазовского полка Андрей Тимофеевич Кемов
 Портрет (масло, холст) создан по исторической реконструкции. Худ. А.А. Рыбина. 2023 г.

Линия, занятая полком, тянулась от восточного берега оз. Даргейнен до шоссе Поссесерне – Летцен протяжением около 5 верст. Она была разбита на 3 участка: правый участок от оз. Даргейнен до южной окраины оз. Вартак, средний – от этого края влево по ряду холмиков, далее лоцинка отделяла левый участок, примыкавший к шоссе (РГВИА. Ф. 2942. Оп. 1. Д. 27. Л. 200б.). Расстояние между линией полка и линией заграждений противника следующее: на правом участке от 600 до 1700 шагов, на среднем – от 800 до 900 шагов и на левом – от 600 до 800 шагов (РГВИА. Ф. 2942. Оп. 1. Д. 27. Л. 200б.-21).

Правый участок был занят 1-м батальоном (две роты его находились на боевой линии: одна – по левую, другая – по правую сторону оз. Безымянное и две роты в резерве); средний участок занимал 2-й батальон (три роты в боевой линии и одна рота в резерве); левый участок (три роты в боевой

линии и одна рота в резерве). Полковой резерв – один батальон в д. Поссесерне. Он через четыре дня должен был сменить левый участок. Обоз 1-го разряда находился в д. Поссесерне, там же – и штаб полка (РГВИА. Ф. 2942. Оп. 1. Д. 27. Л. 21).

Так как всякий дым в этой деревне привлекал огонь тяжелой артиллерии, пища готовилась в д. Пшерванкен в 4 верстах от д. Поссесерне и оттуда в походных кухнях доставлялась в Поссесерне, а оттуда подвозилась на позиции. Противник обстреливал артиллерийским огнем весь район, занятый полком, открывая огонь даже по появившимся одиночным людям (РГВИА. Ф. 2942. Оп. 1. Д. 27. Л. 210б.).

Ночью противник освещал местность перед своими окопами прожектором и особенно ракетами. В 11 часов ночи было получено донесение, что началось передвижение противника напротив 15-й роты, занимавшей средний участок полка. Были приняты меры предосторожности на участках всех рот. Командир 16-й роты, занимавшей левый фланг участка протяженностью 750 шагов, стянул роту к правому флангу, чтобы быть готовым поддержать 15-ю роту. Около полуночи 25 ноября он получил донесение от караула, находившегося у шоссе, что противник накапливается за шоссе левее левого фланга 16-й роты. Командир роты пошел по окопу, чтобы осмотреть и подбодрить людей, но не успел пройти, как началась сильная ружейная стрельба почти во фланг окопу. Судя по силе огня, наступало не менее роты противника. С фронта и с правого фланга по расположению роты начали работать пулеметы противника, его артиллерия обстреливала окопы шрапнелью. Рота открыла стрельбу залпами с постоянным прицелом в направлении ружейного огня. Огонь противника, судя по звуку, велся все с уменьшающихся дистанций, но минут через 10 после открытия огня стрельба стала удаляться и затем совершенно прекратилась. Высланные от роты дозоры не обнаружили противника. Одновременно с прекращением ружейной стрельбы прекратился пулеметный и артиллерийский обстрел участка роты. Расход патронов – 10 тыс. (РГВИА. Ф. 2942. Оп. 1. Д. 27. Л. 22-23). Среди других доблестно исполнивших свой долг командир роты выделил Антона Семенкова, Абрама Тарасова, Михаила Фофинова и Николая Жукова. Семенков и Жуков доставили под сильным огнем донесение командиру батальона. Тарасов и Фофинов, находясь в секрете впереди роты, своевременно оповестили командира роты и, отползши в сторону, обстреливали противника с фланга (РГВИА. Ф. 2942. Оп. 1. Д. 27. Л. 23-23об.).

День прошел спокойно. На озере Даргейнен появлялся неприятельский пароход. Ранен за сутки один нижний чин (РГВИА. Ф. 2942. Оп. 1. Д. 27. Л. 23об.).

26 ноября ночью была лишь небольшая перестрелка на левом участке. Днем над расположением полка летал неприятельский аэроплан. Ранено за сутки 2 нижних чина (РГВИА. Ф. 2942. Оп. 1. Д. 27. Л. 23об.). В 11 часов вечера противник открыл ураганный артиллерийский и из окопов ружейно-пулеметный огонь на фронте среднего участка и прилегающий рот левого участка, усиленно освещая пространство перед своими окопами прожектором и ракетами. Стрельба, по-видимому, была вызвана появлением команды нижних чинов 8-й роты, пришедшей в старые окопы. К 12 часам ночи все успокоилось (РГВИА. Ф. 2942. Оп. 1. Д. 27. Л. 23об.-24).

27 ноября ночью противник продолжал вести артиллерийский огонь по расположению полка. Так как после вечернего обстрела неприятельским огнем были испорчены брустверы окопов, то остаток ночи прошел в работе по их исправлению. Ранено 4 нижних чина. Днем летало два неприятельских аэроплана (РГВИА. Ф. 2942. Оп. 1. Д. 27. Л. 24-24об.).

28 ноября днем и ночью перемен в обстановке не было (РГВИА. Ф. 2942. Оп. 1. Д. 27. Л. 24об.).

29 ноября изменений в обстановке не было (РГВИА. Ф. 2942. Оп. 1. Д. 27. Л. 24об.).

30 ноября ночью противник обстреливал редким артиллерийским огнем д. Поссесерне и левый участок. Ранено за сутки 7 нижних чинов. День прошел спокойно. Вечером противник предпринимал попытку перейти в наступление на фланге среднего и левого участков. Около 6 часов вечера секрет 6-й роты обнаружил передвижение противника небольшими группами к разрушенным зданиям в районе 6-й и 8-й рот. В то же время было замечено передвижение противника в районе 9-й и 10-й рот – на заставу, охранявшую этот район. Противник поддерживал свое наступление артиллерийским огнем, быстро достигшим чрезвычайной силы: нельзя было поднять головы из окопов, окопы засыпались землей и осколками. По участкам дело развивалось так: на среднем участке наступление обозначалось в направлении 6-й роты. Соседняя справа 8-я рота придвинула взвод на свой левый фланг для поддержания 6-й роты. Батальонный резерв – 7-я рота была выведена из убежищ и введена в ход сообщений. По наступающему противнику был открыт огонь 6-й ротой. Огонь противника продолжался более двух часов и около 9 часов вечера стих (РГВИА. Ф. 2942. Оп. 1. Д. 27. Л. 25-25об.).

Высланная из полкового резерва 5-я рота была изготовлена в 1200 шагах у шоссе на дороге и по прекращении огня была возвращена обратно (РГВИА. Ф. 2942. Оп. 1. Д. 27. Л. 25об.).

На фронте 3-го батальона (левый участок) по выяснении наступления на промежуточную заставу было приказано одному взводу резерва приготовиться к поддержке заставы. К 7 часам вечера со всех наблюдательных пунктов констатировано направление наступления на 9-ю и 12-ю роты цепями в 2 линии с опушки леса. Наступало приблизительно 3–3,5 роты. Вскоре против левого фланга 9-й роты и правого 12-й роты был обнаружен пулемет. Когда противник подошел на

расстояние 500–600 шагов, по нему был открыт частый огонь. В ответ на это усилился артиллерийский огонь противника (РГВИА. Ф. 2942. Оп. 1. Д. 27. Л. 26-26об.).

Минут через 50 после открытия ответного огня со стороны 333-го полка ружейный огонь противника стал ослабевать и цепи его стали отходить (РГВИА. Ф. 2942. Оп. 1. Д. 27. Л. 26об.).

С выяснением направления наступления резерв, находившийся в 200 шагах от 9-й роты и в 400 шагах от 12-й роты, был готов в любую минуту поддержать боевую часть, он был все время под обстрелом артиллерии и стрелкового оружия (РГВИА. Ф. 2942. Оп. 1. Д. 27. Л. 26об.).

Связь окопов с батальонными командирами и со штабом полка поддерживалась телефоном. После разрыва кабеля снарядами связь окопов и начальников участков поддерживалась посыльными. Командиры 2-го и 3-го батальонов находились при резервах. Расход патронов: 12-я рота – 10 тыс., 9-я рота – 6 тыс., 8-я рота – 102. Потери 2-го батальона: 1 нижний чин тяжело ранен, 9 нижних чинов легко ранены (2 остались в строю). Потери 3-го батальона: 2 нижних чина ранено, 2 нижних чинов оглушено, 1 – контужен. Из офицеров легко ранен командир 3-го батальона, когда он шел к телефону для отдачи приказа (РГВИА. Ф. 2942. Оп. 1. Д. 27. Л. 27-27об.).

Огнем противника было испорчено 11 винтовок. Раненые перевязывались на позициях, а потом доставлялись на перевязочный пункт в Поссесерне (РГВИА. Ф. 2942. Оп. 1. Д. 27. Л. 27об.).

1 декабря ночью противник усиленно обстреливал деревню и дороги к ней, очевидно стремясь поразить резервы передвигание, которых он предполагал ввиду вечернего боя. К утру обстрел прекратился. День прошел спокойно (РГВИА. Ф. 2942. Оп. 1. Д. 27. Л. 27об.).

2 декабря ночью окопы и д. Поссесерне обстреливались огнем тяжелой артиллерии. Днем противник вел с 11 часов утра ружейный, а с 2 часов и пулеметный огонь по окопам среднего участка. Расположение правого участка обстреливалось неприятельской канонеркой с оз. Даргейнен (РГВИА. Ф. 2942. Оп. 1. Д. 27. Л. 28).

3 декабря ночь прошла на всех участках спокойно, д. Поссесерне противником не обстреливалась. 10-я рота перешла в новый окоп, устроенный в промежутках среднего и левого участков. Около 3 часов дня на участке 6-й роты противник сосредоточил огонь двух батарей. Информация была сообщена артиллерийской батарее 333-го полка, и после открытия ею ответного огня противник прекратил обстрел (РГВИА. Ф. 2942. Оп. 1. Д. 27. Л. 28-28об.).

4 декабря ночью противник обстреливал окопы, сосредотачивая огонь на новом окопе 10-й роты (окоп № 17). Около 3 часов ночи огонь был перенесен на д. Поссесерне. Потери за сутки: 1 нижний чин убит, 1 нижний чин ранен и 1 нижний чин контужен. Во время обстрела д. Поссесерне убита в конюшне лошадь ординарца. С 11 часов дня и до 12 часов дня неприятельская артиллерия стреляла по окопу № 7. В это же время неприятельская артиллерия, пристрелявшаяся к окопу № 13, смела брустверы, завалила несколько блиндажей, а в окопе № 11 был сменен бруствер (РГВИА. Ф. 2942. Оп. 1. Д. 27. Л. 28об.-29).

5 декабря ночь прошла на всем фронте спокойно. Днем окоп № 17 обстреливался артиллерией. На правом участке один снаряд попал в блиндаж окопа № 7, пробил его, в блиндаже людей не было (РГВИА. Ф. 2942. Оп. 1. Д. 27. Л. 29).

6 декабря продолжался обстрел редким артиллерийским огнем. Днем с 11 часов до 3 часов огонь усилился на фронте среднего участка. На левом участке с 10 до 12 часов дня обстреливался окоп № 18. В 2 часа дня над левым участком пролетел аэроплан (РГВИА. Ф. 2942. Оп. 1. Д. 27. Л. 28-28об.).

7 декабря всю ночь шли фортификационные работы: на правом участке была закончена постройка убежища для резерва и вырыт окоп полного профиля на 80 шагов в длину. Приготовлено 92 рогатки для колючей проволоки; на среднем участке в окопе № 11 сделано 5 подбрустверных блиндажей и один насыпной траверс, приготовлено 6 рогаток и 100 жердей для колючей проволоки; на левом участке предполагалось поставить рогатки, принесенные из Поссесерне, но огонь противника помешал этому, поэтому подразделения углубляли ходы сообщения, устраивали бойницы из мешков. Днем с 1 часу до 2 часов неприятель усиленно обстреливал гранатами окоп № 17. В результате этой стрельбы было завалено два блиндажа (РГВИА. Ф. 2942. Оп. 1. Д. 27. Л. 28об.-29).

8 декабря ночью происходил обычный обстрел расположения полка. За сутки ранен 1 нижний чин. Работы за ночь производились следующие: на правом участке из окопа № 7 прорыт ход сообщения в 200 шагов и приготовлено 5 рогаток; на среднем участке устроены 3 подбрустверных блиндажа, 2 наблюдательных пункта, удлинен окоп № 9, прорыт ход сообщения в 70 шагов; на левом фланге перед окопом № 19 было поставлено 40 рогаток с колючей проволокой в 100 шагах перед фронтом, продолжались работы по устройству бойниц из мешков и улучшению ходов сообщения (РГВИА. Ф. 2942. Оп. 1. Д. 27. Л. 29об.-30).

В 3 часа дня правый участок был обстрелян с канонерки с оз. Даргейнен. Выпущено 23 снаряда. В полку потерь не было, но был сильно поврежден окоп № 9 (РГВИА. Ф. 2942. Оп. 1. Д. 27. Л. 30об.).

На левом участке усиленно обстреливался окоп № 17, по которому выпущено 70 снарядов, разрушено 8 блиндажей, во многих местах бруствер сравнялся со рвом. Потерь не было (РГВИА. Ф. 2942. Оп. 1. Д. 27. Л. 30об.-31).

9 декабря ночь прошла при обычном обстреле. На правом участке устроен ход сообщения в окоп № 1 в 100 шагов в длину, в окопе № 2 устроено отхожее место, в № 3 – 5 выходов назад и

отхожее место. Прорыты ходы сообщения между окопами № 7 и № 9 в 300 шагов и между окопами № 9 и № 9 в 75 шагов (РГВИА. Ф. 2942. Оп. 1. Д. 27. Л. 31).

На среднем участке сделано 4 подбрустверных блиндажа, срублено 100 деревьев и приготовлено 15 рогаток. На левом участке в окопе № 17 исправлены повреждения, причиненные обстрелом 8 декабря, и устроены 4 новых блиндажа; в окопе № 18 исправлены два поврежденных блиндажа, закончены бойницы из мешков. В 2 часа дня средний участок обстреливался тяжелой артиллерией (РГВИА. Ф. 2942. Оп. 1. Д. 27. Л. 31-31об.).

10 декабря ночью продолжался обычный обстрел позиций. Убито было 2 нижних чина и ранено 2 нижних чина. За ночь в окопе № 1 устроено 4 наблюдательных пункта, в окопе № 2 – 4 выхода и бойница длиной в 20 шагов, в № 4 – блиндаж, в № 5 – 5 блиндажей, а в № 7 – убежища. На среднем участке в окопе № 9 сделано 2 блиндажа, в № 12 – блиндаж, наблюдательный пункт и бойницы, в № 14 – два убежища и ниши для патронов, в № 15 – блиндаж и исправлен ров. Заготовлено 12 рогаток и 100 жердей (РГВИА. Ф. 2942. Оп. 1. Д. 27. Л. 31об.-32).

На левом участке устраивались площадки для пулеметов и чинились окопы. Днем с 12 часов и до 4 часов тяжелая артиллерия обстреливала средний участок и окоп № 17 (РГВИА. Ф. 2942. Оп. 1. Д. 27. Л. 32).

11 декабря около 3 часов ночи окоп № 10 был обстрелян продольным огнем неприятельской артиллерии. Ночью на правом участке изготавливались материалы для рогаток. На среднем участке в окопе № 9 было сделано два наблюдательных пункта. Между окопами № 9 и № 10 отрыт новый ход сообщения, и в нем сделан наблюдательный пункт; в окопе № 11 также сделан наблюдательный пункт. Впереди окопа № 13 устроен окоп для секрета, а в самом окопе – убежище. В окопе № 14 устроены два наблюдательных пункта и ниша для патронов, в окопе № 15 сделаны блиндаж и наблюдательный пункт; заготовлено 12 рогаток (РГВИА. Ф. 2942. Оп. 1. Д. 27. Л. 32об.).

На левом участке устроены две площадки для пулеметов и убежище – 8 шагов в длину и 4 в ширину. Работы затруднялись метелью, засыпавшей окопы, ходы сообщений и бойницы. Постоянная очистка их отвлекала много рабочих сил (РГВИА. Ф. 2942. Оп. 1. Д. 27. Л. 33).

В 5 часов вечера командиром полка был получен приказ генерала Есаулова № 389, в котором полку предписывалось на следующий день начать наступление на рошу у шоссе Поссесерне – Летцен, где находилась левая граница левого участка полка. Наступление было приказано вести левым боевым участком; с 6 часов утра начать резку проволоки, двум ротам из Харшена перейти в полковой резерв. В развитие этого приказа был отдан приказ по полку № 7. В состав левого участка были назначены 9-я, 10-я, 12-я и 13-я роты при двух пулеметах, занимавшие левый оборонительный участок, под командой капитана Шорина. На среднем участке капитана Пискунова (5-я, 6-я, 7-я и 8-я роты) приданы два пулемета. На правом участке подполковника Тыльцена остались 2-я и 3-я роты. В полковой резерв (капитан Агапьев) вошли 1-я, 4-я, 14-я, 15-я и 16-я роты (РГВИА. Ф. 2942. Оп. 1. Д. 27. Л. 33-34).

Согласно приказу генерала Есаулова атака роши возлагалась на левый участок капитана Шорина; среднему и правому участкам указано было поддерживать огнем наступление левого. На случай наступления среднему участку указывалась главным пунктом атаки высота 175. Перевязочный пункт в д. Поссесерне; в ней же обоз 1-го разряда. Связь с командиром полка предполагалось поддерживать по телефону, соединяющему окопы и резервы батальонов со штабом полка. От станций и на станции приказания и донесения должны были передаваться посыльными (РГВИА. Ф. 2942. Оп. 1. Д. 27. Л. 34-34об.).

В 9 часов вечера был получен приказ генерала Есаулова за № 391. Ввиду этого полку был отдан приказ № 8, вносящий в приказ № 7 соответствующие правки; ввиду приказаний держать не менее двух рот в д. Поссесерне здесь же остался и штаб полка. Пунктом атаки для 2-го батальона указана та же роша, что и для 3-го. К 12 часам ночи приказы эти были доставлены командирам батальонов (РГВИА. Ф. 2942. Оп. 1. Д. 27. Л. 34об.-35).

Во исполнение этих приказов начальниками боевых участков были сделаны соответствующие распоряжения. Капитаном Шориным были назначены команды для резки проволоки и указано направление ротам, атакующим рошу. Капитаном Пискуновым было приказано 5-й и 6-й ротам оставаться в окопах до выяснения успеха наступления, поддерживать ружейным огнем 8-ю роту и стараться отвлекать огонь противника на себя, 8-й же роте обеспечивать правый фланг 10-й роты, ведя наступление на одной линии с нею. 7-я рота, находясь в землянках, составляла резерв батальона. Две роты 1-го батальона, оставшиеся на своем участке, занимали окопы (РГВИА. Ф. 2942. Оп. 1. Д. 27. Л. 35-35об.).

Капитан Агапьев, начальник резерва, оставил 1-ю, 4-ю и 16-ю роты в д. Поссесерне, 14-ю и 15-ю роты вывел вперед к тому месту, где обычно располагался резерв левого участка и была телефонная станция (РГВИА. Ф. 2942. Оп. 1. Д. 27. Л. 35об.).

12 декабря в 6 часов утра была выслана команда для резки проволоки, которая сделала проход длиной в 10–15 шагов и шириной в 12 шагов. К этому же времени атакующий батальон был готов к наступлению. Участки атаки были распределены так: 12-я рота наступала на восточный угол роши,

9-я – на середину ее, 10-я – на западный угол, 13-я рота как резерв, два пулемета должны были двигаться за серединой боевого порядка (РГВИА. Ф. 2942. Оп. 1. Д. 27. Л. 36).

Наступление батальона началось в 6 часов 15 мин. утра. При подходе к роще роты были встречены частым, но непродолжительным огнем. Роты продолжили движение, не открывая огня. При проходе роши пришлось пройти широкую полосу завалов из очень толстых деревьев с необрубленными ветками; в низинах были засеки. Почва, на которой расположены засеки, была очень вязкой. В 7.45 утра роща была пройдена. Командир батальона с ротными командирами вышел вперед на возвышенность и наметил пункты дальнейшей атаки. Выяснилось, что впереди шагах в 200–300 за проволочными заграждениями находятся окопы и редут, в 500 шагах от него – блиндированное орудие. Когда роты перевалили высоту, по ним был открыт сильный пулеметный огонь с фронта и справа, а затем оттуда же – орудийный огонь. Вскоре начался такой же обстрел и слева (РГВИА. Ф. 2942. Оп. 1. Д. 27. Л. 36об.-37).

Батальон был отведен на высоту и под огнем начал окапываться. К этому времени подошла к правифланговой роте 8-я рота, расположившаяся за батальоном справа. После занятия роши капитаном Шориным было послано командиру полка донесение, оно было из штаба полка передано по телефону генералу Есаулову, после чего в 9.45 утра адъютантом генерала Есаулова был передан приказ прочно занять рощу впредь до распоряжения. Через резерв это было сообщено капитану Шорину, который и приступил к усилению окопов (РГВИА. Ф. 2942. Оп. 1. Д. 27. Л. 37-37об.).

В 10.45 утра была получена телефонограмма генерала Есаулова № 393 с приказом продолжать движение из занятой роши на опушку леса, что левее шоссе, действуя совместно с Анапским полком. Связь через разведчиков дала капитану Шорину сведения, что наступающие части анапцев задержались в 70 шагах от своих позиций, а выдвинутое положение батальона, вторгшегося в линию неприятельского расположения, не позволяло ему двигаться дальше, если его левый фланг не будет поддерживаться наступлением соседнего участка (РГВИА. Ф. 2942. Оп. 1. Д. 27. Л. 37об.-38).

В 12.37 дня была получена телефонограмма генерала Есаулова и передана капитану Шорину с приказом начать атаку в 2.30 дня. Батальон стойко удерживался в роще, которая насквозь простреливалась с близких дистанций пулеметным и орудийным огнем; обстрел был с фронта и с обеих флангов. Батареи находились в 500–600 шагах (РГВИА. Ф. 2942. Оп. 1. Д. 27. Л. 38-38об.).

В 12.55 дня была получена телефонограмма № 398 о высылке еще одного батальона для атаки северной опушки леса. Для этой цели был назначен 4-й батальон в составе 14-й, 15-й и 16-й рот. Батальону было приказано, имея одну роту в резерве, двумя заполнить интервал между 3-м батальоном и Анапским полком, наступая в тесной связи с последним и имея целью движение на заграждения между шоссе и рощей, занятой 3-м батальоном (РГВИА. Ф. 2942. Оп. 1. Д. 27. Л. 38об.).

В 2.30 4-й батальон, оставив 15-ю роту в резерве, двинулся и, выйдя на линию Анапского полка, остановился для совместного движения с ним. Командир 3-го батальона, оставив 8-ю роту для занятия роши, начал скрытно небольшими частями выводить роты для атаки более широким фронтом на восточную опушку, но наступать не мог, так как 3 других атакующих батальона были далеко позади него (РГВИА. Ф. 2942. Оп. 1. Д. 27. Л. 39).

В 7 часов вечера на основании телефонограммы № 402 был послан капитану Шорину приказ об отсрочке атаки до следующего утра. Действия среднего участка, если исключить 8-ю роту, ведущую наступление в одинаковых условиях с 3-м батальоном и оставшуюся в роще на ночь, состояли в ружейном огне по окопам и батареям противника, при этом командир 5-й роты штабс-капитан Гандурин донес, что он успешно пятью залпами с прицелом 1600 и 1700 обстрелял батарею, стрелявшую во фланг атакующим частям, и тем побудил перенести огонь на окопы 5-й роты. Эти окопы подверглись 3-часовому обстрелу, причем снаряды рвались ежеминутно. Командир 6-й роты поручик Бум донес, что он огнем двух отделений с прицелом 800 подавил огонь пулемета, стрелявшего во фланг наступающим (РГВИА. Ф. 2942. Оп. 1. Д. 27. Л. 39об.-40).

Связь с 8-й ротой, оставшейся на ночь в роще, и охранение ее правого фланга было возложено на 2-й батальон, выставивший для этого три караула, и усиленный гарнизон в окопах 10-й и 8-й рот (РГВИА. Ф. 2942. Оп. 1. Д. 27. Л. 40).

В 9 часов вечера командиром полка был отдан приказ № 9 о продолжении наступления 13 декабря. Этим приказом предполагалось произвести атаку леса, что левее шоссе, силами капитана Шорина. В боевую часть назначались 8-я, 9-я, 10-я, 12-я, 13-я, 14-я и 16-я роты при двух пулеметах. Задачи остальных участков оставались прежними (РГВИА. Ф. 2942. Оп. 1. Д. 27. Л. 40-40об.).

13 декабря ночь прошла спокойно: ни 8-я рота, ни батальон не обстреливались. Под утро были высланы команды для резки проволоки. Когда роты были готовы к наступлению, в 6.30 утра был получен приказ генерала Есаулова № 405: атакующим частям отойти на старые позиции, с которых началось наступление 12 декабря. Немедленно телефонограммами были отозваны 3-й батальон в д. Поссерне в полковой резерв и 8-я рота из роши на свой участок (РГВИА. Ф. 2942. Оп. 1. Д. 27. Л. 41).

Расход патронов – 52577. Убито 30 нижних чинов, ранен 1 офицер и 119 нижних чинов, контужены 1 офицер и 40 нижних чинов, без вести пропало 4 нижних чина. В бою участвовало 2 штаб-офицера, 34 обер-офицера и 3492 нижних чина (РГВИА. Ф. 2942. Оп. 1. Д. 27. Л. 41).

Около 11 часов дня противник, предполагая отход резервов через Поссесерне, обстрелял его тяжелой артиллерией. Ранен был 1 нижний чин, находившийся на крыльце дома, занимаемого штабом полка (РГВИА. Ф. 2942. Оп. 1. Д. 27. Л. 41-41об.).

14 декабря ночью производились работы по укреплению позиций: в окопе № 2 устроены блиндаж, в № 3 – три землянки, в № 4 – 42 бойницы и 2 блиндажа; на среднем участке чинились окопы и был устроен новый ход сообщения; на левом участке совершенствовались площадки, блиндажи и козырьки для пулеметов (РГВИА. Ф. 2942. Оп. 1. Д. 27. Л. 41об.).

15 декабря ночью чинились окопы, испорченные за день огнем противника. День прошел без происшествий (РГВИА. Ф. 2942. Оп. 1. Д. 27. Л. 41об.-42).

16 декабря в 1 час дня прибыл штаб 334-го Ирбитского полка для смены 333-го полка. В 5 часов дня были высланы к штабу полка проводники от всех батальонов, с ними двинулись роты Ирбитского полка. Им были сданы окопы, запасенные в них патроны, ножицы, щиты и ручные гранаты. Полк выходил из Поссесерне побатальонно. Местом отдыха была назначена д. Зольтманен в 17 верстах. Туда и выдвинулись батальоны. Согласно приказу генерала Есаулова телефонная сеть полка была оставлена для пользования Ирбитскому полку (РГВИА. Ф. 2942. Оп. 1. Д. 27. Л. 42-42об.).

17 декабря батальоны двигались через Пшерванкен, Круглянкен, Зивкен. Дорога была очень трудной вследствие сильного ветра и вьюги. Головной батальон (3-й) прибыл в 3 часа ночи, за ним пришел 4-й, а потом и 2-й. Ввиду тесноты в деревне, занятой артиллерийским парком, 1-му батальону было послано с ординарцем приказание ночевать в д. Зивен. В Зольтманене и в Зивене батальоны заночевали. Полк вошел в состав корпусного резерва XXVI армейского корпуса (РГВИА. Ф. 2942. Оп. 1. Д. 27. Л. 42об.-43).

В 2 часа дня был получен приказ начальника штаба дивизии № 266 о высылке роты для охраны четырех мостов по реке-каналу Ханшен. На эту же роту возлагалось наблюдение местности около реки и пресечение шпионажа (РГВИА. Ф. 2942. Оп. 1. Д. 27. Л. 43).

В 7 часов вечера прибыл из д. Зивен 1-й батальон и расположился по квартирам (РГВИА. Ф. 2942. Оп. 1. Д. 27. Л. 43).

18 декабря в 10 часов утра выступила 3-я рота для охраны мостов (РГВИА. Ф. 2942. Оп. 1. Д. 27. Л. 43-43об.).

19 декабря получено было донесение командира 3-й роты о том, что он прибыл на место и охраняет два моста у Вронкена и Ребеля, у Веселовкена мост сгорел, а у Грюнскейце охраняется ротой 6-го Финляндского полка (РГВИА. Ф. 2942. Оп. 1. Д. 27. Л. 43об.). Каждый мост охранялся взводом, выставлявшим караул. Два взвода и штаб роты находились в д. Вранкен (РГВИА. Ф. 2942. Оп. 1. Д. 27. Л. 43об.).

21 декабря в 9 часов вечера начальник штаба корпуса передал приказ полковому адъютанту выслать один батальон на работы в Поссесерне (РГВИА. Ф. 2942. Оп. 1. Д. 27. Л. 43об.-44).

22 декабря в 10 часов утра согласно приказу выступил 3-й батальон (РГВИА. Ф. 2942. Оп. 1. Д. 27. Л. 44).

30 декабря в 10 часов вечера 3-й батальон вернулся в д. Зольтманен. Согласно докладу командира батальона батальон производил работы по устройству позиций на линии Поссесерне – Виллюден. Окопы были везде сделаны полного профиля, крутости обшиты досками, устроены блиндажи, траверсы, вырыты колодцы для стока воды. Устроен редут на роту. Работы производились по ночам. Шум их привлекал внимание противника, который неоднократно за ночь направлял туда лучи прожекторов, но обстрела рабочих артиллерийским огнем не было (РГВИА. Ф. 2942. Оп. 1. Д. 27. Л. 44-44об.).

Здесь же полк встретил новый – 1915 год.

2 января 1915 г. в 10 часов вечера была получена телефонограмма начальника штаба дивизии за № 2 с приказом в ночь на 4 января сменить 336-й пехотный Челябинский полк на позиции у с. Виллюден (РГВИА. Ф. 2942. Оп. 1. Д. 28. Л. 10б.).

3 января в 11 часов дня в штаб полка были приглашены командиры батальонов и рот для получения указаний относительно порядка движения в Виллюден и занятия позиций. Приказано было сменить Челябинский полк под утро, правый участок позиции занять 2-му батальону; левый – 4-му; 1-му батальону расположиться в д. Виллюден, составляя полковой резерв; 3-му батальону в д. Пшерванкен, составляя бригадный резерв (РГВИА. Ф. 2942. Оп. 1. Д. 28. Л. 10б.-2).

Полку нужно было следовать побатальонно, 3-му батальону выступить с рассветом, чтобы разместиться по квартирам засветло. Он выступил в 1 час дня; остальные – вечером с промежутками в 1 час в таком порядке: 2-й, 1-й и 4-й. В 6 часов вечера прибыла 11-я рота, сменная с охранной службы при учреждениях корпуса (РГВИА. Ф. 2942. Оп. 1. Д. 28. Л. 2).

Батальоны двигались через Зивкен, Круглянкен, Пшеванкен – всего 14 верст. Дорога была крайне трудной: шел дождь, получились гололедица и глубокие лужи. Люди спотыкались, падали и вымокли насквозь (РГВИА. Ф. 2942. Оп. 1. Д. 28. Л. 2об.).

4 января около 5 часов утра состоялась смена Челябинского полка 333-м Глазовским полком. 1-й батальон Челябинского полка был сменен 2-м батальоном, а 2-й батальон челябинцев – 4-м Глазовским. 1-й батальон, оставшийся в д. Виллюден, выслал прикрытия к 1-й батарее

84-й артиллерийской бригады. Состояние позиций, занятых 333-м полком, было следующее: окопы и ходы сообщения были наполнены водой, много воды было и в землянках (из некоторых землянок отлили несколько десятков ведер воды) (РГВИА. Ф. 2942. Оп. 1. Д. 28. Л. 20б.-2а).

Задача полка, занимавшего Виллюденский участок – блокада Летцена. Задача эта на фронте дивизии от оз. Даргейнен до оз. Круглиннер выполнялась тремя боевыми участками – Поссесернским, Виллюденским и Круглянкенским, которые поочередно занимались полками дивизии, причем два первые образуют правый участок дивизии, начальником его являлся генерал Есаулов. К 4 января Поссесернский участок был занят 334-м Ирбитским полком, а Круглянкенский – Анапским полком (РГВИА. Ф. 2942. Оп. 1. Д. 28. Л. 2а-2аоб.).

Связь с соседними участками поддерживалась телефоном, соединяющим смежные участки полков (правый участок 333-го полка с левым участком Ирбитского полка, а левый участок 333-го полка с правым участком Анапского полка). Смена прошла спокойно. Днем на фронте полка шла редкая ружейная и артиллерийская стрельба (РГВИА. Ф. 2942. Оп. 1. Д. 28. Л. 2аоб.).

336-й Челябинский полк вел работы по приближению к позиции неприятеля саперными работами, поэтому ежедневно из полкового резерва назначались рабочие, которые под руководством саперов вели работы. 4 января на саперные работы была назначена 1-я рота, которая под руководством саперов устраивала ход сообщения к окопу № 8, занимаясь отводом воды из окопов, особенно из окопа № 4 (РГВИА. Ф. 2942. Оп. 1. Д. 28. Л. 2аоб.-3).

5 января под утро перед окопом № 1 на стыке с Ирбитским полком появилась партия немецких разведчиков, по ней был открыт огонь. За истекшие сутки убит один нижний чин и один нижний чин ранен. День прошел спокойно. Прибыла с охраны мостов 3-я рота. Вечером на саперные работы были назначены две роты: одна должна была работать с 7 часов вечера до 12, а другая – с 12 часов ночи до 5 часов утра. Работы состояли в ведении летучей сапы (РГВИА. Ф. 2942. Оп. 1. Д. 28. Л. 3об.), то есть отрывка одиночных окопов и потом их соединение с другими одиночными окопами. Челябинским полком было сделано перед окопом № 7 две параллели, в них находились караулы и поддержки этих караулов. Дальнейшей задачей работ было продолжение передней параллели влево. Когда рабочие были выведены и приступили к работам, противник начал освещать это место ракетами, затем направил туда прожектор и открыл из редута, находящегося в 350 шагах, пулеметный огонь. Рабочие были отведены в параллели, работы приостановлены. После доклада командиру полка рабочие были отведены на улучшение ходов сообщения, окопов, заготовление земельных мешков (РГВИА. Ф. 2942. Оп. 1. Д. 28. Л. 4).

6 января днем над расположением полка летали неприятельские аэропланы. Вечером были сделаны распоряжения о смене в следующую ночь с 7 на 8 января батальонов боевых участков батальонами резервов: 2-й сменен 3-м, а 4-й – 1-м. На работы было направлено две роты. Между окопами № 1 и № 2 начата была отрывка хода сообщения, но незакончена ввиду трудности работы в промерзшей земле. Переднюю параллель саперы продолжали увеличивать влево перекидной сапой, причем продвинулись на 15 шагов. В ходах сообщения, ведущих к параллелям, отводилась вода (РГВИА. Ф. 2942. Оп. 1. Д. 28. Л. 4об.-5).

В других окопах делались необходимые усовершенствования. Противник несколько раз открывал стрельбу, но безрезультатно (РГВИА. Ф. 2942. Оп. 1. Д. 28. Л. 5).

7 января ночь прошла спокойно. Разведчики сняли с заграждений противника немецкие прокламации, предлагавшие сдаваться в плен и обещавшие 7 руб. каждому солдату, который представит германскому военному начальству свою винтовку. Днем неприятельская артиллерия обстреливала окопы № 9 и № 10, но безрезультатно (РГВИА. Ф. 2942. Оп. 1. Д. 28. Л. 5об.).

8 января ввиду смены батальонов большого наряда на работы сделать было нельзя, поэтому рабочие были даны из резерва. Они очищали параллели от снега и улучшали траверсы. Противник несколько раз открывал по рабочим пулеметный огонь. Около 5 часов утра состоялась смена батальонов: правый участок занял 3-й батальон, а левый – 1-й батальон. 2-й батальон отошел в д. Пшерванкен в бригадный резерв, а 4-й в д. Виллюден – в полковой резерв. Потери: ранен один нижний чин (РГВИА. Ф. 2942. Оп. 1. Д. 28. Л. 5об.-6).

День прошел спокойно, при редкой стрельбе. Был сделан наряд на дневные работы: 40 человек для набивки мешков (РГВИА. Ф. 2942. Оп. 1. Д. 28. Л. 6).

В 8 часов вечера генерал Есаулов телефонограммой № 50 сообщил: «Имеются сведения о возможности перехода немцев в наступление, ввиду чего начальник дивизии приказал: на ночь занимать окопы полным составом людей и резервы иметь приближенными, на день же людей в окопах разряжать и резервы отводить назад, давая таким образом людям отдых. Генерал Есаулов» (РГВИА. Ф. 2942. Оп. 1. Д. 28. Л. 6-6об.). Телефонограмма была немедленно передана начальникам боевых участков для исполнения (РГВИА. Ф. 2942. Оп. 1. Д. 28. Л. 6об.).

9 января ночь прошла спокойно. Участок обстреливался редким артиллерийским огнем, более сильно – окоп № 1. Вследствие сильной снежной бури работы шли медленно и состояли главным образом в очистке окопов и ходов от снега. В параллели в обход части ее устроили ход сообщения длиной в 100 шагов. В головном участке параллели продвинулись на 3 шага и подняли 12 траверсов. Перед окопами № 8 и 9 поставили 30 рогаток. Потерь за сутки не было. День прошел на фронте

полка без перемен. В 11 часов утра немцы производили левее шоссе Поссесерне – Летцен работы по устройству ходов сообщения. Обстрел заставил их работы прекратить (РГВИА. Ф. 2942. Оп. 1. Д. 28. Л. 60б.-7).

Днем на пополнение полка прибыло 160 нижних чинов (РГВИА. Ф. 2942. Оп. 1. Д. 28. Л. 7).

10 января в общем ночь прошла спокойно, лишь головная параллель во время работ иногда обстреливалась ружейным и пулеметным огнем. В головной параллели саперы продвинулись на 9 шагов и сделали 2 козырька. Отрыт был ход сообщения между 1-й и 2-й параллелями. В окопе № 11 были сделаны две пулеметные площадки. Заготовлено 15 рогаток и 20 подмостков. Днем на фронте шла редкая ружейная стрельба. Лишь из окопа № 1 был открыт частый огонь по немецким рабочим, устраивавшим ходы сообщения левее шоссе (РГВИА. Ф. 2942. Оп. 1. Д. 28. Л. 70б.-8).

11 января ночью в головной и 1-й параллели устраивались козырьки. В передней параллели был устроен бруствер, сделаны бойницы, к окопу № 8 прорыт ход сообщения на 50 шагов. В головной параллели продвинулись на 4 шага. Окопы очищались от снега, устраивались ступеньки в задних крутых рва. Во время работ в параллелях противник несколько раз открывал огонь по рабочим. Кроме пулемета, он стрелял по параллели бесшумной бомбой. Ею оглушен один нижний чин. Потерь не было. Около 12 часов ночи разведчики направились к проволочным заграждениям противника, но пулемет остановил их движение (РГВИА. Ф. 2942. Оп. 1. Д. 28. Л. 8-80б.).

В 4 часа ночи партия разведчиков направлялась вдоль канавы, что проходила левее немецкого редута. В 30 шагах от заграждений разведка была обстреляна бесшумными бомбами, которые разрывались возле самой цепи разведчиков. Днем на фронте происходила редкая ружейная и артиллерийская стрельба. В 2 часа дня особенно сильно обстреливались окопы № 9 и 10 и около 4 часов дня – д. Виллюден (РГВИА. Ф. 2942. Оп. 1. Д. 28. Л. 80б.-9).

12 января ввиду смены батальонов было отправлено на саперные работы всего 16 человек в головную параллель. В 5 часов утра состоялась смена батальонов, на правый участок заступил 2-й батальон, а на левый – 4-й. В головной параллели за ночь продвинулись на 8 шагов (РГВИА. Ф. 2942. Оп. 1. Д. 28. Л. 9). Днем на фронте полка шла обычная перестрелка. В 4 часа дня сильно обстреливалась д. Виллюден. Во время ночных работ в головной параллели продвинулись на 6 шагов. Сделаны за ночь две пулеметные площадки в окопе № 4, исправлены 4 траверса, сделаны 4 козырька, 9 бойниц; ход к окопу № 8 углублен на протяжении 170 шагов. Командой разведчиков обнаружены работы противника, по-видимому, по усилению проволочных заграждений, немцы работали киркой, заостряли и вбивали кольца, был слышен слабый лязг проволоки и стука вбиваемых гвоздей. Разведчики обстреляли работавших, работы прекратились, был слышен топот ног и свистки (РГВИА. Ф. 2942. Оп. 1. Д. 28. Л. 90б.-10).

Под утро на правом фланге расположения полка немецкие разведчики в саванах пытались пробраться к окопам 333-го полка, были замечены, обстреляны и вернулись. Ночью противник поддерживал редкий ружейный и пулеметный огонь. Согласно приказу о полной боевой готовности на 13 и 14 числа саперных работ не производилось, взамен этого заканчивались опорные пункты у д. Виллюден (РГВИА. Ф. 2942. Оп. 1. Д. 28. Л. 10-100б.).

Между параллелями были поставлены рогатки, несмотря на усиленный обстрел этого пространства ружейно-пулеметным огнем, заставлявшим неоднократно прерывать работы. Опорные пункты участков были закончены, средний пункт был оборудован на протяжении 150 шагов. На фронте правого участка всю ночь поддерживался оживленный ружейный и редкий пулеметный огонь. Но активных действий немцы не предпринимали. Ранено за сутки 4 нижних чина. Днем предполагалась стрельба по всему фронту, но ввиду густого тумана, не допускавшего корректирования, была отменена. День прошел спокойно. На ночь были приняты меры боевой готовности: все люди – в окопах, 8 пулеметов – на местах (РГВИА. Ф. 2942. Оп. 1. Д. 28. Л. 100б.-11).

15 января работы впереди окопов в эту ночь не производились. Происходило обустройство опорных пунктов участков, устраивались блиндажи и бойницы на опорном пункте у д. Виллюден (РГВИА. Ф. 2942. Оп. 1. Д. 28. Л. 11).

К окопам 6-й роты подползали два немца, впереди их собаки. Одна собака была ранена и с визгом побежала обратно, за ней скрылись и немцы. Потери за истекшие сутки – 1 нижний чин убит и 1 ранен. С утра было туманно, и туман рассеялся только в 2 часа дня, что позволило выполнить назначенную на прошлый день демонстрацию подготовки атаки. Демонстрация была преимущественно военно-артиллерийская (РГВИА. Ф. 2942. Оп. 1. Д. 28. Л. 110б.-12).

1-я батарея так же, как и другие, открыла огонь по всем пристрелянным целям. Роты боевых участков должны были открывать огонь по всем появившимся целям, но их появилось немного. Два пулемета 333-го полка перекрестным огнем привели в молчание неприятельский пулемет. В 4 часа дня последовал приказ генерала Есаулова огонь прекратить. После этого начала обстрел германская артиллерия (особенно по окопам № 3 и 15), стреляла она из-за угла роци тяжелыми снарядами. По приказу штаба полка 1-я батарея открыла огонь в этом направлении. После первых же выстрелов огонь неприятеля прекратился, послышался шум; после дополнительных выстрелов поднялся столб коричневого дыма, превратившийся потом в черный. Дым наблюдался в течение полчаса (РГВИА. Ф. 2942. Оп. 1. Д. 28. Л. 12-120б.).

Ввиду смены батальонов наряд на саперные работы был сделан из резерва правого участка (16 человек), продвинулись еще на 4 шага (РГВИА. Ф. 2942. Оп. 1. Д. 28. Л. 120б.-13).

16 января потери составляли: 1 нижний чин убит и 2 нижних чина ранены. Разведка велась перед фронтом правого участка. Около 2 часов ночи была сделана засада на пути обычного появления немцев. Немцы пытались обойти эту засаду и при отходе одного разведчика ранили. Днем на фронте полка была обычная редкая стрельба (РГВИА. Ф. 2942. Оп. 1. Д. 28. Л. 13).

17 января ночь прошла спокойно. Выполнялись следующие работы: в окопах № 1–6 углублялись ходы сообщения, исправлялись бойницы, устраивались ниши; в опорном пункте правого участка устраивались ходы сообщений и бойницы, на опорном пункте левого участка сделан козырек и начата отрывка трех пулеметных площадок, на среднем опорном пункте отрыты 3 блиндажа и ход сообщения в 20 шагов. День прошел в обычной перестрелке, ружейной и артиллерийской (РГВИА. Ф. 2942. Оп. 1. Д. 28. Л. 13-130б.).

18 января ночь прошла спокойно. У головной параллели продвинулись еще на 7 шагов. На правом опорном пункте отрыты две пулеметные площадки и ход сообщения – 20 шагов; на среднем опорном пункте отрыты две пулеметные площадки и 8 шагов хода сообщения; на левом опорном пункте закончены две пулеметные площадки и козырьки, отрыт блиндаж. Разведка выяснила, что немцы производят по ночам в своих заграждениях работы. Потерь не было. Днем шла обычная редкая стрельба (РГВИА. Ф. 2942. Оп. 1. Д. 28. Л. 130б.-14).

Во время ночных работ в окопах № 3 и 5 исправлялись блиндажи, во 2-й параллели поставлены на бруствер мешки с землей на протяжении 35 шагов. На правом опорном пункте сделаны 4 козырька по 10 шагов каждый; на среднем опорном пункте отрыта и покрыта пулеметная площадка, вырыт 1 блиндаж и отрыт выход из окопа на 20 шагов; на левом опорном пункте сделан блиндаж и закончены три пулеметные площадки (РГВИА. Ф. 2942. Оп. 1. Д. 28. Л. 14-140б.).

19 января на фронте перемен не было. Около 10 часов утра наблюдался полет над неприятельской позицией дирижабля на северо-запад. Около 1 часа дня над Виллюденом пролетал на восток биплан на большой высоте. Около 4 часов дня над расположением полка был виден аэроплан, пролетающий с юга на север (РГВИА. Ф. 2942. Оп. 1. Д. 28. Л. 140б.-15).

20 января ночь прошла спокойно. Противник поддерживал редкий артиллерийский, пулеметный и ружейный огонь. Ранено за сутки 2 нижних чина. Ввиду смены батальонов наряд на саперные работы был небольшой. Разведка обнаружила работы у шоссе Поссерне – Летцен. Несколько выстрелов в направлении работающих прекратили стук и говор. Днем шла обычная стрельба. Лишь в 3 часа дня противник усиленно обстреливал Виллюден и дорогу на Пшерванкен (РГВИА. Ф. 2942. Оп. 1. Д. 28. Л. 15-150б.).

21 января ночь прошла при редкой артиллерийской и ружейной стрельбе. За сутки ранено 4 нижних чина. Работы ночью производились следующие: на правом опорном пункте были закончены пулеметные площадки, отрыты 3 ниши и сделаны 25 бойниц; на среднем – отрыт блиндаж, на протяжении 130 шагов расширен ров, и сделан ход сообщения в тыл на 15 шагов; на левом – сделаны бойницы на протяжении 16 шагов, расширен ров на протяжении 25 шагов. В окопах № 13–15 сделаны отхожие места. В головной параллели продвинулись на 15 шагов. Днем было без перемен: обычная ружейная и артиллерийская перестрелка (РГВИА. Ф. 2942. Оп. 1. Д. 28. Л. 150б.-15).

22 января ночью на фронте происходила редкая перестрелка. Головную параллель удлинени еще на 7 шагов. На правом опорном пункте расширили ров на протяжении 75 шагов, на среднем – на протяжении 30 шагов вбиты колья для проволочных заграждений, отрыт выход и покрыт блиндаж, на левом опорном пункте – расширен ров на протяжении 15 шагов, покрыты две пулеметные площадки. В течение ночи пришлось потратить много времени и усилий на очистку снега. За сутки убит один нижний чин. Днем на участке полка была редкая ружейная перестрелка (РГВИА. Ф. 2942. Оп. 1. Д. 28. Л. 15-160б.).

23 января ночь прошла спокойно при обычной стрельбе. Передовые параллели достигли расстояния в 70–90 шагов до проволочных заграждений противника. Головная параллель удлинена еще на 7 шагов. Во 2-й параллели приготовлено место для 2 пулеметных блиндажей. На правом опорном пункте расширен ров на 10 шагов. Напротив окопов № 14 и 15 поставлено и укреплено 50 рогаток, на участке № 13 установлен камнемет (имеется в виду камнеметный фугас, применялся еще в период Кавказской войны). Днем по линии фронта была редкая ружейная стрельба. В 1.50 дня неприятельская артиллерия стреляла по параллели; с 4 часов дня перенесли огонь на д. Виллюден (РГВИА. Ф. 2942. Оп. 1. Д. 28. Л. 17-170б.).

24 января ночью противник поддерживал редкий артиллерийский и ружейный огонь. Во время саперных работ головная параллель удлинена была на 3 шага. Ранен за сутки 1 нижний чин. Днем обычная перестрелка и артобстрел с 10 до 12 часов по окопам правого участка, а в 4 часа обстрел д. Виллюден, где ранено одним снарядом, попавшим в дом, 6 нижних чинов, причем два умерли от ран (РГВИА. Ф. 2942. Оп. 1. Д. 28. Л. 170б.).

25 января снежная буря, бушевавшая всю ночь, отрывала рабочие руки на очистку окопов, ходов сообщения и бойниц. Головную параллель удлинени на 5 шагов. Днем на фронте полка была

редкая артиллерийская и ружейная стрельба. С 12 часов дня и до 4 часов артиллерия противника обстреливала расположение полка. Днем продолжилась снежная буря, требовавшая непрерывных работ по очистке снега (РГВИА. Ф. 2942. Оп. 1. Д. 28. Л. 18-18об.).

26 января ночь прошла спокойно. Буря продолжалась и ночью, в результате все усилия были направлены на очистку снега из окопов. Роты, назначенные на саперные работы, очищали параллели и ходы сообщения к ним, роты боевых участков очищали свои участки. За сутки ранен 1 нижний чин. Днем противник поддерживал редкий артиллерийский огонь по линии окопов, а с 3 до 7 часов усиленно обстреливал д. Виллюден. В 5 часов вечера адъютантом генерала Есаулова был передан по телефону приказ: так как у Иогансбурга идет бой, то, чтобы оттянуть резервы, приказано было открыть усиленный артиллерийский огонь, а ночью командой разведчиков, усиленной ротой, произвести рекогносцировку, беспокоя противника (РГВИА. Ф. 2942. Оп. 1. Д. 28. Л. 18об.-19).

27 января этот приказ был выполнен на левом участке, где двумя партиями подползла к заграждениям противника и обстреляла полевой караул, ранила часового. У противника поднялась тревога. Ночью он усиленно обстреливал д. Виллюден. Днем продолжался усиленный обстрел участка полка и д. Виллюден, которую к вечеру противник начал обстреливать залпами по 4 снаряда – 2 фугасных и 2 шрапнельных. В 8 часов вечера была получена от генерала Есаулова записка № 154 о том, что в 8 вечера отходит Челябинский полк, за ним будет отходить Глазовский. Присланный позднее приказ 1-й бригаде 84-й дивизии № 155 указывал путь отхода – Круглянкен – Ганзенштейн – Решуловкен – Зивен – Гросс-Габлин. 333-му полку нужно было отходить по особому распоряжению генерала Есаулова по проходе Пшерванкена 336-м полком. Приказ о подготовке к отходу был передан на боевые участки. Сначала должен был отходить 1-й батальон с правого участка, затем 3-й батальон с левого; 4-й батальон должен был прикрывать их отход, заняв позицию у железнодорожного моста и отходя оттуда, как 3-й батальон втянется под железнодорожный мост (РГВИА. Ф. 2942. Оп. 1. Д. 28. Л. 19об.-20об.).

По проходе д. Пшерванкен к полку должен был присоединиться 2-й батальон, который и должен был прикрывать вытягивание полка на дорогу Пшерванкен – Круглянкен и затем стать арьергардом полка. Обоз заблаговременно был выслан из д. Виллюден и вытянулся по дороге на Круглянкен (РГВИА. Ф. 2942. Оп. 1. Д. 28. Л. 20об.).

28 января в 0.50 часов ночи получен был приказ генерала Есаулова № 156 о немедленном отходе полка. По получении его полк начал отходить в указанном порядке и незаметно для противника снялся с позиций, прибыл в д. Пшерванкен. При движении большое затруднение составляли снежные заносы на дороге, особенно был труден подъем у д. Ганзенштейн, где задержались часа на полтора вследствие того, что следовавшая с полком 1-я батарея застряла в снегу. При подходе колонны к Гросс-Габлину ее догнали немецкие аэропланы, имевшие на себе русские национальные цвета, и бросили бомбу, которая разорвалась в шагах 50 от хвоста колонны (другая брошенная бомба пробилла крышу здания в с. Петрашен) (РГВИА. Ф. 2942. Оп. 1. Д. 28. Л. 20об.-21).

По прибытии в 12 часов дня в с. Гросс-Габлин полку назначался ночлег, согласно словесному приказу начальника дивизии полк двинулся в д. Петрашен, куда прибыл в 2 часа дня. Сделанный полком переход равнялся 26 верстам (РГВИА. Ф. 2942. Оп. 1. Д. 28. Л. 21об.). В Петрашене все помещения были заняты и полк до 6 часов вечера оставался на улице, пока не последовал приказ местом ночлега Ирбитскому полку, занимавшему деревню, деревень Шейба и Сцыбаллен. Около этого же времени начальник штаба дивизии приказал выдвинуть один батальон в д. Гросс-Габлен (РГВИА. Ф. 2942. Оп. 1. Д. 28. Л. 21об.-22).

Впереди Петрашена по линии западного берега оз. Гр. Габлин были заняты до северной оконечности Челябинским полком, далее к югу – Ирбитским. Высланный согласно приказу начальника штаба дивизии 2-й батальон выставил в сторожевое охранение 6-ю роту. Охранение не могло войти в связь с охранением Челябинского полка и, несмотря на все поиски, не нашло его. 5-я и 7-я роты занимали правую опушку, что у шоссе Петрашен – Гросс Габлин. 8-я рота находилась в сторожевом резерве (РГВИА. Ф. 2942. Оп. 1. Д. 28. Л. 22об.).

29 января в течение ночи противник себя ничем не обнаружил. Около 11 часов утра было замечено усиленное движение людей и повозок из Гронскена. Оказалось, что Челябинский полк оставил Гронскен. По приказанию генерала Есаулова, прибывшего в д. Петрашен и принявшего командование, была выслана команда разведчиков для выяснения, кем заняты деревни Сцибаллен и Гронскен. 3-й батальон был выдвинут на возвышенность северо-западнее от Петрашен для предупреждения появления противника со стороны Гронскена (в это время д. Гронскен, зажженная неприятельской артиллерией, горела). При занятии высоты 3-й батальон был обстрелян немецкой артиллерией (РГВИА. Ф. 2942. Оп. 1. Д. 28. Л. 22об.-23).

Команда разведчиков донесла, что д. Сцыбаллен занята батальоном Ирбитского полка, а д. Гронскен свободна от войск. Генерал Есаулов приказал занять эту деревню двумя ротами 3-го батальона до возвращения туда Челябинского полка. Для этой цели были высланы 10-я и 12-я роты под общей командой подпоручика Коха. Они заняли деревню и дождались прихода батальона

Челябинского полка, которому и сдали деревню. После этого разрешено было роты отвести на линию батальона, а батальон как исполнивший задачу – в д. Петрашен (РГВИА. Ф. 2942. Оп. 1. Д. 28. Л. 23-23об.).

Согласно телефонному приказу начальника штаба дивизии в течение дня были высланы в Гут – Петрашен 3-я и 15-я роты для прикрытия учреждений дивизии и 2-я и 5-я роты для прикрытия тяжелой артиллерии. В 7 часов вечера был получен приказ о дальнейшем отходе дивизии в составе корпуса на линию Марграбово – Гонекен. Полк со взводом 1-й батареи и назначался в средний арьергард корпуса. Путь следования арьергарда: Петрашен – Шейба – Доброволл – Ребель – Зунейкен – Швейтайкен – Гизен. Полк со взводом 1-й батареи, имея впереди себя обоз 1-го разряда, выступил в 9 часов вечера (РГВИА. Ф. 2942. Оп. 1. Д. 28. Л. 23об.-24).

По проходе Шейбы был выделен тыловой отряд. Полк шел по проселочным дорогам, занесенным снегом иногда до такой степени, что незаметно было, где проходит дорога. Часто приходилось артиллерию и обозы вывозить на руках (РГВИА. Ф. 2942. Оп. 1. Д. 28. Л. 24об.).

30 января в 7 часов утра полк подошел к сел. Швентайнен, где выставил сторожевое охранение. В сторожевой отряд были назначены 1-я и 4-я роты под командой подполковника Тыльцена. Ими было выставлено охранение на высотах, что северо-западнее д. Швентайнен. Полк же прошел в д. Гизен, где расположился по квартирам. Переход, сделанный полком, был в 21 версту (РГВИА. Ф. 2942. Оп. 1. Д. 28. Л. 24-24об.).

Вследствие приказа генерала Есаулова выйти на связь с охранением Ирбитского полка в 11 часов вечера был выслан взвод от 12-й роты под командой подпрапорщика в д. Оржеховкен. Этот взвод должен был: 1) наблюдать за дорогами, подходящими к д. Гизен с севера, и 2) поддерживать связь между сторожевым охранением Ирбитского полка и охранением, выставленным у д. Швентайнен 1-м батальоном 333-го полка. В д. Оржеховкен был проведен телефон и приданы два казака (РГВИА. Ф. 2942. Оп. 1. Д. 28. Л. 25).

31 января противник был обнаружен в течение ночи лишь в виде нескольких разведчиков. Днем наблюдалось движение колонны, шедшей за оз. Швентайнен перед лесом в направлении на север. Около 1 часа дня был получен по телефону приказ двигаться на Розенхаукен, Куковен, Клейн Олецко. В 2 часа дня колонна двинулась по указанному маршруту, имея впереди обоз, а в тыльном отряде – 4-й батальон. При проходе мимо Маркграбова командир полка был вызван в штаб корпуса для получения указаний относительно движения полка. Местом ночлега полку было указано сел. Старостен; причем полк должен был выставить охранение от южной оконечности оз. Клейна-Олецко до шоссе Велицкен – Клензовен (РГВИА. Ф. 2942. Оп. 1. Д. 28. Л. 25об.-26).

Движение было крайне трудно, так как совершалось по едва намеченным дорогам, все выемки были замечены снегом, и запряжки в них застревали. С 4 часов начался сильный дождь. В д. Клейн Олецко к полку присоединились 3-я и 15-я роты, доставившие полку запас хлеба, привезенный ими из с. Маркграбово на санях. После небольшого привала двинулись дальше на Старостен, куда голова колонны прибыла к 12 часам ночи. Переход полка равнялся 17 верстам (РГВИА. Ф. 2942. Оп. 1. Д. 28. Л. 26-26об.).

1 февраля. Ввиду небольшого числа строений в деревне размещение людей было крайне тесное и все же часть осталась на улице (РГВИА. Ф. 2942. Оп. 1. Д. 28. Л. 27).

Около 4 часов утра был получен приказ о дальнейшем отходе корпуса. Полк составлял средний арьергард корпуса и получил направление: Старостен – Зискен – Вержбовен – кард. Витовка – ф. Шкацга – Давспуда – Курьянка. В Курьянке полку назначался ночлег. Время выступления назначалось на 7 часов утра, до 1 часа дня следовало стоять привалом в д. Витовка. В 7 часов утра полк двинулся, имея в арьергарде 3-й батальон. Как и до этого времени, путь шел проселком, местами совершенно занесенным снегом. Особенно труден был путь у границы, где лошади с трудом вытаскивали ноги из глубокого снега (РГВИА. Ф. 2942. Оп. 1. Д. 28. Л. 27-27об.).

В 12 часов дня полк перешел границу и до 1 часу дня задержался в д. Витовка. В 1 час дня движение возобновилось. Дальнейшая дорога оказалась еще хуже: многие низины оказались залиты водой. К 5 часам вечера полк подошел к д. Курьянки. У Рачек в это время уже произошёл бой. Ввиду неясности обстановки и сильной разбросанности деревни начальник дивизии приказал командиру полка людей в деревню не вводить, а остановить их в лесу у дороги. Ночью шел сильный дождь и все вымокли насквозь (РГВИА. Ф. 2942. Оп. 1. Д. 28. Л. 27об.-28).

2 февраля в 4 часа утра был получен приказ по дивизии № 10. Дивизия 2-го февраля продолжит свой отход на Споцькина через северную окраину Августова. Полк получил задачу прикрывать этот отход, заняв двумя батальонами д. Курьянки, а две роты выслать в д. Солдатская Слобода, остальные роты следовало отвести в д. Шеберку, но ввиду плохого состояния дорог было разрешено держать поблизости, чтобы подвести в случае необходимости (РГВИА. Ф. 2942. Оп. 1. Д. 28. Л. 28-28об.).

Во исполнение этого приказа трем ротам 2-го батальона (без 5-й роты) и 4-му батальону под командой капитана Пискунова необходимо было занять линию от д. Стоки до д. Ходорки, 3-й и 4-й ротам 1-го батальона под командой подполковника Тыльцена составить отдельную заставу в д. Солдатская Слобода. 3-му батальону приказывалось составить резерв и занять юго-восточную окраину д. Курьянки. Всем батальонам было приказано избрать позиции на случай боя и устроить

окопы. 3-я батарея заняла позицию на северной опушке леса, что восточнее перекрестка дорог: шоссе Рачки – Августов и дороги на д. Стоки, выдвинув вперед два орудия (РГВИА. Ф. 2942. Оп. 1. Д. 28. Л. 28об.-29).

Командир полка избрал для управления боем место у того же пересечения дорог. Связь с 2-м и 4-м батальонами осуществлялась телефоном и ординарцами, с 1-м батальоном – ординарцами. К 7 часам утра батальоны заняли свои участки. В 11 часов утра батарея противника открыла беглый огонь по окопам 333-го полка у моста в д. Ходарка. Расположение этой батареи было приблизительно у д. Яски. 1-я батарея полка открыла по неприятельской батарее огонь, после чего та на некоторое время замолчала. В это же время было обнаружено движение противника в колонне силою около полка пехоты, эскадрона кавалерии и батареи в направлении от Рачек на Августов (РГВИА. Ф. 2942. Оп. 1. Д. 28. Л. 29-29об.).

По этой колонне был открыт артиллерийский огонь, после чего она забежала в лес и вскоре, развернувшись в боевой порядок, повела наступление против левого фланга полка, поддерживая свое наступление сильнейшим огнем трех батарей. Наступление противника было приостановлено артиллерийским, пулеметным и ружейным огнем. Для обеспечения от охвата левого фланга 333-го полка была выдвинута 12-я рота. Около 12 часов дня к трем батареям противника прибыла 4-я – тяжелая, которая, заняв позицию у Рачек, начала осыпать снарядами расположение полка. После 2 часов дня было замечено наступление одного батальона противника на д. Стоки в обход правого фланга полка, а в 3 часа дня было обнаружено движение полка в том же направлении (РГВИА. Ф. 2942. Оп. 1. Д. 28. Л. 30-30об.).

На поддержку правого фланга были выдвинуты 14-я и 15-я роты. Около 4 часов дня почти вся артиллерия противника перенесла свой огонь на окопы правого участка, а пехота противника густыми цепями начинала наступление. Несмотря на большие потери от ружейно-пулеметного огня 333-го полка, противник почти без задержки продолжил наступление. Под давлением сильного артиллерийского огня роты правого фланга начали медленный отход. Тогда приказано было выдвинуть 10-ю роту и ударить во фланг противнику, а сам командир полка с ординарцем верхом поехал вперед, остановил временно отход рот правого фланга, повел их в контратаку, но тяжело раненный упал с лошади (РГВИА. Ф. 2942. Оп. 1. Д. 28. Л. 31-31об.).

В командование полком вступил капитан Шорин. Артиллерия противника в это время обстреливала окопы правого фланга ураганным огнем, полк понес большие потери, держаться далее в виду ясно обнаруженного охвата правого фланга стало невозможным и потому в 5.15 вечера 9-й, 11-й и 16-й ротам приказано было занять тыловые окопы и задерживать противника, а ротам боевых участков – начать постепенный отход на опушку рощи, что у шоссе на Августов. Два орудия 3-й батареи, выдвинутые вперед, оставались на позиции до самого последнего момента и расстреливали противника в упор, а когда до противника осталось 400–800 шагов, орудия на руках полуроты были сняты с позиций и вывезены на шоссе. Огнем с опушки леса противник был задержан и остановил свое наступление (РГВИА. Ф. 2942. Оп. 1. Д. 28. Л. 31об.-32).

В связи с наступлением на правый фланг противник продолжил вести наступление и на другие участки расположения полка. К 6 часам вечера роты стянулись к шоссе и начали отход на д. Щеберку. Потери в этом бою: командир полка полковник Тархов, командир 2-го батальона капитан Пискунов, командир 14-й роты поручик Вишневский – ранены и остались на поле сражения; командир 6-й роты поручик Буш, командир 12-й роты прапорщик Перевошиков – ранены и эвакуированы, прапорщик Колотов и зауряд-прапорщик Миклин контужены и остались в строю. Потери нижними чинами большие, но в известность не могли быть приведены (РГВИА. Ф. 2942. Оп. 1. Д. 28. Л. 32-32об.).

Впоследствии, 28 февраля, в ротах и командах был проведен учет погибших, раненых и пропавших без вести солдат и офицеров 333-го пехотного Глазовского полка в бою 2 февраля 1915 г. Данные по потерям мы свели в [Таблицу 1](#).

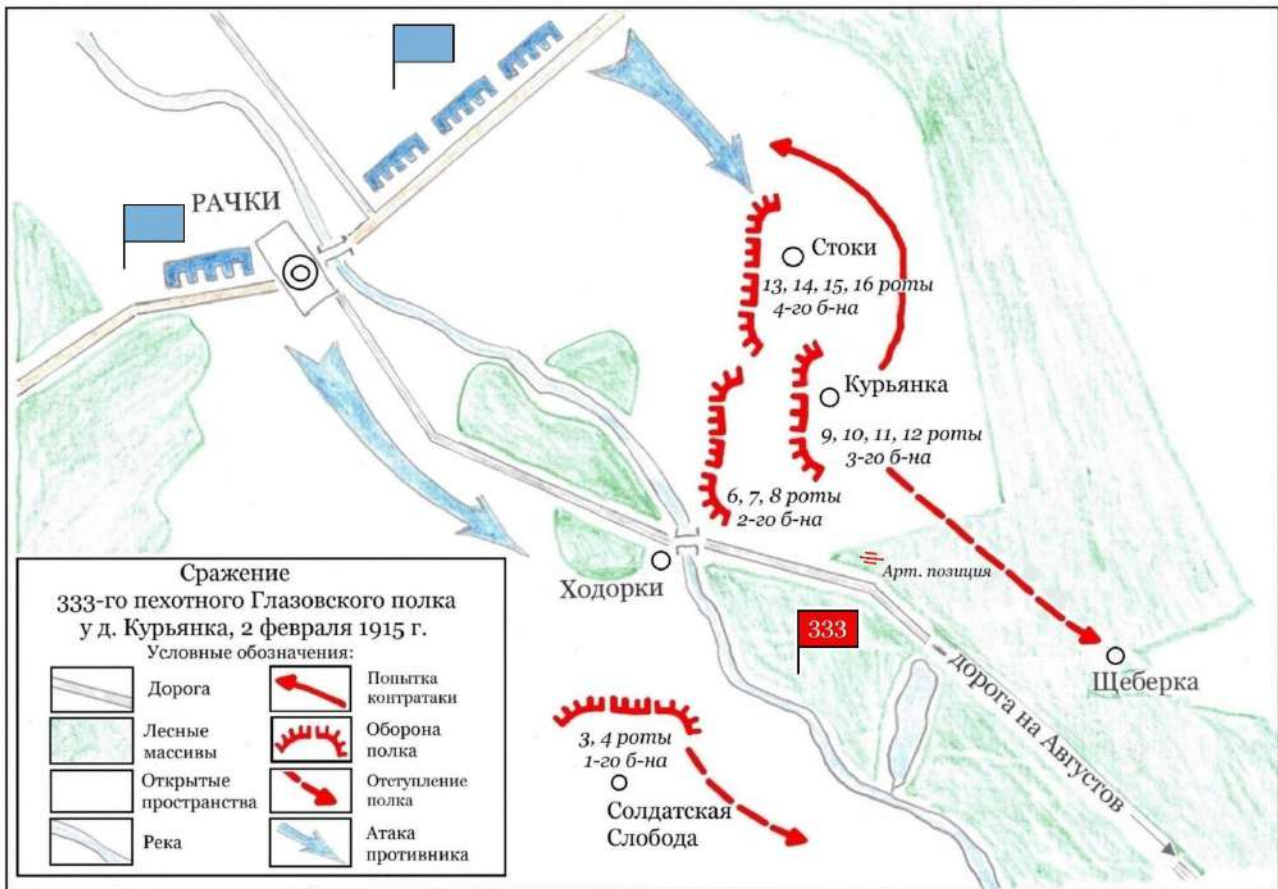
Таблица 1. Потери 333-го пехотного Глазовского полка в бою 2 февраля 1915 г. у деревни Курьянка (Курьянка) (РГВИА. Ф. 16196. Оп. 1. Д. 1293. Л. 92об.-175)

Роты и команды	Убито	Ранено	Пропало без вести
1-я рота	2	2	50
2-я рота	3	-	51
3-я рота	-	-	6
4-я рота	3	-	28
5-я рота	2	1	45
6-я рота	10	7	85
7-я рота	-	16	60
8-я рота	1	4	155
9-я рота	3	2	22
10-я рота	30	3	85
11-я рота	-	1	17

12-я рота	1	5	145
13-я рота	-	-	26
14-я рота	4	1	140
15-я рота	5	4	92
16-я рота	-	1	12
Команда связи	-	1	-
Пулеметная команда	-	-	34
Нестроевая рота	-	-	1
Команда разведчиков	-	-	2
Итого	44	48	1056

Итого во время боя потери составили 1148 человек (РГВИА. Ф. 16196. Оп. 1. Д. 1293. Л. 920б.-175).

Разбирая детали этого сражения, мы создали план-схему расположения частей в бою на местности (Рисунок 3).

Рис. 3. Сражение 333-го пехотного Глазовского полка у д. Курьянка 2 февраля 1915 г.
Автор рис. А.А. Черкасов

Причин столь неудачного боя у д. Курьянка было несколько: во-первых, 333-й полк несколько последних дней находился на марше. Предпоследнюю ночь часть личного состава ночевала на улице, а в ночь с 1-е на 2-е февраля весь полк ночевал на улице в мокрой одежде; во-вторых, ввиду того, что даже утром 2-го февраля командование полка было уверено, что в ближайшее время полк снимется и последует дальше, то сооружением окопов никто не занимался, а в оставшиеся несколько часов до боя было очевидно, что окопаться сколько-нибудь прилично, с учетом утомленности людей, уже не успевали. Таким образом, полк вступил в бой практически в «чистом поле», имея высокую степень утомления. На участке своего наступления немцы сконцентрировали по меньшей мере 2,5-кратное превосходство в пехоте и 4-кратное превосходство в артиллерии, причем из четырех артиллерийских батарей одна была тяжелая. В годы Первой мировой войны тяжелая артиллерия представляла большую проблему даже для защищенной фортификационными сооружениями пехоты; в условиях же, когда пехота была почти на открытой местности, шансов обороняться у нее практически не было.

События первого этапа Второй отечественной войны, связанные с вторжением на территорию Германии, давно получили свою оценку. Вся необходимость этого вторжения базировалась на

попытке спасти союзников, так как с первых дней войны Германия развивала наступление на Париж с целью ликвидировать Западный фронт. Дабы предотвратить такое развитие событий, русские армии форсированным маршем вторглись в Восточную Пруссию, преследуя цель переброски немецких резервов с Западного фронта на Восточный (Керсновский, 1994: 180). Не добившись осенью 1914 г. решительных успехов на Западном фронте, германская армия перебросила свои ударные силы на Восточный фронт. Одной из первых весточек надвигающейся катастрофы в Августовских лесах в феврале 1915 г. и был бой 333-го пехотного Глазовского полка, в ходе которого ефрейтор 13-й роты этого полка попал в плен и последующие годы войны провел в лагере для военнопленных.

5. Заключение

Подводя итоги, мы должны отметить, что боевой путь ефрейтора-санитара 333-го пехотного Глазовского полка Андрея Тимофеевича Кемова составлял всего чуть более 6 месяцев (30 июля 1914 – 2 февраля 1915 гг.). Полк действовал на самом сложном участке фронта – против Германии. Реализуя замысел русского командования, полк в составе группы войск 22 октября 1914 г. пересек границу Германской империи и действовал на территории противника. Здесь 23 ноября 1914 г. 13-я рота, в которой служил ефрейтор Кемов, отличилась в деле против германцев. В результате этого Андрей Тимофеевич был представлен к Георгиевской медали 4-й степени. После того как миссия русской группировки в Германии (оттянуть германские резервы с Западного на Восточный фронт) была выполнена, началось отступление с территории Германии. 1 февраля 1915 г. полк пересек границу с Российской империей, а уже 2 февраля участвовал в сражении у деревни Курьянка. В ходе этого боя с превосходящими силами противника полк понес большие потери убитыми, ранеными и пленными, среди последних оказался и ефрейтор Андрей Тимофеевич Кемов.

Литература

- НАРК – Национальный архив Республики Карелия.
 РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив.
 Зайончковский, 1924 – Зайончковский А.М. Мировая война 1914–1918 гг. Общий стратегический очерк. М., 1924.
 Вержховский, 1954 – Вержховский Д.В. Первая мировая война 1914–1918 гг. М., 1954.
 Уткин, 2001 – Уткин А.И. Первая мировая война. М., 2001.
 Шаццлло, 2003 – Шаццлло В.К. Первая мировая война 1914–1918. Факты. Документы. М., 2003.
 Козенко, 2001 – Козенко Б.Д. Отечественная историография Первой мировой войны // Новая и новейшая история. 2001. № 3. С. 3-27.
 Керсновский, 1994 – Керсновский А.А. История Русской армии. В 4 т. Т. 3. 1881–1915 гг. М., 1994.
 Керсновский, 1994а – Керсновский А.А. История Русской армии. В 4 т. Т. 4. 1915–1917 гг. М., 1994.
 Чумаков, 2015 – Чумаков А.Д. Первая мировая война. Восточная Пруссия в огне сражений // Калининградские архивы. 2015. 12. С. 264-267.
 Асташов, 2014 – Асташов А.Б. Русский фронт в 1914 – начале 1917 года: военный опыт и современность. М., 2014.
 Черкасов, 2022а – Черкасов А.А. Черкасовы (Керетские): Алексей Павлович Черкасов (1910–1969) // Вопросы истории. 2022. 5(2): 122-128.
 Черкасов, 2022 – Черкасов А.А. История 533-го стрелкового Одерского полка (1941–1945 гг.). Сочи, 2022.
 Черкасов, 2022b – Черкасов А.А. Боевой путь рядового Ивана Ивановича Черкасова // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Серия «История». 2022. Т. 67. Вып. 2. С. 414-451.
 Cherkasov, 2022 – Cherkasov A.A. In Memory of Semen Agafonovich Cherkasov (1897–1941): The Fate of One Marching Reinforcement. *Voennyi Sbornik*. 2022. 10(2): 57-77.
 Cherkasov, 2021 – Cherkasov A.A. Cherkasovs (Keretskys): Feofan Ivanovich Cherkasov (1886–1938) // *European Researcher. Series A*. 2021. 12(2): 75-80.

References

- Astashov, 2014 – Astashov, A.B. (2014). Russkii front v 1914 – nachale 1917 goda: voennyi opyt i sovremennost' [Russian front in 1914 – early 1917: military experience and modernity]. M. [in Russian]
 Cherkasov, 2021 – Cherkasov, A.A. (2021). Cherkasovs (Keretskys): Feofan Ivanovich Cherkasov (1886–1938). *European Researcher. Series A*. 12(2): 75-80.
 Cherkasov, 2022 – Cherkasov, A.A. (2022). In Memory of Semen Agafonovich Cherkasov (1897–1941): The Fate of One Marching Reinforcement. *Voennyi Sbornik*. 10(2): 57-77.
 Cherkasov, 2022 – Cherkasov, A.A. (2022). Istoriya 533-go strelkovogo Oderskogo polka (1941–1945 gg.) [History of the 533rd Rifle Oder Regiment (1941–1945)]. Sochi. [in Russian]

Cherkasov, 2022a – *Cherkasov, A.A.* (2022). Cherkasovy (Keretskie): Aleksei Pavlovich Cherkasov (1910–1969) [Cherkasovs (Keretskys): Aleksei Pavlovich Cherkasov (1910–1969)]. *Voprosy istorii*. 5(2): 122-128. [in Russian]

Cherkasov, 2022b – *Cherkasov, A.A.* (2022). Boevoi put' ryadovogo Ivana Ivanovicha Cherkasova [Combat way of private Ivan Ivanovich Cherkasov]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Istoriya»*. 67(2): 414-451. [in Russian]

Chumakov, 2015 – *Chumakov, A.D.* (2015). Pervaya mirovaya voina. Vostochnaya Prussiya v огне srazhenii [World War I. East Prussia in the fire of battles]. *Kaliningradskie arkhivy*. 12: 264-267. [in Russian]

Kersnovskii, 1994 – *Kersnovskii, A.A.* (1994). Istoriya Russkoi armii [History of the Russian army]. V 4 t. T. 3. 1881–1915 gg. M. [in Russian]

Kersnovskii, 1994a – *Kersnovskii, A.A.* (1994). Istoriya Russkoi armii [History of the Russian army]. V 4 t. T. 4. 1915–1917 gg. M. [in Russian]

Kozenko, 2001 – *Kozenko, B.D.* (2001). Otechestvennaya istoriografiya Pervoi mirovoi voiny [National historiography of the First World War]. *Novaya i noveishaya istoriya*. 3: 3-27. [in Russian]

NARK – Natsional'nyi arkhiv Respubliki Kareliya [National Archives of the Republic of Karelia].

RGVIA – Rossiiskii gosudarstvennyi voenno-istoricheskii arkhiv [Russian State Military Historical Archive].

Shatsillo, 2003 – *Shatsillo, V.K.* (2003). Pervaya mirovaya voina 1914–1918 [World War I 1914–1918. Data. Documentation]. *Fakty. Dokumenty*. M. [in Russian]

Utkin, 2001 – *Utkin, A.I.* (2001). Pervaya mirovaya voina [World War I]. M. [in Russian]

Verzhkhovskii, 1954 – *Verzhkhovskii, D.V.* (1954). Pervaya mirovaya voina 1914–1918 gg. [World War I, 1914–1918]. M. [in Russian]

Zaionchkovskii, 1924 – *Zaionchkovskii, A.M.* (1924). Mirovaya voina 1914–1918 gg. [World War 1914–1918]. *Obshchii strategicheskii ocherk*. M. [in Russian]

Боевой путь ефрейтора 333-го пехотного Глазовского полка Андрея Тимофеевича Кемова в годы Первой мировой войны (1914–1915 гг.)

Александр Арвелодович Черкасов^{a, *}

^a Черкас глобальный университет, Вашингтон, США

Аннотация. В работе предпринята первая попытка восстановления боевого пути ефрейтора 333-го пехотного Глазовского полка Андрея Тимофеевича Кемова, который служил в полку в 1914–1915 гг. Андрей Тимофеевич Кемов являлся отцом Анастасии Андреевны – жены Ивана Ивановича Черкасова из села Кереть.

Источниковая база исследования представлена материалами Российского государственного военно-исторического архива (Москва, Российская Федерация), в котором отложился фонд № 2942 (333-й пехотный Глазовский полк). Наиболее ценными источниками исследования явились журналы военных действий, а также наградные документы и документы по учету личного состава полка.

В заключении автор отмечает, что боевой путь ефрейтора-санитара 333-го пехотного Глазовского полка Андрея Тимофеевича Кемова составлял всего чуть более 6 месяцев (30 июля 1914 – 2 февраля 1915 гг.). Полк действовал на самом сложном участке фронта – против Германии. Реализуя замысел русского командования, полк в составе группы войск 22 октября 1914 г. пересек границу Германской империи и действовал на территории противника. Здесь 23 ноября 1914 г. 13-я рота, в которой служил ефрейтор Кемов, отличилась в деле против германцев. В результате этого Андрей Тимофеевич был представлен к Георгиевской медали 4-й степени. После того как миссия русской группировки в Германии была выполнена (оттянуть германские резервы с Западного на Восточный фронт), началось отступление с территории Германии. 1 февраля 1915 г. полк пересек границу с Российской империей, а уже 2 февраля полк участвовал в сражении у деревни Курьянка. В ходе этого боя с превосходящими силами противника полк понес большие потери убитыми, ранеными и пленными, среди последних оказался и ефрейтор Андрей Тимофеевич Кемов.

Ключевые слова: 333-й пехотный Глазовский полк, Первая мировая война, 1914–1915 гг., боевой путь, Андрей Тимофеевич Кемов, Черкасовы (Керетские).

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: a.cherkasov@cherkasgu.net (А.А. Черкасов)

Copyright © 2023 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2023. 18(2): 1034-1045
 DOI: 10.13187/bg.2023.2.1034

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The History of Science and Technology of the Russian Empire at the beginning of the XX century in the Journal “Vestnik Obshhestva Sibirskih Inzhenerov” (1916)

Natalia P. Koptseva ^a, Anna A. Shpak ^a, Ksenia A. Degtyarenko ^a, Yulia N. Menzhurenko ^{a, *}

^aSiberian Federal University, Russian Federation

Abstract

The study of the periodic source “Vestnik Obshhestva sibirskih inzhenerov” for 1916 takes place on the historiographical method basis. The basic component of the publication messages from the meetings of the Society of Siberian Engineers, whose main task was to promote the industry development, the technical education dissemination and knowledge in Siberia. The article highlights the main directions and topics of this periodical, printed publication. There is noted the closest connection of scientific and technological progress with the peculiarities of specific regions industrial development of the Russian Empire. The periodical especially highlights the Siberian industry, and sometimes the Far Eastern territories. The journal contains quite extensive information about various technical and advanced inventions, but in close connection with the Russian regions different peculiarities and the possibility of developing a particular area. Since the selected issue of the magazine dates back to 1916, statistical data considered comparing pre-war and military indicators of industrial development. The main problems of industrial development in the regions of Siberia and the Far East, and the possibilities of their solution, highlighted. Mining, metallurgical, gold mining and related chemical industries singled out as one of the most relevant industries, and then – the peculiarities of agriculture. The choice of the most progressive fields of science and technology and their disclosure through the prism of state, political, economic and social problems, as well as orientation to a wide audience of readers speaks of the possibility of a competitive entry of the Russian Empire into the world economic and political arena, despite the martial law.

Keywords: Society of Siberian Engineers, Tomsk Technological Institute, national industry, World War I, evacuation of production, Siberian railways.

1. Введение

История науки и техники на протяжении рубежа XIX и XX веков – это период высокого промышленного развития Российской империи, который отмечается интенсивным промышленным и техническим ростом, особенно в Сибирском регионе. В этом контексте «Вестник Общества сибирских инженеров» является уникальным периодическим источником, предоставляющим важные исторические свидетельства данного процесса. Основное содержание «Вестника» связано с фиксацией актуальных новинок техники и технологий производства, анализом производительных сил, исследованием возможности развития промышленности по различным отраслям. При этом большим значением наделяются отдаленные сибирские территории, производится оценка их потенциала для планомерного технического и экономического развития государства.

Исследование данного журнала дает возможность не только проследить основные социальные, экономические и политические факторы, влияющие на развитие науки и техники в Российской

* Corresponding author

E-mail addresses: decanka@mail.ru (N.P. Koptseva), annahey@gmail.com (A.A. Shpak), yulia-avdeeva2406@mail.ru (Yu.N. Menzhurenko), akseniya.krupkina@mail.ru (K.A. Degtyarenko)

империи в начале XX века, и выявить основные векторы этого развития, но и лучше понять, как эти процессы были отражены и восприняты в обществе того времени.

2. Материалы и методы

2.1. Источниковая база исследования – № 1–12 1-го тома за 1916 г. ежемесячного научно-технического журнала «Вестник Общества сибирских инженеров». Он был выпущен в свет под издательством Общества сибирских инженеров и выпускался в Томске с января 1916 по октябрь 1917 гг. Задачей Общества было содействие развитию промышленности, распространению технического образования и знаний в Сибири. Администрацию Общества составляли ученые Томского технологического института Л.Л. Тове, Е.Л. Зубашев и М.А. Усов. Журнал был переименован в «Вестник Общества и Союза сибирских инженеров» в ноябре 1917 г., а в последующее десятилетие издавался под названием «Вестник сибирских инженеров». С 1922 г. издательством журнала занималось Западно-Сибирское отделение Всероссийской ассоциации инженеров.

2.2. Методологическим основанием статьи стал источниковедческий и сравнительный анализ. Источниковедческий анализ позволяет проанализировать исторически значимое содержание вышеуказанных источников, а также ввести это содержание в научную практику и проследить его ценность и информационный потенциал в научно-технических исследованиях данного периода. Сравнительный анализ исторических источников дает возможность сопоставить содержание разных номеров и проследить динамику и многоаспектность развития науки и техники в Российской империи.

3. Обсуждение

В советское время было принято уделять внимание вещественным источникам по науке и технике, их возникновению, распространению и особенностям (Кипарисов, 1933; Ростовцов, 1934; Соболев, 1949; Данилевский, 1949; Шухардин, 1961; Майстров, 1968 и др.), ремесленным и сельскохозяйственным практикам древности (Рыбаков, 1948; Колчин, 1953). В этот период также развивается памятниковедение как комплексная наука, включающая исследования ученых самого разного профиля, которые занимаются изучением памятников науки и техники (Боярский, 1988). Для советского периода характерно массовое издание многотомных энциклопедий (Техническая энциклопедия, 1927–1934; Энциклопедия измерений, контроля и автоматизации, 1962–1970), словарей (Краткий технический словарь, 1934; Краткий политехнический словарь, 1956) и справочников (Козлов, 1981), отражающих достижения в области науки и техники, а также сведения о самих изобретателях, инженерах, исследователях и специалистах разных отраслей.

Сегодня история науки и техники является комплексной наукой, имеющей междисциплинарный характер и объединяющей достижения разных научных направлений, как естественных и технических, так и гуманитарных (Хорошавин, 2013; Koptseva et al., 2021). Исследованиями научно-технической области занимаются историки, археологи, инженеры, механики, антропологи, социологи, биологи, экологи и др. В качестве примера такого комплексного подхода можно выделить ряд исследований, освещенных в сборнике «Современные направления в истории, культуре, науке и технике» (Современные направления..., 2020). Концепция исторического взаимодействия науки и техники является важнейшим направлением и предметом исследований историков науки и методологов, работающих в данной области (Горохов, 2000).

Современные ученые прибегают к концепции внутренней эволюции науки (основанной на идее «естественного отбора» Ч. Дарвина), когда динамика научно-технической отрасли предлагает рассматривать ее как популяционный процесс, осуществляемый через отбор инноваций (Тулмин, 1969; Лисеев, Садовский, 2004; Хорошавин, 2013). Некоторые исследователи анализируют сущность технического феномена в разные эпохи и дают новую интерпретацию истории техники (Черняков, 2010; Абачиев, 2012; Дорошенко, 2019 и др.).

В исследованиях истории науки и техники используются современные научно-философские подходы, что подтверждает тенденцию любой современной науки к стремительному переходу на общий историко-философский формат (Запарий и др., 2014). Еще со второй половины XIX века техника становится предметом философских исследований, которые были нацелены на переосмысление природы техники и оценки ее влияния на человека, общество и культуру. Основоположителем философии техники является Э. Капп (Капп, 1877), а его последователями стали немецкий философ Ф. Бон и российский инженер П. Энгельмейер (Энгельмейер, 1912). Под пристальным вниманием ученых философия техники оказалась с 30-х гг. XX в., особенно активно эту область обсуждали ведущие представители «Союза немецких инженеров» – Ф. Дессауэр, К. Тухель и др. В советский период исследованиями в данной области занимались Э. Штрекер, Ц.Г. Арзаканян, Ф. Рапп и др. (Штрекер, 1989; Арзаканян, 1989; Рапп, 1989). Среди современных исследователей философии техники стоит отметить Н.П. Копцеву, М.А. Барышева, В.Г. Горохова, И.Н. Приставакина, Е.В. Ушакова, Т.П. Малькову и др. (Копцева, 1994; Барышев, 2006; Горохов и др., 2008; Приставакин, 2013; Ушаков, 2017; Малькова, 2018 и др.).

Современные исследователи также уделяют особое внимание вопросам гармонизации техносферы и биосферы как необходимого фактора устойчивого развития общества. Техника

рассматривается в качестве инструмента разрешения противоречий между обществом и природой (Ковылин, 2017; Махаматов, 2019). Изучаются проблемы социализации в условиях техногенного общества, в рамках таких исследований социализация понимается как исторический социально-техногенный процесс (Юрьева, 2018; Demidenko, 2021), а также проблемы региональной экономической и социально-культурной специфики (Koptseva, 2010; Zamaraeva et al., 2019; Лещинская и др., 2021; Пименова, 2021; Koptseva, 2022; Копцева, Ситникова, 2022; Копцева, 2022). Кроме того, затрагиваются вопросы экологических, техногенных и социальных рисков (Башкин, 2021; Пашова, 2022). Современные исследования также касаются рассмотрения памятников науки и техники как объектов материального наследия, которые ученые определяют маркерами локальной истории (Мишакова, 2020).

4. Результаты

«Вестник Общества сибирских инженеров» с января 1916 года объединил в себе «Журнал общества сибирских инженеров» и «Горные и золотопромышленные известия», осуществляя идею более масштабного изучения научно-технического потенциала Сибири. Новый журнал (Рисунок 1) выходил в свет ежемесячно размером 4–6 печатных листов. Базовой составляющей «Вестника» являются сообщения с заседаний Общества сибирских инженеров.

Каждый номер имеет следующую структуру: Начальные статьи, связанные с развитием необходимого вида промышленности, научно-технического явления или последних научно-технических известий Российской империи; Обзор технико-промышленной жизни; Обзор технической литературы; Критика и библиография; Сведения о заявках; Из жизни общества сибирских инженеров. На страницах журнала представлены также объявления (Рисунок 2) «как необходимый способ широкого ознакомления подписчиков, а в их лице и Сибири с промышленными предприятиями российских и зарубежных фирм» («Вестник», 1916, №1).

Рис. 1. Титульный лист первого выпуска журнала «Вестник Общества сибирских инженеров» (1916)

Рис. 2. Объявление на странице первого номера «Вестника» (1916)

Большое количество публикаций «Вестника» посвящено горной, металлургической промышленности и золотопромышленности. Так, например, в статье горного инженера Л.Л. Тове «Приложение Горной и Геологической техники в условиях современной войны» рассматриваются

особенности военной инженерии, а также значение геологии для решения важных стратегических задач. Подчеркивается актуальная для России проблематика технических разработок в сфере разведывания и добычи полезных ископаемых на сибирских территориях («Вестник», 1916, № 1: 1-7).

Горнодобывающая промышленность зачастую является градообразующей, и ее развитие вместе с транспортной сетью благоприятно сказывается на освоении территорий и развитии инфраструктуры. Эффективное использование территорий в контексте развития промышленности актуально и в связи с внешнеполитической обстановкой.

Как указывается в отчете Томского горного управления за 1915 год («Вестник», 1916, № 11–12: 2), для горнодобывающей промышленности необходимы оснащение картографическими данными, наличие горных заводов и промыслов, действие химических и золотосплавочных лабораторий, а также финансовая сторона – рассмотрение доходов и расходов промышленной области. Представлены статистические данные о развитии горной промышленности в Западно-Сибирской горной области: в горных округах – Степном-Северном, Степном-Южном, Алтайском, Томском, Минусинском, Красноярско-Ачинском, Енисейском. Помимо данных о применении разных способов добычи золота, указываются следующие основные «золотоплавочные» («Вестник», 1916, № 11–12) лаборатории: Уральская, Томская, Красноярская, Иркутская, Зейская, Благовещенская, Бодайбинская, Николаевская.

Съезды горнопромышленников в основном делают упор на развитие водных путей сообщения из-за их большей доступности и простоты в развитии, обсуждают проблемы геологической разведки и разработки новых законопроектов, упрощающих взаимоотношения между владельцами земель и арендой их горнодобывающими предприятиями. Использование территорий, принадлежащих местному населению, является одной из основных проблем для развития горной промышленности. Так, например, в связи с сокращением в 1914 году добычи меди был создан проект о предоставлении права собственнику «образовывать из недр особый вид недвижимого имущества, которое можно продавать, закладывать и т.п. отдельно от поверхностного использования» («Вестник», 1916, № 1: 49). Рассматривается также вопрос переоборудования горных заводов – объединение уральских заводов в организацию трестового типа и использование их не только в оборонных целях, но и «для удовлетворения потребностей мирного времени» («Вестник», 1916, № 1: 49). Исследуются возможности развития сибирской углепромышленности «как в целях установления железнодорожного производства в Сибири, так и в целях вывоза сибирского кокса и угля за Урал» («Вестник», 1916, № 1: 52). Изучается ресурсная база России и ее регионов, в частности запасы медных, серебро-свинцовых и цинковых руд («Вестник», 1916, № 2: 1-13).

Развитие **металлургической промышленности** (железодобывающей) обусловлено таким фактором, как развитие заводов, месторождений руды и рынка сбыта продукции. В разделе «Административные известия» в первом выпуске «Вестника» за 1916 год опубликована информация о создании Комитета по делам металлургической промышленности «для общего заведования делом производства и распределения черного металла (чугуна, железа и стали)» и выработке мер поддержки и развития данной отрасли («Вестник», 1916, № 1: 43).

В. Мостович в своем очерке «О металлургической промышленности России и условиях ее развития» обращает внимание на металлы, имеющие «наиболее важное техническое значение, кроме железа и золота, к каковым относятся: медь, свинец, цинк, никель, ртуть, олово и отчасти сурьма» («Вестник», 1916, № 2: 20). «Тогда как уголь и золото, добываемые из соответствующих месторождений, имеют в сыром виде непосредственную ценность и применимость в технике и жизни, большинство так называемых полезных металлов являются лишь материалом для обрабатывающей и добывающей промышленности» («Вестник», 1916, № 2: 26), что в свою очередь дает основание для создания «в стране соответствующих производств и отраслей техники» («Вестник», 1916, № 2: 27), в том числе химической промышленности, налаживания логистики, а также запуска процесса «поднятия спроса и развития потребностей среди населения» («Вестник», 1916, № 2: 27). В очерке поднимается вопрос развития национальной промышленности, в котором главенствующую роль играют «дорожное строительство», «организация предприятий и их финансирование» («Вестник», 1916, № 2: 28).

Отмечаются уже существующие заводы: Томский, Петровский, Гурьевский, Николаевский, Абаканский. Их необходимость связана с горнодобывающей промышленностью, отсутствием развитой инфраструктуры и, соответственно, необходимостью в регионе как для больших отраслей, так и в хозяйстве металлургического производства. Развитие металлургической промышленности необходимо для развития связанных металлообрабатывающих заводов и освоения территорий месторождений полезных ископаемых.

Автомобильная промышленность сравнительно молодая для данного времени, в источнике ставится акцент именно на развитии отечественной автомобильной промышленности. Выработана программа работ, включающая в себя классификацию и механические свойства частей автомобиля, особенности состава, свойств и обработки металлов, испытания и необходимые инструкции. Сильна и связь автомобилестроения с развитием металлургической промышленности, а именно производством стали.

В данном разделе промышленности можно отдельно указать затронутую в «Вестнике» тему давления в применении к паровозостроению. Такая величина, как давление, дана через теорию с приведением необходимых формул и физических данных и сопоставлена с применением данных в создании паровозов и на этой основе – сравнение моделей между собой. Вопросы машин многократного расширения рассматриваются профессором А.В. Угаровым («Вестник», 1916, № 6: 13) и связаны с вопросами расширения пара, помимо формул и научно-технических особенностей явления, даются определенные рекомендации к использованию теоретической информации.

Большое значение отдается отечественной **золотопромышленности**. В первом номере «Вестника» за 1916 г. освещена необходимость создания отдельного учреждения, отвечающего на все вопросы, связанные с золотым промыслом Российской империи, – Комитета по золотопромышленным делам. Определяющим фактором данного процесса стала потребность в увеличении государственного запаса золота, выработке мер по поддержке и развитию золотопромышленности России, научно-технического и экономического изучения данной отрасли. Не менее важной потребностью явилась необходимость решения вопросов, связанных с деятельностью золотопромышленных предприятий, в том числе вопросов кредитования, пользования «поверхностью отводов золотых приисков на казенных землях и проч.» («Вестник», 1916, № 1: 8). Комитет также должен будет разрабатывать меры борьбы с вывозом золота за границу, вопросы об учреждениях для скупки золота и самом процессе скупки, утверждении цены за покупаемое золото («Вестник» 1916, № 2: 14-19) и др.

Золотопромышленники Енисейской губернии на I съезде 22 марта 1916 года рассматривают такие вопросы, как развитие дорог (в том числе железных и водных путей сообщения), основание металлургического завода для золотой промышленности, открытие горнотехнических учебных заведений, способы увеличения добычи золота на месторождениях. Упоминается и бюро золотопромышленников, при открытии которого упор ставится на объединение золотопромышленных и горнопромышленных предприятий, что позволило бы расширить государственную поддержку общества. Научно-техническую информацию бюро получало за счет принадлежности к Красноярскому отделению Императорского Русского технического общества. В золотопромышленности отмечаются следующие проблемы: несоответствие больших объемов запаса золота и маленьких объемов его добычи, неблагоприятные экономические условия и труднодоступность разведки новых месторождений. Еще одной из проблем отрасли является нехватка кадров, так как на большинстве приисков не было русских служащих с высшим образованием, соответственно на съездах обществ горной и золотой промышленности всегда ставился вопрос о местном образовании инженерно-технической направленности. Область золотой промышленности (на основе отчета о горной добыче в Западно-Сибирском округе) так же, как и другие области, приходит в упадок из-за нехватки рабочих на предприятиях, но тем не менее отмечается как «сравнительно небольшая убыль золота» («Вестник», 1916, № 11–12: 30) по сравнению с другими отраслями промышленности в стране.

Несмотря на известные проблемы отечественной золотопромышленности, меры поддержки данной отрасли имеют положительные результаты. В разделе «Административные известия» в первом выпуске «Вестника» за 1916 год опубликовано распоряжение министра финансов «Об установлении премий на поступающее в казну золото» в качестве мер поддержки золотопромышленности Российской империи с фиксированными основаниями выдачи данных премий («Вестник», 1916, № 1: 42). Для решения проблемы кредитования рассматривается проект всероссийского золотопромышленного банка, который «полностью обслужит нужды как крупной, так и мелкой золотопромышленности» («Вестник», 1916, № 1: 49). Увеличивается добыча золота («Вестник», 1916, № 1: 58). Решается проблема с логистикой: строятся дороги в приисковых районах, например в Мариинском золотопромышленном районе Томского горного округа («Вестник», 1916, № 1: 55).

В целом проблема дорожных сетей характерна для всех отраслей промышленности, но она активно решается в связи с восстановлением Николаевского железодельательного завода «в Нижнеудинском уезде, около Братского острога» («Вестник», 1916, № 1: 54), разрабатывается проект железнодорожной ветки «Нижнеудинск – Братский острог», который рассматривается также как часть развития «сети сибирских железных дорог» («Вестник», 1916, № 1: 57-58). Проектируются Томск-Енисейская железная дорога («Вестник», 1916, № 1: 56-57), Верхне-Сибирская железная дорога «для соединения уральского железнодорожного узла с Амурской жел. дорогой» («Вестник», 1916, № 1: 57) и др.

Другая важная отрасль, в которой развивается промышленность Российской империи, – бумажно-целлюлозная. Автор, инженер-технолог В.И. Минаев («Вестник», 1916, № 7: 17), в развитии целлюлозной промышленности делает акцент как на историческое развитие области, так и на фактические данные о потреблении бумаги и торговые отношения, преимущественно с северными европейскими странами. Лесное хозяйство, помимо использования в целлюлозной промышленности, еще отмечается и как источник для строительства. Из-за недостаточного развития целлюлозной промышленности использование леса для продажи более развито, нежели создание бумажных изделий или строительства.

Химическая промышленность отмечается как активно развивающаяся: если до Первой мировой войны Российская империя преимущественно закупала продукты химической промышленности в Германии, то уже к 1916 году открывается двадцать новых химико-фармацевтических фабрик. Так, В.И. Минаев, полагаясь на количественные показатели добычи каменноугольной смолы за 1913 год, рассматривает возможность развивать в России «красочную, фармацевтическую и пр. ароматическую промышленность» («Вестник», 1916, № 2: 42). В связи с высоким спросом на древесный спирт – источник формалина, который в свою очередь широко применяется в сельском хозяйстве и в производстве взрывчатых веществ – запускается процесс расширения Марийского завода, вырабатывающего древесный спирт («Вестник», 1916, № 1: 45-46). Проводятся исследования суперфосфата на территории Сибири «в связи с развитием в России искусственного удобрения <...> суперфосфатной промышленности, также и азотистых удобрений» («Вестник», 1916, № 1: 46).

Развитие собственной химической промышленности связано с необходимостью ее использования в военно-технической и медицинской отраслях.

Сельское хозяйство – отдельная часть журнала, указывающая на основе статистических данных факты его развития, предпосылки формирования в той или иной части Российской империи, экономическую необходимость развития конкретной научной области. В «Вестнике» указаны такие важные области, как скотоводство и маслоделие, кожевенная промышленность. В описи о продаже разных сельскохозяйственных машин с каждым годом все больше указываются нефтяные двигатели.

Отмечается, что артельные заводы продвигаются лучше частных и имеют большую производительность в области переработки молочной продукции. Приведенные в статистике цифры указывают на экспорт масла за границу в большем объеме, нежели поставки в центральную и западную области Российской империи. Отмечается важная роль наличия железнодорожных путей. От развития транспортных узлов и строительства железных дорог зависела вся инфраструктура отдельного региона и его конкурентоспособность на внешнем и внутреннем рынках.

Сельское хозяйство на территории Сибири включает такие области и губернии, как Томская, Тобольская, Акмолинская, Енисейская. Часть продукции экспортировалась, а другая – направлялась в отдаленные северные регионы. Тем не менее с 1903 по 1914 годы погрузка хлеба на железнодорожных станциях Сибири выросла более чем в 2,5 раза.

В «Вестнике» приводится эволюция использования алкогольного брожения («Вестник», 1916, № 9–10: 13) от знакомства человека со злаковыми культурами тысячелетия назад до настоящего времени (имеется в виду 1916 год). Употребление алкогольной продукции рассматривается как естественная потребность человека, исторически обусловленная. С научной точки зрения явление брожения связывается с открытием растворимых ферментов, соединений азота и производством дрожжей и селитры. При этом процессы брожения связываются с процессом возникновения жизни. В целом производство продуктов посредством процесса брожения используется в разных областях: сельскохозяйственных, аграрных, медицинских – и указывает на высокую необходимость развития промышленности.

Другая область хозяйства – ткани и их окрашивание. Развитие естественных красителей в противовес синтетическим связывается с их тысячелетней историей использования, широкими возможностями для импорта из Азии, а также невозможностью закупки синтетических красителей, производимых в Германии из-за военного положения.

В связи с эвакуацией промышленных предприятий в Сибирь в период Первой мировой войны на детальное изучение ставится вопрос налаживания сахарно-свекольного производства на территории Сибири («Вестник», 1916, № 1: 17-32). В качестве примера рассматривается первый свекольно-сахарный «Ивановский завод» в Минусинском округе Енисейской губернии, открытый в 1890 году. С.В. Лебедев в своей статье рассматривает возможность существования свеклосахарной промышленности в Минусинском крае и в Сибири вообще, определяя слабыми сторонами техническое несовершенство оборудования и климатические условия. Среди более пригодных местностей по климатическим характеристикам автор выделяет «юг Томской губернии, в районе Барнаула и Бийска, в Змеиногорском уезде, в Семипалатинской области, в Ташкенте, в Тобольской губернии около Кургана» («Вестник», 1916, № 1: 32). Публикация содержит табличные показатели, а также карту сахарных и рафинадных заводов Европейской России и климатические карты Российской империи (температура и осадки зимних, осенних, летних, весенних месяцев в отдельности и среднегодовые показатели).

Свеклосахарная промышленность является активно развивающейся отраслью сельского хозяйства, позволяющая в первую очередь увеличивать объемы сельскохозяйственной промышленности быстрыми темпами, порождая дополнительные рабочие места по обработке свеклы, но подходит только для областей с более теплым климатом в южной, западной и центральных частях Российской империи.

Внимание к Сибири и ее успешному промышленному освоению подкреплено и процессами эвакуации заводов с территорий военных действий: стратегическая задача сохранить производство трансформируется в возможность совершить промышленно-технологический толчок сибирским

территориям. «Вследствие запросов, разосланных сибирским бюро <...> сибирским городам, какие предприятия, из числа эвакуированных, городам этим желательно привлечь в свои пределы. <...> Иркутск считает наиболее выгодным для интересов местной торговли и промышленности привлечение в город кожевенных заводов и суконных фабрик. Петропавловск признал наиболее для себя желательным привлечение кожевенной, суконной и обувной промышленности, затем заводы: крахмальные, клееваренные, сельскохозяйственных машин и орудий и гончарное производство. Томск, по своим естественным условиям, признал наиболее желательным привлечь заводы по обработке животных продуктов (мыловаренные, кожевенные и т.п.), шерсти и щетины; заводы для выделки бумаги из древесной массы, для выделки продуктов сухой перегонки дерева, канифоли, древесного скипидара, уксуса, смолы, а также по обработке дерева; далее консервные заводы и мастерские по постройке и ремонту судов» («Вестник», 1916, № 2: 77).

Отдельно в конце каждого выпуска дается краткий очерк о последних новостях из мира науки и техники, включая в себя важные события мира: создание туннеля под Ламаншем; нефтепровода в Америке; производство каучука в мире; изобретение жатвенной машины (конной жатки) работы Казымова («Вестник», 1916, №1: 45), сделанной по образцу американских машин, но в упрощенном виде; выявление новых способов получения уксусной кислоты («Вестник», 1916, № 2: 74); создание нового аэроплана «Фоккер» («Вестник», 1916, № 3: 37).

Большое место занимают события, связанные с экономическим и научно-техническим развитием территорий Российской империи, открытие новых промышленных объектов (кожевенный и шубный завод в Забайкалье, завод сельскохозяйственных орудий), совещание о северном морском пути, ископаемые богатства Якутской области, месторождения радиоактивных и ториевых руд («Вестник», 1916, № 1: 46), месторождения висмута в России, разработка нефтяных месторождений на Сахалине, создание новых технических школ, химическая промышленность в России, новые отрасли промышленности в Сибири (сбор шишек хвойных деревьев), план развития железнодорожной сети, улучшение российской золотой промышленности, открытие курсов военно-строительных техников.

Развитие дальних северных и восточных территорий Российской империи приобретает большое значение и упоминается в каждом из выпусков в новостных очерках.

Можно отметить, что научно-технические разработки в «Вестнике» рассматриваются как с политической точки зрения, так и с позиции возможности и целесообразности их развития на территории Российской империи. Так как журнал выходит во время Первой мировой войны, при рассмотрении развития какой-либо промышленности приводятся статистические данные военного и довоенного времени, хотя в некоторых источниках встречается сравнение времени довоенного, военного и послевоенного.

«Вестник» предлагает ознакомиться как с основными техническими характеристиками и этапами работы в горнодобывающей промышленности, так и с действиями связанных с ней химических лабораторий. Золотодобывающая и металлургическая промышленности, хоть и находятся в составе горнодобывающей, но по необходимости развития более обширно освещены в периодическом издании. Отдельно, но в меньшей степени выделяются автомобильная, сельскохозяйственная, лесохозяйственная, целлюлозная и химическая промышленности.

Чаще всего в «Вестнике» встречается тема золотой промышленности. Она исследуется как с точки зрения особенностей добычи, технических приспособлений, способов получения, так и включает информацию о вопросах, рассматриваемых на съездах, о создании обществ и бюро, направленных на упрощение развития золотодобывающей промышленности.

На фиксации основных препятствий для развития промышленности Сибири и Российской империи в целом выстраивается планомерная работа, направленная на их преодоление и формирование необходимых условий наращивания производственных мощностей по различным отраслям. Таким образом, разрабатывается масштабная всероссийская железнодорожная сеть, соединенная с местами добычи и переработки полезных ископаемых; запускается процесс юридического урегулирования вопросов недропользования, уступки земель местным населением для разработки месторождений; увеличивается количество ремонтных мастерских; исследуются пути сообщения, в том числе Северный морской путь и устья рек Оби и Енисея; вырабатываются меры урегулирования условий рабочих, качества специалистов, возможностей кредитования для горнопромышленников и золотопромышленников.

5. Заключение

В «Вестнике» некоторые результаты научно-технического прогресса освещаются с позиций исторического развития промышленности и с точки зрения необходимости развития в Российской империи современных передовых отраслей производства, национальной промышленности, что подтверждается большим объемом статистических данных. Представленные научно-технические разработки и исследования чаще всего рассчитаны на решение стратегически важных задач, поднятие экономического, социально-культурного уровня государства, в том числе на мировой арене.

6. Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00255, <https://rscf.ru/project/23-28-00255/>

The study was supported by the Russian Science Foundation Grant No. 23-28-00255, <https://rscf.ru/en/project/23-28-00255/>.

Литература

- Абачиев, 2012** – Абачиев С.К. Техника машинная и безмашинная: сущность, история, перспективы. *Вестник евразийской науки*. 2012. М.: ИГУПИТ, 2012. Вып. 3.
- Арзаканян, Горохов, 1989** – Арзаканян Ц.Г., Горохов В.Г. Предисловие / *Философия техники в ФРГ* / Пер. с нем. и англ. М.: Прогресс, 1989. С. 3-23.
- Барышев, 2006** – Барышев М.А. Предмет философии техники / *Дисс. ... канд. филос. наук: 09.00.08*. Красноярск, 2006. 183 с.
- Боярский, 1988** – Боярский П.В. Теоретические основы памятниковедения науки и техники / *Памятниковедение науки и техники: теория, методика, практика*. М., 1988. С. 47-87.
- «Вестник», 1916** – Журнал «Вестник Общества сибирских инженеров» 1916 года издания. Томск.
- Горохов, 2000** – Горохов В.Г. Концепции современного естествознания и техники: Учеб. пособие. М.: ИНФРА-М, 2000. 608 с.
- Горохов и др., 2008** – Горохов В.Г., Капп Э., Энгельмейер П.К., Флоренский П. Принцип «органопроекции» и «антропологический критерий» как основоположения философии техники / *Глобальные проблемы устойчивого развития и современная цивилизация: Материалы Междунар. конф.* 2008.
- Грибов, Прокофьева, 1998** – Грибов Л.А., Прокофьева Н.И. Основы физики. Учебник для естественно-научных направлений вузов. Изд. 3-е. М: Гардарика, 1998.
- Данилевский, 1949** – Данилевский В.В. Русская техника. Л.: Ленингр. газ.-журн. и кн. изд-во, 1949. 516 с.
- Дорошенко, 2019** – Дорошенко В.А. История науки и техники: предметно-концептуальная эволюция – от хронологии фактов к историко-философским обобщениям / *История и современное мировоззрение*. 2019. С. 105-110.
- Запарий и др., 2014** – Запарий В.В., Бармин А.В., Дорошенко В.А. и др. История науки и техники: Учеб. Пособие. Екатеринбург: УрФУ, 2014. 336 с.
- Кипарисов, 1933** – Кипарисов В.Ф. Вещь – исторический источник / *Из истории докапиталистических формаций*. М.-Л., 1933. С. 6-7.
- Ковылин, Мамедов, 2017** – Ковылин Ю.А., Мамедов Н.М. Становление и развитие техносферы: перспективы гармонизации // *Век глобализации*. 2017. № 4. С. 33-43.
- Козлов, 1981** – Козлов А.Г. Творцы науки и техники на Урале XVII – начала XX века: Биографический справочник. Свердловск: Средне-Уральское кн. изд-во, 1981. 224 с.
- Колчин, 1953** – Колчин Б.А. Техника обработки металла в Древней Руси. М.: Машгиз, 1953. 160 с.
- Копцева, 2022** – Копцева Н.П. Актуальные исследования традиционных видов хозяйственной деятельности коренных народов Севера // *Северные Архивы и Экспедиции*. 2022. 6(4). С. 22-32. DOI: 10.31806/2542-1158-2022-6-4-22-32
- Копцева, 1994** – Копцева Н.П. Введение в философию техники. М. Хайдеггер «Вопрос о технике» / *Философия техники. Методические указания к работе с первоисточниками для студентов всех специальностей всех форм обучения*. Красноярск: Изд-во КГТА, 1994.
- Копцева, Ситникова, 2022** – Копцева Н.П., Ситникова А.А. Историческая память коренных малочисленных народов Эвенкийского муниципального района: методологические подходы к исследованию // *Журнал Сибирского федерального университета*. Серия «Гуманитарные науки». 2022. № 15(5). С. 666-678.
- Краткий политехнический словарь, 1956** – Краткий политехнический словарь. Под редакцией Степанова Ю.А. М., 1956. 1136 с.
- Краткий технический словарь, 1934** – Краткий технический словарь. Под редакцией Арманда А.А., Браило Г.П. М.-Л.: ГТТИ, 1934. 610 с.
- Лещинская и др., 2021** – Лещинская Н.М., Сертакова Е.А., Пашова Э.В. Традиционная экономика коренных народов Северной Азии, проживающих в зонах с экстремальным климатом // *Сибирский антропологический журнал*. 2021. 5(1). С. 20-29. DOI 10.31804/2542-1816-2021-5-1-20-29
- Лисеев, Садовский, 2004** – Лисеев И.К., Садовский В.Н. Системный подход в современной науке. М.: Прогресс-Традиция, 2004. 560 с.
- Майстров, 1968** – Майстров Л.Е. Научные приборы: приборы и инструменты исторического значения. М.: Наука, 1968. 273 с.
- Малькова, 2018** – Малькова Т.П. Философия техники: современные проблемы развития теории // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение*. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2018. № 4. С. 79-83.

- Махаматов, Махаматова, 2019** – Махаматов Т.М., Махаматова С.Т. Гармония с природой – основание свободы общества // *Век глобализации*. № 1(29). 2019. С. 75-81.
- Мишакова, Бабец, 2020** – Мишакова О.Э., Бабец Ю.А. Памятники науки и техники как маркеры локальной истории (на материале города Улан-Удэ) // *Вестник Восточно-Сибирского государственного института культуры*. 2020. № 4(16). С. 124-134.
- Пашова, 2022** – Пашова Э.В. Психологические особенности экологического сознания и экологического поведения: обзор мировых и российских исследований // *Северные Архивы и Экспедиции*. 2022. 6(1). С. 112-121. DOI: 10.31806/2542-1158-2022-6-1-112-121
- Пименова, 2021** – Пименова Н.Н. Моделирование национальной политики СССР по отношению к коренным малочисленным народам Севера, проживающим в 1920–1970 гг. в Эвенкийском национальном (автономном с 1977 г.) округе // *Северные Архивы и Экспедиции*. 2021. 5(3). С. 64-76. DOI: 10.31806/2542-1158-2021-5-3-64-76
- Пригожин, Стенгерс, 1986** – Пригожин И.Р., Стенгерс И. Порядок из хаоса. М.: Мир, 1986. 432 с.
- Приставакин, 2013** – Приставакин И.Н. Философия техники. Астрахань: Издательство АГТУ, 2013.
- Рапп, 1989** – Рапп Ф. Философия техники: обзор // *Философия техники в ФРГ* / Пер. с нем. и англ. М.: Прогресс, 1989. С. 24-53.
- Ростовцов, 1934** – Ростовцов И.А. Основные моменты истории велосипеда (по материалам Музея истории науки и техники) // *Архив истории науки и техники*. 1934. Вып. 4. С. 411-425.
- Рыбаков, 1948** – Рыбаков Б.А. Ремесло Древней Руси. М.: Изд-во АН СССР, 1948. 792 с.
- Соболь, 1949** – Соболь С.Л. История микроскопа и микроскопических исследований в России в XVIII веке. Л.: Изд-во АН СССР, 1949. 605 с.
- Современные направления..., 2020** – Современные направления в истории, культуре, науке и технике. Саратов: ООО Издательство «КУБиК», 2020. 134 с.
- Техническая энциклопедия, 1927–1934** – Техническая энциклопедия. Под редакцией Л.К. Мартенса. Т. 1–26. М., 1927–1934. 16200 с.
- Ушаков, 2017** – Ушаков Е.В. Философия техники и технологии. М.: Юрайт, 2017. 307 с.
- Хорошавин, 2013** – Хорошавин Л.Б. Диалектическое развитие технологических наук и технологий. Екатеринбург: ООО «УИПЦ», 2013. 392 с.
- Черняков, 2010** – Черняков А.А. Объективистский и холистский характер нового понимания техники // *Вестник Сибирского государственного университета путей сообщения*. Новосибирск: Изд-во СГУПС, 2010. Вып. 24. С. 117-121.
- Штрекер, 1989** – Штрекер Э. Философия техники: трудности одной философской дисциплины // *Философия техники в ФРГ* / Пер. с нем. и англ. М.: Прогресс, 1989. С. 54-69.
- Шухардин, 1961** – Шухардин С.В. Основы истории техники. М. 1961. 278 с.
- Энгельмейер, 1912** – Энгельмейер П.К. Философия техники. Вып. 2. Современная философия. М.: Тип. тов-ва А.А. Левинсон, 1912. 160 с.
- Энгельмейер, 1913** – Энгельмейер П.К. Философия техники. Вып. 1. Техницизм. М.: Тип. т-ва А.А. Левинсон, 1913. 147 с.
- Энциклопедия измерений..., 1962–1970** – Энциклопедия измерений, контроля и автоматизации, 1962–1970 – Энциклопедия измерений, контроля и автоматизации: ЭИКА. М.-Л.: Госэнергоиздат, 1962–1970. 877 с.
- Юрьева, 2018** – Юрьева В.В. Проблематика социализации в контексте техногенного общества // *Вестник Вятского государственного университета*. 2018. № 3. С. 49-56.
- Bashkin, 2021** – Bashkin V.N. Tekhnosfera: peresechenie tekhnogennyh, prirodnyh i social'nyh riskov. *Problemy analiza riska*. 2021. T. 18, № 1. S. 8-9.
- Demidenko, Dergacheva, 2021** – Demidenko E.S., Dergacheva E.A. Socio-Technogenic Development of the Earthly World: Interdisciplinary Research. Yelm: Science Book Publishing House LLC. 2021. 172 p.
- Koptseva et al., 2021** – Koptseva N.P., Reznikova K.V., Menzhurenko Yu.N. The Journal «Cinephono» as a Historical Source: National Provincial Cinematography in 1907–1916 // *Bylye Gody*. 16(4): 2043-2052.
- Koptseva et al., 2023** – Koptseva N.P., Shpak A.A., Menzhurenko Yu.N., Degtyarenko K.A. “Industry and Technology: Encyclopedia of Industrial Knowledge” (1901–1904) as a Source of the Russian History of Science and Technology // *Bylye Gody*. 2023. 18(1): 378-389.
- Koptseva, 2010** – Koptseva N.P. Indigenous peoples of Krasnoyarsk region: concerning the question of methodology of culture studies // *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*. 2010. 3 (4). Pp. 554-562.
- Koptseva, 2022** – Koptseva N.P., Reznikova K.V., Kvashnina Yu.V., Seredkina N.N., Leshchinskaya N.M. Cultural Dynamics of the Indigenous Small-Numbered Peoples of the Krasnoyarsk Territory in Paintings and Graphic Works // *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*. 2022. 15(6): 840-852.
- Toulmin, 1969** – Toulmin S. Innovation and the Problem of Utilization // Gruber W., Marquis D. Factors in the Transfer of Technology. *Cambridge: Massachusetts Institute of Technology Press*. 1969.

Zamaraeva et al., 2019 – Zamaraeva Y.S., Luzan V.S., Metlyaeva S.V., Seredkina N.N., Koptseva N.P., Fil'ko, A.I., Khrebtov, M.Y. Religion of the Evenki: history and modern times // *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*. 2019. № 12 (5). Pp. 853-871.

References

- Abachiev, 2012 – Abachiev, S.K. (2012). Tekhnika mashinnaya i bezmashinnaya: sushchnost', istoriya, perspektivy [Machine and non-machine technology: essence, history, prospects]. *Vestnik evrazijskoj nauki*. M.: IGUPIT. Vyp. 3. [in Russian]
- Arzakanyan, Gorohov, 1989 – Arzakanyan, C.G., Gorohov, V.G. (1989). Predislovie [Foreword]. *Filosofiya tekhniki v FRG*. Per. s nem. i angl. M.: Progress. Pp. 3-23. [in Russian]
- Baryshev, 2006 – Baryshev, M.A. (2006). Predmet filosofii tekhniki [The subject of the philosophy of technology]. Dis. ... kand. filos. nauk: 09.00.08 Krasnoyarsk, 183 p. [in Russian]
- Boyarskij, 1988 – Boyarskij, P.V. (1988). Teoreticheskie osnovy pamyatnikovedeniya nauki i tekhniki [Theoretical foundations of monuments science and technology]. *Pamyatnikovedenie nauki i tekhniki: teoriya, metodika, praktika*. M. Pp. 47-87. [in Russian]
- Chernyakov, 2010 – Chernyakov, A.A. (2010). Ob"ektivistskij i holistskij karakter novogo ponimaniya tekhniki [Objectivist and holistic character of the new understanding of technology]. *Vestnik Sibirskogo gosudarstvennogo universiteta putej soobshcheniya*. Novosibirsk: Izd-vo SGUPSa. Vyp. 24. Pp. 117-121. [in Russian]
- Danilevskij, 1949 – Danilevskij, V.V. (1949). Russkaya tekhnika [Russian technology]. L.: Leningr. gaz.-zhurn. i kn. izd-vo. 516 p. [in Russian]
- Demidenko, Dergacheva, 2021 – Demidenko, E.S., Dergacheva, E.A. (2021). Socio-Technogenic Development of the Earthly World: Interdisciplinary Research. Yelm: Science Book Publishing House LLC. 172 p.
- Doroshenko, 2019 – Doroshenko, V.A. (2019). Istoriya nauki i tekhniki»: predmetno-kontseptual'naya evolyuciya – ot hronologii faktov k istoriko-filosofskim obobshcheniyam [History of science and technology”: subject-conceptual evolution – from the chronology of facts to historical and philosophical generalizations]. *Istoriya i sovremennoe mirovozzrenie*. Pp. 105-110. [in Russian]
- Engel'mejer, 1912 – Engel'mejer, P.K. (1912). Filosofiya tekhniki [Philosophy of technology]. *Sovremennaya filosofiya*. M.: Tip. tov-va A. A. Levinson". 160 p. [in Russian]
- Entsiklopediya izmerenii..., 1962-1970 – Entsiklopediya izmerenii, kontrolya i avtomatizatsii: EIKA [Encyclopedia of measurement, control and automation: EIKA]. M.–L.: Gosenergoizdat, 1962–1970. 877 p. [in Russian]
- Gorohov, 2000 – Gorohov, V.G. (2000). Konceptii sovremennogo estestvoznaniya i tekhniki: ucheb. Posobie [Concepts of modern science and technology: a textbook]. M.: INFRA-M, 608 p. [in Russian]
- Gorohov i dr., 2008 – Gorohov, V.G., Kapp, E., Engel'mejer, P.K., Florenskij, P. (2008). Printsip «organoproektsii» i «antropologicheskii kriterii» kak osnovopolozheniya filosofii tekhniki [The principle of “organ projection” and “anthropological criterion” as the foundations of the philosophy of technology]. *Global'nye problemy ustojchivogo razvitiya i sovremennaya civilizaciya: Materialy Mezhdunar. konf.* M. [in Russian]
- Gribov, Prokof'eva, 1998 – Gribov, L.A., Prokof'eva, N.I. (1998). Osnovy fiziki [Fundamentals of Physics]. *Uchebnik dlya estestvenno-nauchnyh napravlenij vuzov*. Izd. 3-e. M: Gardarika. [in Russian]
- Horoshavin, 2013 – Horoshavin, L.B. (2013). Dialekticheskoe razvitie tekhnologicheskikh nauk i tekhnologij [Dialectic development of technological sciences and technologies]. Ekaterinburg: OOO «UIPC». 392 p. [in Russian]
- Kiparisov, 1933 – Kiparisov, V.F. (1933). Veshch' – Istoricheskij istochnik [Thing is a historical source]. *Iz istorii dokapitalisticheskikh formacij*. M.; L.. Pp. 6-7. [in Russian]
- Kolchin, 1953 – Kolchin, B.A. (1953). Tekhnika obrabotki metalla v Drevnej Rusi [Metal processing technique in Ancient Rus']. M.: Mashgiz. 160 p. [in Russian]
- Koptseva et al., 2021 – Koptseva, N.P., Reznikova, K.V., Menzhurenko, Yu.N. (2021). The Journal «Cine-phono» as a Historical Source: National Provincial Cinematography in 1907–1916. *Bylye Gody*. 16(4): 2043-2052.
- Koptseva, 1994 – Koptseva, N.P. (1994). Vvedenie v filosofiyu tekhniki. M. Hajdegger "Vopros o tekhnike" [Introduction to the philosophy of technology. M. Heidegger “Vopros o tekhnike”]. *Filosofiya tekhniki. Metodicheskie ukazaniya k rabote s pervoistochnikami dlya studentov vsekh special'nostej vsekh form obucheniya*. Krasnoyarsk: Izdatel'stvo KGTA. [in Russian]
- Koptseva, 2010 – Koptseva, N.P. (2010). Indigenous peoples of Krasnoyarsk region: concerning the question of methodology of culture studies. *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*. 3(4):554-562.
- Koptseva, 2022 – Koptseva, N.P., Reznikova, K.V., Kvashnina, Yu.V., Seredkina, N.N., Leshchinskaya, N.M. (2022). Cultural Dynamics of the Indigenous Small-Numbered Peoples of the Krasnoyarsk Territory in Paintings and Graphic Works. *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*. 15(6): 840-852.

- Koptseva, 2022** – *Koptseva, N.P.* (2022). Aktual'nye issledovaniya tradicionnykh vidov hozjajstvennoj dejatel'nosti korennykh narodov Severa [Actual research of traditional economic activities of the indigenous peoples of the North]. *Severnye Arhivy i Ekspedicii*. 6(4): 22-32. DOI: 10.31806/2542-1158-2022-6-4-22-32
- Koptseva et al., 2023** – *Koptseva, N.P., Shpak, A.A., Menzhurenko, Yu.N., Degtyarenko, K.A.* (2023). "Industry and Technology: Encyclopedia of Industrial Knowledge" (1901–1904) as a Source of the Russian History of Science and Technology. *Bylye Gody*. 18(1): 378-389.
- Koptseva, Sitnikova, 2022** – *Koptseva, N.P., Sitnikova, A.A.* (2022). Istoricheskaya pamyat' korennykh malochislennykh narodov Evenkiyskogo munitsipal'nogo rayona: metodologicheskiye podkhody k issledovaniyu [Historical memory of the indigenous peoples of the Evenki municipal district: methodological approaches to research]. *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*. 15(5): 666-678. [in Russian]
- Kovylin, Mamedov, 2017** – *Kovylin, Yu.A., Mamedov, N.M.* (2017). Stanovlenie i razvitie tekhnosfery: perspektivy garmonizatsii [Formation and development of the technosphere: prospects for harmonization]. *Vek globalizatsii*. 4: 33-43. [in Russian]
- Kozlov, 1981** – *Kozlov, A.G.* (1981). Tvortsy nauki i tekhniki na Urale XVII – nachala XX veka: [Creators of science and technology in the Urals XVII – early XX centuries]. Biograficheskij spravochnik. Sverdlovsk: Sredne-Ural'skoe kn. izd-vo. 224 p. [in Russian]
- Kratkii politekhnicheskii slovar', 1956** – *Kratkii politekhnicheskii slovar'* [Brief Polytechnical Dictionary]. Pod redaktsiei Stepanova Yu.A. M., 1956. 1136 p. [in Russian]
- Kratkii tekhnicheskii slovar', 1934** – *Kratkii tekhnicheskii* [Brief technical dictionary]. Pod redaktsiei Armanda A.A., Brailo G.P. M.-L.: GTTI, 1934. 610 p. [in Russian]
- Leshhinskaja I dr., 2021** – *Leshhinskaja, N.M., Sertakova, E.A., Pashova, E.V.* (2021). Traditsionnaya ekonomika korennykh narodov Severnoi Azii, prozhivayushchikh v zonakh s ekstremal'nym klimatom [Traditional economy of the indigenous peoples of North Asia living in areas with extreme climate]. *Sibirskij antropologicheskij zhurnal*. 5(1): 20-29. DOI: 10.31804/2542-1816-2021-5-1-20-29
- Liseev, Sadovskij, 2004** – *Liseev, I.K., Sadovskij, V.N.* (2004). Sistemnyj podhod v sovremennoj nauke [System approach in modern science]. M.: Progress-Tradiciya, 560 p. [in Russian]
- Mahamatov, Mahamatova, 2019** – *Mahamatov, T.M., Mahamatova, S.T.* (2019). Garmoniya s prirodoy – osnovanie svobody obshchestva [Harmony with nature is the foundation of society's freedom]. *Vek globalizatsii*. 1(29): 75-81. [in Russian]
- Majstrov, 1968** – *Majstrov, L.E.* (1968). Nauchnye pribory: pribory i instrumenty istoricheskogo znacheniya [Scientific instruments: instruments and instruments of historical significance]. M.: Nauka. 273 p. [in Russian]
- Mal'kova, 2018** – *Mal'kova, T.P.* (2018). Filosofiya tekhniki: sovremennyye problemy razvitiya teorii [Philosophy of technology: modern problems of theory development]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*. Tambov: Gramota. 4: 79-83. [in Russian]
- Mishakova, Babets, 2020** – *Mishakova, O.E., Babets, Yu.A.* (2020). Pamyatniki nauki i tekhniki kak markery lokal'noj istorii (na materiale goroda Ulan-Ude) [Monuments of science and technology as markers of local history (on the material of the city of Ulan-Ude)]. *Vestnik Vostochno-Sibirskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury*. 4(16): 124-134. [in Russian]
- Pashova, 2022** – *Pashova, E.V.* (2022). Psihologicheskie osobennosti jekologicheskogo soznaniya i jekologicheskogo povedeniya: obzor mirovykh i rossijskikh issledovaniy [Psychological features of ecological consciousness and ecological behavior: a review of world and Russian studies]. *Severnye Arhivy i Ekspedicii*. 6(1): 112-121. DOI: 10.31806/2542-1158-2022-6-1-112-121.
- Pimenova, 2021** – *Pimenova, N.N.* (2021). Modelirovanie natsional'noi politiki SSSR po otnosheniyu k korennykh malochislennym narodam Severa, prozhivayushchim v 1920–1970 gg. v Evenkiiskom natsional'nom (avtonomnom s 1977 g.) okruge [Modeling of the national policy of the USSR in relation to the indigenous small-numbered peoples of the North living in 1920-1970 in the Evenki National (autonomous since 1977) district]. *Severnye Arhivy i Ekspedicii*. 5(3):64-76. DOI: 10.31806/2542-1158-2021-5-3-64-76
- Prigozhin, Stengers, 1986** – *Prigozhin, I.R., Stengers, I.* (1986). Poryadok iz haosa [Order from chaos]. M.: Mir, 432 p. [in Russian]
- Pristavakin, 2013** – *Pristavakin, I.N.* (2013). Filosofiya tekhniki [Philosophy of technology]. Astrahan'. Izdatel'stvo AGTU. 120 p. [in Russian]
- Rapp, 1989** – *Rapp, F.* (1989). Filosofiya tekhniki: obzor [Philosophy of Technology: An Overview]. Filosofiya tekhniki v FRG. Per. s nem. i angl. M.: Progress. Pp. 24-53. [in Russian]
- Rostovcov, 1934** – *Rostovcov, I.A.* (1934). Osnovnye momenty istorii velosipeda (po materialam Muzeya istorii nauki i tekhniki) [bicycle history highlights (courtesy of the museum of the history of science and technology)]. *Arhiv istorii nauki i tekhniki*. 4: 411-425. [in Russian]
- Rybakov, 1948** – *Rybakov, B.A.* (1948). Remeslo Drevnej Rusi [Craft of Ancient Rus']. M.: Izd-vo AN SSSR, 792 p. [in Russian]

- Shtreker, 1989** – *Shtreker, E.* (1989). *Filosofiya tekhniki: trudnosti odnoj filosofskoj discipliny* [Philosophy of Technology: Difficulties of a Philosophical Discipline]. *Filosofiya tekhniki v FRG*. Per. s nem. I angl. M.: Progress. Pp. 54-69. [in Russian]
- Shuhardin, 1961** – *Shuhardin, S.V.* (1961). *Osnovy istorii tekhniki* [Fundamentals of the history of technology]. M. 278 p. [in Russian]
- Sobol', 1949** – *Sobol', S.L.* (1949). *Istoriya mikroskopa i mikroskopicheskikh issledovaniy v Rossii v XVIII veke* [History of the microscope and microscopic research in Russia in the 18th century]. L.: Izd-vo AN SSSR. 605 p. [in Russian]
- Sovremennye napravleniya..., 2020** – *Sovremennye napravleniya v istorii, kul'ture, nauke i tekhnike* [Modern trends in history, culture, science and technology]. Saratov: OOO Izdatel'stvo «KUBiK». 134 p. [in Russian]
- Tekhnicheskaya entsiklopediya, 1927–1934** – *Tekhnicheskaya entsiklopediya* [Technical encyclopedia]. Pod redaktsiei L. K. Martensa. t. 1–26. M., 1927–1934. 16200 p. [in Russian]
- Toulmin, 1969** – *Toulmin, S.* (1969). *Innovation and the Problem of Utilization*. Gruber W., Marquis D. *Factors in the Transfer of Technology*. Cambridge: Massachusetts Institute of Technology Press. 1969.
- Ushakov, 2017** – *Ushakov, E.V.* (2017). *Filosofiya tekhniki i tekhnologii* [Philosophy of engineering and technology]. M.: Yurajt. 307 p. [in Russian]
- «Vestnik», 1916** – *Zhurnal «Vestnik Obshchestva sibirskikh inzhenerov» 1916 goda izdaniya* [The journal «Vestnik Obshchestva sibirskikh inzhenerov» published in 1916]. Tomsk. [in Russian]
- Yur'eva, 2018** – *Yur'eva, V.V.* (2018). *Problematika socializatsii v kontekste tekhnogenogo obshchestva* [Problems of socialization in the context of technogenic society]. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta*. 3: 49-56. [in Russian]
- Zamaraeva et al., 2019** – *Zamaraeva, Y.S., Luzan, V.S., Methyaeva, S.V. et al.* (2019). *Religion of the Evenki: history and modern times*. *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*. 12(5): 853-871.
- Zaparij i dr, 2014** – *Zaparij, V.V., Barmin, A.V., Doroshenko, V.A. i dr.* (2014). *Istoriya nauki i tekhniki: ucheb. posobie* [History of science and technology: study guide]. Ekaterinburg: UrFU. 336 p. [in Russian]

История науки и техники Российской империи начала XX в. в журнале «Вестник Общества сибирских инженеров» (1916)

Наталья Петровна Копцева ^a, Анна Андреевна Шпак ^a, Ксения Александровна Дегтяренко ^a, Юлия Николаевна Менжуренко ^{a, *}

^a Сибирский федеральный университет, Российская Федерация

Аннотация. Изучение периодического источника «Вестник Общества сибирских инженеров» за 1916 год происходит на базе историографического метода. Базовой составляющей издания выступают сообщения с заседаний Общества сибирских инженеров, главной задачей которого было содействие развитию промышленности, распространению технического образования и знаний в Сибири. В статье выделяются основные направления и тематики данного периодического печатного издания. Отмечается тесная связь научно-технического прогресса с особенностями промышленного развития конкретных областей Российской империи. В периодическом издании особенно выделяется промышленность Сибири, а иногда и дальневосточных территорий. Журнал содержит в себе достаточно расширенную информацию о разных технических новшествах и передовых изобретениях, но в тесной связи с особенностями разных российских областей и возможностью развития той или иной области. Так как выбранный выпуск журнала относится к 1916 году, рассматриваются статистические данные сравнения довоенных и военных показателей развития промышленности. Выделяются основные проблемы развития промышленности в областях Сибири и Дальнего Востока и возможности их решения. В качестве одних из самых актуальных отраслей промышленности выделяются горнодобывающая, металлургическая, золотодобывающая и связанная с ними химическая, а далее – особенности ведения сельского хозяйства. Выбор наиболее прогрессивных областей науки и техники и их раскрытие через призму государственных, политических, экономических и социальных проблем, а также ориентация на широкую аудиторию читателей говорит о возможности конкурентоспособного выхода Российской империи на мировую экономическую и политическую арену, несмотря на военное положение.

Ключевые слова: Общество сибирских инженеров, Томский технологический институт, национальная промышленность, Первая мировая война, эвакуация производства, сибирские железные дороги.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: decanka@mail.ru (Н.П. Копцева), annaheyy@gmail.com (А.А. Шпак), yulia-avdeeva2406@mail.ru (К.А. Дегтяренко), akseniya.krupkina@mail.ru (Ю.Н. Менжуренко)

From the Editorial Board

In Memory of Nailya Shamil'evna Saifutdinova

В память о Наиле Шамильевне Сайфутдиновой

Наиля Шамильевна Сайфутдинова (годы жизни: 16 июня 1953 г. – 24 мая 2023 г.), кандидат педагогических наук, преподаватель русского языка и литературы, награжденная значком «Отличник народного просвещения» Министерства образования Российской Федерации, ветеран труда РФ, была бессменным редактором Cherkas Global University Press, начиная с 2014 г. до последнего дня жизни. Имея опыт работы методиста и инспектора Городского отдела народного образования в г. Сочи, преподавателя, доцента Сочинского государственного университета, преподавателя русского языка и литературы экономико-технологического колледжа СГУ, преподавателя Центра дополнительного образования "Просвещение", Наиля Шамильевна всегда находила время на профессиональную вычитку и подготовку статей для большого ряда изданий Cherkas Global University Press, в том числе она осуществляла помощь в вычитке монографий и диссертаций сотрудников организации.

Наиля Шамильевна корректировала каждую русскоязычную статью журнала *Bylye Gody* (г. Вашингтон, США), *Voennyi Sbornik* (г. Вашингтон, США) с 2014 г. и ряда других изданий, а также статьи научного периодического издания ФГБОУ ВО СГУ *Sochi Journal of Economy* (г. Сочи, РФ), начиная с 2022 г. Благодаря её усилиям, улучшалось качество публикуемых материалов.

Наиля Шамильевна была специалистом, который глубоко ценил время. Всегда чётко в срок, бережно и скрупулёзно, она вычитывала десятки страниц. В профессиональной среде говорят, нет незаменимых, но есть те кадры, память о которых будет жить до тех пор, пока есть те, кто её помнят. Человек редких душевных качеств, помимо карьерных достижений, была любящей матерью и бабушкой. «Таких уже не выпускают», – хочется завершить некролог.

Светлая память и благодарность от всего коллектива Cherkas Global University. Мы вас не забудем!

Рис. 1. Фотография Н.Ш. Сайфутдиновой

Подготовлено В.С. Молчановой.